

Синергия
финансов,
технологий
и образования
в эпоху перемен:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

2026

Федеральное государственное образовательное бюджетное
учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Уральский филиал

**СИНЕРГИЯ ФИНАНСОВ,
ТЕХНОЛОГИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ
В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН**
Взгляд молодых

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XXII Национальной научно-практической конференции студентов,
магистрантов и аспирантов (с международным участием)

г. Челябинск, 2 апреля 2026 г.

Челябинск
2026

Составитель:

Лазарев Арсений Иннокентьевич,
библиотекарь I категории

Рецензенты:

Кокорин Сергей Александрович – заведующий научно-методическим отделом, научный сотрудник кафедры педагогики, психологии и гуманитарных дисциплин Международного института дизайна и сервиса, канд. филол. наук;

Романова Светлана Евгеньевна – доцент кафедры «Экономика, финансы и управление» Уральского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Кравченко Ирина Александровна – директор УФ Финуниверситета, канд. пед. наук, доцент;

Овсяницкая Лариса Юрьевна – заместитель директора по научной работе УФ Финуниверситета, канд. техн. наук, доцент;

Калмакова Надежда Анатольевна – заместитель директора по учебно-методической работе УФ Финуниверситета, канд. экон. наук, доцент;

Угрюмова Наталья Викторовна – заведующий кафедрой «Экономика, финансы и управление» УФ Финуниверситета, канд. экон. наук, доцент;

Кетова Ирина Александровна – заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные и естественно-научные дисциплины» УФ Финуниверситета, канд. техн. наук, доцент;

Подповетная Юлия Валерьевна – профессор кафедры «Социально-гуманитарные и естественно-научные дисциплины» УФ Финуниверситета, д-р пед. наук, доцент;

Дубынина Анна Валерьевна – доцент кафедры «Экономика, финансы и управление» УФ Финуниверситета, канд. экон. наук;

Лазарев Арсений Иннокентьевич – библиотекарь I категории УФ Финуниверситета;

Рудницкая Елизавета Сергеевна – председатель научного студенческого общества, студентка II курса направления подготовки бакалавриата «Бизнес-информатика» очной формы обучения УФ Финуниверситета.

С38

Синергия финансов, технологий и образования в эпоху перемен взгляд молодых: сборник материалов XXII национальной научно-практической конференции (с международным участием), г. Челябинск, 2 апреля 2026 г. / Составитель А.И. Лазарев; редкол.: И.А. Кравченко (предс.), Л.Ю. Овсяницкая и др.; Уральский филиал Финуниверситета. – Челябинск, 2026. – 950 с.: ил.

В сборнике материалов конференции рассматриваются проблемы социально-экономической теории, методологии и практики в призме текущего развития общества, анализируются вопросы предпринимательской и управленческой деятельности, формирования цифровой экономики, а также раскрывается широкий круг проблем человека и общества в историческом процессе и на современном этапе. Издание будет интересно преподавателям и работникам системы профессионального образования, студентам и аспирантам колледжей и вузов, а также всем неравнодушным к исследованиям в области общественных наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя.....	14
Раздел I. Цифровая трансформация экономики и финансов в условиях системных, технологических и экологических изменений	
<i>М.И. Агапеева</i> Влияние санкций и внешнеполитических факторов на финансовое планирование и управление государственными ресурсами РФ	15
<i>П.В. Алдохина</i> Ключевые изменения в бюджетной системе с 2026 года	19
<i>Т.С. Астапова</i> Особенности определения объекта налогообложения НДС.....	22
<i>К.А. Банина, А.А. Кайгородова, В.О. Менщикова</i> Искусственный интеллект в сфере финансов: банки, инвестиции, страхование, безопасность и кадры	27
<i>И.С. Беленко</i> Учет затрат на разработку нематериальных активов.....	34
<i>И.С. Беленко</i> Эволюция подходов к признанию нематериальных активов в международной и российской практике.....	36
<i>И.С. Белов</i> Цифровизация коммуникационной политики регулятора как фактор трансформации макроэкономических зависимостей (на примере кривой Филлипса)	40
<i>Ю.А. Беринцева</i> Skinomics 2.0: от CS:GO до Genshin impact – виртуальные активы как новый класс инвестиций в эпоху гача-экономики	48
<i>А.А. Болдырева</i> Перспективы развития интегрированной отчетности в России	52
<i>В.К. Ваганов, Р.Р. Мухамедьяров</i> Координация и контроль материальных и финансовых потоков в логистических системах предприятия	55
<i>Ю.Г. Варданян, Д.Д. Щербатова</i> Цифровая трансформация экономики и ее влияние на поведение современной молодежи	59
<i>А.А. Выросткова</i> Внедрение BI-системы в банк для повышения эффективности управления.....	62
<i>Д.А. Гафуров</i> Исламские фонды прямых инвестиций в условиях цифровой трансформации: возможности для финансового сектора России	65
<i>Д.М. Герасин</i> Особенности корпоративной отчетности банковского сектора и её полезность для инвесторов	70
<i>Д.И. Гизатуллин</i> Кризис традиционной корпоративной отчетности и цифровые технологии как катализатор её развития	74
<i>Д.И. Гизатуллин</i> Нефинансовая отчетность как элемент информационной системы корпоративного управления	77
<i>А.А. Гончарова</i> Раздельный сбор отходов в сургуте как невостребованный ресурс пополнения городского бюджета	81
<i>Е.В. Горяева</i> Ключевые показатели эффективности грантовой деятельности: подходы к автоматизированной оценке	85
<i>Д.Д. Гусева</i> Трансформация теории денег в эпоху цифровых валют (криптовалюты, цифровой рубль).....	89
<i>Д.Д. Гусева</i> Финансовое поведение в цифровой среде	94

<i>А.А. Дьяконова</i> Цифровизация и искусственный интеллект в управлении государственными финансами.....	98
<i>В.А. Ермоленко</i> Влияние алгоритмов искусственного интеллекта в социальных сетях на финансовое поведение студентов Уральского региона	102
<i>К.Д. Жидкова</i> Искусственный интеллект в цифровой экономике: мифы и реальность.....	105
<i>П.К. Зверева</i> Грань законной оптимизации и налогового правонарушения в российском правоприменении	109
<i>Я.А. Зелинская</i> Цифровые инструменты формирования отчетности в области устойчивого развития: новые методы и организация сбора данных.....	115
<i>Р. Р. Каримова</i> Геймификация в финансовой сфере: влияние мобильных приложений на сберегательное и потребительское поведение	122
<i>Б.Н. Коженев</i> Инструментарий стратегического планирования для льноперерабатывающих предприятий: имитационная модель на базе VBA	127
<i>Н.С. Кокорина</i> Отчет о движении денежных средств как индикатор системных рисков при санкционном давлении	130
<i>Н.С. Кокорина</i> Санкционное давление как фактор изменения структуры денежных потоков и рисков банка	134
<i>И.А. Кривошлыков</i> Влияние санкционных и геополитических рисков на архитектуру российской финансовой системы	138
<i>Е.А. Кускова, Е.Д. Рязанская</i> Инвестиции в креативные индустрии: новая точка роста в постиндустриальной экономике	142
<i>М.А. Лабутин</i> Трансформация финансовой отчетности коммерческого банка в формат МСФО	145
<i>В.Д. Лапочкин</i> Методологические аспекты признания и оценки кредитного и процентного рисков при формировании отчетности кредитных организаций.....	149
<i>Т.М. Латыпов</i> Масштабирование при нулевом росте ФОТ: инвестиции в ИИ-автоматизацию в 2025–2026 гг.	153
<i>В.М. Леднева</i> Социальный рейтинг и алгоритмическое распределение благ: этико-правовые аспекты применения искусственного интеллекта при назначении мер адресной финансовой поддержки населения.....	157
<i>А.В. Леконцева, М.А. Барахта</i> Дедолларизация и развитие национальных платежных систем как фактор стратегического суверенитета России	160
<i>Ф.Е. Мажитов</i> Учет фактора риска при формировании финансовой отчётности в условиях цифровой трансформации	164
<i>Е.С. Малова</i> Цифровая трансформация бухгалтерского учёта: основные направления 2026 года	167
<i>Б.А. Мильто</i> Цифровизация учетных процессов и правовые риски формирования финансовой отчетности.....	171
<i>Г.Р. Нафикова</i> PR-деятельность в банковском секторе на примере пао «Челябинвестбанк»	175
<i>Н.В. Пирская</i> Цифровые технологии в оценке и управлении кредитным риском коммерческого банка.....	179

<i>О.А. Полтавец</i> Эволюции цифрового рубля: от платежного инструмента к основе новой финансовой архитектуры	182
<i>П.А. Пышкина</i> Цифровая трансформация внутреннего контроля процесса формирования финансовой отчетности: возможности и вызовы	185
<i>К.С. Румик</i> Анализ структуры доходов и расходов бюджета Челябинской области	189
<i>А.Э. Рыбаков</i> Налоговая политика советского государства в период НЭП: рыночный компромисс или инструмент вытеснения частного капитала?	193
<i>А.Э. Рыбаков</i> Налоговый протест как источник права: от стихийного бунта к правовой реформе	198
<i>Н.Д. Талах</i> Архитектура инструмента оценки и прогнозирования эффективности мер государственной поддержки по привлечению кадров в сельское хозяйство на основе имитационного моделирования	202
<i>Х.А. Татарханова</i> Ипотечное страхование и доступность жилья как фактор социальной стабильности: сравнительный анализ России и США	205
<i>А.В. Трембачева</i> Цифровые двойники в инвестиционном анализе: синергия точности и скорости принятия решений	209
<i>В.А. Угрюмов</i> Цифровой рубль: правовая природа и перспективы внедрения	213
<i>О.С. Фан, С.В. Попова</i> Финансовое положение и денежное обращение в Челябинской губернии (1919–1923)	217
<i>Г.М. Хохлов, С.А. Чеботарева</i> Искусственный интеллект в бухгалтерии: замена аналитика или новый инструмент познания?	222
<i>Г.М. Хохлов</i> Отражение моделей учета и методов оценки финансовых инструментов в отчетности организации в условиях цифровизации учетных процессов	224
<i>К.Д. Шакамалова</i> Роль федерального казначейства в обеспечении эффективности управления государственными финансами РФ	228
<i>А.Д. Шилова</i> Влияние изменений в налоговом законодательстве РФ на финансовое обеспечение социальных программ	232
<i>Н.В. Шлыкова</i> Мурабаха как инструмент исламского банкинга: особенности и практика применения в России	237
Раздел II. Цифровая трансформация бизнеса и управления: проблемы и решения	
<i>К.В. Аберле</i> Система КРІ как инструмент управления эффективностью компании	242
<i>П.В. Алдохина, А.Г. Утемишев</i> Рынок труда в условиях цифровой экономики: тенденции, структура, требования к специалистам	246
<i>М.К. Ананьев</i> Методы оценки эффективности бизнес-процессов в условиях экономики данных	250
<i>М.К. Ананьев</i> Стратегические информационные системы в условиях цифровой трансформации бизнеса	253
<i>А.А. Бардовская, А.А. Бардовский</i> Меры государственной поддержки индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации	256
<i>А.А. Бахтина</i> Корпоративная социальная ответственность в цифровую эпоху: минимизация рисков и укрепление этических стандартов	260

<i>А.А. Бахтина</i> Цифровые технологии корпоративного управления и их влияние на формирование устойчивых бизнес-моделей	265
<i>М.В. Васильев</i> Аналитические подходы к оценке целевых показателей эффективности деятельности организации	269
<i>Е.А. Гаврилова</i> Проблема кадрового дефицита в России и пути ее решения.....	272
<i>А.О. Гулева</i> Проблемы интеграции цифровых технологий в традиционные бизнес-модели	276
<i>А.С. Дорохина</i> Оценка российского рынка лизинга: вызовы и перспективы.....	280
<i>И. Г. Дыдыкин</i> Трансформации в управлении риском при оценке стоимости бизнеса	285
<i>О.М. Заводяная</i> Влияние появления искусственного интеллекта на малый и средний бизнес в России.....	291
<i>Е.А. Ильина</i> Правовое положение предпринимателя – участника взаимной торговли в ЕАЭС: гражданско-правовые и таможенные аспекты	295
<i>А.В. Казанчук</i> Оптимизация бизнес-процессов в условиях экономических перемен	300
<i>А.Д. Кальчицкова</i> Преимущества цифровизации в сфере услуг.....	304
<i>Р. Р. Каримова</i> Влияние экологических рисков на финансовое моделирование компаний....	308
<i>В.Д. Князева (Черненко)</i> Сравнение «1С: Документооборот» и «Битрикс 24».....	312
<i>А.С. Козина</i> Учетно-правовой аспект построения системы внутреннего контроля процесса формирования корпоративной отчетности	315
<i>Н.С. Коцур</i> Цифровая трансформация финансовой отчетности российских компаний в условиях развития экономики данных	319
<i>В.Е. Курбако</i> Совершенствование архитектуры предприятия	323
<i>Е.А. Кускова</i> Как новые законы и уход западных платформ изменили маркетинг в малом бизнесе	326
<i>В.М. Леднева</i> Развитие системы государственного управления чрезвычайными ситуациями (на примере Министерства чрезвычайных ситуаций Оренбургской области)	330
<i>И.А. Лейсле</i> Зарубежный опыт правового обеспечения социального предпринимательства.....	334
<i>И.А. Лейсле, С.И. Панькин</i> Реализация государственной поддержки социального предпринимательства в Челябинской области: региональный аспект.....	337
<i>И.А. Лейсле, С.И. Панькин</i> Государственная поддержка социального предпринимательства в Российской Федерации: национальные проекты и правовое регулирование	342
<i>С.Ю. Лутовинов</i> Роль бизнес-анализа в управлении инвестиционными рисками: как избежать потери бюджета на этапе разработки требований	346
<i>С.Ю. Лутовинов</i> Управление цифровой трансформацией малого бизнеса через внедрение CRM-систем: барьеры и факторы результативности.....	350
<i>Ю.В. Маткулова</i> Цифровая поддержка малого и среднего бизнеса: муниципальные программы в Новом Уренгое и их сравнительный анализ.....	354
<i>Н.С. Минейка</i> Анализ развития сельского хозяйства Челябинской области	360
<i>Н.С. Минейка</i> Социальные инновации Саввы Морозова: управление персоналом на фабриках в Никольском	364

<i>Е.Е. Мухина</i> Оценка эффективности реинжиниринга бизнес- процессов в условиях цифровой трансформации	367
<i>А.А. Науменкова</i> Инновационные пути повышения эффективности деятельности коммерческих организаций в современных условиях	371
<i>Л.А. Нехаева</i> Сравнительный анализ параметров систем государственного и корпоративного управления инвестиционной привлекательностью	375
<i>М.Р. Одиноква</i> Совершенствование бизнес-процесса обработки запросов на беззаказную продукцию на промышленном предприятии.....	379
<i>О.В. Олейник</i> Цифровые платформы взаимодействия граждан и органов власти в городах Челябинской области: эффективность и перспективы	383
<i>А.Е. Петрова</i> Трансформация розничной торговли: инвестиционное обоснование перехода от традиционного магазина к модели маркетплейса	390
<i>Е.М. Петрова</i> Анализ процесса по отношению к заданным требованиям в сфере услуг (на примере студий красоты г. Челябинска)	393
<i>Л.С. Пономарева</i> Минимизация рисков при формировании корпоративной отчетности: роль внутреннего аудита	397
<i>К.С. Румик</i> От розничного магазина к цифровой экосистеме: эволюция бизнес-модели Андрея Симановского	400
<i>Е.Д. Рязанская</i> Противостояние цифровизации и человеческого фактора в управлении.....	404
<i>Д.В. Ситникова, А.Г. Утемишев</i> Подготовка ИС-специалистов: персональные траектории развития.....	408
<i>А.В. Трембачева</i> Феномен «Кайдзен-цинизма» и стереотипы управления изменениями: взгляд молодёжи.....	413
<i>В.А. Угрюмов</i> Цифровое гражданство: новая правовая связь человека и платформы.....	417
<i>Т.Д. Федоров</i> Методические подходы к формированию корпоративной отчётности промышленного предприятия: опыт АО «КОНАР»	421
<i>Р.Р. Халиков</i> Миграция и трудовые ресурсы России.....	425
<i>Н.А. Черепанов, А.С. Козина</i> Учетно-правовое обеспечение внутреннего контроля в процессе формирования корпоративной отчетности	431
<i>Н.А. Черненко</i> Практики бережливого производства (Lean Management) в малом бизнесе: эффективность и адаптация	434
<i>К.Д. Шакамалова, М.И. Агапеева</i> Развитие технологий искусственного интеллекта в деятельности органов государственной власти.....	438
<i>М.В. Шестакова</i> Оптимизация складской логистики в условиях цифровизации цепей поставок	442
<i>А.А. Яковенко</i> Экономические последствия развития маркетплейсов для малого бизнеса....	445
Раздел III. Трансформация российского общества: влияние экономики данных и искусственного интеллекта на мировоззрение, социально-гуманитарные и политико-правовые отношения	
<i>М.И. Агапеева</i> Англицизмы и их влияние на современный русский язык.....	452

<i>А.С. Андреева, Д.С. Лукьянова</i> Эпидемии натуральной оспы и иных инфекционных заболеваний на территории Южного Урала (1896–1925 гг.): историко-эпидемиологический анализ	455
<i>И.В. Апокина, А.М. Егошина, С.И. Панькин</i> Борьба с малярией и промышленным загрязнением на Урале в XX веке.....	459
<i>Е.В. Бобунов</i> Роль футбола в формировании патриотических чувств у обучающихся	462
<i>Н.И. Василюк, С.И. Панькин</i> Санаторно-курортное лечение на Южном Урале в 1920-х годах	466
<i>М.Д. Васильченко, Я.Н. Ластовецкая</i> Англицизмы в русскоязычном маркетинге: необходимость или дань моде?	470
<i>М.Д. Васильченко, Я.Н. Ластовецкая</i> Опасность использования гендерных стереотипов в политической рекламе	474
<i>Л.В. Гаврилов</i> Особый правовой статус Оренбургского казачьего войска в XIX–XX веке	477
<i>Е.П. Галичина, А.Р. Хайбуллина, С.И. Панькин</i> «Дело врачей» в контексте позднесталинских репрессий: историко-политический и региональный аспекты (Южный Урал)	480
<i>К.Е. Гардинская, Д.Ю. Важенина</i> Социально-экономическая обстановка Челябинской губернии в 1919–1923 гг.	483
<i>Н.А. Громов</i> Легкая атлетика как инструмент патриотического воспитания студентов неязыкового вуза	487
<i>Э.К. Дабузов, А.В. Шкитина</i> Эпидемия тифа на Южном Урале в XX веке	492
<i>Р.Д. Дильмухаметов</i> Значение и роль исполнительной власти в системе государственного механизма.....	496
<i>Р.Д. Дильмухаметов</i> Роль цифровизации в системе правосудия.....	499
<i>Л.А. Дротоиз, М.А. Давыдова, Р.Р. Янсарин</i> Особенности статуса судебных работников в России: история и современность	503
<i>И.Г. Дыдыкин</i> Influence-маркетинг как инструмент стратегических коммуникаций в медиасреде	508
<i>А.А. Дьяконова</i> Антикоррупционное законодательство и правовые средства противодействия кризисам.....	515
<i>А.А. Дьяконова</i> Лингвистические особенности современного корпоративного дискурса (на материале англоязычной деловой коммуникации)	518
<i>В.Н. Дюкарев, П.В. Алдохина</i> Цифровая дипломатия в современных международных отношениях	522
<i>В.П. Ежов, Г.М. Геворгян</i> Особенности борьбы с холерой в Челябинской губернии в 1920–1921 гг.	524
<i>С.А. Жданова, Н.А. Латышева</i> Трудовые армии на Урале в 1920–1922 гг.: опыт административного управления в чрезвычайных условиях	529
<i>Д.А. Захаров, Д.Ю. Филоненко, Д.И. Митяева</i> Авария на ПО «Маяк» (1957): медико-демографические последствия и динамика заболеваемости в пострадавших регионах	533
<i>А.А. Земзюлина, Н.А. Киреева</i> Информационный медиаимидж города Екатеринбург.....	536
<i>В.Д. Иванова</i> Технологии работы с молодежью в рамках цифровой инклюзии.....	539

<i>Е.В. Ивашкина</i> Людоедство в Челябинске и Челябинской губернии.....	543
<i>В.Н. Ивлева</i> Пределы использования систем искусственного интеллекта в уголовном праве: помощник или угроза правосудию?	547
<i>Е.А. Карпова</i> Эволюция банкротства в российском праве	551
<i>Е.А. Козлова, Е.О. Ничитайло</i> Развитие больничного дела в Челябинске и городах Южного урала в годы революции и гражданской войны	556
<i>В.Э. Коростелева, В.А. Ширяева</i> Голод и социальный коллапс на Южном Урале в 1921–1923 гг.: между политикой, сопротивлением и людоедством	563
<i>А.В. Коротина, В.А. Ветлугина</i> Спад торговых отношений и дефицит товаров между городом и селом в Челябинской губернии в 1920-х годах	567
<i>К.К. Косарева</i> Языковой фасад и цифровая реальность: английский язык в публичном пространстве России в эпоху искусственного интеллекта.....	571
<i>И.А. Кривошлыков</i> Анализ успеваемости студентов университета в цифровой среде	574
<i>А.В. Криницына, Я.С. Романенко</i> Людоедство в 1921–1922 гг. на Южном Урале	577
<i>П.В. Кустова</i> Трансформация правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности в условиях санкционного давления	582
<i>А.М. Ладонкин</i> Лингвистические проблемы в бизнесе (проблемы между русским и английским языками).....	587
<i>А.И. Лазарев</i> Взаимодействие структурных подразделений вуза по организации и сопровождению образовательного процесса.....	595
<i>А.И. Лазарев</i> Внутривузовская система повышения квалификации как условие профессионального развития личности преподавателя	598
<i>А.И. Лазарев</i> Реализация самообразовательной деятельности студентов и преподавателей в пространстве вузовской библиотеки	604
<i>А.И. Лазарев</i> Этапы формирования системы библиотечно-информационного сопровождения образовательного процесса в Уральском филиале Финуниверситета: история и современность	608
<i>А.И. Лазарев, Н.В. Айхель</i> Информационно-образовательная среда как фактор формирования познавательных умений младших школьников во внеурочной деятельности.....	615
<i>А.И. Лазарев, Д.В. Сухоруков</i> Развитие личности обучающихся в музыкально-творческом процессе оркестра народных инструментов.....	619
<i>У.В. Лазько, Е.А. Субботина</i> Смертность городского населения Урала от дизентерии в 1917–1923 гг.	623
<i>Я.Н. Ластовецкая</i> Гастрономический сторителлинг: как история места и блюд становится главным рекламным носителем.....	627
<i>В.М. Леднева</i> Феномен «Культурной апроприации» в цифровых медиа: трансформация идентичности и конфликт интерпретаций в глобальном информационном пространстве	631
<i>М.А. Лоскутова</i> Социализация под угрозой: почему «цифра» не заменит живого педагога?	634
<i>Н.Н. Майер</i> Особенности профилактики коррупции в системе здравоохранения Российской Федерации.....	637

<i>С.Г. Макарова, О.А. Проскурина, А.В. Шулепова</i> Влияние голода и миграций на социальную обстановку на Урале в 1921–1922 гг.....	644
<i>М.Д. Маковецкая, А.А. Кутвина</i> Специфика реализации кросс-медийных и трансмедийных стратегий в региональных СМИ (на примере анализа контента «31 канала» и газеты «Копейский рабочий»).....	649
<i>А.А. Масленникова, С.И. Панькин</i> Развитие системы профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний на Урале в первой четверти XX века.....	652
<i>Я.Р. Мельников, К.П. Александрова</i> Основные способы и приёмы воздействия сми на медиааудиторию.....	656
<i>Н.С. Минейка</i> От кальки к кодовому переключению: эволюция стратегий заимствования англицизмов в профессиональной коммуникации.....	660
<i>Г.Р. Нафикова, А.Д. Блиновских</i> Симулятивные образы в масс-медиа.....	663
<i>К.Д. Низаметдинова</i> Трансформация спам-технологий: уголовно-правовые риски и пределы применения ии в их квалификации	667
<i>К.Д. Новосельцева</i> Сенсационализация и кликбейт как проявление безответственности СМИ: влияние на аудиторию в цифровой среде	671
<i>А.Д. Овсянников</i> Эволюция цифровой культуры: от базовых навыков к системному мировоззрению.....	674
<i>С.В. Пасечник</i> Влияние генеративного искусственного интеллекта на статус художника и будущего культурных индустрий	678
<i>А.Е. Петрова</i> Лента сама решает, что мне смотреть: как алгоритмы социальных сетей управляют нашими вкусами.....	681
<i>А.Е. Петрова</i> Управление брендом на потребительском рынке в России: удачный пример ПАО «Сбербанк».....	685
<i>А.Е. Петрова, С.И. Панькин</i> Коррупционные проблемы миграционной политики в России	689
<i>Е.Е. Пигарева, А.И. Теплякова</i> Искусственный интеллект в рекламе: нюансы его использования	694
<i>Е.Е. Пигарева, А.И. Теплякова</i> Мем-маркетинг и Brainrot: почему абсурдная реклама работает лучше, чем «продающие» тексты	698
<i>К.В. Плаксина, В.С. Язева А.А. Яхимович</i> Становление советских органов здравоохранения на урале и их роль в преодолении эпидемии (1917 г. – начало 1921 г.).....	701
<i>А.В. Попов</i> Подходы к классификации групповых и массовых форм девиантного поведения	708
<i>М.М. Постовалов, Е.С. Ценёв</i> Развитие медицины на Южном Урале в первой четверти XX века	712
<i>П.Е. Раенко, Д.А. Кошелев</i> Влияние искусственного интеллекта на глобализацию английского языка и трансформацию языкового мировоззрения в российском обществе	715
<i>М.С. Рудакова</i> реализация государственной языковой политики в сфере образования как фактор сохранения этнокультурного наследия (на примере Красноярского края).....	719
<i>Д.С. Рудакова, А.М. Лазарева</i> Кросс-медийность и трансмедийность в локальных медиа Челябинской области	722

<i>К.С. Румик</i> Оценка эффективности взаимодействия органов муниципальной власти и средств массовой информации (на примере Администрации города Челябинска)	726
<i>А.Э. Рыбаков</i> Кодификация как инструмент власти: повторяющаяся модель российского правотворчества	730
<i>А.Э. Рыбаков, С.И. Панькин</i> Правовая определённость как инвестиционный актив: парадокс избыточного правотворчества.....	734
<i>А.Э. Рыбаков</i> Legal writing в российском юридическом образовании	738
<i>М.С. Сарамсакова, П.А. Чепурко</i> Эпидемии в исправительных учреждениях и красноармейских частях Челябинской губернии	742
<i>Д.В. Ситникова, К.Ю. Сдвижков</i> Проблемы и особенности профилактики коррупции в правоохранительной системе России: история и современность.....	747
<i>А.А. Сказка, С.И. Панькин</i> Подходы к феномену правового пробела в юридической науке ..	752
<i>И.И. Соколова, С.И. Панькин</i> От «Палаты регионов» к институту общенационального значения: новые полномочия и порядок формирования Совета Федерации	755
<i>М.А. Спирина</i> Искусственный интеллект в индустрии гостеприимства: персонализация опыта как фактор трансформации социально-гуманитарных и политико-правовых отношений в России.....	761
<i>Я.А. Струк</i> Европейские правящие династии как субъекты международного права: сравнительно-исторический анализ (на примере Габсбургов, Романовых и Бурбонов)	767
<i>А.М. Тулуспаева</i> Лингвокультурологический анализ концепта «Success» (на материале английского языка).....	771
<i>А.Е. Тунгатова</i> Цифровые платформы профориентации как инструмент профессионального самоопределения подростков (на примере проекта «Талантум»)	774
<i>М.С. Тухватуллин</i> Медиапрактики мифодизайна в СМИ.....	778
<i>В.А. Угрюмов</i> Правовой статус общественных палат и советов как институтов гражданского общества.....	783
<i>В.А. Угрюмов</i> Правовые границы личности: как закон защищает ваше право на развитие и самореализацию	787
<i>В.А. Угрюмов</i> Правовые проблемы идентификации личности в государственных цифровых сервисах: между безопасностью и приватностью	792
<i>В.А. Угрюмов</i> Проблемы реализации конституционных прав граждан в цифровой среде.....	796
<i>В.А. Угрюмов</i> Стирая границы: новая система координат частного и публичного права в цифровую эпоху	800
<i>В.А. Устинова</i> Принудительные работы в истории отечественного уголовного законодательства	805
<i>Д.Ж. Утешева, П.А. Бабинцева</i> Сравнительный анализ аграрной политики Кустанайского и других уездов Челябинской губернии в 1919–1923 гг.	809
<i>К.В. Уфимцева, В.Н. Новикова, С.И. Панькин</i> Законодательное регулирование налогового контроля	813
<i>А.В. Ушакова, А.А. Шилева</i> Социальная структура и демография на Урале в 1917–1923 гг.	817

<i>В.С. Федосова</i> Искусственный интеллект в руках молодежи: мощный инструмент медиаграмотности против дезинформации и пропаганды.....	824
<i>К.Э. Хабибулина, П.М. Бадаева</i> Продовольственная диктатура Челябинской губернии в 1919–1920 годах	829
<i>А.В. Чёрный</i> Билингвальные вывески в России: новые требования к русскому языку с 2026 года	833
<i>М.В. Черных</i> Правовые основы цифровой трансформации при заключении договора возмездного оказания медицинских услуг	837
<i>Ю.Д. Шашурина, П.Д. Кушникова</i> Проблемы нормативно-правового регулирования механизма управления системой социальной защиты населения.....	841
<i>А.Д. Шилова</i> Влияние английского языка на формирование межкультурной коммуникации в глобализированном мире.....	848
<i>К.Е. Широкова, А.Н. Рагимова, С.И. Панькин</i> Эпидемия испанского гриппа в Сибири и на Урале (1918–1922).....	851
<i>А.А. Яковенко</i> Конфискационное производство Челябинской губернской ЧК: экономические операции с изъятым имуществом в 1920–1921 гг.	856
<i>Е.В. Ямщикова Д.Е. Запьянцева, С.И. Панькин</i> Становление и развитие медицинского образования на южном урале в первой половине XX века.....	864
Раздел IV. Цифровая трансформация и экономика	
<i>К.В. Аберле</i> Исследование цифровых маркетинговых коммуникаций на основе интеллектуального анализа данных	868
<i>Е.В. Андрусишина, Н.В. Верлина</i> Влияние социальных сетей и цифровых технологий на финансовые привычки поколения Z	872
<i>Н.С. Бабина, А.Д. Климентьев</i> Управление оттоком: как предсказать уход клиента до того, как он примет решение	876
<i>А.В. Блюденкова, А.А. Плотникова</i> Проблемы развития цифровизации государственного управления	880
<i>Т.О. Борисов</i> Четыре грани аналитики: сравнительный обзор лидеров визуализации данных	885
<i>М.М. Гордеев</i> Математические методы анализа данных в управлении спортивными активами: кейс «Окленд Атлетикс» (Moneyball, 2002).....	888
<i>Д.Д. Гусева</i> Анализ влияния цифровых платформ на качество жизни граждан России	892
<i>В.Н. Дюкарев, П.В. Алдохина</i> «Новый технологический пузырь»: технические индикаторы перегрева на рынке ИИ-гигантов.....	897
<i>Я.В. Жиглов</i> Разработка алгоритмов машинного обучения для выявления мошеннических операций в банковской сфере	
<i>С.О. Жукова, А.А. Егорова</i> Меры по оптимизации администрирования автоматизированной упрощенной системы налогообложения.....	903
<i>А. В. Казанчук</i> Оптимизация бизнес-процессов с применением анализа данных.....	907
<i>Р. Р. Каримова</i> Статистический анализ популярности социальных сетей среди разных возрастных групп	911

<i>Т.М. Латыпов</i> Управление интеграцией ИИ-агентов и «фабрик контента»: на примере кейса маркетингового агентства «Construction club»	915
<i>В.М. Леднева</i> Нейросетевые методы анализа образовательных траекторий: прогнозирование успешности студентов в условиях цифровой трансформации управления вузом.....	919
<i>Е.Е. Мухина</i> Методы анализа управленческих решений в условиях неопределенности	921
<i>Е.М. Петрова</i> Применение метода рядов динамики для принятия управленческого решения по оптимизации затрат (на примере ПАО «Магнит»)	925
<i>Д.В. Рощектаева</i> VR-очки: технология будущего или угроза.....	929
<i>К.Ю. Смирнова</i> Интеграция цифровых технологий в учёт МПЗ и готовой продукции: драйвер устойчивого развития предприятия.....	932
<i>В.В. Тажитдинова</i> Моделирование результатов социологических опросов с помощью биномиального распределения	936
<i>Д.Е. Чагарян</i> Единая региональная цифровая платформа как инструмент комплексной цифровизации региона: подходы к оценке эффективности	939
<i>Н.А. Черненко</i> Применение методов разведочного анализа данных (eda) в исследовании финансовых показателей предприятия	943
<i>О.Н. Шишкова, Ю.В. Подповетная</i> Анализ рисков при выборе IT-инфраструктуры организации: математические методы принятия решений	947

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сборнике материалов XXII Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (с международным участием) «Синергия финансов, технологий и образования в эпоху перемен: взгляд молодых», состоявшейся в Уральском филиале Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 2 апреля 2026 г., представлены более 220 статей студентов специальностей и направлений высшего и среднего профессионального образования и специалистов-практиков из России, Белоруссии и Казахстана из Российского государственного университета социальных технологий (г. Москва), Казанского (Приволжского) федерального университета, Института экономических исследований (г. Донецк), Бузулукского, Красноярского, Смоленского, Сургутского и Уральского филиалов Финуниверситета, Южно-Уральского государственного университета, Челябинского государственного университета, Уральского государственного университета физической культуры, Международного института дизайна и сервиса, Уральского медицинского института, Колледжа предпринимательства и отраслевых технологий, Дворца пионеров и школьников им. Н.К. Крупской г. Челябинска, Гимназии № 80 г. Челябинска.

В первом разделе «Цифровая трансформация экономики и финансов в условиях системных, технологических и экологических изменений» раскрываются актуальные проблемы экономической теории, методологии и практики в призме современной социальной ситуации.

В следующем разделе «Цифровая трансформация бизнеса и управления: проблемы и решения» отражены вопросы предпринимательской и управленческой деятельности, формирования цифровой экономики.

В третьем тематическом разделе «Трансформация российского общества: влияние экономики данных и искусственного интеллекта на мировоззрение, социально-гуманитарные и политико-правовые отношения» рассматривается широкий круг проблем человека и общества в историческом процессе и на современном этапе.

Завершающий раздел «Цифровая трансформация и экономика данных: математические методы и современные подходы в образовании и управлении» знакомит читателей с информационно-математическими подходами к изучению экономической жизни общества.

Издание будет интересно преподавателям и работникам системы профессионального образования, студентам и аспирантам колледжей и вузов, а также всем неравнодушным к исследованиям в области общественных наук.

**Раздел I. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ
И ФИНАНСОВ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ,
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

М.И. АГАПЕЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

M.I. AGAPEEVA

Ural branch of the Financial University
2 st year student
«State and municipal administration»

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

**ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА ФИНАНСОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ РЕСУРСАМИ РФ**

**THE IMPACT OF SANCTIONS AND FOREIGN POLICY FACTORS
ON FINANCIAL PLANNING AND MANAGEMENT OF STATE
RESOURCES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация

В статье анализируется трансформация подходов к финансовому планированию и управлению государственными ресурсами РФ под воздействием санкционного давления и внешнеполитических факторов после 2022 года. Рассматривается глубокая перестройка бюджетной системы, вызванная блокировкой резервов и ограничением доступа к международным рынкам, а также выявляются ключевые проблемы, такие как нестабильность макроэкономических параметров и структурный дефицит бюджета. В работе предложены меры по совершенствованию финансовой системы, включая дедолларизацию расчетов, пересмотр бюджетных правил и переход к проектным принципам управления для обеспечения технологического суверенитета и финансовой безопасности страны.

Annotation

The article analyzes the transformation of approaches to financial planning and management of the Russian Federation's public resources under the influence of sanctions pressure and foreign

policy factors after 2022. It examines the profound restructuring of the budget system caused by the blocking of reserves and limited access to international markets, and identifies key challenges such as the instability of macroeconomic parameters and the structural deficit in the budget. The article proposes measures to improve the financial system, including the de-dollarization of settlements, the revision of budget rules, and the transition to project-based management principles to ensure the country's technological sovereignty and financial security.

Ключевые слова: финансовое планирование, управление государственными ресурсами РФ, экономические санкции, бюджетная политика.

Keywords: financial planning, management of state resources in the Russian Federation, economic sanctions, and budget policy.

Актуальность исследования обусловлена полной сменой условий функционирования российской экономики после 2022 года, когда внешнеполитические факторы из фоновых рисков перешли в разряд системообразующих факторов финансовой политики, а рекордное санкционное давление потребовало от финансовых властей РФ немедленной реакции и разработки принципиально новых подходов к планированию бюджета и управлению суверенными фондами, что делает анализ данных процессов исключительно важным для понимания текущей экономической реальности.

Нормативную основу исследования составляют ключевые документы стратегического планирования, включая Бюджетный кодекс РФ [1], Федеральные законы о федеральном бюджете на текущий год и плановый период [4], а также указы Президента РФ, направленные на обеспечение финансовой безопасности, например: Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 (ред. от 15.11.2021, с изм. от 18.09.2024) «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [2]. Кроме того, анализу подверглись основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, скорректированные с учетом новых внешних вызовов.

Анализ реализации финансовой политики РФ в условиях санкций показывает глубокую перестройку как доходной, так и расходной частей бюджетной системы. Столкнувшись с заморозкой около половины золотовалютных резервов и отключением от системы SWIFT – это международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей, Министерство финансов РФ и Банк России были вынуждены экстренно перейти к механизмам покрытия бюджетного дефицита за счет внутренних заимствований и использования средств Фонда национального благосостояния (ФНБ). Это потребовало принципиального пересмотра подходов к управлению

ликвидностью и корректировки стратегии размещения временно свободных средств. Одновременно произошла значительная перестройка структуры доходов: снижение поступлений от экспорта энергоносителей в Европу (из-за эмбарго и потолка цен) было частично компенсировано переориентацией потоков на Восток, что, однако, создало новые логистические издержки, потребовало пересмотра прогнозной базы макроэкономических показателей и вынудило правительство субсидировать транспортные тарифы для экспортеров. На динамику бюджетных поступлений также существенно повлияла нестабильность курса рубля, которая стала одним из ключевых факторов пересмотра доходной части бюджета в течение 2022–2024 годов. В управлении государственными ресурсами акцент сместился с накопления «подушки безопасности» в валютных активах недружественных стран на финансирование импортозамещения, поддержку системообразующих предприятий и обеспечение технологического суверенитета, что привело к значительному росту государственных инвестиций и изменению структуры бюджетных расходов в сторону развития промышленности и инфраструктуры.

Выделенный анализ позволяет систематизировать ключевые проблемы финансового планирования и управления госресурсами в современных условиях. Первая и основная проблема — высокая нестабильность и непредсказуемость ключевых макроэкономических параметров (курс рубля, уровень инфляции, цена нефти), что делает среднесрочное бюджетное планирование крайне затруднительным и требует постоянной корректировки бюджета в течение года. Вторая проблема — системная уязвимость: зависимость критически важных финансовых механизмов от иностранной инфраструктуры (платежные системы, логистика, страхование) и невозможность оперативного реинвестирования замороженных резервов. Третья проблема — структурный дефицит бюджета, возникший не только из-за падения экспортной выручки, но и из-за резкого роста расходов на оборону и безопасность, что повышает риски избыточного нагрева экономики и развития инфляционных процессов.

В качестве мер по совершенствованию системы управления государственными финансами в условиях санкционного давления предлагается реализация комплекса долгосрочных и оперативных мероприятий. Во-первых, необходима дальнейшая дедолларизация - процесс снижения роли доллара США во внешнеэкономических расчетах, резервах и внутренних операциях страны, предполагающая расширение использования национальных валют (рубль, юань, рупия) во внешнеторговых расчетах и формирование альтернативных платежной инфраструктуры (аналог SWIFT — СПФС) [3]. Во-вторых, требуется пересмотр бюджетных правил: переход от жесткой привязки к цене нефти к более гибкой системе, учитывающей динамику не нефтегазового дефицита и реальные

потребности экономики в период мобилизационного развития. В-третьих, важнейшей мерой является повышение эффективности использования государственных ресурсов через внедрение проектных принципов управления (госпрограммы должны быть увязаны с конкретными целями технологического суверенитета) и ужесточение контроля над расходованием бюджетных средств в условиях их дефицита. Также целесообразно создание механизмов «зеленых» и инфраструктурных облигаций для привлечения капитала на длительный срок с внутреннего рынка, замещающих утраченные внешние заимствования.

Таким образом, влияние санкций и внешнеполитических факторов привело к фундаментальной перестройке системы финансового планирования и управления государственными ресурсами РФ, характеризующейся переходом от модели накопления резервов в глобальной финансовой системе к модели мобилизационного распределения ресурсов для обеспечения экономической безопасности и структурной трансформации экономики.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – Москва: Проспект, 2024. – 512 с. – (Кодексы Российской Федерации);
2. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560 (ред. от 15.11.2021, с изм. от 18.09.2024) // Гарант: справочно-правовая система. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/408052277/> (дата обращения: 21.03.2026);
3. О системе передачи финансовых сообщений: положение Банка России от 06.11.2015 № 503-П (ред. от 28.12.2023) // Вестник Банка России. – 2015. – № 106;
4. О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов: федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ. – Москва: Юрайт, 2024. – 256 с.

П.В. АЛДОХИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

P.V. ALDOKHINA

Ural branch of the Financial University
2 st year student
«State and Municipal administration»

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА
Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

Scientific Director
I.A. KETOVA
Ural Branch of the Financial University
PhD (Eng.), Associate Professor

КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ С 2026 ГОДА

KEY CHANGES IN THE BUDGET SYSTEM FROM 2026

Аннотация

В работе рассматриваются ключевые изменения бюджетного законодательства России, вступившие в силу с начала 2026 года. Проведен анализ новых кодов бюджетной классификации, трансформации налоговой системы, а также социальных нововведений. В статье систематизированы данные об изменениях и предложены подходы к оценке их влияния на бюджетную политику и социально-экономическое развитие страны.

Annotation

The paper examines the key changes in Russia's budget legislation that have come into force since the beginning of 2026. It analyzes the new budget classification codes, the transformation of the tax system, and social innovations. The article systematizes the data on these changes and proposes approaches for assessing their impact on budget policy and the country's socio-economic development.

Ключевые слова: Бюджетная система, налоговая политика, социальные выплаты, НДС, индексация, МРОТ, бюджетное законодательство.

Key words: Budget system, tax policy, social benefits, VAT, indexation, minimum wage, budget legislation.

С 1 января 2026 года вступил в силу масштабный пакет поправок в Бюджетный кодекс Российской Федерации. Эти изменения затрагивают практически все сферы финансовой жизни.

Одним из ключевых изменений стало обновление кодов бюджетной классификации (КБК), утверждённых Приказом Минфина России от 10.06.2025 № 70н (ред. от 01.12.2025) «Об утверждении кодов (перечней кодов) бюджетной классификации Российской Федерации

на 2026 год (на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов)». Все новые обязательства, регистрируемые с этой даты, должны использовать исключительно обновлённые коды. Среди наиболее значимых новаций – введение пункта 30(8) Порядка № 82н [2], который позволяет финансовым органам муниципалитетов выделять обособленные направления расходов на территориальные органы; четвёртый разряд кода целевой статьи расходов дополнен кодом «Б» для национального проекта «Технологическое обеспечение биоэкономики». С 1 января установлены новые коды НДС для участников СВО: 182 1 01 02200 01 1010 110 – для доходов до 5 млн руб., 182 1 01 02220 01 1010 110 – для суммы свыше 650 тыс. руб. при доходе более 5 млн руб. С 1 февраля введены новые КБК для добровольных страховых взносов на обязательное социальное страхование.

Не менее значимые изменения коснулись налогообложения игорного бизнеса. С 1 января 2026 года вступили в силу положения Федерального закона от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [1], которые принципиально изменили подход к этому виду деятельности. Налог на игорный бизнес стал федеральным. Введены единые ставки: за один игровой стол – 250 тысяч рублей, за один игровой автомат – 15 тысяч рублей. Для букмекерских контор и тотализаторов установлена комбинированная система, сочетающая два налога: налог на прибыль по ставке 25% с доходов от игорной деятельности и игорный налог, который рассчитывается не с оборудования, а с базы – доход, уменьшенный на сумму выплаченных выигрышей, причём ставка игорного налога составляет 7%. Букмекеры и тотализаторы теперь обязаны удерживать и перечислять НДС со всех выигрышей клиентов независимо от их суммы.

К числу наиболее резонансных фискальных изменений относится повышение ставки налога на добавленную стоимость. С 1 января 2026 года общая ставка НДС увеличилась с 20% до 22% в соответствии с Федеральным законом от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [1]. Повышение ставки НДС неизбежно затронет цены, договорные отношения и налоговую нагрузку бизнеса, что станет одним из главных факторов экономической адаптации в 2026 году.

С 1 февраля 2026 года проведена индексация отдельных социальных выплат. Правительство утвердило коэффициент индексации 5,6% – по уровню инфляции за 2025 год

[3]. Индексация не затронет региональные меры поддержки. Среди проиндексированных выплат: единовременное пособие при рождении ребёнка выросло до 28 450,45 руб.; единовременное пособие беременной жене призванного до 45 054,24 руб.; ежемесячная выплата по уходу за детьми с инвалидностью до 11 563,20 руб.; пособие на погребение до 9 678,63 руб. Максимальное пособие по безработице в первые три месяца увеличилось до 15 886,00 руб., в следующие три месяца до 6 209,00 руб., а минимальное пособие по безработице до 1 863,00 руб. Также с 1 февраля проиндексирован материнский капитал: при рождении первого ребёнка его размер составит 728 921,9 руб.; за второго ребёнка, если не получали за первого, – 963 243,17 руб.; если же уже есть сертификат за первого, доплата составит 234 321,27 руб. Остаток неиспользованного материнского капитала также проиндексирован на 5,6%. Ежемесячные денежные выплаты (ЕДВ) для льготников – людей с инвалидностью, чернобыльцев, ветеранов боевых действий, матерей-героинь и других – также увеличены, при этом стоимость набора социальных услуг (НСУ) проиндексирована и составила 1 825,25 руб.

С 1 февраля 2026 года в России введено правило «одна семья – одна льготная ипотека». Согласно этому принципу, супруги в официальном браке считаются единым заёмным субъектом независимо от того, на кого оформлен кредит. Если один из супругов уже воспользовался льготной ипотекой, второй автоматически теряет право на субсидированную ставку.

С 1 января 2026 года минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России составляет 27 093 рубля в месяц. Это повышение на 20,7% по сравнению с действовавшим в 2025 году МРОТ (22 440 рублей). Федеральный МРОТ является базовым уровнем, при этом субъекты РФ вправе устанавливать на своей территории более высокий размер регионального МРОТ на основе трёхсторонних соглашений. Одновременно с 1 января 2026 года увеличен прожиточный минимум: в среднем на душу населения – 18 939 рублей; для трудоспособного населения – 20 644 рубля; для пенсионеров – 16 288 рублей; для детей – 18 371 рубль [3].

Пенсионная система также претерпела изменения в сторону увеличения выплат. С 1 января 2026 года проведена индексация страховых пенсий по старости, инвалидности и по потере кормильца на 7,6% [3]. Фиксированная выплата к пенсии возросла с 8 907,70 руб. до 9 584,69 руб. (это минимальная гарантированная сумма страховой пенсии по старости). Стоимость индивидуального пенсионного коэффициента увеличилась со 145,69 руб. до 156,76 руб.

Таким образом, изменения, вступившие в силу с 2026 года, формируют новую бюджетно-финансовую политику на ближайшую трёхлетнюю перспективу [3]. Государство одновременно ужесточает фискальную нагрузку (повышение НДС, реформа налога на

игорный бизнес) и усиливает социальную поддержку (индексация выплат, пенсий, рост МРОТ и прожиточного минимума).

Список литературы

1. О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 48. – Ст. 8475.
2. Об утверждении Порядка формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуры и принципов назначения : Приказ Минфина России от 24.05.2022 № 82н (ред. от 10.06.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2026).
3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2026).

Т.С. АСТАПОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Юриспруденция»

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

T.S.ASTAPOVA

Ural branch of the Financial University
1 st year student
«Jurisprudence»

Scientific supervisor

I.A.KETOVA

Ural branch of the Financial University
Candidate of Science

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НДПИ

FEATURES OF DETERMINING THE OBJECT OF TAXATION OF THE MINING DRAINAGE PI

Аннотация

В статье рассматривается, роль нормативно-правовых документов, регламентирующих критерии определения объекта налогообложения налога на добычу полезных ископаемых, применительно к добыче строительного камня. Проанализированы инструменты, применяемые налоговыми органами при определении полезного ископаемого как объекта налогообложения НДС. Определены проблемы и пути их дальнейшего решения.

Annotataion

The article examines the role of regulatory legal documents regulating the criteria for determining the object of taxation of the mineral extraction tax, in terms of construction stone. The tools used by tax authorities in determining the mineral resource as an object of taxation of the mineral extraction tax are analyzed. The problems and ways of their further solution are determined. The article examines the role of regulatory legal documents regulating the criteria for determining the object of taxation of the mineral extraction tax, in terms of construction stone. The tools used by tax authorities in determining the mineral resource as an object of taxation of the mineral extraction tax are analyzed. The problems and ways of their further solution are determined.

Ключевые слова: налог на добычу полезных ископаемых (НДС), полезные ископаемые, горнодобывающая отрасль, объект НДС.

Key words: mineral extraction tax (MET), minerals, mining industry, MET object, taxpayers.

НДС представляет собой основной механизм бюджетной политики, регулирующий отраслевые вопросы в сфере недропользования. Этот финансовый инструмент служит важной статьей наполнения бюджета и способствует устойчивому росту экономического потенциала страны.

Сущность НДС выходит за рамки простой «платы за ресурсы»: это механизм, упорядочивающий добычу, стимулирующий эффективную разработку месторождений и служащий базой для перераспределения доходов в обществе. Налог имеет критически важное значение для бюджета страны, обеспечивая от трети до почти половины всех поступлений (30–40%), что характерно для государств с сырьевой моделью развития [7].

НДС является одним из самых «недавних» элементов налоговой системы России. С момента его введения в действие (1 января 2002 г., после принятия гл. 26 НК РФ) были отменены существовавшие прежде взносы на восстановление сырьевого потенциала (ВМСБ) и отдельные виды плат за недропользование [2].

В свою очередь государство инвестирует бюджетные ресурсы в объекты недропользования согласно положениям долгосрочной Стратегии развития минерально-сырьевой базы России с горизонтом планирования до 2050 года, стремясь к устойчивому ресурсному обеспечению экономики. Горнодобывающим компаниям оказывается финансовая помощь: выделяются средства на модернизацию техники, внедрение инноваций и специализированного ПО [8].

Методика исчисления НДС закреплена в статьях 343–345 НК РФ. В соответствии с пп. 10 п. 2 ст. 337 НК РФ, до принятия изменений Федеральным законом № 323 (от 14.07.2022, ред. от 29.11.2024), объектом обложения налогом считался строительный камень для нужд щебеночного производства. Текущая редакция статьи 337 НК РФ трансформировала этот список: позиция «строительный камень для щебня» упразднена, а новым объектом налогообложения признан сам щебень [5].

Реформированию норм НК РФ способствовала следующая ситуация: в течение последних лет наблюдалась эскалация конфликтов между горнодобывающими компаниями и налоговыми органами из-за неоднозначности определения объекта налогообложения. Это привело к кратному увеличению количества споров в этой сфере. Показательным примером стали многолетние разногласия касательно того, что именно следует считать объектом для исчисления НДС.

Статья 337 НК РФ, определяющее «добытое полезное ископаемое», неоднократно являлась предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ. Инициаторы обращений указывали на несоответствие Основному закону из-за размытости формулировок (Определения КС РФ от 24.12.2013 № 2059-О, от 25.02.2013 № 189-О, от 25.06.2019 № 1517-О). Согласно текущей редакции статьи, к добытым ископаемым относится продукция горнодобывающего сектора и карьерных разработок, чьи первичные качественные характеристики отвечают требованиям национальных (ГОСТ), отраслевых (ОСТ) или международных стандартов. При отсутствии утвержденных нормативов для конкретного вида сырья, критерием выступает технический регламент самой организации (ТУ) [4].

В соответствии с рекомендациями за обоснованностью расчетов платежей за недра, добытым ресурсом считается твердое сырье, которое подняли из шахты или карьера и подвергли первичной обработке. Первичная обработка проводится непосредственно на горном участке и включает в себя работы по подготовке сырья согласно техническому проекту: отбор качественной руды (селекция), усреднение, дробление крупных фрагментов, сортировку и транспортировку. Все операции выполняются по утвержденным технологическим картам. Конечной целью является получение продукта, прошедшего начальную стадию переработки, готового к отправке на склад или дальнейшему

производству, в общем случае понимается продукция, получаемая в результате переработки добытых полезных ископаемых (пункты 8, 9, 10, 11) [3].

Ввиду отсутствия в законодательстве четкой ссылки к конкретным нормативным актам, регламентирующим параметры полезного ископаемого (строительный камень, либо его производная - щебень), налоговые органы и судебные инстанции получили возможность отвергать доводы плательщиков НДС относительно продукции горнодобывающей продукции [6].

В соответствии с правовыми выводами Конституционного суда РФ (определение от 25.02.2013 №189-О) юридический термин «полезное ископаемое» не имеет единого определения и меняется в зависимости от отрасли права. В налоговом праве (ст. 337 НК РФ) он трактуется строго как сырье установленного качества. Исходя из этого и положений ст. 339 НК РФ, ключевым условием для формирования объекта налога является соответствие добытого ресурса нормативным показателям качеств. Из данного регулирования во взаимосвязи с положениями статьи 339 НК РФ следует, что формирование объекта налогообложения НДС не привязывается к факту выемки минерального сырья, а определяется окончанием технологического цикла по выделению полезного компонента и приведенного его к установленным кондициям до определенного стандарта. Следовательно, для налогообложения полезное ископаемое трактуется как готовый продукт переработки, прошедший все стадии выделения и соответствующий стандартам качества, а не как природный ресурс в исходном состоянии или свежедобытая масса [1].

Исходя из вышеизложенного, организациям отрасли следует учитывать, что налоговая база по НДС формируется исходя из стоимости не «сырого» ресурса, а готовой продукции добычного цикла. Это продукт, выделенный из добытой породы, качество которого подтверждено соответствующими стандартами (государственными или корпоративными). Критическим условием является завершение всех технологических процессов добычи, прописанных в проекте разработки месторождения, но исключая процессы последующей переработки [6].

При этом ни один нормативный акт не содержит однозначных критериев, определяющих момент завершения добычи (извлечения из недр) и момент начала технологической переработки сырья. Законодатель не регламентировал границы между этими стадиями технологического процесса, что оставляет данный вопрос открытым для толкования

Список литературы

1. Брызгалин А.В. НДС и добыча щебня: как без изменения закона в одночасье изменилась практика налогообложения целой отрасли//Налоги и финансовое право.2021

2. Иванов А.А. Особенности налогообложения добычи полезных ископаемых в современных условиях // Финансы и кредит. 2024. № 5. С. 45-56.
3. Методические указания по контролю за технической обоснованностью расчетов платежей при пользовании недрами РД 07-261-98.
4. Налоговая система РФ (электронный курс) Режим доступа: <http://www.grandars.ru/student/nalogi/ndpi.html>
5. Налоговый кодекс РФ. Часть вторая
6. Официальный сайт Картотека арбитражных дел kad.arbitr.ru/ Судебные дела № А76-8659/2020, А76-6024/2020, А60-11461/2020, А76-38320/2022, А76-29949/2022
7. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn>
8. Распоряжение Правительство Российской Федерации от 11.07.2024г. № 1838-р.

К.А. БАНИНА

Уральский филиал Финансового
университета при правительстве РФ,
Студент группы ОБИ-321

А.А. КАЙГОРОВОВА

Уральский филиал Финансового
университета при правительстве РФ,
Студент группы ОБИ-321

В.О. МЕНЬЩИКОВА

Уральский филиал Финансового
университета при правительстве РФ,
Студент группы ОБИ-321
Academic Supervisor

Научный руководитель

С.А. БОГАТЕНКОВ

Уральский филиал Финансового
университета при правительстве РФ,
канд. техн. наук, доцент кафедры
«Социально-гуманитарные и
естественно-научные дисциплины»

К.А. BANINA

Ural branch of the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Student of the OBI-321 group

A.A. KAYGORODOVA

Ural branch of the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Student of the OBI-321 group

V.O. MENSCHIKOVA

Ural branch of the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Student of the OBI-321 group

S.A. BOGATENKOV

Ural branch of the Financial
University under the Government of the Russian Federation,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Social Sciences,
Humanities and Natural Sciences

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ФИНАНСОВ:
БАНКИ, ИНВЕСТИЦИИ, СТРАХОВАНИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ И КАДРЫ**

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FINANCE: BANKS, INVESTMENTS,
INSURANCE, SECURITY, AND HUMAN RESOURCES**

Аннотация

Эффективным инструментом для решения проблем в сфере финансов является применение методов искусственного интеллекта (ИИ). Целью исследования является анализ возможностей для решения проблем в сфере финансов с помощью методов ИИ. В статье описаны возможности ИИ решать проблемы в сфере финансов в разных областях: банковской, инвестиционной, страховой и обеспечении безопасности. Рассмотрены вопросы кадрового обеспечения процесса внедрения ИИ. Описаны обязанности, специализации и необходимые навыки специалистов по ИИ, а также их необходимая подготовка и этапы карьерного роста. Применение результатов исследования в сфере финансов обеспечит безопасность процесса внедрения ИИ.

Annotation

An effective tool for solving problems in the field of finance is the use of artificial intelligence (AI) methods. The purpose of this study is to analyze the possibilities for solving problems in the field of finance using AI methods. The article describes the capabilities of AI to solve problems in the field of finance in various areas, such as banking, investment, insurance, and security. The article also discusses the issues of staffing the process of implementing AI. It describes the responsibilities, specializations, and necessary skills of AI specialists, as well as their

required training and career development stages. The application of the results of this study in the field of finance will ensure the safety of the AI implementation process.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сфера финансов, банки, инвестиции, страхование, безопасность, подготовка кадров

Keywords: artificial intelligence, finance, banking, investment, insurance, security, and training

Эффективным инструментом для решения проблем на предприятиях и в организациях является применение методов искусственного интеллекта (ИИ). ИИ широко используется в профессиональной деятельности для автоматизации рутинных действий и выполнения некоторых задач, требующих узких и специфических знаний [1].

Отметим сферы применения ИИ в профессиональной деятельности.

Медицина [2]

Визуализация в медицине - анализ снимков МРТ, рентгена и КТ и выявление аномалий с помощью компьютерного зрения. Появляется возможность выявить ранние стадии рака, путем анализа изменений в тонких тканях, которые сложно заметить человеческому глазу. Анализ генетики, для выявления предрасположенностей к генетическим заболеваниям.

Исходя из данной информации, так же возможен подбор персональной терапии. Цифровые медицинские ассистенты и чат-боты – обеспечивают круглосуточную поддержку: анализируют симптомы с помощью опросников и алгоритмов, помогают записаться к врачу, напоминают о приёме лекарств и отслеживают динамику самочувствия.

Производство [1, 3, 4]

На производственных предприятиях ИИ выполняет задачи, требующие высокой точности, что позволяет минимизировать ошибки и упростить управление. Известен опыт применения ИИ на производстве в условиях использования автоматизированных средств учета энергии и систем автоматизированного проектирования технологическими процессами

Образование [1, 5-7].

В сфере образования ИИ создаёт рекомендации, адаптированные под индивидуальные особенности ученика. Разрабатывают программы для персонального обучения. Известен опыт применения ИИ в электронном обучении и при подготовке кадров для работы в среде 1С.

Целью исследования является анализ возможностей для решения проблем в сфере финансов с помощью методов ИИ.

В статье описаны возможности ИИ решать проблемы в сфере финансов в разных областях: банковской, инвестиционной, страховой и обеспечении безопасности [8]. Рассмотрены вопросы кадрового обеспечения процесса внедрения ИИ в сфере финансов.

Применение искусственного интеллекта в сфере финансов

Направления применения ИИ в банковской сфере:

- Автоматизация рутинных задач. ИИ распознаёт текст в заявках, договорах и справках, извлекает ключевые данные и автоматически заносит их в банковские системы. Это ускоряет проверку документов и снижает количество ошибок, связанных с ручным вводом. bigdata.beeline.rusinararurencredit.ru
- Кредитный скоринг: ИИ оценивает не только общепринятые данные (кредитная история), но и альтернативные источники: поведение в приложении, взаимодействие с банком, виды транзакций и, таким образом, оценивают платежеспособность.
- Обслуживание клиентов: практически полностью внедряется замена операторов связи на ИИ-ассистентов. Например, чат-бот ВТБ обрабатывает 85% запросов без участия оператора, включая вопросы о вкладах, кешбэке и продуктах.
- Прогнозирование и планирование. Алгоритмы оценивают объёмы будущих обращений, сезонные пики активности, вероятность просрочек и другие показатели. На основе этих данных банк может точнее планировать ресурсы – от числа операторов в контакт-центре до объёма резервов.

Области применения ИИ в инвестициях:

- Прогнозирование рыночных движений. ИИ анализирует исторические данные по акциям, облигациям, валютам и криптовалютам, изучает макроэкономическую статистику, новостную повестку и социальные сети. Искусственный интеллект формулирует предположения о том, как в ближайшее время может измениться цена конкретного актива.
- Управление рисками. Алгоритмы ИИ анализируют данные в реальном времени для оценки рисков в инвестиционных портфелях, быстро определяют потенциальные риски.
- Алгоритмическая торговля. Искусственный интеллект изменяет актуальные торговые практики с помощью алгоритмических торговых систем, которые совершают сделки с высокой скоростью на основе заранее определённых критериев.
- Персонализированные инвестиционные стратегии. Сейчас ИИ позволяет создавать инвестиционные стратегии, соответствующие индивидуально допустимым уровням риска и финансовым целям. Робот-советник использует нейросеть, чтобы предоставлять персонализированные рекомендации по распределению активов ориентируясь на интересы пользователей.

Направления применения ИИ в страховании:

- Оценка рисков: ИИ анализирует сведения о клиентах, экономические показатели и внешние факторы. Далее выделяет закономерности, которые сложно обнаружить вручную. К примеру, в автостраховании искусственный интеллект оценивает стиль вождения, беря за основу данные с телематических устройств, в медицинском страховании — анализирует генетику и поведение.

- Автоматизация андеррайтинга: свёрточные нейронные сети, глубокое обучение – все это применяют для анализа больших потоков данных, благодаря чему ускоряется процесс страхования, снижает время оформления полисов до нескольких минут или секунд.

- Выявление мошенничества: ИИ анализирует множество транзакций, обнаруживая шаблоны мошеннических схем, например, цифровой аналитик выявляет подозрительное поведение при подаче заявлений о возмещении.

- Урегулирование страховых случаев: технологии автоматизируют стандартные случаи, повышая точность оценки ущерба. Нейронная сеть способна быстрее реагировать на мошенничество и предотвращать необоснованные выплаты.

Направления применения ИИ в регулировании финансового сектора:

- Контроль соответствия требованиям. Интеллектуальные системы анализируют операции на соответствие законодательству и внутренним политикам, выявляют подозрительные транзакции. rencredit.ru

- Анализ текстовой информации. Приложения ИИ помогают ЦБ уточнять прогнозы макрофинансовых стрессовых ситуаций или разрабатывать стресс-тесты. bankdelo.ru

- Прогнозирование бюджета и ликвидности. Инструменты ИИ автоматически анализируют прошлые данные и на основе этого предсказывают будущее финансовое состояние компании. Это помогает уменьшить риски кассовых разрывов и обеспечивает более точное планирование.

Однако внедрение ИИ в финансовой сфере связано с рядом проблем, например, с защитой персональных данных клиентов и этическими вопросами (искусственный интеллект может демонстрировать предвзятость). Эксперты подчёркивают критическую важность сохранения человеческого надзора – ИИ должен выступать в роли помощника, а не заменителя профессионального финансового анализа.

Персонал для внедрения искусственного интеллекта

Специалист по искусственному интеллекту (AI-специалист, AI-разработчик) – это профессионал, который занимается созданием, обучением и внедрением систем, способных имитировать когнитивные способности человека.[9].

Специализации по ИИ [10]

Машинное обучение – разрабатывают алгоритмы и модели для обучения

компьютеров на основе данных без явного программирования.

Глубокое обучение, основанное на нейронных сетях, распознает изображение и звук.

Специалист по компьютерному зрению – интерпретирует визуальную информацию.

Специалист по обработке естественного языка (NLP) – работает над усовершенствованием алгоритмов распознавания голосового ввода.

Задачи специалиста по ИИ [11]

Сбор и обработка данных – поиск и редакция данных для обучения.

Построение и обучение моделей – тестирование и редакция алгоритмов до успешного выполнения задачи.

Интеграция решений в реальные продукты – подразумевает цель «встроить» модель в приложение, сайт или бизнес-систему.

Оптимизация и поддержка модели – мониторинг качества работы модели и обновление.

Навыки специалиста по ИИ [12]

Программирование – важно знать языки Python, R, C++, Java, а также библиотеки и фреймворки для машинного обучения (TensorFlow, PyTorch, Keras).

Математика и статистика – нужно знать основы линейной алгебры (для работы с данными), теорию вероятностей (чтобы предсказывать события) и математический анализ (для оптимизации моделей).

Машинное обучение – специалист должен понимать, как работают разные алгоритмы, например, регрессия (для предсказания чисел), классификация (для разделения объектов на группы) или нейронные сети (для сложных задач, вроде распознавания лиц).

Работа с данными – нужно уметь обрабатывать большие объёмы информации, используя базы данных (SQL) или инструменты вроде Hadoop и Spark. Также важно уметь визуализировать данные.

Облачные технологии – многие ИИ-системы работают в облаке, например, на Amazon Web Services (AWS), Google Cloud или Microsoft Azure. Специалист должен знать, как развернуть модель в облаке и сделать её доступной для миллионов пользователей.

Помимо технических знаний, важно развивать «мягкие навыки» – качества, которые не связаны напрямую с специальностью, но при этом важны для работы. Например, коммуникация, работа в команде, критическое мышление, адаптивность, креативность

Карьера специалиста по Искусственному Интеллекту [13]

- Начальный этап: Junior-специалист, срок работы 0-2 года.

Стажер изучает основные навыки базовые понятия. Далее начинает погружаться в рабочие процессы: выполняет задачи под руководством коллег с опытом, участвует в

разработке отдельных компонентов ИИ-систем, оптимизирует существующие модели.

- Средний уровень: Middle-специалист, срок работы 2-5 лет.

Работник приобретает автономность и начинает формировать личный профессиональный профиль. Данный этап включает в себя: самостоятельную разработку моделей и решений, проектирование архитектуры отдельных компонентов, оптимизация производительности и точности моделей.

- Экспертный уровень: Senior-специалист, срок работы более 5 лет.

Специалист становится экспертом в своей области и начинает влиять на стратегические решения. Решает каким образом будут осуществляться процессы проектирование комплексных систем, определяет стратегии развития продукта, оценивает и внедряет новые технологий, занимается руководством технических команд, начинает взаимодействовать с заказчиками.

Таким образом, в статье описаны возможности ИИ решать проблемы в сфере финансов. Рассмотрены вопросы кадрового обеспечения процесса внедрения искусственного интеллекта. Применение результатов исследования в сфере финансов обеспечит безопасность процесса внедрения.

Список литературы

1. Проектирование системы обеспечения безопасности профессиональной деятельности в информационном обществе: учебное пособие для вузов / С. А. Богатенков, Я. Д. Гельруд. – Санкт-Петербург: Лань, 2025. – 152 с. Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/506690>
2. Искусственный интеллект в медицине: от диагностики до персональной терапии. Режим доступа: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-in-medicine>.
3. Искусственный интеллект для автоматизированного проектирования многоинструментных операций / С.А. Богатенков, Н.С. Сазонова, Н.Д. Юсубов //Труды Азербайджанской Государственной морской академии. – 2024 № 1. – С.14-20
4. Искусственный интеллект для поиска потерь энергии / С.А. Богатенков, С.Ю. Нестеренко //Цифровая экономика и информационные технологии: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 17-18 апреля 2024 г. / сост. В.В. Журавлев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2024. – 299 с.–2024. – С.18-22
5. Богатенков, С.А. Методология управления подготовкой кадров к работе с дистанционными образовательными технологиями по критерию безопасности // Дистанционное и виртуальное обучение – 2016. – № 12. – С. 33–43.

6. Паскова А.А. Технологии искусственного интеллекта в персонализации электронного обучения. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 3(42). С. 113-122.

7. Методология подготовки ИТ-кадров для работы в среде 1С / С.А. Богатенков, Я.Д. Гельруд, Д.С. Богатенков, И.А. Кетова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2026. Т. 26, № 1. С. 115–123. DOI: 10.14529/ctcr260110

8. Искусственный интеллект в финансовой сфере: как технологии меняют правила игры для руководителей. – Режим доступа: <https://chelyabinsk.1cbit.ru/blog/iskusstvennyy-intellekt-v-finansovoy-sfere-kak-tekhnologii-menyayut-pravila-igry-dlya-rukovoditeley/> (Дата обращения: 15.03.2026).

9. Специалист по искусственному интеллекту. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Специалист_по_искусственному_интеллекту (Дата обращения: 15.03.2026).

10. Профессия специалист по искусственному интеллекту. – Режим доступа: <https://postupi.online/professiya/specialist-po-iskusstvennomu-intellektu/> (Дата обращения: 15.03.2026).

11. ИИ-разработчик: кто это, чем занимается и как им стать. – Режим доступа: <https://blog.skillfactory.ru/ii-razrabotchik-kto-eto-chem-zanimaetsya-i-kak-im-stat/> (Дата обращения: 15.03.2026).

12. Специалист по искусственному интеллекту: задачи, навыки и востребованность в 2025 году. Режим доступа: <https://aiwebinars.ru/articles/2/> (Дата обращения: 15.03.2026).

13. Актуальные профессии в области искусственного интеллекта. – Режим доступа: <https://skyeng.ru/it-industry/it/top-professiy-v-epokhu-iskusstvennogo-intellekta/> (Дата обращения: 15.03.2026).

И.С. БЕЛЕНКО

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Н.С. СОРГИНА

канд. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

I.S. BELENKO

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Economy»

УЧЕТ ЗАТРАТ НА РАЗРАБОТКУ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ

ACCOUNTING FOR THE COSTS OF DEVELOPMENT OF INTANGIBLE ASSETS

Аннотация

В статье рассматриваются особенности учета затрат на разработки в бухгалтерском учете. Проанализированы условия признания затрат в качестве нематериального актива, а также подходы к их оценке. Выявлены различия между международной и российской практикой учета. Сделан вывод о необходимости совершенствования методологии учета затрат на разработки.

Annotation

The article examines the accounting of development costs. The conditions for recognizing such costs as intangible assets and approaches to their measurement are analyzed. Differences between international and Russian accounting practices are identified. The need to improve accounting methods is substantiated.

Ключевые слова: нематериальные активы, бухгалтерский учет, признание активов, МСФО, РСБУ, цифровая экономика

Key words: intangible assets, accounting, asset recognition, IFRS, Russian standards, digital economy

Учет затрат на разработки является одним из наиболее сложных аспектов бухгалтерского учета нематериальных активов. Это связано с тем, что на этапе создания нового продукта или технологии сложно определить, приведут ли понесенные затраты к будущим экономическим выгодам [3].

В международной практике данный вопрос подробно регулируется стандартом IAS 38. В соответствии с ним затраты на исследования и разработки разграничиваются. Затраты на исследования признаются расходами периода, поскольку на этом этапе отсутствует достаточная определенность результата. В отличие от этого, затраты на разработки могут быть признаны нематериальным активом при выполнении определенных условий.

К числу таких условий относятся техническая осуществимость завершения разработки, намерение использовать или продать актив, наличие ресурсов для завершения проекта и возможность достоверной оценки затрат. Как отмечает Е.В. Хорошилова, именно наличие данных критериев позволяет обосновать признание актива[3].

В российской практике учет затрат на разработки традиционно является более консервативным. Как отмечает Х.Э. Текеева, значительная часть затрат на создание нематериальных активов признается расходами периода [2].

На практике это приводит к тому, что компании, активно инвестирующие в разработку новых продуктов, показывают более низкую прибыль в отчетности. Например, при разработке программного обеспечения расходы на тестирование и доработку часто списываются, хотя фактически формируют будущий актив [1].

С точки зрения оценки затрат на разработки также возникают трудности. В большинстве случаев используется затратный подход, при котором актив оценивается по фактически понесенным расходам. Однако данный подход не отражает потенциальную ценность актива для бизнеса.

Доходный подход позволяет учитывать будущие экономические выгоды, однако его применение связано с высокой степенью неопределенности и необходимостью прогнозирования [1].

Особую проблему представляет определение момента, с которого затраты можно считать разработками, а не исследованиями. На практике эта граница является размытой и во многом зависит от профессионального суждения бухгалтера [2].

Кроме того, в условиях цифровой экономики данная проблема становится еще более актуальной. Разработка программных продуктов, цифровых платформ и алгоритмов требует значительных инвестиций, однако существующие подходы к учету не всегда позволяют адекватно отразить их стоимость [1].

Действующая система учета затрат на разработки требует дальнейшего совершенствования. Необходимо более четкое разграничение этапов исследований и разработок, а также расширение возможностей признания нематериальных активов.

Таким образом, учет затрат на разработки представляет собой сложную проблему. В современных условиях требуется развитие методологии учета, позволяющей более точно отражать экономическую сущность таких затрат и их роль в формировании стоимости компании.

Список литературы

1. Создание нематериальных активов: интерпретация МСФО 38 // GAAP.ru. – Режим доступа: https://gaap.ru/articles/sozdanie_nematerialnykh_aktivov_interpretatsiya_msfo_38/ (дата обращения: 25.03.2026).
2. Текеева Х.Э. Учет нематериальных активов в условиях применения ФСБУ 14/2022 // CyberLeninka. — 2023. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-nematerialnyh-aktivov-3> (дата обращения: 25.03.2026).
3. Хорошилова Е.В. Нематериальные активы как объект бухгалтерского учета: сравнительный анализ РСБУ и МСФО // Молодой ученый. – 2023. – № 49. – С. 605–607. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/496/108699> (дата обращения: 25.03.2026).

И.С. БЕЛЕНКО

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Н.С. СОРГИНА

канд. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

I.S. BELENKO

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Economy»

Scientific supervisor

N.S. SORGINA

Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ПРИЗНАНИЮ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ В МЕЖДУНАРОДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

EVOLUTION OF APPROACHES TO THE RECOGNITION OF INTANGIBLE ASSETS IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN PRACTICE

Аннотация

В статье рассматривается развитие подходов к признанию нематериальных активов в международной и российской практике бухгалтерского учета. Проанализированы ключевые критерии признания активов и этапы их формирования. Выявлены различия между международными стандартами и российскими нормативными актами. Обоснована

необходимость совершенствования учета нематериальных активов в условиях цифровой экономики.

Annotation

The article examines the development of approaches to the recognition of intangible assets in international and Russian accounting practice. The key recognition criteria and stages of their formation are analyzed. Differences between international standards and Russian regulations are identified. The need to improve accounting for intangible assets in the digital economy is substantiated.

Ключевые слова: нематериальные активы, бухгалтерский учет, признание активов, МСФО, РСБУ, цифровая экономика.

Key words: intangible assets, accounting, asset recognition, IFRS, Russian standards, digital economy.

Проведем анализ эволюции подходов к признанию нематериальных активов в международной и Российской практике. В последние годы значение нематериальных активов заметно возросло, что связано с развитием цифровой экономики и увеличением роли интеллектуального капитала [1]. Как отмечает Е.В. Хорошилова, именно нематериальные ресурсы все чаще определяют конкурентоспособность компаний, однако их отражение в бухгалтерском учете остается неоднозначным [3].

Изначально бухгалтерский учет был ориентирован преимущественно на материальные активы. Это объясняется тем, что такие объекты легче идентифицировать и оценить. Нематериальные активы, напротив, долгое время либо не учитывались, либо отражались частично. По мнению исследователей, это приводило к искажению финансовой отчетности и недооценке реальной стоимости бизнеса [3].

С развитием международной практики учета были сформированы более четкие критерии признания нематериальных активов. В соответствии с IAS 38, актив должен быть идентифицируемым, контролируемым организацией и приносить будущие экономические выгоды. Эти критерии стали основой современной концепции учета нематериальных активов.

Идентифицируемость предполагает возможность отделения актива или его правовую природу. Однако, как отмечается в научных публикациях, на практике этот критерий вызывает сложности, особенно в отношении внутренних ресурсов компании, таких как клиентские базы или деловая репутация [6].

Контроль в международной практике трактуется шире, чем просто наличие юридических прав. Организация должна иметь возможность получать выгоды и ограничивать доступ к ним третьих лиц. Такой подход позволяет учитывать экономическую сущность активов [2].

Критерий будущих экономических выгод также является дискуссионным. По мнению экспертов, оценка таких выгод часто носит вероятностный характер, что требует применения профессионального суждения [4].

Особое внимание уделяется разграничению затрат на исследования и разработки. В международной практике затраты на исследования признаются расходами, тогда как затраты на разработки могут капитализироваться при соблюдении определенных условий. Это позволяет более точно отражать процесс формирования нематериальных активов.

Российская практика учета нематериальных активов имеет свои особенности. Как отмечает Х.Э. Текеева, несмотря на формальное сходство критериев признания, их применение в России носит более формализованный характер [5].

В частности, большое значение придается документальному подтверждению прав на актив. Это ограничивает признание ряда объектов, таких как внутренне созданные бренды или деловая репутация. В результате часть экономически значимых ресурсов не отражается в отчетности.

На практике можно наблюдать различия в подходах к учету затрат. Например, при разработке программного обеспечения в международной практике часть затрат может признаваться нематериальным активом, тогда как в российской системе аналогичные расходы чаще списываются [2].

Сравнительный анализ показывает, что международные стандарты ориентированы на экономическую сущность, тогда как российская практика – на юридическую форму. Это подтверждается и исследованиями, в которых отмечается различие в степени использования профессионального суждения [6].

Современный этап развития учета характеризуется влиянием цифровой экономики. Появляются новые виды нематериальных активов, включая цифровые платформы и алгоритмы. Их учет требует пересмотра традиционных подходов, поскольку они не всегда соответствуют установленным критериям [4].

В результате можно сделать вывод о том, что действующая система учета нематериальных активов в российской практике в большей степени ориентирована на формальные признаки, чем на экономическое содержание. Это снижает информативность отчетности и требует дальнейшего развития методологии.

Таким образом, эволюция подходов к признанию нематериальных активов отражает переход к более гибкой системе учета. Международная практика уже в значительной степени адаптирована к современным условиям, тогда как российская система продолжает развиваться в данном направлении.

Список литературы

1. Копченев, А.А., Дубынина А.В., Согрина Н.С. Качественный сравнительный анализ в оценке конкурентоспособности муниципальных районов Челябинской области / А.А. Копченев, А.В. Дубынина, Н.С. Согрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 17-31.
2. Оценка нематериальных активов по IAS 38 // Buh.ru. — Режим доступа: <https://buh.ru/articles/otsenka-nma-pri-priznanii-v-uchete-v-sootvetstvii-s-ias-38.html> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Хорошилова Е.В. Нематериальные активы как объект бухгалтерского учета: сравнительный анализ РСБУ и МСФО // Молодой ученый. 2023. № 49. С. 605–607. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/496/108699> (дата обращения: 23.03.2026).
4. Создание нематериальных активов: интерпретация МСФО 38 // GAAP.ru. — Режим доступа: https://gaap.ru/articles/sozдание_nematerialnykh_aktivov_interpretatsiya_msfo_38/ (дата обращения: 23.03.2026).
5. Текеева Х.Э. Учет нематериальных активов в условиях применения ФСБУ 14/2022 // CyberLeninka. 2023. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-nematerialnyh-aktivov-3> (дата обращения: 23.03.2026).
6. Учет нематериальных активов и МСФО 38: сравнительный анализ // Материалы научной конференции. 2019. — Режим доступа: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2019/RM19/pages/Articles/80122.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

И.С. БЕЛОВ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Уральский филиал),
г. Челябинск, Россия
студент 2-го курса направления подготовки «Экономика», бакалавриат

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Уральский филиал),
г. Челябинск, Россия
канд. экон. наук, доцент

I. S. BELOV

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch),
Chelyabinsk, Russia
2nd-year Bachelor's student, Economics program

Academic Supervisor

A.V. DUBYNINA

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch),
Chelyabinsk, Russia
Cand. Sci. (Economics), Associate Professor

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГУЛЯТОРА
КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ
ЗАВИСИМОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ КРИВОЙ ФИЛЛИПСА)**

**DIGITALIZATION OF THE REGULATOR'S COMMUNICATION POLICY
AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF MACROECONOMIC
DEPENDENCIES (EVIDENCE FROM THE PHILLIPS CURVE)**

Аннотация

В условиях цифровой трансформации традиционные макроэкономические закономерности утрачивают прежнюю предсказательную силу. Классическая кривая Филлипса, описывающая краткосрочный выбор между инфляцией и безработицей, не учитывает ускорения распространения информации вследствие внедрения цифровых каналов коммуникации центральных банков. Цель работы — выявить механизм влияния цифровизации коммуникационной политики регулятора на эластичность кривой Филлипса. Методология исследования включает теоретический анализ эволюции кривой Филлипса, сравнительный анализ практики Банка России, ЕЦБ и ФРС, а также элементы поведенческой экономики (теория информационных каскадов). Обоснована гипотеза о том, что цифровая среда увеличивает крутизну краткосрочной кривой Филлипса, снижая коэффициент жертвенности (*sacrifice ratio*) при проведении дезинфляционной политики. Апробация механизма формирования ожиданий проведена на основе пилотного опроса студентов Уральского филиала Финуниверситета ($n=74$), подтвердившего доминирование цифровых каналов (60,2% используют Telegram) и высокую скорость реакции (58,1% корректируют ожидания в течение дня). Выводы могут быть использованы для оптимизации коммуникационных стратегий центральных банков и актуализации учебных курсов по макроэкономике.

Annotation

In the context of digital transformation, traditional macroeconomic regularities are losing their predictive power. The classical Phillips curve, which describes the short-run trade-off between inflation and unemployment, does not account for the acceleration of information dissemination due to the introduction of digital communication channels by central banks. The aim of this paper is to identify the mechanism through which the digitalization of a central bank's communication policy affects the elasticity of the Phillips curve. The methodology includes a theoretical analysis of the evolution of the Phillips curve, a comparative analysis of the Bank of Russia, the ECB and the Fed, as well as elements of behavioral economics (information cascade theory). The paper substantiates the hypothesis that the digital environment increases the slope of the short-run Phillips curve, reducing the sacrifice ratio during disinflationary policy. The mechanism of expectation formation is tested through a pilot survey of students at the Ural Branch of the Financial University (n=74), confirming the dominance of digital channels (60.2% use Telegram) and high speed of reaction (58.1% adjust their expectations within a day). The findings can be used to optimize central bank communication strategies and to update macroeconomic curricula.

Ключевые слова: кривая Филлипса, коммуникационная политика, цифровизация, инфляционные ожидания, центральный банк, Банк России, макроэкономическая стабильность.

Keywords: Phillips curve, communication policy, digitalization, inflation expectations, central bank, Bank of Russia, macroeconomic stability.

Введение

«Кривая Филлипса не умерла, она оцифровалась» — этот тезис задаёт вектор современному переосмыслению одной из самых известных макроэкономических зависимостей. На протяжении более чем полувека экономисты использовали кривую Филлипса для описания краткосрочного компромисса между инфляцией и безработицей [4, с. 201]. Однако цифровая трансформация кардинально изменила среду, в которой формируются ожидания экономических агентов. Если классические модели предполагали, что информация доходит до людей с задержкой (дни, недели), то сегодня решение по ключевой ставке становится предметом обсуждения в студенческих чатах и Telegram-каналах за минуты [3, с. 14].

Поколение Z — первые «цифровые аборигены» (digital natives), то есть люди, выросшие в среде, где интернет и цифровые технологии присутствуют с раннего детства, — получает экономическую информацию преимущественно из цифровых платформ. Это меняет трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики: инфляционные ожидания

теперь формируются не столько через официальные отчёты, сколько через скорость и тональность цифровых сообщений регулятора [5, с. 1540]. Возникает закономерный вопрос: как цифровизация коммуникационной политики центральных банков влияет на традиционные макроэкономические зависимости, в частности на кривую Филлипса?

Цель настоящей работы — выявить механизм, через который цифровые каналы коммуникации регулятора трансформируют эластичность кривой Филлипса. Для этого необходимо: 1) систематизировать изменения в коммуникационной политике Банка России в сравнении с ведущими мировыми регуляторами; 2) построить качественную модель влияния цифровой среды на краткосрочную кривую Филлипса; 3) провести эмпирическую апробацию механизма формирования ожиданий на основе региональных данных (УрФО). В отличие от традиционных обзорных работ, данное исследование предлагает авторскую гипотезу, связывающую скорость распространения информации с изменением наклона кривой Филлипса, и проверяет её на примере молодёжной аудитории.

Теоретические основы исследования

Эволюция кривой Филлипса прошла несколько этапов. Эмпирическая зависимость, выявленная А. Филлипсом в 1958 году, была интерпретирована как устойчивый выбор между инфляцией и безработицей [4, с. 201]. Однако стагфляция 1970-х годов и работы Р. Лукаса, Т. Сарджента и др. привели к формированию новокейнсианской кривой Филлипса с рациональными ожиданиями. Ключевой сдвиг: центральная роль перешла от фактической инфляции к ожиданиям будущей инфляции. Именно ожидания определяют, насколько быстро и с какими издержками экономика адаптируется к изменениям денежно-кредитной политики [5, с. 1538; 7, с. 12].

Параллельно с развитием макроэкономической теории менялась и коммуникационная политика центральных банков. От эпохи «секретности» (1970–1980-е годы) регуляторы перешли к «прозрачности» (1990–2000-е), а с 2020-х годов формируется новый этап — «цифровой диалог» [3, с. 14]. Форвардное руководство (forward guidance) стало предшественником современных цифровых коммуникаций, но сегодня инструментарий расширился: социальные сети, мессенджеры, интерактивные дашборды, работа с блогерами [6, с. 28].

Особый вклад в понимание современной динамики вносит поведенческая экономика. Теория информационных каскадов (S. Bikhchandani, D. Hirshleifer) объясняет, почему в цифровой среде люди часто копируют поведение лидеров мнений, даже если те не являются экспертами [5, с. 1545]. Применительно к денежно-кредитной политике это означает, что инфляционные ожидания могут зависеть не только от официальных заявлений, но и от того,

как эти заявления интерпретируют популярные блогеры. Такой эффект усиливается благодаря высокой скорости распространения информации и алгоритмам социальных сетей, создающим «пузыри» единого восприятия [3, с. 19].

Проверка авторской гипотезы

Блок 1. Цифровая трансформация коммуникаций ЦБ РФ в глобальном контексте.

Банк России сегодня — один из самых продвинутых цифровых коммуникаторов среди крупнейших центральных банков [3, с. 16]. Анализ каналов показывает:

— **официальный сайт** cbr.ru предоставляет дашборды с макроэкономической статистикой в реальном времени, что позволяет профессиональной аудитории оперативно отслеживать индикаторы [2, с. 22];

— **Telegram-канал «Банк России»** насчитывает более 250 тыс. подписчиков. Решения по ключевой ставке, заявления Председателя и аналитические материалы публикуются здесь мгновенно, а скорость распространения через репосты в другие каналы исчисляется минутами [3, с. 17];

— **VK-канал** транслирует пресс-конференции и интервью, которые затем расходятся в виде коротких фрагментов в TikTok и других соцсетях [2, с. 26];

— регулятор также взаимодействует с финансовыми волонтерами и блогерами, разъясняющими основы ДКП [3, с. 18].

Сравнение с ЕЦБ и ФРС усиливает этот вывод. Европейский центральный банк делает акцент на подкасты и проект «ECB Listens» [6, с. 32], но скорость распространения информации и охват молодёжной аудитории уступают российским показателям. ФРС традиционно более консервативна, хотя пресс-конференции Дж. Пауэлла становятся вирусными в социальных сетях [3, с. 20]. Таким образом, Россия имеет конкурентное преимущество в системности и оперативности цифровых коммуникаций, что делает её удобным полигоном для исследования трансформации макроэкономических зависимостей.

Блок 2. Авторская гипотеза: цифровая среда и наклон кривой Филлипса.

Ключевая гипотеза работы: в условиях цифровой прозрачности краткосрочная кривая Филлипса становится более крутой, а коэффициент жертвенности (*sacrifice ratio*) снижается [4, с. 210; 5, с. 1560].

Логика гипотезы:

1. В «аналоговую» эпоху информация о решениях ЦБ доходила до экономических агентов с задержкой. Инфляционные ожидания

корректировались медленно, поэтому для их изменения требовались значительные изменения безработицы (пологая кривая Филлипса).

2. В цифровой среде сигналы регулятора распространяются мгновенно. Агенты (особенно молодёжь, привыкшая к цифровым каналам) корректируют ожидания почти сразу.

3. В результате даже небольшое изменение коммуникационной позиции (например, жёсткое заявление о намерении бороться с инфляцией) быстро закоривает ожидания, и для снижения инфляции требуется меньшее увеличение безработицы. Графически это выражается и представлено на Рисунке 1 в увеличении крутизны краткосрочной кривой Филлипса [4, с. 211].

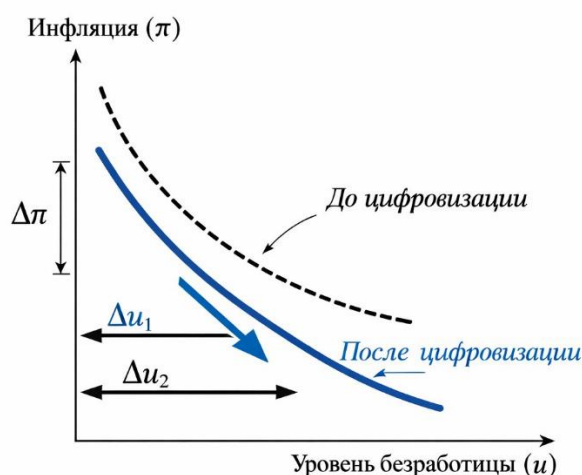


Рисунок 1 – Схематичное изображение изменения наклона краткосрочной кривой Филлипса под влиянием цифровизации коммуникаций

Дополнительный эффект: при высоком уровне доверия к регулятору возможно смещение кривой влево (снижение инфляции при том же уровне безработицы) за счёт «заякоривания» ожиданий [3, с. 19]. Это означает, что регулятор получает новый инструмент стабилизации — управление ожиданиями через цифровой диалог, дополняющий традиционные меры процентной политики [5, с. 1562].

Блок 3. Региональная апробация механизма формирования ожиданий: Уральский филиал Финуниверситета как полигон.

Для иллюстрации механизмов, лежащих в основе выдвинутой гипотезы, проведено пилотное исследование среди студентов Уральского филиала Финуниверситета ($n=74$). Выборка — типичные цифровые аборигены, активные пользователи мессенджеров и социальных сетей (80,8% респондентов — студенты экономических направлений). Цель опроса — проверка микроэкономических предпосылок гипотезы: источники информации о ДКП, скорость реакции на сигналы регулятора, уровень доверия и предпочтительные форматы коммуникации [1, с. 45].

Результаты опроса:

— *источники информации.* 60,2% респондентов используют Telegram-каналы (официальный и другие) как основной источник сведений о решениях Банка России. Телевизионные новости выбирают 11,0%, новостные сайты — 9,6%. Это подтверждает доминирование цифровых каналов, что согласуется с данными о высокой цифровой грамотности населения УрФО [1, с. 48];

— *скорость формирования ожиданий.* 41,1% опрошенных заявили, что заявления регулятора не влияют на их представления об инфляции. Среди тех, кто корректирует ожидания (58,9%), 58,1% делают это в течение дня или быстрее (8,2% — сразу, 11,0% — в течение нескольких часов, 15,1% — в течение дня). Остальные 41,9% меняют мнение через несколько дней;

— *доверие к официальным каналам.* Средний балл по шкале от 1 до 5 составил 3,63. Полностью доверяют информации ЦБ 24,7% респондентов, скорее доверяют — 28,8%, нейтрально относятся — 35,6%;

— *влияние на финансовые решения.* Только 21,9% студентов учитывают заявления ЦБ при принятии личных финансовых решений, 38,4% отмечают некоторое влияние, 39,7% — почти не влияют или не влияют вовсе;

— *понятность информации.* 58,9% студентов считают информацию Банка России «скорее понятной, но со сложными моментами», 23,3% — «понятной и доступной», 17,8% — сложной или неадаптированной;

— *предпочтительные форматы.* 80,8% респондентов отдают предпочтение коротким постам в Telegram, 50,7% — инфографике и дашбордам, 31,5% — объяснительным видео, 28,8% — подкастам. Традиционные официальные документы востребованы лишь 16,4% опрошенных.

Интерпретация результатов. Полученные данные иллюстрируют действие ключевых микроэкономических предпосылок, лежащих в основе выдвинутой макрогипотезы: молодёжь Урала активно использует цифровые каналы, что создаёт условия для быстрой передачи сигналов, а среди реагирующей части аудитории высока доля тех, кто корректирует ожидания в течение дня. Вместе с тем выявлен разрыв между охватом и эффективностью: 41,1% респондентов не меняют ожидания под влиянием заявлений ЦБ, что указывает на необходимость адаптации контента под цифровую аудиторию [3, с. 22; 5, с. 1570].

Важно подчеркнуть, что данные опроса сами по себе не доказывают изменение наклона кривой Филлипса на макроуровне. Они лишь верифицируют микроуровневый механизм (скорость реакции агентов), который является необходимой предпосылкой для

реализации макроэкономического эффекта, описанного в гипотезе. Прямая проверка гипотезы требует эконометрического анализа временных рядов на национальных данных. Пилотный характер исследования ограничивает возможность обобщения, однако полученные результаты задают направление для дальнейших исследований.

Блок 4. Риски и ограничения.

Цифровизация коммуникаций несёт не только преимущества, но и вызовы:

- **информационный шум.** Большое количество сообщений может затруднять выделение ключевых сигналов [3, с. 23];
- **фейки и дезинформация.** В соцсетях быстро распространяются непроверенные интерпретации [5, с. 1572];
- **цифровое неравенство.** Не все группы населения имеют доступ к высокоскоростному интернету или навыки критического восприятия [1, с. 62];
- **низкая вовлечённость.** Данные опроса показывают, что лишь 12,3% студентов систематически следят за заявлениями ЦБ, а 41,1% не корректируют свои ожидания [3, с. 24].

По нашему мнению, цифровизация — не панацея, но мощный инструмент, эффективность которого зависит от качества контента, уровня доверия и медиаграмотности населения [5, с. 1573]. Регулятор будущего должен выступать не только технократом, но и медиаменеджером, выстраивающим диалог с цифровой аудиторией [3, с. 25].

Дискуссия

Возможный контраргумент: в долгосрочном периоде кривая Филлипса вертикальна, и влияние коммуникаций нивелируется [4, с. 213]. Работа фокусируется на краткосрочной динамике, где эффекты скорости распространения информации наиболее значимы. Кроме того, современные исследования (Carvalho & Nechio, 2024; Reis, 2023) подтверждают, что понимание населением денежно-кредитной политики напрямую влияет на эффективность её трансмиссии [3, с. 19; 5, с. 1540; 7, с. 28].

Полученные эмпирические данные вносят вклад в дискуссию о роли цифровых коммуникаций. Высокий процент респондентов (41,1%), не реагирующих на заявления ЦБ, требует дальнейшего изучения факторов, влияющих на восприятие сигналов. Возможно, это связано с недостаточной понятностью контента, низким доверием к институтам или с тем, что молодёжь не связывает макроэкономические решения с собственным благосостоянием [2, с. 30]. Эти вопросы открывают направления для будущих исследований.

Заключение

1. Цифровизация коммуникационной политики центральных банков трансформирует механизм формирования инфляционных ожиданий, делая их более чувствительными к краткосрочным сигналам [3, с. 16; 5, с. 1540]. Это изменяет форму краткосрочной кривой Филлипса, делая её более крутой [4, с. 211].

2. Регулятор получает дополнительный канал стабилизации — управление ожиданиями через цифровой диалог, что позволяет снижать инфляцию с меньшими издержками для рынка труда (снижение коэффициента жертвенности) [3, с. 20; 5, с. 1562].

3. Эмпирическая апробация на выборке студентов Уральского филиала Финуниверситета (n=74) подтвердила доминирование цифровых каналов (60,2% используют Telegram) и высокую скорость реакции среди реагирующей аудитории (58,1% корректируют ожидания в течение дня). Однако выявлен и разрыв: 41,1% опрошенных не меняют своих представлений об инфляции после заявлений ЦБ, что указывает на необходимость адаптации контента под молодёжную аудиторию [2, с. 31; 1, с. 65].

Список литературы

1. Абашкин, В. Л., Абдрахманова, Г. И., Вишневский, К. О., Гохберг, Л. М. и др. Цифровая экономика: 2026: краткий статистический сборник / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. – 130 с.

2. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026–2028 годы / Банк России. – Москва, 2025.

3. Кошкин А. В. Типология коммуникационных стратегий центральных банков как инструмента денежно-кредитной политики / А. В. Кошкин // Финансы и управление. – 2025. – № 4. – С. 12–21.

4. Blanchard O. Macroeconomics / O. Blanchard. – 8th ed. – Harlow : Pearson, 2023. – 576 p. – Chapter 8: The Phillips Curve.

5. Coibion O., Gorodnichenko Y. Monetary policy communications and their effects on household inflation expectations / O. Coibion, Y. Gorodnichenko // Journal of Political Economy. – 2022. – Vol. 130, no. 6. – P. 1537–1584.

6. European Central Bank. ECB's monetary policy strategy assessment: final report / European Central Bank. – Frankfurt, 2025.

7. Reis R. The people versus the markets: a parsimonious model of inflation expectations / R. Reis // CEPR Discussion Paper Series. – 2021. – No. 15624. – 55 p.

Ю.А. БЕРИНЦЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления «Экономика»

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук

Y.A. BERINCEVA

Ural branch of the Financial University
2st year student «Economy»

Scientific supervisor

A.V. DUBININA

Ural branch of the Financial University
Ph.D. econ. Sciences

SKINOMICS 2.0: ОТ CS:GO ДО GENSHIN IMPACT – ВИРТУАЛЬНЫЕ АКТИВЫ КАК НОВЫЙ КЛАСС ИНВЕСТИЦИЙ В ЭПОХУ ГАЧА-ЭКОНОМИКИ

SKINOMICS 2.0: FROM CS:GO TO GENSHIN IMPACT – VIRTUAL ASSETS AS A NEW ASSET CLASS IN THE ERA OF GACHA ECONOMICS

Аннотация

В статье рассматриваются игровые предметы как инвестиции. Примером служат две модели внутриигровых активов. Также проводится их анализ волатильной доходности и сравнение в плане инвестиционной привлекательности, ликвидности и системных рисков.

Annotation

The article discusses game items as investment assets. Two models of in-game assets are used as examples. The article also analyzes their volatile returns and compares them in terms of investment attractiveness, liquidity, and systemic risks.

Ключевые слова: скины, гача-игры, виртуальные активы, инвестиции, рыночный обвал, Counter-Strike 2, Genshin Impact.

Key words: skins, gacha games, virtual assets, investments, market crash, Counter-Strike 2, Genshin Impact.

Случай октября 2025 года стал главным примером уязвимости внутриигровых

вложений. Буквально за сутки многие скины в игре Counter-Strike 2 потеряли около двух миллиардов своей рыночной стоимости. Благодаря ему можно сказать наверняка – большим минусом является зависимость от обновлений, выпускаемых разработчиками игр. Параллельно игры с механикой «гача» показывают устойчивый рост. Прогнозы дают положительные, как, например: QY Research: «Выручка увеличится с 4,1 млрд. долларов до 10,2 млрд. долларов к 2031 году» [3]. При этом докризисная капитализация рынка скинов достигала 6 млрд долларов [6], что подчёркивает масштаб случившегося краха.

Виртуальные активы занимают уникальное место в нынешней экономике. Они являются не только частью игрового процесса, но и являются привлекательным объектом для инвестиционных вложений.

Существует несколько моделей.

Модель № 1: Децентрализованные торговые площадки

Counter-Strike сформировала развитую систему торговли игровыми предметами. Основу составляют независимые P2P-площадки, такие как Lis-skins (комиссия 3–5%, мгновенные выводы на карты) и международные сервисы Waxpeer, ShadowPay, ориентированные на криптовалютные расчёты [5].

Очень долго инвестиции в скины считалась высоко прибыльной. На эту тему было осуществлено масштабное исследование от ВШЭ и РЭШ, которое проводилось, основываясь на 4,5 тысяч игровых предметов за 2013-2024 года. Среднегодовая доходность скинов в CS:GO достигла 41% [1]. Также был озвучен коэффициент Шарпа: «для этого актива достиг 0,34 – выше, чем у фондового рынка (0,25) и биткоина (0,21)». Иными словами, скины долгое время выглядели существенно привлекательнее многих привычных инструментов инвестиций [1].

Но показательный крах, после обновления вышедшего 25 октября, отношение изменилось. Возможность создавать игровые ножи из редких скинов. Ранее такой механики не было, именно на заданной редкости строилось ценообразование дорогих предметов. Итог вышел сокрушающим: буквально за сутки общая капитализация рынка с 6 млрд упала до 4 млрд долларов, а стоимость элитных предметов с тысяч долларов опустилась до 50 [6]. Эксперт Александр Кузьменко отметил: «Любое изменение правил игры может мгновенно обнулить стоимость даже самых редких активов [6].

Тем не менее, даже после обвала на рынке сохраняются экстремальные ценовые аномалии. Например, скин АК-47 / Case Hardened с уникальным синим паттерном №661 оценивается более чем в 1,5 млн долларов [5]. Однако такие случаи скорее исключение, подтверждающее правило: массовый сегмент стал крайне уязвим.

Модель № 2: Гача-игры

В отличие от предыдущей модели, гача-игры работают по принципу закрытой экономики. Разработчики всецело руководят выпуском новых персонажей, редкостью и способом получения. Например, популярная игра – Genshin Impact, являющаяся проектом HoYoverse приносит миллионы долларов каждый год. Согласно прогнозам – рынок, основанный на гаче вырастет с 4,1 млрд. долларов (на момент 2024 года) до 10,2 млрд. к 2031 году [3].

Но несмотря на успех лидирующих проектов их доходы неустойчивы. Анализ зафиксировал уменьшение общей выручки компании на 50 млн долларов. Такой же популярный проект под названием Honkai: Star Rail утратило более половины доходов.

Также, основным влиянием на доходы является формат баннеров. Будучи временным и ограниченным явлением буквально вынуждает игроков приносить прибыль во имя любимых персонажей. Также новые механики самих баннеров приносят новый доход, в среднем 22,5 млн. долларов, по сравнению с выпуском нового персонажа, такой формат принёс на 7 млн. долларов больше [7].

За счёт того, что игроки не приобретают скины напрямую, а вкладываются в аккаунты, система кардинально отличается от модели №1. Ликвидность подобных активов низкая, а продают их на «серых» рынках с высокими рисками потерять учётную запись навсегда. Успех же зависит от умения прогнозировать популярность грядущих обновлений.

Сравнительный анализ: стоит ли инвестировать?

Если сравнивать обе модели наглядно, можно сделать выбор в пользу той или иной рыночной системы. Если в CS:GO продаются косметические предметы с открытой перепродажей, присутствует высокая ликвидность и прозрачность ценообразования [5], то в Genshin Impact является полной противоположностью.

Даже не смотря на все преимущества, самый крупный рынок виртуальных предметов не защищён до конца и имеет множество рисков. Никакой анализ не помог предсказать потерю 2 млрд долларов за сутки, когда в гача-экономике риск более распределённый. Но оба рынка зависят от стратегий разработчиков.

В заключение можно сказать: вложение в подобные модели рынка нельзя рассматривать как надёжные инвестиции. Целесообразное инвестирование возможно лишь для интересующихся игроков, которые готовы потерять полный вложенный капитал. Для обычного инвестора, ориентированного на сохранность средств и прогнозируемую доходность, виртуальные активы остаются высокорискованным нишевым экспериментом.

Список литературы

1. Counter-Strike как инвестиция: как игровые предметы обогнали фондовый рынок // Московские новости. – 2025. – 19 мая. –
URL: <https://www.mn.ru/smart/counter-strike-kak-investicziya-kak-igrovyje-predmety-obognali-fondovyj-rynok> (дата обращения: 19.03.2026).
2. Genshin Impact вернулась на вершину рейтинга мобильных гача-игр – \$54 млн в октябре // [PlayGround.ru](https://playground.ru). – 2025. – 1 ноября. –
URL: https://www.playground.ru/genshin_impact/news/genshin_impact_vernu-las-na-vershinu-rejtinga-mobilnyh-gacha-igr-54-mln-v-oktyabre-1801785
3. Global Gacha Games Market Outlook, In Depth Analysis & Forecast to 2031 // QY Research. – 2025. – 30 июля. –
URL: <https://www.qyresearch.com/reports/4810424/gacha-games>
4. HoYoverse теряют миллионы: что происходило с доходами студии в мае // myseldon.com. – 2025. – 3 июня. –
URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/330458161>
5. Lis-skins: честный обзор сервиса для продажи скинов – Актуально на октябрь 2025 // [TenChat.ru](https://tenchat.ru). – 2025. – 20 октября. –
URL: <https://tenchat.ru/media/3929694-lisskins-chestniy-obzor-servisa-dlya-prodazhi-skinov> (дата обращения: 19.03.2026).
6. Рынок скинов в CS 2 резко обрушился после обновления. Что нужно знать // Известия. – 2025. – 26 октября. – URL: <https://iz.ru/1979281/2025-10-26/rynok-skinov-v-cs-2-rezko-obrushilsia-posle-obnovleniia-cto-nuzhno-znat>
7. Tendence des revenus Genshin Impact : données 2025 // Accio. – 2026. – 9 февраля. – URL: <https://fr.accio.com/business/genshin-revenue-trend-chart>

А.А. БОЛДЫРЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Н.С. СОГРИНА

к.э.н., доцент

Уральский филиал Финуниверситета

A.A. BOLDYREVA

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«Economy»

Scientific supervisor
N.S. SOGRINA
Candidate of Economics, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ОТЧЕТНОСТИ В РОССИИ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INTEGRATED REPORTING IN RUSSIA

Аннотация

В статье исследуются состояние и перспективы интегрированной отчетности в России в условиях санкционного давления и цифровой трансформации. Автором выявлены ключевые барьеры и драйверы внедрения данного формата, а также проанализированы нормативно-правовые аспекты раскрытия нефинансовой информации. Особое внимание уделено разработке комплексного методологического подхода к подготовке отчетности с учетом требований российских стейкхолдеров.

Annotation

The article examines the state and prospects of integrated reporting in Russia under sanctions pressure and digital transformation. The author identifies key barriers and drivers for implementing this format and analyzes the regulatory aspects of non-financial information disclosure. Special attention is paid to developing a comprehensive methodological approach to reporting that meets the requirements of Russian stakeholders.

Ключевые слова: интегрированная отчетность, корпоративная отчетность, устойчивое развитие, ESG-факторы, нефинансовая отчетность, стейкхолдеры, прозрачность бизнеса

Keywords: integrated reporting, corporate reporting, sustainable development, ESG factors, non-financial reporting, stakeholders, business transparency

Интегрированная отчетность представляет собой качественно новый подход к корпоративным коммуникациям, объединяющий финансовую и нефинансовую информацию в едином документе. В России этот формат отчетности находится на стадии активного становления, что создает уникальное окно возможностей для формирования национальной модели, адаптированной к специфике отечественного бизнеса [6].

Феномен интегрированной отчетности возник как ответ на фрагментированность традиционных форм корпоративной отчетности. Инвесторы, регуляторы и общество требуют

целостного понимания того, как компания создает ценность в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Согласно исследованиям, проведенным российскими учеными, интегрированная отчетность способствует повышению качества корпоративного управления и усилению связи между стратегическими целями компании и операционной деятельностью [4]. Это особенно актуально для России, где проблема информационной асимметрии между менеджментом и стейкхолдерами остается острой.

Российская Региональная сеть по интегрированной отчетности, созданная в 2015 году, объединяет более 70 организаций. Однако масштабы внедрения остаются скромными: по данным 2024 года, полноценную интегрированную отчетность публикуют менее 50 российских компаний [5]. Для сравнения – отчетность по устойчивому развитию в различных форматах готовят около 200 крупнейших организаций.

Важно понимать, что интегрированная отчетность – это не просто механическое соединение разных отчетов в один документ. Это фундаментальное переосмысление бизнес-модели компании через призму создания ценности для всех заинтересованных сторон. Процесс подготовки такой отчетности требует глубокой трансформации систем управленческого учета, внутренних коммуникаций и стратегического планирования.

Методологическая неопределенность остается одним из главных препятствий. Несмотря на существование Международных стандартов интегрированной отчетности, в России отсутствуют четкие национальные регламенты и методические указания [2]. Компании вынуждены самостоятельно интерпретировать принципы и элементы отчетности, что приводит к существенным различиям в подходах и снижает сопоставимость информации.

По экспертным оценкам, первый цикл подготовки интегрированной отчетности может обойтись крупной компании от 5 до 15 миллионов рублей [8]. Для организаций среднего размера эти суммы могут стать критическими.

Существует и проблема культурного сопротивления. Традиционно российский бизнес тяготеет к конфиденциальности информации, особенно касающейся стратегии, рисков и нефинансовых показателей. Интегрированная отчетность же требует высокого уровня транспарентности, что встречает внутреннее сопротивление менеджмента [7].

Однако есть и мощные драйверы развития. Прежде всего, это давление со стороны инвесторов. Международные и крупные российские институциональные инвесторы все чаще включают ESG-критерии в инвестиционные решения [1]. Компании, публикующие интегрированную отчетность, получают конкурентное преимущество при привлечении

капитала, что положительно отражается также и на экономике региона и страны в целом [3, с. 19].

Санкционные ограничения, как ни парадоксально, стали катализатором развития интегрированной отчетности. В условиях ограниченного доступа к западным рынкам капитала российские компании вынуждены более активно работать с внутренними инвесторами и повышать прозрачность для снижения воспринимаемых рисков.

Регуляторная поддержка также усиливается. Банк России последовательно проводит политику повышения стандартов корпоративного управления и отчетности. В 2024 году были обновлены рекомендации по раскрытию нефинансовой информации, что создает более четкие ориентиры для компаний [6].

Стоит отметить успешный опыт компаний-«пионеров». Так, например, «АЛРОСА», «Росатом», «РЖД», «Сбербанк» демонстрируют, что качественная интегрированная отчетность становится инструментом стратегического управления, а не просто формальной обязанностью [4]. Эти организации отмечают улучшение внутренних процессов планирования, усиление связности между подразделениями и повышение эффективности диалога со стейкхолдерами.

Список литературы

1. Бушуева, М.А. Интегрированная отчетность как инструмент повышения инвестиционной привлекательности компаний / М.А. Бушуева, С.А. Григорьева // eLibrary.ru: научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54896721> (Дата обращения: 15.02.2026).
2. Когденко, В.Г. Интегрированная отчетность: формирование и анализ: учебное пособие / В.Г. Когденко, М.В. Мельник. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 387 с.
3. Копченков, А.А., Дубынина А.В., Согрина Н.С. Качественный сравнительный анализ в оценке конкурентоспособности муниципальных районов Челябинской области / А.А. Копченков, А.В. Дубынина, Н.С. Согрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 17-31.
4. Малиновская, Н.В. Трансформация корпоративной отчетности: от финансовой к интегрированной / Н.В. Малиновская // Учет. Анализ. Аудит. – 2024. – Т. 11. – № 2. – С. 34-47. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=55234167> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Аналитический обзор: Интегрированная отчетность в России 2023-2024 / Российская Региональная сеть по интегрированной отчетности. – Москва, 2024. – 156 с.

6. О раскрытии публичными акционерными обществами нефинансовой информации: информационное письмо Банка России от 12.07.2024 № ИН-06-28/96 // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/> (Дата обращения: 14.02.2026).

7. Шнайдер, О.В. Интегрированная отчетность в системе корпоративного управления российских компаний: проблемы и перспективы / О.В. Шнайдер // Корпоративные финансы. – 2023. – Т. 17. – № 4. – С. 89-103.

8. Эндовицкий, Д.А. Интегрированная отчетность как информационная основа устойчивого развития организаций / Д.А. Эндовицкий, Н.П. Любушин, Н.Э. Бабичева. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – 248 с.

В.К. ВАГАНОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса магистерская программа
«Корпоративная отчетность и право в бизнесе»

Р.Р. МУХАМЕДЬЯРОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса магистерская программа
«Умные города: управление и цифровые технологии»

Научный руководитель

Ю.В. ЛЫСЕНКО

Д-р экон. наук, профессор
Уральский филиал Финуниверситета

V.K. VAGANOV

Ural Branch of the Financial University
Second-year student, Master's program
«Corporate Reporting and Law in Business»

R.R. MUKHAMEDYAROV

Ural Branch of the Financial University
Second-year student, Master's program
«Smart Cities: Management and Digital Technologies»

Academic Supervisor

YU.V. LYSENKO

Doctor of Economics, Professor
Ural Branch of the Financial University

**КООРДИНАЦИЯ И КОНТРОЛЬ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ФИНАНСОВЫХ
ПОТОКОВ В ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ПРЕДПРИЯТИЯ**

COORDINATION AND CONTROL OF MATERIAL AND FINANCIAL FLOWS IN ENTERPRISE LOGISTICS SYSTEMS

Аннотация

Работа посвящена исследованию процессов синхронизации движения ресурсов в рамках логистической системы предприятия. В тексте рассматриваются ключевые инструменты координации и контроля, позволяющие минимизировать временные и финансовые разрывы между поставками и платежами. Обосновывается необходимость комплексного подхода к управлению потоками для повышения общей эффективности и конкурентоспособности бизнес-структур. Сформулированные рекомендации могут быть использованы для оптимизации логистических стратегий в условиях динамично меняющейся рыночной среды.

Annotation

This paper examines the processes of synchronizing resource flows within an enterprise's logistics system. It examines key coordination and control tools for minimizing time and cost gaps between deliveries and payments. It substantiates the need for an integrated approach to flow management to improve the overall efficiency and competitiveness of businesses. The recommendations formulated can be used to optimize logistics strategies in a dynamically changing market environment.

Ключевые слова: логистика, механизмы, система, финансы.

Key words: Logistics, Mechanisms, Systems, Finance.

В условиях современной экономики эффективность деятельности предприятия во многом зависит от оптимального управления движением ресурсов. Логистика, берущая свое начало от греческого искусства вычислять («logistike») [6, с. 9], прошла долгий путь от военной стратегии до неотъемлемой части гражданского бизнеса. Сегодня это не просто наука о транспортировке, а комплексная методология управления потоками, интегрирующая закупки, производство, сбыт и информацию. Конечная цель логистики — максимальное удовлетворение запросов потребителя с минимальными затратами времени и ресурсов путем сквозного управления потоками [5, с. 18].

Базовым понятием логистики является **логистическая система** — адаптивная система с обратной связью, предназначенная для планирования и координации физического движения ресурсов [5, с. 36]. Цель такой системы — доставка товаров в нужное место, в нужном количестве и с заданным уровнем сервиса.

В качестве логистической системы может выступать промышленное предприятие, торговая компания или целый территориально-производственный комплекс. Структура системы включает ряд взаимосвязанных элементов (подсистем):

- **Закупки** (обеспечение поступления материалов);
- **Склады** (хранение и преобразование потоков);
- **Запасы** (обеспечение гибкости и надежности);
- **Транспорт** (перемещение грузов);
- **Информация** (связь и контроль операций);
- **Кадры и сбыт** (обслуживание и реализация).

Эффективность функционирования такой системы оценивается через соотношение результатов и затрат в различных областях: снабжении, производстве, сбыте, транспортировке, складировании и управлении [6, с. 54].

Объектом изучения в логистике выступают потоки. **Логистический поток** — это направленное движение совокупности ресурсов (вещественных и нематериальных), заданное временным интервалом [2, с. 16].

Ключевую роль играют два основных вида потоков:

1. **Материальный поток** — совокупность грузов, деталей и товарно-материальных ценностей, к которым применяются логистические операции (транспортировка, складирование). Классификация материальных потоков обширна и включает деление по направленности движения (входные/выходные), по отношению к системе (внутренние/внешние), непрерывности, сложности и физико-механическим свойствам груза (тарно-штучные, навалочные, наливные и т.д.) [1, с. 7].

2. **Финансовый поток** — это движение финансовых средств (наличных, безналичных, платежей), циркулирующих в логистической системе. Важной особенностью является то, что каждый материальный поток (от закупки до реализации) сопровождается финансовым потоком: инвестициями, оплатой труда или компенсацией за проданный товар. Финансовые потоки классифицируются по назначению (закупочные, инвестиционные), направлению связей (горизонтальные/вертикальные) и форме расчета [3, с. 36].

Таким образом, материальный поток обеспечивает физическое наличие ресурсов, а финансовый — их экономическое обеспечение и расчетное сопровождение.

Механизмы координации и контроля (контроллинг)

Для эффективного управления потоками и обеспечения слаженной работы всех элементов системы применяется **логистический контроллинг**. Это непрерывный процесс обработки данных, выявления отклонений между плановыми и фактическими показателями

и принятия управленческих решений [1, с. 15]. Цель контроллинга — оптимальное использование ресурсов и обеспечение бесперебойных поставок.

Основные задачи контроллинга охватывают ключевые подсистемы логистики:

- Управление запасами (минимизация издержек хранения);
- Управление транспортировками (оптимизация маршрутов);
- Контроль качества услуг (повышение надежности поставок);
- Управление ресурсами (анализ эффективности использования);
- Интеграция информационных систем (обеспечение актуальности данных) [4, с. 29].

Современный инструментарий контроля включает в себя как традиционные методы (наблюдение, анализ документов, хронометраж), так и специализированные подходы:

- **Контроль качества и потребительский контроль** — оценка соответствия услуг ожиданиям клиентов [2, с. 43].

- **Бенчмаркинг** — сравнение собственных показателей с лучшими практиками конкурентов [5, с. 16].

- **Ключевые показатели эффективности (KPI)** — количественные измерители (например, процент своевременной доставки), позволяющие оперативно реагировать на изменения [4, с. 28].

- **Статистические методы и информационные технологии** — автоматизация сбора данных, моделирование и прогнозирование [2, с. 52].

Современная логистика представляет собой сложную, интегративную науку и сферу деятельности, основанную на системном подходе. Логистическая система предприятия функционирует за счет непрерывного движения материальных и финансовых потоков. Эффективность этой системы напрямую зависит от качества их координации. Внедрение механизмов контроллинга — от бенчмаркинга до цифровых технологий — позволяет не только отслеживать текущие показатели и выявлять узкие места, но и формировать стратегию развития, направленную на минимизацию издержек и максимизацию удовлетворенности потребителя.

Список литературы

1. Большов, А.В. Менеджмент: теория и практика :учеб. пособие / А. В. Большов; Казан. финансово-экон. ин-т. — Казань : Изд-во Казан. финансово-экон. ин-та, 2021. — 179 с. : ил.; 21 см. — ISBN 978-5-9916-8761-4.
2. Галяутдинов, Р.Р. Поток в логистике. Материальные, информационные, финансовые и другие виды потоков // Сайт преподавателя экономики [сайт]. — URL: <https://galyautdinov.ru/post/potok-v-logistike> (дата обращения: 23.01.2025).

3. Долгов, А. П. Логистический менеджмент фирмы: концепция, методы и модели: учеб. пособие / А. П. Долгов, В. К. Козлов, С. А. Уваров. СПб. : ИД «Бизнес-пресса», 2022. — 384 с.
4. Иванов, М. Ю. Логистика [Текст] : учебное пособие / М. Ю. Иванов, М. Б. Иванова. — 3-е изд. - Москва :РИОР : ИНФРА-М, 2010. — 90 с. : ил., табл.; 17 см.; ISBN 978-5-369-00623-8 (РИОР)
5. Каменева, Н. Г. Логистика : учеб. пособие / под ред. Н. Г. Каменевой. — Москва :КУРС : ИНФРА-М, 2021. — 202 с. — ISBN 978-5-905554-01-8 (КУРС), ISBN 978-5-16-005277-9 (ИНФРА-М). — Текст : электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/405358> (дата обращения: 23.01.2025). — Режим доступа: по подписке.
6. Сергеев, В. И. Логистика: информационные системы и технологии / В. И. Сергеев, И. П. Эльяшевич ; под общей редакцией В. И. Сергеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 440 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-12843-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/489414>

Ю.Г. ВАРДАНИЯ

Бузулукский финансово-экономический колледж,
студент II курса направления подготовки
«Финансы»

Научный руководитель

Д.Д. ЩЕРБАТОВА

Бузулукский финансово-экономический колледж,
преподаватель

YU.G. VARDANYAN

Buzuluk Financial and Economic College,
second year student majoring in Finance

Academic Supervisor

D.D. SHCHERBATOVA

Buzuluk Financial and Economic College,
Lecturer

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY AND ITS IMPACT ON THE BEHAVIOR OF MODERN YOUTH

Аннотация

В статье анализируется влияние цифровой трансформации экономики на поведенческие модели современной молодежи. Рассматриваются ключевые аспекты цифровизации, а именно изменения в потребительском поведении, трудовой активности, коммуникации и ценностных ориентациях. Проводится сравнительный анализ положительных и отрицательных эффектов, включая рост цифровых компетенций, появление новых возможностей для самореализации и риски зависимости, клипового мышления и социальной изоляции. Предложены рекомендации по гармоничной адаптации молодежи к цифровой экономике.

Annotation

The article analyzes the impact of the digital transformation of the economy on the behavioral models of modern youth. The key aspects of digitalization are examined, namely changes in consumer behavior, labor activity, communication and value orientations. A comparative analysis of positive and negative effects is carried out, including the growth of digital competencies, the emergence of new opportunities for self-realization and the risks of addiction, clip thinking and social isolation. Recommendations are proposed for the harmonious adaptation of youth to the digital economy.

Ключевые слова: цифровая трансформация экономики, поведение молодежи, цифровые компетенции, потребительское поведение, ценностные ориентации, искусственный интеллект.

Key words: digital transformation of the economy, youth behavior, digital competencies, consumer behavior, value orientations, artificial intelligence.

Цифровая трансформация экономики представляет собой фундаментальное изменение бизнес-моделей, производственных процессов и способов взаимодействия экономических субъектов на основе широкого применения цифровых технологий, больших данных, искусственного интеллекта, интернета вещей и облачных вычислений [5]. Эти процессы оказывают значительное влияние на все сферы жизни общества, особенно на поведение молодого поколения, что наиболее активно осваивает и использует новые цифровые инструменты.

Современная молодежь, а именно поколение Z и альфа, выросла в условиях тотальной цифровизации. Для них смартфон, социальные сети и онлайн-сервисы - неотъемлемая часть повседневной жизни. Цифровая экономика изменила модели потребления: молодые люди чаще предпочитают подписочные сервисы, маркетплейсы и шеринговую экономику, чем традиционное владение вещами [1].

Значительные изменения произошли в сфере труда. Платформенная экономика, вроде

Яндекс.Такси, Avito, создала новые формы занятости — фриланс, gig-экономику и проектную работу. Молодежь выбирает гибкий график и удалённую работу, всё чаще отказываясь от традиционной модели «одна работа на всю жизнь». По данным исследований, более 60 % представителей поколения Z готовы работать в формате фриланса или на цифровых платформах [3].

Цифровая трансформация существенно повлияла на коммуникационное поведение молодежи. Социальные сети стали основным каналом получения информации, социализации и самовыражения. Алгоритмы рекомендаций формируют «пузыри фильтров», усиливая поляризацию мнений и влияя на мировоззрение молодых людей. При этом растёт проблема цифровой зависимости и снижения способности к глубокому чтению и длительной концентрации внимания [2].

Особое влияние оказывает экономика данных. Персонализация предложений на основе анализа больших данных позволяет компаниям максимально точно направлять рекламу и услуги на молодую аудиторию. С одной стороны, это повышает удобство в потреблении, но с другой, вызывает опасения по поводу приватности и манипуляции поведением.

Позитивные аспекты цифровой трансформации для молодежи включают:

- расширение доступа к образованию и самообразованию, вроде онлайн-курсов, образовательных платформ;

- рост возможностей для предпринимательства с созданием стартапов и минимальными вложениями;

- развитие востребованных на современном рынке труда цифровых компетенций.

К негативным последствиям можно отнести:

- усиление социальной изоляции и снижение навыков коммуникаций вне сети интернет;

- рост тревожности и депрессивных состояний, сравнением себя с идеализированными образами в социальных сетях;

- риск потери критического мышления из-за чрезмерного доверия алгоритмам и искусственному интеллекту.

Таким образом, цифровая трансформация экономики выступает мощным фактором, что формирует новое поведение современной молодежи. Для минимизации негативных эффектов и последующего максимального использования преимуществ необходимо провести целенаправленную работу по развитию цифровой грамотности, критического мышления и осознанного использования цифровых технологий как со стороны образовательных учреждений и государства, так и со стороны самих молодых людей.

Список литературы

1. Войтов А.Г., Сидорова Е.А. Потребительское поведение поколения Z в условиях цифровизации // Экономика и управление. – 2025. – № 1. – С. 105–118. (дата обращения:

26.03.2026).

2. Подповетная Ю.В. Психологические аспекты влияния социальных сетей на молодежь // Педагогика и психология образования. – 2024. – № 4. – С. 71–85. (дата обращения: 25.03.2026).

3. Савенкова А.С., Сломьянский П.В. Цифровизация экономики и ее влияние на практики трудоустройства российской молодежи // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 5. – С. 52–58. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ekonomiki-i-ee-vliyanie-na-praktiki-trudoustroystva-rossiyskoj-molodezhi> (дата обращения: 25.03.2026).

4. Смирнов Д.А. Платформенная экономика и трансформация рынка труда // Вопросы экономики. – 2025. – № 3. – С. 42–56. (дата обращения: 25.03.2026).

5. Угрюмова Н.В. Цифровая трансформация экономики России: вызовы и перспективы // Вестник Финансового университета. – 2024 – № 3. – С. 42–56. (дата обращения: 25.03.2026).

6. Захаров С.М. Гиг-экономика: шансы для финансовой независимости молодежи // Экономика и управление. – 2024. – № 6. – С. 148–152. – DOI: 10.34773/EU.2024.6.26. – Режим доступа: <https://ekam-journal.com/images/2024/6-2024/Zakharov.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

А.А. ВЫРОСТКОВА

Уральский филиал Финуниверситета,
студентка IV курса направления подготовки
«Бизнес-информатика»

A.A. VYROSTKOVA

Ural branch of the Financial University
Fourth-year student majoring in Business Informatics

ВНЕДРЕНИЕ BI-СИСТЕМЫ В БАНК ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

IMPLEMENTATION OF A BI SYSTEM IN A BANK TO IMPROVE MANAGEMENT EFFICIENCY

Аннотация

В статье раскрываются особенности BI-систем: даётся их понятие, рассказывается, из каких компонентов они состоят, для каких целей используются. Также раскрываются некоторые особенности внедрения BI-систем: затрагиваются вопросы выбора BI-системы, описывается, как компании пытаются снизить риски внедрения, рассказывается, какие виды тестирования обычно проводятся. Кроме того, обосновывается необходимость внедрения BI-

систем в банки и рассказывается, в каких областях банковской деятельности их чаще всего используют.

Annotation

The article reveals the features of BI systems: it defines them, explains what components they consist of, and for what purposes they are used. It also covers some of the specifics of implementing BI systems: it touches on the issues of choosing a BI system, describes how companies try to reduce implementation risks, and explains what types of testing are typically performed. In addition, the need for the implementation of BI systems in banks is justified and it is described in which areas of banking activities they are most often used.

Ключевые слова: BI, BI-система, бизнес-аналитика, эффективность управления.

Key words: BI, business intelligence platform, business analytics, management efficiency.

Банк России сообщает, что на 1 февраля 2026-го года в России функционирует 305 банков [1]. Это означает, что в этом секторе существует высокая конкуренция. Банки ведут борьбу за клиентов. Привлечь новых клиентов недостаточно — их необходимо удержать. Банкам необходимо максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы. В связи с этим повышается роль аналитики.

BI-системы, или же системы бизнес-аналитики, предназначены для помощи в принятии управленческих решений. Они изучают как свежие, так и архивные данные, собранные из разных источников, с целью поиска закономерностей и трендов. После этого они визуализируют информацию на дашбордах и представляют результаты в понятных для восприятия отчётах [4].

К основным элементам BI-систем относятся источники данных, хранилища данных, ETL-инструменты, OLAP, инструменты выполнения запросов и построения отчётов [2].

Самые распространённые области банковской деятельности, где используется BI, — это:

- анализ транзакций клиентов,
- анализ трафика в системе онлайн-банкинга,
- прогнозирование продаж розничной сети и управление ими,
- исследование и оценка бизнес-модели учреждения [3].

Разберём некоторые особенности внедрения BI-системы.

Перед внедрением BI-системы в банк необходимо провести сравнительный анализ

доступных на рынке систем: надо изучить их технические характеристики, определить, какие из этих характеристик действительно важны, а какие — излишни. Также необходимо сравнить цены на них, что потребует взаимодействия с представителями компаний, которые поставляют эти ВІ-системы (так как цен на ВІ-системы почти нет в открытом доступе).

Кроме того, необходимо понять, какой вариант внедрения предпочтителен: пилотный запуск ВІ-системы в отдельных подразделениях или масштабное внедрение сразу во всю организацию. В большинстве случаев выбирается первый вариант, так как он позволяет «прощупать почву».

Также необходимо выявить, какие риски внедрения есть, в чём они проявляются, к каким последствиям могут принести и какие меры можно применить, чтобы эти риски смягчить. На этом этапе строится шкала оценки вероятности возникновения риска и шкала оценки последствий его возникновения, разрабатывается матрица для определения уровня риска и, наконец, таблица для определения ранга риска. На основании последней делается вывод о том, каким рискам следует уделять наиболее пристальное внимание.

Важным аспектом также является определение перечня тестирований и критериев их приёмки. Обязательно проводятся такие виды тестирований, как функциональное, нагрузочное, объёмное, а также тестирования безопасности и UX/UI.

На этапе планирования графика внедрения определяется объём работ, рассчитывается время их выполнения, назначаются ответственные исполнители.

Подводя итог всему вышесказанному, ещё раз отметим, что внедрение ВІ-системы является важным шагом на пути к повышению конкурентоспособности банка. Поэтому необходимо максимально ответственно подойти к этому процессу: понять, в какие отделы необходимо внедрить ВІ-систему в первую очередь, определить, какая ВІ-система лучше всего отвечает требованиям банка, выявить риски, определить перечень тестирований и, конечно, распланировать график внедрения. Внедрение ВІ-системы требует большого количества ресурсов, но, если всё будет сделано правильно, в конечном счёте это только поможет банку повысить свою конкурентоспособность.

Список литературы

1. Банковский сектор // Банк России : офиц. сайт. — URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/ (дата обращения: 26.03.2026).

2. Гриненко, Ю. К., Матов, М. Б. Особенности применения ВІ-технологий в условиях развития цифровой экономики // Московский экономический журнал: электр. версия. — 2022. — № 6. — С. 670–682. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-bi-tehnologiy-v-usloviyah-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 26.03.2026).

26.03.2026).

3. Никифорова, Н. А., Шихов, А. А. Анализ применения технологии Business Intelligence в банковской сфере // Вестник Академии знаний : электр. версия. — 2024. — № 6 (65). — С. 567–604. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-primeneniya-tehnologii-business-intelligence-v-bankovskoy-sfere> (дата обращения: 26.03.2026).

4. What is business intelligence (BI)? // SAP : сайт. — URL: <https://www.sap.com/products/data-cloud/cloud-analytics/what-is-business-intelligence.html> (дата обращения: 26.03.2026).

Д.А. ГАФУРОВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
магистрант I курса направления «Экономика»

Научный руководитель

Г.Х. ПЫРКОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
канд. экон. наук, доцент

D.A. GAFUROV

Kazan (Volga Region) Federal University,
Master's student

Academic Supervisor

G.H. PYRKOVA

Kazan (Volga Region) Federal University,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

ИСЛАМСКИЕ ФОНДЫ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА РОССИИ

ISLAMIC PRIVATE EQUITY FUNDS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN FINANCIAL SECTOR

Аннотация

В статье рассматривается трансформация исламских фондов прямых инвестиций (ФПИ) под влиянием цифровых технологий и анализируются перспективы их применения в финансовом секторе России. Исследуются принципы функционирования исламских ФПИ, основанные на контрактах мудароба и мушарака, а также возможности, которые открывают технологии блокчейна, смарт-контрактов и искусственного интеллекта для масштабирования шариатски-ориентированных инвестиций. Рассматривается опыт российского эксперимента

по партнёрскому финансированию в разрезе готовности к привлечению цифровых инвестиций из государств исламского мира. Обосновывается тезис о том, что цифровизация снимает часть институциональных барьеров, прежде препятствовавших развитию исламских ФПИ в России.

Annotation

The article examines the transformation of Islamic private equity funds (PEFs) under the influence of digital technologies and analyzes the prospects for their application in Russia's financial sector. The operating principles of Islamic PEFs based on *mudarabah* and *musharakah* contracts are studied, along with the opportunities that blockchain, smart contract, and artificial intelligence technologies open up for scaling Sharia-compliant investments. Russia's experience with the partnership financing experiment is considered through the lens of readiness to attract digital investments from Islamic world countries. The thesis is substantiated that digitalization removes some of the institutional barriers that previously impeded the development of Islamic PEFs in Russia.

Ключевые слова: исламские финансы, фонды прямых инвестиций, мудароба, мушарака, цифровая трансформация, блокчейн.

Key words: Islamic finance, private equity funds, *mudarabah*, *musharakah*, digital transformation, blockchain.

Глобальный рынок исламских финансов переживает период интенсивного роста: по данным доклада LSEG Islamic Finance Development Report 2025, совокупные активы отрасли достигли 5,98 трлн долл. США в 2024 г., а к 2029 г. прогнозируется их увеличение до 9,7 трлн долл. [1]. Параллельно стремительно расширяется сегмент исламского финтех – в 2024–2025 гг. объём транзакций и активов под управлением исламских финтех-компаний составил 198 млрд долл. США, причём до 2029 г. ожидается среднегодовой прирост на уровне 11,5% [2]. Именно на пересечении этих двух трендов – зрелости исламских финансов и технологической революции – формируется новая модель исламских фондов прямых инвестиций.

Исламский фонд прямых инвестиций – это инвестиционная структура, привлекающая долгосрочный капитал для вложений в компании закрытого типа исключительно в соответствии с нормами шариата. Ключевым контрактным механизмом выступают мудароба (доверительное партнёрство, при котором капиталодатель и управляющий делят прибыль в

оговорённой пропорции, а убытки относятся на капиталоудателя) и мушарака (совместное предприятие с долевым участием всех партнёров в прибылях и убытках) [3]. В отличие от традиционных ФПИ, активно использующих инструменты кредитного плеча, исламские фонды формируют преимущественно долевыe позиции, что органично сочетается с логикой долгосрочных инвестиций в реальный сектор.

Цифровые технологии радикально меняют операционную модель исламских ФПИ по нескольким направлениям. Во-первых, блокчейн и смарт-контракты обеспечивают автоматическое исполнение условий контрактов мудараба и мушарака: распределение прибыли, верификация целевого расходования средств, соблюдение шариатских ограничений — всё это может кодироваться в протоколе, исключая человеческий фактор и снижая транзакционные издержки [6]. Во-вторых, технологии искусственного интеллекта и больших данных позволяют автоматизировать шариатский скрининг потенциальных объектов инвестирования: алгоритмы способны в реальном времени анализировать финансовую отчётность компании на предмет допустимого уровня долговой нагрузки, структуры выручки и отраслевой принадлежности [2]. В-третьих, цифровые платформы коллективного инвестирования снижают порог входа, открывая исламские ФПИ для розничных инвесторов – прежде труднодостижимой аудитории.

Российский контекст придаёт этим возможностям особую актуальность. Федеральный закон № 417-ФЗ, запустивший в 2023 г. пилотный эксперимент по партнёрскому финансированию в Татарстане, Башкортостане, Дагестане и Чечне, создал первую в стране правовую рамку для шариатских финансовых операций [4]. К 2025 г. реестр участников эксперимента превысил 30 организаций; оборот рынка партнёрского финансирования в первом полугодии 2024 г. составил 5 млрд руб. [4]. Параллельно в стране уже действует развитая инфраструктура цифровых финансовых активов (ФЗ № 259-ФЗ), а в декабре 2025 г. в Казани открылся первый в СНГ центр ААОIFI – организации, задающей международные стандарты исламских финансов [5].

Таблица 1

Влияние цифровых технологий на деятельность исламских ФПИ

Технология	Применение в исламских ФПИ	Шариатский эффект
Блокчейн	Прозрачная фиксация транзакций и движения средств	Устраняет гарар (неопределённость)
Смарт-контракты	Автоматическое исполнение мудараба/мушарака	Исключает нарушение условий сделки
Искусственный интеллект	Автоматизированный шариатский скрининг портфеля	Ускоряет и удешевляет надзор

Цифровые платформы	Снижение порога входа для инвесторов	Расширяет доступность халяльных инвестиций

Сочетание правовой базы эксперимента и цифровой инфраструктуры формирует уникальные условия для запуска исламских ФПИ нового поколения в России. С точки зрения привлечения капитала, цифровые платформы позволяют напрямую соединять российские проекты с инвесторами из государств ССАГПЗ и Юго-Восточной Азии, минуя дорогостоящих посредников. Суверенные фонды и частные состоятельные инвесторы из стран Персидского залива, для которых соответствие нормам шариата является обязательным условием, смогут участвовать в финансировании российских компаний через верифицированные цифровые механизмы, исключая сомнения в шариатской корректности сделки [6]. Это особенно значимо на фоне переориентации внешнеэкономических связей России в сторону дружественных государств.

Вместе с тем на пути к реализации данного потенциала существуют ощутимые барьеры. Российский рынок испытывает острую нехватку специалистов, способных одновременно ориентироваться в нормах шариата и архитектуре цифровых финансовых инструментов. Действующее законодательство о ЦФА не содержит специальных норм для шариатски-ориентированных инвестиционных структур, что вынуждает участников рынка конструировать сложные гибридные схемы [4]. Наконец, потенциальные эмитенты и инвесторы недостаточно осведомлены о возможностях цифровых исламских ФПИ. Перечисленные ограничения носят институциональный, а не принципиальный характер и могут быть преодолены по мере развития отраслевой инфраструктуры.

Анализ показывает, что цифровая трансформация не просто адаптирует исламские ФПИ к современным реалиям – она устраняет именно те барьеры, которые прежде делали данный инструмент труднодоступным для российского рынка: высокие транзакционные издержки, дефицит прозрачности и сложность верификации шариатского соответствия. Последовательное развитие трёх элементов – специализированного регуляторного блока в законодательстве о ЦФА с учётом норм партнёрского финансирования, пула сертифицированных шариатских экспертов с компетенциями в области цифровых технологий и национальной цифровой платформы для исламских ФПИ – создаст необходимые условия для того, чтобы Россия заняла полноценное место на глобальном рынке исламских прямых инвестиций.

Список литературы

1. Аюпов, А.А. Перспективы развития исламских фондов прямых инвестиций в России / А.А. Аюпов, А.Ф. Тухватуллин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 5. – С. 54–65.
2. Глобальный отчёт по исламскому финтеху 2025/26 // Salaam Gateway. – 06.03.2026. – Режим доступа: <https://salaamgateway.com/story/top-10-islamic-fintech-ecosystems-in-2025> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Мамедов, Т.Н. Современные тенденции и перспективы развития исламского банкинга в России / Т.Н. Мамедов, В.Д. Стельмах // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 1. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/16ECVN124.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).
4. Об экспериментальных правовых режимах в сфере партнёрского финансирования: федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Центр ААОIFI открылся в Казани // Russia–Islamic World. – 26.12.2025. – Режим доступа: <https://russia-islworld.ru/en/temy/ekonomika/islamic-finance-in-russia-is-going-international-2025-12-26-53612/> (дата обращения: 23.03.2026).
6. Abramova, M.A. Blockchain-Based Smart Contracts in Islamic Finance / M.A. Abramova, I.E. Shaker // Journal of Islamic Finance. – 2023. – Vol. 12, no. 2. – P. 44–59.

Д.М. ГЕРАСИН

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал,
магистр 2 курс, направление подготовки
«Корпоративная отчетность и право в бизнесе»

Научный руководитель

Н.С. СОГРИНА

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал,
к.э.н., доцент

D.M. GERASIN

Financial University under the Government of the Russian Federation
Ural branch
Second-year master's student majoring in
Corporate reporting and law in business

Academic Supervisor

N.S. SOGRINA

Financial University under the Government of the Russian Federation
Ural branch
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЁТНОСТИ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА И ЕЁ ПОЛЕЗНОСТЬ ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ

FEATURES OF CORPORATE REPORTING IN THE BANKING SECTOR AND ITS USEFULNESS FOR INVESTORS

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования и раскрытия корпоративной отчётности банковского сектора в России, включая специфику отчётности по МСФО и РСБУ. Выявлены актуальные проблемы прозрачности в условиях геополитической нестабильности и санкционного давления, а также рассмотрены направления повышения качества раскрытия информации с учётом ESG-повестки.

Abstract

The article examines the specific features of corporate reporting formation and disclosure in the Russian banking sector, including the specifics of IFRS and RAS reporting. Identified current transparency problems under geopolitical instability and sanctions pressure, and directions for improving disclosure quality in the context of the ESG agenda are considered.

Ключевые слова: банковская отчётность, МСФО, раскрытие информации, инвестиционная привлекательность, финансовая прозрачность.

Keywords: banking reporting, IFRS, information disclosure, investment attractiveness, financial transparency.

Корпоративная отчётность банковского сектора занимает особое место в системе финансовой информации: банки являются системообразующими институтами экономики и одновременно объектами повышенного регуляторного контроля. Качество и полнота банковской отчётности напрямую влияют на доверие инвесторов, устойчивость финансовой системы и эффективность распределения капитала. Вместе с тем события последних лет – ограничение публикации отчётности, трансформация регуляторных требований, нарастание санкционного давления. В этих условиях анализ особенностей банковской отчётности и её информационной полезности для инвесторов приобретает особую актуальность.

Российские банки формируют отчётность одновременно по двум стандартам: российским правилам бухгалтерского учёта (РСБУ) и Международным стандартам финансовой отчётности (МСФО). Как отмечает Е. А. Чемова, «РСБУ ориентированы прежде

всего на нужды регулятора и налоговых органов, тогда как МСФО предназначены для удовлетворения информационных потребностей инвесторов и кредиторов» [9, с. 40]. Для инвестора именно отчётность по МСФО представляет наибольшую ценность: она содержит более детальное раскрытие информации о рисках, сегментах деятельности и методологии оценки активов.

Ключевым инструментом регулирования в части финансовых инструментов выступает МСФО (IFRS) 9. По наблюдению А. Борисова и М. Корнеева, «внедрение МСФО 9 перевело банки от модели понесённых убытков к модели ожидаемых кредитных потерь, что обеспечивает более своевременное признание кредитных рисков» [1, с. 42]. Это существенно повышает информационную ценность отчётности: инвестор получает более раннее предупреждение об ухудшении качества кредитного портфеля, что позволяет своевременно корректировать инвестиционные решения.

Анализируя конкретные показатели, используемые инвесторами, следует выделить комплекс финансовых коэффициентов, раскрываемых в отчётности по МСФО: чистую процентную маржу (NIM), коэффициент достаточности капитала (CAR), рентабельность капитала (ROE), рентабельность активов (ROA), а также стоимость риска (CoR), отражающую качество кредитного портфеля. Как указывают Кунд и Ружило, «банки, применяющие модель ожидаемых кредитных потерь, демонстрируют более высокую устойчивость в периоды финансовой турбулентности» [5, с. 245]. Именно CoR и динамика резервов под обесценение являются одними из наиболее информативных показателей с точки зрения оценки перспектив дивидендных выплат и прироста стоимости акций.

Наряду с финансовыми метриками нарастающую значимость приобретает нефинансовая составляющая банковской отчётности. Как подчёркивает О. В. Ефимова, «отсутствие прозрачности в данных, используемых для оценки влияния ESG-факторов на финансовые показатели, препятствует развитию методологии инвестиционного анализа» [3, с. 107].

Начиная с 2022 года прозрачность банковской отчётности в России значительно снизилась. По данным «Ведомостей», «Банк России был готов вернуться к публикации обязательной отчётности лишь в сокращённом виде, без раскрытия информации о бенефициарных владельцах и структуре холдингов» [7].

Официально ограничения мотивируются необходимостью минимизировать санкционные риски. Как следует из решения Совета директоров Банка России от 16 сентября 2022 года, «ограничения продлеваются, чтобы минимизировать последствия текущих и потенциальных санкций для самих банков, их клиентов и контрагентов» [6].

Дополнительную проблему представляет качество нефинансовой отчётности. По наблюдениям М. М. Гафарова, «банки нередко подходят к формированию ESG-отчётности с позиции формального соответствия требованиям, а не реального информирования инвесторов, что приводит к избирательному раскрытию и «гринвошингу»» [2, с. 187]. Отсутствие обязательного независимого аудита нефинансовых данных лишает инвестора механизма верификации представленных сведений.

Мировая практика указывает на ряд перспективных направлений повышения информационной полезности банковской отчётности. Например, новый МСФО (IFRS) 18 «Представление и раскрытие информации в финансовой отчётности» вводит обязательное раскрытие показателей эффективности, определённых руководством компании, что, по оценке Борисова А. и Корнеева М., «повысит сопоставимость отчётности между банками и снизит транзакционные издержки инвесторов на обработку отчётной информации» [1, с. 45].

Также введение стандартизированных обязательных ESG-показателей по аналогии с подходом Европейского банковского надзорного органа (ЕБА) обеспечило бы сопоставимость данных и снизило риск «гринвошинга». По данным рэнкинга ESG-прозрачности агентства «Эксперт РА» за 2023 год, банки входят в число наиболее активных участников российского рынка в сфере устойчивого развития [8, с. 3]. Однако активность отдельных игроков не способна заменить системного регуляторного требования.

Корпоративная отчётность банковского сектора обладает рядом принципиальных особенностей, обусловленных как двойственностью стандартов (МСФО и РСБУ), так и специфической регуляторной средой. В условиях санкционного давления прозрачность банковской отчётности в России заметно снизилась, что усиливает асимметрию информации и повышает инвестиционные риски [4]. Перспективными направлениями повышения полезности отчётности для инвесторов являются: внедрение МСФО 18, обязательная стандартизация нефинансовых показателей и введение независимой верификации ESG-данных.

Список литературы

1. Борисов, А., Корнеев М. Ответы на ключевые вопросы МСФО (IAS) 1 «Представление финансовой отчётности» // Налогообложение, учёт и отчётность в коммерческом банке. – 2022. – № 11. – С. 38–53.
2. Гафаров, М. М. Представление в нефинансовой отчётности российских организаций глобальной повестки ESG // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 6. – С. 183–188.

3. Ефимова, О. В. Об учёте факторов устойчивого развития в финансовом моделировании инвестиционных проектов // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2021. – № 2. – С. 99–111.
4. Копченков, А.А., Дубынина А.В., Согрина Н.С. Качественный сравнительный анализ в оценке конкурентоспособности муниципальных районов Челябинской области / А.А. Копченков, А.В. Дубынина, Н.С. Согрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 17-31.
5. Кунд, А-Г., Ружило Д. Does IFRS 9 Increase Banks' Resilience? // ECB Working Paper Series. – 2023. – № 2792. – 54 с.
6. О продлении ограничений на раскрытие информации о деятельности кредитных организаций от 16.09.2022 // Банк России. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-09-16_23_01/ (дата обращения: 20.03.2026).
7. Отчётность банков в урезанном виде вернётся в 2023 году // Ведомости: официальный сайт. – 28.09.2022. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/09/28/942937-otchetnost-bankov-v-urezannom-vide> (дата обращения: 20.03.2026).
8. Рэнкинг ESG-прозрачности российских компаний и банков, 2023 год // Эксперт РА: официальный сайт. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/rankings/esg/2023/> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Чемова Е. А. МСФО- и РПБУ-отчётности кредитных организаций // Налогообложение, учёт и отчётность в коммерческом банке. – 2022. – № 2. – С. 38–53.

Д.И. ГИЗАТУЛЛИН

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления «Экономика»

Научный руководитель

Ю.В. ЛЫСЕНКО

Уральский филиал Финуниверситета
д-р экон. наук, профессор

D.I. GIZATULLIN

Ural branch of the Financial University
1st year student «Economy»

Scientific supervisor

Y.V. LYSENKO

Ural branch of the Financial University
Doctor of Economics, Professor

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЕТНОСТИ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КАТАЛИЗАТОР ЕЁ РАЗВИТИЯ

THE CRISIS OF TRADITIONAL CORPORATE REPORTING AND DIGITAL TECHNOLOGIES AS A CATALYST FOR ITS DEVELOPMENT

Аннотация

Статья исследует системный кризис традиционной корпоративной отчетности, неспособной адекватно отражать стоимость бизнеса (разрыв до 80%) в цифровой экономике. Автор анализирует ограничения ретроспективного подхода и предлагает цифровую трансформацию отчетности на базе ИИ, блокчейна, Big Data и стандарта XBRL. Особое внимание уделено вызовам ESG-трансформации и специфике российского рынка. Обоснована необходимость перехода к прозрачным цифровым экосистемам раскрытия данных в режиме реального времени.

Annotation

The article examines the systemic crisis of traditional corporate reporting and its failure to reflect business value (up to an 80% gap) in the digital economy. The author analyzes the limitations of the retrospective approach and proposes a digital transformation of reporting based on AI, blockchain, Big Data, and the XBRL standard. Special focus is placed on ESG challenges and the Russian market specifics. The study justifies the transition to transparent digital ecosystems for real-time data disclosure.

Ключевые слова: корпоративная отчетность, цифровая экономика, нематериальные активы, ESG-трансформация, искусственный интеллект, блокчейн, XBRL, Big Data, интеллектуальный капитал, информационная прозрачность

Keywords: corporate reporting, digital economy, intangible assets, ESG transformation, artificial intelligence, blockchain, XBRL standard, Big Data, intellectual capital, information transparency

Современная бизнес-среда характеризуется беспрецедентным ускорением информационных потоков и радикальным изменением ожиданий заинтересованных сторон относительно корпоративной прозрачности. Традиционная финансовая отчетность, сформировавшаяся в индустриальную эпоху, демонстрирует нарастающую неспособность адекватно отражать реальную стоимость компаний в условиях цифровой экономики [3].

Согласно исследованиям, проведенным в 2024 году, разрыв между балансовой и рыночной стоимостью публичных компаний достиг критических значений. Для

технологических компаний этот разрыв превышает 80%, что свидетельствует о неспособности традиционной отчетности отражать нематериальные активы, интеллектуальный капитал и цифровые компетенции организаций [5]. Финансовая отчетность, ориентированная преимущественно на исторические данные и материальные активы, оказывается бессильной перед необходимостью оценки инновационного потенциала, репутационного капитала и экосистемных связей современных корпораций.

Особую остроту проблема приобретает в контексте ESG-трансформации российского бизнеса. По данным Министерства экономического развития РФ, к 2024 году более 70% крупных российских компаний внедрили элементы устойчивого развития в свою стратегию, однако лишь 25% из них представляют структурированную нефинансовую отчетность [7]. Этот разрыв между декларируемыми ценностями и информационной прозрачностью подрывает доверие инвесторов и усложняет оценку долгосрочной устойчивости бизнеса.

Российский рынок сталкивается с дополнительными вызовами, связанными с необходимостью адаптации к международным стандартам отчетности в условиях геополитической турбулентности. Переход на национальные стандарты бухгалтерского учета и отчетности требует сохранения сопоставимости с международными практиками при учете российской специфики [4]. Эта двойственность создает дополнительную нагрузку на корпоративные структуры и требует принципиально новых технологических решений.

Стремительное развитие цифровых технологий открывает беспрецедентные возможности для радикальной трансформации корпоративной отчетности. Искусственный интеллект, блокчейн, облачные вычисления и big data формируют технологическую основу для перехода к качественно новой модели представления корпоративной информации [6].

Применение искусственного интеллекта и машинного обучения революционизирует процессы сбора, анализа и представления данных. Современные AI-системы способны автоматизировать до 70% рутинных операций по подготовке отчетности, высвобождая ресурсы для аналитической работы [2]. Нейросетевые алгоритмы обеспечивают выявление скрытых закономерностей в массивах данных, прогнозирование финансовых показателей и идентификацию рисков в режиме реального времени.

Технология блокчейн предлагает фундаментальное решение проблемы достоверности и прозрачности корпоративных данных. Распределенный реестр обеспечивает неизменность записей, прослеживаемость транзакций и верификацию информации без участия центрального посредника [1]. Российские компании начинают внедрять блокчейн-решения для учета активов, управления цепочками поставок и верификации ESG-показателей, хотя массовое распространение технологии пока сдерживается регуляторной неопределенностью.

Особое значение приобретает технология XBRL (eXtensible Business Reporting Language) – международный стандарт электронного представления финансовой отчетности. В России внедрение XBRL находится на начальной стадии: Банк России активно продвигает применение формата для отчетности кредитных организаций, однако широкое распространение стандарта в корпоративном секторе пока не достигнуто.

Аналитические платформы на основе big data позволяют интегрировать структурированные финансовые данные с неструктурированной информацией из социальных сетей, новостных источников, отраслевых баз данных. Это создает многомерную картину деятельности компании, выходящую далеко за рамки традиционных финансовых показателей [3]. Предиктивная аналитика на основе больших данных обеспечивает переход от ретроспективной отчетности к проактивному информированию о потенциальных рисках и возможностях.

Российская практика демонстрирует разнородность цифровой зрелости компаний в сфере отчетности. Крупнейшие корпорации с государственным участием – лидеры цифровизации учетных процессов – инвестируют значительные ресурсы в автоматизацию и интеграцию систем. Средний и малый бизнес, напротив, продолжает использовать преимущественно традиционные методы подготовки отчетности с минимальным применением передовых цифровых решений [4].

Список литературы

1. Алексеева И.В. Цифровая трансформация корпоративной отчетности: вызовы и возможности // Учет. Анализ. Аудит. 2024. Т. 11. № 2. С. 18-29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54287163> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Бычкова С.М., Итыгилова Е.Ю. Интегрированная отчетность: теория и практика применения в России // Международный бухгалтерский учет. 2024. Т. 27. № 4. С. 398-415. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=63045821> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Ендовицкий Д.А., Бабичева Н.Э. Цифровизация корпоративной отчетности как инструмент повышения информационной прозрачности бизнеса. М.: ИНФРА-М, 2023. 248 с.
4. Когденко В.Г. Трансформация бухгалтерской отчетности в условиях цифровой экономики: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 312 с.
5. Мизиковский Е.А., Дружиловская Т.Ю. Концептуальные основы развития корпоративной отчетности в условиях цифровой трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). С. 112-124.
6. Соколов Я.В., Пятов М.Л. Интегрированная отчетность: проблемы теории и практики. М.: Магистр, 2024. 287 с.

7. Шнейдман Л.З. Развитие российской системы корпоративной отчетности в контексте международных тенденций // Бухгалтерский учет. 2024. № 3. С. 5-14.

Д.И. ГИЗАТУЛЛИН

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления «Экономика»

Научный руководитель

Ю.В. ЛЫСЕНКО

Уральский филиал Финуниверситета
д-р экон. наук, профессор

D.I. GIZATULLIN

Ural branch of the Financial University
1st year student «Economy»

Scientific supervisor

Y.V. LYSENKO

Ural branch of the Financial University
Doctor of Economics, Professor

НЕФИНАНСОВАЯ ОТЧЕТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

NON-FINANCIAL REPORTING AS AN ELEMENT OF THE CORPORATE MANAGEMENT INFORMATION SYSTEM

Аннотация

В условиях трансформации корпоративного управления нефинансовая отчетность становится важным инструментом информационного обеспечения стратегических решений. В статье рассматривается роль нефинансовой отчетности в системе корпоративного управления российских компаний и анализируются современные тенденции интеграции ESG-показателей в управленческую практику. Особое внимание уделяется проблемам стандартизации отчетности и формированию информационной базы для принятия управленческих решений. Сделан вывод о значимости нефинансовой отчетности как элемента информационной системы корпоративного управления.

Annotation

In the context of the transformation of corporate management, non-financial reporting is becoming an important tool for providing information for strategic decision-making. The article examines the role of non-financial reporting in the corporate management system of Russian

companies and analyzes current trends in the integration of ESG indicators into management practice. Particular attention is paid to the issues of reporting standardization and the formation of an information base for managerial decision-making. The study concludes that non-financial reporting is a significant element of the corporate management information system.

Ключевые слова: нефинансовая отчетность, корпоративное управление, ESG-факторы, устойчивое развитие, информационная система, стейкхолдеры, транспарентность

Key words: non-financial reporting, corporate governance, ESG factors, sustainable development, information system, stakeholders, transparency

Современное корпоративное управление переживает значительную трансформацию информационной среды. Если ранее ключевыми для принятия решений были финансовые показатели, сегодня инвесторы, регуляторы и общество требуют комплексного понимания деятельности компании. Нефинансовая отчетность эволюционировала от факультативного приложения к годовому отчету до стратегического инструмента управления рисками и возможностями.

По данным Российского союза промышленников и предпринимателей, в 2024 году нефинансовую отчетность публиковали 187 российских компаний, что на 23% больше, чем в 2022 году [5]. Этот рост отражает не просто следование международным трендам, но и осознанную необходимость интеграции экологических, социальных и управленческих факторов в систему корпоративного управления.

Особенностью российской практики стало формирование собственных подходов к нефинансовой отчетности в условиях санкционного давления. Отечественные компании адаптируют международные стандарты к национальной специфике, создавая гибридные модели раскрытия информации [3]. Нефинансовая отчетность становится инструментом внутреннего управления: ESG-метрики применяются для стратегического планирования, оценки эффективности менеджмента и мотивации топ-команды [1]. Более 60% публичных компаний включили ESG-критерии в KPI совета директоров и правления, превращая отчетность в активный управленческий инструмент.

Ключевой вызов – создание единого информационного пространства, где нефинансовые данные дополняют финансовые показатели. Фрагментация стандартов ранее мешала эффективному использованию информации, но сейчас наблюдается тенденция к унификации. В России востребованы GRI и адаптированные национальные методики. В 2024 году Банк России представил рекомендации по раскрытию нефинансовой информации для публичных компаний [2].

Основные проблемы стандартизации: отсутствие единой методологии измерения показателей, трудности сопоставления данных между компаниями разных отраслей, недостаточная интеграция с информационными системами, различие в интерпретации критериев существенности, дефицит компетенций специалистов в ESG [4]. Эффективная информационная система должна базироваться на принципах существенности, сопоставимости, достоверности и своевременности.

Компании внедряют интегрированную отчетность, объединяя финансовые и нефинансовые показатели в едином документе, демонстрируя влияние ESG-факторов на финансовые результаты. К 2025 году около 40% крупнейших российских компаний ожидают переход на интегрированную отчетность [5]. Цифровизация процессов сбора и анализа данных с применением ИИ и больших данных позволяет выявлять скрытые закономерности, прогнозировать риски и оптимизировать решения. Блокчейн обеспечивает прозрачность цепочек поставок и достоверность информации.

Развитие компетенций специалистов по устойчивому развитию и корпоративных секретарей с междисциплинарными знаниями становится критическим фактором успешного внедрения нефинансовой отчетности [7].

Нефинансовая отчетность превращается в стратегический инструмент управления, повышающий конкурентоспособность. Одним из направлений является управление репутационными рисками: прозрачность данных формирует доверие стейкхолдеров и репутационный капитал. Инвестиционная привлекательность компаний растет благодаря ESG-рейтингам и качеству отчетности – 78% институциональных инвесторов учитывают нефинансовые факторы при формировании портфелей [6].

Стратегическое планирование получает новое измерение: анализ ESG-рисков позволяет выявлять угрозы, оптимизировать ресурсы, повышать лояльность сотрудников и потребителей, получать «зелёное» финансирование и соответствовать растущим регуляторным требованиям. Связь отчетности с национальными целями устойчивого развития формирует единый язык коммуникации между бизнесом, государством и обществом.

Перспективы развития в России определяются усилением регуляторных требований, внедрением национальной системы ESG-рейтингования и цифровизацией отчетности. Эффективна интеграция нефинансовой отчетности в отраслевые стандарты и национальные стратегии декарбонизации, что обеспечивает системный эффект. К 2026 году отчетность станет обязательной для всех компаний с государственным участием и публичных компаний с выручкой более 5 млрд рублей [3].

Нефинансовая отчетность заняла ключевое место в архитектуре корпоративного управления, превратившись из инструмента коммуникации в элемент стратегического управления. Российские компании активно развивают практику раскрытия информации, адаптируя международный опыт к национальной специфике.

Список литературы

8. Белов А.В. ESG-трансформация корпоративного управления: теория и практика // Вестник Финансового университета. 2024. Т. 24. № 2. С. 45-58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=58425167> (дата обращения: 15.01.2025).
9. Информационное письмо Банка России от 12.07.2024 № ИН-06-28/96 «О раскрытии публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» // Вестник Банка России. 2024. № 58.
10. Кондратьева Е.А., Павлова И.В. Интеграция нефинансовых показателей в систему стратегического управления компанией // Корпоративные финансы. 2024. Т. 18. № 3. С. 112-127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59834521> (дата обращения: 16.01.2025).
11. Мальцева Ю.Н. Стандартизация нефинансовой отчетности: российская и международная практика // Аудит и финансовый анализ. 2023. № 5. С. 78-84.
12. Национальный регистр и библиотека корпоративных нефинансовых отчетов РСПП. Аналитический обзор 2024 года. М.: РСПП, 2024. 142 с.
13. Сидорова М.И., Белякова Т.С. ESG-инвестирование в России: тренды и перспективы // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 8. С. 1845-1862.
14. Шаталова Т.Н. Компетенции специалистов в области устойчивого развития: требования и дефициты // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Т. 12. № 6. С. 34-41.

А.А. ГОНЧАРОВА

Сургутский финансово-экономический
колледж – филиал Финуниверситета,
студентка II курса специальности
«Экономика и бухгалтерский учет»

Научный руководитель

Н.В. АНУФРИЕВА

Сургутский финансово-экономический
колледж – филиал Финуниверситета
канд. ист. наук, преподаватель

A.A. GONCHAROVA

Surgut Financial and Economic
College – Branch of the Financial University,

Second-year student, majoring in
Economics and Accounting

Academic Supervisor

N.V. ANUFRIEVA

Surgut Financial and Economic
College – Branch of the Financial University
PhD in History, Lecturer

РАЗДЕЛЬНЫЙ СБОР ОТХОДОВ В СУРГУТЕ КАК НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ РЕСУРС ПОПОЛНЕНИЯ ГОРОДСКОГО БЮДЖЕТА

SEPARATE WASTE COLLECTION IN SURGUT: AN UNUSED RESOURCE FOR REPLENISHING THE CITY BUDGET

Аннотация

В статье анализируется экономическая эффективность системы раздельного сбора отходов (ТКО) в городе Сургуте. Рассматриваются текущие затраты бюджета на захоронение мусора и потенциальные доходы от переработки вторичного сырья. На основе статистических данных 2024-2026 года рассчитана прогнозируемая экономическая выгода для города от внедрения углубленной системы сортировки.

Annotation

The article analyzes the economic efficiency of the system of separate waste collection (MSW) in the city of Surgut. The current budget expenditures for garbage disposal and potential revenues from recycling of secondary raw materials are considered. Based on statistical data from 2024-2026, the projected economic benefits for the city from the introduction of an in-depth sorting system have been calculated.

Ключевые слова: ТКО, раздельный сбор отходов, экономика мусора, бюджет города, Сургут, ХМАО-Югра, фандоматы, вторичные ресурсы.

Keywords: MSW, separate waste collection, waste economics, city budget, Surgut, KhMAO-Yugra, reverse vending machines, secondary resources.

Управление твёрдыми коммунальными отходами (ТКО) представляет собой одну из фундаментальных проблем, стоящих перед современной Россией. В Ханты-Мансийском автономном округе Югре, и, в частности, в Сургуте, эта задача усугубляется климатическими условиями и удалённостью от развитой инфраструктуры по переработке. Данная проблема

имеет выраженную экономическую составляющую: затраты на сбор и утилизацию отходов являются тяжёлым бременем на бюджет, в то время как их вторичная переработка открывает перспективы для прибыли.

Система обращения с отходами в Сургуте, как и в Югре в целом, регулируется территориальной схемой, а региональным оператором является АО «Югра-Экология». Согласно отчету компании за 2024 год, ежегодный объем твердых коммунальных отходов в городе превышает 250 тысяч тонн [1, с. 12].

Преобладающая часть этих отходов попадает на полигоны, что порождает расходы на логистику, платежи за негативное воздействие и упущенную выгоду от ценных фракций, которые могли бы быть переработаны.

Таблица 1. Динамика тарифов на услуги регионального оператора населения Сургута в 2026 г.

Период	Тариф за кубометр (руб.)	Ежемесячная плата для жителей МКД (руб.)
С 1 января по 30 сентября 2026 г.	997,84	157,99
С 1 октября по 31 декабря 2026 г.	1104,61	174,83

Согласно данным Региональной службы по тарифам ХМАО-Югры [6] и информации размещенной на официальном портале администрации г. Сургута [8] тарифы растут: с октября 2026 года стоимость услуги увеличилась на 10,6% (таблица 1). Это связано с инфляцией и ростом затрат на транспортировку отходов на полигоны [6].

Основные статьи расходов бюджета округа в сфере ТКО – субсидирование тарифов, строительство полигонов и ликвидация свалок. Из отходов можно выделить ценные материалы: макулатуру, пластик, стекло и металлы. Экономическая эффективность зависит от качества разделения – чистое сырьё ценится выше.

Таблица 2. Ключевые показатели реформы обращения с ТКО в РФ

Показатели	2018 год (до реформы)	2023 год	2019–2025 годы	Цель к 2030 году
Доля отходов, проходящих сортировку	11%	53%	24,7 млн т/год мощностей	100%
Доля утилизации	2%	13%	7,6 млн т/год мощностей	25%
Количество введенных объектов	151 (до 2019 г.)	250 (на 2023 г.)	372 объекта	408 объектов (2025–2030)

Захоронение на полигонах	98%	80,5%	7 млн т/год мощностей	Не более 50%

Согласно данным аналитического отчета ППК «Российский экологический оператор» за 2024 год [3] представленным в таблице 2, прослеживается тенденция постепенного отхода от модели захоронения. К 2030 году планируется сократить долю захораниваемых отходов до 50%, но целевой показатель в 25% утилизации будет достигнут только при усилении инвестиций в отрасль [3].

В Сургуте развиваются подходы к стимулированию раздельного сбора, основанные на экономической выгоде. С 2022 года в городе внедряются фандоматы — автоматы, принимающие пластиковые бутылки и алюминиевые банки. С апреля 2023 года такие аппараты работают на железнодорожном вокзале: пассажиры сдают тару и получают эcobонусы, которые тратят у партнёров проекта [4; 7]. Регулярно проводятся акции «Разделяйка» и «Югра собирает», где можно сдать вторсырьё и получить скидки в магазинах. Только за 2024 год в акциях участвовало более 5 тысяч горожан [5, с. 1].

Особого внимания заслуживает сеть эcobунктов «Птичка», активно развивающаяся в Сургутском районе. Первый пункт открылся в феврале 2025 года в Белом Яру, сегодня в Сургуте работают четыре эcobункта [2]. Здесь принимают 30 фракций отходов — от макулатуры до блистеров, от лекарств и зубных щёток. Сырьё отправляется на переработку в Тюмень, Екатеринбург и Казань [2].

Ежегодно в Сургуте образуется 250 тысяч тонн ТКО. При отборе 40% полезных фракций (100 тыс. тонн) и средней стоимости вторсырья в 2025-2026 гг. (макулатура – 6 тыс. руб./т, пластик – до 18 тыс., стекло – 2,5 тыс., металлы – 15-48 тыс.) потенциальная выручка достигает 900 млн рублей в год [3]. С учётом затрат на сортировку и логистику чистая экономическая выгода для бюджета оценивается в 180–220 млн рублей ежегодно. Сокращение объёма захоронения на 40–50% дало бы дополнительную экономию в размере 150–200 млн рублей в год на транспортировку и размещение отходов.

Таким образом, раздельный сбор отходов в Сургуте – не экологический тренд, а экономическая необходимость. Система с фандоматами, эcobунктами «Птичка» и акциями — первый шаг, но для реальных результатов нужно внедрение экономических механизмов: перехода на систему «плати за выброс» и развития инфраструктуры переработки. Это позволит улучшить экологию и сэкономить бюджетные средства для развития города.

Список литературы

1. Годовой отчет АО «Югра-Экология» за 2024 год // АО «Югра-Экология». — Ханты-Мансийск, 2025. — 45 с.

2. Экопункты приема вторичного сырья от физических лиц на территории города Сургута // Официальный портал Администрации города Сургута. — URL: <https://admsurgut.ru/gorodskaya-vlast/administratsiya/strukturnye-podrazdeleniya/departament-gorodskogo-khozyaystva/obrashchenie-s-otkhodami/ekopunkty-priema-vtorichnogo-syrya-ot-fizicheskikh-lits-na-territorii-goroda-surguta/> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Аналитический отчет о состоянии рынка вторичных ресурсов в Российской Федерации // ППК «Российский экологический оператор». — Москва, 2024. — 67 с. — URL: <https://reo.ru/analytics> (дата обращения: 07.03.2026).
4. В Сургуте установили фандоматы для сдачи пластика и алюминия // СургутИнформ-ТВ. — 2022. — 15 марта. — URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Отчет о проведении экологических акций в городе Сургуте за 2024 год // Администрация города Сургута. Официальный портал. — Сургут, 2025. — URL: <https://admsurgut.ru/> (дата обращения: 07.03.2026).
6. Приказ Региональной службы по тарифам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10.12.2025 № 150 "Об установлении предельных единых тарифов на услугу регионального оператора по обращению с ТКО..." // Официальный интернет-портал правовой информации ХМАО-Югры. — URL: <https://admhmao.ru/gosudarstvennyye-uslugi/rs-tarifov/> (дата обращения: 10.03.2026).
7. Пустую тару на четырех вокзалах СвЖД теперь можно обменять на экобонусы // АиФ-Урал. — 2023. — 18 апреля. — URL: https://ural.aif.ru/society/pustuyu_taru_na_chetyreh_vokzalah_svezhd_teper_mozhno_obmenyat_na_ekobonusy (дата обращения: 10.03.2026).
8. В ХМАО изменились тарифы на вывоз мусора: сколько будут платить сургутяне // Сургутская трибуна. — 2026. — 19 января. — URL: https://stribuna.ru/articles/economics/v_khmao_izmenilis_tarify_na_vyvoz_musora_skolko_budut_platit_surgutyane/ (дата обращения: 10.03.2026).

Е.В. ГОРЯЕВА

Смоленский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации»,
студентка I курса
направления подготовки «Экономика»

Научный руководитель

И.С. БЕРЕЗНЯК

Смоленский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации»,

кандидат физико-математических наук, доцент.

E.V. GORYAEVA

Federal State Educational Institution of Higher Education
«Financial University under the Government
of the Russian Federation»,
First-year student majoring in Economics.

Academic Supervisor

I.S. BEREZNYAK

Federal State Educational Institution of Higher Education
«Financial University under the Government
of the Russian Federation»,
Associate Professor, PhD in Physico-Mathematical Sciences

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАНТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОДХОДЫ К АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОЦЕНКЕ

KEY PERFORMANCE INDICATORS OF GRANT ACTIVITIES: APPROACHES TO AUTOMATED ASSESSMENT

Аннотация

Рассмотрены вопросы автоматизированного расчета KPI грантовой деятельности на основе BI-технологий. Предложена классификация показателей активности, результативности и качества. Проанализированы возможности BI-платформ по сбору и визуализации данных. Сделан вывод о том, что внедрение автоматизированной оценки повышает обоснованность управленческих решений и оптимизирует распределение ресурсов.

Annotation

The article examines automated calculation of KPIs for grant activities using BI technologies. A classification of activity, performance, and quality metrics is proposed. BI platforms' capabilities for data collection and visualization are analyzed. It is shown that automated KPI assessment improves management decisions and optimizes resource allocation.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, грантовая деятельность, бизнес-интеллект, BI-системы, автоматизация оценки, управление наукой.

Key words: key performance indicators, grant activities, business intelligence, BI systems, assessment automation, science management.

В условиях растущей конкуренции за финансирование грантовая деятельность становится приоритетом для университетов и научных организаций. Участие в конкурсах требует не только высокого научного потенциала, но и эффективного управления подачей заявок, что обуславливает потребность в объективной оценке результативности, факторов успеха и скрытых резервов [1, с. 29]. Традиционный учет на основе Excel и разрозненных баз данных не позволяет получить целостную картину: данные о заявках, грантах, экспертных заключениях и временных затратах хранятся в разных системах, что затрудняет их сопоставление и выявление закономерностей.

Цель работы – предложить систему ключевых показателей эффективности (KPI) грантовой деятельности и рассмотреть возможности их автоматизированной оценки с использованием инструментов бизнес-интеллекта (BI). KPI – измеримые индикаторы достижения стратегических и операционных целей. Применительно к грантовой деятельности такими целями выступают: увеличение объема привлеченного финансирования, рост числа поддержанных проектов, повышение качества подготовки заявок, сокращение административных издержек [2]. Исходя из этих целей, можно выделить следующие группы KPI грантовой деятельности (таблица 1).

Таблица 1. Классификация KPI грантовой деятельности

Группа показателей	Наименование KPI	Единица измерения	Целевая направленность
Показатели активности	Общее число поданных заявок	ед.	Характеризует вовлеченность научных коллективов
	Число заявок на одного научного сотрудника	ед./чел.	Позволяет сравнивать активность подразделений
	Доля заявок, поданных в группе	%	Отражает уровень взаимодействия коллективов
	Распределение заявок по фондам и конкурсам	ед., %	Выявляет приоритетные направления работы
Показатели результативности	Доля поддержанных заявок	%	Ключевой индикатор качества подготовки
	Объем привлеченного финансирования	тыс. руб.	Отражает вклад грантов в бюджет организации
	Средний размер гранта на один проект	тыс. руб.	Позволяет оценивать масштаб поддерживаемых проектов
Временные показатели	Средняя продолжительность цикла подачи заявки	дни	Характеризует оперативность заполнения

	Доля заявок, поданных за 1-2 дня до дедлайна	%	Индикатор «авральности» и качества планирования
Качественные показатели	Средние оценки экспертов по критериям	баллы	Выявляет типичные слабые места заявок
	Доля заявок, направленных на доработку и повторно поданных	%	Характеризует эффективность обратной связи

Источник: собственная разработка

Формирование такой системы показателей – лишь первый шаг. Ключевая проблема заключается в их регулярном и достоверном расчете. Ручной сбор данных из множества источников (сайты фондов, внутренние базы, отчеты экспертов) крайне трудоемок и чреват ошибками. Именно здесь на помощь приходят системы бизнес-интеллекта [3]. BI-платформы позволяют автоматизировать весь цикл работы с KPI: от сбора первичных данных до визуализации результатов в виде дашбордов. Рассмотрим основные возможности BI-инструментов применительно к задачам грантовой аналитики (таблица 2).

Таблица 2. Функциональные возможности BI-платформ

Платформа	Сбор и консолидация данных	Аналитические возможности	Визуализация и отчетность
Visiology	Подключение к 1С, SQL-базам, внешним источникам	Многомерный анализ, поддержка расчетных показателей	Сертифицированные дашборды, соответствие требованиям госорганов
Loginom	Импорт из любых источников, мощные средства ETL-обработки	Встроенные алгоритмы Data Mining, прогнозирование, кластеризация	Экспорт отчетов в различных форматах, интеграция с визуализаторами
Tableau	Подключение к базам данных, облачным хранилищам	Глубокий анализ трендов, расчет прогнозных моделей	Интерактивная визуализация высокого уровня, истории данных

Источник: собственная разработка

Выбор платформы зависит от масштаба и бюджета организации. Для большинства российских государственных научных учреждений оптимальны отечественные решения Visiology и Loginom, отвечающие требованиям импортозамещения и безопасности данных. Опыт российских университетов подтверждает эффективность такого подхода: в УрФУ на базе IBM Cognos создана система с миллионом показателей, включая грантовую активность [4]. В РЭУ им. Плеханова с помощью Loginom и Visiology анализируют данные «1С:Университет» для прогнозирования публикационной активности и результативности участия в конкурсах [5, с. 310]. Автоматизированная BI-система оценки KPI включает четыре этапа: сбор данных из различных источников, их унификацию, автоматический расчет показателей и визуализацию в дашбордах.

Решение позволяет руководству отслеживать динамику, сравнивать эффективность лабораторий и получать рекомендации. На основе исторических данных система прогнозирует успешность проектов, помогая ранжировать заявки и сосредоточиться на наиболее перспективных.

Экономический эффект складывается из прямого – сокращение времени на сбор и обработку данных: доступ к информации ускоряется на 51%, анализ – на 49%, затраты на отчетность снижаются на 31% и косвенного – повышение качества решений за счет своевременной корректировки политики и рационального распределения ресурсов.

Таким образом, применение ВІ для автоматизированной оценки КРІ — перспективное направление цифровизации управления наукой. Дальнейшее развитие связано с интеграцией внешних данных и использованием ИИ для более точного прогнозирования.

Список литературы

1. Глухов Д.И. Роль ВІ в принятии управленческих решений // Индустриальная экономика. – 2024. – № S2. – С. 99-104.
2. Климонтов С.В. Проблемные аспекты гранта как особой формы бюджетной субсидии // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12(216). – С. 191-193.
3. Лапшова О.А., Тищенко Г.З., Хроменкова Г.А. Цифровая трансформация в развитии общества // Управленческий учет. – 2021. – № 8-1. – С. 35-42.
4. УрФУ построил систему бизнес-анализа и прогнозирования KPI // CNews. – 2025. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/urfu_postroil_sistemu_biznesanaliza (дата обращения: 13.03.2026).
5. Чернышева К.В., Афанасьева С.И. Использование данных «1С:Университет» для аналитической работы в управлении вузом // Управление наукой и наукометрия. – 2025. – Т. 20, № 2. – С. 307-316.

Д.Д. ГУСЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка 2 курса, направления
«Экономика»

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

к.э.н., доцент

Уральский филиал Финуниверситета

D.D. GUSEVA

Ural Branch of the Financial University
2-year student
«Economy»

Scientific supervisor
A.V. DUBYNINA
Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor
Ural Branch of the Financial University

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРИИ ДЕНЕГ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ (КРИПТОВАЛЮТЫ, ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ)

TRANSFORMATION OF MONEY THEORY IN THE AGE OF DIGITAL CURRENCIES (CRYPTOCURRENCIES, DIGITAL RUBLE)

Аннотация

Статья посвящена анализу того, как цифровые деньги меняют теоретические воззрения на природу платёжных средств. Показано, что частные криптовалюты и государственный цифровой рубль воздействуют на денежную систему противоположным образом: первые ослабляют контроль центробанка, второй – усиливает его на базе новых технологий. С опорой на статистику обосновывается вывод об изменении функций денег, появлении у них свойства программируемости и повышении роли доверия к финансовым институтам. Делается вывод о необходимости пересмотра количественной теории и концепции денежного суверенитета.

Annotation

This article analyzes how digital money is changing theoretical perspectives on the nature of payment instruments. It demonstrates that private cryptocurrencies and the state-issued digital ruble have opposing effects on the monetary system: the former weaken central bank control, while the latter strengthens it through new technologies. Using statistical data, the article substantiates the conclusion that the functions of money are changing, with programmability emerging and trust in financial institutions becoming more important. It also concludes that quantity theory and the concept of monetary sovereignty need to be reconsidered.

Ключевые слова: теория денег, цифровые валюты, криптовалюта, цифровой рубль, ЦВЦБ, функции денег, денежно-кредитная политика.

Keywords: monetary theory, digital currencies, cryptocurrency, digital ruble, central bank, functions of money, monetary policy.

Цифровизация финансовой сферы заставляет по-новому взглянуть на классические представления о деньгах. Многие положения, казавшиеся незыблемыми, сегодня требуют уточнения. Если в начале двухтысячных годов дискуссии о перспективах денежной формы носили преимущественно гипотетический характер, то теперь мы наблюдаем формирование иной финансовой реальности. Параллельно с традиционными наличными и безналичными средствами активно развиваются частные криптовалюты, а центральные банки, включая Банк России, внедряют собственные цифровые аналоги – цифровой рубль [1].

Происходящие изменения выходят далеко за пределы простого расширения платёжного инструментария. Речь идёт о фундаментальном пересмотре теоретических основ денежного хозяйства. О масштабе перемен говорят цифры: за первую половину 2025 года доля безналичных платежей в рознице поднялась до 87,5%, тогда как десять лет назад едва достигала трети. Ожидается, что к концу десятилетия этот показатель перешагнёт 90% [6].

Цифровая валюта представляет собой закономерный этап эволюции денежных отношений, обусловленный технологическим прогрессом и трансформацией общественных запросов. Однако принципиальное отличие текущего этапа от предшествующего перехода к безналичным расчётам заключается в том, что сегодня ставится под сомнение необходимость сохранения традиционных финансовых посредников и самого принципа централизованной эмиссии. Перед экономической теорией возникает задача определить место новых цифровых феноменов в системе денежного обращения и, возможно, заново осмыслить базовую категорию «деньги».

Одним из наиболее дискуссионных остаётся вопрос о правомерности отнесения криптовалют к деньгам в классическом понимании. Традиционный подход выделяет функции средства обращения, меры стоимости и средства накопления. Криптовалюты, прежде всего биткоин, соответствуют этим критериям лишь частично по причине высокой волатильности. Тем не менее игнорировать масштабы этого явления уже невозможно. В феврале 2026 года Минфин России привёл следующие цифры: суточный объём операций с криптовалютами в стране составляет около 50 млрд рублей, в годовом выражении – более 10 трлн рублей [3]. По словам замминистра Ивана Чебескова, это говорит о высоком спросе россиян на цифровые активы как способ сохранения сбережений [6].

Характерно, что данный рынок развивается преимущественно вне правового поля и государственного регулирования. С позиций экономической теории, рассматривающей деньги как инструмент, опосредующий создание и распределение общественного продукта, криптовалюты корректнее квалифицировать как денежные суррогаты [2]. Вместе с тем существование столь крупной системы, базирующейся на доверии не к государственным институтам, а к математическому алгоритму, представляет серьёзный вызов государственной

монополии на эмиссию и требует переосмысления устоявшихся представлений о денежном суверенитете [1].

Качественно иную теоретическую ситуацию демонстрируют цифровые валюты центральных банков. В российской практике данное направление представлено цифровым рублём, массовое внедрение которого запланировано на 1 сентября 2026 года [7]. В отличие от децентрализованных криптовалют, цифровой рубль выступает прямым обязательством государства и представляет собой третью форму национальной валюты наряду с наличной и безналичной [4]. Его появление знаменует не отказ от государственного регулирования, а, напротив, его усиление на новой технологической основе [5].

В экспертном сообществе Центрального банка отсутствует единое мнение относительно востребованности нововведения. Председатель ЦБ Эльвира Набиуллина делает ставку на постепенное завоевание популярности, тогда как её советник Кирилл Трemasов констатирует, что для массового потребителя преимущества цифрового рубля пока не являются очевидными [6]. Опросы фиксируют неоднозначную картину: о запуске цифрового рубля знают 88% граждан, но воспользоваться им намерены только 49% [6].

С теоретической точки зрения цифровой рубль, сохраняя фундаментальные свойства денег как всеобщего эквивалента, обретает новые характеристики. Во-первых, появляется возможность встраивать алгоритмы использования непосредственно в денежную единицу. С помощью смарт-контрактов можно задавать правила использования денег – например, ограничивать их трату определёнными товарами или услугами. Это стирает грань между платёжным средством и целевым финансовым продуктом. Во-вторых, цифровой рубль функционирует на автономной технической платформе Банка России, что формирует параллельный контур денежного обращения и добавляет к классическим функциям денег функцию контроля и мониторинга финансовых потоков [4]. Масштабы пилотного проекта: к маю 2025 года открыто порядка 2500 цифровых кошельков, осуществлено свыше 63 тысяч переводов и исполнено более 17 тысяч смарт-контрактов [7].

Результативность внедрения цифрового рубля находится в прямой зависимости от состояния институциональной среды. Согласно исследованиям в рамках неоинституционального подхода, нововведения укореняются лишь при условии их подкрепления адекватными правилами игры и доверием участников [3]. В истории денег доверие всегда опиралось на авторитет государства, обеспечивающего их приём и сохранность [5]. Сегодня этот фактор не утратил силы: главная тревога граждан – безопасность цифровых транзакций [6]. Для экономической теории это важный сигнал: анализ природы денег отныне невозможен без учёта качества институциональной среды и поведенческих реакций экономических агентов.

Существенное теоретическое следствие распространения цифровых валют связано с переосмыслением механизмов денежно-кредитной политики. Классические рычаги монетарной политики (ставка, резервы, операции на рынке) создавались для управления привычными денежными агрегатами. Цифровой рубль даёт Центробанку принципиально иную степень информированности, открывая доступ к данным о каждой операции в режиме онлайн. Согласно прогнозам регулятора, в течение семи лет после массового внедрения цифровой рубль может занять до 5% общего объёма безналичных платежей [7]. Это повлечёт трансформацию структуры денежных агрегатов, ускорение обращения денег и изменение банковского мультипликатора. Взаимосвязь между ключевой ставкой и инфляцией, вероятно, усложнится вследствие появления дополнительных каналов трансмиссионного механизма [4].

Цифровые валюты актуализируют и проблему денежного суверенитета. Массированное распространение частных криптовалют создаёт угрозу «криптовалютизации» национальной экономики. Ежегодный оборот в 10 трлн рублей фактически выпадает из сферы государственного контроля и регулирования [3]. Легализация криптовалют требует выработки новых подходов к их учёту и налогообложению с целью минимизации негативных эффектов, связанных с высокой волатильностью и использованием в противоправных целях [2].

Внедрение цифрового рубля, напротив, рассматривается как инструмент укрепления финансового суверенитета, что приобретает особую актуальность в условиях санкционного давления и необходимости формирования независимых каналов международных расчётов. Прозрачность трансграничных платежей и возможность контроля движения капитала превращают цифровые валюты центральных банков не только в экономический, но и в геополитический инструмент.

Таким образом, на теоретическом уровне происходит сближение теории денег с теорией международных отношений и концепцией экономической безопасности. Деньги утрачивают статус нейтрального инструмента обмена и всё отчётливее проявляют себя как инструмент реализации государственной власти.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что эпоха цифровых валют инициирует глубокую трансформацию теории денег. Классические положения не отменяются, однако существенно дополняются и усложняются. Криптовалюты с их многомиллиардными оборотами продемонстрировали возможность существования денежных заменителей, основанных на децентрализованном доверии, и побудили к пересмотру границ государственной монополии в денежной сфере. Внедрение цифрового рубля возвращает государству роль главного актора на качественно ином технологическом

уровне, где деньги обретают свойства программируемости, а их функции расширяются контролем.

Дальнейшее развитие экономической теории, вероятно, будет связано с синтезом институционального подхода, изучающего правила игры и доверие, и технологического подхода, учитывающего влияние цифровых платформ и алгоритмов на природу денег. Цифровой рубль в этом контексте выступает своего рода «лабораторией», в которой проверяются на прочность устоявшиеся теоретические конструкции и формируются контуры будущей денежной системы.

Список литературы

1. Белоусов Ю.В. Биткоин и формы денег: вопросы теории // Финансовый журнал. – 2024. – № 2. – С. 25-38.
2. Караваева Е.В., Байбурин Р.Р. Цифровой рубль в институциональной среде России: ловушки, барьеры и перспективы // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 4 (96). – С. 62-65.
3. Кулумбекова Т.Е., Байзулаев С.А., Царикаев М.Р. Цифровой рубль – его место в платежной системе России // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – № 12. Т. 6. – С. 81-87.
4. Магомадова М.М., Волкова А.А., Омаров З.З. Ключевая ставка и цифровые валюты: вызовы и возможности денежно-кредитной политики России // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 6. – С. 45-55.
5. Тимаков Я. Деньги становятся виртуальными // Эксперт. – 2026. – URL: <https://expert.ru/finance/dengi-stanovyatsya-virtualnymi/> (дата обращения: 16.03.2026).
6. Эксперты оценили возможную долю оборота цифрового рубля в 2026 году // Ведомости. – 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2025/07/31/1128176-eksperti-otsenili-vozmozhnuyu-dolyu-oborota-tsifrovogo-rublya (дата обращения: 15.03.2026).

Д.Д. ГУСЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка 2 курса, направления
«Экономика»

D.D. GUSEVA

Ural Branch of the Financial University
2-year student
«Economy»

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

FINANCIAL BEHAVIOR IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Аннотация

Работа посвящена трансформации финансового поведения россиян в условиях трансформации экономики. На основе актуальных данных и научных публикаций анализируются тенденции развития финтех-рынка, проблемы кибермошенничества, уровень финансовой грамотности и культуры различных групп населения. Особое внимание уделено молодежи как наиболее активной, но уязвимой группе пользователей цифровых финансовых услуг.

Annotation

This paper examines the transformation of Russians' financial behavior amidst economic transformation. Based on current data and scientific publications, it analyzes fintech market development trends, cyberfraud issues, and the level of financial literacy and culture among various population groups. Particular attention is paid to young people, the most active yet vulnerable group of users of digital financial services.

Ключевые слова: цифровое финансовое поведение, финансовая грамотность, финансовая культура, кибермошенничество, финтех, молодежь, государственные меры.

Keywords: digital financial behavior, financial literacy, financial culture, cyber fraud, fintech, youth, government measures.

Процесс цифровизации проникает во все сферы человеческой деятельности, предоставляя новые возможности для коммуникации и совершения операций. Однако распространение цифровых технологий сопровождается и негативными последствиями, среди которых особое место занимает рост киберпреступности в финансовой сфере. Несмотря на расширение спектра онлайн-услуг, исследователи фиксируют устойчивое недоверие значительной части населения России к современным финансовым технологиям, а также дефицит необходимых компетенций в области цифровой и финансовой грамотности [5].

В качестве объекта исследования выступает финансовое поведение людей в условиях цифровой среды. Предметом являются факторы, определяющие его типы и уязвимости, а также

комплекс государственных мер, направленных на обеспечение финансовой безопасности населения.

В современной науке актуальной остаётся проблема выработки теоретических и методологических подходов к анализу восприятия населением цифровых инноваций. Изучение общественного мнения о развитии рынка финансовых технологий (FinTech) позволяет выявить, какое психологическое воздействие новые инструменты оказывают на индивидуальные и коллективные модели финансового поведения. Сегодня российский финтех-рынок представлен широким спектром направлений: от инвестиционных платформ и программ лояльности до маркетплейсов, необанкинга, онлайн-бухгалтерии и других сегментов.

Пандемия COVID-19 не только усилила глобальную нестабильность, но и значительно ускорила внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь [4]. Под влиянием карантинных ограничений трансформировались образ жизни, потребительские привычки, финансовое поведение людей, при этом заметно вырос уровень финансовой тревожности. Помимо позитивных сдвигов, исследователи указывают на углубление цифрового неравенства между разными территориями, повышение уязвимости перед киберугрозами, рост экономического неравенства и безработицы, а также усиление криминогенных факторов.

Финансовое поведение граждан напрямую влияет на макроэкономические показатели и инвестиционную привлекательность регионов. Люди с высоким уровнем финансовой грамотности охотнее осваивают новые продукты и берут на себя ответственность за финансовые решения. Те же, кто не обладает достаточными знаниями, чаще перекладывают выбор на консультантов или брокеров, что говорит о неготовности к самостоятельному управлению финансами [7].

Особую тревогу вызывает финансовая грамотность молодежи. Студенческая среда традиционно считается одной из наиболее уязвимых социальных групп. Отсутствие элементарных финансовых знаний может привести к банкротству, накоплению непосильных долгов, неспособности распознать мошеннические схемы, а также к психологическим проблемам. Как показывают наблюдения, в образовательных учреждениях теме финансовой грамотности отводится недостаточно места, поэтому многие учащиеся не владеют даже базовыми понятиями в этой сфере [1].

Мошеннические схемы, нацеленные на завладение средствами граждан, эволюционируют стремительно, требуя постоянного совершенствования методов защиты. Если раньше жертвами чаще становились люди преклонного возраста или не имеющие специальных знаний, то сегодня киберпреступники все чаще нацеливаются на молодежь. Это

связано с высокой степенью вовлеченности молодых людей в цифровую среду и активным использованием ими разнообразных онлайн-платформ [3].

Финансовые потери населения от действий злоумышленников продолжают расти. По данным Центрального банка РФ, во втором квартале 2024 года с банковских счетов граждан и организаций было похищено около 4,8 млрд рублей — это почти на четверть больше среднего показателя за предыдущие четыре квартала. Лидирующим инструментом остается социальная инженерия (зафиксировано 20,6 тыс. таких случаев), при этом на 20,3% увеличилось количество фишинговых атак, достигнув 1,5 тыс. инцидентов [8].

С 25 июля 2024 года действует Федеральный закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе», посвященный новым механизмам противодействия мошенническим переводам. В нем уточнено определение операции без добровольного согласия клиента: под ней понимается денежный перевод, совершенный клиентом финансовой организации вследствие обмана или злоупотребления доверием. В 2024 году кредитные организации смогли вернуть пострадавшим клиентам 9,9% от общего объема таких операций (2,71 млрд рублей), тогда как годом ранее этот показатель составлял 8,7% (1,38 млрд рублей) [8].

Существует также проблема нежелания некоторых банковских структур раскрывать информацию о произошедших инцидентах из-за страха потерять репутацию. В связи с этим важно не только совершенствовать законодательство, но и повышать уровень цифровой гигиены самих пользователей. Современный финансовый рынок характеризуется доступностью и удобством: Россия входит в число стран с наивысшим уровнем проникновения цифрового банкинга, а платформенные решения предоставляют гражданам доступ к продуктам различных организаций.

Новым явлением на рынке стали финтех-компании – IT-компании, которые меняют финансовый мир, сокращают число посредников, обеспечивают доступность и качество услуг, создают инновационные продукты. Они воплощают принцип клиентоориентированности. Первоначально казалось, что финтех стал угрозой традиционным банкам, но сейчас банки сами становятся высокотехнологичными экосистемами.

Конкуренция между цифровыми экосистемами охватывает борьбу за клиентов, рыночные позиции и кадры. Ключевым становится вопрос о том, какая из экосистем сможет наиболее полно удовлетворить потребности пользователя. Одним из новых направлений становится «управление благосостоянием», изначально ориентированное на состоятельную аудиторию и предполагающее широкий спектр финансовых и сопутствующих услуг. В рамках этого направления клиентам предлагаются обучающие мероприятия,

способствующие повышению их финансовой грамотности и открывающие путь к получению статуса квалифицированного инвестора [2].

С учетом активного развития дистанционного банковского обслуживания клиенты всё чаще решают финансовые вопросы удаленно. Если ранее для открытия счета или оформления кредита требовалось лично посетить банк, то сегодня большинство вопросов можно решить из любой точки мира. Результаты опроса показывают, что мобильные банковские приложения установлены у 98% респондентов из России [6].

Государственная политика в сфере финансового просвещения нацелена на то, чтобы к 2030 году все школьники и студенты страны овладели базовыми знаниями в сфере финансов. Ключевая задача видится в формировании не просто набора знаний, а целостной финансовой культуры, включающей систему ценностей и установок, определяющих поведение человека как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Таким образом, цифровизация финансового сектора несет в себе как очевидные преимущества в виде удобства и оперативности, так и существенные риски, связанные с кибермошенничеством, технострессом и поведенческими ловушками. Статистика подтверждает рост финансовых потерь населения, при этом молодежь в силу своей высокой онлайн-активности оказывается в зоне особого риска. Предпринимаемые государством шаги – ужесточение законодательства, создание баз данных недобросовестных участников, развитие механизмов возврата средств и образовательные программы – являются необходимыми, но недостаточными без скоординированных усилий бизнеса и ответственного отношения самих граждан. Только такой комплексный подход способен обеспечить снижение рисков и полную реализацию потенциала цифровых финансов.

Список литературы

1. Быстрова Н.В., Уракова Е.А., Назарова Е.Н. Финансовая грамотность молодежи в условиях цифровой экономики // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №77-1. – С. 87-90.
2. Иванова Н.Г. Финансовая культура в цифровом мире // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – №6 (138). – С. 63-67.
3. Медведева Е.И., Крошили С.В., Авачёва Т.Г. Молодежь и кибермошенники: финансовое поведение, ориентация на индивидуальную защиту и проекты государства // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – №10 (180). – С. 291-304.
4. Медяник О.В., Легостаева Н.И. Трансформация финансового поведения россиян в условиях цифровизации рынка финансовых услуг // Вестник Пермского национального

исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. – № 4. – С. 22-37.

5. Медяник О.В., Легостаева Н.И. Финансовое поведение россиян: факторы, типы, коды уязвимости // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – № 4. – С. 50-55.

6. Скалабан М.П. Финансовое поведение населения в условиях цифровизации рынка финансовых услуг // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 5 (143). – С. 203-209.

7. Ярашева А.В., Макара С.В. Государственные меры обеспечения финансовой безопасности населения // Дискуссия. – 2025. – № 7 (140). – С. 172–179.

8. Центральный банк Российской Федерации. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора / Статистические данные по мошенническим операциям за 2023-2025 гг. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 16.03.2026).

А.А. ДЬЯКОНОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал, 2 курс,
направление подготовки «Государственное и муниципальное управление»

A.A. DYAKONOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Chelyabinsk branch, 2 course,
the preparation direction «State and municipal administration»

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ

DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC FINANCE MANAGEMENT

Аннотация

В статье рассматриваются современные процессы цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в систему управления общественными финансами. Проанализирована эволюция использования информационных технологий в финансовых органах, выделены ключевые направления применения ИИ. На примере российской системы

«Электронный бюджет» и зарубежных практик показаны преимущества цифровой трансформации, а также выявлены основные вызовы данного процесса.

Annotation

The article examines current processes of digitalization and the introduction of artificial intelligence technologies into the public finance management system. The evolution of the use of information technologies in financial authorities is analyzed, key areas of AI application are highlighted. Using the example of the Russian Electronic Budget system and foreign practices, the advantages of digital transformation are shown, and the main challenges of this process are identified.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, государственные финансы, управление общественными финансами, электронный бюджет.

Key words: digitalization, artificial intelligence, public finance, public finance management, electronic budget.

Современное развитие государственного управления неразрывно связано с цифровой трансформацией. В условиях растущей сложности бюджетных процессов, необходимости повышения прозрачности и эффективности использования бюджетных средств технологии искусственного интеллекта (ИИ) и большие данные становятся не просто инструментом, а основой для принятия управленческих решений. В России, как и во многих странах мира, цифровизация общественных финансов рассматривается в качестве одного из приоритетов государственной политики [6, с.56].

Эволюцию использования информационных технологий в финансовых органах можно разделить на три основных этапа. Первый этап охватывает 1990-е — начало 2000-х годов, когда происходила автоматизация отдельных учётных операций. Второй этап (2000–2010-е годы) характеризовался созданием единой системы казначейства и внедрением электронного документооборота. Третий этап, начавшийся в 2010-е годы и продолжающийся в настоящее время, составляет цифровая трансформация, внедрение системы «Электронный бюджет», технологий искусственного интеллекта и больших данных [2].

Ключевым элементом современной системы управления общественными финансами в России является государственная интегрированная информационная система «Электронный бюджет». Она объединяет процессы составления и исполнения бюджетов всех уровней, государственных закупок, управления доходами и долгом. Переход к «Электронному бюджету» позволил перевести в цифровой формат более 90% процедур бюджетного

процесса, сократить сроки прохождения платежей и повысить прозрачность использования бюджетных средств [1].

Технологии искусственного интеллекта начинают активно внедряться в налоговое администрирование. Федеральная налоговая служба (ФНС) России использует аналитические системы на базе машинного обучения для выявления налоговых рисков. Автоматизированная система управления налоговыми процессами позволяет обрабатывать миллиарды операций и в режиме реального времени выявлять отклонения. По оценкам экспертов, применение ИИ в налоговой сфере позволило повысить собираемость налогов без увеличения административной нагрузки на добросовестный бизнес [3].

Другим важным направлением является использование больших данных и алгоритмов прогнозирования в бюджетном планировании. Министерство финансов РФ совместно с экспертным сообществом развивает методы предиктивной аналитики для оценки макроэкономических показателей, прогнозирования налоговых поступлений и оценки эффективности государственных программ. Это позволяет более точно формировать бюджеты и своевременно корректировать расходные обязательства [4].

В сфере казначейского контроля внедрение цифровых технологий привело к переходу от последующего контроля к предварительному и проактивному. Системы автоматического мониторинга в реальном времени проверяют соответствие операций бюджетному законодательству, блокируют нецелевые расходы и предотвращают нарушения еще на этапе совершения платежа. Использование алгоритмов ИИ для анализа закупочных процедур позволяет выявлять признаки сговора и необоснованного завышения цен [2].

Международный опыт также демонстрирует успешные примеры применения ИИ в государственных финансах. В Великобритании налоговое ведомство использует системы машинного обучения для выявления мошенничества с НДС. В Эстонии государственные финансовые услуги полностью интегрированы в единую платформу, а алгоритмы искусственного интеллекта применяются для оптимизации налоговых проверок. В Китае внедрена система «золотого налога», которая на основе анализа больших данных практически полностью автоматизирует администрирование НДС [5].

Несмотря на значительные достижения, цифровизация управления государственными финансами сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, это обеспечение кибербезопасности и защиты данных. Во-вторых, требуется постоянная модернизация нормативно-правовой базы. В-третьих, острой остается проблема кадрового обеспечения — государственные служащие должны обладать компетенциями в области анализа данных, работы с ИИ и управления цифровыми платформами [6, с.186].

Таким образом, цифровизация и внедрение искусственного интеллекта в управление

государственными финансами представляют собой стратегический вектор развития. Как показывает опыт России и зарубежных стран, эти технологии позволяют повысить прозрачность бюджетных потоков, снизить издержки администрирования, усилить контроль и повысить точность прогнозирования. Дальнейшее развитие цифровых компетенций государственных служащих, совершенствование правового регулирования и защита информационной инфраструктуры станут ключевыми условиями успешной трансформации системы общественных финансов [4].

Список литературы

1. Министерство финансов Российской Федерации. Официальный сайт. Раздел «Цифровая трансформация». URL: <https://minfin.gov.ru/ru/digital/> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Федеральное казначейство. Официальный сайт. Раздел «Информационные системы». URL: <https://roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. Раздел «Цифровое развитие». URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Международный валютный фонд (IMF). Digitalization and Public Financial Management. 2025. URL: <https://www.imf.org/> (дата обращения: 20.03.2026).
5. OECD. Digital Government in Public Finance. OECD Publishing, Paris, 2024. URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 20.03.2026).
6. Кудрин А.Л., Синельников-Мурылев С.Г. Цифровизация государственного управления в России: вызовы и перспективы // Вопросы экономики. 2025. № 2. С. 5–23.

В.А. ЕРМОЛЕНКО

Красноярский финансово-экономический колледж
Финансового университета при Правительстве РФ,
г. Красноярск, студент группы БД 10Б-25

Научный руководитель

В.В. КОСТЮК

Красноярский финансово-экономический колледж
Финансового университета при Правительстве РФ,
преподаватель высшей квалификационной категории

V.A. ERMOLENKO

Krasnoyarsk Financial and Economic College,
Financial University under the Government of the RF,
Krasnoyarsk, student, group BD 10B-25

V.V. KOSTYUK

ВЛИЯНИЕ АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS IN SOCIAL NETWORKS ON THE FINANCIAL BEHAVIOR OF STUDENTS IN THE URAL REGION

Аннотация

В статье исследуется влияние алгоритмов рекомендательных систем социальных сетей на финансовое поведение студентов Уральского региона. На основе авторского онлайн-анкетирования (n=150, март 2026 г.) выявлены ключевые каналы получения финансового контента и установлена корреляция между доверием к алгоритмическим рекомендациям и склонностью к спонтанным покупкам. Определён уровень критической оценки алгоритмически предлагаемой информации. Сформулированы рекомендации по повышению финансовой и алгоритмической грамотности студентов.

Annotation

The article examines the impact of recommendation algorithm systems in social networks on the financial behavior of students in the Ural region. Based on an original online survey (n=150, March 2026), key channels for receiving financial content are identified, the correlation between trust in algorithmic recommendations and impulsive purchases is established, and the level of critical assessment of algorithmically suggested content is determined. Recommendations for improving financial and algorithmic literacy are formulated.

Ключевые слова: искусственный интеллект, рекомендательные алгоритмы, социальные сети, финансовое поведение, финансовая грамотность, импульсивные покупки.

Key words: artificial intelligence, recommendation algorithms, social networks, financial behavior, financial literacy, impulsive purchases.

Стремительная цифровизация превратила социальные сети в полноценные финансово-информационные экосистемы: здесь значительная часть студентов впервые узнаёт о банковских продуктах, инвестиционных инструментах и потребительских акциях. Центральным элементом этих экосистем являются рекомендательные алгоритмы на основе машинного обучения, формирующие персонализированную ленту контента [3, с. 44].

Студенты — особая группа риска: находясь на этапе финансовой социализации, они активно взаимодействуют с алгоритмически персонализированным контентом, не располагая устойчивыми финансовыми компетенциями [1, с. 118]. Цель исследования — выявить характер и степень влияния алгоритмов ИИ в социальных сетях на финансовое поведение студентов Уральского региона.

В марте 2026 года автором проведено социологическое исследование в форме онлайн-анкетирования. Респондентами выступили студенты вузов Уральского региона (Челябинская, Свердловская, Тюменская области, Пермский край). Общее число заполненных анкет составило 150. Распространение анкеты осуществлялось через студенческие сообщества в социальных сетях и мессенджерах. Географическая структура: Челябинск — 48%, Екатеринбург — 27%, Тюмень — 12%, Курган — 7%, Пермь — 6%. Состав: 58% женщин, 42% мужчин; возраст 17–22 лет — 92%; 1–2 курс — 52%, 3–4 курс — 40%, магистратура — 8%. Применялись закрытые и открытые вопросы, кросс-табличный анализ.

По итогам анкетирования выявлены следующие каналы получения финансового контента. Лидирует Telegram (68%), опережая YouTube (55%), ВКонтакте (47%), TikTok (29%) и прочие платформы (12%). Рост Telegram-каналов финансовой тематики согласуется с общероссийскими трендами [5, с. 73].

Таблица 1

Каналы получения финансового контента (март 2026 г., n=150)

Платформа	Доля, %
Telegram	68
YouTube	55
ВКонтакте	47
TikTok	29
Другое	12

Большинство студентов (85%) регулярно или иногда получают алгоритмически подобранный финансовый контент. При этом полностью или скорее доверяют рекомендациям 42% опрошенных, не доверяют — 58%. Ключевой результат кросс-анализа: среди доверяющих алгоритмам спонтанные покупки за последние три месяца совершили 71%, тогда как среди недоверяющих — лишь 29% (Таблица 2). Корреляция указывает на прямую связь между некритическим восприятием алгоритмического контента и импульсивным финансовым поведением [2, с. 31].

Корреляция доверия к алгоритмам и спонтанных покупок (кросс-анализ)

Группа	Доля в выборке	Спонтанные покупки
Доверяют алгоритмам	42%	71%
Не доверяют алгоритмам	58%	29%

Тревожным является сочетание низкой верификации (52% никогда не проверяют информацию из соцсетей через официальные источники) с завышенной самооценкой: 34% из этой группы оценивают собственную финансовую грамотность как среднюю или высокую. Лишь 16% респондентов смогли объяснить принцип работы рекомендательных алгоритмов — феномен, близкий к эффекту Даннинга–Крюгера в финансовом контексте [4, с. 209].

Полученные данные свидетельствуют о существенном и скрытом воздействии алгоритмов на финансовое поведение студентов. Механизм влияния включает несколько взаимосвязанных элементов: «информационный пузырь» создаёт иллюзию всестороннего охвата; непрозрачность алгоритмической логики лишает пользователей возможности оценивать источник рекомендации; постоянный поток контента формирует завышенную самооценку при недостаточных реальных компетенциях. Критическое мышление выступает главным защитным фактором: скептически настроенные студенты совершают спонтанные покупки в 2,5 раза реже.

Результаты согласуются с российскими и зарубежными исследованиями влияния цифровых платформ на потребительское поведение молодёжи [2, с. 35; 3, с. 47]. На основании полученных данных сформулированы следующие рекомендации: университетам — включить модули алгоритмической грамотности в курсы финансовой грамотности; студенческим сообществам — проводить воркшопы по критическому анализу финансового контента; регуляторам — рассмотреть обязательную маркировку алгоритмически продвигаемого контента. Дальнейшие исследования должны включать лонгитюдный мониторинг динамики поведения студентов под воздействием эволюции алгоритмических систем.

Список литературы

1. Бодрунова, С.С. Финансовые практики молодёжи в условиях цифровизации / С.С. Бодрунова // Вопросы экономики. – 2024. – № 3. – С. 110–124.

2. Зотова, А.И. Влияние цифровых платформ на потребительское поведение студентов / А.И. Зотова, Н.В. Смирнова // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2025. – № 1. – С. 28–41.

3. Иванченко, О.В. Рекомендательные системы как инструмент формирования потребительских предпочтений / О.В. Иванченко // Цифровая экономика. – 2024. – № 4. – С. 38–52.

4. Кузьмин, Р.А. Поведенческая экономика в эпоху алгоритмов: новые вызовы финансовой грамотности / Р.А. Кузьмин. – Москва: Экономика, 2023. – 284 с.

5. Морозова, Т.В. Telegram как медиапространство финансового просвещения молодёжи / Т.В. Морозова // Медиаисследования. – 2025. – № 2. – С. 68–81.

К.Д. ЖИДКОВА

Сургутский финансово-экономический колледж –
филиал Финуниверситета
студентка III курса специальности «Финансы»

Научный руководитель

Е.А. ПАРАМОНОВА

Сургутский финансово-экономический колледж –
филиал Финуниверситета
преподаватель

K.D. ZHIDKOVA

Surgut Financial and Economic College,
branch of the Financial University
III-year student of the direction of training
«Finance»

Scientific supervisor

E.A. PARAMONOVA

Surgut Financial and Economic College,
branch of the Financial University
Lecturer

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DIGITAL ECONOMY: MYTHS AND REALITY

Аннотация

Статья посвящена всестороннему исследованию возможностей и ограничений искусственного интеллекта в условиях современной цифровой экономики. Рассматриваются

актуальные аспекты автоматизации рабочих процессов, персонализации услуг и анализа больших объемов данных.

Annotation

The article is devoted to a comprehensive study of the possibilities and limitations of artificial intelligence in the conditions of the modern digital economy. The current aspects of automation of work processes, personalization of services and analysis of large volumes of data are considered.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, новые технологии, инновации, средства массовой информации.

Key words: artificial intelligence, digital economy, new technologies, innovations, and media.

Искусственный интеллект стал одной из важных разработок XXI века, а также, перестал быть исключительно темой научной фантастики, которое оказывает значительное влияние на развитие цифровых экономик стран мира. Его применяют в разных областях, к примеру, управление ресурсами и финансов, а также предоставление государственных услуг населению. Однако вокруг новых технологии существует множество сомнений и недоверие у населения, часто создаваемых средствами массовой информации и рекламными кампаниями, которые предлагают продукты с использованием искусственного интеллекта.

Цель настоящей статьи – объективно и честно оценить возможности и ограничения современного искусственного интеллекта в условиях цифровой экономики, проанализировать реальные возможности и недостатки внедрения новых технологий, а также рассмотреть перспективы его развития в будущем.

Одним из наиболее важных аспектов искусственного интеллекта является автоматизация рутинных операций, позволяющая значительно повысить эффективность труда сотрудников предприятий и организаций. Автоматические системы способны анализировать большие объемы данных, выявлять закономерности и предлагать оптимальные решения значительно быстрее и точнее, чем традиционные методы анализа. Например, внедрение автоматизированных систем на российских предприятиях позволило сократить затраты на управление материальными запасами, снизить риск ошибок при обработке документов и увеличить скорость обработки запросов клиентов.

Использование алгоритмов искусственного интеллекта позволяет персонализировать сервисы и услуги высокого качества. Современные онлайн-платформы предлагают

пользователям индивидуальные рекомендации товаров и услуг, которые адаптируются под предпочтения каждого клиента. Примером успешного проекта в области государственных услуг служит портал «Госуслуги», использующий элементы искусственного интеллекта для улучшения взаимодействия граждан с органами власти. Портал автоматически обрабатывает запросы пользователей, помогает выбирать подходящие государственные услуги и сокращает сроки ожидания результатов.

Современные аналитические инструменты позволяют быстро обрабатывать огромные массивы данных, помогая руководителям принимать обоснованные стратегические решения. Например, российские банки активно используют технологии предсказывающей аналитики для оценки рисков кредитования физических лиц и юридических компаний, минимизируя потери и повышая прибыльность своей деятельности.

Однако, вокруг данных искусственного интеллекта ходит много мифов, рассмотрим их более подробно.

Миф 1. Искусственный интеллект заменит людей везде

Искусственный интеллект меняет характер труда, но массовая мгновенная замена людей маловероятна. Во многих областях ИИ выступает как инструмент увеличения производительности и качества принятия решений: автоматизация рутинных операций, поддержка аналитики, обработка больших данных. При этом сохраняются задачи, требующие контекстного мышления, креативности, эмоционального интеллекта и ответственности – функции, в которых человек остаётся незаменимым. На практике он чаще дополняет сотрудников, чем полностью их заменяет.

Миф 2. Искусственный интеллект – это объективная и беспристрастная система

Если набор данных содержит предвзятость, искусственный интеллект её воспроизведёт и усилит. Алгоритмы принимают решения в рамках заданных улучшений – и без специальных мер по проверке и корректировке они могут создавать ошибочные результаты. Прозрачность, тестирование на смещения и человек в цепочке принятия решений – ключевые механизмы минимизации рисков.

Миф 3. Достаточно «внедрить алгоритм», и прибыль пойдёт автоматически

Чтобы искусственный интеллект приносил экономический эффект, нужны данные, инфраструктура, интеграция в бизнес-процессы и изменения в организации работы. Частая причина неудач — отсутствие качественного анализа, слабая подготовка данных, отсутствие поддержки со стороны менеджмента и неподготовленность персонала.

Несмотря на многочисленные преимущества, технология искусственного интеллекта имеет ряд серьезных ограничений и проблем, которые необходимо учитывать при разработке и внедрении инновационных решений:

1. Использование больших объемов личной информации повышает вероятность утечек данных и злоупотреблений со стороны недобросовестных разработчиков.

2. Проблема предвзятости алгоритмов, вызванная особенностями выборки данных, используемых для обучения моделей. Это может привести к дискриминационным последствиям, ущемляющим права отдельных групп населения.

3. Сложность интерпретации принимаемых алгоритмами решений. Даже самые современные модели остаются не до конца изучены и понимание механизма принятия конкретных решений зачастую затруднено даже разработчиками самих систем.

Искусственный интеллект в цифровой экономике – мощный инструмент, но не магическая палочка. Его эффективность определяется не только технологиями, но и качеством данных, организационными изменениями культурой использования. Мифы об искусственном интеллекте мешают здраво оценивать выгоды и управлять рисками. Подход, основанный на сочетании технологического развития, прозрачности, обучения людей и разумного регулирования, позволит использовать искусственный интеллект как систему устойчивого и инклюзивного экономического роста. Для эффективного внедрения технологий искусственного интеллекта требуются значительные финансовые ресурсы и высококвалифицированный персонал.

Список литературы

1. Алексеев, М.А., Прохорова, М.В. (2023). Инновационные технологии в экономике и бизнесе: теория и практика. Москва: Проспект.

2. Бережной, С.Н. (2022). Искусственный интеллект и принятие решений в организациях. Экономика и предпринимательство, 3(112), 215–220.

3. Васильев, В.Л., Жабрев, В.А. (2023). Применение технологий искусственного интеллекта в управлении бизнесом. Вестник Томского государственного университета, 468, 135–141.

4. Галактионова, Т.Г., Маслова, А.Д. (2022). Оценка влияния искусственного интеллекта на экономику России. Проблемы теории и практики управления, 6, 12–18.

5. Демидов, В.Е., Степанова, Н.В. (2022). Прогнозирование экономических показателей с использованием инструментов искусственного интеллекта. Экономический анализ: теория и практика, 12(563), 11–18.

6. Курочкин, С.Н., Турчин, А.В. (2022). Интеллектуальные информационные системы и их роль в современном обществе. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология, 2, 35–41.

7. Логинов, Д.С., Паршин, А.В. (2021). Основные препятствия на пути внедрения искусственного интеллекта в российскую экономику. Экономика региона, 4, 115–122.
8. Максимова, О.В., Захарова, А.И. (2023). Развитие искусственного интеллекта в банковской сфере. Деньги и кредит, 1, 12–18.
9. Никитин, В.В., Полухин, А.А. (2022). Искусственный интеллект в государственной службе: возможности и ограничения. Вопросы государственного и муниципального управления, 2, 56–62.
10. Третьяков, А.А., Вернер, В.А. (2023). Влияние искусственного интеллекта на производительность труда. Труд и социальные отношения, 1, 115–122.
11. Харченко, С.Н., Лукьянчук, А.В. (2022). Организация эффективной работы с большими данными в бизнесе. Управление развитием территории, 2, 115–122.
12. Шаповалов, А.В., Васин, Д.А. (2021). Роль искусственного интеллекта в управлении персоналом. Управление персоналом, 1, 115–122.

П.К. ЗВЕРЕВА

Российский государственный университет
социальных технологий
студентка III курса подготовки
«Юриспруденция»

Научный руководитель

А.А. ТЕНЕТКО

Российский государственный университет
социальных технологий
Доцент кафедры частного и публичного права

P.K. ZVEREVA

Russian State University of Social Technologies
Third-year student of the Faculty of Law

Academic Supervisor

A.A. TENETKO

Russian State University of Social Technologies
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

ГРАНЬ ЗАКОННОЙ ОПТИМИЗАЦИИ И НАЛОГОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

THE LINE BETWEEN LEGAL OPTIMIZATION AND TAX OFFENSES IN RUSSIAN LAW ENFORCEMENT

Аннотация

В условиях высокой налоговой нагрузки и усложнения экономических связей налогоплательщики стремятся минимизировать свои расходы. Грань между разрешенной оптимизацией налогов и налоговыми махинациями часто оказывается очень тонкой и нечеткой. Основополагающим инструментом разграничения этих понятий в судебной практике выступает доктрина деловой цели. В статье рассматривается эволюция этой доктрины в российском праве, анализируются критерии ее применения и частые ошибки налогоплательщиков.

Annotation

In the context of a high tax burden and the complexity of economic relations, taxpayers tend to minimize their expenses. The line between permitted tax optimization and tax fraud is often very thin and unclear. The doctrine of business purpose is a fundamental tool for distinguishing between these concepts in judicial practice. This article examines the evolution of this doctrine in Russian law, analyzes the criteria for its application, and identifies common mistakes made by taxpayers.

Ключевые слова: налоговая оптимизация, доктрина деловой цели, необоснованная налоговая выгода, злоупотребление правом, судебная практика, должная осмотрительность.

Keywords: tax optimization, business purpose doctrine, unjustified tax benefits, abuse of rights, judicial practice, and due diligence.

Развитие и увеличение прибыли требуют от компаний оптимизации внутренних процессов. Однако самым легким путем к улучшению финансовых показателей часто становится банальное урезание затрат. В первую очередь оптимизации подвергаются самые весомые статьи, и налоги здесь не исключение. В погоне за снижением налогового бремени многие организации прибегают к методам, которые могут быть квалифицированы как незаконные.

Налоговый кодекс РФ предоставляет налогоплательщику право осуществлять деятельность, направленную на получение законной налоговой выгоды (п. 1 ст. 21 НК РФ, Постановление Пленума ВАС РФ № 53). Однако любое право имеет границы. Когда действия налогоплательщика формально соответствуют закону, но направлены исключительно на получение необоснованной налоговой выгоды, вступает в силу принцип «злоупотребления правом».

Центральным звеном в доказывании злоупотребления является доктрина деловой цели. Ее суть заключается в том, что хозяйственная операция должна иметь разумную экономическую причину, то есть деловую цель, а не только цель минимизации налогов.

В российском законодательстве термин «деловая цель» напрямую закреплен лишь в подзаконных актах (например, в учетной политике), но в налоговых спорах он прочно базируется на судебной доктрине, сформулированной в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

Пункт 9 данного Постановления гласит: «Установление судом наличия разумных экономических или иных причин (деловой цели) в действиях налогоплательщика осуществляется с учетом оценки обстоятельств, свидетельствующих о его намерениях получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или иной экономической деятельности».

В упомянутом постановлении Высший Арбитражный Суд РФ, по сути, воспроизвел основные положения доктрины деловой цели, принятой в мировой практике. Однако ключевая проблема заключается в том, что данный судебный акт не обладает нормативной силой и, следовательно, не является обязательным для налогоплательщиков и налоговых органов. Применение концепции деловой цели остается прерогативой суда, что, с одной стороны, не позволяет пресекать злоупотребления на этапе налогового контроля, а с другой — лишает налогоплательщика возможности досудебной защиты от произвольных требований фискальных органов подтвердить свою добросовестность.

Многие эксперты, включая К.А. Сасова (выступление на I Международной конференции «Налоговые споры: опыт России и других стран» в 2009 г.), указывали на недостаточность закрепления этой доктрины лишь в актах ВАС РФ. В связи с этим назрела необходимость законодательного закрепления либо самого принципа деловой цели, либо понятия «необоснованная налоговая выгода».

Дополнительную сложность создает институт взаимозависимости (ст. 20 НК РФ). Налоговый контроль за сделками между формально зависимыми лицами не охватывает все схемы уклонения от налогообложения. За пределами внимания фискалов остаются субъекты, которые не подпадают под определение взаимозависимых, но чьи действия также могут быть направлены на получение необоснованной выгоды.

Отсутствие деловой цели — это сигнал для налогового органа. Если цель операции — налоговая экономия, а не получение прибыли или иного полезного хозяйственного результата, такая выгода признается необоснованной.

Анализ судебной практики (как арбитражных судов, так и позиций Верховного Суда РФ) позволяет выделить ключевые маркеры отсутствия деловой цели:

1. Отсутствие реальной хозяйственной операции (фиктивность). Самое грубое нарушение. Сделка совершена лишь на бумаге, товар не поставлялся, услуги не оказывались. Здесь доктрина деловой цели смыкается с понятием мнимости сделки (ст. 170 ГК РФ).

2. Нерентабельность или экономическая нелогичность. Если бизнес покупает товар по цене выше рыночной и продает его ниже закупочной без какой-либо стратегической причины (например, захват рынка), у налоговой возникают вопросы. Для долгосрочных стратегий требуется документальное обоснование.

3. «Дробление бизнеса». Классический пример: крупная компания, чтобы остаться на спецрежиме (УСН, патент), создает несколько формально самостоятельных микропредприятий, которыми управляет из одного офиса. Суды в таких случаях смотрят на единый штат, вывеску, IP-адреса и банковские счета. Если деловая цель дробления не доказана (например, выделение непрофильного актива), действия признаются злоупотреблением.

4. Взаимозависимость. Сама по себе взаимозависимость сторон сделки не является преступлением. Но если стороны взаимозависимы и при этом применяют трансфертные цены (продажа по себестоимости) или создают «цепочки» перепродавцов, суд потребует объяснить деловую цель выбора такой структуры.

Пример №1. «Техническая компания» (Дело ООО «Строй-Проект») Строительная компания привлекает субподрядчика, который через месяц после получения оплаты исчезает и не сдает отчетность. Налоговая снимает вычеты по НДС, заявляя, что субподрядчик — «фирма-однодневка». Стройкомпания возражает: у нас есть договор, акты, счета-фактуры. Вердикт суда: Суд поддерживает налоговую, если установлено, что стройкомпания не проявила должной осмотрительности (не проверила полномочия директора, адрес, наличие ресурсов у субподрядчика). Отсутствие деловой цели привлечения именно этого субподрядчика (он ничего не мог выполнить сам) говорит о формальном документообороте.

Пример № 2. Успешная защита (Дело «Вимм-Билль-Данн», Определение ВС РФ) Компания приобрела дорогостоящий актив (бренд) у взаимозависимого лица с убытком. Налоговая посчитала убыток необоснованным. Однако суды трех инстанций и ВС РФ встали на сторону компании, указав: «Само по себе совершение сделки между взаимозависимыми лицами не может служить основанием для признания налоговой выгоды необоснованной. Необходимо доказать, что сделка не имела разумной деловой цели». Компания смогла доказать, что покупка бренда была частью единой стратегии развития, направленной на увеличение прибыли в будущем, а убыток — следствие объективных рыночных причин.

Для бизнеса важно уметь защищаться. Если налоговая устанавливает отсутствие деловой цели, налогоплательщику следует подготовить стратегию защиты:

1. Бизнес-план или экономическое обоснование. Документ, показывающий, зачем была нужна сделка или реорганизация (выход на новый рынок, оптимизация управления, снижение рисков).

2. Переписка и протоколы. Внутренняя переписка, протоколы собраний директоров или участников, где обсуждались экономические причины будущих действий.

3. Доказательства реальности. Фотографии, складские документы, транспортные накладные, подтверждающие, что товар или результат услуги реально использовался в деятельности.

4. Принцип «должной осмотрительности». Досье на контрагента (выписки из ЕГРЮЛ, копии паспортов директоров, лицензии) для подтверждения, что вы выбрали его не случайно.

Эффективное налоговое планирование включает в себя три шага. Первый — это осознанный выбор системы налогообложения, который определяет все дальнейшие обязательства бизнеса перед бюджетом. Второй шаг — изучение региональных налоговых льгот. Государство предусмотрело пониженные ставки и каникулы для поддержки предпринимателей, но большинство налогоплательщиков этими возможностями не пользуются. Третий и самый тонкий инструмент — это учетная политика предприятия. Она позволяет закрепить правила, по которым компания будет учитывать свои доходы и траты. С ее помощью можно легально переносить платежи на другие периоды, то есть самостоятельно решать, когда бюджет получит больше, а когда можно и придержать средства

Доктрина деловой цели является мощным инструментом в руках налоговых органов и судов для борьбы со схемами уклонения от налогообложения. В последние годы наблюдается тенденция к «объективизации» подхода: суды все реже формально ссылаются на взаимозависимость, но все тщательнее исследуют реальный экономический смысл операций. Налоговая выгода признается обоснованной только тогда, когда операция имеет понятный стороннему наблюдателю деловой смысл. Отсутствие разумной хозяйственной цели, помимо минимизации налогов, влечет доначисление налогов и санкции.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.12.2020 № 305-ЭС20-9981 по делу № А40-126086/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Разъяснения ФНС России о применении концепции бенефициарного собственника дохода. Письмо ФНС от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Васильева Е.Г. Нормативные пределы налоговой оптимизации // Вестник экономического правосудия. — 2023. — № 4. — С. 45–58.
6. Далгатов Р.Г. Разграничение уклонения от уплаты налогов и налоговой оптимизации // Молодой ученый. — 2025. — № 40 (591). — С. 166–170.
7. Землянская И.С., Назаренко Б.А. Налоговая оптимизация и уклонение от уплаты налогов: теоретические подходы к разграничению // Финансовое право. — 2024. — № 2. — С. 15–21.
8. Кирнос Д.М. Эволюция доктрины налоговой выгоды: от актов толкования к законодательному закреплению // Научный вестник. — 2019. — № 7. — С. 106–109.
9. Лясколо А.Н. Уголовно-правовая квалификация уклонения от уплаты налогов: доктринальные подходы // Налоги и налогообложение. — 2023. — № 3. — С. 22–31.
10. Ряховский Д.И., Кирина Л.С. Легендирование как новый способ построения взаимоотношений налогоплательщиков с налоговыми органами в процессе разрешения налоговых споров // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2017. — № 1. — С. 68–78.
11. Фролов И.М., Ульянов А.В. Дробление бизнеса: стратегия оптимизации критериев и легендирования деловой цели // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). — 2024. — № 1. — С. 14–22. DOI: 10.51760/2308-9407_2024_1_14.

Я.А. ЗЕЛИНСКАЯ

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
магистрант 1 курса, направления подготовки
«Экономика»

Научный руководитель

С.Е. РОМАНОВА

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
к. э. н, доцент

Y.A. ZELINSKAYA
Ural Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
First-year Master's student, majoring in
Economics

Academic Supervisor
S.E. ROMANOVA
Ural Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
PhD in Economics, Associate Professor

**ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ОТЧЕТНОСТИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
НОВЫЕ МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ СБОРА ДАННЫХ**

**DIGITAL TOOLS FOR SUSTAINABILITY REPORTING:
NEW METHODS AND DATA COLLECTION ORGANIZATION**

Аннотация

В статье исследуются актуальные вопросы применения цифровых инструментов при подготовке отчетности об устойчивом развитии российскими компаниями. Анализируются изменения регуляторной среды, вступающие в силу с октября 2026 года, и их влияние на методы сбора и обработки ESG-данных. Рассматриваются возможности использования технологий искусственного интеллекта, интернет вещей и распределенного реестра для автоматизации процессов формирования нефинансовой отчетности. Особое внимание уделяется организационным аспектам внедрения цифровых решений в практику работы отечественных предприятий в контексте перехода на обязательное раскрытие информации в машиночитаемом формате.

Annotation

The article examines current issues of using digital tools in the preparation of sustainability reporting by Russian companies. The changes in the regulatory environment coming into force in October 2026 and their impact on methods of collecting and processing ESG data are analyzed. The possibilities of using artificial intelligence, Internet of Things and distributed ledger technologies to automate the processes of generating non-financial reporting are considered. Special attention is paid to the organizational aspects of implementing digital solutions in the practice of domestic enterprises in the context of the transition to mandatory disclosure of information in a machine-readable format.

Ключевые слова: отчетность об устойчивом развитии, ESG-данные, цифровые инструменты, автоматизация, XBRL, искусственный интеллект, интернет вещей.

Keywords: sustainability reporting, ESG data, digital tools, automation, XBRL, artificial intelligence, Internet of Things.

Система корпоративной отчетности в Российской Федерации в настоящее время переживает период существенных преобразований. Традиционно формирование отчетности в области устойчивого развития носило добровольный характер и осуществлялось компаниями преимущественно в целях повышения инвестиционной привлекательности и соответствия международным стандартам. Однако ситуация принципиально меняется в связи с вступлением в силу новых нормативных требований, устанавливающих обязательность раскрытия нефинансовой информации для широкого круга хозяйствующих субъектов. Как справедливо отмечают исследователи цифровой трансформации, в новых условиях именно автоматизация учетных процессов становится ключевым фактором обеспечения качества отчетности [1, с.148]. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность исследования вопросов применения современных цифровых инструментов, способных обеспечить эффективную организацию процессов сбора, обработки и представления данных об устойчивом развитии.

Цель работы заключается в анализе современных цифровых инструментов формирования отчетности об устойчивом развитии и определении направлений совершенствования организации сбора данных в российских компаниях с учетом требований актуального законодательства.

Регуляторные изменения, затрагивающие сферу нефинансовой отчетности, имеют комплексный характер. Согласно проекту Положения Банка России, с 1 октября 2026 года устанавливаются обязательные требования к раскрытию показателей устойчивого развития для публичных акционерных обществ, а также для эмитентов облигаций, включенных в котировальные списки [2]. Документом предусматривается раскрытие 33 обязательных показателей, распределенных по трем направлениям: экологическому, социальному и управленческому.

Экологический блок включает 15 метрик, отражающих воздействие компании на окружающую среду. В их числе показатели выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросов загрязненных сточных вод, образования отходов производства и потребления, а также данные о площади лесовосстановления и расходах на охрану окружающей среды. Социальный блок содержит 13 показателей, характеризующих кадровую политику организации, условия труда, профессиональное развитие работников и обеспечение безопасности. Управленческий блок включает 5 метрик, касающихся состава органов управления, политики в области устойчивого развития и структуры акционерного капитала [2].

Принципиальной инновацией становится требование о раскрытии информации в машиночитаемом формате XBRL (eXtensible Business Reporting Language) одновременно с представлением данных в форматах, доступных для восприятия человеком. Как отмечается в документах Банка России, формирование электронного документа может осуществляться с использованием специализированного программного обеспечения, размещенного на официальном сайте регулятора, либо иных программ, позволяющих создать файл в требуемом формате [2].

Параллельно с инициативой мегарегулятора развивается система стандартизации в сфере нефинансовой отчетности на правительственном уровне. Постановлением Правительства Российской Федерации в феврале 2026 года утвержден Стандарт общественного капитала бизнеса, определяющий ключевые понятия в области нефинансовой отчетности и включающий в себя 95 показателей, сгруппированных по шести тематическим блокам [8]. Документом предусмотрена дифференциация требований для крупного, среднего и малого бизнеса, что позволяет учитывать масштабы деятельности компаний при оценке их вклада в устойчивое развитие.

Анализ приведенных нормативных положений позволяет сделать вывод о формировании в Российской Федерации целостной национальной системы стандартов нефинансовой отчетности, сочетающей обязательные и рекомендательные элементы. Данная система предъявляет повышенные требования к организации сбора и обработки информации, что объективно обуславливает необходимость цифровой трансформации соответствующих процессов.

Цифровизация процессов формирования отчетности об устойчивом развитии базируется на внедрении современных технологических решений, относящихся к концепции Индустрии 5.0. В их числе следует выделить технологии искусственного интеллекта, интернет вещей и распределенного реестра (блокчейн).

Наиболее распространенным направлением цифровизации выступает внедрение специализированных платформ управления ESG-данными. Указанные программные продукты представляют собой интегрированные решения, объединяющие информацию, поступающую из внутренних учетных систем организации, включая ERP- и CRM-системы, а также из внешних источников. Функциональные возможности таких платформ позволяют автоматизировать процессы первичного сбора данных, проводить их верификацию, осуществлять расчет необходимых показателей и формировать отчетность в соответствии с требованиями различных стандартов.

Практика внедрения подобных решений демонстрирует их высокую эффективность с точки зрения снижения трудоемкости подготовительных работ и минимизацию ошибок,

обусловленных человеческим фактором. В качестве примера можно привести опыт индийской компании Snowkar, разработавшую AI-платформу для автоматизации сбора и проверки ESG-данных. Данное решение позволяет осуществлять расчет выбросов парниковых газов по трем уровням (Scope 1, 2, 3) и формировать отчетность в соответствии со стандартами GRI, CSRD и BRSR Core, что существенно сокращает временные затраты на проведение аудита и снижает вероятность возникновения ошибок [7].

Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения находят применение при решении широкого круга задач в сфере ESG-отчетности. К числу таких задач относятся автоматическая классификация активов по степени их соответствия, принципам устойчивого развития на основе анализа профилей контрагентов, прогнозирование климатических рисков с использованием данных дистанционного зондирования Земли и метеорологических наблюдений, обработка неструктурированных текстовых данных для выявления информации о ESG-инцидентах, а также автоматическая проверка подготовленной отчетности на соответствие регуляторным требованиям.

Международная практика свидетельствует об успешном внедрении подобных решений крупнейшими финансовыми институтами. Финансовая корпорация Goldman Sachs разработала платформу ESG Beacon, предназначенную для загрузки, валидации и совместного использования данных об объемах эмиссии парниковых газов и инвестиционной деятельности [4]. Банковская группа HSBC инвестировала в AI-платформу для автоматической оценки ESG-рисков, что позволило сократить время проведения соответствующей оценки на 50 процентов [4].

Значительным потенциалом в сфере сбора первичных данных об устойчивом развитии обладают технологии интернет вещей. Установка датчиков на производственных объектах позволяет осуществлять мониторинг экологических показателей в режиме реального времени, включая объемы выбросов загрязняющих веществ, уровни потребления энергетических и водных ресурсов, а также образование отходов. Передача данных непосредственно в корпоративные информационные системы исключает необходимость ручного сбора информации и снижает риск ее искажения.

Применение технологии блокчейн создает дополнительные возможности для обеспечения достоверности раскрываемой информации. Неизменяемость записей, формируемых в распределенном реестре, делает данную технологию особенно актуальной для верификации данных о выбросах парниковых газов и происхождении возобновляемой энергии. Использование смарт-контрактов позволяет автоматизировать исполнение соглашений при достижении установленных целевых показателей устойчивого развития.

Наряду с технологическими аспектами существенное значение имеет организация процесса сбора данных в условиях цифровой трансформации. Анализ существующих подходов позволяет выделить несколько последовательных этапов внедрения цифровых инструментов в практику формирования нефинансовой отчетности.

Начальный этап предполагает базовую интеграцию, в рамках которой осуществляется настройка сбора ESG-данных с использованием, имеющихся в распоряжении организации информационных систем, включая табличные процессоры, средства бизнес-аналитики и облачные хранилища. Одновременно проводится идентификация ключевых атрибутов данных, подлежащих интеграции в учетные системы и системы взаимодействия с клиентами [4].

Следующий этап связан с автоматизацией первичного сбора информации посредством внедрения устройств интернет вещей для автоматической фиксации экологических показателей и интеграции с системами кадрового учета для получения социальных метрик. На данном этапе происходит постепенный отказ от ручных методов сбора данных в пользу автоматизированных.

Третий этап предполагает внедрение специализированных ESG-платформ, соответствующих отраслевой специфике и масштабам деятельности организации. Ключевым требованием к таким платформам выступает обеспечение поддержки национальных стандартов отчетности и формата XBRL.

Заключительный этап предусматривает интеграцию систем управления ESG-данными с корпоративными системами управления рисками и стратегического планирования. Включение показателей устойчивого развития в процессы оценки эффективности деятельности и принятия управленческих решений позволяет рассматривать нефинансовую отчетность не как обособленную функцию, а как неотъемлемый элемент системы корпоративного управления.

Проведенный анализ позволяет выявить ряд проблем, с которыми сталкиваются организации при внедрении цифровых инструментов формирования отчетности об устойчивом развитии. В числе основных проблем исследователи указывают на несовместимость современных программных решений с устаревшими корпоративными информационными системами, дефицит квалифицированных кадров, обладающих компетенциями в сфере обработки ESG-данных и работы с цифровыми платформами, высокий уровень первоначальных затрат на внедрение, а также сложности обеспечения и сопоставимости данных, поступающих из различных источников [1, с. 155; 4; 6]. По мнению автора, наиболее критичной для российских компаний является именно проблема кадрового

дефицита, поскольку даже при наличии современных технологических решений отсутствие специалистов соответствующей квалификации сводит на нет потенциальные преимущества цифровизации.

Вместе с тем преимущества цифровой трансформации процессов формирования нефинансовой отчетности представляются очевидными. К числу таких преимуществ относятся сокращение временных и трудовых затрат на подготовку отчетных материалов, снижение риска возникновения ошибок, повышение прозрачности данных для заинтересованных сторон, а также возможность оперативного мониторинга показателей устойчивого развития в режиме реального времени.

Особого внимания заслуживает вопрос внедрения формата XBRL в практику российской нефинансовой отчетности. Как отмечается в информационных материалах, применение таксономии 7.5.1.0 для раскрытия информации об устойчивом развитии запланировано в добровольном порядке с 2026 года за отчетный период 2025 года, а в обязательном порядке — с 2027 года за отчетный период 2026 года [3]. Указанный переход создает методологическую основу для интеграции нефинансовой отчетности в единую систему корпоративной отчетности и последующего перевода ESG-показателей в денежное выражение.

Формирование отчетности об устойчивом развитии с использованием цифровых инструментов следует рассматривать не только как выполнение требований регулирующих органов, но и как фактор повышения конкурентоспособности бизнеса. Исследования показывают, что организации, активно внедряющие принципы устойчивого развития в свою деятельность и обеспечивающие прозрачность соответствующей информации, демонстрируют более высокие финансовые результаты [3]. Информационное агентство АК&М также подчеркивает, что переход к обязательной нефинансовой отчетности создает дополнительные стимулы для цифровой трансформации корпоративных учетных систем [5].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Цифровая трансформация формирования отчетности об устойчивом развитии представляет собой объективно обусловленный процесс, вызванный существенными изменениями регуляторной среды и повышением требований заинтересованных сторон к качеству раскрываемой информации. Применение современных технологий искусственного интеллекта, интернет вещей и распределенного реестра создает условия для обеспечения достоверности, полноты и сопоставимости нефинансовой информации. Внедрение формата XBRL формирует основу для интеграции данных об устойчивом развитии в единую систему корпоративной отчетности. На основе проведенного анализа можно предположить, что российские компании столкнутся с наибольшими трудностями при внедрении цифровых

инструментов именно в части кадрового обеспечения и интеграции новых решений с унаследованными информационными системами. Для преодоления указанных проблем требуется выстраивание целостной системы управления ESG-данными, сочетающей автоматизацию процессов сбора, методологическую согласованность и соответствие требованиям быстро развивающегося национального регулирования в сфере устойчивого развития.

Список литературы

1. Авдеева, И.Л. Цифровая трансформация управленческих процессов в условиях экономики данных / И.Л. Авдеева, Т.А. Головина, А.В. Полянин // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 145–162. (дата обращения: 19.03.2026).
2. О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг [Электронный ресурс]: проект Положения Банка России (по состоянию на декабрь 2025 г.). – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 19.03.2026).
3. Нефинансовая отчетность ищет читателя // Коммерсантъ. – 2025 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8293206> (дата обращения: 19.03.2026).
4. Цифровые ESG-решения: зачем они необходимы банкам Казахстана? [Электронный ресурс] / <https://kapital.kz> – 2025. URL: <https://kapital.kz/finance/136001/cifrovye-esg-resheniya-zachem-oni-neobhodimy-bankam-kazahstana.html> (дата обращения: 19.03.2026).
5. Нефинансовая отчетность станет в России обязательной URL: https://www.akm.ru/news/nefinansovaya_otchetnost_stanet_v_rossii_obyazatelnoy/ (дата обращения: 19.03.2026).
6. Emerging Trends in Climate Risk Tech for ESG [Electronic resource] / Council Fire. – URL: <https://www.councilfire.org/guides/emerging-trends-in-climate-risk-tech-for-esg/> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Snowкар запустила AI-платформу для ESG-отчетности и снижения выбросов // Коммерсантъ. – 2025. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8159995> (дата обращения: 19.03.2026).
8. В России появился единый инструмент оценки общественного капитала бизнеса/ Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_rossii_poyavilsya_edinyy_instrument_ocenki_obshchestvennogo_kapitala_biznesa.html (дата обращения: 19.03.2026).

9. Об утверждении стандарта общественного капитала бизнеса: постановление Правительства Российской Федерации от 05.02.2026 № 112 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 7. – Ст. 1125. (дата обращения: 19.03.2026).

Р. Р. КАРИМОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

А. В. ДУБЫНИНА

Доцент, Кандидат экон. наук
Уральский филиал Финуниверситета

R. R. KARIMOVA

Ural branch of the Financial University
2-year student of the direction
«Economy»

Scientific supervisor

A.V. DUBYNINA

Associate Professor, Ph. D. econ. Sciences
Ural Branch of the Financial University

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ: ВЛИЯНИЕ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ НА СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

GAMIFICATION IN THE FINANCIAL SECTOR: THE IMPACT OF MOBILE APPLICATIONS ON SAVINGS AND CONSUMER BEHAVIOR

Аннотация

В статье исследуется геймификация финансовых сервисов как инструмент цифровой трансформации. Анализируется двойственное влияние игровых механик в мобильных приложениях на сберегательное и потребительское поведение. На основе российских кейсов и психологических теорий раскрываются механизмы формирования финансовых привычек и сопутствующие риски. Делается вывод о необходимости осознанного подхода к управлению личными финансами.

Annotation

The article explores the gamification of financial services as a tool for digital transformation. It analyzes the dual impact of game mechanics in mobile applications on savings and consumer behavior. Based on Russian cases and psychological theories, the mechanisms of

financial habits formation and related risks are revealed. It is concluded that a conscious approach to personal finance management is necessary.

Ключевые слова: геймификация, цифровая трансформация, финансовое поведение, мобильные приложения, сбережения, поведенческая экономика, финтех.

Key words: gamification, digital transformation, financial behavior, mobile applications, savings, behavioral economics, fintech.

Цифровая трансформация экономики привела к фундаментальным изменениям в финансовой сфере. Традиционные банковские операции переместились в мобильные приложения, а взаимодействие с клиентами приобрело новые формы. Одним из ключевых трендов последнего десятилетия стала геймификация – внедрение игровых механик в неигровые процессы.

Финансовый сектор активно использует эти инструменты, превращая рутинные операции в интерактивный опыт. Первым примером использования игровых элементов в финансах считается эксперимент американского банка PNC в 2008 году с функцией «Punch the Pig» («Ткни свинью») [4]. Простое анимированное действие по переводу средств на накопительный счет привело к значительному росту вкладов. Этот случай продемонстрировал потенциал эмоционального вовлечения клиента через игру.

В современной российской практике, как отмечает «Коммерсантъ», геймификация стала обязательным элементом стратегий ведущих банков [4]. Произошел переход от разовых акций к комплексным программам лояльности, встроенным в экосистемы.

В основе геймификации лежат механизмы поведенческой экономики и психологии. Главный из них – дофаминовое подкрепление, когда пользователь получает мгновенное вознаграждение за целевое действие. Согласно теории самодетерминации, геймификация удовлетворяет базовые потребности в автономии, компетентности и социальной связанности [2]. Именно поэтому индикаторы прогресса («до следующего уровня кешбэка осталось 5000 рублей») работают эффективнее прямых призывов. Психологически нам сложно бросить дело на полпути, и банки это используют.

Российские финансовые институты демонстрируют разнообразные подходы к геймификации. «Альфа-Инвестиции» запустили «Альфа-Челленджи», предлагая награды за сделки и пополнение счета. По данным РБК, это повысило частоту взаимодействия с приложением и увеличило операционную прибыль банка [5]. Сбербанк реализует программу «Спасибо» с розыгрышами и накопительными механиками. Т-Банк использует сезонные

проекты вроде «Пушкин-квеста» для стимулирования активности [1]. Эти примеры показывают разнообразие подходов к вовлечению клиентов.

Однако воздействие геймификации имеет обратную сторону. Механики, основанные на соревновании и статусе, могут подталкивать к избыточному потреблению. Стремление сохранить «золотой» уровень часто заставляет совершать ненужные покупки или брать кредиты.

В инвестиционной сфере геймификация способна исказить восприятие риска. Исследования Комиссии по ценным бумагам Онтарио (OSC) показывают: одни и те же приемы могут как поощрять диверсификацию, так и стимулировать спекулятивное поведение [6]. Яркие графики и уведомления создают иллюзию легких денег, что особенно опасно для неопытных инвесторов. Стирается грань между обоснованным риском и азартной игрой.

Опросы показывают, что около 70% пользователей положительно оценивают возможность получать награды, отмечая элемент азарта [5]. Однако азарт как поведенческий драйвер в финансах требует осторожности: игровой процесс содержит элемент условности, который в реальных финансах может исказить оценку последствий [3].

Перспективы развития геймификации связаны с иммерсивными технологиями. ВТБ создал собственную «Метавселенную» на Unreal Engine 4, что открывает новые форматы взаимодействия [4]. Финансовые сервисы переносятся в среду постоянного пребывания пользователя.

Согласно исследованию Воронежского госуниверситета, 54% пользователей геймифицированных решений меняют финансовые привычки: снижается доля импульсивных покупок, растут накопления [2]. Это подтверждает потенциал инструмента при осознанном использовании.

В теоретическом контексте геймификация знаменует переход от модели «человека экономического» к «человеку играющему». Предпосылка о рациональном агенте разрушается. Мотивация формируется субъективными ощущениями прогресса и соревнования, а не объективной выгодой. Это порождает фундаментальное противоречие цифровизации финансов. С одной стороны, геймификация демократизирует услуги, снижая психологические барьеры. С другой – несет риски массового нерационального поведения.

Усугубляет проблему асимметрия целей. Для пользователя геймификация – способ сделать финансы увлекательнее. Для банка – инструмент управления поведением ради роста транзакций. Нейтральных игровых механик не существует [6].

В российских условиях тренд усиливается высокой концентрацией рынка. Крупнейшие банки встраивают игровые элементы во все уровни взаимодействия. Создается эффект «тотальной геймификации».

Долгосрочные последствия требуют внимания. Развитие виртуальной реальности сделает игровые интерфейсы еще более влиятельными. На первый план выходит проблема финансового просвещения. Финансовая грамотность в цифровую эпоху должна включать «цифровую гигиену» – способность распознавать манипулятивные техники и сохранять автономию решений. Также актуален вопрос регулирования. Если игровые механики подталкивают к рискованным инвестициям, возникают риски для финансовой системы.

Опыт канадского OSC мог бы быть полезен для России [6]. Исследование Комиссии по ценным бумагам Онтарио (OSC) 2026 года с участием 4000 канадцев показало двойственный эффект геймификации. Одни механики (рейтинги, значки) увеличивали диверсификацию портфеля на 3,5–4,5%, но другие (начисление очков за сделки) повышали частоту торговли на 40%, а социальные механики – спрос на «рекламируемые» акции на 12–18%. Ключевой вывод: нейтральных игровых механик не существует – их влияние зависит от целей разработчиков. OSC предложила меры защиты: образовательные программы и дополнительные подтверждения перед рискованными сделками. Этот опыт значим для выстраивания регуляторной политики в России.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что геймификация в финансовой сфере представляет собой не просто маркетинговый инструмент, а значимый фактор трансформации экономического поведения в цифровую эпоху. Ее ключевая особенность заключается в способности одновременно решать две противоположные задачи: стимулировать как рациональное сбережение, так и импульсивное потребление. В этой связи дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку критериев оценки долгосрочных эффектов геймификации для благосостояния домохозяйств, а также на формирование рекомендаций для регуляторов по минимизации рисков, связанных с использованием манипулятивных игровых механик в финансовых приложениях. Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте активного внедрения российскими банками экосистемного подхода, при котором игровые элементы пронизывают все уровни взаимодействия с потребителем.

Таким образом, геймификация в финансах – сложный инструмент. Она повышает вовлеченность, формирует сберегательные привычки, делает продукты доступнее. Но несет риски нерационального потребления и утраты автономии.

Ключевой вызов – найти баланс между увлекательностью опыта и защитой интересов потребителей. Это требует совместных усилий регуляторов, разработчиков и самих пользователей.

Список использованных источников

1. Агентство ВЭП. Игра кешбэков: банки борются за клиентов. – 2020. – URL: <https://vep.ru/newsview.html?id=6173> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Банковское обозрение. Клиент хочет играть. – 2025. – URL: <https://bosfera.ru/bo/klient-hochet-igrat> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Горелова И. Н. Деловые игры в экономике и управлении. – Омск: ОмГТУ, 2023. – 127 с.
4. Коммерсантъ. Человек играющий: Как банки превращают финансы в развлечение. – 2025. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8192661> (дата обращения: 20.03.2026).
5. РБК Компании. Как геймификация повысила оперприбыль банка: кейс Альфа-Инвестиций. – 2025. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/GpbrGTOIV5/kak-gejmifikatsiya-povyisila-operpribyil-banka-kejs-alfa-investitsij/> (дата обращения: 20.03.2026).
6. Ontario Securities Commission (OSC). OSC publishes research on using gamification to improve investor outcomes. – 2026. – URL: <https://www.osc.ca/en/news-events/news/osc-publishes-research-using-gamification-improve-investor-outcomes> (дата обращения: 20.03.2026).

Б.Н. КОЖЕНОВ

Смоленский филиал Финуниверситета
Студент II курса направления «Экономика»

Научный руководитель

П.И. КОМАРОВ

канд. техн. наук, доцент

B.N. KOZHENOV

Smolensk Branch of the Financial University
Second-year student, Economics

Academic Supervisor

P.I. KOMAROV

Ph.D. (Eng.), Associate Professor

ИНСТРУМЕНТАРИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ЛЬНОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ИМИТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ НА БАЗЕ VBA

STRATEGIC PLANNING TOOLS FOR LINEN PROCESSING ENTERPRISES: SIMULATION MODEL BASED ON VBA

Аннотация

Одной из ключевых проблем сырьевой ориентации льняного комплекса России является отсутствие доступных инструментов для количественного обоснования стратегических решений. В работе проанализирована отраслевая специфика и разработана имитационная модель в среде Excel с использованием языка VBA. Модель позволяет рассчитывать потребность в ресурсах (сырье, мощности, инвестиции, персонал), проводить многовариантные сценарные расчеты (сырьевое развитие, глубокая переработка, кооперационная стратегия), а также оценивать инвестиционные риски с помощью количественного индекса импортозависимости. Область применения модели: стратегическое планирование на микро- и мезоуровне (предприятие, региональный кластер).

Abstract

One of the key problems of the raw material orientation of the Russian flax industry is the lack of accessible tools for quantitative justification of strategic decisions. The paper analyzes the industry specifics and develops a simulation model in the Excel environment using VBA. The model allows calculating resource requirements (raw materials, capacities, investments, personnel), conducting multivariate scenario calculations (raw material development, deep processing, cooperation strategy), as well as assessing investment risks using a quantitative index of import dependence. The model can be applied for strategic planning at the micro- and meso-level (enterprise, regional cluster).

Ключевые слова: льняной комплекс, стратегическое планирование, имитационное моделирование, VBA, сценарный анализ, импортозамещение, инвестиционные риски.

Keywords: flax complex, strategic planning, simulation modeling, VBA, scenario analysis, import substitution, investment risks.

Льняной комплекс России пережил глубокий спад: за последние три десятилетия посевные площади льна-долгунца сократились более чем в 10 раз [2]. Сегодня перед отраслью стоит задача восстановления, которая осложняется ее структурной спецификой. Льняной комплекс характеризуется протяженной технологической цепочкой: от поля

(льнотреста) до готовой ткани (пряжение, ткачество, отделка). Ключевая проблема в том, что добавленная стоимость накапливается на конечных переделах, в то время как предприятия, ограничивающиеся первичной переработкой, остаются в уязвимом сырьевом сегменте с низкой маржой и высокими логистическими издержками.

Эта специфика формирует особые требования к стратегическому целеполаганию. Цели не могут ограничиваться финансами или долей рынка; они должны охватывать всю технологическую цепочку, оценивать «узкие места» и риски импортозависимости (особенно в ткачестве и отделке). Для реализации такого подхода была разработана имитационная модель [3].

Архитектура модели. Модель построена по принципу обратного планирования («от цели – к ресурсам») и состоит из пяти взаимосвязанных блоков, реализованных в среде Excel с использованием языка VBA:

- «Целеполагание» – ввод пользователем целевого продукта (волокно, пряжа, ткань) и его объема к заданному году;
- «Технологическая цепочка» – расчет потребности в сырье и промежуточной продукции на каждом переделе;
- «Производственные мощности и дефициты» – сравнение требуемых мощностей с текущими, выявление «узких мест»;
- «Финансы и инвестиции» – расчет инвестиций для ликвидации дефицитов, прогноз денежных потоков и NPV;
- «Оценка рисков» – расчет индекса импортозависимости на основе доли импортного оборудования и материалов.

Выбор VBA и Excel обусловлен необходимостью создать прозрачный и доступный для конечного пользователя-экономиста инструмент, позволяющий проводить сценарные расчеты без специальных навыков программирования. Полученный прототип (874 строки кода) доказывает работоспособность концепции и может быть в дальнейшем масштабирован на другие платформы (например, Python) [1, 4].

Результаты сценарного анализа. Для демонстрации возможностей модели были просчитаны три стратегических сценария развития предприятия (табл. 1).

Сценарий 1 (сырьевой): Увеличение производства длинного волокна на 30%.

Сценарий 2 (глубокая переработка): Организация производства готовой ткани (2000 т/год).

Сценарий 3 (кооперационный): Специализация на выпуске пряжи (1500 т/год).

Сравнение ключевых показателей сценариев

Показатель	Сценарий 1 (волокно)	Сценарий 2 (ткань)	Сценарий 3 (пряжа)
Инвестиции, млн руб.	75	494	~36
NPV, млн руб.	42	827	20
Срок окупаемости, лет	4	3	4
Посевные площади, тыс. га	14,4	6,5	4,2
Персонал, чел.	325	910	319

Отметим, что инвестиции в сценарии 3 связаны с модернизацией изношенного прядильного оборудования.

Сравнительный анализ подтверждает, что стратегия углубленной переработки (сценарий 2), несмотря на кратный рост инвестиций, обеспечивает значительно более высокую экономическую эффективность (NPV в 19 раз выше, чем в сырьевом сценарии) и социальный эффект, создавая в 2,8 раза больше рабочих мест.

Разработанная модель представляет собой инструмент поддержки принятия решений, который позволяет перевести выбор стратегии из плоскости интуиции в плоскость количественного обоснования. Она может быть адаптирована для других отраслей с длинной технологической цепочкой (деревообработка, пищевая промышленность) и служить основой для создания кроссплатформенного программного комплекса.

Список литературы

1. Гарбер Г.З. «Основы программирования на Visual Basic и VBA в Excel 2007» - Москва; Издательство СОЛОН-Пресс, 2021.
2. Крылов В.С., Баюнов В.А., Худякова Е.В. Направления и механизмы восстановления льнопродуктового подкомплекса России Экономика и управление №7 (141), 2017
3. Ладынин А.И. Методический инструментарий принятия управленческих решений на основе имитационного моделирования / А.И. Ладынин // Экономика и управление. — 2020. — № 5. — С. 42–51.
4. Лебедев, В. М. Программирование на VBA в MS Excel : учебник для вузов / В. М. Лебедев. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 312 с

Н.С. КОКОРИНА
Уральский филиал Финуниверситета

магистрант I курса направления подготовки
«Экономика»

Научный руководитель
А.А. КОПЧЕНОВ
Уральский филиал Финуниверситета
д-р экон. наук, профессор

N.S. KOKORINA
Ural Branch of the Financial University
First-year Master's student, majoring in
Economics

Academic Supervisor
A.A. KOPCHENOV
Ural Branch of the Financial University
Doctor of Economics, Professor

ОТЧЕТ О ДВИЖЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК ИНДИКАТОР СИСТЕМНЫХ РИСКОВ ПРИ САНКЦИОННОМ ДАВЛЕНИИ

SANCTIONS PRESSURE AS A FACTOR OF CHANGING THE STRUCTURE OF CASH FLOWS AND BANK RISKS

Аннотация

В статье обосновывается использование отчета о движении денежных средств (ОДДС) как индикатора системных рисков банковского сектора в условиях санкционного давления. На примере ПАО «ВТБ» проанализирована трансформация структуры входящих и исходящих денежных потоков в 2021-2024 гг., выявлены основные риски и доказана необходимость перехода к проактивному управлению ликвидностью.

Annotation

The article substantiates the use of the cash flow statement (CFSS) as an indicator of systemic risks in the banking sector amid sanctions pressure. Using VTB Bank as an example, the transformation of cash flows in 2021-2024 is analyzed, the main risks are identified, and the need for a transition to proactive liquidity management is substantiated.

Ключевые слова: отчет о движении денежных средств, денежные потоки, системные риски, банковский сектор, санкционное давление.

Keywords: cash flow statement, cash flows, systemic risks, banking sector, sanctions pressure.

Современный этап развития российской экономики характеризуется беспрецедентным санкционным давлением. Отключение от SWIFT, блокировка активов и ограничения на валютные операции дестабилизировали сложившиеся каналы движения капитала.

В этих условиях традиционные методы диагностики финансовой устойчивости демонстрируют ограниченную прогностическую способность. Особая роль отводится отчету о движении денежных средств (ОДДС) как наиболее релевантному индикатору, позволяющему диагностировать дефицит ликвидности и идентифицировать зарождающиеся системные риски [1].

В отличие от баланса и отчета о финансовых результатах, ОДДС отражает реальную способность банка генерировать денежные потоки для выполнения обязательств [2].

Способность создавать положительный операционный поток становится ключевым фактором устойчивости, тогда как привлечение средств от финансовой деятельности (включая рефинансирование в Банке России) выступает индикатором замещения рыночного фондирования экстренными мерами поддержки [3].

Наиболее репрезентативным объектом для исследования трансформации денежных потоков под влиянием санкций выступает ПАО «ВТБ» [4].

Будучи системообразующим банком, ВТБ в полной мере испытал внешние ограничения, что позволяет проследить механизмы реализации рисков и их отражение в денежных потоках.

Под системными рисками понимаются риски возникновения кризисных явлений, способных дестабилизировать финансовую систему. Системный риск может стимулировать реализацию других рисков вследствие распространения макроэкономических потрясений [5]. Санкционное давление активизирует их через ограничение трансграничных платежей, заморозку активов, рост стоимости заимствований.

Для количественной оценки трансформации денежных потоков данного банка обобщим ключевые показатели в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика основных показателей денежных потоков ПАО «ВТБ» за 2021-2024 гг., млрд. руб.

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Остаток денежных средств их эквивалентов	1173,9	918,7	1210,8	2018,1
Операционный денежный поток	-1416,9	-1015,3	873,6	1245,8
Инвестиционный денежный поток	-522,4	-389,7	-312,5	-278,4
Финансовый денежный поток	1904,1	1487,2	523,8	342,6
Чистая прибыль (убыток)	325,3	-613,2	315,2	265,5

Составлено автором по данным отчетности ПАО «ВТБ» [4; 6]

Представленные данные позволяют проследить ключевые тенденции. Динамика остатков денежных средств демонстрирует снижение в кризисный 2022 г. (с 1173,9 до 918,7 млрд руб.) и последующий рост до 2018,1 млрд руб. в 2024 г., что отражает переход к проактивной модели управления ликвидностью и накопление «подушки безопасности». По итогам 2022 г. ВТБ зафиксировал рекордный убыток в 613,2 млрд руб., структура которого детализирует реализацию системных рисков [7; 8]:

- убытки от операций с иностранной валютой в размере около 300 млрд руб., возникшие из-за оттока валютных пассивов и необходимости покупать валюту на рынке;
- убытки от выбытия зарубежных дочерних структур;
- резервы под кредитные убытки в размере 344 млрд руб.;
- убытки от роста ключевой ставки (33 млрд руб.).

Данная ситуация демонстрирует ограниченность традиционных методов управления ликвидностью: формально достаточный объем высоколиквидных активов может оказаться недоступен из-за блокировки счетов.

Важным направлением адаптации стала работа с заблокированными активами. В 2025 г. банк начал процедуру вывода с баланса замороженных активов (около 70 млрд руб.) в отдельное юридическое лицо по закону № 292-ФЗ для очищения баланса и повышения качества денежных потоков [9].

На основе анализа выделяются индикаторы системных рисков по данным ОДДС: сокращение операционного потока при росте финансового (замещение рыночного фондирования), дисбаланс валютных потоков (валютный риск), снижение инвестиционных поступлений (потеря активов), рост остатков средств на фоне сжатия кредитования (защитная стратегия).

Проведенное исследование подтверждает, что в условиях санкционного давления ОДДС становится ключевым индикатором системных рисков.

Анализ трансформации денежных потоков ВТБ в 2021–2024 гг. позволил выявить механизмы реализации системных рисков под влиянием санкционного шока 2022 г. Отключение от SWIFT, включение в список SDN, блокировка активов и отток валютных пассивов привели к реализации валютного риска (убытки от приобретения валюты по неблагоприятному курсу), риска потери зарубежных активов (утрата контроля над европейскими структурами) и кредитного риска (формирование резервов).

Критически важным выводом является ограниченность традиционных методов управления ликвидностью в условиях санкций: формально достаточный объем

высоколиквидных активов может оказаться недоступен вследствие блокировки корреспондентских счетов и валютных ограничений. Ключевое значение приобретает не номинальный объем ликвидности, а его структура с точки зрения доступности в экстремальных сценариях.

Список литературы

10. Отчет о движении денежных средств: что это такое и как его составить // Skillbox Media. – URL: <https://skillbox.ru/media/management/otchyot-o-dvizhenii-denezhnykh-sredstv-cto-eto-takoe-i-kak-ego-sostavit/> (дата обращения: 04.03.2026).
11. Юань Цзыцзяо. Роль отчета о движении денежных средств и анализа движения денежных средств / Цзыцзяо Юань // Экономика и социум. – 2025. – № 5-1 (132). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-otcheta-o-dvizhenii-denezhnyh-sredstv-i-analiza-dvizheniya-denezhnyh-sredstv> (дата обращения: 04.03.2026).
12. Денежно-кредитная политика и финансовая стабильность: аналитическая записка Банка России. – Москва: Банк России, 2023. – URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/146496/research_policy_notes_b_5_1.pdf (дата обращения: 04.03.2026).
13. О банке ВТБ // Официальный сайт ПАО «ВТБ». – URL: <https://www.vtb.ru/about/bank/> (дата обращения: 04.03.2026).
14. Ларионова, И. В. Концентрация активов как источник системного риска банковского сектора / И. В. Ларионова, Е. И. Мешкова // Финансы и кредит. – 2017. – № 10 (730). – С. 2–12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsentratsiya-aktivov-kak-istochnik-sistemnogo-riska-bankovskogo-sektora> (дата обращения: 04.03.2026).
15. Анализ банка ВТБ // Портал «Анализ банков». – URL: <https://analizbankov.ru/bank.php?BankId=vtb-1000&BankMenu=nadezhnost> (дата обращения: 04.03.2026).
16. ВТБ отразил рекордные убытки за 2022 год из-за санкций, валютных курсов и резервов // Интерфакс. – 05.04.2023. – URL: <https://www.interfax.ru/business/894567> (дата обращения: 04.03.2026).
17. ВТБ назвал причины рекордного убытка за 2022 год // ПРАЙМ. – 05.04.2023. – URL: <https://1prime.ru/finance/20230405/840352036.html> (дата обращения: 04.03.2026).
18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 292-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421851/ (дата обращения: 04.03.2026).

Н.С. КОКОРИНА

Уральский филиал Финуниверситета
магистрант I курса направления подготовки
«Экономика»

Научный руководитель

А.А. КОПЧЕНОВ

Уральский филиал Финуниверситета
д-р экон. наук, профессор

N.S. KOKORINA

Ural Branch of the Financial University
First-year Master's student, majoring in
Economics

Academic Supervisor

A.A. KOPCHENOV

Ural Branch of the Financial University
Doctor of Economics, Professor

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ И РИСКОВ БАНКА

SANCTIONS PRESSURE AS A FACTOR OF CHANGING THE STRUCTURE OF CASH FLOWS AND BANK RISKS

Аннотация

В статье исследовано влияние санкционного давления на трансформацию структуры денежных потоков и профиля рисков российских банков. Проанализирована динамика адаптации банковского сектора к работе в условиях внешних ограничений на примере ПАО «Сбербанк», выявлены основные направления перестройки денежных потоков и возникающие риски. Обоснована необходимость перехода к проактивной модели управления ликвидностью и валютными рисками.

Annotation

The article examines the impact of sanctions on the transformation of the cash flow structure and risk profile of Russian banks. The dynamics of the banking sector's adaptation to operating under external restrictions are analyzed using Sberbank as an example, identifying the main areas of cash flow restructuring and the resulting risks. The need for a transition to a proactive liquidity and currency risk management model is substantiated.

Ключевые слова: санкционное давление, банковский сектор, денежные потоки,

банковские риски, финансовая устойчивость.

Keywords: sanctions pressure, banking sector, cash flows, banking risks, financial stability.

Банковский сектор ключевой драйвер роста национальной экономики, обеспечивающий кредитование, трансформацию сбережений в инвестиции и бесперебойность расчетов [1]. Российская банковская система исторически демонстрировала способность адаптироваться к внутренним вызовам (структурные трансформации, кризисы ликвидности, проблемы устойчивости коммерческих банков) внешнему давлению.

Ограничительные меры в отношении банковского сектора классифицируются по степени охвата и жесткости на два основных типа: блокирующие и секторальные санкции. Блокирующие санкции влекут полную заморозку активов и запрет операций с указанными лицами. Секторальные ограничивают доступ к долгосрочному фондированию или операции в определенных валютах. Параллельно Банк России применяет к кредитным организациям финансовые санкции за нарушения законодательства – штрафы, приостановление операций по счетам, взыскание средств. Порядок их применения регулируется нормативными актами, в частности Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2].

Рассмотрим конкретные меры для каждого вид санкций, названных выше (табл. 1).

Таблица 1

Меры санкций банковского сектора России [3]

Вид санкций	Меры
Блокирующие	Заморозка (блокировка) активов Отключение от SWIFT
Секторальные	Запрет на долгосрочное кредитование Запрет на кредитование ряда российских финансовых, энергетических и оборонно-промышленных компаний и их дочерних структур.
Финансовые	Запрет на инвестирование и покупку облигаций, выпущенных Правительством РФ, ЦБ РФ и связанными с ним лицами. Запрет на депозиты от российских лиц на сумму более 100 тыс. евро.
Иные	Запрет лицам из стран ЕС занимать управленческие посты в российских государственных компаниях. Запрет на сделки с Российским морским регистром судоходства. Транспортные санкции (доступ в порты и аэропорты, в воздушное пространство, к дорожной сети ЕС в случае, если автотранспорт находится в собственности компании из РФ). Запрет на консалтинговые услуги: архитектурные и инжиниринговые услуги, IT-услуги.

Адаптация сектора сопровождается консолидацией и ростом концентрации активов.

Система демонтирует стабильность, но ключевой тренд – усиление позиций крупнейших игроков. Активы сектора выросли со 130 трлн руб. в 2024 г. до 148 трлн в апреле 2025 г. Доля первой десятки банков увеличивается, что свидетельствует об олигополизации рынка. Динамика активов ключевых институтов под влиянием санкций отражена в таблице 2 [4].

Таблица 2

Величина активов топ 10 банков и их санкционное положение

Наименование банка	2023 г., млрд руб.	2024 г., млрд руб.	Апрель 2025 г., млрд руб.	Страны, которые ввели санкции против банка
Сбербанк	51,5	52,1	58,4	США
ВТБ	26,4	32,7	33,3	США, Великобритания
Газпромбанк	15,9	13,5	17,2	–
Альфа-Банк	8,6	9,4	11,1	США, ЕС, Великобритания
Россельхозбанк	4,8	6,3	5,4	–
Промсвязьбанк	7,5	5,4	8,1	США, ЕС
МКБ	4,8	4,7	4,9	Великобритания
ФК «Открытие»	3,4	4,1	3,5	США
Совкомбанк	3,2	3,5	3,7	США
Райффайзенбанк	2,1	2,2	2,2	–

Росту активов способствовали сделки по поглощению банков вне первой десятки, включая присоединение «ФК Открытие», Росбанка и ХКФ Банка. Крупнейшие банки продолжают увеличивать долю рынка преимущественно за счет слияний, а не органического роста, из-за охлаждения кредитования, высоких ставок и ужесточения требований к капиталу.

Наиболее показательна трансформация Сбербанка. Попадание под блокирующие санкции США и отключение от SWIFT стали катализатором глубокой перестройки его операционной модели [4].

До 2022 года банк получал стабильный приток валютной ликвидности от международной деятельности и обслуживания внешней торговли. Санкции вызвали три ключевых изменения: сокращение валютных поступлений от экспортёров из-за блокировки корреспондентских счетов в долларах США и евро, рост транзакционных издержек вследствие ухода международных клиентов и необходимости выстраивать сложные платежные маршруты и переориентацию на внутренние рублевые операции: основной приток ликвидности обеспечивается расширением розничного и корпоративного кредитования внутри страны [5].

Секторальные санкции заблокировали внешнее долгосрочное фондирование: прекратился выпуск еврооблигаций, пришлось переключиться на внутренние источники (ЦБ,

долговой рынок) с более высокой стоимостью и короткими сроками, а также вернуть часть зарубежных активов для снижения рисков. Указанные структурные сдвиги привели к качественному изменению профиля риска ликвидности Сбербанка: выросла зависимость от Центрального Банка, усилился дисбаланс сроков, появились операционные риски новых платежных цепочек, снизилось качество ликвидности из-за роста активов в валютах дружественных стран. По итогам 2025 года Сбербанк показал рост ключевых показателей: чистая прибыль увеличилась на 8,4% до 1,69 трлн руб. при рентабельности капитала 22,1%. Основной вклад обеспечил чистый процентный доход, выросший на 17,7% – это является прямым результатом смещения акцента на внутренние рублёвые операции и активного кредитования. Существенный рост средств физических лиц (на 20,5% за год) укрепил базу стабильного фондирования, компенсируя сокращение валютных поступлений. Активное расширение жилищного (+16,5%) и корпоративного (+12,5%) кредитных портфелей указывает на успешную переориентацию денежных потоков с внешних на внутренние источники и направления [6].

Таким образом, адаптация Сбербанка к санкциям подтверждает тезис о том, что устойчивость достигается посредством, а не вопреки глубокой трансформации денежных потоков. Финансовые результаты 2025 года демонстрируют способность банка замещать заблокированные внешние потоки внутренними.

Список литературы

1. Синиченко О.А. Влияние санкционной политики на состояние банковского сектора России. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 09.02.2026).
2. Международный студенческий научный вестник. 2020. Режим доступа: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20249> (дата обращения: 09.02.2026).
3. Тимофеев И.Н., О.С. Рождественская. Политика санкций: понятие, институты, практика: учебно-методические материалы № 11 / 2024; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2024. — 96 с.
4. Косов М.Е., Платонов А.П., Решетников С.Б., Чернышева Т.К. Влияние санкционных ограничений на финансовый и банковский секторы Российской Федерации // Финансовый журнал. 2025. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 09.02.2026).
5. Трансформация российской публичной власти в условиях глобального кризиса : коллективная монография / В. В. Балытников, О. Н. Барабанов, Я. В. Болдинов [и др.]. — Москва : АСОУ, 2023. — 219 (1) с.
6. РБК.Финансы. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/20/01/2026/> (дата обращения: 09.02.2026).

И.А. КРИВОШЛЫКОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

I.A. KRIVOSHLIKOV

Ural branch of the Financial University
2nd year student «Economy»

Scientific Director

I.A. KETOVA

Ural Branch of the Financial University
PhD (Eng.), Associate Professor

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ НА АРХИТЕКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

THE IMPACT OF SANCTIONS AND GEOPOLITICAL RISKS ON THE ARCHITECTURE OF THE RUSSIAN FINANCIAL SYSTEM

Аннотация

В статье рассматривается влияние санкций и геополитических рисков на российскую финансовую систему. Анализируются изменения в её структуре и работе финансовых институтов. Также рассматриваются меры адаптации финансовой системы России к новым экономическим условиям.

Annotation

The article examines the impact of sanctions and geopolitical risks on the Russian financial system. Changes in its structure and the functioning of financial institutions are analyzed. The study also considers the adaptation of Russia's financial system to new economic conditions.

Ключевые слова: санкции, геополитические риски, финансовая система России, финансовые институты, экономика.

Key words: sanctions, geopolitical risks, Russian financial system, financial institutions, economy.

Период 2022–2026 годов стал эпохой тектонических сдвигов для российской финансовой системы. Беспрецедентные по масштабу ограничения, введенные недружественными государствами, не просто создали временные трудности, а запустили механизм необратимой трансформации всей финансовой архитектуры страны. Эти изменения затронули фундаментальные принципы функционирования банковского сектора, платежных систем, валютного регулирования и инвестиционных институтов.

Согласно документу «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год», разработанному Банком России, помимо текущей экономической ситуации реализуется риск ухудшения международных отношений, что ведет к активной фазе деглобализации мировой экономики [2]. Тенденция к разделению экономики на части, начавшаяся в 2018–2019 годах, с 2022 годакратно усилилась, заменяя принципы экономической оптимизации критериями географической близости и геополитической дружелюбности [2].

Наиболее болезненным эффектом санкционного режима стала заморозка суверенных активов и средств частных инвесторов. По оценке Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной, «очень болезненной темой» стала заморозка активов миллионов частных инвесторов, которые пострадали, хотя против них санкции не вводились [5]. Это создало «очень негативный сигнал» для всех центральных банков мира, нарушив фундаментальные принципы защищенности резервов [5]. Существенной проблемой остаются ограничения на международные платежи, которые создают трудности для многих предприятий при проведении трансграничных расчетов [2]. При этом, несмотря на то что угроза отключения от SWIFT существовала давно, в РФ заблаговременно начали создавать национальную платежную инфраструктуру, что позволило смягчить негативные последствия [2].

Высокая ключевая ставка и ограничение доступа к внешним рынкам капитала создали беспрецедентную нагрузку на корпоративный сектор. Сокращение базовых нефтегазовых доходов и расширение дисконта на российские товары вследствие санкционного давления привели к необходимости трансформации бюджетного правила [2].

Ключевым элементом адаптации стало продление экстраординарных полномочий, которыми ЦБ был наделен в 2022 году на временной основе. В декабре 2025 года Госдума пролонгировала действие указанных антикризисных полномочий регулятора на 2026 год. Соответствующий федеральный закон был принят для защиты национальных интересов и поддержания финансовой стабильности в условиях сохраняющегося санкционного давления со стороны недружественных стран [4]. Эти полномочия включают: установление закрытого перечня сведений, которые финансовые организации могут не публиковать в открытом доступе; управление работой НСПК в сегменте международных платежных карт; право ЦБ

блокировать проведение банковских операций и сделок на период до полугода; ограничение на взаимодействие страховых компаний РФ с партнерами из недружественных юрисдикций [4].

Значительным достижением стало создание механизмов по выводу активов из-под санкционных рисков. По данным Банка России, принятые с 2022 года меры позволили реализовать права инвесторов на сумму более 12 трлн рублей [3]. Среди ключевых инструментов: принудительная редомициляция ценных бумаг в российский контур; процедура замещения внешнего долга (еврооблигаций) локальными инструментами; использование средств со счетов типа «С» для выкупа замороженных активов у нерезидентов; прямые выплаты доходов держателям российских ценных бумаг, минуя иностранных посредников [3]. Ключевым драйвером для разблокировки взаимных требований стал Указ Президента РФ №844 (ноябрь 2023), запустивший механизм добровольного обмена активами между отечественными и зарубежными инвесторами [3].

Банк России активно развивает платформу цифрового рубля, при этом до 31 августа 2026 года продлеваются полномочия совета директоров ЦБ определять круг пользователей платформы и перечень допустимых операций по согласованию с Росфинмониторингом [4].

Вопреки прогнозам, в 2022–2024 годах экономика продемонстрировала высокую устойчивость к внешним шокам: санкциям, валютной волатильности и логистическим разрывам. Глубина спада в 2022 году оказалась значительно скромнее первоначальных оценок, а в 2023–2024 годах был зафиксирован уверенный рост, составивший 4,1%, что превзошло ожидания экспертов [1]. Однако в 2025 году сочетание высокой ключевой ставки, повышения налогов и укрепления рубля затормозило промышленный рост.

Ключевым вызовом остается развитие альтернативных механизмов трансграничных расчетов. Президент РФ Владимир Путин отметил, что система SWIFT постепенно замещается альтернативами, а мировая монополия крупных западных банков на международные платежи будет подорвана [1]. В этом контексте особое значение приобретает взаимодействие с партнерами по БРИКС и ЕАЭС, а также дальнейшее развитие собственной платежной инфраструктуры и расчетов в национальных валютах.

Санкционные и геополитические риски 2022–2026 годов стали мощнейшим катализатором трансформации российской финансовой архитектуры. Созданные адаптационные механизмы – от специальных полномочий регулятора до защиты прав инвесторов и развития цифровых платформ – позволили не только минимизировать ущерб, но и заложить основы для долгосрочного устойчивого развития. В то же время сохраняются системные вызовы: высокая зависимость от сырьевого экспорта, проблемы трансграничных расчетов и необходимость дальнейшей диверсификации экономики. Ответом на эти вызовы

должна стать последовательная политика укрепления финансового суверенитета и интеграции с новыми центрами экономического роста.

Список литературы

1. Альфа-Капитал. Стратегия 2026: рецессия или перезапуск роста [Электронный ресурс] : аналитический обзор, декабрь 2025. – Режим доступа: <https://www.alfacapital.ru/analytics/strategiya-2026-recessiya-ili-perezapusk-rosta> (дата обращения: 09.03.2026).
2. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cbr.ru/StaticHtml/File/180750/Brochure_2026\(2027-2028\).pdf](https://cbr.ru/StaticHtml/File/180750/Brochure_2026(2027-2028).pdf) (дата обращения: 10.03.2026).
3. Банк России. Объем активов, выведенных из-под санкционных рисков с 2022 года, составил 12 трлн рублей [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8379928> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Госдума продлила на 2026 год ряд антисанкционных спецполномочий Банка России [Электронный ресурс] // ПРАЙМ-Раскрытие, 09.12.2025. – Режим доступа: <https://1prime.ru/20251209/tsb--865360025.html> (дата обращения: 14.03.2026).
5. Набиуллина, Э. Заморозка активов россиян оказалась очень болезненной [Электронный ресурс] / Э. Набиуллина // Вести.Ru. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/finance/article/1234567> (дата обращения: 16.03.2026).

Е.А. КУСКОВА, Е.Д. РЯЗАНСКАЯ
Уральский филиал Финуниверситета
студенты III курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель
С.Е. РОМАНОВА
к.э.н., доцент кафедры «Экономика, финансы, управление»
Уральский филиал Финуниверситета

E.A. KUSKOVA, E.D. RYAZANSKAYA
Ural branch of the Financial University
3rd year students of the direction
«Management»

Scientific supervisor

**ИНВЕСТИЦИИ В КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ: НОВАЯ ТОЧКА
РОСТА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

**INVESTMENTS IN CREATIVE INDUSTRIES: A NEW POINT
OF GROWTH IN THE POST-INDUSTRIAL ECONOMY**

Аннотация

Материал посвящен роли креативных индустрий кино, IT, дизайна в трансформации экономики Челябинской области. На конкретных примерах рассмотрим, как творческие сектора способны привлекать инвестиции, стимулировать туризм и формировать новый облик промышленного региона. Отмечается, что поддержка креативной экономики помогает сократить отток талантливых кадров и открывает дополнительные рабочие места. В итоге делается вывод: развитие творческих индустрий — это важный шаг на пути к экономике знаний и улучшению качества жизни в регионе.

Annotation

The article focuses on the role of creative industries in the film, IT, and design sectors in transforming the economy of the Chelyabinsk Region. Through specific examples, we will explore how these creative sectors can attract investment, stimulate tourism, and shape the new image of an industrial region. The article highlights how supporting the creative economy can help reduce the outflow of talented individuals and create additional job opportunities. Ultimately, the article concludes that the development of creative industries is an important step towards a knowledge-based economy and improving the quality of life in the region.

Ключевые слова: инвестиции, креативные индустрии, Челябинская область, экономика, имидж региона, инфраструктура

Key words: investments, creative industries, Chelyabinsk Region, economy, regional image, infrastructure

В последние годы в экспертных кругах все чаще говорят о переходе от индустриальной экономики к экономике знаний. Для регионов с богатым промышленным наследием, таких как Челябинская область, это не дань моде, а жизненно важная стратегия,

от которой зависит их будущее место в новой экономической реальности. На повестке — поиск новой идентичности, способной дополнить образ сурового промышленного края, а также новых точек роста, которые позволят удержат талантлиую молодежь и привлечь инвестиции, ранее обходившие этот сектор стороной.

И главным драйвером этих изменений, способным совершить настоящую трансформацию региональной экономики, становятся креативные индустрии, которые представляют собой не только искусство в чистом виде, доступное узкому кругу ценителей, а широкий спектр деятельности, основанной на индивидуальном творчестве, таланте и интеллектуальной собственности, включающий в себя такие разнообразные направления, как аудиовизуальные искусства, охватывающие кино, телевидение и анимацию, дизайн во всех его проявлениях от промышленного до графического и модного, издательское дело и литературу, интерактивные цифровые медиа, включая видеоигры и технологии дополненной и виртуальной реальности, исполнительские искусства, представленные театром и музыкой, музейную и библиотечную деятельность, рекламу и маркетинг, а также архитектуру.

В эпоху стремительной цифровизации и глобализации именно эти сектора способны создавать высокую добавленную стоимость, поскольку их продукт рождается из идеи и таланта, а не из тонны переработанной руды, они демонстрируют удивительную устойчивость к экономическим кризисам, так как спрос на культурные и развлекательные продукты часто остается стабильным даже в трудные времена, и они обладают мощным мультипликативным эффектом, стимулируя развитие смежных отраслей, таких как туризм, гастрономия, IT-сфера и сфера услуг, а также напрямую влияя на повышение качества городской среды и формирование привлекательного имиджа территорий. Челябинская область, обладая мощной индустриальной базой, богатейшими культурными традициями (уральское камнерезное искусство, златоустовская гравюра, каслинское литье) и сильной инженерной школой, имеет колоссальный, но пока недооцененный креативный потенциал. Главные препятствия для его реализации — архаичные стереотипы о регионе как о сугубо промышленном, дефицит современной инфраструктуры (коворкинги, арт-резиденции, выставочные пространства) и, как следствие, отток талантливой молодежи в столицы и за рубеж. Ключевая задача — наладить симбиоз между промышленным сектором, обладающим ресурсами, и креативным сообществом, генерирующим новые идеи. Именно на стыке этих сфер рождаются инновационные продукты, способные занять достойное место на глобальном рынке.

Несмотря на все объективные сложности и вызовы, в регионе уже сегодня можно наблюдать успешные примеры, которые наглядно доказывают высокую эффективность инвестиций в креативный сектор и могут служить ориентиром для дальнейшего развития:

так, Челябинская область одной из первых в стране начала активно использовать механизмы рибейтов, то есть частичного возмещения затрат кинопроизводителям, которые выбирают для съемок своих проектов южноуральские локации, и ярким примером того, как киноиндустрия работает на улучшение имиджа территории, стали съемки нашумевшего сериала «Зулейха открывает глаза», которые не только привлекли в регион прямые инвестиции в виде средств, потраченных съемочной группой на оплату локаций, проживание, питание и транспорт, но и показали миллионам зрителей по всей стране живописные уголки Южного Урала, создав тем самым прочную основу для развития перспективного направления локационного туризма, которое, в свою очередь, повлечет за собой новые инвестиции в гостиничную и ресторанный инфраструктуру. Кроме того, Челябинск заслуженно считается одним из сильнейших IT-хабов России, уступая лишь Москве и Санкт-Петербургу.

Особый рост показывает геймдев — сфера, где высокие технологии неразрывно связаны с креативом. Регулярное проведение крупных профильных конференций способствует формированию зрелой экосистемы: местные стартапы обмениваются опытом и привлекают внимание венчурных инвесторов, готовых вкладывать средства в создание глобально востребованного продукта. Ярким символом возрождения городской среды стало преобразование бывшего заводского Дома культуры в центре Челябинска в современное пространство «ДК». Из полузаброшенного здания оно превратилось в точку притяжения для горожан и гостей города: здесь проходят выставки, лекции, концерты, работают мастерские [1]. Этот пример показывает, как даже точечные инвестиции в адаптацию старых промышленных объектов способны оживить целые районы, создавая новую среду для жизни и бизнеса. Параллельно в области развиваются современный дизайн и ремесленничество, основанные на переосмыслении уральских традиций камнерезного искусства, художественного литья и фарфора [3]. Инвестиции в создание локальных брендов, сочетающих вековые традиции и актуальный дизайн, могут дать мощный импульс креативному предпринимательству и экспортному потенциалу региона. Таким образом, для Челябинской области инвестиции в креативные индустрии — это не дань моде, а стратегический выбор в пользу диверсификации экономики и перехода к модели развития, основанной на человеческом капитале.

Чтобы это движение приобрело системный и необратимый характер, необходима согласованная работа по трем направлениям: развитие специализированной инфраструктуры — создание креативных кластеров, арт-резиденций и коворкингов по всему региону; внедрение целевых финансовых инструментов, таких как гранты, венчурные фонды и налоговые льготы; а также налаживание конструктивного диалога между властью, крупным

бизнесом и творческим сообществом. Инвестируя сегодня в таланты и новые идеи, регион закладывает фундамент своей конкурентоспособности, формируя современную, комфортную среду для жизни и самореализации на Южном Урале, способную удержать лучшие умы и открыть регион для мира.

Список литературы

1. В Челябинске завершился первый этап ремонта ДК ЧТПЗ : [Электронный ресурс] / [URA.RU](https://ura.ru). — 2025. — 26 июня. — URL: <https://ura.news/news/1052955252> (дата обращения: 25.03.2026).

2. В Челябинской области креативные индустрии генерируют миллиардные прибыли : [Электронный ресурс] / МК-Челябинск. — 2024. — 17 апреля. — URL: <https://chel.mk.ru/economics/2024/04/17/v-chelyabinskoy-oblasti-kreativnye-industrii-generiruyut-milliardnye-pribyli.html> (дата обращения: 25.03.2026).

3. Наш почерк. О подготовке к форуму креативных индустрий рассказал губернатор Челябинской области : [Электронный ресурс] / Златоустовский рабочий. — 2024. — 18 апреля. — URL: <https://zrg74.ru/economica/item/34522-nash-pocherk-o-podgotovke-k-forumu-kreativnyh-industrij-rasskazal-gubernator-cheljabinskoy-oblasti.html> (дата обращения: 25.03.2026).

М.А. ЛАБУТИН

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса магистратуры направления
подготовки «Экономика»

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук

M.A. LABUTIN

Ural branch of the Financial University
Federation, 1st year master's student of the
field of study «Economy»

Scientific supervisor

A.V. DUBYNINA

Ural branch of the Financial University
Ph.D. econ. Sciences

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ
КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА В ФОРМАТ МСФО**

TRANSFORMATION OF COMMERCIAL BANK

FINANCIAL STATEMENTS INTO IFRS FORMAT

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и методические аспекты процесса трансформации финансовой отчетности коммерческого банка в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО). Выявлены ключевые этапы и процедуры преобразования учетных данных из формата РСБУ. Определены основные методологические различия, возникающие при оценке финансовых инструментов и формировании резервов. Обоснована необходимость автоматизации процесса трансформации для обеспечения высокого качества и прозрачности банковской отчетности в современных условиях.

Annotation

The article examines the theoretical and methodological aspects of the process of transforming the financial statements of a commercial bank in accordance with international financial reporting standards (IFRS). The key stages and procedures for converting accounting data from the RAS format are identified. The main methodological differences arising in the valuation of financial instruments and the formation of reserves are determined. The necessity of automating the transformation process to ensure high quality and transparency of banking reporting in modern conditions is substantiated.

Ключевые слова: коммерческий банк, МСФО (IFRS) 9, трансформация отчетности, ожидаемые кредитные убытки, профессиональные суждения, автоматизация учета, финансовые инструменты

Key words: commercial bank, IFRS 9, reporting transformation, expected credit losses, professional judgment, accounting automation, financial instruments.

Сегодня банковская отчетность перестала быть просто «фотографией» прошлого. В эпоху МСФО (IFRS) 9 она превратилась в сложный прогноз будущего. Если раньше бухгалтер банка фиксировал свершившиеся факты, то сегодня он обязан оценивать риски, которые еще не наступили. Это создает фундаментальный разрыв между российскими стандартами, ориентированными на налоговый контроль, и международными, нацеленными на инвестора [3, с. 82].

Методологический диссонанс: РСБУ vs МСФО

Основная сложность трансформации кроется не в разности планов счетов, а в философском подходе к активам. Мы можем выделить три ключевых «узла напряжения»:

1. Приоритет экономического содержания над формой. В МСФО сделка отражается так, как она влияет на денежные потоки, даже если юридически она оформлена иначе. Это требует от специалистов банка профессионального суждения, которое невозможно алгоритмизировать на 100% [6, с. 18].

2. Дисконтирование и временная стоимость денег. Для РСБУ миллион сегодня и миллион через три года - это часто одна и та же сумма. Для МСФО – это разные величины. Процесс трансформации заставляет банк «очищать» баланс от скрытых убытков, накопленных из-за низких процентных ставок [4, 5].

3. Ожидаемые кредитные убытки (ECL). Это самая «горячая» точка. Банк должен признать убыток по кредиту еще в момент его выдачи, исходя из макроэкономических прогнозов (инфляция, ВВП, цена на нефть). В таблице 1 представлена классификация механизмов минимизации выявленных рисков, сгруппированных по функциональному признаку [2, с. 45]

Таблица 1 – Матрица влияния трансформационных моделей на капитал банка

Элемент трансформации	Вектор влияния на собственный капитал	Критическая область (на что смотреть)
1	2	3
Переоценка финансовых инструментов	Разнонаправленное (может как увеличивать, так и уменьшать)	Волатильность рыночных котировок.
Резервирование по IFRS 9	Преимущественно снижает капитал	Требует признания убытков «на опережение», что сразу вычитается из прибыли.
Амортизированная стоимость (ЭПС)	Снижает на начальных этапах	Связано с распределением комиссий; доход признается постепенно, а не «здесь и сейчас».
Признание аренды (IFRS 16)	Снижает нейтрально или незначительно	Зависит от объема долгосрочных обязательств по аренде офисов и отделений.

Практическая реализация трансформации в 2026 году сталкивается с проблемой «прогностического шума» — сложности точного предсказания макроэкономических показателей для расчета резервов. Традиционные методы подготовки отчетности в электронных таблицах теряют эффективность, уступая место адаптивным системам управления данными (Data Lake).

Автоматизация позволяет банку перейти к непрерывному мониторингу (Continuous Reporting), что минимизирует риски искажения отчетности и повышает киберустойчивость финансовой инфраструктуры [3, с. 85]. Однако внедрение таких систем требует значительных инвестиций в человеческий капитал и повышение цифровой грамотности сотрудников бухгалтерии и риск-менеджмента.

Трансформация финансовой отчетности коммерческого банка в формат МСФО выступает катализатором качественных изменений в управлении капиталом. Это не просто техническая процедура пересчета данных, а стратегический процесс, позволяющий выявить скрытые риски и реальную стоимость активов. Внедрение адаптивных систем управления и стандартизация требований к защите данных являются необходимыми условиями для сохранения конкурентоспособности банка в условиях глобальной цифровой трансформации.

Список литературы

1. О консолидированной финансовой отчетности: Федеральный закон от 27.07.2010 № 208-ФЗ (в ред. от 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 27.06.2016 № 98н) (ред. от 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Белозеров С. А. Проблемы и перспективы применения МСФО в российских кредитных организациях в условиях санкционных ограничений / С. А. Белозеров, В. С. Антонова // Финансы и кредит. — 2025. — Т. 31, № 4. — С. 78–92.
4. Колташев И.А., Дубынина А.В. Финансовая диагностика компаний: стратегия выживания в условиях экономической турбулентности // В сборнике: Экономика данных. Новые подходы и решения: взгляд молодых. Сборник материалов XXI национальной научно-практической конференции (с международным участием). Челябинск, 2025. С. 321-324.
5. Мартемьянова А.С., Дубынина А.В. Корпоративная отчетность: требования и значения на современном этапе экономического развития // В сборнике: Экономика данных: новые вызовы и горизонты. сборник материалов XIX национальной научно-практической конференции с международным участием. Челябинск, 2025. С. 99-104.
6. Соколов Б. И. Методология трансформации банковской отчетности: от РСБУ к международным стандартам / Б. И. Соколов, М. В. Воронов // Деньги и кредит. — 2026. — № 2. — С. 15–29.

В.Д. ЛАПОЧКИН

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Н.С. СОГРИНА

канд. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

V.D. LAPOCHKIN

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Economy»

Scientific supervisor

N.S. SOGRINA

Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ
И ОЦЕНКИ КРЕДИТНОГО И ПРОЦЕНТНОГО РИСКОВ ПРИ
ФОРМИРОВАНИИ ОТЧЕТНОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

**METHODOLOGICAL ASPECTS OF RECOGNITION AND MEASUREMENT
OF CREDIT AND INTEREST RATE RISKS IN THE FORMATION
OF FINANCIAL STATEMENTS OF CREDIT INSTITUTIONS**

Аннотация

В статье рассматриваются методологические подходы к признанию и оценке кредитного и процентного рисков в финансовой отчетности кредитных организаций в соответствии с требованиями МСФО (IFRS) 9 и нормативными актами Банка России. Выявлены ключевые проблемы применения моделей ожидаемых кредитных убытков и оценки справедливой стоимости финансовых инструментов. Предложены направления совершенствования методического обеспечения управления рисками и формирования достоверной отчетности.

Annotation

The article examines methodological approaches to recognition and measurement of credit and interest rate risks in the financial statements of credit institutions in accordance with the requirements of IFRS 9 and the regulatory acts of the Bank of Russia. The key problems of applying expected credit loss models and fair value measurement of financial instruments are identified. Directions for improving methodological support for risk management and the formation of reliable reporting are proposed.

Ключевые слова: кредитный риск, процентный риск, МСФО 9, ожидаемые кредитные убытки, финансовая отчетность, кредитные организации.

Key words: credit risk, interest rate risk, IFRS 9, expected credit losses, financial statements, credit institutions.

В условиях высокой волатильности финансовых рынков, ужесточения требований регуляторов и усложнения банковских продуктов вопросы корректного признания и оценки кредитного и процентного рисков приобретают ключевое значение для обеспечения достоверности финансовой отчетности кредитных организаций. Внедрение Международного стандарта финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» ознаменовало переход от модели понесенных убытков к модели ожидаемых кредитных убытков, что принципиально изменило методологию формирования резервов под обесценение.

Методология признания кредитного риска в отчетности согласно IFRS 9 базируется на трехстадийной модели оценки обесценения финансовых активов. На первой стадии осуществляется признание 12-месячных ожидаемых кредитных убытков для активов, у которых не произошло значительного увеличения кредитного риска с момента первоначального признания. На второй стадии, при наличии значительного увеличения кредитного риска, резерв формируется в размере полных ожидаемых кредитных убытков за весь срок. Третья стадия предусматривает признание полных ожидаемых кредитных убытков по активам, которые являются кредитно-обесцененными [1, с. 58]. Ключевая методологическая проблема заключается в определении критериев значительного увеличения кредитного риска, которые кредитная организация устанавливает самостоятельно. На практике применяются различные индикаторы: изменение внутреннего рейтинга заемщика, просрочка платежей более 30 дней, ухудшение финансового положения контрагента [5, с. 112].

Оценка ожидаемых кредитных убытков требует построения вероятностных моделей, учитывающих макроэкономические прогнозы [3, с. 18]. Согласно IFRS 9, при расчете ECL необходимо применять информацию о разумных и обоснованных прогнозах будущих макроэкономических условий. Это предполагает построение сценарных прогнозов (базового, оптимистичного, пессимистичного) и присвоение им вероятностей реализации. Методологической сложностью здесь является выбор источников макроэкономических прогнозов, определение релевантных факторов (ВВП, уровень безработицы, ключевая ставка) и установление корреляционных зависимостей между этими факторами и дефолтностью портфеля. Кредитные организации сталкиваются с дефицитом исторических данных для калибровки моделей, особенно в периоды структурных изменений экономики [2, с. 77].

Отдельного внимания заслуживает методология признания и оценки процентного риска. Процентный риск в отчетности кредитных организаций раскрывается преимущественно через оценку справедливой стоимости финансовых инструментов, чувствительных к изменению рыночных ставок, а также через анализ разрыва в сроках погашения активов и обязательств (гэп-анализ). Согласно МСФО (IFRS) 13, оценка справедливой стоимости должна осуществляться на основе иерархии источников: от рыночных котировок (уровень 1) до ненаблюдаемых параметров (уровень 3). Основная методологическая проблема возникает при оценке некотируемых долговых инструментов и производных финансовых инструментов, когда применяются модели дисконтирования денежных потоков или опционные модели. Неопределенность в выборе кривой дисконтирования, премии за риск и допущений о досрочном погашении может существенно влиять на величину отражаемой в отчетности справедливой стоимости [4, с. 94].

Банк России, осуществляя регулирование деятельности кредитных организаций, устанавливает собственные требования к оценке кредитного и процентного рисков для целей пруденциального надзора (Положение № 590-П, Положение № 611-П, инструкция № 199-И). Эти требования не всегда полностью гармонизированы с МСФО. В частности, резервы на возможные потери по ссудам, формируемые по правилам Банка России, могут отличаться от величины ожидаемых кредитных убытков по МСФО 9. Это создает методологическую проблему двойственности оценки: кредитная организация вынуждена вести параллельный расчет резервов для регулирования и для составления отчетности по МСФО, что увеличивает трудоемкость и требует разработки методик трансформации [6, с. 132].

Методологические аспекты признания рисков в отчетности также включают вопросы раскрытия информации. Согласно требованиям МСФО 7 «Финансовые инструменты: раскрытие информации», кредитные организации должны предоставлять пользователям отчетности детальную информацию о качественных и количественных аспектах кредитного и процентного рисков. В частности, требуется раскрывать информацию о концентрации рисков, о методах управления рисками, о чувствительности справедливой стоимости к изменению рыночных ставок, а также о допущениях, использованных в моделях ECL. Практика показывает, что многие российские банки ограничиваются формальным раскрытием, не предоставляя пользователям достаточной информации для оценки устойчивости и риск-профиля организации. Совершенствование раскрытий является важным направлением повышения доверия к отчетности [7, с. 205].

Таким образом, методологическое обеспечение признания и оценки кредитного и процентного рисков при формировании отчетности кредитных организаций находится в стадии активного развития. Основные проблемы связаны с неоднозначностью критериев

значительного увеличения кредитного риска, сложностью учета макроэкономических прогнозов, различиями в регулировании для целей надзора и МСФО, а также недостаточной степенью раскрытия информации. Для повышения качества отчетности необходимо дальнейшее совершенствование внутренних методик кредитных организаций, гармонизация регуляторных требований и углубление раскрытий, что позволит пользователям более объективно оценивать риски и финансовое положение банков.

Список литературы

1. Банк России. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности: Положение Банка России от 28.06.2017 №590-П (ред. от 15.03.2023) // Вестник Банка России. – 2023. – № 60. – С. 56–73.
2. Горбунова, О.А. Ожидаемые кредитные убытки по МСФО 9: проблемы моделирования и практические подходы / О.А. Горбунова, И.В. Долгих // Международный бухгалтерский учет. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 74–88.
3. Копченев А.А., Дубынина А.В., Согрина Н.С. Качественный сравнительный анализ в оценке конкурентоспособности муниципальных районов Челябинской области / А.А. Копченев, А.В. Дубынина, Н.С. Согрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 17-31.
4. Кузьмина, Е.В. Оценка справедливой стоимости финансовых инструментов в условиях нестабильности рынка: методологические аспекты / Е.В. Кузьмина // Банковское дело. – 2024. – № 1. – С. 92–99.
5. Лаврушин, О.И. Управление рисками в банковской деятельности: современные подходы и практика / О.И. Лаврушин, Н.И. Валенцева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: КНОРУС, 2022. – 346 с.
6. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» (введен в действие на территории Российской Федерации в редакции 2014 года Приказом Минфина России от 27.06.2016 №98н. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202060/ (дата обращения: 24.03.2026).
7. Панкова, С.В. Раскрытие информации о рисках в финансовой отчетности кредитных организаций: требования и тенденции / С.В. Панкова, О.А. Захарова // Учет. Анализ. Аудит. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 201–210.

Т.М. ЛАТЫПОВ
Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления подготовки «Менеджмент»

Научный руководитель
С.Е. РОМАНОВА
Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук, доцент

**МАСШТАБИРОВАНИЕ ПРИ НУЛЕВОМ РОСТЕ ФОТ:
ИНВЕСТИЦИИ В ИИ-АВТОМАТИЗАЦИЮ В 2025–2026 ГГ.**

**SCALING WITH ZERO PAYROLL GROWTH:
INVESTMENTS IN AI AUTOMATION IN 2025–2026**

Аннотация

В статье исследуется трансформация бизнес-моделей малого и среднего предпринимательства (МСП) в условиях кадрового дефицита и перехода к технологиям агентского искусственного интеллекта (Agentic AI). Рассматривается концепция масштабирования бизнеса при нулевом росте фонда оплаты труда (ФОТ) за счет внедрения «ИИ-заводов по контенту» и автоматизации отделов продаж. Приведены практические кейсы российских компаний, демонстрирующие снижение стоимости привлечения лида (CPL) и многократный рост рентабельности инвестиций (ROI).

Annotation

Annotation The article examines the transformation of business models of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the context of personnel shortages and the transition to Agentic AI technologies. The concept of business scaling with zero payroll growth through the implementation of «AI content factories» and sales department automation is considered. Practical cases of Russian companies demonstrating a decrease in cost per lead (CPL) and a multiple increase in return on investment (ROI) are presented.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, автоматизация бизнеса, фонд оплаты труда, ИИ-агенты, лидогенерация, генерация контента, цифровая трансформация.

Key words: Artificial intelligence; business automation; payroll; AI agents; lead generation; content generation; digital transformation.

Современная экономическая реальность диктует новые правила для малого и среднего бизнеса. Традиционная модель экстенсивного роста, при которой удвоение количества лидов требовало пропорционального расширения штата отдела продаж и маркетинга, перестала быть эффективной. На фоне нарастающего кадрового голода и повышения стоимости привлечения клиентов (CAC) линейный рост фонда оплаты труда (ФОТ) становится критическим барьером для масштабирования [12]. Исследования показывают, что сотрудники отделов продаж теряют до 20% рабочего времени, или около 4 полных дней в месяц, исключительно на рутинные механические задачи [4]. В ответ на эти вызовы в период 2025–2026 гг. формируется принципиально новый подход – AI-Native модель, позволяющаякратно увеличивать выручку при нулевом росте штата.

Ключевым технологическим сдвигом текущего периода стал переход от концепции ИИ как «помощника» (Co-Pilot) к автономным ИИ-агентам (Agentic AI). Если ранее человек ставил задачу нейросети и сам публиковал результат, то сегодня агент способен самостоятельно анализировать данные, писать материалы, оптимизировать их под поисковые системы и публиковать через API [7]. Искусственный интеллект больше не выступает в роли ассистента – он становится структурной заменой линейного персонала [6].

Ярким примером реализации этой стратегии является модель «Фабрики контента». Традиционный подход требовал содержания штата из 10–13 сотрудников с бюджетом около 450 000 рублей для создания 280 единиц контента в месяц. Переход на AI-автоматизацию позволяет сократить команду до 3 человек (выполняющих роль стратегов и операторов ИИ), снизить бюджет до 60 000 рублей (подписки на сервисы и базовый ФОТ) и увеличить объем выпускаемой продукции до 3600 единиц контента [11]. Механика «repurposing» (переупаковки) позволяет из одного исходного актива, например, видеоролика, с помощью транскрибации и работы агентов получать десятки статей и сценариев, которые автоматически дистрибутируются по различным площадкам [5].

Подобный подход радикально меняет правила игры в SEO-продвижении, где на смену традиционной оптимизации приходит AEO (Answer Engine Optimization). В условиях, когда 60% поисковых запросов заканчиваются без перехода на сайт, борьба идет не за топ-10 ссылок, а за попадание в «Единственный ответ» нейросети, что требует принципиально новой работы с визуальным маркетингом и структурированными данными [8]. Например, кейс компании Construction Club показал, что генерация визуального контента через модели GigaChat и Qwen для платформы Pinterest принесла 10 миллионов показов и 1860 прямых переходов в воронку при нулевых затратах на рекламу [10].

Интеграция ИИ в отделы продаж также меняет структуру расходов. ИИ-агенты первой линии берут на себя квалификацию лидов в режиме 24/7. Их главная задача – не

закрытие сделки, а фильтрация нецелевых обращений и мгновенный ответ клиенту (в пределах нескольких секунд). Путь от клика потенциального клиента до внесения данных в CRM-систему сокращается до 3 минут, что позволяет снизить CPL (стоимость лида) до 60% [1, 4]. Использование таких инструментов, как LeadGenBot и умные парсеры, позволяет автоматизировать аутрич в мессенджерах и извлекать теплые контакты без участия человека [2, 3].

При этом успешное масштабирование требует грамотной стратегии внедрения. Попытка автоматизировать хаос приводит лишь к масштабированию ошибок [9]. Оптимальная дорожная карта трансформации рассчитана на 90 дней: первый месяц отводится на аудит данных и развертывание базовой «фабрики контента», второй – на пилотный запуск ИИ-квалификации и ботов первой линии, третий – на интеграцию в систему управления доходами (RevOps) и масштабирование агентов. Эффективность данного поэтапного подхода подтверждает кейс компании PLITburg, которая, находясь на грани банкротства в 2020 году, за счет агрессивного ИИ-контент-маркетинга и работы с базой через ботов смогла полностью отказаться от платной рекламы, генерируя более 5600 органических лидов [11].

Несмотря на колоссальную рентабельность (ROI автоматизации в ряде случаев достигает показателя 400 к 1), интеграция ИИ несет в себе риски. Главный из них – проблема безопасности данных, которая решается использованием On-premise систем (например, развертыванием p8n на собственных серверах) и отечественных суверенных LLM-моделей [3]. Кроме того, на рынке возникает явление «Agentwashing» – выдача примитивных алгоритмов за полноценных ИИ-агентов.

В заключение следует отметить, что в мире, где создание контента и базовая коммуникация становятся синтетическими и дешевыми, резко возрастает ценность так называемого «Человеческого премиума». Технологии доступны всем, однако конкурентное преимущество формируется на уровне архитектуры бизнес-процессов. Будущее масштабирования МСП заключается в том, чтобы нанимать людей исключительно для разработки стратегии и выстраивания доверительных отношений с клиентами, полностью делегируя рутину искусственному интеллекту.

Список литературы

1. 10 ИИ-сервисов для автоматизации продаж // VC.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://vc.ru/ai/1933371-10-ii-servisov-dlya-avtomatizatsii-prodazh> (дата обращения: 10.03.2026).

2. AI-менеджеры вместо части отдела продаж // LeadGenBot: официальный сайт. – Режим доступа: <https://leadgenbot.ru/blog/tpost/mmxnbj4kz1-aimenedzheri-vmesto-chasti-otdela-prodaz> (дата обращения: 10.03.2026).
3. AI-инструменты для малого бизнеса // RO App: официальный сайт. – Режим доступа: <https://roapp.io/ru/blog/ai-tools-for-small-businesses/> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Автоматизация лидогенерации с ИИ: от чат-бота до CRM без участия человека // Convert Monster: официальный сайт. – Режим доступа: <https://convertmonster.ru/blog/ii-i-avtomatizacziya/avtomatizatsiya-lidogeneratsii-s-ii-ot-chatbota-do-crm-bez-uchastiya-cheloveka/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Видеоматериал по интеграции ИИ // Rutube: официальный сайт. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/41baaccdf7b18fa63e8c31f2b8ac162a/> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Как будет выглядеть ваш отдел маркетинга // Черемисина.online: официальный сайт. – Режим доступа: <https://cheremisina.online/blog/tpost/suffddb321-kak-budet-viglyadet-vash-otdel-marketing> (дата обращения: 10.03.2026).
7. Как нейросети для создания контента изменят рынок в ближайшие 3 года // TexTerra: официальный сайт. – Режим доступа: <https://texterra.ru/blog/kak-neyroseti-dlya-sozdaniya-kontenta-izmenyat-rynok-v-blizhayshie-3-goda.html> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Маркетинг в 2026 году: тренды B2B и B2C // VC.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/2711597-marketing-v-2026-godu-trendy-b2b-i-b2c> (дата обращения: 10.03.2026).
9. Обзор цифровых инструментов для бизнеса // Контур: официальный сайт. – Режим доступа: <https://kontur.ru/articles/504> (дата обращения: 10.03.2026).
10. Практика применения ИИ в бизнесе // Sostav.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/blogs/280961/66929> (дата обращения: 10.03.2026).
11. Топ-5 кейсов по внедрению ИИ в маркетинг и продажи // VC.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://vc.ru/ai/1705987-top-5-keisov-po-vnedreniyu-ii-v-marketing-i-prodazhi-kotorye-vy-mozhete-primenit-uzhe-segodnya> (дата обращения: 10.03.2026).
12. Тренды 2026 в маркетинге и продажах // VC.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/2734371-trendy-2026-v-marketinge-i-prodazhakh> (дата обращения: 10.03.2026).

В.М. ЛЕДНЕВА

Уральский филиал Финуниверситета

студентка II курса направления

«Государственное и муниципальное управление»

V.M. LEDNEVA

Ural branch of the Financial University
2nd year student of the Department of
State and Municipal Administration

**СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ И АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЛАГ: ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ
МЕР АДРЕСНОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ**

**SOCIAL RATING AND ALGORITHMIC DISTRIBUTION OF
BENEFITS: ETHICAL AND LEGAL ASPECTS OF APPLYING
AI FOR TARGETED FINANCIAL SUPPORT MEASURES**

Аннотация

В статье рассматриваются этические и правовые аспекты применения алгоритмов искусственного интеллекта и социального рейтинга в системе адресной финансовой поддержки населения. Анализируются преимущества автоматизации процессов назначения выплат, связанные с сокращением документооборота и ускорением принятия решений, а также выявляются риски, включая возможное усиление неравенства, непрозрачность алгоритмов и угрозы конфиденциальности персональных данных. Обосновывается необходимость баланса между эффективностью и справедливостью при цифровизации социальной политики.

Annotation

The article examines the ethical and legal aspects of using artificial intelligence algorithms and social scoring in the system of targeted financial support to the population. It analyzes the advantages of automating the process of assigning benefits, such as reducing paperwork and speeding up decision-making, as well as identifies risks, including possible reinforcement of inequality, lack of algorithmic transparency, and threats to personal data confidentiality. The necessity of balancing efficiency and fairness in the digitalization of social policy is substantiated.

Ключевые слова: социальный рейтинг, искусственный интеллект, адресная поддержка, этические риски, защита данных.

Key words: social scoring, artificial intelligence, targeted support, ethical risks, data protection.

В условиях цифровой трансформации государственного управления социальная политика всё активнее внедряет автоматизированные системы на базе искусственного интеллекта. Начиная с 2019 года наблюдается устойчивый тренд на использование цифровых платформ для назначения мер адресной финансовой поддержки, что актуализирует вопросы этической допустимости и правовой обоснованности таких решений. В международной практике подобные подходы вызывают дискуссии, а в России сопровождаются новыми законодательными инициативами, требующими тщательного анализа [1, с. 207].

Центральным элементом цифровизации социальной сферы становится формирование социального рейтинга гражданина. В современной интерпретации социальный рейтинг представляет собой агрегированный показатель благонадежности, который складывается из множества цифровых данных: кредитной истории, поведенческих паттернов, административных правонарушений. Такой подход позволяет унифицировать оценку рисков и ответственности граждан, однако одновременно порождает опасения относительно полноты и объективности используемой информации. Основное применение рейтинга в социальной сфере — автоматизированная оценка права на получение государственной помощи и доступа к услугам [2].

Алгоритмическое распределение благ базируется на фиксированных критериях, что позволяет минимизировать субъективный фактор и ускорить процедуры назначения выплат. Как отмечает Министерство труда РФ, автоматизация способствовала значительному сокращению бумажного документооборота и повысила оперативность принятия решений. Однако эффективность таких систем напрямую зависит от качества исходных данных. Сложность алгоритмов часто делает их непрозрачными для конечных получателей, что затрудняет понимание логики отказа в поддержке и снижает доверие к системе [3].

Наряду с преимуществами, внедрение ИИ (искусственного интеллекта) в социальную поддержку порождает ряд этических вызовов. Алгоритмы могут непреднамеренно закреплять существующие социальные стереотипы, формируя барьеры для уязвимых групп населения. Ошибки в исходных данных способны приводить к системным искажениям и несправедливым решениям. Отсутствие общественного контроля над алгоритмами и ограниченный доступ к объяснению их работы сужают возможности граждан для обжалования решений, что вступает в противоречие с принципами правового государства [4].

Правовые аспекты применения ИИ в социальной сфере регулируются Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных», а также ориентирами европейского GDPR (General Data Protection Regulation), требующими прозрачности обработки данных и защиты прав субъектов. Ключевыми правовыми гарантиями выступают право на оспаривание автоматизированных решений и меры по предотвращению утечек информации. Вместе с тем,

существующее законодательство пока не в полной мере учитывает специфику алгоритмического управления социальными рисками, что требует дальнейшего нормативного совершенствования [5].

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта и механизмов социального рейтинга в процесс назначения адресной финансовой поддержки представляет собой сложный комплексный феномен. Для обеспечения баланса между эффективностью и справедливостью необходимы: совершенствование нормативного контроля, внедрение этических стандартов разработки алгоритмов, обеспечение прозрачности решений и развитие открытого диалога между государством, обществом и экспертным сообществом. Только при соблюдении этих условий цифровизация социальной политики сможет реализовать свой потенциал без ущемления прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Елагина, В.С. Педагогические условия формирования экономической компетентности у педагога профессионального обучения / В.С. Елагина, Е.Н. Хаматнурова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2005. – № 13. – С. 130–137.
2. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
3. Об утверждении методических рекомендаций по организации деятельности по предоставлению государственных услуг в электронной форме с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. – Москва, 2020. – 45 с.
4. Рыбакова, Н.А. Сократ: у истоков мудрости / Н.А. Рыбакова // Вестник Псковского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 11–19.
5. Цифровизация социальной сферы: вызовы и перспективы / А.Л. Андреев, И.В. Козлов, М.Ю. Соколова и др.; под редакцией А.В. Тихомирова. – Москва: Инфра-М, 2024. – 312 с.

А.В. ЛЕКОНЦЕВА, М.А. БАРАХТА

Сургутский финансово-экономический колледж –
филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»
«Финансы»

Научный руководитель

Л.М. ТАЛИПОВА

Сургутский финансово-экономический колледж –
филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»
Преподаватель

A.V. LEKONTSEVA, M.A. BARAKHTA

Surgut Financial and Economic College – branch
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation
«Finance»

Scientific adviser

L.M. TALIPOVA

Surgut Financial and Economic College – branch
of the Financial University under the Government of the
Russian Federation
Teacher

ДЕДОЛЛАРИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

DEDOLLARIZATION AND DEVELOPMENT OF NATIONAL PAYMENT SYSTEMS AS A FACTOR OF RUSSIA'S STRATEGIC SOVEREIGNTY

Аннотация

В статье анализируется процесс дедолларизации и развития национальных платежных систем в России как ключевой фактор укрепления стратегического суверенитета в условиях геополитического давления. Особое внимание уделяется снижению зависимости от западных финансовых институтов и мерам, принятым Россией для этого: переходу на национальные валюты в экспортных расчетах, развитию платежной системы «Мир» и СПФС. Оценивается роль цифрового рубля в обеспечении финансовой независимости и укреплении позиций России в мире.

Annotation

This article analyzes the process of de-dollarization and the development of national payment systems in Russia as a key factor in strengthening strategic sovereignty under geopolitical pressure. Special attention is paid to reducing dependence on Western financial institutions and the measures taken by Russia to achieve this: the transition to national currencies in export settlements, and the development of the «Mir» payment system and the SPFS. The role of the digital ruble in ensuring financial independence and strengthening Russia's global position is assessed.

Ключевые слова: Дедолларизация, стратегический суверенитет, платежная система «Мир», система передачи финансовых сообщений (СПФС), цифровой рубль, геополитика.

Key words: De-dollarization, strategic sovereignty, «Mir» payment system, System for Transfer of Financial Messages (SPFS), digital ruble, geopolitics.

Современная мировая экономика трансформируется и финансовые механизмы, такие как доллар, SWIFT, Visa и Mastercard стали инструментами геополитического давления создавая уязвимости для государств, не входящих в западную орбиту. Для России зависимость от них стала прямой угрозой суверенитету. Политика дедолларизации и развитие национальных платежных систем — это тактические меры, формирующие финансовую независимость в условиях мировой и геополитической нестабильности [3, с. 187].

До 2014 года российская финансовая система характеризовалась критической зависимостью от западных институтов и валют (USD, EUR). Доминирование этих валют во внешней торговле создавало риски блокировки платежей, а хранение значительной части резервов в иностранных юрисдикциях несло угрозу их изъятия. Дальнейшие события подтвердили оправданность этих опасений, доказав необходимость обеспечения финансового суверенитета. [5, с. 3]. Критическая зависимость проявлялась и в сфере платежной инфраструктуры. Внутренние и трансграничные безналичные платежи полностью полагались на западных операторов. В частности, система обмена финансовыми сообщениями SWIFT, контролируемая европейскими и американскими модераторами, являлась единственным надежным каналом для большинства переводов. До 2014 года российский рынок платежных карт зависел от Visa и MasterCard (около 85% карт, обслуживая 58% населения). Санкции США в 2014 году оставили сотни тысяч россиян без доступа к средствам как за рубежом, так и внутри страны. Это стимулировало создание Национальной системы платежных карт (НСПК) и платёжной системы «Мир» для всех внутрироссийских операций.

Благодаря обязательности использования для государственных выплат и широкой поддержке со стороны 158 российских банков, карты «Мир» активно распространялись [4, с. 65]. К концу 2021 года их доля в общем объеме карточных операций внутри России составляла 32,5%. Этот показатель стремительно возрос до 41,3% в 2022 году, а в 2023 уже превысил половину рынка — 52,5% [2, с. 7].

С 2022 года Россия демонстрирует резкое снижение зависимости от доллара и евро в экспортных расчётах. По данным Банка России, доля этих валют упала с 84,6% в 2021 году

до 63,6% в 2022, сократилась до 31,5% в 2023 и 18,6% в 2024 году. В июле 2025 года достигнут исторический минимум: доля доллара и евро ниже 15%, доля рубля превысила 53%, а валюты дружественных стран составили свыше 30% экспортных платежей.

Февраль 2022 года ознаменовал переход в санкционном давлении: ключевые российские банки были отключены от системы SWIFT, а также применена заморозка примерно половины золотовалютных резервов России, хранившихся под контролем западных стран. По оценкам российского Министерства финансов, под блокировку попало около 300 млрд долларов.

К 2024 году число выпущенных карт «Мир» достигло 382 миллионов, а их доля на рынке по объему платежей заняла 64,1%. Кульминацией этого уверенного роста стало начало 2025 года, когда их доля в общем количестве действующих карт в России составила 78%. Таким образом, всего за несколько лет система «Мир» не только преодолела доминирование западных аналогов, но и стала основой независимой национальной платежной инфраструктуры.

Параллельно с этим, система передачи финансовых сообщений (СПФС) была экстренно масштабирована. СПФС быстро перешла от роли резервного канала к основной системе обмена межбанковскими сообщениями внутри страны и с рядом внешних партнеров, компенсируя потерю SWIFT и доказывая зрелость национальной инфраструктуры. Это снизило зависимость от доллара и евро, создало спрос на рубль и увеличило долю рубля и валют БРИКС (особенно юаня) в торговых расчётах и ЗВР, вытесняя западные валюты и минимизируя правовые риски [1, с. 23].

В качестве следующего шага стало внедрение цифрового рубля. Эта новая форма национальной валюты, основанная на технологии распределенного реестра, обладает потенциалом для создания полностью независимого и защищенного канала трансграничных расчётов. По данным на июнь 2025 года, в рамках пилотирования цифрового рубля граждане и компании открыли на платформе около 2,5 тыс. кошельков и провели порядка 100 тыс. операций. Цифровой рубль призван обеспечить максимальную устойчивость финансовой системы.

Дедолларизация укрепляет рубль, создавая спрос на него в международной торговле, особенно в расчётах за энергоносители. Это стабилизирует курс и повышает доверие к рублю. Одновременно дедолларизация имеет геополитический эффект, формируя новые альянсы в БРИКС и ЕАЭС, где доля доллара снижается в пользу нацвалют, создавая многополярную финсистему. Кризисы последних десятилетий доказали приоритетность финансового суверенитета РФ. Реализация систем «Мир», СПФС и политики дедолларизации позволили успешно преодолеть внешнее давление. Будущее финансовой

независимости связано с развитием цифрового рубля и глубокой интеграцией платежных систем со странами-партнерами.

Список литературы

1. Антипин, Д. В. Перспективы введения единой валюты БРИКС в контексте функционирования национальной российской валюты / Д. В. Антипин, А. И. Филимонова // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3, № 3. – С. 22-26.
2. Банк России. Основные направления развития национальной платежной системы на период 2025–2027 годов: утв. Советом директоров Банка России 2024 // Банк России: официальный сайт. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/170680/onrnps_2025-27.pdf (Дата обращения: 01.11.2025).
3. Дудин, М. Н. Актуальные проблемы обеспечения финансового суверенитета России в условиях международных санкций / М. Н. Дудин, С. В. Шкодинский, М. О. Иванов // Финансы: теория и практика. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 185-191.
4. Онопук, Е. Ю. Направления развития и перспективы платежных карт «Мир» / Е. Ю. Онопук // Национальная ассоциация ученых. – 2021. – № 69. – С. 64-67.
5. Пыль, Ю. А. Дедолларизация экономики как необходимое условие обеспечения экономического суверенитета / Ю. А. Пыль // Российский экономический интернет-журнал. – 2024. – № 1.

Ф.Е. МАЖИТОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса магистратуры направления
подготовки «Экономика»

Научный руководитель

Н.А. КАЛМАКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук, доцент

F.E. MAZHITOV

Ural branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, 1st
year master's student of the
field of study «Economy»

Scientific supervisor

N.A. KALMAKOVA

Ural branch of the Financial University
Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor

УЧЕТ ФАКТОРА РИСКА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЁТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

TAKING INTO ACCOUNT THE RISK FACTOR IN THE FORMATION OF FINANCIAL STATEMENTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты обеспечения экономической безопасности в условиях цифровизации хозяйственных процессов. Выявлены ключевые риски, связанные с внедрением цифровых технологий: киберпреступность, технологическая зависимость, цифровое неравенство. Предложена классификация угроз по сферам возникновения. Обоснована необходимость применения адаптивных механизмов защиты, включающих развитие институциональной среды, повышение киберустойчивости и инвестиции в человеческий капитал.

Annotation

The article examines theoretical and practical aspects of ensuring economic security in the context of digitalization of economic processes. Key risks associated with the introduction of digital technologies are identified: cybercrime, technological dependence, digital divide. A classification of threats by areas of occurrence is proposed. The necessity of applying adaptive protection mechanisms, including the development of the institutional environment, increasing cyber resilience and investment in human capital, is substantiated.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровая трансформация, киберриски, цифровое неравенство, защита информации.

Key words: economic security, digital transformation, cyber risks, digital divide, information protection.

Современный этап экономического развития характеризуется глубинными структурными сдвигами, вызванными активным проникновением цифровых технологий во все сферы общественного производства. Цифровая трансформация, будучи драйвером повышения эффективности и конкурентоспособности, одновременно порождает принципиально новые вызовы для системы экономической безопасности как на микро, так и на макроуровне [1, с. 215]. В научной литературе все чаще поднимается вопрос о необходимости переосмысления традиционных подходов к защите экономических интересов

в условиях, когда информация становится ключевым фактором производства, а цифровая инфраструктура – объектом атак [4, с. 33].

Понятие экономической безопасности в условиях цифровизации существенно расширяется. Традиционные угрозы, такие как снижение производства или потеря рынков сбыта, дополняются специфическими цифровыми рисками. К ним относятся: уязвимость критической информационной инфраструктуры, промышленный шпионаж с использованием новейших технологий, манипулирование большими данными и риски использования искусственного интеллекта в противоправных целях.

Анализ современных исследований позволяет выделить три основные группы рисков, наиболее значимых для экономической безопасности в контексте цифровой трансформации:

а) Техногенно-криминальные риски. Данная группа включает кибератаки на финансовые институты, хищение персональных данных, нарушение работы автоматизированных систем управления технологическими процессами. По данным ряда авторов, ущерб от киберпреступности ежегодно исчисляется триллионами долларов в мировом масштабе, что сопоставимо с ущербом от стихийных бедствий [2, с. 48];

б) Риски технологической зависимости. Глубокая интеграция зарубежных программных продуктов и аппаратных средств в национальную экономику создает угрозу потери технологического суверенитета. Импортзамещение в этой сфере требует значительных временных и финансовых затрат, что в переходный период может снижать конкурентоспособность [3, с. 27];

в) Социально-экономические риски. Цифровая трансформация ведет к структурным изменениям на рынке труда: растет спрос на высококвалифицированных IT-специалистов, но одновременно высвобождаются работники рутинного труда. Усиление цифрового неравенства между регионами и социальными группами может стать источником социальной напряженности, что прямо влияет на экономическую безопасность [5, с. 115].

В таблице 1 представлена классификация механизмов минимизации выявленных рисков, сгруппированных по функциональному признаку.

Таблица 1 – Механизмы минимизации рисков экономической безопасности в цифровой среде.

Группа механизмов	Содержание	Ожидаемый результат
1	2	3
Технико-технологические	Внедрение систем криптографической защиты, использование технологий блокчейн для верификации транзакций, создание резервных центров обработки данных.	Снижение уязвимости IT-инфраструктуры.

Институциональные	Совершенствование законодательства в области кибербезопасности, стандартизация требований к защите данных, развитие механизмов государственно-частного партнерства.	Формирование правовой среды, адекватной новым угрозам.
Организационно-кадровые	Повышение цифровой грамотности сотрудников, создание систем непрерывного мониторинга угроз, внедрение риск-ориентированного подхода к управлению.	Повышение адаптивности организаций к изменениям.
Экономические	Страхование цифровых рисков, диверсификация источников поставок программного обеспечения, формирование резервных фондов на случай киберинцидентов.	Обеспечение финансовой устойчивости при реализации угроз.

Особого внимания требует вопрос обеспечения экономической безопасности на государственном уровне. Здесь ключевыми направлениями становятся: развитие собственной элементной базы и программного обеспечения, стимулирование спроса на отечественные IT-решения, подготовка кадров для цифровой экономики. Стратегия устойчивого развития в условиях цифровизации должна базироваться на синтезе инновационных подходов и традиционных методов защиты национальных интересов.

Кроме того, важным механизмом является создание отраслевых центров компетенций по кибербезопасности, которые могли бы аккумулировать информацию о новых угрозах и разрабатывать типовые решения по их нейтрализации для предприятий конкретного сектора экономики [3, с. 30]. Такой подход позволяет даже небольшим компаниям, не имеющим собственных мощных IT-отделов, поддерживать приемлемый уровень защищенности.

Цифровая трансформация создает сложную и динамичную среду, в которой риски для экономической безопасности быстро эволюционируют. Традиционные методы защиты, ориентированные на стабильные и предсказуемые условия, теряют эффективность. Ответом на современные вызовы должен стать переход к адаптивным системам управления безопасностью, построенным на принципах непрерывного мониторинга, прогнозирования угроз и гибкого реагирования.

Ключевым условием успешной минимизации рисков является комплексное применение технических, институциональных, кадровых и экономических механизмов при координирующей роли государства.

Список литературы

1. Безденежных, В.М. Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации: методологические аспекты / В.М. Безденежных, Л.В. Широкова // Экономическая безопасность. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 212-225.

2. Крупнов, Ю.А. Киберпреступность как угроза экономической безопасности государства / Ю.А. Крупнов // Информационная безопасность регионов. – 2025. – № 1 (42). – С. 45-52.

3. Ларионов, В.Г. Импортозамещение в сфере IT как фактор обеспечения технологического суверенитета / В.Г. Ларионов, Е.Н. Шереметьева // Вопросы инновационной экономики. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 25-38.

4. Новикова, И.В. Цифровые риски в системе экономической безопасности предприятия / И.В. Новикова // Управление риском. – 2025. – № 3. – С. 32-40.

5. Федотова, М.А. Цифровое неравенство как фактор региональной экономической безопасности / М.А. Федотова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 114-123.

Е.С. МАЛОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса (магистратура) направления
«Экономика»

Научный руководитель

А.А. КОПЧЕНОВ

доктор экон. наук, профессор
Уральский филиал Финуниверситета

E.S. MALOVA

Ural branch of the Financial University
1st year student (magistracy)
«Economy»

Scientific supervisor

A.A. KOPCHENOV

D. Sc., Professor
Ural branch of the Financial University

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ 2026 ГОДА

DIGITAL TRANSFORMATION OF ACCOUNTING: KEY DIRECTIONS FOR 2026

Аннотация

В 2026 году произошли значительные изменения в сфере бухгалтерского учёта. Цифровая трансформация затронула все аспекты финансовой отчётности – от малого бизнеса до государственного сектора. Внедрение новых технологий и законодательных норм не только оптимизировало повседневные задачи, но и трансформировало подходы к профессиональной деятельности бухгалтеров. В данной статье рассматриваются основные изменения в бухгалтерском учёте в период цифровизации и их влияние на отрасль.

Annotation

In 2026, significant changes occurred in the field of accounting. Digital transformation affected all aspects of financial reporting – from small businesses to the public sector. The implementation of new technologies and regulatory standards not only optimized daily tasks but also transformed the approaches to the professional activities of accountants. This article examines the main changes in accounting during the digitalization period and their impact on the industry.

Ключевые слова: цифровизация, бухгалтерский учёт, блокчейн, искусственный интеллект.

Key words: digitalization, accounting, blockchain, artificial intelligence.

Большинство компаний в настоящее время сталкивается с новыми задачами в сфере бухгалтерского учёта, налогообложения и отчётности. Нормативно-правовая база постоянно обновляется, активно внедряются новые технологии. Всё это оказывает большое влияние на систему бухгалтерского учёта.

Целью цифровизации в бухгалтерском учёте выступает ускорение процессов сбора информации, увеличение скорости и объёмов ее обработки и хранения, а также создание условий для доступности и оперативности получения информации для заинтересованными сторонами при росте ее достоверности [2].

Ниже приведены основные направления цифровизации бухгалтерского учёта [3,7]:

- автоматизация процессов бухгалтерского учёта и развитие электронного документооборота (ЭДО);
- блокчейн;
- искусственный интеллект.

Под автоматизацией процессов бухгалтерского учёта понимается внедрение специализированного программного обеспечения для автоматического формирования, контроля и отправки отчётов, что существенно упрощает работу, сокращает время, затрачиваемое на эти процессы и минимизирует ошибки. В качестве примера можно привести такие программы, как 1С:Бухгалтерия, СБИС или Контур, которые позволяют

автоматически генерировать бухгалтерскую и налоговую отчётность, опираясь на введённые в систему данные [5].

Следующее направление – блокчейн. Использование этой технологии заключается в том, чтобы полностью изменить существующие подходы к ведению бухгалтерского учёта и повысить надёжность финансовых операций.

Преимущества данной технологии: блокчейн исключает возможность изменения информации без консенсуса большинства участников сети; возможность детально контролировать движение активов и ход операций на всех этапах – от производства до финальной доставки, что способствует снижению издержек; автоматизированность и программируемость за счет внедрения смарт-контрактов. Смарт-контракты позволяют автоматически рассчитывать активы организации и записывать результаты, а интеграция искусственного интеллекта и анализа данных оптимизирует процессы и снижает вероятность ошибок. Это обеспечивает сохранность всей истории операций и повышает доверие к достоверности данных [1].

Однако, несмотря на преимущества, массовое внедрение блокчейна в бухгалтерский учёт пока сталкивается с рядом проблем. Одна из проблем состоит в том, что смарт-контракты взаимодействуют с «оракулами» (промежуточными сервисами, которые находят, проверяют и передают внешние данные из реального мира в блокчейн) использующими разрозненные хранилища данных и работающие централизованно, тем самым создавая точки для атаки. Выполнение того или иного контракта может быть скомпрометировано в силу невозможности проверки достоверности получаемых данных [1].

Во-вторых, во многих странах правовая база для блокчейн-решений и криптоактивов ещё формируется, что создаёт неопределённость для бизнеса. Механизм работы технологии не регулируется никакими нормативными актами, что может затруднять или замедлять ее внедрение в практику организаций.

Что касается использования искусственного интеллекта, то можно смело утверждать, что он незаметно, но уверенно становится частью нашей обычной жизни. По словам первого заместителя председателя правления Сбербанка Александра Ведяхина: «Более 70% компаний уже используют искусственный интеллект в своей деятельности» [3].

Системы искусственного интеллекта оказывают значительное влияние на масштабируемость. Они позволяют одновременно обрабатывать колоссальные объёмы входящих запросов (например, в клиентском сервисе), персонализируя ответы и без задержек перераспределяя нагрузку [2].

По мнению Антона Усова, директора ООО КБК АКСЕР ПРАЙМ – будущее бухгалтерии в 2026 году состоит в бесшовной интеграции. «Учётные платформы

объединяются с банками, кадровыми системами, CRM и сервисами комплаенса, создавая единую экосистему данных. Все операции, от начисления зарплаты до движения средств на счёте, будут синхронизироваться автоматически и в реальном времени. В результате бухгалтерия перестает быть отдельным «учётным блоком» и становится частью общей управленческой аналитики, напрямую влияющей на стратегию бизнеса» – пишет Антон Усов [6].

Будущее ИИ-учёта заключается не только в выявлении ошибок, но и в способности их прогнозирования. Внедрение нейросетей в финансовый анализ обеспечивает комплексную обработку ключевых форм отчётности: баланс, отчёт о финансовых результатах, отчёт о движении денежных средств. Данные системы включают в себя функции автоматизированного расчёта важных финансовых показателей (например, коэффициентов ликвидности и платёжеспособности), а также определение макро- и микроэкономических тенденций, выявление отклонений и прогнозирование финансовых рисков. Искусственный интеллект способен проводить оценку динамики активов, анализировать изменения в структуре капитала и проводить корректировку баланса [4].

Таким образом, цифровая трансформация бухгалтерского учёта создала новую реальность, где технологии и аналитика играют ключевую роль. Бизнесу и специалистам важно адаптироваться к этим изменениям, чтобы оставаться конкурентоспособными.

Список литературы

1. Возможности применения технологии блокчейн в бухгалтерском учете / Ю.В. Андреяшина, Д.Д. Киреева, А.В. Крутинкина // Журнал Скиф. Вопросы студенческой науки – 2023. – № 4 (68). – С 103-108.
2. Попов А.Ю., Резаева А.М. Инновационные подходы к цифровизации бухгалтерского учёта / А.Ю. Попов, А.М. Резаева // Baikal Research Journal – 2023. – Т.14, №1. – С 11-19.
3. 7 способов, как бухгалтеру использовать ИИ в работе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/392255-kak-buhgalteru-ispolzovat-ii-v-rabote> (дата обращения 21.03.2026 г.)
4. В Сбере рассказали, сколько российских компаний используют ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/?utm_auth=false (дата обращения 22.03.2026 г.)
5. Программы для бухгалтеров: Топ-9 инструментов для продуктивной работы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leadertask.ru/blog/programmy-dlya-buxgalterov> (дата обращения 22.03.2026 г.)

6. Цифровая трансформация учёта сегодня и как ИИ изменит бухгалтерию в 2026 году [Электронный ресурс]. URL: <https://tenchat.ru/media/3943669-tsifrovaya-transformatsiya-uchyota-segodnya-i-kak-ii-izmenit-bukhgalteriyu-v-2026-24> (дата обращения 24.03.2026 г.)

7. Цифровизация бухгалтерии: верность традициям или стремление к инновациям? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.directum.ru/company/news-analytics/digital-advice-accountant> (дата обращения 21.03.2026 г.)

Б.А. МИЛЬТО

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Ю.В. ЛЫСЕНКО

док. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

B.A. MILTO

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Economy»

Scientific supervisor

Y.V. LYSENKO

D. econ. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УЧЕТНЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРАВОВЫЕ РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

DIGITALIZATION OF ACCOUNTING PROCESSES AND LEGAL RISKS IN FINANCIAL REPORTING FORMATION

Аннотация

В статье рассматривается влияние цифровизации на трансформацию учетных процессов и формирование финансовой отчетности. Выявлены ключевые правовые риски, возникающие при внедрении современных информационных технологий в бухгалтерскую практику. Предложены направления минимизации данных рисков в контексте обеспечения достоверности и надежности финансовой информации.

Annotation

The article examines the impact of digitalization on the transformation of accounting processes and the formation of financial statements. The key legal risks arising from the

implementation of modern information technologies in accounting practice are identified. Directions for minimizing these risks in the context of ensuring the reliability and credibility of financial information are proposed.

Ключевые слова: цифровизация, учетные процессы, финансовая отчетность, правовые риски, информационная безопасность, электронный документооборот.

Key words: digitalization, accounting processes, financial reporting, legal risks, information security, electronic document flow.

Современный этап развития экономики характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все сферы хозяйственной деятельности. Бухгалтерский учет и формирование финансовой отчетности, являясь фундаментальными элементами системы управления организацией, также подвергаются значительной трансформации под влиянием цифровизации. Внедрение облачных технологий, искусственного интеллекта, блокчейна и роботизации учетных процессов открывает новые возможности для повышения оперативности и точности учетных данных, однако одновременно порождает ряд правовых рисков, требующих осмысления и разработки эффективных механизмов управления.

Цифровизация учетных процессов представляет собой комплексный процесс перехода от традиционных форм ведения бухгалтерского учета к автоматизированным системам, интегрированным с другими бизнес-процессами организации. Данный процесс включает внедрение электронного документооборота, использование специализированного программного обеспечения для автоматизации учетных операций, применение технологий искусственного интеллекта для анализа данных и прогнозирования, а также переход к формированию финансовой отчетности в структурированном формате (XBRL) для последующей автоматизированной обработки [1, с. 45].

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, такие как снижение трудоемкости учетных работ, минимизация ошибок, связанных с человеческим фактором, и повышение аналитических возможностей, данный процесс сопряжен с возникновением правовых рисков, которые можно классифицировать по нескольким ключевым направлениям.

Первая группа рисков связана с обеспечением юридической значимости электронных документов. Переход на электронный документооборот требует строгого соблюдения требований законодательства об электронной подписи, порядка хранения электронных документов и обеспечения их неизменности. Несоблюдение установленных требований может привести к признанию документов не имеющими юридической силы, что влечет за

собой налоговые и административные риски для организации. Как отмечает С.А. Харитонов, отсутствие унифицированных подходов к применению электронной подписи в различных информационных системах создает предпосылки для возникновения споров о подлинности документов [4, с. 112].

Вторая группа рисков обусловлена вопросами защиты информации и обеспечения конфиденциальности учетных данных. Цифровизация предполагает концентрацию значительных объемов информации, в том числе составляющей коммерческую тайну, в единых информационных системах. Рост числа кибератак и инцидентов информационной безопасности создает угрозы несанкционированного доступа, модификации или уничтожения учетных данных. Недостаточная защищенность информационных систем может повлечь за собой не только финансовые потери, но и правовые последствия, включая привлечение к административной и уголовной ответственности за нарушение законодательства о персональных данных и коммерческой тайне [2, с. 67].

Третья группа рисков связана с алгоритмизацией учетных процессов и применением искусственного интеллекта. Передача функций по принятию учетных решений программным алгоритмам порождает вопросы об ответственности за достоверность формируемой финансовой отчетности. Отсутствие прозрачности алгоритмов, используемых в учетных системах, затрудняет проведение аудита и проверки правильности отражения хозяйственных операций. Особую остроту данный вопрос приобретает в контексте требований международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) о приоритете содержания над формой и необходимости профессионального суждения бухгалтера [5, с. 89].

Четвертая группа рисков обусловлена трансформацией системы внутреннего контроля в условиях цифровизации. Традиционные методы контроля, основанные на проверке первичных документов на бумажных носителях и визуальном подтверждении операций, утрачивают свою эффективность. Внедрение автоматизированных систем контроля требует пересмотра подходов к организации контрольных процедур, разработки новых методик выявления и предотвращения ошибок и злоупотреблений. Недостаточная проработанность вопросов внутреннего контроля в цифровой среде может привести к искажению финансовой отчетности и нарушению требований законодательства о бухгалтерском учете [3, с. 78].

Правовые риски, возникающие в процессе цифровизации учетных процессов, требуют разработки системных мер по их минимизации.

Представляется, что ключевыми направлениями управления данными рисками должны стать:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей электронный документооборот, защиту информации и применение искусственного интеллекта в учете.
2. Разработка внутренних регламентов (учетная политика, инструкции по работе с ПО, порядок действий при инцидентах).
3. Повышение цифровой и правовой компетентности учетных специалистов.
4. Внедрение комплексных систем информационной безопасности с обеспечением непрерывности учетных процессов.

Регулярный аудит учетных систем и процедур, включая оценку алгоритмов и эффективности внутреннего контроля.

Таким образом, цифровизация учетных процессов является объективной реальностью, требующей от организаций адаптации. Внедрение цифровых технологий несет как возможности повышения эффективности, так и комплекс правовых рисков, требующих системного управления. Эффективное управление этими рисками возможно при сочетании совершенствования нормативной базы, разработки внутренних регламентов, повышения квалификации специалистов и внедрения современных систем информационной безопасности. Только такой подход обеспечит достоверность и надежность финансовой отчетности, формируемой в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

1. Дружиловская, Т.Ю. Цифровизация бухгалтерского учета и формирования отчетности: проблемы и перспективы / Т.Ю. Дружиловская, Э.С. Дружиловская // Международный бухгалтерский учет. – 2022. – Т. 25, № 3. – С. 42–58.
2. Кеворкова, Ж.А. Правовые аспекты цифровизации учетных процессов в коммерческих организациях / Ж.А. Кеворкова, Е.В. Савина // Вестник университета. – 2023. – № 1. – С. 64–72.
3. Рожнова, О.В. Информационная безопасность учетных систем в условиях цифровой экономики / О.В. Рожнова, А.В. Лосева // Учет. Анализ. Аудит. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 74–83.
4. Харитонов, С.А. Электронный документооборот в бухгалтерском учете: правовое регулирование и практика применения / С.А. Харитонов. – Москва: 1С-Публишинг, 2023. – 245 с.
5. Шешукова, Т.Г. Применение технологий искусственного интеллекта в бухгалтерском учете и аудите: вызовы и риски / Т.Г. Шешукова, Е.В. Колесникова // Экономический анализ: теория и практика. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 85–96.

Г.Р. НАФИКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук, доцент

G.R. NAFIKOVA

Ural Branch of the Financial University
student of the second year of the direction
«Economics»

Scientific Supervisor

A.V. DUBYNINA

Ural Branch of the Financial University
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

**PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ
НА ПРИМЕРЕ ПАО «ЧЕЛЯБИНВЕСТБАНК»**

**PR ACTIVITIES IN THE BANKING SECTOR:
THE CASE OF PJSC «CHELYABINVESTBANK»**

Аннотация

В статье рассматриваются особенности PR-деятельности регионального банка, его слабые и сильные стороны. Дается оценка текущему ориентиру на целевые аудитории, а также предлагаются методы повышения лояльности аудитории.

Annotation

The article examines the features of PR activities of a regional bank, its weaknesses and strengths. It provides an assessment of the current focus on target audiences, and also suggests methods of increasing audience loyalty.

Ключевые слова: PR-деятельность, банки, региональные банки, клиентская база, повышение лояльности.

Key words: PR activities, banks, regional banks, customer base, increased loyalty.

В условиях информационного симбиоза между реальной и цифровой средами мониторинг имиджа компании становится ключевой задачей для привлечения клиентов в условиях высокой конкуренции. Репутация банка является одним из важнейших факторов формирования лояльности аудитории и привлечения внимания к банковским продуктам и услугам.

Эффективная PR-стратегия в этой сфере может существенно повысить репутационный капитал банка, укрепить рыночные позиции и привлечь клиентов. Эти меры, приведут к увеличению прибыли банка, что является основной целью любого коммерческого предприятия, а исходя из этого актуальность данной темы не подлежит сомнению.

ПАО «Челябинвестбанк» – это региональный банк, основанный 17 октября 1990 года. На данный момент в ПАО «Челябинвестбанк» работают свыше 2000 сотрудников, обслуживается свыше 1 миллиона клиентов [1].

На данный момент наиболее сильными конкурентами в регионе являются банки Федерального масштаба, ведь физические лица обращаются в них в первую очередь за счет их репутации и уже сложившегося образа. Для определения сильных и слабых сторон банка, была составлена Таблица 1.

Таблица 1 – SWOT-анализ «ЧЕЛЯБИНВЕСТБАНКА»

Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
1	2	3	4
Участие в социальных программах и проектах: Дает банку значительную клиентскую базу [3]. Региональное значение: клиенты «Системы город» или «социальной карты Челябинца» дают постоянную клиентскую базу.	Региональная концентрация: Деятельность банка в основном сосредоточена в Челябинской области, что делает его уязвимым к локальным экономическим рискам. Конкуренция: Имеет меньший кредит доверия чем федеральные банки, а кредитный рейтинг А [2]. Низкий уровень цифровых продуктов: отпугивает более молодую аудиторию.	Расширение линейки: Внедрение новых, технологичных кредитных продуктов для привлечения новых клиентов. Увеличение доли рынка: Укрепление позиций по привлечению средств физических лиц может стать дополнительным источником дохода.	Мошенничество и угрозы «слива» личных данных: Повышенный риск является основной угрозой. Конкуренция: Агрессивная политика федеральных банков, представляет серьезную угрозу для регионального банка.

В результате анализа отзывов о деятельности федеральных и региональных банков выявлено, что региональные финансовые учреждения стремятся привлечь клиентов, предлагая продукты, ориентированные на удовлетворение социальных потребностей населения (например, социальная карта челябинца). Крупные федеральные банки, в свою очередь, конкурируют, предоставляя клиентам развитые экосистемы услуг и гарантируя высокую надёжность и стабильность своей деятельности [4].

Следует отметить, что «Челябинвестбанк» характеризуется относительно низким уровнем развития цифровых продуктов, что может негативно сказываться на его

привлекательности для молодой аудитории. В то же время, данный банк ориентирован на реализацию социальных программ и проектов, а также на предоставление услуг для юридических лиц, что прослеживается и в рекламе на официальном сайте банка [3].

На основе данных, полученных с официального сайта, отзывов клиентов и сайтов организаций по оценке банков, был составлен анализ, представленный в Таблице 2.

Таблица 2 – ADL-анализ Челябинвестбанка

Параметр	Характеристика банка	Оценка
1	2	3
Стадия жизненного цикла отрасли	Банковская отрасль России находится на стадии зрелости : рынок насыщен, конкуренция высокая, присутствуют крупные федеральные банки (Сбербанк, ВТБ), активно развивается цифровизация	Зрелость рынка
Конкурентная позиция банка	Челябинвестбанк является региональным банком , входящим в ТОП-100 банков России. Основная деятельность сосредоточена в Челябинской области, где банк занимает устойчивые позиции	Устойчивая позиция
Рыночная доля и масштаб	Банк имеет ограниченный масштаб на федеральном рынке и невысокую долю рынка, однако сохраняет сильные позиции в домашнем регионе	Региональный игрок
Финансовая устойчивость	Кредитный рейтинг банка – ruA со стабильным прогнозом , что говорит о достаточно высокой финансовой устойчивости	Стабильное финансовое положение
Специализация	Значительная часть кредитного портфеля ориентирована на кредитование бизнеса и предприятий региона , что отражает стратегию банка	Фокус на корпоративном сегменте
Потенциал роста	Ограниченная география деятельности и высокая конкуренция со стороны федеральных банков ограничивают возможности расширения на национальном рынке	Умеренный потенциал роста

По итогам ADL-анализа, можно выделить, что «ЧЕЛЯБИНВЕСТБАНК» занимает устойчивую конкурентную позицию на зрелом банковском рынке, выступая региональным финансовым институтом, ориентированным на обслуживание бизнеса и предприятий Челябинской области. Основная стратегия банка – сохранение регионального лидерства и постепенное развитие, а не агрессивное расширение на федеральный рынок.

На основании проведенного анализа, можно выделить следующие ключевые проблемы, с которыми сталкивается региональный банк: Ограниченность географического охвата, что ограничивает возможности расширения рыночной доли. Сравнительно низкий

уровень развития цифровых сервисов по сравнению с крупными банковскими учреждениями, что затрудняет привлечение более молодой клиентской базы. Чрезмерная ориентация на корпоративных клиентов, несмотря на их высокую доходность при том, что численность физических лиц значительно превышает количество юридических лиц, что создает потенциал для увеличения прибыли.

Таким образом, Челябинвестбанк можно охарактеризовать как устойчивое региональное финансовое учреждение, специализирующееся на обслуживании корпоративных клиентов. Для дальнейшего развития банка необходимо повышение уровня технологического оснащения предоставляемых услуг и укрепление конкурентных позиций на рынке банковских услуг.

В условиях сложной политической ситуации географическое расширение базы регионального банка очень затруднительно и связано с большими финансовыми рисками. Но постепенное развитие лояльности для более молодой аудитории, является одним из наиболее эффективных направлений для дальнейшей PR-деятельности.

Для привлечения молодежи региональному банку будет целесообразно внедрить современные коммуникационные инструменты, включая цифровые каналы, контент-маркетинг, взаимодействие с инфлюенсерами. Особое внимание следует уделить формированию положительного имиджа банка как инновационного и современного финансового института, обеспечивая упрощение коммуникационных процессов.

Список литературы

1. Компания ПАО "Челябинвестбанк" в Челябинске: информация о компании, проверка работодателя // Работа.ру: сайт. — URL: <https://chelyabinsk.rabota.ru/company/pao-chelyabinvestbank/> (дата обращения: 19.03.2026).
2. ПАО "Челябинвестбанк" Челябинск (ИНН 7421000200) адрес, официальный сайт и телефон // rusprofile.ru: сайт. — URL: <https://www.rusprofile.ru/id/7786068> (дата обращения: 19.03.2026).
3. Челябинвестбанк: банковские услуги для физических и юридических лиц в Челябинске и области [сайт]. — URL: <https://chelinvest.ru> (дата обращения: 19.03.2026).
4. Яндекс Карты. Отзывы - [сайт]. — URL: <https://yandex.ru/maps/org/chelyabinvestbank/195688919703/reviews/?ll=61.400906%2C55.158156&z=18> (дата обращения: 08.03.2026).

Н.В. ПИРСКАЯ

Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса программы магистратуры направления

Научный руководитель

Н.С. СОГРИНА

канд. экон. наук, доцент

Уральский филиал Финуниверситета

N.V. PIRSKAYA

Ural branch of the Financial University

2nd year student Master's program

«Economics»

Scientific supervisor

N.S. SOGRINA

Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor

Ural branch of the Financial University

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОЦЕНКЕ И УПРАВЛЕНИИ КРЕДИТНЫМ РИСКОМ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ASSESSMENT AND MANAGEMENT OF CREDIT RISK OF A COMMERCIAL BANK

Аннотация

В статье анализируются современные цифровые инструменты для оценки и управления кредитным риском в коммерческих банках. Рассматриваются технологии машинного обучения (ML), big data, обработка естественного языка (NLP), система блокчейн, их использование в ключевых этапах управления кредитным риском (идентификации, оценке, мониторинге).

Annotation

The article analyzes modern digital tools for assessing and managing credit risk in commercial banks. Machine learning (ML), big data, natural language processing (NLP), the blockchain system, and their use in key stages of credit risk management (identification, assessment, monitoring) are considered.

Ключевые слова: кредитный риск, большие данные, машинное обучение, обработка естественного языка, блокчейн.

Key words: credit risk, Big Data, machine learning, Natural Language Processing, blockchain.

Кредитный риск является наиболее весомым риском коммерческих банков, поскольку связан с основной банковской деятельностью – выдачей ссуд. Он представляет собой

вероятность финансовых потерь банка из-за неисполнения заемщиком условий кредитного договора и может быть вызван как потерей платежеспособности клиента, так и макроэкономическим спадом, инфляцией, или неудовлетворительным качеством управления кредитным риском банка. А также негативно сказывается на конкурентоспособности регионов и страны в целом [2, с. 20].

Управление кредитным риском подразумевает следующие ключевые этапы: идентификация (выявление рисков через анализ заёмщиков и внешней среды), оценка риска (определение вероятности дефолта заемщика, оценка кредитного портфеля), минимизация риска (резервирование, лимитирование, страхование, хеджирование) и мониторинг риска. Для выполнения перечисленных пунктов представляется целесообразным и даже необходимым использование цифровых технологий, в особенности в современных условиях высокой конкуренции в банковском секторе, а также нестабильной геополитической и экономической обстановки.

Рассмотрим цифровые технологии, которые возможно эффективно использовать в целях управления кредитным риском. ««Big data» – это обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объёмов и большого многообразия, которые эффективно обрабатываются горизонтально масштабируемыми программными инструментами» [3, с. 97]. С помощью Big Data (большие данные) возможно отслеживать новости, отзывы, социальные сети, транзакции клиентов, выявляя ранние сигналы дефолта. Это дополняется применением таких технологий, как машинное обучение (machine learning, ML), искусственный интеллект, обработка естественного языка (NLP – Natural Language Processing).

Машинное обучение подразумевает обучение алгоритмов на больших массивах данных для самостоятельного выявления закономерностей и принятия решений без программирования конкретных правил. В контексте управления кредитным риском машинное обучение применяется как алгоритмы, которые учатся на исторических данных для выявления скрытых закономерностей и трендов, «например, модели ML применяются для улучшения кредитного скоринга, обнаружения мошенничества и анализа рыночных рисков» [1, с. 7]. Они позволяют автоматизировать анализ информации о клиенте, например, его кредитной истории, доходов, стажа, возраста и иных данных для прогнозирования вероятности невозврата кредита.

Суть технологии NLP состоит в понимании, интерпретации и генерировании человеческой речи. Обработка естественного языка обеспечивает непосредственно сам анализ текстов, например, новостей, отчетов, для выявления признаков, способных повлечь рост кредитного риска.

Технология блокчейн способна обеспечить прозрачность данных. Будучи системой хранения данных в цепочке неизменяемых блоков, блокчейн может решить проблему фальсификации ключевой для оценки платежеспособности заемщиков информации. Так, например, Федеральная налоговая служба уже имеет платформу оценки налогоплательщиков с электронными досье, которая может использоваться для взаимодействия с банками, позволив ускорить получение последними необходимых документов и другой информации, содержащихся в досье [6]. Однако следует учитывать возрастающий риск утечки данных клиентов.

Примеров использования цифровых технологий для управления кредитным риском в банках множество. Например, «Т-Банк» использует технологию машинного обучения для оценки платежеспособности заемщика посредством анализа действий клиента в приложении, его транзакций [5]. Рассмотренные в данной работе технологии также задействованы в работе цифровой платформы «Digital Credit», который внедрил в свою деятельность Банк ВТБ для обеспечения хранения, передачи и анализа данных в целях ускорения одобрения кредитных заявок корпоративных клиентов [4].

Таким образом, в современном мире в условиях глобальной цифровизации, нестабильности экономической и геополитической обстановки, остро стоит вопрос внедрения цифровых технологий в управления банковскими рисками, в особенности кредитным риском. Современные технологии повышают эффективность управления кредитным риском, позволяют автоматизировать ручной труд аналитиков и риск-менеджеров, ускорить процесс оценки заемщиков и проверки информации о нем, однако следует иметь в виду возможные риски, возникающие в связи с их использованием.

Список литературы

1. Балаян, В. С. Интеграция цифровых технологий в системы управления рисками банков в условиях трансформации корпоративного контроля / В. С. Балаян // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № 54. – С. 1-15.
2. Копченков, А.А., Дубынина А.В., Согрина Н.С. Качественный сравнительный анализ в оценке конкурентоспособности муниципальных районов Челябинской области / А.А. Копченков, А.В. Дубынина, Н.С. Согрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 17-31.
3. Кривошапова, С. В. Перспективы использования новых цифровых технологий в сфере управления кредитным риском и оценки кредитоспособности / С. В. Кривошапова, А. А. Горьков // АНИ: экономика и управление. – 2021. – № 4 (37). – С. 96-99.
4. ВТБ внедряет цифровую платформу для корпоративного кредитования

[Электронный ресурс] // Банки.ру. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10924518> (дата обращения: 22.03.2026).

5. Искусственный интеллект в банках: настоящее и будущее технологий в финансовом секторе [Электронный ресурс] // Финам. – Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/iskusstvennyy-intellekt-v-bankakh-nastoyashchee-i-budushchee-tekhnologii-v-finansovom-sektore-20250518-1430/> (дата обращения: 22.03.2026).

6. Налоговики запустят новые платформы для банков и чиновников [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/04/03/2021/603f8ec99a7947c24dfd973a> (дата обращения: 22.03.2026).

О.А. ПОЛТАВЕЦ

Красноярский филиал Финуниверситета,
преподаватель

O.A. POLTAVETS

Krasnoyarsk branch of the Financial University,
Lecturer

ЭВОЛЮЦИИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ: ОТ ПЛАТЕЖНОГО ИНСТРУМЕНТА К ОСНОВЕ НОВОЙ ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

EVOLUTIONS OF THE DIGITAL RUBLE: FROM A PAYMENT INSTRUMENT TO THE BASIS OF A NEW FINANCIAL ARCHITECTURE

Аннотация

В статье рассматривается эволюция цифрового рубля от простого платежного средства до инструмента, способного изменить устройство финансовой системы. В работе анализируются возможные последствия: как изменится структура банковских вкладов, какие преимущества получают компании, использующие программируемые расчеты, и как цифровой рубль может помочь в организации международных платежей. В перспективе цифровая национальная валюта станет основой для построения более современной и эффективной финансовой архитектуры.

Abstract

This article examines the evolution of the digital ruble from a simple means of payment to an instrument capable of transforming the financial system. It analyzes potential consequences: how the structure of bank deposits will change, what advantages companies using programmable payments will gain, and how the digital ruble can facilitate international payments. In the future, the

digital national currency will become the foundation for building a more modern and efficient financial architecture.

Ключевые слова: цифровой рубль, финансовая система, платежное средство, национальная валюта.

Keywords: digital ruble, financial system, means of payment, national currency.

В 2020 году Банк России впервые объявил о разработке цифрового рубля и большая часть населения восприняла это как очередной шаг в развитии безналичных платежей. Однако по мере того как проект проходит стадии тестирования и приближается к этапу массового внедрения, становится очевидным: цифровой рубль способен изменить не просто способы расчетов, а саму архитектуру финансовой системы.

Согласно утвержденной дорожной карте, 1 сентября 2026 года станет поворотным моментом в развитии проекта. Крупнейшие банки и ритейлеры, годовая выручка которых превышает 120 миллионов рублей, получают обязательство обеспечить своим клиентам возможность проведения операций с цифровым рублем. В последующие два года к платформе должны подключиться средние и малые предприятия, а к 2028 году ожидается полномасштабное развертывание системы, когда новая форма национальной валюты станет привычным инструментом для большинства участников экономического оборота [3].

Прогнозы относительно масштабов распространения цифрового рубля заметно различаются. По оценкам Центрального банка, к 2033 году, то есть через семь лет после массового запуска, доля цифрового рубля в общем объеме платежей может составить около 5 %. Однако регулятор делает акцент на развитии некарточных инструментов в целом: к 2030 году доля QR-кодов, биометрии и цифрового рубля в структуре безналичных платежей превысит 20–25 %, тогда как сегодня этот показатель составляет около 14 % [2].

Одним из наиболее значимых последствий внедрения цифрового рубля станет изменение структуры банковских вкладов. Исследование экспертов Высшей школы экономики показывает, что банки могут лишиться до 20 % средств на депозитах в результате перетока ликвидности в цифровую валюту. Этот эффект будет неоднородным: для малых банков прирост цифрового рубля на 1 миллиард рублей может привести к сокращению депозитов на 0,8 миллиарда, тогда как для крупных кредитных организаций аналогичный показатель составит лишь 0,3 миллиарда. Крупные банки обладают большим объемом активов и диверсифицированной ресурсной базой, что делает их менее уязвимыми к оттоку средств. При этом Центральный банк не планирует начислять проценты на остатки

цифровых рублей, что снижает стимулы для массового перевода сбережений из коммерческих банков в кошельки на платформе регулятора.

По оценкам экспертов, к 2030 году использование наличных средств может снизиться на 5–10 %. Сокращение наличного оборота будет происходить преимущественно в тех сферах, где на первый план выходят скорость и прозрачность платежей: розничная торговля, оплата государственных услуг, межрегиональные расчеты [2].

Программируемость платежей – это свойство цифрового рубля, которое открывает принципиально новые возможности для управления денежными потоками. В отличие от обычных безналичных переводов, операции с цифровой валютой могут осуществляться на условиях смарт-контрактов, когда средства перечисляются автоматически при наступлении заранее определенных событий. В сфере жилищно-коммунального хозяйства это означает, что при поступлении начисления из государственной системы смарт-контракт сам проводит платеж в назначенную дату, и пользователю не нужно отслеживать квитанции.

Особенно важным это свойство становится для бюджетной сферы. Государство получает возможность «окрашивать» бюджетные средства, программируя их расходование строго на определенные цели. Вместо последующего контроля за использованием выделенных средств появляется механизм предварительного программирования, который исключает саму возможность нецелевого расходования. По прогнозам Национального рейтингового агентства, в первые годы масштабирования цифрового рубля экономический эффект для бизнеса составит 30–50 миллиардов рублей ежегодно, а для банков – 5–8 миллиардов рублей. Экономия достигается за счет снижения транзакционных издержек, автоматизации процессов и сокращения операционных расходов.

В сфере международных расчетов цифровой рубль также может сыграть стратегическую роль. Текущие санкционные ограничения создают значительные сложности для российских компаний при проведении трансграничных платежей. Одним из наиболее перспективных решений является участие России в проекте mBridge – платформе для трансграничных расчетов с использованием цифровых валют центральных банков, объединяющей Китай, Гонконг, Таиланд, ОАЭ и Саудовскую Аравию [1].

Таким образом, к 2030 году цифровой рубль, скорее всего, займет устойчивую нишу в платежной системе России, не вытесняя полностью ни наличные, ни традиционные безналичные расчеты. Его значение будет определяться не столько долей в общем объеме платежей, сколько способностью стать инструментом решения принципиально новых задач: автоматизации контроля за целевым расходованием средств, снижения транзакционных издержек в цепочках поставок, обеспечения надежных каналов международных расчетов. Цифровой рубль действительно перерастает роль платежного инструмента и становится

основой для построения более прозрачной, технологичной и адаптивной финансовой архитектуры. Вопросы о том, насколько быстро и эффективно эта архитектура будет выстроена, зависят не только от технологических решений, но и от готовности всех участников рынка – банков, бизнеса, государства и граждан – к переходу на новые принципы организации денежного обращения.

Список литературы

1. Амирова, Э.Ф. Особенности внедрения цифровой национальной валюты на территории России / Э. Ф. Амирова, А. А. Потапов, Я. С. Исламгереева // Экономика и управление: проблемы, решения. — Москва, 2024 — №1 ч. 2. — С.51-55.
2. Грищенко, В. Цифровой рубль и его влияние на денежно-кредитную политику / В. Грищенко // Центральный банк Российской Федерации, Департамент исследований и прогнозирования. — Москва: Банк России, 2025. — № 3. — С. 7-35.
3. Чеботарев, С. Третья форма национальной валюты: как это работает / С. Чеботарев // Налогообложение, учет и отчетность в коммерческом банке. — Москва, 2023 — № 9. — С.32-36.

П.А. ПЫШКИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Ю.В. ЛЫСЕНКО

док. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

P.A. PYSHKINA

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Economy»

Scientific supervisor

Y.V. LYSENKO

D. econ. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ПРОЦЕССА
ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ**

**DIGITAL TRANSFORMATION OF INTERNAL CONTROL OVER THE
FINANCIAL REPORTING PROCESS: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES**

Аннотация

В статье рассматриваются направления цифровой трансформации системы внутреннего контроля процесса формирования финансовой отчетности. Анализируются возможности, открывающиеся при внедрении автоматизированных систем непрерывного контроля, аналитики данных и искусственного интеллекта. Выявляются ключевые вызовы, связанные с обеспечением информационной безопасности, изменением требований к компетенциям персонала и необходимостью адаптации методологии контроля.

Annotation

The article examines the directions of digital transformation of the internal control system over the financial reporting process. The opportunities that arise from the implementation of automated continuous control systems, data analytics and artificial intelligence are analyzed. The key challenges associated with ensuring information security, changing personnel competency requirements and the need to adapt control methodology are identified.

Ключевые слова: цифровизация, учетные процессы, финансовая отчетность, правовые риски, информационная безопасность, электронный документооборот.

Key words: internal control, financial reporting, digital transformation, continuous monitoring, data analytics, information security.

В условиях цифровизации экономики и перехода на автоматизированные системы ведения бухгалтерского учета существенно трансформируются подходы к организации внутреннего контроля процесса формирования финансовой отчетности. Традиционные методы контроля, основанные на выборочных проверках первичных документов и ручном сопоставлении данных, уступают место автоматизированным системам непрерывного мониторинга, использующим технологии анализа больших данных и искусственного интеллекта. Данная трансформация создает как новые возможности для повышения эффективности контрольных процедур, так и порождает серьезные вызовы, требующие пересмотра методологии внутреннего контроля.

Внутренний контроль процесса формирования финансовой отчетности представляет собой систему мер, направленных на обеспечение достоверности, полноты и своевременности учетной информации, а также соблюдения требований законодательства и внутренних регламентов организации. Традиционная модель контроля включала преимущественно ручные процедуры: визирование первичных документов, арифметические

проверки, сверку оборотов по счетам, формирование контрольных справок. Эффективность такого подхода ограничивалась трудоемкостью, субъективностью и невозможностью охвата всех операций.

Цифровая трансформация внутреннего контроля предполагает интеграцию контрольных процедур непосредственно в учетные информационные системы. Это позволяет реализовать концепцию непрерывного контроля, при котором проверки выполняются автоматически в режиме реального времени по мере совершения хозяйственных операций. Ключевыми направлениями цифровой трансформации выступают: автоматизация контрольных процедур на основе встроенных алгоритмов, использование аналитики данных для выявления аномалий и отклонений, применение технологий искусственного интеллекта для прогнозирования рисков [1, с. 63].

Возможности, открываемые цифровой трансформацией внутреннего контроля, охватывают несколько аспектов. Во-первых, обеспечивается сплошной, а не выборочный характер контроля. Автоматизированные системы позволяют проверять 100% операций, что существенно снижает риск необнаружения ошибок. Во-вторых, повышается оперативность выявления отклонений: контрольные процедуры выполняются в момент совершения операции, что позволяет предотвратить или оперативно исправить ошибки до формирования отчетности. В-третьих, автоматизация снижает влияние человеческого фактора, обеспечивая единообразие применения контрольных процедур и исключая субъективные оценки [2, с. 88].

Особое значение приобретают технологии искусственного интеллекта в части прогнозирования рисков искажения отчетности. Машинное обучение позволяет на основе исторических данных выявлять факторы, коррелирующие с ошибками или нарушениями, и формировать динамические модели оценки рисков. Кроме того, использование технологий роботизации процессов (RPA) позволяет автоматизировать рутинные контрольные операции, такие как сверка данных между различными информационными системами, проверка соответствия первичных документов установленным форматам и реквизитам [3, с. 114].

Вместе с тем цифровая трансформация внутреннего контроля порождает ряд серьезных вызовов. Первый вызов связан с обеспечением информационной безопасности. Поскольку контрольные процедуры интегрированы в единую цифровую среду, несанкционированный доступ к системе, модификация алгоритмов контроля или подмена данных могут иметь катастрофические последствия для достоверности отчетности. Это требует внедрения многоуровневых систем защиты, разграничения прав доступа, постоянного мониторинга инцидентов и разработки процедур восстановления после сбоев [4, с. 76].

Второй вызов заключается в изменении требований к компетенциям персонала. Эффективное функционирование цифровых систем контроля требует от специалистов не только знания бухгалтерского учета и методологии контроля, но и навыков работы с информационными системами, понимания принципов построения алгоритмов и умения интерпретировать результаты автоматизированных проверок. Возникает необходимость формирования междисциплинарных компетенций на стыке учета, контроля и информационных технологий, что требует пересмотра программ подготовки и повышения квалификации кадров [5, с. 92].

Третий вызов связан с адаптацией методологии внутреннего контроля к цифровой среде. Традиционные подходы к документированию контрольных процедур, оценке их эффективности и формированию доказательной базы в значительной степени ориентированы на ручной контроль. В условиях автоматизации требуются новые подходы к тестированию контрольных алгоритмов, оценке надежности информационных систем, документированию настроек и изменений в системах контроля.

Четвертый вызов обусловлен необходимостью интеграции различных информационных систем, участвующих в процессе формирования отчетности и контроля. Данные для формирования финансовой отчетности поступают из множества источников: ERP-систем, банковских систем, систем управления взаимоотношениями с клиентами, систем электронного документооборота. Обеспечение непротиворечивости данных и единообразного применения контрольных процедур в гетерогенной информационной среде требует значительных усилий по интеграции и стандартизации.

Таким образом, цифровая трансформация внутреннего контроля процесса формирования финансовой отчетности представляет собой сложный и многогранный процесс, открывающий значительные возможности для повышения эффективности контрольных процедур, но одновременно порождающий серьезные вызовы.

Список литературы

1. Дружиловская, Т.Ю. Цифровизация бухгалтерского учета и формирования отчетности: проблемы и перспективы / Т.Ю. Дружиловская, Э.С. Дружиловская // Международный бухгалтерский учет. – 2022. – Т. 25, № 3. – С. 42–58.
2. Кеворкова, Ж.А. Правовые аспекты цифровизации учетных процессов в коммерческих организациях / Ж.А. Кеворкова, Е.В. Савина // Вестник университета. – 2023. – № 1. – С. 64–72.

3. Рожнова, О.В. Информационная безопасность учетных систем в условиях цифровой экономики / О.В. Рожнова, А.В. Лосева // Учет. Анализ. Аудит. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 74–83.

4. Харитонов, С.А. Электронный документооборот в бухгалтерском учете: правовое регулирование и практика применения / С.А. Харитонов. – Москва: 1С-Публишинг, 2023. – 245 с.

5. Шешукова, Т.Г. Применение технологий искусственного интеллекта в бухгалтерском учете и аудите: вызовы и риски / Т.Г. Шешукова, Е.В. Колесникова // Экономический анализ: теория и практика. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 85–96.

К.С. РУМИК

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

Док. пед. наук, доцент кафедры
Социально-гуманитарные и естественно
-научные дисциплины»
Уральский филиал Финуниверситета

K.S. RUMIK

Ural branch of the Financial University
2nd year student
Major «State and Municipal Administration»

Scientific supervisor

U.V. PODPOVETNAYA

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor at the Department of Social Science, Humanities and Natural Science
Ural branch of the Financial University

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ БЮДЖЕТА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

ANALYSIS OF THE REVENUE AND EXPENDITURE STRUCTURE OF THE CHEL YABINSK REGION BUDGET

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ доходной и расходной частей бюджета Челябинской области за период 2020-2025 гг. На основе данных об исполнении бюджета рассматриваются динамика налоговых и неналоговых поступлений, структура безвозмездных перечислений, а также приоритетные направления расходования средств.

Особое внимание уделяется изменению доли собственных доходов региона, уровню дефицита и его влиянию на долговую нагрузку.

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the revenue and expenditure parts of the Chelyabinsk region budget for the period 2020-2025. Based on budget execution data, the dynamics of tax and non-tax revenues, the structure of intergovernmental transfers, and priority areas of spending are examined. Special attention is paid to changes in the share of the region's own revenues, the budget deficit level, and its impact on debt burden.

Ключевые слова: бюджет региона, доходы, расходы, структура бюджета.

Keywords: regional budget, revenues, expenditures, budget structure.

Актуальность темы заключается в необходимости оценки устойчивости регионального бюджета Челябинской области в условиях экономической нестабильности 2020-2025 гг. Анализ структуры доходов и расходов позволяет выявить, насколько регион способен выполнять социальные обязательства, реализовывать инфраструктурные проекты и адаптироваться к изменениям федеральной бюджетной политики.

Для оценки динамики бюджетной системы региона рассмотрим основные параметры бюджета Челябинской области за период 2020-2025 годов, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные параметры бюджета Челябинской области в 2020-2025 гг., млрд. руб.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Абсолютный прирост 2025 к 2020
1	2	3	4	5	6	7	8
Доходы	239,62	320,82	300,89	343,91	368,30	368,69	+129,07
Расходы	280,88	369,40	326,36	336,40	413,34	475,63	+194,75
Дефицит/Профицит	-41,26	-48,58	+25,47	+7,51	-45,04	-106,94	+65,68

За анализируемый период доходы областного бюджета увеличились с 239,6 до 368,7 млрд. руб., однако расходы росли опережающими темпами с 280,9 до 475,6 млрд. руб. Это привело к увеличению дефицита: если в 2020 году он составлял 41,3 млрд. руб., то в 2025 году достиг рекордных 106,9 млрд. руб.

Динамика бюджетного сальдо была неравномерной: дефицит 2020-2021 гг. сменился профицитом 2022-2023 гг., однако в 2024-2025 гг. дефицит возобновился, причём в 2025 году он стал максимальным за весь исследуемый период. Основной причиной стал резкий рост расходов при стагнации доходной базы.

Для анализа структурных сдвигов в доходной базе региона рассмотрим динамику основных источников формирования бюджета Челябинской области за период 2020-2025 гг. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Структура доходов бюджета Челябинской области в 2020-2025 гг.

Статья	Доля, %					
	2020	2021	2022	2023	2024	2025
1	2	3	4	5	6	7
Налоговые доходы	67,9	75,6	76,0	81,5	83,8	81,8
Налоги на прибыль, доходы	49,3	59,7	56,1	62,9	63,5	60,4
Налоги на имущество	8,2	6,3	6,8	6,2	9,3	9,2
Налоги на товары (акцизы)	4,7	4,2	6,5	6,0	6,3	6,7
Неналоговые доходы	2,8	2,8	5,8	5,0	6,6	8,4

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Безвозмездные поступления	29,3	21,6	18,2	13,6	9,6	9,8
из них трансферты	28,8	20,6	15,3	12,4	9,3	9,2

Представленные данные говорят о существенном повышении налоговой самостоятельности Челябинской области. За шесть лет доля налоговых доходов выросла с 67,9% в 2020 году до 81,8% в 2025 году, достигнув максимума в 2024 году. Основу налоговых поступлений стабильно формирует налог на прибыль и доходы, его удельный вес увеличился с 49,3% до 60,4% при пиковом значении 63,5% в 2024 году.

Одновременно происходило сокращение безвозмездных поступлений из федерального бюджета: их доля снизилась более чем в три раза – с 29,3% в 2020 году до 9,8% в 2025 году. Доля трансфертов также уменьшилась с 28,8% до 9,2%. Это указывает на снижение зависимости регионального бюджета от федеральной помощи и рост собственной доходной базы.

Для анализа структуры расходов бюджета Челябинской области рассмотрим динамику по основным разделам в 2020-2025 гг. Данные представлены в таблице 3.

Анализ расходов бюджета Челябинской области за 2020-2025 гг. показывает, что образование последовательно оставалось главным приоритетом региональной политики.

Социальная политика стабильно занимает второе место, увеличившись с 65,1 до 109,2 млрд руб. Национальная экономика демонстрирует неравномерную динамику: резкий рост в 2022 году, спад в 2023-м и новый скачок в 2024-м, однако в 2025 году объём снизился до 86,4 млрд руб.

Здравоохранение после пиковых значений 2020 года сокращалось в 2021-2023 гг., что связано с завершением активной фазы пандемии. Расходы на ЖКХ, культуру и спорт выросли в 1,5-2 раза, что свидетельствует о внимании к качеству городской среды и развитию человеческого капитала. При этом охрана окружающей среды, несмотря на экологическую ситуацию в регионе, остаётся наименее финансируемым направлением.

Таблица 3 – Расходы бюджета Челябинской области по разделам в 2020–2025 гг., млрд. руб.

Раздел	2020	2021	2022	2023	2024	2025
1	2	3	4	5	6	7
Социальная политика	65,1	68,6	76,0	74,5	86,3	109,2
Национальная экономика	36,1	39,2	58,4	57,0	89,5	86,4
Образование	75,1	78,4	91,6	100,5	118,1	124,8
Здравоохранение	35,1	31,0	26,4	25,8	31,1	31,2
ЖКХ	18,1	17,4	23,9	24,7	20,6	23,4
Общегосударственные вопросы	13,1	13,5	19,1	17,8	24,1	26,6
Культура, кинематография	9,1	9,1	11,8	13,5	16,4	17,5
Физкультура и спорт	10,3	10,2	12,7	14,4	16,6	18,5
Охрана окружающей среды	3,4	1,7	2,3	3,9	4,3	3,1
Нацбезопасность	2,0	2,2	2,6	3,0	3,8	5,0

Таким образом, мы проанализировали мы проанализировали бюджет Челябинской области за период 2020-2025 гг., приоритетные направления расходования, среди которых образование является главным приоритетом, темпы роста показателей, а также выполнили прогноз на 2026-2027 гг.

Список литературы

1. «Бюджет для граждан»: официальный сайт. – Режим доступа: <https://minfin.gov74.ru/minfin/activities/budget/budget-citizens.htm> (Дата обращения: 05.11.2025).

2. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»: официальный сайт. – Режим доступа: <https://budget.gov.ru/> (Дата обращения: 01.03.2026).

3. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. 2023. № 10. С. 44.

А.Э. РЫБАКОВ

Уральский филиал Финуниверситет
студент I курса направления «Юриспруденция»

A.E. RYBAKOV

Chelyabinsk branch Financial University
1st year student «Law»

**НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ПЕРИОД НЭП: РЫНОЧНЫЙ КОМПРОМИСС ИЛИ
ИНСТРУМЕНТ ВЫТЕСНЕНИЯ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА?**

**TAX POLICY OF THE SOVIET STATE DURING
THE NEP PERIOD: A MARKET COMPROMISE OR AN
INSTRUMENT FOR DISPLACING PRIVATE CAPITAL?**

Аннотация

Статья посвящена анализу налоговой политики советского государства в 1921–1928 гг. как правовой системы с двойственной природой: декларируя рыночные принципы, она последовательно вытесняла частный капитал из легального оборота. На основе историко-правового анализа нормативных актов обосновывается тезис о том, что фискальная система НЭПа де-факто содержала механизм последовательного вытеснения частного сектора из легального оборота. Сделан вывод о значимости данного опыта для понимания советского правотворчества и современных моделей фискального регулирования экономики.

Annotation

The article is devoted to the analysis of the tax policy of the Soviet state in 1921-1928 as a legal system with a dual nature: declaring market principles, it consistently displaced private capital from legal circulation. Based on the historical and legal analysis of regulations, the thesis is substantiated that the fiscal system of the New Economic Policy de facto contained a mechanism for the consistent displacement of the private sector from legal circulation. The author concludes

that this experience is important for understanding Soviet law-making and modern models of fiscal regulation of the economy.

Ключевые слова: новая экономическая политика, налоговая политика, частный капитал, промысловый налог, фискальное регулирование, советское право.

Keywords: new economic policy, tax policy, private capital, trade tax, fiscal regulation, Soviet law.

Налоговая политика НЭПа принадлежит к числу тех историко-правовых явлений, которые обнаруживают глубокий разрыв между нормативной декларацией и реальной функцией закона. Введение новой экономической политики в 1921 году принято трактовать как вынужденный «рыночный компромисс» большевистского руководства с частно-хозяйственными укладами. Между тем историко-правовой анализ нормативного массива 1921–1928 гг. позволяет выдвинуть принципиально иной тезис: фискальная система нэпа де-факто работала как механизм планомерного вытеснения частного капитала: сохраняя внешний облик правового равенства налогоплательщиков, она последовательно создавала для частных субъектов заведомо невыгодные условия хозяйствования. Вопрос о природе этой политики сохраняет актуальность как для истории советского права, так и для сравнительного анализа современных моделей фискального регулирования.

Формальной точкой отсчёта нэпа стал Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. о замене продовольственной разверстки натуральным налогом [3]. Историческое значение этого акта состояло прежде всего в правовом признании крестьянских излишков: всё, что оставалось сверх уплаченного налога, поступало в свободное распоряжение хозяина, что восстанавливало рыночную мотивацию к производству. Одновременно НЭП возрождал многоукладную налоговую систему, включавшую промысловый, подоходно-поимущественный и акцизный сборы, налог на сверхприбыль и ряд иных платежей. По своей технической структуре она во многом опиралась на дореволюционный российский опыт: А.В. Толкушкин констатирует, что НЭП фактически реставрировал дореволюционную основу налоговой системы, дополнив её принципиально новыми инструментами перераспределения [6, с. 230]. Символична и бытовая деталь: патентные бланки промыслового налога первое время печатались на старых листах с двуглавым орлом [5, с. 26], наглядно обозначая преемственность фискальной техники при кардинальной смене её политической цели.

Важно напомнить причины резкого поворота советского режима от жесткой централизованной политики военного коммунизма к более мягкой и воспринятой многими коммунистами, как предательство идеалов революции НЭП. Изъятие остатков продуктов в

сельской местности в январе–феврале 1921 года вылилось в стихийный массовый протест населения. В регионах прокатилась волна «бабьих бунтов», препятствующих вывозу последнего изъятого хлеба из деревень, подавление этих вспышек в Сибири и на Урале было сопряжено с жертвами и репрессиями, продемонстрировав всем, что советская власть не будет уступать [7, с. 168-173]. Итогом стало глобальное по размаху Западносибирское восстание февраля-марта 1921 года и сопряженные с этим события Кронштадтского мятежа, Антоновщины и повсеместного повстанчества. Восставшие Сибири, организовав Народные армии, выдвинули лозунг «Советы без коммунистов» и перерезали транссибирскую магистраль, прервали поставки продуктов с востока в центр страны и шли на упорные бои по удержанию ключевых пунктов [8, с. 207-211].

Осознав перспективы затягивания конфликта РКП (б) в марте 1921 года, провозглашает переход к НЭП, номинально отменив непопулярный военный коммунизм. Производилась демобилизация РККА, объявлялась частичная амнистия повстанцам и дезертирам, упразднялись ряд репрессивных органов, как комиссии по борьбе с дезертирством [9, с. 202–203]. Однако опору режима – части особого назначения (ЧОН) не только сохраняли до 1924 года, на случай обострений обстановки и для военной подготовки коммунистов, но придали полномочия оперативно-разведывательной деятельности по обеспечению безопасности [10, с. 7–9]. Повстанчество продолжалось и после введения НЭП, немного сместились акценты от чисто силового подавления с террором и внесудебными расправами, власти на местах чаще стали соблюдать формальную трибунальную форму юстиции при назначении наказаний, а в ряде случаев с повстанцами шли на переговоры и объявляли амнистии, но практика заложничества сохранялась, а низовой террор вылился в феномен «красного бандитизма» [11, с. 51–52].

Центральным элементом дискриминации частного капитала в городской экономике стал промысловый налог, введенный Декретом СНК РСФСР от 26 июля 1921 г. [4]. Его двухуровневая конструкция: патентный сбор по твердым ставкам и уравнительный сбор в процентах от оборота – внешне выглядела нейтральной, однако ставки для частных предприятий принципиально превышали тарифы для государственных и кооперативных структур. Самодиагностика власти здесь особенно красноречива: советское правительство открыто позиционировало промысловый налог как «одно из важнейших орудий ограничений и вытеснения капиталистических элементов». Начальник налогового управления Наркомфина П. Федоров выражался ещё определеннее: задача состоит в том, чтобы «оседлать городского буржуа так, чтобы он не мог выскочить из налогового хомута» [5, с. 27]. Фискальная динамика дополняет картину: к 1928 г. промысловый налог давал треть всех налоговых поступлений [5, с. 27], обнажая парадоксальную зависимость государственного

бюджета от того самого сектора, который официально подлежал уничтожению. Частный капитал выступал фискальным ресурсом ровно до тех пор, пока его принудительное выдавливание не становилось политически своевременным.

В аграрной сфере вектор налоговой политики был столь же определённым. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 17 марта 1922 г. [2] заменил множество разрозненных натуральных сборов единым сельскохозяйственным налогом; в 1924 году он окончательно приобрёл денежную форму. Налог строился по прогрессивному принципу: малоимущие хозяйства полностью освобождались от обложения, тогда как зажиточные несли максимальное бремя. Система скидок прямо поощряла обобществлённые формы хозяйствования: кооперативы получали льготу в 10%, колхозы и совхозы – в 25% [1, с. 101]. Налоговый закон тем самым не просто перераспределял фискальную нагрузку – он целенаправленно конструировал экономическую выгодность одних форм хозяйствования и убыточность других. Частному крестьянскому двору, которому формально оставлялась легальная ниша, на деле отводилось положение заведомо проигрышного участника рынка: любая попытка расширить хозяйство вела к резкому росту налогового бремени, тогда как вступление в колхоз автоматически обеспечивало льготный режим.

Описанная логика получила концентрированное выражение в общей структуре прямого налогообложения. Если в 1922 г. доля прямых налогов в совокупных налоговых поступлениях составляла 43%, то к 1926 г. она выросла до 82% [6, с. 233] – сдвиг, отражавший не бюджетную случайность, а курс на адресное обложение частных субъектов. Налоги на сверхприбыль и на индивидуальные кулацкие хозяйства носили конфискационный характер. Положение дополнительно осложнялось параллельным существованием трёх фискальных систем: натуральной (Наркомпрод), денежной (Наркомфин) и трудогужевой (местные отделы труда), что кратно увеличивало административные издержки любой частной деятельности. К 1930 году в одном лишь секторе социалистической собственности насчитывалось 86 различных платежей [5, с. 27]; местное «налоготворчество» лишь умножало это число. Нормативный массив достиг таких масштабов, при которых законопослушное частное предпринимательство становилось практически неосуществимым. Можно сказать, что перед нами классический образец использования налогового права как инструмента экономического принуждения, облачённого в форму нейтрального фискального регулирования.

Итак, проведённый анализ позволяет утверждать, что налоговая политика советского государства в период нэпа вне зависимости от первоначальных намерений её авторов де-факто функционировала как правовая система с механизмом последовательного вытеснения частного сектора: формальное допущение рынка последовательно сочеталось с

прогрессивным налоговым давлением, дифференцированными ставками и нарастающей множественностью фискальных инструментов. Примечательно, что сами представители налогового аппарата не считали нужным камуфлировать эту цель. Опыт нэпа представляет научный интерес в двух отношениях. Во-первых, он наглядно демонстрирует, как налоговое законодательство способно работать в режиме нормативной маскировки: декларируемые принципы равенства и пропорциональности обложения служат прикрытием для избирательного подавления одних субъектов хозяйствования в пользу других. Во-вторых, советский опыт ставит вопрос, сохраняющий остроту для любой транзитивной экономики: где проходит граница между правомерным фискальным регулированием рынка и использованием налогового права как инструмента целенаправленного экономического принуждения?

Список литературы

1. Малащенко, И. В. Налоговая политика советского государства в Брянской деревне в первые годы нэпа // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 2 (36). – С. 98–106. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-bryanskoj-derevne-v-pervye-gody-nepa> (дата обращения: 20.02.2026).
2. О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922/23 г.: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 17.03.1922 // Собрание узаконений (СУ) РСФСР. – 1922. – №25. – Ст.289.
3. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом: декрет ВЦИК от 21.03.1921 // СУ РСФСР. – 1921. – №26. – Ст.147.
4. О промысловом налоге: декрет СНК РСФСР от 26.07.1921 // СУ РСФСР. – 1921. – №53. – Ст.313.
5. Поляков, Н. Ф. «Налоговый хомут» для нэпманов / Н. Ф. Поляков // Налоговая политика и практика. 2013. № 6 (126). – С. 26–27. – EDN: QCAGCX.
6. Толкушкин, А. В. История налогов в России / А.В. Толкушкин. - Москва: ИНФРА-М, 2011. 480 с. ISBN 978-5-9776-0179-5. URL: <https://znanium.com/catalog/product/216361> (дата обращения: 23.02.2026). Режим доступа: по подписке.
7. Панькин, И. Д. Массовые выступления в форме «бабьих бунтов» на Южном Урале на рубеже 1920-1921 гг / И. Д. Панькин, С. И. Панькин // Личность и общество в российской истории (к 350-летию со дня рождения Петра I): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Шадринск, 25 ноября 2021 года / Редколлегия: Н.Ф. Чипинова, С.А. Парфенова, В.Д. Пузанов, Е.А. Бурлакова. – Шадринск: ШГПУ, 2021. – С. 166-174. – EDN NTRGWF.

8. Панькин, С. И. Первая "Народная армия" Пресногорьского района в 1921 г / С. И. Панькин // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905-1921 гг) : сборник научных статей, Ишим, 17–18 мая 2006 года / под редакцией И.В. Курышева. – Ишим: филиал ФГОУ ВПО Тюменский государственный университет в г. Ишиме, 2006. – С. 207-214. – EDN VUFCFV.

9. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.

10. Панькин, С. И. Нормативные основы, особенности формирования и деятельности частей особого назначения (ЧОН) в Челябинской губернии в 1920-1922 гг / С. И. Панькин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 1 (44). – С. 5-9. – DOI 10.47475/2311-696X-2025-44-1-5-9. – EDN KSXZHP.

11. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.

А.Э. РЫБАКОВ

Уральский филиал Финуниверситет
студент I курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский филиал Финуниверситет
канд. социол. наук, доцент

A.E. RYBAKOV

Chelyabinsk branch Financial University
1st year student «Law»

Scientific supervisor

S.I. PANKIN

Chelyabinsk branch Financial University
Ph.D. soc. Sciences, Associate Professor

НАЛОГОВЫЙ ПРОТЕСТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА: ОТ СТИХИЙНОГО БУНТА К ПРАВОВОЙ РЕФОРМЕ

TAX PROTEST AS A SOURCE OF LAW: FROM SPONTANEOUS REVOLT TO LEGAL REFORM

Аннотация

Статья исследует налоговый протест как фактор правовой трансформации. Обосновывается тезис о том, что массовые выступления против фискальной политики государства – от Великой хартии вольностей 1215 года до современных протестов во Франции, России и Венгрии – неоднократно становились реальным источником нормативных изменений, не признанным позитивистской доктриной. Сделан вывод о разрыве между юридической теорией источников права и исторической реальностью правообразования.

Annotation

The article examines tax protest as a driver of legal transformation. It argues that mass uprisings against state fiscal policy – from the Magna Carta of 1215 to contemporary protests in France, Russia, and Hungary – have repeatedly functioned as real sources of normative change, unrecognized by positivist legal doctrine. The conclusion is that a gap exists between the formal theory of sources of law and the historical reality of law-making.

Ключевые слова: налоговый протест, источники права, гражданское неповиновение, история налогообложения, правовая реформа, фискальная политика.

Key words: tax protest, sources of law, civil disobedience, history of taxation, legal reform, fiscal policy.

Современная теория права традиционно выделяет замкнутый перечень формально признанных источников: нормативный правовой акт, правовой обычай, юридический прецедент, нормативный договор. Как отмечает М. Н. Марченко, в настоящее время наиболее распространённым является формально-юридическое понимание источника права как «того, где содержится норма права, того, откуда юристы-практики черпают знания о нормах позитивного права» [2, с. 52]. Подобный подход обеспечивает правовую определённости, однако оставляет за пределами научного анализа целый пласт исторически значимых правообразующих явлений. Одним из таких явлений выступает налоговый протест – массовое противодействие фискальной политике государства, которое в ряде случаев непосредственно порождало нормативные изменения.

Постановка проблемы состоит в следующем: может ли внеправовой, а порой и прямо противоправный акт коллективного неповиновения функционировать в качестве реального, пусть и непризнанного источника права? Является ли подобная практика свидетельством гибкости правовой системы, реагирующей на социальные противоречия, или же признаком её слабости? Ответ предполагает обращение как к классическому историческому материалу, так и к современным примерам.

Одним из наиболее ранних и показательных случаев, в которых налоговый протест выступил непосредственным импульсом к созданию правовых норм, является принятие Великой хартии вольностей 1215 года в Англии. Как следует из анализа, проведённого в учебнике под редакцией Н. А. Крашенинниковой и О. А. Жидкова, поводом для баронского восстания послужил в том числе финансовый произвол короны: «усиливается административный и финансовый произвол короля и его чиновников», а движение за ограничение злоупотреблений «возглавляли бароны, к которым периодически присоединялись рыцарство и масса фригольдеров, недовольных чрезмерными поборами» [1, с. 346–347]. Результатом этого конфликта стало закрепление в статьях 12 и 14 Хартии принципа, согласно которому введение «щитовых денег» (прямого налога) требовало согласия совета королевства [1, с. 348]. Таким образом, вооружённое выступление баронов вынудило корону зафиксировать в праве первый прецедент согласования фискальных решений с представителями сословий – узкий, но реальный шаг к ограничению произвольного налогообложения, на который впоследствии будут ссылаться сторонники парламентского контроля над финансами в Англии и за её пределами.

Аналогичный механизм прослеживается и в российской истории. В 1646 году ставка соляного налога была повышена с 5 до 20 копеек за пуд, что к 1648 году спровоцировало серию «соляных бунтов» – волну народных выступлений, вынудившую правительство временно отменить данный налог [3, с. 38]. Примечательно, что вслед за этими событиями, в 1649 году, было принято Соборное уложение – крупнейший систематизированный правовой акт допетровской России, заложивший основы правовой и судебной системы государства. Прямой причинно-следственной связи между соляными бунтами и Соборным уложением в источниках не зафиксировано, однако нарастание социальной напряжённости, вызванной в том числе фискальными злоупотреблениями, явилось одним из стимулов к правовой систематизации.

Было бы ошибкой полагать, что описанный механизм принадлежит исключительно прошлому. Новейшая история предоставляет как минимум три наглядных примера того, как налоговый протест напрямую влёт за собой нормативные изменения.

Первый пример – движение «жёлтых жилетов» во Франции (2018–2019). Протесты, начавшиеся как реакция на запланированное повышение акцизов на моторное топливо, вынудили правительство Э. Макрона заморозить рост акцизов, а также предоставить налоговые льготы и социальные выплаты общим объёмом около 10 млрд евро. Параллельно был запущен «Большой национальный диалог» – масштабная консультационная процедура, в рамках которой граждане получили возможность участвовать в обсуждении бюджетной и фискальной политики государства. Уличные протесты тем самым породили не только

конкретные нормативные изменения, но и политический прецедент прямого гражданского участия в выработке фискальных решений.

Второй пример – российские протесты дальнбойщиков против системы «Платон» (2015–2016). Система взимала сбор за проезд большегрузного транспорта по федеральным трассам. Массовые забастовки и перекрытие дорог привели к тому, что штрафы за неуплату сбора для владельцев-юридических лиц были снижены в 90 раз – с 450 000 до 5 000 рублей. Показательно, что часть уступок правительство сделало ещё до эскалации протестов, однако именно коллективное давление дальнбойщиков в конечном счёте обусловило законодательную корректировку санкций. Правовой механизм здесь носил преимущественно внеинституциональный характер: изменение нормы стало результатом не судебного оспаривания, а прямого социального давления.

Третий пример – протесты в Венгрии против введения налога на интернет-трафик (2014). Правительство планировало обложить провайдеров налогом из расчёта 150 форинтов за гигабайт переданных данных. Масштабные уличные протесты – крупнейшие в стране со времён прихода В. Орбана к власти в 2010 году – вынудили правительство отступить поэтапно: сначала был введён ежемесячный лимит налога, а после продолжения протестов законопроект был полностью отозван 31 октября 2014 года, ещё до его принятия. Характерно, что закон был заблокирован не парламентской оппозицией – партия Фидес располагала конституционным большинством в парламенте – а преимущественно давлением гражданского общества, которому сопутствовала жёсткая критика со стороны институтов Европейского союза.

Приведённые примеры позволяют сформулировать ряд теоретических выводов. Во-первых, налоговый протест на протяжении всей истории права демонстрирует способность порождать реальные нормативные изменения – причём порой более оперативно, чем институциональные механизмы правотворчества. Во-вторых, эта способность не зависит от правовой квалификации самих протестных действий: и вооружённое выступление баронов, и стихийный народный бунт, и организованная забастовка могут приводить к одному результату – изменению закона.

В-третьих, и это принципиально с точки зрения теории права, позитивистская доктрина источников права не располагает адекватным концептуальным инструментарием для описания данного явления. Формально-юридический подход к источникам права, сводящий их к признанным государством формам выражения норм, в принципе не предполагает возможности того, что вне- или противоправное действие может порождать право. Тем не менее исторические факты свидетельствуют об обратном.

Таким образом, налоговый протест представляет собой специфический, социологически реальный, но юридически непризнанный источник правовых изменений. В терминологии социологической школы права (Э. Эрлих, Р. Паунд) подобные явления квалифицируются как материальные источники права – факторы, реально обуславливающие содержание норм, в отличие от их формальных источников. Игнорирование этого механизма в позитивистской доктрине создаёт разрыв между юридической теорией и исторической реальностью. Включение данного явления в систему источников права — пусть и в качестве материального, а не формального источника — позволило бы создать более полную и теоретически последовательную картину правообразования.

Список литературы

1. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 ч. / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. – 2-е изд., стереотип. – Москва : НОРМА, 2004. – Ч. 1. – 624 с.
2. Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 672 с. – ISBN 978-5-91768-467-3. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1911191> (дата обращения: 27.02.2026). – Режим доступа: по подписке.
3. Толкушкин, А. В. История налогов в России / А. В. Толкушкин. – Москва : Магистр : ИНФРА-М, 2011. – 480 с. – ISBN 978-5-9776-0179-5. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/216361> (дата обращения: 03.03.2026). – Режим доступа: по подписке.

Н.Д. ТАЛАХ

Институт экономических исследований
ведущий экономист

N.D. TALAN

Institute of Economic Research
Leading Economist

**АРХИТЕКТУРА ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ КАДРОВ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
НА ОСНОВЕ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

**ARCHITECTURE OF A TOOL FOR ASSESSING AND FORECASTING
THE EFFECTIVENESS OF GOVERNMENT SUPPORT MEASURES FOR
ATTRACTING PERSONNEL TO THE AGRICULTURAL SECTOR BASED
ON SIMULATION MODELING**

Аннотация

В статье представлена архитектура имитационной модели, которая лежит в основе инструмента оценки и прогнозирования эффективности мер государственной поддержки в привлечении кадров в сельское хозяйство. Обоснован выбор блоков архитектуры модели. Данный инструмент позволит оценивать текущие меры государственной поддержки, а также оценить разрабатываемые меры префактум.

Annotation

The article presents the architecture of a simulation model that forms the basis of a tool for assessing and forecasting the effectiveness of government support measures aimed at attracting personnel to the agricultural sector. The choice of the model's architectural components is substantiated. This tool makes it possible to evaluate the effectiveness of existing government support measures, as well as to conduct ex-ante assessment of newly designed policy interventions.

Ключевые слова: архитектура, государственные меры поддержки, имитационная модель, кадры, сельское хозяйство.

Key words: architecture, government support measures, simulation model, workforce, agriculture.

В соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года [1] развитие сельского хозяйства является одной из девяти научно-технологических ориентиров [2]. В связи с устойчивым дефицитом кадров, которые соответствуют заявленным компетенциям, в соответствии с этим происходит активное внедрение государственных мер поддержки по привлечению молодых специалистов в места осуществления сельскохозяйственной деятельности. Однако инструменты позволяющие префактум оценить их результативность отсутствуют. В этих условиях разработка инструмента оценки и прогнозирования на основе имитационного моделирования является актуальным, так как предоставляет возможность учитывать многокомпонентные влияния, строить прогнозы и выбирать оптимальные сценарии кадровой политики на основе моделируемых последствий различных мер государственной поддержки или их комплекса.

Архитектура имитационной модели оценки и прогнозирования эффективности мер государственной поддержки по привлечению кадров в сельское хозяйство представленная на рисунке формируется из семи блоков. На первом этапе формируется информационная база перечня (на рисунке отображен Блоком А) и характеризующих параметров отобранных мер

государственной поддержки по привлечению кадров в сельское хозяйство. Полученный блок определяет интенсивность воздействия на целевые группы (потенциальные участники / получатели мер поддержки). Целевые группы перечня (на рисунке отображены Блоком Б) занимают двойственную позицию, являясь параметром каталога мер государственной поддержки и самостоятельным блоком, описывающим реакции (отклики) на меры. Принятые решения и поведения участников формируются под воздействием условий внешней среды перечня (на рисунке отображены Блоком В).

Именно полученная корреляция описанных ранее блоков позволяет сформировать механизм принятия решений. Такой механизм перечня (на рисунке отображен Блоком Г) является ядром модели, преобразующий вероятности поведения в количественные взаимосвязи фактических изменений в кадровой системе. Формируемый поток перечня (на рисунке отображен Блоком Д) кадров способствует переводу индивидуальных решений в динамику кадрового состава перечня (на рисунке отображено Блоком Е).

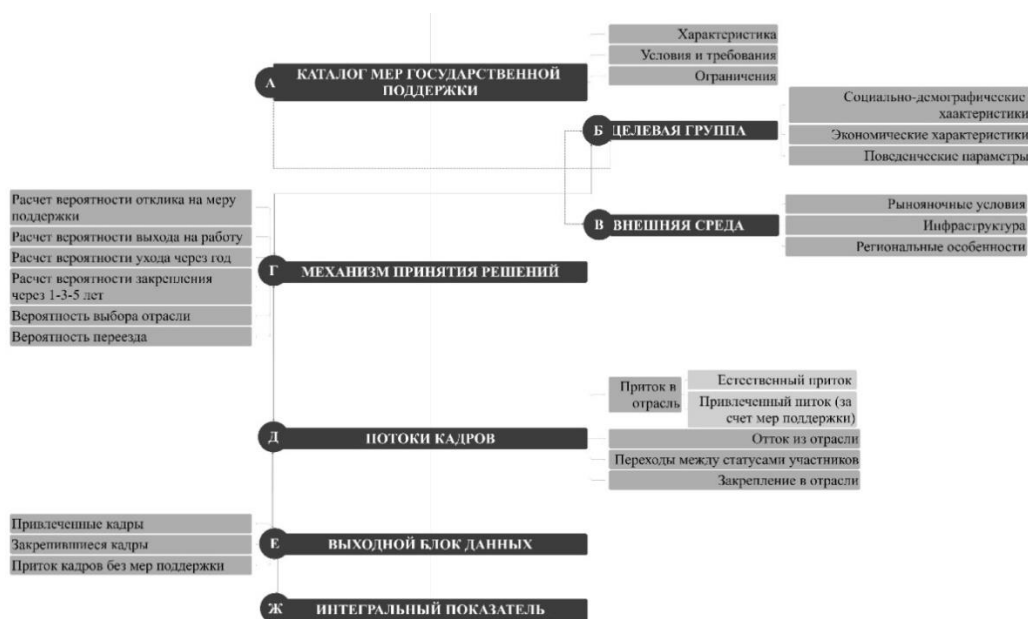


Рисунок 1. Архитектура имитационной модели оценки и прогнозирования эффективности мер государственной поддержки по привлечению кадров в сельское хозяйство
[составлено автором при помощи программного обеспечения XMind]

Интегральный показатель перечня (на рисунке отображен Блоком Ж) эффективности включён в структуру как итоговая метрика, позволяющая представить многомерные результаты модели в виде одного численного значения, рассчитываемый на основании выходного блока данных.

Таким образом, создание такого инструмента обеспечит возможность оценки текущих мер господдержки, а также разрабатывать и тестировать новые программы на этапе их разработки.

Список литературы

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
2. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/G3hzRyrGPbmFAfBFgmEhxTrec694MaHp.pdf>

Х.А. ТАТАРХАНОВА

Сургутский финансово-экономический
колледж – филиал Финуниверситета,
студентка II курса специальности
«Экономика и бухгалтерский учет»

Научный руководитель

Н.В. АНУФРИЕВА

Сургутский финансово-экономический
колледж – филиал Финуниверситета
канд. ист. наук, преподаватель

Н.А. TATARKHANOVA

Surgut Financial and Economic
College – Branch of the Financial University,
Second-year student, majoring in
Economics and Accounting

Academic Supervisor

N.V. ANUFRIEVA

Surgut Financial and Economic
College – Branch of the Financial University
PhD in History, Lecturer

**ИПОТЕЧНОЕ СТРАХОВАНИЕ И ДОСТУПНОСТЬ ЖИЛЬЯ КАК ФАКТОР
СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И США**

**MORTGAGE INSURANCE AND HOUSING AFFORDABILITY AS A FACTOR OF
SOCIAL STABILITY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND THE USA**

Аннотация

В работе представлен сравнительный анализ ипотечного страхования и жилищных рынков России и США. Путем сопоставления статистических данных и финансовых показателей, унифицированных в долларах США, исследуется влияние ипотечных инструментов на возможность приобретения жилья. Отдельно рассматриваются социальные аспекты, включая проблему бездомности, и выявляются факторы, обуславливающие различия в её распространенности. Автор заключает, что институциональные особенности ипотечной системы и механизмов социальной поддержки напрямую определяют уровень жилищной обеспеченности и социальной стабильности в анализируемых странах.

Annotation

This paper presents a comparative analysis of mortgage insurance and the housing markets of Russia and the United States. By comparing statistical data and financial indicators denominated in US dollars, the impact of mortgage instruments on homeownership is examined. Social aspects, including homelessness, are considered separately, and the factors underlying differences in its prevalence are identified. The author concludes that the institutional characteristics of the mortgage system and social support mechanisms directly determine the level of housing security and social stability in the analyzed countries.

Ключевые слова: ипотечное страхование, доступность жилья, сравнительный анализ, Россия, США, социально-экономическая стабильность.

Key words: mortgage insurance, housing affordability, comparative analysis, Russia, USA, socio-economic stability.

Доступность жилья традиционно выступает в качестве ключевого индикатора качества жизни граждан и социальной стабильности в любом государстве. В условиях глобальной экономической неопределенности эта проблема становится особенно актуальной. В этой связи, представляет значительный интерес сравнительный анализ опыта России и США, стран с разными экономическими моделями и подходами к ипотечному кредитованию.

Для обеспечения корректности сравнения все финансовые показатели в исследовании приведены к доллару США по средневзвешенному курсу 2025–2026 годов (95 рублей за 1 доллар).

Прежде всего, необходимо оценить макроэкономические условия, в которых функционируют рынки жилья. Среднегодовая зарплата в США – 60 000 – 65 000 долларов (до вычета налогов), в России – 11 000 долларов в год (около 87 000 рублей в месяц). Разрыв в доходах достигает пяти-шестикратного размера. При этом стоимость потребительской корзины в России примерно на 45% ниже, однако аренда жилья и коммунальные услуги, остаются для российского населения существенным бременем ввиду низкого уровня доходов.

Анализ рынка недвижимости выявил существенные ценовые диспропорции. В США средняя стоимость квадратного метра жилья составляет 2 500 – 3 500 долларов. Российский рынок неоднороден: в Москве цена достигает 4 000 долларов (сопоставимо с престижными районами Нью-Йорка), тогда как в среднем по стране – 1 200 – 1 800 долларов. Учитывая разницу в доходах, покупка жилья для россиян значительно сложнее. Американской семье для покупки квартиры в 70 кв. м потребуется около 3,5 годовых доходов, российской – более 12 [2, с. 1450].

Ключевым инструментом решения жилищного вопроса в обеих странах выступает ипотечное кредитование, неотъемлемой частью которого является страхование. Однако функции и механизмы этого страхования кардинально различаются.

В США ипотечное страхование (Private Mortgage Insurance – PMI) защищает банк от дефолта заемщика при первоначальном взносе менее 20%. Стоимость PMI колеблется в пределах 0,5–1,5% от суммы кредита ежегодно, что увеличивает ежемесячный платеж на 100–300 долларов. Важной особенностью является возможность отмены PMI после достижения 20-процентной доли собственного капитала в жилье. При текущих ставках по 30-летней ипотеке в 6,5% ежемесячный платеж по кредиту в 200 000 долларов составляет около 1 260 долларов, что для средней американской семьи с доходом 5 000 долл./мес. является приемлемой нагрузкой не более 25% дохода.

В России понятие ипотечного страхования трактуется иначе. Отказ от страховки жизни повышает ставку на 1–3%. Стоимость страховки (0,3-1%) ниже американской PMI, но действует весь срок кредита. Главная проблема российской ипотеки – высокие рыночные ставки, достигающие 20–22% годовых, а не стоимость страховки. Льготные программы (6%) доступны ограниченному кругу лиц. Расчеты показывают, что ежемесячный платеж по тому же кредиту в 200 000 долларов (19 млн руб.) по льготной ставке составляет около 1 200 долларов, что превышает среднемесячный доход россиянина. По рыночной ставке в 21% платеж возрастает до 3 500 долларов, делая жилье абсолютно недоступным.

Проблема бездомности в США заметнее, чем в России, с палаточными городками в крупных городах. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, климат: в США

можно выживать на улице круглый год, тогда как в России суровые зимы вынуждают искать убежище. Во-вторых, долговая природа: в США главная причина бездомности – медицинские долги, в то время как в России базовая медицина бесплатна [4]. В-третьих, кризис и социальный капитал: в США закрытие психиатрических стационаров и декриминализация наркотиков увеличили число бездомных с зависимостями и расстройствами, а благотворительность создает «эффект притяжения» [1]. В России же сильны родственные связи, тогда как в США индивидуализм часто ведет к изоляции [3, с. 112].

Таким образом, сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы. В США ипотечное страхование (PMI) облегчает покупку жилья с малым взносом, но увеличивает долг. В России его заменяет страхование жизни, не решающее проблему высоких ставок. Жилье в США, несмотря на высокую стоимость, доступнее из-за длинных кредитов и низких ставок. Российское жилье, особенно в городах, одно из самых недоступных в мире относительно доходов. Видимая бездомность в США обусловлена климатом, долгами за медицину, наркотиками и развитой уличной помощью. В России бездомность скрыта, но трагична; ее сдерживают климат и родственные связи, а не социальная политика.

Перспективы решения жилищной проблемы в России требуют снижения ипотечных ставок и роста доходов. США, в свою очередь, необходимо реформировать здравоохранение и подходы к реинтеграции людей с ментальными расстройствами для борьбы с бездомностью.

Список литературы

1. Байбакова, Д. Бездомность с научной точки зрения [Электронный ресурс] / Д. Байбакова // Ночлежка: благотворительная организация. – 2024. – URL: <https://www.miloserdie.ru/news/videokurs-bezdomnost-s-nauchnoj-tochki-zreniya-razmeshhen-v-svobodnom-dostupe/> (дата обращения: 16.03.2026).
2. Гончарова, О.А. Страхование кредитного риска в ипотечном кредитовании и факторы оценки его влияния / О.А. Гончарова // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25, № 6 (786). – С. 1442-1454. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-kreditnogo-riska-v-ipotechnom-kreditovanii-i-factory-otsenki-ego-vliyaniya> (дата обращения: 16.03.2026).
3. Helvie, C.O. Homelessness in the United States, Europe, and Russia: A Comparative Perspective / C.O. Helvie, W.R. Kunstmann. – Westport: Bergin & Garvey, 1999. – 265 p. – URL: <https://archive.org/details/homelessnessinun0000unse> (дата обращения: 16.03.2026).
4. Kim, J. Aging, housing affordability, and homelessness / J. Kim // Cities. – 2025. – Vol. 167, Article 106382. –

URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275125001234> (дата обращения: 16.03.2026).

А.В. ТРЕМБАЧЕВА

Уральский филиал Финуниверситета,
студентка 3 курса направления подготовки «Менеджмент»

Научный руководитель

С.Е. РОМАНОВА

к.э.н., доцент

Уральский филиал Финансового Университета

A.V. TREMBACHEVA

Ural branch of the Financial University,
3rd year student of the department of Management

Scientific supervisor

S.E. ROMANOVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Ural branch of the Financial University

ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ В ИНВЕСТИЦИОННОМ АНАЛИЗЕ: СИНЕРГИЯ ТОЧНОСТИ И СКОРОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

DIGITAL TWINS IN INVESTMENT ANALYSIS: SYNERGY OF ACCURACY AND SPEED OF DECISION-MAKING

Аннотация

В статье исследуется потенциал технологии цифровых двойников в инвестиционном анализе. Раскрыты понятие, типы и возможности виртуальных моделей для повышения точности прогнозов и ускорения сценарного анализа. На примерах этапов жизненного цикла проектов показаны преимущества и ограничения внедрения данной технологии.

Abstract

The article explores the potential of digital twin technology in investment analysis. The concept, types and capabilities of virtual models to improve forecast accuracy and accelerate scenario analysis are revealed. Examples from project life cycle stages illustrate the advantages and limitations of implementing this technology.

Ключевые слова: цифровой двойник, инвестиционный анализ, инвестиционный проект, моделирование, принятие решений, точность, скорость.

Key words: digital twin, investment analysis, investment project, modeling, decision-making, accuracy, speed.

Цифровая трансформация экономики требует инструментов для повышения обоснованности и оперативности управленческих решений. Инвестиционный анализ, опирающийся на статические модели и исторические данные, сталкивается с вызовами высокой неопределенности и технологических изменений. Перспективным направлением их преодоления становится технология цифровых двойников (digital twins), обеспечивающая синергию точности расчетов и скорости обработки информации [3, с. 30].

Цифровой двойник — виртуальная копия объекта, процесса или системы, синхронизированная с оригиналом и позволяющая моделировать его поведение. В инвестиционных проектах он воспроизводит не только технические параметры, но и финансово-экономические показатели, внешние риски и сценарии развития.

Различают несколько типов цифровых двойников:

- прототип (Digital Twin Prototype) – создаётся на этапе проектирования и содержит проектную документацию, расчёты, спецификации;
- экземпляр (Digital Twin Instance) – привязывается к конкретному физическому объекту и отражает его состояние в процессе эксплуатации;
- агрегированный (Digital Twin Aggregate) – объединяет данные по группе объектов или системе в целом для анализа на макроуровне [2, с. 78]

В инвестиционном анализе наибольший интерес представляют экземпляры и агрегированные двойники, так как они позволяют учитывать реальные данные о ходе реализации проекта, рыночной конъюнктуре, изменениях в законодательстве и других факторах.

Применение цифровых двойников в инвестиционном анализе даёт следующие преимущества.

Во-первых, повышение точности прогнозов. Традиционные модели часто используют усреднённые показатели и статические допущения. Цифровой двойник интегрирует потоки оперативных данных (датчики, ERP-системы, рыночные котировки) и позволяет строить более реалистичные прогнозы денежных потоков, учитывая нелинейные зависимости и корреляции. Например, для инвестиционного проекта в сфере недвижимости цифровой двойник может учитывать фактическую заполняемость помещений, динамику арендных

ставок, затраты на эксплуатацию и даже погодные условия, влияющие на энергопотребление [1, с. 251-252].

Во-вторых, ускорение сценарного анализа и стресс-тестирования. Благодаря высокой вычислительной мощности и автоматизированному сбору данных, цифровой двойник позволяет за считанные минуты просчитать десятки вариантов развития событий: изменение ключевой ставки, колебания валютных курсов, задержки поставок оборудования, форс-мажорные обстоятельства. Это даёт возможность инвестору и менеджменту оперативно выбрать оптимальную стратегию и корректировать планы [1, с. 253].

В-третьих, визуализация и наглядность. Современные платформы цифровых двойников предоставляют интерактивные панели, графики, трёхмерные модели, что облегчает восприятие сложной информации и способствует более качественному обсуждению проектов на инвестиционных комитетах.

В-четвёртых, непрерывный мониторинг и адаптация. Инвестиционный проект не заканчивается на этапе утверждения; в ходе реализации возникают отклонения, требующие корректировок. Цифровой двойник позволяет отслеживать ключевые показатели в реальном времени, выявлять ранние признаки проблем и своевременно реагировать.

Примером успешного применения цифровых двойников в инвестиционной сфере можно считать проекты крупных инфраструктурных объектов, таких как тоннели и мосты, где виртуальные модели используются на этапах планирования и эксплуатации для оценки возврата инвестиций. Компания Arcadis применила цифровой двойник для проекта по удалению поездов в Мельбурне (Австралия), интегрируя данные из сенсоров и BIM-моделей, что сэкономило 366 000 рабочих часов, AUD 5 млн на переработках и сократило выбросы CO₂ на 580 тонн. Финансовые модели в таких двойниках учитывают реальные затраты и доходы, повышая точность прогнозов. В нефтегазовой отрасли цифровые двойники месторождений, как в проекте BP с платформой APEX, оптимизировали капитальные вложения: в 2017 году дополнительная добыча составила 30 000 баррелей в день без новых вложений за счёт симуляции сценариев.

Несмотря на преимущества, внедрение цифровых двойников в инвестиционный анализ сопряжено с ограничениями, включая высокую стоимость IT-инфраструктуры и ПО. В случае Siemens для газовых турбин GE создание двойника потребовало значительных инвестиций в интеграцию данных и алгоритмы, но окупилось за счёт снижения простоев и затрат на обслуживание без остановок оборудования. Для работы нужны большие объёмы качественных данных, что проблематично на ранних стадиях; в проекте Bosch для нефтяного завода (Sulphate Reduction Plant) нехватка данных изначально замедлила запуск, но после интеграции AI производство выросло на 7,5% (+12,5% в прогнозе) без сарех. Проблемы

кибербезопасности и искажения данных при интеграции источников видны в общих кейсах, как у Tencent Cloud, где риски манипуляции данными требовали усиленной защиты, а сопротивление персонала тормозило внедрение в традиционных компаниях.

Тем не менее, развитие технологий Интернета вещей, искусственного интеллекта и облачных вычислений постепенно снижает барьеры. Можно прогнозировать, что в ближайшие годы цифровые двойники станут стандартным инструментом инвестиционного анализа, особенно для крупных и сложных проектов. Синергия точности и скорости, которую они обеспечивают, позволяет инвесторам принимать более обоснованные решения и минимизировать риски в условиях эпохи перемен.

Таким образом, использование цифровых двойников в инвестиционном анализе открывает новые возможности для повышения эффективности управления инвестиционными проектами. Сочетание непрерывного мониторинга, многовариантного моделирования и высокой достоверности прогнозов делает эту технологию важным элементом цифровой трансформации финансовой сферы. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку доступных методик внедрения цифровых двойников для среднего и малого бизнеса, а также на интеграцию с существующими корпоративными информационными системами.

Список литературы

1. Лофиченко, А. А. Киберсоциофизические системы и сети цифровых двойников: взгляд на будущие экосистемы цифровых двойников / А. А. Лофиченко // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2025. – № 2(92). – С. 250-256. – EDN SEYPTV.
2. Цзюй, Ч. Управление рисками при реализации крупных инвестиционно-строительных проектов с использованием цифровых технологий на примере строительства АЭС в Китае / Ч. Цзюй, Н. А. Солопова // Цифровизация и технологические революции: современные вызовы и возможности: Сборник статей МНПК, Тюмень, 20 июля 2025 года. – Уфа: ООО "Аэтерна", 2025. – С. 78-85. – EDN EYDDND.
3. Шелестов, П.И. анализ макроэкономических факторов и их влияние на управление инвестиционными проектами / P. Shelestov // Профессиональный Вестник: Экономика и управление. – 2024. – №. 1. – Р. 29-32. – EDN HJTEEA.

В.А. УГРЮМОВ

Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский университет),

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ

DIGITAL RUBLE: LEGAL NATURE AND IMPLEMENTATION PROSPECTS

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу цифрового рубля как новой формы национальной валюты, вводимой в правовую и финансовую систему Российской Федерации. В центре внимания автора находится дискуссионный вопрос о правовой природе цифрового рубля: исследуется противоречие между его доктринальным определением как «третьей формы денег» и законодательным закреплением в Гражданском кодексе РФ в качестве разновидности безналичных денежных средств.

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the digital ruble as a new form of national currency being introduced into the legal and financial system of the Russian Federation. The author focuses on the controversial issue of the legal nature of the digital ruble: he examines the contradiction between its doctrinal definition as a «third form of money» and its legislative enshrinement in the Civil Code of the Russian Federation as a type of non-cash money.

Ключевые слова: криптовалюта, безналичные денежные средства, цифровые финансовые активы, правовая природа цифрового рубля.

Keywords: cryptocurrency, non-cash money, digital financial assets, legal nature of the digital ruble.

Цифровизация финансовых отношений стала одним из ключевых трендов развития мировой экономики в последнее десятилетие. Россия в этом вопросе занимает активную позицию: с 2021 года Банк России разрабатывает платформу цифрового рубля, а в 2023–2025 годах была сформирована необходимая нормативно-правовая база для введения в оборот третьей формы национальной валюты [3]. Президент РФ Владимир Путин в конце июля 2025

года подписал закон о поэтапном внедрении цифрового рубля в бюджетный процесс, дополнив Бюджетный кодекс понятием «счет цифрового рубля Федерального казначейства» [4]. Несмотря на активное развитие инфраструктуры, в научном сообществе продолжается дискуссия о правовой природе цифрового рубля, его месте в системе объектов гражданских прав и отграничении от смежных категорий (криптовалюты, безналичных денежных средств и цифровых финансовых активов). Целью данной статьи является анализ правовой природы цифрового рубля и оценка перспектив его внедрения в контексте последних изменений законодательства и заявленных регулятором планов.

Дискуссия о правовой природе цифрового рубля ведется с момента анонсирования этой инициативы. Ключевой вопрос заключается в том, является ли цифровой рубль новой формой денег или лишь технологической разновидностью уже существующих безналичных средств.

Согласно официальной позиции, закреплённой в Федеральном законе № 340-ФЗ, цифровой рубль – это дополнительная форма российской национальной валюты, которая эмитируется Банком России и сочетает в себе свойства наличных и безналичных рублей [3]. Все три формы (наличные, безналичные и цифровые рубли) являются абсолютно равноценными: один наличный рубль равен одному безналичному и одному цифровому [4].

Однако в юридической литературе такая однозначность подвергается критике. Как отмечается в статье «Деньги и смежные категории публичного права», подход, выбранный отечественным законодателем, зачастую приводит к смешению понятий. Проблема заключается в том, что в российском законодательстве термины «денежные средства» и «платежные средства» необоснованно применяются как равнозначные, что подрывает принцип правовой определенности [1]. А.А. Недров в своем исследовании подчеркивает, что цифровой рубль обладает уникальной правовой природой, отличной как от наличных (вещных), так и от безналичных (обязательственных) денег [1].

Главное отличие цифрового рубля от безналичных средств заключается в субъекте обязательства. Безналичные деньги – это обязательства коммерческого банка перед клиентом. Цифровой же рубль является обязательством Центрального банка, что сближает его с наличными деньгами, но при этом существует исключительно в цифровой форме на платформе регулятора [2]. Хранятся цифровые рубли на специальных цифровых кошельках, которые открываются на платформе Банка России, а доступ к ним осуществляется через мобильные приложения коммерческих банков [2]. Таким образом, коммерческие банки выступают посредниками (агентами), но не владельцами средств клиента в цифровых рублях.

В отличие от криптовалют и цифровых финансовых активов (ЦФА), цифровой рубль является законным платежным средством, обязательным к приему на территории РФ по нарицательной стоимости. Его эмиссия – исключительная прерогатива государства в лице Центрального банка [3].

Правовой режим цифрового рубля определяет и его функциональные ограничения. Поскольку это средство платежа, а не сбережения, по общему правилу на остатки средств в цифровых кошельках проценты не начисляются, а кредиты и кешбэк в этой форме не предоставляются [2]. Однако мировая практика не стоит на месте: с 1 января 2026 года Народный банк Китая разрешил коммерческим банкам выплачивать проценты по остаткам в цифровых юанях, что трансформирует статус CBDC (Central Bank Digital Currency) в сторону «цифровой депозитной валюты» [5]. Не исключено, что в будущем аналогичные дискуссии возникнут и в России.

Процесс внедрения цифрового рубля в России является поэтапным и законодательно закрепленным. С 1 сентября 2026 года операции с цифровым рублем должны появиться у крупнейших банков и торговых компаний с выручкой более 120 млн рублей. Далее, к 1 сентября 2028 года, обязанность подключения распространится на все более мелкие торговые точки, за исключением микробизнеса с выручкой менее 5 млн рублей в год [4].

По прогнозу Национального рейтингового агентства (НРА), масштабное внедрение цифрового рубля может обеспечить экономике России до 260 млрд руб. ежегодно к 2031 году. Для банковского сектора эффект оценивается в 40-50 млрд руб. [4]. При этом в переходный период (2025–2027 гг.) банки могут нести убытки из-за оттока средств на счета цифрового рубля и давления на комиссионные доходы. По пессимистичному сценарию, потери комиссионных доходов могут составить до 95 млрд руб. [4].

Несмотря на очевидные перспективы, внедрение цифрового рубля сопряжено с рядом рисков. С точки зрения права, основным риском является нарушение прав граждан на неприкосновенность частной жизни. В обществе существует миф о «тотальной слежке» за расходами. Регулятор подчеркивает, что объем информации об операциях с цифровыми рублями не превышает тот, что установлен для безналичных расчетов, и защищен банковской тайной [2]. Тем не менее, в диссертационных исследованиях отмечается необходимость внедрения системы «управляемой анонимности» для минимизации этих угроз [5].

Технологические риски включают угрозу взлома кодов безопасности, особенно с учетом развития квантовых вычислений в будущем [4]. Также сохраняется риск оттока ликвидности из коммерческих банков, что может потребовать корректировки механизмов денежно-кредитной политики.

Цифровой рубль представляет собой уникальный правовой и финансовый институт, занимающий промежуточное положение между наличными и безналичными деньгами, но не тождественный ни тем, ни другим. Его правовая природа как обязательства Центрального банка, существующего в цифровой форме на специальной платформе, уже получила законодательное закрепление, хотя доктринальная дискуссия о его месте в системе объектов гражданских прав продолжается.

Перспективы внедрения цифрового рубля выглядят многообещающе с точки зрения повышения прозрачности бюджетных расходов, развития смарт-контрактов и снижения издержек на платежи. Однако процесс будет поэтапным и осторожным: регулятор прогнозирует постепенное завоевание доли рынка (до 5% за 7 лет) с учетом необходимости адаптации населения и бизнеса. Ключевой задачей на ближайшую перспективу является выстраивание сбалансированного правового регулирования, обеспечивающего как развитие инноваций, так и защиту конституционных прав граждан и стабильность банковской системы.

Список литературы

1. Андрюшин, С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства / С. А. Андрюшин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 54–76.
2. Василевская, Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему / Л. Ю. Василевская // Lex russica. – 2023. – Т. 76, № 1. – С. 9-19.
3. Габов, А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав / А. В. Габов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 55-65.
4. Джаохадзе, Е. Д. Факторы и последствия распространения розничных цифровых валют центральных банков: мировой опыт и выводы для цифрового рубля / Е. Д. Джаохадзе, Е. В. Синельникова-Мурылева // Journal of Applied Economic Research. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 685-713.
5. Ефимова, Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля / Л. Г. Ефимова // Цивилист. – 2022. – № 4. – URL: <https://civilistmag.ru> (дата обращения: 17.02.2026).

О.С. ФАН, С.В. ПОПОВА
Уральский филиал Финуниверситета
студенты I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель
С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финуниверситета
канд. социол. наук

O.S. FAN, S.V. POPOVA
Ural branch of the Financial University
1st year student «Economy»

Academic Supervisor
S.I. PANKIN
Ural branch of the Financial University
PhD in Sociology

**ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919–1923)**

**FINANCIAL SITUATION AND MONETARY CIRCULATION
IN THE CHELYABINSK PROVINCE (1919–1923)**

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс становления финансовой системы Челябинской губернии в 1919–1923 гг. Анализируются организационные меры по созданию губернского финансового отдела, кадровая ситуация и структура управления. Особое внимание уделяется состоянию денежного обращения в условиях Гражданской войны и гиперинфляции, когда в обороте одновременно находились денежные знаки разных политических режимов. На основе статистических данных показан рост цен и сокращение посевных площадей как следствие натурализации хозяйства. Делается вывод о влиянии финансового хаоса на хозяйственную жизнь региона и значении реорганизации финансовых органов в контексте перехода к нэпу.

Annotation

This article examines the process of establishing the financial system of the Chelyabinsk province in 1919–1923. It analyzes the organizational measures for creating the provincial finance department, the personnel situation, and the management structure. Special attention is paid to the state of monetary circulation during the Civil War and hyperinflation, when banknotes from different political regimes were simultaneously in circulation. Based on statistical data, the price increase and reduction of sown areas as a consequence of the naturalization of the economy are

shown. A conclusion is drawn about the impact of financial chaos on the economic life of the region and the importance of reorganizing financial bodies in the context of the transition to the NEP.

Ключевые слова: Челябинская губерния, Губфинотдел, денежное обращение, Гражданская война, гиперинфляция, нэп.

Keywords: Chelyabinsk province, Provincial Finance Department, monetary circulation, Civil War, hyperinflation, NEP.

После установления советской власти в Челябинске в августе 1919 года старая финансовая инфраструктура оказалась разрушенной: банки были национализированы, а квалифицированные специалисты покинули город. Создание новой системы началось с формирования губернского финансового отдела (Губфинотдела) 22 сентября 1919 года на основании постановления Революционного комитета Челябинской губернии. Возглавила отдел комиссар О.Е. Коган, которая одновременно руководила губернской конторой Народного банка и стала первым организатором финансовой системы региона [4]. Первоочередными задачами Губфинотдела стали распределение авансов на расходы отделов Губревкома, местных структур власти и подготовка смет на октябрь–ноябрь 1919 г. [3]. Некоторые расходные статьи касались безопасности и утверждались на секретных заседаниях и, так бюджет ГЧК на 1921 год трижды увеличивали и в итоге он составил более 29 млрд. рублей [8; с. 51].

Острейшей проблемой оказался кадровый голод. Как отмечалось в докладах того времени, штат состоял из нескольких организаторов и «2–3 барышень из гимназии, абсолютно не знакомых ни с какой работой, не говоря уже о финансовой» [4]. Ситуация начала исправляться лишь в январе–марте 1920 года, когда в Челябинск прибыли резвакуированные специалисты из Сибири [3]. К октябрю 1920 года штатное расписание Губфинотдела предусматривало 225 сотрудников, но фактически работало только 89 человек, что свидетельствует о сохранявшемся дефиците профессионалов [1].

В ведении Губфинотдела находилась сеть уездных финансовых отделов. Первоначально в неё входили отделы в Челябинске, Кургане, Кустанае и Троицке. По мере появления в губернии новых уездов (Миасского, Верхнеуральского, Куртамышского) соответствующие структуры создавались и там. По вертикали губернские структуры изначально подчинялись Сибревкому, а с марта 1920 года РВС Первой Армии Труда в Екатеринбурге и соответствующим наркоматам в Москве [6, с. 131–133]. В декабре 1920 г. Челябинский уездный финотдел был объединён с губернским для централизации управления [3]. К концу 1922 г. структура включала отделы в Верхнеуральске, Златоусте, Кургане и

Троицке [3; 5]. Это была типовая для того времени организация, включавшая канцелярию, налоговый и сметно-кассовый подотделы [4].

Наиболее сложная и хаотичная ситуация сложилась в сфере денежного обращения. В 1919–1922 гг. на руках у населения региона одновременно находились денежные знаки разных эпох и правительств: царские кредитные билеты («романовские»), «керенки» Временного правительства (в народе «думки» или «мотыльки» за мелкий размер), «колчаковки» правительства Колчака («сибирские», «колчаковские рубли»), совзнаки советской власти, а также различные местные разменные знаки [2, с. 53]; [5]. Усугублял ситуацию острый дефицит мелких купюр. Источники фиксируют, что ещё в январе 1919 года, при Колчаке, на Урале были выпущены советские кредитки на 5 млн. рублей рублёвого достоинства, но пятирублёвых — всего на 75 тыс. рублей. Из-за нехватки разменных купюр местные банки вынужденно принимали совзнаки наравне со старыми дензнаками, что создавало невероятную путаницу [2, с. 54].

Гиперинфляция привела к стремительному обесцениванию денег. За одиннадцать месяцев 1922 г. цены на базарах Челябинска возросли на ржаную муку в 9 раз, на молоко — в 40 раз, на яйца — в 45 раз, на мясо — в 75 раз, на дрова — в 80 раз [3]. В ноябре того же года бутылка молока стоила 500 тыс. рублей, одно куриное яйцо — 250 тыс., фунт (409,5 г) ржаной муки — 200 тыс., фунт мяса — 900 тыс., солёная селёдка — 2 млн. рублей. Из-за перебоев в снабжении держались высокие цены на керосин — 20 млн. за пуд (около 1 млн. за литр), а коробок спичек можно было купить за 100 тыс. [3]. В течение 1922 г. в республике, в том числе на Урале, была проведена деноминация: один рубль образца 1922 г. приравнивался к 10 тыс. руб. всех предыдущих выпусков. Однако мера не остановила инфляцию, и к началу 1923 г. расчёты велись уже в деноминированных рублях, но цены продолжали расти [3].

В этих условиях начала активно развиваться натурализация хозяйства. Заработную плату рабочим и служащим всё чаще выдавали не деньгами, а продуктами питания или товарами первой необходимости; в бюджетах появились «натуральные» статьи расходов. Политика продразвёрстки и запрет свободной продажи зерна привели к тому, что крестьяне сокращали посевы до уровня собственного потребления, методы продразверстки вызывали возмущение, толкали крестьян на сопротивление и обозначили перспективы надвигающегося голода [7, с. 103-105]. Посевные площади в губернии уменьшились вдвое: с 1,448 млн десятин в 1920 году до 704 тыс. десятин в 1921 году [3]. Уникальное свидетельство этого процесса содержится в докладе заведующего губернским статистическим бюро К. Клименко в губком РКП (б) о хозяйственном положении Челябинской губернии в 1921–1923 гг., где подробно описывается, как финансовый хаос делал денежные расчёты второстепенными по сравнению с натуральным продуктом [5].

Административное устройство региона также претерпело изменения. 12 ноября 1923 года Челябинская губерния была упразднена, а её территория вошла в состав вновь образованной Уральской области с делением на округа. Губфинотдел преобразовали в Челябинский окружной финансовый отдел (окрфо), подчинённый Уральскому областному финансовому отделу, что повлекло за собой сокращение штатов и полномочий [3].

Таким образом, период 1919–1923 годов стал для финансов Челябинской губернии временем организационного становления в условиях острейшего кризиса. Несмотря на кадровый голод и денежный хаос, когда в кошельках горожан перемешались «романовские», «керенки» и «колчаковки», сотрудникам Губфинотдела во главе с Ольгой Коган удалось не только наладить учёт и распределение ресурсов, но и создать структуру, ставшую основой для последующего развития. Опыт этого периода показал, что предупредить финансовый кризис гораздо легче, чем бороться с его последствиями, и заложил фундамент для денежной реформы 1922–1924 годов, которая постепенно навела порядок в обращении. Изучение финансового кризиса начала 1920-х годов позволяет лучше понять механизмы адаптации населения и государства к экстремальным экономическим условиям, что сохраняет актуальность и в наши дни. История финансов губернии – это история о том, как в разрухе учились заново считать и распределять деньги, и этот опыт важен для понимания современных реалий.

Список литературы

1. Администрация Кыштымского городского округа. Финансовой системе Челябинской области исполнилось 105 лет. – 27.09.2024. [Электронный ресурс]. – URL: adminkgo.ru (дата обращения: 01.03.2026).
2. Денисов, И.Ю. К вопросу о денежно-финансовой политике антисоветских правительств... / И.Ю. Денисов // Сибирское юридическое обозрение. – 2010. – № 2. – С. 52–58.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). История финансов / С.А. Кусков. – 22.02.2019. [Электронный ресурс]. – URL: archive74.ru (дата обращения: 01.03.2026).
4. Путеводители по российским архивам. Финансовые отделы Верхотурского и Нижнетагильского уездов. [Электронный ресурс]. – URL: guides.rusarchives.ru (дата обращения: 01.03.2026).
5. Электронная библиотека исторических документов Российского исторического общества. Из отчета завгубстатбюро К. Клименко губкому РКП(б) о хозяйственном

положении Челябинской губернии в 1921-1923 гг. [Электронный ресурс]. – URL: docs.historyrussia.org(дата обращения: 01.03.2026).

6. Панькин, С. И. Челябинская губерния, 1919-1923 гг.: абрис истории: сб. док / С. И. Панькин // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 131-134. – EDN VRTKQX.

7. Панькин, С. И. Динамика экономического положения сельского населения Южного Урала в 1920-1921 гг. (по материалам Челябинской ГубЧК) / С. И. Панькин // Социально-экономическая и финансово-кредитная политика в регионе: Тезисы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 25 апреля 2002 года. Челябинск: ВЗФЭИ (филиал в Челябинске), 2002 – С. 102-105. – EDN VUFCDX.

8. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.

Г.М. ХОХЛОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

С.А. ЧЕБОТАРЕВА

Красноярский филиал ФГОБУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
студентка I курса направления подготовки
«Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)»

Научный руководитель

К.В. РУСАКОВА

Красноярский филиал ФГОБУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
преподаватель ВКК

S.A. CHEBOTAREVA

Krasnoyarsk Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Financial University under the Government of the Russian Federation»
first-year student
in Economics and Accounting (by industry)

Academic Supervisor

K.V. RUSAKOVA

Krasnoyarsk Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Financial University under the Government of the Russian Federation»
lecturer at the VCC

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В БУХГАЛТЕРИИ: ЗАМЕНА АНАЛИТИКА ИЛИ НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ?

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ACCOUNTING: A SUBSTITUTE FOR ANALYTICS OR A NEW TOOL FOR LEARNING?

Аннотация

Статья посвящена роли искусственного интеллекта в современной бухгалтерии. Предлагается рассматривать его не только как инструмент автоматизации, но и как принципиально новое средство познания и анализа информации. Делается вывод о том, что искусственный интеллект становится не просто вспомогательным инструментом, а фактором трансформации профессии бухгалтера, позволяя специалистам сосредоточиться на аналитических и стратегических задачах.

Annotation

The article is devoted to the role of artificial intelligence in modern accounting. It is proposed to consider it not only as an automation tool, but also as a fundamentally new means of cognition and information analysis. It is concluded that artificial intelligence is becoming not just an auxiliary tool, but a factor in the transformation of the accounting profession, allowing specialists to focus on analytical and strategic tasks.

Ключевые слова: искусственный интеллект, бухгалтерия, аналитика, инструмент познания.

Key words: artificial intelligence, accounting, analytics, and knowledge tools.

Искусственный интеллект представляет собой совокупность технологий, которые дают возможность воспроизводить мыслительные процессы, характерные для человека. К таким процессам относятся способность к обучению, самостоятельному поиску решений и выполнению задач без заранее определенного порядка действий. В результате применения этих технологий достигаются результаты, которые по качеству и эффективности не уступают тем, что способен получить человек при решении аналогичных интеллектуальных задач [1].

Искусственный интеллект сегодня – часть повседневной жизни человека. Его активно внедряют в самые разные сферы жизни: от медицины и образования до финансов и промышленности. Не осталась в стороне и сфера бухгалтерского учета. Современные программы с элементами искусственного интеллекта позволяют автоматизировать рутинные операции, анализировать большие объемы данных, выявлять ошибки и даже прогнозировать

финансовые риски. Благодаря этому работа бухгалтера становится более эффективной, а вероятность ошибок снижается. Внедрение искусственного интеллекта в бухгалтерию – это не просто модный тренд, а реальный инструмент для повышения точности и скорости обработки информации.

Среди процессов в бухгалтерии, применительно к которым можно подключить решения на базе искусственного интеллекта, можно выделить несколько решений:

1. Работа с документами: распознавание, рассылка ответственным лицам, анализ и создание документов. Искусственный интеллект становится надежным помощником бухгалтеров, принимая на себя выполнение рутинных задач, автоматизируя обработку документов, выявляя ошибки и предлагая ценные аналитические выводы.

2. Проверка контрагентов. Существующие системы на основе искусственного интеллекта производят оценку репутации и надежности партнеров по бизнесу. Искусственный интеллект способен настраиваться под индивидуальные требования компании. Это делает процесс отбора контрагентов быстрым и эффективным с учетом специфики конкретного бизнеса.

3. Консультирование. Чат-боты на базе искусственного интеллекта могут консультировать по вопросам бухгалтерии, юриспруденции, маркетинга, кадров, производства. Кроме того, искусственный интеллект автоматизирует общение с работниками, а более сложные решения могут сопровождать сотрудников на всех этапах: от устройства на работу до увольнения, включая адаптацию, обучение и непосредственно трудовую деятельность [2, с. 32].

Безусловно, практическое применение технологий искусственного интеллекта дает значительные преимущества: ускорение процессов, повышение качества решений, сокращение издержек. Однако внедрение искусственного интеллекта в бухгалтерию имеет свои минусы. Прежде всего это риски, связанные с конфиденциальностью информации, являющейся коммерческой тайной. Использование технологий искусственного интеллекта увеличивает вероятность утечек данных и кибератак. Помимо этого, возникает серьезная проблема технологической зависимости вследствие необходимости приобретения или разработки сложных систем, а также использования большого количества аппаратных ресурсов. И, наконец, искусственный интеллект – это дополнительная статья расходов для бизнеса, для предпринимателей и организаций нейросети не работают бесплатно.

Искусственный интеллект – не замена, а поддержка и дополнение бухгалтера-аналитика. Машинам передаются функции по выполнению рутинных задач, за профессионалами остаются аналитические, творческие функции. Таким образом, искусственный интеллект является не заменой, а фактором трансформации бухгалтерской

профессии.

Список литературы

1. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 26.03.2026).

2. Гид по использованию искусственного интеллекта в бухгалтерии // Практическая бухгалтерия. 2025. № 9. С. 30-33.

Г.М. ХОХЛОВ

Уральский филиал Финансового университета
студент 1-го курса направления «Экономика»

Научный руководитель

Н.С. СОГРИНА

канд. экон. наук, доцент

Уральский филиал Финансового университета

G.M. KHOKHLOV

Ural branch of the Financial University

1st year student

«Economy»

Scientific supervisor

N.S. SOGRINA

Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor

Ural branch of the Financial University

ОТРАЖЕНИЕ МОДЕЛЕЙ УЧЕТА И МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ОТЧЕТНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧЕТНЫХ ПРОЦЕССОВ

REPORTING ACCOUNTING MODELS AND VALUATION METHODS FOR FINANCIAL INSTRUMENTS AMIDST THE DIGITALIZATION OF ACCOUNTING PROCESSES

Аннотация

В статье рассматриваются модели учета и методы оценки финансовых инструментов в контексте цифровой трансформации учетных процессов. Анализируются подходы к

признанию финансовых активов и обязательств по амортизированной стоимости и справедливой стоимости. Обосновывается взаимосвязь между уровнем цифровизации, качеством учетных оценок и достоверностью финансовой отчетности.

Annotation

The article examines accounting models and valuation methods of financial instruments in the context of digital transformation of accounting processes. Approaches to recognition of financial assets and liabilities at amortized cost and fair value are analyzed. The relationship between the level of digitalization, the quality of accounting estimates and the reliability of financial statements is substantiated.

Ключевые слова: финансовые инструменты, модели учета, справедливая стоимость, амортизированная стоимость, цифровизация учета, обесценение финансовых активов.

Key words: financial instruments, accounting models, fair value, amortized cost, digitalization of accounting, impairment of financial assets.

В условиях цифровой трансформации экономики вопросы выбора модели учета и методов оценки финансовых инструментов приобретают особую значимость для формирования достоверной финансовой отчетности. МСФО (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» предоставляет организациям возможность классифицировать финансовые активы на основе бизнес-модели управления и характеристик денежных потоков, что определяет дальнейший порядок их оценки – по амортизированной стоимости или справедливой стоимости. Правильный выбор модели учета напрямую влияет на величину активов, отражаемых в балансе, и на финансовые результаты деятельности организации, ее конкурентоспособность [4, с. 17].

Ключевое методологическое значение для формирования отчетности имеет разграничение двух основных моделей учета финансовых инструментов. Модель учета по амортизированной стоимости применяется к долговым финансовым активам, которые удерживаются в рамках бизнес-модели, целью которой является получение предусмотренных договором денежных потоков, и при этом денежные потоки по инструменту представляют собой исключительно выплаты основной суммы долга и процентов. Данная модель предполагает расчет амортизированной стоимости с использованием метода эффективной ставки процента, что требует корректного учета всех комиссионных вознаграждений, премий и дисконтов, возникающих при первоначальном признании. Модель учета по справедливой стоимости применяется к финансовым

инструментам, которые удерживаются для торговли, а также в случае, если организация принимает решение оценивать финансовые активы по справедливой стоимости с признанием изменений в составе прибыли или убытка, либо в составе прочего совокупного дохода [1, с. 52].

Методы оценки финансовых инструментов, используемые для определения справедливой стоимости, подразделяются на три основных подхода. Рыночный подход основан на использовании цен активных рынков для идентичных или сопоставимых финансовых инструментов. Данный подход считается наиболее надежным, однако в условиях волатильности рынка или при отсутствии ликвидных котировок его применение затруднено. Затратный подход предполагает определение стоимости как суммы затрат, необходимых для создания или замещения финансового инструмента, и находит ограниченное применение в оценке финансовых инструментов. Доходный подход базируется на дисконтировании ожидаемых денежных потоков с использованием рыночных ставок дисконтирования, учитывающих кредитный риск и другие факторы [5, с. 118].

Цифровизация учетных процессов принципиально изменяет возможности реализации указанных подходов к оценке. Автоматизированные системы позволяют осуществлять расчет эффективной ставки процента с высокой точностью, учитывая все компоненты сделки и временную стоимость денег. Для расчета обесценения финансовых активов в соответствии с моделью ожидаемых кредитных убытков, предусмотренной МСФО 9, цифровые технологии предоставляют инструментарий для построения вероятностных моделей, учета макроэкономических прогнозов и оценки значительного увеличения кредитного риска. Использование специализированного программного обеспечения для оценки справедливой стоимости финансовых инструментов позволяет автоматизировать расчеты по моделям дисконтирования денежных потоков [2, с. 89].

Применение автоматизированных систем для расчета справедливой стоимости особенно актуально для сложных финансовых инструментов, включая производные финансовые инструменты, структурированные продукты и инструменты со встроенными производными компонентами. Современные платформы для оценки используют рыночные данные в режиме реального времени, что позволяет формировать оценки, максимально приближенные к условиям рынка на отчетную дату. Кроме того, автоматизация расчета обесценения позволяет организациям обрабатывать большие объемы данных по кредитным портфелям, своевременно выявлять факторы значительного увеличения кредитного риска и формировать резервы в соответствии с требованиями стандарта [3, с. 64].

Цифровые технологии также трансформируют подходы к раскрытию информации о допущениях, использованных при оценке финансовых инструментов. Согласно требованиям

МСФО 7 «Финансовые инструменты: раскрытие информации», организации должны предоставлять пользователям отчетности детальную информацию о методах оценки, используемых моделях, значительных ненаблюдаемых параметрах и чувствительности оценки к их изменениям. Цифровизация позволяет формировать структурированную информацию о допущениях в формате XBRL (eXtensible Business Reporting Language), что обеспечивает ее машиночитаемость и возможность автоматизированного анализа. Это повышает прозрачность отчетности и позволяет пользователям более глубоко понимать влияние оценочных суждений на финансовые показатели организации [6, с. 142].

Взаимосвязь между уровнем цифровизации учетных процессов, качеством учетных оценок и достоверностью финансовой отчетности проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, автоматизация расчетов снижает влияние человеческого фактора и повышает точность применяемых оценок. Во-вторых, использование современных информационных систем позволяет обрабатывать большие объемы данных, необходимые для построения достоверных вероятностных моделей и сценарных прогнозов. В-третьих, цифровизация способствует унификации подходов к оценке в рамках организации и обеспечению сопоставимости данных за разные отчетные периоды.

Таким образом, цифровая трансформация учетных процессов создает необходимые предпосылки для совершенствования моделей учета и методов оценки финансовых инструментов. Внедрение автоматизированных систем позволяет обеспечить более точный расчет эффективной ставки процента, корректное формирование резервов под обесценение в соответствии с моделью ожидаемых кредитных убытков, а также обоснованное определение справедливой стоимости финансовых инструментов.

Список литературы

1. Аверчев, И.В. МСФО 9 «Финансовые инструменты»: практика применения и новые требования к классификации и оценке / И.В. Аверчев // Корпоративная финансовая отчетность. Международные стандарты. – 2023. – № 2. – С. 48–62.
2. Горбунова, О.А. Автоматизация оценки финансовых инструментов в условиях цифровизации учета / О.А. Горбунова, М.А. Кузнецова // Учет и статистика. – 2024. – № 1. – С. 85–94.
3. Дружиловская, Т.Ю. Проблемы оценки финансовых инструментов по справедливой стоимости в условиях нестабильности рынка / Т.Ю. Дружиловская, Э.С. Дружиловская // Международный бухгалтерский учет. – 2023. – Т. 26, № 5. – С. 59–73.
4. Копченков, А.А., Дубынина А.В., Согрина Н.С. Качественный сравнительный анализ в оценке конкурентоспособности муниципальных районов Челябинской области / А.А.

Копченков, А.В. Дубынина, Н.С. Согрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 17-31.

5. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» (введен в действие на территории Российской Федерации в редакции 2014 года Приказом Минфина России от 27.06.2016 №98н. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202060/ (дата обращения: 24.03.2026).

6. Рожнова, О.В. Трансформация раскрытий информации о финансовых инструментах в цифровой экономике / О.В. Рожнова, А.В. Лосева // Учет. Анализ. Аудит. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 138–149.

К.Д. ШАКАМАЛОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

K.D. SHAKAVALOVA

Ural branch of the Financial University
2 st year student
«State and municipal administration»

РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ РФ

THE ROLE OF THE FEDERAL TREASURY IN ENSURING THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC FINANCE MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация

В статье исследуется роль Федерального казначейства как ключевого института обеспечения эффективности управления государственными финансами РФ. На основе анализа нормативно-правовой базы и функциональных полномочий Казначейства рассматриваются ключевые направления его деятельности: казначейское сопровождение государственных контрактов, предварительный и текущий контроль, развитие информационной системы «Электронный бюджет». Обосновывается вывод, что деятельность Федерального казначейства выступает системообразующим элементом устойчивости бюджетной системы, позволяя минимизировать бюджетные риски, обеспечивать целевой характер использования средств и повышать ликвидность единого счета бюджета.

Annotation

The article examines the role of the Federal Treasury as a key institution for ensuring the effectiveness of public finance management in the Russian Federation. Based on an analysis of the regulatory framework and the functional powers of the Treasury, the author examines the key areas of its activities: treasury support for public contracts, preliminary and current control, and the development of the Electronic Budget information system. The article concludes that the Federal Treasury's activities are a crucial element in maintaining the stability of the budget system, minimizing budget risks, ensuring the targeted use of funds, and enhancing the liquidity of the unified budget account.

Ключевые слова: Федеральное казначейство, управление государственными финансами, исполнение бюджета, казначейское сопровождение, бюджетный контроль, «Электронный бюджет», эффективность государственного управления.

Keywords: Federal Treasury, management of public finances, budget execution, treasury support, budget control, Electronic Budget, and public administration efficiency.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в повышении прозрачности и результативности бюджетного процесса в условиях структурной перестройки российской экономики, санкционных ограничений и внедрения цифровых технологий в публичное управление. Федеральное казначейство как институт, обеспечивающее кассовое обслуживание бюджетов всех уровней и осуществляющее предварительный контроль за операциями со средствами бюджета, играет ключевую роль в достижении целей государственной финансовой политики. В этих условиях анализ его функциональных полномочий и оценка их влияния на эффективность управления государственными ресурсами приобретают особое научное и практическое значение.

Нормативную основу исследования составляют Бюджетный кодекс РФ [1], Федеральные законы о федеральном бюджете на текущий год и плановый период [4], а также нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность Федерального казначейства, включая Положение о Федеральном казначействе, утвержденное постановлением Правительства РФ, и приказы Министерства финансов РФ, направленные на развитие системы «Электронный бюджет» и совершенствование казначейского сопровождения государственных контрактов.

Анализ реализации полномочий Федерального казначейства в современных условиях показывает глубокую трансформацию его функций от простого учета операций к полноценному контрольно-аналитическому сопровождению бюджетных средств. Ключевым направлением деятельности стало казначейское сопровождение государственных контрактов, которое с 2022 года распространено на контракты, заключаемые в рамках реализации национальных проектов, государственного оборонного заказа и иных значимых расходных обязательств [3]. Это позволило обеспечить прослеживаемость движения средств до конечного исполнителя и минимизировать риски нецелевого использования. Одновременно происходило развитие информационной системы «Электронный бюджет», объединившей процессы планирования, исполнения бюджета и контроля в единой цифровой среде. Внедрение инструментов автоматизированного контроля позволило сократить сроки прохождения платежей, повысить достоверность бюджетной отчетности и сформировать условия для перехода к риск-ориентированному подходу в контрольной деятельности [5].

Важнейшим механизмом повышения эффективности управления государственными финансами стало функционирование единого казначейского счета, централизация операций на котором обеспечила управление ликвидностью бюджетной системы, сокращение остатков средств и снижение потребности в заимствованиях [1]. Кроме того, расширение полномочий Казначейства в сфере контроля за операциями со средствами бюджетов государственных внебюджетных фондов и юридических лиц, получающих бюджетные инвестиции, способствовало унификации подходов к контролю и снижению административной нагрузки на участников бюджетного процесса.

Выделенный анализ позволяет систематизировать ключевые проблемы, снижающие эффективность управления государственными финансами в рамках реализации казначейских функций. Первая проблема - недостаточная интеграция информационных систем контроля и планирования, приводящая к дублированию операций и сохранению ручного труда при мониторинге целевого использования средств в ряде секторов (особенно при казначейском сопровождении сложных контрактов с длительным циклом исполнения). Вторая проблема - высокая зависимость эффективности контрольной деятельности от качества нормативного регулирования: несвоевременное внесение изменений в правила казначейского сопровождения снижает оперативность адаптации к изменяющимся условиям реализации государственных программ. Третья проблема - ограниченность инструментов аналитической поддержки принятия решений: несмотря на развитие «Электронного бюджета», потенциал анализа больших данных для прогнозирования бюджетных рисков и выявления схем нецелевого использования средств используется не в полной мере.

В качестве мер по совершенствованию деятельности Федерального казначейства в целях повышения эффективности управления государственными финансами предлагается реализация комплекса взаимосвязанных мероприятий. Во-первых, необходимо дальнейшее развитие аналитической составляющей системы «Электронный бюджет», включая внедрение инструментов искусственного интеллекта для автоматического выявления аномалий в операциях и прогнозирования кассовых разрывов [5]. Во-вторых, требуется расширение риск-ориентированного подхода в контрольной деятельности, что позволит перераспределить ресурсы контрольных органов на проверки операций с высоким уровнем риска, сохранив при этом скорость прохождения низкорисковых платежей. В-третьих, важнейшей мерой является углубление интеграции информационных систем Федерального казначейства с системами главных распорядителей бюджетных средств и органов финансового контроля, что обеспечит сквозной мониторинг жизненного цикла каждого государственного контракта. Также целесообразно законодательное закрепление механизмов автоматического блокирования операций при выявлении признаков нецелевого использования средств на ранних этапах (на стадии планирования и подтверждения платежей), что позволит перейти от последующего контроля к превентивному управлению бюджетными рисками.

Таким образом, роль Федерального казначейства в обеспечении эффективности управления государственными финансами РФ заключается в создании институциональных и технологических условий для прозрачности, контролируемости и результативности бюджетного процесса. Переход от учетно-контрольной модели к модели аналитического сопровождения и риск-ориентированного надзора, реализуемый через развитие системы «Электронный бюджет» и механизмов казначейского сопровождения, позволяет минимизировать бюджетные риски, повысить ликвидность единого счета бюджета и обеспечить целевой характер использования государственных ресурсов в условиях структурной трансформации экономики.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 24.12.2024);
2. О Федеральном казначействе: Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 (ред. от 24.12.2024);
3. Об организации и ведении казначейского сопровождения: Приказ Минфина России от 10.12.2021 № 215н (ред. от 25.11.2024);

4. Федеральный закон от 01.12.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов»;

5. Стратегия цифровой трансформации Федерального казначейства на 2021–2024 годы (одобрена Коллегией Федерального казначейства 28.06.2021).

А.Д. ШИЛОВА

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал, 2 курс,
Направление подготовки «Государственное и муниципальное управление»

A.D. SHILOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Chelyabinsk branch, 2 course,
the preparation direction «State and municipal administration»

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В НАЛОГОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ НА ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

IMPACT OF CHANGES IN THE RUSSIAN FEDERATION'S TAX LEGISLATION ON THE FINANCIAL SUPPORT OF SOCIAL PROGRAMS

Аннотация

В статье анализируется влияние ключевых изменений в налоговом законодательстве РФ вступивших в силу в 2026 году на финансовое обеспечение социальных программ. В работе выявляются прямые и косвенные эффекты реформы: увеличение доходной части федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов, которое направляется на индексацию пенсий и пособий, поддержку семей с детьми, финансирование здравоохранения и иные социальные обязательства.

Abstract

The article analyzes the impact of key changes in the Russian Federation's tax legislation that came into force in 2026 on the financial support for social programs. The paper identifies the direct and indirect effects of the reform, including the increase in revenues for the federal budget and state extra-budgetary funds, which are used for the indexation of pensions and benefits, support for families with children, healthcare funding, and other social obligations.

Ключевые слова: налоговая реформа, социальные программы, внебюджетные

фонды.

Keywords: tax reform, social programs, and extra-budgetary funds.

Актуальность темы обусловлена тем, что вступившие в силу с 2026 года масштабные изменения налогового законодательства РФ напрямую формируют доходную часть бюджета, от которой зависит финансирование всех социальных обязательств государства. В условиях экономической нестабильности именно налоговые поступления становятся ключевым источником для выполнения социальных обязательств государства перед населением. Перераспределение возросшей фискальной нагрузки на поддержку семей с детьми и индексацию выплат демонстрирует прямую зависимость социальной стабильности от изменений в налоговом законодательстве.

Изменения в налоговом законодательстве России, вступившие в силу в 2026 году, представляют собой один из ключевых инструментов для наполнения бюджета с целью выполнения социальных обязательств. Основным направлением реформы является увеличение налоговой нагрузки на бизнес и перераспределение этих средств на поддержку семей с детьми, в том числе семей участников СВО, здравоохранение, пенсионное обеспечение и другие социальные программы.

Ключевые изменения в налоговом законодательстве Российской Федерации на 2026 год представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Ключевые изменения в налоговом законодательстве РФ на 2026

Объект изменений	Суть изменения	Ожидаемый эффект для бюджета
1	2	3
Налог на добавленную стоимость (НДС)	Повышение стандартной ставки с 20% до 22% при сохранении льготной ставки 10% на социально значимые товары (продукты, лекарства, товары для детей) .	Дополнительные доходы для финансирования обороны, безопасности и социальных обязательств
1	2	3
Снижение порога для УНС	Снижение порога доходов для УСН Порог доходов, при превышении которого налогоплательщики на УСН обязаны уплачивать НДС, снижается поэтапно: до 20 млн руб. в 2026 году, до	Расширение базы плательщиков НДС и борьба с дроблением бизнеса

	15 млн руб. в 2027 году и до 10 млн руб. с 2028 года	
Налог на игорный бизнес	Новая глава НК РФ (25.5). Налог на игорный бизнес отнесен к федеральным. Для букмекеров: налог 7% от разницы между принятыми ставками и выплаченными выигрышами.	Легализация отрасли и дополнительные поступления (оценка — около 100 млрд руб. в 2026 г.) .
Страховые взносы	Отменяются пониженные тарифы страховых взносов для большинства МСП. Единые тарифы устанавливаются для сфер торговли, строительства, добычи полезных ископаемых и других (30% до предельной базы и 15% свыше). Пониженные тарифы сохраняются для приоритетных отраслей, таких как обрабатывающее производство, транспорт, электроника и др.	Обеспечение стабильности финансирования Фонда пенсионного и социального страхования.
Расширение федерального инвестиционного налогового вычета (ФИНВ)	Льгота будет предоставлена любому лицу, входящему в группу с налогоплательщиком, осуществившим капитальные вложения, вне зависимости от отрасли.	Мера стимулирует инвестиции, модернизацию производства и экономический рост, что может увеличить базу налогообложения

Налоговая реформа 2026 года представляет собой комплекс мер фискальной политики, направленных на увеличение доходной части бюджетной системы Российской Федерации для обеспечения безусловного выполнения социальных обязательств государства. Анализ влияния ключевых изменений, систематизированных в представленной таблице, позволяет выявить как прямой, так и косвенный эффекты каждого из них на финансовое обеспечение социальной сферы.

Повышение ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 20% до 22% при сохранении пониженной ставки 10% на социально значимые товары является основным источником дополнительных поступлений федерального бюджета. Данная мера обеспечивает формирование финансовой базы для исполнения расходных обязательств государства в части обороны и безопасности, а также для финансирования социальных

программ. Прогнозируемый объем дополнительных доходов направляется, на индексацию пенсий и социальных пособий, реализацию национальных проектов в сферах демографии, здравоохранения и поддержки семей с детьми. Сохранение льготной ставки НДС на продукты питания, лекарства и товары для детей выполняет функцию адресной защиты малообеспеченных категорий граждан от инфляционного давления, возникающего вследствие повышения налоговой нагрузки.

Поэтапное снижение порога доходов для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения (УСН), обязывающее их уплачивать НДС при оборотах свыше 20 млн руб. в 2026 г., направлено на расширение круга плательщиков НДС и противодействие схемам дробления бизнеса. Прямым следствием является увеличение налоговых поступлений в федеральный бюджет, которые аккумулируются и перераспределяются на социальные нужды.

Отмена пониженных тарифов страховых взносов для большинства субъектов малого и среднего предпринимательства и установление единых тарифов оказывает прямое влияние на финансовое обеспечение Социального фонда Российской Федерации. Увеличение поступлений страховых взносов обеспечивает стабильность пенсионной системы, гарантирует выплату страховых пенсий, а также финансирование пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, уходу за ребенком и выплат пострадавшим на производстве. Это ключевое изменение укрепляет доходную базу внебюджетных фондов, снижая их зависимость от трансфертов из федерального бюджета.

Расширение федерального инвестиционного налогового вычета (ФИНВ), предоставляемого любому лицу, входящему в группу с налогоплательщиком, осуществившим капитальные вложения, вне зависимости от отраслевой принадлежности, оказывает преимущественно косвенное долгосрочное влияние на финансирование социальных программ. Стимулирование инвестиционной активности, модернизации производства и экономического роста создает условия для расширения налоговой базы в будущем. Рост экономики и занятости ведет к увеличению поступлений налога на доходы физических лиц, являющегося основным источником формирования региональных бюджетов, за счет которых финансируются образование, здравоохранение и социальная политика на местном уровне. Таким образом, расширение ФИНВ представляет собой инструмент обеспечения долгосрочной устойчивости доходной базы социальных расходов.

Таким образом, налоговая реформа 2026 года представляет собой системную меру фискальной политики, направленную на перераспределение налоговой нагрузки в пользу финансирования социальных обязательств государства. Увеличение поступлений от НДС, налога на игорный бизнес и страховых взносов обеспечивает дополнительное наполнение

федерального бюджета и Социального фонда, что позволяет гарантировать индексацию пенсий, поддержку семей с детьми и устойчивое финансирование здравоохранения. Одновременно с этим расширение инвестиционного налогового вычета создает условия для долгосрочного экономического роста, формируя базу для устойчивого развития социальной сферы в будущем.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.11.2025 N 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации». // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520020/
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/b46a71376f17a354eee6dc0cf2baf46451e02496/
3. Федеральный закон от 28.11.2025 N 434-ФЗ «О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520035/
4. Министерство финансов РФ. Налоговая политика. // [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/tax_relations/

Н.В. ШЛЫКОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет
студент II курса направления подготовки
38.04.08 «Финансы и кредит»
Профиль «Исламские финансы»

N.V. SHLYKOVA

Kazan Federal University
Second-year student majoring in Finance and Credit (Islamic Finance)

МУРАБАХА КАК ИНСТРУМЕНТ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА: ОСОБЕННОСТИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

MURABAHА AS AN INSTRUMENT OF ISLAMIC BANKING: FEATURES AND PRACTICE OF USE IN RUSSIA

Аннотация

Статья посвящена мурабахе как форме исламского банкинга, основанной на перепродаже товара с раскрытием себестоимости и заранее согласованной наценкой. Рассматриваются ее договорная схема, особенности применения и причины широкого

распространения в исламской финансовой практике. Представлены российский опыт использования мурабахи и перспективы развития этого инструмента.

Annotation

The article is devoted to murabaha as a form of Islamic banking based on the resale of goods with disclosure of cost and a pre-agreed markup. It examines its contractual structure, the specifics of its application, and the reasons for its widespread use in Islamic financial practice. The article also presents the Russian experience of using murabaha and the prospects for the further development of this instrument.

Ключевые слова: мурабаха, исламский банкинг, партнерское финансирование, правовое регулирование, финансовые инструменты

Keywords: murabaha, Islamic banking, partnership finance, legal regulation, financial instruments

Мурабаха представляет собой особый вид торговой сделки, при которой продавец раскрывает покупателю себестоимость товара или понесенные при его приобретении издержки и реализует этот товар с заранее установленной наценкой. Сам термин восходит к арабскому корню «р-б-х», который передает значения прибыли, выгодного обмена и дохода, поэтому его смысл прямо связан с заранее объявленной коммерческой выгодой [1, с. 61; 3, с. 91].

Мурабаха сформировалась в хозяйственной системе, в которой допустимый доход должен быть отделен от ссудного процента. Запрет рибха направил развитие финансовой практики к формам, связанным с обращением реальных товаров [1, с. 61]. Истоки мурабахи соотносятся с ранней исламской торговлей, в которой применялись прозрачная перепродажа, фиксированная прибыль и отсрочка платежа. Новый этап научного интереса к мурабахе усилился в 1970-е годы, когда политическая самостоятельность многих мусульманских стран стимулировала развитие теории исламского банкинга [3, с. 89].

В системе исламского банкинга мурабаха занимает устойчивое место, поскольку ее договорная модель понятнее для банка и клиента, чем модели долевого участия, в частности, мудароба и мушарака. Исследователи относят ее к числу наиболее часто применяемых банковских услуг в мусульманских странах, а некоторые авторы рассматривают ее как наиболее простой механизм наращивания банковских активов [3, с. 93]. Востребованность мурабахи поддерживается и тем, что банк контролирует приобретение актива, принимает на

себя риск владения на стадии сделки и получает заранее определенную торговую прибыль без выхода за пределы запрета риба [1, с. 62].

Договорная схема мурабахи начинается с обращения клиента, который определяет конкретный актив и его характеристики. Затем банк приобретает этот актив у поставщика за собственные средства, приобретает право собственности и ответственность за соответствие товара заявленным условиям. После этого с клиентом заключается отдельный договор перепродажи. Согласованная цена включает подтвержденную стоимость приобретения и раскрытую наценку, в которую могут входить транспортные и сопутствующие операционные издержки при условии их точного определения заранее. Действительность сделки зависит от письменного обязательства клиента выкупить товар, фактической передачи либо реального перемещения объекта, а также от точной фиксации цены, наценки и графика платежей [2, с. 54-55; 1, с. 62].

Банковский кредит представляет собой предоставление денежных средств для покупки актива, после чего покупатель рассчитывается уже с банком и выводит продавца из дальнейшего исполнения обязательства. Рассрочка в обычной торговой практике означает продажу вещи с оплатой по частям. Мурабаха строится по другой договорной последовательности. Банк входит в сделку как реальный покупатель и временный собственник товара, несет связанные с этим риски владения и хранения. Он получает доход в форме фиксированной торговой наценки, размер которой сохраняется неизменным в течение всего периода выплат. Прямая купля-продажа между клиентом и первоначальным поставщиком в мурабахе исключается, поскольку она переводит операцию в формат денежного займа с добавочным возвратом [2, с. 52-55; 1, с. 63].

Применение мурабахи в России определяется необходимостью согласовать шариатские требования к договорной модели с действующими банковскими, гражданскими и надзорными нормами. Юридические исследования показывают, что инструменты партнерского финансирования могут встраиваться в российскую систему только в той мере, в которой они совместимы с национальным правом, так как часть теологических предписаний не совпадает в полном объеме с действующей правовой моделью [4, с. 134-135].

В российской дискуссии обсуждались применение действующих правовых норм, адресные изменения банковского, налогового и гражданского законодательства, а также разработка специальных стандартов, типовых договоров и методических рекомендаций для финансовых организаций [4, с. 135, 139]. Практическое развитие мурабахи произошло в 2023 году, когда в Чечне, Дагестане, Башкортостане и Татарстане начал действовать специальный экспериментальный режим партнерского финансирования, связанный с реестровым учетом участников под контролем Банка России [5, с. 79].

Мурабаха в России уже выходит за пределы единичных пилотных сделок и постепенно оформляется как самостоятельное направление продуктового предложения. Региональные финансовые организации используют ее для рассрочного финансирования автомобилей, специальной техники и приобретений малого бизнеса. Крупные банковские группы встроили этот инструмент в корпоративный факторинг, финансирование активов и сопутствующие продукты. Например, «Сбер» применяет мурабаху для сделок с товарами и сырьем на условиях отсроченного платежа. «АК Барс Банк» использует ту же модель при приобретении бизнесом запасов, оборудования, транспорта и недвижимости на заранее согласованных условиях [1, с. 63; 2, с. 56-57].

В России расширение мурабахи связано с развитием эксперимента по партнерскому финансированию и ростом числа его участников. К середине марта 2025 года в реестре находилось 30 организаций, а годовой объем сделок достиг 3,6 млрд рублей, что указывает на высокий спрос на сделки по продаже товаров и недвижимости с наценкой и отсрочкой платежа по принципам мурабахи [6, с. 68]. Перспективы дальнейшего роста определяются диверсификацией внутреннего финансового сектора, появлением новых продуктов, расширением рыночного предложения и привлечением средств той части клиентов, которая по религиозным причинам избегает обычных банковских каналов [5, с. 81-82; 1, с. 64].

Таким образом, мурабаха сохраняет значимость в исламском банкинге благодаря понятной торговой модели, прозрачному ценообразованию и соответствию запрету рибха. Ее развитие в России зависит от правового согласования партнерского финансирования и поддерживается растущим спросом на такие продукты.

Список литературы

1. Бисултанова, А.А. Мурабаха. Этичная альтернатива традиционным кредитам / А.А. Бисултанова // Экономика и бизнес. Теория и практика. – 2024. – № 12-2 (118). – С. 61–64.
2. Куджаев, В.А. Мурабаха. Сущность, особенности и применение в современной экономике / В.А. Куджаев, С.И. Сиражудинова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 6 (176). – С. 49–59.
3. Нуриев, Б.Д. Мурабаха как инструмент исламского банкинга / Б.Д. Нуриев, В.В. Галиуллина // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия. Экономика. – 2016. – № 1 (15). – С. 89–94.
4. Правовые особенности этического (исламского) банкинга (на примере договора мурабаха) / М.Э. Хаззар, И.Е. Михеева, Д.Г. Алексеева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 39. – С. 134–145.

5. Сабитова, Д.Р. Исламский банкинг в России: вызовы и перспективы / Д.Р. Сабитова // Экономическая теория: встреча с реальностью. – 2024. – С. 71–83.
6. Стародубцева, Е.Б. Развитие мировых исламских финансов на современном этапе / Е.Б. Стародубцева, Л.И. Фадеева // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – Т. 4. – № 2. – С. 60–69.

Раздел II. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕСА И УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

К.В. АБЕРЛЕ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Н.В. УГРЮМОВА

канд. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

K.V. ABERLE

Ural branch of the Financial University
2d year student
«Management»

Scientific supervisor

N.V. UGRYUMOVA

Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

СИСТЕМА КРІ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ КОМПАНИИ

KPI SYSTEM AS A TOOL FOR MANAGING COMPANY EFFICIENCY

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические аспекты системы ключевых показателей эффективности и ее связь с концепцией ССП, а также процесс разработки системы на примере организации цифровой техники.

Annotation

The article discusses the theoretical aspects of the key performance indicator system and its relationship to the balanced scorecard concept, as well as the process of developing the system using the example of an agricultural organization.

Ключевые слова: КРІ, ключевые показатели эффективности, стратегия компании, мотивация персонала, сбалансированная система показателей.

Key words: KPI, key performance indicators, company strategy, staff motivation, and balanced scorecard.

Система ключевых показателей эффективности (KPI) с момента своего возникновения в 1990-х гг. стала важнейшим инструментом финансового контроллинга как за рубежом, так и в России. В её основе лежат концепции управления по целям (МВО) П. Друкера, всеобщего менеджмента качества (TQM), а также более поздние разработки К. Робертса, П. Адамса и Р. Хьюберта. В таблице 1 представлены подходы различных авторов к определению сущности KPI.

Таблица 1

Автор	Сущностная характеристика KPI
Нортон Д., Капан Р.	Мера, составляющая механизма последовательного доведения до персонала стратегических целей компании и контроль за их достижением.
Хьюберт К.	Меры результатов, связанные с ключевыми факторами успеха и стратегическими корпоративными целями, которые используются для анализа и оценки функционирования конкретного бизнес-процесса.
Фэррис П.	Система оценки, которая измеряет в количественных показателях динамику или характеристику.
Парментер Д.	Характеристика или параметр, с помощью которого измеряется достижение цели.
Ветлужских Е.Н.	Система оценки эффективности достижения стратегических целей компании и инструмент контроля правильности реализации стратегии.
Клочков А.К.	Не просто показатели, а система, которая используется для достижения главных целей бизнеса: привлечение и удержания клиентов, рост компетенций работников, увеличение доходов и снижение затрат.

Следовательно, KPI представляет собой оценочную методологию, нацеленную на формирование измерителей, способствующих достижению запланированных результатов. Руководство использует их для оценки работы персонала и мониторинга выполнения стратегических задач. Процесс формирования и интеграции системы KPI включает несколько последовательных шагов: формулировку стратегических целей, определение

критически важных факторов успеха, подбор показателей, установление плановых значений, внедрение и последующий контроль.

При построении системы важно разделять показатели на запаздывающие (отражают уже достигнутые результаты: рыночную долю, объем выручки) и опережающие (характеризуют текущие процессы и позволяют прогнозировать будущие результаты, например, время взаимодействия с клиентами, производительность труда). Опережающие индикаторы дают возможность своевременно корректировать действия, однако их измерение сопряжено с большей сложностью [1].

Рассмотрим применение подхода на примере российской компании «Электроника-Ритейл», которая придерживается стратегии территориального расширения и усиления присутствия на рынке цифровой техники. В рамках данной стратегии было принято решение об открытии сети новых торговых точек в формате «у дома» и в крупных торговых центрах, а также о развитии омниканальной модели взаимодействия с покупателями.

Задача директора по развитию (руководителя проекта) — обеспечить открытие магазина в установленные сроки, соблюдая лимиты капитальных затрат (CAPEX) и нормативные требования. Основной функционал заключается в подготовке объекта к эксплуатации: готовность торгового зала, складских и служебных помещений, инженерных коммуникаций, кассового и IT-оборудования, а также наружной вывески.

Операционная деятельность нацелена на повышение рентабельности за счет стабильного функционирования каждой торговой точки, контроля операционных расходов, стандартизации процессов продаж и сервиса, а также увеличения лояльности клиентов.

Задача директора по рознице (операционного директора) — запуск магазина, демонстрирующего высокую выручку на квадратный метр, сдержанные расходы на персонал и логистику, безаварийную работу оборудования и качественный сервис. На этапе открытия его ключевая роль — участие в формировании технического задания по оснащению (планировочные решения, зонирование, размещение кассовых узлов, зоны выдачи интернет-заказов) с целью обеспечения эргономичности и минимизации эксплуатационных издержек на горизонте 3–5 лет.

Система мотивации директора по рознице предусматривает процент от плановой экономии операционных затрат в первый год функционирования магазина (5–10 % от фактически сэкономленных средств относительно утвержденного бюджета OPEX) при условии выполнения целевых KPI по выручке и качеству обслуживания. Для получения бонуса он обязан на этапе подготовки технического задания детально прописать:

- стандарты мерчандайзинга и навигации;

- требования к оснащению (POS-терминалы, информационные киоски, системы видеонаблюдения);
- параметры энергоэффективности;
- схему взаимодействия с интернет-магазином.

Такой подход позволяет унифицировать формат магазинов, сократить сроки открытия и снизить объем инвестиций за счет применения типовых решений.

Все KPI, используемые на этапе эксплуатации, согласованы с ключевыми стратегическими приоритетами компании:

- прибыльность бизнеса — через EBITDA, оборачиваемость товарных запасов, управление расходами на персонал и логистику;
- рыночная доля — через выполнение плана по выручке и открытию новых точек в рамках географического расширения;
- рыночная стоимость группы — через достижение плановой рентабельности инвестиций, стандартизацию форматов и устойчивый рост клиентской лояльности [2].

После ввода магазина в эксплуатацию индивидуальные KPI детализируются до уровня управляющих, старших продавцов и кассиров с сохранением привязки к стратегическим ориентирам.

Одной из наиболее распространенных методик, в основе которой лежит использование KPI, выступает сбалансированная система показателей (BSC), разработанная Р. Капланом и Д. Нортоном. BSC позволяет последовательно реализовывать стратегические цели, преобразуя их в задачи операционного уровня и обеспечивая контроль над выполнением стратегии с помощью ключевых измерителей эффективности.

Система KPI является одним из наиболее действенных инструментов высшего руководства, позволяющим инициировать изменения в организации и задавать вектор ее развития. В западных компаниях она применяется более сорока лет, в российской практике — свыше двадцати. Вместе с тем некорректное использование KPI способно привести к дезорганизации. Успех внедрения напрямую зависит от качественной декомпозиции стратегических целей, сбалансированного сочетания опережающих и запаздывающих показателей, а также от прозрачной системы мотивации, связывающей вознаграждение с выполнением утвержденных KPI [3].

Список литературы:

1. Бувин Н. Н. Ключевые показатели эффективности: как разработать и внедрить // Финансовый директор. 2016. Вып. 5. С. 123–135.

2. Ветлужских Е. Н. Система вознаграждения. Как разработать цели и КРІ. – 6-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 224 с.

3. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – 3-е изд. – М. : Олимп-бизнес, 2017. – 320 с.

П.В. АЛДОХИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

А.Г. УТЕМИШЕВ

Старший преподаватель
Уральский филиал Финуниверситета

Научный руководитель

С.А. БОГАТЕНКОВ

канд.тех.наук., доцент
Уральский филиал Финуниверситета

P.V. ALDOKHINA

Ural branch of Finuniversity
2nd year student of the direction
«State and municipal management»

Co-author

A.G. UTEMISHEV

Senior Lecturer
Ural branch of Finuniversity

Scientific supervisor

S.A. BOGATENKOV

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
Ural branch of Finuniversity

**РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
ТЕНДЕНЦИИ, СТРУКТУРА, ТРЕБОВАНИЯ К СПЕЦИАЛИСТАМ**

**THE LABOR MARKET IN THE DIGITAL ECONOMY:
TRENDS, STRUCTURE, AND REQUIREMENTS FOR SPECIALISTS**

Аннотация

Переход к цифровой экономике влияет на структуру рынка труда, его функциональные особенности и организацию трудовых отношений. Потребности в персонале и требования к специалистам зависят от процесса автоматизации трудовой деятельности. В статье раскрыты тенденции рынка труда, его структура и требования к специалистам в условиях цифровой экономики. Представленный материал является актуальным для формирования компетенций будущим претендентам на работу, а также работодателям и менеджерам по персоналу для работы с персоналом предприятий и организаций и для формирования вакансий для приема на работу новых сотрудников.

Annotation

The transition to a digital economy affects the structure of the labor market, its functional features, and the organization of labor relations. The needs for personnel and the requirements for specialists depend on the process of automation of labor activities. The article explores the trends in the labor market, its structure, and the requirements for specialists in the digital economy. This material is relevant for developing the competencies of future job applicants, as well as for employers and HR managers to work with the staff of enterprises and organizations and to create job vacancies for hiring new employees.

Ключевые слова: автоматизация трудовой деятельности, изменения рынка труда, требования к специалистам, работа с персоналом, формирование вакансий для приема на работу.

Keywords: automation of labor activities, changes in the labor market, requirements for specialists, staff management, and job creation

Перспективной стратегией многих государств является цифровая трансформация экономики, представляющая собой процесс изменения моделей производства, потребления, обмена и распределения благ и услуг с помощью цифровых инструментов, и платформ. Стратегия Российской Федерации (РФ) раскрыта в национальной программе «Цифровая экономика РФ» [1].

Структура рынка труда, трудовые отношения, организация рабочих мест и потребности в конкретных профессиональных навыках и компетенциях зависят от процесса автоматизации трудовой деятельности [2].

Представленный в статье материал является актуальным для формирования компетенций будущим претендентам на работу, а также работодателям и менеджерам по персоналу для работы с персоналом предприятий и организаций и для формирования

вакансий для приема на работу новых сотрудников.

Тенденции рынка труда

В настоящее время наблюдается ряд тенденций рынка труда, связанных с поляризацией и развитием гибких форм занятости, развитием удаленной работы и глобализацией рынка труда [2, 3].

Во-первых, с одной стороны, автоматизация профессиональной деятельности приводит к сокращению доли среднеоплачиваемых профессий, связанных с рутинными операциями, с другой стороны, наблюдается увеличение спроса на высококвалифицированных специалистов и работников низкооплачиваемых секторов.

Во-вторых, работники могут самостоятельно выбирать проекты и условия труда, а работодатели — привлекать специалистов для выполнения конкретных задач в результате развития фриланса, краудсорсинга и платформенной занятости.

В-третьих, технологии удаленной работы позволяют сотрудникам работать из любой точки мира, что обеспечивает гибкость и независимость, а также расширяет географию найма.

В-четвертых, с одной стороны, развитие дистанционных форм занятости приводит к повышению международной мобильности трудовых ресурсов, с другой стороны, — к росту роли транснациональных компаний, привлекающих трудовые ресурсы в разных городах и странах мира.

Структура рынка труда

В настоящее время наблюдается ряд изменений в структуре рынка труда, связанных с созданием новых профессий, трансформацией понятия профессии и трудностями в долгосрочном планировании профессионального пути [4].

Во-первых, появляются специалисты по анализу данных, разработчики приложений, специалисты по искусственному интеллекту, кибербезопасности, интернет-маркетингу, электронной коммерции и другие.

Во-вторых, технологические и организационные изменения влияют на набор компетенций, которыми должен обладать работник, получивший подготовку по определённой профессии или специальности.

В-третьих, гарантия востребованности на рынке труда конкретной специальности не означает долгосрочную занятость, [4].

Требования к специалистам

В настоящее время наблюдается ряд изменений в требованиях к специалистам, связанных цифровыми компетенциями, гибкостью и адаптивностью персонала, повышением спроса на междисциплинарные профессии, с необходимостью постоянной

переквалификации и адаптации работников [5].

Во-первых, Программисты, специалисты, работающие с искусственным интеллектом, большими данными, а также с виртуальной и дополненной реальностью в настоящее время являются особенно востребованными.

Во-вторых, работнику нужно быть постоянно на связи и уметь быстро обучаться в смежных отраслях.

В-третьих, повышается спрос на междисциплинарные профессии — например, технический юрист или программный инженер, так как в условиях цифровизации многие отрасли взаимосвязаны.

В-четвертых, происходит быстрое устаревание навыков, что требует постоянной переквалификации.

Таким образом, раскрыты требования к специалистам, тенденции рынка труда и изменение его структуры в условиях цифровой трансформации экономики. Представленный материал рекомендуется для формирования компетенций будущим претендентам на работу, а также работодателям и менеджерам по персоналу для работы с персоналом предприятий и организаций и для формирования вакансий для приема на работу новых сотрудников.

Список литературы

1. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху. – URL: <https://czn-region.ru/blog/transformation>
2. Рынок труда цифровой экономики: современные тенденции и перспективы развития / В. Д. Рожков, А. Ю. Анисимов, П. Н. Машегов, С. Н. Селиверстов // Экономика труда. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 27-42. – DOI 10.18334/et.13.1.124485. – EDN OCZHFT.
3. Полякова М.В. Влияние цифровой трансформации на рынок труда в Российской Федерации // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. С. 266–279. DOI:10.54861/27131211_2025_5_266.
4. Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: Взаимовлияние, особенности и тенденции развития – URL: <https://vniitruda.ru/blog/cifrova-ekonomika-i-rynok-truda-cifrovye-tehnologii-i-trudovye-otnosheniya-vzaimovlianiye-osobennosti-i-tendencii-razvitiya>
5. РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКА В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82472/1/978-80-88327-04-2_016.pdf

М.К. АНАНЬЕВ

Смоленский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации, студент II
курса направления подготовки
«Экономика»

Научный
руководитель

И.С. БЕРЕЗНЯК

Смоленский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации канд.
физ-матем наук, доцент

M.K. ANANEV

Smolensk branch of the Financial
University under the Government of the
Russian Federation, second-year student
majoring in Economics
Academic Supervisor

I.S. BEREZNYAK

Smolensk branch of the Financial
University under the Government of
the Russian Federation, PhD in
Physics and Mathematics, Associate
Professor

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕС- ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ ДАННЫХ

METHODS FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF BUSINESS PROCESSES IN THE DATA ECONOMY

Аннотация

В статье рассматриваются современные методы оценки эффективности бизнес-процессов в условиях развития экономики данных. Анализируются ключевые показатели эффективности, а также роль цифровых технологий и аналитических инструментов в повышении качества управленческих решений. Особое внимание уделяется применению методов оценки в российских организациях и государственном секторе. Обосновывается значимость data-driven подхода для повышения эффективности деятельности.

Annotation

The article examines modern methods for evaluating the efficiency of business processes in the context of the data economy. Key performance indicators and the role of digital technologies and analytical tools in improving managerial decision-making are analyzed. Special attention is paid to the application of evaluation methods in Russian organizations and the public sector. The importance of a data-driven approach for improving performance is substantiated.

Ключевые слова: эффективность бизнес-процессов, KPI, экономика данных, аналитика данных, цифровые технологии

Key words: business process efficiency, KPI, data economy, data analytics, digital technologies

Внедрение современных технологий анализа данных является одним из пунктов активного развития цифровизации в Российской Федерации [1]. Оценка эффективности бизнес-процессов в условиях развития экономики данных становится важной задачей для любой организации, так как это помогает организации отсеивать сомнительные управленческие решения и в ускоренном формате реагировать на изменения внешней среды. Для эффективного функционирования организации использование таких данных является не просто преимуществом для сохранения своих позиций в конкурентной среде, а необходимостью. Но стоит отметить, что результативность от принятых решений в первую очередь зависит от самого качества данных и их использования, поэтому организации все больше выделяют ресурсы для сбора, хранения и обработки информации.

Одним из определений оценки эффективности бизнес-процессов можно выявить степень достижения поставленных целей при оптимальном использовании ресурсов. Существуют различные методы такой оценки, одним из ключевых является показатели эффективности (KPI). Это позволяют в первую очередь провести оценку результативности процессов для выявления слабых зон [2]. Но для этого, как говорилось выше, необходимы правильно подобранные показатели, отражающие настоящие результаты деятельности организации, так как ошибочно выбранные KPI приведут к неэффективным управленческим решениям из-за искажения оценки. Так же следует отметить, что системе показателей требуются регулярные обновления из-за изменений во внешней и внутренней среде, это сохранит актуальность использования такой системы.

На российском поле оценка эффективности бизнес-процессов все чаще проводится с помощью аналитических инструментов, такими как: системы бизнес-аналитики (BI), ERP-системы и инструменты обработки больших данных. Использование таких технологий помогает в первую очередь в получении актуальной информации о деятельности

организации почти в режиме реального времени [3], что позволяет в максимально быстрой корректировки процессов. Цифровые решения позволяют повысить точность и объективность оценки бизнес-процессов за счет уменьшения влияния человеческого фактора. Применение таких технологий активно используется на государственном и коммерческом уровне.

Развитие цифровых платформ, технологий в России важно для оценки эффективности бизнес процессов. Так как благодаря этому появляется возможности интеграции аналитических инструментов с платформой или технологией. Это позволяет объединять данные из разных источников и получать более полную картину деятельности организации, что в свою очередь делают процессы более прозрачными и управляемыми.

Одним из успешных примеров объединения технологий или аналитических инструментов является использование анализа данных, таких как прогнозирование и моделирование бизнес-процессов, с искусственным интеллектом. Искусственным интеллект позволяет находить закономерности, более точно предсказывать результаты деятельности, прогнозировать риски. Финансовый, промышленный и государственный сектора активно применяют такой подход для выявления точности управленческих решений, снижения времени на обработку информации [2]. Это позволяет организациям выделять больше времени другим направлениям, адаптироваться к новым условиям, повышать общую эффективность работы посредством улучшения координации между подразделениями и снижать издержки. Это важный инструмент особенно в период нестабильной экономики.

Подводя итог можно сказать, что методы оценки эффективности бизнес-процессов через использование различных аналитических инструментов с искусственным интеллектом играют важную роль для построения правильного современного управления. В современном цифровом мире, в котором условия развития экономики данных только увеличиваются значение таких цифровых систем значительно возрастает. Непременно аналитические инструменты помогают в увеличении эффективности и достижению поставленных целей организацией. Такие технологии способствуют развитию экономики, повышению конкурентоспособности среди организаций. В дальнейшем можно ожидать, усиление роли искусственного интеллекта с автоматизированными системами для оценки эффективности бизнес процессов, что приведёт к дальнейшему совершенствованию управленческих процессов.

Список литературы

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: паспорт программы // Правительство Российской Федерации. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2026).

2. Лapidус, Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: учебник / Л.В. Лapidус. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 479 с.

3. Портал государственных услуг Российской Федерации // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 25.03.2026).

М.К. АНАНЬЕВ

Смоленский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации, студент II
курса направления подготовки
«Экономика»

Научный

руководитель

И.С. БЕРЕЗНЯК

Смоленский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации канд.
физ-матем наук, доцент

M.K. ANANEV

Smolensk branch of the Financial
University under the Government of the
Russian Federation, second-year student
majoring in Economics
Academic Supervisor

I.S. BEREZNYAK

Smolensk branch of the Financial
University under the Government of
the Russian Federation, PhD in
Physics and Mathematics, Associate
Professor

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА

STRATEGIC INFORMATION SYSTEMS IN THE CONTEXT OF DIGITAL BUSINESS TRANSFORMATION

Аннотация

В статье рассматривается сущность стратегических информационных систем и их роль в условиях цифровой трансформации бизнеса. Анализируются основные функции и возможности таких систем в поддержке управленческих решений и оптимизации бизнес-процессов. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий на повышение эффективности деятельности организации. Обосновывается значимость стратегических информационных систем как ключевого инструмента обеспечения конкурентоспособности. информационных систем как ключевого инструмента обеспечения конкурентоспособности.

Annotation

The article substantiates the role of economic knowledge in the realities of modern society, identifies structural components of economic training of university students. Describes psychological and pedagogical aspects of economic training of students of higher education in the context of developmental learning through a system of basic principles of organizing the educational process, and also indicates the features of their implementation by the teacher.

Ключевые слова: стратегические информационные системы, цифровая трансформация, бизнес-процессы, управленческие решения, цифровые технологии.

Key words: strategic information systems, digital transformation, business processes, managerial decision-making, digital technologies.

Стратегические информационные системы, далее «СИС», являются техническими, организационными и программными средствами, которые обеспечивают разного рода взаимодействия с данными для реализации поддержки управленческих решений, такие как: анализ, сбор, обработка. Цель таких систем направлена на выполнение долгосрочных целей организации методом интеграции с основными бизнес-процессами. Для современного бизнеса, это является мощным инструментом поддержания конкурентоспособности [2]. Особенно такие системы хорошо проявляют себя во время быстрого изменения внешней среды, позволяя эффективнее выстраивать процессы контроля деятельности и планирования.

В российской экономике наблюдается активная цифровая трансформации, что отражено в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], поэтому внедрение СИС является важным направлением в обеспечении повышения стратегических решений и развития организаций в целом. Данная программа была создана для доступности технологий, цифровой инфраструктуры и формирования единого информационного пространства в целом, что помогло в создании благоприятных условий

внедрения информационных систем не только в экономическом секторе, но и в других сферах, к примеру государственный сектор.

На практике развитие СИС хорошо показало себя в цифровизации государственного управления и бизнеса. Появились разного рода цифровые платформы, к примеру ГАС «Управление», созданная для обеспечения деятельности органов госвласти, сбора и анализа данных. Появилась цифровая платформа для стратегического планирования - инструмент Минэкономразвития РФ, предназначенный для согласования действий органов власти всех уровней.

Внедрение таких решений способствует сокращению административных барьеров. Значимым инструментом для взаимодействия между государством и гражданином стала единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), которая современнее стала применяться и в коммерческой сфере. Одним из ярких примеров применения СИС стал сервис от «Росводресурс», который запустил мониторинг водохранилищ более чем по 200 параметрам, такие как сброс из водохранилища, приток к водохранилищу, и другие [4]. Это сервис позволил оперативно просматривать водохранилища в высокой зоне риска для применения эффективных управленческих решений, так как раньше приходилось высчитывать все в ручном формате по формулам.

Как говорилось ранее особое значение СИС имеет в процессе оптимизации бизнес-процессов, поскольку инструменты обработки больших данных, автоматизации и аналитики помогают организации улучшать качество решений в управленческой деятельности и грамотно использовать свои ресурсы для снижения издержек. Для организаций внутри российской экономики это является особенно важным, так как из-за внешних экономических вызовов и ограниченных ресурсов все время приходится адаптироваться [2]. Так же СИС помогает выявить масштаб прозрачности бизнес-процессов и их качество управляемости, что позволяет в свою очередь более точно строить планирование, прогнозирование результатов своей деятельности.

Стоит отметить, что в СИС активно внедряются технологии искусственного интеллекта в первую очередь для улучшения качества и скорости анализа данных, что позволяет более точно выявлять риски, формированию обоснования того или иного управленческого решения, а так же в прогнозировании бизнес-процессов. Такая возможность важна не только в коммерческом секторе, но и в государственном, так как данному сектору важна высокая точность прогнозов решений и рисков [1]. Так же искусственный интеллект помогает не только в аналитической обработке данных, но и в ускорении рутинных процессов. В перспективе применение искусственного интеллекта в дальнейшем расширится в разных сферах экономики и за ее пределами.

Внедрение СИС позволяет повышать уровень цифровой зрелости организации, что делает данный инструмент одним из элементов выявления современности у организации. Такие системы являются ключевым аспектом формирования цифровой культуры. Для российской экономики роль СИС возрастает для создания новых возможностей и повышения устойчивости к внешним факторам. В дальнейшем усиление интеграций такой системы неизбежно, особенно с появлением искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: паспорт программы // Правительство Российской Федерации. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 25.03.2026).
2. Лapidус, Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: учебник / Л.В. Лapidус. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 479 с.
3. Портал государственных услуг Российской Федерации // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 25.03.2026).
4. Правительство России // Официальный сайт. – Режим доступа: <http://government.ru/news/57791/> (дата обращения: 25.03.2026).

А.А. БАРДОВСКАЯ, А.А. БАРДОВСКИЙ
Уральский филиал Финуниверситета
студенты I курса бакалавриата

Научный руководитель
С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финуниверситета
канд. социол. наук

A.A. BARDOVSKAYA, A.A. BARDOVSKY
Ural branch of the Financial University
1st year undergraduate students

Scientific supervisor
S.I. PANKIN
Ural branch of the Financial University
Ph.D. sociol. sciences

**МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

STATE SUPPORT MEASURES FOR INDIVIDUAL ENTREPRENEURS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу мер государственной поддержки индивидуальных предпринимателей в регионах Российской Федерации. Исследование базируется на положениях Федерального закона № 209-ФЗ и Налогового кодекса Российской Федерации. Проведён анализ региональной дифференциации налоговых инструментов, включая упрощённую систему налогообложения, патентную систему и налоговые каникулы, предусмотренные Федеральным законом № 259-ФЗ и Федеральным законом № 425-ФЗ. Установлено значительное разнообразие подходов региональных органов власти к определению условий предоставления налоговых льгот, перечней льготных видов деятельности и дополнительных ограничений. Сформулированы рекомендации по внедрению дифференцированных механизмов распределения федеральных ресурсов и переходу к кластерному подходу в планировании мер поддержки.

Annotation

The article is devoted to the comparative analysis of government support measures for individual entrepreneurs in the regions of the Russian Federation. The study is based on the provisions of Federal Law No. 209-FZ and the Tax Code of the Russian Federation. The analysis of regional differentiation of tax instruments, including the simplified taxation system, patent system and tax holidays provided for by Federal Law No. 259-FZ and Federal Law No. 425-FZ, has been carried out. Significant diversity has been established in the approaches of regional authorities to determining the conditions for granting tax benefits, lists of preferential types of activity and additional restrictions. Recommendations have been formulated for the introduction of differentiated mechanisms for distributing federal resources and the transition to a cluster approach in planning support measures.

Ключевые слова: индивидуальные предприниматели; государственная поддержка; региональная дифференциация; налоговые каникулы; эффективность программ поддержки; центры «Мой бизнес».

Keywords: individual entrepreneurs; government support; regional differentiation; tax holidays; effectiveness of support programs; «My Business» centers.

Правовое регулирование деятельности индивидуальных предпринимателей осуществляется на основании федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О

развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [1] и Налогового кодекса Российской Федерации [2], устанавливающего специальные налоговые режимы. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 259-ФЗ [3] продлил действие налоговых каникул до 1 января 2027 года, однако региональные органы власти наделены правом самостоятельного определения условий их применения. Федеральный закон от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ [4] установил федеральные критерии для налоговых каникул, которые регионы вправе дополнять, но не ужесточать.

Сравнительный анализ законодательства субъектов Российской Федерации выявляет принципиальные различия в подходах к предоставлению налоговых каникул. К примеру, в Республике Адыгея, Республике Ингушетия и Республике Калмыкия налоговые каникулы не продлены на 2026 год, тогда как в Республике Алтай, Республике Бурятия и ряде других субъектов льготы сохраняются. В Республике Северная Осетия — Алания налоговые каникулы предоставляются только применительно к упрощённой системе налогообложения, исключая патентную систему, тогда как в Брянской области льготы распространяются исключительно на патентную систему налогообложения. Институциональная поддержка реализуется через систему центров «Мой бизнес», функционирующих в каждом субъекте Российской Федерации. Согласно официальным данным Министерства экономического развития Российской Федерации, за период реализации национального проекта поддержку получили свыше 5 миллионов предпринимателей [5]. Исследование А.И. Леонидовой, М.Г. Озеровой и А.В. Шаропатовой [6], проведённое на материалах Сибирского федерального округа, выявило слабую связь целевых ориентиров региональных программ со спецификой территориального развития и расплывчатость показателей результативности. Эффективность мер государственной поддержки требует применения системного методологического подхода. А.В. Охрименко и М.А. Гачегов [7] предлагают комплексную методику оценки, базирующуюся на анализе показателей выживаемости субъектов предпринимательской деятельности, динамики доходов и уровня занятости. Установлено, что льготное кредитование демонстрирует более высокую эффективность по сравнению с прямым субсидированием. С.А. Скопин [8] выявил статистически значимые зависимости между объёмами субсидий и показателями развития малого и среднего бизнеса, однако отметил неоднородность эффектов в региональном разрезе: в субъектах с развитой инфраструктурой поддержки субсидии демонстрируют множительный эффект, тогда как в регионах со слабой институциональной средой воздействие оказывается недостаточным. П.А. Прохоренков и Т.В. Регер [9] установили, что прямые субсидии регионам не оказывают статистически значимого влияния на основные макроэкономические показатели сектора МСП, в отличие от льготного кредитования и налоговых инструментов. Считаем необходимым внедрение

дифференцированных механизмов распределения федеральных ресурсов между регионами на основе объективных критериев эффективности использования ранее предоставленных средств.

Современная практика реализации мер поддержки характеризуется агрегированным подходом к формированию программ, не учитывающим отраслевую и территориальную специфику, поэтому необходимо усиление вертикали координации через механизмы согласования программных документов и внедрение единых стандартов оценки результативности на всех уровнях управления. Перспективы развития системы поддержки связаны с цифровизацией административных процедур, обеспечивающей равный доступ предпринимателей к мерам поддержки независимо от территориальной локализации бизнеса. Проведённый анализ позволяет констатировать наличие значительной дифференциации подходов на субфедеральном уровне. Налоговые инструменты характеризуются наибольшей вариативностью, тогда как институциональные механизмы демонстрируют тенденцию к стандартизации. Эмпирические исследования свидетельствуют о неоднородности эффективности мер поддержки в региональном разрезе. Приоритетным направлением совершенствования системы выступает разработка дифференцированных механизмов с учётом кластерной специфики регионов и повышение измеримости социально-экономических эффектов от реализации программ поддержки индивидуальных предпринимателей.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – 12 авг. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2026).
4. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025.
5. Министерство экономического развития Российской Федерации. За шесть лет более 5 млн предпринимателей получили поддержку нацпроекта «Малое и среднее

предпринимательство» [Электронный ресурс]. – 2024. – 26 дек. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/za_shest_let_bolee_5 mln_predprimateley_poluchili_podderzhku_nacproekta_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo.html (дата обращения: 16.03.2026).

6. Леонидова А.И., Озерова М.Г., Шаропатова А.В. Сравнительный анализ региональных программ поддержки малого и среднего предпринимательства в СФО // Вестник аграрной науки. – 2022. – № 11(1). – С. 254-268. – DOI: 10.26117/2658-2963-2022-11-1-254-268.

7. Охрименко А.В., Гачегов М.А. Оценка эффективности поддержки малого и среднего предпринимательства // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2023. – Т. 58, № 4. – С. 124-146. – DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-6.

8. Скопин С.А. Анализ эффектов от государственных субсидий для малого и среднего бизнеса // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 1 (82). – С. 184-200.

9. Прохоренков П.А., Регер Т.В. Анализ эффективности государственной поддержки малого предпринимательства // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 6. – С. 40-46. – DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43269>.

А.А. БАХТИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса магистратуры направления
«Экономика»

Научный руководитель

А.А. КОПЧЕНОВ

Уральский филиал Финуниверситета
д-р экон. наук, профессор

A.A. BAKHTINA

Ural branch of the Financial University
student of the first year of the Master's degree program
«Economy»

Scientific supervisor

A.A. KOPCHENOV

Ural branch of the Financial University
Doctor of Economics, Professor

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МИНИМИЗАЦИЯ РИСКОВ И УКРЕПЛЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE DIGITAL ERA: MINIMIZING RISKS AND STRENGTHENING ETHICAL STANDARDS

Аннотация

Статья посвящена проблемам и возможностям, связанным с реализацией принципов корпоративной социальной ответственности (КСО) в условиях цифровой эпохи. Рассматривается роль цифровизации в повышении требований к уровню открытости и этичности бизнеса, акцентируется внимание на значении информационной безопасности и снижении рисков, связанных с технологическим прогрессом.

Annotation

The article is devoted to the problems and opportunities associated with the implementation of the principles of corporate social responsibility (CSR) in the digital age. It examines the role of digitalization in increasing the requirements for the level of openness and ethics in business, and focuses on the importance of information security and reducing the risks associated with technological progress.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, цифровая экономика, этические нормы, информационные технологии.

Key words: corporate social responsibility, digital economy, ethical standards, and information technology.

Цифровая эпоха ставит перед бизнесом новые вызовы и возможности. Сегодняшняя среда характеризуется быстрым развитием технологий, увеличением объема доступной информации и ростом влияния социальных сетей. Эти изменения приводят к повышению уровня прозрачности компаний, усиливают контроль общественности над деятельностью организаций и повышают ожидания потребителей относительно социальной ответственности бизнеса. Следовательно, развитие корпоративной социальной ответственности (КСО) становится необходимым условием успешного функционирования организации в условиях цифровой экономики.

Под корпоративной социальной ответственностью чаще всего подразумевают концепцию, согласно которой бизнес, помимо соблюдения законов и производства качественного продукта или услуги, добровольно принимает на себя дополнительные обязательства перед обществом и своими работниками следовать высоким стандартам поведения в соответствии с этическими нормами, инвестировать в устойчивое развитие общества в местах его оперирования [1, с. 27].

Цифровизация значительно расширяет границы взаимодействия между компаниями и обществом, делая возможным мгновенное распространение информации и оперативное

реагирование на возникающие проблемы. В результате повышается значимость факторов репутации и доверия клиентов, партнеров и сотрудников.

Компании вынуждены учитывать риски, связанные с использованием цифровых технологий и пути их минимизации (таблица 1). Например, утечка персональных данных, кибератаки, использование недостоверной информации могут нанести значительный ущерб бизнесу. Именно поэтому стратегия устойчивого развития должна включать меры по обеспечению информационной безопасности, защите прав пользователей и соблюдению этических норм в работе с цифровыми технологиями.

Таблица 1

Сфера	Риски	Пути минимизации
1	2	3
Кибербезопасность	1. Кибератаки – проникновение в защищённые системы с целью кражи данных или манипуляции с ними. 2. Фишинг – злоумышленники создают фальшивые сайты или отправляют поддельные сообщения, чтобы обманом получить доступ к конфиденциальной информации пользователя. 3. Атаки DDoS – распределённые атаки на отказ в обслуживании, которые перегружают серверы, делая их недоступными	1. Регулярные обновления и своевременное исправление уязвимостей. 2. Использование надежных антивирусных программ. Обучение сотрудников правилам цифровой гигиены. 3. Мониторинг подозрительного трафика и аномалий в системах. 4. Резервное копирование данных
Конфиденциальность	1. Утечки данных – например, при использовании общественных сетей (подключение к открытым Wi-Fi сетям в кафе, аэропортах или торговых центрах). 2. Хранение данных третьими сторонами – многие сервисы собирают о пользователях информацию: историю поиска, местоположение, контакты и многое другое	1. Применение шифрования данных. 2. Ограниченный доступ к данным. 3. Защита подключения к публичным сетям. 4. Контроль над действиями третьих сторон
Этика	1. Инфляция персональных данных – бизнес и государство собирают всё больше данных о пользователях за тот же объём предоставляемых услуг. 2. Дискриминация отдельных групп населения	1. Формулирование и выполнение этического регламента. 2. Проведение аудитов этической направленности. 3. Привлечение независимых консультантов. 4. Осознанное информированное согласие. 5. Создание комиссии по этическим вопросам

Право	Неоднозначность распределения бремени ответственности по обязательствам, возникающим в результате функционирования программных средств, роботов, искусственного интеллекта	1. Четкая юридическая база и регулирование. 2. Стандартизация договоров и условий пользования системами. 3. Устойчивый правовой режим смарт-контрактов. 4. Развитие системы страхования рисков цифровых активов

Однако важно понимать, что цифровая экономика также открывает уникальные возможности для реализации принципов КСО. Современные технологии позволяют компаниям эффективно управлять ресурсами, снижать негативное воздействие на окружающую среду, повышать качество продукции и услуг, улучшать условия труда и взаимодействие с потребителями.

Например, широкое внедрение экологических решений («зеленые» ИТ-инфраструктуры, энергоэффективность), системы мониторинга соблюдения трудового законодательства и повышение квалификации работников способствуют укреплению положительной репутации бренда и увеличению конкурентоспособности компании.

Российские компании стремительно осваивают интеграцию принципов корпоративной социальной ответственности в цифровую сферу, осознавая важность этичного подхода к технологиям и минимизацию возможных рисков для поддержания деловой репутации и устойчивости бизнеса. Проанализируем, каким образом отечественные организации справляются с этими задачами на примере реальных кейсов.

Один из наиболее показательных примеров – это практика «Сбербанка», который целенаправленно работает над соблюдением этических норм при применении технологий искусственного интеллекта (ИИ) и ведет активную просветительскую деятельность по повышению уровня цифровой грамотности населения. Важнейшим инструментом здесь выступает разработанный банком кодекс этики, регламентирующий правила разработки и эксплуатации ИИ-технологий внутри компании. Ключевые положения документа включают:

- приоритет человеческого достоинства и прав человека;
- прозрачность и объяснимость решений, принимаемых алгоритмами;
- недопущение дискриминации по любым признакам;
- обеспечение безопасности и надёжности ИИ-систем;
- ответственность за последствия использования технологий [2].

В реальности этот подход воплощается следующим образом: каждая новая система ИИ подвергается тщательной проверке на этапе запуска. Специалисты проводят детальное тестирование моделей на отсутствие предубежденности, исследуют алгоритмы на признаки

возможной дискриминации, контролируют ясность и обоснованность выводов, принимаемых искусственным интеллектом. Так, при создании скоринговых механизмов для анализа платежеспособности заемщиков особое внимание уделяется предотвращению возникновения дисбалансов по критериям возраста, пола или места регистрации клиента.

Одновременно Сбербанк осуществляет обширную инициативу по обучению граждан базовым знаниям цифровой культуры. Через образовательную программу «Цифровой гражданин» предоставляются доступные курсы дистанционного формата, направленные на формирование базовых компетенций в области кибербезопасности, финансового планирования и работы с современными цифровыми платформами. Благодаря данному проекту миллионы россиян получили ценные знания, позволяющие избежать мошеннических схем и сократить разрыв в уровне владения цифровыми инструментами, особенно среди пожилых людей. Это не только снижает риски мошенничества, но и способствует преодолению цифрового неравенства – важного аспекта социальной ответственности.

Таким образом, для успешной адаптации к новым условиям российские предприятия активно внедряют принципы КСО в свою цифровую повестку, уделяя особое внимание вопросам информационной безопасности, этике использования технологий и просвещению граждан. Примеры успешных инициатив, таких как политика «Сбербанка» в сфере искусственного интеллекта и программы цифровой грамотности, демонстрируют практическое значение интегрированного подхода к управлению рисками и укреплению этических стандартов.

Список литературы

1. Корпоративная социальная ответственность: учебник для вузов / под редакцией В. Я. Горфинкеля, Н. В. Родионовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026.
2. Кодекс этики ИИ Сбербанка: [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.sber-bank.by/page/codecs_ii (дата обращения: 14.03.2026).

А.А. БАХТИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса магистратуры направления
«Экономика»

Научный руководитель

А.А. КОПЧЕНОВ

Уральский филиал Финуниверситета
д-р экон наук, профессор

A.A. BAKHTINA

Ural branch of the Financial University
student of the first year of the Master's degree program
«Economy»

Scientific supervisor

A.A. KOPCHENOV

Ural branch of the Financial University
Doctor of Economics, Professor

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ

DIGITAL CORPORATE MANAGEMENT TECHNOLOGIES AND THEIR IMPACT ON THE FORMATION OF SUSTAINABLE BUSINESS MODELS

Аннотация

Статья посвящена исследованию цифровых технологий корпоративного управления и их роли в формировании устойчивых бизнес-моделей современных компаний. Рассматриваются ключевые тенденции цифровизации бизнеса, включая автоматизацию процессов, внедрение облачных решений, использование больших данных и искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется влиянию новых технологий на повышение эффективности управления, снижение рисков и обеспечение конкурентоспособности организаций.

Annotation

The article focuses on the study of digital technologies in corporate management and their role in shaping sustainable business models for modern companies. It examines key trends in business digitalization, including automation of processes, the implementation of cloud solutions, and the use of big data and artificial intelligence. The article highlights the impact of these technologies on improving management efficiency, reducing risks, and ensuring the competitiveness of organizations.

Ключевые слова: цифровые технологии, корпоративное управление, бизнес-модели, цифровая трансформация, большие данные, искусственный интеллект.

Key words: digital technologies, corporate management, business models, digital transformation, big data, and artificial intelligence.

Современный бизнес функционирует в условиях быстрых изменений, вызванных технологическими достижениями, усилением конкуренции и необходимостью оперативной

адаптации к внешним факторам. Важным аспектом становится создание устойчивых бизнес-моделей, которые обеспечивают долгосрочное развитие компаний даже в нестабильной среде. В этом контексте исследования влияния цифровых технологий на корпоративное управление становятся особенно актуальными, так как они открывают новые горизонты для эффективной трансформации традиционных бизнес-практик. Таким образом, цифровизация становится не просто трендом, а необходимостью для успешного развития организаций в современных реалиях.

Информационные технологии – это комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительная техника и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы [1, с. 15].

Представляется наиболее емким определение понятия корпоративного управления как охватывающего «область научного и практического знания и вид управления – сферу практической деятельности, связанную с решением проблем структурной организации и регулированием деятельности крупных предприятий в виде корпораций» [2, с. 10].

Развитие цифровых технологий существенно меняет парадигму корпоративного управления, предлагая новые подходы к принятию решений, контролю исполнения и взаимодействию с внутренними и внешними стейкхолдерами. Рассмотрим основные направления цифровой трансформации, оказывающие значительное воздействие на формирование устойчивых бизнес-моделей (таблица 1).

Таблица 1

Вид	Сущность	Преимущества	Недостатки
1	2	3	4
Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение	Использование алгоритмов машинного обучения для выявления закономерностей в массивах данных, предсказания тенденций и оптимизации рабочих процессов.	– Увеличение скорости и точности обработки данных; – возможность своевременного реагирования на изменения рынка; – оптимизация расходов и сокращение издержек.	– высокая стоимость разработки и внедрения; – сложность интерпретации результатов; – необходимость квалифицированных кадров.
Большие данные и аналитика	Создание хранилищ данных и применение аналитических	– Глубокий анализ клиентских предпочтений и	– Высокие затраты на инфраструктуру хранения и обработку

	инструментов для извлечения ценной информации, необходимой для принятия стратегических решений.	рыночных трендов; – выявление скрытых возможностей роста и улучшение взаимодействия с клиентами; – сокращение ошибок, благодаря точной оценке ситуации.	данных. – проблемы безопасности и защиты персональных данных клиентов; – необходимость привлечения специализированных сотрудников.
Облачные технологии	Предоставление компаниям гибких виртуальных сервисов для хранения и обработки данных, доступа к приложениям и ресурсам независимо от физического местоположения пользователей.	– Значительная экономия на покупке оборудования и ПО; – масштабируемость инфраструктуры и быстрое развертывание новых сервисов; – удобство доступа к данным и приложениям с любого устройства.	– Зависящие от провайдера надежность и безопасность облака; – потеря контроля над хранением данных и возможная зависимость от сторонних поставщиков услуг; – возникающие вопросы кибербезопасности и защита конфиденциальной информации.

Рассмотрим конкретные кейсы применения цифровых технологий в корпоративном управлении на примере компании Unilever – международного производителя товаров повседневного спроса, который применяет искусственный интеллект, облачные решения и анализ данных для формирования устойчивой бизнес-модели, объединяющей финансовую эффективность с заботой об экологии и обществе (таблица 2) [3].

Таблица 2

Кейс	Внедрённые технологии	Достигнутые результаты
1	2	3
Фабрика в Бразилии (средства бытовой химии)	Система ИИ для прогнозного обслуживания оборудования	– Сокращение незапланированных простоев на 20 %; – экономия на техобслуживании
Глобальная оптимизация цепочки поставок	ИИ-алгоритмы анализируют данные о спросе, логистике, запасах и погодных условиях.	– Снижение запасов на складах на 15 %; – ускорение доставки продукции.
Чат-бот для автоматизации рекрутинга	Unilever внедрила чат-бота для отбора стажёров и фрилансеров. Бот автоматизировал процесс	Это позволило увеличить количество заявок в два раза, сократить время отбора и закрыть

	анкетирования, отправки тестов, приглашения на видеointервью и уведомления кандидатов	все вакансии для стажёров.
Анализ социальных сетей и понимание потребностей клиентов	NLP-модели (алгоритмические системы, разработанные для обработки и анализа естественного языка) сканируют миллионы сообщений в социальных сетях	– Выявление трендов (например, рост спроса на экологичную упаковку или растительные продукты) раньше конкурентов; – оперативный запуск новых продуктов или корректировка маркетинга
Компьютерное зрение на производстве	Камеры с ИИ контролируют упаковку и маркировку на линиях мороженого (в т.ч. Ben & Jerry's)	– Снижение количества бракованной продукции; – повышение удовлетворённости ритейлеров
Использование Microsoft 365 для совместной работы	Unilever применяет пакет сервисов Microsoft 365, включающий инструменты для общения и совместной работы (Teams, Yammer)	Это упростило обмен информацией между сотрудниками, повысило производительность и позволило организовать совместную работу в глобальном масштабе

Таким образом, активное внедрение цифровых инструментов становится основой эффективного корпоративного управления в современных экономических условиях.

Благодаря интеграции инновационных технологий компании могут обеспечить оперативное принятие решений, повысить конкурентоспособность и создать условия для устойчивого долгосрочного роста.

Список литературы

1. Информационные технологии в менеджменте (управлении): учебник и практикум для среднего профессионального образования / под редакцией Ю. Д. Романовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026.
2. Корпоративное управление: учебник для вузов / под общей редакцией С. А. Орехова. – Москва: Издательство Юрайт, 2025.
3. Конкурентоспособность через данные: внедрение AI-моделей для прогноза вероятности поломок: [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/02/13/konkurentosposobnost-cherez-dannie-pochemu-vnedrenie-ai-modelei-dlya-prognoza-polomok-stanovitsya-novim-standartom-dlya-industrii (дата обращения: 14.03.2026).

M.B. ВАСИЛЬЕВ

Смоленский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
подготовки «Экономика»

Научный руководитель

Л.Т. КИЯЩЕНКО

Смоленский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук, доцент

M.V. VASILIEV

Smolensk branch of the Financial University
Second-year student majoring in Economics

Academic Supervisor

L.T. KIASHCHENKO

Smolensk branch of the Financial University
PhD in Economics, Associate Professor

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

ANALYTICAL APPROACHES TO ASSESSING TARGET PERFORMANCE INDICATORS OF ORGANIZATIONAL ACTIVITY

Аннотация

В статье рассматриваются основные аналитические подходы к оценке целевых показателей эффективности деятельности организации. Особое внимание уделяется системе ключевых показателей эффективности, методам экономического анализа и инструментам стратегического управления. Анализируются преимущества применения комплексного подхода к оценке эффективности управления. Сделан вывод о необходимости интеграции финансовых и нефинансовых показателей при оценке результативности деятельности организаций.

Annotation

The article examines the main analytical approaches to assessing target performance indicators of an organization. Particular attention is paid to the system of key performance indicators, methods of economic analysis, and strategic management tools. The advantages of using an integrated approach to performance evaluation are analyzed. It is concluded that it is necessary to integrate financial and non-financial indicators when assessing organizational performance.

Ключевые слова: эффективность деятельности, ключевые показатели эффективности, аналитические методы, стратегическое управление, экономический анализ.

Keywords: organizational performance, key performance indicators, analytical methods, strategic management, economic analysis.

В современных условиях развития экономики эффективность деятельности организации является одним из ключевых факторов обеспечения ее устойчивого развития и конкурентоспособности. В этой связи особую актуальность приобретает проблема разработки и применения аналитических подходов к оценке целевых показателей эффективности деятельности организаций. Использование системных методов анализа позволяет объективно оценить результаты деятельности предприятия и определить направления его дальнейшего развития [1, с. 256].

Целевые показатели эффективности представляют собой количественные и качественные параметры, отражающие степень достижения стратегических и оперативных целей организации. Они позволяют оценить результативность управленческих решений и эффективность использования ресурсов. Наиболее распространенным инструментом оценки эффективности выступает система ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicators, KPI), которая применяется в практике управления предприятиями различных отраслей.

Система KPI позволяет связать стратегические цели организации с конкретными измеримыми показателями. Основное назначение таких показателей заключается в обеспечении контроля выполнения стратегических задач и оценке результативности работы подразделений и сотрудников. Правильно сформированная система показателей должна отвечать принципам измеримости, релевантности, достижимости и сопоставимости [3, с. 360].

В научной литературе выделяется несколько основных аналитических подходов к оценке эффективности деятельности организации. Одним из них является финансово-экономический анализ, который основан на исследовании показателей финансовой отчетности предприятия. Данный подход предполагает использование таких показателей, как рентабельность, ликвидность, оборачиваемость активов и финансовая устойчивость. Применение данных индикаторов позволяет выявить сильные и слабые стороны финансового состояния организации [4, с. 188].

Другим важным направлением анализа является стратегический подход, который предполагает оценку достижения долгосрочных целей предприятия. В рамках данного подхода широко используется концепция сбалансированной системы показателей (Balanced

Scorecard), разработанная Р. Капланом и Д. Нортон. Данная модель предполагает оценку деятельности организации по четырем основным направлениям: финансовые результаты, взаимоотношения с клиентами, внутренние бизнес-процессы и развитие персонала [5, с. 322].

Сбалансированная система показателей позволяет комплексно оценивать эффективность деятельности предприятия, поскольку учитывает не только финансовые, но и нефинансовые показатели. Это особенно важно в условиях современной экономики, где большое значение приобретают инновационный потенциал, уровень цифровизации и качество управления человеческими ресурсами.

Кроме того, в практике управления широко применяется сравнительный аналитический подход, основанный на сопоставлении фактических результатов деятельности предприятия с плановыми показателями или результатами аналогичных организаций. Такой анализ позволяет выявить отклонения и определить факторы, влияющие на эффективность функционирования предприятия.

Одним из перспективных направлений развития аналитических методов является использование интегральных показателей эффективности, которые формируются на основе совокупности различных индикаторов. Такой подход позволяет получить более объективную оценку деятельности организации, поскольку учитывает комплекс факторов, влияющих на ее результативность.

Следует отметить, что эффективность аналитических подходов во многом зависит от качества информационной базы, используемой для анализа. Важную роль играет достоверность финансовой отчетности, а также наличие данных о внутренних процессах предприятия. В условиях цифровой трансформации экономики значительное внимание уделяется применению современных информационных технологий и аналитических систем, позволяющих автоматизировать процессы обработки данных и повысить точность анализа.

Таким образом, применение аналитических подходов к оценке целевых показателей эффективности деятельности организации является важным элементом современного управления. Использование комплексных методов анализа позволяет повысить обоснованность управленческих решений и обеспечить устойчивое развитие предприятия в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Абрютина М.С., Грачев А.В. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. – М.: Дело и сервис, 2018. – 256 с.
2. Друкер П. Эффективный руководитель. – М.: Вильямс, 2020. – 224 с.

3. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. – М.: Финансы и статистика, 2019. – 360 с.
4. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – Минск: Новое знание, 2021. – 188 с.
5. Kaplan R., Norton D. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. – Boston: Harvard Business School Press, 1996. – 322 p.
6. Шеремет А.Д., Сайфулин Р.С. Методика финансового анализа. – М.: Инфра-М, 2020. – 208 с.

Е.А. ГАВРИЛОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

С.Е. РОМАНОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук, доцент

E.A. GAVRILOVA

Ural branch of the Financial University
1st year student of the Economics department

Scientific supervisor

S.E. ROMANOVA

Ural branch of the Financial University
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

ПРОБЛЕМА КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА В РОССИИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ **THE PROBLEM OF STAFFING SHORTAGE IN RUSSIA AND WAYS TO SOLVE IT**

Аннотация

В настоящее время в России и в других развитых странах мира наблюдается такая проблема, как нехватка персонала. В статье рассмотрены причины проблемы кадрового дефицита в стране, а также пути решения данной проблемы. Предложены рекомендации для ее устранения.

Annotation

Currently, Russia and other developed countries face the problem of staff shortages. This article explores the causes of the staff shortage in the country and suggests solutions. It also provides recommendations for addressing this issue.

Ключевые слова: кадры, дефицит кадров, изменение структуры экономики, обучение сотрудников, мотивация.

Key words: personnel, staff shortages, changes in the economic structure, employee training, and motivation.

Понятие «кадры» происходит от французского *kvadro* – каре, квадрат. В связи с этим под кадрами понимают когорту квалифицированных работников, прошедших предварительную профессиональную подготовку и обладающих специальными знаниями, трудовыми навыками или опытом работы в избранной сфере деятельности [2, с. 5].

Выдвинутый более 80 лет назад лозунг «Кадры решают все» в настоящее время стал гораздо в большей степени актуальным, чем когда-либо раньше. Кадры страны – ее важнейший неисчерпаемый ресурс. Переход на инновационный путь развития страны связан, в первую очередь, с инвестициями в человеческий капитал [3, с. 2].

Дефицит кадров – это экономический и социальный феномен, возникающий в результате несоответствия между предложением и спросом на работников определенной квалификации или в определенных отраслях. В условиях современного рынка труда дефицит кадров становится все более актуальной проблемой для многих отраслей экономики.

Причины кадрового дефицита:

а) трансформация экономики, вызванная стремительным развитием технологий и методов производства, ведет к обесцениванию имеющихся у сотрудников компетенций. Возникающие новые роли требуют экспертизы, которая в дефиците на текущем рынке труда;

б) демографические сдвиги приводят к сокращению доли активных работников старшего возраста. Молодое поколение не всегда способно в полной мере восполнить образовавшийся недостаток специалистов;

в) повышенные требования к компетенциям и образовательному уровню, выдвигаемые работодателями, зачастую становятся препятствием для молодых специалистов при попытке начать карьеру;

г) стремление к улучшению условий жизни и профессионального роста побуждает талантливых работников искать возможности за пределами своей родины. Это приводит к дефициту квалифицированных кадров в определенных отраслях и регионах [5].

Опрос топ-менеджеров и HR-руководителей выявил следующие проблемы в сфере управления человеческими ресурсами, которые им предстоит решить:

- старение персонала (по мнению 45,5% топ-менеджеров и 38% HR-руководителей);
- низкий уровень трудовой мотивации (16 и 35% соответственно);
- недостаточный уровень квалификации (41 и 33% соответственно);
- конкурентноспособный компенсационный пакет (18 и 20% соответственно);
- высокий уровень текучести кадров (29,5 и 19% соответственно);
- невысокий уровень лояльности персонала (16 и 18% соответственно);
- невысокий уровень трудовой дисциплины (6,8 и 7,4% соответственно).

При этом с целью решения обозначенных проблем топ-менеджеры предложили следующие меры.

На уровне государства и местного самоуправления:

- изменение структуры экономики (73% респондентов);
- совершенствование системы образования (13%).

На уровне компании:

- удержание и обучение имеющихся сотрудников (11% респондентов);
- грамотная политика компенсаций, мотивации (6,6%);
- профильное обучение соискателей и новых сотрудников (6,6%) [4, с. 11-12].

Предприятиям следует уделять пристальное внимание удержанию топ-менеджмента. Ключевым фактором привлечения и сохранения квалифицированных кадров, особенно на руководящих постах, является оперативность изменений. Верхние эшелоны управления должны занимать профессионалы, обладающие не только глубокими знаниями и способностями, но и умением эффективно руководить и координировать трансформации на всех уровнях компании.

Джон Боссиа подчеркивает важность раннего выявления одаренных сотрудников, даже если они занимают младшие позиции, поскольку им предстоит рост в организации. По его словам, «именно талантливые личности, возглавляющие процесс перемен, способны достичь наилучших результатов».

Современные компании решают задачу удержания персонала не только через предоставление престижных должностей и перспектив карьерного развития, но и с помощью разнообразных систем мотивации. Эти системы включают в себя единовременные выплаты, постоянные премии, опционы на акции, повышенные комиссионные и прочие поощрения. Эксперты полагают, что такие программы весьма результативны, а инвестиции в удержание ценных специалистов полностью себя оправдывают [1, с. 117-119].

Что касается государственных мер решения проблемы дефицита кадров, то нужно выделить такие меры как:

- формирование заказа на подготовку необходимых специалистов на основе анализа рынка, а также субсидирование образовательных программ;
- создание сети центров профессионального обучения, которые позволяют обучаться вблизи места жительства, что особенно важно для жителей регионов;
- стимулирование работодателей. Компании, создающие учебные программы или проводящие стажировки, получают налоговые льготы;
- дуальная система обучения. Учебные заведения разрабатывают программы совместно с работодателями, студенты проводят до 50% времени на реальных рабочих местах, получая опыт;
- популяризация рабочих и инженерных профессий через профориентацию школьников.

Таким образом, были рассмотрены причины проблемы кадрового дефицита в стране, а также пути решения данной проблемы.

Для компаний решением кадрового дефицита является, в основном, удержание сотрудников денежными способами – это премии и бонусы. Из неденежных способов стоит выделить более мягкую позицию по поводу отсутствия на работе сотрудников. Сейчас люди ценят личную жизнь и это современная действительность, нужно с пониманием относиться к отсутствию на работе сотрудника по уважительной причине.

Для государства предложены меры поддержки, в которые нужно вкладывать большие инвестиции. Инвестировать в образование, в анализ рынка труда, в совместные проекты с компаниями и многое другое.

Для преодоления проблемы дефицита кадров нужны большие деньги и довольно много времени, чтобы это все окупились. Однако без этих усилий преодолеть данную проблему будет невозможно.

Список литературы

1. Актуальные проблемы управления человеческими ресурсами: учебник и практикум для вузов / ответственные редакторы С. А. Барков, В. И. Зубков. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 185 с.
2. Заборовская, С. Г. Кадровый менеджмент на государственной гражданской и муниципальной службе: учебник для вузов / С. Г. Заборовская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 180 с.

3. Одегов, Ю. Г. Кадровая политика в системе государственной службы: учебник и практикум для вузов / Ю. Г. Одегов, В. В. Павлова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 211 с.

4. Одегов, Ю. Г. Кадровая политика и кадровое планирование: учебник и практикум для вузов / Ю. Г. Одегов, В. В. Павлова, Л. С. Бабынина. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 707 с.

Что такое дефицит кадров. – URL: <https://www.startexam.ru/journal/blog/chto-takoe-defitsit-kadrov/>

А.О. ГУЛЕВА

Красноярский филиал Финуниверситета
Преподаватель

A.O. GULEVA

Krasnoyarsk Branch of the Financial University
Teacher

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАДИЦИОННЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ

CHALLENGES OF INTEGRATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES INTO TRADITIONAL BUSINESS MODELS

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые барьеры, возникающие при внедрении цифровых технологий в устоявшиеся бизнес-модели традиционных компаний. Анализируются организационные, технологические и культурные аспекты, препятствующие эффективной цифровой трансформации. Предложены подходы к реструктуризации управленческих процессов и адаптации legacy-систем, позволяющие снизить сопротивление изменениям. Автор приходит к выводу о необходимости формирования гибридных моделей управления, сочетающих гибкость цифровых экосистем с устойчивостью традиционного операционного ядра.

Annotation

The article discusses the key barriers that arise when introducing digital technologies into the established business models of traditional companies. It analyzes the organizational, technological, and cultural aspects that hinder effective digital transformation. The author proposes approaches to restructuring management processes and adapting legacy systems to reduce resistance

to change. The author concludes that it is necessary to form hybrid management models that combine the flexibility of digital ecosystems with the stability of the traditional operational core.

Ключевые слова: цифровая трансформация, бизнес-модель, интеграция технологий, legacy-системы, организационная инерция, управление изменениями.

Key words: digital transformation, business model, technology integration, legacy systems, organizational inertia, and change management.

Современный этап экономического развития характеризуется всепроникающим влиянием цифровых технологий, что вынуждает компании пересматривать фундаментальные основы своей деятельности. Однако, если для «цифровых аборигенов» (digital natives) технологическая гибкость является врожденной характеристикой, то для традиционных предприятий, особенно в секторах промышленности, ритейла и финансов, процесс интеграции новых решений сопряжен с комплексом системных проблем. Цифровая трансформация в данном контексте перестает быть просто вопросом внедрения программного обеспечения; она превращается в вызов устоявшимся операционным процессам, организационной структуре и корпоративной культуре [1, с. 45].

До 70% проектов цифровой трансформации не достигают поставленных целей, причем ключевые причины лежат не в плоскости технологического несовершенства решений, а в области неготовности самой бизнес-системы к интеграции [4, с. 47]. Цель данной работы – систематизация проблем интеграции цифровых технологий в традиционные бизнес-модели и определение направлений их преодоления.

1. Организационная инерция и структурная жесткость

Традиционные линейно-функциональные структуры и иерархия противоречат требованиям цифровых технологий (Agile, DevOps), которые предполагают горизонтальную интеграцию и децентрализацию. Это порождает организационную инерцию: внедрение IoT и предиктивной аналитики блокируется неадаптированными процедурами согласования инвестиций [6, с. 52]. Руководители, чьи KPI не включают цифровые метрики, воспринимают трансформацию как угрозу. Кроме того, попытка совместить транзакционную эффективность традиционных моделей с экосистемным подходом цифровых без изменения оргструктуры делает невозможным масштабирование пилотов [2, с. 134].

2. Технологический разрыв и управление Legacy-системами

Второй блок проблем связан с технической архитектурой предприятия. Традиционные компании обладают значительным массивом устаревших информационных систем (legacy systems), которые поддерживают критические бизнес-процессы. Эти системы, часто

написанные на устаревших языках программирования (например, COBOL в банковском секторе) или установленные локально (on-premise), характеризуются высокой связностью, отсутствием документации и низкой способностью к интеграции с современными облачными сервисами и API.

Интеграция новых цифровых решений (искусственный интеллект, большие данные, роботизация процессов) в такой ландшафт становится нетривиальной инженерной задачей. Стратегия «полной замены» (big bang) в большинстве случаев экономически нецелесообразна и рискованна, так как ставит под угрозу непрерывность операционной деятельности. Стратегия же «сосуществования» (strangler pattern) требует наличия высококвалифицированных архитекторов, способных выстроить слой абстракции между старым и новым [5, с. 118].

В работе В.В. Быкова и Ю.А. Брюховецкой подчеркивается, что проблема усугубляется дефицитом компетенций: на рынке наблюдается острая нехватка специалистов, способных одновременно понимать логику работы унаследованных систем и владеть современными технологиями контейнеризации и микросервисной архитектуры [2, с. 50]. Это приводит к тому, что интеграция либо затягивается на годы, либо реализуется поверхностно, создавая «цифровой фасад» при сохранении неэффективного «бэк-офиса».

3. Культурный конфликт и изменение модели принятия решений

Цифровая трансформация неизбежно затрагивает корпоративную культуру. Традиционные бизнес-модели часто опираются на культуру предотвращения ошибок и строгого следования регламентам. Цифровые технологии, напротив, требуют культуры экспериментирования, допущения ошибок (fail fast) и постоянного обучения (learning organization). Конфликт этих ценностей является одной из главных причин провала интеграции.

Сотрудники, работающие в компании длительное время, демонстрируют сопротивление изменениям, которое выражается в саботаже новых процессов или формальном следовании инструкциям без понимания сути. Как отмечается в работе [6, с. 53], менеджеры среднего звена часто блокируют внедрение систем поддержки принятия решений (DSS), основанных на данных, поскольку это снижает их эксклюзивную власть в вопросах экспертной оценки. Вместо того чтобы использовать аналитику как инструмент, они продолжают полагаться на интуицию и личный опыт, девальвируя инвестиции в BI-системы (Business Intelligence).

Отсутствие мотивации к освоению цифровых компетенций, приводит к оттоку квалифицированных кадров в технологические компании [3, с. 87].

4. Поиск решений: формирование гибридной модели управления

Преодоление перечисленных проблем требует отказа от линейного подхода, при котором сначала разрабатывается стратегия, а затем внедряются технологии. Современные исследования в области цифровой трансформации указывают на необходимость формирования гибридных моделей управления, сочетающих стабильность традиционного ядра и гибкость цифровой периферии.

Во-первых, внедрение двухскоростной архитектуры (bimodal IT): «Режим 1» – стабильное поддержание legacy, «Режим 2» – гибкая разработка новых цифровых продуктов с использованием API-шлюза [2, с. 201]. Во-вторых, гибридные методологии управления проектами, сочетающие Waterfall для основного производства и Agile для этапов разработки. В-третьих, пересмотр модели компетенций: формирование «T-shaped» специалистов и создание внутренних центров цифровой трансформации, обеспечивающих обучение и управление изменениями [5, с. 125].

Интеграция цифровых технологий в традиционные бизнес-модели представляет собой сложный процесс, выходящий за рамки простого технологического апгрейда. Проведенный анализ позволяет утверждать, что ключевые проблемы лежат в плоскости структурной жесткости организаций, накопленного технологического долга (legacy-систем) и конфликта корпоративных культур. Успешная цифровая трансформация возможна только при условии синхронной модернизации всех трех элементов: архитектуры предприятия, операционной модели и человеческого капитала.

Список литературы

1. Вернер, К. Цифровая трансформация бизнеса: как изменить бизнес-модель для цифровой экономики / К. Вернер. — Москва : Альпина Паблишер, 2021. — 280 с. — ISBN 978-5-9614-3585-6. — Текст : непосредственный.
2. Вестерман, Г. Лидируя в цифровую эпоху: превращение технологий в бизнес-трансформацию / Г. Вестерман, Д. Бонне, Э. Макфи ; перевод с английского. — Boston : Harvard Business Review Press, 2014. — 304 с. — ISBN 978-1-62527-202-3. — Текст : непосредственный.
3. Кейн, Дж. Цифровой миф: почему реальный ключ к трансформации — люди / Дж. Кейн, А. Н. Филлипс, Дж. Копульски, Г. Андрус ; перевод с английского. — Cambridge : MIT Press, 2019. — 240 с. — ISBN 978-0-262-03945-7. — Текст : непосредственный.
4. Быков, В. В. Проблемы и перспективы цифровой трансформации промышленных предприятий / В. В. Быков, Ю. А. Брюховецкая // Вестник университета. — 2023. — № 3. — С. 45–53. — DOI 10.26425/1816-4277-2023-3-45-53. — URL:

<https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/3492> (дата обращения: 20.03.2026). — Текст : электронный.

5. Карякин, А. М. Управление цифровой трансформацией бизнес-моделей: системно-интеграционный подход / А. М. Карякин, С. Ю. Туманова // Российский журнал менеджмента. — 2024. — Т. 22, № 1. — С. 112–129. — DOI 10.21638/spbu18.2024.106. — URL: <https://rjm.spbu.ru/article/view/17234> (дата обращения: 20.03.2026). — Текст : электронный.

6. Швертнер, К. Цифровая трансформация бизнес-моделей / К. Швертнер // Trakia Journal of Sciences. — 2018. — Т. 16, № 1. — С. 50–55. — DOI 10.15547/tjs.2018.01.009. — URL: https://tru.uni-sz.bg/tsj/Vol16N1_2018/K.Schwertner.pdf (дата обращения: 20.03.2026). — Текст : электронный.

А.С. ДОРОХИНА

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал,
студент II курса направления подготовки
«Экономика»

Научный руководитель

Ю.В. ЛЫСЕНКО

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал,
д.э.н., профессор

A.S. DOROKHINA

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch,
2nd year student of the Economics Department

Academic Supervisor

Yu.V. Lysenko

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch,
Dr. of Economics, Professor

ОЦЕНКА РОССИЙСКОГО РЫНКА ЛИЗИНГА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ASSESSMENT OF THE RUSSIAN LEASING MARKET: CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация

В статье рассмотрена роль финансовой аренды в условиях ограниченности доступа к оборотному капиталу предприятий с целью финансирования обновления фонда основных средств. Лизинг позиционируется как действенный механизм, способствующий развитию бизнеса и регулярно подтверждающий свою востребованность и актуальность. В работе приводится обзор российского рынка лизинговых услуг и его ключевых особенностей.

Abstract

The article examines the role of financial leasing in the context of limited access to working capital for enterprises in order to finance the renewal of fixed assets. Leasing is positioned as an effective mechanism that promotes business development and regularly demonstrates its relevance and importance. The article provides an overview of the Russian leasing market and its key features.

Ключевые слова: лизинг, финансирование, характеристика рынка лизинга.

Keywords: leasing, financing, characteristics of the leasing market.

Российский рынок лизинга занимает ключевое место в системе финансирования обновления основных фондов, выступая одним из наиболее гибких инструментов для модернизации производственной базы и поддержки инвестиционной активности бизнеса. В последние годы отрасль демонстрировала как периоды динамичного роста, так и существенные вызовы, связанные с изменениями в налоговой и регуляторной среде, а также колебаниями доступности заёмных средств.

В связи с макроэкономической нестабильностью отмечается существенное изменение количества участников рынка, рассмотрим подробнее на рисунке 1.

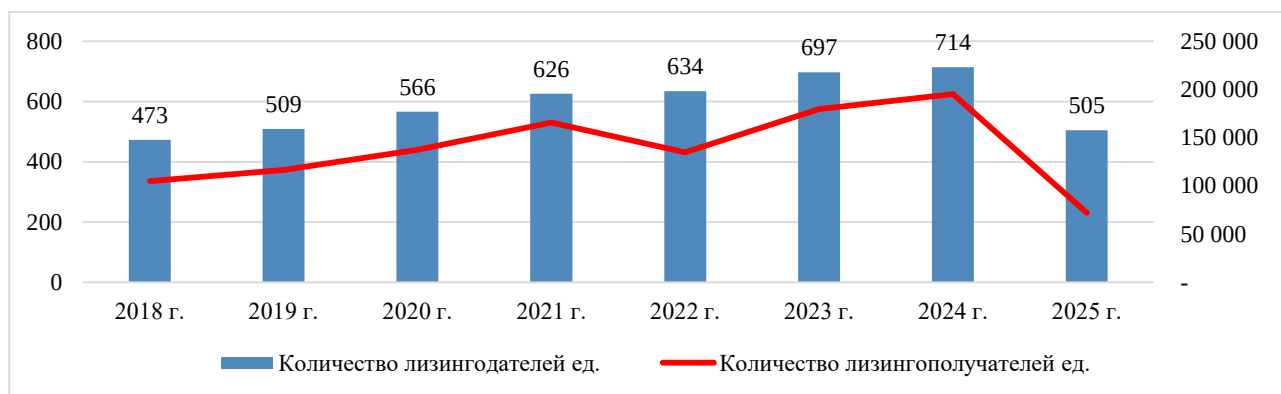


Рисунок 1 – Динамика количества участников российского рынка лизинга, 2018 – 2025 гг.

Оценка динамики российского рынка лизинга за 2018–2025 годы свидетельствует о выраженном структурном росте и адаптации отрасли к внешним вызовам. В течение 2018–2024 годов наблюдался устойчивый тренд на увеличение как числа лизингодателей, так и количества лизингополучателей: количество компаний-лизингодателей выросло с 473 до 714 единиц, а число клиентов — со 104 877 до 195 018 [4]. Рост числа лизингополучателей отражает востребованность инструмента как способа финансирования обновления основных средств, особенно в условиях ограниченного доступа к классическому кредитованию и высокой стоимости заёмных ресурсов.

Однако в 2025 году фиксируется резкое сокращение обоих показателей. Подобная динамика объясняется совокупностью факторов; влияние макроэкономической нестабильности, ужесточение денежно-кредитной политики и рост ключевой ставки привели к удорожанию фондирования и снижению инвестиционной активности, изменения в налоговом регулировании и введение новых ограничений для малого и среднего бизнеса снизили доступность лизинга для части клиентов, общий спад деловой активности.

Несмотря на временное сжатие рынка в 2025 году, долгосрочный тренд свидетельствует о зрелости лизинговой отрасли и её способности быстро восстанавливаться при улучшении экономических условий. Высокая доля лизинга в корпоративных продажах, развитие новых сегментов (например, недвижимости и сервисного лизинга), а также поддержка со стороны государства формируют фундамент для будущего роста.

Ключевым показателем оценки роста рынка лизинга является объем нового бизнеса, представляющий собой стоимость переданных клиентам предметов лизинга без НДС. Динамика этого показателя отличается выраженной волатильностью (рисунок 2). После спада в 2020 году, в 2021–2023 годах наблюдается резкий подъём, пик которого приходится на 2023 год — прирост к предыдущему году составил 81%. В 2024–2025 годах фиксируется заметное снижение: в 2025 году объём нового бизнеса сокращается на 40% по сравнению с 2024 годом [3]. Тем не менее, с учетом коррекции показатель остаётся выше докризисных уровней. Доля нового бизнеса в инвестициях в основной капитал к 2025 году составляет около 4,7%, что говорит о значимой, но не доминирующей роли лизинга в структуре обновления основных фондов [1].

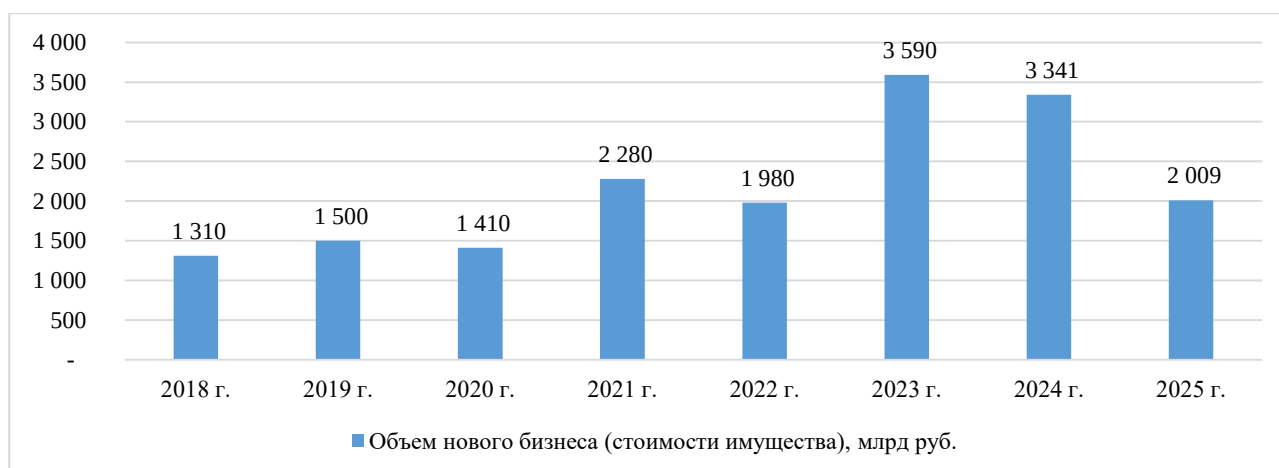


Рисунок 2 – Динамика объема нового бизнеса, 2018 – 2025 гг.

Совокупный лизинговый портфель компаний на протяжении всего рассматриваемого периода демонстрировал уверенную положительную динамику, что говорит о стабильном расширении лизингового бизнеса и доверии к этому инструменту финансирования (рисунок 3) [3].

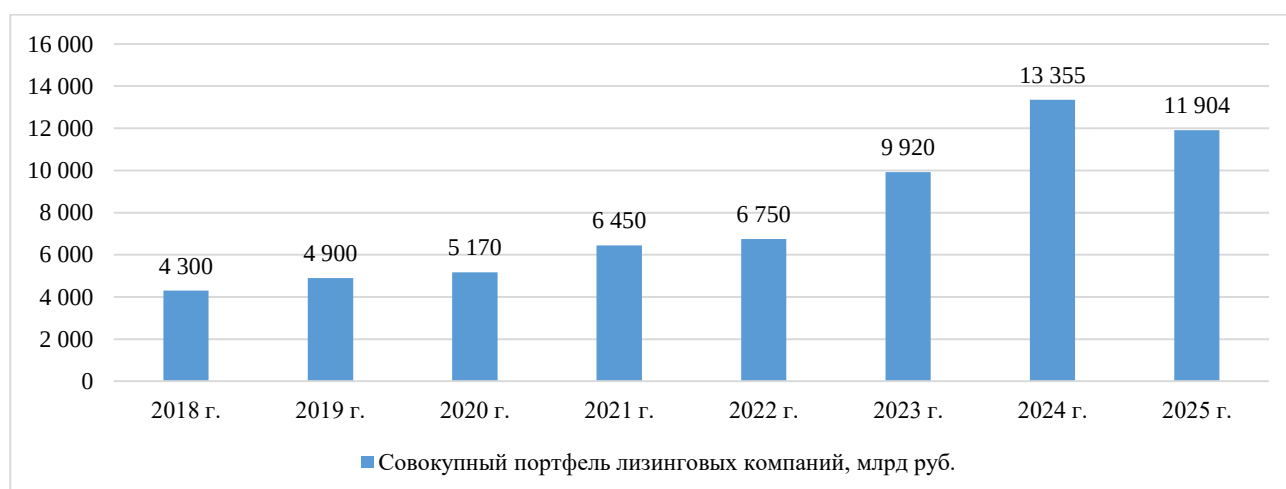


Рисунок 3 – Динамика объёма лизингового портфеля, 2018 – 2025 гг.

В 2025 году наблюдается умеренное сокращение портфеля на 11% по сравнению с предыдущим годом, что может быть связано с коррекцией после бурного роста и изменением рыночной конъюнктуры.

Наибольший прирост лизингового портфеля был зафиксирован в 2023 году (47% к итогу 2022 года), что отражает всплеск спроса на лизинговые услуги и активное заключение новых долгосрочных контрактов. К 2025 году совокупный портфель достиг почти 12 трлн

руб., что эквивалентно примерно 27,9% всех инвестиций в основной капитал страны. Такой масштаб свидетельствует о высокой концентрации лизинговых активов в структуре финансирования обновления основных фондов и подчёркивает растущую роль лизинга как одного из ключевых инструментов для модернизации и развития производственной базы экономики [2].

Исходя из проведенного анализа, рынок лизинга в России сохраняет значительный потенциал для восстановления и дальнейшего развития при стабилизации макроэкономической среды и сохранении мер господдержки.

Список литературы

1. Инвестиции в России // ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ: официальный сайт. – Режим доступа: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2025.pdf (дата обращения 15.03.2026).
2. Капанова Л.Д. Инвестиции в лизинг: проблемы и перспективы развития лизинга в современной России / Капанова Л.Д. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 39 – 66.
3. Рынок лизинга по итогам 2025 года: под тяжестью ключа // Эксперт РА: официальный сайт. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/researches/leasing/2025/#resume> (дата обращения 20.03.2026).
4. Статистические данные по рынку лизинга 2016 – 2025 гг. // НП «ЛИЗИНГОВЫЙ СОЮЗ» совместно с Федресурсом: официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.tpprf-leasing.ru/workdir/files/06/statistika-lizing-2016-2025-1kv.pdf> (дата обращения 15.03.2026).

И. Г. ДЫДЫКИН

Уральский филиал Финуниверситета
Студент 3 курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Н. С. СОГРИНА

канд. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

I. G. DYDYKIN

Ural branch of the Financial University
3rd year student
«Economy»

Scientific supervisor

**ТРАНСФОРМАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ РИСКОМ
ПРИ ОЦЕНКЕ СТОИМОСТИ БИЗНЕСА**

**TRANSFORMATIONS OF RISK
MANAGEMENT IN BUSINESS VALUATION**

Аннотация

В условиях трансформации российской экономики и нарастания макроэкономической волатильности традиционное понимание риск-менеджмента как функции защиты от убытков уступает место концепции интегрированного управления рисками (ERM), ориентированной на создание стоимости. В статье систематизированы четыре канала влияния риск-менеджмента на стоимость бизнеса. На основе анализа эмпирических данных российских публичных компаний и результатов международных исследований проведена количественная оценка эффектов. Представлен сравнительный анализ затратного, регуляторного, рейтингового и стоимостного подходов к оценке эффективности риск-менеджмента, обоснована необходимость перехода от затратной модели к инвестиционной, где расходы на управление рисками рассматриваются как вложения в снижение неопределенности будущих доходов.

Annotation

Amid the transformation of the Russian economy and the rise of macroeconomic volatility, the traditional understanding of risk management as a loss protection function is giving way to the concept of integrated Enterprise Risk Management (ERM) focused on value creation. The article systematizes four channels through which risk management influences business value. Based on an analysis of empirical data from Russian public companies and the results of international studies, a quantitative assessment of the effects is conducted. A comparative analysis of cost-based, regulatory, rating-based, and value-based approaches to evaluating risk management effectiveness is presented, and the necessity of transitioning from a cost-based model to an investment-based one is substantiated, wherein risk management expenditures are viewed as investments aimed at reducing the uncertainty of future income.

Ключевые слова: стоимость бизнеса, управление рисками, интегрированное управление рисками (ERM), стоимость капитала, волатильность, эффективность риск-менеджмента, корпоративное управление.

Key words: business value, risk management, Enterprise Risk Management (ERM), cost of capital, volatility, risk management effectiveness, corporate governance.

Современный этап развития корпоративных финансов характеризуется пересмотром отношения к риску. Если в рамках классической теории риск рассматривался преимущественно как фактор, разрушающий стоимость, то в современных концепциях стратегического финансового менеджмента управление рисками позиционируется как один из драйверов создания фундаментальной стоимости компании. Данный сдвиг обусловлен нарастанием неопределенности внешней среды: по данным рейтингового агентства «Эксперт РА», в 2023 году индекс волатильности макроэкономических показателей в Российской Федерации достиг значений, превышающих средние показатели 2018–2021 годов более чем в 2,5 раза [6].

Проблематика исследования заключается в разрыве между декларируемой важностью риск-менеджмента и отсутствием формализованных подходов к оценке его прямого вклада в приращение стоимости бизнеса. Затраты на построение систем управления рисками зачастую воспринимаются собственниками как вынужденные расходы, не имеющие понятного возврата на инвестиции. Отсутствие общепринятых метрик, увязывающих качество риск-менеджмента с фундаментальной стоимостью, приводит к недофинансированию этого направления и, как следствие, к повышенной уязвимости бизнеса в кризисные периоды.

Влияние риск-менеджмента на стоимость компании реализуется через четыре основных канала.

Первый канал – стабилизация денежных потоков. Хеджирование ценовых, валютных и процентных рисков позволяет избегать кассовых разрывов и обеспечивать предсказуемость поступлений. Использование производных финансовых инструментов в российских нефтегазовых компаниях позволяет снизить волатильность операционной прибыли на 15–30% в зависимости от выбранной стратегии хеджирования [3, с. 113]. В качестве примера можно привести ПАО «Лукойл», которое в 2022–2024 годах применяло комбинированную стратегию хеджирования валютных рисков, используя форвардные контракты и опционы, что позволило минимизировать влияние колебаний курса рубля на экспортную выручку [5].

Второй канал – снижение стоимости капитала. Чем ниже воспринимаемая инвесторами и кредиторами неопределенность, тем меньше премия за риск, закладываемая в ставку дисконтирования. Качественная система риск-менеджмента, подтвержденная прозрачной

отчетностью, ведет к уменьшению процентных ставок по заемному финансированию. Исследование на выборке российских публичных компаний показывает, что наличие в совете директоров независимого риск-комитета положительно коррелирует с кредитным рейтингом компании и может снижать стоимость заемного капитала на 0,5–1,2 процентного пункта [2, с. 195].

Третий канал – реализация инвестиционных возможностей. Эффективный риск-менеджмент расширяет границы допустимого риска, позволяя компании осваивать новые рыночные ниши и реализовывать проекты с высокой доходностью, которые могли быть отвергнуты из-за чрезмерной неопределенности. ПАО «Норильский никель» в 2023 году запустило программу модернизации мощностей на Таймыре, которая ранее откладывалась из-за высоких геополитических и технологических рисков; внедрение системы раннего предупреждения и страхования рисков позволило принять проект с ожидаемой доходностью 22% [6].

Четвертый канал – сигнальный. Раскрытие информации о системе управления рисками снижает асимметрию информации между менеджментом и инвесторами. По данным исследования российского рынка капитала, компании с высоким уровнем раскрытия информации о рисках демонстрируют премию в рыночной капитализации на уровне 12–18% по сравнению с компаниями с минимальным раскрытием [2, с. 196]. Показательным примером является ПАО «Сбербанк», в отчетности которого с 2022 года ежегодно представляется детальный анализ рисков ESG-факторов, который способствует росту интереса со стороны долгосрочных институциональных инвесторов [4].

Международные исследования подтверждают положительную связь между зрелостью систем управления рисками и финансовыми показателями. Исследование PwC «Pulse Survey» (2024) показывает, что компании, внедрившие передовые стратегии управления рисками, смогли снизить финансовое воздействие операционных сбоев на 20%, одновременно повысив операционную эффективность на 15% [9]. Более системный анализ представлен в исследовании Deloitte «Global Risk Management Survey» (2024): фирмы с высоким уровнем зрелости риск-менеджмента на 25% чаще опережают конкурентов по темпам роста выручки [8].

Российская практика также демонстрирует аналогичные тенденции. По данным опроса, проведенного компанией «KPMG» среди 50 крупнейших российских публичных компаний в 2024 году, 78% респондентов отметили, что внедрение интегрированной системы управления рисками (ERM) позволило сократить непредвиденные потери в среднем на 18–22% [5]. При этом наибольший эффект достигается в компаниях, где риск-менеджмент интегрирован в процесс стратегического планирования.

В современной практике сложилось несколько подходов к оценке эффективности риск-менеджмента. Для систематизации существующих подходов и обоснования выбора наиболее адекватного из них в таблице 1 представлен сравнительный анализ.

В современной практике сформировались различные подходы к оценке эффективности риск-менеджмента, каждый из которых имеет методологические ограничения и области применения. Сравнительная характеристика указанных подходов представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ подходов к оценке эффективности риск-менеджмента

Подход	Сущность подхода	Преимущества	Недостатки	Связь со стоимостью
1	2	3	4	5
Затратный	Сравнение затрат на риск-менеджмент с предотвращенными убытками	Простота расчета, понятность для собственников	Не учитывает нефинансовые эффекты; ориентирован на прошлое; сложность оценки устраненных убытков	Косвенная (сохранение существующей стоимости)
Регуляторный	Соответствие требованиям регуляторов и стандартам (ISO 31000, COSO)	Снижение регуляторных рисков	Формальный характер; не гарантирует реальной эффективности	Минимальная
Рейтинговый	Оценка зрелости системы внешними экспертами (рейтинги)	Возможность бенчмаркинга; сигнал для инвесторов	Субъективность; высокая стоимость; дискретность оценки	Средняя (через сигнальный эффект)
Стоимостный	Интеграция факторов риска в модель дисконтированных денежных потоков	Количественная оценка вклада в стоимость; учет будущих эффектов;	Сложность расчетов; зависимость от качества исходных	Прямая (измеряется в приросте стоимости)

	через корректировку денежных потоков и ставки дисконтирования	инвестиционная логика	данных; необходимость экспертных допущений	

Затратный подход, несмотря на свою простоту, не позволяет оценить долгосрочный эффект от управления рисками, так как ориентирован на анализ уже произошедших событий. Регуляторный подход, базирующийся на формальном соответствии требованиям ISO 31000 или COSO, не гарантирует реальной эффективности риск-менеджмента и не отражает его влияния на финансовые результаты. Рейтинговый подход дает сигнал рынку, но страдает субъективностью и дискретностью оценок. Только стоимостной подход позволяет напрямую измерить вклад риск-менеджмента в изменение фундаментальной стоимости компании, что делает его наиболее уместным инструментом для принятия стратегических решений.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие рекомендации для российских компаний, стремящихся повысить эффективность риск-менеджмента в контексте управления стоимостью.

Во-первых, целесообразно перейти от разрозненных процедур управления отдельными рисками к интегрированной системе ERM, охватывающей все уровни управления. Так, например, по данным исследования ПАО «Северсталь», внедрение интегрированной системы риск-менеджмента в 2023–2024 годах позволило сократить количество непредвиденных инцидентов на 35% и снизить затраты на страхование на 12% [7].

Во-вторых, необходимо внедрить показатели эффективности (KPI), увязывающие результаты риск-менеджмента с финансовыми метриками.

В-третьих, требуется интеграция риск-менеджмента в процесс принятия инвестиционных решений. Для этого может использоваться методика оценки скорректированной стоимости капитала с учетом зрелости риск-менеджмента, что позволяет принимать проекты, ранее отвергавшиеся из-за высокой волатильности ожидаемых денежных потоков.

Риск-менеджмент перестал быть исключительно тактической функцией контроля. В современной экономической реальности он выступает стратегическим инструментом управления стоимостью бизнеса, воздействуя на все ключевые компоненты оценочных моделей – от волатильности денежных потоков до стоимости привлекаемого капитала.

Компании, инвестирующие в развитие интегрированных систем ERM, повышение прозрачности и применение инструментов хеджирования, получают измеримые

конкурентные преимущества: снижение операционных потерь на 18–22%, уменьшение стоимости долга на 0,5–1,2 процентного пункта и премию в рыночной капитализации на уровне 12–25% [1, с. 659].

Таким образом, сравнительный анализ подходов к оценке эффективности риск-менеджмента показывает, что только стоимостной подход позволяет напрямую измерить вклад риск-менеджмента в изменение фундаментальной стоимости компании, что делает его релевантным инструментом для принятия стратегических решений. Практическая реализация стоимостного подхода требует интеграции риск-менеджмента в процессы стратегического планирования и инвестиционного анализа, внедрения соответствующих KPI и развития культуры управления рисками на всех уровнях организации.

Список литературы

1. Ковалев, В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика. Учебное пособие / В.В. Ковалев. – Москва: Проспект, 2024. – 1104 с.
2. Селезнев, А.С. Корпоративное управление, как часть политики повышения капитализации / А.С. Селезнев, Ю.Г. Тюрина // Инновации и инвестиции. – 2024. – №2. С. 192–197.
3. Соболев, А.И. Сравнительный анализ практик управления рыночными рисками в ведущих нефтегазовых компаниях / А.И. Соболев // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2023. – №4. С. 111–115.
4. Годовой отчет за 2024 год // Сбербанк: официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults?ysclid=mn6xt7b9ut415478377> (дата обращения 01.03.2026).
5. Исследование практик управления рисками в российских компаниях // KPMG: официальный сайт // – Режим доступа: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/11/S.CG.10r.pdf> (дата обращения 27.02.2026).
6. Итоги 2023 года: региональные бюджеты и экономика второй год под санкциями // Expert РА: официальный сайт. – Режим доступа: https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/RA_expert_1710317819.pdf?ysclid=mmkba8b4e0719268011 (дата обращения: 01.03.2026).
7. Консолидированная финансовая отчетность по МСФО за 12 месяцев, закончившихся 31 декабря 2025 года // ПАО «Северсталь»: официальный сайт. – Режим доступа: <https://severstal.com/rus/ir/indicators-reporting/financial-results/?ysclid=mn3617krn6287485531%5C> (дата обращения: 02.03.2026).

8. Global Risk Management Survey: 15th Edition // Deloitte: официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.deloitte.com/gr/en/about/press-room/global-risk-management-survey-financial-services-pr.html> (дата обращения: 28.02.2026).

9. Risk Management Strategies and Financial Performance // PwC: официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.pwc.com/us/en/library/pulse-survey/finding-opportunity-in-business-reinvention/risk-management-leaders.html> (дата обращения: 27.02.2026).

О.М. ЗАВОДЯНАЯ

Сургутский финансово-экономический колледж – филиал ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
«Финансы»

Научный руководитель

Л.М. ТАЛИПОВА

Сургутский финансово-экономический колледж – филиал ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Преподаватель

О.М. ZAVODIANAIA

Surgut Financial and Economic College – branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
«Finance»

Scientific adviser

L.M. TALIROVA

Surgut Financial and Economic College – branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
Teacher

ВЛИЯНИЕ ПОЯВЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС В РОССИИ

THE IMPACT OF THE EMERGENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN RUSSIA

Аннотация

С 2020 года в мире стремительно набирает популярность искусственный интеллект. Зачастую просматривая короткие видеоролики, люди не могут отличить реальность от видео, сгенерированного искусственным интеллектом. С момента как ИИ вошел в современную жизнь людей многое меняется, например бизнес. Появление ИИ значительно повлияло на социально-экономические сферы жизни, включая малый и средний бизнес в России.

Annotation

Since 2020, artificial intelligence has been rapidly gaining popularity in the world. Often, when watching short videos, people cannot distinguish reality from videos generated by artificial intelligence. Since AI entered people's modern lives, many things have been changing, such as business. The emergence of AI has significantly affected socio-economic spheres of life, including small and medium-sized businesses in Russia.

Ключевые слова: искусственный интеллект, бизнес, предпринимательство, адаптация, автоматизация, цифровизация, цифровая трансформация, производительность труда, ИИ-технологии.

Keywords: artificial intelligence, business, entrepreneurship, adaptation, automation, digitalization, digital transformation, labor productivity, AI technologies.

Малое и среднее предпринимательство России в наше время играет ключевую роль в современной экономике. Развитие малого предпринимательства ведет к насыщению внутреннего рынка новыми товарами и услугами, а также к увеличению экспортируемых товаров. Оно более динамично, поэтому способно за короткий промежуток времени производить новые продукты, товары и внедрять их на российский и международный рынок.

В России ведётся Единый реестр субъектов малого и среднего бизнеса. На портале Федеральной налоговой службы размещён перечень, в которой включены все субъекты малого и среднего предпринимательства РФ. Сведения о субъектах МСП вносятся в реестр автоматически, на основании данных из ЕГРЮЛ, ЕГРИП и налоговой отчётности. На долю МСП в России приходится 20% валового внутреннего продукта, что является не маленьким значением.

	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели
Микропредприятия	6 657 478	1 983 458	4 674 020
Малые предприятия	232 237	199 168	33 069
Средние предприятия	22 108	21 489	619

Таблица 1. Количество предприятий в России на 10.03.2026г.

Согласно исследованию агентства Online Market Intelligence (OMI), проведённому в феврале 2026 года с участием 1046 представителей малого и среднего бизнеса, 61% российских компаний малого и среднего предпринимательство (далее МСП) уже используют

ИИ-сервисы для решения рабочих задач. Данные Городских сервисов Яндекса, опубликованные в январе 2026 года, показывают, что 40% предпринимателей в городах-миллионниках уже делегируют искусственному интеллекту часть задач, а ещё 23% планируют начать это делать в ближайшее время. Наибольший уровень проникновения ИИ зафиксирован в Казани (62%), Санкт-Петербурге (50%) и Красноярске (48%) .

Важно отметить, что интенсивность использования ИИ различается в зависимости от сферы деятельности. Максимальное проникновение технология получила в маркетинге и контент-создании: 77% компаний признают, что ИИ-сервисы стали частью необходимых инструментов в маркетинге и рекламе. На практике это выражается в использовании нейросетей для написания текстов (62% компаний), генерации изображений (55%) и создания описаний товаров (48%) . Высокую активность также демонстрируют ИТ-сектор, сфера финансов, общепит и образование .

Искусственный интеллект — это область информационных технологий, направленная на создание систем, способных выполнять задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта: обучение, распознавание образов, принятие решений, обработка естественного языка.

С появлением ИИ улучшилась автоматизация бизнеса, например некоторые задачи искусственный интеллект выполняет в несколько раз быстрее чем среднестатистический работник, что приводит к быстрому выполнению задач и следственно снижает затраты на заработную плату, а также производственные расходы. Так же ИИ демонстрирует высокую эффективность в обработке информации и заказов, все больше предпринимателей готовы для своего бизнеса приобрести специально разработанные программы для быстрой обработки информации и выполнения задания. Искусственный интеллект способен быстро проложить маршрут для логистики (использование нейросетей для оптимизации маршрутов доставки в сервисах такси и доставки еды), способен в режиме онлайн 24/7 быть на связи с потенциальными клиентами, ответить на их вопросы и помочь оформить заказ.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта находят широкое применение в агропромышленном комплексе, потому что с приходом ИИ пришла автоматизация многих задач таких как: полив растений, создание оптимальной температуры и влажности, контроль почвы, распознавание брака продукции.

Государственная поддержка внедрения ИИ в МСП. В России существуют меры поддержки (например, нацпроект «Экономика данных», льготное кредитование на ИТ-решения, грантовая поддержка инновационных проектов в сфере ИИ, для предпринимателей, не имеющих достаточного залогового обеспечения, действует механизм «зонтичных» поручительств Корпорации МСП).

Не стоит забывать о том, что в любой сфере есть свои недостатки, так и в сфере искусственного интеллекта существуют свои особенности.

Искусственный интеллект еще недостаточно освоен в России и поэтому могут наблюдаться ошибки и неточности. Для лучшего функционирования ИИ стоит привлечь к работе специально обученного человека, который будет следить за ответами и выполнением задач искусственного интеллекта. Для малого бизнеса проблема часто заключается не только в деньгах на покупку программного обеспечения, но и в отсутствии специалистов, способных его настраивать и сопровождать. Использование сторонних ИИ-сервисов может повышать риски утечки коммерческих данных, что особенно критично для малых предприятий, не имеющих собственных IT-отделов.

Высокая стоимость внедрения и налаживания работы. Разработка персонального ИИ или программы, требует больших энергозатрат и финансовых вложений, не все готовы вкладывать большие суммы или брать кредиты. Кроме того, алгоритмы искусственного интеллекта нуждаются в регулярном обновлении и доработке, что влечёт дополнительные расходы на работу специалистов.

Подводя итог, мы можем сказать, что искусственный интеллект играет важную роль в развитии малого и среднего предпринимательства в России, многие процессы становятся высокоэффективными при использовании ИИ. Так же стоит помнить, что у всех бывают слабые стороны и ошибки, которые лучше вовремя заметить и предотвратить появление новых ошибок.

Список литературы

1. Валеев А. С., Кузнецова Е. В. Влияние искусственного интеллекта на бизнес-процессы: возможности и риски // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 4 (122). (дата обращения: 25.03.2026).
2. Поляков В. В. Использование технологий искусственного интеллекта в агропроизводственном секторе: состояние и перспективы // Экономика и экология территориальных образований. 2023. № 3. (дата обращения: 20.03.2026).
3. Удальцова Н. Л. Практика применения и проблемы внедрения искусственного интеллекта в бизнес-процессы компании // ЭПП. 2025. № 3. (дата обращения: 23.03.2026).

Е.А. ИЛЬИНА
Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Юриспруденция»

Научный руководитель

О.В. ПЕРЕВОЗОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. пед. наук, доцент

E.A. ILYINA

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Jurisprudence»

Scientific supervisor

O.V. PEREVOZOVA

Ural branch of the Financial University
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ – УЧАСТНИКА ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ В ЕАЭС: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ТАМОЖЕННЫЕ АСПЕКТЫ

LEGAL STATUS OF AN ENTREPRENEUR – A PARTICIPANT IN MUTUAL TRADE IN THE EAEU: CIVIL AND CUSTOMS ASPECTS

Аннотация

В статье исследуется правовой статус индивидуального предпринимателя в государствах – членах ЕАЭС и его значение для участия во взаимной торговле. На примере правовых систем Армении и Кыргызстана показывается, что, несмотря на общую интеграционную рамку, сохраняются различия в конструкции статуса предпринимателя, режиме его имущества и степени сближения с регулированием юридических лиц. Анализируются особенности положения предпринимателя на внутреннем рынке ЕАЭС в условиях упрощенного таможенного контроля во взаимной торговле, сохранения статистического учёта и администрирования косвенных налогов, а также влияние барьеров, изъятий и ограничений на предсказуемость правового режима. Отдельное внимание уделяется национальной системе подтверждения ожидания товаров (СПОТ) в Российской Федерации как примеру цифрового превентивного инструмента, меняющего объём обязанностей и рисков предпринимателя при ввозе товаров из других государств – членов Союза.

Annotation

The article examines the legal status of an individual entrepreneur in the EAEU member states and its importance for participation in mutual trade. Using the example of the legal systems of Armenia and Kyrgyzstan, it is shown that, despite the common integration framework, differences

remain in the design of the entrepreneur's status, the regime of his property and the degree of convergence with the regulation of legal entities. The article analyzes the specifics of an entrepreneur's position in the domestic market of the EAEU in the context of simplified customs control in mutual trade, the preservation of statistical accounting and the administration of indirect taxes, as well as the impact of barriers, exemptions and restrictions on the predictability of the legal regime. Special attention is paid to the national system for confirming the expectation of goods (SPOT) in the Russian Federation as an example of a digital preventive tool that changes the scope of an entrepreneur's responsibilities and risks when importing goods from other member States of the Union.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, ЕАЭС, взаимная торговля, внутренний рынок, барьеры, косвенные налоги, система СПОТ.

Keywords: individual entrepreneur, EAEU, mutual trade, internal market, barriers, indirect taxes, SPOT system.

Статус индивидуального предпринимателя до сих пор вызывает повышенный интерес в странах СНГ и ЕАЭС. Ученые связывают это с общим «советским» наследием: после распада СССР, государства исходили из схожей базы, но дальнейшее развитие национальных моделей предпринимательского права пошло по разным траекториям, и единства в подходах к статусу индивидуального предпринимателя так и не сложилось. Индивидуальный предприниматель остаётся наиболее «гибкой» формой участия в обороте. Благодаря данному статусу малый бизнес чаще всего выходит на внешние рынки, в том числе на пространство ЕАЭС [1].

Описывая правовое положение индивидуального предпринимателя, исследователи обычно исходят из того, что оно складывается из нескольких базовых, по сути «несущих», характеристик. К ним относят момент, с которого лицо признаётся предпринимателем и теряет этот статус, возрастные пределы допуска к самостоятельному ведению бизнеса, объём предоставляемых ему гражданских прав и обязанностей, а также способ отделения имущества, задействованного в предпринимательской деятельности, от личной и общей собственности [2]. В государствах – членах ЕАЭС эти элементы конструируются по-разному: где-то регулирование ограничивается общими гражданскими нормами, а где-то, как в Казахстане, вырастают специальные массивы норм, посвящённые именно индивидуальным предпринимателям [1].

Даже при наличии общих интеграционных установок государства ЕАЭС выстраивают правовой статус предпринимателя по-разному, и на национальном уровне это хорошо видно

на конкретных примерах. Так, в Республике Армения приобретение и утрата статуса индивидуального предпринимателя жёстко привязаны к факту внесения записи в реестр и её последующему аннулированию, однако вопрос отделения имущества, используемого в бизнесе, от остальной имущественной массы окончательно не урегулирован: законодательство не требует ведения отдельного бухгалтерского учёта предпринимательского имущества, что затрудняет его обособление. В Кыргызской Республике, напротив, гражданину предоставляется возможность вести предпринимательскую деятельность без создания юридического лица при условии регистрации или получения патента, при этом к такому субъекту во многом предъявляются требования, близкие к тем, что установлены для организаций, что на практике приводит к сближению режимов регулирования различных организационно-правовых форм участников оборота. [1]

Во взаимной торговле между государствами – членами Евразийского экономического союза предприниматель действует прежде всего в условиях внутреннего рынка Союза, где перемещение товаров между странами-участницами не сопровождается традиционными таможенными формальностями. Создание таможенного союза и единой таможенной территории привело к тому, что таможенный контроль был перенесён на таможенную границу, а во внутрисоюзном товарообороте отменены пошлины и количественные ограничения, что обеспечило свободное движение товаров в рамках внутреннего рынка ЕАЭС [4]. Регулирование перемещения товаров в этом сегменте строится не на оформлении таможенных деклараций, а на статистическом учёте взаимной торговли и специальных механизмах администрирования косвенных налогов, которые позволяют государствам контролировать налоговые поступления при отсутствии пограничного таможенного контроля [7].

В таких условиях гражданско-правовое положение предпринимателя, участвующего во взаимной торговле, формируется с учётом интеграционной надстройки. При этом речь идёт уже не о прямом применении таможенных процедур, а о правилах доступа товаров на внутренний рынок и о налоговом, техническом и ином регулировании, согласованном на уровне ЕАЭС. Заключая и исполняя договоры поставки в рамках Союза, предприниматель ориентируется на нормы Договора о ЕАЭС, акты Евразийской экономической комиссии и согласованные технические регламенты, а также на национальные правила, реализующие единые подходы к косвенным налогам и статистическому учёту взаимной торговли; нарушения этих требований (например, неверное оформление документов, несоблюдение технических норм или налоговых обязанностей) могут приводить к срыву поставок, дополнительным расходам и гражданско-правовым претензиям со стороны контрагентов [5].

При этом в работах по данной теме подчёркивается, что безбарьерный характер внутреннего рынка ЕАЭС пока во многом остаётся лишь целевой установкой, а не полностью достигнутой реальностью: наряду с отменой таможенного контроля на внутренних границах сохраняются различные препятствия во взаимной торговле, включая изъятия и ограничения в отдельных секторах, технические и иные нетарифные барьеры. Эти преграды, значительная часть которых имеет регуляторный характер, воспринимаются бизнесом как факторы, ограничивающие доступ на рынки партнёров и снижающие предсказуемость условий ведения предпринимательской деятельности даже внутри формально единого экономического пространства [6].

В этих условиях обсуждается необходимость дальнейшего сближения гражданско-правовых норм, применимых к предпринимателям, которые работают сразу в нескольких юрисдикциях Союза. Предлагается ориентироваться на модель единого экономического пространства, где используются однотипные механизмы регулирования и гармонизированные либо унифицированные нормы. По сути, речь идёт о выработке сопоставимых подходов к определению статуса предпринимателя, условиям его ответственности и базовому набору способов защиты нарушенных прав. Реализация такого подхода могла бы снизить правовую неопределённость для предпринимателей, участвующих во взаимной торговле, и обеспечить более согласованное взаимодействие гражданско-правового и интеграционного регулирования [3]. Представляется, что без такого сближения разговоры о «едином экономическом пространстве» для предпринимателя будут оставаться во многом формальными, поскольку фактически он продолжит работать сразу в нескольких, не всегда согласованных правовых порядках.

Отдельное направление развития связано с внедрением цифровых и превентивных инструментов контроля. Предполагается, что они одновременно будут повышать прозрачность операций и помогать бизнесу заранее оценивать налоговые последствия. Характерным примером является национальная система подтверждения ожидания товаров (СПОТ), вводимая в Российской Федерации с 1 апреля 2026 года при ввозе товаров из государств – членов ЕАЭС автомобильным транспортом. Суть этой системы состоит в том, что контроль по косвенным налогам смещается на доконтрольный этап: до пересечения границы импортер либо посредник подаёт документ о предстоящей поставке (ДОПП), в котором отражаются данные о сторонах сделки, товаре, транспорте, планируемой дате ввоза и обеспечительном платеже либо основаниях освобождения от него; по результатам обработки этих сведений формируется QR-код, служащий цифровым идентификатором конкретной поставки [9].

В переходный период с 1 апреля по 30 июня 2026 года система работает без фактического взимания обеспечительного платежа, но уже позволяет отследить случаи отсутствия ДОПП, тогда как с 1 июля 2026 года внесение обеспечения становится обязательным, а отсутствие корректного ДОПП с QR-кодом будет рассматриваться как основание для недопуска транспортного средства с товаром на территорию России. Для предпринимателя, задействованного во взаимной торговле, это означает появление более формализованного, но и более прогнозируемого порядка взаимодействия с налоговыми и таможенными органами: надлежащим образом оформленный ДОПП и действующий QR-код фактически подтверждают допустимость ввоза партии товара ещё до пересечения границы. Одновременно на него возлагаются дополнительные организационные обязанности – своевременно подавать сведения, следить за соответствием данных ДОПП товаросопроводительным документам и контролировать статус поставки в системе; нарушение этих требований может привести к задержке груза, запрету на ввоз и, как следствие, к неисполнению или ненадлежащему исполнению договорных обязательств перед партнёрами по ЕАЭС и связанным с этим гражданско-правовым последствиям [8].

В более общем плане подобные цифровые решения можно рассматривать как этап эволюции правового режима взаимной торговли в ЕАЭС: они демонстрируют стремление совместить усиленный предварительный контроль с созданием более прозрачных и управляемых условий для предпринимательской деятельности на общем рынке, связывая национальные налоговые новации с интеграционными целями Союза.

Таким образом, СПОТ уменьшает пространство для манёвра у недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности, но одновременно увеличивает требования к организации документооборота у добросовестных предпринимателей.

Список литературы

1. Давудов Д. А. Отдельные вопросы правового статуса индивидуального предпринимателя // Закон и право. 2020. № 10. С. 45–50.
2. Жак Е. А. Основные положения правового статуса индивидуального предпринимателя // Молодой ученый. 2020. № 46 (336). С. 292–294. URL: <https://moluch.ru/archive/336/74942> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Жук И., Титок И., Кондратенко Р., Гончарик Н. Безбарьерная торговля в ЕАЭС: современное состояние и пути развития // Банкаўскі веснік. 2020. № 8. С. 3–17.
4. Кусаинов Б. О. Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 6А. С. 670–675.

5. Право Евразийского экономического союза: учебник / под ред. Т. Н. Нешатаевой; вступ. ст. Г. П. Ивлиева. М.: Городец, 2025. 624 с.

6. Тарасов А. Г. ЕАЭС: анализ проблем взаимной торговли в условиях деглобализации // Международная торговля и торговая политика. 2024. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-analiz-problem-vzaimnoy-torgovli-v-usloviyah-deglobalizatsii> (дата обращения: 10.03.2026).

7. Федеральная налоговая служба. Как платить косвенные налоги при торговых операциях со странами ЕАЭС. 12.02.2020. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn59/news/activities_fts/9584243/ (дата обращения: 10.03.2026).

8. Федеральная налоговая служба. С 1 апреля меняется порядок ввоза товаров из ЕАЭС на территорию РФ автомобильным транспортом. 01.03.2026. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16605953/ (дата обращения: 10.03.2026).

9. Федеральная налоговая служба. Система подтверждения ожидания товаров (СПОТ). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/spot/ (дата обращения: 10.03.2026).

А. В. КАЗАНЧУК

Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, студент 2-ого курса направления подготовки «Менеджмент организации»

Научный руководитель

Н. В. УГРЮМОВА

Кандидат экономических наук, доцент; Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

A. V. KAZANCHUK

Ural Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 2st-year student of the «Organization Management» degree program.
Scientific supervisor

Scientific supervisor

N. V. UGRYUMOVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Ural Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ОПТИМИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

OPTIMIZATION OF BUSINESS PROCESSES IN THE FACE OF ECONOMIC CHANGES

Аннотация

В статье рассматриваются особенности оптимизации бизнес-процессов в условиях экономических перемен. Показано, что нестабильность внешней среды требует от организаций гибкости и способности быстро адаптироваться. Особое внимание уделяется практическим аспектам совершенствования бизнес-процессов на примере российского промышленного предприятия. Сделан вывод о том, что своевременная оптимизация позволяет организациям снижать затраты и повышать эффективность деятельности.

Annotation

The article discusses the features of business process optimization in conditions of economic change. It is shown that instability of the external environment requires organizations to be flexible and adapt quickly. Special attention is paid to practical aspects of improving business processes using the example of a Russian industrial enterprise. It is concluded that timely optimization allows companies to reduce costs and improve efficiency.

Ключевые слова: бизнес-процессы, экономические изменения, оптимизация, управление, эффективность, промышленное предприятие

Keywords: business processes, economic change, optimization, management, efficiency, industrial enterprise

В современных условиях экономика характеризуется постоянными изменениями, которые оказывают значительное влияние на деятельность предприятий. Организации сталкиваются с колебаниями спроса, изменением цен на ресурсы, усилением конкуренции, санкционными ограничениями и другими факторами внешней среды. В такой ситуации предприятиям необходимо не только поддерживать текущую деятельность, но и искать способы повышения эффективности. Одним из наиболее важных направлений является оптимизация бизнес-процессов, позволяющая адаптироваться к изменяющимся условиям и сохранять устойчивое положение на рынке.

Бизнес-процессы представляют собой совокупность взаимосвязанных действий, направленных на создание продукции или оказание услуг. От того, насколько эффективно они организованы, зависит результат деятельности предприятия. Если отдельные этапы выполняются нерационально, это приводит к увеличению затрат и снижению производительности. В условиях экономических перемен такие недостатки становятся

особенно заметными, поэтому организациям необходимо регулярно анализировать свою деятельность и своевременно вносить изменения [4].

Экономические изменения требуют от предприятий гибкости и способности быстро реагировать на новые условия. Например, рост цен на сырьё может привести к увеличению себестоимости продукции, а снижение спроса — к уменьшению выручки. В таких условиях важно не просто фиксировать изменения, а активно адаптировать бизнес-процессы. Это может включать пересмотр структуры затрат, изменение объёмов производства или улучшение организации труда сотрудников [1], [4].

Следует отметить, что оптимизация бизнес-процессов не всегда связана с крупными изменениями. В ряде случаев даже небольшие корректировки могут дать значительный эффект. Например, сокращение лишних операций или упрощение взаимодействия между подразделениями позволяет снизить временные затраты и повысить эффективность работы. Как отмечается в научной литературе, систематический анализ деятельности предприятия является важным условием повышения его конкурентоспособности [2], [4].

Практика показывает, что оптимизация бизнес-процессов особенно актуальна в условиях нестабильной экономики. Показательным примером успешной адаптации к экономическим переменам посредством оптимизации бизнес-процессов является опыт ПАО «Северсталь» — одной из крупнейших металлургических компаний России. В последние годы предприятие столкнулось с беспрецедентным санкционным давлением, ростом стоимости логистических услуг, необходимостью переориентации экспортных потоков и обеспечением технологического суверенитета. В ответ на эти вызовы компания реализовала масштабную программу трансформации производственных и управленческих процессов, выходящую за рамки традиционного антикризисного управления.

В отличие от точечного сокращения издержек, которое часто применяется в кризисных ситуациях, «Северсталь» сделала ставку на комплексную оптимизацию, базирующуюся на принципах бережливого производства (Lean) и цифровизации. На производственных площадках, в частности на Череповецком металлургическом комбинате, были пересмотрены процессы обслуживания оборудования. Внедрение системы предиктивной аналитики позволило прогнозировать выходы оборудования из строя и сократить время незапланированных простоев. Одновременно была проведена оптимизация внутрипроизводственной логистики: пересмотрены маршруты движения транспорта и складские операции, что позволило снизить операционные затраты на 15–20% без уменьшения объёмов выпуска продукции.

Важным направлением оптимизации стала трансформация вспомогательных и управленческих бизнес-процессов. В условиях необходимости быстрого принятия решений

компания провела пересмотр организационной структуры, сократив количество бюрократических согласований и ускорив прохождение управленческих решений. Внедрение инструментов «цифрового двойника» в цепочке поставок обеспечило возможность гибко перестраивать логистические маршруты в ответ на изменение внешних условий, включая закрытие традиционных рынков сбыта и переориентацию на новые направления.

Результатом системной оптимизации бизнес-процессов в ПАО «Северсталь» стало не только поддержание рентабельности в период падения цен на мировых рынках металлопродукции, но и высвобождение ресурсов для инвестиций в новые перспективные направления. Данный пример наглядно демонстрирует, что в условиях экономических перемен оптимизация бизнес-процессов трансформируется из инструмента антикризисного реагирования в стратегический механизм адаптации и повышения устойчивости предприятия [3].

Приведённый пример показывает, что оптимизация бизнес-процессов позволяет предприятиям более эффективно использовать ресурсы и адаптироваться к изменениям внешней среды. В результате снижаются затраты, повышается производительность труда и улучшается качество продукции и услуг. Кроме того, оптимизация способствует повышению устойчивости предприятия, так как позволяет быстрее реагировать на возникающие проблемы и использовать появляющиеся возможности для развития.

Таким образом, в условиях экономических перемен оптимизация бизнес-процессов становится необходимым элементом эффективного управления организацией. Предприятия, которые уделяют внимание совершенствованию своей деятельности, получают возможность не только снизить негативное влияние внешних факторов, но и использовать возникающие возможности для развития. Регулярный анализ процессов и их совершенствование позволяют организациям сохранять конкурентоспособность и обеспечивать устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Блинов, А.О. Теория менеджмента: учебник для бакалавров / А.О. Блинов, Н.В. Угрюмова. – 3-е изд., стер. – Москва, 2022. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Иванова, И.А. Менеджмент: учебник и практикум для вузов / И.А. Иванова, А.М. Сергеев. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 327 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18459-4. – URL: <https://urait.ru/bcode/582951> (дата обращения: 01.03.2026). – Текст: электронный.

3. ПАО «Северсталь». Годовые отчеты об устойчивом развитии. – 2022–2024. – URL: <https://severstal.com/rus/ir/indicators-reporting/annual-reports/> (дата обращения: 18.03.2026).

4. Управление бизнес-процессами: учебник / Г.М. Ржавин, П.В. Трифонов, Д.Ю. Денисов [и др.]; под общ. ред. П.В. Трифонова, Г.М. Ржавина. – Москва: КноРус, 2026. – 538 с. – ISBN 978-5-406-16349-8. – URL: <https://book.ru/book/962534> (дата обращения: 10.03.2026). – Текст: электронный.

А.Д. КАЛЬЩИКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка III курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

О.Н. КЛИМОВА

канд. ист. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

A.D. KALSHCHIKOVA

Ural branch of the Financial University
3st year student
«Management»

Scientific supervisor

O.N. KLIMOVA

Ph.D. hist. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ПРЕИМУЩЕСТВА ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ УСЛУГ

ADVANTAGES OF DIGITALIZATION IN THE SERVICE SECTOR

Аннотация

В статье рассматриваются процессы цифровой трансформации в сфере услуг, которая традиционно характеризуется высокой долей ручного труда и личного взаимодействия с клиентом. Обосновывается необходимость перехода от бумажных носителей к цифровым системам учета в управлении салоном красоты. Рассматриваются ключевые преимущества автоматизации: сокращение времени инвентаризации, минимизация ошибок человеческого фактора, повышение прозрачности учета и возможность масштабирования бизнеса.

Annotation

The article examines the processes of digital transformation in the service sector, which is traditionally characterized by a high proportion of manual labor and personal interaction with the client. The necessity of the transition from paper media to digital accounting systems in the management of a beauty salon is substantiated. The key advantages of automation are considered: reducing inventory time, minimizing human error, increasing accounting transparency and the ability to scale a business.

Ключевые слова: цифровизация, сфера услуг, управление салоном красоты, автоматизация учета, складской учет, бумажный документооборот, терминалы сбора данных, инвентаризация.

Key words: digitalization, service sector, beauty salon management, accounting automation, warehouse accounting, paper document management, data collection terminals, inventory.

Сфера услуг в современной экономике занимает ведущие позиции, обеспечивая значительную долю ВВП и занятости населения. Однако, в отличие от производственных отраслей, где цифровизация внедряется уже десятилетиями, многие предприятия сферы услуг, особенно малый и средний бизнес, продолжают использовать устаревшие методы управления, основанные на бумажных носителях и ручном труде [2, с. 45].

Управление предприятием сферы услуг имеет свою специфику, отличающую его от производственного или торгового бизнеса. Ключевыми особенностями являются: высокая роль человеческого фактора, непосредственное взаимодействие с клиентом, сложность нормирования труда и учета материалов, используемых при оказании услуг [1, с. 78].

В салоне красоты эти особенности проявляются особенно ярко. Мастера используют десятки и сотни наименований расходных материалов: от косметических средств до одноразовых принадлежностей. При этом многие материалы имеют ограниченный срок годности, что требует особого контроля [5, с. 23].

В большинстве салонов красоты учет материалов до сих пор ведется в бумажных журналах, тетрадях или разрозненных таблицах, которые заполняются от руки. На первый взгляд, это привычно и не требует дополнительных затрат, но на практике такой подход создает множество проблем, которые незаметно подрывают прибыль бизнеса [2, с. 45].

Прежде всего, это ошибки человеческого фактора: когда кто-то забыл записать, перепутал цифры или написал неразборчиво, данные в журнале перестают соответствовать реальности, и руководитель не может понять, сколько материалов есть на самом деле [4, с. 12]. Кроме того, бумажный учет не дает оперативной информации – чтобы узнать, есть ли в наличии нужный оттенок краски, приходится идти на склад и пересчитывать, либо листать журнал,

что в рабочей суете приводит к ошибкам и потерям клиентов [1, с. 78]. Инвентаризация превращается в настоящую проблему: пересчет сотен наименований по бумажным ведомостям отнимает целый день или больше, отвлекает сотрудников от работы с клиентами, но даже после этого точность остается под вопросом [2, с. 48]. Отдельная головная боль – контроль сроков годности. В бумажном учете практически невозможно отследить, какой товар скоро испортится, поэтому просроченная косметика часто обнаруживается уже после того, как ее пришлось выбросить, а значит, деньги потрачены впустую [5, с. 23].

Чтобы уйти от бумажных журналов и ведомостей, можно внедрить простую цифровую систему, которая состоит из двух частей: компьютерной программы и специального сканера. Такой подход уже успешно работает, например, в компании Be Perfect, которая занимается поставками товаров для салонов красоты, и его легко адаптировать под нужды обычного салона [3].

Компьютерная программа – это своего рода умная база данных, которая хранит информацию о каждом товаре: сколько его на складе, где он лежит, когда истекает срок годности, кому из мастеров выдали материалы. Всё, что происходит с товарами, фиксируется в этой программе. Вторая часть – это терминал со сканером, небольшое устройство, похожее на то, что используют сотрудники в супермаркетах или службах доставки. С его помощью можно быстро считывать штрих-коды на упаковках товаров, и вся информация автоматически попадает в программу, без необходимости что-либо записывать от руки [3].

Когда привозят новую партию товаров, кладовщик или администратор сканирует штрих-коды на коробках, далее программа сама фиксирует, что пришло, в каком количестве и с каким сроком годности. Когда мастеру нужны материалы, он не расписывается в тетради – просто берет нужное и сканирует штрих-код, а программа запоминает, что, сколько ушло и к какому мастеру. После выполнения услуги мастер сообщает об этом, и программа автоматически списывает израсходованные материалы по заранее установленным нормам. Например, на одно окрашивание заложен один тюбик краски и две ампулы ухода – система знает это и сама уменьшает остатки.

Для руководителя главное удобство в том, что в любой момент можно увидеть, что есть на складе, что заканчивается, а что скоро испортится. Инвентаризация, раньше занимавшая целый день с ручками и листочками, теперь превращается в простой обход со сканером: сотрудник сканирует всё, что есть, а программа сама сверяет с данными и показывает расхождения [3; 4].

Когда такая система начинает работать, результаты становятся заметны очень быстро. В компании Be Perfect, где на складе хранилось больше 50 тысяч разных товаров, время

инвентаризации сократилось с целой недели до одного дня. Ошибки, когда вместо одного товара отправляли другой, практически исчезли. А всё потому, что теперь каждый товар сканируется, а не переписывается от руки с риском ошибиться в цифре или в названии [3].

Но есть один важный момент, о котором часто забывают. Самая сложная часть внедрения – это не покупка сканеров и установка программы, а работа с людьми. В истории Be Perfect первые дни сотрудники просто не знали, как включить устройство и что нажимать. Возникало много вопросов, была растерянность, а иногда и недовольство – ведь раньше всё делалось по-старому, привычными способами [3]. Поэтому важно учитывать, что персоналу потребуется помощь. Лучше всего привлечь тех, кто устанавливает систему, чтобы они провели обучение и показали, как пользоваться сканером, как заносить данные в программу, что делать в нестандартных ситуациях. Также очень помогают простые пошаговые инструкции, которые можно повесить на видном месте или выдать каждому сотруднику. Обычно уже через одну-две недели ежедневной работы люди привыкают к новому инструменту и начинают ценить его за удобство [3; 5].

Таким образом, бумажные журналы, ручное переписывание цифр и долгие часы инвентаризации остаются в прошлом. Им на смену приходит простая система, хранящая все данные. Такое решение не требует от руководителя глубоких технических знаний – достаточно желания навести порядок в учете и готовности помочь сотрудникам освоиться на первых порах. В эпоху стремительных технологических изменений именно инновационные решения позволяют бизнесу не просто отвечать на вызовы, но и формировать собственные траектории развития.

Список литературы

1. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 256 с.
2. Балабанова Л.В., Сардак Е.В. Управление предприятиями сферы услуг в условиях цифровой экономики // Экономика и управление. – 2023. – № 3. – С. 42-51.
3. Be Perfect (Прошкина Мария Николаевна ИП): проект автоматизации склада на базе ПО «Клеверенс: Склад 15» // TAdviser. – 2022. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Be_Perfect (дата обращения: 18.03.2026).
4. Шумилин А.С., Петрова Е.В. Цифровая трансформация малого бизнеса в сфере услуг: проблемы и перспективы // Российское предпринимательство. – 2024. – № 2. – С. 112-128.

Р. Р. КАРИМОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Экономика»

R. R. KARIMOVA

Ural branch of the Financial University
2-year student of the direction
«Economy»

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ НА ФИНАНСОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПАНИЙ

THE IMPACT OF ENVIRONMENTAL RISKS ON THE FINANCIAL MODELING OF COMPANIES

Аннотация

В статье рассматривается проблема интеграции экологических рисков в процесс финансового моделирования деятельности компаний. Выявлены ограничения традиционных методов оценки при прогнозировании убытков от климатических и техногенных катастроф. Особое внимание уделяется возможностям искусственного интеллекта (нейросетей LSTM, событийного анализа) в обработке больших данных для стресс-тестирования.

Annotation

The article examines the problem of integrating environmental risks into the process of financial modeling of companies. The limitations of traditional valuation methods in predicting losses from climatic and man-made disasters are revealed. Special attention is paid to the capabilities of artificial intelligence (LSTM neural networks, event study analysis) in processing big data for stress testing.

Ключевые слова: экологические риски, финансовое моделирование, искусственный интеллект, LSTM, стресс-тестирование.

Key words: environmental risks, financial modeling, artificial intelligence, LSTM, stress testing.

Финансовое моделирование – это процесс расчета будущих доходов и расходов компании. Это такой «финансовый калькулятор будущего», который помогает ответить на вопросы: сколько денег принесет бизнес, когда окупятся вложения, стоит ли давать кредит или покупать акции. Обычно модели строятся на основе прошлых данных: как росли продажи раньше, какие были затраты, как менялись цены. Чем точнее модель, тем меньше риск потерять деньги. Однако в последнее время на точность таких расчетов все сильнее влияют экологические факторы, которые делятся на два типа [1].

Первый тип – физические риски, когда природа напрямую ломает планы бизнеса: наводнения затапливают склады, пожары уничтожают оборудование, а в России особенно остро стоит проблема таяния вечной мерзлоты. Грунт проседает, здания и трубы разрушаются, что требует огромных незапланированных затрат на ремонт [1]. Второй тип – риски переходного периода (возникают при переходе мировой экономики от традиционной к низкоуглеродной модели). Государства вводят новые законы и налоги, например, углеродный налог в ЕС на товары с высокими выбросами. Для российских заводов это означает удорожание продукции до 20%, что снижает спрос и бьет по выручке [2]. Особенно чувствительны нефтегазовая и энергетическая отрасли – российская финансовая система уже испытывает влияние углеродного риска [3].

Проблема в том, что старые способы прогнозирования не умеют работать с такими угрозами, потому что они смотрят в прошлое: была ли волатильность раньше? А будущее приносит ситуации, которых раньше не было. Нельзя предсказать точную дату, когда прорвет дамбу или обрушится здание из-за просевшего грунта, просто посмотрев на график продаж за прошлый год. Экологические риски действуют нелинейно: они копятся годами, а потом бьют резко и сильно. Из-за этого старые модели дают сбой, и компаниям нужны новые инструменты для прогнозирования. Классический риск-менеджмент требует серьезной доработки с учетом «зеленого» перехода и появления новых типов угроз [4].

Здесь на помощь приходит искусственный интеллект, а именно нейросети. В отличие от человека, нейросеть может переработать невероятное количество данных и найти в них скрытые закономерности. Она способна одновременно учитывать и погоду, и состояние грунта, и новости о новых налогах, и цены на акции. Например, нейросети помогают страховым компаниям и банкам проводить стресс-тесты – это такие проверки: «А что будет, если случится что-то ужасное?». Нейросеть может быстро просчитать тысячи сценариев: от мягкого, где все постепенно переходит на зеленую энергию, до катастрофического, где климат меняется резко, а штормы и пожары уничтожают заводы [1]. Раньше на такие расчеты уходили месяцы, а теперь – считанные часы.

Для таких задач используют разные инструменты машинного обучения. Например, LSTM – это вид нейросетей, который отлично умеет предсказывать будущее на основе временных рядов. Им можно «скормить» данные о том, как десятилетиями менялся уровень грунтовых вод или как деформировались здания, и LSTM заметит тревожные тенденции задолго до того, как это станет очевидной проблемой. Другой метод – событийный анализ, который оценивает, как то или иное событие влияет на стоимость компании. Исследование 18 случаев разоблачения гринвошинга (когда компания лживо называет себя «зеленой») в российском энергетическом и инфраструктурном секторах показало, что после таких новостей капитализация фирм статистически значительно снижается [5]. Событийный анализ позволяет количественно измерить этот эффект и учесть его в моделях. Некоторые исследователи предлагают имитационные модели финансового риска, которые показывают высокую корреляцию между качеством ESG-рейтинга компании и уровнем обесценения её акций при негативном шоке [6].

Использование нейросетей для оценки экологических рисков – это мощный, но не идеальный инструмент. Среди плюсов можно выделить скорость и объем обработки данных, которые человеку не под силу, что позволяет оценить риски для тысяч объектов одновременно. Для прогнозирования таяния мерзлоты или риска наводнений нейросети дают гораздо более точные результаты, чем простое линейное прогнозирование, а также позволяют банкам и компаниям подготовиться к разным вариантам будущего и заложить риски в стоимость кредитов или страховок, что соответствует рекомендациям регуляторов [1].

Однако есть и серьезные ограничения. Нейросеть учится на данных, и если данных мало, они плохого качества или обрывочны (а по экологическим и техногенным катастрофам часто так и есть), то прогноз будет неточным. Кроме того, сложно объяснить, почему нейросеть выдала тот или иной результат – для финансовых регуляторов и аудиторов это большая проблема, так как им нужны четкие обоснования, а не просто "так сказал компьютер". Также внедрение таких систем стоит дорого, и если крупные корпорации могут себе это позволить, то небольшие компании, которые тоже страдают от пожаров и паводков, – нет. Наконец, нейросети хорошо предсказывают то, что уже было в истории, но могут пропустить редкое, катастрофическое событие, которое случится впервые, и пока плохо оценивают человеческий фактор: репутацию или политические решения.

Таким образом, экологические риски уже нельзя игнорировать в финансах. Искусственный интеллект дает инструменты, чтобы с ними работать, но полностью полагаться только на него пока рано. Самый надежный способ – комбинировать силу машинного обучения с опытом экспертов и традиционными расчетами. Для России, с ее

масштабами и проблемой вечной мерзлоты, развитие таких гибридных методов особенно важно, однако главным условием успеха остается создание качественных баз данных о состоянии природы и промышленных объектов.

Список литературы

1. Алдатов Х.Ч. Как гринвошинг деформирует рынок ESG-инвестиций: эмпирический анализ волатильности акций «зелёных» компаний после разоблачений: рукопись депонир. – 2025. – URL: https://www.manuscript.fnisc.ru/index.php?page_id=2754&id=1768 (дата обращения: 15.03.2026)
2. Гапон М.Н., Баранова И.В. Управление рисками при ESG-трансформации предприятий агропромышленного комплекса России // Российское предпринимательство. – 2022. – Том 23. – № 1. – С. 55-70.
3. Мнацаканян А.Г., Плотникова Н.А. Моделирование финансового риска с учетом влияния инцидентов фондового рынка, связанных с гринвошингом // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2024. – № 1(5). – С. 84-93.
4. Пеникас Г.И. Связь кредитных и климатических рисков / Банк России. – Москва, 2022. – (Серия докладов об экономических исследованиях, № 100). – URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/140290/wp_100.pdf (дата обращения: 15.03.2026)
5. Стресс-тестирование переходных климатических рисков: предварительные оценки: информационно-аналитический материал / Банк России. – Москва, 2024. – 16 с.
6. Цыгалов Ю.М. Проблемы ESG-реорганизации российских металлургических корпораций // Управленческое консультирование. – 2022. – № 5. – С. 40-50.

В.Д. КНЯЗЕВА (ЧЕРНЕНКО)

Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления
«Менеджмент: управление бизнесом»

Научный руководитель

О.Н. КЛИМОВА

канд. истор. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

V.D. KNYAZEVA (CHERNENKO)

Ural branch of the Financial University
3st year student
« Management: Managing a Business»

СРАВНЕНИЕ «1С: ДОКУМЕНТООБОРОТ» И «БИТРИКС 24»

COMPARISON OF «1С: DOCUMENT MANAGEMENT» AND «BITRIX24»

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ двух популярных на российском рынке систем автоматизации — «1С:Документооборот» и «Битрикс24». Рассматриваются ключевые функциональные различия платформ в таких аспектах, как постановка задач, хранение документов, учёт рабочего времени. На основе анализа даются рекомендации по выбору решения в зависимости от масштаба и специфики бизнеса.

Annotation

The article provides a comparative analysis of two popular automation systems on the Russian market — 1C:Document Management and Bitrix24. The key functional differences between the platforms in such aspects as task assignment, document storage, and time tracking are examined. Based on the analysis, recommendations are given for choosing a solution depending on the scale and specifics of a business.

Ключевые слова: 1С:Документооборот, Битрикс24, автоматизация бизнес-процессов, сравнение систем, электронный документооборот (ЭДО), ЕСМ-система

Key words: 1C:Document Management, Bitrix24, business process automation, system comparison, electronic document management, ECM system (Enterprise Content Management system)

В эпоху цифровизации и перехода на электронный документооборот перед руководителями компаний встает непростой выбор программного обеспечения для автоматизации внутренних и внешних процессов. Два наиболее часто рассматриваемых решения на российском рынке — это «1С:Документооборот» и «Битрикс24». Оба продукта популярны, но предназначены для решения разных задач. Чтобы сделать выбор, необходимо разобрать их функциональные возможности, архитектуру и назначение.

«1С:Документооборот» представляет собой классическую ЕСМ систему, ориентированную на крупные предприятия [2]. Система интегрирована с другими продуктами 1С, что является преимуществом для компаний, где уже ведется бухгалтерский, налоговый и кадровый учет в программах 1С:Предприятие. Основная задача «1С:Документооборота» — обеспечить полный цикл движения документов: от регистрации входящей корреспонденции до списания в архив, включая сложные маршруты согласования и контроль исполнительской дисциплины [4]. В отличие от него, «Битрикс24» — это прежде всего инструмент для совместной работы, который вырос из системы управления проектами и CRM. Коммуникации, постановка задач в свободной форме и управление взаимоотношениями с клиентами. Интерфейс «Битрикс24» современен, интуитивно понятен.

Ключевое различие в подходе к постановке задач отражает философию обеих систем. В «1С:Документообороте» задача чаще всего является вторичной по отношению к документу. Например, при поступлении счета на оплату система автоматически генерирует задание для бухгалтера, после выполнения которого документ автоматически отправляется на согласование руководителю. Все маршруты движения строго формализованы: невозможно «перепрыгнуть» этап согласования или отправить договор гендиректору, минуя юриста. Это гарантирует прозрачность и соблюдение регламентов. «Битрикс24» предлагает обратный подход: задача здесь первична, а документы лишь прикрепляются к ней в качестве материала [3]. Система позволяет максимально гибко настраивать процесс. Однако такая гибкость может обернуться хаосом, если в компании не приняты строгие регламенты.

Одно из различий между системами, хранение документов и организации совместного доступа к ним. «1С:Документооборот» построен по классическим канонам баз данных: документ хранится в единственном экземпляре, а система жестко контролирует одновременный доступ. Если менеджер открыл договор для редактирования, документ автоматически блокируется для изменений другими сотрудниками (хотя просмотр остается доступным). Это исключает ситуацию, когда два человека правят разные версии одного файла, а затем сохраняют их, теряя правки друг друга. Кроме того, «1С» сохраняет все версии документа, позволяя в любой момент откатиться к предыдущей редакции или посмотреть историю изменений. В «Битрикс24», несмотря на удобство облачного хранения, существует серьезный недостаток: при одновременном открытии документа несколькими пользователями в облаке могут создаваться дубликаты файлов [1]. Механизм версионности в «Битрикс24» реализован слабо, и при редактировании документа старая версия может быть безвозвратно утеряна [1].

Вопрос учета рабочего времени также раскрывает слабые стороны «Битрикс24» и специфику «1С». Для «1С:Документооборота» тайм-трекер не является профильной

функцией. Система может учитывать, сколько времени сотрудник потратил на выполнение конкретной задачи или обработку документа, но для полноценного учета рабочего времени потребуются интеграция с дополнительными модулями или программами, такими как «1С:Зарплата и управление персоналом» [12]. «Битрикс24» есть встроенный тайм-трекер как одно из ключевых преимуществ. Однако на практике пользователи часто сталкиваются с некорректным подсчетом затраченного времени: система может «сбрасывать» таймер, неправильно округлять минуты или терять данные при нестабильном интернет-соединении [1]. Это приводит к тому, что отчеты по трудозатратам, формируемые в «Битрикс24», часто недостоверны и не могут служить основой для расчета заработной платы или анализа эффективности сотрудников.

«1С:Документооборот» демонстрирует превосходство в вопросах, касающихся юридической значимости и соответствия законодательству. Система проектировалась с учетом требований российских регуляторов к архивному хранению, электронной подписи и конфиденциальности [4]. Она поддерживает все форматы, утвержденные для сдачи отчетности, и позволяет организовать юридически значимый документооборот с контрагентами прямо из системы, без использования сторонних сервисов. Для государственных учреждений, бюджетных организаций и крупных корпораций это критически важно. «Битрикс24», будучи более универсальным инструментом, также позволяет обмениваться документами, но его функционал в части соблюдения нормативных требований значительно беднее, и для полноценного ЭДО его, как правило, интегрируют со сторонними операторами.

Выбор зависит от масштаба и специфики бизнеса. Идеальное решение, для крупных промышленных предприятий, холдингов и государственных структур, «1С:Документооборот» [2]. Здесь ценятся надежность хранения, строгость регламентов, аудит и возможность бесшовной интеграции с бухгалтерией. «Битрикс24» оптимален для малого и среднего бизнеса, сферы услуг, стартапов и торговых компаний, где на первом месте стоит скорость коммуникации, простота постановки задач и работа с клиентами.

В итоге «1С:Документооборот» уверенно лидирует в сегменте автоматизации строгих документно-ориентированных процессов. Если для компании критически важны юридическая чистота документов, защита от потери данных при одновременном редактировании, детальный аудит действий пользователей и глубокая интеграция с учетными системами. «Битрикс24», при всех его достоинствах как коммуникационной платформы, уступает в надежности хранения, точности учета времени и глубине проработки документных регламентов, оставаясь лишь вспомогательным инструментом [1].

Список литературы

1. Softline Store. Как Битрикс24 помогает бизнесу экономить время и деньги [Электронный ресурс] // Softline Store : [сайт]. — 21.11.2025. — URL: <https://store.softline.ru/blog/upravlenie-biznesom/kak-bitriks24-pomogaet-povysit-prodazhi-i-derzhat-vse-pod-kontrolem/> (дата обращения: 10.03.2026).

2. Koderline. Функциональные особенности ЕСМ-систем для холдингов на примере конфигурации 1С: Документооборот холдинга [Электронный ресурс] // Koderline : [сайт]. — 21.06.2025. — URL: <https://www.koderline.ru/bitrix24/articles/narabotki/article-funktsionalnye-osobennosti-ecm-sistem-dlya-kholdingov-na-primere-konfiguratsii-1s-dokumentooborot-kh/> (дата обращения: 10.03.2026).

3. Битрикс24. Документация Битрикс24 в 2025: инструкция по работе с коробочной версией и облаком [Электронный ресурс] // Битрикс24 : [сайт]. — 04.07.2025. — URL: <https://b24.org.ru/dokumentatsiya-bitriks24-v-2025-instruktsiya-po/> (дата обращения: 10.03.2026).

4. Официальный сайт фирмы «1С». 1С:Предприятие 8. Конфигурация «Документооборот ПРОФ». Редакция 2.1. Описание. Приложение 3 [Электронный ресурс] // 1С:ИТС : [сайт]. — URL: <https://its.1c.ru/db/docprof21/content/187/hdoc> (дата обращения: 10.03.2026).

А.С. КОЗИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук, доцент

A.S. KOZINA

Ural branch of the Financial University
1st year student «Economy»

Scientific supervisor

A.V. DUBYNINA

Ural Branch of the Financial University
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

**УЧЕТНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО
КОНТРОЛЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЕТНОСТИ**

THE ACCOUNTING AND LEGAL ASPECT OF BUILDING AN INTERNAL

CONTROL SYSTEM FOR THE CORPORATE REPORTING PROCESS

Аннотация

В статье рассматриваются учетно-правовые аспекты построения системы внутреннего контроля (СВК) процесса формирования корпоративной отчетности. Актуальность темы обусловлена усилением требований к достоверности отчетности в условиях цифровой трансформации экономики и ужесточением регулирования в области внутреннего контроля. На основе анализа федеральных стандартов, методических рекомендаций и международной практики (COSO) выявлены проблемы разграничения понятийного аппарата, определены направления развития нормативного регулирования и предложен концептуальный подход к построению СВК с учетом единства учетных и правовых норм.

Annotation

The article discusses the accounting and legal aspects of building an internal control system (ICS) of the corporate reporting process. The relevance of the topic is due to the increased requirements for the reliability of reporting in the context of the digital transformation of the economy and stricter regulation in the field of internal control. Based on the analysis of federal standards, methodological recommendations and international practice (COSO), the problems of delineating the conceptual framework have been identified, the directions of regulatory development have been identified, and a conceptual approach to building an internal control system has been proposed, taking into account the unity of accounting and legal norms.

Ключевые слова: внутренний контроль, корпоративная отчетность, учетно-правовой аспект, риск-ориентированный подход, контрольные процедуры.

Key words: internal control, corporate reporting, accounting and legal aspect, risk-based approach, control procedures.

Современные условия ведения бизнеса характеризуются повышением требований к прозрачности и достоверности корпоративной отчетности. По причине возникновения новых вызовов, был принят ряд нормативно-правовых актов, важнейшим из которых стал Закон Сарбейнса-Оксли, принятый в 2002 году, который установил требование об обязательной оценке эффективности СВК над финансовой отчетностью.

В Российской Федерации основным документом в сфере внутреннего контроля является Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. 15.12.2025). Статья 19 данного Федерального закона устанавливает обязанность экономического субъекта организовать внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни, а для организаций, подлежащих обязательному аудиту, а также контроль ведения бухгалтерского учета и составления отчетности [2]. Тем не менее, в

нормативно-правовых актах отсутствует разделение понятий «внутренний контроль» и «внутренний аудит». Таким образом, возникают методологические трудности при построении систем.

Приказ Минфина России от 14.02.2025 № 15н «О внесении изменений в федеральный стандарт бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Учетная политика, оценочные значения и ошибки», утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 30 декабря 2017 г. № 274н» вносит изменения в Приказ Минфина России от 30.12.2017 г. № 274н «Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Учетная политика, оценочные значения и ошибки» (ред. 14.02.2025), которым впервые на уровне федерального стандарта детализированы требования к внутреннему контролю и установлен обязательный риск-ориентированный подход, применяемый с 2027 года.

Методические рекомендации по организации системы внутреннего контроля содержатся в ПЗ – 11/2013 «Об организации и осуществлении экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности». В основе данного документа заложены подходы международной концепции: три группы целей (эффективность и результативность деятельности, достоверность отчетности, соблюдение законодательства), а также пять компонентов внутреннего контроля, в который входят: контрольная среда, оценка рисков, процедуры внутреннего контроля, информация и коммуникация, оценка внутреннего контроля).

Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ устанавливает требования к наличию системы внутреннего контроля для организаций, претендующих на переход в режим налогового мониторинга [1].

Принципиально важным этапом развития нормативного регулирования стали изменения, внесенные Приказом Минфина России от 14.02.2025 № 15н «О внесении изменений в федеральный стандарт бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Учетная политика, оценочные значения и ошибки», утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 30 декабря 2017 г. № 274н» в ФСБУ для организаций госсектора «Учетная политика, оценочные значения и ошибки». В соответствии с данным документом на уровне федерального стандарта:

- установлены общие требования к внутреннему контролю совершаемых фактов хозяйственной жизни и ведения бухгалтерского учета;
- определены элементы контроля, их содержание и виды процедур;
- установлен порядок применения риск-ориентированного подхода;

- предусмотрена автоматизация процесса контроля;
- закреплён принцип экономической эффективности контроля (затраты не должны превышать его полезность) [3].

Как отмечается в концепции COSO, в небольшой организации система внутреннего контроля может быть менее формализованной, но при этом обеспечивать эффективный контроль [4]. Внедрение риск-ориентированного подхода является ключевым направлением развития систем внутреннего контроля. В соответствии с новой редакцией ФСБУ, применение риск-ориентированного подхода становится обязательным с 2027 года [3]. Данный подход предполагает, что контрольные процедуры должны быть направлены на минимизацию рисков, оцениваемых с точки зрения вероятности их возникновения и степени влияния на достижение целей организации.

Система управления рисками организации, согласно Требованиям ФНС, должна обеспечивать выполнение последовательности действий [5]:

- выявление рисков;
- анализ и оценка рисков;
- определение границ приемлемости рисков;
- раскрытие информации о выявленных рисках;
- принятие решений о способе управления риском на основе оценки достаточности контрольных процедур.

Одним из важнейших направлений развития системы внутреннего контроля является автоматизация контрольных процедур. Преимущества автоматических контролей очевидны: они снижают влияние человеческого фактора, обеспечивают непрерывность контроля, сокращают трудозатраты [5].

Практическими инструментами реализации обратной связи являются:

- реестр выявленных ошибок;
- анализ результатов выполнения контрольных процедур;
- анализ реестра выявленных ошибок для определения корневых причин.

Таким образом, данный подход позволяет не только фиксировать ошибки, но и выявлять системные недостатки процессов управления и внутреннего контроля.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ
2. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. 15.12.2025)
3. Приказ Минфина России от 14.02.2025 № 15н «О внесении изменений в федеральный стандарт бухгалтерского учета для организаций государственного сектора

«Учетная политика, оценочные значения и ошибки», утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 30 декабря 2017 г. № 274н» вносит изменения в Приказ Минфина России от 30.12.2017 г. № 274н «Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Учетная политика, оценочные значения и ошибки» (ред. 14.02.2025)

4. Микрюков Т.В. Концепция системы внутреннего контроля в учетных центрах: канд. экон. наук: 08.00.12. – СПб, 2020. – 203 с.

5. Микрюков Т.В. Контрольные процедуры в налоговом мониторинге // Аудиторские ведомости. – 2017. – № 12. – С. 40-47.

6. Рекомендация Р-44/2013-КпР «Методические рекомендации по организации и осуществлению внутреннего контроля» (принята Комитетом по рекомендациям 09.08.2013).

Н.С. КОЦУР

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления «Экономика»

Научный руководитель
Уральский филиал Финуниверситета

С.Е. РОМАНОВА

канд. экон. наук, доцент

N.S. KOTSUR

Ural branch Financial University
Master's student in Finance and Credit

Scientific supervisor

S.E. ROMANOVA

Ural branch of the Financial University
PhD in Economics, Associate Professor

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ДАННЫХ

DIGITAL TRANSFORMATION OF FINANCIAL REPORTING OF RUSSIAN COMPANIES IN THE CONTEXT OF DATA ECONOMY DEVELOPMENT

Аннотация

В статье рассматриваются процессы цифровой трансформации финансовой отчетности российских компаний в условиях формирования экономики данных. Анализируются ключевые направления внедрения цифровых технологий, включая

автоматизацию учета, использование больших данных и платформенных решений. Особое внимание уделяется проблемам и ограничениям цифровизации, а также перспективам развития финансовой отчетности. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к цифровой трансформации.

Annotation

The article examines the processes of digital transformation of financial reporting of Russian companies in the context of the data economy development. Key directions of digital technology implementation are analyzed, including accounting automation, big data usage, and platform solutions. Special attention is paid to the problems and limitations of digitalization, as well as prospects for financial reporting development. The conclusion emphasizes the need for an integrated approach to digital transformation.

Ключевые слова: цифровизация, финансовая отчетность, экономика данных, автоматизация, большие данные, учет

Keywords: digitalization, financial reporting, data economy, automation, big data, accounting

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием экономики данных, в которой информация становится ключевым ресурсом, определяющим конкурентоспособность компаний [2].

В этих условиях традиционные подходы к формированию финансовой отчетности уже не обеспечивают необходимую оперативность, прозрачность и аналитическую ценность. Цифровая трансформация финансовой отчетности становится важным фактором повышения эффективности управления, инвестиционной привлекательности и устойчивости бизнеса [3].

Несмотря на активное внедрение цифровых технологий, российские компании сталкиваются с рядом проблем:

- недостаточная интеграция информационных систем;
- высокая стоимость цифровых решений;
- дефицит квалифицированных кадров;
- несовершенство нормативно-правовой базы;
- риски информационной безопасности.

Кроме того, сохраняется разрыв между уровнем цифровизации крупных и средних предприятий, что замедляет развитие экономики данных в целом.

Цифровая трансформация финансовой отчетности представляет собой процесс внедрения современных информационных технологий в систему бухгалтерского учета и отчетности с целью повышения ее качества, скорости и аналитической значимости [1].

Одним из ключевых направлений трансформации является автоматизация бухгалтерского учета. Использование специализированных программных продуктов позволяет минимизировать человеческий фактор, сократить ошибки и ускорить процесс подготовки отчетности. Современные ERP-системы обеспечивают интеграцию различных бизнес-процессов, что способствует формированию единого информационного пространства компании [1].

Важную роль в развитии финансовой отчетности играет использование технологий больших данных (Big Data). Анализ больших массивов информации позволяет выявлять скрытые закономерности, прогнозировать финансовые результаты и принимать более обоснованные управленческие решения. Это особенно актуально в условиях высокой неопределенности внешней среды [2].

Еще одним значимым направлением является внедрение облачных технологий. Облачные решения обеспечивают доступ к данным в режиме реального времени, повышают гибкость и масштабируемость учетных систем. Это особенно важно для компаний, работающих в условиях распределенной структуры бизнеса [5].

Развитие технологий искусственного интеллекта также оказывает влияние на финансовую отчетность. Алгоритмы машинного обучения способны автоматически классифицировать операции, выявлять аномалии и формировать аналитические отчеты. Это повышает качество финансовой информации и снижает затраты на ее обработку [7].

В условиях цифровизации возрастает значение стандартизации отчетности. Использование форматов XBRL позволяет обеспечить сопоставимость данных, повысить прозрачность и упростить взаимодействие с регуляторами [4]. В России уже осуществляется переход к цифровым форматам отчетности, что способствует развитию экономики данных [6].

Однако процесс цифровой трансформации сопровождается рядом трудностей. В первую очередь это связано с необходимостью значительных инвестиций в ИТ-инфраструктуру. Кроме того, требуется подготовка специалистов, обладающих компетенциями в области цифровых технологий и финансового анализа.

Особую проблему представляет обеспечение информационной безопасности. Увеличение объемов цифровых данных повышает риски утечек и кибератак, что требует внедрения современных средств защиты информации.

Несмотря на существующие проблемы, перспективы цифровой трансформации финансовой отчетности являются положительными. В будущем можно ожидать дальнейшее развитие автоматизации, внедрение блокчейн-технологий, а также переход к полностью цифровым экосистемам учета и отчетности.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Доля организаций, использующих ERP-системы, %	18	20	23	26	29
Использование облачных сервисов, %	25	28	34	39	45
Применение Big Data, %	10	12	15	19	24
Электронная отчетность, %	65	72	78	84	89

На основе данных таблицы можно увидеть рост цифровизации российских компаний [6]. Наблюдается устойчивая положительная динамика по всем показателям, особенно по использованию облачных технологий и электронной отчетности. Это свидетельствует о переходе бизнеса к цифровым моделям управления и усилении роли данных в финансовой деятельности.

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Цифровая трансформация финансовой отчетности является объективным и неизбежным процессом, обусловленным развитием экономики данных и ростом требований к прозрачности бизнеса [2].

2. Наиболее активно внедряются такие технологии, как ERP-системы, облачные сервисы и инструменты анализа больших данных, что позволяет повысить оперативность и точность финансовой информации [1].

3. Несмотря на положительную динамику, уровень цифровизации остается неоднородным, особенно среди малых и средних предприятий [6].

4. Основными барьерами выступают высокая стоимость внедрения технологий, недостаток квалифицированных кадров и риски информационной безопасности [7].

Предложения:

1. Разработать государственные программы поддержки цифровизации бухгалтерского учета для малого и среднего бизнеса.

2. Совершенствовать нормативно-правовую базу в области цифровой отчетности и стандартизации данных (в том числе XBRL).

3. Усилить подготовку специалистов в области цифровых финансов и аналитики данных.

4. Внедрять комплексные системы кибербезопасности для защиты финансовой информации.

5. Стимулировать использование отечественных цифровых решений для повышения технологической независимости компаний.

Таким образом, цифровая трансформация финансовой отчетности является необходимым условием развития российских компаний в условиях экономики данных. Она способствует повышению прозрачности бизнеса, улучшению качества управленческих решений и укреплению конкурентных позиций на рынке.

Список литературы

1. Бухгалтерский учет: учебник / под ред. В.Д. Новодворского. – Москва: Юрайт, 2024. – 512 с.
2. Глушков, И.Е. Цифровизация экономики: тенденции и перспективы / И.Е. Глушков // Экономика и управление. – 2021. – № 5. – С. 12–18.
3. Ковалев, В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В.В. Ковалев. – Москва: Финансы и статистика, 2024. – 560 с.
4. О бухгалтерском учете: федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ.
5. Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. – Режим доступа: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Росстат: официальный сайт. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 17.03.2026).
7. Соколова, Н.А. Цифровая трансформация бухгалтерского учета / Н.А. Соколова // Финансы. – 2024. – № 3. – С. 25–30.

В.Е. КУРБАКО

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал,
4 курс, направление подготовки «Бизнес-информатика»

V.E. KURBAKO

Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch,
4 course, the preparation direction «Business-informatics»

Аннотация

В статье рассматривается эволюция понятия «архитектура предприятия» в отечественной практике. Проанализированы определения, закрепленные в ГОСТ Р ИСО 15704–2008 и ГОСТ Р ИСО 15704–2022, выявлен переход от статичного понимания архитектуры как «описания структуры» к более широкой трактовке, учитывающей взаимосвязи предприятия с внешней средой. Раскрыта структура архитектуры предприятия через четыре основных домена. Дополнительно рассмотрена информационно-технологическая архитектура как многоуровневая модель. Особое внимание уделено взаимосвязи уровней и их роли в обеспечении целостности архитектурного описания.

Abstract

The article examines the evolution of the concept of «enterprise architecture» in domestic practice. The definitions fixed in GOST R ISO 15704-2008 and GOST R ISO 15704-2022 are analyzed, and the transition from a static understanding of architecture as a "description of structure" to a broader interpretation that takes into account the relationship of the enterprise with the external environment is revealed. The structure of the enterprise architecture is revealed through four main domains. Additionally, the information technology architecture is considered as a multilevel model. Special attention is paid to the relationship of the levels and their role in ensuring the integrity of the architectural description.

Ключевые слова: архитектура предприятия, информационно-технологическая архитектура, архитектурные домены, уровни архитектуры.

Keywords: enterprise architecture, information technology architecture, architectural domains, architecture levels.

Сначала нужно рассмотреть различные точки зрения на понятие «архитектура предприятия». Например, А. Е. Дзенгелевский считает, что «данный термин появился на основе другого — “архитектура информационных систем предприятия”» [3, с. 17]. В свою очередь, ИС представляют собой комплекс взаимосвязанных компонентов, которые позволяют по-разному работать с информацией [4, с. 10].

Впервые в России были приняты попытки сформулировать определение понятия «архитектура предприятия» в 2008 году. В ГОСТ Р ИСО 15704-2008 архитектура определялась следующим образом: «Описание (модель) основного устройства (структуры) и связей частей системы» [1].

Далее рассмотрим ГОСТ Р ИСО 15704-2022. Здесь понятие «архитектура» имеет более широкое значение: «Концептуализация форм, ..., реализованная в элементах и отношениях, взаимосвязях предприятия со средой» [2].

Таким образом, мы можем отследить, как менялось видение определения: от статичных и «общих» моделей до гибких и более универсальных, которые отражают не только внутренние компоненты, но и взаимосвязь между ними с внешней средой.

Для разработки информационных систем, приложений и программ для предприятия необходим фреймворк, который выступает в качестве каркаса для будущей архитектуры [5, с. 57]. Архитектура предприятия включает в себя 4 основных архитектурных домена: бизнес-архитектура, архитектура данных, архитектура приложений, архитектура ИТ инфраструктуры [6, с. 119]. Они образуют четкую иерархическую структуру.

Для совершенствования архитектуры предприятия подойдет улучшение работы любого домена: в бизнес-архитектуре — организационная структура, в архитектуре данных — модель данных, источники данных или хранилище информации, в архитектуре приложений — сервисы, программы или приложения, в архитектуре ИТ инфраструктуры — вычислительные ресурсы или систему хранения данных.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 15704—2008. Промышленные автоматизированные системы. Требования к стандартным архитектурам предприятия и методологиям = Industrial automation systems. Requirements for enterprise-reference architectures and methodologies : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 декабря 2008 г. № 510-ст : дата введения 2010-01-01. – Москва : Стандартиформ, 2009. – IV, 35 с.

2. ГОСТ Р ИСО 15704—2022. Промышленные автоматизированные системы. Требования к стандартным архитектурам предприятия и методологиям = Industrial automation systems. Requirements for enterprise-reference architectures and methodologies : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 ноября 2022 г. № 1339-ст : дата введения 2023-06-01. – Москва : Российский институт стандартизации, 2022. – IV, 36 с.

3. Дзенгелевский, А. Е. Архитектура предприятия: теория и практика проектирования : учебное пособие для вузов / А. Е. Дзенгелевский. — Санкт-Петербург : Лань, 2025. — 232 с. — ISBN 978-5-507-53214-8. — Текст : электронный // Лань :

электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/507337> (дата обращения: 18.03.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

4. Информационное обеспечение логистических процессов : учебник / О. И. Швайка, И. Н. Гравшина, В. Г. Калинин [и др.]. — Москва : МУИВ, 2024. — 169 с. — ISBN 978-5-9580-0719-6. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/443099> (дата обращения: 18.03.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

5. Истратова, Е. Е. Проектирование информационных систем : учебное пособие / Е. Е. Истратова, П. С. Павлов. — Новосибирск : НГТУ, 2025. — 64 с. — ISBN 978-5-7782-5505-0. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/514538> (дата обращения: 20.03.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

6. Управление развитием организации: подходы, методы, инструменты : монография / Е. А. Байдина, С. М. Бельмас, Н. И. Нагибина [и др.] ; под редакцией В. Л. Попова. — Пермь : ПНИПУ, 2023. — 164 с. — ISBN 978-5-398-02883-6. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/416405> (дата обращения: 20.03.2026). — Режим доступа: для авториз. Пользователей.

Е. А. КУСКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

О. Н. КЛИМОВА

к. и. н, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

E. A. KUSKOVA

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction
«Management»

Scientific supervisor

O. N. KLIMOVA

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

КАК НОВЫЕ ЗАКОНЫ И УХОД ЗАПАДНЫХ ПЛАТФОРМ ИЗМЕНИЛИ МАРКЕТИНГ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ

HOW NEW LAWS AND THE EXIT OF WESTERN PLATFORMS HAVE CHANGED MARKETING IN SMALL BUSINESSES

Аннотация

Статья посвящена анализу перехода российского малого бизнеса на отечественные маркетинговые инструменты в условиях новых законодательных требований и нестабильности работы зарубежных цифровых платформ. Рассматриваются стратегии адаптации предпринимателей: освоение российских соцсетей и маркетплейсов, русификация брендов и диверсификация каналов коммуникации. Делается вывод о том, что вынужденное импортозамещение стимулировало формирование более устойчивой многоканальной модели маркетинга и развитие локальных цифровых экосистем.

Annotation

The article analyzes the transition of Russian small businesses to domestic marketing tools in the context of new legislative requirements and the instability of foreign digital platforms. It examines the adaptation strategies of entrepreneurs, including the use of Russian social media and marketplaces, the Russification of brands, and the diversification of communication channels. The article concludes that the forced import substitution has led to the development of a more sustainable multi-channel marketing model and the growth of local digital ecosystems.

Ключевые слова: импортозамещение, цифровой маркетинг, малый бизнес, русификация, отечественные платформы, диверсификация.

Keywords: import substitution, digital marketing, small business, Russification, domestic platforms, and diversification.

Сентябрь 2025 года стал исторической вехой для российского digital-маркетинга. Вступление в силу законодательных ограничений на рекламу в Instagram (принадлежит Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ) поставило крест на эпохе, длившейся более десяти лет. Однако настоящая «перезагрузка» рынка произошла 1 марта 2026 года. Именно в этот день вступил в силу пакет законов о защите русского языка, а также были зафиксированы первые масштабные перебои в работе Telegram, подогревшие слухи о возможной тотальной блокировке мессенджера.

Для миллионов предпринимателей смена правил работы в соцсетях и потеря привычных каналов трафика стали серьезным испытанием. Но кризис обернулся точкой

роста: вынужденное импортозамещение маркетинговых инструментов привело к появлению более эффективных способов работы с аудиторией.

Если 2025 год прошел под знаком отказа от западных соцсетей, то весна 2026 года ознаменовалась тотальной «русификацией» публичного пространства [1]. С 1 марта 2026 года вступил в силу Федеральный закон № 168-ФЗ, вносящий изменения в правила использования иностранных языков в рекламе и публичной информации [4]. Исключения составляют зарегистрированные товарные знаки и фирменные наименования, например Wildberries или Fix Price. За нарушение предусмотрены серьезные санкции: для юридических лиц штраф может достигать 500 тысяч рублей, если надпись признают рекламой.

На фоне законодательного ужесточения в феврале 2026 года произошло событие, которое возмутило рынок сильнее, чем блокировка Instagram. Пользователи по всей России зафиксировали масштабные сбои и замедление работы мессенджера Telegram. Роскомнадзор подтвердил продолжение мер по ограничению работы мессенджера, ссылаясь на «защиту граждан». В ответ депутаты от КПРФ внесли в Госдуму законопроект о введении бессрочного моратория на блокировку социальных сетей и мессенджеров [2]. Депутат Владислав Егоров подчеркнул, что блокировка целых платформ бьет прежде всего по рядовым гражданам и экономике, назвав Telegram основным рабочим инструментом для бизнеса и самозанятых. Для малого бизнеса, который за последний год активно инвестировал в Telegram-каналы, куда, по прогнозам, ушло до 40-50% рекламных бюджетов, это стало сигналом. Предприниматели снова оказались перед угрозой потери выстроенной коммуникации.

Угроза блокировки мессенджера и новые законы заставили бизнес ускорить диверсификацию. Анализ рынка начала 2026 года показывает окончательное перераспределение рекламных бюджетов в пользу более надежных и соответствующих законодательству отечественных площадок. Старейшая соцсеть рунета ВКонтакте получила второй шанс: пока Telegram под вопросом, ВК выглядит самым безопасным убежищем. Платформа активно наращивала рекламные инструменты, и предприниматели, ранее игнорировавшие площадку, были приятно удивлены глубиной таргетинга и возможностями интеграции с сообществами, а также ведения там своих каналов, где они могут делиться с подписчиками информацией и рекламировать продукции брендов. Также популярность стали набирать каналы в российском мессенджере MAX — платформе для бизнеса с корпоративными рассылками, интеграцией CRM и аналитикой. Это делает MAX удобным инструментом для маркетологов и PR-специалистов. Для селлеров и производителей товаров ключевым каналом сбыта и продвижения стали маркетплейсы [3]. Платформа «Авито»

трансформировалась в полноценный бизнес-инструмент: в партнерстве с Минэкономразвития она стала предлагать новым клиентам бонусы на развитие.

Главный парадокс ситуации в том, что вынужденная смена вывесок и отказ от западных соцсетей обернулись для бизнеса новыми возможностями. В попытке сохранить клиентов компаниям пришлось осваивать неизведанные территории. Одни открыли для себя силу «сарафанного радио» в эпоху digital-маркетинга, получив бесплатный пиар на волне патриотичного ребрендинга. Другие, отчаявшись удержать аудиторию в нестабильных Telegram-каналах, нашли более надежную и отзывчивую замену внутри VK и MAX. Третьи же, наконец, перестали зависеть от чужих платформ и построили независимую систему коммуникации вокруг собственного сайта.

Таким образом, Март 2026 года подвел черту под эпохой «дикого» маркетинга в России. Уход западных платформ, законы о русификации и угроза блокировки мессенджеров стали двигателем прогресса для малого бизнеса. Предприниматели перешли в многоканальную среду: осваивают отечественные соцсети и маркетплейсы, регистрируют кириллические домены, строят сайты. Импортозамещение оказалось стратегией безопасности: российские аналитические системы и работа в правовом поле делают бизнес устойчивым к санкциям и новым постановлениям. Эпоха одной витрины сменилась надежными экосистемами, где бизнес сам управляет своей судьбой.

Список литературы

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Устанавливаются дополнительные меры по обеспечению защиты русского языка и ограничению использования иностранных слов в публичном пространстве: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_03/activity/legal-education/explain/e5871106/ (дата обращения: 03.03.2026).

2. КППФ. PRO законопроект КППФ о моратории на блокировку соцсетей: процедурные аспекты и контекст рассмотрения // Иркутское областное отделение КППФ. – 2026. – 12 февраля. – URL: <https://irkutsk-kprf.ru/2026/02/12/pro-zakonoproekt-kprf-o-moratorii-na-blokirovku-soczsetej-proczedurnye-aspekty-i-kontekst-rassmotreniya/> (дата обращения: 03.03.2026).

3. Министерство экономического развития Российской Федерации. Цифровой помощник государства упрощает правила игры на маркетплейсах // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/02/02/tsifrovoy-pomoschnik-gosudarstva-uproschaet-pravila-igri-na-marketpleisah (дата обращения: 03.03.2026).

4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 168-ФЗ : принят Государственной Думой 18 июня 2025 года : одобрен Советом Федерации 20 июня 2025 года.
URL: https://55.rospotrebnadzor.ru/ContentShow?content_id=2278 (дата обращения: 03.03.2026).

В.М. ЛЕДНЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Т.А. БАРЧУКОВА

Старший преподаватель: Кафедра «Экономика,
финансы и управление»
Уральский филиал Финуниверситета

V.M. LEDNEVA

Ural branch of the Financial University
2nd year student of the Department of State
and Municipal Administration

Scientific supervisor

T.A. BARCHUKOVA

Senior Lecturer: Department of Economics,
Finance and Management
Ural Branch of the Financial University

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМИ СИТУАЦИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ МИНИСТЕРСТВА
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**DEVELOPMENT OF THE STATE EMERGENCY MANAGEMENT
SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF THE MINISTRY OF
EMERGENCY SITUATIONS OF THE ORENBURG REGION)**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности системы государственного управления чрезвычайными ситуациями на региональном уровне. На примере анализа деятельности Министерства чрезвычайных ситуаций Оренбургской области выявлены ключевые проблемы в сфере оповещения и информирования населения. Автором предложены мероприятия по модернизации технических средств оповещения и повышению уровня информированности граждан, а также проведена экспертная оценка рисков их реализации.

Annotation

The article examines the issues of improving the efficiency of the state emergency management system at the regional level. Based on the analysis of the activities of the Ministry of Emergency Situations of the Orenburg Region, key problems in the field of public warning and information are identified. The author proposes measures to modernize technical warning systems and increase the level of public awareness, as well as an expert assessment of the risks of their implementation.

Ключевые слова: государственное управление, чрезвычайные ситуации, МЧС, Оренбургская область, оповещение населения.

Key words: public administration, emergency situations, EMERCOM, Orenburg region, public warning.

Эффективность деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) является одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности. Особую значимость приобретает функционирование территориальных органов управления, на которые возложена непосредственная ответственность за защиту населения и территорий от угроз природного и техногенного характера. В этой связи анализ эффективности системы государственного управления чрезвычайными ситуациями (ЧС) на региональном уровне и поиск путей ее совершенствования представляются особенно актуальными.

Целью данного исследования является анализ эффективности системы государственного управления чрезвычайными ситуациями и разработка предложений по ее развитию на примере Главного управления МЧС России по Оренбургской области.

В соответствии с Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», государственное управление в этой сфере строится на принципах превентивной направленности, разграничения полномочий и комплексного подхода [1]. Основными задачами являются разработка нормативных правовых актов, планирование мероприятий по предупреждению и ликвидации ЧС, а также обеспечение готовности сил и средств к реагированию.

Деятельность Главного управления МЧС России по Оренбургской области охватывает широкий спектр функций: от реализации государственной политики в области гражданской обороны до организации тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ [2].

Проведенный анализ эффективности управления, основанный на ряде оценочных показателей, показал, что, несмотря на высокий уровень организации работы по реализации государственной политики (оценка «хорошо» по ряду критериев), существуют системные проблемы. В частности, выявлены недостатки в выполнении функций по управлению гражданской обороной (78,594%), а также крайне низкие оценки по показателям, характеризующим состояние систем оповещения населения: охват населения техническими средствами оповещения (54,687%) и руководство созданием локальных систем оповещения (45,850%) [3].

Таким образом, в качестве ключевых проблем, требующих первоочередного решения, были идентифицированы: низкий охват населения техническими средствами оповещения, вызванный недостаточным финансированием и отсутствием стратегии для удаленных районов, а также низкий уровень информированности населения о действиях в чрезвычайных ситуациях из-за слабой интеграции локальных систем и нехватки четких регламентов.

Для решения обозначенных проблем предлагается комплекс мероприятий. В целях повышения охвата населения техническими средствами оповещения предлагается модернизировать существующие системы, включая закупку цифровых сирен, внедрение мобильных приложений и проведение тренингов для сотрудников экстренных служб. Для повышения уровня информированности граждан целесообразно разработать и распространить информационные материалы (буклеты, видеоролики) с четкими инструкциями, а также организовать регулярные обучающие семинары и тренировки с привлечением волонтерских организаций.

С целью оценки устойчивости предложенных мероприятий был проведен экспертный анализ рисков. В качестве экспертов выступили представитель отдела информирования населения Главного управления МЧС России по Оренбургской области и руководитель проекта неправительственной организации. Результаты оценки, представленные в таблице 1, позволили выявить наиболее значимые риски.

Наибольшую интегральную оценку получили административно-правовой (14,00) и кадровый (12,37) риски, что указывает на важность четкой организации взаимодействия между структурами и необходимость разработки эффективной системы мотивации персонала. Для минимизации данных рисков предложены соответствующие способы предотвращения, включая установление четких процедур взаимодействия с госорганами и разработку положений о мотивации сотрудников.

Таким образом, система государственного управления чрезвычайными ситуациями в Оренбургской области в целом демонстрирует способность к выполнению возложенных

задач, однако требует дальнейшего развития, особенно в части технического оснащения и информирования населения. Предложенные мероприятия, с учетом проведенной оценки рисков, позволят повысить устойчивость региональной системы управления ЧС и уровень защищенности граждан.

Список литературы

1. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Гарант: справочно-правовая система. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10107960/> (дата обращения: 15.03.2026).

2. Об утверждении Положения о государственном надзоре в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществляемом Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: постановление Правительства РФ от 1.12.2005 № 712 (ред. от 19.08.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56957/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. Главное управление МЧС России по Оренбургской области: официальный сайт. – Режим доступа: <https://56.mchs.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

И.А. ЛЕЙСЛЕ

Уральский филиал Финуниверситета,
студент I курса направления подготовки
«Юриспруденция»

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский филиал Финуниверситета,
канд. социол. наук, доцент

I.A. LEISLE

Ural branch of the Financial University,
1st year student of the training direction
«Jurisprudence»

Scientific supervisor

S.I. PANKIN

Ural branch of the Financial University,
Ph.D. sociol. Sciences, Associate Professor

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

FOREIGN EXPERIENCE IN LEGAL SUPPORT FOR SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Аннотация

Социальное предпринимательство направлено на решение социальных, экологических и культурных проблем, а не на максимизацию прибыли. За последние 20 лет оно распространилось в Европе, Северной Америке и Азии. Однако для устойчивого развития требуется правовая инфраструктура. В статье анализируется зарубежный опыт (США, Великобритания, Франция, Южная Корея), выделяются общие и специфические черты правового регулирования и оценивается их эффективность.

Annotation

Social entrepreneurship focuses on solving social, environmental, and cultural problems rather than maximizing profits. Over the past 20 years, it has gained popularity in Europe, North America, and Asia. However, sustainable development requires a legal framework. This article analyzes international experience (USA, UK, France, South Korea), highlighting common and specific features of regulatory approaches and assessing their effectiveness.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, правовое обеспечение, институциональная поддержка, налоговые льготы.

Keywords: social entrepreneurship, legal framework, institutional support, tax incentives.

В отличие от традиционного предпринимательства, социальное предпринимательство характеризуется двойной целью: достижение финансовой устойчивости и решение социальных задач. Страны по-разному определяют и регулируют этот сектор.

Таблица 1

Правовые определения социального предпринимательства в отдельных странах

Страна	Правовой акт	Формальное определение
1	2	3
США	Закон о Benefit Corporations (разные штаты, начиная с 2010 г.)	Юридическое лицо, обязующееся учитывать интересы общества и окружающей среды наравне с интересами акционеров
Великобритания	Companies Act 2006	Компания с социальной миссией,

	(Community Interest Company — CIC)	подконтрольная регулятору CIC Regulator
Франция	Закон от 31 июля 2014 г. № 2014-856	Социальное предприятие — организация, чья основная цель — социальное воздействие, а не распределение прибыли
Продолжение Южная Корея	Закон о социальных предприятиях (2007)	Организация, зарегистрированная Министерством труда, создающая рабочие места для уязвимых групп и предоставляющая социальные услуги

Особенностью подхода является то, что в одних странах предпринимательство интегрировано в корпоративное право, в других — регулируется отдельным законодательством.

В США социальное предпринимательство развивается через Benefit Corporation (B Corp), обязанные учитывать влияние решений на общество и экологию. Великобритания использует Community Interest Company (CIC) с ограничением на распределение активов, направляя прибыль на общественные цели. Во Франции статус Entreprise Solidaire d'Utilité Sociale (ESUS) предоставляется организациям, соответствующим строгим критериям, включая социальную направленность деятельности и ограничения на дивиденды. В Южной Корее Закон о содействии социальному предпринимательству (2007 г.) регулирует деятельность сертифицированных социальных предприятий, предоставляя им субсидии, льготы и приоритет в госзакупках.

В таблице 2 мы выделили общие черты в подходах к правовому обеспечению социального предпринимательства и различии институционального оформления.

Таблица 2

Общие черты и различия правового обеспечения социального предпринимательства.

Общие черты правового обеспечения	Различия институционального оформления
1	2
Закрепление социальной миссии в уставе	В США и Великобритании социальное предпринимательство интегрировано в корпоративное право
Ограничение распределения прибыли	Во Франции и Южной Корее — регулируется специальным законодательством
Государственная или независимая проверка	В Италии — развивается через кооперативное законодательство
Финансовая и налоговая поддержка	—

Для оценки эффективности правового обеспечения социального предпринимательства целесообразно использовать как количественные, так и качественные критерии.

Количество зарегистрированных социальных предприятий:

- Великобритания – более 12 000 CIC (на 2025 г.) [5];
- США – более 7 000 certified B Corps и свыше 5 000 BC [6];
- Южная Корея – около 2 500 сертифицированных социальных предприятий [7].

Качественные показатели:

- уровень вовлечённости в решение социальных проблем;
- устойчивость бизнес-моделей (выживаемость предприятий через 5 лет);
- степень доверия со стороны государства, инвесторов и общества.

Анализ показывает, что гибридные формы (B Corp, CIC) обеспечивают высокую адаптивность и привлекательность для частного капитала, в то время как государственно-регулируемые модели (ESUS, Корея) лучше справляются с адресной поддержкой уязвимых групп.

В таблице 3 представлена сравнительная характеристика правовых моделей социального предпринимательства.

Таблица 3

Сравнительная характеристика правовых моделей социального предпринимательства

Критерий	США (B Corp)	Великобритания (CIC)	Франция (ESUS)	Южная Корея
1	2	3	4	5
Юридическая основа	Корпоративное право штатов	Companies Act 2006	Специальный закон (2014)	Специальный закон (2007)
Основная цель	Социальное и экологическое воздействие	Общественная польза	Общественная польза	Социальная занятость и услуги
Распределение прибыли	Разрешено, но с ограничениями	Запрещено (asset lock)	Ограничено ($\leq 35\%$)	Разрешено, но с обязательным вложением
Господдержка	Минимальная (на уровне штатов)	Налоговые льготы	Субсидии, налоговые преференции	Субсидии, госзакупки, льготы
Контроль	Добровольная сертификация (B Lab)	Государственный регулятор (CIC Regulator)	Министерство экономики	Министерство труда

Зарубежный опыт показывает, что правовое обеспечение социального предпринимательства должно быть гибким и результативным. Успешные модели включают чёткие законодательные нормы, ограничение извлечения прибыли, прозрачность отчётности и механизмы государственной поддержки.

Развитие социального предпринимательства в непризнанных государствах, таких как Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье, сталкивается с политической изоляцией, экономической нестабильностью и ограниченным доступом к ресурсам. В отсутствие правовой базы и поддержки предприятия полагаются на локальные инициативы и неформальные механизмы. В Приднестровье акцент сделан на сельское хозяйство и ремесла, где создаются кооперативы для решения вопросов занятости. В Абхазии и Южной Осетии основной упор делается на туризм и культурное наследие.

Для Российской Федерации, находящейся на этапе формирования правовой базы социального предпринимательства (Федеральный закон № 245-ФЗ от 26.07.2019 г.), целесообразно рассмотреть гибридную модель, заимствующую элементы как британской (CIC), так и французской (ESUS) систем. Особенно перспективным представляется введение специального уставного режима с возможностью добровольного выбора социального статуса и последующим доступом к налоговым и субсидиарным мерам поддержки.

Список литературы

1. Model Benefit Corporation Legislation, Version 3.0. B Lab, 2019.
2. Companies (Audit, Investigations and Community Enterprise) Act 2004, с. 27 (UK).
3. Loi n 2014-856 du 31 juillet 2014 relative à l'économie sociale et solidaire, Journal Officiel de la République Française.
4. Act on Promotion of Social Enterprises, Act No. 8610, Republic of Korea, 2007.
5. Office of the Regulator of Community Interest Companies. Annual Report 2024.
6. B Lab Global. State of B Corps Report, 2025.
7. Ministry of Employment and Labor, Republic of Korea. Social Enterprise White Paper, 2024.

И.А. ЛЕЙСЛЕ, С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финнуниверситета

I.A. LEISLE, S.I. PANKIN
Ural branch of the Finnish University

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

IMPLEMENTATION OF STATE SUPPORT FOR SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE CHEL YABINSK REGION: REGIONAL ASPECT

Аннотация

В статье анализируется практика реализации государственной политики поддержки социального предпринимательства на региональном уровне на примере Челябинской области. Проведен статистический анализ динамики развития в регионе за период 2021–2025 годов. Выявлены специфические проблемы и достижения региона в данной сфере.

Annotation

This article analyzes the implementation of state policy to support social entrepreneurship at the regional level, using the Chelyabinsk region as an example. A statistical analysis of development trends in the region for the period 2021–2025 is conducted. Specific challenges and achievements of the region in this area are identified.

Ключевые слова: Челябинская область, социальное предпринимательство, региональная поддержка, гранты, реестр социальных предприятий, центр «Мой бизнес», кейсы.

Keywords: Chelyabinsk region, social entrepreneurship, regional support, grants, register of social enterprises, My Business center, cases.

На региональном уровне поддержка социального предпринимательства осуществляется в рамках развитой системы нормативных правовых актов:

Основные документы:

- Постановление Правительства Челябинской области от 12.11.2020 № 577-П «Об утверждении государственной программы «Развитие экономического потенциала Челябинской области»;
- Постановление Правительства Челябинской области от 17.10.2022 № 567-П, регламентирующее порядок предоставления грантов социальным предпринимателям;
- Приказ Министерства экономического развития Челябинской области, утверждающий административный регламент ведения реестра социальных предприятий.

Координирующим органом выступает Министерство экономического развития Челябинской области.

Статистические данные свидетельствуют о поступательном росте количества социальных предприятий в Челябинской области.

Таблица 1

Динамика включения социальных предпринимателей в реестр Челябинской области
(2021-2025 гг.)

Год	Количество новых записей в реестре	Общий объем грантовой поддержки (млн руб.)	Средний размер гранта (тыс.руб.)	Количество созданных рабочих мест
2021	16	6,4	400	128
2022	45	18,0	400	360
2023	78	35,1	450	624
2024	96	45,7	476	768
2025 *по состоянию на ноябрь	52	24,7	475	416

Анализ таблицы 1 показывает устойчивую положительную динамику: количество новых социальных предприятий выросло с 16 в 2021 году до 96 в 2024 году, что составляет 500% роста за три года. Средний размер гранта также увеличился с 400 до 476 тысяч рублей, что свидетельствует об усилении финансовой поддержки.

По состоянию на конец 2024 года Челябинская область вошла в топ-20 регионов России по количеству социальных предпринимателей, что подтверждает эффективность региональной политики поддержки.

Таблица 2

Распределение социальных предприятий Челябинской области по муниципалитетам (2024 г.)

Муниципалитет	Количество предприятий	Доля от общего количества (%)
г. Челябинск	42	43,8
г. Магнитогорск	12	12,5
г. Златоуст	8	8,3
г. Миасс	7	7,3
Другие города и районы	27	28,1
Итого	96	100,0

Данные таблицы 2 демонстрируют концентрацию социальных предприятий в крупных городских округах, что характерно для регионов с высокой степенью урбанизации. При этом наблюдается постепенное распространение социального предпринимательства в малых городах и сельских территориях.

В ноябре 2025 года в Челябинской области состоялся очередной грантовый конкурс для социальных предпринимателей. По итогам отбора 52 предприятия получили поддержку на общую сумму около 24,7 миллиона рублей.

Таблица 3

Структура получателей грантов Челябинской области по направлениям деятельности (2025 г.)

Направление деятельности	Количество проектов	Доля (%)	Объем финансирования (млн руб.)
Образование и дополнительное образование детей	17	32,7	8,1
Социальное обслуживание и уход	15	28,8	7,2
Спортивные секции и оздоровление	10	19,2	4,8
Производство товаров для социально уязвимых категорий	5	9,6	2,4
Культурно-просветительская деятельность	5	9,6	2,2
Итого	52	100,0	24,7

Анализ показывает, что приоритетными направлениями остаются образование и социальное обслуживание, что соответствует как федеральным приоритетам, так и актуальным потребностям региона.

В таблице 4 мы выделили ряд системных проблем правоприменительной практики и рассмотрели перспективы развития.

Таблица 4

Проблемы и перспективы развития

Проблема	Перспектива развития
Территориальная неравномерность. 43,8% социальных предприятий сосредоточены в Челябинске, что ограничивает доступ к социальным услугам в малых городах и сельских территориях	Развитие социального предпринимательства в малых городах через создание мобильных консультационных центров и дистанционных образовательных программ
Дефицит квалифицированных кадров. Социальные предприниматели испытывают трудности с привлечением специалистов (дефектологов, социальных работников, реабилитологов)	Партнерство с образовательными учреждениями для подготовки кадров социальной сферы

Ограниченность финансовых ресурсов. На один грант в среднем претендует 4–5 заявителей, что оставляет за рамками поддержки значительное количество перспективных проектов	Привлечение частных инвестиций через развитие механизмов социального воздействия (impact investing)
Низкая информированность. По данным опроса, только 34% потенциальных социальных предпринимателей знают о существующих мерах поддержки	Цифровизация услуг – создание региональной цифровой платформы для социальных предпринимателей

Изучение опыта Челябинской области в сфере поддержки социального предпринимательства актуально, поскольку регион демонстрирует один из наиболее успешных примеров адаптации федеральных национальных проектов к региональным условиям. Шестикратный рост количества социальных предприятий за три года подтверждает, что грамотно выстроенная система государственной поддержки способна стимулировать развитие сектора, который одновременно решает бизнес-задачи и значимые социальные проблемы.

Список литературы

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006.
2. Об утверждении государственной программы «Развитие экономического потенциала Челябинской области» : Постановление Правительства Челябинской области от 12.11.2020 № 577-П // Официальный интернет-портал правовой информации Челябинской области. — URL: <http://pravo.gov74.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
3. О порядке предоставления грантов субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим деятельность в сфере социального предпринимательства : Постановление Правительства Челябинской области от 17.10.2022 № 567-П // Официальный интернет-портал правовой информации Челябинской области. — URL: <http://pravo.gov74.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Министерство экономического развития Челябинской области : официальный сайт. — URL: <https://mineconom.gov74.ru/> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Социальное предпринимательство в Челябинской области : аналитический отчет. — Челябинск : Министерство экономического развития Челябинской области, 2024. — 78 с.

И.А. ЛЕЙСЛЕ, С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финнуниверситета

I.A. LEISLE, S.I. PANKIN
Ural branch of the Finnish University

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СОЦИАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

**STATE SUPPORT FOR SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN
FEDERATION: NATIONAL PROJECTS AND LEGAL REGULATION**

Аннотация

В статье исследуется система федеральной поддержки социального предпринимательства в РФ. Проанализированы правовые основы и механизмы национальных проектов. Статистика 2022–2025 гг. подтверждает рост сектора, несмотря на проблемы с финансированием и налогообложением.

Annotation

The article examines the system of federal support for social entrepreneurship in the Russian Federation. Legal foundations and mechanisms of national projects are analyzed. Statistics for 2022–2025 confirm sector growth despite funding and taxation issues.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, национальные проекты, государственная поддержка, гранты, малое и среднее предпринимательство, правовое регулирование, социальная политика.

Keywords: social entrepreneurship, national projects, state support, grants, small and medium entrepreneurship, legal regulation, social policy.

Социальное предпринимательство в современной России трансформировалось из нишевого явления в значимый элемент экономической системы, сочетающий рыночные механизмы с решением актуальных общественных задач. По данным Министерства экономического развития РФ, к концу 2024 года количество социальных предприятий превысило 12 000 единиц, что на 52% больше показателей 2022 года.

Фундаментом правового регулирования социального предпринимательства стал Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ, внесший изменения в Федеральный закон от

24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Статья 24.1 данного закона впервые на законодательном уровне закрепила понятие «социальное предприятие» и установила критерии отнесения субъектов МСП к данной категории.

Национальный проект, утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, стал основным инструментом реализации государственной политики поддержки социального предпринимательства.

Проект реализуется с 2019 года и включает пять федеральных проектов:

- «Улучшение условий ведения бизнеса»;
- «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию»;
- «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»;
- «Популяризация предпринимательства»;
- «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации».

Программа грантовой поддержки социальных предпринимателей является наиболее востребованным инструментом национального проекта. Размер гранта варьируется от 100 до 500 тысяч рублей, а для территорий Арктической зоны — до 1 миллиона рублей.

Таблица 1

Динамика финансирования грантовой поддержки социальных предпринимателей в России
(2022–2025 гг.)

Год	Объем финансирования (млрд руб.)	Количество получателей	Средний размер гранта (тыс.рублей)
2022	2,0	4000	500
2023	2,0	4500	444
2024	2,1	5200	404
2025	2,3 (план)	5800 (прогноз)	397

Анализ таблицы показывает устойчивый рост количества получателей грантовой поддержки при некотором снижении среднего размера гранта, что свидетельствует о расширении охвата программы и стремлении поддержать большее количество проектов.

Таблица 2

Распределение социальных предприятий по направлениям деятельности (2024г.)

Направление деятельности	Доля от общего количества (%)	Приоритетность поддержки
Образование и дополнительное образование детей	28	Высокая
Социальное обслуживание пожилых и инвалидов	24	Высокая
Организация детского отдыха и оздоровления	15	Средняя

Производство товаров для социально уязвимых категорий	12	Средняя

Продолжение таблицы 2

Направление деятельности	Доля от общего количества (%)	Приоритетность поддержки
Культурно-просветительская деятельность	10	Средняя
Спортивные секции и оздоровление	8	Низкая
Прочие направления	3	Низкая

На федеральном уровне создана многоуровневая система поддержки социальных предпринимателей: Корпорация МСП, Центры «Мой бизнес», Акселерационные программы, финансовая поддержка через Фонд развития промышленности.

В таблице 3 мы выделили ряд системных проблем правоприменительной практики и рассмотрели перспективы развития.

Таблица 3

Проблемы и перспективы развития

Проблема	Перспектива развития
Региональная дифференциация. Субъекты РФ имеют право устанавливать дополнительные категории граждан и виды деятельности, что создает неравные условия для предпринимателей в разных регионах.	Унификация региональных требований через разработку единых методических рекомендаций.
Сложность подтверждения статуса. Требования к документации для включения в реестр социальных предприятий остаются избыточными.	Расширение финансовых инструментов: внедрение социальных облигаций, венчурного финансирования.
Ограниченность финансовых ресурсов. Объем грантовой поддержки (2-2,3 млрд рублей ежегодно) недостаточен: на один грант претендует в среднем 5-7 заявителей.	Налоговое стимулирование: введение пониженных ставок страховых взносов для социальных предприятий, обеспечивающих занятость инвалидов.
Отсутствие налоговых льгот на федеральном уровне. В России не предусмотрено специальных налоговых режимов для социальных предприятий, в отличие от ряда зарубежных юрисдикций.	Развитие социального заказа. С 2025 года социальный заказ будет действовать по всей стране без ограничений, что откроет новые возможности для социальных предпринимателей.

Таким образом, в России сформирована система поддержки социального предпринимательства в рамках нацпроекта «МСП». Рост числа предприятий с 7 900 (2022 г.) до 12 000 (2024 г.) подтверждает эффективность мер, несмотря на дефицит финансирования. Перспективы развития связаны с налоговыми льготами и усилением координации власти.

Список литературы

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» : Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4121.
3. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» : паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. — URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Социальное предпринимательство : официальный сайт общественной организации «ОПОРА РОССИИ». — URL: <https://opora.ru/projects/sotsialnoe-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Корпорация МСП: официальный сайт. — URL: <https://www.corpmsp.ru/> (дата обращения: 12.03.2026).

С.Ю. ЛУТОВИНОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления
«Management»

Научный руководитель

С.Е. РОМАНОВА

канд. эк. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

S.U. LUTOVINOV

Ural branch of the Financial University
3rd year student
«Management»

Scientific supervisor
S.E. ROMANOVA

**РОЛЬ БИЗНЕС-АНАЛИЗА В УПРАВЛЕНИИ
ИНВЕСТИЦИОННЫМИ РИСКАМИ: КАК ИЗБЕЖАТЬ ПОТЕРИ
БЮДЖЕТА НА ЭТАПЕ РАЗРАБОТКИ ТРЕБОВАНИЙ**

**THE ROLE OF BUSINESS ANALYSIS IN INVESTMENT RISK
MANAGEMENT: HOW TO AVOID BUDGET LOSS
AT THE REQUIREMENTS DEVELOPMENT STAGE**

Аннотация

В условиях высокой ключевой ставки и дефицита ИТ-кадров цена ошибки при запуске цифровых проектов многократно возрастает. Данная статья исследует ключевую роль бизнес-анализа в управлении инвестиционными рисками, возникающими на раннем этапе разработки требований. Особое внимание уделяется ИТ-рынку 2026 года, где проекты импортозамещения часто превышают бюджеты из-за слабой проработки интеграционных решений. Автор обосновывает, что системный бизнес-анализ минимизирует финансовые потери и гарантирует достижение ожидаемого экономического эффекта от инвестиций.

Annotation

In the context of high key interest rates and a shortage of IT personnel, the cost of errors when launching digital projects increases exponentially. This article explores the key role of business analysis in managing investment risks that arise during the early stages of requirements development. Particular attention is given to the IT market of 2026, where import substitution projects often exceed budgets due to poorly developed integration solutions. The author argues that systemic business analysis minimizes financial losses and ensures the expected economic impact of investments.

Ключевые слова: бизнес-анализ, инвестиционные риски, разработка требований, управление ИТ-проектами, импортозамещение программного обеспечения.

Key words: business analysis, investment risks, requirements development, IT project management, software import substitution.

Инвестиционные риски в ИТ-проектах часто воспринимаются как «внешние» – ставка, рынок, кадры. Но на практике значительная часть потерь возникает в процессе реализации проекта: из-за того, что на старте неверно сформулированы цели, границы, правила и ожидаемая ценность решения. Когда требования недостаточно точны,

противоречивы или не проверены на реализуемость, организация инвестирует в функциональность, которая либо не будет использоваться, либо окажется слишком дорогой в разработке и сопровождении. Поэтому бизнес-анализ становится механизмом управления инвестиционными рисками: он снижает вероятность ошибочного вложения капитала и повышает предсказуемость результата.

ISO 31000 фиксирует, что риск – это влияние неопределенности на цели, а управление риском включает систематические действия по идентификации, анализу, оценке и воздействию на риск [1]. На языке инвестиционного комитета это означает простую мысль: если цель проекта не декомпозирована до проверяемых требований и критериев ценности, то неопределенность «переезжает» в фазу разработки и начинает конвертироваться в перерасход бюджета.

BABOK прямо выделяет задачу оценки рисков в стратегическом анализе: оцениваются факторы, которые могут повлиять на ценность инициативы и достижение бизнес-результата. Тем самым бизнес-анализ встраивается в риск-контур инвестиций: он помогает не только описать, что нужно сделать, но и доказать, что это действительно приведет к ожидаемому эффекту, а также выявить риски требований до начала капиталоемкой разработки [2].

Ключевая проблема этапа требований в том, что ошибка здесь часто выглядит дешевой – «неправильно поняли», «потом уточним». Но исследования NASA показывают эскалацию стоимости исправления дефектов по мере продвижения по жизненному циклу: по данным анализа, относительная стоимость исправления ошибки требований растет примерно до 3–8 раз на стадии дизайна, до 21–78 раз на интеграции/тестировании и до 29–1500+ раз на этапе эксплуатации (если стоимость исправления на этапе требований принять за 1) [3].

Эта логика известна также в виде практического правила 1:10:100: чем позже обнаружен дефект, тем более «дорогими» становятся его устранение, регресс-тестирование, откат релиза и последствия для пользователей [4]. Для инвестиционного управления это критично: перенос выявления противоречий из фазы «бумаги» в фазу «продакшена» превращает управляемый риск в неконтролируемый финансовый ущерб, потому что рост затрат связан не только с работой разработчиков, но и с простоями процессов, потерей доверия и дополнительными защитными мерами.

Отдельный класс инвестпотерь – вложения в невостребованный функционал. The Standish Group в материалах CHAOS неоднократно отмечала высокую долю «лишней» функциональности в корпоративных системах; около 45% функций не используются пользователями никогда [7]. Для инвестора это означает, что без контроля ценности на

уровне требований значимая часть бюджета может быть потрачена на «воздух», даже если проект формально будет завершен.

Ниже – набор механик, которые работают именно как «хеджирование» инвестиционных рисков на ранней стадии.

В BABOK задача «Assess Risks» задает рамки: фиксируются риски, допущения и ограничения, оценивается влияние на ценность и выбираются реакции [5]. Практически это оформляется как «риск-реестр требований»: что именно в требованиях может привести к перерасходу, какие сигналы раннего предупреждения есть, кто владелец риска и какой план реагирования.

Матрица трассировки связывает бизнес-цели, требования, дизайн-решения и тесты. В инвестиционной логике это превращается в принцип: «нет строки кода без связи с бизнес-эффектом» – так требования становятся инструментом контроля целевого использования средств.

Прототип, MVP-сценарии и ранние пользовательские проверки снижают риск неправильной постановки задачи, потому что позволяют «купить ошибку дешево» – обнаружить ее до разработки и эксплуатации, где стоимость исправления многократно выше [3] [4]. Это прямое применение выводов NASA и практики 1:10:100 как финансового аргумента в пользу инвестиций в фазу исследования.

Требования в реальности меняются: уточняются процессы, появляются новые ограничения, меняются приоритеты. Практики BABOK и управление изменениями позволяют превращать хаотичные «хотелки» в контролируемые изменения с оценкой влияния на бюджет, сроки, риски и ценность [2].

Чтобы бизнес-анализ реально защищал бюджет, его нужно формализовать как часть «инвестиционного процесса», а не как сервис команды разработки. На уровне governance это можно сделать так:

Ввести «аудит требований» как входной контроль перед финансированием разработки: утверждаются цели, границы, критерии приемки, ключевые риски и план их обработки.

Требовать артефакты, которые проверяемы: карта стейкхолдеров, модель процессов/данных, трассировка, прототипы ключевых сценариев, риск-реестр требований.

Использовать терминологию ISO 31000 для общения ВА, бизнеса и риск-функции: цели → неопределенность → риск → меры контроля.

Так ВА становится «переводчиком» между бизнес-ценностью и технической реализацией, а главное снижает вероятность ошибочного инвестирования в разработку, которая не дает отдачи.

Список литературы

1. ISO 31000:2018. Risk management — Guidelines [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/standard/65694.html> (дата обращения: 17.03.2026).
2. IIBA. Business Analysis Body of Knowledge (BABOK Guide). 6.3 Assess Risks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iiba.org/knowledgehub/business-analysis-body-of-knowledge-babok-guide/6-strategy-analysis/6-3-assess-risks/> (дата обращения: 17.03.2026).
3. Error Cost Escalation Through the Project Life Cycle [Электронный ресурс]. URL: <https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20100036670/downloads/20100036670.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).
4. IV&V Conference: Bob Hunt, Dulos, Kalman [Электронный ресурс]. URL: https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2016/10/1-4a-ivv_conference_bob_hunt_dulos_kalman.pdf (дата обращения: 17.03.2026).
5. IIBA. Task Card: Assess Risks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iiba.org/contentassets/78323193199b4d8aa233cdb1615947bb/task-card-assess-risks.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Watermark Learning. Understanding BABOK Requirements Life Cycle Management [Электронный ресурс]. URL: <https://www.watermarklearning.com/blog/babok-requirements-life-cycle-management/> (дата обращения: 17.03.2026).
7. The Standish Group. CHAOS Report 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.classes.cs.uchicago.edu/archive/2014/fall/51210-1/required.reading/Standish.Group.Chaos.2009.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).
8. McKinsey & Company. Delivering large-scale IT projects on time, on budget, and on value [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/tech-and-ai/our-insights/delivering-large-scale-it-projects-on-time-on-budget-and-on-value> (дата обращения: 17.03.2026).

С.Ю. ЛУТОВИНОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления
«Management»

Научный руководитель

С.Г. КАТКОВА

Ст. преподаватель
Уральский филиал Финуниверситета

S.U. LUTOVINOV

Ural branch of the Financial University

3rd year student
«Management»

Scientific supervisor
S.G. KATKOVA
Senior university teacher
Ural branch of the Financial University

**УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ МАЛОГО
БИЗНЕСА ЧЕРЕЗ ВНЕДРЕНИЕ CRM-СИСТЕМ:
БАРЬЕРЫ И ФАКТОРЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ**

**MANAGING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SMALL
BUSINESSES THROUGH THE IMPLEMENTATION
OF CRM SYSTEMS: BARRIERS AND PERFORMANCE**

Аннотация

Статья посвящена вопросам управления цифровой трансформацией малого бизнеса через внедрение CRM-систем. В центре внимания находятся ключевые управленческие барьеры, возникающие на этапах выбора, внедрения и использования CRM-решений, а также факторы, влияющие на результативность цифровых изменений. Особое внимание уделяется роли формализации бизнес-процессов, качеству постановки требований и готовности организации к изменениям. По итогам исследования предполагается определить практические подходы, способствующие повышению эффективности управления цифровой трансформацией в малом бизнесе.

Annotation

This article examines the management of small business digital transformation through the implementation of CRM systems. It focuses on key management barriers encountered during the selection, implementation, and use of CRM solutions, as well as factors influencing the effectiveness of digital transformation. Particular attention is paid to the role of formalizing business processes, the quality of requirements formulation, and the organization's readiness for change. The study's findings are expected to identify practical approaches that can improve the effectiveness of digital transformation management in small businesses.

Ключевые слова: цифровая трансформация, малый бизнес, CRM-системы, управление изменениями, бизнес-процессы, результативность внедрения.

Key words: digital transformation, small business, CRM systems, change management, business processes, implementation effectiveness.

Цифровая трансформация стала стратегической необходимостью для российского малого и среднего бизнеса, где уровень проникновения CRM-систем к 2025 году достиг 50–70% [1] [2]. Основными драйверами этого процесса выступают стремление снизить операционные издержки (в среднем на 20–30%) [1], повысить прозрачность продаж и адаптироваться к условиям высокой конкуренции. Однако само по себе внедрение ИТ-решения не гарантирует результата. Данная статья анализирует ключевые управленческие барьеры на пути цифровизации МСП и рассматривает факторы результативности на примере разработки собственной CRM-системы для предприятия в сфере фулфилмента.

Несмотря на доступность технологий, от 25% до 70% проектов внедрения CRM в российском секторе МСП не достигают поставленных бизнес-целей [3] [4]. Ключевые причины провалов лежат не в ИТ-плоскости, а в управленческой. Во-первых, это сопротивление персонала: до 40–47% неудачных внедрений связаны с саботажем со стороны сотрудников [5] [6], которые часто воспринимают систему как инструмент тотального контроля. Во-вторых, сказывается отсутствие формализованных процессов, когда попытка автоматизировать неоптимизированную деятельность (переход от модели as-is сразу к коду) приводит к сохранению неэффективных схем работы в цифровой форме [7]. Наконец, огромную роль играют ошибки в постановке требований, где некомпетентность в целеполагании и отсутствие четкого ТЗ ведут либо к избыточной сложности системы, либо к ее неспособности решать реальные задачи бизнеса [3] [8].

Международная и российская практика показывает, что для преодоления барьеров требуется системный подход. Критически важен предпроектный аудит: глубокий анализ воронок продаж, регламентов и KPI до начала разработки. Интеграторы отмечают, что детальное описание процессов существенно снижает сопротивление сотрудников [10]. Кроме того, необходимо грамотное управление изменениями, так как программы трансформации, опирающиеся на структурированный подход к изменениям и обучение персонала, достигают целей в три раза чаще [9].

Для иллюстрации влияния предварительного аудита на результативность рассмотрим кейс разработки CRM-системы для логистического предприятия (фулфилмента). Специфика бизнеса требовала непрерывного взаимодействия между менеджерами, работниками склада (упаковка, сборка), логистами, водителями и конечными клиентами-поставщиками. Архитектура решения включила в себя саму CRM с жестко регламентированными воронками и интеграцию с кластером Telegram-ботов для разных ролей. Например, для клиентов был реализован бот, позволяющий управлять техническими заданиями (ТЗ), прикреплять штрих-коды и согласовывать даты отгрузки напрямую через мессенджер.

На этапе проектирования компания столкнулась с типичной проблемой выбора: внедрять готовое решение или разрабатывать собственное. Анализ показал, что адаптация «коробочных» продуктов под специфику фулфилмента экономически нецелесообразна. Требования включали поминутное отслеживание движения товаров, полное логирование действий, сложную систему статусных таймеров и интеграцию множества Telegram-ботов. Стоимость услуг профильных специалистов для такой глубокой кастомизации значительно превышала бюджет создания индивидуальной системы.

До старта проекта управление процессами осуществлялось в ручном режиме через электронные таблицы и документы. Практический опыт внедрения подтвердил выводы исследователей: недостаточное внимание к предпроектному обследованию является ключевым фактором риска. Ограниченное количество коммуникаций с заказчиком на этапе сбора требований привело к формированию недостаточно детализированного технического задания. Это выявило острую необходимость применения более строгих методов бизнес-анализа и системного анализа для перевода бизнес-потребностей в однозначные требования, что позволило бы избежать ряда недопониманий в процессе разработки [8].

Интересной особенностью данного кейса стало распределение уровней сопротивления цифровизации. Внутри компании переход прошел относительно легко, так как новая система, несмотря на жесткий контроль времени, объективно упрощала работу по сравнению с предыдущим хаосом в таблицах. Основной барьер возник на стороне внешних пользователей – контрагентов (поставщиков), которые саботировали переход из привычных чатов в интерфейс Telegram-бота. Проблема была решена директивным управленческим решением: клиенты были поставлены перед фактом безальтернативного использования новой системы для согласования отгрузок.

Несмотря на барьеры проектирования и внедрения, запуск CRM-системы дал измеримый экономический и операционный эффект. Кардинально сократилось время согласования поставок благодаря автоматизации коммуникаций через Telegram-бот. Кроме того, внедрение жесткого тайминга операций и мониторинга конкретных временных затрат на каждом этапе (упаковка, сборка, логистика) позволило не только повысить текущую производительность склада, но и сформировать базу для предиктивной аналитики. Бизнес получил возможность точно прогнозировать сроки обработки будущих заказов.

Внедрение CRM-системы в малом бизнесе представляет собой не просто установку программного обеспечения, а комплексную управленческую трансформацию [9]. Как показывает анализ рынка и рассмотренный практический кейс, результативность цифровых изменений напрямую зависит от готовности руководства инвестировать время в глубокий аудит процессов [10]. Выбор между «коробочным» и собственным решением должен

опираться на экономику доработок, а успех интеграции – на бескомпромиссную формализацию требований и жесткое управление изменениями, охватывающее не только штатный персонал, но и внешних контрагентов [9].

Список литературы

1. Цифровизация малого бизнеса в России 2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://soware.ru/soware-small-business-digitalization-in-russia-2025.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).
2. МИРБИС и Сбер Бизнес Софт: более 60% компаний видят пользу в CRM-системах, ИИ и предиктивной аналитике [Электронный ресурс]. – URL: <https://ict.moscow/news/mirbis-sber-biznes-soft-bolee-60-kompanii-vidiat-polzu-v-crm-sistemakh-ii-i-prediktivnoi-analitike/> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Особенности внедрения CRM-системы для малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/viewFile/2587/2630> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Почему 70% внедрений CRM в России проваливаются, и как оказаться в успешных 30 [Электронный ресурс]. – URL: <https://tenchat.ru/media/3874196-pochemu-70-vnedreniy-crm-v-rossii-provalivayutsya-i-kak-okazatsya-v-uspeshnykh-30> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Выбора и внедрения CRM систем (Nikta AI) [Электронный ресурс]. – URL: <https://nikta.ai/vybora-i-vnedreniya-crm-sistem/> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Внедрение CRM: как преодолеть сопротивление менеджеров (Comindware) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.comindware.ru/blog/integration-crm/> (дата обращения: 10.03.2026).
7. Optimization of business processes for the purpose of their following automation: objectives, stages, recommendations for selecting a BPM system [Электронный ресурс]. – URL: <https://s.fundamental-research.ru/pdf/2021/5/43047.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Проблемы и вызовы проектирования CRM-систем [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.rcsi.science/2658-5286/article/download/377847/350626> (дата обращения: 10.03.2026).
9. Отчёт Comindware и PEX (RU report 2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.comindware.ru/assets/dl2/pdf/comindware_and_pex_ru_report_2026.pdf (дата обращения: 10.03.2026).
10. Материалы по предпроектному аудиту бизнес-процессов перед внедрением CRM [Электронный ресурс]. – URL:

Luckru: <https://luckru.ru/articles/vokrug-crm/audit-biznes-protsessov-kompanii-pered-vnedreniem-i-nastroykoy-bitriks24-v-kakikh-sluchayakh-provodya/> (дата обращения: 10.03.2026);
Авиант: <https://www.aviant.ru/bitrix24/audit/pered-vnedreniem-crm/> (дата обращения: 10.03.2026);
IPG: <https://ipgpromo.ru/company/blog/korrektno-provedyennyy-audit-fundament-uspeshnogo-proekta-po-avtomatizatsii-biznes-protsessov/> (дата обращения: 10.03.2026).

Ю.В. МАТКУЛОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Государственное и муниципальное
управление»

Научный руководитель

А.А. КОПЧЕНОВ

д-р экон. наук, профессор
Уральский филиал Финуниверситета

Y.V. MATKULOVA

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«State and municipal management»

Scientific supervisor

A.A. KOPCHENOV

Dr. of Economics, Professor
Ural branch of the Financial University

ЦИФРОВАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА: МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ В НОВОМ УРЕНГОЕ И ИХ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

DIGITAL SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES: MUNICIPAL PROGRAMS IN NOVY URENGOY AND THEIR COMPARATIVE ANALYSIS

Аннотация

Рассматриваются механизмы цифровой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне на примере городского округа Новый Уренгой. Анализируются действующие инструменты финансового субсидирования – программы возмещения затрат на приобретение основных средств и обучение персонала. Выявляются ключевые условия эффективности муниципальных программ поддержки в контексте цифровой трансформации государственного управления.

Annotation

The article examines the mechanisms of digital support for small and medium-sized businesses at the municipal level using the example of the Novy Urengoy urban district. The existing instruments of financial subsidization are analyzed, including programs for reimbursement of costs for fixed assets acquisition and staff training. Key conditions for the effectiveness of municipal support programs in the context of digital transformation of public administration are identified.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, цифровые платформы, муниципальная поддержка, субсидии, Новый Уренгой, цифровая трансформация.

Key words: small and medium-sized business, digital platforms, municipal support, subsidies, Novy Urengoy, digital transformation.

Введение

Развитие малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) выступает одним из ключевых факторов устойчивого функционирования региональных и местных экономических систем. В условиях нарастающей цифровизации государственного управления особую значимость приобретает переход к электронным форматам предоставления мер поддержки – как на федеральном, так и на муниципальном уровне. Согласно данным национального проекта «Малое и среднее предпринимательство», численность занятых в секторе МСП превысила 29,7 млн человек, а налоговые поступления от субъектов МСП в консолидированный бюджет Российской Федерации составили 4,7 трлн рублей по итогам 2022 года, что соответствует 20% всех доходов бюджета [5]. На этом фоне вопрос результативности муниципальных программ поддержки приобретает принципиальное значение, поскольку именно на местном уровне предпринимательская среда подвержена прямому воздействию регуляторных решений.

Ямало-Ненецкий автономный округ в целом и Новый Уренгой в частности представляют собой характерный пример территории с высокой долей добывающей промышленности, где формирование диверсифицированной предпринимательской среды во многом определяется активностью муниципальной власти. Изучение конкретных инструментов поддержки, применяемых в данном городском округе, позволяет оценить, насколько эффективно цифровые механизмы взаимодействия государства и бизнеса функционируют на практике.

Методология исследования

Работа строится на анализе нормативно-правовой базы, регулирующей предоставление субсидий субъектам МСП в Новом Уренгое, а также на изучении

официальных данных и аналитических материалов, характеризующих состояние сектора малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Применяются методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения эмпирического материала. Информационную базу составляют постановления Администрации города Новый Уренгой, данные Фонда «Агентство ЯНАО «Мой бизнес», а также результаты отраслевых исследований, посвящённых вопросам цифровой трансформации господдержки МСП [4, 6].

Результаты и обсуждение

Цифровизация инструментов государственной поддержки малого и среднего бизнеса – одна из наиболее активно разрабатываемых тем в современной экономической литературе. Цифровые платформы рассматриваются исследователями как полноценная экосистема, обеспечивающая комплексное сопровождение предпринимателя – от информирования до непосредственного получения финансовой помощи [1]. Многоуровневая архитектура таких платформ позволяет интегрировать федеральные, региональные и муниципальные меры поддержки в единое пространство, последовательно снижая административные барьеры [2].

Цифровые технологии кардинально меняют не только формат взаимодействия бизнеса и власти, но и содержание самих мер поддержки: становится возможным персонализированный подбор субсидий, автоматизированная проверка соответствия критериям отбора, электронное сопровождение соглашений [3]. Цифровая трансформация государственной поддержки МСП ведёт к существенному сокращению сроков рассмотрения заявок и повышению прозрачности конкурсных процедур [4, 7]. При этом финансовая поддержка через цифровые сервисы – в частности, субсидирование и компенсация затрат – остаётся наиболее востребованным инструментом среди предпринимателей [10]. Ряд авторов акцентирует внимание на том, что цифровая трансформация МСП невозможна без адекватного государственного сопровождения: цифровые платформы должны не просто агрегировать меры поддержки, но и обеспечивать их реальную доступность для предпринимательского сообщества [6].

Применительно к Новому Уренгою выделяются два ключевых направления муниципальной поддержки МСП, реализуемых в цифровом формате.

Первое – возмещение затрат на приобретение основных средств. Администрация города предоставляет субсидию в размере 50% от фактически понесённых затрат, при этом максимальный размер выплаты составляет 100 000 000 рублей на одного получателя в пределах лимитов бюджетных ассигнований текущего года. Заявки принимаются исключительно через личный кабинет на сайте Фонда «Агентство ЯНАО «Мой бизнес», а сами договоры на приобретение имущества должны быть заключены не ранее 1 января 2022 года [8].

Второе направление – финансовое обеспечение затрат на обучение сотрудников. Постановлением Администрации города Новый Уренгой от 21.07.2025 № 332 утверждён Порядок предоставления субсидий субъектам МСП сферы потребительского рынка на подготовку, переподготовку и повышение квалификации персонала [9]. Максимальный размер субсидии составляет 100 тысяч рублей на одного получателя, отбор осуществляется в системе «Электронный бюджет» с использованием портала предоставления мер финансовой государственной поддержки.

Для наглядного представления ключевых параметров обеих программ данные систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика муниципальных программ субсидирования МСП в Новом Уренгое

Параметр	Субсидия на основные средства	Субсидия на обучение персонала
Правовая основа	Конкурсный отбор (объявление Администрации)	Постановление № 332 от 21.07.2025
Максимальный размер	100 000 000 руб.	100 000 руб.
Доля возмещения	50% фактических затрат	До 100% затрат на обучение
Требование к персоналу	Не менее 2 работников	Не менее 3 работников
Формат подачи заявки	Личный кабинет Фонда «Мой бизнес»	Система «Электронный бюджет»
Целевая сфера	Все виды деятельности МСП	Потребительский рынок

Источник: составлено автором по данным [8, 9]

Данные таблицы 1 демонстрируют принципиальное различие двух программ по масштабу и целевой аудитории. Субсидия на основные средства ориентирована на крупные инвестиционные вложения и охватывает широкий круг получателей, тогда как поддержка обучения направлена на точечное повышение квалификационного потенциала конкретного сегмента предпринимателей. Показательно, что обе меры реализуются исключительно в цифровом формате – без бумажного документооборота на этапе подачи заявки, что в полной мере соответствует общей логике цифровой трансформации государственной поддержки [6].

Критерии оценки заявок по программе обучения включают социально-экономическую значимость проекта (весовое значение – 40%), численность трудоустроенных работников (30%) и рейтинг в сервисе «Яндекс.Карты» (30%), что отражает стремление муниципалитета увязать поддержку с реальным вкладом предпринимателя в городскую среду [9]. Введение

цифровых агрегаторов в систему оценки заявителей – показательная черта современной муниципальной политики в отношении МСП.

Вместе с тем необходимо учитывать более широкий контекст: по данным отраслевых исследований, 72,5% субъектов МСП не считают существующие объёмы поддержки достаточными для решения задач развития бизнеса, а 56% оценивают систему как недостаточно прозрачную [5]. Цифровизация, при всех очевидных преимуществах, порождает новые вызовы – в частности, неравный доступ к электронным платформам и нарастающую нагрузку в системах электронного контроля и отчётности. Авторы ряда исследований указывают, что развитие цифровых сервисов финансовой поддержки должно сопровождаться методической помощью предпринимателям в освоении новых форматов взаимодействия с органами власти [10].

Заключение

Муниципальная практика Нового Уренгоя демонстрирует последовательный курс на цифровизацию инструментов поддержки МСП: обе действующие программы субсидирования реализуются в электронном формате, а система отбора участников ориентирована на автоматизированную проверку соответствия установленным требованиям. Это согласуется с общей федеральной тенденцией к стандартизации и цифровизации мер поддержки малого и среднего бизнеса, фиксируемой в исследованиях последних лет. Вместе с тем существующие программы охватывают лишь часть предпринимательского сообщества, а порог участия остаётся значимым ограничителем доступности поддержки.

Расширение охвата цифровых мер, снижение административных барьеров при подаче заявок и интеграция муниципальных механизмов с региональной платформой «Мой бизнес» могут существенно повысить результативность программ. Формирование единых стандартов предоставления субсидий, повышение цифровой грамотности предпринимателей и усиление обратной связи между бизнесом и органами власти выступают необходимыми условиями устойчивого развития сектора МСП в Новом Уренгое в среднесрочной перспективе.

Список литературы

1. Аллаяров, Т. А. Цифровые платформы как экосистема поддержки малого и среднего бизнеса / Т. А. Аллаяров, О. Ю. Ханова // Актуальные вопросы управления: новые тренды цифровой среды : сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Москва, 15–18 ноября 2024 года. – Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2024. – С. 26-31. – EDN KBGUOQ.

2. Благих, И. А. Многоуровневая поддержка малого и среднего бизнеса на цифровых платформах / И. А. Благих // Мариуполь: Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи, 2025. – С. 207-211. – EDN BCDPQA.

3. Бураго, А. В. Роль и место цифровых технологий в поддержке малого и среднего бизнеса / А. В. Бураго // Цифровизация бизнеса и образования: тенденции и перспективы : Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 22 апреля 2024 года. – Брянск: ИП Усова И.Н., 2024. – С. 36-39. – EDN MSENFZ.

4. Комарицкая, Е. С. Цифровая трансформация государственной поддержки субъектов малого и среднего бизнеса / Е. С. Комарицкая, В. П. Кайсарова // Седьмой международный экономический симпозиум - 2023 : Материалы международных научных конференций: X Международной научно-практической конференции, XX Международной конференции, XXIX Международной научно-практической конференции, VIII Международной научной конференции, Международной конференции молодых ученых-экономистов, Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2023. – С. 1471-1476. – EDN OHVHEM.

5. Малое и среднее предпринимательство в России: итоги развития, оценка эффективности реализации программы господдержки, вызовы и новые возможности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://uralfgo.gov.ru/media/files/file/UgCf61U21DQK34LRPL2V0KJYbcODlkKg.pdf> (дата обращения: 24.03.2026).

6. Манахова, И. В. Цифровая трансформация малого и среднего бизнеса в России: вызовы, перспективы и роль государственной поддержки / И. В. Манахова, А. Д. Белоглазов // Российский экономический журнал. – 2023. – № 5. – С. 112-124. – DOI 10.52210/0130-9757_2023_5_112. – EDN HUIAD.

7. Плотникова, А. А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса посредством цифровых платформ / А. А. Плотникова, Е. С. Рыбакова // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : Сборник научных статей (ежегодник). – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 135-137. – EDN DKSTQL.

8. Поддержка МСП г. Новый Уренгой: Возмещение затрат на основные средства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://mb89.ru/news/podderzhka-msp-g-novyy-urengoy-vozmeshchenie-zatrat-na-osnovnye-sredstva/> (дата обращения: 15.05.2026).

9. Постановление от 21.07.2025 № 332 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим деятельность на территории города Новый Уренгой, на финансовое обеспечение затрат,

связанных с оплатой обучения по подготовке, переподготовке и повышению квалификации их сотрудников». [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://tv-impulse.ru/wp-content/uploads/2025/07/postanovlenie_stamp332.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

10. Хачатрян, О. А. Цифровые сервисы финансовой поддержки малого и среднего бизнеса / О. А. Хачатрян, А. В. Милютикова // Финансы бизнеса в современной экономике : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 26 мая 2025 года. – Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2025. – С. 66-73. – EDN KSTAOP.

Н.С. МИНЕЙКА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Ю. В. ПОДПОВЕТНАЯ

Профессор кафедры «Социально-гуманитарные
и естественно-научные дисциплины»
Доктор педагогических наук, Доцент
Уральский филиал Финуниверситета

N. S. MINEYKA

Ural Branch of the Financial University
Second-year student majoring in Public
and Municipal Administration

Supervisor:

YU. V. PODPOVETNAYA

Professor, Department of Social Sciences,
Humanities, and Natural Sciences
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Ural Branch of the Financial University

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ **ANALYSIS OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE CHEL YABINSK REGION**

Аннотация

В работе раскрыты основные тенденции развития сельского хозяйства Челябинской области в 2021-2025 годах. Представлены результаты анализа динамики урожайности, посевных площадей, валовых сборов и индекса физического объема продукции. По

выделенным проблемам нестабильности производства и сокращения посевных площадей в малых предприятиях предложены методы совершенствования государственной поддержки и интенсификации производства.

Annotation

This paper explores the key trends in agricultural development in the Chelyabinsk Region from 2021 to 2025. It presents the results of an analysis of yield dynamics, crop area, gross harvest, and the physical production index. Addressing the identified issues of production instability and the reduction of crop area in small businesses, it proposes methods for improving state support and intensifying production.

Ключевые слова: Сельское хозяйство, статистический анализ, индекс производства, Челябинская область, эффективность.

Key words: Agriculture, statistical analysis, production index, Chelyabinsk region, efficiency

Современное сельское хозяйство является ключевым сектором экономики, обеспечивающим продовольственную безопасность и социально-экономическую стабильность регионов. Актуальность темы обусловлена необходимостью мониторинга состояния отрасли в условиях импортозамещения и изменчивости рыночной конъюнктуры, что требует своевременной диагностики проблем и выявления резервов роста на региональном уровне.

Нормативную основу исследования составляют Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», определяющий основы господдержки, а также методические указания Росстата (Приказы № 573 от 30.09.2019 и № 42 от 31.01.2018), регламентирующие порядок расчета объемов производства и индексов продукции в аграрном секторе [1].

Анализ развития сельского хозяйства Челябинской области за 2021-2025 годы выявил ряд устойчивых тенденций и проблемных зон. Коэффициент интенсивности использования посевных площадей (Киз) на протяжении всего периода стабильно превышал единицу (1,006 в 2025 г.), что свидетельствует о более высокой эффективности использования земли в сельскохозяйственных организациях по сравнению со средними показателями по области [2]. Расчет валового сбора ярового ячменя в прочих организациях показал положительную динамику: за пять лет объем производства вырос на 61,5%, достигнув 928 854 ц в 2025 году, что говорит об интенсификации производства данной культуры [3].

Однако анализ структуры посевов выявил негативные тенденции. Убранная площадь яровой пшеницы в малых предприятиях, рассчитанная с использованием коэффициента досчета, сократилась в 2025 году на 17,8% по сравнению с предыдущим годом и на 2,9% к уровню 2021 года, составив 45 899 га [4]. Аналогичная ситуация наблюдается и с яровым ячменем в прочих организациях, где площадь сократилась на 12,9% за последний год [3]. Индекс физического объема продукции сельского хозяйства, рассчитанный по формуле Ласпейреса, демонстрирует высокую волатильность: от резкого роста в 2022 году (1,126) до спада в 2023 году (0,937). В 2025 году индекс составил 1,030, что указывает на умеренный рост, но подтверждает высокую зависимость отрасли от внешних факторов.

Ключевой проблемой является нестабильность инвестиционной активности, наглядно демонстрируемая колебаниями стоимости незавершенного производства (НЗП) в растениеводстве [4]. В 2025 году изменение стоимости НЗП составило 30,5 млн руб., что в 2,3 раза выше уровня 2021 года, однако максимальный прирост был зафиксирован в 2022 году (124,5 млн руб.), а в 2024 году наблюдалось отрицательное значение. Такая динамика свидетельствует о проблемах в планировании посевных кампаний и чувствительности производителей к экономическим и климатическим рискам. Кроме того, резкое сокращение посевных площадей в малых и прочих организациях ставит под угрозу диверсификацию аграрного производства и требует корректировки мер поддержки.

Для решения выявленных проблем и обеспечения устойчивого развития агропромышленного комплекса Челябинской области предлагаются следующие меры. Во-первых, необходима адаптация системы субсидирования для малых форм хозяйствования с целью стимулирования загрузки посевных площадей и компенсации части затрат на ресурсы [2]. Во-вторых, целесообразно внедрение элементов точного земледелия и ресурсосберегающих технологий в организованном секторе для дальнейшего повышения эффективности использования земельных ресурсов и стабилизации валовых сборов [5]. В-третьих, рекомендуется развитие системы сельскохозяйственного страхования с госучастием для минимизации убытков от неблагоприятных погодных условий, что снизит волатильность инвестиционных процессов и индекса производства.

Таким образом, реализация предложенных мер позволит обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие сельского хозяйства Челябинской области, повысить его конкурентоспособность и снизить зависимость от внешних негативных факторов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2006 N 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (ред. от 31.07.2025) – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения:

11.03.2026). – Текст: электронный.

2. Постановление Правительства Ростовской области от 15 марта 2013 г. № 149 «О порядке предоставления субсидий сельскохозяйственным товаропроизводителям (кроме граждан, ведущих личное подсобное хозяйство) на оказание несвязанной поддержки в области растениеводства» – URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

3. Приказ Росстата от 30.09.2019 N 573 «Об утверждении методических указаний по проведению текущих расчетов объемов производства основных продуктов сельского хозяйства (в натуральном выражении) в хозяйствах всех категорий» – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-30> (дата обращения: 20.03.2026). Текст : электронный.

4. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. 2023. № 10. С. 44.

5. Экономика сельского хозяйства: учебник / Н.Я. Коваленко, Р.Г. Ахметов [и др.]. Москва: Юрайт, 2022. – 391 с. URL: <https://urait.ru/> (дата обращения: 11.03.2026). – Текст: электронный.

Н.С. МИНЕЙКА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

N.S. MINEYKA

Ural Branch of the Financial University
Second-year student majoring in
Public and Municipal Administration

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

Scientific Director

I.A. KETOVA

Ural Branch of the Financial University
PhD (Eng.), Associate Professor

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ САВВЫ МОРОЗОВА:
УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ НА ФАБРИКАХ В НИКОЛЬСКОМ**

**SOCIAL INNOVATIONS OF SAVVA MOROZOV:
HR MANAGEMENT AT FACTORIES IN NIKOLSKOYE**

Аннотация

В работе раскрыта сущность социальных инноваций Саввы Морозова в сфере управления персоналом на Никольской мануфактуре. Представлены результаты анализа причин кризиса фабричной системы, приведшего к Морозовской стачке 1885 года, и последующей трансформации управленческой модели. По выделенным проблемам, предложены методы использования исторического опыта для совершенствования современных систем управления человеческими ресурсами на основе принципов «прагматичного гуманизма».

Annotation

This paper explores the essence of Savva Morozov's social innovations in human resources management at the Nikolskaya Manufactory. It presents an analysis of the causes of the factory system's crisis, which led to the Morozov Strike of 1885 and the subsequent transformation of the management model. Based on the identified problems, methods for using historical experience to improve modern human resource management systems based on the principles of «pragmatic humanism» are proposed.

Ключевые слова: Социальные инновации, управление персоналом, Савва Морозов, Никольская мануфактура, патернализм.

Key words: Social innovation, human resources management, Savva Morozov, Nikolskaya Manufactory, paternalism.

В современном бизнес-пространстве стратегии, направленные на развитие человеческого капитала, приобретают первостепенное значение, превращая социальную ответственность из благотворительности в мощный инструмент повышения производительности и устойчивости компаний. Обращение к историческому опыту пионеров социального менеджмента, таких как Савва Тимофеевич Морозов, позволяет выявить закономерности и принципы, не утратившие своей актуальности и сегодня. Нормативную основу исследования составляют фабричные законы Российской империи конца XIX века, в первую очередь закон 1886 года, регламентировавший основания и размеры штрафов,

порядок найма и увольнения, и ставший прямым следствием событий на Никольской мануфактуре [1].

Анализ проблемы на объекте исследования показывает, что до прихода Саввы Морозова Никольская мануфактура, несмотря на технологическую оснащенность и высокие прибыли, находилась в состоянии глубокого социального кризиса. Управленческая модель его отца, Тимофея Морозова, основывалась на тотальной эксплуатации: рабочий день длился 12-14 часов, а система произвольных штрафов, поглощавшая к 1884 году до четверти заработка, служила не инструментом дисциплины, а средством обогащения. Данная ситуация, усугубленная пятикратным снижением расценок в условиях промышленного кризиса, привела к Морозовской стачке 1885 года – первому массовому организованному выступлению рабочих, выдвинувших не только экономические, но и политические требования ограничить произвол администрации [2]. Стачка, подавленная войсками, но выигранная в суде, дискредитировала старые методы управления и заставила государство принять фабричное законодательство.

Ключевые проблемы, выявленные в ходе исследования реформ Саввы Морозова, носят системный характер. Во-первых, это внутреннее противоречие между целью и средствами: инвестируя огромные средства в образование и культуру, Морозов объективно развивал в рабочих критическое мышление и чувство собственного достоинства, однако патерналистская структура управления требовала от них сохранения позиции «вечно благодарных детей», зависимых от воли хозяина. Во-вторых, вся созданная система оказалась заложницей личности своего творца - она не имела институциональных механизмов самовоспроизводства и после ухода Саввы Морозова с фабрики в 1904 году начала давать сбои. В-третьих, к началу XX века запрос рабочих сместился от патерналистской заботы к признанию политических и экономических прав, на что локальная, пусть и прогрессивная, модель Морозова ответить уже не могла [3]. Отсутствие развитого трудового законодательства и легитимных институтов для разрешения конфликтов сделало невозможной эволюцию системы в сторону социального партнерства.

В качестве мер, позволяющих использовать исторический опыт для совершенствования современных систем управления, предлагается экстраполяция ключевых принципов «системы Морозова», а не ее буквальное копирование. Наиболее ценным является принцип системности и комплексного вознаграждения, где заработная плата, социальные блага и нематериальные ценности работают как единое целое. Важным уроком является стратегический подход к человеческому капиталу, при котором инвестиции в обучение сотрудников рассматриваются как необходимое условие долгосрочной конкурентоспособности, а не как благотворительность. Опыт Морозова наглядно

демонстрирует эффективность формирования сильного бренда работодателя через реальную социальную ответственность, что позволяет привлекать и удерживать лучшие кадры. Наконец, концепция «прагматичного гуманизма», сочетающая высокие социальные стандарты с жесткими требованиями к эффективности и прозрачной дисциплиной, остается актуальной моделью для современного менеджмента [4].

Таким образом, социальные инновации Саввы Морозова на Никольской мануфактуре представляли собой стратегический ответ на системный кризис, доказавший, что инвестиции в человеческий капитал являются ключевым фактором экономической устойчивости и конкурентоспособности предприятия.

Список литературы

1. Наш архив / Морозовские_чтения_98 / Наследие Морозовых в сегодняшней Москве Режим доступа - <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya98/27.html> (дата обращения 5. 03. 2026)
2. Морозовская стачка - Режим доступа https://www.solidarnost.org/thems/uroki-istorii/uroki-istorii_6664.html (дата обращения 05. 03. 2026)
3. Купеческий воевода. Как менял промышленность России Савва Морозов Режим доступа - <https://perfumero.livejournal.com/115084.html> (дата обращения 15. 03. 2026)
4. Династия Морозовых: Формирование менеджмента и соотответственности Режим доступа - <https://referatbooks.ru/kurovaya-rabota/s-t-morozov-i-zarojdenie-rossiyskogo-menedjmenta/> (дата обращения 22. 02. 2026).

Е.Е. МУХИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Н.В. УГРЮМОВА

канд. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

E.E. MUKHINA

Ural branch of the Financial University
2st year student
«Management»

Scientific Supervisor

N.V. UGRYUMOVA

Candidate of Economic Sciences, Associate

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕИНЖИНИРИНГА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF BUSINESS PROCESS REENGINEERING IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Аннотация

В статье рассматривается теория и практика оценки эффективности реинжиниринга бизнес-процессов в условиях цифровой трансформации. На примере существующей компании проведен анализ ключевых показателей. Практическая часть показывает изменение эффективности до и после внедрения реинжиниринга бизнес-процесса.

Annotation

The article discusses the theory and practice of assessing the effectiveness of business process reengineering in the context of digital transformation. An analysis of key indicators is conducted using the example of an existing company. The practical part shows the change in efficiency before and after the implementation of business process reengineering.

Ключевые слова: реинжиниринг бизнес-процессов, цифровая трансформация, эффективность, управления изменениями

Key words: business process reengineering, digital transformation, efficiency, and change management

В современном мире постоянно меняются и развиваются цифровые технологии. Цифровые инновации играют важную роль для организации, так как они помогают повысить конкурентоспособность, гибко адаптироваться к изменяющимся условиям. Реинжиниринг помогает поменять деятельность организации для достижения целей компании.

Реинжиниринг – это полный пересмотр и изменение того, как компания работает, чтобы добиться больших улучшений в ключевых показателях, таких как цена, качество продукции, уровень обслуживания клиентов и скорость выполнения задач.

Термин «реинжиниринг» ввел Майкл Хаммер, президент Hammer and Company, в статье «Реинжиниринг: не автоматизируйте - уничтожайте» (1990) [3, с. 5]

Цифровая трансформация представляет собой комплекс мероприятий, направленных на цифровизацию финансово-экономической и социальной деятельности организации. [1, с. 5] Трансформация бизнес-моделей под влиянием цифровых технологий имеет непрерывный

процесс [2, с. 5]

Бизнес-реинжиниринг нацелен на то, чтобы резко ускорить реакцию предприятия на изменения потребительских требований и одновременно многократно сократить все виды затрат.

Реинжиниринг применяется в 3 ситуациях:

- фирма в глубоком кризисе: высокие издержки, массовый отказ от продукта;
- текущее положение удовлетворительное, но прогнозы неблагоприятные: снижение конкурентоспособности, доходности, спроса;
- реинжиниринг для благополучных, быстрорастущих компаний, стремящихся создать уникальные конкурентные преимущества. Применение реинжиниринга важно для адаптации к изменениям рынка, когда консервативный подход ведет к отставанию от конкурентов.

Процесс реинжиниринга основан на 2 понятиях – «будущий образ фирмы» и «модель фирмы» [4, с. 5]

Оценка эффективности реинжиниринга бизнес-процессов – это решающий этап, от которого зависит успех или провал всех преобразований. Без системного анализа невозможно объективно оценить результаты. Реинжиниринг считается успешным только при улучшении ключевых бизнес-показателей: KPI; методы оценки эффективности (сравнение "до" и "после"; оценка ROI проекта; оценка по модели сбалансированных показателей) [5, с. 6].

Проведем оценку эффективности реинжиниринга бизнес-процессов в условиях цифровой трансформации на примере ПАО «СберБанк». Сравним показатели до и после внедрения изменений 2022 год и 2025 год, так как в 2023- 2024 годах происходили ключевые изменения такие как: внедрении ИИ- платформы для обслуживания клиентов, интеграция биометрии в дистанционные сервисы, оптимизация сети отделений, внедрение роботизации процессов [6, с. 6].

Для начала проведем оценку эффективности реинжиниринга с помощью финансовых результатов, операционных показателей и клиентских метрик, которые будут отражены в таблицах.

Таблица 1 – финансовые показатели ПАО «СберБанк» за 2022 и 2025 гг.

Показатели	2022 год	2025 год	Изменение (%)
Чистая прибыль, млрд.руб.	270,5	1705,9	530,6

Рентабельность капитала (%)	5,2	22,7	336,5
Операционные расходы (млрд.руб.)	-822	-1237,4	50,5
Финансовый эффект от применения AI (млрд.руб.)	235	450	91,5

Благодаря Таблице 1 можно сделать выводы, что финансовый эффект от применения увеличился на 91,5%, что показывает, что развитие технологий оказало сильное влияние и играет большую роль. Кроме того, у чистой прибыли, рентабельности наблюдался высокий рост, но увеличились операционные расходы на 50,5%. Данные о клиентских метриках за 2022 и 2025 года указаны в Таблице 2.

Таблица 2 – клиентские метрики ПАО «СберБанк» за 2022 и 2025 гг.

Показатель	2022 год	2025 год	Изменение (%)
Число активных ежемесячных пользователей приложения (млн.чел.)	78,6	87,6	11,5
Доля клиентов, использующих экосистему (%)	73	76,6	4,9
Ежемесячная аудитория GigaChat (млн.чел.)	-	20	100
Число клиентов, которые используют единый логин Сбер ID (млн.чел.)	55	116,6	112,0
Количество пользователей подписок СберПрайм (млн.чел.)	6	22,9	281,7

Выводы по Таблице 2 помогают понять, что был рост всех показателей, что свидетельствует о высоком интересе клиентов к технологическому развитию. В приложение были интегрированы новые технологии, включая биометрию и автоматизированные проверки. Интерфейс и функционал постоянно улучшались. В экосистему был внедрен искусственный интеллект, банк заключил соглашение о развитии цифровых сервисов с использованием спутниковой связи, и были внедрены дополнительные технологии. Единый логин объединил различные сервисы, что сделало их использование более удобным для клиентов, а масштаб расширился. Технологии также коснулись подписок, которые объединяют банковские привилегии и облегчают взаимодействие с экосистемой. Цифровая трансформация затронула каждый показатель, что повысило интерес клиентов к продуктам компании, в результате чего все показатели увеличились [7, с. 6]. Данные об операционных

показателях за 2022 и 2025 года приведены в Таблице 3.

Таблица 3 – операционные показатели ПАО «СберБанк» за 2022 и 2025 гг.

Показатели	2022 год	2025 год	Изменение (%)
Доля автоматизированных процессов в бэк-офисе (%)	70	92	22

Таблица 3 демонстрирует, что в 2025 году доля автоматизированных процессов увеличилась на 22% по сравнению с 2022 годом, что отражает прогресс в области цифровых технологий [6, с. 6].

Проведенное исследование подтверждает высокую эффективность реинжиниринга бизнес-процессов в условиях цифровой трансформации. Внедрение автоматизации, ИИ и развитие экосистемы помогло банку привлечь больше клиентов и увеличить прибыль, а также финансовый эффект от применения AI.

Список литературы

1. Безпалов В.В., Лочан С.А., Федюнин Д.В., Ковалева И.Н., Есина О.И., Мариен Л.С. Глоссарий по управлению региональной экономикой в условиях цифровой трансформации. – 2-е изд. – Москва: Русайнс, 2025. – 316 с.;
2. Ермаков Е.В. Цифровая трансформация: изучение влияния цифровых технологий на бизнес-процессы. – 1-е изд. – Москва: Русайнс, 2024. – 64 с.;
3. Купцова, Е. В. Бизнес-планирование: учебник и практикум для вузов / Е. В. Купцова; ответственный редактор А. А. Степанов. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 435 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/583225> (дата обращения: 19.03.2026);
4. Сергеев, А. А. Бизнес-планирование: учебник и практикум для вузов / А. А. Сергеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 435 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/584388> (дата обращения: 19.03.2026);
5. Шепелева О.П., Кашин С.М. Реинжиниринг бизнес-процессов: методологические основы и прикладные аспекты. – 1-е изд. – Москва: Русайнс, 2025. – 122 с.;
6. Сокращенные результаты МСФО Q4 2022 год – СберБанк // СберБанкURL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/ifrs_2022?ysclid=mmxf3ut868739146340&TSPD_101_R0=0817d681ccab20004c9888cc526c2f31b70945de10761e0c265bf2c3edfa160bbb2276e71f6fb930081397d6fe144800ff8926389bec75e7213b0c8f75fb5c9ca0dccc8f6e7d3fc57a2a2f22d345a8cd521d5dc477bf34ca3d70b4b24fa2fecef1353fe4dca31a183

b2ea83e345d6d3a93c1edbecce2237a (дата обращения: 19.03.2026);

7. Сокращенные результаты МСФО Q4 2025 год – СберБанк // СберБанк
URL:https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/ifrs_february26_reporting_for_the_4th_quarter?ysclid=mmwaryzgay932408892 (дата обращения: 18.03.2026).

А.А. НАУМЕНКОВА

Смоленский филиал Финуниверситета
студент II курса направления подготовки «Экономика»

A.A. NAUMENKOVA

Smolensk Branch Financial University
Second-year student majoring in Economics

ИННОВАЦИОННЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

INNOVATIVE WAYS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS IN MODERN CONDITIONS

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные подходы к повышению эффективности коммерческих организаций в условиях цифровой трансформации экономики. Анализируются различные инновации, позволяющие компаниям достигать устойчивых конкурентных преимуществ. Особое внимание уделяется интеграции инструментов искусственного интеллекта и переходу к сервисным бизнес-моделям. На основе проведенного анализа составлена сравнительная таблица инновационных подходов.

Annotation

This article examines current approaches to improving the efficiency of commercial organizations in the context of the digital transformation of the economy. It analyzes various innovations that enable companies to achieve sustainable competitive advantages. Particular attention is paid to the integration of artificial intelligence tools and the transition to service-based business models. Based on the analysis, a comparative table of innovative approaches has been compiled.

Ключевые слова: эффективность деятельности организации, инновации, цифровая трансформация, искусственный интеллект, бизнес-модели.

Key words: organizational performance, innovation, digital transformation, artificial intelligence, business models.

«Глобальная конкуренция и быстрое устаревание технологий вынуждают компании искать нетрадиционные пути повышения эффективности, поскольку традиционные методы исчерпали себя» [3, с.187]. На первый план выходят инновационные подходы, позволяющие опережать изменения и формировать новые рынки.

Существует ряд инноваций, к которым относятся:

1. Технологические инновации как фундамент эффективности

Эффективность достигается не самим фактом внедрения технологий, а их интеграцией в ключевые бизнес-процессы. Технологические инновации включают:

- «Искусственный интеллект (ИИ). Алгоритмы машинного обучения обеспечивают прогнозирование спроса, оптимизацию логистики и товарных запасов, персонализацию маркетинга, снижая издержки и ускоряя оборачиваемость капитала» [1, с.843-844].
- Интернет вещей (IoT). Системы датчиков позволяют перейти к предиктивному обслуживанию оборудования, минимизируя простои, продлевая срок службы активов, а также оптимизируя потребление ресурсов.
- Роботизация процессов (RPA). Программные роботы способны автоматизировать рутинные операции, сокращая при этом операционные издержки и исключая ошибки человеческого фактора.

2. Трансформация бизнес-моделей

Трансформация бизнес-моделей, изменяющая способ монетизации, нередко дает больший эффект, чем улучшение текущих операционных процессов.

- Модели подписки (PaaS) предлагают доступ к продукту за фиксированную абонентскую плату.
- Платформенные решения выступают цифровым посредником между производителями и потребителями, извлекая маржинальную прибыль от организации сделок.

3. Управленческие инновации и человеческий капитал

По мере того, как технологии становятся общедоступными, ключевым конкурентным преимуществом остаются люди и организация их работы.

Гибкие методологии (Agile) благодаря подходу с постоянной обратной связью повышают адаптивность, ускоряют вывод продуктов и снижают цену ошибок.

4. Маркетинговые инновации и управление клиентским опытом

В эпоху информационного шума конкуренция смещается из плоскости «товар-цена» в плоскость «эмоции-впечатления». Повышения лояльности клиентов и конверсии возможно достичь путем управления клиентским опытом (СХМ) через оптимизацию всех точек контакта.

5. Инновационные методы оптимизации затрат

Повышение эффективности в современном мире требует не просто экономии, а качественно новых подходов к оптимизации ресурсов.

- «ESG-принципы. Внедрение экологических и ресурсосберегающих технологий снижает себестоимость и повышает инвестиционную привлекательность» [2, с. 126–127].
- Цифровые двойники. Моделирование процессов позволяет выявлять узкие места и оптимизировать их без остановки производства.

Для сравнительного анализа рассмотренных подходов повышения эффективности и оценки их применимости составлена сводная таблица 1, в которой отражены ключевые характеристики, эффект и риски внедрения.

Таблица 1 – Инновационные пути повышения эффективности

Инновационный подход	Суть подхода	Эффект	Риски и барьеры
Искусственный интеллект (ИИ)	Прогнозирование и оптимизация на основе данных	Точность прогнозов, автоматизация	Высокая стоимость, качество данных
Интернет вещей (IoT)	Контроль оборудования через датчики	Снижение простоев, энергоэффективность	Затраты на инфраструктуру, кибербезопасность
Роботизация (RPA)	Автоматизация рутинных задач сотрудников	Быстрая окупаемость, работа 24/7	Сопротивление персонала, негибкость процессов
Модели подписки (PaaS)	Продажа доступа к продукту/сервису	Предсказуемый доход, лояльность клиентов	Сложность учета и финансовых моделей
Платформенные решения	Цифровая среда для связи продавцов и покупателей	Масштабируемость, сетевой эффект	Дорогой запуск, модерация сообщества
Гибкие методологии	Управление короткими итерациями (Agile)	Быстрая адаптация, вовлеченность команды	Сложность масштабирования, изменение культуры

Инновационный подход	Суть подхода	Эффект	Риски и барьеры
Управление клиентским опытом	Улучшение всех точек контакта с клиентом	Рост лояльности, снижение оттока	Сложность оценки ROI, межведомственные барьеры
ESG-стратегия	Учет экологии и соц. факторов в бизнесе	Репутация, снижение издержек	Долгая окупаемость, риски «гринвошинга»

Источник: составлено автором по данным [4, с.64].

Проведенный анализ показывает, что инновационные пути повышения эффективности представляют собой комплекс взаимосвязанных мер. Компании, способные интегрировать технологические инновации с гибкими формами организации труда и клиентоцентричными бизнес-моделями, получают не сиюминутное сокращение издержек, а долгосрочное стратегическое преимущество.

Список литературы

1. Басуева, С. Н. Варианты повышения эффективности деятельности коммерческого предприятия / С. Н. Басуева // Управленческий учет. – 2023. – № 11-2. – С. 841-848. – DOI 10.25806/uu11-22023841-848. – EDN ВМОЕКГ.
2. Евтых, А. И. К вопросу об эффективности деятельности современных коммерческих предприятий / А. И. Евтых, А. А. Тадевосян, А. В. Бережной // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых-2023: Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 09–10 ноября 2023 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2023. – С. 125-128. – EDN ZHDNVH.
3. Левкин, Г. Г. Коммерческая деятельность: учебник и практикум для вузов / Г. Г. Левкин, О. А. Никифоров. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 265 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17371-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/585309> (дата обращения: 04.03.2026).
4. Пути повышения эффективности коммерческой деятельности предприятия / Н. В. Банникова, А. Р. Байчерова, Е. Г. Агаларова [и др.]. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2024. – 64 с. – EDN OJBTCG.

Л.А. НЕХАЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления подготовки
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

А.А. КОПЧЕНОВ

Уральский филиал Финуниверситета
д-р экон. наук, профессор

L.A. NEKHAEVA

Ural Branch of the Financial University
III-year student of the field of study
«State and municipal administration»

Academic Supervisor

A.A. KOPCHENOV

Ural Branch of the Financial University
Doctor of economics, professor

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРАМЕТРОВ СИСТЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО И КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF PARAMETERS OF THE PUBLIC ADMINISTRATION
AND CORPORATE MANAGEMENT OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS**

Аннотация

В статье проведен сравнительный анализ отличий государственного и корпоративного управления инвестиционной привлекательностью. На основе анализа Кодекса корпоративного управления Банка России и теоретических подходов к государственному управлению выявлены ключевые отличия по таким критериям, как основная цель, базовые принципы, субъект принятия решений, отношение к риску, методы воздействия и структура стейкхолдеров.

Annotation

The article presents a comparative analysis of the differences of public and corporate management of investment attractiveness. Based on the analysis of the Corporate Governance Code of the Bank of Russia and theoretical approaches to public administration, key differences are identified according to such criteria as the main goal, basic principles, decision-making subject, risk attitude, methods of influence and stakeholder structure.

Ключевые слова: государственное управление, корпоративное управление, инвестиционная привлекательность, принципы управления, сравнительный анализ.

Keywords: public administration, corporate management, investment attractiveness, management principles, comparative analysis.

В современной экономической системе управление инвестиционной привлекательностью осуществляется на двух принципиально разных уровнях – государственном и корпоративном, которые при единой цели привлечения капитала используют существенно отличающиеся подходы, инструменты и принципы.

Ключевым документом, задающим стандарты корпоративного управления в России, является Кодекс корпоративного управления, одобренный Советом директоров Банка России 21.03.2014 г. [2]. Главной целью Кодекса является определение принципов и подходов, следование которым позволит российским компаниям повысить инвестиционную привлекательность в глазах долгосрочных инвесторов.

Первый принцип – справедливости и равного отношения к акционерам. Кодекс особо подчеркивает необходимость защиты прав всех акционеров, особенно миноритарных. При совершении существенных корпоративных действий рекомендуется обеспечивать равные условия для всех акционеров общества [2, раздел VII]. Второй принцип – прозрачности. Инвестор может принять решение только при наличии полной и достоверной информации, поэтому Кодекс устанавливает стандарты раскрытия информации, выходящие за рамки законодательных требований. Третий принцип – эффективного совета директоров, который определяет стратегию и осуществляет контроль за ее исполнением. Кодекс содержит подробные рекомендации по формированию совета, введению независимых директоров и созданию специализированных комитетов [2, раздел III]. Четвертый принцип – управления рисками и внутреннего контроля, предполагающий создание системы, направленной на обеспечение разумной уверенности в достижении целей общества. Пятый принцип – вознаграждения за результат, синхронизирующий интересы менеджеров и акционеров. Наконец, принцип «comply or explain» (соблюдай или объясняй) создает гибкость, позволяя компании отступать от рекомендаций при условии публичного и мотивированного объяснения причин [2].

Таким образом, корпоративное управление инвестиционной привлекательностью базируется на создании «экосистемы доверия» между компанией и поставщиками капитала, где в фокусе находится максимизация акционерной стоимости и защита прав инвесторов.

Государственное управление инвестиционной привлекательностью представляет собой деятельность органов власти, направленную на создание условий, привлекательных

для инвесторов.

Как отмечает Н.А. Щербакова, инвестиционная привлекательность региона – это «система или сочетание различных объективных признаков, средств, возможностей, обуславливающих в совокупности потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции в данный регион» [3, с. 305]. Цели государственного управления, включают создание благоприятного инвестиционного климата, выравнивание инвестиционной привлекательности регионов, повышение эффективности государственных инвестиций и создание механизмов поддержки приоритетных проектов.

Формы и методы государственного управления инвестиционной деятельностью закреплены в Федеральном законе № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [1]. Они включают как создание благоприятных условий (совершенствование налоговой системы, защита интересов инвесторов, развитие информационно-аналитических центров), так и прямое участие государства (разработка и финансирование инвестиционных проектов, проведение экспертизы, предоставление концессий).

Сравнительный анализ государственного и корпоративного управления позволяет выделить ключевые отличия, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сопоставление параметров систем государственного и корпоративного управления инвестиционной привлекательностью

Параметр системы управления	Государственное управление	Корпоративное управление
1	2	3
Основная цель	Обеспечение общественного блага, экономической безопасности, сглаживание территориальных диспропорций	Максимизация акционерной стоимости, увеличение прибыли и доходности инвесторов
Базовый принцип	Публичность и законность. Деятельность строго регламентирована НПА	Обладает широкой свободой действий в рамках устава и стратегии
Субъект принятия решений	Иерархическая структура, высокая бюрократизация, длительные согласования	Единоличные и коллегиальные исполнительные органы, совет директоров, высокая скорость решений
Критерий эффективности	Социально-экономические показатели (ВРП, создание раб. мест, налоговые поступления)	Финансовые показатели (ROI, EPS, свободный денежный поток). Четкая привязка к финансовому результату

Отношение к риску	Принцип минимизации рисков, т.к. объект управления – общественные ресурсы	Управляемый риск – источник дохода. Использование риск-аппетита для получения сверхприбыли

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Методы воздействия	Административные (регулирование, надзор) и экономические (налоги, трансферты)	Экономические и организационные (оптимизация процессов, маркетинг, финансовый инжиниринг)
Структура стейкхолдеров	Неограниченный круг: население, бизнес, общественные организации и т.д.	Ограниченный круг: акционеры, инвесторы, кредиторы, топ-менеджмент

Представленные параметры демонстрируют существенные различия двух систем: корпоративное управление ориентировано на максимизацию акционерной стоимости и оперативность, государственное управление вынуждено балансировать между эффективностью и социальной справедливостью, действуя в условиях жестких процедурных ограничений.

Таким образом, ключевое различие – для государства инвестиционная привлекательность является средством достижения общественно значимых целей, тогда как для корпорации она выступает результатом эффективной работы и главным критерием успешности для акционеров.

Для компаний с госучастием и госкорпораций важно сочетать в определенной пропорции специфику рассмотренных систем управления, интегрируя гибкость и оперативность корпоративных подходов с публичностью и социальной ориентированностью, присущими государственному управлению.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»;
2. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» (вместе с «Кодексом корпоративного управления»);
3. Щербакова, Н.А. Инвестиционная привлекательность региона: подходы к оценке и проблемы обеспечения / Н.А. Щербакова // Социально-экономическое развитие России и регионов в цифрах статистики: Материалы VI международной научно-практической конференции. В 2-х томах. — 2020. — С. 304–308.

М.Р. ОДИНОКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент IV курса направления
«Бизнес-информатика»

M.R. ODINOKOVA

Ural branch of the Financial University
4st year student
«Business Informatics»

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССА ОБРАБОТКИ ЗАПРОСОВ НА
БЕЗЗАКАЗНУЮ ПРОДУКЦИЮ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ**

**IMPROVING THE BUSINESS PROCESS FOR HANDLING ENQUIRIES REGARDING
NON-ORDER-BASED PRODUCTS AT AN INDUSTRIAL ENTERPRISE**

Аннотация

В статье рассматривается вопрос совершенствования бизнес-процесса обработки запросов на беззаказную продукцию на промышленном предприятии. Проведен анализ существующего процесса, выявлены основные проблемы, включая отсутствие регламентации, низкий уровень автоматизации в корпоративной информационной системе, а также значительные временные и ресурсные потери. Предложены мероприятия по оптимизации процесса на основе процессного подхода и доработки корпоративной информационной системы. Ожидается, что внедрение предложенных решений позволит сократить время обработки запросов и повысить эффективность управления складскими остатками.

Annotation

The article discusses the improvement of the business process for handling enquiries regarding non-order-based products at an industrial enterprise. The current process is analyzed, and key problems are identified, including the lack of regulation, a low level of automation in the corporate information system, as well as significant time and resource losses. Measures for process optimization based on the process approach and the enhancement of the corporate information system are proposed. The implementation of the proposed solutions is expected to reduce processing time and improve inventory management efficiency.

Ключевые слова: бизнес-процесс, процессное управление, беззаказная продукция, регламентация, автоматизация, корпоративная информационная система.

Key words: business process, process management, non-order products, regulation, automation, corporate information system.

В условиях высокой конкуренции промышленные предприятия вынуждены повышать операционную эффективность. Одним из наиболее проблемных участков управления производством на трубных предприятиях является процесс обработки запросов на беззаказную продукцию. Данный процесс часто характеризуется длительными сроками, от одной недели до нескольких месяцев, множественными ручными согласованиями и отсутствием четкой регламентации.

Процессный подход к управлению предприятием представляет собой современную парадигму, ориентированную на управление не отдельными функциями и подразделениями, а устойчивыми, целенаправленными совокупностями взаимосвязанных действий, преобразующих входы в выходы, имеющие ценность для потребителя.

Понятие «бизнес-процесс» получило широкое распространение в 1990-е годы благодаря работам М. Хаммера и Дж. Чампи. Авторы определяют бизнес-процесс как «совокупность различных видов деятельности, в рамках которой на «выходе» используется один или несколько видов ресурсов, и в результате этой деятельности на «входе» создается продукт, представляющий ценность для потребителя» [3, с. 63]. Аналогичное определение закреплено в международном стандарте ISO 9000:2015, где процесс трактуется как «совокупность взаимосвязанных или взаимодействующих видов деятельности, преобразующих входы в выходы» [1, с. 11].

В отечественной литературе значительный вклад в развитие теории внесли В.В. Репин и В.Г. Елиферов, которые подчеркивают, что бизнес-процесс – это устойчивая, целенаправленная совокупность взаимосвязанных действий, выполняемых в определенной последовательности и по установленным правилам [2, с. 18].

Филиал ПАО «ТМК» «Трубопроводные решения» образован в результате реорганизации компании, завершившейся 1 января 2026 года. Филиал объединяет несколько производственных площадок и специализируется на выпуске электросварных и бесшовных труб большого и малого диаметра.

Одним из важных, но недостаточно регламентированных процессов в управлении производством филиала является обработка запросов на беззаказную продукцию. Под беззаказной продукцией понимается изготовление труб и трубных изделий не по прямому

клиентскому контракту, а из остатков материала, сверхплановых объемов или по внутренним инициативам с последующим поиском покупателя.

Действующий процесс организован следующим образом. Менеджер по продажам, имея потенциальную сделку, бронирует в корпоративной информационной системе (КИС) определенные позиции труб из общего списка доступной продукции. На период переговоров с клиентом, который может длиться от одной недели до нескольких месяцев, данные позиции становятся «занятыми» для других менеджеров – в КИС отображается информация о том, кто именно зарезервировал трубы. Если в течение согласованного срока договоренность с клиентом не достигается, бронь снимается, и продукция вновь становится доступной для бронирования другими сотрудниками.

Данный алгоритм процесса представлен на рисунке 1.

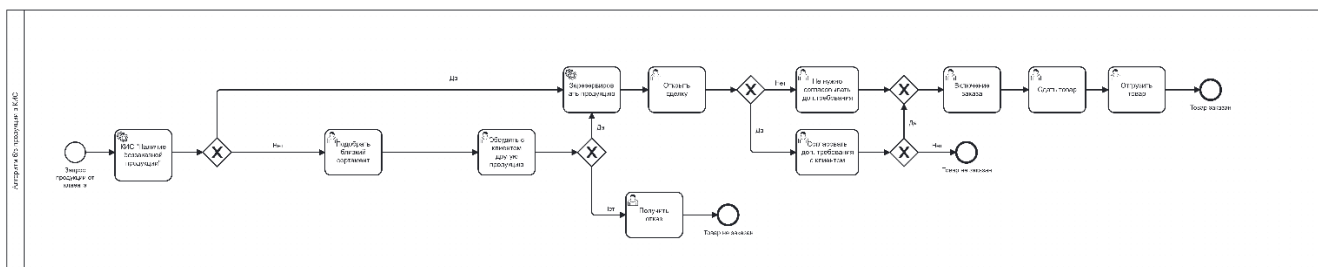


Рисунок 1. Алгоритм (модель AS-IS) процесса обработки запросов на беззаказную продукцию в КИС

Схема показывает наличие множества ручных операций, логических ветвлений и точек принятия решений без четких временных ограничений.

Для повышения эффективности процесса обработки запросов на беззаказную продукцию целесообразно применить эволюционный подход к совершенствованию бизнес-процессов, сочетающий регламентацию и частичную автоматизацию.

Основные направления изменений:

1. Разработка регламентирующего документа. В нем должны быть зафиксированы: этапы процесса с максимальной длительностью каждого, роли участников (менеджер по продажам, планово-диспетчерская служба, руководство), порядок снятия брони и критерии продления, а также унифицированные формы заявок и уведомлений.

2. Оптимизация модели процесса (TO-BE). Новая модель предполагает введение жестких временных лимитов на каждом этапе и сокращение числа ручных согласований. Бронирование автоматически снимается по истечении установленного срока, а ответственные лица получают уведомления о приближении дедлайна.

3. Доработка корпоративной информационной системы. Необходимо реализовать: автоматический контроль сроков бронирования с визуальным отображением статусов («активно», «просрочено», «освобождено»), систему автоматических уведомлений (e-mail, внутрисистемные сообщения), единый реестр запросов с историей изменений, интеграцию с модулем планирования производства для актуализации статусов продукции.

Реализация предложенных мер позволит сократить длительность цикла, повысить оборачиваемость запасов, снизить трудозатраты и уменьшить объем неликвидной продукции.

Сравнение ключевых характеристик действующего и предлагаемого процесса представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение характеристик бизнес-процесса обработки запросов на беззаказную продукцию (AS-IS и TO-BE)

Характеристика процесса	AS-IS (действующий)	TO-BE (предлагаемый)
Наличие регламента	Отсутствует	Разработан и утвержден
Длительность цикла	От 1 недели до нескольких месяцев	Сокращена до 3–10 рабочих дней (за счет жестких сроков)
Количество ручных согласований	Высокое (множественные итерации)	Минимальное (автоматические уведомления)
Контроль сроков бронирования	Ручной, визуальный	Автоматический с уведомлениями и снятием брони
Прозрачность процесса	Низкая	Высокая (единый реестр и история изменений)
Уровень автоматизации в КИС	Низкий	Средний (автоматический контроль и уведомления)
Оборачиваемость продукции	Низкая (длительное «замораживание»)	Повышенная
Риск возникновения неликвидов	Высокий	Снижен

Предложенная модель TO-BE вводит четкие временные рамки на каждом этапе, автоматические уведомления при приближении дедлайна и автоматическое снятие резерва по истечении срока. Разработка регламента закрепляет зоны ответственности, а доработка КИС обеспечивает автоматизированный контроль, единый реестр запросов и систему оповещений.

Реализация указанных мероприятий позволит существенно сократить время обработки запросов, ускорить оборачиваемость складских запасов, снизить трудозатраты персонала и уменьшить долю неликвидной продукции, что в итоге повысит операционную эффективность.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 9000-2015 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь = ISO 9000:2015 Quality management systems – Fundamentals and vocabulary (IDT) : национальный стандарт : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2015 г. № 1390-ст : введен впервые : дата введения 2015-11-01 / подготовлен Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ОАО «ВНИИС») на основе аутентичного перевода на русский язык международного стандарта. – Москва : Стандартинформ, 2015. – Текст : непосредственный.
2. Репин, В. В. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов / Владимир Репин, Виталий Елиферов. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 543 с.
3. Хаммер, М. Реинжиниринг корпорации : манифест революции в бизнесе / Майкл Хаммер, Джеймс Чампи ; пер. с англ. [Ю. Е. Корнилович]. – 2-е изд. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2007. – 286 с.

О.В. ОЛЕЙНИК

Уральский филиал Финуниверситета

Магистрант 2 курса

38.04.04 Государственное и муниципальное управление

Научный руководитель

С.В. ЛИЛЬБОК

канд. пед. наук

Уральский филиал Финуниверситета

O.V. OLEINIK

Ural branch of the Financial University

2nd year Master's student

38.04.04 State and Municipal Administration

Scientific supervisor

S.V. LILBOK

Ph.D. ped. Sciences

Ural branch of the Financial University

**ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ВЛАСТИ
В ГОРОДАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

DIGITAL PLATFORMS FOR INTERACTION BETWEEN CITIZENS AND GOVERNMENT AUTHORITIES IN THE CITIES OF THE CHELYABINSK REGION: EFFECTIVENESS AND PROSPECTS

Аннотация

Взаимодействие граждан с органами публичной власти посредством цифровых платформ становится одним из ключевых направлений трансформации государственного и муниципального управления. На примере Челябинской области рассматриваются основные инструменты электронного участия населения, проводится анализ показателей их использования по итогам 2025 года, а также оцениваются перспективы дальнейшего развития платформенного взаимодействия с учётом внедрения технологий искусственного интеллекта. Делается вывод о высоком уровне цифровой зрелости региона и необходимости преодоления остающихся барьеров.

Annotation

The interaction of citizens with public authorities through digital platforms is becoming one of the key directions for transforming state and municipal governance. Using the Chelyabinsk region as a case study, the main instruments of electronic public participation are examined, indicators of their use based on 2025 results are analyzed, and prospects for further development of platform-based interaction — including artificial intelligence implementation — are assessed. The conclusion points to the region's high level of digital maturity and the need to overcome remaining barriers.

Ключевые слова: цифровые платформы, электронное взаимодействие, государственные услуги, платформа обратной связи, цифровая трансформация, Челябинская область, искусственный интеллект.

Keywords: digital platforms, electronic interaction, public services, feedback platform, digital transformation, Chelyabinsk region, artificial intelligence.

Цифровизация государственного управления принципиально меняет характер отношений между гражданами и властью: бюрократические барьеры снижаются, а само взаимодействие приобретает всё более проактивный, многоканальный характер. Переход к платформенным моделям предоставления услуг и обработки обращений рассматривается сегодня как необходимое условие повышения качества публичного управления [1]. Вместе с тем эффективность подобных систем во многом определяется не только технологической

инфраструктурой, но и реальной вовлечённостью граждан, уровнем доверия к цифровым каналам и готовностью самих органов власти выстраивать подлинный диалог с населением [3].

Челябинская область на протяжении последних лет последовательно формирует экосистему цифрового взаимодействия, охватывающую как предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме, так и инструменты обратной связи и гражданского участия. По итогам 2025 года регион занял второе место в федеральном рейтинге руководителей цифровой трансформации и вошёл в пятёрку лидеров по уровню цифровой зрелости в целом [10]. Данные обстоятельства обуславливают научный интерес к изучению конкретных платформенных решений, применяемых в регионе, и оценке их практической результативности.

Исследование построено на сочетании методов анализа нормативных и аналитических документов, статистической обработки открытых данных, а также сравнительного анализа показателей цифровой трансформации. В качестве эмпирической базы использованы материалы Министерства информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области за 2025 год [6], данные региональной пресс-конференции по итогам цифровой трансформации [4], а также результаты рейтингования муниципальных образований [10]. Теоретическую основу составляют работы отечественных исследователей в области цифровизации государственного управления и электронного участия граждан [2; 5; 7; 8].

Концепция электронного участия граждан предполагает использование цифровых инструментов не только для получения услуг, но и для влияния на управленческие решения через обратную связь, общественные обсуждения и краудсорсинг. В академической литературе выделяется спектр форм такого участия — от информирования и консультирования до реального совместного принятия решений [3]. При этом исследователи фиксируют, что ключевым условием эффективности цифровых каналов является не просто их техническое наличие, а степень интеграции получаемых от граждан сигналов в реальные управленческие процессы [2].

Цифровые технологии рассматриваются как системообразующий элемент современного государственного управления, способный существенно повысить его прозрачность, скорость реакции и ориентированность на потребности населения [8]. Приоритетными направлениями при этом признаются автоматизация обработки обращений, персонализация государственных сервисов и формирование единых платформенных пространств коммуникации между властью и обществом [5]. Параллельно нарастает дискуссия о рисках электронного участия — в частности, о цифровом неравенстве,

проблемах защиты персональных данных и снижении реального влияния граждан при имитации диалога [3].

В контексте «умного города» цифровые платформы взаимодействия выполняют комплексную функцию: они одновременно служат каналом предоставления услуг, механизмом сбора обратной связи и инструментом повышения партисипации горожан в управлении городской средой [2]. Технологии обработки обращений граждан с применением искусственного интеллекта при этом позволяют кратно сократить время реакции на запросы и обеспечить режим работы сервисов 24/7 без увеличения административной нагрузки [7].

Практика Челябинской области демонстрирует реализацию многоуровневой системы цифрового взаимодействия граждан с органами власти. Ключевыми платформенными элементами выступают: Единый портал государственных услуг, региональная Платформа обратной связи (ПОС), мобильное приложение «Госключ» и национальный мессенджер МАХ.

Для наглядного представления ключевых показателей эффективности цифровых платформ взаимодействия в регионе по итогам 2025 года ниже приводятся систематизированные данные в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели использования цифровых платформ взаимодействия в Челябинской области в 2025 году

Платформа / инструмент	Показатель	Значение в 2025 г.	Динамика относительно 2024 г.
ЕПГУ	Количество поданных заявлений	23,6 млн	+2,1 млн (+9,8%)
Платформа обратной связи	Число поступивших обращений	свыше 179 тыс.	+42 тыс. (+30,7%)
«Госключ»	Выдано цифровых подписей	23,4 тыс.	рост в 4,1 раза
«Госключ»	Число пользователей приложения	~298 тыс.	активный рост охвата
Электронные услуги (МСЗУ)	Доля обращений в электронной форме	96,9%	целевой показатель достигнут
ИИ-решения в органах власти	Количество внедрённых решений	19 в исполнительных органах	накопленный итог — 26 решений
Рейтинг ПОС Минцифры России	Позиция региона	10 место	вхождение в ТОП-10

Источник: составлено автором по данным [6]

Данные таблицы 1 свидетельствуют о выраженном росте цифровой активности граждан по всем основным направлениям. Наиболее показательна динамика использования

«Госключача»: число выданных цифровых подписей за год возросло более чем в четыре раза, что отражает постепенное преодоление недоверия населения к инструментам электронного удостоверения личности. Рост обращений через ПОС на 30,7% при сохранении лишь 58-процентного уровня удовлетворённости ответами обозначает системное противоречие — объём взаимодействия увеличивается, однако качество содержательной обратной связи остаётся точкой роста [6].

Внедрение национального мессенджера МАХ открыло дополнительный канал коммуникации: в нём созданы каналы губернатора и правительства региона, всех исполнительных органов, около 60% муниципалитетов и свыше 2 тысяч подведомственных учреждений. Параллельно в мессенджере развёрнуто семь чат-ботов, ориентированных на решение конкретных запросов граждан — от записи на прямую линию губернатора до получения бесплатной юридической помощи [4].

Отдельного внимания заслуживает вектор на интеграцию искусственного интеллекта в процессы взаимодействия с гражданами. В 2025 году в рамках консультационного навыка цифрового ассистента «Робот Макс» на ЕПГУ разработаны навыки по 17 услугам, а голосовой робот-помощник на базе ИИ обеспечил запись к врачу по единому номеру «122» в режиме без привлечения операторов-людей. По оценкам федерального центра, именно генеративный ИИ для работы с обращениями граждан признаётся одним из приоритетных трендов для регионов [9].

В рейтинге цифровой трансформации муниципальных образований Челябинской области лидерами по итогам 2025 года стали Коркинский, Брединский и Красноармейский муниципальные округа — территории, сумевшие обеспечить высокие показатели по всем девяти критериям оценки, включая долю электронных обращений, использование ПОС и «Госключача» [10]. Это указывает на то, что успешное внедрение платформенного взаимодействия достижимо не только в крупных городских агломерациях, но и в муниципалитетах среднего масштаба при наличии управленческой воли и методической поддержки.

Анализ цифровых платформ взаимодействия граждан и органов власти в Челябинской области показывает, что регион последовательно формирует комплексную экосистему, включающую инструменты предоставления услуг, обратной связи и коммуникации. Высокие количественные показатели охвата — свыше 23 миллионов электронных заявлений, почти 180 тысяч обращений через ПОС — подтверждают зрелость сложившейся инфраструктуры. Вместе с тем уровень удовлетворённости граждан качеством ответов и сохраняющееся цифровое неравенство между территориями обозначают приоритеты дальнейшей работы.

Перспективным направлением служит углублённая интеграция технологий искусственного интеллекта в платформенные процессы — от автоматизированной обработки обращений до персонализированного информирования граждан [9]. Расширение рейтинга цифровой трансформации муниципалитетов за счёт показателей по ИИ и охвату пользователей в общедомовых чатах задаёт новые стимулы для муниципального уровня управления [10]. Устойчивость достигнутых результатов во многом будет определяться не темпом внедрения новых платформ, а качеством содержательного диалога, который эти платформы способны обеспечить.

Список литературы

1. Базалевский, А. Р. Цифровизация предоставления государственных и муниципальных услуг в России: нынешнее состояние и перспективы развития / А. Р. Базалевский // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16—18 ноября 2023 года. — Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. — С. 583-586. — EDN RVTEKM.
2. Бородина, А. В. Цифровые инструменты электронного взаимодействия власти и горожан в «умном» городе: на пути к эффективной партисипации / А. В. Бородина // Современные социально-гуманитарные технологии: традиции и инновации : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 07—08 ноября 2024 года. — Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2024. — С. 72-78. — EDN NQKIBJ.
3. Буго, В. В. Электронное участие граждан в местном самоуправлении: возможности и риски / В. В. Буго, П. С. Глаголева // юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные АСПЕКТЫ : сборник статей XXI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2025 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. — С. 108-111. — EDN RMCTJW.
4. В Челябинске состоялась пресс-конференция, посвященная итогам цифровой трансформации Южного Урала в 2025 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://ufaleyadmin.ru/ufaleyadmin/view/news.htm?id=11741568> (дата обращения: 24.03.2026).
5. Ивашечкина, Л. Г. Приоритетные цифровые технологии развития государственного и муниципального управления / Л. Г. Ивашечкина, А. Е. Павлова // Современные аспекты развития экономики, управления, права и финансов : Сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции, Ставрополь, 05

декабря 2023 года. — Ставрополь: ООО «СЕКВОЙЯ», 2023. — С. 657-662. — EDN WGJWCI.

6. Итоги работы Министерства информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области в 2025 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:<https://digital.gov74.ru/digital/activity/itogi2025.htm> (дата обращения: 24.03.2026).

7. Кадочникова, Т. А. Современные технологии в работе с обращениями граждан / Т. А. Кадочникова // Форум молодых ученых. — 2023. — № 9(85). — С. 68-72. — EDN XINRNA.

8. Минаева, А. И. Цифровые технологии как средство обеспечения государственной власти / А. И. Минаева // Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — С. 34-36. — EDN CDWGPW.

9. Челябинская область нацелена стать локомотивом ИИ-трансформации на Урале. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:<https://www.comnews.ru/content/243611/2026-02-02/2026-w06/1011/chelyabinskaya-oblast-nacelena-stat-lokomotivom-ii-transformacii-urale> (дата обращения: 24.03.2026).

10. Челябинская область подвела итоги цифровизации за 2025 год. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:<https://mgorsk.ru/text/gorod/2026/02/11/76259315/> (дата обращения: 24.03.2026).

А.Е. ПЕТРОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

С.Е. РОМАНОВА

канд. эк. наук, доцент, доцент кафедры «ЭФиУ»
Уральский филиал Финуниверситета

A.E. PETROVA

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction
"Management"

Scientific supervisor

S.E. ROMANOVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Finance Ural
Branch of the Financial University

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ: ИНВЕСТИЦИОННОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННОГО МАГАЗИНА К МОДЕЛИ МАРКЕТПЛЕЙСА

RETAIL TRANSFORMATION: INVESTMENT JUSTIFICATION FOR THE TRANSITION FROM A TRADITIONAL STORE TO A MARKETPLACE MODEL

Аннотация

Статья исследует трансформацию розничной торговли, проявляющуюся в закрытии физических магазинов и переходе бизнеса на маркетплейсы. Рассматриваются экономические причины: снижение рентабельности традиционной розницы из-за высоких постоянных издержек и изменение покупательского поведения. Раскрывается инвестиционная логика перехода: перераспределение капитала из капиталоемких активов в ИТ-инфраструктуру и логистику, замена постоянных затрат переменными комиссионными издержками. Выявлены ключевые риски, включая платформенную зависимость и волатильность тарифной политики маркетплейсов.

Annotation

The article explores the transformation of retail trade, manifested in the closure of physical stores and the transition of business to marketplaces. Economic reasons are considered: the decline in profitability of traditional retail due to high fixed costs and changes in consumer behavior. The investment logic of the transition is revealed: the redistribution of capital from capital-intensive assets to IT infrastructure and logistics, the replacement of fixed costs with variable commission costs. Key risks are identified, including platform dependence and the volatility of marketplaces' tariff policies.

Ключевые слова: трансформация розничной торговли, маркетплейсы, инвестиционная стратегия, перераспределение капитала, платформенная зависимость, юнит-экономика, шоурумы.

Keywords: retail transformation, marketplaces, investment strategy, capital redistribution, platform dependence, unit economy, and showrooms.

Российский рынок бытовой техники и электроники переживает структурную трансформацию. Потребительское поведение изменилось: магазины всё чаще выполняют функцию шоурумов - покупатель приходит «посмотреть», а приобретает онлайн, часто на маркетплейсах, где цена может быть ниже, а условия доставки - удобнее. Это привело к падению рентабельности классической розницы.

Яркий пример – судьба группы «М.Видео-Эльдорадо», крупнейшего игрока рынка. Компания, объединяющая два легендарных бренда, демонстрирует устойчивые убытки, закрывает магазины по всей стране и вынуждена искать новую бизнес-модель.

Чтобы понять логику трансформации, нужно оценить исходное состояние. Группа находится в глубоком финансовом кризисе. По итогам первого полугодия 2025 года (по МСФО) ключевые показатели выглядят следующим образом:

Таблица 1 – ключевые показатели

Показатель	Значение	Динамика
Выручка	171,2 млрд руб.	-15,2% г/г
Чистый убыток	-25,2 млрд руб.	(было -10,3 млрд руб.)
Операционный денежный поток	-27,4 млрд руб.	(было -4,2 млрд руб.)
Чистый долг	99,3 млрд руб.	+15,8%
Собственный капитал	-7,1 млрд руб.	отрицательный

Долговая нагрузка достигла критического уровня, кредитные рейтинги от «Эксперт РА» и АКРА были понижены, а сами рейтинговые агентства указывают на «угрозу платежеспособности».

Акционеры пошли на докапитализацию в размере 30 млрд руб., но этого недостаточно без кардинальной смены операционной модели.

Процесс закрытия магазинов охватил всю страну. Так, например, по данным за 2026 год в Челябинске за последний год были закрыты четыре крупные торговые точки. При этом в самой компании подчеркивают, что речь не идет о полном уходе из регионов - сеть продолжает работать по 12 адресам в Челябинске. Однако можно сделать вывод, что сокращение неэффективных точек часть антикризисного плана.

Экономисты называют две главные причины трансформации розничной торговли. Во-первых, падение рентабельности традиционной розницы - высокие издержки на аренду, персонал и коммунальные услуги перестали окупаться. Во-вторых, изменение поведения покупателей: клиент приходит в магазин как в шоурум, чтобы ознакомиться с товаром, а покупку совершает на маркетплейсе, где цены зачастую ниже, а условия доставки удобнее. В ответ на этот кризис группа «М.Видео-Эльдорадо» разработала новую стратегию на 2025–2027 годы, ключевые элементы которой напрямую подтверждают тезис о переходе от

классической розницы к гибридной модели. Стратегия включает несколько направлений. Первое - оптимизация физической сети: компания открывает компактные магазины и закрывает убыточные крупные точки. Второе - развитие онлайн-продаж и партнерства с маркетплейсами: этот канал становится ключевым драйвером роста, компания делает ставку на интеграцию с крупнейшими электронными площадками. Третье - трансформация оставшихся магазинов в шоурумы: физические точки перестают быть местом продажи и становятся местом знакомства с товаром. Четвертое - развитие собственного маркетплейса: под руководством Владислава Бакальчука, экс-совладельца Wildberries, компания строит собственную цифровую экосистему, расширяя ассортимент за счет непрофильных категорий - одежды, обуви и ювелирных изделий.

Финансовый смысл этой стратегии заключается в перераспределении капитала. Вместо капитальных затрат на аренду и ремонт больших площадей компания инвестирует в IT-платформу и логистику. Вместо постоянных затрат на фонд оплаты труда продавцов - переменные комиссии маркетплейсам. Такая модель с переменными издержками оказывается более устойчивой в периоды экономической неопределенности, поскольку затраты возникают только при совершении продажи. Однако переход на новую модель не снимает всех рисков. Для «М.Видео-Эльдорадо» ключевыми остаются макроэкономические риски: высокая ключевая ставка Центрального банка увеличивает процентные расходы по долгу, а волатильность рубля влияет на себестоимость импортной техники. Сохраняются и отраслевые риски: насыщение рынка и снижение покупательской способности населения. Кроме того, существуют риски самой трансформации: успех новой стратегии зависит от того, удастся ли компании реализовать задуманное при участившихся слухах о возможной продаже бизнеса. Наконец, платформенная зависимость становится отдельным вызовом: если компания делает ставку на продажи через маркетплейсы, она неизбежно попадает в зависимость от их комиссий и правил, которые могут меняться в одностороннем порядке.

Традиционные магазины теряют экономическую эффективность - высокие постоянные издержки при падающем трафике делают их нерентабельными, что подтверждается закрытием точек даже в таких крупных региональных центрах. Маркетплейсы становятся основным каналом продаж - это признает даже крупнейший игрок рынка, строя свою стратегию вокруг партнерства с ними и развития собственной онлайн-платформы. Физические магазины при этом не исчезают полностью, но меняют свою функцию - они становятся шоурумами и точками выдачи, теряя самостоятельное значение как канал продаж.

Список литературы

1. Исмаилов, А. А. Маркетплейсы как инструмент роста и источник рисков для предприятий малого бизнеса: влияние сотрудничества на экономические показатели / А. А. Исмаилов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – № 70. – С. 209-222. – DOI: 10.17223/19988648/70/13.

2. Копылова, Н. А. Индекс платформенной зависимости как инструмент оценки уязвимости малого бизнеса при сотрудничестве с маркетплейсами / Н. А. Копылова // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2025. – № 4. – С. 34-39.

3. М.Видео-Эльдорадо. М.Видео-Эльдорадо представила инвестиционному сообществу стратегические векторы развития компании на 2025-2027 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mvideoeldorado.ru/ru/akcioneram-i-investoram/novosti/detail/3631> (дата обращения: 25.03.2026).

4. СберПро. Рынок ретейла в России: как меняется розница и что делать бизнесу [Электронный ресурс]. – URL: <https://sber.pro/publication/rinok-reteila-v-rossii-kak-menyaetsya-roznitsa-i-chto-delat-biznesu/> (дата обращения: 25.03.2026).

Е.М. ПЕТРОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Н.В. УГРЮМОВА

Канд. экономических наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

E.M. PETROVA

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«Management»

Scientific supervisor

N.V. UGRYUMOVA

Doctor of Economics, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

**АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗАДАНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ
В СФЕРЕ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ СТУДИЙ КРАСОТЫ Г. ЧЕЛЯБИНСКА)**

**PROCESS ANALYSIS IN RELATION TO SPECIFIED REQUIREMENTS IN THE
SERVICE SECTOR (CASE STUDY OF BEAUTY SALONS IN CHELYABINSK)**

Аннотация

В статье на основе анализа реальных отзывов клиентов студий красоты г. Челябинска выявлены ключевые проблемы процесса обслуживания и факторы успеха лидеров рынка. Предложены рекомендации по улучшению качества услуг. Исследование показывает, что высокий рейтинг обеспечивается профессионализмом мастеров, чистотой, прозрачностью цен и отсутствием навязывания услуг.

Annotation

Based on the analysis of real customer reviews of beauty salons in Chelyabinsk, the article identifies key problems in the service process and success factors of market leaders. Recommendations for improving service quality are proposed. The study shows that a high rating is ensured by the professionalism of the masters, cleanliness, price transparency, and the absence of imposition of services.

Ключевые слова: анализ процессов, сфера услуг, качество обслуживания, студия красоты, Челябинск, отзывы клиентов.

Keywords: process analysis, service sector, service quality, beauty salon, Chelyabinsk, customer reviews.

В современной экономике сфера услуг занимает доминирующее положение. Ключевым критерием качества выступает удовлетворенность клиента, которая напрямую зависит от соответствия процесса его ожиданиям. Проблема многих предприятий заключается в разрыве между формальными регламентами и реальными ожиданиями потребителей [1, с. 45]. Цель данной работы – на основе анализа реальных отзывов клиентов выявить ключевые несоответствия процесса заданным требованиям и предложить меры по их устранению.

Объектом исследования выбрана студия красоты по адресу: г. Челябинск, ул. Косарева, 56. Выбор обусловлен наличием детализированного негативного отзыва, позволяющего провести комплексный анализ проблем. В качестве эталонных объектов для сравнения рассмотрены студии красоты г. Челябинска с рейтингом 4.8 и выше («L'Orange», «Философия Счастья»). Методы исследования: анализ открытых отзывов клиентов, контент-анализ, сравнительный анализ.

Источником данных для анализа проблемного предприятия послужил отзыв клиента на онлайн-платформе 2ГИС [4]:

«Маленькое грязное помещение, с заваленными каким-то хламом подоконниками. Пустые пузырьки от бальзамов... мастер пять минут трясла каждым в попытках найти хоть

каплю. В итоге так и не нашла, расчесывала мокрые длинные спутанные волосы без него. Весьма странные администраторы, хамят, несут какой-то бред. Откровенный обман с ценами на стрижку. Озвучивают одну цену, по факту начинают другую требовать. Очень не любят оплату безналom, просят наличные и не дают чека».

На основе анализа отзыва выявлены системные нарушения требований к процессу обслуживания (таблица 1).

Таблица 1 – Анализ несоответствий процесса обслуживания [4]

Этап процесса	Выявленная проблема	Нарушенное требование
Вход / Ожидание	Антисанитария, захламленность помещения	Санитарные нормы (СанПиН), стандарты чистоты
Подготовка к услуге	Отсутствие расходных материалов (бальзам)	Стандарт материально-технического обеспечения
Выполнение услуги	Нарушение технологии (расчесывание мокрых волос без бальзама)	Профессиональный стандарт мастера
Взаимодействие	Грубость администраторов, некомпетентность	Стандарт клиентского сервиса
Оплата	Несоответствие цены, отказ в выдаче чека	Закон «О защите прав потребителей», кассовая дисциплина

Для определения эталонных стандартов качества был проведён анализ отзывов о салонах красоты Челябинска, получивших высокие оценки (4,8 балла и выше) [5; 6]. Посетители студии «L'Orange» (ул. Труда, 173) в своих отзывах неизменно подчёркивают высокую квалификацию мастеров, ощутимые результаты после процедур, а также внимательное и индивидуальное отношение, проявляемое сотрудницами Любой и Еленой. Салон «Философия Счастья» также характеризуется стабильно высокими оценками: клиенты отмечают профессиональную и щепетильную работу косметологов Надежды и Романа, отсутствие навязывания дополнительных услуг и искреннюю заботу о результате.

Изучение отзывов о пяти ведущих салонах с рейтингом 4,8–4,9 позволяет выделить ключевые ожидания клиентов: профессионализм мастеров (нередко упоминаются

конкретные специалисты), чистота и уютная атмосфера, удобство расположения и наличие парковочных мест, а также прозрачная система ценообразования и отсутствие навязчивого предложения дополнительных опций.

Сравнение показателей проблемного салона и лидеров рынка приводит к следующим выводам. Лидеры располагают всеми необходимыми расходными материалами и оборудованием, тогда как в рассматриваемой студии зафиксирована нехватка материалов, что повлекло за собой нарушение технологии оказания услуги. В части кадрового потенциала лидеры демонстрируют высокий уровень профессионализма и чуткости, тогда как в проблемной организации отмечены грубость со стороны администраторов и несоблюдение профессиональных стандартов мастером. Что касается финансовой прозрачности, лидеры выстраивают отношения с клиентами на принципах честного ценообразования, тогда как в исследуемом случае выявлены факты обмана в цене и отказа в выдаче чека, что противоречит законодательству о защите прав потребителей и требованиям кассовой дисциплины. Следовательно, несоответствие бизнес-процесса установленным требованиям напрямую приводит к ухудшению репутации и снижению клиентского потока [3, с. 215].

На основе проведённого анализа разработаны практические рекомендации для салона красоты, расположенного на улице Косарева. Прежде всего необходимо ужесточить соблюдение санитарных норм путём регулярных проверок с использованием чек-листов СанПиН. Также важно оптимизировать учёт расходных материалов, внедрив систему контроля, исключаящую их отсутствие в момент оказания услуги. Следует уделить внимание развитию персонала: обучение навыкам клиентского сервиса и этике общения позволит повысить качество взаимодействия с посетителями. Кроме того, необходимо обеспечить прозрачность ценообразования, разработав и разместив подробный прайс-лист с полным перечнем всех возможных доплат. Наконец, требуется наладить чёткий контроль кассовых операций, гарантируя бесперебойную работу кассового оборудования и выдачу чеков каждому клиенту. Реализация предложенных мер, основанных на методологии управления бизнес-процессами [2, с. 156], позволит организации не только устранить выявленные недостатки, но и выстроить устойчивую систему качества обслуживания [1; 3].

Список литературы

1. Иванова Т.А. Управление качеством услуг: методический подход // Менеджмент в России и за рубежом. – 2021. – № 3. – С. 45–51.
2. Теберин Р.И., Алексеев А.Н. Управление бизнес-процессами: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2023. – 312 с.

3. Шевченко Д.А., Петрова Е.А. Маркетинг услуг: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2022. – 368 с.
4. Отзыв о студии красоты Андрея Машьянова // 2ГИС: официальный сайт. – Режим доступа: https://yell.ru/cheliabinsk/com/studiya-krasoty-andreya-mashyanova_12015324/reviews/ (дата обращения: 22.03.2026).
5. Отзывы о салоне «Философия Счастья» // Msk1.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://msk1.ru> (дата обращения: 22.03.2026).
6. Отзывы о студии красоты «L'Orange» // Tutchelyabinsk.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://tutchelyabinsk.ru> (дата обращения: 22.03.2026).

Л.С. ПОНОМАРЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
Студентка 2 курса магистратуры направления
Экономика

Научный руководитель

Ю.В. ЛЫСЕНКО

профессор, доктор экон. наук
Уральский филиал Финуниверситета

L.S. PONOMAREVA

Ural Branch of the Financial University
Second-year Master's student in Economics

Academic Supervisor

Y.V. LYSENKO

Professor, Doctor of Economics
Ural Branch of the Financial University

МИНИМИЗАЦИЯ РИСКОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЕТНОСТИ: РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА

MINIMIZING RISKS IN CORPORATE REPORTING: THE ROLE OF INTERNAL AUDIT

Аннотация

Управление рисками в бизнесе стало важнейшим вопросом для устойчивости и успеха организаций. Любая деятельность организации может сопровождаться рисками, в том числе и формирование корпоративной отчетности. Внутренний аудит организации способствует выявлению нарушений и минимизации этих рисков.

Annotation

Business risk management has become a critical issue for the sustainability and success of organizations. Any organizational activity can involve risks, including the preparation of corporate reports. Internal auditing helps identify violations and minimize these risks.

Ключевые слова: корпоративная отчетность, риски, внутренний аудит.

Keywords: corporate reporting, risks, internal audit

Деятельность современных предприятий осуществляется в условиях, при которых финансовое и нормативное соответствие приобретает ключевое значение. Наблюдается тенденция к ужесточению требований со стороны регулирующих органов, а санкции за их несоблюдение становятся более строгими. В связи с этим возникает необходимость в теоретическом и практическом осмыслении сущности данной концепции для организаций. Особое значение приобретают вопросы идентификации основных рисков, связанных с нарушением норм и стандартов, а также разработки эффективных механизмов их минимизации и предотвращения.

Соблюдение финансовых и нормативных требований подразумевает выполнение всех процедур, стандартов и юридических обязательств, которым компания должна следовать для соответствия применимым правовым нормам. Это важный процесс, направленный на предотвращение финансовых, юридических и репутационных рисков.

Основными целями соблюдения нормативных требований являются:

- предотвращение мошенничества и отмыwania денег путем внедрения строгих мер контроля;
- обеспечение финансовой прозрачности посредством соблюдения требований бухгалтерского учета;
- избежание административных и уголовных санкций за несоблюдение требований;
- формирование этической культуры в компаниях.

Правовые обязательства различаются в зависимости от сектора экономики и юрисдикции. Однако ряд нормативных актов необходим для обеспечения соблюдения финансовых требований.

Соблюдение юридических обязательств — это не только избежание штрафов. Компания, которая ведет проактивный подход к соблюдению законодательства, получает множество преимуществ.

Финансовая отчетность, которую готовит организация, является ключевым документом, который необходимо представлять в налоговые органы и различные государственные учреждения в соответствии с законодательными требованиями российской

бухгалтерской системы. Процесс формирования бухгалтерской отчетности для юридических лиц в России регулируется основными положениями федерального закона «О бухгалтерском учете». Этот закон устанавливает порядок, формы и сроки подачи финансовой отчетности, что способствует единообразию и прозрачности бухгалтерского учета среди всех компаний в стране. Таким образом, соблюдение этих норм позволяет обеспечить надежность и достоверность финансовой информации, что важно как для самих предприятий, так и для внешних пользователей данной информации.

Внутренний аудит играет решающую роль в управлении финансовыми рисками организации. Это не только инструмент предотвращения мошенничества, но и средство повышения эффективности принятия решений и прозрачности. Внутренний аудит помогает выявлять аномалии и предотвращать мошенничество, которое может существенно повлиять на финансовое положение компании. Его присутствие повышает доверие заинтересованных сторон, что крайне важно для поддержания хорошей финансовой репутации.

Участвуя в разработке финансовой стратегии, внутренний аудит положительно влияет на принятие решений. Он предоставляет четкие и объективные отчеты, позволяя руководителям принимать обоснованные решения на основе точных данных. Это укрепляет внутренний контроль и направляет организацию к стратегическим решениям, способствующим ее финансовому благополучию.

Важность открытой и честной коммуникации внутри компании невозможно переоценить. Она гарантирует информированность и вовлеченность всех заинтересованных сторон, что крайне важно для эффективного управления рисками. В заключение, внутренний аудит незаменим для обеспечения безопасности и стабилизации финансовых операций компании.

Методы выявления и снижения рисков имеют важное значение для обеспечения финансовой стабильности организации. Аудиторские методы играют решающую роль в этой области. Они включают оценку существующих внутренних контролей и мониторинг ключевых показателей эффективности.

Внутренний аудит использует методы контроля, которые помогают оценить эффективность внутренних процессов. Это включает проверку протоколов безопасности и процедур соответствия. Кроме того, анализируя исторические финансовые данные, аудиторы могут прогнозировать потенциальные аномалии.

Строгое и непрерывное применение аудиторских практик напрямую влияет на репутацию организации. Компания, известная своими эффективными аудитами, завоевывает доверие своих клиентов, сотрудников и инвесторов, что приводит к выгодной долгосрочной

синергии. Поэтому использование внутреннего аудита имеет решающее значение для минимизации рисков и укрепления организации.

Список литературы

1. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 N 402-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 07.02.2026).
2. Колесников, А. В. Корпоративная культура: учебник и практикум для вузов / А. В. Колесников. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 167 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт . – URL: <https://urait.ru/bcode/583960> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Кретьова, А. Ю. Исследование влияния факторов на эффективность деятельности промышленных предприятий / А. Ю. Кретьова // Russian Economic Bulletin. – 2023. – С. 109-115 (дата обращения 24.02.2024).

К.С. РУМИК

Уральский филиал Финансового университета
студентка II курса направление подготовки
«Государственное и муниципальное управление»

K.S. RUMIK

Ural Branch of the Financial University
Second-year student majoring in
Public and Municipal Administration

Научный руководитель

И.А. КЕТОВА

Уральский филиал Финансового университета
канд. техн. наук, доцент

Scientific Director

I.A. KETOVA

Ural Branch of the Financial University
PhD (Eng.), Associate Professor

**ОТ РОЗНИЧНОГО МАГАЗИНА К ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛИ АНДРЕЯ СИМАНОВСКОГО**

**FROM A RETAIL STORE TO A DIGITAL ECOSYSTEM: THE
EVOLUTION OF ANDREY SIMANOVSKY'S BUSINESS MODEL**

Аннотация

В статье анализируется эволюция бизнес-модели компании «Сима-ленд» и её основателя Андрея Симановского – успешного примера высокотехнологичного предпринимательства в Свердловской области. Рассмотрен путь от обувной мастерской до цифровой экосистемы с оборотом в десятки миллиардов рублей. Выделены ключевые факторы успеха: модель B2B2C, роботизированная логистика, управление на основе больших данных. Проанализировано влияние компании на регион, социальные инициативы и противоречия корпоративной культуры. Сделан вывод о значимости сочетания инноваций и социальной ответственности для устойчивого развития бизнеса в России.

Abstract

The article analyzes the evolution of the business model of Sima-land and its founder Andrey Simanovsky, a successful example of high-tech entrepreneurship in the Sverdlovsk region. The path from a shoe repair workshop to a digital ecosystem with a turnover of tens of billions of rubles is examined. Key success factors are identified: the B2B2C model, robotic logistics, and big data management. The company's impact on the region, social initiatives, and contradictions of corporate culture are analyzed. The conclusion is made about the importance of combining innovation and social responsibility for sustainable business development in Russia.

Ключевые слова: высокотехнологичное предпринимательство, цифровая экосистема, бизнес-модель, роботизация.

Keywords: high-tech entrepreneurship, digital ecosystem, business model, robotics.

Современные этапы экономического развития характеризуются стремительной цифровой цифровизацией всех сфер деятельности, усилением роли технологических платформ и трансформацией традиционных бизнес-моделей. В этих условиях особую значимость приобретает изучение успешных практик высокотехнологичного предпринимательства. Компания «Сима-ленд» представляет собой уникальный для России пример эволюции от розничной торговли к цифровой экосистеме.

Андрей Моисеевич Симановский – предприниматель, меценат, родился 31 июля 1960 года в Екатеринбурге. Начало его пути было более чем скромным. В 1990-е годы Андрей Симановский, не имея профильного образования и стартового капитала, открыл мастерскую по ремонту обуви, которая приносила до 3000 долларов в месяц. Однако предпринимательская интуиция подсказывала ему, что настоящие возможности кроются в другом.

В стране с почти пустыми прилавками существовал колоссальный спрос на недорогие товары, и Симановский делает ставку на Китай. Дважды в месяц он летает в Ханчжоу, выстраивая прямые связи с производителями, а спустя шесть лет открывает собственную торговую компанию в КНР с полноценной инфраструктурой – складами и общежитием для сотрудников. В 2000 году на базе этого опыта в Екатеринбурге создается компания «Сима-ленд», изначально специализировавшаяся на оптовых поставках бытовых товаров.

Эволюция бизнес-модели компании прошла несколько качественных этапов, которые наглядно представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Эволюция бизнес-модели компании «Сима-ленд»

Этап	Бизнес-модель	Ключевая компетенция	Роль технологий	Основной клиент
1	2	3	4	5
1990-е – начало 2000-х	Классический импорт и оптовая торговля	Установление прямых связей с производителями в Китае, управление товарными потоками	Минимальная (учет, связь)	Розничные магазины, перекупщики
2000 – 2010-е гг.	Оптовый ритейл с собственной розницей	Масштабирование складских площадей, расширение ассортимента	Автоматизация складского учета	Розничные покупатели и малый опт
2010-е – настоящее время	Технологическая B2B2C-платформа	Анализ больших данных, разработка ПО, роботизация логистики, управление алгоритмами	Ядро бизнеса. Цифра и автоматизация определяют цены, ассортимент, кредиты и логистику	Предприниматели (владельцы магазинов, маркетплейсов, блогеры)

Главное, что сделало бизнес-модель компании уникальной, – это отказ от прямых продаж покупателям. «Сима-ленд» выбрала модель B2B2C (business-to-business-to-consumer), где компания не просто продаёт товары, а создаёт систему для малого и среднего бизнеса. Их клиенты – это владельцы магазинов, онлайн-площадок и блогеры. Им дают не только товары, но и разные услуги: готовые фото и видео для соцсетей, возможность автоматически добавлять товары и цены на свои сайты, аналитику, которая показывает, какие товары лучше продаются в разных регионах.

Важную роль в успехе сыграла логистика, которая была построена по-новому. Вместо того чтобы везти товары от поставщика на один большой склад, «Сима-ленд» создала сеть небольших логистических центров в разных регионах. Это значительно снижает расходы на перевозку и время доставки.

На складах компании работают роботы, которые перевозят стеллажи к местам, где собирают заказы, а также автоматические линии сортировки и сканеры. Это помогло снизить количество ошибок при сборке заказов с 3-5% до 0,01% и обрабатывать сотни тысяч товаров каждый день.

Ещё одно направление, где использовали цифровые технологии, это ценообразование и управление товарами. Цены меняются в зависимости от спроса, остатков на складе и цен конкурентов. Система анализирует данные о продажах, предсказывает спрос и автоматически заказывает товары у поставщиков, чтобы избежать излишков.

«Сима-ленд» – крупный инвестор и работодатель, она поддерживает спортивные клубы («Автомобилист», «Урал», «Уралочка-НТМК»), участвует в образовательных проектах – от оснащения колледжей до организации поездок школьников в Китай. Компания устраивает субботники и реализует проект «Сима-ленд для людей», в рамках которого жители Свердловской области могут предлагать идеи по благоустройству общественных мест.

Компания получила статус резидента особой экономической зоны «Титановая долина», что даёт ей налоговые льготы в обмен на инвестиции. Самый масштабный проект, который показывает, что компания планирует развиваться и дальше, – это «Сима-таун» в Сысертском районе. К 2028 году здесь планируют создать промышленно-логистический комплекс с жилыми домами для 17 500 человек. Всего в проект будет вложено около 50 миллиардов рублей, будет создано более 30 тысяч рабочих мест.

Таким образом, мы рассмотрели эволюцию бизнес-модели компании «Сима-ленд» и её основателя Андрея Симаковского – успешного примера высокотехнологичного предпринимательства в Свердловской области.

Список литературы

1. B2B2C: что это, зачем используется, преимущества и недостатки модели / Unisender Словарь маркетолога // официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.unisender.com/ru/glossary/что-такое-b2b2c-prostyimi-slovami/#anchor-> (Дата обращения: 14.02.2025).

2. Компания Sima Land: история, стратегия и особенности компании / Russian Business – медиа о силе дерзости и денег. // [официальный сайт. – Режим доступа: <https://rb.ru/longread/sima-land-history/> (Дата обращения: 08.02.2024).

3. На что способны роботы: как возможности ИИ меняют бизнес-процессы / Forbes.ru Главное о миллиардерах, бизнесе, финансах и инвестициях в России и мире // официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/brandvoice/550699-na-cto-sposobny-roboty-kak-vozmognosti-ii-menaut-biznes-processy> (Дата обращения: 28.11.2025).

4. Официальный сайт Сима-ленд – надёжный оптовый поставщик для бизнеса // официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.sima-land.ru/> (Дата обращения: 14.02.2026).

Е.Д. РЯЗАНСКАЯ

Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

О.Н. КЛИМОВА

к.и.н., доцент кафедры «Экономика,
финансы и управление»
Уральский филиал Финуниверситета

E.D. RYAZANSKAYA

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction
«Management»

Scientific adviser

O.N. KLIMOVA

Associate Professor of the Department
of Economics, Finance and Management
Ural branch of the Financial University

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В УПРАВЛЕНИИ

CONFRONTATION OF DIGITALIZATION AND THE HUMAN FACTOR IN MANAGEMENT

Аннотация

В статье рассматривается противостояние между цифровизацией и сохранением эффективности человеческого участия в управление. В статье приведены статистические данные о нарастании объемов цифровизации и сделан вывод о необходимости сохранить человека как важный ресурс организации.

Annotation

The article discusses the conflict between digitalization and the preservation of human participation in management. The article provides statistical data on the increasing volume of digitalization and concludes that it is necessary to preserve humans as an important resource for the organization.

Ключевые слова: цифровизация управления, человеческий фактор, российские компании.

Keywords: digitalization of management, human factor, Russian companies.

Процесс цифровой трансформации управления охватил большое количество российских компаний. Внедрение CRM-систем, программных продуктов для электронного документооборота, инструментов бизнес-аналитики сейчас рассматривается руководителями как необходимое условие повышения эффективности бизнеса. Однако практика последних лет демонстрирует пугающий разрыв между ожиданиями и реальностью: рост объема доступной для анализа информации не просто не приводит к повышению качества управленческих решений, а в ряде случаев откровенно снижает способность руководителя эффективно контролировать ситуацию. Мы вкладываем миллиарды в «цифру», но теряем контроль — это ли не повод для тревоги?

Ситуация выглядит еще более угрожающе, если обратиться к цифрам. Согласно данным исследования «Русской школы управления», в 2025 году только 9% российских компаний могут похвастаться полностью автоматизированными процессами. Целых 38% организаций находятся на среднем уровне автоматизации, используя цифровые инструменты точечно, что создает иллюзию порядка вместо реальной эффективности. А 20% компаний и вовсе признают, что процессы цифровизации в них носят формальный характер, превращаясь в дорогостоящую имитацию бурной деятельности. Но поистине леденящие душу данные приводит компания Comindware: 80% российских компаний осуществляют цифровую трансформацию при отсутствии единой стратегии. Это значит, что подавляющее большинство движется вслепую. Итог закономерен: в таких условиях сотрудники тратят от 3 до 4 часов рабочего времени на выполнение рутинных операций — время, украденное у развития. Для сравнения: в компаниях с продуманной цифровой стратегией этот показатель удается снизить до 25% рабочего времени. Мы проигрываем битву за эффективность, утопая в хаосе внедрений [4].

Анализ источников позволяет выделить следующие причины, по которым цифровизация не достигает заявленных целей, к примеру, это отсутствие единой

методологии. Как отмечает П. Кровяков, заместитель генерального директора ГК «Мантера», большинство проектов цифровизации в России начинаются с приобретения программного обеспечения, а не с постановки управленческих задач [2]. Это приводит к тому, что большое количество проектов, к примеру, 9 из 10 проектов, к сожалению, не достигают ожидаемых результатов. Счетная палата РФ в своих отчетах неоднократно упоминала об отсутствии единых архитектурных принципов при создании государственных информационных систем. Например, при проверке ГИС «Официальный сайт для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях» (ГИС ГМУ), на создание которой в период 2012-2022 гг. было направлено более 1,7 млрд рублей, выявлено, что у 20% учреждений данные в системе отсутствуют, а 70% размещенных сведений содержат несоответствия [3].

Причина заключается в том, что многие не хотят понимать, что автоматизация является средством освобождения от рутины, а не дополнительной нагрузкой. Внедрение систем бизнес-аналитики без предварительного определения ключевых показателей приводит к тому, что руководитель получает доступ к большому объему данных, не имея возможности выделить среди них действительно значимые для принятия решений.

Несмотря на развитие технологий искусственного интеллекта и систем аналитики, человеческое участие в управлении является самым важным, ведь цифровые системы фиксируют количественные показатели, но не способны самостоятельно оценить качественные причины их изменения (например, снижение продаж может быть вызвано как объективными рыночными факторами, так и временным снижением мотивации персонала). Также автоматизация создает иллюзию объективности решений, но ответственность за последствия этих решений может нести только человек. Алгоритмы следуют заданным правилам, тогда как в нестандартных ситуациях требуется отступление от инструкций, возможное только при участии человека.

Как указывают эксперты в области электронного документооборота, полный отказ от бумажных носителей в настоящее время невозможен в силу требований законодательства (например, при оформлении приказов об увольнении, документов по охране труда и тд). Эффективная цифровизация требует не только внедрения технологий, но и повышения компетенций сотрудников, ведь 27% руководителей признают недостаток собственных компетенций в области цифровых технологий как барьер для развития [1].

Там, где заканчиваются сухие цифры и начинается человеческая жизнь, ценность человеческого фактора возрастает. Например, в отделе кадров сотрудник имеет дело с судьбой человека, его мотивацией и тревогами. Эмпатия HR-специалиста позволяет удержать ценного сотрудника там, где формальный KPI предписал бы его уволить.

Аналогичная ситуация в социальных службах, где формальный подход может стоить человеку здоровья или семьи. Только личное участие, способность услышать боль и увидеть проблему за бюрократической бумагой превращают работу из обычного оказания услуг в настоящее спасение. Без этого «человеческого лица» даже самые щедрые социальные программы остаются мертвым грузом инструкций.

Не менее важна роль живого участия в бухгалтерском учете, где человеческий фактор — это способность вовремя заметить аномалию, предостеречь руководителя от необдуманного шага или найти легальный, но неочевидный способ оптимизации, который программа никогда не предложит. Юристы, в свою очередь, работают на стыке закона и жизненных обстоятельств: формально верное решение может разрушить бизнес клиента или семью, и только мудрость, опыт и этика специалиста позволяют найти то самое справедливое равновесие. Особое место занимает преемственность поколений и работа с людьми. Наставничество для молодых специалистов невозможно оцифровать. Ни один электронный курс не заменит живого участия человека, который передает не только знания, но и профессиональную интуицию, корпоративную культуру и чувство ответственности. В торговле, где решающим фактором остается контакт человека с человеком. В эпоху маркетплейсов покупатель идет туда, где чувствует искреннюю заботу, экспертность и желание помочь, а не просто продать любой ценой. В конечном счете, именно в этих точках соприкосновения — кадры, соцслужбы, финансы, юриспруденция, наставничество и торговля — формируется та самая устойчивость бизнеса и общества, которую не способны обеспечить никакие новые технологии и искусственный интеллект.

Цифровые инструменты управления являются необходимым, но недостаточным условием эффективного руководства. Автоматизация должна освобождать время руководителя для решения стратегических задач, а не создавать дополнительные информационные потоки, требующие обработки. Ключевым условием сохранения контроля в условиях цифровизации является четкое разделение функций: автоматизация рутинных операций, не требующих творческого подхода, и сохранение за человеком функций стратегического планирования, оценки контекста и принятия ответственности за результаты. Человек по-прежнему важнейший ресурс организации и уменьшение его роли может привести к уменьшению конкурентоспособности компании.

Список литературы

1. Comindware. Данные исследования уровня цифровизации российских компаний [Электронный ресурс] // comindware.ru. — URL: <https://www.comindware.ru/> (дата обращения: 12.03.2026).

2. Кровяков П. Цифровая трансформация начинается не с ИТ, а с управления [Электронный ресурс] // [Tadviser.ru](https://www.tadviser.ru). — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Новости:Цифровая_трансформация_начинается_не_с_ИТ,_а_с_управления_—_Павел_Кровяков,_ГК_Мантера (дата обращения: 12.03.2026).

3. Официальный сайт для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях [Электронный ресурс] // bus.gov.ru. — URL: <https://www.b-uchet.ru/article/513499.php> (дата обращения: 12.03.2026).

4. Русская школа управления. Автоматизация управления к 2030 году: что ждет руководителей [Электронный ресурс] // uprav.ru. — 2025. — 3 октября. — URL: <https://uprav.ru/blog/avtomatizatsiya-upravleniya-k-2030-godu-chto-zhdet-rukovoditeley/> (дата обращения: 12.03.2026).

Д.В. СИТНИКОВА

Уральский филиал Финуниверситета,
Студентка IV курса направления подготовки
«Государственное и муниципальное управление»

А.Г. УТЕМИШЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
Старший преподаватель

Научный руководитель

С.А. БОГАТЕНКОВ

Уральский филиал Финуниверситета
канд. техн. наук, доцент

D.V. SITNIKOVA

Ural Branch of the Financial University,
Fourth-year student majoring in
«Public and Municipal Administration»

A.G. UTEMISHEV

Ural Branch of the Financial University
Senior Lecturer

Academic Supervisor

S.A. BOGATENKOV

Ural Branch of the Financial University
PhD (Eng.), Associate Professor

ПОДГОТОВКА 1С-СПЕЦИАЛИСТОВ: ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ
TRAINING OF 1C SPECIALISTS: PERSONAL DEVELOPMENT TRAJECTORIES

Аннотация

Растущие потребности рынка требуют специалистов для работы с продуктами платформы «1С: Предприятие» (1С-специалистов). Кадровый дефицит и несоответствие компетенций выпускников потребностям рынка являются ключевыми проблемами, что требует разработки новых подходов к подготовке кадров. Целью работы является повышение эффективности подготовки 1С-специалистов в результате проектирования персональных траекторий развития. Решена задача синтеза оптимальных персональных траекторий развития 1С-специалистов с помощью карты профессионального развития и методов искусственного интеллекта по критериям максимального и минимального опыта работы. В результате исследований минимизировано влияние рисков, связанных с ошибками персонала.

Annotation

Growing market needs require specialists to work with the 1C: Enterprise platform products (1C specialists). The shortage of personnel and the mismatch between the competencies of graduates and the needs of the market are key problems that require the development of new approaches to personnel training. The goal of this work is to improve the efficiency of training 1C specialists by designing personal development trajectories. The task of synthesizing optimal personal development trajectories for 1C specialists has been solved using a professional development map and artificial intelligence methods based on the criteria of maximum and minimum work experience. As a result of the research, the impact of personnel errors has been minimized.

Ключевые слова: подготовка кадров, 1С-специалисты, персональные траектории развития, карты профессионального развития, методы искусственного интеллекта

Keywords: training, 1C specialists, personal development paths, professional development maps, and artificial intelligence methods

Эффективным инструментом для повышения эффективности и экономической безопасности бизнеса является автоматизация бизнес-процессов с помощью конфигураций платформы «1С: Предприятие» (1С) [1].

Спрос на квалифицированных специалистов в сфере 1С остаётся высоким в 2025 году, особенно ценятся разработчики с глубоким пониманием бизнес-процессов и опытом интеграции систем. По данным аналитического агентства TAdviser, в 2025 году количество

вакансий программистов 1С выросло на 15% по сравнению с предыдущим годом. Рост наблюдается не только в традиционных центрах 1С-разработки (Москве и Санкт-Петербурге), но и в региональных IT-хабах. Спрос на специалистов в сфере 1С формируют следующие тенденции: рост автоматизации бизнеса, переход на облачные решения, интеграция с ВІ и искусственным интеллектом, сервисная экономика. Средняя зарплата 1С-программиста в России по состоянию на середину 2025 года составляет около 200–210 тысяч рублей в месяц [2].

Недостаточная подготовка кадров обусловлена недостатками образовательных программ. Во-первых, выпускники не имеют опыта работы над реальными проектами. Во-вторых, подготовка студентов оставляет желать лучшего при работе с перспективными технологиями такими как, облачные вычисления, искусственный интеллект и продукты платформы «1С: Предприятие» [3].

В условиях цифровой экономики и внедрения продуктов платформы «1С: Предприятие» спрос на 1С-специалистов растёт, поэтому таким специалистам важно знать возможности своего карьерного роста.

Актуальной является цель исследования: повышение эффективности подготовки 1С-специалистов в результате проектирования персональных траекторий развития.

Проектирование персональных траекторий развития

В таблице 1 представлены уровни квалификации 1С-специалистов [4].

Для разработки карт профессионального развития использовались методы анализа масштабных информационных массивов и отслеживания вакансий с онлайн-платформ по поиску работы на предприятиях Челябинской области [5].

Карта профессионального развития 1С-специалистов представлена в таблице 2.

Сетевая модель персональных траекторий развития 1С-специалистов представлена на рис. 1

Таблица 1

Сертификация 1С-специалистов

№	Квалификация	Задачи
1	Профессионал	Знание основных возможностей 1С-продукта
2.1	Специалист	Доработка типовых решения для задач бизнеса.
2.2	Специалист-консультант	Внедрение программных решений и обучение пользователей работе в 1С-программах
3	Эксплуататор	Настройка и поддержка крупных информационных системы на базе 1С-решений, выявление проблем и их решение
4	Эксперт	Разработка и внедрение программных

		решений для крупных организаций

Таблица 2

Карта профессионального развития 1С-специалистов

Вариант	Опыт работы, мес.	Сертификаты	Задачи	Зарплата (тыс. руб.), должности
1.1	6	–	Применение основных возможностей 1С-продукта	40-90 Оператор 1С
1.2	0	1С: Профессионал		
2.1	12	1С: Профессионал	Внедрение программных решений и обучение пользователей работе в 1С-программах	70-150 Консультант-аналитик 1С
2.2	6	1С: Специалист или 1С: Специалист-консультант		
3.1	24	1С: Специалист или 1С: Специалист-консультант	Настройка и поддержка крупных информационных системы на базе 1С-решений, выявление проблем и их решение	150-250 Руководитель отдела разработки 1С
3.2	12	1С: Эксплуататор		
4.1	36	1С: Эксплуататор	Разработка и внедрение программных решений для крупных организаций	250-350 Заместитель руководителя по 1С
4.2	24	1С: Эксперт		

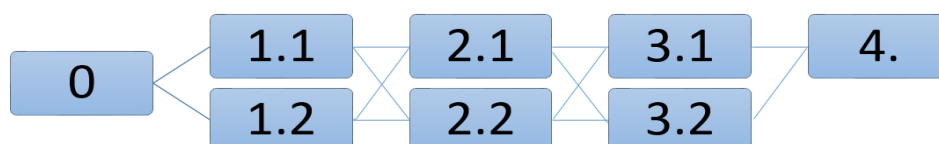


Рис. 1. Сетевая модель персональных траекторий развития 1С-специалистов

Для проектирования персональной траектории развития используется состояние – это вершина сетевой модели возможных персональной траектории развития. При этом каждое состояние определяется двумя числами опытом работы и номером сертификата (см. табл. 2). Например, первый уровень имеет два состояния 1.1 (6,0) и 1.2 (0, 1).

Возможно два критерия синтеза оптимальной персональной траектории развития: максимальный и минимальный опыт работы. Ход – это допустимый ход в результате проверки значений вершин уровня. Например, при переходе с первого уровня на третий по критерию минимального опыта работы из состояния 1.2 в состояние 3.2 оптимальным вариантом будет 1.2 -> 2.2 -> 3.2 (см. рисунок 1, нижняя ветвь сетевого графика).

В результате реализации метода определяется оптимальная персональная траектория

развития по критериям максимального и минимального опыта работы. Результаты исследования приведены в таблице 3

Таблица 3

Персональные траектории развития при переходе с 1 на 3 уровень
для 1С-специалистов

Критерий	Опыт работы, мес.	Сертификаты	Вариант перехода
Исходный вариант 1.1: опыт работы 6 мес.			
Максимальный опыт работы	12	1С: Профессионал	1.1 -> 2.1
	24	1С: Профессионал 1С: Специалист или 1С: Специалист-Консультант	2.1 -> 3.1
Исходный вариант 1.2: сертификат 1С: Профессионал			
Минимальный опыт работы	6	1С: Профессионал 1С: Специалист или 1С: Специалист-Консультант	1.2 -> 2.2
	12	1С: Профессионал 1С: Специалист или 1С: Специалист-Консультант 1С: Эксплуататор	2.2 -> 3.2

Таким образом, решена задача проектирования оптимальных персональных траекторий развития 1С-специалистов по критериям максимального и минимального опыта работы. Это позволяет минимизировать влияние рисков, связанных с ошибками персонала.

Список литературы

1. Никаноров М.С., Лосев А.Н. О возможности построения информационной системы обеспечения экономической безопасности на платформе «1С». Известия ТулГУ. Технические науки. 2021; 11: 314-318. EDN: XJTALN. DOI: 10.24412/2071-6168-2021-11-314-319
2. Зарплата 1С-программиста: анализ рынка и перспективы. <https://kedu.ru/press-center/articles/info-prog-zarplata-1s-programmista-analiz-rynka-i-perspektivy/>
3. Каракозов С.Д., Худжина М.В., Петров Д.А. Проектирование содержания профессиональных компетенций образовательного стандарта ИТ-специалиста на основе требований профессиональных стандартов и работодателей. Информатика и образование. 2019; 7 (306): 7–16. EDN: EDNOIX. DOI: 10.32517/0234-0453-2019-34-7-7-16.
4. Сертификация 1С: зачем нужна и как получить – виды и уровни сертификатов, схема подготовки к сертификации. <https://practicum.yandex.ru/blog/kak-proyti-sertifikaciyu-1c/>.
5. Затонский А.В., Шаклеина П.А., Красовский Р.В. Современные методы сбора и анализа требований работодателей для подготовки ИТ-специалистов. Вестник ЮУрГУ. Серия

«Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2025; 25 (1): 69–82. EDN: MXZAAL. DOI: 10.14529/ctcr250106.

А.В. ТРЕМБАЧЕВА

Уральский филиал Финуниверситета,
студентка 3 курса направления подготовки «Менеджмент»

Научный руководитель

О.Н. КЛИМОВА

к.и.н., доцент

Уральский филиал Финансового Университета

A.V. TREMBACHEVA

Ural branch of the Financial University,
3rd year student of the department of Management

Scientific supervisor

O.N. KLIMOVA

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ФЕНОМЕН «КАЙДЗЕН-ЦИНИЗМА» И СТЕРЕОТИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЁЖИ

THE PHENOMENON OF «KAIDZEN-CYNICISM» AND THE STEREOTYPES OF CHANGE MANAGEMENT: A YOUTH'S PERSPECTIVE

Аннотация

В статье анализируется распространённый в образовательной среде стереотип о неизбежном сопротивлении персонала изменениям. На основе современных исследований и данных авторского анкетирования студентов управленческих направлений показано, что данный тезис является научно несостоятельным упрощением. Представлены рекомендации по корректировке мировоззрения студентов-управленцев с помощью цифровых инструментов.

Abstract

The article analyzes the widespread educational stereotype that employee resistance to change is inevitable. Drawing on contemporary research and the author's survey of management students, it demonstrates that this thesis is a scientifically untenable simplification. The article provides recommendations for adjusting the worldview of management students using digital tools.

Ключевые слова: сопротивление изменениям, образовательная среда, кайдзен-цинизм, стереотипы управления, организационная психология

Key words: resistance to change, educational environment, kaizen cynicism, management stereotypes, organizational psychology

В российской и зарубежной практике подготовки управленцев тема организационных изменений традиционно сопровождается утверждением: «люди всегда сопротивляются изменениям». Этот тезис транслируется в лекциях и учебниках, воспринимаясь студентами как аксиома. Однако современные исследования ставят под сомнение столь однозначную трактовку: эмпирические данные свидетельствуют, что сотрудники в большинстве случаев готовы к изменениям, а негативные реакции являются следствием способа их внедрения, недостаточной коммуникации, выгорания или угрозы профессиональной идентичности.

Традиционная парадигма управления изменениями, восходящая к работам К. Левина, рассматривает сопротивление как силу, противодействующую изменениям, которую необходимо ослабить или преодолеть. В учебной литературе это представление часто упрощается до тезиса «все сотрудники всегда сопротивляются». Однако, как отмечает М. Хьюз, подобные утверждения представляют собой «укоренённые мифы, поддерживаемые академической риторикой, особенно в бизнес-школах» [5].

Современные исследования демонстрируют, что сотрудники гораздо чаще поддерживают изменения. В одном из крупных эмпирических исследований, охватившем 945 инцидентов изменений, на каждое негативное высказывание приходилось 1,9 позитивных [1]. Это опровергает представление о тотальном пессимизме персонала.

Вместо того чтобы рассматривать сопротивление как иррациональное упрямство, исследователи предлагают видеть в нём:

- реакцию на некачественное управление;
- защиту профессиональной идентичности;
- эмоциональное выгорание.

Особенно ярко это противоречие проявляется при внедрении философии кайдзен (бережливого производства). В практике внедрения бережливого производства миф о сопротивлении приобретает особую остроту. Кайдзен-цинизм – термин, описывающий состояние, при котором сотрудники формально поддерживают принципы непрерывных улучшений, но фактически блокируют изменения из-за накопленного недоверия и усталости [8]. Причины этого явления: угроза идентичности (восприятие изменений как критики прежней работы), когнитивная перегрузка (по данным Росстата, цифровизация увеличила информационную нагрузку на сотрудников на 25%) и отсутствие психологической безопасности [6].

Таким образом, то, что менеджеры называют сопротивлением, часто является следствием организационных дефектов – дефицита доверия, перегрузки или неучтённых эмоциональных затрат. Это требует не «преодоления упрямства», а применения диагностических инструментов: методики Maslach (оценка выгорания), модели ADKAR (выявление барьеров в процессе изменений), сетевого анализа (идентификация неформальных лидеров и групп влияния) [2, 3, 4].

Для проверки гипотез о распространённости мифа о тотальном сопротивлении изменениям в образовательной среде подготовки управленцев в марте 2026 года было проведено анкетирование студентов направлений «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление» и смежных управленческих специальностей. В исследовании приняли участие 157 респондентов из вузов г. Челябинска. Анализ ответов проводился с использованием методов описательной статистики. Результаты показали, что:

- 82% студентов хорошо знают тезис «персонал всегда сопротивляется изменениям» (31% регулярно, 51% иногда);

- 64% отмечают, что этот тезис преподносится как аксиома, лишь 9% сталкивались с его критическим разбором;

- 71% никогда не встречали альтернативной точки зрения о том, что негативная реакция сотрудников связана с качеством управления, выгоранием или угрозой идентичности;

- 47% воспринимают персонал как «консервативную силу, которую нужно преодолевать»; 58% согласны, что успех изменений зависит от преодоления сопротивления;

- только 19% указали, что в обучении регулярно поднимается связь негативной реакции с недостатками управления; средняя оценка готовности к работе с человеческим фактором — 2,7 из 5.

Полученные данные подтверждают, что транслируемое в образовательной среде представление о тотальном сопротивлении персонала изменениям представляет собой научно несостоятельное упрощение, формирующее у будущих менеджеров искажённую картину организационной реальности. Это ведёт к устойчивой атрибуции сложностей внедрения изменений личностным характеристикам сотрудников («врождённое упрямство») при систематическом игнорировании управленчески значимых факторов: эмоционального выгорания, угрозы профессиональной идентичности, когнитивной перегрузки и дефицита психологической безопасности. Феномен кайдзен-цинизма наглядно демонстрирует деструктивные последствия подобной концептуализации.

В целях преодоления сложившейся ситуации предлагается: включить в образовательные программы модули, критически анализирующие мифы менеджмента на

основе современных исследований. В методическое обеспечение необходимо ввести практические кейсы, демонстрирующие дифференциацию феномена сопротивления от таких явлений, как профессиональное выгорание (операционализируемое, в частности, методикой Maslach), угроза идентичности и когнитивная перегрузка. Для усиления практической подготовки рекомендуется применение инструментов организационной психологии (модель ADKAR, сетевой анализ), позволяющих сформировать у студентов компетенции диагностики реальных причин сложностей при внедрении изменений. Кроме того, требуется инициировать дискуссию в преподавательском сообществе о необходимости критического пересмотра классических моделей управления изменениями, акцентируя, что успех трансформаций определяется не столько преодолением сопротивления, сколько качеством коммуникации, вовлечением стейкхолдеров и учётом человеческого фактора – например, провести тематическую конференцию.

Конкретными шагами могут стать: анализ содержания дисциплин «Теория организации» и «Управление изменениями» на платформе online.fa.ru для выявления того, как в курсах подаётся тема сопротивления; анкетирование в режиме реального времени (студенты апробируют инструмент во время практики, собирая данные о стереотипах в организациях).

Реализация предложенных мер будет способствовать формированию у будущих управленцев адекватного и инструментально насыщенного представления о человеческом факторе в организационных изменениях, что в долгосрочной перспективе повысит эффективность управленческой деятельности и снизит риски возникновения кайдзен-цинизма в организациях.

Список литературы

4. Hughes M. Myth-understanding Organizational Change // *Managing and Leading Organizational Change*. – Milton: Routledge, 2018. – P. 15–30. – ISBN 9781138577411. – Режим доступа: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781351265959_A35092406/preview-9781351265959_A35092406.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

5. Ybema S. B., Thomas R., Hardy C. Organizational Change and Resistance: An Identity Perspective // *The Sage Handbook of Resistance* / ed. by D. Courpasson, S. Vallas. – London: Sage, 2016. – P. 215–232. – Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org/paper/Organizational-change-and-resistance%3A-an-identity-Ybema-Thomas/ad10562e965487d19e3c20c03ebfbd4e7cc1da2> (дата обращения: 20.03.2026).

6. НАФИ. Более 13 млн работающих россиян находятся в состоянии профессионального выгорания: аналитический обзор. – М., 2023. – Режим доступа: <http://nafi.ru:8080/analytics/?PAGE=18> (дата обращения: 20.03.2026).

В.А. УГРЮМОВ

Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский университет),
студент IV курса направления подготовки
«Юриспруденция»

V.A. UGRYUMOV

South Ural State University (Research University),
Fourth-year student majoring in Jurisprudence

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО: НОВАЯ ПРАВОВАЯ СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И ПЛАТФОРМЫ

DIGITAL CITIZENSHIP: A NEW LEGAL CONNECTION BETWEEN INDIVIDUALS AND PLATFORMS

Аннотация

Статья посвящена анализу феномена «цифрового гражданства» как качественно новой формы взаимодействия человека, платформенных структур и государства в условиях тотальной цифровизации общественных отношений. Традиционное гражданство, понимаемое как устойчивая правовая связь лица с государством, сегодня дополняется новым измерением – связью человека с цифровыми платформами и экосистемами, которые берут на себя значительную часть публичных функций.

Abstract

This article analyzes the phenomenon of «digital citizenship» as a qualitatively new form of interaction between individuals, platform structures, and the state in the context of the total digitalization of social relations. Traditional citizenship, understood as a stable legal relationship between an individual and the state, is today being supplemented by a new dimension – the connection of an individual with digital platforms and ecosystems that are taking on a significant portion of public functions.

Ключевые слова: правовой статус, цифровое гражданство, юридические концепции, кодекс платформы, корпоративные экосистемы, конституционное право.

Keywords: legal status, digital citizenship, legal concepts, platform code, corporate ecosystems, constitutional law.

Цифровая трансформация общественных отношений привела к фундаментальным изменениям в природе социальных связей и правового статуса индивида. Традиционное гражданство, понимаемое как устойчивая правовая связь лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей, дополняется новым измерением – цифровым гражданством. Сегодня, когда большая часть публичной коммуникации, экономической активности и даже голосования перемещается в онлайн, именно платформы (цифровые экосистемы) начинают играть роль, сопоставимую с ролью государства в аналоговую эпоху [1]. Возникает вопрос о новой правовой связи – связи человека и платформы, которая требует переосмысления классических юридических концепций.

Для понимания сути новой правовой связи целесообразно провести сравнительный анализ классического и цифрового гражданства. В то время как первое основано на конституции и территориальном суверенитете, второе базируется на кодексе платформы и виртуальном присутствии.

Таблица 1. Сравнение классического и цифрового гражданства

Критерий	Классическое гражданство (связь с государством)	Цифровое гражданство (связь с платформой)
Основание возникновения	Рождение (филиация), натурализация, восстановление	Регистрация (sign-up), принятие пользовательского соглашения (Click-wrap agreement)
Суверен	Государство	Частная корпорация (владелец платформы / экосистемы)
Нормативная база	Конституция, законы о гражданстве, международные договоры	Пользовательское соглашение, политика конфиденциальности, правила сообщества
Права	Право на жизнь, свободу слова, участие в выборах, социальное обеспечение	Право на доступ, на забвение, на портативность данных, на анонимность/псевдоним
Обязанности	Соблюдение законов, уплата налогов, воинская обязанность	Соблюдение правил платформы, предоставление данных, не нарушение цифрового этикета
Территориальный принцип	Принцип территории (ius soli) и крови (ius sanguinis)	Экстерриториальность (действие правил платформы по всему миру)

Критерий	Классическое гражданство (связь с государством)	Цифровое гражданство (связь с платформой)
Ответственность / Санкции	Уголовная, административная ответственность; лишение свободы; лишение гражданства (экспатриация)	Блокировка, бан (временный или вечный), теневой бан (понижение охвата), удаление контента
Защита прав	Национальная судебная система, конституционный надзор, международные суды по правам человека	Внутренние механизмы апелляции платформы, национальные суды (с трудом), органы по защите данных (GDPR)

Как видно из таблицы, платформы выполняют квази-публичные функции, что порождает феномен «горизонтального эффекта» фундаментальных прав. В настоящее время эта проблема особенно актуальна.

Основная коллизия цифрового гражданства заключается в асимметрии власти. Платформа выступает в роли «цифрового суверена», а пользователь – в роли «цифрового гражданина», чьи права находятся в прямой зависимости от алгоритмов и решений корпорации.

Исследователи выделяют ряд системных проблем, которые Ма Чаншань называет «механическим отчуждением» (mechanistic isolation) цифрового гражданина [4]:

Маргинализация в архитектуре платформы: Интерфейсы и функционал могут намеренно ограничивать определенные группы пользователей.

Отстранение от алгоритмических решений: Пользователи часто не знают, на основании каких данных и алгоритмов принимаются решения о ранжировании ленты или блокировке (отсутствие алгоритмической прозрачности) [3].

Объективация в цифровом контроле: человек становится объектом сбора и анализа данных (data commodity), а не субъектом права.

Дегуманизация: замена человеческого общения и суда машинными решениями, что нивелирует индивидуальный подход.

Цифровое гражданство становится второй, параллельной правовой связью современного человека. Если раньше индивид был «сыном» только своего отечества, то теперь он еще и «пользователь» корпоративных экосистем. Новая реальность требует пересмотра доктрины прав человека: необходимо обеспечить, чтобы частная власть платформ ограничивалась правом так же, как когда-то ограничивалась власть государства.

Перспективы развития института связаны с формированием наднациональных стандартов защиты «цифровых граждан» и признанием за пользовательскими соглашениями статуса нормативных документов особого рода, подлежащих публичному контролю. Как справедливо отмечают исследователи, перед наукой конституционного права стоят задачи, аналогичные тем, что решались при формировании классического института гражданства, но уже применительно к цифровой реальности

Список литературы

1. Гаврилова В.Д. Особенности реализации правового статуса цифрового гражданина в России и за рубежом: нормативные и правоприменительные аспекты // Цифровые технологии и право. — 2025. — Т. 1, № 4. — С. 98–104.
2. Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2025. — Т. 29, № 4. — С. 962–980.
3. Кравец И.А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2024. — Т. 17, № 6.
4. Иксанов И.С. Цифровое гражданство: монография. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 191 с.
5. Mossberger K., Tolbert C.J. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. — Cambridge, MA : MIT Press, 2007.

Т.Д. ФЕДОРОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления «Экономика»

Научный руководитель

Н.С. СОГРИНА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. экон. наук, доцент

T.D. FEDOROV

Financial University under the Government of the
Russian Federation, Ural branch,
2nd year, Master's degree program «Economics»

Academic Supervisor

N.S. SOGRINA

Ural branch Financial University
PhD in Economics, Associate Professor

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЁТНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: ОПЫТ АО «КОНАР»

METHODOLOGICAL APPROACHES TO CORPORATE REPORTING IN INDUSTRIAL ENTERPRISES: THE CASE OF JSC «KONAR»

Аннотация. В статье исследованы методические подходы к формированию корпоративной отчётности промышленного предприятия в современных экономических условиях. На основе анализа финансовоэкономических показателей АО «Конар» за 2022–2024 гг. выявлены отраслевые особенности системы отчётности в металлообрабатывающей промышленности: высокая доля оборотных активов, волатильность дебиторской задолженности и консервативная оценка основных фондов в рамках РСБУ. Предложены рекомендации по совершенствованию методики, включающие переход к сегментной отчётности, интеграцию нефинансовых показателей и цифровизацию отчётного процесса.

Ключевые слова: корпоративная отчётность, методические подходы, РСБУ, металлообработка, АО «Конар».

Annotation. The article examines methodological approaches to corporate reporting in industrial enterprises under current economic conditions. Based on the analysis of JSC «Konar» financial indicators for 2022–2024, the industry-specific characteristics of the reporting system are identified: high share of current assets, accounts receivable volatility, and conservative fixed asset valuation under Russian Accounting Standards. Recommendations are proposed for improving the methodology, including segment reporting, non-financial disclosure integration, and digitalization of the reporting process.

Key words: corporate reporting, methodological approaches, Russian Accounting Standards, metalworking industry, JSC «Konar».

В современных экономических условиях корпоративная отчётность выполняет не только информационную, но и стратегическую функцию, обеспечивая прозрачность деятельности организации для инвесторов, кредиторов и регулирующих органов [5, с. 114]. Для промышленных предприятий с длительным производственным циклом и сложной организационной структурой вопрос методологии формирования отчётности приобретает особую актуальность, поскольку выбор подходов к оценке активов и консолидации данных непосредственно влияет на достоверность публикуемых показателей [3, с. 45].

Методические основы формирования корпоративной отчётности

В научной литературе выделяются нормативный, аналитический и системный подходы к формированию корпоративной отчётности [7, с. 89]. В российской практике доминирует нормативный подход, ориентированный на соблюдение требований Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» [9] и положений по бухгалтерскому учёту, утверждённых Приказом Минфина № 66н [8]. Вместе с тем в крупных промышленных группах всё отчётливее проявляется интеграция системного подхода, при котором отчётность рассматривается как инструмент стратегического управления, а не только нормативного соответствия [6, с. 42].

Ключевой методической проблемой для организаций, функционирующих в составе корпоративных групп, является согласование учётной политики между юридическими лицами и корректное отражение внутригрупповых операций. В российском регулировании данная область определяется концепцией юридического контроля, что обуславливает методические различия с моделью экономического контроля, закреплённой в МСФО (IFRS) 10 [2, с. 304]. Принципы оценки активов при этом существенно влияют на аналитическую ценность отчётных данных: преобладающий в РСБУ метод исторической стоимости обеспечивает надёжность показателей, однако ограничивает возможности перспективного анализа [1, с. 295].

Для предприятий с длительным производственным циклом принципиальное значение имеет учёт незавершённого производства. В соответствии с МСФО (IAS) 2 «Запасы» [10] оценка производится по наименьшей из двух величин: себестоимости или чистой стоимости реализации, определяемой как расчётная цена продажи за вычетом затрат на завершение и реализацию продукции. Данный подход позволяет исключить завышение стоимости активов в условиях волатильности производственных затрат.

Анализ системы корпоративной отчётности АО «Конар»

АО «Конар» (г. Челябинск) является управляющим звеном Промышленной Группы КОНАР, специализирующейся на выпуске компонентов для нефтегазового оборудования и энергомашиностроения. По данным отраслевого рейтинга, предприятие занимает второе место в России по выручке в сегменте механической обработки металлических изделий (ОКВЭД 25.62) [4].

Анализ финансово-экономических показателей АО «Конар» за 2022–2024 гг. выявляет ряд значимых тенденций (табл. 1).

Таблица

1 Ключевые финансово-экономические показатели АО «Конар», 2022–2024 гг.

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изм. 2022– 2024
Выручка, млрд руб.	15,4	13,1	30,9	+100,6%
Прибыль от продаж, млрд руб.	2,06	0,25	1,33	–35,4%
Чистая прибыль, млрд руб.	0,14	0,04	0,16	+14,3%
Рентабельность продаж, %	13,4	1,9	4,3	–9,1 п.п.
Валюта баланса, млрд руб.	28,1	26,8	32,5	+15,7%

Составлено по данным корпоративной отчётности АО «Конар» [4].

Наиболее характерной чертой анализируемого периода является двукратный рост выручки в 2024 г. – с 13,1 до 30,9 млрд руб., обусловленный активизацией проектной деятельности в сфере нефтегазового машиностроения и судостроения. Вместе с тем опережающий рост выручки не сопровождался пропорциональным ростом рентабельности: показатель рентабельности продаж снизился с 13,4% в 2022 г. до 4,3% в 2024 г. Это указывает на высокую чувствительность операционной модели к структуре контрактных расценок и опережающему росту управленческих расходов [4].

Структура активов АО «Конар» устойчиво ориентирована на оборотные средства (73,1% баланса в 2024 г.), что типично для предприятий с высоким оборотом производственного цикла. Дебиторская задолженность демонстрировала значительную волатильность: 13,4 млрд руб. в 2022 г. → 8,8 млрд руб. в 2023 г. → 13,1 млрд руб. в 2024 г. – что отражает не ухудшение расчётной дисциплины, а контрактную специфику авансового финансирования крупных производственных проектов. Балансовая стоимость основных средств за период снизилась на 32,3%, что свидетельствует о завершении инвестиционных циклов и накопленном износе [4].

С методической точки зрения отчётность АО «Конар» формируется в соответствии с РСБУ на уровне отдельного юридического лица без публичного раскрытия консолидированной отчётности группы. Данная модель характерна для непубличных акционерных обществ, не обязанных составлять консолидированную отчётность по международным стандартам, однако существенно ограничивает возможности внешних пользователей для оценки совокупных результатов деятельности ПГ КОНАР [6, с. 214]. Отсутствие сегментной отчётности в разрезе дивизионов группы дополнительно снижает аналитическую ценность публикуемых данных.

Рекомендации по совершенствованию методики

На основе проведённого анализа предлагаются следующие методические рекомендации. Во-первых, введение добровольной сегментной отчётности в разрезе производственных дивизионов (литейно-кузнечный, механический, инжиниринговый) позволит повысить прозрачность вклада отдельных направлений в совокупный финансовый результат [5, с. 73]. Во-вторых, интеграция нефинансовых показателей – производительности труда, экологических метрик, социальной отчётности – в соответствии со стандартами GRI и SASB [11, с. 50] обеспечит формирование полноценного интегрированного отчёта и расширит круг потенциальных инвесторов, ориентированных на ESG критерии. В-третьих, цифровизация отчётного процесса посредством внедрения BI-платформ для консолидации данных дочерних предприятий группы сократит временные и операционные издержки подготовки отчётности [3, с. 52].

Реализация предложенных мероприятий позволит АО «Конар» повысить прозрачность корпоративной отчётности, обеспечить её соответствие лучшим практикам промышленной отрасли и укрепить доверие заинтересованных сторон в условиях роста масштабов деятельности.

Список литературы

1. Сотникова, Л.В. Бухгалтерская отчётность организации / Л.В. Сотникова. — Москва: ИПБР-БИНФА, 2019. — 295 с.
2. Ткач, В.И. Международная система учёта и отчётности / В.И. Ткач, М.В. Ткач. — Москва: Финансы и статистика, 2018. — 304 с.
3. Гетьман, В.Г. Реформирование бухгалтерского учёта в России / В.Г. Гетьман // Бухгалтерский учёт. — 2020. — № 5. — С. 45–52.
4. Корпоративная отчётность АО «Конар» за 2022–2024 гг. // Промышленная группа КОНАР: официальный сайт. — Режим доступа: <https://www.konar.ru> (дата обращения: 15.03.2026).
5. Мизиковский, Е.А. Теория бухгалтерского учёта / Е.А. Мизиковский. — Москва: Магистр, 2020. — 382 с.
6. Вахрушина, М.А. Бухгалтерский управленческий учёт / М.А. Вахрушина. — Москва: Омега-Л, 2019. — 570 с.
7. Актуальные проблемы экономики, управления и финансов в контексте глобальных вызовов: коллективная монография / под редакцией Н.В. Угрюмовой. — Челябинск: Перо, 2024. — 153 с.

8. О формах бухгалтерской отчетности организаций: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 02.07.2010 № 66н // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2026).

9. О бухгалтерском учёте: федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2026).

10. Запасы (IAS 2): международный стандарт финансовой отчётности, введён в действие приказом Министерства финансов Российской Федерации от 28.12.2015 № 217н // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2026).

11. Eccles, R.G. The Performance Frontier: Innovating for a Sustainable Strategy / R.G. Eccles, G. Serafeim // Harvard Business Review. — 2013. — Vol. 91, № 5. — P. 50–60.

Р.Р. ХАЛИКОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент IV курса направления подготовки
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Т.А. БАРЧУКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
старший преподаватель

R.R. KHALIKOV

Ural Branch of the Financial University
Fourth-year student majoring in «Public and Municipal Administration»

Academic Supervisor

T.A. BARCHUKOVA

Ural Branch of the Financial University
Senior Lecturer

МИГРАЦИЯ И ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ **MIGRATION AND LABOR RESOURCES OF RUSSIA**

Аннотация

Заметное влияние на демографические процессы оказывают миграции. С ним и связаны половозрастные структуры населения, динамика численности и качественный состав трудовых ресурсов, их размещение и распределение по отраслям народного хозяйства. Количественные и демографические показатели трудовых ресурсов зависят от общественной формы производства и уровня развития производительных сил.

Главным источником пополнения трудовых ресурсов является прирост населения, вступающего в трудоспособный возраст. Однако, современная демографическая ситуация в России такова, что вследствие отрицательного естественного прироста сокращается прирост населения в трудоспособном возрасте. Ограниченные возможности пополнения трудовых ресурсов за счёт собственных источников диктуют необходимость использования в экономике России иммиграционной рабочей силы из стран СНГ. В интересах России поощрение торговой и хозяйственной деятельности иммигрантов в желательном для страны направлении – разумеется, под контролем государства.

Annotation

Migrations have a significant impact on demographic processes. They are related to the sex and age structure of the population, the dynamics of the number and quality of labor resources, and their distribution across sectors of the national economy. The quantitative and demographic indicators of labor resources depend on the social form of production and the level of development of the productive forces. The main source of replenishment of labor resources is the growth of the population entering working age. However, the current demographic situation in Russia is characterized by a decrease in the growth of the working-age population due to negative natural growth. Limited opportunities for replenishing labor resources from domestic sources dictate the need to use immigration labor from the CIS countries in the Russian economy. It is in Russia's interest to encourage the trade and economic activities of immigrants in the direction that is desirable for the country, of course, under the control of the government.

Ключевые слова: миграция, трудовые ресурсы, аккультурация, рынок труда, национальное богатство, экономически активное население, интеллектуальный потенциал.

Key words: migration, labor resources, acculturation, labor market, national wealth, economically active population, and intellectual potential.

Миграции населения – это сложное социальное явление, связанное с перемещением людей и вызванное разнообразием природных и социально-экономических условий, особенностей исторического хозяйственного развития отдельных районов России.

Миграцию можно определить, «как одно из сложнейших общественных явлений, отличающуюся большим разнообразием. Обычно миграционные потоки направляются из менее развитых стран в более развитые страны, экономические районы и регионы, где есть достаточно благоприятные социально-экономические условия» [2].

Различают внутреннюю и внешнюю миграции. Перемещения людей в пределах одной страны по критерию долговременности могут осуществляться, можно рассмотреть в таблице 1.

Таблица 1 – Внутренняя миграция населения

Миграция	Описание
1	2
Межрайонная миграция	Из района в район, безвозвратно
Сезонная миграция	К местам временной учёбы или работы с проживанием в течение нескольких месяцев или лет. Например, работа по контракту, с сохранением возможности возвращения в места постоянного жительства
Маятниковая миграция	Ежедневные поездки на работу и домой, из пригородов в города и обратно

Согласно таблице 1, в маятниковой миграции на территории Российской Федерации участвуют миллионы людей, каждый день. Она увеличивает количественно и дополняет качественно трудовые ресурсы городов, где числорабочих мест превышает собственные трудовые ресурсы.

Внешняя миграция связана с перераспределением населения между странами. Она отражается в общей численности населения государства и качественного состава трудового потенциала страны.

Миграция, «также оказывает влияние на процесс культурной адаптации, являющийся важной оставляющей современного общества. Это процесс культурного обмена на уровне, который в какой-то момент приветствует навыки и умения людей из других культур» [1].

Аккультурацию следует понимать, «как совокупность явлений. Это обусловлено тем, что группы, принадлежащие к разным культурам, вступают в прямое и долговременное общение, изменяя культурную составляющую коренного населения» [1].

Рынок труда – это совокупность социально трудовых отношений по поводу найма и использования рабочей силы в общественном производстве.

Трудовые ресурсы «представляют собой часть населения, обладающую необходимыми физическими, умственными и профессиональными качествами для участия в общественно-полезной деятельности. Трудовые ресурсы формируются на протяжении многих поколений,

оказывая значительное влияние на экономическую ситуацию в стране и уровень благосостояния общества» [3].

Трудоспособное население Российской Федерации можно рассмотреть в таблице 2.

Таблица 2 – Трудоспособное население России

Население	Возраст	Исключение
1	2	3
Мужчины	от 16 до 59 лет	Неработающие инвалиды I и II групп, и лиц, вышедших на пенсию на льготных условиях, а также занятые общественно-производительным трудом пенсионеры и подростки от 14 до 16 лет
Женщины	от 16 до 54 лет	

Согласно таблице 2, количество работающих лиц, вышедших на пенсию по старости, продолжают вести трудовую деятельность. Эта тенденция имеет личные, финансовые и социальные мотивы.

К экономически активному населению относятся занятые и безработные граждане трудоспособного возраста, от 16 до 72 лет, по определению Международной организации труда (МОТ). Также, к занятым относятся учащиеся очных форм образования, учёба приравнивается к занятости.

За период с 1991 по 2025 год, занятые лица в Российской Федерации составляли, в среднем, 69,75 млн. человек, достигнув исторического максимума в 2024 году (74,80 млн. человек) и рекордного минимума в 1999 году (60,40 млн. человек), можно рассмотреть на рисунке 1.

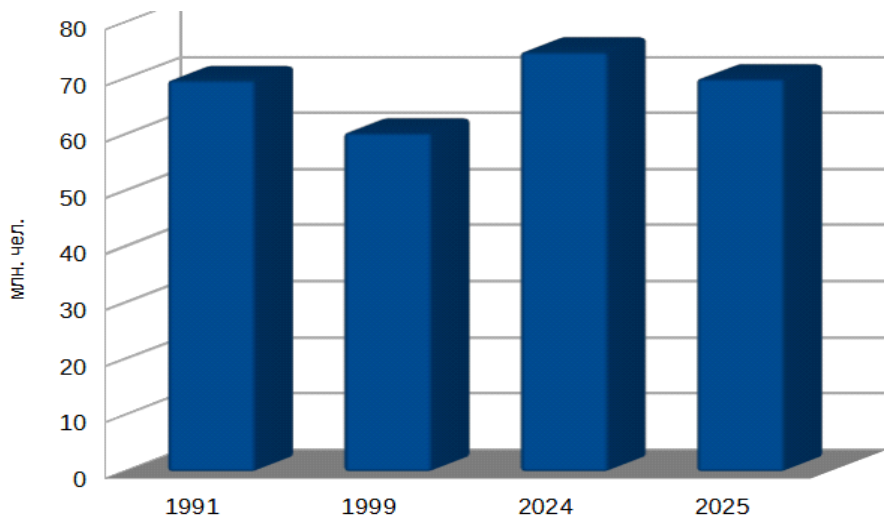


Рисунок 1 – Количество занятых лиц

Согласно прогнозу, в долгосрочной перспективе, количество занятых лиц в Российской Федерации увеличится до 73,30 млн. человек в 2026 году и 73,40 млн. человек в 2027 году.

Миграции и трудовые ресурсы взаимосвязаны. Миграция обеспечивает территориальное перераспределение трудовых ресурсов, от состояния трудовых ресурсов зависит экономическое развитие отрасли или региона, экономического района, страны в целом. При этом последствия миграции неоднозначны, миграции могут носить как положительный, так и отрицательный общественный характер и рынок труда.

Влияние миграции на развитие населения неоднозначно. Рост подвижности населения способствует углублению территориального разделения труда, совершенствованию систем транспорта и связи. Миграции требуют от государства больших материальных затрат. Поэтому, они экономически эффективны в том случае, если направления и масштабы миграционных потоков соответствуют потребностям народного хозяйства, а текучесть мигрантов сводится к минимуму.

Сокращение занятости в экономике России не является результатом прогрессивных структурных изменений, модернизация производств, повышения его научно-технического уровня. В условиях активно, развивающейся стремительно растущей, рыночной экономики стране требуется не просто занятость, а занятость эффективная, основанная на исключительном праве человека распоряжаться своими способностями к труду.

Государственное управление миграцией направлено на внутреннюю политику, которая реализуется органами публичного управления федерального, регионального и местного уровней, на обеспечение социально-экономического развития региональных территорий за счёт управления миграционными процессами.

Регулирующая роль государства направлена на создание рыночной инфраструктуры, преодоление социальной напряжённости на рынке труда и недопущение массовой безработицы. Для достижения этой цели предусматривается целый комплекс мер. Например, создание сети учебных центров, занимающихся профессиональной подготовкой и переподготовкой трудоспособного населения, в основном, молодёжи и лиц, уволенных из вооружённых сил.

Государственный аппарат способствует снижению эмиграции и созданию условий для развития интеллектуального потенциала на благо Отечества, способствующий стремительному экономическому росту и **национальному богатству**, «эффективность использования материального, технического и интеллектуального потенциала государственного напрямую

зависит от качества трудовых ресурсов, которое определяется профессионально-квалификационными образовательными характеристиками рабочей силы» [4].

Сохранение национального **интеллектуального потенциала** – одна из важнейших задач, стоящих перед российским обществом.

Список литературы

1. Троянская М.А. Миграция населения. Понятие, виды и значение для территорий. С. 356-360.
2. Пухова М.М., Дорошина И.П., Ходжаева И.Г. Теоретические основы миграции. С. 13-16.
3. Валханов Р.Ю. Оценка состояния трудовых ресурсов Российской Федерации. С. 227-236.
4. Асанова Л.Р., Демироглу Н.Б. Таврический научный обозреватель. № 11 (16) – ноябрь 2016

Н.А. ЧЕРЕПАНОВ

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (Уральский филиал)
магистрант 1 курса направления подготовки
«Экономика»

А.С. КОЗИНА

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (Уральский филиал)
магистрант 1 курса направления подготовки
«Экономика»

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (Уральский филиал)

N.A. CHEREPANOV

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch)
1st year master's student majoring in Economics

A.S. KOZINA

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch)
1st year master's student majoring in Economics

Scientific supervisor

A.V. DUBYNINA

Ph.D. in Economics, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch)

УЧЕТНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЕТНОСТИ

ACCOUNTING AND LEGAL SUPPORT OF INTERNAL CONTROL IN THE PROCESS OF CORPORATE REPORTING FORMATION

Аннотация

В статье рассмотрены учетные и правовые основания построения системы внутреннего контроля при формировании корпоративной отчетности. Обоснована необходимость увязки требований бухгалтерского законодательства, принципов корпоративного управления и контрольных процедур на уровне бизнес-процессов. Предложены практические направления совершенствования внутреннего контроля, обеспечивающие достоверность, своевременность и прозрачность корпоративной отчетности.

Annotation

The article examines the accounting and legal foundations for building an internal control system in the process of corporate reporting formation. It substantiates the need to align accounting regulation, corporate governance principles and control procedures at the business-process level. Practical directions for improving internal control are proposed to ensure the reliability, timeliness and transparency of corporate reporting.

Ключевые слова: внутренний контроль, корпоративная отчетность, бухгалтерский учет, корпоративное управление, контрольные процедуры, комплаенс.

Key words: internal control, corporate reporting, accounting, corporate governance, control procedures, compliance.

В условиях усложнения корпоративных структур и усиления требований к прозрачности бизнеса корпоративная отчетность перестает быть исключительно итогом работы бухгалтерской службы. Она выступает инструментом управления, коммуникации с собственниками, кредиторами, инвесторами и иными заинтересованными сторонами. По этой причине вопрос о качестве отчетной информации должен рассматриваться не только в учетной, но и в правовой и организационной плоскости. Законодательство о бухгалтерском учете закрепляет единые требования к формированию бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также возлагает на экономический субъект обязанность организовать учетный процесс надлежащим образом [4].

Система внутреннего контроля в процессе формирования корпоративной отчетности представляет собой совокупность взаимосвязанных процедур, обеспечивающих законность хозяйственных операций, полноту отражения фактов хозяйственной жизни, корректность оценочных суждений и своевременность подготовки отчетных форм. С позиций корпоративного управления внутренний контроль должен быть встроен в общую архитектуру ответственности и подотчетности: от собственников и совета директоров до руководителей функциональных подразделений и исполнителей. В Кодексе корпоративного управления внутренний контроль рассматривается как важнейший элемент системы управления рисками и обеспечения достоверности раскрываемой информации [2].

С учетной точки зрения ключевое значение имеют корректно выстроенная учетная политика, документированность бизнес-процессов, разграничение полномочий и контрольных функций, а также наличие процедур сверки и подтверждения данных. Наиболее уязвимыми участками остаются признание доходов и расходов, оценка резервов, учет расчетов с контрагентами, отражение внутрикорпоративных операций и формирование консолидированных показателей. Ошибки на этих этапах способны привести не только к искажению отчетности, но и к налоговым, репутационным и управленческим потерям. Международные подходы к внутреннему контролю подчеркивают, что эффективная система строится не на единичных проверках, а на постоянном функционировании контрольной среды, оценке рисков, контрольных действиях, информационном обмене и мониторинге [6].

Правовой аспект внутреннего контроля проявляется в необходимости формализовать контрольные процедуры во внутренних регламентах организации. Недостаточно декларировать наличие контроля; требуется закрепить владельцев процессов, перечень контрольных точек, сроки выполнения проверок, порядок документирования отклонений и механизм корректирующих действий. Существенное значение имеют также требования аудиторских стандартов к пониманию системы внутреннего контроля и оценке рисков существенного искажения отчетности. Эти положения ориентируют организацию на риск-ориентированный подход, при котором контроль концентрируется на наиболее значимых участках подготовки отчетной информации [3].

На практике в российских организациях часто сохраняется формальный подход к внутреннему контролю: часть процедур не описана, отдельные проверки дублируются, а значительный объем операций обрабатывается вручную. В результате контроль становится запаздывающим и не предотвращает ошибки на ранней стадии. Для решения данной проблемы целесообразно выстраивать матрицу рисков и контрольных процедур по циклам формирования отчетности, увязывать контрольные действия с первичными документами и маршрутами согласования, использовать цифровой след операций и автоматизированные

журналы изменений. Такой подход повышает проверяемость данных и позволяет своевременно выявлять отклонения [1].

Особое внимание следует уделять взаимодействию бухгалтерской, юридической, финансовой и внутренней контрольной функций. Корпоративная отчетность формируется на стыке различных зон ответственности, поэтому отсутствие единых правил обмена информацией снижает качество итогового результата. Внутренние регламенты должны определять не только перечень документов и сроков, но и правила согласования спорных оценок, порядок подготовки раскрытий, критерии существенности и процедуру эскалации выявленных нарушений. В этой связи полезным является сочетание традиционных учетных инструментов с аналитическими процедурами и контрольным тестированием, что позволяет оценивать не только факт наличия ошибки, но и причины ее возникновения [5, с. 214].

Таким образом, учетно-правовой аспект построения системы внутреннего контроля процесса формирования корпоративной отчетности заключается в согласовании требований законодательства, принципов корпоративного управления и внутренних регламентов организации. Эффективная система внутреннего контроля должна быть непрерывной, документированной, распределенной по уровням ответственности и ориентированной на существенные риски. Ее совершенствование связано с развитием локальной нормативной базы, автоматизацией контрольных процедур, регулярным мониторингом отклонений и усилением персональной ответственности участников отчетного процесса. Именно в таком виде внутренний контроль способен обеспечить достоверность корпоративной отчетности и повысить доверие к ней со стороны пользователей.

Список литературы

1. Аудит: учебник для вузов / под редакцией В.И. Подольского. – Москва: Юрайт, 2023. – 362 с.
2. Кодекс корпоративного управления. – Москва: Банк России, 2014. – 92 с.
3. Международный стандарт аудита 315 (пересмотренный 2019) «Выявление и оценка рисков существенного искажения посредством изучения организации и ее окружения». – Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
4. О бухгалтерском учете: федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
5. Шеремет, А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: учебник / А.Д. Шеремет. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 415 с.

6. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. Internal Control - Integrated Framework. – Durham: AICPA, 2013. – 960 p.

Н.А. ЧЕРНЕНКО

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Н.В. УГРЮМОВА

канд. экон. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

N.A. CHERNENKO

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«Management»

Scientific supervisor

N.V. UGRYUMOVA

PhD in Economics, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ПРАКТИКИ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА (LEAN MANAGEMENT) В МАЛОМ БИЗНЕСЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И АДАПТАЦИЯ

LEAN MANAGEMENT PRACTICES IN SMALL BUSINESS: EFFICIENCY AND ADAPTATION

Аннотация

В статье рассматривается возможность и эффективность применения инструментов бережливого производства в секторе малого предпринимательства. Анализируются ключевые барьеры внедрения, такие как ограниченность ресурсов и сопротивление персонала, а также факторы успеха. На основе анализа практических кейсов делается вывод о том, что адаптированные концепции Lean Management позволяют малым предприятиям значительно повысить операционную эффективность без значительных капитальных затрат.

Annotation

The article examines the possibility and effectiveness of applying lean manufacturing tools in the small business sector. It analyzes key implementation barriers, such as limited resources and staff resistance, as well as success factors. Based on the analysis of practical cases,

it is concluded that adapted Lean Management concepts allow small enterprises to significantly increase operational efficiency without significant capital investments.

Ключевые слова: бережливое производство, Lean Management, малое предпринимательство, оптимизация процессов, устранение потерь, эффективность бизнеса.

Key words: lean manufacturing, Lean Management, small business, process optimization, waste elimination, business efficiency.

В условиях экономической нестабильности малый бизнес ищет инструменты повышения эффективности без значительных инвестиций. Концепция бережливого производства (Lean Management) традиционно ассоциируется с крупным производством, однако ключевым вопросом становится её адаптация к масштабам малого предприятия. Цель работы — ответить на вопрос: можно ли применять Lean в малом бизнесе эффективно?

Распространённое заблуждение собственников — мнение о необходимости масштабных вложений в автоматизацию и консультантов. Однако основу Lean составляют не технологии, а философия постоянного улучшения (Kaizen) и уважение к сотруднику [1, с. 45]. Для малого бизнеса внедрение базовых инструментов (5S, визуальный менеджмент) не требует существенных затрат, но позволяет быстро высвободить скрытые ресурсы.

Анализ практик показывает, что главный барьер — не отсутствие финансов, а низкая вовлечённость персонала и дефицит времени у собственника [2, с. 112]. При этом преимущества Lean в малом бизнесе проявляются ярче: короткий цикл принятия решений и отсутствие бюрократии ускоряют внедрение изменений.

Ключевой фактор эффективности — адаптация инструментария. Для небольшой мастерской или офиса достаточно начать с картирования потока создания ценности (Value Stream Mapping), чтобы увидеть операции, не добавляющие ценности клиенту. Сокращение потерь позволяет увеличить производительность на 15–20% без расширения штата [3, с. 58].

Для проверки эффективности адаптированных Lean-инструментов был проведен анализ внедрения в двух малых предприятиях различных сфер деятельности.

Кейс 1. Производственное предприятие ООО «МеталлПром» (г. Челябинск, численность персонала — 24 человека). До внедрения на складе сырья и готовой продукции наблюдались потери, связанные с лишними перемещениями рабочих (в среднем 45 минут в смену тратилось на поиск инструмента и заготовок), а также избыточные запасы материалов. Руководством было

принято решение о внедрении системы 5S и визуального менеджмента без привлечения внешних консультантов. В течение двух месяцев была проведена сортировка складских зон, маркировка мест хранения, разработаны стандарты уборки рабочих мест. Результаты: сокращение времени на подготовку оборудования на 27%, снижение запасов сырья на 18%, увеличение производительности труда на 14% без найма дополнительных сотрудников. Затраты на реализацию составили менее 15 тыс. рублей (приобретение маркировочной ленты, стендов и канцелярских принадлежностей).

Кейс 2. Предприятие сферы услуг — стоматологическая клиника «Дента-Сервис» (г. Екатеринбург, численность персонала — 12 человек).^{*} Основной проблемой были длительные ожидания пациентов из-за несогласованности действий администраторов и медицинского персонала, а также нерациональное размещение расходных материалов в кабинетах. Внедрение инструмента «картирование потока создания ценности» позволило выявить, что 35% времени пребывания пациента в клинике приходится на операции, не создающие ценности (ожидание, поиск документов, перемещения). Был пересмотрен маршрут движения пациентов, внедрена визуальная система информирования врачей о готовности кабинета, организованы канбан-карты для пополнения расходных материалов. Результаты: время обслуживания одного пациента сократилось с 65 до 48 минут, удовлетворенность клиентов по опросам выросла на 22%, выручка клиники увеличилась на 12% за счет увеличения пропускной способности без расширения штата.

Представленные кейсы демонстрируют, что внедрение Lean-технологий в малом бизнесе возможно даже при минимальном бюджете. Общими факторами успеха в обоих случаях выступили: личная вовлеченность собственника (руководителя), обучение персонала базовым принципам бережливого производства, а также поэтапное внедрение инструментов с фиксацией промежуточных результатов.

Важно отметить, что эффективность Lean в малом бизнесе напрямую зависит от стиля лидерства. Руководитель малого предприятия выступает не только инвестором, но и главным агентом изменений. В отличие от крупных корпораций, где возможно делегирование внедрения наемным менеджерам, в малом бизнесе личный пример собственника является критическим условием успеха. Исследования показывают, что проекты по оптимизации, инициированные первым лицом, имеют в 2 раза более высокий уровень устойчивости результатов [4, с. 56].

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, можно утверждать, что применение концепций Lean малыми предприятиями не только возможно, но и является высокоэффективным инструментом повышения конкурентоспособности. Эффективность

достигается не за счет копирования корпоративных стандартов, а за счет гибкой адаптации базовых принципов (минимизация потерь, ориентация на ценность для клиента, вовлечение персонала) к специфике малого бизнеса. Отсутствие жесткой иерархии и возможность быстрой коммуникации в малых коллективах создают уникальную среду для быстрой реализации улучшений. Следовательно, Lean Management из конкурентного преимущества крупных игроков превращается в необходимую практику выживания и устойчивого развития для малых предприятий в эпоху перемен.

Список литературы

1. Вумек, Дж. П. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Дж. П. Вумек, Д. Т. Джонс; пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2021. – 472 с.
2. Ишкина Е. Г. Применение Lean-технологий на малых производственных предприятиях // Вестник Сургутского государственного университета. — 2020. — № 1 (27). — С. 53-59. — DOI 10.34822/2312-3419-2020-1-53-59.
3. Лайкер, Д. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / Д. Лайкер; пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2020. – 402 с.
4. Туровец, О. Г. Организация производства и менеджмент: учебное пособие / О. Г. Туровец, В. Н. Родионова. – Воронеж: ВГТУ, 2020. – 124 с.

К.Д. ШАКАМАЛОВА, М.И. АГАПЕЕВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал, 2 курс,
направление подготовки «Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

БАРЧУКОВА Т.А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал
старший преподаватель кафедры

SHAKAMALOVA K.D.

AGAPEEVA M.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch, 2 course,
the preparation direction «State and municipal administration»

Academic Supervisor

BARCHUKOVA T.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch,
Senior Lecturer of the department

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES

Аннотация

В работе раскрываются сущность и основные направления внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность органов государственной власти. Проведён анализ текущего нормативно-правового регулирования использования ИИ в публичном управлении, выявлены ключевые правовые и этические риски, такие как отсутствие единой методологии оценки эффективности, нормативная неопределённость статуса решений, недостаточный уровень защиты персональных данных и отсутствие механизмов ответственности. На основе сравнительного анализа опыта Китая и США предложены меры по совершенствованию правовых механизмов и этического регулирования.

Annotation

The paper reveals the essence and main directions of the introduction of artificial intelligence technologies in the activities of public authorities. An analysis of the current regulatory framework for the use of AI in public administration has been conducted, and key legal and ethical risks have been identified, such as the lack of a unified methodology for evaluating effectiveness, regulatory uncertainty about the status of decisions, insufficient protection of personal data, and lack of accountability mechanisms. Based on a comparative analysis of the experience of China and the United States, measures are proposed to improve legal mechanisms and ethical regulation.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, правовое регулирование.

Keywords: artificial intelligence, public administration, legal regulation.

Под искусственным интеллектом понимается способность компьютерных программ выполнять задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта: распознавание речи, принятие решений, визуальное восприятие, обработку естественного языка, обучение на основе опыта. Нормативную основу использования ИИ в Российской Федерации составляют три ключевых документа. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, определяющую основные направления и принципы развития ИИ в стране [1; 4]. Распоряжение

Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2998-р закрепило стратегическое направление цифровой трансформации государственного управления, где ИИ назван одним из приоритетов модернизации госуслуг и управления [2]. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта установил общие этические принципы и стандарты поведения участников отношений в сфере ИИ, а также механизмы реализации его положений [3].

Анализ практики позволяет выделить четыре основные сферы внедрения ИИ в деятельность ОГВ. В документообороте и делопроизводстве нейросети анализируют текст входящих документов, определяют тематику, срочность и гриф секретности, автоматически назначают исполнителя без участия секретариата. Генеративные нейросети готовят черновики ответов на типовые обращения граждан на основе архива ранее принятых решений, а сотрудник ОГВ выступает в роли верификатора. В сфере контроля и надзора ИИ обрабатывает тысячи страниц ежемесячных отчётов подведомственных учреждений, выявляя аномалии, противоречия в цифрах и нецелевое использование средств быстрее, чем ревизионная группа. При противодействии коррупции ИИ используется для автоматической проверки достоверности сведений о доходах и имуществе госслужащих путём сверки задекларированных данных с открытыми реестрами и выявления логических несоответствий.

Внедрение ИИ в государственное управление даёт ряд преимуществ: автоматизация рутинных процессов сокращает время и трудозатраты; аналитика позволяет прогнозировать преступность, бюджетные риски, повышая обоснованность решений; чат-боты и голосовые помощники обеспечивают круглосуточный доступ к госуслугам; автоматизированный контроль (налоговые проверки, мониторинг госзакупок) снижает коррупционные риски. Однако эти же процессы порождают серьёзные правовые и этические риски.

Правовые риски включают отсутствие правовой определённости: не разработаны единые стандарты ответственности за решения, принятые ИИ, что затрудняет применение традиционных норм об административной и судебной защите. Проблема прозрачности и объяснимости делает невозможным для гражданина понять, почему ему отказано в услуге или вынесено решение, нарушая право на обжалование. Массовый сбор и анализ персональных данных (биометрия, геолокация, транзакции) при отсутствии строгих гарантий создаёт угрозу тотальной слежки и нарушает право на приватность. Дополнительным риском выступает кибербезопасность: ИИ-системы становятся целями для атак, что может привести к сбоям в критической инфраструктуре.

Этические риски не менее значимы. Алгоритмы могут усиливать существующие социальные предубеждения, если обучались на нерепрезентативных данных, что проявляется в дискриминации при распознавании лиц или оценке кредитоспособности. Автоматизация услуг способна исключить граждан без доступа к интернету или цифровым навыкам

(пожилых, маломобильных), усугубляя цифровое неравенство. Отсутствие понятных правил использования ИИ и механизмов обжалования «машинных» решений снижает доверие к государственным институтам, порождая правовой нигилизм.

Для выработки сбалансированного подхода полезен сравнительный анализ. Китай активно использует ИИ для повышения эффективности госуправления и улучшения городских услуг. Например, в 2025 году в районах Шэньчжэня ИИ-ассистент помогал обрабатывать документы, управлять чрезвычайными ситуациями и привлекать инвестиции. Время проверки документов сократилось на 90%, количество ошибок — менее 5%, точность разделения запросов на общественные услуги увеличилась с 70% до 95% [5]. В судебной системе Китая ИИ автоматически классифицирует дела по категориям и уровню сложности, структурирует и индексирует материалы, извлекает ключевую информацию, создаёт проекты процессуальных документов. США фокусируются на использовании ИИ для оптимизации госуслуг и национальной безопасности, делая акцент на прозрачность, безопасность и этику. Применяется модель «регулирования по сценариям», позволяющая гибко адаптировать нормы под конкретные отрасли и пилотные проекты.

Россия активно перенимает китайский подход к автоматизации рутинных процессов в госуправлении, особенно в сфере документооборота и обработки обращений граждан. Подобные решения внедряются в рамках концепции «единого цифрового ядра» и пилотных проектов в регионах (Татарстан, Свердловская область) [5]. Китайский опыт автоматизации судебных процессов изучается, однако в России ИИ пока ограничивается вспомогательными функциями, оставляя за судьёй принятие ключевых решений. В выборе модели регулирования Россия ориентируется на американский путь «регулирования по сценариям», что позволяет быстро тестировать технологии без избыточных бюрократических барьеров. Как и в США, где налоговая служба выявляет мошенничество с точностью 89%, Россия делает ставку на измеримые результаты: внедрение ИИ-ассистентов в Подмосковье сократило время проверки документов на 90% и снизило количество ошибок до менее 5% [5].

Системный анализ внедрения ИИ в органы государственной власти РФ выделяет четыре основные проблемы. Первая — низкий уровень цифровой зрелости и охвата внедрением, что объясняется неравномерностью развития регионов, локальным характером проектов и нахождением большинства из них на стадии пилотных запусков. Вторая — кадровый голод и нехватка компетенций, вызванные низкой квалификацией персонала в области ИИ и отсутствием культуры работы с большими данными. Третья — инфраструктурные ограничения и санкционное давление, связанные с нехваткой вычислительных мощностей и электронной компонентной базы, зависимостью от

импортного оборудования. Четвёртая – недоверие к технологиям и риски безопасности, обусловленные технофобией на уровне руководства, опасениями за безопасность персональных данных и угрозы физического вреда от систем ИИ [5]. Для их преодоления необходимы принятие национального плана внедрения ИИ в государственное управление с определением ключевых показателей эффективности; привлечение IT-специалистов через повышение оплаты труда и гибкие условия, а также проведение обучающих программ; разработка и производство отечественных технологических решений, включая фундаментальные генеративные модели ИИ и электронную компонентную базу; приоритетное использование отечественных моделей ИИ в госуправлении для обеспечения безопасности и унификация кодексов этики и технических стандартов [5].

Таким образом, мы рассмотрели развитие технологий искусственного интеллекта в деятельности органов государственной власти.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
2. Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 44. – Ст. 7472.
3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (одобрен на заседании Наблюдательного совета АНО «Цифровая экономика» 26.10.2021). – URL: <https://data-economy.ru/aiethics> (дата обращения: 26.03.2026).
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490). – СПС «КонсультантПлюс».
5. Отчет о реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта за 2024 год. – Официальный сайт Минцифры России. – URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2026).

М.В. ШЕСТАКОВА

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Красноярский филиал

M.V. SHESTAKOVA

Financial University under the Government
Russian Federation, Krasnoyarsk Branch

ОПТИМИЗАЦИЯ СКЛАДСКОЙ ЛОГИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК

WAREHOUSE LOGISTICS OPTIMIZATION IN THE CONTEXT OF SUPPLY CHAIN DIGITALIZATION

Аннотация

В статье рассматриваются направления оптимизации складской логистики в контексте цифровизации цепей поставок. Показано, что ключевой эффект достигается за счет интеграции складских процессов с корпоративными и межорганизационными информационными системами, применения WMS/ERP/TMS, технологий идентификации (штрихкодирование, RFID), аналитики данных и алгоритмов управления запасами, а также за счет изменения организационных регламентов.

Abstract

This article examines areas of warehouse logistics optimization in the context of supply chain digitalization. It demonstrates that key benefits are achieved through the integration of warehouse processes with corporate and interorganizational information systems, the use of WMS/ERP/TMS, identification technologies (barcoding, RFID), data analytics, and inventory management algorithms, as well as through changes to organizational procedures.

Ключевые слова: складская логистика, цифровизация, цепи поставок, WMS, RFID, аналитика данных, оптимизация, KPI.

Keywords: warehouse logistics, digitalization, supply chains, WMS, RFID, data analytics, optimization, KPI.

Склад как элемент цепи поставок выполняет функции концентрации запасов, выравнивания спроса и предложения, комплектации и подготовки отгрузок. В условиях роста ассортимента, сокращения жизненного цикла продукции и повышения требований к уровню сервиса складская логистика становится одной из ключевых зон формирования издержек и конкурентных преимуществ. Одновременно цифровизация цепей поставок переводит управление логистикой в режим сквозной прозрачности: данные о запасах, заказах, транспортных операциях и статусах поставок становятся доступными в близком к реальному времени формате. Это создает предпосылки для оптимизации складских процессов не только «внутри склада», но и на уровне всей сети.

Оптимизация складской логистики традиционно включает проектирование складской системы (планировка, зоны, типы хранения), управление запасами, управление ресурсами

(персонал, техника), управление операциями (приемка, размещение, пополнение, отбор, упаковка, отгрузка) и контроль качества/потерь.

Склад в цифровой цепи поставок рассматривается как узел сети, где синхронизируются потоки: материальный, информационный и финансовый. Поэтому максимальный эффект достигается не только за счет локальных улучшений (например, ускорения отбора), но и за счет интеграции с планированием продаж и операций (S&OP), прогнозированием спроса и транспортной логистикой.

Для устойчивой оптимизации склада необходима интеграция с ERP и TMS. Минимальный уровень цифровизации — штрихкодирование. RFID выгоден там, где важна скорость и массовость: кросс-докинг, паллетные операции, учёт тары. Технологии идентификации сокращают ошибки и ускоряют приёмку/инвентаризацию. Внедрение RFID оправдано, если выигрыш от скорости и снижения потерь превышает стоимость меток и оборудования. Часто лучший результат даёт гибрид: штрихкод на единицу, RFID на паллету/контейнер.[3]

Цифровизация дает доступ к данным (история заказов, сезонность, возвраты) для аналитики, что помогает принимать верные решения. Для управления ассортиментом полезны методы ABC (по обороту) и XYZ (по стабильности спроса).

Автоматизация выгодна при больших объемах и высоких затратах на труд. Конвейеры и сортировка увеличивают скорость и снижают ошибки, а роботы AMR делают процессы гибче и быстрее.

На старте лучше внедрять недорогие улучшения: стандартизировать адресацию и маркировку, оптимизировать топологию склада, настроить слоттинг, ввести сканирование в контрольных точках и управлять временными окнами приемки/отгрузки. Это быстро дает результат и готовит базу для дальнейшей автоматизации.

Внедрение WMS — это прежде всего организационный проект. Важно обучить персонал, пересмотреть регламенты и ввести мотивацию за качество. Сопротивление коллектива и плохие данные — главные риски, поэтому нужны суперпользователи и единые правила работы.[1]

Когда база налажена, систему расширяют: подключают прогнозирование нагрузки (labor planning), оптимизируют смены, управляют приоритетами заказов и интегрируют с планированием спроса. Для проверки гипотез (например, изменения планировки) используют цифровые двойники.

Автоматизацию внедряют позже, когда объёмы растут и есть понимание, где теряется больше всего времени и совершается ошибок.[2]

Рассматривая KPI и оценку эффекта цифровой оптимизации склада для доказуемости результатов необходима, система показателей, разделенная на сервисные, операционные и экономические.

Оценка эффекта проводится через сравнение «до/после» с учетом сезонности и изменения ассортимента. Для корректности используются пилотные зоны или контрольные периоды, а также нормирование по объему.

В эпоху цифровизации при оптимизации склада присутствуют и риски, которые могут повлиять на функционирование склада: низкое качество исходных данных (габариты, упаковка, штрихкоды), недооценка сложности интеграций, отсутствие владельцев процессов, завышенные ожидания от автоматизации, неготовность инфраструктуры (Wi-Fi, терминалы, принтеры этикеток), а также киберриски и вопросы доступности систем. Для снижения рисков требуется поэтапное внедрение, тестирование на реальных сценариях, резервные процедуры на случай простоев, а также регламент управления изменениями в справочниках.

Оптимизация складской логистики в условиях цифровизации цепей поставок представляет собой переход от локальных улучшений к сквозному управлению потоками на основе данных. Наиболее устойчивый эффект достигается сочетанием трех факторов: стандартизации процессов, внедрения WMS и интеграции с ERP/TMS/партнерскими системами, а также применения аналитики и алгоритмов управления запасами и операциями. Роботизация и автоматизация усиливают результат, но требуют зрелости процессов и надежной информационной основы. В итоге цифровой склад становится не только центром затрат, но и источником измеримого конкурентного преимущества за счет скорости, точности и предсказуемости исполнения заказов.

Список литературы

1. Аверьянова, П. А. Цифровизация логистических процессов на складе / П. А. Аверьянова, И. А. Пузанова // Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика : материалы IV Национальной научно-образовательной конференции. В двух частях, Санкт-Петербург, 12–14 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 260-265.

2. Кондраненкова П. А. Совершенствование складской логистики в условиях цифровизации // Символ науки. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-skladskoy-logistiki-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 23.03.2026).

3. Примаков Н. В., Гавронова П.Д. Складская логистика в условиях цифровой трансформации // Научный журнал КубГАУ. 2024. №201. URL:

А.А. ЯКОВЕНКО

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
студент II курса направления подготовки
«Экономика»

Научный руководитель

А.В. ДУБЫНИНА

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
канд. экон. наук., доцент

A.A. YAKOVENKO

Ural Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
Second-year student majoring in Economics

Academic Supervisor

A.V. DUBYNINA

Ural Branch of the Financial University
under the Government of the Russian
PhD in Economics, Associate Professor

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА

ECONOMIC CONSEQUENCES OF MARKETPLACE DEVELOPMENT FOR SMALL BUSINESSES

Аннотация

В статье анализируется влияние маркетплейсов на развитие малого бизнеса в условиях цифровой трансформации экономики. На основе российских и зарубежных источников выявлены ключевые эффекты платформенной модели: снижение барьеров входа и расширение географии сбыта – с одной стороны, и усиление зависимости продавцов от правил платформ – с другой. Показано, что маркетплейсы трансформируют традиционную розницу, стимулируя переход к омниканальным стратегиям. Обоснована оптимальность диверсификации каналов продаж для повышения конкурентоспособности малого бизнеса.

Abstract

The article examines the impact of marketplaces on the development of small businesses in the context of digital economic transformation. Drawing on Russian and international sources, it identifies the key effects of the platform model: lower entry barriers and expanded market reach, on the one hand, and increased seller dependence on platform rules, on the other. It demonstrates that marketplaces are transforming traditional retail by encouraging the adoption of omnichannel strategies. The paper argues that diversifying sales channels is the optimal strategy for enhancing the competitiveness of small businesses.

Ключевые слова: малый бизнес, маркетплейсы, омниканальность, платформенная зависимость, платформенная экономика, транзакционные издержки, цифровая трансформация.

Key words: digital transformation, marketplaces, omnichannel, platform dependence, platform economy, small business, transaction costs.

Развитие маркетплейсов является одним из наиболее заметных проявлений цифровой трансформации экономики. Ещё несколько лет назад интернет-торговля воспринималась преимущественно как дополнительный канал продаж, тогда как сегодня крупные цифровые платформы выступают в роли самостоятельной торговой инфраструктуры. Маркетплейсы, таким образом, превращаются не просто в технологические площадки, а в полноценный экономический институт.

С экономической точки зрения маркетплейс представляет собой многостороннюю платформу, связывающую продавцов и покупателей. Согласно классической теории двусторонних рынков, ценность такой платформы создаётся за счёт сетевых эффектов (взаимное притяжение групп) и целенаправленной координации: платформа устанавливает правила входа, распределяет видимость товаров и определяет условия конкуренции между продавцами [8, с. 1315–1316; 13, с. 990–991].

Для малого предпринимателя маркетплейс оказывается одновременно возможностью и риском. Он дает доступ к рынку, но лишает продавца полной автономии в вопросах ценообразования, продвижения и взаимодействия с клиентом. Выход на платформу нередко воспринимается как «быстрый старт» без долгосрочной стратегии, тогда как комбинированная модель сбыта обеспечивает большую устойчивость и гибкость бизнеса [7, с. 218].

Маркетплейсы выступают значимым каналом коммерциализации, особенно для компаний с ограниченными ресурсами, которым трудно самостоятельно поддерживать полноценную цифровую инфраструктуру. Вместе с тем платформы не ограничиваются

ролью информационных посредников: они обладают значительной рыночной властью, позволяющей им устанавливать комиссионные сборы, регулировать условия продвижения и, таким образом, диктовать параметры ценовой конкуренции между продавцами [3, с. 94]. В этой связи современный малый бизнес вступает не просто в рынок, а в экосистему, где условия игры заданы извне.

Главное преимущество маркетплейсов – снижение барьеров входа. Платформа предоставляет предпринимателю готовую операционную инфраструктуру, включающую программно-инженерный комплекс, логистический, финансовый и рекламный блоки. Если раньше для выхода в онлайн предпринимателю требовались собственный сайт, маркетинговый бюджет, логистика и платежный контур, то теперь эти функции интегрированы в экосистему маркетплейса, что уменьшает стартовую стоимость бизнеса и расширяет круг компаний, способных начать продажи в цифровой среде. Кроме того, маркетплейсы расширяют географию сбыта до национального и международного уровней, снижают издержки на продвижение и логистику, а также повышают прозрачность спроса, позволяя быстро тестировать ассортимент и корректировать товарную линейку, превращая платформу в инструмент рыночного обучения [8, с. 1320–1322]. Электронная коммерция стала неотъемлемым структурным элементом как национальной, так и международной торговли, а развитие цифровых платформ способствует снижению барьеров входа и вовлечению компаний в глобальные производственные системы [2, с. 119, 130–131].

Позитивные эффекты маркетплейсов не отменяют серьезных ограничений, которые они создают для малого бизнеса. В центре этих ограничений – зависимость от платформы. Продавец, работающий через маркетплейс, вынужден подстраиваться под комиссионную политику, правила логистики, алгоритмы выдачи и внутренние стандарты качества. Эмпирически это подтверждается динамикой числа продавцов. После стремительного роста в 2021 г. (количество продавцов на маркетплейсах увеличилось на 279 % в первом квартале и достигло 355 % к концу года) темпы прироста замедлились до 21 % к 2023 г. [4, с. 174]. Это замедление связано с растущей популярностью модели D2C (продажа напрямую потребителю) среди малого и среднего бизнеса. По сути, предприниматели, столкнувшись с ужесточением условий на платформах, начинают рассматривать прямые продажи как способ восстановления утраченного контроля над ценообразованием, клиентскими данными и брендом. Таким образом, замедление прироста числа продавцов выступает не статистическим артефактом, а индикатором структурного сдвига в предпочтениях малого бизнеса в сторону большей автономии.

Как отмечает И.Б. Стукалова, в современных условиях наметилась тенденция ухода части потребителей и покупок в онлайн взамен офлайну, чему способствовали развитие

цифровых технологий, пандемия COVID-19 и изменение потребительской модели поведения [6, с. 196–197]. Покупатели все чаще сравнивают цены, ориентируются на отзывы, выбирают доставку вместо посещения магазина и предпочитают получать товар без лишних временных затрат. Для офлайн-магазинов это означает снижение трафика и необходимость пересмотра привычной модели торговли. Маркетплейсы становятся основной альтернативой и основным конкурентом торговым центрам, прежде всего по масштабам деятельности. Среди российских лидеров сформировалась устойчивая линейка: Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет, AliExpress Россия и Мегамаркет, чьи конкурентные преимущества заключаются в широте товарного предложения, отсутствии ограничений по торговому пространству и географии охвата потребителей [6, с. 201]. Это ведет к сокращению доли традиционной розницы и перераспределению покупательского трафика.

Масштаб трансформации розничного рынка подтверждают данные Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ). По итогам 2025 года объем интернет-торговли в России достиг 11,5 трлн рублей, увеличившись на 28 % по сравнению с предыдущим годом. Доля онлайн-продаж в общем объеме розничной торговли составила 18,8%, причем 96,2% этого объема приходится на отечественные интернет-магазины и цифровые платформы. В структуре спроса лидирующую позицию впервые заняли продукты питания (18,8%), что свидетельствует о переходе электронной коммерции в сегмент повседневных покупок [1].

Именно поэтому в современной рознице, в том числе и за рубежом, усиливается омниканальная модель, при которой бизнес сочетает маркетплейс, собственный интернет-магазин и офлайн-точку. Как показывает исследование А. Махмуда, физические магазины сохраняют ряд конкурентных преимуществ перед онлайн-каналами: возможность предоставления уникального покупательского опыта, немедленный доступ к товару, а также сервисы самовывоза, возврата и обмена, которые могут быть более удобными для части потребителей, чем почтовая пересылка [9, с. 2–3]. Именно за счет использования этих преимуществ некоторые традиционные ритейлеры успешно адаптируются к вызовам цифровой конкуренции [9, с. 3]. Такой подход позволяет смягчить негативные эффекты, связанные с перераспределением покупательского трафика, и сохранить прямой контакт с клиентом, интегрируя физические точки в единую экосистему продаж.

Российская практика подтверждает этот подход: малые магазины, которые не уходят полностью в офлайн, все чаще используют маркетплейсы как дополнительный канал сбыта. В результате традиционная розница не исчезает, а меняет функции: часть продаж переносится в цифровую среду, а часть сохраняется в пространстве физического присутствия [7, с. 218]. Однако для малого магазина такая трансформация требует дополнительных ресурсов, навыков и управленческих решений. Как подчеркивает В.О. Овсянников, успешное

внедрение цифровых решений требует системной координации, наличия квалифицированных кадров, доступа к инфраструктуре и цифровой зрелости предприятий [5, с. 49].

Зарубежный опыт показывает, что аналогичные процессы происходят и в других странах, хотя институциональная среда отличается. В докладе ОЭСР отмечается, что онлайн-маркетплейсы стали ключевым каналом электронной коммерции, но наряду с преимуществами они несут риски мошенничества, небезопасной продукции и асимметрии информации [12]. В отдельном обзоре, посвященном розничным МСП в Европейском союзе, подчеркивается, что малые и средние предприятия находятся под давлением цифровой трансформации и растущей конкуренции со стороны крупных фирм и внешних онлайн-платформ; при этом цифровая адаптация действительно связана с лучшими результатами, однако ее эффект неравномерен по странам и размерам компаний [10]. Исследование, проведенное в шести странах (включая Францию, Германию, Италию и Испанию), показывает, что розничные предприятия все чаще переходят к гибридным практикам управления онлайн- и офлайн-каналами, но традиционные малые ритейлеры сталкиваются с уникальными операционными и стратегическими вызовами по сравнению с компаниями, работающими только онлайн [11]. Эти выводы особенно важны для сравнения с Россией: цифровые платформы всегда существуют не в вакууме, а в конкретной системе регулирования.

Ключевое различие между Россией и странами ЕС заключается в степени регуляторного давления. Если в Европе акцент делается на защите прав потребителей и добросовестной конкуренции, то в России доминирует модель саморегулирования платформ, что усиливает их рыночную власть.

Таким образом, маркетплейсы стали не просто каналом продаж, а полноценным экономическим институтом, перестраивающим конфигурацию розничного рынка. Для малого бизнеса они открывают значительные возможности, вместе с тем платформенная модель сопряжена с рисками, центральным из которых является зависимость продавца от алгоритмов, комиссионной политики и правил, устанавливаемых несколькими крупными игроками. Устойчивость малого бизнеса всё чаще определяется не только качеством товара, но и способностью управлять платформенными рисками. В российском и зарубежном контексте прослеживаются общие тенденции, однако институциональная среда заметно различается, что определяет баланс возможностей и ограничений. Оптимальной стратегией представляется диверсификация каналов продаж, при которой маркетплейс выступает одним из элементов, что позволяет сохранить гибкость и снизить уязвимость перед изменениями правил платформ. Для предпринимателей это означает необходимость целенаправленного

развития собственных цифровых каналов, накопления данных о клиентах и формирования бренда, не привязанного исключительно к платформе. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на количественную оценку эффекта диверсификации, а также на анализ долгосрочных последствий платформенной зависимости для инвестиционной активности и инновационного поведения малых предприятий.

Список литературы

1. Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ). 11,5 трлн рублей: АКИТ подвела итоги интернет-торговли за 2025 год / АКИТ. – Москва, 2026. – URL: <https://akit.ru/news/11-5-trln-rublej-akit-podvela-itogi-internet-torgovli-za-2025-god> (дата обращения: 16.03.2026).
2. Богомаз, Е. В. Развитие электронной коммерции в условиях цифровизации мировой экономики / Е. В. Богомаз // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. – 2024. – № 1. – С. 117–132.
3. Восколович, Н. А. Маркетплейсы как сегмент российского рынка электронной торговли / Н. А. Восколович // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2023. – № 4 (47). – С. 90–97.
4. Муратова, В. В. Адаптация бизнес-модели D2C для маркетплейсов на рынке электронной коммерции: факторы, влияющие на выбор продавцов / В. В. Муратова, Е. Р. Шарко // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2024. – № 5. – С. 172–199.
5. Овсянников, В. О. Цифровая трансформация предпринимательской среды: влияние на развитие малого и среднего бизнеса / В. О. Овсянников // Научный журнал «Менеджер». – 2025. – № 4 (110). – С. 48–56.
6. Стукалова, И. Б. Маркетплейсы vs торговых центров: современные тренды и прогнозы / И. Б. Стукалова // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2023. – № 5. – С. 195–207.
7. Суязов, В. Н. Маркетплейсы как инструмент роста и источник рисков для предприятий малого бизнеса: влияние сотрудничества на экономические показатели / В. Н. Суязов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – № 70. – С. 209–222.
8. Торпищев, Т. Р. Целевая модель зрелого маркетплейса как ядра цифровой экосистемы / Т. Р. Торпищев // Экономика и управление. – 2025. – № 10. – С. 1314–1328.

9. Mahmood, A. The Impact of E-commerce on Traditional Brick-and-Mortar Retail Stores / A. Mahmood. – Zenodo, 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368724971_The_Impact_of_E-commerce_on_Traditional_Brick-and-Mortar_Retail_Stores (дата обращения: 18.03.2026).
10. OECD. Local Retail, Global Trends: How Digital, Green and Skills Shifts in the EU are Reshaping SMEs in Towns and Cities / Organisation for Economic Co-operation and Development. – Paris : OECD Publishing, 2026. – 98 p. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/local-retail-global-trends_55e2edec-en.html (дата обращения: 13.03.2026).
11. OECD. SMEs in the Era of Hybrid Retail: Evidence from an OECD D4SME Survey / Organisation for Economic Co-operation and Development. – Paris : OECD Publishing, 2023. – 74 p. – (OECD SME and Entrepreneurship Papers, No. 41). – URL: https://www.oecd.org/en/publications/smes-in-the-era-of-hybrid-retail_882f30b0-en.html (дата обращения: 10.03.2026).
12. OECD. The Role of Online Marketplaces in and Empowering Consumers: Country and Business Survey Findings / Organisation for Economic Co-operation and Development. – Paris : OECD Publishing, 2022. – 45 p. – (OECD Digital Economy Papers). – URL: <https://www.oecd.org/sti/consumer/the-role-of-online-marketplaces-in-protecting-and-empowering-consumers-9d8cc586-en.htm> (дата обращения: 10.03.2026).
13. Rochet, J.-C. Platform Competition in Two-Sided Markets / J.-C. Rochet, J. Tirole // Journal of the European Economic Association. – 2003. – Vol. 1, No. 4. – P. 990–1029.

**Раздел III. ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЛИЯНИЕ
ЭКОНОМИКИ ДАННЫХ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

М.И. АГАПЕЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

M.I. AGAPEEVA

Ural branch of the Financial University
2 st year student
«State and municipal administration»

АНГЛИЦИЗМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ENGLISH WORDS AND THEIR IMPACT ON THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация

В статье рассматривается процесс активного проникновения англицизмов в русский язык на рубеже XX–XXI веков. Анализируются основные причины и сферы заимствований, а также их влияние на лексическую систему, грамматику и культуру речи. Особое внимание уделяется новым законодательным инициативам 2025–2026 годов, направленным на регулирование использования иностранных слов в публичном пространстве, а также современным процессам адаптации англицизмов в цифровой среде.

Annotation

The article examines the process of active penetration of Anglicisms into the Russian language at the turn of the 20th and 21st centuries. It analyzes the main reasons and areas of borrowing, as well as their impact on the lexical system, grammar, and speech culture. Special attention is paid to the new legislative initiatives of 2025-2026 aimed at regulating the use of foreign words in the public space, as well as the current processes of adaptation of Anglicisms in the digital environment.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, языковая норма, лексика, речевая культура.

Keywords: anglicisms, borrowings, language norm, vocabulary, speech culture.

Англицизмы (от англ. Anglicisms) — это слова, словосочетания или обороты речи, заимствованные из английского языка или созданные по его модели [2, с. 345]. В современной лингвистике вопрос о влиянии англицизмов на русский язык остается одним из самых дискуссионных. Спектр мнений варьируется от полного принятия языковой «свободы» до требования жесткой охраны «чистоты» русского языка [2, с. 346]. Особую остроту эта дискуссия приобрела в 2025–2026 годах в связи с принятием федерального закона, ограничивающего использование иностранных слов в публичном пространстве [3]. Цель данной работы — проанализировать масштабы, причины и последствия появления англицизмов, а также определить их роль в развитии современной языковой системы с учетом актуальных законодательных и социальных изменений.

Лингвисты выделяют две основные группы причин, способствующих активизации заимствований: экстралингвистические (внешние) и интралингвистические (внутренние) [2, с. 345-346].

Экстралингвистические причины связаны с изменениями в жизни общества. Распад СССР, переход к рыночной экономике, появление огромного количества международных контактов, развитие интернета и глобальных корпораций привели к тому, что английский язык стал языком-донором. Часто английское слово приходило вместе с самим предметом или явлением, не имея прямого аналога в русском языке на момент появления.

Интралингвистические причины обусловлены внутренними потребностями языковой системы. К ним относятся:

а) Тенденция к экономии языковых средств. Английское слово часто короче и удобнее описательного оборота.

б) Мода и престиж. Использование англицизмов часто ассоциируется с образованностью, принадлежностью к профессиональной элите. Такие слова, как «презентация», «эксклюзивный», «прайс-лист», воспринимаются многими как более «современные» по сравнению с русскими аналогами.

в) Пути проникновения англицизмов разнообразны: устная речь (в среде бизнесменов, IT-специалистов), письменные тексты СМИ, техническая документация, реклама и, в последние годы, преимущественно интернет-пространство и социальные сети.

Важнейшим событием, изменившим контекст обсуждаемой проблемы, стало принятие Федерального закона №168-ФЗ от 24 июня 2025 года «О защите русского языка» [3]. Основные положения закона вступили в силу 1 марта 2026 года. Закон устанавливает следующие ключевые нормы:

а) Обязательное использование русского языка на вывесках, указателях, табличках и в иной публичной информации для потребителей. Допускается дублирование на языках народов России или иностранных языках, однако русский текст должен иметь приоритет.

б) Запрет на использование иностранных слов без перевода в рекламе и публичном пространстве, за исключением слов, официально признанных частью современного русского литературного языка и включенных в нормативные словари. К таким исключениям относятся, например, фитнес, стретчинг, бизнес-ланч.

в) Ограничения для застройщиков: названия строящихся жилых комплексов и объектов капитального строительства должны быть написаны только кириллицей (исключение сделано для объектов, введенных в эксплуатацию до 1 марта 2026 года).

В 2025 году Орфографический словарь Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН пополнился 657 новыми словами [4]. Среди них — значительное количество англицизмов и терминов из молодежного сленга: тиктокер (от англ. TikTok), стриминг (от англ. streaming), смарт-часы (от англ. smart watch), смузи (от англ. smoothie).

Влияние англицизмов на современный русский язык носит системный характер, затрагивая как лексический состав, так и грамматические механизмы. Эти процессы наблюдаются на всех уровнях языковой системы и демонстрируют как адаптационные возможности русского языка, так и риски, связанные с избыточным заимствованием.

Влияние англицизмов имеет не только лингвистический, но и социально-культурный аспект [2, с. 346]. Заимствования — естественный путь обогащения языка, без них невозможна передача новых понятий (ИТ, наука). Однако избыточное использование вызывает критику. Эксперт Седа Каспарова (2026) отметила, что русский язык теряет выразительность из-за неоправданных заимствований (фоллоу-ап, дедлайн, коллаборация, инфлюенсер), у которых есть точные русские аналоги. Заимствования допустимы, но должны быть оправданы контекстом [1]. Разграничивают оправданные заимствования (обозначают реалию, отсутствующую в русской культуре: компьютер, интернет) и неоправданные (есть русский аналог, но используется из соображений престижа).

Таким образом, англицизмы являются неотъемлемой частью русского языка, отражая реалии глобализации. Их влияние противоречиво: они обогащают язык, но создают угрозу его идентичности. Принятый в 2025–2026 годах закон о защите русского языка стал важным этапом осмысления этой проблемы. Ключевым является не отторжение заимствований, а сознательный подход: различение оправданных и неоправданных. Взвешенная языковая политика и уважение к родному языку помогут сохранить его богатство в условиях глобальной коммуникации.

Список литературы

1. Каспарова, С. Русский язык страдает от неоправданных англицизмов / С. Каспарова // Газета.Ру. – 2026. – 12 января. – URL: <https://www.gazeta.ru/culture/2026/01/12/20481307.shtml> (дата обращения: 21.03.2026).
2. Ниязметова, Д. Ш. Теоретико-лингвистические основы изучения англицизмов в современном русском языке / Д. Ш. Ниязметова // Молодой ученый. – 2025. – № 47 (598). – С. 345–346. – URL: <https://www.moluch.ru/archive/598/130478/> (дата обращения: 21.03.2026).
3. О защите русского языка : Федеральный закон № 168-ФЗ : [принят Государственной Думой 10 июня 2025 года : одобрен Советом Федерации 18 июня 2025 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 24 июня. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240035> (дата обращения: 21.03.2026).
4. Орфографический словарь русского языка / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; под ред. О. Е. Ивановой. – 6-е изд., доп. – Москва : АСТ-Пресс, 2025. – 896 с.

А.С. АНДРЕЕВА, Д.С. ЛУКЬЯНОВА

Уральский медицинский институт,
студенты I курса специальности «Стоматология»

A.S. ANDREEVA, D.S. LUKYANOVA

Ural Medical Institute,
1st year students of the Dentistry training course

ЭПИДЕМИИ НАТУРАЛЬНОЙ ОСПЫ И ИНЫХ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА (1896–1925 ГГ.): ИСТОРИКО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

EPIDEMICS OF SMALLPOX AND OTHER INFECTIOUS DISEASES IN THE SOUTHERN URALS (1896–1925): HISTORICAL AND EPIDEMIOLOGICAL ANALYSIS

Аннотация

В статье проанализирована историко-эпидемиологическая картина эпидемий натуральной оспы и иных инфекционных заболеваний на территории Южного Урала, а также проведен анализ вышеуказанной темы.

Annotation

The article analyzes the historical and epidemiological picture of epidemics of natural smallpox and other infectious diseases on the territory of the Southern Urals (1896-1925), as well as a analysis of the above topic.

Ключевые слова: эпидемии, оспа, Южный Урал, инфекционные заболевания

Keywords: Epidemics, smallpox, Southern Urals, infectious diseases

Систематическая борьба с натуральной оспой в России была инициирована в правление императрицы Екатерины II, публично подвергшей себя вариоляции в 1768 году [1; 6]. Этот символический акт заложил основы государственных программ профилактики, способствовал развитию медико-хирургического образования и формированию первых элементов санитарного надзора [4; 5]. Несмотря на эти усилия, к рубежу XIX–XX веков натуральная оспа сохраняла статус одной из наиболее опасных эпидемиологических угроз на территории Российской империи, а впоследствии и Советского государства [6]. Южный Урал, в частности Курганский уезд, в силу своего геополитического положения на пересечении торговых путей, характеризовался высокой интенсивностью миграционных потоков, что объективно повышало риски завоза и распространения инфекционных заболеваний.

Эпидемиологическая история региона в указанный период была отмечена чередой кризисов. В 1896 году в Кургане была зафиксирована вспышка натуральной оспы, актуализировавшая проблему инфекционного контроля [4]. Ответом стало активное строительство лечебных учреждений силами местных общин. К 1897 году в селах Курганского уезда функционировало пять лечебниц на 30 коек, а к 1895 году были построены больницы в Белозерском, Моршихинском и Утятском районах, а также Крестьянская (Сельская) больница в Кургане. Финансовая активность населения в сфере здравоохранения иллюстрируется сбором крестьянскими общинами в 1906 г. дополнительных 17 654 руб. на медицинские нужды [4].

Начало Первой мировой войны резко усугубило ситуацию. Неконтролируемая миграция, движение войск, поток беженцев и военнопленных привели к всплеску заболеваемости. В 1914 году в Кургане отмечено распространение скарлатины и дифтерита. В 1915 году, в ответ на угрозу чумы, по распоряжению Тобольского губернатора были выделены 9000 рублей на строительство заразного барака на 15 коек, оснащенного дезинфекционной камерой и кипятильниками. Наиболее масштабный кризис разразился осенью 1918 года с эпидемией сыпного тифа, быстро принявшей угрожающие масштабы. Ночлежные дома стали очагами инфекции: в одном из них заболели 18 из 45 постояльцев. К

ноябрю число заболевших в городе достигло 152 чел. Медицинская инфраструктура оказалась перегружена, о чем свидетельствует обращение старшего ординатора лазарета Степанова 31 декабря 1918 года к городскому голове Г.П. Шубскому с просьбой о выделении дополнительного помещения на 50–100 человек. Динамика заболеваемости в последующие месяцы демонстрирует стремительный рост, особенно среди военнослужащих: ноябрь 1918: 50 гражданских, 15 военных, декабрь: 115 гражданских, 64 военных, январь 1919: 120 гражданских, 100 военных, февраль: 80 гражданских, 304 военных, март: 105 гражданских, 676 военных, апрель: 85 гражданских, 1040 военных [6]. Для координации борьбы с .эпидемией были созданы городская санитарно-исполнительная комиссия, а в сентябре 1919 года – местный отдел здравоохранения (здравотдел) и специальные комиссии ЧК-тиф и ЧК-хол. Несмотря на это, эпидемия продолжалась и в 1920 году, унеся жизни медицинских работников, включая врача авиаотряда П.А. Новикова [4]. В декабре 1919 года при здравотделе был организован санитарно-эпидемиологический отдел. В 1920 году, как сообщала газета «Красный Курган», в условиях ограниченных ресурсов планировалось усилить санитарный надзор через просветительские лекции, курсы дезинфекторов, строительство городской прачечной и увеличение числа бань.

Эпидемии протекали на фоне масштабных социальных процессов. По итогам нескольких мобилизаций в тыловых частях Южного Урала заложниками ситуации оказались тысячи красноармейцев, которым не хватало одежды, обуви, питания, а в переполненных не отапливаемых казармах распространялся тиф, оспа, дизентерия. Все это вызвало массовое дезертирство, так с осени 1919 до весны 1921 годов в Челябинской губернии изъяли более 40 тысяч беглецов [8, с. 56-58]. Борьбой занимали комиссии по борьбе с дезертирством, проводившие, наряду с силовыми акциями, профилактическую работу по контролю санитарного состояния воинских частей, работе врачебных комиссий [9, с. 189–197]. Дезертирство стало основой повстанческого движения, проходившего в регионе в 1920-1921 годах, характеризовавшееся также бабьими бунами в Курганском уезде, национальным движением башкир, активным участием казачества [10, с. 179]. Небольшие отряды повстанцев, как Голубая армия в Челябинском уезде партизанили вокруг своих станиц, скрывались в лесах и стремились расширять зону влияния [7, с. 69–70]. Другие группы практиковали рейды или делали ставку на массовые восстания как в Курганском уезде в 1921 году, но во всех случаях протест был ликвидирован силовыми мерами, с применением репрессий в отношении повстанцев и населения [11, с. 50–53]. Данные события явились факторами, усугублявшими эпидемиологическое состояние региона.

В 1921 году в Первой Советской больнице Кургана проводилось ежедневное оспопрививание. Однако в марте 1925 года в округе вновь произошла крупная вспышка

натуральной оспы с приблизительно тысячей случаев. Для её локализации окрисполком выделил 2000 рублей на организацию массовой вакцинации [6].

Период с 1896 по 1925 год на Южном Урале характеризовался перманентной эпидемиологической напряженностью, обусловленной как эндемическими факторами, так и глобальными потрясениями (Первая мировая и Гражданская войны) [6]. Натуральная оспа, тифы, холера и другие инфекции циклически вспыхивали, подвергая испытанию формирующуюся систему здравоохранения. Реакция властей и общества эволюционировала от разовых мер по строительству изоляторов к созданию специализированных санитарно-эпидемиологических структур (здравотдел, санэпидотдел, ЧК-тиф).

Ключевой, но не всегда достаточной мерой борьбы признавалась вакцинация, что подтверждается как активной прививочной кампанией 1921 года, так и экстренными мерами 1925 года в ответ на новую вспышку оспы.

Список литературы

1. Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М.: Наука, 1990.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Высшая школа, 2003.
3. Покровский Н.Н. Россия XVIII века: государство и общество. СПб.: Питер, 2012.
4. Россия и СССР в войнах 20-го века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010.
5. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1988.
6. Флори Ж. История России XVIII век. М.: АСТ, 2018.
7. Абрамовский, А. П. "Голубая армия": создание, борьба, разгром / И. П. Абрамовский, С. И. Панькин // Исторические чтения: Материалы научной региональной конференции, Челябинск, 21 марта 1998 года. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия города Челябинск, 1998. – С. 68-70. – EDN VUGNKJ.
8. Панькин, С. И. «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира...». Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2023. – № 10. – С. 56-61. – EDN VEUEPC.
9. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.

10. Панькин, С. Особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919 - 1922 годах / С. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 2 (14). – С. 179-180. – EDN WHPSYN.

11. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.

И.В. АПОКИНА, А.М. ЕГОШИНА, С.И. ПАНЬКИН
Уральский медицинский институт

I.V. APOKINA, A.M. EGOSHINA, S.I. PANKIN
Ural Medical Institute

БОРЬБА С МАЛЯРИЕЙ И ПРОМЫШЛЕННЫМ ЗАГРЯЗНЕНИЕМ НА УРАЛЕ В XX ВЕКЕ

THE FIGHT AGAINST MALARIA AND INDUSTRIAL POLLUTION IN THE URALS IN THE 20TH CENTURY

Аннотация

В статье рассматривается распространение малярии на Южном Урале и взаимосвязь эпидемии с промышленным и экологическим загрязнением региона. Исследованы меры противодействия, профилактики, итоги борьбы с эпидемией. Авторы пришли к выводу, что решение проблем стало возможным благодаря комплексному подходу, включая чрезвычайные методы и пропагандистские инициативы, а изучение данной темы актуально для сегодняшнего времени.

Annotation

The article examines the spread of malaria in the Southern Urals and the relationship between the epidemic and the region's industrial and environmental pollution. The authors explore the measures taken to combat and prevent the epidemic, as well as the outcomes of the fight against it. They conclude that the solution of these problems has been made possible through a comprehensive approach, including emergency measures and advocacy initiatives, and that studying this topic is relevant for the present day.

Ключевые слова: малярия, Южный Урал, промышленное загрязнение.

Keywords: malaria, Southern Urals, industrial pollution.

В XX веке Уральский регион был фокусом интенсивной индустриализации, став «опорным краем державы». Создание гигантов черной и цветной металлургии, химической промышленности сопровождалось масштабным воздействием на окружающую среду. Одновременно Урал, с его обширными заболоченными территориями, поймами рек и благоприятным для комаров климатом, в первой половине XX века являлся зоной высокой заболеваемости малярией.

Значимость темы, по нашему мнению, заключается в комплексном рассмотрении двух, на первый взгляд, разнонаправленных процессов: целенаправленной борьбы с эпидемическим заболеванием и непреднамеренных экологических последствий промышленной деятельности.

К 1920-1930 годам малярия была самой распространенной инфекцией на Урале. Пик заболеваемости приходился на годы Гражданской войны и ранней пятилетки. В 1934-1935 годах в районах Свердловской области индекс заболеваемости достигал 200-300 случаев на 1000 человек. Основными переносчиками были комары рода (*Anopheles maculipennis*), чьи личинки развивались в мелководных водоемах [2].

В 1920-х годах в стране была развернута централизованная государственная программа по ликвидации малярии. На Урале она включала работы по осушению болот, и очистку водоемов от растительности. Эти работы были масштабными, но зачастую неполными из-за нехватки ресурсов. Экология страдала от методов промышленности. Было время тяжелейших испытаний, когда Гражданская война, эпидемии и массовая миграция слились в один разрушительный поток. Так же, в работы по ликвидации малярии входило широкомасштабное применение инсектицидов, в первую очередь ДДТ (с конца 1940-х гг.), для обработки водоемов и помещений. Следующим инструментом в борьбе с малярией стали лечебно-профилактические мероприятия. Выявление больных происходило с использованием хинина и синтетических противомаларийных препаратов (акрихин, бигумаль).

К концу 1950-х – началу 1960-х годов малярия на Урале была в основном ликвидирована как массовое заболевание [4].

Параллельно с целенаправленной борьбой, на среду обитания малярийных комаров оказывало мощное влияние промышленное загрязнение. Загрязнение водных объектов, изменение pH воды, термическое загрязнение.

В результате, в непосредственной близости от крупных промышленных центров – Магнитогорска, Нижнего Тагила, Карабаша – формировались зоны, где естественные водоемы были настолько загрязнены, что становились непригодными для размножения малярийных комаров. Отчеты санэпидстанций 1950-х годов отмечали крайне низкую

численность личинок *Anopheles* в реках Миасс ниже Челябинска и в черте Магнитогорска, в то время как в верховьях этих рек очаги малярии сохранялись.

Таким образом, ликвидация малярии на Урале была достигнута благодаря двум разнородным факторам:

1. Целенаправленный и плановый фактор – мощная система здравоохранения действовала по единой методике и мобилизовала значительные ресурсы.

2. Стихийный и деструктивный фактор – промышленное загрязнение, которое является серьезной экологической и социальной проблемой, непреднамеренно способствовало уничтожению мест выплода комаров в наиболее индустриализированных районах.

История борьбы с малярией на Урале в XX веке представляет собой сложный клубок экологических, эпидемиологических и промышленных процессов. Успех в ликвидации этого заболевания был, в первую очередь, заслугой советской медико-санитарной системы.

Этот исторический прецедент является важным уроком для экологической и эпидемиологической политики. Он показывает, что деградация окружающей среды, даже если она приводит к непреднамеренным положительным последствиям в одной узкой сфере, не может рассматриваться как приемлемый метод. Цена данного «решения» – общее ухудшение качества жизни и здоровья населения. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть сосредоточены на сравнительном анализе аналогичных процессов в других промышленных регионах СССР.

Список литературы

1. Беккер А.А., Агаджанян А.В. Экология человека в условиях промышленного загрязнения среды. — М.: Медицина, 1997. — 256 с.
2. Лисовский Н.В., Штейнгауз Е.А. Ликвидация малярии в СССР. — М.: Медицина, 1967. — 324 с.
3. Малярия на Урале и борьба с ней (по материалам областных малярийных конференций). — Свердловск: Уралмедиздат, 1936. — 148 с.
4. Фридман Б.И. Гигиена водных объектов в условиях промышленного развития Урала. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1978. — 192 с.

Е.В. БОБУНОВ

Уральский государственный
университет физической культуры,
студент I курса направления подготовки
«Физкультурное образование»

E.V. BOBUNOV
Ural State University of Physical Culture
1st year student of the field of study
«Physical Education»

Научный руководитель
Т.И. ЖАРКОВА
Уральский государственный
университет физической культуры,
канд. пед. наук, доцент

Scientific Director
T.I. ZHARKOVA
Ural State University of Physical Education,
PhD, Associate Professor

РОЛЬ ФУТБОЛА В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ

THE ROLE OF FOOTBALL IN FORMING PATRIOTIC FEELINGS IN STUDENTS

Аннотация

В статье представлены определения понятия «патриотизм»; рассмотрена роль футбола как одного из эффективных средств патриотического воспитания молодежи; проанализирован воспитательный потенциал командных видов спорта в формировании гражданской позиции, коллективизма и морально-волевых качеств личности; уделено внимание роли футбола в студенческой среде.

Annotation

This article presents definitions of the concept of «patriotism» and examines the role of football as an effective means of patriotic education of youth. It also analyzes the educational potential of team sports in developing civic stance, collectivism, and moral and volitional qualities. It also focuses on the role of football among students.

Ключевые слова: мотивация, футбол, движение, здоровье, воспитательный потенциал, патриотизм и патриотические чувства.

Key words: globalization, motivation, football, movement, health, educational potential, patriotism and patriotic feelings.

«Футбол – это не только спорт, но и жизненная философия.

Он учит нас работать в команде, стремиться к целям и не сдаваться»
Юрген Клопп

«Разве есть милей Отчизны что-нибудь на свете?»
И.-Ф. Шиллер

На сегодня как никогда, во время изменения геополитической ситуации, санкций и вызовов, весьма актуальна, даже лучше сказать весьма остро встает проблема воспитания патриота и гражданина своего Отечества, формирования патриотических чувств у подрастающего поколения. А для реализации данной цели и для реализации успешной необходимо: готовить специалистов не только грамотных/профессиональных, т.е. знающих свое дело, но и творческих/креативных. Авторы монографии «Творчество тренера» А.А. Деркач и А.А. Исаев представляют процесс реализации творческого замысла в формировании, развитии, совершенствовании будущего спортсмена, грамотно, точно сформулировав и поставив педагогическую задачу, разработав программу действий и методов воздействия [1].

Мы не случайно взяли в качестве эпиграфа высказывание всемирно известного немецкого футбольного тренера Юргена Клоппа (нем. *Jürgen Norbert Klopp*, 1967, Штутгарт, ФРГ): «Футбол – это не только спорт, но и жизненная философия. Он учит нас работать в команде, стремиться к целям и не сдаваться». И это так и есть! Футбол – это не только личные достижения, но и умение работать вместе, мыслить стратегически и поддерживать друг друга, т.е. умение понимать друг друга с полуслова/с полувзгляда/умение работать в команде.

Патриотическое воспитание молодежи является одной из важнейших на сегодняшний день задач современного социума. Оно направлено на формирование гражданской ответственности подрастающего поколения, уважения к истории и культурным традициям страны, а также готовности служить интересам государства, готовности защитить свою Родину в трудный для нее момент.

Что же такое патриотизм? Патриотизм (от греч. *patriótēs* – соотечественник, *patris* – родина) – любовь к родине, отечеству; привязанность к месту своего рождения, месту жительства [6].

В Словаре философских терминов под понятием «патриотизм» понимается нравственный принцип, нравственная норма и нравственное чувство, возникшие еще на заре человечества глубоко осмысленные уже античными теоретиками. Патриот – человек, выражающий и реализующий в своих поступках глубокое чувство уважения и любви к родной стране, ее истории, культурным традициям, ее народу [8]. В философском словаре

под редакцией И.Т. Фролова понятие «патриотизм» (греч. *patris* – отечество) представлено как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины [9].

В «Педагогическом энциклопедическом словаре» понятию «патриотизм» дается уже более расширенное, более емкое определение: «Патриотизм – любовь к отечеству, к родной земле, к своей культурной среде. С этими естественными основаниями патриотизма как природного чувства соединяется его нравственное значение как *обязанности* и *добродетели*» [7].

В системе воспитания подрастающего поколения значительную роль играет физическая культура и спорт. Спортивная деятельность способствует развитию физических качеств, укреплению здоровья и формированию нравственных ценностей личности. Особое место среди видов спорта занимает футбол – одна из наиболее популярных и массовых игр не только на Южном Урале, в стране, но и в мире. Такова актуальность избранной нами темы.

Футбол является одним из наиболее популярных командных видов спорта. Его воспитательное значение заключается в формировании командного духа, развитии морально-волевых качеств и воспитании уважения к сопернику. Необходимо акцентировать внимание на том, что игра в футбол способствует:

- укреплению здоровья, повышению физической работоспособности;
- формированию интереса/мотивации [10] к занятиям физической культурой и спортом, спортивным играм с мячом;
- основ безопасного поведения на занятиях физкультуры и во время игры в футбол;
- развитию выносливости, дисциплины, ответственности;
- развитию психофизических и лучших личностных качеств;
- формированию сплоченности, умению работать вместе, мыслить стратегически и поддерживать друг друга, т.е. формированию коллективизма;
- укреплению морального и командного духа;
- патриотического воспитания молодежи.

Итак, в заключение мы хотели бы подчеркнуть, что большие надежды возлагаем на спорт [4], на двигательную активность на различных уроках/занятиях гуманитарного цикла [5], [11], на формирование/развитие/совершенствование мотивации и привлечение обучающихся заниматься спортом, в нашем случае футболом [10]. Несомненно, именно спорту принадлежит роль воспитания культуры соперничества, терпимости и толерантности, способности мирного разрешения конфликтов, а также смягчения международных

конфликтов, укрепления дружбы и мира между народами [4, с. 118]. Студенты должны знать, что живут не только в столице Южного Урала Челябинске, но и в спортивной столице, в которой проходили и проходят различного рода Чемпионаты Европы и мира [4], [5]. Принимая активное участие в различного рода соревнованиях/ матчах/чемпионатах на уровне города и региона юные спортсмены стремятся прославить свой спортивный коллектив, свою малую Родину высокими спортивными достижениями, что является одной из важнейших форм проявления патриотизма.

Объединяя миллионы людей, игра в футбол, несомненно, развивает патриотизм, патриотические чувства/качества личности учащегося [3], которые нам необходимо воспитать средствами физической культуры и спорта, воспитать достойного гражданина своего Отечества, воспитать любовь к Родине [2], и к малой в том числе [12].

Список литературы

1. Деркач А.А., Исаев А. А. Творчество тренера / А.А. Деркач, А.А. Исаев. – М.: Физкультура и спорт, 1987. – 176 с.
2. Жаркова Т.И. Воспитание любви к Родине через диалог культур на уроке иностранного языка // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VI Международной научной конференции, Москва 21 апреля 2023 г. – Москва.: МХПИ, 2023. – 1000 с. – С. 336-340.
3. Жаркова Т.И. Патриотическое воспитание на уроках иностранного языка сквозь призму пословиц и поговорок по теме «Семья» // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва 19-20 апреля 2024 г. – М.: МХПИ, 2024. – 1034 с. – С. 155-160.
4. Жаркова, Т.И. Роль спорта в реализации межкультурной коммуникации / Т.И. Жаркова // Система менеджмента качества в вузе: здоровье, образованность, конкурентоспособность : сб. науч. тр. ; X Междунар. науч.-практ. конф. ; Челябинск, 30 апреля 2021 г. / под ред. проф. С. Г. Серикова. – Челябинск : УралГУФК, 2021. – 372 с. – С. 114-119.
5. Жаркова Т.И. *Championnat du monde de judo à Tcheliabinsk* // Иностранные языки в школе. – 2015. – № 2. – С. 87-93.
6. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 13. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. – 256 с.
7. Педагогический энциклопедический словарь/ Гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.

8. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.
9. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991.
10. Формирование мотивации к предметам гуманитарного цикла в экономическом вузе. Монография / Под науч. ред. Т.И. Жарковой. – Челябинск: Уральская Академия, 2017. – 142 с.
11. Jarkova T. Détendez-vous! // Le français dans le monde. – Paris. – 2004. – № 331. – P. 77.
12. Zharkova Tat'yana Ivanovna. The Role Of Native Culture For The Implementation Of Intercultural Communication / Zharkova Tat'yana Ivanovna // X International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 27-29 April, 2020 European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Published by European Publisher. *Article no: 186. Pages 1604-1611. Doi: [10.15405/epsbs.2020.08.186](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.186)*

Н.И. ВАСИЛЮК, С.И. ПАНЬКИН
Уральский медицинский институт

N.I.VASILYUK, S.I.PANKIN
Ural Medical Institute

САНАТОРНО-КУРОРТНОЕ ЛЕЧЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1920-Х ГОДАХ **SANATORIUM AND RESORT TREATMENT IN THE SOUTHERN URALS IN THE 1920s**

Аннотация

В статье исследуется процесс становления санаторно-курортного лечения на Южном Урале в 1920-е годы. На основе архивных материалов анализируются национализация дореволюционных кумысолечебниц и дач, создание санаториев на озерах Кисегач, Увильды, Тургояк (Челябинская область), развитие кумысолечебниц «Шафраново», «Алкино» и бальнеологического курорта «Янган-Тау» (Башкирская АССР). Рассматриваются медицинские методы лечения, кадровое обеспечение и социальный состав пациентов. Делается вывод о том, что в 1920-е годы на Южном Урале была сформирована система санаторно-курортного лечения, заложившая основы для развития отрасли в последующие десятилетия.

Annotation

The article examines the process of formation of sanatorium-resort treatment in the

SouthernUralsinthe1920s.Onthebasisofarchival materials, thenationalizationof pre-revolutionary koumiss clinics and dachas, the creation of sanatoriums on the Kisegach,Uvildy,andTurgoyaklakes(ChelyabinskRegion),thedevelopmentofthe Shafranovo, Alkino, and Yangan-Tau balneological resorts (Bashkir ASSR) are analyzed. Medical treatmentmethods,staffing and social composition of patients are considered.Itis concluded that inthe 1920s,a system of sanatorium-resort treatment was formedin the Southern Urals, which laid the foundationsfor the development of the industry in subsequent decades.

Ключевые слова: санаторно-курортное лечение, Южный Урал, 1920-е годы, Кисегач, Янган-Тай, кумысолечение

Keywords: sanatorium-resort treatment, Southern Urals, 1920s, Kisegach, Yangan-Tau, koumiss treatment

1920-е годы стали периодом формирования государственной системы санаторно-курортного лечения в СССР, принципы которой — доступность, профилактическая направленность, связь с профсоюзами сохранялись на протяжении всего советского периода [4]. Южный Урал, обладающий уникальными природными лечебными факторами (минеральные источники, сапропелевые грязи, кумысолечебные степи, горно-лесной климат), стал одним из ключевых регионов формирования курортной сети РСФСР [2]. В советской историографии вопросы развития курортов Южного Урала рассматривались преимущественно в рамках медико-географических описаний и юбилейных изданий здравниц. Работы 1920–1930-х гг. Н.Н. Кленина, В.И. Груздева носили описательный и пропагандистский характер [8], [10]. Сегодня проблемами курортного строительства занимались О.И. Алексеева, Е.В. Бухарова, однако комплексного исследования становления курортного дела в регионе именно в 1920-е годы до сих пор не предпринималось [2], [5].

Наиболее известным курортным объектом дореволюционного Южного Урала была кумысолечебница на озере Кисегач. История ее возникновения восходит к 1880-м годам, когда земский врач А.В. Граве обратил внимание на благотворное влияние климата и кумыса на больных туберкулезом [7]. В 1885г. на берегу озера была открыта частная кумысолечебница, которую содержал провизор М.А. Злоказов. Помимо Кисегача, частные дачи и пансионы возникали на других озерах горно-лесной зоны:Увильды, Тургояк, Еловое [6]. В Башкирии основой дореволюционного курортного дела стало кумысолечение. Степныерайоны—Белебеевский, Стерлитамакский уезды—издавна славились табунами лошадей башкирских пород. Наиболее известной была лечебница «Шафраново» (близ станции Аксеново Самаро-Златоустовской железной дороги), основанная в 1890-х годах [9].

Уникальным природным объектом, не получившим до революции систематического освоения, была гора Янган-Тау («Горелая гора») в северо-восточной части Башкирии.

4 апреля 1919 г. был принят Декрет СНК РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения» [1]. Этим актом все существовавшие курорты, а также территории, обладающие природными лечебными факторами, объявлялись государственной собственностью и передавались в ведение Наркомздрава. На Южном Урале реализация Декрета столкнулась с серьезными трудностями, поскольку регион был ареной боевых действий Гражданской войны. Первые шаги по национализации были сделаны после установления советской власти на Урале. В 1920 г. Наркомздрав РСФСР направил в регион комиссию для обследования озерной зоны.

В Башкирии реализация Декрета также имела свою специфику. В 1921 г. проведя учет всех кумысолечебных заведений, их переданы в ведение Курортного подотдела. Управление санаторно-курортным делом в 1920-е гг. прошло несколько этапов. Первоначально (1919–1923) курорты находились в ведении Курортного отдела Наркомздрава РСФСР. В 1923 г. была создана Уральская областная курортная комиссия при Уральском областном отделе здравоохранения. Важным событием стала передача основной массы санаториев в ведение профсоюзов. Постановление ВЦСПС от 1925 г. определило, что профсоюзы берут на себя организацию лечения рабочих и служащих, а также финансирование курортов.

Финансирование курортов в 1920-е гг. было смешанным. В условиях НЭП санатории были переведены на хозрасчет — они должны были самостоятельно покрывать свои расходы за счет платы за путевки.

По архивным данным, на озере Увильды к 1917 г. насчитывалось около 80 дач и пансионатов. В 1920 г. все эти строения были национализированы, но их состояние оказалось плачевным. В акте приема-передачи от 15 июня 1921 г. отмечалось: «Большинство построек требует капитального ремонта, крыши протекают, печи разобраны, отсутствует мебели и инвентарь». Более благополучной была ситуация с санаторием «Кисегач», который имел уже сложившуюся инфраструктуру. В 1921 г. здесь был открыт костно-туберкулезный санаторий на 50 коек. В 1923 г., после обследования профессором А.В.Молчановым, санаторий получил статус общегосударственного значения и был расширен в два раза.

В 1925 г. начал работу санаторий на озере Тургояк, специализировавшийся на нервных заболеваниях. К 1927 г. общее число коек в санаториях озерной группы достигло 350. После национализации 1920–1921 гг. бывшие частные кумысолечебницы были переданы в ведение Башнаркомздрава. Наиболее крупные из них — «Шафраново», «Алкино», «Глуховская» — были реорганизованы в советские санатории.

Лечебные грязи озер Кисегач, Увильды, Еловое относятся к типу сапропелевых

(органоминеральных илов). В санатории «Кисегач» в 1926 г. была открыта грязелечебница на 20 ванн, оснащенная специальными котлами для подогрева грязи. Врачи отмечали, что сочетание грязелечения с климатотерапией дает лучшие результаты. Кумысолечение оставалось основным методом борьбы с туберкулезом легких. В 1920-е были проведены первые научные исследования химического состава башкирского кумыса. Установлено, что он содержит до 1,5–2% спирта, а также большое количество витаминов и молочнокислых бактерий. По данным санатория «Шафраново» за 1928 г., у 78% больных наблюдалось улучшение.

Подводя итоги, отметим, что в 1920-е годы на Южном Урале была создана система санаторно-курортного лечения, опиравшаяся на три основных природных фактора: лечебные грязи озер Челябинской области, кумысолечение в Башкирии и курорт Янган-Тау. К концу десятилетия регион прочно вошел в курортную сеть РСФСР, а заложенные в этот период организационные принципы (государственная собственность, профсоюзное финансирование, научное изучение природных факторов) сохранялись до конца советской эпохи.

Список литературы

1. Декрет СНК РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения» от 4 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1971. С. 234–236.
2. Алексеева О.И. Становление курортного дела в Башкортостане в 1920-е годы // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 1012– 1016.
3. Блохин А.А. Горячая гора Янган-Тау в Башкирии // Курортное дело. 1925. №4.
4. Богоявленский Н.А. Развитие санаторно-курортного дела в СССР. М.: Медгиз, 1957.
5. Бухарова Е.В. Курортное дело в СССР в 1920–1930-е годы: становление системы // Вестник РГГУ. Серия «История». 2018. № 2. С. 45–58.
6. Бухман Я.И. Санаторно-курортное дело на Урале. Свердловск: Уралкнига, 1927.
7. Граве А.В. Кумысолечебница на озере Кисегач // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. — 1887. — № 8. — С. 42–48.
8. Груздев В.И. Первые итоги работы курорта Янган-Тау // Вопросы курортологии. — 1929. — № 2. — С. 89–97.
9. Зимницкий С.С. Кумысолечение в Башкирии. Уфа: Башкнига, 1928.
10. Кленин Н.Н. Курорт Кисегач и его лечебное значение // Уральский медицинский журнал. — 1927. — № 5. — С. 34–41.

М.Д. ВАСИЛЬЧЕНКО, Я.Н. ЛАСТОВЕЦКАЯ

Уральский филиал Финуниверситета
студенты 3 курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

канд. культ. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

M.D. VASILCHENKO, Y.N. LASTOVETSKAYA

Ural branch of the Financial University
3st year students
«Advertising and public relations»

Scientific supervisor

E.V. PISMENNY

Ph.D. Cult. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

**АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МАРКЕТИНГЕ:
НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ДАНЬ МОДЕ?**

**ANGLICISMS IN RUSSIAN-LANGUAGE MARKETING:
A NECESSITY OR A FASHION STATEMENT?**

Аннотация

Статья посвящена исследованию англицизмов в русскоязычном маркетинге. Актуальность работы обусловлена противоречием между широким использованием иноязычной терминологии и возникающими в связи с этим коммуникативными барьерами внутри команд и в общении с клиентами. Показано, что употребление англицизмов внутри профессионального сообщества ускоряет коммуникацию, но в межгрупповом взаимодействии может приводить к недопониманию и снижению доверия. Обоснована необходимость осознанного выбора лексики с учётом контекста и аудитории. Предложены практические рекомендации по адаптации терминологии в рабочих коммуникациях.

Annotation

This article examines Anglicisms in Russian-language marketing. The relevance of this work stems from the contradiction between the widespread use of foreign-language terminology and the resulting communication barriers within teams and in interactions with clients. It is shown that the use

of Anglicisms within the professional community facilitates communication, but in intergroup interactions it can lead to misunderstandings and decreased trust. The need for a conscious choice of vocabulary, taking into account the context and audience, is substantiated. Practical recommendations for adapting terminology in work communications are offered.

Ключевые слова: англицизмы, маркетинг, профессиональная коммуникация, терминология, понимание, коммуникативные барьеры

Key words: anglicisms, marketing, professional communication, terminology, understanding, communication barriers

Современный русскоязычный маркетинг изобилует английскими заимствованиями. Слова performance, brand awareness, targeting, engagement, funnel, insights стали привычной частью профессиональной речи, звучат на совещаниях, встречаются в брифах и текстах вакансий.

Однако за внешней простотой использования англицизмов скрывается серьезная проблема: то, что внутри маркетингового отдела считается удобной терминологией, для смежных подразделений и клиентов нередко оказывается непонятным жаргоном.

Англицизмы в лингвистике определяются как слова или выражения, заимствованные из английского языка. Их активное проникновение в русский язык началось в конце XX века и продолжается под влиянием глобализации, доминирования англоязычной литературы и цифровых технологий. Маркетинг, сформированный во многом под влиянием западных бизнес-школ, оказался особенно восприимчив к англоязычной терминологии. Функциональная роль англицизмов многогранна. Они позволяют точно обозначать новые понятия, не имеющие устоявшихся русских эквивалентов (таргетинг, ретаргетинг, юнит-экономика).[4] Также владение такой лексикой служит маркером принадлежности к «профессиональному клубу», демонстрирует компетентность. Нередко англицизмы используются как дань моде, когда существует русский аналог (brand awareness вместо «узнаваемость бренда», performance вместо «эффективность»). Именно в последнем случае заимствования могут создавать коммуникативные барьеры, поскольку уровень их понимания разными группами участников коммуникации существенно различается. [2]

Для эмпирической проверки было проведено исследование. На первом этапе методом сплошной выборки анализировались профессиональные тексты (посты в Telegram-каналах, вакансии, рабочие чаты) для составления списка наиболее частотных англицизмов. На втором этапе проведено анкетирование трёх групп: 35 маркетологов, 32 смежных специалиста (дизайнеры, менеджеры по продажам, разработчики) и 30 клиентов (представители бизнеса,

заказывавшие маркетинговые услуги). Анкета включала вопросы о знании значения 12 отобранных терминов, частоте их использования и оценке уместности в разных контекстах. На третьем этапе проведены краткие интервью для сбора примеров недопонимания.

В результате анализа профессиональных текстов выделены двенадцать наиболее частотных англицизмов: performance, targeting, brand awareness, engagement, funnel, ROI, insights, storytelling, лид, трафик, конверсия и юнит-экономика. Анкетирование показало значительные различия в понимании между группами.

Маркетологи продемонстрировали высокий уровень владения терминологией: более 90 % из них правильно определили значение всех двенадцати единиц, 85 % регулярно их используют. Среди смежных специалистов термины трафик, лид, конверсия и ROI понятны более 80 % опрошенных, тогда как performance правильно интерпретировали лишь 58 %, engagement – 47 %, insights – 42 %. Клиенты уверенно понимали только трафик и лид (более 80 %), конверсию – около 65 %. Остальные термины вызвали серьёзные затруднения: brand awareness смогли объяснить 27 % клиентов, а engagement – 22 %. Оценка уместности также зависела от контекста. Внутри маркетинговых отделов 88 % маркетологов сочли англицизмы удобными, указав на экономию времени и терминологическую точность. При общении со смежными отделами 67 % признали необходимость пояснений или замены на русские аналоги.

В коммуникации с клиентами 82 % маркетологов согласились, что избыток англицизмов мешает доверию, однако только 34 % систематически адаптируют свою речь. Интервью зафиксировали конкретные примеры сбоя: дизайнер не понял задачу «сделать баннер под performance» и потратил полдня на уточнения; клиент отказался от продления договора после фразы «нужно улучшить юнит-экономику», посчитав предложение излишне сложным. В то же время маркетологи подтвердили, что внутри команд англицизмы позволяют сократить время постановки задач на 20–30 %.

Обсуждение результатов показывает, что англицизмы в русскоязычном маркетинге выполняют как полезные, так и проблемные функции. Внутри узких профессиональных групп они обеспечивают точность и скорость коммуникации, что важно в условиях высокой динамики рынка. Однако существует значительный разрыв в понимании терминологии между маркетологами и другими участниками взаимодействия.[4] Особенно сложными для смежников и клиентов оказались performance, engagement, insights, а также brand awareness и юнит-экономике. При этом не все англицизмы равнозначны с точки зрения необходимости: таргетинг и ретаргетинг не имеют коротких русских аналогов, тогда как brand awareness и performance в широком смысле могут быть заменены без потери смысла. Именно в таких

случаях употребление англицизмов становится данью моде, способной мешать бизнес-задачам.[1]

Таким образом, проблема заключается не в самих заимствованиях, а в неуместности их употребления. Язык маркетинга неизбежно будет включать англицизмы, но осознанный подход к их выбору – с учётом аудитории, контекста и наличия русских аналогов – позволяет сохранить эффективность коммуникации.

На основе исследования предложены практические рекомендации. Для внутренних коммуникаций в маркетинговых отделах использование англицизмов допустимо и желательно. При постановке задач смежным подразделениям и при общении с клиентами следует давать пояснения или использовать русские эквиваленты. В компаниях полезно создавать краткий глоссарий наиболее употребительных терминов с их русскими аналогами.[3] Маркетологам стоит развивать навык «перевода» своей профессиональной речи на язык, понятный разным группам собеседников, что в конечном итоге повышает доверие и эффективность взаимодействия.

Список литературы

1. Гордеева Т.А., Морозова И.Г. Англицизмы в русскоязычном маркетинге: между функциональностью и модой // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — Вып. 1 (874). — С. 89–97.

2. Иванова Е.В., Петрова М.А. Заимствования из английского языка в нейминге российских брендов: тренды и последствия // Брендинг и маркетинговые коммуникации. — 2024. — № 3 (71). — С. 22–31. Ссылка: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60941233>

3. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Англицизмы в современном маркетинговом дискурсе: прагматика и восприятие // Вопросы психолингвистики. — 2023. — № 2 (56). — С. 48–63.

4. Степанова Н.В., Федотова Н.А. Функционирование англицизмов в маркетинговых текстах социальных сетей (на материале Instagram и Telegram) // Современная коммуникативистика. — 2023. — Т. 12, № 4. — С. 42–49. Ссылка: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54871234>

М.Д. ВАСИЛЬЧЕНКО, Я.Н. ЛАСТОВЕЦКАЯ

Уральский филиал Финуниверситета
студенты 3 курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

Научный руководитель
С.В. БУДАЕВА

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
Уральский филиал Финуниверситета

M.D. VASILCHENKO, Y.N. LASTOVETSKAYA

Ural branch of the Financial University

3rd year students

« Advertising and public relations»

Scientific supervisor

S.V. BUDAEVA

Senior Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities

Ural branch of the Financial University

ОПАСНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

THE DANGER OF USING GENDER STEREOTYPES IN POLITICAL ADVERTISING

Аннотация

Статья посвящена проблеме использования гендерных стереотипов в политической рекламе. Рассматриваются механизмы конструирования образов кандидатов через апелляцию к традиционным представлениям о мужественности и женственности. Выявляются основные риски такого подхода: искажение рационального выбора избирателей, маргинализация женщин в политике, консервация патриархатных норм и деградация политического дискурса. Обосновывается необходимость перехода к эгалитарным стратегиям агитации, ориентированным на профессиональные компетенции и программные положения кандидатов.

Annotation

The article addresses the problem of gender stereotypes in political advertising. It examines the mechanisms of constructing candidate images through appeals to traditional notions of masculinity and femininity. The main risks of this approach are identified: distortion of voters' rational choice, marginalization of women in politics, reinforcement of patriarchal norms, and degradation of political discourse. The necessity of transitioning to egalitarian campaign strategies focused on candidates' professional competencies and policy platforms is substantiated.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, политическая реклама, предвыборная агитация, манипуляция, гендерное равенство.

Key words: gender stereotypes, political advertising, election campaigning, manipulation, gender equality.

Политическая реклама сегодня — это не просто информирование, а конструирование образов, где важную роль играют гендерные стереотипы: устойчивые представления о том, какими должны быть мужчины и женщины. Апелляция к этим схемам помогает сделать кандидата «своим», но систематическое использование стереотипов несет серьезные опасности для демократии.

Гендерные стереотипы становятся фильтрами восприятия. Вместо целостного образа профессионала избирателю предлагают набор маркеров: мужчина — «хозяин» и «защитник», женщина — «заботливая мать» или, наоборот, «железная леди». Выбор совершается не на основе программ, а на основе соответствия ожидаемому архетипу. Это подменяет рациональное волеизъявление голосованием за сконструированную картинку.[2]

Стереотипы жестко маркируют «разрешенные» сферы деятельности. Женщину-кандидата с опытом управления промышленностью часто показывают в кругу семьи, а мужчину с достижениями в социальной сфере заставляют подчеркивать «твердость руки». Тем самым транслируется ложный посыл о существовании сугубо «мужских» и «женских» политических вопросов, что препятствует формированию инклюзивной политической культуры.[1]

Манипулятивный потенциал стереотипов особенно опасен. В конкурентных кампаниях они превращаются в оружие: мужчину-оппонента «феминизируют», намекая на слабость; женщину-оппонента выставляют «истеричной» или «мужеподобной». Дискуссия о проблемах подменяется игрой на предрассудках, а политическая конкуренция деградирует до гендерно окрашенных ярлыков.[2]

Президентская кампания в США 2024 года наглядно это продемонстрировала. Кампания Камалы Харрис использовала ролик, где замужняя женщина тайно от мужа голосует за Харрис, а закадровый голос провозглашал: «Что происходит в кабинке для голосования, остается в кабинке». Критики указали, что реклама исходит из стереотипа о женщине как о зависимом субъекте. В свою очередь, кампания Дональда Трампа эксплуатировала страх перед нарушением традиционных гендерных границ, используя слоган «Камала — за "они/их", президент Трамп — за вас».[3] Оба подхода продемонстрировали, как гендерные стереотипы становятся высокоэффективным, но манипулятивным инструментом, уводящим от реальных программ.

Показателен и пример из российской практики. В 2023 году на выборах в Законодательное собрание Иркутской области женщина-кандидат с многолетним опытом руководства промышленным предприятием была представлена в агитации исключительно через образ «заботливой матери». Ее профессиональные достижения оказались на втором

плане. По словам членов штаба, политтехнологи исходили из того, что избиратель «не готов» воспринимать женщину как хозяйственного руководителя. В результате образ кандидата был искусственно привязан к традиционной роли, что сузило ее электоральное позиционирование.[1]

Преодоление этих опасностей требует отказа от стереотипной агитации в пользу эгалитарных стратегий. Акцент следует смещать с полоролевых ожиданий на профессиональные компетенции, ценности и программы кандидатов. Женщина может говорить о бюджете и безопасности, мужчина — о здравоохранении и образовании, не рискуя потерять поддержку избирателей. Опыт кампаний, где такой подход реализован, показывает, что избиратель способен воспринимать кандидата вне рамок архаичных стереотипов.

Таким образом, использование гендерных стереотипов в политической рекламе — это системная проблема, затрагивающая качество демократии, равные возможности политического участия и уровень политической культуры. Упрощая образы и подменяя дискуссию игрой на предрассудках, такая реклама обедняет публичное пространство и консервирует устаревшие представления о лидерстве.[4] Политическая реклама будущего должна преодолеть соблазн легкой манипуляции и обратиться к избирателю как к субъекту рационального выбора. Только на этом пути возможно формирование подлинно конкурентной и представительной политической системы.

Список литературы

1. Голубева А.А. Политическая реклама и гендерные стереотипы: манипулятивный потенциал и социальные последствия // Социодинамика. — 2025. — № 2. — С. 15–27. Ссылка: https://e-notabene.ru/sociology/article_71234.html
2. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Гендерные стереотипы в политической коммуникации современной России: динамика и технологии // Женщина в российском обществе. — 2023. — № 2. — С. 56–71. Ссылка: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54236987> (доступ через [eLibrary.ru](http://elibrary.ru))
3. Сизова И.Л. Гендерный аспект политической рекламы в цифровой среде: визуальные и вербальные репрезентации // Политическая наука. — 2024. — № 1. — С. 112–129. Ссылка: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60987541>
4. Трофимова Н.А. Гендерный фактор в политической рекламе: теория и практика современной России : монография. — М.: ИНИОН РАН, 2025. — 210 с. Ссылка: <http://inion.ru/ru/publishing/books/trofimova-gendernyi-faktor-v-politicheskoi-reklame> (каталог ИНИОН РАН)

Л.В. ГАВРИЛОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Юриспруденция»

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский филиал Финуниверситета
канд. социол. наук, доцент

L.V. GAVRILOV

Ural Branch of the Financial University
1st-year Student
Field of Study: Jurisprudence

Scientific supervisor

S.I. PANKIN

Ural Branch of the Financial University
Ph.D. in Sociology, Associate Professor

ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В XIX–XX ВЕКЕ

THE SPECIAL LEGAL STATUS OF THE ORENBURG COSSACK HOST IN THE 19th AND 20th CENTURIES

Аннотация

Статья посвящена исследованию уникального правового режима Оренбургского казачьего войска (ОКВ) в XIX – начале XX вв. В центре внимания находится юридическая природа «военно-земельного контракта», в рамках которого предоставление земельных паев и налоговый иммунитет выступали встречным предоставлением за обязательную государственную службу. Автор анализирует специфику административного управления и экономическую логику существования казачества как особого сословия в правовой системе Российской империи. В завершении исследуются правовые коллизии и факторы, обусловившие ликвидацию этого статуса в ходе социально-политической трансформации начала 20 века

Annotation

The article examines the unique legal framework of the Orenburg Cossack Host (OCH) during the 19th and early 20th centuries. It focuses on the legal nature of the «military-land contract» where land allotments and tax immunity served as consideration for mandatory state service. The research explores the specifics of administrative management and the economic logic behind the Cossack estate's existence within the legal system of the Russian Empire. Finally, the

study investigates the legal contradictions and factors that led to the dissolution of this status during the socio-political transformation of the early 20th century.

Ключевые слова: Особый правовой статус, оренбургское казачье войско, военно-служилое сословие, поземельные отношения, сословное самоуправление, Российская империя

Keywords: Special legal status, Orenburg Cossack Host, military-service estate, land relations, estate self-government, Russian Empire

Специфика правового статуса Оренбургского казачьего войска (ОКВ) требует глубокого теоретического анализа, так как представляет собой уникальную для российской истории модель, где права субъекта напрямую детерминировались его оборонно-хозяйственным назначением. В отличие от стихийно возникших из вольных общин Донского или Яицкого войск, ОКВ изначально проектировалось как административный инструмент государственной власти. Именно это обстоятельство предопределило жесткую вертикальную зависимость войсковых структур от имперского аппарата [4, с. 24]. С юридической точки зрения цель работы заключается в пояснении тех механизмов, через которые государство делегировало расходы на содержание армии самой сословной корпорации, предоставляя ей взамен исключительные имущественные преференции.

Нормативным фундаментом особого статуса ОКВ в исследуемый период стало «Положение об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 года [6]. Данный акт окончательно институционализировал режим военно-административного управления, оформив войско как закрытую сословную структуру феодального типа. Ключевой правовой особенностью здесь выступала концентрация власти: Наказной атаман по закону являлся одновременно и оренбургским губернатором. Такое совмещение обеспечивало монолитное единство военного и гражданского управления регионом. И хотя иерархия формально дополнялась институтами самоуправления (станичными сборами и судами), реформы второй половины XIX века фактически свели их независимость на нет. Поскольку судьи начали утверждаться и отстраняться непосредственно войсковым начальством, казачья община превратилась в объект «подробной регламентации и непосредственного управления» со стороны государства [3, с. 82; 5, с. 329].

Критическое значение для юридической оценки статуса имеет природа поземельных отношений. В ОКВ земля не рассматривалась как объект частной собственности отдельного лица – её единственным законным собственником выступало Войско как юридическая корпорация. В основе землепользования лежала пайковая система: по закону 1840 года казак

(по достижении 17 лет) наделялся участком в 30 десятин, но лишь при условии исправного несения службы [7, с. 254; 4, с. 133]. Ресурсная база корпорации охранялась жестким законодательным запретом на отчуждение этих земель «иногогородним» [4, с. 132]. Таким образом, экономическая логика статуса опиралась на фискальный иммунитет (освобождение от подушной подати) в обмен на обязательство казака снаряжать себя за собственный счет. Это порождало специфический «военно-земельный контракт», где земля выступала платой за готовность к выступлению в поход «со своим конем и справой» [4, с. 175].

Экономическая автономность ОКВ поддерживалась не только наделами, но и функционированием «войскового капитала», который прирастал за счет сдачи угодий в аренду, эксплуатации лесов и доходов от золотодобычи [1, с. 136]. Именно из этих средств финансировались социально значимые сферы: медицина и народное образование [1, с. 137]. Однако к началу XX столетия эта модель вошла в фазу затяжного кризиса. Резкий рост цен на снаряжение (достигший 204 рублей к 1912 г.) [1, с. 143] на фоне сокращения фактических паев до 18,7 десятин из-за демографического прироста [1, с. 135; 7, с. 280] привел к утрате эффективности всей системы. Итогом стало массовое обеднение казачьих хозяйств, лишившихся прочного материального фундамента [1, с. 143]; [7, с. 264].

Трансформация сословного строя была насильственно прервана Декретом СНК от 10 ноября 1917 года [2], аннулировавшим все привилегии и превращавшим «казака» в «гражданина Республики». Тем не менее, в условиях начавшейся Гражданской войны структуры ОКВ продемонстрировали живучесть, сохраняя фактическую правосубъектность. Руководство войска во главе с атаманом А.И. Дутовым открыто игнорировало советское законодательство, продолжая созывать Войсковые Круги и проводить мобилизационные мероприятия [1, с. 354–358]. Окончательный демонтаж институтов сословного права в регионе завершился лишь к 1920 году. С установлением советской власти история ОКВ как особого субъекта имперского права подошла к концу, так как его корпоративные механизмы оказались юридически несовместимы с новой унифицированной правовой системой.

Список литературы

1. Ганин, А. В. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX вв. (1891–1917 гг.). — М.: Русский путь, 2006. — 592 с.
2. Декрет ВЦИК и СНК от 10.11.1917 «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Собрание узаконений РСФСР. — 1917. — № 3. — ст. 31.
3. Кузнецов, В. А. Эволюция самоуправления в Оренбургском казачьем войске / В. А. Кузнецов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. — 2019. — Т. 2, № 9. — С. 77–89.

4. Машин, М. Д. Оренбургское казачье войско. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1976. — 192 с.

5. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск: [утв. 3 июня 1891 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Санкт-Петербург: Государственная типография, 1894. — Т. XI. — № 7782. — С. 329–349.

6. Положение об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. II. — Т. XV. — Отд. 1. — № 14041.

7. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI, ч. 4: Землеустройство казачьих войск / сост. Н. А. Чернощеков. — Санкт-Петербург: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1911. — 442 с.

Е.П. ГАЛИЧИНА, А.Р. ХАЙБУЛЛИНА, С.И. ПАНЬКИН

Уральский медицинский институт
студенты I курса специальности «Лечебное дело»

E.P. GALICHINA, A.R. KHAYBULLINA, S.I. PANKIN

Ural Medical Institute
students of the first year of the specialty «Medical business»

**«ДЕЛО ВРАЧЕЙ» В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕСТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ:
ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)**

**THE 'DOCTORS' PLOT' IN THE CONTEXT OF LATE STALINIST REPRESSIONS:
HISTORICAL, POLITICAL AND REGIONAL ASPECTS (SOUTH URALS)**

Аннотация

В данной статье рассматривается «Дело врачей» как финальный этап сталинских репрессий. Авторами анализируются предпосылки возникновения дела, механизмы пропагандистского воздействия на общество, а также региональная специфика процесса на Южном Урале. В работе исследуются механизмы трансформации медицинского доноса в инструмент государственной ксенофобии. Работа подчеркивает значение прекращения процесса как отправной точки периода «оттепели» и восстановления законности в СССР.

Annotation

This article examines the 'Doctors' Plot' as the final stage of Stalinist repressions. The authors analyze the prerequisites for the case, mechanisms of propaganda influence, and the regional specifics in the South Urals. The paper investigates the transformation of a medical report into a tool of state xenophobia. The work emphasizes the importance of terminating the process as a starting point for the 'Thaw' period and the restoration of legality in the USSR.

Ключевые слова: сталинский террор, дело врачей, антисемитизм, реабилитация, Южный Урал, оттепель.

Keywords: Stalinist terror, doctors' plot, anti-Semitism, rehabilitation, South Urals, Thaw.

«Дело врачей» (или «дело врачей-вредителей») стало кульминацией репрессивной политики позднего сталинского периода. Это событие, развернувшееся в начале 1953 года, не только поставило под угрозу жизни выдающихся медиков страны, но и подготовило почву для масштабных этнических чисток. Процесс стал одним из самых абсурдных и опасных политических фарсов XX века, когда государственная машина террора попыталась превратить гуманную профессию врача в образ «врага и отравителя», манипулируя страхами общества [3, с. 112].

Корни дела уходят в 1948 год. Лидия Тимашук, врач Кремлевской больницы, обратилась в МГБ с письмом, утверждая, что высокопоставленные врачи намеренно назначили неправильное лечение члену Политбюро А.А. Жданову, что привело к его смерти. В течение четырех лет письму не давали хода, но в начале 1950-х годов, в условиях нарастающей паранойи Сталина, документ был извлечен из архива [3, с. 215]. К этому времени в стране уже шла кампания по «борьбе с космополитизмом», имевшая ярко выраженный антисемитский характер [4, с. 45]. Знаковыми событиями стали разгром Еврейского антифашистского комитета и убийство С. Михоэлса.

Официальный старт преследованиям был дан 13 января 1953 года. Газета «Правда» опубликовала статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Согласно официальной версии, в стране действовала «террористическая группа» медиков (М. Вовси, Б. Коган, П. Егоров, Я. Этингер и др.), ставившая целью сократить жизнь активным деятелям СССР [1, с. 512]. Обвинения включали связь с организацией «Джойнт», объявленной филиалом американской разведки, и подготовку покушений на маршалов Советского Союза.

Кампания быстро приобрела масштаб регионального террора. На Южном Урале рупором стала газета «Челябинский рабочий», публиковавшая призывы к бдительности. В Челябинске была сфабрикована группа профессоров (И. Лившиц, Г. Благман, Г. Поллак, Р. Дымшиц и Бургедорф). Ключевым пунктом стало обвинение во «вредительском лечении» директора Магнитогорского металлургического комбината Г.И. Носова, скончавшегося в 1951 году [6, с. 44–48]. Региональная печать адаптировала столичные тезисы под местную повестку, создавая образ внутреннего врага, стремящегося подорвать мощь советской металлургии [2, с. 15–20].

Публикации вызвали волну массового психоза. Фраза «убийцы в белых халатах» стала нарицательной. Пациенты по всей стране отказывались принимать лекарства из рук врачей-евреев, боясь отравления. Начались увольнения и травля. К арестованным медикам применялись пытки. Яков Рапопорт в мемуарах описывает, как ложь СМИ за несколько недель превратила уважаемых академиков в изгоев [5, с. 85]. Масштаб разгрома медицины огромен: академик М. С. Вовси был назначен «главарем», а Я.Г. Этингер скончался в тюрьме после жестоких допросов.

5 марта 1953 года И.В. Сталин скончался. Новое руководство инициировало пересмотр дела. В конце марта следствие установило, что обвинения были ложными, а показания выбиты силой. 3 апреля 1953 года было официально объявлено о полной реабилитации врачей. Газета «Правда» от 4 апреля признала несостоятельность документальных данных следствия [4, с. 45].

«Дело врачей» стало «последним аккордом» сталинского террора. Власть впервые открыто признала факт фальсификации дел и применения пыток. Итог событий несет этический урок: кампания показала уязвимость профессиональной среды перед идеологией. Хотя врачи были спасены, науке был нанесен удар, затормозивший развитие направлений на десятилетия. Реабилитация врачей стала символом победы здравого смысла над политическим безумием.

Список литературы

1. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до пика (1938–1953): сборник документов / под ред. Г. В. Костырченко. – Москва: Материк, 2005. 592 с.
2. Кодинцев, А. Я. «Дело врачей» на Урале / А. Я. Кодинцев // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2012. – № 2 (19). – С. 15-20.
3. Костырченко, Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР / Г. В. Костырченко. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 432 с.
4. Медведев, Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ / Ж. А. Медведев. – Москва: Права человека, 2003. – 288 с.
5. Рапопорт, Я. Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года / Я. Л. Рапопорт. – Москва: Книга, 1988. – 271 с.
6. Смирнов, А. С. Региональные аспекты политических репрессий 1953 г. / А. С. Смирнов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 18. – С. 44-48.

К.Е. ГАРДИНСКАЯ, Д.Ю. ВАЖЕНИНА
Уральский медицинский институт

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1923 гг.**

**SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF CHELYABINSK
PROVINCE FROM 1919 TO 1923 YEARS**

Аннотация

Статья посвящена истории Челябинской губернии – административно-территориальной единице, просуществовавшей на карте Южного Урала всего четыре года. Рассмотрены ключевые аспекты социально-экономического развития региона в переломную эпоху окончания Гражданской войны, политики «военного коммунизма» и голода начала 1920-х годов.

Annotation

This article is devoted to the history of the Chelyabinsk Governorate, an administrative-territorial entity that existed on the map of the Southern Urals for only four years. It examines key aspects of the region's socioeconomic development during the pivotal era of the end of the Civil War, the policy of «War Communism» and the famine of the early 1920s.

Ключевые слова: Челябинская губерния, Южный Урал, Гражданская война, «военный коммунизм», продразверстка, голод 1921–1922 гг., социально-экономическая история, культура.

Key words: Chelyabinsk province, Southern Urals, Civil War, war communism, food tax, famine of 1921-1922, culture.

Челябинская губерния – административное образование в составе РСФСР, существовавшее в 1919-1923 гг. На протяжении этих четырех лет она переживала немаловажные события, определившие ее дальнейшее развитие: окончание Гражданской войны, становление советской власти, политику «военного коммунизма», голод и зарождение новой экономической политики [1]. Губерния создавалась осенью 1919 г. впервые, вначале из четырех уездов, затем в нее вошли Верхнеуральский и Златоустовский, образовались Миасский и Куртамышский, а Кустанайский передала Казахстану [6, с. 132–133]. Площадь

губернии к 1923 году составляла около 119 тысяч квадратных км. Численность населения в 1920 г. насчитывала 1,562 миллиона человек, но к 1923 году была сокращена до 1,279 миллионов. Резкое сокращение было последствием военных действий, голода и эпидемий [4].

В экономической характеристике губернии наиболее были развиты сельское хозяйство и горнозаводская промышленность. В аграрном секторе возделывали преимущественно овес и пшеницу. Промышленность сосредотачивалась в Златоустовском и Челябинском уездах. Наиболее крупные предприятия региона включали Златоустовский (Косотурский) завод, Катав-Ивановский завод, Саткинский завод, Усть-Катавский завод [3].

В Челябинской губернии коммунисты столкнулись с рядом трудностей. Советской власти достался во многих отношениях разоренный край. Проблемы были во всех сферах народного хозяйства. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт находились в глубоком кризисе. Вместе с белыми ушли многие богатые люди, значительная часть буржуазии, технической интеллигенции. Белогвардейская эвакуация промышленности доставила большевикам огромные трудности. Колчаковцы увезли с собой готовую продукцию, сырье, оборудование, отчетную документацию, инженерно-технический персонал. Основной упор был сделан на эвакуации имущества и рабочих военных заводов.

Власти в экстренном порядке приняли чрезвычайные меры. На население губернии по трудовой повинности наложили следующие работы: восстановление всей железной дороги, станций, мостов, линий, подвоз рельс, шпал, инструмента, ремонт насыпи, расчистка ж/д.

Продовольственная политика советской власти стала основным фактором, определяющим социально-экономическую обстановку Челябинской губернии. Перегибы при выполнении продзаданий, методы изъятия продовольствия стали основой повстанческого движения [10, с. 193-195]. Повстанческие формирования использовали партизанскую тактику, рейды, а часто стремились к захвату уездных центров и контролю территории [9, с. 50-55]. В ряде случаев им удавалось взять под контроль села и целые районы, где они создавали свои структуры власти по образцу Советов, но беспартийные, а в казачьих районах производили выборы атаманов [7, с. 116-117].

С приходом НЭП продразверстку заменили продналогом, но положение крестьян не облегчилось. Осенью и зимой 1921 года запасы хлеба у населения практически иссякли. В документах губернской комиссии помощи голодающим (фонд Р-380) зафиксированы некоторые свидетельства употребления в пищу суррогатов, кореньев, травы, павших лошадей и трупов людей.

В документах сохранились подробности уголовных дел о каннибализме, в том числе о подростках, убивших и съевших 12-летнего мальчика. Голодающие получали поддержку от

Американской администрации помощи (АРА) и других организаций. Голод продолжался в регионе до 1924 г.

Помимо голода и его последствий, одной из проблем губернии являлось дезертирство. Военские части страдали от нехватки продовольствия и обмундирования, а в госпиталях тем временем не хватало врачей и мест. В среде бойцов начинали проникать сведения о тяжелой обстановке в губернии – это стало одной из основных причин развития дезертирства. Многие красноармейцы стали бежать в другие губернии. Происходили локальные и кратковременные вооруженные выступления дезертиров. По отчетам уполномоченных органов в губернии с 1 ноября 1919 года по 31 января 1921 года в губернии задержали 39165 дезертиров [8, с. 26–28]. Но к лету произошел спад количества побегов из армии. Причинами были улучшение условий в воинских частях, спад эпидемий и самое главное репрессивная работа по борьбе с дезертирством, уклонением от призывов и укрывательством беглецов [11, с. 193, 201–202]. В целом причины бегства, его динамика и способы зависели от времени года, субъективных факторов и личных мотивов, однако некоторые оставались из-за боязни сбегать в лес к «старым» дезертирам [5, с. 26–28].

Развитие культурной жизни в губернии продолжалось, несмотря на все трудности. В Челябинске открылись институт народного образования, музей, архив, учреждались газета и журнал [1].

В ноябре 1923 г. территория губернии вошла в Уральскую область несколькими округами. Четырехлетняя история Челябинской губернии стала важным этапом в жизни Южного Урала. Это было время становления региона в новых политических условиях, процесса восстановления разрушенного войной хозяйства, поиска путей выживания в условиях голода и эпидемий. Опыт этих лет, позволяет современным исследователям глубже понять механизмы социально-экономических трансформаций в переломные эпохи.

Список литературы

1. Объединённый государственный архив Челябинской области. Челябинской губернии 100 лет. — URL: <https://archive74.ru/news/chelyabinskoy-gubernii-100-let-k-vekovomu-yubileyu-obrazovaniya-chelyabinskoy-gubernii> (дата обращения: 29.01.2026)
2. Портал «Архивы России». Объединенный государственный архив Челябинской области. — URL: <https://www.rusarchives.ru/state/chelyabinskaya-oblast/24-12-2019-ogachopredstavlyaet-knigu-posvyashchennuyu-100-letiyu-chelyabinskoy-gubernii> (дата обращения: 03.02.2026)
3. Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории: сборник документов / сост. и науч. Ред. М.А. Базанов. — Челябинск, 2019 (дата обращения: 03.02.2026)

4. Голод и засуха. Челябинская губерния стала зоной гуманитарного бедствия // АиФ-Челябинск, 2016 — URL: https://chel.aif.ru/culture/golod_i_zasuha_chelyabinskaya_guberniya_stala_zonoy_gumanitarnogo_bedstviya (дата обращения: 30.01.2026)
5. Панькин, С.И. Детерминация дезертирства и уклонения от мобилизаций на Южном Урале осенью 1919 - весной 1921 г / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 25-29. – EDN DNFNOO
6. Панькин, С. И. Челябинская губерния, 1919-1923 гг.: абрис истории: сб. док / С. И. Панькин // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 131-134. – EDN VRTKQX.
7. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6(38). – С. 116-117. – EDN OFAHQI.
8. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 25-29. – DOI [10.18572/2070-2108-2022-1-25-29](https://doi.org/10.18572/2070-2108-2022-1-25-29). – EDN KIUEAR.
9. Панькин, С. И. Особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920-1922 гг / С. И. Панькин // Управление в современных системах. – 2015. – № 3 (7). – С. 47-58. – EDN TBHCID.
10. Панькин, С. И. Восстание в Кустанайском уезде Челябинской губернии в 1920 году (по материалам ОГАЧО) / С. И. Панькин // Архив в социуме - социум в архиве: Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 года / Составитель и научный редактор Н.А. Антипин. – Челябинск: ГУ ОГАЧО, 2018. – С. 192-199. – EDN UVESTI.
11. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI [10.24412/2309-152-2023-4-185-203](https://doi.org/10.24412/2309-152-2023-4-185-203). – EDN PLLFLN.

Н.А. ГРОМОВ

Уральский государственный
университет физической культуры,
студент I курса направления подготовки
«Физкультурное образование»

N.A. GROMOV

Ural State University of Physical Culture
1nd year student of the field of study

«Physical Education»

Научный руководитель

Т.И. ЖАРКОВА

Уральский государственный
университет физической культуры,
канд. пед. наук, доцент

Scientific Director

T.I. ZHARKOVA

Ural State University of Physical Education,
PhD, Associate Professor

ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

ATHLETICS AS A TOOL FOR PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS OF A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Аннотация

В статье обоснована актуальность выбранной автором темы работы; рассмотрен ряд основополагающих определений для понятий, являющихся ключевыми: «атлетика», «патриотизм», «мотивация», «здоровье», «здоровый образ жизни»; показаны роль, значение и важность занятий легкой атлетикой для воспитания волевых качеств обучающихся и мотивации к ведению здорового образа жизни, а главное – воспитания защитника, патриота нашей Родины.

Annotation

The article substantiates the relevance of the topic chosen by the author; a number of fundamental definitions for key concepts are considered: «athletics», «patriotism», «motivation», «health», «healthy lifestyle»; the role, significance and importance of athletics for the development of students' willpower and motivation to lead a healthy lifestyle, and most importantly - the education of a defender, a patriot of our Motherland, are shown

Ключевые слова: атлетика, легкая атлетика, мотивация, здоровье, патриотическое воспитание.

Key words: athletics, track and field, motivation, health, patriotic education.

*«Кто не принадлежит своему отечеству,
тот не принадлежит и человечеству»
В.Г. Белинский*

«Бегун должен бежать с мечтой в сердце»

Мы живем и получаем образование в сложное время, во время больших перемен, время вызовов и изменений в геополитической ситуации. Но необходимо акцентировать внимание на том, что каким бы сложным не было время, спорт всегда был, есть и будет востребован молодежью. Спорт является связующим звеном, объединяющим народы мира. Не случайно 2026 год объявлен президентом В.В. Путиным Годом единства народов России.

Мы понимаем под мотивацией «побуждение к действию, психофизиологический процесс, управляющий поведением человека, знающий его направленность, организацию, активность и устойчивость» [9, с. 126] Мотивация представляет собой совокупность/систему мотивов.

Преподаватели физической культуры и тренеры Южного Урала большое внимание уделяют двигательным процессам/движению. В Германии же основное внимание уделяется не просто двигательным процессам/движению и «не совершенству самих спортивных движений, а *разнообразному и многостороннему, радостному движению, развитию и распознаванию решений действий, повышению двигательных компетенций*. – Курсив наш – *Н.А.*» («*Dabei steht nicht die Perfektion von sportlichen Bewegungen an sich im Vordergrund, sondern das vielseitige und vielfältige, freudvolle Bewegen, das Entwickeln und Erkennen von Handlungslösungen und das Steigern der (motorischen) Kompetenz*») [12]. Понятно всем, что любое занятие должно приносить радость, а в спорте особенно, повышать мотивацию [9], тогда можно преодолеть любые трудности и можно достигать высоких результатов и побеждать, побеждать, побеждать! Что мы и делаем. Нам нет равных. Примеры, доказывающие это высказывание, приведем ниже.

Легкая атлетика занимает важное место в школьной программе физического воспитания. Она – один из основных видов спорта в комплексе ГТО [6]. Бегом, прыжками и метаниями человек занимается с древних времен. Именно с древнегреческим пятиборьем связано происхождение термина «легкая атлетика». Что же такое «атлетика»?

В Новой иллюстрированной энциклопедии дается следующее определение данному термину: «Атлетика (от греч. *athletikos* – свойственный борцам), система физических упражнений, развивающих ловкость и силу (спортивные термины «легкая атлетика», «тяжелая атлетика»)» [7].

Легкая атлетика, являясь олимпийским видом спорта, включающим беговые виды, спортивную ходьбу, многоборье, пробеги, кроссы и технические виды, не зря названа «королевой спорта». Это и понятно: в нее входит наибольшее количество/число видов спорта. И на Олимпийских играх всегда разыгрывалось наибольшее число медалей.

Знания иностранного языка востребованы как никогда в нашем регионе в силу того, что столица Южного Урала является своего рода и спортивной столицей, а в последние годы особенно. Общеизвестно, что в Челябинске «стали ежегодно проводиться спортивные соревнования международного уровня, а именно: Чемпионат мира по дзюдо (2014 г.), Чемпионат мира по тхэквондо (2015 г.), чемпионат мира по танцевальному спорту (2018 г.), чемпионат мира по фигурному катанию, водному поло, хоккею и т.д. Челябинской области выпала честь провести: с 4-9 декабря I этап «Кубка мира» в сезоне 2019/2020 по сноуборду; в феврале 2020 г. – чемпионат «Кубок мира по фристайлу». Челябинск можно уже по праву считать столицей спортивных соревнований и не только! В начале мая 2020 г. в Челябинске пройдет «Кубок FIAP – 2020» (FIAP – фр. *Fédération Internationale de l'Art Photographique* – Международная федерация фотографического искусства), т.е. Кубок мира по художественной фотографии. В 2020 году часть мероприятий летнего саммита ШОС и БРИКС состоится в Челябинске» [4], [5, с. 30].

Итак, хотелось бы отметить, что легкая атлетика воспитывает у обучающегося такие качества, как дисциплинированность, выносливость, настойчивость, волю, умение преодолевать трудности, формируют характер, стремление к саморазвитию, самосовершенствованию, мотивацию к ведению здорового образа жизни, стремление к победе. «Именно спорту принадлежит роль воспитания культуры соперничества, терпимости и толерантности, способности мирного разрешения конфликтов, а также смягчения международных конфликтов, укрепления дружбы и мира между народами» [3, с. 118]. И не только. Главное – чувство патриотизма, «нравственного и политического принципа, социального чувства, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [8].

В этой связи полагаем, что подготовка будущего учителя физической культуры и тренера, а также специалиста в сфере физкультуры и спорта должна занимать особое, можно сказать даже место приоритетное в процессе профессионального педагогического образования, особенно в настоящее время, в эпоху обострения геополитической ситуации в глобальном мире.

Мы неслучайно взяли в качестве эпиграфа к нашей работе высказывание Эмиля Затопека, чехословацкого легкоатлета, многократного олимпийского чемпиона и рекордсмена мира в беге на длинные дистанции. На Олимпиаде в Хельсинки в 1952 г. Э. Затопек совершил невероятное: в течение восьми дней выиграл забеги на 5 000, 10 000 м и марафон. Необходимо особо отметить, что марафон был для него своего рода дебютом.

Южноуральцам тоже есть кем гордиться. *Лидия Скобликова* – конькобежный спорт, шестикратная олимпийская чемпионка (Инсбрук, 1964 г., выиграла все возможные дистанции: 500, 1000, 1500, 3000 м, родом из г. Златоуста Челябинской области; *Валерий Гопин* – гандбол, две золотые медали на Олимпийских играх 1988 и 1992 гг., окончил Уральскую государственную академию физической культуры (Челябинск); *Анатолий Карпов* – советский и российский шахматист, гроссмейстер (1970) с мировой известностью и славой: 12-й чемпион мира (1975–1985), внесенный в Книгу рекордов Гиннесса, родился, как и Лидия Скобликова, в Челябинской области, в г. Златоусте, и др. Этот список можно продолжать и продолжать, но мы остановимся на нескольких из них, а также двух последних чемпионах Олимпийских игр в Токио 2000 г.

Среди спортсменов Южного Урала, связанных с легкой атлетикой, есть олимпийские чемпионы: *Елена Елесина*, главный спортивный успех которой пришел на Олимпийских играх 2000 г. в Сиднее, где она с результатом 2,01 стала олимпийской чемпионкой, опередив признанных фавориток – шведку Кайсу Бергквист и южноафриканку Хестри Клоэт. А также Виктор Санеев, гордость Южного Урала, трехкратный олимпийский чемпион в тройном прыжке (1968 г., 1972 г., 1976 г.).

Особенно гордимся мы нашими паралимпийцами. Дмитрий Черняев (2000 г.), российский пловец-паралимпиец, будучи еще студентом колледжа Уральского государственного университета физической культуры, показал лучшее время, выиграв золотую медаль Паралимпийских игр. Валерия Шабалина (1995), российская параспортсменка, пловчиха, многократная чемпионка мира, Европы, рекордсменка мира, многократная чемпионка и призер чемпионатов России, трехкратная чемпионка Олимпийских игр 2020 г. в Токио, заслуженный мастер спорта России.

Нельзя забывать и о осознании студентом своих корней, своего места и своей роли в мире, своего осознанного права и ответственного выбора [11, с. 1610]. Подрастающее поколение должно осознать, что именно спорт «положительно влияют на эмоциональное, физическое, умственное и социальное развитие» [10, с 77]. Наша задача воспитать здоровое поколение молодежи, способное любить свою Родину [1], поколение мужественное и бесстрашное, поколение, готовое в любое время защитить свою Отчизну [2], будь то на ринге, турнире, соревновании, Олимпийских играх, а то и на поле боя.

Список литературы

1. Жаркова Т.И. Воспитание любви к Родине через диалог культур на уроке иностранного языка / Т.И. Жаркова // Образ Родины: содержание, формирование,

актуализация: Материалы VI Международной научной конференции, Москва 21 апреля 2023 г. – Москва: МХПИ, 2023. – 1000 с. – С. 336-340.

2. Жаркова Т.И. Патриотическое воспитание на уроках иностранного языка сквозь призму пословиц и поговорок по теме «Семья» /Т.И. Жаркова // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва 19-20 апреля 2024 г. – М.: МХПИ, 2024. – 1034 с. – С. 155-160.

3. Жаркова, Т.И. Роль спорта в реализации межкультурной коммуникации / Т.И. Жаркова // Система менеджмента качества в вузе: здоровье, образованность, конкурентоспособность : сб. науч. тр. ; X Междунар. науч.-практ. конф. ; Челябинск, 30 апреля 2021 г. / под ред. проф. С. Г. Серикова. – Челябинск : УралГУФК, 2021. – 372 с. – С. 114-119.

4. Жаркова Т.И. Championnat du monde de judo à Tcheliabinsk /Т.И. Жаркова // Иностранные языки в школе. – 2015. – № 2. – С. 87-93.

5. Жаркова, Т.И., Латыш, А.Ф. Обучение аудированию студентов неязыковых вузов для успешной реализации межкультурной коммуникации / Т.И. Жаркова, А.Ф. Латыш // Иностр. яз. в шк. – 2020. – № 1. – С. 29-35.

6. Макаров А.Н. Легкая атлетика / А.Н. Макаров, П.З. Сирис, В.П. Теннов; Под ред. А.Н. Макарова. – М.: Просвещение, 1990. – 208 с.

7. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. – 256 с.

8. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991.

9. Формирование мотивации к предметам гуманитарного цикла в экономическом вузе. Монография / Под науч. ред. Т.И. Жарковой. – Челябинск: Уральская Академия, 2017. – 142 с.

10. Jarkova T. Détendez-vous! / T. Jarkova // Le français dans le monde. – Paris. – 2004. – № 331. – P. 77.

11. Zharkova, T.I. The Role Of Native Culture For The Implementation Of Intercultural Communication / Zharkova Tat'yana Ivanovna // X International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». 27-29 April, 2020 European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Published by European Publisher. Article no: 186. Pages 1604-1611. Doi: [10.15405/epsbs.2020.08.186](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.186)

12. Reinboth F., Hempfer D., Hempfer, K. Hieber K. Schneesportunterricht mit Kindern und Jugendlichen / F. Reinboth, D. Hempfer, K. Hieber u.a. – Stuttgart: Verlag Pietsch, 2010. – 229 p.

Э.К. ДАБУЗОВ, А.В. ШКИТИНА
Уральский медицинский институт,
Студенты I курса специальности «Стоматология»

Научный руководитель
И.Л. ВАСИЛЬЕВА
Уральский медицинский институт,
канд. пед. наук, доцент,
проректор по учебной работе

E.K. DABYZOV, A.V. SHKITINA
Ural Medical Institute
First-year students, majoring in Dentistry

Scientific Director
I.L. VASILYEVA
Ural Medical Institute,
PhD, Associate Professor,
Vice-Rector for Academic Affairs

ЭПИДЕМИЯ ТИФА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XX ВЕКЕ **TYPHUS EPIDEMIC IN THE SOUTHERN URALS IN THE 20TH CENTURY**

Аннотация

В данной статье изучается хроника эпидемий тифа (как сыпного, так и брюшного) в границах Южного Урала на протяжении 20 века. Ключевой акцент сделан на тяжелом периоде Гражданской войны (1918–1920 гг.) и последующем десятилетии восстановления, когда уровень заболеваемости достигал наивысших значений. Проводится анализ причин, повлиявших на быстрое распространение инфекции (таких как отсутствие санитарных условий, недостаток продовольствия, массовые перемещения людей). Также приводится описание исключительных мер, предпринятых медицинскими службами для ограничения и искоренения очагов заболевания.

В работе демонстрируется, что вспышка тифа обернулась суровым испытанием для данной местности и повлекла за собой значительные человеческие потери, одновременно дав толчок к формированию и прогрессу советской системы здравоохранения и службы санитарно-эпидемиологического надзора.

Annotation

This article examines the chronicle of typhus epidemics (both typhus and typhoid) in the Southern Urals throughout the 20th century. A key focus is placed on the difficult period of the Civil War (1918–1920) and the subsequent decade of recovery, when incidence rates reached their peak. The factors that contributed to the rapid spread of the infection (such as poor sanitation, food shortages, and mass

displacement) are analyzed. It also describes the exceptional measures taken by medical services to contain and eradicate outbreaks.

The article demonstrates that the typhus outbreak was a severe test for the region and resulted in significant human losses, while simultaneously spurring the development and progress of the Soviet healthcare system and sanitary and epidemiological surveillance.

Ключевые слова: эпидемия, тиф, Южный Урал.

Keywords: epidemic, typhus, Southern Urals.

Начало XX века принесло России, и в частности Южному Уралу, период масштабных потрясений: войны, революции и Гражданская война. Эти события привели к разрушению привычного уклада жизни, голоду, антисанитарии и массовым перемещениям населения. В таких условиях инфекционные заболевания, в том числе тиф (сыпной, переносимый вшами, и брюшной), получили широкое распространение, став причиной огромного количества заболевших и смертей, превратившись в настоящую катастрофу для региона.

Наиболее разрушительное воздействие тиф оказал в период Гражданской войны. На Южном Урале, где проходила линия фронта между Красной армией и войсками Колчака, ситуация была критической. Военные условия, скученность в казармах, поездах и госпиталях привели к массовому распространению вшей, переносящих сыпной тиф. Отсутствие работающих систем водоснабжения и канализации способствовало распространению брюшного тифа через загрязненную воду и пищу. Недостаток врачей, медсестер, лекарств и дезинфицирующих средств усугублял ситуацию как в армиях, так и среди гражданского населения. Дефицит питания ослаблял иммунитет людей, делая их более уязвимыми к инфекции. Все указанные факторы усугубились, когда в регионе восстановилась советская власть. Массовые мобилизации привели в переполненные, холодные казармы тыловых частей тысячи людей, которым не хватало одежды и продовольствия и как следствие тиф получил стремительное развитие среди красноармейцев, став ведущей причиной и формой дезертирства, когда красноармейцев, ввиду переполненных госпиталей отправляли лечиться по домам [5, с. 26–27]. Масштабы дезертирства были колоссальные – в Челябинской губернии с ноября 1919 по февраль 1921 годов задержали до 40 тысяч беглецов и уклонистов [6, с. 26]. Тиф косил и сотрудников спецкомиссий по борьбе с дезертирством, которые участвовали во всех врачебных комиссиях по освидетельствованию военнослужащих [7, с. 190–197].

По приблизительным оценкам, в 1920 г. на Южном Урале различными формами тифа переболело более 60 тыс. человек, причем значительная часть заболевших приходилась на городское население. Советское правительство, осознавая масштаб угрозы, развернуло активную борьбу с эпидемией, сделав ее приоритетной задачей [2]. Для борьбы были созданы специальные

комиссии по борьбе с тифом (Чектиф) с широкими полномочиями, введен строгий санитарный контроль.

На железнодорожных станциях и въездах в города были организованы санитарно-пропускные пункты, где проводилась обязательная санобработка граждан: мытье, стрижка, дезинфекция одежды. Велась активная разъяснительная работа среди населения о необходимости соблюдения гигиены, уничтожения вшей и профилактики заражения. Создавались тифозные бараки и госпитали, несмотря на острую нехватку ресурсов [3]. К середине 1920-х годов, благодаря стабилизации обстановки и принятым мерам, эпидемиологическая ситуация улучшилась. Однако отдельные вспышки продолжали фиксироваться. Весной 1934 г. в Челябинской области эпидемия тифа затронула 35 районов из 60 [1].

В первой половине XX века Южный Урал пережил страшную эпидемию тифа, которая по своим масштабам и последствиям была сопоставима с войной. Анализ этого бедствия выявил несколько ключевых моментов: Основными факторами, способствовавшими распространению болезни, стали антисанитария, разрушение городской инфраструктуры, массовые перемещения населения и общее истощение людей из-за голода и лишений. Это подтверждает, что инфекционные заболевания часто являются не только медицинской, но и социальной проблемой, процветающей в условиях нестабильности и бедности [4].

Борьба с эпидемией показала, насколько важны быстрые, централизованные и решительные действия властей. Несмотря на нехватку ресурсов, создание специальных комиссий, организация санитарных пунктов, массовая дезинфекция и санитарное просвещение помогли взять ситуацию под контроль и спасти жизни. Эти меры, хотя и были жесткими, оказались эффективными в борьбе с инфекцией.

Эпидемия тифа, несмотря на свою трагичность, стала мощным толчком для развития советской системы здравоохранения. Необходимость быстрого реагирования привела к созданию разветвленной сети санитарно-эпидемиологического надзора, которая в дальнейшем успешно справлялась с различными вызовами, включая локальные вспышки в 1930-е годы и обеспечение санитарной безопасности в тылу во время Великой Отечественной войны.

Таким образом, изучение эпидемии тифа на Южном Урале имеет не только историческое, но и практическое значение. Этот опыт напоминает нам о том, как легко может быть нарушено санитарное благополучие общества в условиях социальных потрясений, и подчеркивает важность профилактики, гигиены и сильной, скоординированной системы здравоохранения для защиты населения.

Список литературы

1. Познанский В. С. Эпидемия тифа во время русской Гражданской войны.

2. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни и население Урала в 1917-1922 гг. М.: РОСПЭН, 2001.

3. Семенченко И. В. Совершенствование земствами медицинского обслуживания населения на Урале в 1900-1918 гг.// Вестник Южно-уральского государственного университета. Социально- гуманитарные науки. Серия История. 2006.

4. Агалаков А. Эпидемия тифа во время русской Гражданской войны. М., 1998.

5. Панькин, С. И. Детерминация дезертирства и уклонения от мобилизаций на Южном Урале осенью 1919 - весной 1921 г / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-25-29. – EDN DNFNOO

6. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-1-25-29. – EDN KIUEAR.

7. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.

Р.Д. ДИЛЬМУХАМЕТОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Юриспруденция»

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский филиал Финуниверситета
канд. социол. наук, доцент

R.D. DILMUHAMETOV

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Jurisprudence»

Scientific supervisor

S.I. PANKIN

Ural branch of the Financial University
Ph.D. sociological. Sciences, Associate Professor

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

THE SIGNIFICANCE AND ROLE OF EXECUTIVE POWER IN THE SYSTEM OF THE STATE MECHANISM

Аннотация

В данной работе осуществляется комплексный анализ значения и роли исполнительной власти в системе государственного механизма. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена ключевым положением исполнительной ветви власти, которая оказывает непрерывное управляющее воздействие на все сферы жизнедеятельности общества. В статье раскрывается понятие и сущность исполнительной власти, рассматривается её соотношение со смежными категориями («государственное управление», «государственная администрация»), анализируются функциональные характеристики и место в системе разделения властей. Исследование направлено на выявление современных тенденций развития исполнительной власти и определение проблем её эффективности на федеральном и региональном уровнях.

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the significance and role of executive power in the system of the state mechanism. The relevance of the topic is due to the key position of the executive branch, which has a continuous managerial impact on all spheres of society. The article reveals the concept and essence of executive power, examines its relationship with related categories («public administration», «state administration»), analyzes functional characteristics and its place in the system of separation of powers. The research is aimed at identifying current trends in the development of executive power and identifying problems of its effectiveness at the federal and regional levels.

Ключевые слова: Исполнительная власть, государственное управление, разделение властей, органы исполнительной власти, административная реформа.

Keywords: Executive power, public administration, separation of powers, executive authorities, administrative reform.

В современном государственном механизме исполнительная власть занимает особое положение. Обладая разветвленной системой органов и многочисленным кадровым

составом, она оказывает непосредственное и непрерывное управляющее воздействие на общество.

В юридической науке дискуссии о природе исполнительной власти и её оптимальной модели не утихают десятилетиями. Категория «исполнительная власть» вошла в широкий оборот сравнительно недавно, однако сама идея выделения ветви власти, реализующей законы, восходит к теории разделения властей Дж. Локка и Ш. Монтескье. В современной доктрине отсутствует единое легальное определение. Многообразие подходов можно свести к институциональному (система органов), функциональному (правоприменительная деятельность) и политико-правовому (совокупность полномочий по управлению) направлениям.

К сущностным признакам исполнительной власти относится её самостоятельность, правоприменительный характер, универсальность и организационная оформленность в виде иерархической системы органов.

Исполнительная власть материализуется в деятельности конкретных органов. В Российской Федерации система строится на двух уровнях: федеральном и уровне субъектов РФ. Статья 77 Конституции РФ закрепляет единство этой системы, что обеспечивает согласованность действий по предметам совместного ведения. Принципами функционирования выступают законность, федерализм, сочетание централизации и децентрализации.

Функциональное назначение исполнительной власти предопределено её названием – исполнение законов. Однако спектр решаемых задач шире: это и правоприменительная функция (издание индивидуальных актов управления), и правообеспечительная (подзаконное нормотворчество), и административно-надзорная, и функция оказания государственных услуг.

В системе разделения властей исполнительная ветвь функционирует в условиях сдержек и противовесов. Взаимодействие с законодательной властью проявляется в праве законодательной инициативы, утверждении бюджета и парламентском контроле. Важнейшим инструментом влияния является право вето. Судебная власть, в свою очередь, осуществляет контроль за законностью актов управления, а исполнительная власть обладает правом помилования.

Современные тенденции развития исполнительной власти характеризуются усилением фактической роли главы государства даже в странах, где он конституционно не включен в её состав. В Российской Федерации это выражается в расширении «скрытых» полномочий Президента по определению структуры федеральных органов, что позволяет оперативно реагировать на вызовы, но создает риски дисбаланса властей.

Особое значение приобретает обеспечение законности и взаимодействие с гражданским обществом. Граждане имеют право оспорить в суде решения органов власти, а парламентский и общественный контроль (общественные советы, экспертиза нормативных актов) призваны повысить прозрачность деятельности административного аппарата.

Таким образом, роль исполнительной власти в государственном механизме является определяющей. Именно от её эффективности напрямую зависит качество жизни граждан и уровень доверия к государству. Проведенное исследование позволяет заключить, что будущее развитие теории и практики исполнительной власти видится в поиске баланса между централизацией, необходимой для единства управления, и децентрализацией, обеспечивающей учет местных особенностей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020). Официальная документация. URL:<http://www.kremlin.ru/acts/constitution>.
2. О Правительстве Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. – Ст. 7061. Официальная документация. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>.
3. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. – Москва : Омега-Л, 2004. – 579 с. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002686545/
4. Мигачев, Ю. И., Попов, Л. Л., Тихомиров, С. В. Государственное управление и исполнительная власть : учебное пособие. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – 318 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004836219>.
5. Хвалыбова, А. А. Исполнительная власть: понятие и системно-функциональная характеристика // Молодой ученый. – 2019. – № 22 (260). – С.[372–374]. — URL: <https://moluch.ru/archive/260/59732>.

Р.Д. ДИЛЬМУХАМЕТОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Юриспруденция»

Научный руководитель

Д.И. МЕДВЕДЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
старший преподаватель

R.D. DILMUHAMETOV

Ural branch of the Financial University

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE JUSTICE SYSTEM

Аннотация

В данной работе осуществляется комплексный анализ роли цифровизации в системе организации судебной власти. В статье раскрывается понятие и сущность цифрового правосудия, рассматривается его соотношение со смежными категориями («электронное судопроизводство», «онлайн-разрешение споров»). Автор статьи рассматривает современные тенденции развития цифровизации правосудия и определяет ряд проблем её эффективной реализации на федеральном и региональном уровнях.

Abstract

This paper provides a comprehensive analysis of the role of digitalization in the judicial system. The article explores the concept and essence of digital justice and examines its relationship with related categories (e-judicial procedures and online dispute resolution). The author examines current trends in the digitalization of justice and identifies a number of challenges to its effective implementation at the federal and regional levels.

Ключевые слова: Цифровое правосудие, электронное судопроизводство, информационные технологии в судах, ГАС «Правосудие», дистанционное судебное заседание, искусственный интеллект в правосудии, машиночитаемое право, кибербезопасность судов.

Keywords: Digital justice, electronic litigation, information technologies in courts, GAS «Pravosudie», remote court hearing, artificial intelligence in justice, machine-readable law, cybersecurity of courts.

В современном правовом пространстве цифровизация системы правосудия занимает особое положение. Обладая потенциалом для кардинального изменения традиционных процедур судопроизводства, она оказывает непосредственное и непрерывное воздействие на доступность, оперативность и прозрачность правосудия. В то время как законодательная

власть определяет правовые рамки цифровой трансформации, а исполнительная обеспечивает технологическую инфраструктуру, именно судебная власть ежедневно внедряет инновации в сфере электронного документооборота, дистанционных заседаний и автоматизированного анализа судебной практики.

В юридической науке дискуссии о природе цифрового правосудия и его оптимальной модели не утихают десятилетиями. Категория «цифровое правосудие» вошла в широкий оборот сравнительно недавно, однако сама идея использования технологий для оптимизации судебных процедур восходит к концепциям «электронного правительства» и «электронной демократии» 1990-х годов. Многообразие подходов можно свести к технологическому (внедрение информационных систем), процессуальному (электронное судопроизводство) и институциональному (цифровая трансформация судебной системы) направлениям.

К сущностным признакам цифрового правосудия относится его технологическая обусловленность, процессуальная трансформация, универсальность охвата всех стадий судопроизводства и организационная интеграция в единые информационные системы. Важным теоретическим вопросом является соотношение понятий «цифровое правосудие» и «электронное судопроизводство». Если первое рассматривается как широкая категория комплексной трансформации судебной системы, то второе – как конкретная реализация процессуальных действий в электронной форме.

Цифровое правосудие материализуется в деятельности конкретных информационных систем. В Российской Федерации ключевыми платформами выступают ГАС «Правосудие» (для судов общей юрисдикции и мировых судей) и «Мой Арбитр» (для арбитражных судов). Статья 6 Федерального закона «О государственной тайне» и ряд приказов Судебного департамента при Верховном Суде РФ закрепляют правовые основы электронного документооборота. Принципами функционирования выступают законность, доступность, конфиденциальность и технологическая нейтральность. Анализ зарубежного опыта (США, страны ЕС) демонстрирует вариативность моделей: от централизованных национальных систем до децентрализованных платформ онлайн-разрешения споров (ODR), что создает различный уровень защиты прав участников процесса.

Функциональное назначение цифровизации правосудия предопределено его названием — оптимизация судебных процедур через технологии. Однако спектр решаемых задач шире: это и обеспечение удаленного доступа к правосудию (дистанционные заседания через видеоконференцсвязь), и автоматизация рутинных операций (электронный документооборот, машиночитаемое право), и интеллектуальная поддержка судей (системы анализа судебной практики на базе искусственного интеллекта), и повышение прозрачности (открытые базы судебных решений).

В системе судебной власти цифровые технологии функционируют в условиях баланса между эффективностью и гарантиями правосудия. Взаимодействие с традиционными формами судопроизводства проявляется в сохранении права на очное судебное заседание, возможности отказа от электронных форм взаимодействия и приоритете бумажного экземпляра судебного акта. Важнейшим институциональным ограничением выступает запрет на полную автоматизацию принятия судебных решений – окончательное решение всегда остается за человеком-судьей. Зарубежная практика показывает эволюцию этого баланса: от пилотных проектов робот-судей в отдельных юрисдикциях до консервативного подхода Европейского суда по правам человека, признающего риски для справедливого судебного разбирательства при чрезмерной автоматизации.

Современные тенденции развития цифрового правосудия характеризуются усилением роли искусственного интеллекта и аналитических систем. В Российской Федерации это выражается в планах Верховного Суда РФ по внедрению ИИ для выявления противоречий в судебной практике и обеспечения её единообразия. Председатель Верховного Суда Игорь Краснов подчеркнул, что использование аналитических программных комплексов, основанных на технологиях искусственного интеллекта, является перспективным направлением, однако окончательное решение в каждом деле всегда будет оставаться за человеком. Аналогичные процессы наблюдаются в развитии «машиночитаемого права» – концепции, позволяющей автоматизировать исполнение типовых обязательств и упрощать судебное разбирательство в стандартных ситуациях.

Информационная безопасность и защита данных остаются приоритетной задачей. В Концепции цифровой трансформации судебной системы, разработанной Верховным Судом РФ, закреплено положение о том, что защита персональных данных участников процесса, конфиденциальность судебных материалов и устойчивость информационных систем к внешним угрозам являются приоритетными направлениями. Счетная палата РФ отметила необходимость преодоления технологической неравномерности между судами разных регионов и отказа от устаревающих технологий (в частности, CD/DVD-носителей для хранения аудиозаписей заседаний), на закупку которых в 2022–2024 годах было потрачено более 330 миллионов рублей.

Особое значение приобретает обеспечение доступности цифрового правосудия для всех категорий граждан. В 2021–2025 годах в России реализован комплекс законодательных изменений, позволяющих подавать иски через портал Госуслуг с использованием простой электронной подписи, участвовать в заседаниях через веб-конференции с идентификацией через ЕСИА, получать судебные извещения и копии актов в электронной форме. С 1 июля 2025 года вступают в силу законы Федеральный закон № 59-

ФЗ и Федеральный закон № 60-ФЗ, разрешающие полностью дистанционное рассмотрение административных дел с применением видеоконференцсвязи.

Однако сохраняются ограничения: подсудимый не может присутствовать на заседании по ВКС без защитника, дела с участием присяжных заседателей рассматриваются только очно, заявление о преступлении не может быть подано в электронном виде в связи с необходимостью предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Таким образом, роль цифровизации в системе правосудия является определяющей для современного этапа развития судебной власти. Именно от её эффективности напрямую зависит доступность правосудия, оперативность разрешения споров и доверие граждан к судебной системе. Проведенное исследование позволяет заключить, что будущее развитие цифрового правосудия видится в поиске баланса между технологической эффективностью, необходимой для разгрузки судей и снижения издержек, и процессуальными гарантиями, обеспечивающими справедливое судебное разбирательство и уважение прав участников процесса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020). Официальная документация. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 52 (ч. I). — Ст. 8243. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>.

3. Информационные технологии в судах России / TAdviser. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационные_технологии_в_судах_России (дата обращения: 27.02.2026).

4. Верховный Суд Российской Федерации объявил о поэтапном внедрении технологий искусственного интеллекта в систему правосудия / Ассоциация юристов России. — URL: <https://lawyers21.ru/novosti/verhovnyj-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya> (дата обращения: 27.02.2026).

Л.А. ДРОТОВИЗ, М.А. ДАВЫДОВА, Р.Р. ЯНСАРИН
Уральский филиал Финуниверситета

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский филиал Финуниверситета

L.A. DROTOIZ, M.A. DAVYDOVA, R.R. YANSARIN

Ural branch of the Financial University

Scientific supervisor

S. I. PANKIN

Candidate of Social Sciences, Associate Professor

Ural branch of the Financial University

ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА СУДЕБНЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

FEATURES OF THE STATUS OF JUDICIAL OFFICERS IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

Аннотация

Статья раскрывает историю изменения и устройства судебной системы. Особенное внимание уделяется статусу судебных работников в России, начиная с советских времен и до настоящего времени. А также рассмотрен вопрос изменения законодательных гарантий судебных работников, в частности судей.

Annotation

The article reveals the history of changes and the structure of the judicial system. Special attention is paid to the status of judicial officers in Russia, from Soviet times to the present day. The article also discusses the changes in legislative guarantees for judicial officers, particularly judges.

Ключевые слова: судебная система, аппарат судьи, помощник судьи, суд, судебный процесс.

Key words: judicial system, judge's office, judge's assistant, court, trial.

Судебные работники — это специалисты, занятые в системе органов правосудия и отвечающие за различные этапы судебного разбирательства, включая подготовку дел к рассмотрению, организацию процесса и исполнению выносимых приговоров. К ним относятся судьи, различающиеся по категориям в зависимости от уровня сложности рассматриваемых дел, а также помощники судей, секретари заседаний и ответственные за оформление документов. Само понятие «судья» подразумевает лицо, уполномоченное Конституцией РФ осуществлять правосудие. Остальные должности — помощники судей и секретари — входят в состав государственной гражданской службы. При этом помощник не

наделён возможностью принимать самостоятельные решения по делам, не может замещать судью в вопросах, отнесённых к исключительному ведению суда, и выполняет вспомогательные функции, обеспечивая эффективность деятельности судьи.

В России статус судей регулируется Конституцией РФ и Федеральным законом «О статусе судей», работу помощников судей и секретарей регулирует ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» от 27.07.2004 [6]; [3].

Чтобы стать судьей необходимо соответствовать строгим критериям: быть гражданином РФ, иметь высшее юридическое образование и значительный опыт работы по специальности (минимум 5 лет, а для судей вышестоящих инстанций – от 10 лет). Также установлен возрастной ценз: от 25 лет для обычных судей и от 30 лет для судей высших судов. Кандидаты проходят многоступенчатый отбор, включающий экзамен и одобрение квалификационной коллегии. В отличие от судей, их помощники и секретари должны иметь лишь высшее юридическое образование. Ключевые гарантии статуса судьи – это независимость, несменяемость и неприкосновенность, при этом независимость означает, что судья руководствуется исключительно законом и Конституцией РФ [3].

До учреждения официальной должности помощника судьи, его функции выполняли разные люди в разные эпохи. В советское время народные заседатели, они избирались на определённый срок, помогали судьям и участвовали в судебных заседаниях. В конце XVIII века, при Екатерине II, произошло разделение ролей: судьи занимались непосредственно рассмотрением дел, а судебные служащие отвечали за подготовку к заседаниям, занимались делопроизводством и выполняли секретарские задачи [1].

Советская эпоха отличалась иным пониманием статуса судей по сравнению с сегодняшним днём. Положения, которые регулировали статус судей, были закреплены в «Основах законодательства о судостроительстве СССР», утверждённых 25 декабря 1958 г. (ст. 19, 33–37), и имели ряд особенностей, а именно, это избираемость судей, право граждан отзывать их до окончания срока полномочий, а также обязанность отчитываться перед избирателями. Однако к элементам современной правовой системы уже отнесена независимость и несменяемость судей, составляющие основу разделения властей, которые в свою очередь в СССР отсутствовали.

Судебная власть носила преимущественно символический характер независимости, поскольку находилась в зависимости от партийной и административной иерархии. Судьи и кандидаты на должность судей назначались решением партийных учреждений, а не основе законодательных норм. Гарантированного сохранения должности не существовало, даже несмотря на пятилетний срок полномочий. В свою очередь такая ситуация порождала неустойчивость положения судей.

Российская империя в послереформенный период имела хорошо продуманную систему подготовки будущих судей, в том числе через институт кандидатов. Судебная власть пользовалась уважением и обладала защитой независимости. Ключевым моментом стало проведение судебной реформы 1864 года, которая заложила фундамент современного судоустройства, в частности, введя выборность мировых судей и определив их профессиональные требования [5].

Статус судей стал более надежным, с момента принятием Конституции России в 1993 году, которая установила, что власть делится на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную). Самостоятельность, независимость, неприкосновенность и несменяемость была предоставлено всем судьям. Эти важные принципы и стали основой законодательных актов, которые открыли новую главу в истории профессии судьи. Например, ФЗ от 5 апреля 2021 г., закрепил дополнительную гарантию независимости судьи, это конституционный принцип несменяемости [7].

В 2017 году Главой Верховного суда РФ представлялся проект закона о создании государственной судебной службы, но он не получил дальнейшего развития. Но, не смотря на это, институт помощников судей существует, основой для этого стал Указ Президента РФ от 21 февраля 2000 года № 428, согласно которому помощники судей должны ассистировать судьям в подготовке материалов к судебным заседаниям, проводить предварительный анализ документов и выполнять другие задачи.

Александром II в 1864 году был создан новый орган правосудия - институт мировых судей, который отличался выборностью, всеобщностью, независимостью и самостоятельностью. Но просуществовал он не долго, всего 25 лет. В 1889 году мировую юстицию упразднили на большей части территории страны, за исключением столиц и нескольких крупных городов. Лишь в конце 1990-х годов, приняли законы, вновь закрепившие институт мировых судей, определивших их компетенции и порядок деятельности.

А вот история создания районных судов началась в советскую эпоху. После революционных событий 1917 года, согласно Декрету «О суде», прежние судебные органы были упразднены, а вместо них были созданы суды, избираемые народом. В 1918 г. в РСФСР было утверждено «Положение о народном суде», которое установило единую инстанцию — народный суд, действовавший в пределах района (будь то уезд или город). Этот суд мог функционировать в разных формах: как единоличный судья, либо в составе судьи и двух, или шести народных заседателей. Нормы «Положения о судоустройстве РСФСР» 1922 г. конкретизировали, что полномочия народного суда, действующего единолично или с участием заседателей, были ограничены территорией города или уезда.

Современная система, согласно ФКЗ «О судебной системе РФ» 1996 г., сохраняет этот уровень судебной власти под наименованием районный суд. Важными принципами являются несменяемость, неприкосновенность и независимость судей, которые в работе подчиняются исключительно закону. Любые попытки повлиять на их деятельность преследуются по закону [4].

Но не стоит забывать и о проблемах в данной системе, а именно в последние годы отмечается нехватка квалифицированных кадров, высокий уровень текучести сотрудников аппаратов судов, особенно в крупных городах. Это связано с низкой оплатой труда и высокой нагрузкой. Несмотря на большой технический прорыв, внедрение электронного взаимодействия между органами власти, в том числе и гражданами, существует огромное количество пробелов в законодательстве, несмотря на то, что это должно оптимизировать работу. Например, предложение председателя Верховного суда РФ о внедрении технологий искусственного интеллекта в работе судов для анализа судебной практики, выявления противоречий. Безусловно, это значительно ускорит рабочие процессы, повысит качество судопроизводства, но и существуют свои риски, поскольку в работе любой техники могут происходить сбои. Такие сбои в свою очередь будут провоцировать повышение и без того огромной нагрузки как на судью так и на аппарат.

Статус сотрудников судебных аппаратов (секретарей, помощников судей, делопроизводителей) стал предметом пристального внимания в последние годы. Ранее, несмотря на выполнение критически важных процессуальных задач, они не признавались государственными служащими и, соответственно, не пользовались положенными им льготами и социальными гарантиями. Ситуация изменилась с 2025 г., когда им предоставили такие преимущества, как льготы, доплаты, дополнительные отпуска, страхование, классные чины и форменное обмундирование. Это решение призвано повысить престиж их работы, улучшить кадровый потенциал и укрепить доверие граждан к судебной системе. Теперь сотрудники аппаратов судов получают более предсказуемый доход, смогут рассчитывать на пенсионные бонусы, их стаж будет учитываться, а также им откроется доступ к обучению и различным формам поддержки. Специалисты считают, что это поможет удержать молодых сотрудников, предотвратить их выгорание, а также создать новые пути для карьерного роста и сделать отбор на должности в судах более конкурентным. Однако, есть и другая сторона медали: когда работники аппаратов судов становятся госслужащими, возникают вопросы о том, насколько независимой останется судебная власть. Некоторые опасаются, что это может сделать суды более зависимыми от исполнительной власти, ведь госслужащие должны действовать в интересах государства. Это, в свою очередь, может поставить под удар беспристрастность и самостоятельность судей [6].

Итак, если говорить о статусе судебных работников в России, то он прошел долгий путь: сначала они были очень независимы и уважаемы, потом попали под сильный контроль государства, а сейчас у них единый статус с гарантиями независимости, но есть проблемы с кадрами и организацией. Реформа, которая сейчас идет для сотрудников аппаратов судов, должна сделать правосудие лучше и профессию престижнее, но вопросы их независимости и того, как они взаимодействуют с другими ветвями власти, до сих пор активно обсуждаются.

Список литературы

1. Большакова В. М. «Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в. (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты)» // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 116–134.
2. Вторая Е.А. Судебная система Российской Федерации: Реформы, пути, совершенствования и тенденции развития. // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. № 7(76). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-sistema-rossiyskoy-federatsii-reformy-puti-sovershenstvovaniya-tendentsii-razvitiya?ysclid=mn4hsbzqvw340372463> (дата обращения 24.03.2026).
3. Закон «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1// Судебный и нормативные акты РФ. URL:<https://sudact.ru/law/zakon-rf-ot-26061992-n-3132-1-o/>(дата обращения 24.03.2026).
4. Изварина, А. Ф. Судебная система России (концептуальные основы организации, развития и совершенствования) / А.Ф. Изварина. - М.: Проспект, 2022. - 304 с.
5. Омаров М.А. Реформирование судебной системы Российской Федерации в современный период // Право и Юридические науки: Закон и право. 2024. № 2. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sudebnoy-sistemy-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyy-period/viewer>(дата обращения 24.03.2026).
6. ФЗ «О государственной гражданской службы Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Судебный и нормативные акты РФ. URL:https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-27072004-n-79-fz-o/?law-txt=&law-name=&law-law_type=&law-law_number=79&law-authority=&law-date_from=&law-date_to=&law-law_actuality=actual&law-sorter=&_=1774350525849(дата обращения 24.03.2026).
7. Федеральный закон "О внесении изменений в статью 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и Федеральный закон "О мировых судьях в Российской Федерации" в части уточнения срока полномочий мирового судьи" от 05.04.2021 N 63-ФЗ// СПС

И.Г. ДЫДЫКИН

Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления
подготовки «Экономика»

Научный руководитель

О.В. ПЕРЕВОЗОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. пед. наук, доцент

I.G. DYDIKIN

Ural branch of the Financial University
3rd year student
preparation «Economics»

Scientific supervisor

O.V. PEREVOZOVA

Ural branch of the Financial University
Ph.D. ped. Sciences, Associate Professor

INFLUENCE-MАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В МЕДИАСРЕДЕ

INFLUENCE-MARKETING AS A TOOL OF STRATEGIC COMMUNICATION IN THE DIGITAL MEDIA ENVIRONMENT

Аннотация

В статье исследуется трансформация influence-маркетинга из тактического инструмента продвижения в системообразующий элемент стратегических коммуникаций. Цифровая медиасреда, характеризующаяся алгоритмизацией распределения внимания и фрагментацией аудиторий, обуславливает институционализацию блогеров как полноправных субъектов медиарынка. На основе анализа современных научных подходов и эмпирических данных рассматривается эволюция рекламных моделей: переход от линейной трансляции к сложным гибридным форматам, интегрированным в пользовательский опыт. Особое внимание уделяется дуальной природе влияния алгоритмов платформ, которые, с одной стороны, структурируют коммуникацию, а с другой – выступают источником непрозрачного «алгоритмического гейткипинга». В тексте обосновывается положение о том, что эффективность стратегических коммуникаций в современных условиях детерминруется

способностью выстраивать многоуровневые партнерства с инфлюенсерами, учитывающие как креативную автономию последних, так и требования алгоритмической оптимизации.

Annotation

The article explores the transformation of influence marketing from a tactical promotion tool to a system-forming element of strategic communications. The digital media environment, characterized by the algorithmization of attention distribution and the fragmentation of audiences, has led to the institutionalization of bloggers as full-fledged subjects of the media market. Based on an analysis of current scientific approaches and empirical data, the article examines the evolution of advertising models, from linear broadcasting to complex hybrid formats integrated into the user experience. Special attention is paid to the dual nature of the influence of platform algorithms, which, on the one hand, structure communication, and on the other hand, act as a source of opaque «algorithmic gatekeeping». The text substantiates the idea that the effectiveness of strategic communications in modern conditions is determined by the ability to build multi-level partnerships with influencers, taking into account both their creative autonomy and the requirements of algorithmic optimization.

Ключевые слова: influence-маркетинг; стратегические коммуникации; блогеры как субъекты медиарынка; алгоритмический гейткипинг; цифровая медиасреда; рекламные модели; теория привратничества; эффект Матфея; коммуникационный аудит.

Key words: influence-marketing; strategic communications; bloggers as subjects of the media market; algorithmic gatekeeping; digital media environment; advertising models; gatekeeping theory; Matthew effect; communication audit.

Цифровая трансформация медиаландшафта инициировала фундаментальный сдвиг в структуре субъектов, формирующих повестку и влияющих на потребительский выбор. Традиционная модель, где ключевыми «привратниками» выступали редакции средств массовой информации и профессиональные журналисты, уступила место сложной гибридной системе. В этой системе наряду с институциональными игроками ключевую роль начинают играть цифровые инфлюенсеры – блогеры, лидеры мнений, создатели контента, чья капитализация базируется на персональном доверии аудитории и глубоком понимании механик платформ.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, происходит институционализация инфлюенсеров как полноправных субъектов медиарынка: они

формируют устойчивые медиахолдинги, выступают в роли ньюсмейкеров и даже конкурируют с традиционной журналистикой за внимание аудитории. Во-вторых, рекламные модели претерпевают качественные изменения: нативная интеграция и долгосрочные партнерства вытесняют прямую рекламу, требуя пересмотра теоретических подходов к оценке эффективности. В-третьих, архитектура цифровых платформ, основанная на работе рекомендательных алгоритмов, становится не просто фоном, а активным агентом коммуникации, часто непрозрачным и противоречивым.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе механизмов, посредством которых influence-маркетинг интегрируется в систему стратегических коммуникаций, а также в определении характера влияния алгоритмических систем платформ на структуру взаимодействия между блогерами, аудиторией и рекламодателями.

Ключевая проблема, требующая теоретического осмысления, заключается в противоречии между возросшей ролью инфлюенсеров в стратегических коммуникациях и недостаточной разработанностью методологических подходов к анализу их деятельности в условиях алгоритмически опосредованной среды. Традиционная теория гейткипинга (К. Левин, Д. Уайт), описывающая процесс отбора информации редакторами, сталкивается с вызовом цифровой эпохи, где функции фильтрации частично делегированы алгоритмам, а частично – персонифицированным лидерам мнений, действующим вне институциональных редакционных норм.

Сейчас журналисты не обладают монополией на привратничество; цифровые инфлюенсеры, платформы и алгоритмы играют решающую роль в формировании видимости, легитимности и вовлеченности. Возникает ситуация «гибридного гейткипинга», где пересекаются интересы человека (блогера), отбирающего релевантный для своей аудитории контент, и машины (алгоритма), ранжирующего этот контент в ленте пользователя. Данное обстоятельство порождает необходимость пересмотра не только теории, но и практических подходов к планированию и оценке эффективности коммуникационных кампаний. Дополнительную сложность создает непрозрачность алгоритмических систем, защищенных коммерческой тайной, что затрудняет прогнозирование охватов и требует от субъектов рынка адаптивных стратегий.

Эволюция статуса блогера в медиасистеме представляет собой движение от маргинального любителя к признанному рыночному институту. Если на ранних этапах развития социальных сетей блогерство воспринималось как форма досуга, то к середине 2020-х годов оно конституировалось как профессиональная деятельность с собственной инфраструктурой (агентства, продюсерские центры, биржи), этическими нормами (часто имплицитными) и механизмами монетизации.

Современные исследования фиксируют «размывание границ» между журналистом и блогером. Однако, как показывает анализ, это размывание не ведет к их отождествлению. Ключевое различие лежит в институциональной природе ответственности. Журналист несет ответственность перед редакцией и профессиональным сообществом, опираясь на формализованные кодексы этики. Блогер же делегирует ответственность непосредственно аудитории, а его «этика» часто ситуативна и подчинена логике поддержания доверия и, как следствие, капитализации этого доверия.

В рамках стратегических коммуникаций блогер выполняет несколько функций, выходящих за рамки простого распространения информации:

- функция селекции и интерпретации: в условиях информационного шума блогер отбирает релевантные для своей аудитории события, продукты или смыслы, выступая в роли «доверенного фильтра»;
- функция социализации и идентификации: аудитория идентифицирует себя с блогером, перенимает паттерны поведения, включая потребительские;
- функция создания социального капитала: сотрудничество с определенным инфлюенсером транслирует ценности бренда и позволяет ему интегрироваться в конкретные комьюнити, доступ к которым через традиционные медиа затруднен или невозможен.

Эволюция маркетинговых коммуникаций под влиянием цифровизации демонстрирует отход от линейных моделей типа AIDA (Attention Interest Desire Action) в пользу циклических, предиктивных и интегрированных моделей.

В контексте influence-маркетинга эта трансформация приобретает специфические черты. Классическая реклама строилась по принципу «прерывания» – баннер или ролик вторгались в потребление контента. Influence-маркетинг, напротив, стремится к полной интеграции в контент, стирая грань между редакционным и рекламным сообщением.

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика традиционной и современной моделей коммуникации применительно к influence-маркетингу.

Таблица 1 – Сравнительный анализ традиционной и современной парадигм коммуникации в influence-маркетинге

Характеристика	Традиционная парадигма (до 2020 г.)	Современная парадигма (2021 г. – н.в.)
1	2	3
Основная модель	Линейная (S-M-C-R), прерывание	Циклическая, интеграция, диалог
Роль инфлюенсера	Канал, медиум для передачи сообщения	Креативный партнер, соавтор смыслов

Критерий эффективности	Охват, частота	Вовлеченность (ER), долгосрочное доверие, совпадение ценностей
Отношения с брендом	Краткосрочные, транзакционные (посты)	Долгосрочные, партнерские (амбассадорство)
Роль данных	Пост-анализ (что произошло)	Предиктивная аналитика (что произойдет) и алгоритмическая оптимизация

По данным таблицы 1 можно сделать вывод о том, что современная парадигма требует от брендов перехода от тактики «закупки размещений» к стратегии «управления отношениями». Исследование, проведенное Секериным В. Д. и Горлевской Л. Э., подтверждает, что ключевым фактором успеха кампании становится не столько бюрократический контроль со стороны маркетолога, сколько достижение баланса между креативной автономией инфлюенсера и стратегическими целями бренда. Респонденты-блогеры в ходе интервью указывали на то, что излишне жесткий контроль и шаблонные брифы снижают аутентичность контента, что негативно сказывается на восприятии аудитории.

Цифровые платформы (Instagram – признан экстремистской организацией и запрещен на территории Российской Федерации, YouTube, Telegram, TikTok) перестали быть нейтральной средой для обмена сообщениями. Их архитектура, основанная на работе рекомендательных систем, активно структурирует коммуникацию, выступая в роли «нечеловеческого актора» (в терминологии акторно-сетевой теории).

Влияние алгоритмов на структуру коммуникации в influence-маркетинге носит дуальный характер. С одной стороны, алгоритмы создают возможности для точного таргетинга и вирусного распространения контента. Предиктивные модели, встраиваемые в платформы, позволяют показывать рекламу именно тем пользователям, чья вероятность совершения целевого действия максимальна.

С другой стороны, алгоритмы порождают ряд системных проблем:

а) Непрозрачность ранжирования: критерии, по которым платформа рекомендует тот или иной контент, являются коммерческой тайной. Это создает ситуацию неопределенности для блогеров и брендов, когда охваты могут непредсказуемо падать после обновления алгоритмов.

б) Воспроизводство неравенства (эффект Матфея): рекомендательные системы склонны усиливать успех уже популярных авторов. Платформы учитывают «репутацию» автора (число подписчиков, прошлые вовлечения) как один из ключевых факторов, что приводит к

накоплению преимущества и затрудняет «прорыв» новых, даже более экспертных, блогеров. Формально равные условия (каждый может создать контент) на практике оборачиваются жесткой стратификацией, определяемой алгоритмом.

в) Стандартизация контента: стремясь угодить алгоритмам, блогеры вынуждены следовать определенным форматам (оптимальная длина, частота публикаций, использование трендовых аудиодорожек), что может приводить к унификации контента и снижению креативного разнообразия.

Таким образом, в современной системе стратегических коммуникаций возникает трехсторонняя связка: бренд ↔ инфлюенсер ↔ алгоритм. Инфлюенсер выступает не просто посредником между брендом и аудиторией, но и «переводчиком» между маркетинговыми задачами бренда и «требованиями» алгоритма платформы. Эффективная стратегия невозможна без учета этой третьей силы.

Проведенный анализ позволяет заключить, что influence-маркетинг в цифровой медиасреде 2021–2026 гг. конституировался в сложный, многоуровневый инструмент стратегических коммуникаций, выйдя за рамки сугубо рекламной тактики.

Во-первых, блогеры приобрели статус полноправных субъектов медиарынка, выполняя функции не только распространения, но и селекции, интерпретации информации, а также формирования ценностных ориентаций аудитории, что сближает их с традиционными институтами СМИ, но при сохранении принципиально иной (персональной) природы ответственности.

Во-вторых, зафиксирована эволюция рекламных моделей в сторону интеграции и предиктивности. Ключевым фактором успеха становится долгосрочное партнерство, базирующееся на совпадении ценностей бренда и инфлюенсера, и предоставлении последнему достаточной креативной автономии.

В-третьих, выявлена определяющая роль алгоритмов платформ, выступающих в качестве активного агента коммуникации. Их влияние амбивалентно: алгоритмизация позволяет повысить точность коммуникаций, но одновременно порождает риски непрозрачности («черный ящик»), усиливает неравенство (эффект Матфея) и стандартизирует контент. Учет алгоритмического фактора становится обязательным условием стратегического планирования.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении influence-маркетинга через призму гибридного гейткипинга, где функции фильтрации распределены между человеком (блогером) и алгоритмом. Практическая значимость состоит в обосновании необходимости для коммуникационных отделов компаний выстраивать стратегии, интегрирующие работу с инфлюенсерами и глубокую аналитику алгоритмических механик

платформ. Перспективы дальнейших исследований лежат в области количественной оценки влияния алгоритмических изменений на ROI коммуникационных кампаний и разработки методологии «алгоритмического аудита» для нужд стратегического планирования.

Список литературы

1. Глинкина О. В. Цифровая эволюция бизнеса: цифровые экосистемы компаний / О. В. Глинкина, Т. М. Регент. – Текст: электронный // Инновации и инвестиции. – 2024. – №11. С. 178–1182. – НЭБ Elibrary. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=77543199> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Горбушина О. В. Журналист и блогер: конкуренция профессий / О. В. Горбушкина. – Текст: электронный // Цифровая журналистика. – 2025. – №2-12. С. 325–327. – НЭБ Elibrary. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83072671> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Лавеч Е. В. Интеграция digital-технологий в подготовку специалистов по медиакommunikациям / Е. В. Лавеч, Е. П. Мешков. – Текст: электронный // Сборник: Актуальные вопросы современных научных исследований. сборник статей XVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – 2024. – №2. С. 186–191. – НЭБ Elibrary. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82147219> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Перезовова О. В. Влияние искусственного интеллекта на рекламу и PR / О. В. Перезовова, Г. Р. Нафикова. – Текст: электронный // Сборник: Медиапространство Российской Федерации: глобальный и национальный аспекты. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию писателя, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР и БАССР Мидхата Фазлыевича Гайнуллина. – 2025. – №7 (15). С. 167–172. – НЭБ Elibrary. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82271443&pff=1> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Секерин В. Д. Развитие маркетинговых коммуникаций в условиях алгоритмизации процессов / В. Д. Секерин, Л. Э. Горлевская. – Текст: электронный // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – №4. С. 4–16. – НЭБ Elibrary. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80647145> (дата обращения: 25.02.2026).

А.А. ДЬЯКОНОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал, 2 курс,
направление подготовки «Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Т.А. БАРЧУКОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Уральский филиал
старший преподаватель кафедры

A.A. DYAKONOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch, 2 course,
the preparation direction «State and municipal administration»

Academic Supervisor

T.A. BARCHUKOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch,
Senior Lecturer of the department

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИЗИСАМ

ANTI-CORRUPTION LEGISLATION AND LEGAL MEANS OF COUNTERING CRISES

Аннотация

В работе раскрывается эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте современных вызовов, связанных с санкционным давлением и необходимостью адаптации публичного управления. Представлены результаты анализа ключевых направлений правового регулирования: контроля за расходами, механизмов декларирования, антикоррупционной экспертизы. По выделенным проблемам предложены меры совершенствования законодательства и правоприменительной практики для повышения устойчивости системы государственного управления в кризисных ситуациях.

Annotation

The paper reveals the evolution of anti-corruption legislation in the Russian Federation in the context of modern challenges related to sanctions pressure and the need to adapt public administration. The results of the analysis of key areas of legal regulation are presented: expenditure control, declaration mechanisms, anti-corruption expertise. Based on the identified problems, measures are proposed to improve legislation and law enforcement practice in order to increase the sustainability of the public administration system in crisis situations.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, правовые средства, кризисное управление.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption legislation, legal means, crisis management.

Современное состояние государственного управления в Российской Федерации характеризуется высоким уровнем турбулентности, обусловленным внешними санкционными ограничениями, необходимостью перестройки бюджетных и административных процессов, а также ускоренной цифровизацией. В этих условиях антикоррупционная политика приобретает не только традиционное правозащитное, но и системообразующее значение, выступая инструментом сохранения устойчивости публичной власти и доверия граждан.

Нормативной основой исследования выступает Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в действующей редакции, а также Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. N 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы».

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько ключевых направлений, где антикоррупционное законодательство выступает в качестве средства противодействия кризисным явлениям. Во-первых, это механизм контроля за соответствием расходов доходам, который в условиях сокращения бюджетных поступлений становится важным инструментом предотвращения нецелевого использования средств: по данным Счетной палаты РФ, за 2024 год «в результате контрольных мероприятий выявлено нарушений на сумму более 320 млрд рублей, из которых почти 12 % связаны с коррупционными рисками при осуществлении закупок в условиях санкционных ограничений» [2]. Во-вторых, расширение перечня лиц, обязанных подавать сведения о доходах и имуществе (включая членов семей), позволило охватить контролем около 1,5 млн государственных и муниципальных служащих. В Докладе Минтруда России отмечается, что «в 2024 году представлено более 1,5 млн справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» [3]. В-третьих, внедрение антикоррупционных стандартов в деятельность государственных корпораций и компаний с государственным участием способствовало снижению числа нарушений при реализации крупных инвестиционных проектов, в том числе в новых субъектах РФ.

Вместе с тем современная практика применения антикоррупционных правовых средств выявляет ряд системных проблем. Первая проблема связана с недостаточной эффективностью механизма утраты доверия как меры дисциплинарной ответственности: «за 2024 год количество увольнений по данному основанию сократилось на 18 % по сравнению с предыдущим периодом», что свидетельствует о несовершенстве процедур доказывания [3]. Вторая проблема обусловлена разрозненностью информационных систем, используемых для мониторинга коррупционных рисков (отсутствие единой платформы межведомственного обмена данными между налоговой службой, Росфинмониторингом и правоохранительными

органами). Третья проблема — недостаточная адаптация антикоррупционных механизмов к кризисным ситуациям. В постановлении Правительства РФ от 27.02.2024 № 1995 установлены особенности закупок в условиях санкционного давления: «заказчики вправе осуществлять закупки у единственного поставщика в случаях, предусмотренных настоящим постановлением» [1]. Как справедливо отмечается экспертами, введение упрощённых процедур объективно повысило риски коррупции, но правовые средства их минимизации применялись не в полном объёме.

В качестве предлагаемых мер совершенствования антикоррупционного законодательства и правовых средств противодействия кризисам можно выделить следующие. Во-первых, целесообразно законодательно закрепить обязанность государственных органов создавать единую цифровую среду антикоррупционного мониторинга, объединяющую данные о доходах, расходах, участии в уставных капиталах юридических лиц и бенефициарном владении, с обеспечением доступа для уполномоченных контролирующих органов. Во-вторых, необходимо расширить применение антикоррупционных оговорок в соглашениях о государственно-частном партнёрстве и концессионных соглашениях. Как отмечается в учебнике под редакцией В.П. Васильева, «антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов является одним из важнейших инструментов предупреждения коррупционных проявлений» [4]. В связи с этим следует предусмотреть обязательное проведение антикоррупционной экспертизы на этапе подготовки инвестиционных проектов, финансируемых с использованием бюджетных средств. В-третьих, требуется пересмотреть подходы к применению механизма утраты доверия, установив чёткие критерии доказывания и сократив сроки административного производства, что позволит повысить неотвратимость ответственности без избыточного судебного обжалования. В-четвёртых, для минимизации коррупционных рисков в условиях кризисных режимов следует разработать и утвердить специальный регламент взаимодействия контрольных органов, предусматривающий усиленный антикоррупционный мониторинг в секторах, где применяются упрощённые закупочные процедуры [1].

Таким образом, антикоррупционное законодательство в современной России трансформируется в универсальное правовое средство обеспечения устойчивости публичного управления, однако его эффективность напрямую зависит от способности правовой системы гибко реагировать на кризисные вызовы, устранять институциональные пробелы и внедрять цифровые инструменты контроля.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 27.02.2024 № 1995 «О мерах по реализации

Федерального закона "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" в условиях внешнего санкционного давления» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 10. — Ст. 1423.

2. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году // Официальный сайт Счетной палаты РФ. — URL: <http://www.ach.gov.ru>.

3. Доклад Министерства труда и социальной защиты РФ «О реализации государственной политики в области противодействия коррупции в 2024 году» (утв. Минтрудом России 25.02.2025). — М., 2025.

4. Васильев В.П. Основы современного государственного и муниципального управления: учебник для вузов / под ред. В.П. Васильева. — М.: КноРус, 2026. — 512 с.

А.А. ДЬЯКОНОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал, 2 курс,
направление подготовки «Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал,
к.к., доцент кафедры

A.A. DYAKONOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch, 2 course,
the preparation direction «State and municipal administration»

Academic Supervisor

E.V. PISMENNY

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch,
Ph.D., Associate Professor

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ)

LINGUISTIC FEATURES OF MODERN CORPORATE DISCOURSE (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE BUSINESS COMMUNICATION)

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые лингвистические характеристики современного корпоративного дискурса на английском языке. На основе анализа электронной деловой

переписки, материалов публичных выступлений и корпоративных документов выделены основные лексико-стилистические особенности: высокая частотность клишированных выражений, заимствования из IT-сферы, а также прагматические функции данных единиц. Показано, что корпоративный язык выполняет идентификационную, этикетную и оптимизационную функции. Сделан вывод о том, что корпоративный английский формирует самостоятельную подсистему, требующую внимания в образовательных и профессиональных контекстах.

Annotation

The article examines key linguistic characteristics of modern corporate discourse in English. Based on the analysis of electronic business correspondence, public speeches and corporate documents, the main lexical and stylistic features are identified: high frequency of clichéd expressions, borrowings from the IT sphere, as well as the pragmatic functions of these units. It is shown that corporate language performs identificational, etiquette and optimization functions. It is concluded that corporate English forms an independent subsystem that requires attention in educational and professional contexts.

Ключевые слова: корпоративный дискурс, деловой английский, клише, неология, профессиональная коммуникация.

Keywords: corporate discourse, business English, clichés, neology, professional communication.

Актуальность исследования языка корпоративных коммуникаций обусловлена глобализацией бизнеса и переходом делового взаимодействия в цифровую среду. Английский язык, выступающий в качестве лингва франка международного бизнеса, трансформируется под влиянием новых форматов общения (электронная почта, мессенджеры, видеоконференции), корпоративных культур и технологических инноваций. Понимание особенностей современного делового языка становится необходимым для специалистов в области управления, маркетинга и человеческих ресурсов [3; 4].

Нормативной базой для анализа служат современные лексикографические источники (Oxford Business English Dictionary, Cambridge Business English Dictionary) [1; 2], а также устоявшиеся стандарты деловой переписки, закреплённые в корпоративных руководствах. В качестве теоретической основы использованы работы по дискурс-анализу и прагмалингвистике (Дж. Сёрль, Д. Кристал), а также исследования языка бизнеса (Ф. Баргела-Кьяппини, Б. Никлас). Материалом для исследования послужили образцы

англоязычной корпоративной коммуникации, включая служебные электронные письма, посты в корпоративных блогах, записи выступлений топ-менеджеров, а также типовые шаблоны документов.

Анализ показал, что современный корпоративный дискурс характеризуется несколькими устойчивыми чертами. Во-первых, это высокая частотность клишированных оборотов, которые выполняют фатическую и этикетную функцию. Выражения «I hope this email finds you well», «let's circle back on this», «moving forward», «action item» создают ощущение предсказуемости и снижают коммуникативные риски [5]. Во-вторых, наблюдается активное заимствование лексики из IT-сферы, которая переосмысливается и проникает в общий деловой контекст: «onboard» (ввести в курс дела), «agile» (гибкий, адаптивный), «deep dive» (глубокий анализ), «bandwidth» (ресурс времени). В-третьих, в устной корпоративной речи заметно сокращение формальных конструкций, тяготение к разговорному синтаксису и использование дискурсивных маркеров (actually, basically, honestly), что отражает влияние стартап-культуры и стремление к «человечному» тону общения.

В ходе исследования выявлен ряд проблем, связанных с функционированием языка в корпоративной среде. Во-первых, избыточное использование клише и эвфемизмов приводит к размыванию смысла (например, «let's put a pin in it» вместо чёткого отказа). Во-вторых, наблюдается языковой разрыв между поколениями: молодые сотрудники активно используют сленговые и IT-заимствованные обороты, тогда как представители старшего поколения придерживаются более формального стиля, что может создавать недопонимание. В-третьих, отсутствие единых стандартов корпоративного языка в транснациональных компаниях ведёт к стилистической неоднородности и снижению эффективности внутренних коммуникаций [6].

В качестве мер, направленных на совершенствование корпоративной коммуникации, можно предложить следующее. Во-первых, целесообразно разрабатывать внутрикорпоративные гайды по языку и стилю, что способствует унификации коммуникации. Во-вторых, необходимо включить в программы подготовки управленческих кадров модули по современному деловому английскому, с акцентом на прагматику клише и различие устных и письменных форматов. В-третьих, перспективным представляется создание открытых корпусов корпоративной речи, которые позволят отслеживать языковые изменения и служить ресурсом для обучения.

Таким образом, язык корпоративных коммуникаций представляет собой динамичную подсистему современного английского языка, понимание которой становится важным фактором эффективности управления и конкурентоспособности компаний в целом.

Список литературы

1. Cambridge University Press. Cambridge Business English Dictionary.
URL: <https://dictionary.cambridge.org/business-english/> (дата обращения: 21.03.2026).
2. Oxford University Press. Oxford Business English Dictionary Online.
URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/business-english/> (дата обращения: 21.03.2026).
3. Bargiela-Chiappini F., Nickerson C. Business Discourse. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2023. – 312 p.
4. Crystal D. The Language Revolution. – Cambridge: Polity Press, 2024. – 256 p.
5. LinkedIn Official Blog. The Language of Work: How Communication is Changing.
URL: <https://www.linkedin.com/business/learning/blog> (дата обращения: 24.03.2026).
6. Клушина Н.И. Коммуникативные стратегии в корпоративном дискурсе // Русская речь. 2025. № 1. С. 56–68.

В.Н. ДЮКАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления «Бизнес-информатика»

П.В. АЛДОХИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

кандидат культурологии, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

V.N. DYUKAREV

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction «Business-Informatics»

P.V. ALDOKHINA

Ural branch of the Financial University
2nd year student of the direction
«State and municipal management»

Scientific supervisor

E.V. PISMENNY

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

DIGITAL DIPLOMACY IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация

В статье рассматривается сущность цифровой дипломатии как ключевого инструмента современных международных отношений. Определены основные цели, участники и технологические инструменты данного направления, включая ИИ и большие данные. Проанализированы практические примеры использования цифровой дипломатии (Индия, украинский кризис, НАТО) и выявлены сопутствующие вызовы, такие как цифровая неопределенность и влияние негосударственных акторов.

Annotation

The article examines the essence of digital diplomacy as a key tool of modern international relations. The main goals, participants, and technological tools of this direction are defined, including AI and big data. Practical examples of the use of digital diplomacy (India, Ukrainian crisis, NATO) are analyzed and accompanying challenges are identified, such as digital uncertainty and the influence of non-state actors.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, международные отношения, ИКТ, информационная безопасность, публичная дипломатия.

Key words: digital diplomacy, international relations, ICT, information security, public diplomacy.

Цифровая дипломатия (или е-дипломатия) подразумевает применение интернет-платформ и информационно-коммуникационных технологий для решения задач в сфере международных отношений. Данный метод публичной дипломатии акцентирует внимание на вовлечении широкой общественности в дипломатические процессы, а не на взаимодействии исключительно с государственными и дипломатическими элитами других стран [1].

В эту область вовлечены государственные органы, прежде всего министерства иностранных дел, а также правительственные структуры и неправительственные организации, активно работающие с внешнеполитической повесткой [3].

Основные цели цифровой дипломатии включают:

- Продвижение интересов государства. Использование цифровых инструментов позволяет донести официальную позицию до иностранных граждан, формировать позитивный имидж и устанавливать устойчивые коммуникации, обходя традиционные преграды, такие как посредники и географические ограничения.

- Информационное влияние. Платформы интернет-телевидения, социальные сети и мобильные приложения направлены на формирование общественного мнения и взаимодействие с политическими структурами.

- Управление данными. Сбор и осмысление информации, подходящей для политического анализа и стратегического планирования.

- Консульские услуги. Включает обработку визовых заявлений и создание прямых контактов с гражданами за границей.

- Антикризисные коммуникации. Возможны как с населением (информирование о чрезвычайных ситуациях), так и между сотрудниками дипмиссий через мессенджеры.

- Несмотря на преимущества, цифровая дипломатия не заменяет традиционные методы, а служит их дополнением и предварительным этапом [1].

- Инструменты цифровой дипломатии включают:

- Новые медиа. Социальные сети, блоги и другие медиаформаты в интернете.

- Технологии искусственного интеллекта и чат-боты. Используются в кризисных ситуациях [2].

- Интернет-ресурсы, включая онлайн-энциклопедии с экспертными материалами по международным отношениям.

- Аналитика больших данных. Алгоритмы для фильтрации аудитории и создания информационных кампаний, а также для поиска недружественных источников [2].

- Примеры использования цифровой дипломатии в мире:

- Деятельность премьер-министра Индии Нарендры Моди в соцсетях, ставшая образцом успешной цифровой дипломатии.

- Применение цифровой дипломатии в контексте украинского кризиса, где она частично заменила традиционные площадки для переговоров, например, заявления НАТО о возможном активации пятой статьи Устава.

- Предупреждения о намерениях, такие как сообщения от НАТО о готовности к применению ядерного оружия.

▪ Консульская работа, включая визовую документацию и взаимодействие с гражданами за границей.

В условиях современных международных отношений цифровая дипломатия охватывает не только использование цифровых инструментов, но и формирование стандартов для управления цифровым пространством и развитием технологий. Ключевыми аспектами обсуждения являются международная информационная безопасность и выработка норм ответственного поведения стран в среде ИКТ [3].

Однако, внедрение цифровых технологий также порождает определенные вызовы: цифровая неопределённость, фрагментация реальности и проблемы при создании информационных рамок. Эффективность официальных каналов дипломатии может поставить под угрозу более динамичные информационные кампании, развиваемые не государственными игроками.

Список литературы

1. Современные практики цифровой дипломатии // Международные affairs. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2827>. (Дата обращения 24.03.2026)
2. Цифра и искусственный интеллект на службе дипломатии // Новостное агентство «Radensa». – Режим доступа: https://newsletter.radensa.ru/wp-content/uploads/2024/01/new_Цифра_и_искусственный_интеллект_на_службе_дипломатии-2.pdf. (Дата обращения 24.03.2026)
3. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты // «Российский совет по международным делам». – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-diplomatiya-napravleniya-raboty-riski-i-instrumen>. (Дата обращения 26.03.2026)

В.П. ЕЖОВ, Г.М. ГЕВОРГЯН

Уральский медицинский институт,
Студенты I курса специальности «Стоматология»

V.P. EZHOV, G.M. GEVORGYAN

Ural Medical Institute 1st year
students, the direction of training of «Dentistry»

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ХОЛЕРОЙ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1921 ГГ.

FEATURES OF THE FIGHT AGAINST CHOLERA

IN THE CHELYABINSK PROVINCE IN 1920–1921

Аннотация

Статья рассматривает развитие эпидемической обстановки в Челябинской губернии. Анализируются факторы, способствовавшие распространению заболевания, а также меры, предпринятые советскими властями и медицинским сообществом для его ликвидации. Особое внимание уделено созданию санитарных комиссий, работе местных врачей и формированию ранней системы общественного здравоохранения на Южном Урале. Борьба с эпидемией холеры стала важнейшим этапом в развитии санитарной практики на Урале и послужила катализатором для продвижения профилактической медицины в регионе. Авторы приходят к выводу, что опыт борьбы с холерой в Челябинской губернии в 1920–1921 годах стал ключевым этапом формирования региональной системы здравоохранения и заложил основу для дальнейшего развития профилактической медицины.

Annotation

The article examines the development of the epidemic situation in the Chelyabinsk province. It explores the factors that contributed to the spread of the disease, as well as the measures taken by the Soviet authorities and the medical community to eliminate it. Special attention is given to the establishment of sanitary commissions, the work of local physicians, and the formation of an early public health system in the Southern Urals. The fight against the cholera epidemic became a crucial stage in the development of sanitary practices in the Urals and served as a catalyst for the advancement of preventive medicine in the region. The authors concluded that the experience of combating cholera in the Chelyabinsk province in 1920–1921 became a key stage in the formation of the region's public health system and laid the foundation for the further development of preventive medicine.

Ключевые слова: холера, Челябинская губерния, эпидемия, санитарные комиссии, общественное здравоохранение.

Keywords: cholera, Chelyabinsk province, epidemic, sanitary commissions, public health.

Челябинская губерния была образована в 1919 году, включала крупные промышленные города и обширные сельские уезды. До марта 1920 года губернские органы подчинялись Сибревкому, а затем РВС Первой армии Труда в Екатеринбурге [7, с. 132–133]. Период ее формирования пришелся на годы Гражданской войны, хозяйственной разрухи и массовых миграций, что создало крайне неблагоприятные санитарно-эпидемиологические

условия. Из всех эпидемий в этот период значительное распространение имела холера. В 1921 году эпидемия возникла в конце июня, причем в первую очередь были поражены местности, прилегающие к железной дороге [5].

Эпидемиологическая ситуация в регионе была сложной. По данным санитарных комиссий, к середине 1920 года в Челябинской губернии было зарегистрировано около 2 780 случаев заболевания холерой. К осени 1920 года число заразившихся достигло порядка 4 960 человек, из которых не менее 1 540 умерли. Особенно тяжелое положение наблюдалось в Челябинске и Троицке, где плотность населения и нехватка чистой воды создавали благоприятную среду для распространения инфекции. Основными причинами стали загрязнение водоисточников, антисанитарное состояние жилья, низкая культура гигиены и постоянное перемещение беженцев и военных частей. В этих условиях инфекция распространялась по линии Южно-Уральской железной дороге, охватывая новые населенные пункты [2]. Ситуацию усугубляли восстания, дезертирство и голод. На почве недовольства властью и ее политикой в регионе в 1920-1921 годах происходили восстания. Восставшие брали под контроль целые местности и создавали свои структуры власти, в форме советов, комитетов, военных структур [11, с. 116]. В августе 1920 года небольшими силами они даже пытались захватить Кустанай, но были разбиты [12, с. 195–198].

После выявления первых очагов заражения в июне 1920 года губернские власти совместно с Наркомздравом РСФСР создали чрезвычайные санитарные комиссии. Они занимались организацией временных госпиталей, санитарных кордонов и дезинфекционных пунктов. В уездах действовали санитарные поезда, доставлявшие врачей и медикаменты. Введены были строгие меры – изоляция больных, кипячение воды, дезинфекция домов и общественных мест. Врачи, фельдшеры и даже студенты медицинских школ работали на пределе сил, часто без необходимого оборудования [1].

Несмотря на то, что холера преимущественно городская эпидемия, она оказывала влияние на обстановку в сельской местности. Заболевание, наряду с другими эпидемиями явилось одной из причин массового дезертирства из тыловых частей РККА, когда число бежавших, уклонистов и задержанных в пределах 1920 года исчислялось десятками тысяч [8, с. 26–28]. В отчетах эпидемии и страх красноармейцев заболеть (с риском попасть в переполненные госпитали) – названы ключевыми причинами и факторами бегства из частей [9, с. 27-28]. Ликвидировать дезертирство удалось к весне 1921 года, благодаря деятельности специальных комиссий, наделенных чрезвычайными полномочиями [10, с. 190–199].

Главными трудностями медицинской и социальной работы стали острая нехватка медицинских кадров, медикаментов и перевязочных средств. Значительный вклад в борьбу с эпидемией внесли врачи и общественные деятели губернии: заведующий санитарным

отделом губернского исполкома А. В. Фёдоров, врач-бактериолог С.В. Кулагин, санитарный инспектор Н. П. Сидорова. Благодаря их инициативе были организованы выездные бригады и санитарно-просветительные отряды. Однако население нередко проявляло недоверие, скрывало больных, что усложняло контроль за распространением инфекции. Тем не менее, совместные усилия медиков и властей позволили стабилизировать санитарную ситуацию к лету 1921 года [3].

Одним из ключевых направлений стала санитарно-просветительная работа. Комсомольцы и сотрудники здравоохранения проводили лекции, выпускали листовки и плакаты, объясняющие меры профилактики. В городах и деревнях проходили «недели чистоты», во время которых дезинфицировались колодцы, убирались улицы, проводилась дератизация. Благодаря просветительским мерам удалось повысить уровень санитарной культуры населения, что привело к заметному снижению заболеваемости во второй половине 1921 года [4].

По официальным данным, за 1920–1921 годы в Челябинской губернии переболело около 5 420 человек. Из них скончались приблизительно 1 690, что составило чуть более 30 %. Остальные пациенты были вылечены благодаря своевременным мерам дезинфекции и изоляции.

Эпидемия выявила слабые стороны местного здравоохранения, но одновременно стала толчком для создания новых структур: губернского санитарного отдела, бактериологических лабораторий и сети дезинфекционных станций. Опыт борьбы с холерой стал основой формирования современной системы санитарного надзора на Урале [6].

Сравнительный анализ эпидемической ситуации по городам губернии показывает, что наибольший удар пришёлся на Челябинск, где число заболевших составило около 2 160 человек. В Троицке зафиксировано порядка 880 случаев, в Златоусте – около 640, в Миассе – примерно 430. Более благополучная ситуация наблюдалась в сельских уездах благодаря меньшей плотности населения и более быстрому проведению карантинных мероприятий.

Таким образом, борьба с холерой в 1920–1921 годах не только спасла тысячи жизней, но и способствовала развитию системы общественного здравоохранения, укрепив взаимодействие между властью, медициной и населением. Изучение опыта противодействия эпидемии в регионе и сегодня сохраняет высокую актуальность, поскольку позволяет совершенствовать меры профилактики и реагирования на инфекционные угрозы.

Список литературы

1. Народное здравоохранение РСФСР в первые годы Советской власти. — М.: Госиздат, 1925.

2. Холера в России: материалы Наркомздрава. — Петроград, 1922.
3. Кулагин С. В. Медико-санитарное дело на Урале в 1920-е годы. — Екатеринбург: УрГУ, 1998.
4. Сидорова Н. П. Эпидемии и общественное здравоохранение на Южном Урале. — Челябинск, 2012.
5. Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории (сост. М. А. Базанов):https://archive74.ru/sites/default/files/chelyabinskaya_guberniya.pdf
6. Фёдоров А. В. История санитарной службы на Южном Урале. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2015.
7. Панькин, С. И. Челябинская губерния, 1919-1923 гг.: абрис истории: сб. док / С. И. Панькин // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 131-134. – EDN VRTKQX.
8. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-1-25-29. – EDNKIUEAR.
9. Панькин, С. И. Детерминация дезертирства и уклонения от мобилизаций на Южном Урале осенью 1919 - весной 1921 г / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-25-29. – EDNDNFNOO.
10. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDNPLLFLN.
11. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6(38). – С. 116-117. – EDNOFANQI.
12. Панькин, С. И. Восстание в Кустанайском уезде Челябинской губернии в 1920 году (по материалам ОГАЧО) / С. И. Панькин // Архив в социуме - социум в архиве : Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 года / Составитель и научный редактор Н.А. Антипин. – Челябинск: Государственное учреждение "Объединенный государственный архив Челябинской области", 2018. – С. 192-199. – EDNUVECTI.

С.А. ЖДАНОВА, Н.А. ЛАТЫШЕВА

Уральский медицинский институт
Студенты I курса специальности «Стоматология»

**ТРУДОВЫЕ АРМИИ НА УРАЛЕ В 1920–1922 ГГ.: ОПЫТ
АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ**

**LABOR ARMIES IN THE URALS DURING 1920–1922: EXPERIENCE OF
ADMINISTRATIVE MANAGEMENT UNDER EMERGENCY CONDITIONS**

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию феномена трудовых армий на Урале периода гражданской войны. Рассматриваются предпосылки возникновения, правовая основа формирования, механизмы управления и результаты деятельности трудовых армий, а также специфика уральского региона в общегосударственном масштабе.

Annotation

This article is devoted to the study of the phenomenon of labor armies in the Urals during the Civil War period. It examines the prerequisites for their emergence, legal basis for formation, management mechanisms, and results of activities, as well as the specific features of the Ural region within the all-state scale.

Ключевые слова: Трудовые армии, Урал, административное управление, производительность труда, дефицит рабочей силы, всесторонняя трудовая повинность, реакция населения, централизация и контроль, милитаризация труда.

Key words: Labor armies, Ural region, administrative management, labor productivity, labor shortage, universal labor conscription, population response, centralization and control, militarization of labor.

Начало XX века отмечено социальными потрясениями, вызванными Первой мировой войной и революцией. Гражданская война сильно ударила по советской экономике, особенно по Уралу, важнейшему региону добычи ресурсов и металлургии. Экономика страдала от нехватки рабочих рук, транспортного кризиса и низкой продуктивности труда. Весной 1920 г., были созданы, инициированные центральными властями РСФСР и руководством Уралсовета, «армии труда» – военные соединения для восстановления хозяйства. Основные

причины появления этих формирований включали восстановление промышленности и транспорта, поддержание армии после окончания активных боевых действий и попытку соединить военную дисциплину с управлением экономикой. Закрепил создание трудовых армий, – Декрет СНК: «О введении всеобщей трудовинности» от 15 февраля 1920 г. Региональные различия привели к различным подходам в его реализации [1].

Концепция трудовых армий встретила сильное неприятие среди населения. Люди видели в принудительном труде форму подавления прав и свободы. Они активно сопротивлялись: массово уклонялись от мобилизации, жаловались на мизерную оплату и плохие социальные гарантии, устраивали забастовки и выступления против тяжёлых условий и несправедливого распределения благ. Примером реакции населения служит письмо группы рабочих города Екатеринбурга: «Мы вынуждены работать круглосуточно, получая скудный паёк и лишённый всяческих удобств быт» [3].

Подобные настроения становились всё более распространёнными по мере ухудшения жизненных условий. Таким образом, попытка введения универсального принципа обязательности труда привела к социальной напряжённости и снижению общей продуктивности труда.

С другой стороны Трудовые армии 1920–1921 гг. можно рассматривать, как исторический аналог федеральных округов в части территориального принципа управления и централизации контроля – хотя механизмы и задачи существенно различались. В 1920 году некоторые трудовые армии (в частности, 1-я Революционная трудовая армия на Урале) координировали работу органов власти ряда губерний, включая Челябинскую, Екатеринбургскую, которые были переданы ей из веления Сибревкома [10, с. 132-133]. Как и создание федеральных округов в 2000 году, формирование трудовых армий было ответом на системный кризис – в данном случае, на хозяйственную разруху после Гражданской войны. Оба института усиливали контроль центра над регионами в критический период.

Первоначально управление осуществлялось посредством комиссии по военным вопросам (Главком Труда). Позднее сформировались местные органы власти (Комитеты труда), объединяющие партийные, военные и хозяйственные структуры. В марте 1920 г. в Екатеринбурге сформирована первая трудовая армия, направленная на преодоление кризиса через активизацию горнодобычи и транспорта. Структура включала три уровня управления: ВСНХ СССР, местные власти (особые отделы труда) и рабочие бригады.

Возникли серьёзные разногласия между администрацией и рабочим составом. Например, конфликт возникал вокруг порядка распределения продуктов питания и оплаты труда: «Работники недовольны условиями труда...». Дополнительные свидетельства подтверждают сложность мотивации рабочего персонала: «население Екатеринбурга и

окрестных районов настроено негативно против призыва в трудовую армию, считая такую службу тяжелым бременем» [3]. Трудовые армии действовали в разных сферах: добывали уголь и металл, восстанавливали железные дороги, заготавливали древесину и участвовали в сельском хозяйстве. Но вместе с тем низкое материальное вознаграждение оставалось серьезной проблемой: «большинство рабочих получает лишь половину необходимого рациона, что ведет к падению производительности труда» [5].

Трудовые армии решали не только хозяйственные вопросы. Вместе с комиссиями по борьбе с дезертирством они координировали борьбу с дезертирством, его профилактику, а также вопросы трудового дезертирства [9, с. 190-199]. Реввоенсовет 1-й Армии Труда, как высший политический орган Урала решал и военные вопросы, когда в 1920 году недовольные разверсткой крестьяне и дезертиры подняли восстания и даже атаковали уездные города, как Кустанай [8, с. 115–119]. Тактика повстанцев часто выражалась в глубоких рейдах, с охватом значительной территории (двух-трех губерний) и общее руководство, наряду с командованием военного округа осуществлял РВС Трудармии [7, с. 51–56]. Сами восставшие, создавая в подконтрольных районах органы власти, также стремились к милитаризации управления и чрезвычайности [6, с. 116–117].

Весной 1921 года советское руководство решило ликвидировать институт трудовых армий. Причины заключались в завершении гражданской войны, массовых народных протестах против принудительного труда, осознании неэффективности насильственных методов восстановления экономики и переходе к НЭПу, допускающему рыночные механизмы и частную инициативу. Например, доклад председателя РВС Республики утверждал: «Необходимо немедленно прекратить практику массовых мобилизаций, поскольку она вызывает резкое ухудшение морального климата и ослабляет доверие народа к власти» [1]. С введением НЭПа произошел переход к другим формам организации труда, что позволило постепенно восстанавливать довоенную инфраструктуру и развивать сельское хозяйство.

Опыт уральских трудовых армий показал плюсы централизованного управления, но вызвал серьезные социальные проблемы. Учёные подчёркивают значение этого периода, выделяя как достижения, так и ошибки. Трудовые армии на Урале стали примером интеграции военной организации в экономику в условиях исторического перелома. Несмотря на амбициозность идеи милитаризации труда для преодоления кризиса, она не привела к кардинальному улучшению ситуации. Советская власть впоследствии сделала выводы, перейдя к более гибким методам экономического регулирования и стимулирования личной инициативы.

Список литературы

1. Голдин В.И. Россия в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2004. №12. С. 3–16.
2. Горбачев Ю.М. Государственное регулирование экономики России начала XX века. Москва: Издательство Московского университета, 2005. Гл. IV.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф.Р-142. Оп. 1. Д. 35.
4. Урванцева Е.А. Рабочие армии и трудовая повинность в годы революции и Гражданской войны // Отечественная история. 2006. №3. С. 113–125.
5. Фомина Г.Н. Организация и деятельность трудового фронта на Урале (1920–1921 гг.) // Историко-архивный институт РАН. Серия: История Отечества. Выпуск 13. Москва, 2009. С. 21–34.
6. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920 – 1921гг / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6(38). – С. 116-117.
7. Панькин, С. И. Особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920-1922 гг / С. И. Панькин // Управление в современных системах. – 2015. – № 3(7). – С. 47-58.
8. Панькин, С. И. Выступление крестьян в Кустанайском уезде в 1920 году / С. И. Панькин // Вестник № 5: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Челябинск, 10 апреля 2005 года / Под редакцией В.Н. Ни. – Челябинск: ООО "Перспектив", 2005. – С. 113-122.
9. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203.
10. Панькин, С. И. Челябинская губерния, 1919-1923 гг.: абрис истории: сб. док / С. И. Панькин // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 131-134. – EDN VRTKQX.

Д.А. ЗАХАРОВ, Д.Ю. ФИЛОНЕНКО, Д.И. МИТЯЕВА

Уральский медицинский институт,
студенты I курса специальности «Стоматология»

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский медицинский институт
канд. социол. наук

D.A. ZAKHAROV, D.Y. FILONENKO, D.I. MITYAEVA

Ural Medical Institute,
1st year students of the field of Dentistry

**АВАРИЯ НА ПО «МАЯК» (1957): МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
И ДИНАМИКА ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ В ПОСТРАДАВШИХ РЕГИОНАХ**

**ACCIDENT AT THE MAYAK NUCLEAR POWER PLANT (1957):
MEDICAL AND DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES AND
DYNAMICS OF MORBIDITY IN THE AFFECTED REGIONS**

Аннотация

В статье анализируется влияние аварии на ПО Маяк 1957 года на здоровье населения Уральского региона. Рассмотрены медико-демографические последствия, система медицинской помощи и реабилитации, созданной УНПЦ РМ, а также отмечена необходимость продолжения мониторинга экологической обстановки в зонах сохраняющегося загрязнения.

Annotation

The article analyzes the impact of the 1957 Mayak software accident on the health of the population of the Ural region. The medical and demographic consequences, the system of medical care and rehabilitation established by the UNOC of the Republic of Moldova were considered, and the need to continue monitoring the environmental situation in areas of persistent pollution was noted.

Ключевые слова: радиационная авария, ПО Маяк, онкология, радиационное загрязнение, ВУРС, реабилитация, УНПЦ РМ, лучевая болезнь.

Keywords: radiation accident, Mayak software, oncology, radiation pollution, WDS, rehabilitation, UNPC RM, radiation sickness.

Авария на производственном объединении Маяк (ПО Маяк) 29 сентября 1957 года оставила серьёзные медико-демографические последствия в пострадавших регионах. На территориях Челябинской, Свердловской и Тюменской областей сформировался Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС). Из-за выхода из строя системы охлаждения произошёл взрыв ёмкости объёмом 300 кубических метров, где содержались около 80 кубометров высокорadioактивных отходов ядерной промышленности. Из-за взрыва в

атмосферу были выброшены примерно 20 млн. кюри радиоактивных веществ. В течение 10-11 часов они выпали на протяжении 300-350 км в северо-восточном направлении от места взрыва. В зону радиационного загрязнения попала территория в 23 000 км² с населением 270 000 чел. в 217 населённых пунктах трёх областей. Наиболее пострадала на Урале река Теча. В неё сбрасывали высокоактивные отходы и до аварии 1957 года, а всего в речной системе отходов по бета-излучениям свыше 2,75 миллиона кюри. В настоящее время аварии присвоен 6 разряд тяжести из 7 возможных.

После аварии эвакуация населения началась в течение 7-14 дней. Более 4500 человек были эвакуированы из зоны с наибольшим уровнем загрязнения, в результате чего было ликвидировано 23 населённых пункта, где проживало около 13 тысяч человек. В первые годы после аварии наблюдался рост смертности среди детей до года, а также среди людей старше 60 лет [1].

В некоторых районах Свердловской области повысился уровень смертности от болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований и инфекционных болезней. У детей зафиксирован рост смертности от перинатальной патологии и врожденных пороков развития. В деревне Татарская Караболка заболеваемость раком была в 5–6 раз выше, чем в среднем по стране [4].

Согласно исследованиям в зонах, подвергшихся воздействию аварии ВУРС, наблюдались существенные различия в показателях смертности по сравнению с незараженными радиацией территориями, особенно первые десятилетия после катастрофы. Соккрытие аварии до 1989 года серьезно затрудняло своевременное предоставление медицинской помощи и информирование населения о потенциальных угрозах здоровью населения.

В ходе долгосрочных исследований были выявлены отдалённые эффекты радиации, повышение риска онкологических заболеваний и различных неврологических нарушений [3]. Ликвидаторы аварии, которые были привлечены для работ, ввиду систематических нарушений норм радиационной безопасности, пострадали больше других групп, из-за накопления стронция у них развились лучевая болезнь, поражения костного мозга и костей [2]. Также были выявлены различные неврологические и психические расстройства. В период 1957 – 1960 годы всего до 90 тыс. человек получили опасные дозы облучения, из них более 10 тыс. сотрудников комбината.

Облучение сельского населения происходило через загрязнённую почву, воду, сельхозпродукты и вдыхание радиоактивной пыли. Радионуклиды поражали костный мозг, желудочно-кишечный тракт и легкие. Наблюдались генетические нарушения, задержка физического и психического развития. Увеличилась вероятность патологий у потомства:

если радиационному облучению подверглись оба родителя, у ребенка была высокая вероятность развития рака.

Все пострадавшие в результате аварии, получили социальные льготы и были причислены к пострадавшим от Чернобыльской катастрофы. Тем не менее долгосрочные последствия облучения продолжают оказывать влияние на здоровье потомков, родившихся после трагедии. В целях долгосрочного наблюдения за пострадавшими и радиоактивных сбросов в реку Теча в Челябинске был учрежден Уральский научно-практический центр радиационной медицины (УНПЦ РМ). Мониторинг включает ежегодные диспансерные осмотры, которые охватывают ликвидаторов аварии, жителей зон с особым статусом (ВУРС) и бассейна реки Теча, имеющих специальные удостоверения. Реабилитация проводится в санаториях Южного Урала, где применяются физиотерапия, бальнеолечение и психологическая поддержка. Пострадавшие получают санаторно-курортные путевки бесплатно или с льготами. Также имеются дополнительные льготы, способствующие восстановлению здоровья, снижению госпитализаций и улучшению качества жизни, особенно в сочетании со скринингом.

Остаточные уровни радиации сохраняются в ключевых экосистемах региона [3]. Загрязнение реки Теча стронцием-90 сохраняется, как в воде, так и в почве, что влечет за собой миграцию радионуклидов вниз по речным системам Исеть и Обь, в результате чего происходит биоаккумуляция радионуклидов в рыбе, растительности и сельскохозяйственных продуктах. Озеро Карачай продолжает накапливать цезий-137 и стронций-90, что создает угрозу их переноса пылью и подземными стоками в соседние водоемы. Все это способствует поддержанию фоновых доз облучения в населенных пунктах. Мониторинг за сложившейся обстановкой ведут Росатом, Росгидромет и УНПЦ РМ.

Подводя итог, можно сказать, что авария 1957 г. привела к облучению большого количества людей, эвакуации жителей и росту онкологической смертности в нескольких районах. Динамика заболеваемости показывает увеличение лейкозов у детей и солидных опухолей у взрослых, а также сердечно-сосудистых и эндокринных нарушений.

Демографические последствия включают дефицит населения и рост инвалидности. Радиационный фактор влияет на здоровье в долгосрочной перспективе. Системы УНПЦ РМ и федеральные программы скрининга минимизируют текущий ущерб, обеспечивая раннюю диагностику и реабилитацию. Созданная инфраструктура доказала эффективность в снижении остроты последствий. Необходимы дальнейшие инвестиции в мониторинг экосистем, реабилитацию территорий, генетический скрининг и медицинскую помощь для устойчивого здоровья населения Урала и предотвращения трансгенерационных рисков.

Список литературы

1. Гуськова А.К., Ильин Л.А. Медико – биологические последствия радиационных аварий (ПО «Маяк», 1957 г.) // Радиация и риск. – 2007. - №16 (1). – С. 35-37.
2. Иванов В.К. Медицинские последствия радиационных аварий: уроки прошлого и современность // Медицина катастроф. – 2017. - №2(90). – С. 54-61.
3. Мониторинг радиационной обстановки в Челябинской области: ежегодные отчеты / Челяб. обл. ком. гос. контроля. – Челябинск, 2020 – 2025.
4. Наумова Е.М. Экологические последствия аварии на ПО «Маяк» // Экология и промышленность России. - 2017. - № 6. – С. 36.
5. Фёдоров В.Д. Реабилитация населения, пострадавшего от радиационных аварий // Здравоохранение РФ. – 2018. - №4. – С. 80-81.

А.А. ЗЕМЗЮЛИНА, Н.А. КИРЕЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студенты I курса направления подготовки
«Реклама и связи с общественностью»

A.A. ZEMZYULINA, N.A. KIRREEVA

Ural branch of the Financial University
1st year students of the training program
«Advertising and Public Relations»

Научный руководитель

О.В. ПЕРЕВОЗОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. пед. наук, доцент

Scientific supervisor

O.V. PEREVOZOVA

Ural branch of the Financial University
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

ИНФОРМАЦИОННЫЙ МЕДИАИМИДЖ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГ

INFORMATION MEDIA IMAGE OF THE CITY OF YEKATERINBURG

Аннотация

Статья посвящена анализу формирования медиаимиджа Екатеринбурга в контексте цифровизации и усиления конкуренции территорий. Исследуется, как информационный образ города влияет на его стратегическое развитие, включая инвестиционную привлекательность, туризм, культурный авторитет и самоидентификацию горожан. Отмечается, что имидж Екатеринбурга часто формируется стихийно и фрагментарно,

представляя собой противоречивую картину, складывающуюся из отдельных новостных сюжетов и медийных интерпретаций. В работе представлен обзор теоретических подходов к исследованию имиджа территории, включая маркетинговый, коммуникационный и фрейминговый, и проводится контент-анализ пяти ключевых СМИ Екатеринбурга для выявления доминирующих тем, тональности и способов конструирования городского образа.

Annotation

The article is devoted to the analysis of the formation of Yekaterinburg's media image in the context of digitalization and increased competition of territories. The article examines how the information image of the city affects its strategic development, including investment attractiveness, tourism, cultural authority and self-identification of citizens. It is noted that Yekaterinburg's image is often formed spontaneously and fragmentarily, presenting a contradictory picture consisting of individual news stories and media interpretations. The paper provides an overview of theoretical approaches to the study of the territory's image, including marketing, communication and framing, and conducts a content analysis of five key Yekaterinburg media outlets to identify the dominant themes, tonality and ways of constructing an urban image.

Ключевые слова: имидж города, медиаимидж, территориальный маркетинг, фрейминг, контент-анализ, информационный образ, городское развитие.

Keywords: city image, media image, territorial marketing, framing, content analysis, information image, urban development.

Образ города – это ценный нематериальный актив, который напрямую влияет на его привлекательность для инвесторов, туристов, новых жителей и на культурный авторитет. Для Екатеринбурга, как для крупного регионального центра, формирование цельного и позитивного имиджа является стратегической задачей. Исследования показывают, что имидж города часто формируется стихийно, под влиянием разрозненных информационных поводов, что может приводить к его противоречивости и неполноте.

В ходе исследования были изучены теории связанные с медиаимеджем имиджа, такие как:

- Маркетинговый подход (Ф. Котлер): Имидж как товар на «рынке мест».
- Коммуникационный подход (Ж.-Н. Капферер): Бренд существует в сознании потребителя, формируется через медиа.
- Теория фрейминга (И. Гофман): СМИ задают угол зрения на события.

Средства массовой информации играют ключевую роль в конструировании реальности и формировании общественного мнения об объектах, включая города. Было

изучено несколько ключевых интернет-ресурсов, активно освещающих жизнь Екатеринбурга, с целью выявления доминирующих нарративов и формирования имиджа города (табл. 1).

Таблица 1 – «Формируемый имидж города новостным ресурсом»

Новостной ресурс	Фокус информации	Формируемый имидж
E1.RU	Происшествия, городская жизнь, политика, культура, ЖКХ. Криминал и резонанс.	Динамичный, подверженный проблемам с инфраструктурой и безопасностью.
URA.RU	Аналитика, скандалы и конфликты	Деловой и конфликтный
obltv.ru	Деятельность региональных властей, социально-экономическое развитие, культура и спорт	Стабильный, развивающийся регион
EAnews	Аналитический уклон во всех сферах общества	Крупный промышленный и культурный центр Урала
Комсомольская правда – Урал	Социальные темы и происшествия	Город со своими проблемами и достижениями, с акцентом на жизнь горожан

Из таблицы видно, что в информационной среде города Екатеринбург преобладает освещение происшествий, криминала, конфликтов, что создает образ «города проблем». Также различные СМИ транслируют противоречивые образы. Зачастую наблюдается недостаточное освещение достижений, уникальных культурных проектов, сильных сторон города, которые могли бы сформировать привлекательный и устойчивый имидж. Присутствует эффект «эхо-камеры» – медиа зачастую усиливают уже существующие стереотипы, вместо того чтобы предлагать новые ракурсы.

Список литературы

1. Вербицкий М. Ю. (2023). Формирование медиаобраза Екатеринбурга в текстах федеральных СМИ.
2. Куликова Е. С., Шилкова Е. С. (2025). Анализ городского брендинга Екатеринбурга через призму туристических потоков.
3. Перезовова О.В., Возилова Е.В. (2023). Экологическая информационная повестка Челябинска как инструмент фреймирования и конструирования образа города / Сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Уральского филиала Финансового университета.

4. Ширкина М. В. (2025). Противопоставление образов городов: Пермь и Екатеринбург в российских СМИ.

В.Д. ИВАНОВА

Российский государственный
университет социальных технологий
студентка II курса направления
«Юриспруденция»

Научный руководитель

А.А. ТЕНЕТКО

Российский государственный
университет социальных технологий
канд. юрид. наук, доцент

V.D. IVANOVA

Russian State
University of Social Technologies
Second-year student, Jurisprudence

Academic Supervisor

A.A. TENETKO

Russian State
University of Social Technologies
PhD in Law, Associate Professor

ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В РАМКАХ ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ

TECHNOLOGIES FOR WORKING WITH YOUTH IN THE FRAMEWORK OF DIGITAL INCLUSION

Аннотация

В статье исследуются технологии работы с молодежью, направленные на обеспечение цифровой инклюзии. На основе анализа научных публикаций раскрываются ключевые барьеры цифровой интеграции и систематизируются современные технологии (образовательные, социально-проектные, коммуникационные, адаптивные). Сформулированы предложения по совершенствованию правового, организационного и кадрового обеспечения цифровой инклюзии в рамках молодежной политики РФ.

Annotation

The article examines technologies for working with youth aimed at ensuring digital inclusion. Based on the analysis of scientific publications, the key barriers to digital integration are revealed and modern technologies (educational, social project, communication, adaptive) are systematized. Proposals have been formulated to improve the legal, organizational and personnel support for digital inclusion within the framework of the youth policy of the Russian Federation.

Ключевые слова: цифровая инклюзия, молодежная политика, технологии работы с молодежью, цифровое неравенство, адаптивные технологии.

Key words: digital inclusion, youth policy, technologies for working with youth, digital inequality, adaptive technologies.

Современное общество переживает достаточно интенсивную цифровую трансформацию, что актуализирует задачу цифровой инклюзии для обеспечения равного доступа к цифровым ресурсам для всех категорий молодежи, включая лиц с ОВЗ. Как отмечают Ахметова Д.З. и др., «цифровизация и инклюзивное образование представляют собой взаимодополняющие процессы, открывающие новые возможности для создания доступной образовательной среды» [3, ст. 141–143]. В этой связи актуальность обусловлена противоречием между развитием цифровых технологий и сохраняющимися барьерами доступа для отдельных групп молодежи.

Цифровая инклюзия в контексте молодежной политики понимается как комплекс мер по обеспечению равного доступа к цифровым технологиям, развитию компетенций и созданию условий для участия в цифровой среде всех категорий молодежи [3]. Правовую основу составляют Конституция РФ (ст. 7, ст. 29) [1] и Распоряжение Правительства РФ № 1662-р. Как отмечает Гречихин В.Г, современная молодежная политика «характеризуется поиском баланса между традиционными формами работы и инновационными цифровыми решениями» [6]. Дополняя данную позицию, Тимофеева Е.А. указывает что «молодежная политика в условиях цифровизации должна строиться на принципах адаптивности, доступности и ориентации на индивидуальные траектории развития молодых людей» [5]. При этом, по мнению Муртазалиева А.М. и Мусаловой П.Б., законодательство «нуждается в дальнейшем совершенствовании в части регламентации конкретных механизмов обеспечения цифровой доступности для молодежи» [7]. Значимым ориентиром в формировании нормативной базы цифровой инклюзии выступает Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. В разделе 9 данного документа, посвященном молодежной политике, ясно высказана необходимость «создания условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи». Именно этот

концептуальный акт заложил основу для последующего внедрения принципов цифровой инклюзии, поскольку акцентировал внимание на необходимости адаптации социальных институтов к меняющимся технологическим условиям [2].

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые барьеры цифровой инклюзии. Так, исследование Т.А. Гужавина свидетельствует о неоднородности готовности молодежи: «лишь 35% молодежи из удаленных территорий обладают достаточным уровнем цифровых компетенций» против более 70% в крупных городах [4]. Особую сложность представляют психологические барьеры у молодежи с ОВЗ: как отмечают Ахметова Д.З и др., «даже при наличии технических возможностей для цифровой интеграции, многие молодые люди с ОВЗ сталкиваются с недостатком уверенности в своих силах» [3]. Также сохраняется нормативно-правовая неопределенность.

Современные технологии работы с молодежью в рамках цифровой инклюзии делятся на несколько групп. Образовательные технологии (адаптивные платформы, микрообучение) формируют цифровые компетенции. Как указывают Ахметова Д.З и др., «адаптивные обучающие платформы... позволяют учитывать различные образовательные потребности и когнитивные особенности молодежи» [3]. Социально-проектные технологии демонстрируют высокую эффективность: по данным Тимофеевой Е.А., «инклюзивные цифровые хакатоны... способствуют формированию кросс-функциональных навыков и разрушению стереотипов» [5]. Коммуникационные технологии, по мнению Т.А. Гужавиной, играют ключевую роль: «виртуальные сообщества поддержки... становятся важным ресурсом психологической адаптации и социальной интеграции» [4]. Адаптивные и ассистивные технологии, как подчеркивают Ахметова Д.З. и др., должны быть «интегральными элементами образовательной и социальной среды» [3]. Ключевым принципом является универсальный дизайн.

Развитие цифровой инклюзии требует комплексного подхода. Нормативно-правовое совершенствование, по мнению Муртазалиева А.М. и Мусаловой П.Б., «нуждается в конкретизации механизмов обеспечения цифровой доступности» [7]. Инфраструктурное развитие предполагает, как отмечает Гужавина Т.А., «создание специализированных центров цифрового творчества в малых городах и сельской местности» [4]. Кадровое обеспечение требует, согласно исследованию Тимофеевой Е.А., включения в подготовку специалистов «обязательного модуля по цифровым технологиям инклюзии» [5]. Согласно ст. 72 Конституции РФ, регулирование в этой сфере относится к компетенции РФ [1]. Международный опыт, по словам Плотицкиной Н.В., показывает, что «цифровая инклюзия представляет собой сложный, многогранный процесс, направленный на обеспечение

полноценного участия в цифровом обществе» [8]. Учет региональной специфики, как подчеркивает Николаева А.В., требует «создания условий для формирования цифровой культуры и развития цифровых компетенций у молодежи» [9].

Таким образом, цифровая инклюзивность является стратегическим приоритетом молодежной политики Российской Федерации. Эффективность ее реализации зависит от интеграции образования, социального проектирования, коммуникативных и адаптивных технологий в единую экосистему, а также комплексного нормативно-правового, инфраструктурного и кадрового обеспечения с учетом региональных особенностей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ст. 7; ст. 29; ст. 72;)
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с "Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года") (раздел 3. ст. 9)
3. Ахметова Дания Загриевна; Артюхина Татьяна Сергеевна; Бикбаева Марина Рунаровна; Сахнова Ирина Александровна; Сучков Максим Александрович; Зайцева Эльвира Альбертовна. Цифровизация и инклюзивное образование: точки соприкосновения [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – 2020 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-inklyuzivnoe-obrazovanie-tochki-soprikosnoveniya/viewer>
4. Гужавина Татьяна Анатольевна. Готовность молодежи к жизнедеятельности в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – 2020 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-molodezhi-k-zhiznedeyatelnosti-v-usloviyah-tsifrovizatsii>
5. Тимофеева Е.А. Основные постулаты современной концепции развития молодежной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – 2024 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-postulaty-sovremennoy-kontseptsii-razvitiya-molodezhnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii>
6. Гречихин В.Г. Современная молодежная политика в России [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – 2021 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-molodezhnaya-politika-v-rossii>

7. Муртазалиев А.М., Мусалова П.Б. Понятие и нормативно-правовая основа молодежной политики в современной России [Электронный ресурс]// CyberLeninka. – 2023 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-normativno-pravovaya-osnova-molodezhnoy-politiki-v-sovremennoy-rossii>
8. Плотицкина Н.В. Цифровая инклюзия: Теоретическая рефлексия и публичная политика [Электронный ресурс]// CyberLeninka. – 2020 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-inklyuziya-teoreticheskaya-refleksiya-i-publichnaya-politika/viewer>
9. Николаева А.В. Молодежная политика в сфере цифровизации [Электронный ресурс]// CyberLeninka. – 2020 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-politika-v-sfere-tsifrovizatsii>

Е.В. ИВАШКИНА

Уральский медицинский институт
студентка I курса специальности «Лечебное дело»

E.V. IVASHKINA

Ural Medical Institute
First-year student majoring in General Medicine

ЛЮДОЕДСТВО В ЧЕЛЯБИНСКЕ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ CANNIBALISM IN CHELYABINSK AND THE CHELYABINSK PROVINCES

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию феномена каннибализма в Челябинской губернии, актуальность которого обусловлена необходимостью научного осмысления наиболее трагических и табуированных страниц региональной истории. Целью работы является комплексный анализ социально-экономических причин и психологических механизмов этого явления, проявившегося как в периоды массового голода 1920-х годов, так и в современных криминальных инцидентах. Обоснованием исследования служит потребность в систематизации разрозненных архивных данных и материалов следственной практики для развенчания мифов и установления объективной исторической истины. В заключении автор делает выводы о влиянии экстремальных условий на деградацию человеческой личности, подчеркивая важность извлечения уроков из социальных катастроф прошлого.

Annotation

This article examines the phenomenon of cannibalism in the Chelyabinsk region, the relevance of which stems from the need for a scientific understanding of the most tragic and taboo chapters of regional history. The aim of the work is a comprehensive analysis of the socioeconomic causes and psychological mechanisms of this phenomenon, which manifested itself both during the mass famine of the 1920s and in modern criminal incidents. The study is motivated by the need to systematize disparate archival data and investigative materials to debunk myths and establish objective historical truth. In conclusion, the author draws conclusions about the impact of extreme conditions on the degradation of the human personality, emphasizing the importance of learning from past social catastrophes.

Ключевые слова: каннибализм, голодание, маньяки, людоедство.

Key words: cannibalism, starvation, maniacs, anthropophagy

После окончания Гражданской войны аграрный сектор региона был истощен системой продразверстки. Последовавшая за этим беспрецедентная засуха 1921 года привела к полному краху урожая, поставив население на грань выживания от надвигающегося голода [8, с. 102–104]. К началу 1922 года более миллиона жителей Челябинской губернии (примерно 75% населения) страдали от голода, государство принимало лишь запоздалые меры и создавая чрезвычайные комиссии по борьбе с голодом [9, с. 884]. В государственном архиве Челябинской губернии хранятся конфиденциальные донесения ГПУ, фиксирующие ужасающие реалии. Наиболее масштабный и документально подтвержденный период антропофагии в регионе пришелся на начало 1920-х годов. В те годы Челябинская губерния оказалась в эпицентре катастрофического бедствия. Первой стадией стало употребление в пищу тел родственников, скончавшихся от голода [1, с. 89]. Люди эксгумировали трупы с кладбищ, что вынудило власти выставять вооруженные караулы у захоронений. Далее начались убийства, спровоцированные голодом: к весне 1922 года отмечались случаи детоубийства внутри семей. Доведенные до отчаяния матери лишали жизни младших детей, чтобы обеспечить выживание старших или спастись самим.

Ситуацию усугубляли негативные социально-политические процессы в регионе. Так, с 1920 года проходили периодические восстание крестьян и казаков, поддержанные дезертирами и башкирскими националистами [11, с. 179–180]. Борьба с повстанчеством происходила по силовому с применением террора, многочисленными жертвами, массовыми конфискациями продовольствия у населения районов, поддержавших восстания, коллективными штрафами и контрибуциями, безусловно указанные меры лишь приближали голод и усиливали его [10, с. 51–53].

Наиболее тревожные сводки поступали из Троицкого и Верхнеуральского уездов. В Троицке были зафиксированы факты реализации «человечины» под видом говядины на рынках [2, с. 480]. Реакция властей была разнообразной. В документах того периода каннибализм трактовался не столько, как уголовное преступление, а как проявление социальной болезни. Виновных зачастую не привлекали к суду, а направляли в спецучреждения или приюты, поскольку люди находились в состоянии глубокого голодного психоза [3, с. 112].

Однако каннибализм не остался в прошлом. Современные проявления антропофагии в Челябинской области вызывают ассоциации с 1920 гг. В мирное время случаи людоедства в Челябинской области носят исключительно патологический или маргинальный характер. В отличие от 1920-х годов, здесь доминирует не инстинкт самосохранения, а психические расстройства или крайняя степень социальной деградации. Большинство инцидентов, попадающих в сводки МВД региона характеризуются длительным злоупотреблением алкоголем или его суррогатами, конфликтами в состоянии глубокого опьянения и морального разложения, приводящий к убийству и актам антропофагии [4, с.912]. Так, в начале 2000-х годов в Челябинске было раскрыто дело, где двое бездомных в течение недели употребляли в пищу останки своего случайного знакомого. Мотивом была названа «полная утрата человеческого облика на почве алкоголизма». Челябинская область, будучи крупным индустриальным центром, периодически сталкивалась с деятельностью психически нездоровых убийц. В материалах местных судов фигурировали дела, связанные с ритуальными или маниакальными наклонностями, где преступники пытались имитировать действия известных маньяков [5, с. 54]. Органы психиатрической экспертизы Челябинска (в частности, больница в поселке АМЗ) ежегодно проводят обследования лиц, совершивших особо жестокие преступления. Случаи чистого каннибализма крайне редки и практически всегда связаны с тяжелой формой шизофрении.

Регулярные вбросы в социальных сетях о каннибалах в лесопарковых зонах (например, в Челябинском бору) обычно оказываются фейками или пересказами старых уголовных дел. С позиции современной медицины, каннибализм в Челябинской области рассматривается в двух аспектах. Первый медицинский. Лица с такими наклонностями признаются невменяемыми и направляются на принудительное лечение в специализированные лечебницы закрытого типа. Социальный аспект – индикатор глубокого неблагополучия в отдельных слоях (бездомные, лица с зависимостями) [7, с.560].

Итак, проведенное исследование показало, что случаи каннибализма в Челябинской губернии имели сложную природу, варьирующуюся от массовых трагедий в периоды катастрофического голода 1920-х годов до изолированных криминальных инцидентов

современности. Анализ источников подтверждает, что в основе этого деструктивного феномена лежат как экстремальное разрушение социальной среды, так и глубинные психологические трансформации личности под воздействием невыносимых условий существования. Изучение столь болезненных и табуированных тем необходимо для восстановления объективной исторической памяти и понимания границ человеческой психики в моменты предельных испытаний. В конечном итоге, осознание причин подобных социальных аномалий служит важным напоминанием о хрупкости цивилизационных норм и необходимости предотвращения любых гуманитарных катастроф в будущем.

Список литературы

1. Абрамовский, А. П. Спецсводки органов ГПУ о состоянии Челябинской губернии в 1921–1922 гг. как исторический источник / А. П. Абрамовский // Вестник Челябинского государственного университета. — 1993. — Т. 1. — № 1. — С. 88–95.
2. Антонов, А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов / А. И. Антонов. — Москва : Издательский Дом « Nota Bene », 2005. — 480 с. (В контексте деградации семейных связей в экстремальных условиях).
3. Бакулин, В. И. Голод 1921–1922 гг. на Урале: социальные последствия и стратегии выживания / В. И. Бакулин // Вопросы истории. — 2014. — № 6. — С. 112–124.
4. Голод в России и СССР: 1918 — июль 1923: Сборник документов / под ред. В. В. Кондрашина. — Москва: МФД, 2013. — 912 с. (Содержит отчеты о людоедстве в Челябинской губернии).
5. Елисеева, О. Ю. Психопатология массового сознания в периоды социальных катастроф / О. Ю. Елисеева // Вестник психотерапии. — 2011. — № 39 (44). — С. 45–58.
6. Канибализм: мифы и реальность: антропологический аспект / сост. С. А. Арутюнов. — Москва: Наука, 2010. — 240 с.
7. Кондрашин, В. В. Голод 1921–1922 годов в Советской России / В. В. Кондрашин. — Москва: РОССПЭН, 2021. — 560 с.
8. Панькин, С. И. Динамика экономического положения сельского населения Южного Урала в 1920–1921 гг. (по материалам Челябинской ГубЧК) / С. И. Панькин // Социально-экономическая и финансово-кредитная политика в регионе: Тезисы региональной научно-практической конференции. Челябинск: ВЗФЭИ (филиал в Челябинске), 2002. - С. 102–105. EDN: VUFCDX.
9. Панькин, С. И. Голод в Челябинской губернии // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / К. Н. Бочкарев (глав. ред.) [и др.]. Челябинск:, 2008. Т. 1. С. 884–885.

10. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.

11. Панькин, С. Особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919 - 1922 годах / С. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 2 (14). – С. 179-180. – EDN WHPSYN.

В.Н. ИВЛЕВА

Колледж предпринимательства
и отраслевых технологий,
курсант II курса направления подготовки
«Правоохранительная деятельность»

Научный руководитель

Е.Н. УСТЬЯНЦЕВА

Колледж предпринимательства
и отраслевых технологий
преподаватель

V.N. IVLEVA

College of Entrepreneurship
and Industrial Technologies,
Second-year cadet majoring in
Law Enforcement

Academic Supervisor

E.N. USTYANTSEVA

College of Entrepreneurship
and Industrial Technologies
Lecturer

**ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ: ПОМОЩНИК ИЛИ УГРОЗА ПРАВОСУДИЮ?**

**LIMITS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN
CRIMINAL LAW: ASSISTANT OR THREAT TO JUSTICE?**

Аннотация

Статья посвящена анализу возможностей использования ИИ в уголовном праве. Рассматриваются примеры внедрения ИИ в юридическую практику, история и современные методы машинного обучения, применяемых для автоматизации документооборота и анализа текстов. Выделяются преимущества ИИ и основные риски. Также делается вывод, что ИИ – это лишь инструмент для юриста.

Annotation

This article analyzes the potential of AI in criminal law. It examines examples of AI implementation in legal practice, as well as the history and modern methods of machine learning used to automate document flow and analyze text. The advantages of AI and its main risks are highlighted. It also concludes that AI is merely a tool for lawyers.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное право, юридическая деятельность, машинное обучение, нейросети, конфиденциальность, алгоритмическая предвзятость.

Key words: artificial intelligence, criminal law, legal activity, machine learning, neural networks, privacy, algorithmic bias.

Некоторые специалисты в юридической сфере считают, что искусственный интеллект (далее – ИИ) заменит юриста. Так, в Амурской области реализован пилотный проект по использованию ИИ в государственном управлении в работе уполномоченного по защите прав предпринимателей в Амурской области, где ИИ ассистенты заменили штатного юрисконсультанта. Это стало ответом на кадровый дефицит и ограниченное финансирование [2].

Однако, в адвокатской деятельности, в частности, на примере нового программного продукта Plevako.ai, представленного на V Всероссийском конгрессе молодых адвокатов ИИ хоть и стал неотъемлемой частью юридической деятельности, но его роль ограничена, лишь как инструмента в руках профессионала, а не его замена [1].

Первые попытки создания ИИ начались в середине XX века, но настоящий прорыв произошёл с появлением нейронных сетей, имитирующих работу человеческого мозга. В 1944 году была предложена концепция нейросетей, а в 1958 году создан первый обучаемый перцептрон (простейшая модель искусственной нейронной сети, предложенная Фрэнком Розенблаттом в 1950-х годах). В СССР в 1960-х появилась нейросеть «Анализатор Ищенко-Шестопалова». С развитием вычислительных мощностей и методов машинного обучения ИИ стал применяться в самых разных сферах.

Наиболее распространённые типы нейросетей считаются:

- сверточные (CNN) - анализ изображений (распознавание лиц, медицинская диагностика);
- рекуррентные (RNN) - работа с последовательностями (машинный перевод, анализ текстов);
- трансформерные (Transformer)- обработка естественного языка (чат-боты, поисковые системы);

- графовые (GNN) - анализ связей (социальные сети, выявление мошенничества);
- бинаризованные (BNN) - экономичные решения для мобильных и встроенных систем.

В юридической практике чаще всего используются NLP-модели для анализа текстов и автоматизации документооборота [3, с. 3].

Мы провели опрос среди преподавателей уголовно-правовых дисциплин, которые, в частности, имеют большой опыт работы в структурах МВД и наше исследование обнажило глубокий парадокс, имеющий принципиальное значение для философии уголовного права и правотворческой политики. Профессиональное сообщество демонстрирует парадоксальное сочетание тотального недоверия к искусственному интеллекту (100%) и столь же тотального отрицания необходимости его правового регулирования (60% выступают против специального закона). Этот когнитивный диссонанс свидетельствует о том, что угроза, исходящая от алгоритмов, воспринимается профессионалами как настолько ничтожная и иллюзорная, что не требует законодательного вмешательства.

Однако наиболее принципиальный вывод лежит в плоскости антропологических границ уголовного права. Респонденты единодушно определили субъективную сторону преступления как «заповедную зону», навсегда закрытую для алгоритмов. Мотив, цель, искреннее раскаяние — категории, которые, по убеждению 100% опрошенных, не могут быть формализованы и переданы машине. Это указывает на фундаментальное свойство уголовного права, которое его носители отказываются утратить: способность к этическому суждению и работе в условиях неопределенности. Уголовный процесс в сознании профессионалов остается антропоцентричным пространством, где формальная логика уступает место эмпатии, стратегическому мышлению и уникальной человеческой способности «прочитать» личность подсудимого.

Самый интригующий результат опроса заключается в абсолютном консенсусе относительно будущего профессии: 80% респондентов уверены, что замена юриста алгоритмом невозможна, а 20% называют саму эту дискуссию мифом. При этом оптимальная модель взаимодействия определена жестко и однозначно — «технический помощник без права голоса». По сути, сообщество выстраивает вокруг профессии невидимую, но прочную крепость, отказывая искусственному интеллекту даже в гипотетической возможности обладать дискреционными полномочиями.

Мы также посчитали важным выделить недостатки ИИ, такие как: отсутствие правосознания и эмпатии, «галлюцинации» ИИ, алгоритмическая предвзятость, когда ИИ может воспроизводить и усиливать дискриминацию, заложенную в обучающих данных, проблему ответственности за принятые решения, ведь за ошибки ИИ всегда отвечает человек

– следователь, прокурор или судья, использовавший результат работы системы, а также часто нарушается конфиденциальность и защита данных [4, с. 3].

Вместе с тем у ИИ существуют и определенные преимущества такие, как быстрая обработка больших объемов информации, снижение риска человеческой ошибки при рутинных операциях, возможность прогнозирования исходов дел на основе анализа прецедента, повышение доступности юридических услуг за счет автоматизации [5, с. 2].

При всем вышесказанном и проанализированном в ходе исследования мы можем сделать вывод о том, что ИИ – эффективный инструмент для оптимизации юридической деятельности, но не самостоятельный субъект права. В уголовном праве ИИ может быть только помощником юриста: он ускоряет поиск информации, анализирует документы, прогнозирует исходы дел, но не способен заменить человека в оценке мотивов, обстоятельств и принятии решений, затрагивающих судьбу людей. Будущее – за синергией человеческого интеллекта и машинной скорости, где последнее слово всегда остается за специалистами.

Список литературы

1. Заменит ли искусственный интеллект адвоката? // Федеральной палаты адвокатов: официальный сайт. – Режим доступа: <https://fparf.ru> (дата обращения: 19.03.2026).
2. ИИ заменил юрисконсульта. Уже точно // ООО «Издательская группа «Закон»: официальный сайт. – Режим доступа: <https://zakon.ru> (дата обращения: 19.03.2026).
3. Искусственный интеллект в правосудии: на пересечении права и технологий / К.А. Волков, И.Е. Певцова, М.А. Тулиглович // Российский судья. – 2025. – № 9. – С. 1-7.
4. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права / Ю.С. Харитонов, В.С. Савина, Ф. Паньини // Вестник Пермского университета. – 2021. – № 3. – С. 1-40.
5. Терехов, Е.М. Искусственный интеллект в официальном толковании права: за или против? / Е.М. Терехов // Legal Bulletin. – 2025. – № 2. – С. 1-11.

Е. А. КАРПОВА

Российский государственный университет
социальных технологий
студентка III курса направления
«Юриспруденция»

Научный руководитель

А.А. ТЕНЕТКО

канд. юр. наук, доцент кафедры частного и публичного права

E. A. KARPOVA

Russian State University of Social Technologies
Third-year student of the Faculty of «Law»

Scientific supervisor

A.A. TENENKO

Ph.D. legal Sciences, Associate Professor of the
Department of Private and Public Law
Russian State University of Social Technologies

ЭВОЛЮЦИЯ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

EVOLUTION OF BANKRUPTCY IN RUSSIAN LAW

Аннотация

В статье исследуется развитие института банкротства в российском праве от ранних конкурсных представлений до современной модели, сочетающей частноправовые, публично-правовые и социальные элементы. Цель работы состоит в выявлении этапов эволюции банкротного регулирования и определении признаков, характеризующих современный этап его развития. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Сделан вывод о том, что современная эволюция института определяется усложнением процедур и изменением самой юридической цели банкротства, которая все отчетливее связывается с восстановлением платежеспособности, балансом интересов кредиторов и должников, снижением социальных последствий долговой нагрузки.

Annotation

The article examines the development of the bankruptcy institution in Russian law, from early bankruptcy proceedings to the modern model that combines private, public, and social elements. The purpose of the article is to identify the stages of the evolution of bankruptcy regulation and to determine the features that characterize the current stage of its development. The article uses historical, legal, formal, and comparative methods. It is concluded that the modern evolution of the institution is determined by the complexity of procedures and the change in the legal purpose of bankruptcy, which is increasingly associated with the restoration of solvency, the balance of interests between creditors and debtors, and the reduction of the social consequences of debt burden.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, должник, кредитор, реструктуризация, внесудебное банкротство, судебная практика, правовое регулирование.

Key words: bankruptcy, insolvency, debtor, creditor, restructuring, out-of-court bankruptcy, judicial practice, legal regulation.

Институт банкротства позволяет оценить зрелость рыночной системы, устойчивость гражданского оборота и способность государства перераспределять имущественные риски правовыми средствами. Для российского права тема актуальна, поскольку современная модель несостоятельности сформировалась сравнительно поздно и развивалась в условиях переходной экономики. В литературе отмечается, что действующее регулирование уже нельзя понимать как сугубо технический набор процедур. Банкротство стало самостоятельным комплексным институтом, через который решаются задачи защиты кредитора, сохранения оборота, освобождения добросовестного гражданина от непосильной задолженности и предупреждения злоупотреблений [1, с. 993–1006].

Актуальность исследования усиливается и текущими данными. По сведениям Федресурса, в 2025 году количество судебных банкротств граждан и индивидуальных предпринимателей достигло 568 тысяч, а число внесудебных процедур составило 68,3 тысячи. Одновременно количество процедур банкротства компаний снизилось до исторического минимума – 6477 случаев, тогда как реабилитационные процедуры по-прежнему применяются крайне редко [11]. Следовательно, институт банкротства сегодня выступает антикризисным юридическим механизмом и показателем изменения социальной и экономической политики государства.

В научной литературе развитие института банкротства рассматривается в нескольких взаимосвязанных ракурсах. А. Л. Белоусов показывает, что современная российская модель постепенно отходит от сугубо продолжниковой конструкции и движется к более сбалансированному учету интересов должника и кредитора. При этом автор подчеркивает слабую востребованность процедур, направленных на восстановление платежеспособности, и необходимость усиления реабилитационного начала [1, с. 993–1006]. Е. Д. Бозрикова анализирует эволюцию банкротного законодательства в исторической и сравнительно-правовой перспективе. Ее вывод о том, что универсальной модели банкротства не существует, необходим для понимания российского опыта как адаптационного, а не заимствованного в готовом виде [2, с. 76–95]. А.А. Фероян, исследуя новейшую историю российского законодательства, отмечает позднее формирование современной модели и сохраняющийся дисбаланс между интересами участников конкурсного процесса [12, с. 119–123].

Пласт исследований связан с банкротством граждан. Н. А. Васильева рассматривает судебную процедуру банкротства граждан через призму соотношения прав должника и

интересов кредиторов [3, с. 48–52]. О. Зайцев анализирует внесудебное банкротство в форме нового социально ориентированного механизма разгрузки судов и упрощенного освобождения гражданина от безнадежных долгов [5, с. 21–38]. Д. В. Манушин, в свою очередь, обращает внимание на понятийную сторону вопроса, разграничивая банкротство, несостоятельность и неплатежеспособность [7, с. 273–311]. Так, эволюция института выражается в изменении процедур и уточнении его категориального аппарата.

Эволюция института банкротства в российском праве может быть представлена как последовательность нескольких этапов. Первый этап связан с дореволюционными конкурсными представлениями и ранними нормами о несостоятельности, которые существовали фрагментарно и не образовывали целостного института. В советский период самостоятельное значение банкротства фактически было утрачено из-за господства плановой экономики, что привело к нормативному разрыву между дореволюционной традицией и современной системой [2, с. 76–95].

Второй этап начался в начале 1990-х годов вместе с переходом к рынку. Сначала нормы о несостоятельности появились в актах общего характера, а затем в 1992 году был принят первый специальный закон о банкротстве предприятий. Модель имела преимущественно ликвидационный характер и рассматривала банкротство прежде всего способом исключения неплатежеспособного субъекта из хозяйственного оборота. Как отмечается в литературе, правовое положение кредитора тогда оставалось недостаточно защищенным, а процедура была сложной и малоприспособленной к быстрым экономическим изменениям [12, с. 119–123].

Третий этап связан с принятием Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ, а затем действующего Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [10]. Закон 2002 года стал базой современной модели, поскольку создал более сложную правовую конструкцию с детальной регламентацией стадий банкротства, статуса арбитражного управляющего и порядка удовлетворения требований кредиторов. В дальнейшем внутри этого закона возникли специальные режимы для отдельных категорий должников. Тем самым банкротство перестало быть единым процедурным шаблоном и превратилось в дифференцированный институт.

Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ заложил основу для полноценного банкротства граждан, а с 1 октября 2015 года соответствующий механизм начал применяться на практике [8]. С этого момента банкротство в российском праве перестало быть институтом, ориентированным главным образом на предпринимательскую сферу. Оно приобрело отчетливую социальную функцию, связанную с возможностью правового разрешения долгового кризиса физического лица. Логическим продолжением этой линии

стал Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ, который ввел внесудебное банкротство гражданина через многофункциональные центры [9]. Следовательно, эволюция института пошла по пути усложнения судебных процедур и их упрощения для социально уязвимых субъектов.

Современный этап развития института банкротства характеризуется функциональной перестройкой. Если в 1990-е годы доминировала ликвидационная логика, то сегодня все заметнее реабилитационная цель. Однако статистика показывает, что эта трансформация пока остается неполной. В корпоративном секторе процедуры внешнего управления и финансового оздоровления в 2025 году применялись лишь в 59 случаях, то есть в 0,9 % всех процедур [11]. Это означает, что нормативное признание реабилитационной функции еще не обеспечено ее полноценной практической реализацией. В то же время в сфере банкротства граждан растет значение реструктуризации долгов и внесудебного освобождения от обязательств, что подтверждает усиление социального измерения института.

Обзор Верховного Суда Российской Федерации за 2024 год показывает стремление к единообразному подходу в вопросах возбуждения дел, установления требований кредиторов, оспаривания сделок и распределения конкурсной массы [4]. В качестве результата можно сформулировать вывод о том, что развитие института банкротства в России идет через новые законы и стандарты судебного толкования. Для сложного конкурсного регулирования такой путь является закономерным, поскольку именно практика снимает коллизии между частными интересами участников, публичными целями процедуры и общими началами гражданского права.

Таким образом, современная эволюция института банкротства в российском праве выражается в расширении круга субъектов и процедур, усилении социального компонента и повышении доступности механизма для граждан, постепенном, хотя и еще неполном, переходе от ликвидационной модели к восстановительной.

Эволюция института банкротства в российском праве носила поэтапный характер и отражала изменение экономической модели государства. От фрагментарных исторических норм российское право пришло к самостоятельному комплексному институту, сочетающему материальные, процессуальные и организационные элементы. Рубежом стал Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ, создавший устойчивую основу для современной системы несостоятельности. Реформы 2014–2015 и 2020 годов придали институту новое социальное содержание, включив в него судебное и внесудебное банкротство граждан.

Современный этап показывает, что юридическая цель банкротства изменилась. Оно все в меньшей степени сводится к ликвидации должника и все в большей — к

урегулированию долгового кризиса, восстановлению платежеспособности и поддержанию баланса интересов кредитора и должника.

Список литературы

1. Белоусов, А. Л. Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения / А. Л. Белоусов // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 993–1006. – DOI: 10.21202/2782-2923.2024.4.993-1006.
2. Бозрикова, Е. Д. История развития законодательства о банкротстве в Российской Федерации и зарубежных странах / Е. Д. Бозрикова // Правосудие/Justice. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 76–95. – DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.76-95.
3. Васильева, Н. А. Судебное банкротство граждан: права должника против интересов кредиторов / Н. А. Васильева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 48–52.
4. Верховный Суд Российской Федерации. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 г. [Электронный ресурс]. – Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025. – URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Зайцев, О. Р., Мифтахутдинов, Р. Т., Юхнин, А. В. [и др.]. Внесудебное банкротство / О. Р. Зайцев, Р. Т. Мифтахутдинов, А. В. Юхнин [и др.] // Закон. – 2020. – № 9. – С. 21–38.
6. Кагальницкова, Н. В. Эволюция нормативного регулирования института зачета в процессе несостоятельности (банкротства) и его научное осмысление в российском праве / Н. В. Кагальницкова, А. О. Зайцев // Цивилист. – 2022. – № 2. – С. 72–78.
7. Манушин, Д. В. Уточнение понятий банкротства, несостоятельности и неплатежеспособности юридических лиц в условиях санкций и импортозамещения / Д. В. Манушин // Russian Journal of Economics and Law. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 273–311.
8. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника: Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2026).
9. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина: Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2026).

10. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2026).

11. Федресурс. Банкротства в России: 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://fedresurs.ru> (дата обращения: 23.03.2026).

12. Фероян, А. А. Эволюция законодательства РФ о банкротстве в новейшей истории. Анализ эффективности и проблемы развития / А. А. Фероян // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 3. – С. 119–123.

Е.А. КОЗЛОВА, Е.О. НИЧИТАЙЛО

Уральский медицинский институт
студенты I курса специальности «Лечебное дело»

E.A. KOZLOVA, E.O. NICHITAİLO

Ural Medical Institute
First-year students majoring in General Medicine

РАЗВИТИЕ БОЛЬНИЧНОГО ДЕЛА В ЧЕЛЯБИНСКЕ И ГОРОДАХ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

THE DEVELOPMENT OF HOSPITAL SERVICES IN CHELYABINSK AND CITIES OF THE SOUTHERN URALS DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR

Аннотация

В данной статье исследуется эволюция больничного дела на Южном Урале в 1900–1925 гг. Анализируется многоуровневая структура медицинской сети до 1917 г., включавшая земские, городские, заводские, железнодорожные, благотворительные и частные учреждения, её неравномерное развитие в крупных и уездных городах, проблемы финансирования, кадрового обеспечения и доступности медицинской помощи. Показано влияние революции и Гражданской войны на трансформацию системы здравоохранения: национализацию лечебных учреждений, централизацию управления, кадровые изменения и острый дефицит ресурсов. Освещается процесс послевоенного восстановления в 1921–1925 гг.: реконструкция материальной базы, развитие амбулаторной службы и поликлинической модели, стандартизация управления, расширение лабораторной диагностики и санитарно-эпидемиологической работы. Делается вывод о формировании в регионе более упорядоченной и социально ориентированной системы здравоохранения, сочетающей стационарное лечение, профилактику и реабилитацию.

Abstract

This article examines the evolution of the hospital business in the Southern Urals in 1900–1925. The article analyzes the multilevel structure of the medical network before 1917, which included rural, urban, factory, railway, charitable and private institutions, its uneven development in large and county towns, problems of financing, staffing and accessibility of medical care. The impact of the revolution and the Civil War on the transformation of the healthcare system is shown: the nationalization of medical institutions, the centralization of management, personnel changes and an acute shortage of resources. The article highlights the process of post-war reconstruction in 1921–1925: reconstruction of the material base, development of outpatient services and polyclinic models, standardization of management, expansion of laboratory diagnostics and sanitary and epidemiological work. The conclusion is drawn about the formation of a more orderly and socially oriented healthcare system in the region, combining inpatient treatment, prevention and rehabilitation.

Ключевые слова: больничное дело, Южный Урал, земская медицина, кадровое обеспечение медицины, восстановление здравоохранения.

Keywords: hospital business, Southern Urals, zemstvo medicine, staffing of medicine, restoration of healthcare.

В период с начала XX века до 1917 г. сеть лечебных учреждений в городах Южного Урала развивалась неравномерно и носила многоуровневый характер, отражая социально-экономическое расслоение региона и влияние как государственно-административных, так и частных инициатив. В крупных центрах, прежде всего в Челябинске как важном железнодорожном узле, складывалась более разветвлённая структура: при городских управах, земствах создавались городские больницы и амбулатории, работали частные клиники и благотворительные лечебницы. В то же время в небольших и уездных городах инфраструктура оставалась скромной: деревянные корпуса на несколько палат, амбулаторные пункты и фельдшерские станции обслуживали обширные территории [5].

Земство как институт местного самоуправления оставалось ключевым фактором формирования сети медицинских учреждений. Благодаря земствам были созданы и финансировались амбулатории, сельские больницы, земские фельдшерские школы, проводились санитарные экспедиции и организовывались диспансеры для лечения специфических заболеваний. В городах же, где присутствовала муниципальная администрация и промышленный капитал, больницы обычно имели более широкий набор

услуг: хирургические отделения, родильные приюты, специализированные палаты для инфекционных больных.

Инфраструктура больницы представляли собой как капитальные кирпичные корпуса с отдельными помещениями для инфекционных больных в больших городах, так и деревянные здания в уездных центрах. Важную роль играла организация изоляции при вспышках холеры, тифа и скарлатины: в ряде городов создавались специальные инфекционные отделения или закрытые госпитали на периферии. В условиях роста урбанизации и промышленного производства также развивались службы по санитарному надзору и водоснабжению, что напрямую влияло на работу лечебных учреждений, снижая нагрузку от кишечных инфекций и улучшая общие санитарные условия в больницах [5]. Таким образом, к 1917 году сеть лечебных учреждений в регионе имела сложную, многослойную структуру, где государственные, земские, муниципальные, железнодорожные, заводские и благотворительные компоненты взаимодействовали по сложному принципу разделения обязанностей и финансирования.

Следует подчеркнуть, что одной из ключевых проблем дореволюционного периода в области больничного дела было системное отсутствие согласованной государственной политики в сфере здравоохранения. Местные бюджеты были перегружены социальными обязательствами и не могли обеспечить устойчивого финансирования для закупки медикаментов и регулярной оплаты труда медперсонала. Это порождало постоянный дефицит основных медикаментов и расходных материалов, что резко снижало эффективность даже тех лечебных мер, которые формально существовали в протоколах. Отсутствие развитой системы эпидемиологического надзора и учёта заболеваний снижало способность своевременно реагировать на формирующиеся очаги инфекции. В совокупности перечисленные проблемы сформировали особую уязвимость больничного дела региона в предреволюционную эпоху: система была недостаточно гибкой, слабо финансируемой и фрагментированной.

После установления Советской власти произошли принципиальные изменения не столько в структуре отдельных лечебных учреждений, сколько в самой логике управления здравоохранением [2]. Ранее разрозненная сеть, опиравшаяся на смешанное финансирование и разные институты, постепенно стала подчиняться новым политическим и административным центрам, что влекло за собой перестройку полномочий, принципы финансирования и приоритеты в диспансерной и госпитальной деятельности. Административные преобразования проявлялись в создании местных комиссий, отделов здравоохранения, в форме коллективного управления больницами и в активном вмешательстве исполнительной власти в повседневную практику медицинских учреждений.

Формально заявленная новая цель – превращение медицины в доступную для рабочих, солдат и крестьян – требовала быстрых институциональных изменений. На местах возникали губернские и уездные санитарные комиссии, подотчётные исполнительным комитетам советов, которые брали на себя функции координации между больницами, амбулаториями, железнодорожными и заводскими лечебницами. Эти комиссии занимались не только распределением материальных ресурсов, но и мобилизацией кадров, организацией противоэпидемических мероприятий и планированием госпитального фонда с учётом военных нужд. Одним из ключевых изменений стал переход от модели, основанной на централизованных государственных ассигнованиях и реквизициях.

Одновременно появлялись новые каналы пополнения: добровольные пожертвования рабочих коллективов, целевые взносы кустарных и заводских профсоюзов, помощь от партийных и общественных организаций.

Множество частных и благотворительных клиник было национализировано или переведено под контроль местных советских комиссий; заводские госпитали и железнодорожные лечебницы, в силу своей стратегической важности, нередко становились непосредственным ресурсом для военных нужд. Национализация сопровождалась попытками унифицировать служебные правила, протоколы лечения и учёт больных, что в условиях острого дефицита кадров и материалов выполнялось с трудом, но способствовало началу систематизации медицинской документации и отчётности [7]. Кадровая политика претерпела глубокую трансформацию. С одной стороны, многие опытные врачи оказались в сложной позиции: кто-то эмигрировал или был мобилизован Красной и белой армиями. С другой стороны, Советская власть активно привлекала к работе медицинских специалистов, готова была использовать их опыт, но при этом на местах усиливалась роль партийных кадров и молодых специалистов, обучавшихся на ускоренных курсах. Организационно возрастала роль профилактики и санитарного надзора как управленческих приоритетов. В итоге, изменение системы управления здравоохранением носило двойственный характер: оно привело к созданию более централизованной, идеологически обусловленной и ориентированной на массовую профилактику модели, но одновременно сопровождалось острыми практическими трудностями – дефицитом ресурсов, кадровой нестабильностью и политизацией профессиональной деятельности [9]. Несмотря на это, именно в эти годы закладывались институциональные механизмы координации, планирования и массового санитарного воздействия, которые в дальнейшем стали опорой для восстановления и развития больничного дела в послереволюционный период.

В этот период здравоохранение столкнулось с рядом вызовов. Мобилизации 1919-1920 гг. привели в холодные казармы тысячи красноармейцев, которым не хватало еды,

обмундирования и медицинской помощи от эпидемий тифа, оспы, холеры. В итоге расцвело массовое дезертирство, только за 1920 год в Челябинской губернии задержали 36166 дезертиров, из 35 % признали злостными [13, с. 20–21]. Для решения проблемы в стране создали спецкомиссии по борьбе с дезертирством и наделили их широкими полномочиями с правом контроля медучреждений, участия в врачебных комиссиях и правом применять репрессии [11, с. 192–197]. Помимо личных наказаний беглецам, их семьям, укрывателям и целым поселкам назначали конфискации имущества, коллективные штрафы и контрибуции [16, с. 15–19]. В борьбе с дезертирством использовали и оперативные методы тайной разведки территории под видом дезертиров, отчеты агентов свидетельствуют о повальном укрывательстве, сочувствии к дезертирам и коррупции в системе муниципальных органов и военкоматов на сельском уровне, включая поделку медицинских документов [15, с. 58–60].

На основе массового дезертирства и недовольства населения политикой военного коммунизма в регионе в 1920–1921 годах вспыхивали восстания. Повстанцы контролировали целые районы, создавали свои структуры власти, но реальных шагов по укреплению здравоохранения не предпринимали [10, с. 116–117]. Подавление выступлений происходило в основном по силовому варианту с применением репрессий, коллективной ответственности жителей, боевыми действиями, зачистками местности, что разрушало всю низовую инфраструктуру, включая здравоохранение [12, с. 51–53]. Но в ряде случаев власти и повстанцы шли на компромисс в результате переговоров заключались соглашения, участников амнистировали, а спорные вопросы прояснялись [14, с. 54–55].

Особое внимание уделялось развитию амбулаторной службы и внедрению поликлинической модели. Опыт военных лет показал важность быстро доступной первичной помощи; в ответ на это в городах Южного Урала активнее формировались поликлинические пункты, диспансеры и участковые амбулатории. Такая система позволяла разгружать стационары от лёгких и среднетяжёлых случаев, сосредоточить стационарное лечение на тяжёлых больных и оперативных вмешательствах, а также систематически вести учет хронических и профилактируемых заболеваний. Поликлиническая сеть становилась также центром санитарного просвещения: здесь проводились осмотры работников предприятий, прививочные кампании и лекции для населения, что способствовало повышению общей гигиенической культуры. Раннесоветский период стал временем кодификации требований к сестринскому делу и признания его как самостоятельной профессии; это способствовало созданию постоянного корпуса персонала, без чего долгое функционирование стационаров было бы невозможно.

Наконец, важным результатом реорганизации оказалось смещение акцента с исключительно экстренной хирургической помощи на более сбалансированную систему,

сочетающую стационарное лечение, профилактику и амбулаторную реабилитацию. Возникали первые попытки организации послесанитарной реабилитации раненых и трудоспособных пациентов, интеграции госпиталей с предприятиями для решения вопросов профессиональной медицины и восстановления трудоспособности. Эти практики, сочетавшие медицинские, социальные и экономические подходы, были важной предпосылкой формирования в регионе более устойчивой и социальной по своей природе системы здравоохранения, которая развивалась дальше в последующие десятилетия.

Таким образом, анализ развития больничного дела в Челябинске и городах региона в 1900 по 1925 гг. позволяет сделать несколько важных выводов [8]. Мы видим, что система здравоохранения региона накануне революции была недостаточно развита и не могла в полной мере удовлетворить потребности населения. Социальные и экономические изменения, происходившие в стране, стали катализатором для реформирования здравоохранения, однако эти изменения не всегда приводили к положительным результатам, особенно в условиях войны и политической нестабильности. Революция и Гражданская война оказали глубокое влияние на больничное дело, создавая как возможности для реформ, так и новые вызовы. А переход к НЭП и последующее восстановление системы здравоохранения в начале 1920-х годов показали, что даже в условиях экономических трудностей возможно улучшение ситуации, если будут предприняты целенаправленные усилия по реформированию и модернизации медицинских учреждений. Важно отметить, что на этом этапе началась работа над созданием более эффективной системы здравоохранения, которая учитывала бы потребности населения и была бы способна справляться с вызовами времени.

Список литературы

1. Государственный архив Челябинской области : путеводитель / под ред. И. А. Рубанова. — Челябинск: Книга, 2018. — 480 с.
2. Здравоохранение на Урале в эпоху войн и революций (1914–1921 гг.): сб. документов и материалов / сост. Н. Н. Макарова. — Екатеринбург: 2014. 312 с.
3. История медицины Урала : в 2 т. Т. 1 : XVI-начало XX века / под общ. ред. В. И. Стародубова, Ф. Н. Кадырова. Пермь: ПГМА, 2012. — 424 с.
4. Каплун, И. С. Развитие санитарного дела в РСФСР (1917–1928 гг.) / И. С. Каплун. — М. : Медгиз, 1955. — 186 с.
5. Кузьмин, М. К. Краткая история здравоохранения в России и развитие медицинской науки в первой четверти XX века / М.К. Кузьмин. М.: Медицина, 1990. 215 с.

6. Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) / под ред. проф. М. И. Барсукова. — М. : Медгиз, 1957. — 328 с.
7. Семашко, Н. А. Очерки по теории организации советского здравоохранения / Н. А. Семашко. — М. : Медгиз, 1947. — 96 с.
8. Становление и развитие здравоохранения на Южном Урале (конец XIX — 1930-е годы) / под ред. В. В. Шумилова. — Челябинск : ЧелГМА, 2005. — 240 с.
9. Челябинская область в годы Гражданской войны (1918–1920): док-ты и мат-лы / сост. Л. П. Спрадовская. Челябинск, 1989. — 368 с.
10. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг / С. И. Панькин // Социум и власть. — 2012. — № 6 (38). — С. 116-117. — EDN OFAHQI.
11. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2023. — № 4. — С. 185-203. — DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. — EDN PLLFLN.
12. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. — 2022. — № 12. — С. 49-54. — DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. — EDN YXVORT.
13. Панькин, С. И. Система санкций за дезертирство в РСФСР в 1919-1921 гг. (по материалам Челябинской губернии) / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2024. — № 4 (43). — С. 18-24. — DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-18-24. — EDN FMEIYW.
14. Панькин, С. И. Опыт мирного разрешения вооруженных конфликтов власти и оппозиции на Южном Урале в 1920-1922 годах / С. И. Панькин // Вопросы управления. — 2014. — № 1(26). — С. 53-56. — EDN SKHMH.
15. Панькин, С. И. «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира...». Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. — 2023. — № 10. — С. 56-61. — EDN VEUEPC.
16. Панькин, С. И. Особенности назначения и исполнения имущественных наказаний за дезертирство в Челябинской губернии в 1919-1921 гг. / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2026. — № 1 (48). — С. 13-20. — DOI 10.47475/2311-696X-2026-48-1-13-20.

В.Э. КОРОСТЕЛЕВА, В.А. ШИРЯЕВА

Уральский медицинский институт,
студентки I курса специальности «Лечебное дело»

V.E. KOROSTELEVA, V.A. SHIRYAEVA

Ural Medical Institute,
First-year students majoring in General Medicine

**ГОЛОД И СОЦИАЛЬНЫЙ КОЛЛАПС НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1921–1923 ГГ.:
МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ, СОПРОТИВЛЕНИЕМ И ЛЮДОЕДСТВОМ**

**FAMINE AND SOCIAL COLLAPSE IN THE SOUTHERN URALS IN 1921–1923:
BETWEEN POLITICS, RESISTANCE, AND CANNIBALISM**

Аннотация

В статье исследуется гуманитарная катастрофа на Южном Урале в начале 1920-х гг. как результат взаимодействия политических решений и социального сопротивления. На основе регионального материала Челябинской губернии показано, как политика «военного коммунизма» и крестьянские восстания создали предпосылки для тотального голода, апогеем которого стало массовое людоедство. Это явление рассматривается как маркер полного морального и социального распада, завершившего фазу открытого конфликта между государством и крестьянством.

Abstract

The article explores the humanitarian catastrophe in the Southern Urals in the early 1920s as a result of the interaction between political decisions and social resistance. Based on regional data from the Chelyabinsk Province, the article shows how the policy of «military communism» and peasant uprisings created the conditions for a total famine, which culminated in widespread cannibalism. This phenomenon is examined as a marker of complete moral and social decay, marking the end of the open conflict between the state and the peasantry.

Ключевые слова: голод, Южный Урал, военный коммунизм, дезертирство, крестьянские восстания, людоедство, социальный коллапс, Челябинская губерния.

Keywords: famine, Southern Urals, military communism, desertion, peasant uprisings, cannibalism, social collapse, Chelyabinsk Province.

История голода 1921–1923 гг. в России, часто рассматриваемая через призму Поволжья, но на региональном уровне раскрывается своя местная специфика и глубина. На Южном Урале эта трагедия носила характер не только природно-климатического бедствия,

но и острого социально-политического кризиса, ставшего финальной фазой противостояния новой власти и крестьянства. Целью статьи является исследование голода на территории Челябинской губернии и сопредельных регионов, как комплексного феномена, порожденного политикой «военного коммунизма», массовым сопротивлением и экологическим фактором. Рассмотрим предпосылки катастрофы, связанные с продразверсткой и Гражданской войной, взаимосвязь между голодом и крестьянским повстанчеством, оценим масштабы и географию бедствия, а также меры властей по преодолению кризиса изучим крайние формы социальной деградации, в частности феномен каннибализма.

К 1921 г. регион, являвшийся ареной ожесточенных боев был экономически истощен. Однако главным дестабилизирующим фактором стала продовольственная диктатура большевиков. Продразверстка, изымавшая не только излишки, но и зачастую семенной фонд, лишила крестьянство стимула к производству и подорвала его хозяйственную основу, ее методы, без учета положения хозяйств вызывали недовольство, ответом стали массовые акции вооруженного сопротивления крестьян [1, с. 102–104].

Ярким индикатором кризиса стало массовое дезертирство из Красной Армии. Только в Челябинской губернии за 1920 год числилось около 36 тысяч задержанных дезертиров [8, с. 26–28]. Эти люди, скрываясь в лесах и родных селах, не просто уклонялись от службы, но и формировали социальную базу для открытого протеста. Дезертирство перерастало в повстанческое движение. В 1920–1921 гг. регион охватили мощные крестьянские восстания под знаменами «Зеленой армии», «Черного орла», различных «Народных армий». Их основным лозунгом была борьба с продразверсткой и возвращение к свободной торговле [9, с. 179–180]. Таким образом, к моменту наступления засухи 1921 года деревня Южного Урала была уже не просто ослаблена, а находилась в состоянии перманентной «малой войны» с государством, что резко снизило ее адаптационный потенциал. Тюрмы и концлагеря в городах были наполнены тысячами голодных и больных заложников: родственников дезертиров и повстанцев, крестьян, не выполнивших разверстку, жителей конкретной территории, где происходили восстания, ждавших своей участи, но чаще умиравших от эпидемий и голода [7, с. 19–22].

Голод 1921–1923 гг. стал следствием рокового сочетания природного и политико-социального факторов. Засуха, поразившая степные районы, выполнила роль спускового крючка, но катастрофические масштабы были предопределены предшествующим разорением. Власть, занятая подавлением восстаний, была не способна организовать эффективную продовольственную помощь. География голода была неравномерной. Наиболее пострадали земледельческие степные уезды (Троицкий, Верхнеуральский, часть

Челябинского), где урожай полностью погиб, но лесные и горнозаводские районы, где население могло опереться на промыслы (охота, рыболовство, заготовка древесины) и имело больше ресурсов для натурального обмена, оказались более устойчивыми [2, с. 884–885]. Это разделение подчеркивает, что голод был не просто «неурожаем», а кризисом монокультурной, лишенной резервов аграрной системы, созданной политикой изъятий.

К весне 1922 года голод перешел в стадию тотального социального коллапса. Нарушились базовые нормы человеческого общежития: распались семьи, наблюдалась массовая апатия, умерших перестали хоронить. Кульминацией этого распада стал феномен массового каннибализма, вышедший за рамки единичных случаев голодного психоза.

Людоедство стало системным явлением. Так, только по официальным сводкам Челябинской губЧК в августе 1922 года было зарегистрировано 98 случаев каннибализма. Социальный портрет «людоеда» ломает стереотипы: это были не только маргиналы, но и подростки, женщины, потерявшие семьи, то есть самые уязвимые группы. Действовали целые банды, занимавшиеся убийствами с целью продажи человеческого мяса. В отчетах того времени постоянно отмечается атмосфера всеобщего страха: люди боялись выходить из домов, отправлять детей по одному, спали с топорами под подушкой. Каннибализм превратился из акта отчаяния в форму криминального «промысла», что стало высшим маркером моральной и социальной катастрофы.

Действия властей носили двойственный характер. С одной стороны, организовывались столовые для голодающих, поступала международная помощь (АРА), а с другой – шла беспощадная борьба с остатками повстанчества и «бандитизмом», под которым часто понималось любое сопротивление. Голод, по иронии судьбы, стал союзником власти в подавлении восстаний: физическое истощение лишило крестьянство сил для борьбы.

К 1923 г. кризис начал ослабевать благодаря ряду факторов: отмене продразверстки и переходу к НЭПу, что дало крестьянам стимул; урожай и, как это ни цинично, естественное сокращению населения в наиболее пострадавших районах. Сопротивление было сломлено не только репрессиями, но и голодом.

Итак, 1921–1923 гг. на Южном Урале стал не просто гуманитарной катастрофой, а финальной фазой ожесточенного конфликта между государством, стремившимся к тотальному контролю над ресурсами, и крестьянством, отстаивавшим основы своего хозяйственного и социального быта. Феномен массового людоедства стал предельным выражением этого коллапса, показав, как под воздействием политики и бедствия рушатся фундаментальные культурные табу. Катастрофа высветила критическую важность продовольственной безопасности и трагические последствия игнорирования региональных особенностей и пределов прочности сельского мира. Память об этом голоде — это память не

только о стихийном бедствии, но и о глубоком социально-политическом кризисе, разрешившемся ценой невероятных человеческих страданий.

Список литературы

1. Панькин, С. И. Динамика экономического положения сельского населения Южного Урала в 1920-1921 гг. (по материалам Челябинской ГубЧК) / С. И. Панькин // Социально-экономическая и финансово-кредитная политика в регионе: Тезисы региональной научно-практической конференции. Челябинск: ВЗФЭИ (филиал в Челябинске), 2002. - С. 102-105. EDN: VUFCDX.
2. Панькин, С. И. Голод в Челябинской губернии // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / К. Н. Бочкарев (глав. ред.) [и др.]. Челябинск:, 2008. Т. 1. С. 884–885.
3. Корнилов, Г.Е. Голод 1921–1922 годов на Урале: специфика региональной катастрофы / Г.Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 3 (32). – С. 120–128.
4. Сафонов, Д.А. Апокалипсис: феномен массового людоедства в Челябинской губернии в период голода 1921–1923 гг. // Социум и власть. 2018. – № 2 (70). – С. 152–160.
5. Телицын, В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского сопротивления в Советской России (1918–1922 гг.) / В.Л. Телицын. – М.: РОССПЭН, 2003. – 320 с.
6. Шевырин, С.А. Власть и крестьянство на Урале в условиях перехода от военного коммунизма к НЭПу (1920–1923 гг.) // Вопросы истории. 2009. № 11. – С. 96–107.
7. Панькин, С. И. Заложничество как чрезвычайная мера государственного принуждения и инструмент красного террора на Южном Урале в 1920-1922 гг / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 2 (45). – С. 17-23. – DOI 10.47475/2311-696X-2025-45-2-17-23. – EDN VDURUE.
8. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-1-25-29. – EDN KIUEAR.
9. Панькин, С. Особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919 - 1922 годах / С. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 2(14). – С. 179-180. – EDN WHPSYN.

А.В. КОРОТИНА, В.А. ВЕТЛУГИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студентки I курса направления «Экономика»

A.V. KOROTINA, V.A. VETLUGINA

СПАД ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДЕФИЦИТ ТОВАРОВ МЕЖДУ ГОРОДОМ И СЕЛОМ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Х ГОДАХ

DECLINE IN TRADE RELATIONS AND GOODS SHORTAGE BETWEEN THE CITY AND THE COUNTRY IN THE CHELYABINSK PROVINCE IN THE 1920s

Аннотация

Начало XX века стало периодом глубоких экономических потрясений для Челябинской губернии, сопровождавшихся резким ухудшением условий торговли и нарастающим дефицитом жизненно важных товаров. Работа посвящена исследованию особенностей торгово-экономического взаимодействия города и села в условиях социально-политической трансформации 1920-х годов, выявлению причин кризиса и оценке последствий произошедших изменений для дальнейшего развития региона.

Annotation

The beginning of the 20th century was a period of deep economic turmoil for the Chelyabinsk province, accompanied by a sharp deterioration in trade conditions and a growing shortage of vital goods. This work focuses on the study of the specific features of trade and economic interaction between the city and the countryside during the socio-political transformation of the 1920s, identifying the causes of the crisis, and assessing the consequences of these changes for the region's future development.

Ключевые слова: торговые отношения, дефицит, кризис, торговля, Челябинская губерния.

Key words: trade relations, deficit, crisis, and trade, Chelyabinsk province.

В первые годы советской власти Челябинская губерния столкнулась с серьёзными экономическими трудностями, такие как спад торговли и дефицит промышленных и продовольственных товаров. Существовало несколько причин такого положения, это разрушения производственной базы и транспортной инфраструктуры из-за последствий мировой и Гражданской войн, политика продразверстки, которая предполагала принудительное изъятие излишков продовольствия у крестьянства. Причиной стал и переход к НЭП, что вело к частичному восстановлению рыночных отношений, однако наращивание производства шло медленно [1, с. 8–10]. При этом существовали и транспортные проблемы,

которые затрудняли доставку товаров из одних районов в другие. В городе особо сильно ощущалась нехватка продуктов питания, топлива и одежды, а в сёлах была сильная потребность в инструментах для эффективного ведения сельского хозяйства, тканей и посуды.

Всё это привело к росту цен, активному развитию чёрного рынка и ухудшению уровня жизни. В 1919-1920 гг. наблюдался сильный спад торговых отношений [4, с. 36–38]. Основными причинами спада торговой активности стали, во-первых, разрушение транспортной системы. Ж/д сообщение было нарушено войнами, что затрудняло доставку товаров между городскими центрами и сельскими районами. Недостаток товаров промышленного производства, из-за нехватки квалифицированных кадров, материалов и энергоресурсов, приводил к сокращению выпуска продукции. Сельскохозяйственное производство также пострадало от нехватки рабочих рук, техники и удобрений, что негативно сказывалось на урожайности зерновых культур и овощей, итогом чего была нехватка продовольствия. Недостаточное предложение промышленных изделий привело к дефициту тканей, обуви, одежды и предметов первой необходимости. Эти проблемы усугублялись политическими мерами, такими как продразверстка, налоговая политика и государственная монополия на торговлю основными товарами, что ограничивало частную инициативу и снижало стимулы для увеличения объемов производства и обмена.

В то время сложилось несколько форм обмена. Наиболее распространенной формой взаимодействия был прямой обмен продукцией сельского хозяйства на промышленные товары, однако было и такое, что торговцы-перекупщики закупали продукцию у крестьян и продавали ее в городах, либо наоборот, а иногда кооперативы закупали продукцию у крестьян, обеспечивали переработку и реализацию, а потом поставляли в деревню промышленную продукцию [3, с. 25–27]. Государственные органы осуществляли закупки сельскохозяйственных продуктов для государственных нужд и распределяли часть промышленных товаров среди крестьян. Помимо этого государство изымало продукцию с/х в рамках продразверстки, а за ее невыполнения следовали имущественные санкции в натуральной форме [2, с. 31–33]. Самыми распространенными видами наказаний за дезертирство в сельской местности, число которых в регионе достигало десятков тысяч человек, также были конфискации у родственников, коллективные штрафы на поселки и контрибуции на волости за укрывательство, то есть власть использовала любые поводы и средства для перекачки товаров в города, для нужд армии и рабочих [6, с. 15–18].

Эти способы обмена позволяли частично компенсировать дефицит и поддерживать жизнедеятельность, как городского, так и сельского населения в сложных экономических условиях того времени. Последствиями дефицита стал спад торговых связей и дефицит

товаров, которые имели серьезные последствия для экономики региона. Например, значительно ухудшилось материальное положение городского населения, которое сталкивалось с ограниченными возможностями приобретения продуктов питания и промышленной продукции. На этой почве и вследствие политики военного коммунизма возникли социальные конфликты и недовольство среди крестьянства, недовольного политикой принудительного изъятия зерна государством, что вылилось в серию крестьянских восстаний, поддержанных казачеством, дезертирами и частью красноармейцев [7, с. 114–119]. Наибольшего размаха повстанчество в регионе достигло во время Западносибирского восстания 1921 года в Курганском уезде, когда восставшие молниеносно распространили свое влияние в половине волостей, организовали районные «армии» и «1 Курганскую освободительную дивизию» [8, с. 201–204].

Подавление восстаний шло силовому сценарию с массовым террором, возложением мер коллективной ответственности, многочисленными жертвами, что еще больше разрушало связи города с селами [9, с. 51–53].

В целом за годы войны нарушилась привычная структура хозяйствования, крестьяне были вынуждены переключаться на натуральное хозяйство, уменьшая объемы товарного производства. И при этом наблюдалось снижение качества жизни и ухудшение здоровья жителей городов и деревень [5, с. 12–15].

Таким образом, период начала 1920-х годов характеризовался глубокими структурными изменениями и сложностями, вызванными экономическим упадком и социальной нестабильностью. Для преодоления этих проблем советское руководство предпринимало попытки реформирования экономической политики, включая введение новой экономической политики, направленной на восстановление рыночных механизмов и стимулирование развития частного предпринимательства. Однако процесс восстановления торговых отношений и ликвидации дефицита оказался длительным и сложным.

Список литературы

1. Иванов А.А., Петров Б.Б. История Челябинской области: учеб.пособие / А.А. Иванов, Б.Б. Петров. Москва: Проспект, 2018.
2. Кузнецов Н.В. Экономическое развитие регионов Урала // Вопросы региональной экономики. 2019. № 3. С. 45–58.
3. Лапшина О.С. Особенности формирования рынка сбыта сельскохозяйственной продукции в Челябинской губернии в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук / О.С. Лапшина. — Екатеринбург, 2020.

4. Статистический ежегодник Челябинской области за 1925 год. — Челябинск: Типография губернского статистического бюро, 1926.

5. Чернова Е.Н. Кризис продовольственного снабжения в регионе: опыт Челябинского края 1920-х гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.histarch.ru/materials/chernova.html> (дата обращения: 13.03.2026).

6. Панькин, С. И. Особенности назначения и исполнения имущественных наказаний за дезертирство в Челябинской губернии в 1919-1921 гг. / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2026. — № 1 (48). — С. 13-20. — DOI 10.47475/2311-696X-2026-48-1-13-20.

7. Панькин, С. И. Выступление крестьян в Кустанайском уезде в 1920 году / С. И. Панькин // Вестник № 5: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Челябинск, 10 апреля 2005 года / Под редакцией В.Н. Ни. — Челябинск: ООО "Перспект", 2005. — С. 113-122. — EDN SNKICN.

8. Панькин, С. И. Создание и боевой путь «Первой Курганской освободительной дивизии» / С. И. Панькин // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905-1921 гг) : сборник научных статей, Ишим, 17–18 мая 2006 года / под редакцией И.В. Курышева. — Ишим: филиал ФГБОУ ВПО "Тюменский государственный университет" в г. Ишиме, 2006. — С. 201-207. — EDN TPOZHI.

Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г. / С. И. Панькин // История государства и права. — 2022. — № 12. — С. 49-54. — DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. — EDN YXVORT

К.К. КОСАРЕВА

Уральский филиал Финуниверситета,
студент III курса направления подготовки
«Бизнес-информатика»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

Уральский филиал Финуниверситета
канд. культурологии

K.K. KOSAREVA

Ural Branch of the Financial University,
Third year Business Informatics student

Academic Supervisor

E.V. PISMENNY

Ural Branch of the Financial University
PhD in Cultural Studies

**ЯЗЫКОВОЙ ФАСАД И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

**LINGUISTIC FAÇADE AND DIGITAL REALITY: ENGLISH IN THE PUBLIC
SPACE OF RUSSIA IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

Аннотация

В статье рассматривается противоречие между законодательным регулированием использования английского языка в публичном пространстве России и реальными языковыми практиками, формируемыми под влиянием цифровой среды и искусственного интеллекта. Автор показывает, что искусственный интеллект не помогает соблюдать языковые запреты, а алгоритмически закрепляет англицизмы в повседневной коммуникации.

Annotation

The article examines the contradiction between the legislative regulation of the use of English in Russia's public space and the actual linguistic practices influenced by the digital environment and artificial intelligence. The author shows that artificial intelligence does not help enforce language restrictions but, on the contrary, algorithmically reinforces Anglicisms in everyday communication.

Ключевые слова: английский язык, языковая политика, искусственный интеллект, публичное пространство, англицизмы, цифровая среда.

Key words: English language, language policy, artificial intelligence, public space, Anglicisms, digital environment.

С 1 марта 2026 года в России вступили в силу положения Федерального закона № 168-ФЗ [1]. Для миллионов предпринимателей это означало тотальную ревизию вывесок, меню, сайтов и упаковки. Крупные торговые центры спешно меняли указатели «Sale» на «Скидки», кофейни убирали с фасадов «Coffee» под угрозой штрафов, а владельцы интернет-магазинов правили кнопки «Buy now» на «Купить». Закон предписывает: если иностранное слово используется, перед ним обязан находиться русский перевод, равнозначный по цвету и размеру. Спрятать перевод мелким шрифтом больше нельзя [1].

Одновременно с этим миллионы россиян продолжают использовать английские слова в повседневном общении. Молодежь говорит слова «краш», «рофл», «кринж», «хайп», даже не задумываясь об их иностранном происхождении. В профессиональной среде айтишники, маркетологи, бариста, финансисты немыслимы без англицизмов [2; 3].

Человек, который днем требует убрать «Sale» с витрины, вечером пишет «sale» в поиске, чтобы найти скидки в интернете. И здесь возникает интересный вопрос: а действительно ли закон может изменить языковую реальность? Или он регулирует лишь визуальный фасад, за которым продолжается совсем другая языковая жизнь?

Гипотеза этой статьи проста: в эпоху тотальной цифровизации искусственный интеллект становится не помощником языковой политики, а «алгоритмическим легитиматором» англицизмов. Он впитывает и воспроизводит русско-английский сленг быстрее, чем законодательство успевает вытеснять его из публичного поля. И в итоге формальные запреты на английский язык оказываются во многом декоративными – они есть, но они не работают так, как задумывались.

Язык как живая система всегда развивался через заимствования. Английский в этом смысле не исключение, но сегодня он занимает особое положение как глобальный язык коммуникации, технологий и поп-культуры [2]. В России проникновение англицизмов происходит неравномерно: есть сферы, где они доминируют (ИТ, маркетинг, мода, кофейная культура), и есть сферы, где их присутствие жестко регулируется (публичное пространство, официальная информация). Закон № 168-ФЗ как раз направлен на то, чтобы сделать это регулирование максимально строгим [1].

Но закон регулирует только визуальное публичное пространство. Вне него английский продолжает жить своей жизнью. Более того, в цифровой среде английский часто становится языком-посредником: чтобы найти инструкцию к сложному устройству, пользователь скорее введет английский запрос, потому что на нем больше информации. Чат-боты и голосовые помощники понимают английские слова, даже если основной интерфейс у них русский. И здесь мы подходим к главному – к роли искусственного интеллекта.

Нейросети вроде YandexGPT или ChatGPT обучаются на огромных массивах текстов. Для официального письма нейросеть предложит «руководитель» и «совещание». А для ответа в чате поддержки – «тимлид» и «колл». И в этом смысле ИИ объективно легитимирует англицизмы: если на запрос со словом «хайп» выдается осмысленный ответ, значит, слово существует в языке и закрепляется алгоритмически.

Рассмотрим это на конкретном примере из сферы, где английское влияние особенно сильно. Типичная городская кофейня сегодня существует в нескольких языковых слоях одновременно. Первый слой – официальный, видимый на фасаде и в меню. Здесь, согласно закону, все должно быть на русском: «Кофейня», «Латте», «Капучино» [1]. Второй слой – профессиональный, на котором общаются бариста между собой и с продвинутыми клиентами. Здесь английские термины неизбежны: «бленд», «каппинг», «пурвер», «свитч» [3]. Третий слой – цифровой, в социальных сетях и мессенджерах. Здесь хештеги

#specialtycoffee, #coffeetime, #latteart соседствуют с русскими текстами, и это работает на продвижение, потому что так кофейню находят те, кто интересуется темой.

Способность генерировать текст, соответствующий официальной норме, не отменяет того факта, что в своей базовой работе (поиск, рекомендации, обучение на пользовательском контенте) ИИ неизбежно воспроизводит реальное состояние языка. Он становится идеальным «двухязычным» посредником: говорит по-русски с законом и по-английски – с цифровой реальностью.

Здесь мы возвращаемся к исходной мысли. Закон № 168-ФЗ стремится сделать русский язык доминантой в визуальном пространстве. Это понятное и во многом оправданное стремление: публичная среда должна быть доступна и понятна всем гражданам. Но язык не сводится к вывескам. Язык – это живая ткань общения, которая сегодня во многом переместилась в цифровое пространство, а в нём границы между языками всегда были более проницаемы.

Интернет изначально строился на английском, и, хотя сегодня существуют мощные русскоязычные сегменты, влияние английского остается очень сильным. Получается любопытная вещь: формальные запреты на английский в публичном пространстве есть, вывески стали русскими. Но глубинная логика языкового развития сегодня определяется не столько законами, сколько цифровой средой и обслуживающими её алгоритмами [2; 3].

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/ (дата обращения: 10.03.2026).
2. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – Москва : АСТ : CORPUS, 2017. – 240 с.
3. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова

И.А. КРИВОШЛЫКОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

докт. пед. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

I.A. KRIVOSHLYKOV

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«Economy»

Scientific supervisor
J.V. PODPOVETNYA
Doctor of Pedagogical Sciences, docent
Ural branch of the Financial University

АНАЛИЗ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

ANALYSIS OF UNIVERSITY STUDENTS' ACADEMIC PERFORMANCE IN A DIGITAL ENVIRONMENT

Аннотация

В статье рассматривается анализ успеваемости студентов в цифровой образовательной среде университета. Описываются способы оценки результатов обучения с использованием цифровых платформ. Также рассматриваются факторы, которые могут влиять на успеваемость студентов.

Annotation

The article examines the analysis of student academic performance in the digital educational environment of a university. It describes methods for evaluating learning outcomes using digital platforms. The study also considers factors that may influence students' academic performance.

Ключевые слова: успеваемость студентов, цифровая среда, университет, анализ данных, образовательные технологии.

Key words: student performance, digital environment, university, data analysis, educational technologies.

Современная система высшего образования Российской Федерации активно развивается под влиянием цифровой трансформации. Использование электронных платформ становится важнейшим элементом организации учебного процесса, позволяя не только проводить занятия, но и детально анализировать результаты учебной деятельности студентов. Анализ успеваемости превращается в ключевой инструмент оценки эффективности, поскольку цифровая среда дает возможность собирать значительные объёмы данных: от результатов тестирования до частоты выполнения заданий.

Исследователи подчёркивают, что внедрение цифровых решений становится императивом для обеспечения конкурентоспособности вузов [2]. Актуальность темы подтверждается стратегическими документами: согласно показателям развития цифровой трансформации до 2030 года, планируется достичь 100-процентного использования образовательными организациями профильных цифровых сервисов [4]. Это создает беспрецедентные возможности для сбора и анализа образовательных данных.

Успеваемость как научная категория представляет собой совокупность показателей освоения программы. Развитие цифровых технологий расширяет традиционные возможности анализа: электронные системы фиксируют широкий спектр параметров, включая динамику активности студентов. Цифровизацию следует рассматривать комплексно -- как многоуровневый процесс качественных изменений на основе использования цифровых инноваций и искусственного интеллекта [2].

Цифровая образовательная среда включает системы управления обучением (LMS), электронные библиотеки и порталы. Согласно данным НИУ ВШЭ, респонденты оценивают текущее развитие цифровой инфраструктуры как умеренное (3,14 из 5), но ожидают улучшения до 3,58 балла [3]. Как отмечают исследователи, эффективность цифровой среды во многом определяется правильным подбором инструментов, обеспечивающих взаимодействие участников образовательного процесса [5]. Использование LMS позволяет преподавателям в реальном времени отслеживать успеваемость и активность студентов, накапливая массивы данных для глубоких аналитических исследований.

Накопленные данные требуют применения разнообразных методов. Статистические методы остаются основой: расчёт описательных статистик, сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента) для выявления различий между группами, корреляционный анализ для установления взаимосвязей. Исследования демонстрируют положительную связь между уровнем цифровизации вуза и его позициями в рейтингах (коэффициент корреляции $r = 0,68$ при $p < 0,01$) [2], что подтверждает влияние цифровой трансформации на качество образования.

Методы интеллектуального анализа данных (Educational Data Mining) набирают популярность. К ним относятся:

- Кластеризация -- разделение студентов на группы («отличники», «группа риска») для персонализации программ.
- Классификация и прогнозирование -- построение моделей, предсказывающих успеваемость на основе ранних данных (методы машинного обучения).

- Поиск ассоциативных правил -- выявление сочетаний действий, ведущих к успеху.

Сегодня уже в 80% вузов используются интеллектуальные платформы с элементами ИИ, позволяющие персонализировать учебный процесс [1]. На итоговую успеваемость влияет комплекс факторов. Ключевым остается учебная мотивация. Не менее важна цифровая грамотность: уверенное владение технологиями позволяет эффективнее использовать образовательные ресурсы. Программа «Цифровые кафедры» принесла ощутимые результаты: к 2025 году общее количество выпускников составило почти 232 тысячи студентов из 129 университетов [1]. Существенную роль играет организация процесса и качество обратной связи. Эксперты Финансового университета отмечают, что 40% программ бакалавриата построены вокруг реальных проектов, а будущие инженеры до 60% времени проводят в лабораториях. Результатом становится высокий уровень трудоустройства: 85% молодых специалистов находят работу в течение трёх месяцев [6].

Таким образом, цифровая среда открывает новые горизонты для анализа успеваемости. Использование платформ позволяет автоматизировать сбор данных и проводить их глубокий анализ -- от классической статистики до машинного обучения. Стратегические ориентиры до 2030 года предполагают углубление цифровой трансформации, включая внедрение ИИ-ассистентов [4]. Своевременное выявление проблем дает возможность корректировать процесс и повышать качество подготовки специалистов в российских университетах, которые уже сегодня демонстрируют результаты: 15 вузов вошли в топ-500 рейтинга QS, а число иностранных студентов достигло 350 тысяч человек [6].

Список литературы

1. «Цифровые кафедры» войдут в 2026 г. без айтишников // ComNews. -- 2026. -- 13 января. -- Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/243089/2026-01-13/2026-w03/1008/cifrovye-kafedry-voydut-2026-g-bez-aytishnikov> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Высшее образование в России: время перспектив и технологий // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации : официальный сайт. -- 2025. -- 27 ноября. -- Режим доступа: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press->

[service/press-releases/vysshee-obrazovanie-v-rossii-vremya-perspektiv-i-tehnologii](https://www.itweek.ru/digitalization/news-company/detail.php?ID=231976) (дата обращения: 16.03.2026).

3. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ проанализировал обеспеченность вузов и научных организаций цифровой инфраструктурой // ITWeek. -- 2025. -- 7 апреля. -- Режим доступа: <https://www.itweek.ru/digitalization/news-company/detail.php?ID=231976> (дата обращения: 12.03.2026).

4. Показатели развития проектов стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года : приложение № 5 к стратегическому направлению в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. -- 2025. -- Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509357/3562cff166f829ab8756913300abbbf60c70f096d/ (дата обращения: 09.03.2026).

5. Михайлова, С.В. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза / С.В. Михайлова, Ю.В. Подповетная, Е.В. Письменный, А.Д. Подповетный // Теория и практика физической культуры. — 2023. — № 10. — С. 44. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54525333> (дата обращения: 20.03.2026).

6. Часовских, В.П. Инновационные подходы к управлению высшим образованием в контексте цифровизации и развития искусственного интеллекта / В.П. Часовских, Е.В. Кох // Управление образованием: теория и практика. -- 2025. -- № 4. -- С. 15-28. -- DOI 10.25726/q5075-9233-1284-w. (дата обращения: 17.03.2026).

А.В. КРИНИЦЫНА, Я.С. РОМАНЕНКО

Уральский медицинский институт
Студенты I курса специальности «Стоматология»

A.V. KRINITSYNA, Y.S. ROMANENKO

Ural Medical Institute
1st year students the direction of training of «Dentistry»

ЛЮДОЕДСТВО В 1921–1922 ГГ. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
CANNIBALISM OF 1921-1922 IN THE SOUTHERN URALS

Аннотация

В представленной статье рассмотрим социальные, медицинские, экономические и психологические причины возникновения случаев людоедства на территории Южного Урала в 1921–1922 гг. Исследование основано на статьях из газет, медицинской статистике, материалах чрезвычайных комиссий. Внимание уделено структуре голода, механизмам деградации социальных норм и статистике с медицинской точки зрения.

Annotation

Annotation In this article, we will consider the social, medical, economic and psychological causes of cases of cannibalism in the Southern Urals in 1921-1922. The study is based on extracts from newspapers, medical statistics, and materials from emergency commissions. Attention is paid to the structure of hunger, the mechanisms of degradation of social norms and statistics from a medical point of view.

Ключевые слова: людоедство, Южный Урал, статистика голода, гражданская война.

Keywords: Cannibalism, Southern Urals, famine statistics, and the Civil War.

Голод начала 1920-х гг. стал одним из самых тяжелых испытаний для населения Южного Урала. Стремительное разрушение хозяйства вследствие Гражданской войны, сокращение посевных площадей и отсутствие продовольственных резервов привели к тому, что значительная часть населения оказалась в состоянии крайнего истощения. В ходе нескольких мобилизаций на Южном Урале в 1919-1920 гг. в РККА призывали десятки тысяч человек, но материальная база не была подготовлена, красноармейцев нечем было кормить, не хватало обмундирования, мест в казармах. В итоге получило развитие массовое дезертирство, так за 1920 год только в Челябинской губернии задержали свыше 36 тысяч беглецов [5, с. 26–28]. Градус проблемы удалось снизить только весной 1921 года благодаря комплексу мер, преимущественно репрессивных и профилактических, которые проводили специальные комиссии по борьбе с дезертирством с широкими полномочиями [6, с. 191–199].

Голод с медицинской точки зрения – это физиологическая реакция организма на нехватку питательных веществ, вызванная снижением уровня глюкозы в крови. Гипоталамус, область мозга, отвечающая за аппетит, получает сигналы и вызывает чувство голода. Организм начинает требовать запас энергии. Низкий уровень глюкозы в крови ухудшает когнитивные функции, самоконтроль, вызывает агрессию и раздражительность. Голод активизирует симпатическую нервную систему, отвечающую за стрессовые реакции, что

может приводить к эмоциональной нестабильности. Уже после трех дней голодания мозг нуждается в 30 г. глюкозы, мышечная ткань начинает активно разрушаться, сначала разрушаются клетки. Чтобы восстановить жизненно важные функции в организме, гипоталамус начинает давать сигналы о приеме пищи. Далее психика также работает на самосохранение, но повышенная агрессия и раздражительность может подтолкнуть на людоедство, в случае, когда запасов еды больше нет.

Причины катастрофы были многослойными: резкое падение урожайности, отсутствие семенного фонда, разрушение транспортной инфраструктуры и эпидемии. Деревни Южного Урала за считанные месяцы потеряли хозяйственную устойчивость. Отмечалось, что в отдельных областях жителей охватывало отчаяние, люди переставали сеять, ожидая гибели семьи. Распространение случаев людоедства с ухудшением продовольственной ситуации фиксировалось резкое увеличение числа криминальных эпизодов, связанных с трупоедством [1, 2]. В целом политика военного коммунизма с террором и продразверсткой вела к разорению сельских жителей. На почве недовольства и массового дезертирства в регионе в 1920 году вспыхнуло повстанческое движение. Восставшие использовали партизанскую тактику, практиковали рейды, уничтожали советскую документацию и коммунистов, что только углубляло кризис и приближало голод [7, 49–56]. В Кустанайском уезде повстанцы шли на решительные бои и стремились захватить Кустанай, но потерпели поражение, что повлекло экономические репрессии на целые поселки в виде конфискации и контрибуций [8, 117–121]. В ряде случаев повстанцы контролировали целые районы и создавали свои органы власти, в основном в форме советов [9, 116–117]. Борьбу с повстанцами вели преимущественно силовыми мерами, используя террор, взятие заложников, массовые конфискации и внесудебные расправы, что окончательно усугубило продовольственный кризис, приблизив голодное бедствие [10, 51–53].

После подавления повстанчества наступил голод, а затем и людоедство. Доклад фельдшера Ермаков иллюстрирует ситуацию осмотра трупа в пос. Требиатском, «труп ... был разрезан на части: конечности по суставам, голова отдельно, а также и туловище; все измельчено и сложено в кадку, которая была сверху закрыта снегом и на железной печке в чайнике варилось человеческое мясо, на столе оказались обгрызенные кости позвонков. При осмотре замечено, что на коже дельтовидных мышц обоих плеч имеются большие сине-фиолетового цвета кровоподтеки, а также и видно ... кожа отсепарирована». Он пришел к заключению, что человек этот был зарезан с целью употребления в пищу [4].

Население относилось к подобным случаям одновременно с ужасом и сочувствием. Распространенным было мнение, что голод сводит с ума. Власть преследовала случаи истинного людоедства, рассматривая их как угрозу общественному порядку.

Организовывались пункты питания, детские дома, создавались комиссии по борьбе с голодом. Эти события демонстрируют, насколько быстро общество может перейти к крайнему уровню выживания при отсутствии устойчивых систем поддержки. Людоедство, зафиксированное в десятках следственных дел, стало последствием разрушения экономических механизмов, отсутствия продрезервов и тяжелых климатических условий.

Размах каннибализма напугал и вынудил губисполком 7 марта 1922 г. рассмотреть вопрос «О борьбе в Челябинской губернии со случаями людоедства, трупоедства, продаж человеческого мяса на рынке и продаж изделий из него в виде пирожков». Помимо устных сообщений на заседании рассматривались и документы об этом явлении из Верхнеуральского уездисполкома, управления Троицкой милиции, Лейпцигского станисполкома и Требиатского сельсовета. Члены Верхнеуральской комиссии по борьбе с голодом в общей информации о положении дел в уезде вынуждены были ввести новый раздел «Голодные преступления». В документе указали, что на почве голодания получили значительное развитие специфические формы голодной преступности: самоубийства, вызванные голодом, убийства членов семьи в целях облегчения от голодных мучений или с целью оставления живым больших продовольственных запасов, убийства с целью грабежа, голодные кражи, трупоедство, людоедство.

Потеря кормовой базы привела к массовой гибели скота: по отчетам исполкомов, в некоторых волостях падеж достигал 70–80%, что делало невозможным даже попытку весеннего сева. До революции регион активно торговал с Поволжьем и Сибирью, используя сложившиеся торговые пути. Гражданская война нарушила все каналы обмена. На многих ж/д узлах движение беженцев фактически парализовало перевозки. Доставка продуктов стала эпизодической. Население в панике ожидало волны смертности.

Голод вызвал массовые вынужденные перемещения населения. По данным местных органов, до 30% жителей покинули свои дома. Многие направлялись в города в надежде получить помощь. Это приводило к дополнительному давлению на городскую инфраструктуру. Количества нуждающихся росло, превышая возможности. Питательные смеси, крупы, молочные продукты позволили спасти прежде всего детей, что значительно снизило детскую смертность в 1922 г.

Усугубляющим фактором была эпидемическая обстановка. Голодные люди были более подвержены инфекциям, а лекарств и врачей не хватало. В деревнях заболеть означает смерть. Врач добирался раз в месяц, а медикаменты отсутствуют. Сочетание голода, тифа, холеры и авитаминозов создало критическую обстановку, в которой выживали лишь самые устойчивые [2]. Потери населения по исчислениям Наркомздрава, только от голода в течение 1921–1922 годов в Советской России умерли, по разным оценкам, от 5 до 5,2 млн человек.

Статистика смертности показывает нам, что голод в 1921-1922 был более трагичным в сравнении с голодом на Урале в 1890 – 1892 гг.

Итак, трагедия людоедства не может рассматриваться отдельно от общего контекста социальной деградации. Она стала крайним проявлением системного краха продовольственной, экономической и управленческой моделей. Изучение материалов показывает: чем слабее была поддержка от государства и изолированнее местность, тем выше вероятность криминального проявления голода, включая трупоедство. Наиболее пострадали уязвимые группы: старики, дети, одинокие женщины. Изучение темы позволяет сформировать более глубокое понимание последствий кризиса и той степени деградации, к которой приводят экономические катастрофы при отсутствии своевременной стабилизации [3].

Список литературы

1. Панькин, С. И. Голод в Челябинской губернии / С. И. Панькин // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / редколлегия: К. Н. Бочкарев (главный редактор) [и др.]. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — Т. 1. — С. 884–885.
2. Постников С.П. Голод 1921–1922 гг. в регионах России. — Москва, 2007.
3. Советская правда. Челябинск. 1922. 1 ноября.
4. Боже, В. С. Голодный год / В. С. Боже // Край наш южноуральский, 1996 : рекомендательный библиографический указатель / Челябинская областная универсальная научная библиотека, Информационно-библиографический отдел ; составитель И. Н. Пережогина. – Челябинск, 1995. С. 208–210.
5. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг. / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-1-25-29. – EDN KIUEAR.
6. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.
7. Панькин, С. И. Особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920-1922 гг / С. И. Панькин // Управление в современных системах. – 2015. – № 3 (7). – С. 47-58. – EDN TBHCID.
8. Панькин, С. И. Выступление крестьян в Кустанайском уезде в 1920 году / С. И. Панькин // Вестник № 5: Материалы межвузовской научно-практической конференции,

Челябинск, 10 апреля 2005 года / Под редакцией В.Н. Ни. – Челябинск: ООО "Перспект", 2005. – С. 113-122. – EDN SNKICN.

9. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6 (38). – С. 116-117. – EDN OFAHQI.

10. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г. /С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С.49-54.

П.В. КУСТОВА

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
магистрант I курса направления подготовки
«Юриспруденция»

Научный руководитель

И.А. КРАВЧЕНКО

Уральский филиал Финансового университета
Правительстве Российской Федерации
к. п. н, доцент

P.V. KUSTOVA

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Jurisprudence»

Academic Supervisor

I.A. KRAVCHENKO

Ural Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ**

**TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION OF TRANSPORT
AND FORWARDING ACTIVITIES UNDER SANCTION PRESSURE**

Аннотация

В статье исследуются изменения правовой базы, регулирующей транспортно-экспедиционную деятельность, вызванные введением внешних экономических ограничений. Автор анализирует особенности применения международных договоров в новых

геополитических условиях, правовые аспекты функционирования параллельного импорта, а также процесс переориентации логистических потоков на альтернативные маршруты. Особое внимание уделяется формированию судебной практики по признанию санкционных ограничений обстоятельствами непреодолимой силы, а также проблемам цифровизации документооборота в сфере международных перевозок. Обосновывается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования отечественного законодательства в целях обеспечения устойчивости транспортного комплекса страны.

Annotation

The article examines changes in the legal framework regulating transport and forwarding activities caused by the introduction of external economic restrictions. The author analyzes the features of applying international treaties in new geopolitical conditions, legal aspects of parallel import functioning, as well as the process of reorienting logistics flows to alternative routes. Special attention is paid to the formation of judicial practice on recognizing sanctions restrictions as force majeure circumstances, as well as to the problems of digitalization of document flow in the field of international transportation. The conclusion about the necessity of further improving domestic legislation to ensure the stability of the country's transport complex is substantiated.

Ключевые слова: транспортно-экспедиционная деятельность, санкционные ограничения, правовое регулирование, международные перевозки, логистика, трансформация законодательства, параллельный импорт, форс-мажор, цифровизация.

Keywords: transport and forwarding activities, sanctions restrictions, legal regulation, international transportation, logistics, transformation of legislation, parallel import, force majeure, digitalization.

Введение странами коллективного Запада в отношении Российской Федерации пакета экономических ограничительных мер поставило перед отечественным транспортным комплексом ряд трудноразрешимых задач. Транспортно-экспедиционная деятельность (далее – ТЭД), обеспечивающая связь между российскими участниками внешнеэкономической деятельности и зарубежными партнерами, оказалась в зоне наиболее высокой турбулентности. Ограничения, затронувшие страхование грузов, использование морских судов под определенными флагами, доступ к портовой инфраструктуре европейских стран, а также блокировка платежных систем, потребовали оперативного поиска новых правовых решений [8].

Долгое время фундамент правового поля ТЭД в России составляли положения главы 41 Гражданского кодекса РФ, а также ряд международных соглашений, включая Конвенцию ООН о международных смешанных перевозках грузов 1980 года. Однако уход значительного числа иностранных перевозчиков с российского рынка и отказ западных юрисдикций от исполнения ранее достигнутых договоренностей сделали применение традиционных международно-правовых механизмов проблематичным. Представляется, что именно это обусловило объективную потребность в формировании более автономной национальной системы правового сопровождения экспортно-импортных операций, ориентированной на взаимодействие с государствами, не присоединившимися к санкционному режиму [1, 14].

Одним из наиболее значимых нововведений, наглядно демонстрирующих адаптивность отечественного законодателя, стало легальное закрепление механизма параллельного импорта. Изменения, внесенные в статью 1359.1 Гражданского кодекса РФ, позволили вводить в гражданский оборот товары без получения согласия правообладателя в случаях, установленных государственными органами. С практической точки зрения эта мера повлекла за собой трансформацию договорных отношений в сфере транспортной экспедиции. Экспедиторы вынуждены были пересматривать типовые формы договоров, включая в них условия, учитывающие риски, связанные с особенностями таможенного оформления таких грузов, а также перераспределение ответственности между участниками логистической цепочки [3].

В корпоративном и транспортном праве также произошли существенные изменения. В целях обеспечения непрерывности функционирования транспортных компаний была активизирована работа по перерегистрации судов под Государственный флаг Российской Федерации. Соответствующие корректировки были внесены в Кодекс торгового мореплавания РФ, что позволило упростить процедуры регистрации прав собственности на морские суда и создать условия для развития национального судоходного оператора. Параллельно с этим судебная система сформировала новые подходы к квалификации санкционных ограничений в качестве обстоятельств непреодолимой силы. Как следует из Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023), введение санкций может быть признано форс-мажором при условии, что хозяйствующий субъект не имел возможности предвидеть данные ограничения и не мог их предотвратить [2].

Важным вектором правовой трансформации стало активное развитие законодательной базы, направленной на поддержку альтернативных маршрутов доставки грузов. Приоритетное значение приобрел Международный транспортный коридор «Север – Юг», позволяющий диверсифицировать грузопотоки и минимизировать зависимость от западных транспортных артерий. Государственная поддержка данного проекта выразилась в принятии

ряда программных документов, а также в упрощении правил таможенного транзита. Правовое регулирование ТЭД в настоящих условиях, на наш взгляд, выходит за рамки сугубо частноправовых отношений между экспедитором и клиентом, приобретая ярко выраженное публично-правовое измерение, связанное с обеспечением национальной экономической безопасности [12].

Тем не менее, анализ современного состояния правового регулирования позволяет выделить ряд сохраняющихся проблем. Во-первых, отсутствует единообразие в судебной практике по спорам, связанным с санкционными форс-мажорами. Во-вторых, сохраняются сложности с признанием юридической силы электронных перевозочных документов при мультимодальных перевозках. В-третьих, имеются пробелы в законодательном регулировании ответственности экспедитора при использовании сложных маршрутов с участием перевозчиков из третьих государств [7].

Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования ТЭД представляются:

1. Дальнейшая гармонизация национальных правил перевозки с нормативными актами государств – членов ЕАЭС и других дружественных стран;
2. Активное внедрение цифровых инструментов документооборота, включая создание единой платформы для электронного обмена перевозочными документами;
3. Формирование единообразной судебной практики по вопросам признания санкционных ограничений форс-мажором;
4. Развитие законодательства о транспортно-логистических кластерах и особых экономических зонах транспортного типа;
5. Совершенствование механизмов страхования внешнеторговых грузов с участием национальных страховых компаний.

Таким образом, внешнее санкционное давление выступило катализатором глубинной трансформации правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности в Российской Федерации. Произошел переход от модели, ориентированной преимущественно на унификацию с западными стандартами, к формированию суверенной правовой системы, способной обеспечить надежность товаропроводящих сетей в условиях геополитической нестабильности. Дальнейшее развитие законодательства в исследуемой сфере должно обеспечивать баланс между гибкостью правовых механизмов для участников рынка и жесткостью требований, направленных на защиту экономического суверенитета страны.

Список литературы

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 22.03.2026).

20. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22916/ (дата обращения: 22.03.2026).

21. О внесении изменений в статью 1359 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419913/ (дата обращения: 24.03.2026).

22. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79: постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 // СПС «КонсультантПлюс». – URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411278/ (дата обращения: 27.03.2026).

23. Визит Министра транспорта России С.Франка в Казахстан // Министерство транспорта Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://www.mintrans.gov.ru/press-center/news/358> (дата обращения: 24.03.2026).

24. Алексеева, Д.Г. Транспортно-экспедиционная деятельность в условиях санкций: правовые риски и пути их минимизации / Д.Г. Алексеева // Предпринимательское право. – 2023. – № 4. – С. 28–34. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54788234> (дата обращения: 24.03.2026).

25. Вайпан, В.А. Правовое регулирование логистической деятельности в условиях экономических ограничений: новые вызовы и тенденции / В.А. Вайпан // Право и экономика. – 2024. – № 1. – С. 15–24. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60781245> (дата обращения: 25.03.2026).

26. Денисов, А.А. Санкции и транспортное право: новые вызовы для экспедиторов / А.А. Денисов // Транспортное право. – 2024. – № 2. – С. 51–55. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63254721> (дата обращения: 23.03.2026).

27. Егорова, М.А. Параллельный импорт в системе правового регулирования внешнеэкономической деятельности России / М.А. Егорова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 3. – С. 42–56. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50344876> (дата обращения: 23.03.2026).

28. Коваленко, С.Н. Трансформация договорных конструкций в транспортной экспедиции в условиях санкционного давления / С.Н. Коваленко, А.В. Петрова //

Юридический вестник. – 2024. – № 2 (38). – С. 87–94. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=62588134> (дата обращения: 25.03.2026).

29. Параллельный импорт // Импортэкс : официальный сайт. – URL: <https://importex.pro/to/parallelnyj-import.html> (дата обращения: 21.03.2026).

А.М. ЛАДОНКИН

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

канд. культурологии
Уральский филиал Финуниверситета

A.M. LADONKIN

Ural branch of the Financial University
2st year student
«State and Municipal Administration»

Scientific supervisor

E.V. PIS'MENNY

Candidate of Cultural Studies
Ural branch of the Financial University

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В БИЗНЕСЕ (ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ РУССКИМ И АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКАМИ)

LINGUISTIC PROBLEMS IN BUSINESS (PROBLEMS BETWEEN RUSSIAN AND ENGLISH)

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные лингвистические проблемы, возникающие в российской бизнес-среде при взаимодействии русского и английского языков. Анализируются основные типы языковых барьеров: фонетические, грамматические, лексико-семантические и культурно-прагматические. Особое внимание уделяется влиянию англицизмов на корпоративную коммуникацию, проблемам перевода бизнес-документации и межкультурного делового общения. На основе исследований российских авторов и актуальной статистики выявляются закономерности языковой интерференции и предлагаются практические решения для минимизации коммуникативных сбоев. Работа

демонстрирует, что лингвистическая компетентность становится критическим фактором конкурентоспособности российских компаний на международном рынке.

Annotation

The article examines current linguistic problems arising in the Russian business environment during the interaction of Russian and English languages. The main types of language barriers are analyzed: phonetic, grammatical, lexico-semantic and cultural-pragmatic. Particular attention is paid to the influence of Anglicisms on corporate communication, problems of translating business documentation and intercultural business communication. Based on research by Russian authors and current statistics, patterns of linguistic interference are identified and practical solutions are proposed to minimize communication failures. The work demonstrates that linguistic competence is becoming a critical factor in the competitiveness of Russian companies in the international market.

Ключевые слова: лингвистические барьеры, бизнес-коммуникация, англицизмы, языковая интерференция, корпоративный английский, межкультурная коммуникация, деловой дискурс.

Key words: linguistic barriers, business communication, Anglicisms, language interference, corporate English, intercultural communication, business discourse.

Масштабы проблемы: языковые барьеры в современном российском бизнесе

Глобализация экономических процессов и стремительная цифровизация бизнеса создали беспрецедентную ситуацию языкового контакта. По данным исследования, проведённого Высшей школой экономики в 2024 году, более 78% российских компаний, работающих на международном рынке, сталкиваются с серьёзными лингвистическими проблемами при взаимодействии с зарубежными партнёрами [5]. Но проблема не ограничивается внешними коммуникациями — внутрикорпоративная среда российских компаний всё больше насыщается английскими заимствованиями, что порождает специфические конфликты и недопонимания.

Интересно, что согласно аналитическому отчёту ВЦИОМ за 2023 год, лишь 11% российских менеджеров высшего звена оценивают свой уровень делового английского как свободный, тогда как 43% признают наличие значительных затруднений в профессиональной коммуникации на английском языке. Между тем, в корпоративной документации российских компаний доля англицизмов выросла с 23% в 2020 году до 41% в

2024 году — такова статистика исследования Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Эта парадоксальная ситуация — когда английский язык активно проникает в бизнес-дискурс, но качество владения им остаётся недостаточным — создаёт питательную среду для коммуникативных сбоев. Рассмотрим конкретный пример из практики крупной IT-компании: термин “deadline” в русскоязычной команде воспринимается как «крайний срок», но культурно-прагматический контекст этого слова существенно различается. В англоязычной культуре дедлайн — это абсолютная граница, нарушение которой недопустимо; в российской же практике существует негласное понимание возможности «небольших отклонений» [3].

Лингвистические проблемы в бизнесе проявляются на нескольких уровнях одновременно:

- фонетико-фонологический уровень, где специфика русского акцента затрудняет восприятие речи носителями английского языка;
- грамматико-синтаксический уровень, включающий проблемы с артиклями, временными формами глаголов, порядком слов;
- лексико-семантический уровень, характеризующийся ложными друзьями переводчика и неточным употреблением терминологии;
- прагматический уровень, где культурные различия в организации дискурса приводят к неверной интерпретации намерений коммуникантов;
- социолингвистический уровень, отражающий различия в степени формальности общения и использовании вежливых формул.

Особенно острой проблемой становится так называемая «ложная беглость» — ситуация, когда российские сотрудники формально владеют английским на уровне B2-C1, но демонстрируют системные ошибки в профессиональном контексте. Исследование Е.А. Красновой показывает, что 64% специалистов с высоким уровнем общего английского допускают критические ошибки при составлении контрактов, технических спецификаций и деловых презентаций [4]. Почему? Потому что деловой английский — это отдельная лингвистическая система со своими жанровыми конвенциями, клишированными оборотами и имплицитными правилами.

Типология языковых конфликтов: от фонетики до прагматики

Детальный анализ лингвистических барьеров требует систематического подхода. Начнём с фонетического уровня, который нередко недооценивается в корпоративном обучении. Русский акцент в английском языке характеризуется специфическими чертами, существенно затрудняющими коммуникацию: редукция гласных, палатализация согласных,

неразличение долготы и краткости гласных звуков, специфическая интонационная модель. По данным исследования М.В. Давыдовой, проведённого в 2024 году на базе российских филиалов международных корпораций, фонетические особенности русского акцента становятся причиной непонимания в 31% случаев устных деловых переговоров [1].

Показательный случай произошёл в 2023 году в российском офисе западной консалтинговой компании: русскоязычный менеджер неоднократно использовал словосочетание “sheet of paper” в телефонной конференции, но из-за недостаточного различения фонем /i:/ и /ɪ/ его речь была воспринята как непрофессиональная и даже оскорбительная англоязычными коллегами. Этот пример иллюстрирует, как минимальные фонетические отклонения могут привести к серьёзным репутационным рискам.

На грамматико-синтаксическом уровне проблема интерференции проявляется особенно ярко. Русский язык — флективный, с развитой системой падежей и свободным порядком слов; английский — аналитический, с жёсткой синтаксической структурой и минимальной морфологией. Эти типологические различия порождают устойчивые ошибки:

- систематический пропуск артиклей или их неуместное использование («We need to discuss *the* strategy» вместо «We need to discuss strategy»);
- неправильное употребление предлогов под влиянием русских падежных конструкций («discuss about the problem» по аналогии с «обсуждать о проблеме»);
- ошибки в согласовании времён, особенно в косвенной речи («He said he will come» вместо «He said he would come»);
- калькирование русских синтаксических конструкций («It is necessary that you will submit the report» вместо «You need to submit the report»).

Аналитическое исследование ошибок в деловой корреспонденции российских компаний, проведённое О.С. Петровой в 2023 году, выявило, что грамматические ошибки присутствуют в 89% писем на английском языке, составленных сотрудниками без специальной лингвистической подготовки [6]. При этом 34% ошибок носят не случайный, а системный характер, что указывает на устойчивую негативную интерференцию родного языка.

Однако наиболее коварными оказываются лексико-семантические проблемы. Ложные друзья переводчика — слова, схожие по звучанию или написанию, но различающиеся по значению — становятся источником серьёзных недоразумений. В бизнес-контексте особенно опасны следующие пары:

- “actual” (фактический, реальный) ≠ актуальный (current, topical, relevant);
- “control” (контролировать, управлять) ≠ контролировать (check, monitor, supervise);

- “investment” (вложение капитала) ≠ инвестиция (может включать нематериальные активы);
- “collaboration” (сотрудничество на равных) ≠ коллаборация (в русском приобрело оттенок предательства);
- “aggressive” (настойчивый, активный в контексте маркетинга) ≠ агрессивный (hostile).

Ещё более сложная ситуация складывается с профессиональной терминологией. Например, термин “compliance” в западной бизнес-культуре обозначает комплексную систему соответствия нормативным требованиям; в российской практике он часто переводится упрощённо как «соответствие» или «комплаенс», что не передаёт полноты концепта [7]. Аналогично термин “stakeholder” имеет в английском языке широкое значение (любая заинтересованная сторона), тогда как в русском деловом дискурсе часто сужается до «акционер» или «держатель доли».

Прагматический уровень языковых проблем заслуживает особого внимания, поскольку именно здесь скрыты наиболее трудноуловимые, но критически важные различия. Речь идёт о культурных конвенциях организации дискурса, стратегиях вежливости, степени прямолинейности высказываний. В англо-американской бизнес-культуре ценится краткость, конкретность и позитивный настрой; в российской — допустима большая эмоциональность, развёрнутая аргументация и прямое указание на проблемы.

Исследование Т.Н. Астафуровой демонстрирует конкретные проявления этих различий: российские менеджеры чаще используют категоричные формулировки («This is wrong», «You must»), тогда как англоязычные коллеги предпочитают смягчающие конструкции («It might be more effective if...», «Have you considered...») [2]. Такое несовпадение дискурсивных стратегий может привести к тому, что российская прямолинейность воспринимается как грубость, а западная осторожность — как неуверенность или нежелание брать ответственность.

Пути решения: от симптоматического к системному подходу

Преодоление лингвистических барьеров в бизнесе требует комплексной стратегии, сочетающей несколько направлений. Первое — это развитие специализированных программ обучения деловому английскому, ориентированных на конкретные профессиональные контексты. Традиционные курсы общего английского недостаточно эффективны для бизнес-коммуникации: необходимы отраслевые программы, учитывающие специфическую терминологию, жанровые особенности документов и культурно-прагматические нормы целевой аудитории.

Согласно исследованию Е.А. Красновой, компании, внедрившие специализированные программы корпоративного обучения с фокусом на практические бизнес-кейсы, демонстрируют снижение коммуникативных сбоев на 47% в течение первого года [4]. Ключевым элементом таких программ становится работа с аутентичными материалами:

- анализ реальных деловых писем и контрактов;
- симуляция переговоров с носителями языка;
- отработка презентационных навыков с видеофиксацией и разбором ошибок;
- изучение культурно-специфических особенностей делового этикета;
- практика устного и письменного перевода профессиональной документации.

Второе направление — разработка внутрикорпоративных лингвистических стандартов и глоссариев. Многие успешные российские компании создают собственные базы данных терминологии с утверждёнными вариантами перевода ключевых понятий. Это особенно важно для технических и юридических документов, где неточность формулировок может иметь серьёзные правовые последствия. Нефтегазовая компания «Роснефть», например, разработала корпоративный англо-русский терминологический словарь объёмом более 15 000 единиц, что существенно повысило единообразие документации и снизило количество переводческих ошибок.

Третье направление, часто игнорируемое российским бизнесом, — внедрение технологий компьютерной поддержки перевода и лингвистического контроля качества. Системы автоматизированного перевода с памятью переводов (Translation Memory) и терминологическими базами данных позволяют обеспечить консистентность перевода повторяющихся фрагментов, что критически важно для технической документации и юридических текстов. Правда, следует понимать ограничения машинного перевода: исследование М.В. Давыдовой показывает, что даже передовые нейросетевые системы допускают ошибки в 12-18% случаев при переводе специализированных бизнес-текстов, особенно при работе с идиоматикой и культурно-специфичными концептами [1].

Четвёртое направление — развитие межкультурной компетенции сотрудников. Язык неотделим от культуры, и эффективная бизнес-коммуникация требует понимания не только лингвистических, но и социокультурных норм. Программы межкультурного тренинга должны включать:

- изучение особенностей делового этикета в целевых странах;
- анализ кейсов межкультурных недоразумений и конфликтов;
- отработку стратегий адаптации коммуникативного стиля;
- развитие эмпатии и толерантности к культурным различиям;

- формирование навыков медиации в межкультурных конфликтах.

Пятое направление, набирающее популярность в российских корпорациях, — привлечение профессиональных лингвистов и переводчиков на постоянной основе. Если раньше услуги переводчиков использовались эпизодически, то сегодня крупные компании формируют собственные лингвистические отделы или заключают долгосрочные контракты с переводческими агентствами. Это обеспечивает не только качество перевода, но и глубокое понимание переводчиками специфики бизнеса компании, её терминологии и коммуникативной культуры.

Наконец, шестое направление — использование технологий искусственного интеллекта для анализа и оптимизации бизнес-коммуникации. Современные AI-системы способны выявлять типичные лингвистические ошибки, предлагать альтернативные формулировки, проверять соответствие текста жанровым конвенциям и даже анализировать эмоциональную окраску сообщений. Однако, как справедливо отмечает О.С. Петрова, технологии должны дополнять, а не заменять человеческую экспертизу, особенно в ситуациях, требующих тонкого понимания контекста и культурных нюансов [6].

Интересный опыт накоплен в российских филиалах международных компаний, где практикуется система «языковых амбассадоров» (language champions) — сотрудников с высоким уровнем английского языка, которые выступают консультантами для коллег, помогают с составлением документов и выполняют роль культурных медиаторов. Такая практика не только повышает качество коммуникации, но и способствует формированию культуры непрерывного языкового развития в компании.

Критически важным становится и пересмотр политики найма: всё больше российских компаний включают языковую компетенцию в число ключевых требований при отборе кандидатов на позиции, предполагающие международное взаимодействие. При этом оценивается не только формальный уровень владения языком (сертификаты IELTS, TOEFL, BEC), но и реальная способность эффективно коммуницировать в профессиональном контексте, что проверяется через кейс-интервью и ролевые игры на английском языке.

Заключение

Лингвистические проблемы в российском бизнесе, возникающие на стыке русского и английского языков, представляют собой многоуровневый феномен, требующий системного подхода к решению. Проведённый анализ демонстрирует, что языковые барьеры проявляются на всех уровнях языковой системы — от фонетики до прагматики — и существенно влияют на эффективность деловых коммуникаций.

Основные выводы исследования таковы. Во-первых, масштаб проблемы значителен: более 78% российских компаний международного уровня сталкиваются с серьёзными

лингвистическими трудностями, а доля англицизмов в корпоративной документации достигла 41%, что создаёт парадоксальную ситуацию языковой гибридизации при недостаточном уровне владения английским языком.

Во-вторых, типология языковых конфликтов включает фонетические проблемы (русский акцент как барьер восприятия), грамматико-синтаксические ошибки (интерференция флективной системы русского языка и аналитической структуры английского), лексико-семантические затруднения (ложные друзья переводчика, терминологическая неточность) и прагматические расхождения (культурные различия в организации дискурса и стратегиях вежливости).

В-третьих, эффективное преодоление лингвистических барьеров требует комплексной стратегии, объединяющей специализированное обучение деловому английскому, разработку корпоративных терминологических стандартов, внедрение технологий компьютерной поддержки перевода, развитие межкультурной компетенции и пересмотр кадровой политики с учётом языкового фактора.

Практическая значимость работы заключается в систематизации лингвистических проблем и предложении конкретных инструментов их решения, применимых в российской корпоративной среде. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ корпоративного обучения, формировании языковой политики компаний и подготовке специалистов по бизнес-коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением динамики языковых процессов в условиях цифровизации бизнеса, анализом эффективности различных моделей корпоративного языкового обучения и разработкой AI-инструментов для поддержки межъязыковой бизнес-коммуникации. Особый интерес представляет исследование формирования профессиональных пиджинов и креольских форм на стыке русского и английского языков в российской бизнес-среде — феномен, который уже получил неформальное название «корпоративный рунглиш» и требует лингвистического осмысления.

Список литературы

15. Давыдова М.В. Фонетическая интерференция в деловом английском языке российских менеджеров: барьеры и стратегии преодоления // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 45-58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54892341> (дата обращения: 15.01.2025).

16. Астафурова Т.Н. Прагматические аспекты межкультурной деловой коммуникации: русско-английский дискурс // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 4(177). С. 178-186.
17. Баранова И.И., Поляков О.Г. Англицизмы в российской корпоративной среде: лингвокультурологический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 6. С. 1823-1829.
18. Краснова Е.А. Специфика обучения деловому английскому языку в российских корпорациях: от общего к профессиональному // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 5. С. 92-107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56473829> (дата обращения: 15.01.2025).
19. Левицкая А.А., Сорокина Н.В. Языковые барьеры в международном бизнесе: исследование российских компаний // Вопросы экономики. 2024. № 3. С. 118-134.
20. Петрова О.С. Типология ошибок в деловой корреспонденции: русско-английский контраст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2023. Т. 27. № 4. С. 856-874.
21. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация в бизнесе: теория и практика. М.: Издательство Московского университета, 2023. 368 с.

А.И. ЛАЗАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
Библиотекарь I категории

A.I. LAZAREV

Ural Branch Financial University
Librarian 1st category

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВУЗА ПО ОРГАНИЗАЦИИ И СОПРОВОЖДЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

INTERACTION OF STRUCTURAL UNITIES OF THE UNIVERSITY IN ORGANIZING AND SUPPORTING THE EDUCATIONAL PROCESS

Аннотация

Статья посвящена роли структурных подразделений в процессе управления и обеспечения образовательной деятельности высшего учебного заведения. Приводится краткая классификация подразделений по уровням управления и обеспечения учебного процесса. Описаны функции и опыт взаимодействия подразделений Уральского филиала Финуниверситета по обеспечению целостности единого научно-образовательного пространства.

Abstract

The article is devoted to the role of structural divisions in the process of management and provision of educational activities of a higher educational institution. A brief classification of divisions by levels of management and provision of the educational process is given. The functions and experience of interaction of divisions of the Ural branch of the Financial University to ensure the integrity of a single scientific and educational space are described.

Ключевые слова: управление высшей школой, организационные структуры вузов, подразделения образовательных организаций, сопровождение учебного процесса.

Key words: higher education management, organizational structures of universities, divisions of educational organizations, support of the educational process.

Текущее состояние организации высшего образования в России характеризуется системными изменениями и трансформацией ее роли в современном обществе.

В настоящий момент, в процессе реализации образовательных программ высшего образования делается акцент на личность студента как субъекта педагогического взаимодействия, что актуализирует роль каждого члена вузовского коллектива, участвующего в работе со студентами. Причем, важна роль не только сотрудников из числа профессорско-преподавательского состава, но и каждого работника вуза, т.к. впечатление, а затем и мнение обучающихся о деятельности вуза формируется комплексно.

Именно поэтому, важно отметить, что деятельность всех без исключения структурных подразделений высшего учебного заведения оказывает влияние на качество образовательного процесса [2, с. 349].

Говоря о значении каждого из подразделений вуза, следует выделить две основные ветви – организация и управление учебно-воспитательным процессом и его сопровождение [1, с. 22].

К управлению образовательным процессом можно отнести подразделения, которые:

1. Организуют реализацию основных профессиональных образовательных программ высшего, среднего профессионального и дополнительного профессионального образования.
2. Обеспечивают социально-воспитательную работу студентов.
3. Организуют научно-исследовательскую деятельность вуза.

К следующей категории – сопровождающие структурные подразделения, осуществляющие функции учебно-вспомогательного обеспечения.

В Уральском филиале Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в г. Челябинске обеспечивается тесная взаимосвязь подразделений по управлению и обеспечению учебного процесса.

Работники приемной комиссии организуют прием абитуриентов на обучение по программам среднего профессионального образования, бакалавриата и магистратуры.

Кафедра «Социально-гуманитарные и естественно-научные дисциплины» обеспечивает учебную работу по всем общепрофессиональным дисциплинам, читаемых в вузе, а также является выпускающим подразделением студентов по направления подготовки «Юриспруденция», «Реклама и связи с общественностью», «Бизнес-информатика».

Профессиональную подготовку студентов по направлениям подготовки высшего образования «Экономика», «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление» и обучающихся специальности среднего профессионального образования «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)» осуществляет кафедра «Экономика, финансы и управление». Эти специальности являются базовыми для Финуниверситета как старейшего экономического вуза страны.

Реализацию программ повышения квалификации, профессиональной переподготовки и общеразвивающих программ дополнительного образования взрослых ведет центр развития карьеры.

Большой пласт работы лежит на плечах методической службы филиала – заместителя директора по учебно-методической работе и работников учебной части, которые всегда держат руку на пульсе по всем реализуемым образовательным программам вуза.

Управление научными исследованиями как ведущим направлением деятельности организует заместитель директора по научной работе совместно с научными коллективами из числа преподавателей и председателем научного студенческого общества.

Заместитель директора по воспитательной работе организует внеучебную работу со студентами и их социально-педагогическое обеспечение.

Немаловажную роль играет административная работа, которой успешно руководит директор филиала. Организует документационное обеспечение филиала и работу приемной администрации помощник директора. Специалист по персоналу ведет кадровое делопроизводство по штату преподавателей и сотрудников. Деятельность по учету и финансовой отчетности организует бухгалтерия во главе с главным бухгалтером.

Значимое место в жизни филиала занимают структуры по информационно-документальным коммуникациям – библиотека и музейная экспозиция, которые обеспечивают литературой и цифровыми образовательными ресурсами учебный процесс, организуют консультирование по работе и поиску информации образовательной тематики,

сохраняют и популяризируют историческую память об этапах развития филиала в прошлые годы.

В век бурного развития информационных технологий, искусственного интеллекта и дистанционного образования, трудно переоценить значимость IT-службы филиала – отдела технического обеспечения учебного процесса, который организует всю работу с компьютерной техникой, программным обеспечением и цифровыми ресурсами.

Надлежащее состояние помещений филиала, своевременное проведение ремонтных работ, материально-техническое снабжение и безопасность обеспечивают заместитель директора по административно-хозяйственной работе, сотрудники административно-хозяйственного отдела, группы охраны и режима.

Таким образом, прослеживается взаимосвязь всех структурных подразделений высшего учебного заведения, которая образует целостность единого образовательного пространства, очень значимого для всех субъектов научно-образовательной деятельности.

Список литературы

1. Лазарев, А.И. Учебно-вспомогательный персонал вузов: структура, функции и роль в обеспечении образовательной деятельности / А.И. Лазарев // Устойчивое развитие науки и образования. – 2022. – № 8. – С. 19–22.
2. Хохлова, М.В. Роль структурного подразделения в общей системе управления вузом / М.В. Хохлова // Вестник науки. – 2025. – № 2. – С. 346–351.

А.И. ЛАЗАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
Библиотекарь I категории

A.I. LAZAREV

Ural Branch Financial University
Librarian 1st category

ВНУТРИВУЗОВСКАЯ СИСТЕМА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

INTRA-UNIVERSITY SYSTEM OF ADVANCED TRAINING AS A CONDITION FOR THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF A TEACHER'S PERSONALITY

Аннотация

В статье обоснована роль дополнительного профессионального образования в педагогической деятельности преподавателей высшей школы, приведен краткий обзор

научной литературы по проблемам непрерывного образования научно-педагогических работников. Описан опыт реализации дистанционных образовательных программ повышения квалификации в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации и участии в программах преподавателей и сотрудников Уральского филиала.

Abstract

This article substantiates the role of continuing professional education in the teaching activities of higher education teachers and provides a brief overview of the scientific literature on the issues of continuous education for academic staff. It describes the experience of implementing distance learning programs for professional development at the Financial University under the Government of the Russian Federation and the participation of faculty and staff at the Ural branch in these programs.

Ключевые слова: непрерывное образование, повышение квалификации, профессиональная компетентность преподавателей, профессиональное развитие педагога, Финансовый университет.

Keywords: continuing education, professional development, teacher professional competence, teacher professional development, Financial University.

Эпоха активного формирования информационного общества, экономики знаний и бурного развития информационных технологий во многом трансформирует позицию человека в современном мире, создает условия, в которых актуализируется роль непрерывного образования и самообразовательных практик как ведущего фактора не только развития личности, но поддержания уровня квалификации на должном уровне, а также конкурентоспособности в профессиональной среде.

Профессиональная деятельность преподавателя вуза характеризуется сложноорганизованной структурой труда, многогранностью и широким спектром выполняемых задач, активной интеллектуальной и эмоциональной включенностью во все виды разноплановой университетской деятельности – образовательной, научно-исследовательской, методической, воспитательной, а также динамизмом и неустойчивостью образовательной среды, которая в наши дни усугубляется новыми реформами системы вузовского образования и сменой общественных парадигм.

Для осуществления педагогической деятельности на высоком профессиональном уровне педагогам высшей школы требуется реализация непрерывного образования и саморазвития как профессионалов, способных обучить, воспитать и подготовить

специалистов с высшим образованием, обеспечить их благополучную социализацию в непростом и изменчивом современном мире, сформировать гармонично развитую, высокоинтеллектуальную и конкурентоспособную личность выпускника вуза.

Широкое разнообразие форм и методов самообразовательной деятельности, насыщенность и доступность научной и методической литературой, электронными образовательными ресурсами, тематическими видео- и аудиоматериалами, программами повышения квалификации и профессиональной переподготовки становится важным фактором формирования профессионализма научно-педагогических работников средствами активной познавательной деятельности и рефлексии полученных знаний.

Проведение лекционных и семинарских занятий в вузе требует от преподавателя глубоких теоретических и прикладных знаний в области будущей профессиональной сферы студентов, сформированности когнитивных, коммуникативных и психолого-педагогических умений, владение методикой вузовского обучения и работы с молодежью, знания дидактических и этических аспектов преподавательской деятельности. Большая часть этих умений может быть сформирована не только эмпирическим путем, но и средствами самообразовательных практик. Мы убеждены, что без постоянного самообразования невозможна эффективная и качественная работа преподавателя.

Курсы повышения квалификации являются классической формой непрерывного образования профессорско-преподавательского состава. Данная форма обучения апробирована многовековой педагогической практикой и теоретически разработана в методике дополнительного профессионального образования и андрагогике.

М.М. Сотников отмечает, что в наши дни дополнительное профессиональное образование является важнейшим элементом профессиональной деятельности в мире со стремительно меняющимися технологиями, бурным развитием научно-технического прогресса и быстрым устареванием знаний [3, с. 235].

Е.Ю. Никитина, О.Ю. Афанасьева, М.Г. Федотова акцентируют внимание также на том, что помимо формирования важных профессиональных компетенций, обучение в системе дополнительного педагогического образования способствует удовлетворению потребностей личности преподавателя в самореализации, развитию творческого потенциала, критического мышления и адаптивных способностей к изменчивому образовательному пространству [2, с.123].

Широкое распространение также приобретают новые формы реализации образовательных программ, а именно – средствами дистанционных образовательных технологий и электронного обучения, что подтверждается не только теоретико-методологическими положениями современной педагогической мысли, но и проведенными

опытно-экспериментальными исследованиями. Так, результаты проведенного в 2022 г. социологического опроса среди студентов вузов г. Челябинска и слушателей Челябинского института развития образования подтвердили высокую востребованность различных форм технологий дистанционного обучения среди обучающихся [1, с. 198].

Организация системы повышения квалификации преподавателей может осуществляться как в специализированных учреждениях (учебных центрах, институтах) дополнительного профессионального образования, так и внутри самого высшего учебного заведения.

Представляется важным охарактеризовать опыт реализации дистанционных образовательных программ повышения квалификации в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, в котором активно задействована вся филиальная сеть вуза, в том числе, Уральский филиал в г. Челябинске.

Институтом корпоративного обучения Финансового университета в г. Москве реализуются широкий спектр образовательных программ, направленных на повышение профессиональной компетентности преподавателей и сотрудников в различных отраслях знаний.

В таблице 1 перечислены лишь некоторые, наиболее востребованные, программы повышения квалификации, реализуемые в формате электронного курса, т.е. в режиме of-line. Большая часть программ имеет трудоемкость в объеме 18 академических часов.

Таблица 1

Наиболее востребованные программы повышения квалификации института корпоративного обучения Финуниверситета, реализуемые в дистанционном формате

Наименование образовательной программы	Трудоемкость программы
Педагогический работник высшего образования. Введение в профессию	18 часов
Преподаватель – Лидер – Наставник	18 часов
Профилактика рисков в студенческой среде и развитие психологической устойчивости личности	18 часов
Особенности организации образовательного процесса и доступной среды для обучающихся с инвалидностью и ОВЗ в образовательной организации	18 часов
Опыт разработки и применения дистанционных образовательных технологий в высшем образовании (Astra Linux, LibreOffice)	18 часов
Цифровой куратор: сопровождение обучающихся в цифровой образовательной среде	18 часов
Путь к интеллекту	18 часов

Разработка электронных курсов в СДО Moodle	18 часов
Основы информационной безопасности. Базовый уровень	18 часов
Деловой протокол и этикет для государственных и коммерческих организаций	18 часов
Оказание первой помощи в образовательной организации	18 часов
Антитеррористическая защищенность вуза: психологическая модель безопасного поведения	18 часов
Правовые и организационные основы профилактики коррупции	18 часов

Как мы видим из представленного перечня, это программы по совершенствованию знаний и умений в области преподавания в высшей школе, наставничеству, психолого-педагогическим аспектам профессиональной деятельности и работы со студенчеством, основам работы с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.

Также весьма значимыми являются программы по развитию информационно-коммуникационных умений преподавателей в области искусственного интеллекта, дистанционных технологий обучения, информационной безопасности, работе с новыми программными продуктами.

Немаловажную роль играет обеспечение безопасности образовательного процесса, которая отражена в программах по оказанию первой доврачебной помощи, антитеррористической защищенности территорий, профилактике коррупционных правонарушений.

Общая культура преподавателя является не менее значимой чертой его личности как организатора образовательной деятельности, поэтому курсовая программа по основам этикета и делового протокола также станет хорошим дополнением к общепрофессиональным знаниям.

Дистанционные образовательные программы повышения квалификации института корпоративного обучения реализуются через личный кабинет преподавателя (сотрудника) в структуре образовательного портала университета в разделе «Кузница кадров». В этом разделе оперативно размещаются анонсы образовательных программ на ближайшие месяцы, новости института, план повышения квалификации на календарный год.

Обучение осуществляется средствами информационно-образовательной среды электронного курса, который содержит видеозаписи лекций ведущих преподавателей вуза, хорошо структурированные и дидактически выверенные текстовые учебные материалы, мультимедийные презентации, видеоинструкции.

Завершается обучение процедурой прохождения в установленные сроки итоговой аттестации и отправкой удостоверений о повышении квалификации.

В программах повышения квалификации, реализуемых институтом корпоративного обучения Финансового университета на безвозмездной основе, задействована большая часть преподавателей и сотрудников Уральского филиала, которые имеют возможность в течение всего учебного года бесплатно проходить обучение и совершенствовать свои профессиональные и общекультурные компетенции.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что в современном мире возрастает роль дополнительного профессионального образования научно-педагогического персонала как фактора повышения качества образовательного процесса и научных исследований, а опыт реализации программ повышения квалификации Финансового университета наглядно демонстрирует воплощение концепции непрерывного образования личности в XXI века на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. Киуру, К.В. Новые технологии дистанционного обучения в системе высшего и дополнительного профессионального образования / К.В. Киуру, Е.Е. Попова, Ю.Г. Маковецкая // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-3. – С. 196–199.

2. Никитина, Е.Ю. Повышение квалификации и профессиональная компетентность преподавателя высшей школы / Е.Ю. Никитина, О.Ю. Афанасьева, М.Г. Федотова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2020. – № 7. – С. 121–133.

3. Сотников, М.М. Современные тенденции развития дополнительного профессионального образования и особенности его реализации в вузах / М.М. Сотников // Актуальные вопросы современной экономической науки: материалы XIII Международной научной конференции, 21 апреля 2023 г. / Составители: Е.О. Вострикова, И.В. Чертина; Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. – Астрахань, 2023. – С. 232–236.

А.И. ЛАЗАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
Библиотекарь I категории

A.I. LAZAREV

Ural Branch Financial University
Librarian 1st category

РЕАЛИЗАЦИЯ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

IMPLEMENTATION OF SELF-EDUCATIONAL ACTIVITIES OF STUDENTS AND TEACHERS IN THE SPACE OF A UNIVERSITY LIBRARY

Аннотация

В статье раскрываются важные организационные условия деятельности вузовских библиотек по формированию комфортной информационно-образовательной среды для реализации самообразовательных практик студентов и преподавателей. Проанализирован опыт работы библиотеки Уральского филиала Финансового университета при Правительстве России по обеспечению условий, пространственной среды и предоставлению информационных услуг, способствующих эффективности самообразовательной деятельности участников образовательных отношений в вузе.

Abstract

This article explores the key organizational factors in university libraries' efforts to create a comfortable information and educational environment for students and faculty to engage in self-study. It analyzes the library's experience at the Ural Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation in providing the conditions, spatial environment, and information services that facilitate the effective self-study of participants in educational relationships at the university.

Ключевые слова: самообразовательная деятельность, самообразование в библиотеке, среда вузовской библиотеки, ресурсы вузовских библиотек, Уральский филиал Финуниверситета.

Key words: self-education activities, self-education in the library, university library environment, university library resources, Ural branch of the Financial University.

Высокие требования современного общества к участникам образовательных отношений в вузовской образовательной системе, а также актуализация парадигмы непрерывного образования личности на протяжении всей жизни, духовные потребности людей общества постмодерна в самосовершенствовании и саморазвитии становятся одними из ключевых факторов необходимости самообразовательных практик в профессиональной и учебной деятельности.

Практически все элементы образовательной среды вуза направлены на формирование у студентов и научно-педагогических работников стремления к интеллектуальному

совершенствованию, что наиболее эффективно реализуется через систему самообразования. Однако ведущим должна быть не внешняя, а внутренняя мотивация, которая обеспечивает устойчивость в осуществлении целей и задач самообразовательной деятельности.

Библиотека как наиболее значимая структура в информационно-образовательной среде высшего учебного заведения имеет необходимую ресурсную базу и условия для повышения эффективности самообразования участников образовательного процесса.

В качестве иллюстрирования парадигмы непрерывного образования и самообразования, представляется важным представить опыт работы библиотеки Уральского филиала Финансового университета при Правительстве России в г. Челябинске в данном направлении деятельности.

Библиотека филиала имеет хорошую ресурсную базу для библиотечно-информационного обеспечения учебной, методической, научно-исследовательской и воспитательной деятельности на высоком квалифицированном уровне оказания информационных услуг и осуществления библиотечного обслуживания.

Библиотечный фонд в настоящий момент превышает 16 тысяч единиц хранения учебной и научной литературы и периодики. Для удобства поиска информации ведется алфавитный и систематический каталоги, картотека учета периодических изданий. Пространство библиотеки, расположенное в помещении общей площадью около 80 кв. м., оборудовано зоной самоподготовки студентов с пятью автоматизированными рабочими местами с пакетом офисных программ и доступом в сеть интернет.

Рассмотрим более подробно пространственную среду и направления деятельности библиотеки Уральского филиала, которые способствуют повышению качества самообразования.

В русле работы со студентами и преподавателями, процессу самообразовательной деятельности служат:

– *Предоставление в пользование рабочих мест в зоне самостоятельной работы.* Нами неоднократно отмечалось, что для эффективной познавательной самообразовательной деятельности необходимы технически и психологически комфортные пространства [2, с. 71]. Данный аспект является весьма значимым организационным условием самообразования. Зона самоподготовки при библиотеке филиала имеет хорошее дизайн-оформление: украшено живописью и фотокартинами, располагает красочными стендами, книжными выставками, музейными экспозициям и комнатными растениями. Рабочие места для читателей оборудованы персональными компьютерами с полным пакетом офисных настольных программ по созданию текстовых, табличных, расчетных документов и мультимедийных презентаций, доступом к интернет-ресурсам.

– *Осуществление консультационно-методической помощи* по работе с электронными образовательными ресурсами по подписке университета и общего доступа. Консультации для читателей оказываются практически ежедневно. Достаточно часто это консультационная помощь студентам со стороны библиотекаря в пользовательских аспектах работы с программами Microsoft Word, PowerPoint и с электронным каталогами крупнейших федеральных и региональных библиотек; решение трудностей в использовании электронно-библиотечных систем, поиске необходимых для обучения материалов, а также обучение технологии составления списков литературы и библиографических описаний литературных источников в процессе индивидуальной работы со студентами.

– *Справочно-библиографическое обслуживание читателей* в форме выполнения тематических запросов в очном и удаленном режимах является востребованной информационной услугой как среди обучающихся, так и преподавательского корпуса. Порой, это единственная возможность выполнить сложный или многоаспектный тематический запрос, ввиду отсутствия необходимой литературы в библиотечном фонде.

– *Система индивидуального информирования преподавателей* о новых поступлениях литературы, новинках учебной и научной литературы из числа авторов филиала по каналам корпоративной электронной почты, что позволяет обеспечивать раскрытие фонда библиотеки и формирует представление читателей о его репертуаре.

– *Подбор учебной, научной литературы и источников из подписных электронно-библиотечных систем* в помощь исследовательской и воспитательной работе также является ключевой миссией библиотеки в обеспечении литературой и информационными материалами для выполнения письменных работ; подготовки статей, проектов и к контрольным мероприятиям; проведении массовых и конкурсных мероприятий с использованием книжных изданий определенной тематики.

– *Информирование участников образовательных отношений* о содержании и структуре единиц библиотечного фонда средствами выставочной работы и стендовых материалов. Именно выставочная работа позволяет увидеть тот интеллектуальный информационный ресурс, который скрыт от взгляда читателей в служебных фондохранилищах [3, с. 20]. Наглядность в экспонировании и удачном представлении книг и информации являются существенным фактором библиотечной рекламы, влияющим на посещаемость и книговыдачу подразделения. В помещении библиотеки представлены два тематических стенда, три стеллажа с постоянным и сменными книжными выставками «Через книгу – в мир профессии» «Научные труды преподавателей», одна стеллажная музейная выставка «Страницы истории Уральского филиала Финуниверситета» и одна сменная музейная экспозиция «Экономика XX века в призме технического прогресса», расположенная

на столе. Кроме того, один застекленный стеллаж с книжной выставкой «Энциклопедия университетской жизни» установлен в фойе основного корпуса филиала.

Все вышеперечисленные факторы и направления деятельности библиотеки филиала становятся важными условиями для осуществления самообразовательных практик читателей, т.к. студенты и преподаватели получают необходимое пространство для ее осуществления, консультационную помощь в выборе источников, материалы для чтения, удобство, оперативность и комфортность информационных услуг, а также наглядное представление об интеллектуальных ресурсах библиотеки.

При этом, у библиотеки имеются широкие возможности для совершенствования своей деятельности по повышению читательской активности и информационной компетентности студентов, являющихся базовой основой самообразовательных практик [1, с. 100–101].

Список литературы

1. Жаркова, Т.И. О роли вузовской библиотеки в формировании читательской активности студента / Т.И. Жаркова, А.И. Лазарев // Система менеджмента качества в вузе: здоровье, образованность, конкурентоспособность: сборник научных трудов XIV Междунар. науч.-практ. конференции, Челябинск, 31 января 2025 г. / Под редакцией С.Г. Серикова, О.А. Клестовой. – Челябинск: УралГУФК, 2025. – С. 99–101.

2. Лазарев, А.И. Модель повышения эффективности самообразования преподавателей в университетской среде / А.И. Лазарев // Экономика данных: новые вызовы и горизонты: сборник материалов XIX национальной научно-практической конференции (с междунар. участием), г. Челябинск, 24 июня 2025 г. / Составитель А.И. Лазарев; редколл.: И.А. Кравченко (предс.), Л.Ю. Овсяницкая, Н.А. Калмакова и др.; Уральский филиал Финуниверситета. – Челябинск, 2025. – С. 66–72.

3. Лазарев, А.И. 65 лет на волне книжной культуры: краткий исторический очерк / А.И. Лазарев; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уральский филиал. – Москва: Перо, 2025. – 40 с.: ил.

А.И. ЛАЗАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
Библиотекарь I категории

A.I. LAZAREV

Ural Branch Financial University
Librarian 1st category

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УРАЛЬСКОМ ФИЛИАЛЕ ФИНУНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

STAGES OF FORMATION OF THE SYSTEM OF LIBRARY AND INFORMATION SUPPORT OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE URAL BRANCH OF THE FINANCIAL UNIVERSITY: HISTORY AND MODERNITY

Аннотация

В статье на основе литературы по истории филиала, воспоминаний ветеранов и практического опыта работы описана система функционирования и содержание библиотечно-информационной работы в Уральском филиале Финансового университета при Правительстве России в исторический период с 1960 по 2026 гг. Автором выделяются три этапа становления и развития библиотеки в истории и на современном этапе деятельности, характеризующихся ведущими направлениями деятельности в разное время, событиями из жизни структурного подразделения, динамикой и изменчивостью содержания профессиональной деятельности и материально-технической базы, а также кадровым потенциалом.

Abstract

This article, drawing on literature on the branch's history, veterans' memoirs, and practical experience, describes the functioning and content of library and information services at the Ural Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation during the historical period from 1960 to 2026. The author identifies three stages in the library's formation and development, both historically and currently, characterized by key areas of activity at different times, developments within the structural unit, the dynamics and variability of professional activities and the material and technical resources, as well as human resources.

Ключевые слова: Уральский филиал Финуниверситета, Челябинский филиал ВЗФЭИ, история Финансового университета, вузовские библиотеки Челябинска, библиотечно-информационная деятельность.

Keywords: Ural branch of the Financial University, Chelyabinsk branch of the A-RCIFE, history of the Financial University, university libraries of Chelyabinsk, library and information activities.

В век активного развития информационных технологий и систем искусственного интеллекта, трансформации вузовской образовательной системы и новых подходов в работе с

информационными массивами, как никогда важно охарактеризовать деятельность вузовских библиотек, чья роль под давлением общественных парадигм и экономического упадка, стала иметь иные очертания и другие ценностные основания для возможности своего гармоничного существования в структуре высших учебных заведений. В практической деятельности современным вузовским библиотекам требуются новые стратегии и тактика, сочетание традиций и инноваций библиотечного опыта, нового и хорошо забытого старого, что было в истории библиотечного дела в России и за рубежом.

Проблемы кризиса функционирования вузовских библиотеки рассматриваются современными исследователями с различных точек зрения. Так, И.Н. Басамыгина отмечает институциональный аспект развития библиотек и проблемы профессиональной подготовки специалистов [1]; Е.А. Плешкевич рассматривает вопросы кризиса в аспекте новых вызовов в профессиональной среде и требований современного общества к совершенствованию сервисной деятельности и информационных услуг библиотек [6]; О.Р. Великосвят и Н.Ф. Ганцен в кризисной ситуации работы библиотек акцентируют внимание на административных вопросах и проблемах информатизации библиотечной деятельности [3].

По нашему мнению, наиболее эффективной стратегией деятельности библиотек вузов в настоящий момент является более активная их интеграция в образовательный, исследовательский и воспитательный процессы, тесное взаимодействие с преподавательским составом и работникам информационно-технической и методической службы, другими обеспечивающими структурными подразделениями.

В данном контексте, представляется важным отразить опыт деятельности библиотеки Уральского филиала Финуниверситета, которая прошла долгий путь своего становления и развития, начиная с 1960 г., когда в учебно-консультационном пункте (УКП) в г. Челябинске Всесоюзного заочного финансово-экономического института, существовавшем тогда еще только два года, в штатное расписание была введена ставка библиотекаря [2, с. 335]. С этого момента начинается *первый этап* развития, который мы охарактеризовали как *этап становления деятельности библиотеки по информационному обеспечению образовательного процесса*. По нашему убеждению, данный этап был сложнейшим в истории библиотеки (табл. 1).

Таблица 1

Динамика функционирования системы библиотечно-информационного обеспечения в Уральском филиале Финуниверситета на разных исторических этапах

Характеристика этапа развития библиотеки	Направления деятельности	Материально-техническая база	Кадровый ресурс
1960 – 1996			

Становление деятельности библиотеки по информационному обеспечению образовательного процесса	– Библиотечно-информационное обслуживание; – Работа по комплектованию, учету, хранению и использованию библиотечного фонда; – Функционирование библиотечного совета	– Два помещения библиотеки: основное и книгохранилище; – Отсутствие читального зала и мест для самоподготовки студентов; – Получение библиотекой статуса структурного подразделения в 1993 г.	С момента основания – один работник; С конца 1970-х гг. – два сотрудника: старший библиотекарь (с 1993 г. – заведующий библиотекой), библиотекарь; Образование сотрудников: среднее профессиональное (непрофильное), высшее педагогическое
1997 – 2019			
Активное развитие библиотечно-информационной деятельности в филиале, внедрение электронных образовательных ресурсов и средств информационных технологий в профессиональную деятельность	– Библиотечно-информационное обслуживание; – Библиографическая деятельность: создание справочно-поискового аппарата; – Активизация выставочной работы; – Автоматизация библиотечной работы, использование компьютерной техники; – Внедрение в процессы библиотечного обслуживания электронных образовательных и сетевых ресурсов; – Активизация массово-информационной работы со студентами; – Оптимизация и совершенствование работы по учету и использованию библиотечного фонда	– Разделение библиотеки на два обособленных подразделения; – Создание в структуре библиотеки абонементов и читального зала; – Создание автоматизированных рабочих мест для читателей; – Ежегодный активный рост объема библиотечного фонда; – Расширение совокупной площади библиотеки до трех помещений: абонементов, читального зала и пункта выдачи литературы читального зала; – Полное обновление библиотечной техники (мебель, оборудование, документация); – С 2019 г. утрата библиотекой статуса структурного подразделения	Четыре, позже – три сотрудника: заведующий библиотекой, библиотекарь абонементов, библиотекарь читального зала; Практически все работники имели среднее профессиональное или высшее библиотечное образование, а также большой практический опыт работы в библиотечной сфере; С 2014 г. запущен процесс регулярного повышения квалификации сотрудников библиотеки
2020 – настоящее время			
Интеграция	– Библиотечно-	– Создание музейной	Один сотрудник,

деятельности библиотеки в научно-образовательный процесс филиала, расширение профессиональных связей с вузовским и профессиональным сообществом, активизация научно-исследовательской и PR-деятельности библиотеки	информационное обслуживание – Библиографическая и издательская деятельность: создание буклетов, указателей, памяток, сборников материалов конференций, учебных и справочных пособий, монографий; – Расширение многоплановости выставочной деятельности; – Методическая работа по обобщению опыта деятельности библиотеки при публикациях в печати и через выступления на профессиональных мероприятиях; – Активное участие в научной жизни филиала и вузовских структур города; – Совершенствование форм массово-информационной работы с читателями; – Появление нового направления по музейной-образовательной деятельности	экспозиции на базе библиотеки; – Сокращение площадей библиотеки до одного помещения; – В 2024 г. – слияние абонемента и читального зала в единую библиотеку с зонированным пространством с автоматизированными рабочими местами для студентов;	имеющий среднее библиотечное и высшее педагогическое образование, а также опыт работы в вузовских и научных библиотеках; Ежегодное обучение в системе повышения квалификации и переподготовки

Первоначально фонд библиотеки составлял не более тысячи экземпляров и размещался всего в двух книжных шкафах, не было своего помещения [5, с. 8]. Существенная потребность студентов-заочников в учебной литературе обусловило постоянный рост объема библиотечного фонда, активной работой по его комплектованию. Наибольшей сложностью были постоянные переезды УКП в разные помещения города. За период с 1960 по 1977 г. библиотекарь Л.Н. Пьянкова шесть организовала перемещение библиотеки [4, с. 93]. С конца 1970-х гг. у Челябинского факультета ВЗФЭИ уже была своя основная дислокация в двухэтажном здании на улице Работниц, в котором филиал

располагается и ныне (в 2011 г. к основному зданию был пристроен четырехэтажный учебно-лабораторный корпус).

В 1980-е гг. благодаря усилиям старших библиотекарей М.В. Герасимовой, Е.Н. Бельчич и С.Я. Шавло начал формироваться отраслевой документооборот, необходимый для придания деятельности библиотеки нормативно-правового статуса, активно функционировал библиотечный совет из числа преподавателей филиала [4, с. 94].

Одной из наиболее острых проблем было отсутствие в филиале читального зала, необходимого для самоподготовки студентов к учебным занятиям и работы с литературой ограниченного доступа, которая не выдавалась на дом.

В 1993 г. библиотека получила статус структурного подразделения и должность старшего библиотекаря была заменена на ставку заведующего библиотекой. В арсенале было уже два помещения – самой библиотеки и книгохранилища. В те годы подразделение находилось на втором этаже.

Все годы данного периода существования библиотеки характеризуются тем, что библиотека выполняла преимущественно утилитарные функции библиотечного обслуживания и организации библиотечного фонда. Среди руководителей библиотеки тех лет были специалисты с непрофильным средним профессиональным и высшим педагогическим образованием, которые, несмотря на это, многое сделали для того, чтобы создать почву для дальнейшего развития библиотеки. Старший библиотекарь и основатель библиотеки Лидия Николаевна Пьянкова (1937 – 2020) проработала в филиале в этом качестве дольше всех своих преемников – 22 года.

Следующий этап активного развития библиотечно-информационной деятельности в филиале, внедрения электронных образовательных ресурсов и средств информационных технологий в профессиональную деятельность пришелся на конец 1990-х гг. с приходом на заведование библиотекой В.Ф. Пономаревой, квалифицированного библиотекаря-методиста (табл. 1). С этого момента осуществляли в библиотеке профессиональную деятельность специалисты с профильным образованием и большим практическим опытом работы в библиотечной сфере [5, с. 12].

2000-е и 2010-е гг. стали самым активным периодом в работе библиотеки, которая в те годы дислоцируется на первый этаж основного здания филиала. Структура библиотеки была разделена на абонемент, читальный зал и пункт выдачи литературы читального зала в отдельном помещении. Усилиями В.Ф. Пономаревой с нуля был создан справочно-поисковый аппарат, а также возродилась выставочная работа.

Происходила автоматизация библиотечных процессов в процессе внедрения компьютерной техники в деятельность сотрудников библиотеки, в читальном зале

создавались автоматизированные рабочие места для читателей. Большая роль в процессе автоматизации работы библиотеки принадлежала библиотекарям Е.В. Сафоновой и Н.В. Павлюк, которые не только осваивали новые технологии, но и оказывали большую консультативно-обучающую помощь студентам и коллегам.

Под руководством следующего руководителя библиотеки Т.П. Молоток продолжалась и совершенствовалась библиографическая деятельность, в работу с читателями внедрялись электронно-библиотечные системы, успешно осуществлялась работа по рациональному перемещению, хранению и оптимальному использованию книжного фонда усилиями библиотекаря абонементов Г.К. Казаковой. Был создан раздел библиотеки на сайте филиала с множеством полезных тематических разделов, активизирована и существенно усилена массово-информационная деятельность и работа читального зала (библиотекарь Н.Г. Ефимова).

Третий этап в развитии библиотеки – *интеграции деятельности в научно-образовательный процесс филиала, расширения профессиональных связей с вузовским и профессиональным сообществом, активизации научно-исследовательской и PR-деятельности* – берет отсчет с 2020 г. (табл. 1). В этот период происходит переосмысление стратегии работы библиотеки, ввиду глобального кризиса вузовской образовательной системы и библиотечной сферы.

К сожалению, многие классические формы работы перестали быть актуальными для современных поколений читателей, что потребовало поиск новых эффективных библиотечно-информационных технологий, повышения степени человекоцентричности в работе со студентами, учет мнений и специфических особенностей профессиональной деятельности преподавателей, а также более активная интеграция в образовательную деятельность филиала с целью включенности библиотеки в единую образовательную систему вуза как ее необъемлемый элемент.

В этот период происходит реструктуризация материально-технических и кадровых ресурсов: библиотечно-информационную деятельность в филиале осуществляет один специалист, а в 2024 г. абонемент и читальный зал объединяются в единое подразделение с одним помещением, в котором организованы зоны самоподготовки студентов с автоматизированными рабочими местами, пункт выдачи литературы, пространства книжных выставок и экспозиций, хранения библиотечного фонда.

Наиболее значимыми становятся научно-исследовательская и PR-деятельность библиотеки, участие в общеуниверситетских направлениях работы. С 2023 г. библиотекарь I категории А.И. Лазарев на постоянной основе осуществляет составление, редактирование и подготовку макетов сборников материалов двух ежегодных научно-практических

конференций студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава Уральского филиала, а также средствами подготовки статей, материалов для СМИ и очных выступлений активно обобщает опыт работы библиотеки на международных и всероссийских научно-практических конференциях, семинарах и форумах, заседаниях методического объединения библиотек вузов Челябинской области.

С 2024 г. на базе библиотеки создается музейная экспозиция, целью которой является сохранение и популяризация истории Уральского филиала Финансового университета в медиапространстве. Организуются тематические музейные экспозиции с уникальными предметами прошлого, проводится экскурсионная работа со студентами и абитуриентами, ведется исследовательская деятельность по изучению исторических вех развития вуза и его персоналий.

Не остаются в стороне и ведущие направления работы библиотеки – библиотечное обслуживание, библиографическая и выставочная деятельность, работа с библиотечным фондом, которым также, как и раньше, отводится приоритетное значение.

Широкий диапазон направлений библиотеки филиала в настоящий момент, сочетающий библиотечно-информационную, редакционно-издательскую, музейно-просветительскую, научно-исследовательскую и организационно-документационную деятельность, позволил, по нашему мнению, библиотеке стать значимым звеном в образовательной системе Уральского филиала, преодолевая, тем самым, основные кризисные аспекты современной системы высшего образования и библиотечного дела.

Подводя итоги историческому обзору этапов становления и развития библиотеки Уральского филиала Финуниверситета с 1960 по 2026 гг., необходимо сделать вывод о том, что в ее деятельности самым наглядным образом отражаются актуальные тенденции функционирования как вузовского образования в целом, так и Уральского филиала в частности. Именно поэтому, трудности в прошлом и на современном этапе могут быть преодолимы только в совместной творческой, продуктивной и созидательной деятельности библиотеки со студентами, преподавателями и сотрудниками филиала, общей целью которых является формирование мощного интеллектуального человеческого капитала для развития и процветания нашего региона и страны в будущем.

Список литературы

1. Басамыгина, И.Н. Институциональные проблемы вузовских библиотек и высшего библиотечного образования / И.Н. Басамыгина // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 205–207.

2. Васильев, В.Н. Институт финансово-экономический заочный всероссийский / В. Н. Васильев // Челябинск: энциклопедия / Составители: В.С. Боже, В.А. Черноземцев. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 335.
3. Великосвят, О.Р. Проблемы развития библиотечной сети России / О.Р. Великосвят, Н.Ф. Ганцен // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 4-4. – С. 664–666.
4. Лазарев, А.И. Исторический путь и место вузовской библиотеки в структуре Уральского филиала Финуниверситета / А. И. Лазарев // Вызовы современности в экономике и обществе: анализ проблем и пути их решения: сборник статей по материалам XXV национальной научно-практической конференции с международным участием (25 мая 2021 г.) / Редколл.: А.А. Якушев, Т.В. Максимова, И.А. Кравченко, А.В. Дубынина. – Москва: Перо, 2021. – С. 92–97.
5. Лазарев, А. И. 65 лет на волне книжной культуры: краткий исторический очерк / А. И. Лазарев; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уральский филиал. – Москва: Перо, 2025. – 40 с.: ил.
6. Плешкевич, Е.А. К вопросу о кризисе отечественного библиотечного дела: есть ли свет в конце туннеля? / Е.А. Плешкевич // Библиосфера. – 2019. – № 3. – С. 27–34.

А.И. ЛАЗАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
Библиотекарь I категории

Н.В. АЙХЕЛЬ

Гимназия № 80 г. Челябинска
Учитель начальных классов

A.I. LAZAREV

Ural Branch Financial University
Librarian 1st category

N.V. AYKHEL

Gymnasium № 80, Chelyabinsk
Primary School Teacher

**ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ УМЕНИЙ МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A FACTOR
IN THE FORMATION OF COGNITIVE SKILLS OF PRIMARY
SCHOOL CHILDREN IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES**

Аннотация

В статье проанализирован педагогический опыт и обоснована роль информационно-образовательной среды в формировании познавательных умений обучающихся начальных классов в ходе реализации мероприятий во внеучебной деятельности. Описаны конкретные формы организации внеклассных мероприятий и их влияние на развитие мышления и познавательной сферы личности младших школьников, а также сделан акцент на значимости профессионализма и мотивированности педагога к применению информационно-коммуникационных средств в образовательном процессе.

Annotation

This article analyzes teaching experience and substantiates the role of the information and educational environment in developing the cognitive skills of primary school students through extracurricular activities. Specific forms of organizing extracurricular activities and their impact on the development of thinking and cognitive skills in primary school students are described, and the importance of teacher professionalism and motivation in the use of information and communication tools in the educational process is emphasized.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда, информационно-коммуникационные технологии, познавательные умения обучающихся, внеурочная деятельность в школе, образовательные мероприятия.

Key words: information and educational environment, information and communication technologies, cognitive skills of students, extracurricular activities at school, educational events.

Развитие системы общего образования в России в настоящий момент затрудняется множеством нерешенных проблем социально-экономического, системно-организационного и психолого-педагогического характера, которые становятся препятствием для организации образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях, эффективности учебной деятельности и гармоничного развития личности обучающихся, их социализации, развития и воспитания. Решение данных проблем зависит от множества объективных и субъективных факторов внутренней и внешней образовательной среды, но наиболее актуальным выходом из сложившейся затруднительной ситуации, по нашему мнению, является активизация деятельности педагогических работников по внедрению и совершенствованию применения средств информационно-коммуникационных технологий в образовательном пространстве школы.

Актуальность рассмотрения проблематики формирования информационно-образовательной среды обусловлена глобальной цифровизацией современного российского общества, формированию экономики знаний и усложнением структуры информационного общества, а также необходимостью владения цифровыми навыками для комфортной и продуктивной жизнедеятельности всех субъектов общественных отношений. Не осталась в стороне и система школьного образования в которой, к сожалению, процессы цифровой трансформации протекают не достаточно оперативно, как это необходимо в реальной педагогической практике.

Вместе с тем, внедрение и развитие цифровой образовательной среды должно служить глобальным целям образования и воспитания школьников, а не быть эфемерной задачей, необходимой лишь в качестве популярного тренда в современном обществе.

Развитие интеллектуальных способностей, культуры мышления, устной и письменной речи, информационной и цифровой грамотности младших школьников является важнейшей задачей начальной школы, что также определяется в методологических положениях Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО) – важнейшего нормативно-правового документа по осуществлению учебно-воспитательной деятельности в общеобразовательной организации.

Формирование познавательных умений учащихся начальных классов наиболее эффективно может осуществляться в информационно-образовательной среде, которая служит ориентиром в данном процессе как наиболее оптимальный методический инструментарий.

Представляется важным рассмотреть комплекс мероприятий по развитию познавательных умений младших школьников в системе внеурочной деятельности. Психологами давно установлено, что для детей младшего школьного возраста характерно интенсивное развитие познавательных процессов, памяти, внимания, речи, переход от наглядно-образного к словесно-логическому мышлению, наличие большого интереса к познанию себя и окружающего мира. Именно поэтому актуальным в педагогической практике учителя начальных классов является расширение форм, средств и методов организации внеклассной работы со школьниками, которые могут способствовать развитию познавательных умений.

Познавательные экскурсии в интерактивные музеи и выставочные пространства, компьютерные клубы для школьников, другие инновационные IT-пространства, как отмечает Т.И. Киселева, повышают интерес к познанию, расширяют кругозор, развивают наблюдательность и любознательность обучающихся [2, с. 38].

Специалисты в области педагогики начального образования также отмечают, что в процессе обучения велика роль игровых технологий, которые, безусловно, могут

использоваться и во внеучебной работе [3, с. 195]. Различные интеллектуальные игры, викторины, квесты, квизы, коллективное составление классом кроссвордов также способствуют развитию когнитивных умений обучающихся.

Весьма значима воспитательная роль библиотеки, функционирующей в настоящий момент в концепции школьного информационно-библиотечного центра [1, с. 217] В среде школьной библиотеки могут организовываться литературные вечера, встречи с писателями, представителями социально значимых профессий, ветеранами, известными выпускниками школы при мультимедийном сопровождении в форме демонстрации анимированных презентаций, кино- и мультфильмов, аудиозаписей и музыки. Все это создает дополнительный положительный эффект влияния технических средств на эффективность внеучебной деятельности. Кроме того, в библиотеке возможна познавательная работа обучающихся на персональных компьютерах при осуществлении поиска и анализа информации в сетевых образовательных ресурсах, электронных библиотеках, тематических базах данных и электронных коллекциях. В данном случае, учитель начальных классов и педагог-библиотекарь могут проводить внеучебные занятия совместно, формируя информационную культуру школьников.

Конечно, нельзя не отметить также и кружковую деятельность по развитию познавательных умений школьников. Формы работы могут быть весьма разнообразными, они могут включать и элементы формирования межпредметных связей в обучении. Например, когнитивные способности младших школьников можно развивать на материале таких учебных предметов как математика (создание и решение арифметических и логических игр, sudoku, увлекательных задач и головоломок в программной среде на компьютерах, ноутбуках, планшетах), русский язык и литературное чтение (обсуждение произведений детской литературы, словарные ребусы, кроссворды), изобразительное искусство и музыка (просмотр, прослушивание и обсуждение музыкальных и изобразительных произведений, подготовка кратких сочинений о любимых музыкантах, песнях, героях мультфильмов).

Весьма актуальным в последние годы стали также школьные олимпиады и виртуальные викторины, которые организуются различными интернет-платформами и детскими образовательными центрами, что также активизирует процессы мышления обучающихся.

Рассмотрев некоторые формы внеклассной работы по формированию познавательных умений обучающихся младшего школьного возраста, следует акцентировать внимание на роли учителя как организатора данного процесса. Ведь, только при искренней заинтересованности в активном использовании информационно-технических средств в обучении и внеурочной работе с младшими школьниками могут быть достигнуты цели по

развитию гармоничной развитой и успешно социализированной личности, способной к непрерывному образованию, самосовершенствованию и активной созидательной деятельности в современном обществе. Информационно-коммуникационные технологии, как мы уже отмечали, это лишь инструмент в педагогической деятельности учителя, который без его профессионализма вряд ли может быть использован в образовательном пространстве школы.

Список литературы

1. Качева, Е.В. Оценка эффективности деятельности школьных информационно-библиотечных центров (на примере региональных инновационных площадок Челябинской области) / Е.В. Качева, И.В. Свистун // Проблемы современного образования. – 2022. – № 3. – С. 216–228.
2. Киселёва, Т.И. Внеурочная деятельность как средство развития познавательных интересов младших школьников / Т.И. Киселева // Управление образованием: теория и практика. – 2021. – № 5. – С. 33–50.
3. Мкртчян, Л.С. Место и роль игровой технологии в обучении младших школьников / Л.С. Мкртчян // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2012. – № 4. – С. 195–199.

А.И. ЛАЗАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
Библиотекарь I категории

Д.В. СУХОРУКОВ

Дворец пионеров и школьников
им. Н.К. Крупской г. Челябинска
педагог дополнительного образования

A.I. LAZAREV

Ural Branch Financial University
Librarian 1st category

D.V. SUKHORUKOV

Palace of Pioneers and Schoolchildren
named after N.K. Krupskaya, Chelyabinsk
Additional Education Teacher

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ОРКЕСТРА НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY OF STUDENTS IN THE MUSICAL AND CREATIVE PROCESS OF THE ORCHESTRA OF FOLK INSTRUMENTS

Аннотация

Статья посвящена музыкально-образовательной деятельности оркестровых коллективов системы дополнительного образования как значимому фактору обучения, воспитания, социализации и личностного развития обучающихся в современных условиях. Проанализирован опыт работы оркестра народных инструментов «Хрусталеk» Дворца пионеров и школьников г. Челябинска по ключевым психолого-педагогическим категориям развития личности обучающихся в процессе музыкального исполнительства и взаимодействия в творческой среде.

Abstract

This article examines the musical and educational activities of orchestral ensembles in the supplementary education system as a significant factor in the training, education, socialization, and personal development of students in today's world. The experience of the Khrustalek folk instrument orchestra of the Chelyabinsk Palace of Pioneers and Schoolchildren is analyzed using key psychological and pedagogical approaches to student personal development through musical performance and interaction in a creative environment.

Ключевые слова: творческое развитие, развитие личности школьников, оркестровые коллективы, музыкальное образование, музыкально-педагогическая практика.

Key words: creative development, personal development of schoolchildren, orchestral groups, music education, music teaching practice.

Современный этап развития российской образовательной системы характеризуется значительным возрастанием роли дополнительного образования как в жизни общества, так и в процессе обучения, воспитания и развития личности детей и подростков, что дает основание утверждать востребованность реализации дополнительных общеразвивающих общеобразовательных программ для молодого поколения и их родителей.

Система дополнительного музыкального образования представляет собой широкую сеть образовательных учреждений и творческих объединений – музыкальных школ, детских школ искусств, самостоятельных творческих коллективов и отделений музыкального творчества в структуре учебных заведений.

Немаловажную роль в системе музыкального исполнительства играют самодеятельные оркестры, объединяющие деятельность юных музыкантов-исполнителей на духовых, струнных, язычковых и ударных инструментах под руководством дирижера и педагогов, организующих музыкально-творческий процесс.

В своем диссертационном исследовании В.И. Лавришин отмечает, что несмотря на значительную трансформацию социально-экономической и духовно-эстетической сфер жизни современного общества, со всеми трудностями и потерей массового интереса детей и молодежи к народно-инструментальному исполнительству и отечественной фольклорной музыкальной традиции, востребованность народной музыки, коллективного музицирования и их роль в музыкальном воспитании молодого поколения по-прежнему остается высокой [1, с. 3–4].

Вместе с тем, в настоящее время в научной и музыкально-просветительской литературе не в полной мере отражается динамика развития обучающихся в музыкально-творческой деятельности оркестров народных инструментов с точки зрения личностно-ориентированного подхода. В этом плане, мы можем разделить мнение О.В. Слуевой о том, что художественно-эстетическое развитие позволяет личности подняться на более высокий уровень нравственности, образованности, культуры, профессионального мастерства и общественной активности [3, с. 3].

Формирование личности обучающихся от младшего школьного до юношеского возраста является предельно динамичным и сложноорганизованным процессом, для которого крайне необходима благоприятная развивающая образовательная среда.

Дети, подростки и юношество, заинтересованные в развитии своих творческих способностей и музыкальных талантов, достаточно часто находят интерес к обучению игре на баяне, аккордеоне, домре, балалайке, гуслях и прочих музыкальных инструментах в составе оркестрового коллектива.

Представляется важным проиллюстрировать практическое воплощение теоретических подходов к процессу развития личности обучающихся на основе деятельности образцового детского коллектива «Оркестр народных инструментов «Хрусталец», функционирующем в структуре центра музыкально-хореографического и театрального творчества на базе Дворца пионеров и школьников им. Н.К. Крупской г. Челябинска.

Образовательный процесс в творческом объединении реализуют четыре педагога дополнительного образования и два концертмейстера. Все работники имеют высшее музыкальное и музыкально-педагогическое образование по уровням специалитета и бакалавриата, а также профессиональные компетенции в области педагогики дополнительного образования детей как успешно освоившие профильные программы переподготовки, что обеспечивает необходимые умения в области психолого-педагогической теории и практики.

Богатый опыт педагогической и концертмейстерской практики оркестра народных инструментов позволяет создать условия для творческого развития обучающихся [2, с. 55].

Необходимо выделить основные компоненты личностного развития обучающихся. Во-первых, в процессе учебных и репетиционных занятий в оркестровом коллективе происходит развитие коммуникативных качеств обучающихся, которые тесно взаимодействуют друг с другом в процессе общения, совместного опыта в исполнительской деятельности в ансамбле, дуэтах, в период подготовки к сольным выступлениям. Важным фактором является психологически комфортная среда творческого коллектива «Хрусталеk», которая ориентирована на личность воспитанников и позволяет минимизировать возможные стрессовые ситуации, стеснение и волнение в музыкально-исполнительной деятельности.

Во-вторых, музыкальная деятельность формирует гибкое мышление, развивает память, совершенствует познавательные способности обучающихся, что дает основу для дальнейшего развития интеллектуальных способностей. Как мы уже неоднократно отмечали в публикациях [4, с. 26], примером могут послужить многие выпускники оркестра, ставшие профессиональными и успешными врачами, инженерами, педагогами, психологами, музыкантами, исследователями, информационными работниками и представителями других социально значимых профессий. Музыка для многих из них стала платформой для освоения сложных отраслей профессиональной деятельности, той базой творческого развития, которая необходима в жизни и труде.

В-третьих, музыкально-творческий процесс оркестрового коллектива оказывает влияние на мировоззрение и становление смысложизненных ориентиров детей и подростков, ориентирует их на активную творческую и созидательную деятельность, на осознанное и бережное отношение к наследию отечественной культуры и искусства, на роль человека-творца в историческом развитии государства и общества, на понимающее и толерантное отношение к людям с другими культурными и социальными взглядами и идентичностью, что позволяет им благополучно социализироваться в обществе.

Таким образом, в теории и практике вполне ясно очерчивается значимость музыкально-образовательного процесса деятельности оркестров народных инструментов в создании благоприятных условий для личностного развития обучающихся, их социализации, воспитания и непрерывного совершенствования.

Список литературы

1. Лавришин, В.И. Формирование и развитие оркестрового исполнительства на русских народных инструментах в Челябинской области: автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Лавришин Владимир Иванович; Магнитогорская государственная консерватория им. М.И. Глинки. – Магнитогорск, 2015. – 27 с.

2. Лазарев, А.И. Опыт реализации образовательных программ музыкально-эстетической направленности в практике педагога дополнительного образования оркестра народных инструментов / А.И. Лазарев, Д.В. Сухоруков // Устойчивое развитие науки и образования. – 2022. – № 9. – С. 54–57.

3. Слуева, О.В. Художественно-эстетическое развитие личности в оркестровом коллективе: на примере учреждений дополнительного образования: автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук: 13.00.05 / Слуева Ольга Валентиновна; Казан. гос. ун-т культуры и искусств. – Казань, 2006. – 19 с.

4. Сухоруков, Д.В. Педагогические основы непрерывного музыкального образования личности школьника / Д.В. Сухоруков, А.И. Лазарев // Вопросы педагогики. – 2025. – № 7-1. – С. 25–27.

У.В. ЛАЗЬКО, Е.А. СУББОТИНА

Уральский медицинский институт
студентки I курса специальности «Лечебное дело»

U.V. LAZKO, E.A. SUBBOTINA

Ural Medical Institute
First-year students majoring in General Medicine

СМЕРТНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА ОТ ДИЗЕНТЕРИИ В 1917–1923 ГГ.

MORTALITY OF THE URBAN POPULATION OF THE URALS FROM DYSENTERY IN 1917–1923

Аннотация

Дизентерия – это острое инфекционное заболевание, вызываемое бактериями рода *Shigella*, которое характеризуется воспалением кишечника и проявляется диареей с примесью крови и слизи. Период 1917–1923 годов на Урале стал критическим моментом в борьбе с этим заболеванием. Эпидемии болезни выявили недостатки в системе здравоохранения и необходимость улучшения санитарных условий. Научные исследования и практические меры, предпринятые в это время, заложили основу для дальнейших усилий по контролю инфекционных заболеваний в регионе. Несмотря на сложности, этот период стал важным этапом в развитии эпидемиологии и общественного здравоохранения в России.

Abstract

Dysentery is an acute infectious disease caused by bacteria of the genus *Shigella*, which is

characterized by intestinal inflammation and manifests itself by diarrhea with blood and mucus. The period from 1917 to 1923 in the Urals was a critical moment in the fight against this disease. The epidemics revealed weaknesses in the healthcare system and the need for improved sanitary conditions. The scientific research and practical measures taken during this time laid the foundation for further efforts to control infectious diseases in the region. Despite the challenges, this period was an important milestone in the development of epidemiology and public health in Russia.

Ключевые слова: заболевание, Урал, борьба, здравоохранение, население, дизентерия, эпидемиология, распространение, исследования, врачи, жизнь

Keywords: disease, Ural, fight, healthcare, population, dysentery, epidemiology, spread, research, doctors, life

В период 1917–1923 годов на Урале наблюдались массовые вспышки дизентерии. Эпидемическая ситуация в регионе содержала несколько этапов. 1917 год – локальные 1918–1920 годы – дизентерия переросла в локальные эпидемии по всему региону из-за крупномасштабной Гражданской войны. Эпицентрами стали крупные города, например Челябинск, Курган, Пермь. Конец 1921 – начало 1923 годов – в результате социально-экономического кризиса и голода 1921 года на Урале вновь наблюдались масштабные инфекционные заболевания, включая дизентерию.

К середине 1920 года стали проявляться первые результаты этих усилий, эпидемическая обстановка заметно улучшилась. В 1923–1924 годах наблюдалось динамичное снижение инфекционных заболеваний. Научные исследования этого периода сосредоточились на выявлении причин распространения заболевания и разработке методов его профилактики и лечения. В 1905 году русский микробиолог Илья Мечников, лауреат Нобелевской премии, сделал значительный вклад в изучение патогенеза дизентерии. Его работы способствовали пониманию роли кишечной флоры и иммунного ответа в борьбе с инфекциями. К 1920-м годам в России были предприняты меры по улучшению санитарных условий, что способствовало снижению заболеваемости. Врачи начали активно использовать антибиотики, такие как стрептомицин, хотя их массовое применение стало возможным только позже. Важным шагом в борьбе с дизентерией стало внедрение вакцинации и улучшение системы общественного здравоохранения.

Таким образом, период с 1900 по 1925 годы стал важным этапом в изучении и борьбе с дизентерией в России. Эпидемии этого заболевания стали катализатором для научных исследований и реформ в области здравоохранения, что в конечном итоге способствовало улучшению санитарных условий и снижению уровня заболеваемости [1].

В 1920-е годы на Урале наблюдались массовые перемещения населения, что создавало благоприятные условия для распространения инфекционных заболеваний. Разрушенная инфраструктура, нехватка продовольствия и санитарные проблемы усугубляли ситуацию. В условиях бедности и нехватки медицинских ресурсов заболеваемость дизентерией достигала высоких показателей [2]. По данным местных санитарно-эпидемиологических станций, в 1921 году зарегистрировано несколько вспышек дизентерии в крупных городах Урала, таких как Екатеринбург и Челябинск. Основными факторами передачи инфекции были загрязненная вода и продукты питания, а также плохие условия жизни. Дизентерия проявляется острыми симптомами, включая диарею с примесью крови и слизи, боли в животе, лихорадку и общую слабость. В условиях дефицита медицинской помощи и недостатка знаний о заболевании многие случаи оставались недиагностированными или неправильно лечились, что приводило к тяжелым последствиям и высокой летальности.

Отметим некоторые факторы, способствовавшие распространению дизентерии на Урале. Разрушение городского хозяйства в годы Гражданской войны, что привело к некачественной воде и антисанитарии. Миграционные потоки беженцев, которые разносили инфекции. Например, в 1921 году через Пермь проехало около 120 тысяч человек, среди которых было много голодающих, среди которых были больные дизентерией. Ослабление иммунитета из-за недоедания и голода, что делало людей беззащитными перед инфекциями. Нехватка медицинского персонала и средств для борьбы с эпидемиями, что затрудняло организацию противоэпидемических мер [4].

В Челябинской губернии в 1921 году на долю дизентерии пришлось 12,6% всех заболевших инфекционными болезнями горожан, в 1922 году – 15,3%. В Вятской губернии в 1920 году инфекционная ситуация достигла масштабов катастрофы: на первом месте по заболеваемости стояли уезды, где годом раньше проходили военные действия. Смертность от дизентерии в этих уездах доходила до 8,1%. В Перми во второй половине 1921 года из-за голода и бегства жителей голодающих регионов Поволжья в Сибирь в городе осталось более 40,5 тысяч голодающих, среди которых было много больных дизентерией. Попытки локализовать больных в специальных помещениях города оказались недостаточными из-за слабости городских продовольственных запасов.

Для борьбы с дизентерией на Урале в 1920-е годы предпринимались некоторые меры. Создание чрезвычайных органов по борьбе с эпидемиями, например, чекатифов (чрезвычайных комиссий по борьбе с тифом и дизентерией). Они объединяли все лечебные заведения гражданского, военного и железнодорожного ведомств. Мобилизация медицинского персонала для организации противоэпидемических мер. Врачи, зубные техники, санитары направлялись в инфекционные бараки и отделения лечебных учреждений,

инфекционные отряды. Установка санитарных правил и борьба за чистоту: очистка источников питьевой воды и жилья, кипячение воды, обязательное мытье рук и продуктов. Санитарно-просветительная работа – распространение лекций, листовок и брошюр по санитарным вопросам. Помощь со стороны Наркомата здравоохранения РСФСР – в январе 1920 года на Урал направили 12 бань и 7 эпидемиологических отрядов, которые обслуживали не только военных, но и гражданское население [3].

В ответ на эпидемию власти начали принимать меры по улучшению санитарных условий. Были организованы мобильные медицинские бригады для оказания помощи населению, проводились санитарные обработки общественных мест, а также разъяснительная работа о способах предотвращения заражения.

Научные исследования в этот период сосредоточились на изучении патогенеза дизентерии и разработке методов диагностики и лечения. Ведущие микробиологи того времени начали активно исследовать свойства штаммов *Shigella*, что способствовало лучшему пониманию механизма инфекции.

Итак, дизентерия получила широкое распространение на Урале. В Челябинской губернии в 1921 году на её долю пришлось 12,6% всех заболевших инфекционными болезнями горожан, в 1922 году – 15,3%. Распространению дизентерии в уральских городах способствовали некачественная вода и антисанитария из-за разрушения городского хозяйства в годы Гражданской войны. Кроме того, недоедание и голод 1921–1922 годов ослабляли иммунитет, делали людей беззащитными перед инфекциями. В 2011 году сообщалось о случае дизентерии Флекснера у курсантов Уральского института государственной противопожарной службы МЧС РФ в Екатеринбурге. Врачи отмечали, что заболевание не опасно для жизни и лечится за пять дней.

Список литературы

1. Козлов, А. И., Соловьев, В. Н. (1922). Эпидемиология дизентерии в России: опыт борьбы с инфекциями.
2. Левин, Д. М. Санитарное состояние Урала в условиях Гражданской войны. М., 1923
3. Михайлов, И. П. (1921). Дизентерия: клинические аспекты и методы лечения.
4. Бурков, С. А. (1920). Проблемы общественного здравоохранения в России после революции.
5. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6(38). – С. 116-117. – EDN OFAHQI.

6. Панькин, С. И. Детерминация дезертирства и уклонения от мобилизаций на Южном Урале осенью 1919 - весной 1921 г / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-25-29. – EDN DNFNOO.

Я.Н. ЛАСТОВЕЦКАЯ

Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

Научный руководитель

С.В. БУДАЕВА

старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных наук
Уральский филиал Финуниверситета

Y.N. LASTOVETSKAYA

Ural branch of the Financial University
3st year student
« Advertising and public relations»

Scientific supervisor

S.V. BUDAEVA

Senior Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities
Ural branch of the Financial University

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ СТОРИТЕЛЛИНГ: КАК ИСТОРИЯ МЕСТА И БЛЮД СТАНОВИТСЯ ГЛАВНЫМ РЕКЛАМНЫМ НОСИТЕЛЕМ

GASTRONOMIC STORYTELLING: HOW THE HISTORY OF A PLACE AND DISHES BECOMES THE MAIN ADVERTISING MEDIUM

Аннотация

Статья исследует переход HoReCa к гастрономическому сторителлингу как новой базовой концепции маркетинга: вместо акцентирования на цену и блюдо, фокус смещается на нарратив о месте, истории шефа и культурном контексте. Описывается, как локация становится «героем» и как персоналии шефа превращаются в медийные носители доверия через независимые медиа-каналы, а рекламные материалы — в часть разворачивающейся истории. Объясняются методы реализации: серийная структура коммуникаций, длинные сюжетные линии, использование физических носителей истории и эффект аффективных ожиданий.

Annotation

The article explores HoReCa's transition to gastronomic storytelling as a new basic marketing concept: instead of focusing on price and dish, the focus shifts to a narrative about the place, the chef's history and cultural context. It describes how the location becomes a "hero" and how the boss's personalities turn into media carriers of trust through independent media channels, and advertising materials become part of the unfolding story. The methods of implementation are explained: serial communication structure, long storylines, the use of physical story media and the effect of affective expectations.

Ключевые слова: сторителлинг, нарратив, место как герой, культурный контекст, долгосрочные серии.

Key words: storytelling, narrative, place as a hero, cultural context, long-term series.

Современный рынок HoReCa сталкивается с фундаментальным противоречием: классические инструменты привлечения аудитории, основанные на ценовой конкуренции, демонстрируют устойчивое снижение эффективности. Скидки, акции и прямые ценовые стимулы формируют исключительно транзакционную лояльность, не создавая эмоциональной привязки к заведению. Это приводит к эрозии маржинальности и унификации позиционирования, когда рестораны вынуждены конкурировать исключительно по параметру цены, теряя возможность формировать премиальную надбавку. В ответ возникает новая парадигма, в которой центральным элементом становится гастрономический сторителлинг — использование легенды места, биографии шефа и культурного контекста блюд как основного рекламного носителя.

С точки зрения маркетинговой стратегии, переход к сторителлингу означает смену базового принципа коммуникации: объектом продвижения становится не продукт (блюдо) и не ценовое предложение, а нарратив, в который этот продукт встроен. Рекламное сообщение перестает быть транзакционным и приобретает характер эпизода последовательно разворачивающейся истории. В этой модели ключевым рекламным носителем выступает сама локация, но не как набор физических характеристик (адрес, интерьер), а как контекст, обладающий культурной и исторической ценностью. PR-стратегия строится вокруг концепции «места как героя»: позиционирование заведения опирается не на потребительские свойства, а на его включенность в культурный ландшафт города. Например, информационным поводом становится не открытие летней веранды, а возвращение к жизни исторического здания, что позволяет выводить коммуникацию в разделы городской хроники, архитектуры и культурного наследия. Такой подход расширяет медийный охват и привлекает аудитории, для которых гастрономический опыт вторичен по отношению к культурному.

Вторым значимым рекламным носителем становится фигура шеф-повара, трансформируемая из технического специалиста в медийную персону. В рамках бренд-стратегии шеф позиционируется как автор и источник легитимности кулинарного нарратива. Традиционная реклама (баннеры, посты с блюдами) дополняется PR-работой по персональному медийному продвижению: экспертные колонки в СМИ, участие в подкастах и интервью, где шеф выступает не как представитель ресторана, а как носитель уникального опыта — исследователь локальных продуктов, хранитель традиций или экспериментатор.[3] Важно, что эти форматы не воспринимаются аудиторией как прямая реклама, но формируют доверие к бренду через доверие к его медийному лицу, обеспечивая более низкую стоимость контакта и более высокую глубину вовлечения по сравнению с классической таргетированной рекламой, поскольку трансляция идет через каналы, воспринимаемые аудиторией как независимые и экспертные.

На уровне рекламных материалов сторителлинг требует пересмотра подходов к копирайтингу и визуальной коммуникации. Меню перестает быть прайс-листом и становится носителем бренд-контента. Рекламные тексты переходят от описания технико-технологических характеристик к воспроизведению истории. Это позволяет внедрить в рекламное сообщение элементы уникальности, которые не могут быть скопированы конкурентами, поскольку привязаны к конкретному сюжету. Визуальный контент также подчиняется задаче наррации: предметная съемка уступает место кинематографичным кадрам, где еда является частью сцены, а не изолированным объектом.[2] Такой подход увеличивает вовлеченность аудитории: изображение, несущее историю, требует большего времени на восприятие и чаще сохраняется, чем стандартная предметная съемка.

В сфере продвижения ключевым изменением становится переход от медиапланирования, ориентированного на охват, к стратегии создания управляемых инфоповодов. Классическая реклама в NoReCa строится вокруг цикла «анонс — событие — отчет», что приводит к быстрому насыщению и снижению внимания аудитории. Сторителлинг позволяет разворачивать коммуникацию в формате сериальной структуры, где каждый рекламный контакт продолжает предыдущий. На практике это реализуется через создание долгосрочных сюжетных линий: например, серия публикаций о поиске уникального ингредиента, где каждый этап (отъезд шефа, встреча с фермером, первая проба, включение в меню) становится отдельным информационным поводом. Такая структура позволяет поддерживать интерес аудитории в течение длительного периода и создает накопленный эффект ожидания, что увеличивает вероятность визита в момент финальной публикации.

Специальные события (ивенты) в этой стратегии рассматриваются не как разовые акции для увеличения загрузки, а как инструмент создания долгосрочного PR-эффекта.

Основным критерием успеха становится не количество привлеченных гостей, а количество и качество сгенерированных инфоповодов, которые могут быть использованы в последующих коммуникационных кампаниях. Такой подход позволяет получить от одного события несколько циклов рекламной активности, снижая среднюю стоимость эффективного контакта.

Показательным примером системного использования сторителлинга как инструмента продвижения служит московский ресторан Twins Garden – синергия ресторана и фермы, которая предлагает погрузиться в мир высокой кухни через авторские дегустационные сеты, посвященные различным темам.[1] Ключевая особенность рекламной модели заключается в том, что нарративы сами становятся продуктом: ферма функционирует как имиджевый актив, окупаемый через премиальную надбавку, а технологические эксперименты превращаются в инфоповоды. Все эти линии интегрированы в единую коммуникацию, что позволяет ресторану удерживать лидерские позиции без использования скидочных механик.

Таким образом, гастрономический сторителлинг в приложении к рекламной стратегии ресторана представляет собой системный подход, при котором все каналы коммуникации объединены единым нарративом. Рекламное сообщение перестает быть изолированным утверждением о качестве продукта или цене и становится элементом последовательно разворачивающейся истории. Эффективность такого подхода измеряется не сиюминутным приростом продаж, а ростом доли потребителей, способных воспроизвести историю бренда, частоты спонтанных упоминаний в медиа и стоимости привлечения лояльного клиента. В условиях, когда ценовая конкуренция становится тупиковой, управление нарративом превращается в ключевое конкурентное преимущество, а история — в главный рекламный носитель.

Список литературы

1. Twins Garden// twinsgarden.ru: сайт. – URL: <https://twinsgarden.ru/>
2. Гастрономический сторителлинг: Как писать о вкусах и запахах, чтобы пробуждать аппетит (Словарь гурмана)//[radiotochki.net](https://radiotochki.net/blog/storytelling/gastronomicheskij-storitelling-kak-pisat-o-vkusah-i-zapahah-chtoby-probuzhdat-appetit-slovar-gurmana.html?ysclid=mn6pve7k6x3520048): сайт. – URL: <https://radiotochki.net/blog/storytelling/gastronomicheskij-storitelling-kak-pisat-o-vkusah-i-zapahah-chtoby-probuzhdat-appetit-slovar-gurmana.html?ysclid=mn6pve7k6x3520048>
3. Сила повествования в брендинге еды: создание вкусных нарративов// [winsavvy.com](https://winsavvy.com/the-power-of-storytelling-in-food-branding/): сайт. – URL: <https://winsavvy.com/the-power-of-storytelling-in-food-branding/>

В.М. ЛЕДНЕВА
Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель
Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ
канд. культурологии
Уральский филиал Финуниверситета

V.M. LEDNEVA
Ural branch of the Financial University
2nd year student of the Department of
«State and Municipal Administration»

Scientific adviser
E.V. PIS'MENNY
Candidate of Cultural Studies
Ural branch of the Financial University

**ФЕНОМЕН «КУЛЬТУРНОЙ АПРОПРИАЦИИ» В ЦИФРОВЫХ МЕДИА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**THE PHENOMENON OF «CULTURAL APPROPRIATION» IN
DIGITAL MEDIA: TRANSFORMATION OF IDENTITY AND CONFLICT
OF INTERPRETATIONS IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE**

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена культурной апроприации в контексте цифровизации социальных отношений. Рассматриваются трансформации идентичности, возникающие в результате активного культурного обмена в цифровых медиа, а также конфликты интерпретаций, связанные с использованием этнических символов в метавселенных, AI-генерируемом контенте и NFT-проектах. На основе анализа ключевых форм апроприации и платформенных практик 2025–2026 гг. автором обосновывается необходимость выработки этических стандартов, балансирующих между свободой творчества и уважением к культурному наследию.

Annotation

The article is devoted to the study of the phenomenon of cultural appropriation in the context of digitalization of social relations. The author examines transformations of identity

resulting from active cultural exchange in digital media, as well as conflicts of interpretations associated with the use of ethnic symbols in metaverses, AI-generated content, and NFT projects. Based on the analysis of key forms of appropriation and platform practices of 2025–2026, the article substantiates the need to develop ethical standards that balance creative freedom with respect for cultural heritage.

Ключевые слова: культурная апроприация, цифровые медиа, трансформация идентичности, метавселенные, искусственный интеллект, этические стандарты.

Key words: cultural appropriation, digital media, identity transformation, metaverses, artificial intelligence, ethical standards.

К 2025 году цифровизация социальных отношений достигла качественно нового уровня: число пользователей глобальной сети превысило пять миллиардов, а развитие метавселенных и платформенных экосистем стимулировало беспрецедентный по своей интенсивности культурный обмен. В этих условиях феномен культурной апроприации — заимствования элементов одной культуры представителями другой — приобрел новые формы и обострил дискуссии о границах допустимого в цифровом творчестве. Особую актуальность данная проблематика получила в контексте трансформации идентичности, когда цифровые аватары, AI-генерируемый контент и NFT-проекты начинают активно оперировать этническими символами, вызывая конфликты интерпретаций между разными культурными сообществами [1].

Современный ландшафт цифровых коммуникаций характеризуется появлением принципиально новых форм культурной апроприации. Во-первых, это использование этнических мотивов в аватарах и персонажах метавселенных, где цифровые образы смешивают традиционные элементы с технологическими инновациями, порождая споры о подлинности и уважении к первоисточнику. Во-вторых, активное применение алгоритмов искусственного интеллекта для генерации мемов и изображений на основе культурных элементов создает риски непреднамеренного искажения и коммерциализации культурного наследия. В-третьих, развитие коллаборативных платформ стимулирует объединение различных культурных символов в новых формах цифрового искусства, что актуализирует вопросы об авторстве и границах творческого вдохновения [2].

Значимые примеры культурной апроприации в цифровом пространстве 2025–2026 гг. демонстрируют широту рассматриваемого феномена. Генерация AI-арта с использованием традиционных мотивов коренных народов в нейросетях Midjourney и DALL-E вызвала ожесточенные дискуссии о правомерности автоматизированного использования сакральных

символов без согласия их носителей. Музыкальные NFT-проекты, объединяющие исторические мелодии с современными электронными жанрами, инициировали дебаты о границах творческого уважения и коммерциализации культурного наследия. TikTok-челленджи с этническими костюмами и песнями продемонстрировали, как массовое повторение культурных паттернов в развлекательном контексте может восприниматься сообществами как неуважение и тривиализация их традиций [3].

Аналитика социальных платформ за 2025–2026 гг. фиксирует устойчивый рост обсуждений культурной апроприации, причем пики активности приходятся на крупные культурные события — международные фестивали и мета-коллаборации. Согласно данным Pew Research и Digital Culture Forum, в общественном дискурсе сложились различные позиции: сторонники культурной чистоты видят угрозу локальным ценностям, критики рассматривают заимствования как инновационный обмен, а представители платформ и посреднических структур стремятся внедрить новые стандарты регулирования. Разногласия сохраняются, однако очевидно растущее влияние цифровых платформ в формировании допустимых практик культурного обмена [4].

Конфликты интерпретаций культурной апроприации приобретают выраженную региональную специфику. В странах Азии и Африки наблюдается усиление контроля над контентом, активисты требуют внедрения AI-фильтров для защиты культурных границ. В Европе директивы Европейского союза регулируют онлайн-контент, делая акцент на балансе между свободой слова и уважением к культурному разнообразию. В США фиксируется рост судебных дел, связанных с неправомерным использованием культурных символов в метавселенных и NFT-проектах. Локальные и глобальные вызовы требуют согласования подходов и усиления международного сотрудничества в регулировании цифрового культурного обмена [5].

Ответом на эти вызовы становится внедрение этических стандартов и платформенных инициатив. Крупные цифровые платформы — TikTok, Instagram, Roblox, VRChat — вводят обязательные гайдлайны для предотвращения неэтичного присвоения культурных элементов. Компания Meta использует алгоритмы искусственного интеллекта для анализа и блокировки спорного контента. Параллельно растет популярность саморегуляции через развитие сообществ и экспертных советов, где независимые специалисты оценивают жалобы пользователей и формируют рекомендации по этичному цифровому взаимодействию [6].

Таким образом, феномен культурной апроприации в цифровых медиа представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий глубинную трансформацию идентичности в условиях глобальной цифровизации. Конфликты интерпретаций, возникающие вокруг использования этнических символов в метавселенных, AI-

генерируемом контенте и NFT-проектах, свидетельствуют о необходимости выработки сбалансированного подхода, который учитывал бы как право на творческое самовыражение, так и уважение к культурному наследию различных сообществ. Перспективы развития данной сферы связаны с усилением нормативных мер и международного диалога, направленного на формирование этических стандартов цифровых коммуникаций, способных обеспечить гармоничное сосуществование культур в глобальном информационном пространстве.

Список литературы

1. Бакулин В.Н. Цифровая культура и идентичность: вызовы XXI века. — М., 2024.
2. Петрова Е.А. Этические аспекты культурной апроприации в интернет-пространстве // Журнал исследований цифровых медиа, 2025, №3.
3. Иванов С.Ю. Метавселенные и культурная политика: международный опыт и перспективы. — СПб., 2026.

М.А. ЛОСКУТОВА

Бузулукский финансово-экономический колледж,
студентка II курса направления подготовки
«Финансы»

Научный руководитель

Д. Д. ЩЕРБАТОВА

Бузулукский финансово-экономический колледж,
Преподаватель

M.A. LOSKUTOVA

Buzuluk Financial and Economic College,
Second-year student in the field of study
«Finance»

Academic Supervisor

D. D. SHCHERBATOVA

Buzuluk Financial and Economic College,
Teacher

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОД УГРОЗОЙ: ПОЧЕМУ
«ЦИФРА» НЕ ЗАМЕНИТ ЖИВОГО ПЕДАГОГА?**

**SOCIALIZATION UNDER THREAT: WHY THE
«DIGITAL» WON'T REPLACE A LIVE TEACHER?**

Аннотация

В статье анализируется влияние цифровизации и роботизации на образование, а также возможности и ограничения искусственного интеллекта в педагогике. Подчёркивается, что, несмотря на технологический прогресс, профессия учителя остаётся незаменимой благодаря живому общению и личностному взаимодействию. Особое внимание уделено проблеме социальной изоляции подростков и роли школы в формировании коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта. Рассматривается значение понятия «образование» для развития личности. Делается вывод, что технологии могут быть только помощниками учителя, но не способны заменить его миссию по воспитанию и социализации подрастающего поколения.

Annotation

The article analyzes the impact of digitalization and robotization on education, as well as the possibilities and limitations of artificial intelligence in pedagogy. It emphasizes that, despite technological progress, the teaching profession remains irreplaceable due to live communication and personal interaction. Special attention is given to the problem of social isolation among teenagers and the role of the school in developing communication skills and emotional intelligence. The significance of the concept of 'education' for personality development is examined. It is concluded that technologies can only be assistants to the teacher, but are not capable of replacing their mission in educating and socializing the younger generation.

Ключевые слова: роботизация, педагог, образование, социум, подростки, обучение.

Key words: robotization, teacher, education, society, teenagers, learning.

В настоящее время происходит активная замена реальных работников совершенно разных сфер деятельности на роботов. Так называемая роботизация идёт уже не первый год, и многие люди теряют работу. Преподавателей это, вряд ли, коснётся, потому что искусственный интеллект пока ещё не способен заменить живое общение.

В наше время дети всё чаще замыкаются в себе, отстраняясь от общества и не желая общаться со сверстниками. Школы и колледжи — это одно из немногих мест, где ещё сохраняется живое взаимодействие и формируется социум, позволяющий не исчезнуть их социальным навыкам. Внедрение искусственного интеллекта в роли преподавателя только усугубит и так плачевное состояние, в котором находятся нынешние подростки. [2,3] Живое общение с педагогом, его поддержка, умение чувствовать настроение класса и каждого студента — незаменимые факторы для развития эмоционального интеллекта и умения

строить отношения. Технологии не способны заменить человеческое участие, а их чрезмерное использование рискует окончательно изолировать подростков от реального мира.

Хочется так же внести ясность в само понимание образования. Образование – это формирование личности. Понятие "образование" – education, происходит от латинского слова educare, что означает вести, слово educere – имеет смысл слова – "кормить или выкармливать". В исходной своей парадигме образование означает – "построение", "создание", создание образа человека. То есть оно подразумевает развитие коммуникационных навыков у детей и подростков, что с внедрением технологий будет затруднять этот процесс.

Технологии никогда не смогут быть педагогом в будущем, но они могут быть грамотными помощниками. Они способны решать задачи, которые недоступны преподавателю из-за ограниченности времени или ресурсов, и тем самым приносить ощутимую пользу в образовательном процессе. Ключевым моментом становится готовность педагогов к конструктивному и активному взаимодействию с цифровыми инструментами, что открывает новые возможности как для самих учителей, так и для их учеников. Для того чтобы эти преимущества стали реальностью, преподавателям важно постоянно развивать свои компетенции в области образовательных технологий и учиться критически подходить к выбору цифровых решений, отдавая предпочтение тем, которые действительно способствуют эффективному обучению. [1]

При этом важно помнить, что потенциал технологий не безграничен — они быстро меняются и устаревают. На фоне этих перемен главной и постоянной фигурой в классе остаётся учитель. Именно он ежедневно, в том числе и завтра утром, будет в первую очередь заботиться о потребностях учеников, подбирая для каждого оптимальные решения и помогая добиться большего, чем можно было бы ожидать.

Подводя итоги, искусственный интеллект не способен заменить преподавателя, поскольку основа образования заключается в живом взаимодействии между преподавателем и студентом. [2,3]

Список литературы

1. Шемонаева И. И. Современное состояние и тенденции методической подготовки учителей к применению искусственного интеллекта в образовании // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. — 2026. — № 02 (115).
2. Кисова В.В. Влияние цифровой социализации на становление личности подростков с нарушениями развития // КиберЛенинка (электронный ресурс). 2023.

3. Ткаченко Е.Н. Искусственный интеллект, возможности и ограничения его использования в образовании // Путеводитель предпринимателя. 2023. Т. 16. № 3. С. 57–62.

Н.Н. МАЙЕР

Уральский медицинский институт,
студент I курса специальности «Лечебное дело»

N.N. MAIER

Ural Medical Institute,
1st-year student of speciality «General Medicine»

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SPECIFIC ASPECTS OF CORRUPTION PREVENTION IN RUSSIA'S HEALTHCARE SYSTEM

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу проблем и особенностей профилактики коррупционных проявлений в сфере здравоохранения Российской Федерации. В работе рассматриваются основные факторы, способствующие возникновению коррупции, анализируются современные подходы к ее предупреждению и выявлению. Особое внимание уделяется специфике российского законодательства и практики его применения. На основе проведенного исследования формулируются рекомендации по повышению эффективности антикоррупционных мер, а также обозначаются перспективные направления для дальнейших научных изысканий.

Annotation

This article is devoted to the analysis of the problems and peculiarities of preventing corrupt practices in the healthcare sector of the Russian Federation. The paper examines the main factors contributing to the emergence of corruption and analyzes modern approaches to its prevention and detection. Particular attention is paid to the specifics of Russian legislation and the practice of its application. Based on the conducted research, recommendations are formulated to enhance the effectiveness of anti-corruption measures, and promising directions for further scientific research are outlined.

Ключевые слова: коррупция, здравоохранение, профилактика коррупции, антикоррупционная политика, Российская Федерация.

Key words: corruption, healthcare, corruption prevention, anti-corruption policy, Russian Federation.

Коррупция представляет собой деструктивное явление, подрывающее основы государственности, экономики и социальной сферы общества. В сфере здравоохранения ее проявления не только наносят колоссальный экономический ущерб, но и напрямую влияют на качество и доступность медицинских услуг, подрывают доверие граждан к системе здравоохранения и, в конечном итоге, угрожают жизни и здоровью населения. ВОЗ неоднократно подчеркивала, что коррупция является серьезным препятствием на пути достижения целей устойчивого развития, особенно в части обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения. В данной связи в плане профилактики коррупции важно учитывать зарубежный и международный опыт [4, с. 305].

В РФ борьба с коррупцией объявлена одним из приоритетных направлений государственной политики. Приняты законы и акты, направленные на предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, сфера здравоохранения остаётся одной из наиболее подверженных коррупционным рискам. Это обусловлено множеством факторов, включая высокий уровень государственного регулирования, значительный объем финансовых потоков, наличие монопольного положения отдельных медицинских учреждений и фармацевтических компаний, а также специфику взаимоотношений «врач–пациент», основанных на доверии и асимметрии информации [2, с. 48].

Целью статьи является комплексный анализ особенностей профилактики коррупции в системе здравоохранения. Необходимо решать задачи оценки эффективности уже существующих механизмов профилактики коррупции, но и разрабатывать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию антикоррупционной политики в отрасли. Актуальность определяется остротой проблемы и необходимостью разработки адресных и эффективных мер профилактики, с учетом отраслевой специфики. Результаты могут быть использованы для корректировки государственной антикоррупционной стратегии и повышения прозрачности системы здравоохранения.

Исследования коррупции в здравоохранении имеют междисциплинарный характер и активно проводятся как на международном, так и на национальном уровнях. За последние пять лет значительно возросло количество работ, посвященных анализу системных факторов и разработке превентивных мер. Исследователи сходятся во мнении, что данное явление носит системный характер и требует комплексного анализа. В российском научном дискурсе уделяется значительное внимание этой проблеме. Как справедливо указывает И.М.

Мацкевич, коррупция в здравоохранении имеет глубокие исторические корни и проявляется в различных формах, от «теневых» платежей до масштабных хищений бюджетных средств. Подчеркивается, что низкий уровень оплаты труда медработников, в сочетании с высокой социальной значимостью деятельности, создает благоприятную почву для коррупции [7, с. 115]. В работах А.А. Протасовского и Е.Ю. Мельник, акцентируется внимание на проблемах гос закупок в сфере здравоохранения, указывая на распространенность манипуляций тендерными процедурами, завышение цен на лекарства и оборудование, а также использование аффилированных структур. Исследователи приходят к выводу, что отсутствие должного контроля и прозрачности в закупочной деятельности является одним из ключевых коррупционных рисков. [8, с. 80].

Ю.А. Воронин и В.В. Казимилова изучают особенности коррупции в системе ОМС, отмечая возможности для злоупотреблений при формировании тарифов, оплате несуществующих услуг и манипуляциях с отчетностью. Они предлагают усиление ведомственного и общественного контроля. Особое место в литературе занимают исследования, посвященные внедрению антикоррупционных программ. Например, С.Д. Хамзин указывает на необходимость комплексного подхода, включающего как карательные меры, так и превентивные стратегии, такие как улучшение корпоративного управления, информирование населения, этическое просвещение сотрудников и создание эффективных каналов для сообщения о случаях коррупции [11, с. 217].

Несмотря на достаточно обширную исследовательскую базу, существует потребность в более глубоком анализе эффективности конкретных антикоррупционных механизмов в контексте российского здравоохранения, а также в разработке предложений, учитывающих региональную специфику и динамику развития самой медицинской отрасли.

В результате проведенного анализа, были выявлены ряд ключевых особенностей и проблем в области профилактики коррупции в российском здравоохранении. Коррупционные проявления в системе здравоохранения РФ характеризуются многообразием форм, обусловленных спецификой отрасли. К наиболее ярким и распространённым примерам коррупции в здравоохранении можно отнести «теневые» платежи и неофициальные вознаграждения (благодарности) за ускорение получения услуг, выбор врача, повышение качества лечения или получение преимуществ при госпитализации. Например, пациент, желающий получить операцию в конкретной больнице у определённого хирурга вне очереди, «благодарит» посредника или самого врача, что приводит к нарушению принципа равного доступа к медпомощи.

Также используются, злоупотребления при государственных закупках лекарственных средств, медицинского оборудования и расходных материалов. Это включает завышение

цен, участие аффилированных компаний в тендерах, искусственное создание условий для победы «своих» поставщиков, отклонение от технических заданий с целью использования более дешевых аналогов при сохранении высокой стоимости. Закупки дорогостоящего медоборудования происходят без должной конкуренции. В документации прописываются уникальные характеристики, которым соответствует поставщик, связанный с должностными лицами лечебного учреждения [6, с. 322].

Коррупция в здравоохранении часто служит инструментом для легализации мигрантов. Среди наиболее распространенных схем, вызывающих беспокойство, это незаконное получение полисов ОМС, «липовые» приглашения на лечение – оформление подложных приглашений для иностранцев якобы для прохождения лечения, «левые» справки для миграционного учета, оформление фиктивных медицинских осмотров. Коррупционные схемы с участием мигрантов наносят не только прямой финансовый ущерб системе ОМС и бюджетам регионов, но и создают прямую угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию РФ. Ввиду этого управление миграционной политикой должно строиться в том числе с учетом коррупционных рисков, особенно учитывая общественное внимание к проблеме [3, с. 85–86].

Незаконное получение льгот и преференций при получении медицинского образования, сертификации, аккредитации. Правовая культура и осознание неотвратимости наказания у медицинских работников остается на низком уровне [1, с. 6]. Основные механизмы, предусмотренные законодательством, включают в себя комплекс мер по предотвращению конфликта интересов. Существуют ограничения и запреты для лиц, замещающих государственные и муниципальные должности. Однако, на практике, применение этих норм сталкивается с рядом трудностей. Остается сложным, выявление конфликта интересов в условиях тесных связей внутри медицинского сообщества и с фармацевтическими компаниями. Например, главврач может быть учредителем компании-поставщика медицинского оборудования, но официально это не будет фиксироваться. Выявляется недостаточно эффективная система проверки деклараций, что позволяет скрывать незаконные доходы. Отсутствуют четкие механизмы защиты лиц, сообщающих о коррупции, что снижает их мотивацию. В данной связи представляется уместным учитывать позитивный региональный опыт построения санаторно-курортной службы в советское время [5, с. 80–82].

Антикоррупционная экспертиза позволяет выявлять коррупциогенные факторы в проектах НПА, но не всегда охватывает весь спектр регулирования, особенно на региональном уровне. Несмотря на наличие законодательной базы, его действенность ограничена из-за слабой активности гражданского общества и отсутствия достаточных

рычагов влияния. Необходимо учесть, что коррупции подвержена и судебная система, призванная с ней бороться, а значит профилактика должна производиться комплексно [6, с. 320–321].

Выявленные проблемы свидетельствуют о том, что существующие меры профилактики коррупции в здравоохранении РФ, несмотря на свою комплексность, не всегда достигают желаемого результата. Это обусловлено не только несовершенством отдельных правовых норм, но и сложным комплексом социально-экономических, организационных и ментальных факторов. Одной из ключевых проблем является отсутствие системной оценки коррупционных рисков в каждом медицинском учреждении. Федеральные стандарты существуют, но их адаптация и внедрение на местах часто носят формальный характер. Например, разработка карты коррупционных рисков для конкретного стационара или поликлиники, учитывающей специфику их деятельности (например, наличие высокотехнологичного оборудования, привлечение платных услуг, сотрудничество с ОМС, могла бы повысить адресность превентивных мер.

Проблема конфликта интересов требует более глубокой проработки. Необходимо не только декларирование, но и создание на уровне медицинских организаций эффективных комиссий по урегулированию с привлечением независимых экспертов и представителей общественности. Опыт ряда зарубежных стран показывает, что активная работа таких комиссий способствует не только выявлению, но и предотвращению потенциальных злоупотреблений.

Внедрение электронных систем закупок в здравоохранении, электронных медицинских карт с контролем оказанных услуг, открытых реестров получателей медицинской помощи и финансовых отчетов могло бы существенно сократить возможности для коррупции. Международный опыт (ВОЗ) в сфере профилактики коррупции представляет собой комплексный подход, сочетающий разработку международных стандартов, практические инструменты для стран-участниц и межведомственное сотрудничество. Этот опыт особенно ценен тем, что переводит проблему из плоскости уголовного преследования в область системного предотвращения [4, с. 305].

Опыт антикоррупционной деятельности различных стран убедительно показывает, что искоренить полностью коррупцию невозможно. Вопрос можно ставить лишь о том, чтобы снизить масштабы коррупции до социально терпимого уровня. Среди наиболее часто используемых способов борьбы с коррупцией можно отметить совершенствование системы оплаты труда медицинских работников, повышение их социального статуса и престижа профессии; информирование пациентов об их правах и обязанностях и многоуровневый механизм защиты их прав; совершенствование контроля над эффективностью использования

бюджетных средств, выделяемых на здравоохранение; открытость деятельности медицинских учреждений; организационный контроль за медицинской деятельностью; выявление и обобщение проявлений коррупции в здравоохранении; искоренение правовых пробелов, дублирования и двусмысленности права; внедрение системы обязательного учета экспертного мнения врачебного сообщества при разработке и принятии законодательных актов в сфере здравоохранения. Наиболее важным, является переход к саморегулированию в медицинском профессиональном сообществе. Само врачебное сообщество в наибольшей степени способно выработать жесткие и эффективные механизмы отторжения коррупционеров, преодоления коррупционных практик, снижения коррупционных рисков в своих рядах.

Итак, профилактика коррупции в здравоохранении требует комплексного подхода, сочетающего ужесточение контроля, повышение прозрачности, обучение и изменение общественного сознания. Несмотря на принятые меры, проблема остаётся актуальной из-за многогранности факторов, способствующих коррупции. Ключевыми направлениями на ближайшие годы должны стать цифровизация процессов, усиление этического компонента в профессиональной среде и работа с общественным восприятием коррупции в медицине.

Список литературы

1. Асков, Н. Н. Problems of qualification in receiving a bribe on the example of medical workers / Н. Н. Асков, Н. С. Измалков. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2024. – Т. 20, № 3. — С. 5–9. – DOI: 10.18822/byusu20240305-09.
2. Воронин, Ю. А. Особенности коррупции в системе обязательного медицинского страхования / Ю. А. Воронин, В. В. Казиминова. – Текст : непосредственный // Медицинское право. – 2020. – № 3. – С. 45–51.
3. Елпанова, И. А. О системе управления миграцией в Российской Федерации / И. А. Елпанова, С. И. Панькин // Научное пространство современной молодёжи: приоритетные задачи и инновационные решения : III РеФОРУМ «Управлять мечтой!» : сборник статей участников II Всероссийской молодежной научно-практической конференции, – Челябинск: ЧелГУ, 2021. – С. 84–86. – EDN HLLFQB.
4. Карасев, Д. В. Международный опыт противодействия коррупции в свете поправок в Конституцию Российской Федерации / Д. В. Карасев, С. И. Панькин // Современные тенденции управления, экономики и финансов в эпоху цифровизации: сборник статей по материалам XVIII Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов с международным участием, / Уральский филиал

Финуниверситета при Правительстве РФ. – Челябинск : Перо, 2022. – С. 304–307. – EDN YDXUEG.

5. Лазарев, А.И. В.И. Сорокун – врач, организатор здравоохранения: вклад в науку и развитие санаторно-курортной службы Челябинской области / А.И. Лазарев, С.И. Панькин // Экономика данных: новые вызовы и горизонты: сборник материалов XIX национальной научно-практической конференции с международным участием, Челябинск, 24 июня 2025 года. – Челябинск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2025. – С. 77–83. – EDN LNWYRT.

6. Макеева, И. Ю. Проблемы и особенности профилактики коррупции в судебной системе Российской Федерации / И. Ю. Макеева, С. И. Панькин // Социально-экономическое развитие региона: инновационные инструменты и цифровые технологии : сборник материалов XXVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 105-летию Финансового университета, Челябинск, 25 июня 2024 года. – Челябинск : Перо, 2024. – С. 320–326. – EDN ANSWUG.

7. Мацкевич, И. М. Коррупция в российском здравоохранении: исторические и современные аспекты / И. М. Мацкевич. — Текст : непосредственный // Криминологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 112–120.

8. Мельник, Е. Ю. Проблемы государственных закупок в сфере здравоохранения / Е. Ю. Мельник. — Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2022. – № 4. – С. 78–86.

9. Протасовский, А. А. Коррупционные риски при осуществлении закупок медицинского оборудования / А. А. Протасовский. – Текст : непосредственный // Государственные закупки: теория и практика. – 2021. — № 5. – С. 34–42.

10. Пузырева, К. Ю. К вопросу о необходимости изучения преступности в сфере обязательного медицинского страхования / К. Ю. Пузырева. // История государства и права. – 2022. – Т. 6, № 1. — С. 65–75.

11. Хамзин, С. Д. Комплексный подход к разработке антикоррупционных программ в медицинских организациях / С. Д. Хамзин. —// Здравоохранение Российской Федерации. – 2022. – Т. 66, № 3. – С. 215–222.

С.Г. МАКАРОВА, О.А. ПРОСКУРИНА, А.В. ШУЛЕПОВА

Уральский медицинский институт
студенты I курса специальности «Стоматология»

S.G. MAKAROVA, O.A. PROSKURINA, A.V. SHULEPOVA

Ural Medical Institute

ВЛИЯНИЕ ГОЛОДА И МИГРАЦИЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ ОБСТАНОВКУ НА УРАЛЕ В 1921–1922 ГГ.

THE IMPACT OF FAMINE AND MIGRATION ON THE SOCIAL SITUATION IN THE URALS IN 1921–1922

Аннотация

Данное исследование анализирует, как голод 1921–1922 гг. и вызванные им перемещения людей повлияли на социальную и санитарную ситуацию на Урале. В статье исследуются корни этого кризиса, такие как последствия Гражданской войны, экономический упадок и неблагоприятная погода. Также рассматриваются последствия массовой миграции, ухудшение гигиены и рост заболеваемости. Особое внимание уделяется доступности медицинской помощи и государственным мерам по поддержке населения. Кроме того, работа освещает медико-демографические последствия голода и его долгосрочное влияние на развитие здравоохранения.

Abstract

This study analyzes how the famine of 1921–1922 and the resulting displacement of people affected the social and health situation in the Urals. The article explores the roots of this crisis, including the aftermath of the Civil War, economic decline, and adverse weather conditions. It also examines the consequences of mass migration, deteriorating hygiene, and rising morbidity. Particular attention is paid to access to healthcare and government measures to support the population. Furthermore, the paper highlights the medical and demographic consequences of the famine and its long-term impact on healthcare development.

Ключевые слова: голод, Урал, миграция населения, санитарно-эпидемиологическая обстановка, инфекционные заболевания, медицинская помощь населению.

Key words: famine, Urals, population migration, sanitary and epidemiological situation, infectious diseases, medical care to the population.

Голод 1921–1922 гг. был вызван сочетанием природных и социально-политических факторов. К основным причинам относятся последствия мировой и Гражданской войн, хозяйственная разруха, политика продразвёрстки, а также неблагоприятные природно-климатические условия [1, с. 45].

В 1920 году была образована Киргизская (казахская) АССР в составе РСФСР со столицей в Оренбурге. В условиях экономического кризиса советская власть ввела чрезвычайные заготовки продовольствия. С августа 1920 по июнь 1921 года крестьяне должны были сдать 110 миллионов пудов муки, причём значительная часть этих поставок приходилась на территории Северного и Западного Казахстана [2, с. 112]. При этом меры проводились без учёта того, что 1920 год оказался неурожайным, а запасы продовольствия были сильно истощены в годы Гражданской войны [5, с. 78]. Уже к 1921 г. в ряде регионов сложилась острая продовольственная ситуация. Летом ВЦИК включил Уральскую, Оренбургскую, Актюбинскую и другие губернии в список голодающих [7, с. 23]. К ноябрю того же года число людей, испытывавших нехватку продовольствия, достигло около 1,5 млн человек, а к марту 1922 г. превысило 2,3 млн. [6, с. 15]. Уральская область понесла значительные потери: голод унес десятки тыс. жизней, многие покинули свои дома в поисках пищи.

Ситуацию значительно усугубила сильная засуха 1921 г., охватившая большую часть сельскохозяйственных районов. От неё пострадала примерно треть посевных площадей пшеницы. Неблагоприятные природные условия совпали с разрушением сельского хозяйства, нехваткой семенного материала, техники и рабочей силы. В результате урожайность резко снизилась, что привело к массовому голоду [4, с. 89]. Экономический кризис был связан с последствиями Гражданской войны и общей хозяйственной разрухой. Промышленность сократилась до 10–20 % довоенного уровня, сельское хозяйство значительно ослабло, а транспорт работал с перебоями [3, с. 201].

Эти процессы сопровождались серьёзными демографическими потерями: миллионы людей погибли в результате боевых действий, голода и эпидемий, часть населения покинула страну. Политика «военного коммунизма» и продразвёрстка вызывали недовольство крестьянства и усиливали социально-экономическую нестабильность [5, с. 82]. Серьёзной проблемой для властей было массовое дезертирство, так в Кустанайском уезде за 1920 год задержали свыше пяти тысяч беглецов, в августе дезертиры поддержали восстание Зеленой армии, наступавшей на Кустанай [8, с. 193-195]. Борьбой с дезертирством занимались комиссии по борьбе с дезертирством, контролировавшие сортировку задержанных, санкции и профилактику [9, с. 194-199]. В рамках противодействия комиссии проводили агентурную разведку опасной территории под видом дезертиров, доклады агентов свидетельствуют о симпатиях населения к дезертирам, недовольство властью и продразверсткой [10, с. 58-60]. В Миасском уезде своя зеленая армия в сентябре-октябре 1920 года проводила рейды, вела бои и мобилизации населения, срывая продразверстку и уничтожая запасы продовольствия [11, с. 11-22]. В Троицком уезде в тот же период Бело-Зеленая армия Г. Макарова, совместно с

башкирскими повстанцами вела активные боевые действия с войсками нескольких бойучастков Троицкого уезда, а после подавления население нескольких станиц подвергли массовым репрессиям за помощь повстанцам [12, с. 50-55]. В некоторых районах повстанцы создавали свои властные структуры, но внятной программы спасения от надвигающегося голода предложить не успели из-за быстрой ликвидации [13, с. 116-117]. Однако подавление движения в регионе не всегда шло по силовому варианту, в ряде случаев удалось достигнуть компромисса в ходе переговоров, итогом чего была амнистия, когда удавалось избежать напрасных жертв [14, с. 53-55]. Указанные процессы ускорили приближение голода и усилили эпидемии.

Одним из заметных последствий голода стали массовые миграции населения. Люди покидали свои дома в поисках пищи и работы. Одни перемещались внутри собственных регионов, другие направлялись в Сибирь, Казахстан или на Северный Кавказ, где сохранялись продовольственные ресурсы [1, с. 48]. Многие крестьяне стремились попасть в города, надеясь получить помощь или найти работу, однако городское население также испытывало нехватку продовольствия. Массовые перемещения приводили к скученности людей в городах и на ж/д станциях. Жилищный фонд не был рассчитан на большое количество переселенцев, поэтому люди часто жили в переполненных помещениях и временных убежищах. Антисанитарные условия и нехватка средств гигиены способствовали распространению инфекционных заболеваний. Особенно опасными становились ж/д станции и вагоны, где скапливались голодающие [6, с. 18].

К осени 1921 г. в ряде уездов Челябинской и Екатеринбургской губерний фиксировались массовые случаи истощения и вспышки инфекционных болезней. По данным Наркомата здравоохранения РСФСР, к концу 1921 г. серьёзную угрозу представляли эпидемии сыпного и возвратного тифа.

Система здравоохранения, созданная после образования Народного комиссариата здравоохранения в 1918-1922 гг. только формировалась. На Урале остро ощущалась нехватка медицинских кадров: часть врачей эмигрировала, другие погибли или были мобилизованы в годы войны [6, с. 20]. В сельских районах на десятки тысяч жителей нередко приходился всего один врач, поэтому значительную часть медицинской помощи оказывали фельдшеры и акушерки. Серьёзной проблемой был дефицит лекарств. Разрушение хозяйственных связей и сокращение фармацевтического производства привели к нехватке антисептиков, вакцин, хинина и перевязочных материалов. Транспортные трудности осложняли доставку медикаментов в отдалённые районы, а истощение населения снижало эффективность лечения [6, с. 22].

В 1921–1922 гг. городские больницы Урала работали с сильной перегрузкой. Коечный фонд, сокращённый в годы войны, не соответствовал масштабам эпидемий, поэтому часть больных размещали в коридорах и приспособленных помещениях. В сельской местности создавались временные лечебные пункты и санитарные отряды, однако нехватка топлива, оборудования и постельных принадлежностей ухудшала условия лечения [6, с. 24]. Одновременно усиливалась профилактическая работа. Проводились дезинфекционные мероприятия, вакцинация и санитарное просвещение населения. Этот опыт сыграл важную роль в развитии санитарной службы.

Летом и осенью 1921 года советское руководство приняло ряд решений о помощи голодающим регионам. Создавались продовольственные комиссии, формировались специальные фонды помощи и устанавливались нормы распределения хлеба. Санитарные меры включали карантин, регистрацию больных тифом и контроль за источниками воды.

Особое внимание уделялось детям, среди которых резко возросла смертность. Для их поддержки создавались детские дома, приюты и пункты питания при школах и предприятиях. В некоторых случаях проводилась эвакуация детей в более благополучные регионы страны. Медицинские осмотры и вакцинация позволили постепенно снизить смертность во второй половине 1922 года [6, с. 26].

Голод 1921–1922 гг. привёл к значительному росту смертности и снижению рождаемости. В пострадавших районах уровень смертности значительно превышал довоенные показатели, особенно среди детей [7, с. 30]. У людей, переживших голод, нередко наблюдались долгосрочные последствия: туберкулёз, анемия и задержка физического развития.

Таким образом, голод на Урале стал тяжёлым испытанием для населения региона. Он был вызван совокупностью военных, экономических и природных факторов и привёл к масштабным человеческим потерям. Одновременно кризис показал слабость системы здравоохранения и необходимость её дальнейшего развития, что в последующие годы способствовало укреплению санитарной службы и расширению медицинской помощи населению.

Список литературы

1. Алексеенко, А.Н. Сельское население Казахстана в 1920-е годы / А.Н. Алексеенко // Вестник демографии. – 1994.
2. Кондрашин, В.А. Голод 1921–1922 гг. в Советской России / В.А. Кондрашин. – Пенза, 2002.

3. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) / Б.Н. Миронов. – СПб., 1999.
4. Омарбеков, Т. История Казахстана: трагедия великого голода / Т. Омарбеков. – Алматы: Атамұра, 1997.
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 / сост. и ред. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонды Наркомздрава РСФСР. Отчёты за 1921–1922 гг.
7. Статистические сборники Центрального статистического управления РСФСР за 1922–1923 гг.
8. Панькин, С. И. Восстание в Кустанайском уезде Челябинской губернии в 1920 году (по материалам ОГАЧО) / С. И. Панькин // Архив в социуме - социум в архиве : Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 года / Составитель и научный редактор Н.А. Антипин. – Челябинск: ГУ ОГАЧО, 2018. – С. 192-199. – EDN UVESTI.
9. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.
10. Панькин, С. И. «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира...». Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2023. – № 10. – С. 56-61. – EDN VEUEPC.
11. Панькин, С. И. Зеленая армия Миасского уезда в 1920 году / С. И. Панькин // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. – 2021. – № 1 (5). – С. 7-28. – EDN KYLVQV.
12. Панькин, С. И. «Насильно в банду никого не тащили, а были исключительно добровольцы». Восстание в станице Наследницкой Троицкого уезда Челябинской губернии 1920 года / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2025. – № 4. – С. 48-57. EDN VXBSRQ.
13. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг. / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6 (38). – С. 116-117. – EDN OFAHQI.

14. Панькин, С. И. Опыт мирного разрешения вооруженных конфликтов власти и оппозиции на Южном Урале в 1920-1922 годах / С. И. Панькин // Вопросы управления. 2014. – № 1(26). – С. 53-56. – EDN SKHMHU.

М.Д. МАКОВЕЦКАЯ, А.А. КУТВИНА
Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
студенты 1-го курса направления подготовки
«Реклама и связи с общественностью»

M.D. MAKOVETSKAYA, A.A. KUTVINA
Ural branch of the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
1st year students of the training program
«Advertising and Public Relations»

Научный руководитель
О.В. ПЕРЕВОЗОВА
Уральский филиал Финансового университета
канд. пед. наук, доцент

Scientific supervisor
O.V. PEREVOZOVA
Ural branch of the Financial University
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КРОСС-МЕДИЙНЫХ И ТРАНСМЕДИЙНЫХ
СТРАТЕГИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА
КОНТЕНТА «31 КАНАЛА» И ГАЗЕТЫ «КОПЕЙСКИЙ РАБОЧИЙ»)**

**THE SPECIFICS OF CROSS-MEDIA AND TRANSMEDIA STRATEGIES
IMPLEMENTATION IN REGIONAL MEDIA (BASED ON THE ANALYSIS OF THE
CONTENT OF «31 CHANNEL» AND THE NEWSPAPER «KOPEYSKY RABOCHY»)**

Аннотация

Статья посвящена анализу реализации кросс-медийных и трансмедийных стратегий в региональных СМИ. Мы рассмотрели практики двух изданий Челябинской области — телеканала «31 канал» и сетевого издания «Копейский рабочий». И выявили доминирование кросс-медийного подхода (дублирование контента на разных платформах) при наличии отдельных элементов трансмедийности, реализуемых преимущественно по инициативе журналистов. На основе проведенного анализа предложили рекомендации по системному внедрению трансмедийных стратегий и составили таблицу практических рекомендаций для локальных СМИ по работе с медиаплатформами.

Annotation

This article analyzes the implementation of cross-media and transmedia strategies in regional media outlets. The practices of two Chelyabinsk region publications—the television channel "Channel 31" and the online publication "Kopeyskiy Raby"—are examined. A predominantly cross-media approach (duplicating content across different platforms) is identified, along with some transmedia elements, implemented primarily at the initiative of journalists. Based on this analysis, recommendations are proposed for the systematic implementation of transmedia strategies and a table of practical recommendations for local media outlets on working with media platforms is compiled.

Ключевые слова: кросс-медийность, трансмедийность, региональные СМИ, медиаплатформы, контент-стратегия, цифровая среда.

Keywords: cross-media, transmedia storytelling, regional media, media platforms, content strategy, digital environment.

Современное медиапотребление характеризуется фрагментарностью: аудитория распределена по множеству цифровых платформ. В этих условиях перед СМИ, особенно региональными, стоит задача не просто распространять информацию, а делать это эффективно. Актуальность исследования обусловлена трансформацией медиапотребления, усилением конкуренции за внимание аудитории, необходимостью адаптации контента под разные платформы, а также поиском новых моделей работы региональных редакций.

В современной теории массовых коммуникаций разводятся понятия кросс-медийности (распространение одного и того же или незначительно адаптированного контента на разных платформах для максимизации охвата) и трансмедийности (систематическое распределение элементов истории по нескольким каналам с целью создания единого и скоординированного опыта). Как отмечают исследователи (Г. Дженкинс, А. А. Мирошниченко), большинство региональных редакций, осваивая цифровые каналы, остаются на уровне кросс-медийного дублирования. Переход к полноценной трансмедийности требует не только технических, но и творческих, и управленческих усилий.

В рамках работы был проведён анализ цифровых ресурсов двух региональных СМИ Челябинской области: телеканала «31 канал» и сетевого издания «Копейский рабочий». Методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы 10 новостных поводов и способы их подачи на разных платформах (сайт, Telegram, ВКонтакте, Одноклассники, Rutube).

Исследование выявило смешанную стратегию, в которой доминирует кросс-медийность, но прослеживаются и зачатки трансмедийного подхода. Признаки кросс-медийности проявляются в публикации одной и той же новости на всех доступных площадках с базовой адаптацией формата: в Telegram — кратко и оперативно, «ВКонтакте» — эмоциональный заголовок и анонс, на сайте — полная фактология. Это обеспечивает максимальный охват, но часто адаптация сводится к сокращению текста, что создаёт риск информационного шума и искажения смысла.

Элементы трансмедийности зафиксированы в отдельных кейсах. Например, в сюжете «Челябинск в цветах триколора» сайт выполнял роль ядра с детальной историей, а Rutube — роль визуального погружения. В новости об открытии ёлочных базаров во «ВКонтакте» был проведён опрос («Какую ёлку выберете вы?»), что превратило новость из монолога в диалог. В «Копейском рабочем» журналист связывал два разных события (кросс и армрестлинг) через общую героиню, используя навигационный элемент «читайте следующий репортаж».

Таким образом, исследованные СМИ демонстрируют уверенный уровень кросс-медийности, однако элементы трансмедийности носят ситуативный характер и возникают благодаря инициативе отдельных журналистов, а не являются частью целостной редакционной стратегии.

Таблица 1. Рекомендации для локальных СМИ по работе с медиаплатформами

Платформа	Основная функция	Рекомендуемый формат	Пример
Telegram	Скорость и оперативность	Короткие новости, сенсации, оперативные комментарии	Текст без визуального шума, ссылка на центр истории
ВКонтакте	Диалог и вовлечение	Опросы, обсуждения, эмоциональные анонсы, визуальные элементы	Интерактивные посты, истории, комментарии
Одноклассники	Лояльная возрастная аудитория	Посты с акцентом на взрослое поколение	Тематические сообщества, мемы локального характера
Rutube	Визуальное погружение, архив	Видеосюжеты, репортажи, эмоциональная составляющая событий	Полные версии интервью, атмосферные ролики
Сайт	Глубина, контекст, архив	Полная фактология, аналитика, хроника	Развернутые статьи, фоторепортажи, ссылки на соцсети

Из таблицы видно, что для преодоления выявленных противоречий рекомендуется внедрение структурированного планирования, при котором выпуск новости рассматривается как кампания с распределением ролей платформ; обучение персонала навыкам «трансмедийного мышления»; активное использование перекрёстных ссылок и навигации для перевода аудитории между платформами, что сделает их работу эффективнее.

Список литературы

1. Акопов, А. И. Взгляд на проблемы сетевой журналистики изнутри и снаружи Интернета [Текст] / А. И. Акопов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 240 с.
2. Акопов, А. И. Периодические издания [Текст] : учебно-метод. пособие для студентов / А. И. Акопов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. — 34 с.
3. Вартанова, Е. Л. Современная медиаструктура [Текст] / Е. Л. Вартанова. — М. : Изд-во Аспект Пресс, 2002. — 15 с.
4. Лукина, М. М. СМИ в пространстве Интернета [Текст] : учеб. пособие / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева. — М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. — 87 с.
5. Перевозова, О. В. Социальные сети как альтернативный ресурс популяризации науки и повышения имиджа науки [Текст] / О. В. Перевозова // Гуманитарные технологии в современном мире: IX Международная научно-практическая конференция. — Калининград : изд-во «РА. Полиграфич», 2021. — 836 с.
6. Перевозова, О. В. Социальные сети как новый вектор развития профессионального медиаобразования будущих журналистов [Текст] / О. В. Перевозова // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы IX Международной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону : ФГБОУ ВО РГУПС, 2021. — 419 с.

А.А. МАСЛЕННИКОВА, С.И. ПАНЬКИН

Уральский медицинский институт

A.A. MASLENNIKOVA, S.I. PANKIN

Ural Medical Institute

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ЛЕЧЕНИЯ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

**DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PREVENTION AND
TREATMENT OF CARDIOVASCULAR DISEASES IN THE
URALS IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY**

Аннотация

В статье рассматривается процесс становления и развития системы профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний на Урале в первой четверти XX века. На основе анализа исторического контекста, включая революционные преобразования и последствия Гражданской войны, выделены ключевые этапы формирования специализированной терапевтической помощи. Особое внимание уделено роли выдающихся врачей, в частности Б.П. Кушелевского, в внедрении передовых методов диагностики, таких как электрокардиография, а также создании научной и образовательной базы для подготовки медицинских кадров. Описана деятельность научно-медицинских обществ и открытие первых профильных кафедр, что заложило фундамент для выделения кардиологии в самостоятельную дисциплину в регионе.

Annotation

The article examines the formation and development of the system for the prevention and treatment of cardiovascular diseases in the Urals in the first quarter of the 20th century. Based on an analysis of the historical context, including the revolutionary transformations and the consequences of the Civil War, the key stages in the formation of specialized therapeutic care are identified. Particular attention is paid to the role of prominent physicians, especially B.P. Kushelevsky, in introducing advanced diagnostic methods, such as electrocardiography, as well as creating a scientific and educational base for training medical personnel. The activities of scientific medical societies and the opening of the first specialized departments, which laid the foundation for the emergence of cardiology as an independent discipline in the region, are described.

Ключевые слова: история медицины Урала, сердечно-сосудистые заболевания, организация здравоохранения, Б.П. Кушелевский, электрокардиография, терапевтическая школа, первая четверть XX века.

Key words: history of medicine in the Urals, cardiovascular diseases, healthcare organization, B.P. Kushelevsky, electrocardiography, therapeutic school, first quarter of the 20th century.

В период первой четверти XX века на Урале происходило постепенное формирование основ специализированной помощи сердечным больным, включавшее три ключевых этапа.

Развитие системы профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний на Урале в первой четверти XX века представляло собой сложный и многогранный процесс,

который закладывал фундамент для будущей специализированной кардиологической помощи в регионе. В этот период, на фоне революционных потрясений, Гражданской войны и разрухи, происходило организационное становление медицинской науки и практики, во многом определявшееся деятельностью выдающихся врачей, приехавших на Урал из крупных университетских центров страны. Ключевую роль в этом процессе сыграл Борис Павлович Кушелевский, выпускник Казанского университета 1914 года [1; 4]. Приехав в Свердловск в 1922 году, он возглавил терапевтическое отделение железнодорожной больницы, став одним из первых в регионе врачей, кто начал целенаправленно изучать и диагностировать патологии сердечно-сосудистой системы [1]. Уже в 1920-е годы, опираясь на лучшие традиции отечественной терапевтической школы, Б.П. Кушелевский не только вел клиническую практику, но и формировал научный подход к пониманию болезней сердца, что было настоящим прорывом для того времени.

Важнейшим событием, определившим вектор развития уральской кардиологии, стало внедрение в клиническую практику новых инструментальных методов диагностики. В 1930 году Б.П. Кушелевский впервые на Урале применил электрокардиографию, что позволило перейти от субъективных описаний симптомов к объективной регистрации электрической активности сердца [1]. Этот шаг имел колоссальное значение для точной диагностики таких состояний, как инфаркт миокарда и различные аритмии, которые ранее диагностировались преимущественно посмертно или на основании косвенных признаков. Параллельно с этим активизировалась работа научно-медицинской общественности: еще в 1890 году в Екатеринбурге было создано Уральское медицинское общество [2; 3], а в 1931 году из него выделилось Общество терапевтов, которое и возглавил Б.П. Кушелевский, объединив вокруг себя 60 врачей для обсуждения актуальных проблем внутренней медицины, включая патологию сердца [2].

Организационная структура помощи сердечным больным в первой половине 1920-х годов только начинала формироваться и была неразрывно связана с общей системой здравоохранения. Большую роль в подготовке кадров сыграло открытие в 1920 году медицинского факультета в составе Уральского университета, который впоследствии (в 1931 году) был преобразован в Свердловский медицинский институт [5]. Это создало базу для системного преподавания терапии и подготовки врачей, способных оказывать квалифицированную помощь. Профилактическое направление, декларируемое советским здравоохранением, на Урале реализовывалось через работу первых амбулаторий и диспансеров, а также через активную просветительскую деятельность врачей, которые, несмотря на тяжелейшие условия послевоенной разрухи и дефицит медикаментов, стремились внедрять принципы здорового образа жизни и раннего выявления заболеваний.

Несмотря на то, что первая четверть XX века завершилась до начала Великой Отечественной войны, именно в это время были заложены те кадровые и научные основы, которые позволили уральской кардиологии успешно развиваться в дальнейшем. Деятельность таких энтузиастов, как Б.П. Кушелевский, работавших на стыке практической медицины и науки, создала прочный фундамент для последующего развертывания специализированной кардиологической службы. Уже в 1934 году в Свердловском медицинском институте была организована кафедра факультетской терапии под его руководством, где системно начали изучаться ревматизм, врожденные пороки сердца и недостаточность кровообращения, что ознаменовало собой переход уральской кардиологии на качественно новый научно-организационный уровень [1].

Список литературы

1. Уральский государственный медицинский университет. История кафедры кардиологии [Электронный ресурс] // usma.ru — URL: <https://usma.ru/chairs/kardiologii-fpk-i-pp/istoriya/> (дата обращения: 23.02.2026)
2. Российское научное медицинское общество терапевтов. Свердловское региональное отделение [Электронный ресурс] // rnmot.org — URL: <https://rnmot.org/regiony/ufo/> (дата обращения: 23.02.2026)
3. СОУНБ им. В.Г. Белинского. Календарь событий: 115 лет со дня образования Уральского медицинского общества [Электронный ресурс] // book.uraic.ru — URL: <https://book.uraic.ru/events/2005/03/16> (дата обращения: 23.02.2026)
4. Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 50 лет со дня смерти Бориса Павловича Кушелевского [Электронный ресурс] // nrph.ru — URL: <https://www.nrph.ru/kalendar/eventdetail/3007/-/> (дата обращения: 23.02.2026)
5. Кутепов С.М., Климин В.Г., Ковтун О.П. и др. Вехи истории здравоохранения и высшего медицинского образования на Урале // Вестник уральской медицинской академической науки. — URL: <http://vestnikural.ru/article/vehi-istorii-zdravoohraneniya-i-vysshego-medicinskogo-obrazovaniya-na-urale-k-90-letiu-«ob-uchrejdennii-narodnogo-komissariata-zdravoohraneniya»> (дата обращения: 23.02.2026).

Я.Р. МЕЛЬНИКОВ

Уральский филиал Финансового университета,
студент 2-го курса направления подготовки
«Реклама и связь с общественностью»

К.П. АЛЕКСАНДРОВА

Уральский филиал Финансового университета,
студент 2-го курса направления подготовки

Y.R. MELNIKOV

Ural Financial University,
2nd year student of the field of study
«Advertising and public relations»

K.P. ALEXANDROVA

Ural Financial University,
2nd year student of the field of study
«Advertising and public relations»

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ И ПРИЁМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА МЕДИААУДИТОРИЮ

MAIN WAYS AND TECHNIQUES OF MEDIA INFLUENCE ON THE AUDIENCE

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые методы и приёмы, с помощью которых средства массовой информации воздействуют на аудиторию. Анализируются информационные, эмоциональные, психологические и манипулятивные техники, используемые в современной медиасреде. Особое внимание уделяется механизмам формирования общественного мнения и роли медиаграмотности в противодействии негативному влиянию.

Annotation

The article examines the key methods and techniques through which mass media influence the audience. The analysis covers informational, emotional, psychological, and manipulative techniques used in the modern media environment. Special attention is given to the mechanisms of shaping public opinion and the role of media literacy in countering negative influence.

Ключевые слова: СМИ, медиааудитория, воздействие, общественное мнение, медиаграмотность, манипуляция.

Keywords: mass media, media audience, influence, public opinion, media literacy, manipulation.

В современном информационном обществе средства массовой информации (СМИ) занимают центральное место в жизни каждого человека. Они не только информируют о происходящих событиях, но и формируют общественное мнение, влияют на ценности, установки и модели поведения людей. Медиааудитория ежедневно сталкивается с огромным

потоком информации, и именно СМИ определяют, какие темы становятся предметом обсуждения, а какие остаются в тени. В этих условиях изучение механизмов воздействия СМИ на аудиторию приобретает особую актуальность.

Воздействие СМИ носит комплексный характер и реализуется через систему различных методов и приёмов. Эти инструменты позволяют не только передавать факты, но и интерпретировать их, расставлять акценты, вызывать определённые эмоции и формировать устойчивые стереотипы. Однако важно помнить, что интенциональность языка в СМИ может быть использована как для информирования, так и для манипулирования аудиторией. [3] Понимание этих механизмов необходимо как для специалистов в области медиа и коммуникаций, так и для самой широкой аудитории, поскольку позволяет развивать критическое мышление и медиаграмотность. Цель данной статьи — рассмотреть основные способы и приёмы воздействия СМИ на медиааудиторию. Понимание этих механизмов является важным шагом к формированию осознанного и ответственного отношения к потребляемой информации в условиях глобального информационного пространства.

Актуальность

Признание важности социально-культурного контекста для изучения эффективности воздействия СМИ на потребителя, стало важнейшим результатом многолетней работы, в первую очередь социологов 60-70-х годов. [4] В современном информационном обществе, перенасыщенном цифровым контентом, роль СМИ выходит далеко за рамки информирования, напрямую формируя общественное мнение и ценности. Изучение механизмов их воздействия сегодня особенно актуально по двум причинам. Во-первых, глобализация и развитие интернета многократно усилили влияние медиа, создав новые возможности для манипуляций и распространения дезинформации. Во-вторых, в этих условиях медиаграмотность и умение критически анализировать информацию становятся ключевыми навыками для защиты сознания личности и обеспечения информационной безопасности общества.

Эмоциональное воздействие: власть чувств

«Эмоциональное воздействие — один из самых мощных инструментов в арсенале средств массовой информации. В отличие от рациональных аргументов, эмоции действуют быстрее, глубже и зачастую определяют отношение человека к событию, явлению или персоне. СМИ активно используют апелляцию к чувствам для усиления эффекта от передаваемой информации, формирования определённых установок и даже манипуляции поведением аудитории». [1] Наиболее быстрый и эффективный способ достучаться до человека — это обращение к его эмоциям. В отличие от сухих фактов, чувства действуют мгновенно и оставляют глубокий след в сознании. СМИ целенаправленно апеллируют к базовым эмоциям: страху (при освещении кризисов), жалости (в сюжетах о пострадавших), гневу (при рассказе о несправедливости) и

гордости (в новостях о достижениях). Этот приём позволяет не просто передать информацию, а сформировать к ней устойчивое эмоциональное отношение. Сила этого воздействия многократно усиливается за счёт визуальных образов. Фотографии и видеоряд способны передать эмоцию быстрее любого текста, а в сочетании с тревожной или торжественной музыкой и интонациями ведущего они превращают зрителя из пассивного наблюдателя в эмоционально вовлечённого участника событий. Не менее важен и сторителлинг: личная история конкретного человека всегда вызывает больше сопереживания, чем абстрактная статистика.

Психологические приёмы: работа с сознанием

Если эмоции — это «входная дверь», то психологические приёмы — это инструменты для закрепления информации в нашей памяти и формирования устойчивых установок. Они работают на более глубоком, часто подсознательном уровне. Одним из самых мощных инструментов является повторение. Многократное воспроизведение одной и той же идеи или слогана способствует её закреплению в долговременной памяти. Со временем аудитория начинает воспринимать многократно повторённую информацию как непреложную истину. Также активно используются стереотипы и навешивание ярлыков. Навешивание ярлыков (англ. name calling). Прием связан с практикой ономастики (означивания) с использованием эффекта стереотипизации и риторических тропов. Данный прием заключается в выборе обозначения человека, организации, идеи, любого социального явления названий, имен, эпитетов, метафор, служащих для дискредитационного действия. Эти ярлыки ассоциируются у аудитории с социально неодобряемым поведением и призваны вызывать у нее эмоционально негативное отношение к личности, высказываемым идеям и предложениям, организациям, социальным группам или предмету обсуждения. [2] СМИ формируют упрощённые представления о социальных группах или явлениях, предлагая аудитории готовые шаблоны для оценки сложных процессов. Сюда же относится и подмена понятий: замена негативно окрашенных слов на нейтральные эвфемизмы (например, «оптимизация» вместо «сокращения») позволяет смягчить реакцию общества на непопулярные действия.

Социальные механизмы: управление повесткой

СМИ не только влияют на отдельного человека, но и формируют коллективное сознание общества. Здесь в ход идут социальные и культурные механизмы. Ключевым из них является формирование повестки дня (Agenda-Setting). СМИ не говорят людям, что думать, но они указывают, о чём думать. Отбирая определённые темы для приоритетного освещения, медиа управляют общественной дискуссией и определяют приоритеты социального развития. Доверие к информации часто строится на ссылке на авторитетов. Мнение признанного эксперта или известной личности воспринимается с большим доверием, создавая иллюзию объективности.

Наконец, через развлекательный контент и рекламу СМИ транслируют и укрепляют культурные коды и ценности, формируя у аудитории представления об успехе, морали и нормах поведения.

Манипулятивные техники: скрытое влияние

На вершине этой пирамиды находятся манипулятивные техники — скрытые приёмы, призванные управлять мнением аудитории в интересах самого источника информации. Крайней формой манипуляции является дезинформация — целенаправленное создание ложной картины реальности. Более тонкая техника — это создание иллюзии выбора. Аудитории предлагают выбирать не между правдой и ложью, а между несколькими вариантами, которые на самом деле выгодны манипулятору. Это создаёт у человека ложное ощущение контроля и самостоятельности принятого решения, хотя его выбор был предопределён заранее.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что средства массовой информации обладают мощным и многогранным арсеналом воздействия на аудиторию. Как показал анализ, это влияние реализуется не только через прямую передачу информации, но и посредством сложных психологических, эмоциональных и социальных механизмов. Изучение способов воздействия СМИ — это не просто академический интерес, а практическая необходимость, обеспечивающая информационную безопасность личности и общества в целом. Осознанное отношение к потребляемому контенту является залогом формирования здорового и зрелого общественного мнения.

Список литературы

1. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. — М.: Вильямс, 2004. — С. 112.
2. Кафтан В. В. Концепции, практики и технологии современных медиа. — С. 372–376.
3. Перезовова О. В. Интенциональность языка экологических новостей в интернет-СМИ Уральского региона: контекстуальность и эмоциональное воздействие // Медиа в современном мире. 64-е Петербургские чтения: сборник материалов 64-го Международного научного форума. В 2-х томах. — Санкт-Петербург, 2025. — С. 34–35.
4. Сибиряков И. В., Перезовова О. В. Анализ основных теоретических подходов к исследованию воздействия СМИ на молодёжь в рамках экологического дискурса в современном медиaprостранстве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2023. — Т. 2, № 2 (41). — С. 215–223.

Н.С. МИНЕЙКА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

Доцент кафедры «Социально-гуманитарные

и естественно-научные дисциплины»
канд. культурологии
Уральский филиал Финуниверситета

N. S. MINEYKA
Ural Branch of the Financial University
Second-year student majoring in
Public and Municipal Administration

Scientific supervisor
E. V. PIS'MENNY
Associate Professor, Department of Social
Sciences, Humanities, and Natural Sciences
PhD in Cultural Studies
Ural Branch of the Financial University

**ОТ КАЛЬКИ К КОДОВОМУ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЮ: ЭВОЛЮЦИЯ
СТРАТЕГИЙ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**FROM TRACING TO CODE-SWITCHING: THE EVOLUTION OF STRATEGIES
FOR BORROWING ANGLICISMS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION**

Аннотация

В работе рассматривается эволюция стратегий заимствования англицизмов - от калькирования к кодовому переключению (code-switching) - в условиях современного языкового контакта. На основе анализа теоретических подходов и эмпирических данных, полученных в ходе пилотного лингвистического квиза среди студентов, выявляется переход от механического переноса иноязычных структур к осознанному выбору языкового кода в профессиональной и студенческой коммуникации. Результаты демонстрируют, что современные процессы заимствования характеризуются гибридными формами речевого поведения, что требует пересмотра подходов к формированию языковой культуры в молодёжной среде.

Annotation

This paper examines the evolution of Anglicism borrowing strategies-from calques to code-switching - in the context of modern language contact. Based on an analysis of theoretical approaches and empirical data obtained during a pilot linguistic quiz among students, a shift from the mechanical transfer of foreign-language structures to the conscious choice of linguistic code in professional and student communication is revealed. The results demonstrate that modern borrowing processes are characterized by hybrid forms of speech behavior, which requires a reconsideration of approaches to the development of linguistic culture among young people.

Ключевые слова: Калькирование, кодовое переключение, англицизм, языковой контакт, профессиональная коммуникация, стратегии заимствования, языковая политика

Key words: Calquing, code-switching, Anglicism, language contact, professional communication, borrowing strategies, language policy

В современной лингвистике процессы языкового контакта между английским и русским языками представляют особый интерес для исследователей, поскольку именно английский выступает в роли языка-донора, а анализ стратегий заимствования позволяет проследить глубинные механизмы взаимодействия языковых систем в условиях билингвизма.

Теоретической базой исследования выступают работы У. Вайнрайха о языковых контактах и концепция кодового переключения К. Майерс-Скоттон, а также нормативные положения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, фиксирующие необходимость осмысленного отношения к иноязычным заимствованиям в молодёжной среде.

В ходе пилотного лингвистического квиза «Русский vs Английский», проведённого среди студентов, были проанализированы типичные стратегии обращения с англицизмами. Результаты показали, что фразы-кальки, такие как «я на стрессе» (I'm on stress) и «у меня нет жизни» (I have no life) не распознаются участниками как заимствованные конструкции, что свидетельствует о доминировании неосознанного калькирования. А вопрос о происхождении слова «зонтик» выявил ложную этимологию: большинство приписало ему английское происхождение, тогда как корректная этимология указывает на голландский источник (zonnedeck), что демонстрирует недостаточную языковую рефлексию.

Проблема заключается в том, что в профессиональной и студенческой коммуникации отсутствует чёткое разграничение между тремя различными лингвистическими феноменами: прямым заимствованием (например, «хайп» от англ. hype), калькированием (структурным копированием иноязычных моделей) и кодовым переключением (осознанным переходом между языковыми кодами в рамках одного дискурса). Калькирование, будучи продуктивным механизмом обогащения языка (небоскрёб ← skyscraper, МВФ ← IMF), в современных условиях часто приводит к появлению синтаксических и семантических конструкций, противоречащих внутренней логике русского языка. Кодовое переключение предполагает владение обоими языками и осознанный выбор кода в зависимости от контекста, что характерно для билингвальной профессиональной среды.

В качестве практической меры, направленной на формирование осознанного подхода к выбору языковых стратегий, была разработана инициатива, включающая интерактивный квиз «Русский vs Английский», создание двуязычного словаря молодёжного сленга с комментариями о типах заимствований, а также дискуссионные площадки. Пилотный запуск подтвердил, что игровые и цифровые форматы способствуют развитию у студентов навыков различения калькирования и кодового переключения как принципиально разных стратегий взаимодействия с английским языком.

Таким образом, эволюция стратегий заимствования англицизмов в профессиональной коммуникации представляет собой переход от неосознанного калькирования к осознанному кодовому переключению, что актуализирует задачу лингвистического просвещения в контексте изучения английского языка как источника активных языковых процессов.

Список литературы

6. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 • Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 22.03.2026). – Текст: электронный.

7. Современные тенденции в процессе заимствования и унификации англоязычных слов в новых глобальных коммуникативных условиях – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-protsesse-zaimstvovaniya-i-unifikatsii-angloyazychnyh-slov-v-novyh-globalnyh-kommunikativnyh-usloviyah> (дата обращения: 23.03.2026). – Текст : электронный.

3. «Иноязычная лексика современного русского языка»: учебное пособие / Е.В. Маринова Москва: ФЛИНТА, 2022. – 295 с. URL: https://www.academia.edu/33042128/Marinova_e_v_inoyazychnaya_leksika_sovremennogo_russkogo_yaz (дата обращения: 23.03.2026). – Текст: электронный.

Г.Р. НАФИКОВА, А.Д. БЛИНОВСКИХ
Уральский филиал Финиуниверситета
студентки II курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

G.R. NAFIKOVA, A.D. BLINOVSKIKH
Ural branch of the Finnish University
students of the second year of direction
«Advertising and Public Relations»

Научный руководитель
О.В. ПЕРЕВОЗОВА
Уральский филиал Финиуниверситета
канд. пед. наук, доцент

СИМУЛЯТИВНЫЕ ОБРАЗЫ В МАСС-МЕДИА

SIMULATIVE IMAGES IN THE MEDIA

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические аспекты симулятивных образов в современном медиaprостранстве. Анализируется их влияние на формирование общественного восприятия реальности, проблематика и интеграция в современном медиaprостранстве. Делается вывод о том, что в условиях цифровой медиасреды симулятивные образы становятся важным инструментом формирования общественного мнения и интерпретации событий.

Annotation

The article examines the theoretical aspects of simulational images in the modern media space. Their influence on the formation of public perception of reality, as well as the issues and integration of such images within the contemporary media environment, are analyzed. It is concluded that in the conditions of the digital media environment, simulational images are becoming an important tool for shaping public opinion and interpreting events.

Ключевые слова: симулятивные образы, масс-медиа, медиaprостранство, медиадискурс, формирование общественного мнения.

Keywords: simulated images, mass media, media space, media discourse, and public opinion formation.

Роль масс-медиа в эпоху информационного общества настолько велика, что практически невозможно представить сферу общественной жизни, на которую бы они не оказывали влияние. Средства массовой информации формируют представления людей о событиях, социальных процессах, политике, культуре и экономике. В условиях медиатизации общества особую актуальность приобретает проблема формирования медийных образов, которые могут не только отражать реальность, но и конструировать её под себя.

В научной литературе всё чаще используется понятие симуляции медиареальности. Исследователи отмечают, что современное медиапространство активно производит символические конструкции, которые формируют у аудитории определённое представление о происходящих событиях, такие конструкции получили название симулятивных образов [5, с. 150].

В научных исследованиях отмечается, что медиа не только передают информацию, но и конструируют социальную реальность, формируя определённые интерпретации событий. В результате возникает медиареальность, которая в большей мере отличается от объективной действительности.

Симулятивные образы – это искусственно сконструированные медийные представления о людях, событиях или социальных процессах, которые создаются средствами массовой информации и распространяются среди широкой аудитории. Такие образы могут частично отражать реальность, но нередко они представляют собой её интерпретацию или упрощённую модель [3, с. 472–474].

В основе данного явления лежит концепция симулякров, разработанная французским философом Жаном Бодрийяром. Согласно его теории, современное общество всё чаще сталкивается с ситуацией, когда копии и медийные образы начинают существовать независимо от реальности и даже заменять её в общественном сознании [6].

Симулятивные образы формируются посредством новостных сообщений, телевизионных программ, рекламы, интернет-контента и социальных сетей. Они создаются с использованием визуальных, текстовых и символических средств коммуникации, формируя устойчивые представления о людях, событиях и социальных явлениях.

Современные исследования показывают, что медиадискурс активно участвует в создании подобных образов. Например, в исследовании медиадискурса пандемии COVID-19 отмечается, что СМИ формировали различные символические интерпретации пандемии, используя метафоры войны и кризиса. Это создавало особую медиареальность восприятия глобальной ситуации [2].

На данный момент, симулятивные образы особенно активно используются в политической коммуникации и рекламе. Одним из наиболее ярких примеров являются политические медиамемы, которые могут создавать альтернативную интерпретацию событий и формировать общественное мнение. Дополнительным фактором усиления симулятивных образов является высокая скорость распространения информации в социальных сетях: контент может быстро распространяться через репосты, лайки и рекомендации, формируя тренды. При этом первоначальный контекст сообщения нередко утрачивается, а содержание упрощается или трансформируется. Исследователи также

отмечают, что медиамемы функционируют как симулякры, поскольку формируют упрощённую и часто ироничную версию политической реальности [4, с. 424–427].

Значительную роль в формировании и распространении симулятивных образов играют алгоритмы социальных сетей. Современные платформы используют сложные системы рекомендаций и ранжирования контента, основанные на анализе пользовательской активности, предпочтений и поведения в сети. Такие алгоритмы определяют, какие публикации, новости и визуальные материалы будут показаны пользователю в первую очередь, формируя тем самым индивидуальное информационное пространство.

Системы рекомендаций чаще продвигают контент, вызывающий сильные эмоциональные реакции – удивление, возмущение, восхищение или тревогу. Подобные материалы нередко представляют собой упрощённые, яркие и эмоционально насыщенные медиаконструкции, которые легко воспринимаются и активно распространяются пользователями. В результате именно такие конструкции получают наибольшее распространение и начинают формировать устойчивые симулятивные образы социальной и политической реальности.

Одним из распространённых примеров является формирование в медиа образа «идеальной жизни», который активно транслируется в социальных сетях и рекламных кампаниях. Такие образы часто не соответствуют реальной жизни, однако создают у аудитории определённые ожидания и ценностные ориентиры, что подмечают некоторые представители поколения Z [1].

Также симулятивные образы широко используются в новостной журналистике. Медиа могут акцентировать внимание на отдельных аспектах события, игнорируя другие, что приводит к формированию определённой интерпретации происходящего. В результате аудитория воспринимает не саму реальность, а её медиаконструкцию.

Следует отметить, что симулятивные образы выполняют не только манипулятивную, но и коммуникативную функцию. Они помогают упрощать сложные социальные процессы и делать информацию более понятной для широкой аудитории. Однако чрезмерное использование и упрощение подобных медийных конструкций может привести к искажению общественного восприятия реальности.

В условиях развития цифровых технологий и социальных медиа процесс создания симулятивных образов значительно ускорился. Пользователи активно участвуют в распространении медийных образов, репостах и обсуждениях, что усиливает их влияние на общественное мнение.

В последние годы формирование симулятивных образов в медиапространстве усилилось благодаря развитию технологий искусственного интеллекта. Одним из наиболее

ярких примеров являются технологии deepfake, позволяющие создавать реалистичные фото- и видеоматериалы с участием людей, которых фактически там нет. Подобные технологии значительно усложняют возможность отличить реальный и сконструированный медийный образ. Deepfake-контент способен формировать ложные представления о событиях и политических акторах, усиливая эффект симуляции медиареальности. В условиях цифровой медиасреды такие технологии могут становиться инструментом информационного влияния и манипуляции общественным мнением.

Чтобы снизить негативные последствия распространения симулятивных образов в медиапространстве необходимо развивать медиаграмотность аудитории и механизмы регулирования цифровых платформ и алгоритмов распространения информации. Повышение уровня критического восприятия информации позволяет пользователям более осознанно относиться к медиаконтенту, анализировать источники информации и различать факты и личные интерпретации событий. Усиление контроля за распространением недостоверного или манипулятивного контента может способствовать формированию более сбалансированной информационной среды.

Анализируя данные процессы, можно сделать вывод о том, что симулятивные образы стали неотъемлемой частью современного медиапространства. Они помогают структурировать информационное пространство, формировать общественное мнение и создавать определённые интерпретации реальности. В то же время их использование требует внимательного анализа со стороны исследователей и медиаспециалистов, поскольку чрезмерная симуляция может приводить к искажению социальной действительности. Ответственный подход к созданию и распространению медиаконтента, проверка фактов и соблюдение этических норм способны снизить уровень искажения социальной реальности в медиадискурсе.

Список литературы

1. Инстаграмное место: как соцсети изменили представления об идеальном пространстве // Forbes – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/475403-instagramnoe-mesto-kak-socseti-izmenili-predstavlenia-ob-ideal-nom-prostranstve> (дата обращения: 14.03.2026)
2. Исакова Е.С., Глибина А.А., Орлова О.Г., Шулипенко В.В. Образы войны: COVID-19 в номинациях и контекстах медиадискурса // Научный журнал «Russian Linguistic Bulletin». 2024. № 8 (56)
3. Кафтан В.В. Концепции, практики и технологии современных медиа // Учебник. 2025. С. 472-474.

4. Кузнецов С.В. Славина В.А. Политические медиамемы как симулякры медиапространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Литературоведение. Журналистика» 2019. С. 422-427.

5. Перезовова О.В. Новостной экологический контент региональных интернет-СМИ в социальных сетях: вовлеченность и рефлексия аудитории // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 148-160.

6. Симулякры и симуляция // РУВИКИ – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Симулякры_и_симуляция (дата обращения: 14.03.2026).

К.Д. НИЗАМЕТДИНОВА

Колледж предпринимательства
и отраслевых технологий,
курсант II курса направления подготовки
«Правоохранительная деятельность»

Научный руководитель

Е.Н. УСТЬЯНЦЕВА

Колледж предпринимательства
и отраслевых технологий
преподаватель

K.D. NIZAMETDINOVA

College of Entrepreneurship
and Industrial Technologies,
Second-year cadet majoring in
Law Enforcement

Academic Supervisor

E.N. USTYANTSEVA

College of Entrepreneurship
and Industrial Technologies
Lecturer

ТРАНСФОРМАЦИЯ СПАМ-ТЕХНОЛОГИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ В ИХ КВАЛИФИКАЦИИ

TRANSFORMATION OF SPAM TECHNOLOGIES: CRIMINAL RISKS AND LIMITS OF THE APPLICATION OF AI IN THEIR QUALIFICATION

Аннотация

В статье исследуется влияние искусственного интеллекта на эволюцию спам-технологий и связанные с этим уголовно-правовые риски. Анализируются проблемы

квалификации преступлений, совершаемых с использованием ИИ-инструментов, а также определяются пределы применения нейросетей в правоприменительной деятельности.

Annotation

This article examines the impact of artificial intelligence on the evolution of spam technologies and the associated criminal risks. It analyzes the challenges of classifying crimes committed using AI tools and identifies the limits of using neural networks in law enforcement.

Ключевые слова: искусственный интеллект, спам, квалификация преступлений, пределы применения ИИ.

Key words: artificial intelligence, spam, classification of crimes, limits of AI application.

По состоянию на 2025 год доля спама в мировом почтовом трафике составила практически 50%. Ежедневно отправляются миллиарды мусорных писем, а средняя доля спама в Рунете в 2025 году снизилась до 43,27%, что обусловлено тремя ключевыми факторами: внедрением продвинутого искусственного интеллекта (далее – ИИ) в фильтры, ужесточением законодательства и новыми правилами для массовых рассылок. Основными источниками спама остаются Россия, Китай и США [2].

Примечательно, что в 2025 году решения «Лаборатории Касперского» заблокировали 144 722 674 вредоносных почтовых вложения, что на девятнадцать миллионов больше, чем годом ранее [3].

Спам, как нежелательные массовые рассылки или звонки, остается одной из наиболее актуальных проблем в сфере цифровых коммуникаций. Его эволюция от простых рекламных сообщений до сложных фишинговых атак и распространения вредоносного программного обеспечения (далее – ПО) требует постоянного совершенствования правовых механизмов и технических средств противодействия. Ответственность за распространение спама по российскому законодательству варьируется от административной до уголовной, в зависимости от характера и последствий деяния. Зарубежное право также активно борется со спамом, устанавливая строгие правила получения согласия на рассылки и значительные штрафы за их нарушение.

Так, например, Канада продемонстрировала максимальную строгость наказания за спам-рассылки, приняв CASL (федеральный закон, регулирующий отправку коммерческих электронных сообщений (СЕМ) и установку ПО). Система express consent требует явного разрешения на любые коммерческие сообщения. Максимальные штрафы достигают 10 миллионов канадских долларов для корпораций.

Сама по себе рассылка спама чаще всего влечет административные штрафы. Так, для юридических лиц предусмотрены штрафы до 1 млн рублей по ст. 14.3 КоАП РФ (нарушение законодательства о рекламе). Однако, уголовная ответственность наступает, если спам используется для более серьезных преступлений. Рассмотрим данный вопрос на актуальном примере.

В 2023 году мошенники рассылали вирусные ссылки на материалы судебных дел от имени Следственного комитета РФ. По этой преступной схеме некий следователь сообщал человеку, что тот стал свидетелем по уголовному делу, поэтому его приглашают на судебное заседание, но сначала необходимо ознакомиться с материалами дела. После этого жертве мошенничества отправляли подложную ссылку для их скачивания. При переходе по ней запускалась вредоносная программа, которая собирала учетные данные из браузеров и приложений и тем самым открывала мошенникам доступ к мобильным и онлайн-банкам пострадавших [1].

В данном случае перед нами представляется целая совокупность преступных деяний, а именно:

- 1) неправомерный доступ к компьютерной информации по ч. 2 ст. 272 УК РФ – вменяется сам факт проникновения в личные кабинеты банковских приложений;
- 2) при этом наш преступник ещё и является распространителем вредоносной программы, что подпадает под санкцию ч.2 ст. 273 УК РФ;
- 3) если наши мошенники в итоге списали деньги со счета, то это квалифицируется как кража с банковского счета по п «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ;
- 4) сама рассылка сообщений от имени Следственного комитета РФ— это обман и злоупотребление доверием, что может быть квалифицировано как мошенничество по ч. 1 ст. 159 УК РФ, ведь в итоге жертв ввели в заблуждение[2].

Используя правило ч. 3 ст. 69 УК РФ назначения наказаний по совокупности преступлений путем частичного или полного сложения наказаний можно говорить о том, что максимальная санкция для преступника может составить до 9 лет лишения свободы.

Искусственный интеллект играет ключевую роль в современной борьбе со спамом и киберпреступностью. Его применение позволяет автоматизировать процессы выявления и блокировки нежелательных сообщений, анализировать огромные объемы данных, идентифицировать новые паттерны угроз и прогнозировать потенциальные атаки, что значительно ускоряет реакцию на угрозы и снижает нагрузку на специалистов.

Несмотря на очевидные преимущества применения ИИ в анализе киберпреступлений, существуют и серьезные проблемы, такие, как «галлюцинации ИИ» — это ошибочные, но убедительно представленные искусственным интеллектом данные или выводы, не

соответствующие действительности, что приводит к ложному срабатыванию ИИ, риску несправедливой квалификации, что чревато неверным применением статей УК РФ и несправедливым привлечением к уголовной ответственности.

Трансформация спам-технологий требует комплексного подхода, включающего как развитие правовой базы, так и внедрение передовых технологий, таких как ИИ. Искусственный интеллект является мощным инструментом в борьбе с этим явлением, значительно повышая скорость и точность обнаружения угроз. Однако, необходимо осознавать и учитывать пределы его применения, особенно в уголовно-правовой квалификации. Проблема «галлюцинаций» и недостаточной объяснимости ИИ-систем требует тщательной человеческой верификации их выводов и разработки правовых стандартов использования ИИ в процессе доказывания, чтобы избежать судебных ошибок и обеспечить справедливость. Будущее противодействия спаму видится в синергии человеческого интеллекта, юридической экспертизы и технологических возможностей ИИ, где каждый элемент дополняет и контролирует друг друга.

Список литературы

1. Мошенники рассылают вирусные ссылки на материалы судебных дел // Право.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://pravo.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Спам в 2025 году: полное руководство по защите и правовым аспектам массовых рассылок // Qform.blog: официальный сайт. – Режим доступа: <https://qform.blog> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Спам и фишинг в 2025 году // АО «Лаборатория Касперского»: официальный сайт. – Режим доступа: <https://securelist.ru> (дата обращения: 23.03.2026).

К.Д. НОВОСЕЛЬЦЕВА

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
студент 1-го курса направления подготовки
«Реклама и связи с общественностью»

K. D. NOVOSELCEVA

Ural branch of the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
1st year student of the training program
«Advertising and Public Relations»

СЕНСАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И КЛИКБЕЙТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ СМИ: ВЛИЯНИЕ НА АУДИТОРИЮ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

SENSATIONALISM AND CLICKBAIT AS MANIFESTATIONS OF MEDIA IRRESPONSIBILITY: IMPACT ON THE AUDIENCE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Аннотация

Статья посвящена проблеме безответственного поведения средств массовой информации в цифровой медиасреде. Особое внимание уделяется использованию сенсационных заголовков, кликбейта и непроверенной информации, которые нередко становятся инструментами привлечения аудитории. Анализируется влияние подобных медиапрактик на восприятие новостей и доверие аудитории к СМИ. Отмечается, что регулярное столкновение пользователей с тревожными и недостоверными заголовками формирует фоновую информационную тревожность и снижает уровень доверия к журналистике. В работе рассматриваются причины распространения подобных практик и предлагаются направления повышения социальной ответственности медиа.

Annotation

The article examines irresponsible practices of modern media in the digital environment with a focus on sensational headlines, clickbait and unverified information used to attract audience attention. The study analyzes how such practices influence audience perception of news and trust in the media. It is argued that frequent exposure to alarming and misleading headlines creates a background level of anxiety among audiences and contributes to declining trust in journalism. The paper also discusses the causes of these practices and suggests ways to strengthen social responsibility in the media.

Ключевые слова: социальная ответственность СМИ, кликбейт, сенсационализм, дезинформация, цифровые медиа, медиаграмотность, доверие к СМИ.

Keywords: media social responsibility, clickbait, sensationalism, misinformation, digital media, media literacy, trust in media.

Современная медиасреда характеризуется высокой скоростью распространения информации и интенсивной конкуренцией за внимание аудитории. В условиях цифровизации медиа вынуждены бороться за пользовательский интерес, что нередко приводит к использованию сенсационных и эмоционально окрашенных заголовков [2]. Одним из

наиболее распространенных способов привлечения внимания аудитории стал кликбейт — использование громких, провокационных или тревожных заголовков, содержание которых не всегда соответствует реальному содержанию материала [4]. Подобная практика часто сопровождается публикацией непроверенной информации или чрезмерным преувеличением значимости событий.

Такие медиапрактики могут рассматриваться как проявление безответственности СМИ, поскольку они противоречат принципам теории социальной ответственности журналистики [5]. Регулярное распространение тревожных и недостоверных заголовков влияет на восприятие новостей аудиторией, формирует информационный шум и снижает доверие к медиа.

Целью данной статьи является анализ влияния сенсационализации новостей и кликбейта на аудиторию в контексте теории социальной ответственности СМИ.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть основные положения теории социальной ответственности СМИ.
2. Проанализировать использование сенсационных заголовков в современной медиасреде.
3. Определить влияние подобных практик на аудиторию и уровень доверия к СМИ.

Теория социальной ответственности СМИ рассматривает журналистику как общественный институт, который должен служить интересам общества. Согласно данной концепции, средства массовой информации обязаны распространять достоверную, проверенную и объективную информацию [5]. Одним из ключевых принципов теории является необходимость соблюдения профессиональных стандартов журналистики. Журналисты должны проверять источники информации, избегать манипуляций и обеспечивать баланс мнений [5]. Однако в современной медиасистеме данные принципы нередко нарушаются. В условиях конкуренции за внимание аудитории некоторые медиа прибегают к сенсационализации новостей, что может противоречить принципам ответственной журналистики. Использование громких заголовков, эмоциональной подачи информации и преувеличения значимости событий позволяет привлечь внимание пользователей, однако может исказить реальную картину происходящего.

Одной из характерных особенностей современной цифровой медиасреды является распространение кликбейт-заголовков. Они создаются таким образом, чтобы вызвать сильную эмоциональную реакцию у читателя и побудить его перейти по ссылке [3].

Наиболее распространёнными формами кликбейта являются:

Тип заголовка	Характеристика
Тревожные заголовки	Создают ощущение угрозы или опасности
Сенсационные формулировки	Преувеличивают значимость события

Недосказанность	Намеренно скрывают часть информации
Манипулятивные утверждения	Используют эмоциональное давление

Примеры подобных заголовков могут выглядеть следующим образом:

- «Учёные предупреждают: этот продукт может разрушать здоровье миллионов людей»
- «Экономисты предсказали катастрофу, которая изменит жизнь каждого»
- «Врачи скрывали правду об этой болезни много лет»
- «Новая угроза для всех: эксперты бьют тревогу»

Подобные формулировки часто создают ощущение срочности и опасности, однако содержание материала может не подтверждать заявленную в заголовке сенсационность.

Регулярное столкновение аудитории с тревожными и сенсационными заголовками оказывает значительное влияние на восприятие информации. Одним из наиболее заметных последствий является формирование фоновой информационной тревожности. Постоянный поток новостей с тревожной или драматизированной подачей может создавать ощущение нестабильности и угрозы. Даже если отдельные сообщения не являются полностью ложными, их эмоциональная подача способна усиливать негативное восприятие происходящих событий [4].

Еще одним важным последствием является снижение доверия к средствам массовой информации. Когда пользователи обнаруживают несоответствие между громким заголовком и реальным содержанием материала, это может приводить к ощущению манипуляции. Со временем подобные практики формируют у аудитории скептическое отношение к новостям в целом. Пользователи начинают сомневаться в достоверности медиаконтента и могут воспринимать даже качественные журналистские материалы с недоверием [5]. Кроме того, сенсационализация новостей способствует увеличению информационного шума. Огромное количество эмоционально окрашенных сообщений затрудняет поиск действительно важной и достоверной информации.

Для снижения негативного влияния сенсационных медиапрактик необходимо развитие механизмов, направленных на повышение качества журналистики.

Прежде всего, редакции средств массовой информации должны придерживаться профессиональных стандартов журналистики и избегать манипулятивных заголовков. Важную роль играет также развитие редакционных кодексов и механизмов саморегуляции медиасообщества. Важным направлением является развитие систем фактчекинга, позволяющих проверять достоверность информации до её публикации.

Не менее важным фактором является повышение медиаграмотности аудитории. Пользователи должны обладать навыками критического анализа информации и уметь

отличать сенсационный медиаконтент от качественной журналистики. В условиях цифровой медиасреды соблюдение принципов социальной ответственности СМИ становится ключевым условием формирования устойчивого информационного пространства [3].

Список литературы

1. Беленкова Л. М., Белоконев С. Ю. Социальные сети в информационной политике: формирование имиджа федеральных органов исполнительной власти // Выборы и общество в эпоху цифровизации. — 2023.
2. Гасимова Г. М. Инструменты продвижения в социальных сетях (Social Media Marketing и Social Media Optimization) // Журнал Маркетинг MBA. — 2016.
3. Чередниченко Л. В. Типы контента сетевых научно-просветительских медиа // Гуманитарный научный вестник. — 2020.
4. Перевозова О.В. Новостной экологический контент региональных интернет-СМИ в социальных сетях: вовлеченность и рефлексия аудитории // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 148-160.
5. Маккуэйл Д. Теория массовой коммуникации. — Лондон: Sage Publications, 2010.
6. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. — Кембридж: MIT Press, 1989.

А.Д. ОВСЯНИЦКИЙ

Международный институт
дизайна и сервиса
аспирант

Научный руководитель

Л.В. ЛЬВОВ

канд. пед. наук, доцент

Международный институт дизайна и сервиса

A.D. OVSYANITSKIY

International Institute of Design and Service
Postgraduate student

Academic Supervisor

L.V. LVOV

PhD. pedag. Sciences, Associate Professor
International Institute of Design and Service

**ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ БАЗОВЫХ
НАВЫКОВ К СИСТЕМНОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ**

THE EVOLUTION OF DIGITAL CULTURE: FROM BASIC SKILLS TO A SYSTEMIC WORLDVIEW

Аннотация

В статье рассматривается процесс трансформации цифровой культуры общества с конца XX века по настоящее время. На основе анализа технологического развития и изменений в образовательной среде выделены три уровня зрелости цифровой культуры участников экосистемы: базовый, продвинутый и системный. Автор прослеживает соответствие этих уровней историческим этапам и динамике цифровых компетенций населения России.

Annotation

The article examines the process of transformation of digital culture in society from the late 20th century to the present. Based on an analysis of technological development and changes in the educational environment, three levels of maturity of the digital culture of ecosystem participants are identified: basic, advanced, and systemic. The author traces the correspondence of these levels to historical stages and the dynamics of digital competencies of the Russian population.

Ключевые слова: цифровая культура, цифровая зрелость, цифровые компетенции, информационное общество, трансформация образования.

Key words: digital culture, digital maturity, digital competencies, information society, transformation of education.

Цифровая культура является закономерным историческим этапом развития информационной культуры общества [1]. Она не является статичным явлением: её содержание и требования к носителю радикально менялись по мере эволюции технологий. Если рассматривать цифровую культуру не просто как набор навыков, а как уровень зрелости взаимодействия человека и цифровой среды, можно выделить три качественных уровня: базовый (инструментальный), продвинутый (интеграционный) и системный (ценностно-нормативный). Анализ развития интернета и смежных технологий позволяет наложить эту модель на хронологию с конца XX века.

Период до 1990-х годов: предпосылки формирования цифровой культуры. В это время цифровая культура носила элитарный, профессиональный характер. Отсутствовала массовая автоматизация процессов, а взаимодействие с вычислительной техникой требовало узкоспециальных инженерных знаний. Этот этап можно охарактеризовать как «нулевой» или до личностный по отношению к массовой цифровой культуре, так как цифровая среда еще не стала частью повседневной жизни большинства [4].

1990-е – начало 2000-х годов (период начальной информатизации общества): Формирование Базового уровня. Интернет этой эпохи представлял собой «электронную библиотеку» со статичными сайтами и минимальной интерактивностью. Цифровая культура на этом этапе только зарождалась как массовое явление. Её содержание соответствовало базовому уровню: использование цифровых инструментов для оптимизации существующих процессов (замена пишущей машинки текстовым редактором, отправка электронной почты вместо бумажных писем). Главной задачей было освоение простейших инструментов, а цифровые навыки не являлись обязательным требованием для большинства профессий. Коммуникация оставалась асинхронной, а формирование единой цифровой среды – делом будущего.

2000-е – 2010-е гг.: переход к Продвинутому уровню. Распространение широкополосного доступа в интернет, появление социальных сетей и мобильных технологий коренным образом изменили ландшафт. Интернет превратился в «площадку для общения». В эту эпоху начинается формирование продвинутого уровня цифровой культуры. Пользователь перестает быть пассивным потребителем, становясь создателем контента. В профессиональной среде и образовании это выражается в интеграции информационных систем: появляются электронные дневники, цифровые портфолио студентов, корпоративные базы данных. Однако эти системы часто существуют изолированно («лоскутная автоматизация»), а уровень их проникновения варьируется [1].

2010-е гг – настоящее время: движение к Системному уровню. Распространение мобильных устройств, большие данные и алгоритмы персонализации создают среду, в которой цифровое взаимодействие становится вездесущим. Именно в этот период остро встает вопрос о достижении системного уровня цифровой культуры. Этот уровень предполагает формирование общей ценностно-нормативной среды, где технологическая совместимость является нормой, а не преимуществом, а цифровые компетенции – неотъемлемой частью профессиональной культуры. Однако, как показывают исследования НИУ ВШЭ, массового достижения этого уровня пока не произошло. Регулярно используют интернет 90% россиян (85% ежедневно), но цифровыми навыками хотя бы на базовом уровне владеет лишь 11%. Это демонстрирует разрыв между активным потреблением цифровых услуг и глубиной понимания цифровой среды. Молодежь 20–24 лет (22,8%) и лица с высшим образованием (22,9%) демонстрируют лучшие, но все еще недостаточные для системного уровня показатели [6].

В системе образования этот переход выражается в смене парадигмы: от простого использования ЭВМ к подготовке специалистов, обладающих компетенциями цифровой культуры, которые включают не только технические навыки, но и этические, правовые и

мировоззренческие аспекты взаимодействия в цифровой среде [5]. Современный этап с его упором на искусственный интеллект и интернет вещей требует именно системного уровня, где цифровое взаимодействие становится «естественным фоном любой коллаборации».

Таким образом, эволюция цифровой культуры повторяет путь от простого инструментализма (базовый уровень) через интеграцию разрозненных систем (продвинутый уровень) к формированию целостной антропологической среды (системный уровень). Задача современного высшего образования – обеспечить этот переход, формируя у будущих специалистов не просто навыки работы с программами, а полноценную цифровую культуру как часть их профессионального этоса.

Список литературы

1. Захаров, М.Ю. Цифровая культура – исторический этап развития информационной культуры общества / М.Ю. Захаров, И.Е. Старовойтова, А.В. Шишкова // Вестник университета. – 2020. – № 5. – С. 200–205. DOI 10.26425/1816-4277-2020-5-200-205.
2. Ильин, И.В. Практика формирования цифровых компетенций у студентов не ИТ-направлений в рамках проекта «Цифровая кафедра» / И.В. Ильин, А.Ф. Кузаев // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 6. – С. 190–198.
3. Михалёв, И.И. Цифровая организационная культура промышленного предприятия / И.И. Михалёв // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 182–205. DOI 10.22394/2071-2367-2024-19-4-182-205.
4. Платицын, А.Ю. Характерные черты и этапы цифровой трансформации высшего образования / А.Ю. Платицын // Новые информационные технологии в образовании и науке. – 2024. – № 12. – С. 26-35. DOI 10.17853/2587-6910-2024-12-26-35.
5. Токтарова, В.И. Структурно-функциональная модель развития компетенций цифровой культуры будущих педагогов / В.И. Токтарова, О.В. Ребко // Научно-педагогическое обозрение. – 2022. – № 6(46). – С. 18–27. DOI 10.23951/2307-6127-2022-6-18-27.
6. Цифровые навыки россиян (экспресс-информации ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) // Ведомости. – 2025. – 23 апр. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/04/23/tsifrovie-naviki-rossiyan-ekspress-informatsii-isiez-niu-vshe (дата обращения: 15.03.2026).

С.В. ПАСЕЧНИК

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Бизнес-информатика»

Научный руководитель
Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ
док. пед. наук, профессор
Уральского филиала Финуниверситета

S.V. PASECHNIK
Ural branch of the Financial University
2st year student
«Business informatics»

Scientific supervisor
Y.V. PODPOVETNAYA
Doc. of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Ural Branch of the Financial University

ВЛИЯНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СТАТУС ХУДОЖНИКА И БУДУЩЕГО КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ

THE IMPACT OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE STATUS OF THE ARTIST AND THE FUTURE OF CULTURAL INDUSTRIES

Аннотация

В статье анализируется влияние генеративного ИИ на культурные индустрии: изменения в природе авторства, эстетических критериях, экономических моделях и социальной роли творца. На основе постмодернистской философии, медиатеории и эмпирических кейсов обосновывается гипотеза о замещении парадигмы уникального автора моделью алгоритмического со-творчества, в которой ИИ приобретает функции квази-субъекта культурного производства. Выделяются ключевые противоречия между уникальностью произведения и его бесконечной воспроизводимостью. В заключении предлагаются прогнозные сценарии развития культурных индустрий и формулируются вопросы для дальнейшей междисциплинарной дискуссии.

Annotation

The article analyzes the impact of generative AI on cultural industries: changes in the nature of authorship, aesthetic criteria, economic models, and the social role of the creator. Drawing on postmodern philosophy, media theory, and empirical cases, the article substantiates the hypothesis that the paradigm of the unique author is being replaced by a model of algorithmic co-creation, in which AI assumes the functions of a quasi-subject of cultural production. Key contradictions are identified between the uniqueness of a work and its infinite reproducibility. In conclusion, prospective scenarios for the development of cultural industries are proposed, along with questions for further interdisciplinary discussion.

Ключевые слова: нейросети, культурные индустрии, алгоритмическая культура, креативность, постмодернизм, цифровое искусство.

Key words: neural networks, cultural industrie, algorithmic culture, creativity, postmodernism, digital art

Цифровизация социальных отношений трансформирует фундаментальные механизмы культурного производства. Если на первом этапе цифровой революции компьютер был сложным инструментом в руках художника, то генеративные нейросети знаменуют качественный скачок: алгоритмы начинают создавать сложные культурные объекты по текстовым запросам, имитируя стили и «почерк» авторов. Этот сдвиг ставит под сомнение привычные понятия авторства, статуса художника и экономическую модель культурных индустрий.

Цель статьи — проанализировать трансформацию статуса художника под влиянием генеративного ИИ в контексте цифровизации медиакультуры, уделяя особое внимание стратегиям адаптации институций.

Классическое представление о художнике в европейской культуре связывало статус творца с уникальностью, мастерством и неповторимым стилем. Постмодернистская критика (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Бодрийяр) уже поставила под сомнение фигуру автора как единственного источника смысла. Генеративный ИИ радикализирует этот процесс: он работает на основе массивов данных из тысяч произведений, создавая результат, который невозможно однозначно приписать одному человеку.

Сегодня художник чаще выступает не создателем объекта «от и до», а промпт-инженером, куратором или соавтором алгоритма. Статус «чистого» творца заменяется статусом оператора, который формулирует задачу, отбирает варианты и встраивает их в концептуальный контекст. Технический порог входа снижен до минимума, но на первый план выходят концептуальное мышление и умение работать с алгоритмическими процессами.

Критический аргумент против генеративного ИИ гласит: нейросети не создают нового, а комбинируют существующие данные. Алгоритмы несут в себе эстетические предпочтения и социальные предрассудки обучающих выборок, что может консервировать доминирующие художественные нормы. ИИ позволяет генерировать контент пользователям без специального образования, расширяя круг участников, но вытесняет рутинные профессии (коммерческие иллюстраторы, стоковые фотографы). Экономика смещается от оплаты за процесс (часы работы) к оплате за концепцию и финальную редактуру.

Юридический статус произведений, созданных с помощью ИИ, остается предметом споров. В большинстве юрисдикций произведение, сгенерированное нейросетью без существенного творческого вклада человека, не признается объектом авторского права. Судебные иски (Getty Images против Stability AI) ведут к формированию нормативной базы. Возможно введение обязательного лицензирования обучающих данных, что перераспределит доходы в пользу авторов оригинальных работ.

Музеи и галереи включают нейросетевое искусство в выставочные планы, требуя пересмотра критериев отбора. Художественное образование оказывается перед вызовом: одни программы делают упор на концептуальное мышление и взаимодействие с ИИ, другие — на сохранение «ручных» техник как ценности в противовес массовой алгоритмической продукции.

Контент становится дешевым. Ключевая ценность — курация. Формируются полярные сегменты: ultra-премиальный «живой» арт и бесконечный поток товарного ИИ-контента для маркетинга. Возникновение гибридных форм культуры, где граница между человеческим и алгоритмическим стирается. Статус художника эволюционирует в сторону «мета-художника» — создателя систем и экосистем, в которых разворачивается художественный опыт.

Влияние генеративного ИИ на статус художника и культурные индустрии — это процесс перераспределения агентности, в ходе которого переопределяются понятия творчества и ценности. Ключевое изменение — переход от парадигмы «творца-субъекта» к парадигме «творческой сети», где человек, алгоритм, институции и аудитория образуют единую систему производства культурных смыслов. Для исследователей открывается поле вопросов: как формируется алгоритмическая эстетика, как изменится восприятие зрителя и какие механизмы регуляции необходимы для баланса между защитой авторов и технологическим развитием.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 384–391. – ISBN 5-01-001105-7.
2. Манович Л. Искусственный интеллект и эстетика / Л. Манович ; пер. с англ. А. Писарева. – Москва : Strelka Press, 2019. – 128 с. – ISBN 978-5-6040967-3-4.
3. Манович Л. Язык новых медиа / Л. Манович ; пер. с англ. Д. Кульчицкой. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с. – ISBN 978-5-91103-437-7.

4. Фуко М. Что такое автор? / М. Фуко ; пер. с фр. С. Табачниковой // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – Москва : Касталь, 1996. – С. 7–46. – ISBN 5-85374-006-7.

5. Цетинич Э. Понимание и создание искусства с помощью ИИ: обзор и перспективы / Э. Цетинич, Дж. Ше // Труды АСМ по мультимедийным вычислениям, коммуникациям и приложениям. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 1–22. – DOI: 10.1145/3475799. – Перевод с англ.

6. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. — 2023. — №10. — С. 44.

А.Е. ПЕТРОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

О.В. ПЕРЕВОЗОВА

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры «ЭФиУ»,
доцент кафедры «СГиЕНД»
Уральский филиал Финуниверситета

A.E. PETROVA

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction
"Management"

Scientific supervisor

O.V. PEREVOZOVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Management,
Associate Professor of the Department of Social Sciences and Economics,
Ural Branch of the Financial University

ЛЕНТА САМА РЕШАЕТ, ЧТО МНЕ СМОТРЕТЬ: КАК АЛГОРИТМЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ УПРАВЛЯЮТ НАШИМИ ВКУСАМИ

THE FEED DECIDES WHAT I SHOULD WATCH: HOW SOCIAL MEDIA ALGORITHMS CONTROL OUR TASTES

Аннотация

В статье рассматривается трансформация роли рекомендательных алгоритмов социальных сетей: от пассивного отражения пользовательских предпочтений к активному

конструированию вкусов и поведенческих паттернов. На основе анализа механик удержания внимания, эффекта повторяющейся экспозиции и принципов работы современных систем ранжирования автор ставит вопрос о границах субъектности пользователя в цифровой среде. Особое внимание уделяется когнитивным механизмам, снижающим сопротивление алгоритмическому влиянию, и семантическому сдвигу в формулировке личных предпочтений.

Annotation

The article examines the transformation of the role of recommendation algorithms in social media — from passively reflecting user preferences to actively constructing tastes and behavioral patterns. By analyzing the mechanics of attention retention, the mere-exposure effect, and the principles of modern ranking systems, the author raises the question of the boundaries of user agency in the digital environment. Special attention is paid to the cognitive mechanisms that reduce resistance to algorithmic influence and to the semantic shift in how personal preferences are articulated.

Ключевые слова: рекомендательные алгоритмы, социальные сети, формирование вкуса, пузырь фильтров, экономика внимания, эффект повторяющейся экспозиции, поведенческие метрики, цифровая идентичность.

Key words: recommendation algorithms, social media, taste formation, filter bubble, attention economy, mere-exposure effect, behavioral metrics, digital identity.

Вы открываете приложение «на минуту» - просто проверить уведомление. Через два часа вы всё еще там. Более того, вы увлеченно смотрите видео, которые еще месяц назад показались бы вам странными, глупыми или даже раздражающими. И вам это нравится. Этот опыт знаком миллионам. Субъективно он воспринимается как спонтанное действие, однако с точки зрения социотехнических систем представляет собой результат точной инженерии поведения [5] . То, что кажется личным открытием, на деле является продуктом работы сложных алгоритмических механизмов.

Еще десять лет назад пользователь обладал относительной автономией в выборе контента: подписки, поисковые запросы и рекомендации друзей выступали основными навигационными инструментами. Цифровая лента в тот период выполняла функцию зеркала, отражая сформированные ранее интересы человека. Сегодня эта парадигма изменилась. Лента перестала быть пассивным отражением - она превратилась в активного архитектора предпочтений. Алгоритмы социальных сетей больше не просто адаптируются к вкусам пользователя, они формируют, корректируют, а иногда и конструируют их с нуля. Это

смещение порождает фундаментальный вопрос, лежащий на стыке философии сознания и компьютерных наук: где заканчивается «мы» и начинается рекомендательная система?

Переход от хронологической ленты к алгоритмической был обусловлен объективными факторами. Экспоненциальный рост объема контента сделал простую временную сортировку неэффективной. Линейный порядок «по времени публикации» перестал удерживать аудиторию, что напрямую угрожало ключевой метрике платформ - пользовательскому вниманию. Социальные сети отказались от хронологии, поскольку она не оптимизирует вовлеченность. Алгоритмическая лента, напротив, селективно отбирает контент, максимизирующий вероятность удержания пользователя. Современные системы ранжирования оптимизируются не под явные сигналы, такие как лайки, а под поведенческие метрики: время просмотра, глубину просмотра и вероятность досмотра до конца. Лайк в этой модели становится вторичным, зачастую запаздывающим сигналом. Главная цель системы - продлить сессию.

Алгоритмы действуют по принципу A/B-тестирования в реальном времени. Новый контент тестируется на небольших репрезентативных группах, и если ролик демонстрирует высокие метрики удержания - такие как продолжительность просмотра, повторные обращения или включенный звук, - он масштабируется на более широкую аудиторию. Система анализирует не то, что пользователь сказал о своих предпочтениях, а то, что он сделал: где остановил скролл, пересматривал ли видео, вернулся ли к нему позже. Таким образом, поведенческие данные оказываются более значимыми, чем явно выраженные оценки.

Классическая теория «пузыря фильтров» предполагает, что алгоритмы изолируют пользователя в коконе знакомого контента. Однако современные рекомендательные системы пошли дальше, активно внедряя материалы из смежных и даже чуждых категорий. Предсказуемость снижает вовлеченность, поэтому для удержания внимания необходима балансировка между безопасностью и новизной. Как же происходит «ломка» вкусов? Во-первых, через механизм принудительного знакомства: пользователь, который не испытывал интереса к определенному жанру, начинает регулярно сталкиваться с ним в ленте, и изначальное неприятие постепенно нейтрализуется за счет повторяемости контакта. Во-вторых, срабатывает эффект повторяющейся экспозиции — психологический феномен, при котором чем чаще человек сталкивается со стимулом, тем более позитивно он его оценивает, даже если изначально стимул вызывал раздражение. В результате алгоритм перестает быть пассивным предиктором вкуса и становится активным «тренером», переучивающим систему предпочтений индивида.

Почему пользователи не сопротивляются этому влиянию? Ключ кроется в когнитивной нагрузке. Осознанный выбор требует ментальных усилий, связанных с анализом и принятием решений. Бесконечный скроллинг, напротив, является состоянием пониженной рефлексии. Алгоритм делегирует функцию выбора на себя, снимая с человека необходимость формулировать запрос. Искусственный интеллект платформ постоянно балансирует между двумя состояниями: знакомый контент обеспечивает ощущение безопасности и предсказуемости, а новый контент генерирует дофаминовый всплеск за счет эффекта новизны. Эта циклическая динамика создает замкнутую петлю вовлечения, которая минимизирует когнитивный диссонанс и максимизирует время взаимодействия.

Со временем длительное нахождение в алгоритмически управляемой среде приводит к атрофии навыка самостоятельной формулировки предпочтений. В дискурсе пользователя происходит семантический сдвиг: вместо утверждения «мне нравится X» доминирующим становится «мне попадается X». Таким образом, современные рекомендательные системы выступают не просто инструментом навигации в медиасреде, но активным агентом социализации, формирующим культурные вкусы и, в конечном счете, влияющим на структуру личной идентичности в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Батура М.П., Марахина И.В., Пархименко В.П. Принципы функционирования алгоритмических систем социальных сетей // Наука и инновации. — 2025. — № 12. — С. 60–64.
2. Галицкий Е.Б., Левин М.И. Экономика внимания: теоретические основы и эмпирические исследования // Вопросы экономики. — 2024. — № 7. — С. 87–104.
3. Зайонц Р.Б. Эффект повторяющейся экспозиции: классические эксперименты и современные интерпретации // Психологический журнал. — 2023. — Т. 44, № 5. — С. 22–35.
4. Паризер Э. Пузырь фильтров: Как алгоритмы скрывают от нас новое / пер. с англ. А. Ширикова. — Москва : Альпина Паблишер, 2023. — 304 с.
5. Перевозова О.В. Медийные девиации молодежи: причины, проблемы и способы выхода // Трансформация национальной научной школы России: от идеи к реализации : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Уфа, 2026.
6. Харин А.Г., Савельева О.В. Поведенческие метрики вовлеченности в алгоритмах ранжирования социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2025. — № 2. — С. 156–174.

А.Е. ПЕТРОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

О.Н. КЛИМОВА

канд. ист. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

A.E. PETROVA

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction
"Management"

Scientific supervisor

O.N. KLIMOVA

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Ural Branch of the Financial University

УПРАВЛЕНИЕ БРЕНДОМ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ В РОССИИ: УДАЧНЫЙ ПРИМЕР ПАО «СБЕРБАНК»

MANAGING A BRAND IN THE CONSUMER MARKET IN RUSSIA: A SUCCESSFUL EXAMPLE OF SBERBANK PJSC

Аннотация

В статье рассматриваются особенности управления брендом на потребительском рынке. Анализируются основные теоретические подходы к бренд-менеджменту, его роль в формировании конкурентных преимуществ компании и повышении лояльности потребителей. Особое внимание уделяется практическим примерам российских компаний, успешно реализующих стратегии управления брендом.

Annotation

The article discusses the features of brand management in the consumer market. It analyzes the main theoretical approaches to brand management, its role in creating a company's competitive advantages and increasing consumer loyalty. Special attention is given to practical examples of Russian companies that have successfully implemented brand management strategies.

Ключевые слова: бренд, бренд-менеджмент, маркетинг, потребительский рынок, позиционирование, российские компании.

Key words: brand, brand management, marketing, consumer market, positioning, Russian companies.

В условиях высокой конкуренции на современном рынке компании стремятся не только производить качественную продукцию, но и формировать устойчивый бренд, способный привлечь и удержать потребителей. Бренд становится важным нематериальным активом организации и играет ключевую роль в маркетинговой стратегии компании. Управление брендом направлено на формирование положительного имиджа товара или компании, повышение узнаваемости и формирование долгосрочных отношений с потребителями. Эффективный бренд позволяет компании выделяться среди конкурентов и увеличивать стоимость продукции за счет доверия и лояльности покупателей.

Бренд-менеджмент представляет собой систему управленческих действий, направленных на создание, развитие и поддержание положительного имиджа бренда на рынке. Его основная цель — максимизация ценности бренда и повышение эффективности маркетинговой деятельности компании.

Управление брендом включает несколько ключевых элементов:

- Идентичность бренда включает название, логотип, дизайн упаковки, слоган и другие визуальные и коммуникационные элементы, формирующие уникальный образ компании.
- Позиционирование предполагает создание определенного образа бренда в сознании потребителей и выделение его среди конкурентов.

Для продвижения бренда используются различные инструменты маркетинговых коммуникаций: реклама, PR, digital-маркетинг, социальные сети, контент-маркетинг.

Потребительский рынок характеризуется высокой конкуренцией, большим количеством товаров-аналогов и активным влиянием маркетинговых коммуникаций на поведение покупателей.

К основным особенностям управления брендом на данном рынке относятся: высокая роль эмоционального восприятия бренда, необходимость постоянной коммуникации с потребителем, быстрое изменение потребительских предпочтений, высокая значимость репутации компании. Сильный бренд позволяет компаниям формировать доверие и повышать лояльность клиентов, что способствует повторным покупкам и устойчивому развитию бизнеса.

Одним из примеров успешного управления брендом в российской экономике является компания Сбер. Управление брендом «Сбера» демонстрирует трансформацию классического банка в технологическую экосистему. Сбер является одним из крупнейших финансово-технологических брендов России. В 2020 году компания провела масштабный ребрендинг, в результате которого бренд «Сбербанк» был преобразован в более универсальный бренд

«Сбер», что позволило компании позиционировать себя не только как банк, но и как технологическую экосистему.

В 2026 году завершается трехлетняя стратегия развития, а менеджмент уже приступил к формированию целей на следующий период до 2029 года с фокусом на AI-native (ИИ-нативную) бизнес-модель, где искусственный интеллект встроен в ДНК компании. Основой стратегии управления брендом «Сбера» остается развитие зонтичного бренда, объединяющего различные сервисы, в рамках экосистемы функционируют такие сервисы, как СберМаркет, СберЛогистика, СберМобайл и другие. В 2026 году компания делает ставку на генеративный искусственный интеллект: ожидается, что экономический эффект от его использования в 2026 году достигнет 100 млрд рублей, что вдвое больше показателей прошлого года, также компания втрое снизила стоимость GigaChat API для бизнеса и запустила платформу GigaChat Enterprise для создания корпоративных ИИ-агентов.

Помимо этого, Сбер активно развивает бесконтактные биометрические технологии — оплату по лицу и сервис «Вжух», позволяющий оплачивать покупки с iPhone без открытия приложения. Эффективность бренд-стратегии подтверждается устойчивыми финансовыми результатами: чистая прибыль группы за первые два месяца 2026 года составила 324,6 млрд рублей, что на 21,4% выше аналогичного периода прошлого года, а на 2026 год банк подтвердил цели по рентабельности капитала на уровне 22% и чистой процентной марже около 5,9%. Управление брендом «Сбера» продолжает получать высокую оценку на международной арене — в марте 2026 года были опубликованы результаты рейтинга Brand Finance Banking 500, согласно которым стоимость бренда Сбера за год выросла на 47,3% и достигла 7,117 млрд долларов, а сам Сбер поднялся в рейтинге на 17 строк, заняв 61-е место, оставшись единственным российским брендом в первой сотне, а также первым среди конкурентов из Восточной Европы. В компании отмечают, что капитал бренда становится главным отличием сильных компаний, подчеркивая, что технологии можно скопировать, а доверие — нет.

Таким образом, бренд-менеджмент «Сбера» остается ориентированным на цифровые технологии и инновации, что позволяет компании укреплять свои позиции как лидера финансового рынка и одной из самых узнаваемых технологических экосистем в Европе.

В то же время развитие цифровых технологий и интернет-маркетинга открывает новые возможности для продвижения брендов и формирования устойчивых отношений с потребителями. Управление брендом является важным элементом стратегического управления компанией на потребительском рынке. Сильный бренд позволяет формировать доверие потребителей, повышать узнаваемость продукции и обеспечивать конкурентные преимущества компании.

Анализ примеров российских компаний показывает, что успешное управление брендом требует комплексного подхода, включающего разработку бренд-стратегии, активную маркетинговую коммуникацию и постоянный анализ потребительских предпочтений. В условиях цифровой трансформации экономики роль бренд-менеджмента будет продолжать возрастать, что делает его важным инструментом устойчивого развития компаний.

Список литературы

1. Бренд как инструмент управления // Journal of Monetary Economics and Management. — 2025. — С. 135–142. — URL: <https://jomeam.ru/ru/nauka/article/99182/view> (дата обращения: 16.03.2026).
2. Трунов, Д. Маркетинг 2025: как брендам выжить в мире алгоритмов и мессенджеров / Д. Трунов // Sostav.ru. — 2025. — 7 октября. — URL: <https://www.sostav.ru/publication/marketing-2025-kak-brendam-vyzhit-78657.html> (дата обращения: 16.03.2026).
3. Горгуль, Г. Репутация как новая валюта / Г. Горгуль // РБК Компании. — 2025. — 19 марта. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/fMm145GVEE/reputatsiya-kak-novaya-valyuta/> (дата обращения: 16.03.2026).
4. Смирнова, М. М. Стратегии постановки целей в управлении брендом и лояльностью клиента в условиях экономической трансформации / М. М. Смирнова, И. И. Староверова // Управленец. — 2025. — Т. 16, № 2. — С. 100–117. — DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-2-7.
5. Тищенко, А. Тренды маркетинга 2025 в B2B и B2C: как развивать бизнес, чтобы выйти на прибыль / А. Тищенко // Yapokupayu.ru. — 2025. — 15 мая. — URL: <https://www.yapokupayu.ru/blogs/post/trendy-marketinga-2025-kak-razvivat-proekty-b2b-i-b2c-chtoby-vyyti-na-pribyl> (дата обращения: 16.03.2026).

А.Е. ПЕТРОВА, С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления
«Менеджмент»

Панькин С. И.
Научный руководитель
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «социально-гуманитарные
и естественно-научные дисциплины»

A.E. PETROVA

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction
"Management"

Pankin S. I.

Scientific supervisor
candidate of social sciences, associate
Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

CORRUPTION ISSUES IN MIGRATION POLICY IN RUSSIA

Аннотация

В статье рассматривается системная коррупция в миграционной сфере России, которая из отдельных нарушений переросла в многомиллиардную индустрию с участием высокопоставленных сотрудников МВД, миграционных служб и чиновников. На основе резонансных уголовных дел 2025–2026 годов в Челябинске и Москве анализируются механизмы незаконной легализации мигрантов, включая манипуляции с цифровыми реестрами (реестр контролируемых лиц, приложение «Амина») и сохранение архаичного бумажного документооборота как сознательного инструмента коррупции. Особое внимание уделяется противоречию между декларируемыми мерами цифровизации и ужесточения контроля, с одной стороны, и отсутствием уголовных дел в отношении высшего руководства, формирующего правила игры, — с другой.

Annotation

The article examines systemic corruption in Russia's migration sphere, which has evolved from isolated violations into a multi-billion-dollar industry involving senior officials of the Ministry of Internal Affairs, migration services, and government agencies. Based on high-profile criminal cases from 2025–2026 in Chelyabinsk and Moscow, the author analyzes mechanisms of illegal migrant legalization, including manipulations with digital registries (the Register of Controlled Persons, the "Amina" application) and the preservation of archaic paper document flow as a deliberate instrument of corruption. Special attention is paid to the contradiction between declared digitalization and tightening control measures, on the one hand, and the absence of criminal cases against top-level officials who set the rules of the game, on the other.

Ключевые слова: миграционная политика, коррупция, нелегальная миграция, цифровизация, реестр контролируемых лиц, МВД, Челябинск, Москва, системная коррупция, противодействие коррупции

Keywords: migration policy, corruption, illegal migration, digitalization, Register of Controlled Persons, Ministry of Internal Affairs, Chelyabinsk, Moscow, systemic corruption, anti-corruption

Миграционная политика России в последние годы стала зоной огромных теневых доходов. Коррупция здесь давно переросла уровень отдельных недобросовестных инспекторов и превратилась в индустрию с многомиллиардными оборотами, в которой участвуют начальники отделов полиции, сотрудники миграционных служб и чиновники, обязанные по долгу службы ставить заслон нелегальной миграции. В 2025–2026 годах вскрылись резонансные факты: в Челябинске один за другим осудили высокопоставленных полицейских, в Москве преступные группы легализовали тысячи мигрантов прямо под носом у руководства МВД, а в Госдуме публично признали, что 10 миллиардов рублей, поступивших в бюджет, — это деньги, которые раньше уходили коррупционерам[3][8]. Главный вопрос: если коррупция носит системный характер, то кто является её главным выгодоприобретателем и почему до сих пор нет громких «посадок» на самом верху?

Наиболее показательным регионом, где масштаб коррупции был вскрыт с особой детализацией, стала Челябинская область. Здесь задержали и осудили не рядовых взяточников, а руководителей, которые годами чувствовали себя безнаказанными. В феврале 2026 года Калининский районный суд Челябинска приговорил бывшего начальника отдела иммиграционного контроля регионального ГУ МВД к 10 годам колонии строгого режима[1]. Он получил взятки на сумму 3,6 миллиона рублей за так называемое «общее покровительство» — на практике это означало, что он сознательно не проводил проверки «резиновых квартир» и не привлекал к ответственности владельцев жилья, где фиктивно регистрировали тысячи мигрантов. Суд не только отправил его в колонию, но и назначил штраф 15 миллионов рублей, лишил звания подполковника и конфисковал имущество на 4 миллиона. Чуть позже оперативники ФСБ и службы собственной безопасности МВД вскрыли в Челябинске организованную преступную группу, в которую входила главный специалист-эксперт управления по вопросам миграции областного главка[1][6]. Два года, с 2021 по 2023-й, эта группа помогала иностранцам незаконно получать российское гражданство. За взятки они подделывали трудовые договоры, дипломы, свидетельства о рождении — в общей сложности 60 иностранцев получили паспорта РФ незаконно[1][6]. Суд приговорил экс-сотрудницу МВД к 7 годам колонии и штрафу[1][6]. Но почему подобные

схемы работали годами, а не были пресечены на начальной стадии? Ответ напрашивается сам собой — либо руководство областного главка знало о происходящем, либо в регионе отсутствовал реальный контроль за собственными сотрудниками.

Челябинск, впрочем, не уникален. В столице масштабы коррупции оказались не меньше. В марте 2026 года Следственный комитет вынес приговор руководству отдела полиции «Коммунарский»[2][7]. Бывший начальник отдела и его подчиненные организовали канал нелегальной миграции, который за полгода помог узаконить 2,5 тысячи иностранцев[2][7]. Схема была до неприличия проста: взятка — штамп в паспорте — легальный статус. А в Юго-Западном округе Москвы в феврале 2026 года задержали семерых человек, включая пятерых действующих полицейских во главе с начальником отдела по вопросам миграции [2]. Они оформляли фиктивные учебные визы, но самое показательное — следствие установило, что те же самые люди исключали из «реестра контролируемых лиц» полторы тысячи мигрантов, которые по закону должны были быть депортированы.

Этот эпизод с реестром подводит к более широкой проблеме — цифровизации миграционного контроля. Государство делает ставку на современные технологии как на способ борьбы с коррупцией. С 2025 года в России действует единый реестр контролируемых лиц — база данных нелегальных мигрантов. Попадание в него влечет за собой серьезные последствия: депортацию, блокировку банковских счетов, запрет на регистрацию брака и управление транспортом. Казалось бы, цифровая система должна исключить человеческий фактор и сделать процесс прозрачным. Однако практика показывает обратное: коррумпированные полицейские имеют доступ к этому реестру и за взятки удаляют оттуда людей, которые по закону должны быть высланы из страны. Аналогичная ситуация с приложением «Амина», через которое мигранты обязаны ежедневно отправлять свое местоположение. Теоретически это позволяет отслеживать соблюдение миграционного режима, но на практике создаются новые коррупционные стимулы — мигранты готовы платить, чтобы их нарушения в системе не фиксировались или исправлялись задним числом. Эксперты на круглом столе в Институте стран СНГ в феврале 2026 года обратили внимание на еще один аспект: сохранение архаичного бумажного документооборота в условиях наличия развитых цифровых решений — это не бюрократическая инерция, а сознательный инструмент коррупции. Бумага позволяет «терять» документы, затягивать сроки, создавать очереди, из которых только за деньги можно выйти. Цифровизация могла бы устранить эти возможности, но внедряется она медленно и непоследовательно, а главное — не сопровождается очищением самих контролирующих органов.

На федеральном уровне попытки переломить ситуацию предпринимаются. 15 октября 2025 года президент утвердил новую концепцию миграционной политики до 2030 года.

Впервые в ней появилась фраза: приоритет — интересы граждан России, а не бизнеса. Также в документе говорится о необходимости ликвидировать этнические анклавы. Однако эксперты, включая главу Национального антикоррупционного комитета Кирилла Кабанова, задаются вопросом: где реальное выдворение нелегалов? «Покажите мне эти поезда и автобусы, эти колонны машин, которые двинулись с выдворяемыми нелегалами в сторону границы!» — заявил он[4][9]. В концепции много правильных слов, но ничего не сказано о том, как именно будут наказывать коррупционеров в погонах.

Самый громкий сигнал о масштабе проблемы прозвучал в январе 2026 года, когда руководитель фракции «Единая Россия» Владимир Васильев заявил, что 10 миллиардов рублей, поступивших в бюджет, — это средства, которые раньше уходили на коррупционные схемы с экзаменами по русскому языку для мигрантов[3][8]. Фактически он публично признал, что годами экзамены были фиктивными, а деньги шли в карманы посредников. «Мы видим, что ситуация меняется к лучшему. Только в этом году из тени, из коррупции 10 миллиардов [рублей] пришли в бюджет страны в результате совместной работы законодателей и всех, кто этим занимался»[3], — заявил Васильев. И снова возникает вопрос, если 10 миллиардов рублей просто переложили из кармана коррупционеров в бюджет, то почему ни один чиновник не понес наказание? Почему нет уголовных дел на тех, кто годами организовывал фиктивную сертификацию сотен тысяч мигрантов? Где фамилии тех, кто создал эту систему? Пока уголовные дела возбуждаются только против начальников отделов и инспекторов. Те же, кто на федеральном уровне утверждал правила проведения экзаменов, распределял квоты и должен был контролировать процесс, остаются в стороне.

Политолог Николай Севостьянов тоже дал оценку происходящему: коррупция в миграционной сфере — это угроза государственности. По его словам, диаспоры начинают чувствовать, что «у них всё схвачено» и «их в любом случае отмажут»[5]. Челябинские приговоры и московские обыски показывают, что правоохранительная система способна находить и наказывать коррупционеров. Но пока это происходит точечно.

Указанные риски безусловно стоит учитывать при планировании миграционной политики на федеральном и региональном уровнях, особенно в части построения целостной системы управления, устойчивой к коррупционным практикам[10, с. 85–86].

Безусловно, меры принимаются. Внедряются цифровые реестры и приложения, ужесточается ответственность, растут поступления в бюджет за счет вывода из тени экзаменационных услуг, а отдельные коррупционеры в погонах получают реальные сроки. Однако все эти шаги пока напоминают борьбу со следствием, а не с причиной. Пока миллиарды продолжают уходить в тень, а цифровые системы, которые должны делать процесс прозрачным, остаются под контролем тех же коррупционеров, миграционная

политика остается не инструментом развития страны, а источником доходов для тех, кто должен следить за порядком. Усилить эффект от принимаемых мер можно только одним способом — перестать останавливаться на начальниках отделов и перейти к системному очищению верхних этажей власти, где создаются правила игры и распределяется доступ к тем самым цифровым инструментам. Главный вопрос остается без ответа: когда мы увидим первые посадки не просто полицейских и рядовых сотрудников, а их покровителей из числа высокопоставленных чиновников, которые создают правила игры и распределяют доступ к цифровым системам? Без ответа на этот вопрос любые разговоры о новой концепции и цифровизации останутся просто словами.

Список литературы

1. [74.RU](https://74.ru). В Челябинске осудили экс-сотрудницу УВМ, которая помогала мигрантам получать паспорта за взятки : [сайт] / [74.RU](https://74.ru). – Челябинск, 2026. – 18 февр. – URL: <https://74.ru/text/criminal/2026/02/18/>... (дата обращения: 30.03.2026).
2. [Life.ru](https://life.ru). «Где поезда?»: Кабанов потребовал отчитаться о выдворении нелегалов из России : [сайт] / [Life.ru](https://life.ru). – Москва, 2026. – 4 марта. – URL: <https://life.ru/>... (дата обращения: 30.03.2026).
3. МВД Медиа. Сотрудники полиции ЮЗАО Москвы подозреваются в организации незаконной миграции : [сайт] / официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Москва, 2026. – 12 февр. – URL: <https://мвд.пф/news/>... (дата обращения: 30.03.2026).
4. Парламентская газета. Васильев: Бюджет получил 10 миллиардов рублей, которые раньше уходили коррупционерам : [сайт] / Парламентская газета. – Москва, 2026. – 27 янв. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/2026/01/27/>... (дата обращения: 30.03.2026).
5. Право.Ru. Суд огласил приговор экс-полицейским из отдела «Коммунарский» за организацию незаконной миграции : [сайт] / Право.Ru. – Москва, 2026. – 13 марта. – URL: <https://pravo.ru/news/>... (дата обращения: 30.03.2026).
6. РИА Новости. Васильев: 10 млрд рублей от экзаменов для мигрантов поступили в бюджет вместо коррупции : [сайт] / РИА Новости. – Москва, 2026. – 27 янв. – URL: <https://ria.ru/20260127/>... (дата обращения: 30.03.2026).
7. ТАСС. Суд в Москве вынес приговор бывшему руководству отдела полиции «Коммунарский» по делу о нелегальной миграции : [сайт] / ТАСС. – Москва, 2026. – 13 марта. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/>... (дата обращения: 30.03.2026).

8. [URA.RU](https://ura.ru). Кабанов раскритиковал выдворение мигрантов: «Покажите мне эти поезда» : [сайт] / [URA.RU](https://ura.ru). – Москва, 2026. – 4 марта. – URL: [https://ura.news/news/...](https://ura.news/news/) (дата обращения: 30.03.2026).

9. ФедералПресс. Севостьянов: коррупция в миграционной сфере — это угроза государственности : [сайт] / ФедералПресс. – Москва, 2026. – 27 февр. – URL: [https://fedpress.ru/expert-opinion/2026/02/27/...](https://fedpress.ru/expert-opinion/2026/02/27/) (дата обращения: 30.03.2026).

10. Елпанова, И. А. О системе управления миграцией в Российской Федерации / И. А. Елпанова, С. И. Панькин // Научное пространство современной молодёжи: приоритетные задачи и инновационные решения : III РеФОРУМ «Управлять мечтой!» : сборник статей участников II Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Челябинск, 20 мая 2021 года. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2021. – С. 84–86. – EDN HLLFQB.

Е.Е.ПИГАРЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

А.И.ТЕПЛЯКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

Научный руководитель

С.В.БУДАЕВА

Старший преподаватель
Уральский филиал Финуниверситета

E.E.PIGAREVA

Ural Branch of the Financial University
2nd year student in the field
of Advertising and Public Relations

A.I.TEPLYAKOVA

Ural Branch of the Financial University
2nd year student in the field
of Advertising and Public Relations

Scientific supervisor

S.V.BUDAEVA

Senior lecturer
Ural Branch of the Financial University

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕКЛАМЕ:
НЮАНСЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ADVERTISING:

FEATURES OF ITS USE

Аннотация

В этой статье рассматриваются основные направления применения искусственного интеллекта в рекламе. Анализируются преимущества автоматизации, а также правовые и этические сложности, с которыми могут столкнуться рекламодатели. Также подводится итог о необходимости грамотного сочетания технологий и человеческого участия.

Annotation

This article discusses the main applications of artificial intelligence in advertising. The advantages of automation are analyzed, as well as the legal and ethical difficulties that advertisers may face. It also sums up the need for a competent combination of technology and human involvement.

Ключевые слова: искусственный интеллект, реклама, гиперперсонализация, алгоритмы, этика.

Key words: artificial intelligence, advertising, hyper-personalization, algorithms, ethics.

Цифровые технологии существенно повлияли на изменения в рекламе. Искусственный интеллект (ИИ) стал одним из главных двигателей этих изменений. В настоящее время он не только помогает анализировать данные, но и принимает участие в создании рекламы, ее размещении и настройке.

Но у использования ИИ есть не только плюсы, но и весьма спорные моменты. Основное противоречие в том, что алгоритмы могут делать рекламу достаточно эффективной, но при этом частично исключить живую коммуникацию и искренние эмоции. Кроме того, периодически возникают вопросы этики и законности сбора данных. Цель этой статьи — разобраться, как именно ИИ применяется в рекламе, и выявить, с какими сложностями могут столкнуться компании, при его использовании.

Сегодня ИИ используют практически на всех этапах работы. Самое популярное направление — гиперперсонализация. Раньше аудиторию делили на большие примитивные группы по возрасту или полу. Теперь алгоритмы анализируют, что человек покупал, чем интересовался, какие места посещал и на какие сайты заходил. Как итог, благодаря работе алгоритма, каждый пользователь видит то предложение, которое подходит именно ему в данный момент. Это значительно повышает шансы на то, что человек купит что-либо или хотя бы заинтересуется в предложенном ему товаре [1, с. 112].

Второе направление — программатик (автоматическая покупка рекламы). ИИ автоматизирует процесс покупки рекламных инвентарей через RTB (Real Time Bidding — аукцион в реальном времени). Алгоритмы принимают решение о показе рекламы за миллисекунды до загрузки страницы, оценивая тысячи параметров. Это позволяет оптимизировать бюджет, исключая неэффективные показы. Реклама транслируется только тем, кто действительно может заинтересоваться продуктом.

Третье направление — создание креативов. Генеративные нейросети (Midjourney, DALL-E, ChatGPT) уже умеют рисовать картинки, писать тексты, придумывать яркие слоганы и даже монтировать ролики. ИИ способен создать сотни вариантов креативной рекламы, проверить их на фокус-группах и выбрать самый эффективный. Но именно в этой области возникает много споров, касающихся авторского права и уникальности коммуникации [2, с. 27].

Автоматизация рекламы дает много значимых преимуществ, но у нее есть и обратная сторона. Первая проблема — непрозрачность алгоритмов. Зачастую даже разработчики не могут точно объяснить, почему нейросеть приняла то или иное решение. Например, почему реклама показывалась именно этим людям или почему бюджет был потрачен именно так. Это создает значительный риск для рекламодателя: если кампания пойдет не по плану (например, реклама появится на неподходящем для этого сайте), будет непонятно, кто конкретно за это отвечает — платформа, агентство или сам алгоритм.

Вторая проблема — «пузырь фильтров». ИИ, стремясь повысить вовлеченность, показывает пользователю преимущественно ту информацию и те товары, которые соответствуют его уже сформированным предпочтениям. Но со временем пользователь перестает видеть что-то новое. Ему предлагают одни и те же товары, и его круг интересов сужается. Для брендов это тоже минус: они не могут найти новую заинтересованную аудиторию, потому что алгоритм не показывает их рекламу тем, кто раньше на нее не реагировал.

Третья проблема — этика работы с данными. Использование прогнозной аналитики позволяет алгоритмам предсказывать уязвимость потребителя (например, склонность к игровой зависимости, финансовые трудности или эмоциональную нестабильность) и таргетировать на таких людей соответствующие предложения. Технически это повышает продажи, но с этической точки зрения это спорный подход, который вызывают вопросы о соблюдении принципа добросовестности рекламы, закрепленного в законодательстве многих стран, включая Федеральный закон «О рекламе» в Российской Федерации [3].

Внедрение ИИ в рекламу сталкивается с нормативными ограничениями. Согласно закону «О персональных данных» (152-ФЗ), собирать информацию о людях можно только с

согласия субъекта. Однако алгоритмы зачастую прибегают к использованию косвенных данных (например, историю перемещений или список установленных приложений), которые формально могут не являться персональными, но позволяют с высокой точностью идентифицировать личность и ее предпочтения.

Еще один важный момент — авторские права. Действующее гражданское законодательство (ГК РФ) признает автором исключительно человека. Из этого следует, что подобные работы плохо защищены, что провоцирует риски для рекламодателей в случае их недобросовестного использования конкурентами [4, с. 150].

Полностью отказываться от ИИ в рекламе уже невозможно — он дает слишком большое преимущество. Однако полностью полагаться лишь на алгоритмы тоже опасно. Поэтому многие эксперты говорят о концепции «гибридного интеллекта». В этом случае ИИ берет на себя рутинную работу: сбор данных, настройку показов, тестирование разных вариантов. А человек берет на себя стратегию, креатив и контроль за соблюдением этических норм. Такой подход помогает избежать главных недостатков алгоритмов — отсутствия эмпатии и понимания контекста. Исследования показывают, что люди лучше относятся к рекламе, в которой чувствуется «человеческое лицо» и искренность, особенно если речь идет о социально значимых товарах или сегментах премиум-класса.

Чтобы реклама приносила пользу и компании, и потребителям, важно не просто внедрять ИИ, а делать это осознанно.

Список литературы

1. Капанова, Л. Д. Цифровая экономика: трансформация рекламных коммуникаций / Л. Д. Капанова. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 215 с.
2. Кузнецов, П. Ю. Нейросети в креативных индустриях: авторское право и оригинальность / П. Ю. Кузнецов // Вопросы кибербезопасности. – 2024. – № 2 (50). – С. 24–31.
3. Российская Федерация. Законы. О рекламе: Федеральный закон № 38-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 февраля 2006 года : одобрен Советом Федерации 3 марта 2006 года]. – М.: Проспект, 2025.
4. Соловьев, С. С. Правовые аспекты применения генеративных нейросетей в коммерческой деятельности / С. С. Соловьев // Хозяйство и право. – 2023. – № 12. – С. 145–156.

Е.Е. ПИГАРЕВА, А.И. ТЕПЛЯКОВА
Уральский филиал Финуниверситета

студентки II курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

Научный руководитель
О.В. ПЕРЕВОЗОВА
Уральский филиал Финуниверситета
канд. пед. наук, доцент

E.E. PIGAREVA, A.I. TEPLYAKOVA
Ural Branch of the Financial University
2nd year student in the field
of Advertising and Public Relations

Scientific supervisor
O.V. PEREVOZOVA
Ural Branch of the Financial University
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

**МЕМ-МАРКЕТИНГ И BRAINROT: ПОЧЕМУ АБСУРДНАЯ
РЕКЛАМА РАБОТАЕТ ЛУЧШЕ, ЧЕМ «ПРОДАЮЩИЕ» ТЕКСТЫ**

**MEME MARKETING AND BRAINROT: WHY ABSURD
ADS WORK BETTER THAN «SELLING» TEXTS**

Аннотация

В статье анализируется переход от классических «продающих» текстов к абсурдной рекламе, построенной на мемах и brainrot-контенте. Такой формат эффективно работает с молодёжной аудиторией, поскольку апеллирует не к рациональному мышлению, а к подсознательным механизмам – повторению, гипнотическому ритму и эффекту «залипания». Автор доказывает, что абсурдная реклама становится не просто трендом, а новой логикой коммуникации бренда в условиях информационной перегрузки.

Annotation

The article analyzes the transition from classic "selling" texts to absurd advertising based on memes and brainrot content. This format works effectively with a youth audience, since it appeals not to rational thinking, but to subconscious mechanisms – repetition, hypnotic rhythm and the effect of «sticking». The author proves that absurd advertising is becoming not just a trend, but a new logic of brand communication in the context of information overload.

Ключевые слова: реклама, мем, молодёжь, контент, вирус.

Key words: advertising, meme, youth, content, virus.

Несколько лет назад формула успешной рекламы выглядела прозрачно: проблема → решение → призыв к действию. Эта механика работала, пока аудитория была готова читать длинные посадочные страницы и верить громким обещаниям. Сегодня среднее время удержания внимания в социальных сетях составляет 8–12 секунд: пользователь пролистывает ленту, получая сотни визуальных и текстовых сигналов. В этом хаосе классический «продающий» текст оказывается в проигрыше, потому что он требует вдумчивости, доверия и времени. Абсурдная реклама, построенная на иронии и визуальном шуме, напротив, не требует включения рационального мышления – она попадает прямо в эмоциональный центр принятия решений.

Мем в рекламе или маркетинге – это узнаваемый образ или идея, которые используют для создания контента, чтобы привлечь внимание аудитории, увеличить узнаваемость бренда или вызвать эмоциональный отклик. Мемы легко использовать в рекламе в соцсетях: это дает дополнительный вирусный эффект – пользователи начинают сами делиться рекламным постом: лайкать, комментировать, делиться. Это делается добровольно и безвозмездно: подписчики самостоятельно продвигают и рекламируют бизнес. Мемы просто создать – потребуется только знание трендов и быстрая адаптация под tone of voice бренда. Мемы повышают лояльность аудитории, ненавязчиво заставляют человека «влюбиться» в компанию через эмоции. И главное: такая смешная реклама не будет вызывать у них негативных эмоций и представляться надоевшим спамом. Мемы ассоциируются с брендом и становятся его фишкой. Благодаря этим свойствам они эффективны в рекламной стратегии, даже если сперва кажется, что шутки никак не влияют на количество продаж [1].

Почему абсурд стал рациональным? Следует обратиться к культурной логике поколения, которое сейчас формирует основные тренды потребления – к поколению Z (и уже подрастающей «альфе»). Они выросли в перенасыщенной информационной среде. Для них реклама не «вторжение», а естественный фон. Молодые люди ценят аутентичность выше качества. Для них важнее, чтобы бренд «говорил на их языке» [4].

В этой логике абсурд выполняет сразу несколько функций:

1. Сигнализирует о «своём». Если бренд публикует пост, который кажется бессмысленным, но использует иронию, визуальный стиль он получает доверие.
2. Снижает защитные барьеры. Абсурдную рекламу сложно воспринимать как манипуляцию. Пользователь думает: «Это просто шутка, никто не пытается мне что-то продать», – но бренд остаётся в фокусе внимания.

3. Создаёт виральность. Мемы распространяются быстрее любой рекламной кампании за счёт пользовательского UGC.

4. Визуальный шум. Современная абсурдная реклама часто вообще отказывается от связных предложений. Пост может состоять из набора эмодзи, нелепой картинки и непонятных подписей: коммуникация работает, потому что она имитирует естественный язык переписки друзей, не требует когнитивных усилий.

Но в последние несколько лет абсурдная реклама эволюционировала в нечто, что сама аудитория назвала **brainrot** (от англ. *brain* – мозг, *rot* – гниение, разложение). И это не просто новый тренд – это возможный финал той логики, которую мы наблюдаем последние пять лет.

Брейнрот-контент быстро вирусится – он стремительно попадает в рекомендации, поскольку это трендовый формат, где мало смысловой нагрузки, не нужно тратить много ресурсов для создания. Он выглядит ярко и въедливо за счет своей бессмысленности, пользователи легко запоминают подобное. Такой контент не ограничивается одним форматом – можно придумывать целые истории и мультивселенные. Если в ходе брейнрот-кампании бренд сделал персонажа, его можно оставить насовсем, даже когда тренд закончится. Brainrot вызывает зависимость. Повторяющиеся звуки, ритмичный монтаж, гипнотические визуальные паттерны работают на уровне рептильного мозга. Пользователь возвращается к бренду не потому, что ему нужен товар, а потому, что он хочет ещё одну дозу странного контента. А товар потом покупается «за компанию», почти случайно [2].

Нельзя предугадать, как на мем в рекламе отреагирует аудитория: одним юмор покажется действительно смешным, а другим – нелогичным и глупым. Мемы быстро теряют популярность: то, что набирало миллионы лайков и просмотров месяц назад, сегодня часто неактуально, поскольку люди уже насытились этим контентом и снова хотят видеть что-то новое [3]. Чтобы мем сработал важно понимать, что он оптимален для молодежной рекламы, эта аудитория проводит много времени в Интернете. Смешные картинки работают не везде: их ценят в неформальных каналах – соцсети, рассылки, баннеры в таргетированной рекламе. В традиционной же рекламе (наружной, телевизионной, печатной и т.д.) мемы выглядят разрывом шаблона. Перед созданием смешной рекламы необходимо проанализировать целевую аудиторию: возраст клиентов, интересы, запросы и боли – так можно подать нужную рекламную идею в меме. Смешные картинки должны соответствовать посылам, целям и ценностям бренда [1].

Таким образом, абсурдная реклама, а особенно её крайняя форма – brainrot – работает лучше классических «продающих» текстов, так как соответствует способу потребления информации современной аудиторией. «Продающие» тексты апеллируют к рациональному

мышлению, которое в условиях информационной перегрузки утомлено и защищено. Мемы и Brainrot апеллируют к подсознательным механизмам – повторению, гипнотическому ритму, коллективному недоумению, эффекту «залипания»: они должны стать незабываемым вирусом, который поселяется в голове и отказывается уходить.

Список литературы

5. Агентство интернет-маркетинга Exiterra [сайт]. – URL: <https://exiterra.ru/blog/kreativ/smeshnaya-reklama-kak-ispolzovat-yumor-memy-v-reklame/#close>
6. Брейнрот-маркетинг: что это такое, как работает брейнрот-контент [сайт]. – URL: <https://1ps.ru/blog/texts/2026/chto-takoe-brejnrot-marketing-i-pochemu-bezumie-i-absurd-tak-xorosho-rabotayut/> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Мем-маркетинг: как бренды всё чаще уходят в юмор [сайт]. – URL: <https://www.cossa.ru/trends/337650/>
8. Перевозова О.В., Скрипник Т.В. Анализ особенностей выбора развлекательного контента среди молодежи // Социально-экономическое развитие региона: инновационные инструменты и цифровые технологии: сборник материалов XXVIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 105-летию Финансового университета (г. Челябинск, 25 июня 2024 г.). – Москва: Перо, 2024. – 385 с.

К.В. ПЛАКСИНА, В.С. ЯЗЕВА А.А. ЯХИМОВИЧ

Уральский медицинский институт
студенты I курса специальности «Стоматология»

K.V. PLAKSINA V.S. YAZEVA A.A. YAKHIMOVICH

Ural Medical Institute
1st year students of the Dentistry training course

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА УРАЛЕ И ИХ РОЛЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ ЭПИДЕМИИ (1917 Г. – НАЧАЛО 1921 Г.)

THE ESTABLISHMENT OF SOVIET PUBLIC HEALTH AUTHORITIES IN THE URALS AND THEIR ROLE IN OVERCOMING EPIDEMICS (1917 – EARLY 1921)

Аннотация

Цель исследования – проанализировать процесс становления советских органов здравоохранения на Урале в 1917–1921 годах и определить их роль в преодолении эпидемий в условиях Гражданской войны, а также выявить факторы, обусловившие организационные преобразования в медицинской сфере региона. Изучены структура и деятельность первых

советских медицинских учреждений, их кадровый состав и материально-техническая база, а также мобилизационные действия властей по созданию чрезвычайных противоэпидемических комиссий. Таким образом, в работе показано, что становление советского здравоохранения на Урале происходило в экстремальных условиях военного времени и носило ярко выраженный чрезвычайный характер: полноценная система медицинских органов начала формироваться лишь тогда, когда эпидемии приобрели массовый, катастрофический характер и потребовали немедленных, «пожарных» мер по мобилизации всех ресурсов для спасения населения и армии.

Annotation

The aim of this study is to analyze the process of establishing Soviet public health authorities in the Urals between 1917 and 1921, and to determine their role in overcoming epidemics during the Civil War. It also seeks to identify the factors that led to organizational transformations in the region's medical sector. The study examines the structure and activities of the first Soviet medical institutions, their staffing and material resources, as well as the mobilization efforts by the authorities to create emergency anti-epidemic commissions. The work demonstrates that the establishment of Soviet healthcare in the Urals took place under the extreme conditions of wartime and was distinctly emergency in nature: a fully-fledged system of medical bodies began to take shape only when epidemics reached massive, catastrophic proportions and required immediate, «firefighting» measures to mobilize all available resources to save the population and the army.

Ключевые слова: Урал, Гражданская война, советское здравоохранение, эпидемия, тиф, история медицины, мобилизация.

Keywords: Urals, Civil War, Soviet healthcare, epidemic, typhus, history of medicine, mobilization.

Актуальность изучения процесса становления советских органов здравоохранения на Урале в 1917–1921 годах и их роли в преодолении эпидемий обусловлена, прежде всего, созвучием исторического опыта современным вызовам. Пандемия COVID-19 показала, что угроза массовых инфекционных заболеваний сохраняется, а человечество по-прежнему нуждается в эффективных механизмах экстренного реагирования. Опыт Урала периода Гражданской войны, когда в условиях тотальной разрухи и дефицита ресурсов создавались чрезвычайные органы управления, внедрялась поголовная вакцинация и мобилизовывались медицинские кадры для борьбы с тифом и холерой, представляет собой ценный исторический урок организации здравоохранения в кризисных условиях [2]. Кроме того,

исследование региональной специфики становления советской медицины позволяет восполнить пробелы в историографии. Урал являлся уникальным перекрестком фронтов и тыла, местом скопления беженцев, что делало эпидемиологическую ситуацию здесь особенно острой. Анализ того, как на периферии выстраивалась новая система здравоохранения, происходила ломка земских структур и внедрялись советские модели управления, создает более полную картину истории отечественной медицины и сохраняет память о самоотверженном труде уральских врачей, спасавших население ценой собственных жизней.

Революционные события 1917 г. и Гражданская война стали периодом глубочайших потрясений для Урала. Обладавший мощным промышленным потенциалом регион превратился в арену ожесточенного противоборства, место массового скопления беженцев, военнопленных и выселенцев. Разруха, голод и топливный кризис привели к коллапсу инфраструктуры: водопроводы бездействовали, бани не работали, а скученность населения в нетопленных жилищах создала идеальную среду для пандемий сыпного тифа, холеры и оспы [2]. Именно в этих катастрофических условиях, в обстановке тотального дефицита всего – от мыла до квалифицированных врачей, – началось формирование новых, советских органов здравоохранения.

К 1917 г. унаследования от земств система здравоохранения на Урале оказалась парализована. Участие в мировой войне привело к острейшему кадровому голоду: большинство врачей были мобилизованы на фронт. Ситуация усугублялась разрухой городской инфраструктуры и катастрофической нехваткой медикаментов, мыла и дезинфицирующих средств, что делало невозможным ни лечение, ни профилактику в условиях Гражданской войны.

Военные действия в сочетании с социальным кризисом создали беспрецедентную эпидемиологическую обстановку. Массовая миграция, бегство населения и эвакуация разрушили санитарные барьеры. Железнодорожные станции и теплушки стали рассадниками инфекции: именно по путям сообщения тиф стремительно распространялся по региону. Голод и нехватка топлива заставляли людей сбиваться в нетопленые бараки, где антисанитария достигала предела. Ослабленный организм не сопротивлялся инфекциям, превращая любую вспышку в масштабную эпидемию [2].

После революции на Урале началось создание советских органов здравоохранения. В 1918 г. в Екатеринбурге появились первые санитарные комитеты для борьбы с эпидемиями тифа, холеры и «испанки» [5]. Акцент делался на чрезвычайные меры, создавались противозидемические станции и управы, ориентированные на центр, но с учетом местных условий.

В 1918–1921 гг. на Урале были созданы областные и городские отделы здравоохранения, подчинявшиеся центральным структурам и координировавшие деятельность медучреждений с учетом взаимодействия с военными службами Красной армии. Остройшей проблемой была нехватка квалифицированных кадров. Ключевую роль в организации санитарной службы Екатеринбурга и борьбе с эпидемиями сыграл главный врач города И. Ф. Баранов, внедрявший дезинфекционные меры и мобилизовавший персонал. Важную роль также играли врачи-специалисты и коммунисты, как П. П. Смирнов, задействованные в профилактике и организации госпиталей [5].

Советские органы здравоохранения активно сотрудничали с военными структурами. Взаимодействие с армией было критически важным: создавались санитарные отряды и медпункты на фронтах. В Екатеринбурге действовали совместные Комитеты по борьбе с эпидемиями с участием милиции, военных и санитарных служб. В условиях хаоса, голода и разрушений резко выросли масштабы эпидемий. Тиф (сыпной и возвратный), холера и чума стали главными причинами гибели людей. Пандемии усиливались из-за отсутствия лекарств, разрушенной инфраструктуры и хаоса, что привело к огромным демографическим потерям [3]. Причинами вспышек стали антисанитария (отсутствие чистой воды, мусор), социальный хаос и массовое перемещение населения, тотальный дефицит медицинских ресурсов и разрушение больниц, а также перенаселенность и скученность людей в лагерях беженцев и городских трущобах [2]. Разрушение систем водоснабжения и канализации вело к загрязнению воды. Массовая миграция мешала санитарному просвещению и профилактике. Отсутствие централизованного управления означало, что эпидемии распространялись неконтролируемо. Период революции ознаменовался не только потрясениями, но и ухудшением санитарной обстановки, приведшим к масштабным эпидемиям.

Эпидемии также явились ведущим фактором и причиной дезертирств из РККА, проблема стала критической, за 1920 год только в Челябинской губернии задержали 36 тысяч дезертиров [7, с. 194]. Серьезной проблемой было также уклонение от призыва, так в Троицком уезде данной губернии из 4040 задержанных дезертиров, свыше 80 % составили уклонисты от мобилизаций, последние часто действовали организованно и открыто, срывая призывы в РККА [8, с. 48–49]. Борьбой с дезертирством занимались губернские, уездные и окружные комиссии по борьбе с дезертирством, наделенные полномочиями по надзору за врачебными комиссиями и структурами управления, поимке и задержанию беглецов, применению к ним личных наказаний, включая штрафные роты, конфискации и отправку на фронт [9, с. 189–197]. В отношении родственников, односельчан и других «укрывателей» комиссии и спецтрибуналы применяли массовые конфискации, коллективные штрафы и контрибуции на принципах коллективной ответственности [10, с. 15–19].

На почве недовольства населения политикой военного коммунизма организованные группы дезертиров инициировали в регионе 1920–1921 годах повстанческое движение, движущими силами которого явились, наряду с дезертирами, оренбургские казаки, сторонники башкирской автономии и уральские крестьяне [11, с. 179–180]. Ликвидация выступлений проходила по силовому варианту с применением репрессий, заложничества, террора, но потребовала серьезных усилий и ресурсов [12, с. 50–53].

Реагируя на критическую ситуацию, советы инициировали создание чрезвычайных структур с диктаторскими полномочиями. В уральских городах организовали Губчекатиф и Губчекахол, которые централизовали контроль за мероприятиями, устанавливали заградительные кордоны и карантинные посты на путях передвижения населения. Катастрофическая нехватка ресурсов потребовала мобилизации всех кадров, включая студентов. Основные усилия направили на развертывание сети временных инфекционных барачков, эпидемиологических отрядов и изоляционно-пропускных пунктов на транспорте для фильтрации беженцев и красноармейцев [2].

Впервые власть приступила к поголовной вакцинации населения. Параллельно велась санитарно-просветительская работа: 1 мая 1920 года в Екатеринбурге открылся Дом санитарного просвещения с библиотекой, где читали лекции [5]. Санитарные органы также надзирали за продуктами и очисткой городов.

Борьба с эпидемиями требовала тесной координации гражданских и военных структур. Органы здравоохранения взаимодействовали с командованием Красной армии для контроля инфекций среди военнослужащих, что позволило объединить скудные ресурсы для ликвидации санитарного кризиса [4]. Применение чрезвычайных мер дало результаты. К середине 1921 г. пик эпидемической заболеваемости тифом, холерой и оспой пошел на спад. К 1923 году вакцинация, санитарный надзор и изоляция позволили добиться естественного прироста городского населения, преодолев демографическую катастрофу на Урале [3].

Деятельность советских органов здравоохранения позволила стабилизировать ситуацию и взять под контроль массовые инфекции. Несмотря на тяжелейшие условия, удалось заложить фундамент для планомерной работы, и к концу периода пандемии, подобные бушевавшим в 1918–1920 гг., не повторялись в прежних масштабах [2]. Опыт 1917–1921 гг. стал основой для формирования госсанэпидслужбы на Урале. Важным итогом стало создание новых структур (санэпидстанций, домов санитарного просвещения). Заложенные тогда подходы – централизация, приоритет профилактики, массовое санпросвещение – на десятилетия определили вектор развития медицинской службы региона [5].

Проведенное исследование показывает, что становление советских органов здравоохранения на Урале в 1917–1921 годах проходило в экстремальных условиях

Гражданской войны, тотальной разрухи и катастрофических эпидемий (тифа, холеры, оспы). В этот период была создана принципиально новая система управления медициной: от разрозненных санитарных комитетов до жестко централизованных чрезвычайных комиссий (Губчекатиф, Губчекахол) [1]. Несмотря на острейший дефицит кадров, медикаментов и средств гигиены, советским органам удалось мобилизовать все имеющиеся ресурсы, развернуть сеть временных госпиталей и изоляторов, а также внедрить практику поголовной вакцинации. Ключевым итогом стало преодоление пика эпидемической заболеваемости к середине 1921 года и последующая стабилизация санитарно-эпидемиологической обстановки [3].

Значимость этого процесса выходит далеко за рамки простого реагирования на вспышки болезней. В условиях военного времени и социального хаоса советская система здравоохранения на Урале взяла на себя функцию «пожарной команды», спасая население и армию от вымирания. Опыт применения чрезвычайных мер, тесного взаимодействия гражданских и военных структур, а также активной санитарно-просветительской работы (открытие Дома санитарного просвещения) заложил фундамент для будущего развития региональной медицины [5]. Были утверждены ключевые принципы: централизация управления, приоритет профилактики и мобилизация ресурсов в кризисных ситуациях, что доказало свою эффективность и сохраняет актуальность для организации здравоохранения в современных условиях чрезвычайных ситуаций.

Дальнейшее изучение темы может быть расширено за счет углубленного анализа региональной специфики отдельных уральских губерний и заводских поселков, что позволит создать более детализированную картину становления советской медицины [4]. Перспективным представляется изучение судов и вклада конкретных медицинских работников (врачей, фельдшеров), чьими усилиями достигались результаты в борьбе с эпидемиями. Кроме того, требует дополнительного внимания сопоставительный анализ противоэпидемических мер на территориях, подконтрольных красным и белым, а также исследование преемственности (или разрыва) между земской и советской моделями здравоохранения на Урале.

Список литературы

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 23. Протоколы заседаний Уральского областного отдела здравоохранения за 1919–1920 гг. — 45 л.

2. Журавлева, В. А. Смертность городского населения от инфекционных болезней на Урале в 1920–1923 гг. / В. А. Журавлева // Гуманитарные науки в Сибири. — 2018. — № 3. — С. 82–87.
3. Островкин, Д. Л. «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей...»: о санитарно-эпидемической ситуации на Урале в 1920-е гг. / Д. Л. Островкин // Вестник Академии наук РБ. — 2018. — № 4(92). — С. 67–74.
4. Островкин, Д. Л. Становление советских органов здравоохранения на Урале и их роль в преодолении эпидемий в регионе в годы революции и Гражданской войны (1917 – начало 1921 гг.) / Д. Л. Островкин // Вестник Академии наук РБ. — 2019. — Т. 32, № 3(95). — С. 45–52.
5. Островкин, Д. Л. Эпидемическое состояние Уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы / Д. Л. Островкин, М. В. Попов // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2018. — Т. 12, № 3. — С. 124–133.
6. История [Электронный ресурс] // Центр общественного здоровья и медицинской профилактики: официальный сайт. — Режим доступа: <https://profilaktica.ru/about/history/> (дата обращения: 11.03.2026).
7. Панькин, С. И. Восстание в Кустанайском уезде Челябинской губернии в 1920 году (по материалам ОГАЧО) / С. И. Панькин // Архив в социуме - социум в архиве: Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 года / Составитель и науч. ред. Н.А. Антипин. – Челябинск: ГУ ОГАЧО, 2018. – С. 192-199. – EDNUVECTI.
8. Панькин, С. И. «Насильно в банду никого не тащили, а были исключительно добровольцы». Восстание в станице Наследницкой Троицкого уезда Челябинской губернии 1920 года / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2025. – № 4. – С. 48-57. EDN VXBSRQ.
9. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDNPLLFLN.
10. Панькин, С. И. Особенности назначения и исполнения имущественных наказаний за дезертирство в Челябинской губернии в 1919-1921 гг. / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2026. – № 1 (48). – С. 13-20. – DOI 10.47475/2311-696X-2026-48-1-13-20.

11. Панькин, С. Особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919 - 1922 годах / С. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 2 (14). – С. 179-180. – EDN WHPSYN.

12. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDNYXVORT.

А.В. ПОПОВ

Уральский медицинский институт
студент I курса направления подготовки
«Лечебное дело»

A.V. POPOV

Ural Medical Institute
is a first-year student in the field of training
General Medicine

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ГРУППОВЫХ И МАССОВЫХ ФОРМ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

APPROACHES TO CLASSIFYING GROUP AND MASS FORMS OF DEVIANT BEHAVIOR

Аннотация

В статье рассматривается феномен девиантного поведения в условиях современной социально-экономической нестабильности и кризиса традиционных институтов. Особое внимание уделяется анализу массовых форм отклоняющегося поведения в подростковой и армейской среде, где групповая динамика и специфические условия могут провоцировать закрепление деструктивных норм. Автор анализирует различные научные подходы к классификации девиаций, подчёркивая сложность и многогранность данного явления, и приходит к выводу о необходимости дальнейшего исследования социализированных форм девиаций для разработки эффективных стратегий профилактики.

Annotation

The article examines the phenomenon of deviant behavior in the context of modern socio-economic instability and the crisis of traditional institutions. Special attention is paid to the analysis of mass forms of deviant behavior among adolescents and in the military environment, where group dynamics and specific conditions can provoke the consolidation of destructive norms. The author analyzes various scientific approaches to the classification of deviations, emphasizing the

complexity and multifaceted nature of this phenomenon, and concludes that further research into socialized forms of deviations is necessary for the development of effective prevention strategies.

Ключевые слова: русский язык: девиантное поведение, социальные нормы, подростковый возраст, армейская среда, массовые девиации, профилактика.

Keywords: deviant behavior, social norms, adolescence, military environment, mass deviations, prevention.

В современном, стремительно меняющемся мире, социально-экономическая нестабильность, усиливающееся неравенство, кризис устоявшихся институтов семьи и образования, а также всепроникающее информационное влияние, включая распространение деструктивного контента в интернете, создают благодатную почву для роста различных отклонений в поведении. Эта ситуация, характеризующаяся аномией — разрушением системы ценностей, когда старые нормы теряют силу, а новые ещё не сформированы, — приводит к дезориентации личности и распространению массовых девиаций.

Особое внимание заслуживает армейская среда, где специфические условия — строгая регламентация, замкнутость коллективов, постоянный стресс — могут усугублять проявления девиантного поведения, такие как неуставные отношения или повышенный суицидальный риск. Массовые девиации в армии часто возникают не только из-за индивидуальных проблем, но и под влиянием групповой динамики, когда отклоняющиеся нормы становятся негласными правилами адаптации. В данной связи полагаем вполне оправданной позицию, когда массовое дезертирство из РККА в конце Гражданской войны рассматривается, как форма девиантного поведения со своими особенностями и признаками типично мужского поведения [3, с. 102-102]. Другой специфичной протестной формой групповой девиации можно также рассматривать волнения в форме бабьих бунтов, происходившие в тот же период, причем со своей гендерной спецификой [4, с. 167-173]. Крайней по ожесточенности формой сопротивления власти, в тот же исторический отрезок, являлось повстанческое движение, как форма вооруженного протеста, с политической программой, движущими силами и поддержкой населения [5, с. 179-180]. В свою очередь массовое повстанчество включало в себя волнения, выступления, бунты, мятежи в воинских частях, локальные и массовые восстания, действия различных отрядов и групп, нередко сопряженные с разбоем и бандитизмом [6, с. 422-425].

Понимание механизмов трансформации девиантных норм внегласные правила социализации становится критически важным для разработки эффективных мер профилактики среди молодежи и призывников. Эта группа подвержена риску из-за

ограниченного жизненного опыта и повышенной потребности в принадлежности к группе. Поэтому необходимы программы, направленные на формирование устойчивости к девиантному давлению, а не только на запугивание последствиями.

Ключевым элементом в понимании девиации является социальная норма, представляющая собой некую границу допустимого поведения, а не строго заданную точку [2]. Отклонение от этой границы и классифицируется как девиация. Девиантное поведение определяется как устойчивая форма поведения индивида или группы, выходящая за рамки общепринятых норм [1]. Такое поведение может причинять вред обществу или самой личности, сопровождаясь социальной дезадаптацией.

Серьёзной методологической проблемой является относительность норм. Общепринятые нормы могут претерпевать изменения со временем (например, курение в общественных местах), или может наблюдаться расхождение между формальными правовыми нормами и неформальными, принятыми в обществе (например, незначительное превышение скорости).

В науке существует несколько подходов к классификации девиантного поведения, обусловленных отсутствием единого определения. : Этнокультуральный - оценивает отклонения в контексте норм конкретной культуры или субкультуры; социальный - фокусируется на опасности поведения для общественного порядка и благополучия других людей; психиатрический - рассматривает отклонения через призму психического здоровья, различая симптомы заболеваний и акцентуации характера; гендерный - анализирует отклонения от стереотипных гендерных ролей, включая гиперролевое поведение и инверсию; профессиональный - оценивает нарушения корпоративных и профессиональных норм; возрастной - сопоставляет поведение с возрастными ожиданиями; феноменологический (личностный). Это акцентирует внимание на субъективном восприятии индивида, различая поведение, не принимаемое обществом, и объективно вредоносное [2].

По степени общественной опасности девиантное поведение делят на аморальное (нарушение этических норм), допреступное (незначительные правонарушения) и преступное (уголовно наказуемое).

По направленности и целям выделяют корыстные, агрессивные, социально-пассивные (уход от активности, вред себе) и поведенческие (нарушения коммуникации, уход к изоляции) девиации. Отдельно рассматривается взаимосвязь девиантности и коррупции, с позиции части и целого и факторного подхода [7, с. 230-232].

Подростковый возраст является критическим периодом для проявления девиаций. Согласно Л.С. Выготскому, нестабильная структура личности подростка, утрата старых интересов и несформированность новых приводят к дезорганизации поведения. Часто

девиации выступают, как искажённая форма поисковой активности. Нестандартное мышление (одарённость) также может восприниматься как отклонение. Девиантное поведение, возникшее в одной сфере, имеет тенденцию к распространению на другие, формируя общую дезадаптацию [1]. Для диагностики массовых форм девиантного поведения выделяют такие признаки, как несоответствие потребностей и реальных возможностей, снижение самооценности и негативная Я-концепция, негативное отношение к социальному контролю и педагогическим воздействиям.

Итак, девиантное поведение есть сложный, многогранный феномен, который не сводится исключительно к правонарушениям или психическим расстройствам [1]. Отсутствие единой классификации отражает сложность и многообразие существующих подходов. Особого внимания требуют дальнейшие исследования социализированных форм девиаций, возникающих под влиянием группы, таких как радикальные движения или деструктивные культы. Понимание механизмов группового влияния необходимо для разработки эффективных мер профилактики.

Список литературы

1. Девиантология – наука о девиантном поведении детей, подростков, взрослых [Текст] : учебное пособие / Г. И. Колесникова. - Москва : DirectMedia, 2014. - 234 с.; ISBN 978-5-4458-8092-9
2. Куликова, О. А. Социальные детерминанты коррупции и девиантного поведения / О. А. Куликова. Новосибирск: Сибиряда, 2022.
3. Панькин, С. И. Дезертирство на Южном Урале в 1920-1921 годах как проявление отклоняющегося поведения / С. И. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. - 2002. № 1 (13). С. 102-103. EDN: WHQRPXV.
4. Панькин, И. Д. Массовые выступления в форме "бабьих бунтов" на Южном Урале на рубеже 1920-1921 гг / И. Д. Панькин, С. И. Панькин // Личность и общество в российской истории (к 350-летию со дня рождения Петра I): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Шадринск, 25 ноября 2021 года / Редколлегия: Н.Ф. Чипинова, С.А. Парфенова, В.Д. Пузанов, Е.А. Бурлакова. Шадринск: ШГПУ, 2021. С. 166-174. EDN NTRGWF.
5. Панькин, С. Особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919 - 1922 годах / С. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 2(14). – С. 179-180. – EDN WHPSYN.
6. Панькин, С. И. Классификация массового повстанчества на Южном Урале в 1920-1922 годах / С. И. Панькин // Стратегирование пространственного развития территорий

России в новых экономических реалиях : материалы международной научно-практической конференции к 50-летию Липецкого филиала Финуниверситета, Липецк, 12 ноября 2015 года. Том Часть 1. – Липецк: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2016. – С. 421-426. – EDN VWIWID.

7. Петрова, А. Е. Девиантное поведение и коррупция: системная связь / А. Е. Петрова // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум : Материалы XXIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Челябинск, 23–24 апреля 2025 года. – Челябинск: ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, 2025. – С. 230-232. – EDN UTDQDS.

М.М. ПОСТОВАЛОВ, Е.С. ЦЕНЁВ

Уральский медицинский институт
студенты I курса специальности
«Лечебное дело»

M.M. POSTOVALOV, E.S. TSENEV

Ural Medical Institute
First-year students majoring in General Medicine

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

DEVELOPMENT OF MEDICINE IN THE SOUTHERN URALS IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY

Аннотация

В статье медицина на Южном Урале рассматривается с точки зрения её развития и открытия новых видов операций произошедших в данный период. Проанализировано влияние хирургии на медицинское образование и показано открытие новых медицинских учреждений.

Annotation

In this article, medicine in the Southern Urals is examined from the perspective of its development and the discovery of new types of surgeries that occurred during this period. The article analyzes the impact of surgery on medical education and shows the opening of new medical institutions.

Ключевые слова: хирургия, операции, медицинское общество, Южный Урал.

Key words: surgery, operations, medical society, South Ural.

Вопросы о развитии хирургии на Южном Урале обсуждались в медицинском обществе ещё давно. В 1890 году состоялось торжественное открытие общества, председателем которого стал Н.А. Русских. Члены общества развернули научно-исследовательскую работу и активно выступали с научными докладами. Основной деятельностью данного общества являлись изучение здоровья населения Урала и разработка мероприятий по его оздоровлению [1].

Хирургия начало своё развитие и улучшение за счёт обучения специалистов различным практикам. Были введены способы местной и общей анестезии по средствам действия хлороформа и эфира [2].

Сильное влияние на ситуации оказали Первая мировая и Гражданская войны. С большим поступлением раненых начали открываться различные госпитали и отделения хирургии, например на базе Городской клинической больницы №1 в Челябинске был открыт лазарет на 40 кроватей, также в городе размещался Городской общественный лазарет на 50 больных воинов, который находился в Доме Трудолюбия (ныне улица Воровского).

В первой четверти XX века на Южном Урале система здравоохранения претерпела значительные изменения, связанные с формированием советской системы. Основные усилия были направлены на борьбу с эпидемиями, создание специализированных учреждений и развитие профилактической медицины.

В период Гражданской войны и после неё Южный Урал столкнулся с масштабными эпидемиями тифа, холеры, оспы и других заболеваний. Для борьбы с ними создавались чрезвычайные комиссии, открывались инфекционные больницы и бараки, проводились массовые прививки. В 1919–1920 годах в Челябинской губернии организовывались тифозные бараки, а к весне 1920 года в каждом селе стоял хотя бы один такой барак. Эпидемии стали причиной массового дезертирства из РККА, когда переполненные лазареты не справлялись с наплывом больных отправляли лечиться домой, откуда многие не возвращались [4, с. 190–195]. В 1920–1921 годах регион пережил повстанческое движение против политики военного коммунизма, подавленное жесткими методами, данные процессы не способствовали восстановлению медицины [3, с. 51–53]. В последующие годы уровень заболеваемости брюшным тифом снизился в 9 раз, возвратным тифом – в 4 раза, сыпным тифом – в 2,5 раза, холера была ликвидирована. Это стало возможным благодаря широким прививочным кампаниям, санитарным мероприятиям и созданию бактериологических лабораторий (например, в Челябинске и Златоусте). Помимо этого, в 1919 году в Челябинске

начал функционировать глазной стационар (30 коек), ставший центром борьбы с трахомой и детская амбулатория и детская больница – в 1920 году на Южном Урале была впервые открыта детская амбулатория и детская больница на 20 коек. В 1923 году при городской больнице было открыто детское отделение на 55 коек.

Таким образом поступление тяжело раненных привело к появлению операций по переливанию крови и разработке методов лечения нейрохирургических раненых. Из новых методов хирургии ещё можно отметить Проволочный шов В.А. Оппеля и метод пересадки кожи с помощью Филатовского стебля. Такое резкое увеличение методов привело к необходимости обучения специалистов. Благодаря чему позже были открыты новые учебные заведения. Например, 24 ноября 1934 года в Челябинске открылась областная фельдшерско-акушерская школа – учебное заведение для подготовки фельдшеров, акушерок и медицинских сестёр.

Список литературы

1. «Записки уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге» за 1891–1915 гг.
2. «Отчёт о путешествии по Кавказу» Н.И. Пирогов 1849 г.
3. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.
4. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.

П.Е. РАЕНКО

Уральский филиал финансового университета
студент III курса направления подготовки
«Бизнес-информатика»

Д.А. КОШЕЛЕВ

Уральский филиал финансового университета
студент III курса направления подготовки
«Бизнес-информатика»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

Уральский филиал финансового университета
канд. культурологии, доцент

P.E. RAENKO

Ural Branch of the Financial University

third-year student of
«Business Informatics»

D.A. KOSHELEV

Ural Branch of the Financial University
third-year student in the field of
«Business Informatics»

Scientific Supervisor

E.V. PISMENNY

Ural Branch of the Financial University
PhD. Cultural Studies, Associate Professor

**ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ТРАНСФОРМАЦИЮ ЯЗЫКОВОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE GLOBALIZATION
OF THE ENGLISH LANGUAGE AND THE TRANSFORMATION
OF LINGUISTIC WORLDVIEW IN RUSSIAN SOCIETY**

Аннотация

В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на ускорение глобализации английского языка и изменение языкового мировоззрения россиян. Показано, как нейросети способствуют проникновению английских конструкций в повседневную речь и мышление молодёжи. Выявлены позитивные и негативные последствия этого процесса. Особое внимание уделено роли российских суверенных моделей ИИ в сохранении национальной языковой идентичности.

Annotation

The article examines the impact of artificial intelligence on the acceleration of the globalization of the English language and the change in the linguistic worldview of Russians. It shows how neural networks contribute to the penetration of English constructions into everyday speech and thinking of young people. Positive and negative consequences of this process are identified. Special attention is paid to the role of Russian sovereign AI models in preserving national linguistic identity.

Ключевые слова: искусственный интеллект, глобализация английского языка, языковое мировоззрение, российское общество, суверенные нейросети, трансформация мышления.

Key words: artificial intelligence, globalization of the English language, linguistic worldview, Russian society, sovereign neural networks, transformation of thinking.

Сегодня искусственный интеллект (ИИ) быстро входит в жизнь каждого россиянина. Он помогает писать тексты, переводить, учить языки и искать информацию. Но вместе с удобством ИИ ускоряет распространение английского языка по всему миру. В России это особенно заметно: мы всё чаще смешиваем русский с английским, а наше мышление и картина мира постепенно меняются.

Большинство мощных нейросетей (ChatGPT, Gemini и другие) обучены в основном на английском языке. Даже когда мы задаём вопрос на русском, ИИ часто сначала «думает» по-английски, а потом переводит ответ [1, с. 45]. Из-за этого английский становится удобным «мостом» в цифровой мир. ИИ как фактор глобализации английского языка: эмпирические доказательства культурной доминанты

Большие языковые модели обучаются на несбалансированных данных, где английский составляет основу (Wang et al., 2024). В исследовании Wang et al. (2024) создан бенчмарк конкретных (праздники, песни) и абстрактных (ценности, мнения) культурных объектов на 10 языках, включая русский. Результаты GPT-моделей показывают: при запросах на неанглийских языках ответы ближе к английской культуре, чем к локальной. Например, на запрос о праздниках ChatGPT часто называет Thanksgiving даже в русском или китайском контексте (In-Culture Score для неанглийских языков - 1.4 против 7.3 для английского). GPT-4 демонстрирует наибольшую доминанту. Аналогично, исследование Dokic et al. (2025) с использованием Wave 7 World Values Survey (WVS, n=90 802) сравнивает четыре LLM: ChatGPT-4o (США), Qwen-2.5 (Китай), YaLM (Россия), Jais (ОАЭ). Все модели ближе всего к ценностям населения США (светские/самовыражение ценности), а дальше всего - к азиатским и исламским странам. YaLM (75 % русских данных) проявляет консерватизм (отказ от тем гомосексуальности), но всё равно смещён в сторону западных норм из-за глобального английского доминирования в данных (~80 % латинского скрипта онлайн). Ülgen (2025) подтверждает: по исследованию Hofstede (2023) ChatGPT наиболее близок к американской культуре по шести измерениям. Это усиливает глобализацию английского: LLM становятся инструментом «культурного колониализма», где неанглийские языки маргинализируются даже при использовании на родном языке.

На практике это проявляется так:

- Учить английский стало проще и быстрее. Нейросети объясняют правила, исправляют ошибки и ведут диалоги как живой учитель. Исследования показывают, что с ИИ навыки языка растут заметно быстрее [2].

- Переводчики работают почти мгновенно, поэтому англоязычные статьи, видео и мемы доступны всем.

- На работе и в учёбе запросы (промпты) на английском дают более точные и полные ответы.

По данным ВЦИОМ за 2025 год, более половины россиян уже пользовались нейросетями, а среди молодёжи этот показатель превышает 86 % [3]. Многие выбирают российские модели - GigaChat и YandexGPT (Алиса), потому что они лучше понимают наш контекст.

Однако глобальное влияние английского всё равно сильно:

- В соцсетях и чатах появляются слова «кринж», «вайб», «лол», «окей».
- Молодые люди легко смешивают два языка в одном предложении.
- В IT, науке и бизнесе английский остаётся главным языком документов и кодов.

Каждый язык формирует, как мы видим мир. Русский - эмоциональный, богатый оттенками и формами. Английский - короче, практичнее, больше ориентирован на действие и личный успех. Когда мы часто общаемся с ИИ, речь становится проще, появляются английские слова, а сложные русские темы иногда легче объяснить через английские конструкции [4, с. 112]. В результате у поколения Z и альфа формируется гибридное мышление: русское ядро + английская «примесь». Это помогает понимать глобальный мир, но несёт риск - русский язык может стать менее богатым, а наша культура - более похожей на западную.

Россия отвечает на этот вызов собственными разработками. GigaChat (Сбер) и YandexGPT обучаются на больших русских текстах с учётом нашего юмора, традиций и особенностей. Эти модели лучше понимают контекст, меньше «англизируют» ответы и помогают сохранять культурную идентичность [1, с. 78]. Эксперты называют суверенные нейросети важным инструментом защиты языкового и мировоззренческого суверенитета.

Таким образом, искусственный интеллект делает английский язык ещё более влиятельным и удобным. В российском обществе это приводит к заметной трансформации языкового мировоззрения: росту заимствований, упрощению речи и изменению картины мира. Плюсы очевидны: быстрее учимся, легче общаемся, получаем больше знаний. Минусы тоже есть: риск потери языковой чистоты и ослабления национальной идентичности.

Ключ к балансу - развитие своих сильных нейросетей. Если мы будем умно сочетать глобальные технологии с российским подходом, русский язык не только сохранится, но и продолжит жить полной жизнью в цифровую эпоху. ИИ - это не угроза, а инструмент. Всё зависит от того, как мы им пользуемся: позволим ли полностью «переписать» наше мышление или сохраним свой уникальный русский взгляд на мир.

Список литературы

1. Баринов А.М., Романов А.В. Влияние искусственного интеллекта на использование и изучение английского языка // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: Методика преподавания языка и литературы. – 2024. – № 06 (29). – URL: <https://scipress.ru/fam/articles/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-ispolzovanie-i-izuchenie-anglijskogo-yazyka.html> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Стаканова Е.В. Влияние искусственного интеллекта на перевод иноязычного текста: заменит ли искусственный интеллект переводчика? / Е.В. Стаканова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13. – № 3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/81PSMN325.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Нейросети: инструмент, а не магия: результаты опроса интернет-пользователей / Аналитический центр ВЦИОМ. – 14 октября 2025 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-instrument-a-ne-magija> (дата обращения: 24.03.2026).
4. Калугина Т.Н. Эволюция английского языка в условиях глобализации: влияние культурного разнообразия, цифрового дискурса и смены языковой образовательной парадигмы // Современная коммуникативистика. – 2025. – № 4. – С. 72–77.
5. Ülgen S. (2025). The World According to Generative Artificial Intelligence. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2025/01/the-world-according-to-generative-artificial-intelligence> (дата обращения: 22.03.2026).

М.С. РУДАКОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Т.А. БАРЧУКОВА

старший преподаватель
Уральский филиал Финуниверситета

M.S. RUDAKOVA

Ural branch of the Financial University
1st year student
«State and municipal administration»

Scientific supervisor

T.A. BARCHUKOVA

senior lecturer
Ural branch of the Financial University

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ
ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

**IMPLEMENTATION OF STATE LANGUAGE POLICY IN EDUCATION
AS A FACTOR IN PRESERVING ETHNOCULTURAL HERITAGE
(CASE STUDY OF KRASNOYARSK KRAI)**

Аннотация

В работе раскрыты особенности реализации государственной языковой политики в системе образования Красноярского края в контексте цифровой трансформации управления. Представлены результаты анализа существующих проблем сохранения языков коренных малочисленных народов Севера и этнокультурного компонента. По выделенным проблемам предложены меры по интеграции традиционных методов этнокультурного воспитания с современными управленческими и цифровыми решениями.

Annotation

The paper reveals the features of the implementation of state language policy in the education system of Krasnoyarsk Krai in the context of digital transformation of governance. It presents the results of an analysis of existing problems in preserving the languages of the indigenous small-numbered peoples of the North and the ethnocultural component. Based on the identified problems, measures are proposed for integrating traditional methods of ethnocultural education with modern management and digital solutions.

Ключевые слова: государственная языковая политика, этнокультурное наследие, образование, коренные малочисленные народы, электронные образовательные ресурсы.

Key words: state language policy, ethnocultural heritage, education, indigenous small-numbered peoples, electronic educational resources.

В условиях глобализации и унификации культурных пространств сохранение этнокультурного наследия становится одной из приоритетных задач национальной безопасности России. Красноярский край, являясь одним из самых многонациональных регионов Российской Федерации (здесь проживают представители более 150 национальностей и 8 коренных малочисленных народов Севера: долганы, ненцы, нганасаны, селькупы, эвенки, энцы, кеты, чулымцы), представляет собой уникальную площадку для реализации государственной языковой политики.

Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки новых управленческих решений, интегрирующих традиционные механизмы этнокультурного воспитания с возможностями цифровой трансформации. Обращение к опыту Красноярского края позволяет сформировать модель, которая может быть масштабирована на другие регионы Российской Федерации со схожими этнокультурными и географическими особенностями.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, а также Федеральный закон от 25.10.1991 №1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2023). На региональном уровне ключевыми документами выступают Закон Красноярского края от 05.11.2015 №9-3816 «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края» и государственная программа Красноярского края «Сохранение и развитие традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов».

Сфера образования традиционно выступает базовым институтом передачи языкового и культурного кода. Даже при сохранении этнического самосознания реальное владение родным языком среди детей коренных малочисленных народов Красноярского края сокращается до критических значений [2, с. 176]. Однако в последние годы остро встает вопрос о неэффективности традиционных административных методов управления этой сферой. Переход к цифровой зрелости государственного управления требует пересмотра подходов к мониторингу, разработке контента и кадровому обеспечению языковой политики.

Анализ текущей ситуации в Красноярском крае позволяет выделить несколько системных проблем, препятствующих эффективному сохранению этнокультурного наследия через образование.

Наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа педагогов -носителей родных языков, особенно редких: кетского, чулымского, энецкого (дефицит кадров и методического обеспечения). Существующая система повышения квалификации носит локальный характер и не всегда учитывает специфику удаленных территорий (Таймыр, Эвенкия). Ощущается острая нехватка современных аутентичных учебно-методических комплексов на родных языках [1].

Информация о количестве изучающих языки, уровне владения, наличии педагогов и материально-технической базе школ часто рассредоточена по муниципальным образованиям (Туруханский район, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский муниципальные районы). Отсутствие единой цифровой платформы не позволяет органам исполнительной власти (Министерству образования Красноярского края, Агентству по развитию северных

территорий) оперативно корректировать управленческие решения (разрозненность данных и отсутствие единой цифровой экосистемы).

В условиях цифровизации повседневной жизни молодое поколение коренных народов погружено в русскоязычный (и англоязычный) интернет-контент (снижение мотивации и утрата языковой среды). Традиционные формы преподавания (уроки, факультативы) без цифровой поддержки проигрывают в борьбе за внимание учащихся. Управленческие меры по созданию «цифровой языковой среды» реализуются фрагментарно.

Сохранение этнокультурного наследия невозможно без внедрения современных технологий в процессы планирования, контроля и реализации образовательных услуг. Цифровая трансформация в данном контексте выступает не просто как техническое обновление, а как методологическая основа новой модели управления.

С позиции государственного управления, цифровизация позволяет автоматизировать мониторинг (создать региональный сегмент федеральной информационной системы «Электронное образование», включающий модуль учета изучения родных языков и этнокультурного компонента в реальном времени), обеспечить доступность ресурсов (преодолеть географическую изоляцию северных школ через онлайн-обучение, дистанционные курсы повышения квалификации для педагогов), стандартизировать данные (обеспечить межведомственное взаимодействие между Министерством образования, Министерством культуры и органами местного самоуправления по вопросам сохранения нематериального этнокультурного наследия).

На основе выявленных проблем предлагается комплекс мер, интегрирующих управленческие решения с цифровыми инструментами:

- создание Региональной цифровой платформы «Этнокультурное образование Красноярья» (необходимо разработать специализированный портал, который объединит реестр педагогов родных языков с возможностью ведения цифрового портфолио и карты профессионального развития, электронную библиотеку (включая аудио- и видеоархивы) на языках коренных народов, модуль дистанционного обучения для детей из кочевых школ и малодоступных территорий);

- создание "Цифрового волонтерского корпуса" (управленческое решение о привлечении студентов языковых направлений СФУ и педагогических колледжей Норильска, Дудинки к созданию контента. Необходимо институционализировать (на уровне региональных грантов) создание субтитров, озвучивание и оцифровку этнокультурного наследия, что позволит решить проблему дефицита кадров за счет волонтерского ресурса, управляемого цифровой платформой);

- развитие инфраструктуры искусственного интеллекта (на уровне региона следует инициировать разработку пилотных проектов по использованию нейросетей для автоматической транскрипции устной речи на редких языках.

Реализация государственной языковой политики в сфере образования Красноярского края сегодня сталкивается с вызовами, которые невозможно преодолеть исключительно административными методами. Предложенные меры позволят не только преодолеть дефицит кадров и методических материалов, но и создать устойчивую, управляемую систему, способную адаптироваться к изменениям языковой среды. Интеграция цифровых инструментов в управление образовательным процессом обеспечит преемственность поколений и станет ключевым фактором сохранения уникального этнокультурного наследия коренных народов Севера Красноярского края.

Список литературы

1. Государственная программа Красноярского края «Сохранение и развитие традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов» (в ред. Постановлений Правительства Красноярского края от 29.09.2025 №827-п, от 27.01.2026 №67-п). URL: <https://docs.cntd.ru/document/465805631>.

2. Копцева, Н. П. Этнокультурная динамика коренных народов Севера и Сибири: концептуальные подходы к исследованию / Н. П. Копцева // Культурное наследие - от прошлого к будущему. — 2021. — С. 176–177.

Д.С. РУДАКОВА, А.М. ЛАЗАРЕВА

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
Студенты 1-го курса направления подготовки
«Реклама и связи с общественностью»

D.S. RUDAKOVA, A.M. LAZAREVA

Ural branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
1st year students of the direction of training
«Advertising and Public Relations»

**КРОСС-МЕДИЙНОСТЬ И ТРАССМЕДИЙНОСТЬ
В ЛОКАЛЬНЫХ МЕДИА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

**CROSS-MEDIA AND TRASMEDIA IN THE LOCAL
MEDIA OF THE CHERYABINSK REGION**

Аннотация

Сегодня люди читают новости где угодно: в мессенджерах, соцсетях,. Чтобы выжить, местным газетам и телеканалам приходится работать сразу на всех площадках. Но часто редакции просто копируют один и тот же текст в разных мессенджерах и на сайт — и это не работает. В статье разбирается, как правильно выстраивать работу с разными платформами на примере двух СМИ Челябинской области: крупного холдинга в Магнитогорске, маленькой районной редакции в Верхнеуральске. Мы рассмотрели, кто из них просто дублирует посты, а кто реально общается с читателями, делает под каждую площадку свой формат и вовлекает людей в жизнь города.

Abstract

Today, people read news wherever they want: in messengers, social networks,. To survive, local newspapers and TV channels have to work on all platforms at once. But often, editors just copy the same text in different messengers and on the website — and it doesn't work.

The article examines how to properly build work with different platforms on the example of two media in the Chelyabinsk region: a large holding in Magnitogorsk, a small district editorial office in Verkhneuralsk. We looked at which of them are just duplicating posts, and which are actually communicating with readers, creating a different format for each platform, and involving people in the city's life.

Ключевые слова: кросс-медийность, трансмедийность, локальные СМИ, контент-стратегия.

Keywords: cross-media, trans-media, local media, content strategy.

В условиях фрагментации аудитории и ухода западных платформ выживание локальных СМИ зависит от умения работать в отечественных экосистемах. Разграничиваются понятия кросс-медийности (адаптация одного контента под разные каналы) и трансмедийности (создание единой истории с уникальным вкладом каждой платформы).

На примередвух изданий Челябинской области («Магнитогорский рабочий», «Красный уралец») показано, что крупные холдинги успешно внедряют трансмедийные проекты, а районные СМИ из-за нехватки ресурсов ограничиваются дублированием текста.

Локальным редакциям предлагается отказаться от простого копирования контента, адаптировать материалы под формат каждой площадки (текст, видео, диалог), активно

использовать визуал и постепенно внедрять интерактивные элементы для превращения читателя в соавтора.

Рекомендации для локальных СМИ по работе с медиаплатформами

№ п/п	Рекомендация	Цель	Конкретные действия	Ожидаемый результат
1.	Отказ от дублирования в пользу адаптации	Учитывать специфику каждой платформы и особенности восприятия аудитории	В Telegram: публиковать короткие тексты, оперативные сводки, «сырые» фото с места событий, минимум хештегов. В VK: использовать яркие визуалы, интерактив (опросы, обсуждения), более развернутые тексты. На сайте: размещать полные версии материалов, аналитику, официальные комментарии.	Рост вовлеченности (лайки, репосты, комментарии) на каждой платформе; снижение оттока подписчиков из-за однотипного контента.
2.	Использование соцсетей как драйвера сообщества	Повысить лояльность аудитории и перевести пассивных читателей в активных участников	Регулярно публиковать расширенные фотогалереи с мероприятий. Поддерживать неформальное общение в комментариях: отвечать на вопросы, реагировать на обратную связь.	Формирование устойчивого сообщества вокруг издания; увеличение числа пользователей, готовых делиться контентом и участвовать в обсуждениях.
3.	Поэтапное внедрение элементов трансмедийности	При ограниченных ресурсах запустить механизмы, превращающие разрозненные публикации в единую историю	Запускать краеведческие викторины или опросы в VK, подкрепляя их статьями на сайте.	Постепенное вовлечение аудитории (соавторство); увеличение времени взаимодействия с контентом.
4.	Усиление визуального контента	Создать эффект присутствия и повысить доверие к информации	Публиковать фото и видео с места событий, снятые на телефон (эффект «свидетеля»). Использовать	Рост охватов (визуальный контент получает больше показов в алгоритмах соцсетей);

			форматы коротких вертикальных видео для оперативных новостей. Внедрить практику видеоподписей к текстовым заметкам.	усиление эмоциональной связи с аудиторией.
5.	Измерение не только охвата, но и вовлеченности	Оценивать реальное взаимодействие аудитории с контентом, а не формальные метрики	Отслеживать глубину обсуждения: количество комментариев с содержательными ответами (не смайликов). Фиксировать случаи, когда подписчики становятся соавторами (прислали новость, фото, выступили героем материала). Анализировать соотношение уникальных авторов комментариев к общему охвату.	Более точное понимание реальной лояльности аудитории; возможность корректировать контент-стратегию на основе качественных, а не только количественных показателей.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что успешное развитие региональных и локальных СМИ в современных условиях напрямую зависит от способности редакций выстраивать системную работу с множеством цифровых платформ, выходя за пределы традиционного сайта или газеты. Фрагментация медиапотребителя, переход на отечественные площадки (VK, Telegram, RuTube) и необходимость удержания лояльной аудитории требуют от локальных редакций не просто мультиканального присутствия, а осмысленного использования механизмов кросс-медийности и трансмедийности.

Таким образом, предложенные рекомендации позволяют локальным СМИ выстроить не просто мультиканальную рассылку, а системную работу, направленную на углубление взаимодействия с аудиторией, повышение доверия и формирование устойчивого комьюнити. Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с разработкой конкретных методик оценки эффективности трансмедийных проектов в районных СМИ и адаптацией успешных практик крупных холдингов для редакций с минимальными ресурсами.

Список литературы

1. Мирошниченко А. А./Медиа в эпоху цифровой трансформации/2018

2. Калмыков А. А./Трансмедийный сторителлинг как новая модель журналистики/2019

К.С. РУМИК

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Т.А. БАРЧУКОВА

Старший преподаватель кафедры
«Экономика, финансы и управление»
Уральский филиал Финуниверситета

K.S. RUMIK

Ural branch of the Financial University
2nd year student
Major «State and Municipal Administration»

Scientific supervisor

T.A. BARCHUKOVA

Senior Lecturer at the Department of
Economics, Finance and Management
Ural branch of the Financial University

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА)**

**ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL GOVERNMENT–MEDIA
COMMUNICATION: THE CASE OF CHELYABINSK CITY ADMINISTRATION**

Аннотация

Перспективы развития легитимности власти и доверия народа к ней определяется состоянием взаимодействия органов управления и средств массовой информации. Для освещения деятельности органов власти и обеспечения обратной связи между гражданами и органами местного самоуправления, необходимо правильное управление их взаимодействием. В работе представлены результаты анализа эффективности взаимодействия органов муниципального управления и средств массовой информации. По выделенным проблемам предложены механизмы развития взаимодействия Администрации города Челябинска и средств массовой информации.

Annotation

The prospects for the development of the legitimacy of government and the people's trust in it are determined by the state of interaction between government bodies and the media. Proper management of their interaction is necessary to highlight the activities of government authorities and provide feedback between citizens and local governments. The paper presents the results of an analysis of the effectiveness of interaction between municipal government bodies and the mass media. Mechanisms for the development of interaction between the Chelyabinsk City Administration and the mass media are proposed for the identified problems.

Ключевые слова: органы муниципального управления, средства массовой информации, взаимодействие, развитие.

Keywords: municipal government, mass media, interaction, development.

Актуальность данной темы заключается в том, что эффективное взаимодействие между органами муниципального управления и средствами массовой информации помогает муниципальным органам управлять общественным мнением и проводить информационные кампании для решения различных социальных проблем, так как СМИ могут служить инструментом обратной связи и мониторинга работы муниципальных структур.

В Законе РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 31.07.2025) установлено понятие СМИ как «...периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [1].

Федеральный закон от 13.01.1995 г. N 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (ред. от 13.06.2023) определяет органы государственной власти субъектов Российской Федерации как «...законодательные (представительные) и исполнительные органы власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов» [2].

Рассмотрим опыт реализации проектов в контексте взаимодействия средств массовой информации и Администрации города Челябинск за 2021-2023 гг. в рамках Муниципальной программы «Реализация отдельных полномочий Администрации города Челябинска». В таблице 1 представлены плановые и фактические показатели в рамках взаимодействия СМИ и Администрации в Челябинске за 2021-2023 гг.

Таблица 1 – Плановые и фактические показатели в рамках взаимодействия СМИ и Администрации в Челябинске за 2022-2024 гг., ед.

Наименование показателя	2022 год		2023 год		2024 год	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт
1	2	3	4	5	6	7
Количество нормативно-правовых актов Главы города Челябинска, Администрации города, размещенных в средствах массовой информации	1500	1604	1200	1298	-	-

Продолжение таблицы 1

Количество материалов о деятельности органов местного самоуправления города Челябинска, иных материалов об общественной жизни города, размещенных в СМИ	1200	1256	1000	1250	-	-

По данным реализации плановых показателей за 2022-2024 годы, мы наблюдаем не только достижение, но и превышение плановых показателей. Однако, в 2023 году идёт снижение плановых показателей несмотря на превышение фактических показателей над плановыми в 2022 году. Следует отметить, что в 2024 году данные по муниципальной программе отсутствуют, была найдена похожая муниципальная программа «Реализация отдельных полномочий Администрации города Челябинска в области архитектуры и градостроительства».

Проведенный в работе анализ позволил выделить ряд проблем, негативно влияющих на взаимодействие Администрации города Челябинск и средств массовой информации.

Серьезной проблемой является отсутствие муниципальных программ Администрации Челябинска по взаимодействию со СМИ, вызванное недостаточным учетом методических рекомендаций Управления информационной политики.

Кроме того, на эффективность взаимодействия влияет низкая эффективность использования цифровых каналов, что приводит к коммуникационному разрыву с аудиториями. Это связано с недостаточной квалификацией сотрудников в сфере управления соцмедиа и отсутствием адаптации контента для различных целевых аудиторий, включая молодежь.

Для решения указанных проблем мы разработали комплекс мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия между органами власти и СМИ.

Для предотвращения коммуникационного разрыва предлагаем создать рабочую группу из профильных специалистов Администрации и приглашенных SMM-специалистов для разработки стратегии, провести анализ вовлеченности аудитории и изучить информационные потребности ключевых социальных групп, разработать контент-стратегию с адаптацией контента для различных социально-демографических групп, внедрением интерактивных форматов и планом повышения квалификации ответственных сотрудников, а также внедрить систему мониторинга эффективности для оценки вовлеченности, удовлетворенности аудитории и качества обратной связи.

Для формирования муниципальной программы предлагаем на основе анализа ситуации разработать концепцию программы, включающую цели, задачи, ожидаемые результаты и ключевые направления взаимодействия.

Можем выделить ожидаемые результаты такие, как установление системного подхода к взаимодействию между органами власти и СМИ, повышение уровня информированности граждан о деятельности местных властей через активное сотрудничество с медиа, а также увеличение доверия к органам муниципального управления благодаря прозрачности и открытости информации.

Таким образом, мы проанализировали развитие взаимодействия органов муниципального управления и средств массовой информации.

Список литературы

1. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 31.07.2025)
2. Федеральный закон от 13.01.1995 г. N 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (ред. от 13.06.2023)
3. Муниципальная программа «Реализация отдельных полномочий Администрации города Челябинска» (за 2022, 2023 и 2024 гг.)

А.Э. РЫБАКОВ

Уральский филиал Финуниверситет
студент I курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский филиал Финуниверситет

канд. социол. наук, доцент

A.E. RYBAKOV

Chelyabinsk branch Financial University
1st year student «Law»

Scientific supervisor

S.I. PANKIN

Chelyabinsk branch Financial University
Ph.D. soc. Sciences, Associate Professor

КОДИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ: ПОВТОРЯЮЩАЯСЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

CODIFICATION AS AN INSTRUMENT OF POWER: A RECURRING PATTERN IN RUSSIAN LAWMAKING

Аннотация

Статья исследует кодификацию как политически нагруженный инструмент правотворчества в российской истории. Обосновывается тезис о том, что крупнейшие кодификационные проекты – от Русской Правды до Свода законов Российской империи – неизменно сопровождали переломные моменты в развитии государственной власти и служили не только техническим упорядочением законодательства, но и инструментом её централизации и легитимации. Выявленная закономерность ставит вопрос о природе кодификации как явления, выходящего за рамки юридической техники.

Annotation

The article examines codification as a politically charged instrument of lawmaking in Russian history. It argues that the major codification projects – from Russkaya Pravda to the Digest of Laws of the Russian Empire – invariably accompanied turning points in the development of state power and served not only as a technical systematization of legislation but also as an instrument of its centralization and legitimation. The identified pattern raises questions about the nature of codification as a phenomenon that goes beyond legal technique.

Ключевые слова: правотворчество, кодификация, история российского права, Русская Правда, правовая культура, централизация.

Key words: lawmaking, codification, history of Russian law, Russkaya Pravda, legal culture, centralization.

В теории права кодификация традиционно рассматривается как высшая форма систематизации законодательства: в отличие от простой инкорпорации, она не только упорядочивает уже существующие нормы, но и создаёт качественно новый правовой акт.

Ю.А. Тихомиров выделяет ряд специфических признаков кодекса как особого вида закона: кодекс занимает высокое место в иерархии нормативных актов, на единых принципах регулирует обширную область общественных отношений, обладает внутренним единством и целостностью, а также активно влияет на правотворчество и правосознание в смежных областях [3, с. 267–268]. Именно эти свойства кодекса – системообразующая роль, иерархическое превосходство, способность перестраивать вокруг себя весь правовой массив – делают его столь привлекательным инструментом не только для законодателя-технократа, но и для власти, стремящейся к правовому единству подконтрольного ей пространства.

Такое понимание кодификации выходит за рамки её традиционной трактовки как сугубо технического приёма. Если рассматривать право не только как систему норм, но и как механизм производства и воспроизводства властных отношений, то каждый крупный кодификационный проект обнаруживает свою политическую составляющую: он фиксирует баланс сил, сложившийся на момент его принятия, отбирает и легитимирует одни правовые традиции, одновременно вытесняя другие, и создаёт новый нормативный центр, вокруг которого должна выстраиваться вся последующая правовая система. Обратимся к российской истории, которая предоставляет богатый материал для проверки этого тезиса.

Первый отечественный правовой свод – Русская Правда – возник в условиях формирования раннефеодальной государственности. И.А. Исаев отмечает, что пересказ княжеских законов в её тексте отражал «идеологическую позицию кодификатора»: из материала сознательно исключались составы, санкции и процессуальные действия, противоречившие позиции церкви – прежде всего смертная казнь и судебный поединок [1, с. 40]. Таким образом, уже в первом русском правовом своде кодификация выступала не нейтральным техническим упражнением, а инструментом отбора: за каждым включённым или исключённым положением стояло решение о том, чья воля получает нормативное закрепление – княжеская или церковная.

Соборное уложение 1649 года стало следующим крупным кодификационным шагом и также было продиктовано политической необходимостью. Уложение создавалось в условиях острого социального кризиса: городские восстания и требования служилых людей вынудили власть пойти на систематизацию законодательства при участии земских выборных. В итоге, как показывает Исаев, ряд ключевых норм был включён в Уложение непосредственно на основании челобитных от служилых и посадских людей [1, с. 175]. Кодификация тем самым выполняла двойную функцию: снимала социальное напряжение, давая участникам Собора иллюзию участия в правотворчестве, и одновременно концентрировала выработанные нормы в едином акте, подчинённом воле государя и Боярской думы. Примечательно, что именно в Соборном уложении впервые была осуществлена систематизация отечественного

законодательства и намечено разделение норм по отраслям права – шаг, открывший дорогу к более рациональной правовой системе, по характеристике И.А. Исаева [1, с. 177–211].

Наиболее показательный пример связи кодификации с государственной властью даёт деятельность М.М. Сперанского в первой половине XIX века. После восстания декабристов Николай I остро нуждался в демонстрации законности и порядка – и именно в этом контексте был реализован крупнейший в истории Российской империи кодификационный проект. Второе отделение Собственной Его Величества канцелярии под руководством Сперанского собрало и расположило в хронологическом порядке более 31 000 указов, регламентов, уложений, которые составили Полное собрание законов; из них затем был сформирован Свод законов – действующее систематизированное законодательство, структурированное по отраслям [1, с. 395–397].

Политический замысел проекта просматривается в его архитектуре: первые три тома Свода составили «основные законы Империи» – впервые введённое понятие, закрепившее конституционный статус самодержавной власти в терминах позитивного права. Кодификация здесь выступала не как реформа, а как консервация: задачей было не переработать устаревшие нормы на основе общих принципов права (этот третий этап – Уложение – был отвергнут как «слишком теоретический»), а лишь привести в порядок то, что уже существовало [1, с. 396]. Само по себе это решение несёт политический смысл: кодификация была допущена ровно в той мере, в какой она упорядочивала власть, и остановлена там, где могла бы её ограничить.

Характерно, что Тихомиров фиксирует схожую закономерность применительно к современной российской кодификации: нередко кодекс «возникает на пустом месте, при отсутствии накопленного нормативного материала, и ему, по сути, нечего кодифицировать». Исследователь особо выделяет федеративный аспект: принятие в ряде субъектов Российской Федерации кодексов (библиотечного, избирательного, музейного, трудового и др.) он расценивает как неоправданное, указывая, что подобные акты допускают дублирование или нарушение федеральной законодательной компетенции, а форма кодекса неадекватна характеру и объёму регулируемых ими отношений [3, с. 271]. Это свидетельствует о том, что сама по себе кодификационная форма приобрела самостоятельную символическую ценность – знак упорядоченности и государственной серьёзности, не всегда подкреплённый реальной необходимостью.

Из рассмотренных примеров вырисовывается устойчивая модель, воспроизводящаяся на протяжении нескольких столетий российской правовой истории. Во-первых, крупные кодификационные проекты неизменно предпринимались в переломные моменты – смены власти, социальных потрясений, политических кризисов. Во-вторых, каждый такой проект

выполнял функцию легитимации: новый или обновлённый центр власти закреплял через кодекс собственную версию правового порядка, представляя её как рациональную, всеобщую и окончательную. В-третьих, результат неизменно оказывался компромиссным: радикальные реформаторские элементы (Уложение Сперанского, отраслевая классификация Соборного уложения) последовательно отсекались, тогда как консервативное ядро сохранялось.

Всё это ставит вопрос о соотношении технической и политической функций кодификации. В позитивистской традиции, которую представляет, в частности, М.Н. Марченко, источники права рассматриваются прежде всего в формально-юридическом смысле – как способы выражения и закрепления правовых норм [2, с. 52–53]. При таком подходе основное внимание уделяется юридической форме права, тогда как социальные и политические факторы правообразования остаются на периферии анализа. Однако история российского правотворчества демонстрирует иное: выбор кодификации как формы, определение её объёма и предмета, решение о том, какие нормы подлежат систематизации, а какие – изъятию, всегда был политическим выбором. Кодекс – не просто закон, занимающий высокое место в иерархии актов. Это ещё и инструмент, с помощью которого власть выстраивает вокруг себя нормативное пространство, задаёт его границы и воспроизводит собственную версию правового порядка в форме, претендующей на общезначимость и вечность.

Осознание этого политического измерения кодификации не обесценивает её техническую роль. Кодексы действительно «способствуют укреплению внутрисистемных связей в законодательстве и выполняют важную интегрирующую роль» [3, с. 271]. Но понимание того, что за каждым крупным кодификационным проектом стоит не только логика юридической техники, но и логика власти, представляется необходимым условием критического осмысления отечественной правовой культуры и её исторических закономерностей.

Список литературы

1. Исаев, И. А. История государства и права России : учебник / И. А. Исаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 797 с. – ISBN 5-7975-0667-X.
2. Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 672 с. – ISBN 978-5-91768-467-3. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1911191> (дата обращения: 01.03.2026). – Режим доступа: по подписке.
3. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Формула права, 2010. – 400 с. – ISBN 978-5-8467-0071-0.

А.Э. РЫБАКОВ, С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финуниверситет

A.E. RYBAKOV, S.I. PANKIN
Chelyabinsk branch Financial University

**ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ КАК ИНВЕСТИЦИОННЫЙ
АКТИВ: ПАРАДОКС ИЗБЫТОЧНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА**

**LEGAL CERTAINTY AS AN INVESTMENT ASSET:
THE PARADOX OF EXCESSIVE LAWMAKING**

Аннотация

Статья исследует взаимосвязь между качеством правотворчества, правовой определённостью и инвестиционным климатом. Обосновывается тезис о том, что избыточное правотворчество – нарастающий поток нормативных актов при низком качестве каждого из них – не укрепляет, а подрывает правовую определённость, превращая её из инвестиционного актива в инвестиционный риск. Сделан вывод о необходимости перехода от количественного к качественному критерию оценки правотворческой деятельности.

Annotation

The article examines the relationship between the quality of lawmaking, legal certainty, and the investment climate. It argues that excessive lawmaking – a growing flow of regulatory acts accompanied by low quality of each – does not strengthen but undermines legal certainty, transforming it from an investment asset into an investment risk. The conclusion is that a shift from quantitative to qualitative criteria for evaluating lawmaking is necessary.

Ключевые слова: правотворчество, инвестиционный климат, правовая определённость, регуляторная политика, качество законодательства, инвестиционный риск.

Key words: lawmaking, investment climate, legal certainty, regulatory policy, quality of legislation, investment risk.

Инвестиционный климат любой страны складывается из множества факторов – макроэкономической стабильности, уровня коррупции, судебной системы, налоговой нагрузки. Однако в основе большинства из них лежит одна фундаментальная предпосылка: способность правовой системы обеспечивать предсказуемость и стабильность норм. Инвестор, принимая решение о вложении капитала, по существу, заключает долгосрочный

договор с государством о том, что правила игры не изменятся произвольно. Именно это и составляет содержание правовой определённости как инвестиционного актива.

В теоретическом отношении правовая определённость тесно связана с качеством системы источников права. Как отмечает М. Н. Марченко, практическая значимость формально-юридического понимания источников права определяется прежде всего их «гораздо большей по сравнению с другими видами определённости» [1, с. 52]. Иными словами, определённость – не просто желательное свойство правовой нормы, а её конституирующий признак: норма, лишённая определённости, перестаёт быть нормой в полном смысле слова.

Между тем современная правотворческая практика порождает явление, которое можно охарактеризовать как парадокс избыточного правотворчества: чем активнее государство создаёт новые правовые нормы, стремясь урегулировать всё большее число общественных отношений, тем менее определённой становится правовая среда для участников экономической жизни.

Понятие «нормативной инфляции» введено в научный оборот для описания процесса, при котором нарастающий объём регламентации ведёт не к повышению, а к снижению эффективности правового регулирования. Ю. А. Тихомиров, анализируя данную проблему, приводит показательный пример: во Франции за 15 лет количество страниц официального издания законодательства «Journal Official» удвоилось, объём Трудового кодекса вырос на 35%, а документация по налогообложению за десять лет увеличилась на треть [2, с. 76]. При этом следствием такого роста стали не порядок и предсказуемость, а прямо противоположное: сложность регламентации оказалась источником правовой необеспеченности и дефицита доверия граждан к государству, поскольку «слишком большое количество законов уменьшает их эффективность» [2, с. 77].

Механизм данного парадокса Тихомиров описывает следующим образом: реакцией на любую новую проблему в праве служит принятие очередного нормативного акта, однако «решение как волевой или письменный акт» отнюдь не означает разрешения проблемы по существу – «в реальной жизни её следствием является неукротимый поток документации, правовых актов, отражающий растущий объём регламентации» [2, с. 75]. При этом чрезмерная «перегрузка» правовой системы нормами ведёт к снижению уровня их исполнения, а «неоправданное повышение меры управляемости» ограничивает самостоятельность участников гражданского оборота [2, с. 76].

Особого внимания заслуживает выявленная зависимость: «плохой» закон порождает цепь подзаконных актов [2, с. 161]. Это означает, что низкое качество первичного нормативного акта автоматически умножает массив регулирования, не повышая его

содержательного уровня. Правовая система оказывается в ловушке количественного роста, при котором каждый новый акт, призванный уточнить или исправить предыдущий, лишь добавляет неопределённости. В этом и состоит существо парадокса: инструмент, созданный для обеспечения порядка, при избыточном применении становится источником хаоса.

Описанный теоретический парадокс находит эмпирическое подтверждение в данных международных сравнительных исследований. Доклад Всемирного банка Business Ready 2025, охвативший 101 экономику, зафиксировал устойчивый разрыв между качеством писанных правил и реальной эффективностью их применения. Средний балл по показателю «Регуляторная база» (качество законодательства) составил 66,32 из 100, тогда как по показателю «Операционная эффективность» (реальное соблюдение норм) – лишь 60,03 балла [3, с. 17]. Иными словами, государства в среднем значительно лучше умеют писать законы, чем обеспечивать их практическое применение.

Ещё более показателен разрыв между регуляторной базой и государственными услугами, призванными поддерживать её исполнение: средний балл по этому показателю составляет лишь 53,97 – более чем на 12 пунктов ниже качества самих норм [3, с. 17–18]. Этот «разрыв публичных услуг» свидетельствует о системном характере проблемы: нормы создаются быстрее, чем формируются институты и инфраструктура, необходимые для их реализации. Среди факторов, обуславливающих этот разрыв, важное место занимает и избыточность регулирования: нарастающий поток плохо согласованных актов перегружает правоприменительный аппарат, затрудняя исполнение даже качественно написанных норм. Экономики мира в среднем готовы к ведению бизнеса лишь на 60% по шкале B-READY [3, с. 31]

Принципиально важным является и подтверждённая статистически связь между качеством деловой среды и производительностью труда: коэффициент корреляции между сводным показателем B-READY и производительностью медианной фирмы составляет 0,696 [3, с. 27]. Это означает, что правовая определённость – не абстрактная категория юридической теории, а измеримый экономический актив: улучшение регуляторной среды статистически значимо связано с ростом производительности и, следовательно, с привлекательностью экономики для инвестиций.

Из изложенного следует вывод, имеющий как теоретическое, так и практическое значение: критерием оценки правотворческой деятельности должно служить не число принятых актов, а их качество и реальная эффективность. Ю.А. Тихомиров формулирует ряд принципов, которым должно отвечать оптимальное регулирование: принцип пропорциональности (отсутствие норм, «излишних или чрезмерных по отношению к поставленной цели»), принцип минимальной стабильности нормы во времени, принцип

взаимосвязанности правил, согласно которому принятие нового акта должно сопровождаться корректировкой всех ранее принятых, вступающих с ним в противоречие [2, с. 77–78].

Общая логика этих принципов сводится к тому, что правовая определённость достигается не путём охвата нормой всех мыслимых ситуаций, а путём создания стабильной и непротиворечивой регуляторной среды. При этом, как показывают данные B-READY, сама по себе обширная нормативная база не гарантирует ни её исполнения, ни связанных с ней инвестиционных выгод: именно операционная эффективность – реальная лёгкость соблюдения норм – является показателем, статистически значимо связанным с экономическим ростом [3, с. 12–13].

Таким образом, парадокс избыточного правотворчества состоит в следующем: государство, стремясь снизить инвестиционные риски путём детальной нормативной регламентации, достигает обратного эффекта. Нарастающий поток плохо согласованных между собой актов создаёт неопределённость там, где должна была возникнуть предсказуемость, повышает транзакционные издержки для бизнеса и подрывает доверие к правовой системе в целом. Правовая определённость как инвестиционный актив формируется не обилием норм, а их качеством, стабильностью и реальной исполнимостью – именно те свойства, которые при избыточном правотворчестве оказываются под угрозой в первую очередь.

Список литературы

1. Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 672 с. – ISBN 978-5-91768-467-3. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1911191> (дата обращения: 10.03.2026). – Режим доступа: по подписке.
2. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Формула права, 2010. – 400 с. – ISBN 978-5-8467-0071-0.
3. World Bank. Business Ready 2025 / World Bank. – Washington : World Bank, 2025. – 58 p. – URL: <https://hdl.handle.net/10986/44047> (дата обращения: 26.02.2026).

А.Э. РЫБАКОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель

Д.И. МЕДВЕДЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
старший преподаватель

A.E. RYBAKOV
Chelyabinsk branch Financial University
1st year student «Law»

Scientific supervisor
D.I. MEDVEDEVA
Chelyabinsk branch Financial University
Senior lecturer

LEGAL WRITING В РОССИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

LEGAL WRITING IN RUSSIAN LEGAL EDUCATION

Аннотация

В статье обосновывается, что отсутствие дисциплины Legal Writing в российских юридических вузах образует системную проблему с двумя измеримыми последствиями: снижением качества профессиональной подготовки юристов и нарастающей сложностью российских правовых текстов. Автор анализирует природу этого разрыва, выявляет его причины и предлагает пять направлений решения проблемы, включая внедрение курса Legal Writing в учебные программы и адаптацию методологии Writing Across the Curriculum (WAC).

Annotation

The article argues that the absence or weak teaching of Legal Writing in Russian law schools constitutes a systemic problem with two measurable consequences: a decline in the professional readiness of law graduates and the growing complexity of Russian legal texts. The author analyses the nature of this gap, identifies its causes, and proposes five directions for solving the problem, including the introduction of Legal Writing into law curricula and the adaptation of the Writing Across the Curriculum (WAC) methodology.

Ключевые слова: Legal Writing, юридическое письмо, юридическое образование, юридическая техника, Writing Across the Curriculum, WAC, ясность права.

Key words: Legal Writing, legal education, legal drafting, Writing Across the Curriculum, WAC, plain language.

Вопрос о соответствии образовательных стандартов профессиональным запросам правовой сферы не является новым, однако применительно к навыкам юридического письма

он приобрёл в последние годы особую остроту: разрыв между ожиданиями работодателей и реальной подготовкой выпускников достиг той точки, при которой он фиксируется уже не только в академической литературе, но и в публичных высказываниях практикующих специалистов.

Вице-президент по правовым вопросам компании OZON Артём Афанасьев в публичном интервью признал, что в классическом юридическом образовании «очень сильно не хватает такой дисциплины, как Legal Writing»: юриста на совещаниях «никто не понимает», потому что он «рассказывает много, использует только ему понятные термины, и непонятно, что с этим делать на практике». [1]. Этот запрос – не единичный: среди ключевых компетенций, которые работодатели сегодня ждут от выпускников юридических факультетов, неизменно фигурируют навыки юридического анализа и аргументации, деловой переписки, составления документов и грамотного изложения позиции. Между тем вузовские дисциплины «Русский язык и культура речи» и «Юридическая техника» очевидно не закрывают этот запрос – иначе бизнес не транслировал бы его с такой настойчивостью.

Дисциплина Legal Writing давно стала обязательной в каждой юридической школе англосаксонской традиции [2, с. 377]. В России она остаётся периферийной: не во всех вузах преподаётся, а там, где есть, – уделяется минимум времени. Последствия этого пробела двойственны: с одной стороны, выпускники оказываются не готовы к реальным профессиональным задачам, с другой — российские юридические тексты год от года становятся сложнее для граждан, которым они адресованы.

Чтобы оценить масштаб упущенного, необходимо понять, чем именно является эта дисциплина. Legal Writing (юридическое письмо) охватывает любой текст юридического содержания: от делового письма до законопроекта, от меморандума до судебного решения [4, с. 6]. В англосаксонской традиции это не навык «составления документов по образцу», а полноценный инструмент развития правовой культуры и аналитических способностей: там понятия юридического анализа и юридического письма неотделимы друг от друга [2, с. 377]. Дисциплина охватывает четыре вида юридического письма: академический, судебный, законодательный и учебный – последний делится на объективное и аргументированное письмо.

Студентам с первого курса прививают конкретные принципы: ориентацию на адресата; структуру документа (вводная – основная – заключительная части); принцип «одна мысль – одно предложение»; активный залог вместо пассивного; запрет канцелярита; логическую модель IRAC (Issue – Rule – Application – Conclusion) для аналитических меморандумов [2, с. 378–379; 4, с. 17–84]. Именно эта совокупность правил и отличает Legal Writing от «юридической техники»: последняя традиционно сосредоточена на

нормотворчестве, тогда как Legal Writing охватывает весь практический спектр – заключения, письма клиентам, документы для непрофессиональной аудитории. Показательно, что в 37 языках мира зафиксировано снижение сложности официальных текстов как результат целенаправленного продвижения принципов ясного письма [3, с. 51].

Возникает вопрос: почему этот разрыв сохраняется в России, несмотря на очевидность проблемы? Российское юридическое образование исторически ориентировано на теорию, а прикладные навыки письма долго воспринимались как нечто само собой разумеющееся: предполагалось, что достаточно школьного курса русского языка. Запросы работодателей показывают, что это предположение ошибочно. Р.М. Янковский констатирует: в России, в отличие от англосаксонской системы, нет традиции обязательного курса по юридическому письму, а само понятие «Legal Writing» существует в российской науке пока в виде единичных исследований [5, с. 74–75].

Отсутствие курса обусловлено и практическими барьерами: разработка качественных учебных материалов требует значительных ресурсов, а практикующих юристов, способных вести такую дисциплину, пока немного. Видя незаполненную нишу, частные юридические школы начинают предлагать коммерческие курсы по Юридическому письму, а студенты вынуждены самостоятельно искать знания через онлайн-курсы и книги. Это доказывает: спрос реален, а система образования его пока не удовлетворяет. Языковые правила юридической техники, признанные разумными и эффективными теоретически, не становятся нормой практики, если не встроены в образовательный процесс системно.

Названный пробел имеет два конкретных и взаимосвязанных измерения. Первое – профессиональная неготовность выпускников. Работодатели фиксируют: молодые юристы не умеют ясно, кратко и удобно для читателя излагать суть вопроса; их тексты перегружены терминами, непонятны клиентам и трудно воспринимаемы на совещаниях. Навыки деловой переписки и составления документов, которые ожидает бизнес, в вузе системно не формируются.

Второе измерение – нарастающая сложность российских правовых текстов. Российское законодательство движется в направлении, обратном мировой тенденции: индекс Флеша–Кинкейда фиксирует усложнение решений Конституционного суда, а среди «самых нечитабельных» законов оказываются акты о социальной поддержке граждан – именно те, что должны быть понятны наиболее широкой аудитории [3, с. 51]. М.Л. Давыдова приводит красноречивый пример: в одном законе оборот «информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация)» воспроизводится полностью десять раз после того, как сокращение уже введено, – избыточность очевидна [3, с. 52]. Юристы, создавая тексты, часто действуют интуитивно, не имея в своем распоряжении четко структурированной системы

обоснованных правил письма. Слабое преподавание Юридического письма и деградация качества юридических текстов – явления одного порядка.

Обозначив природу проблемы, обратимся к путям её решения. На наш взгляд, необходим комплекс из пяти взаимодополняющих мер.

Первое – введение самостоятельного курса «Юридическое письмо» в учебные программы юридических факультетов с первого курса. Так, где он уже введен следует увеличить количество часов на освоение курса. Дисциплина должна охватывать весь практический спектр юридического письма – не только нормотворчество. Опыт англосаксонской системы показывает: выпускники, освоившие Legal Writing, быстрее адаптируются к профессии и производят тексты, понятные адресату. Прямой запрос со стороны бизнеса делает введение такого курса не желательным, а необходимым.

Второе – внедрение принципов Writing Across the Curriculum (WAC). Эта методология предполагает, что навыки письма формируются не в одной дисциплине, а закрепляются во всех курсах программы через регулярную письменную практику. Применительно к юридическому образованию это означает: требования к ясности, структуре и ориентации на адресата должны предъявляться на каждом предмете – от гражданского права до конституционного. Такой подход обеспечивает устойчивое развитие навыка, а не разовое его «прохождение».

Третье – разработка учебно-методических материалов, адаптированных к российской правовой системе. Книга О.А. Хазовой «Искусство юридического письма» [4] – важный шаг, однако одного учебника недостаточно: нужны задачки с разбором реальных российских юридических документов, чек-листы для самопроверки, методические пособия для преподавателей.

Четвёртое – партнёрство вузов с практикующими юристами. Корпоративные юристы, адвокаты и судьи лучше любого теоретика понимают, каких навыков не хватает молодым специалистам. Их участие в разработке программы и ведении курса сделает Юридическое письмо максимально прикладным и релевантным рынку.

Пятое – развитие отечественной исследовательской базы. Число российских научных работ, посвящённых именно Юридическому письму как учебной дисциплине, пока невелико. Систематическое изучение того, как принципы юридического письма влияют на качество российских правовых текстов – с применением лингвистических индексов читаемости, – создаст доказательную основу для реформы высшего образования и поможет скорректировать обучение студентов юридических вузов.

Решение требует не точечных мер, а системных изменений – через самостоятельный курс Юридического письма, методологию WAC, качественные учебные материалы,

партнёрство с практикой и развитие научных исследований в этой области. Работодатели уже сформулировали запрос. Задача высшей юридической школы — на него ответить.

Список литературы

1. Актин студент. Интервью: AskTop | Артём Афанасьев — Вице-президент по правовым вопросам и GR компании Ozon <https://dzen.ru/video/watch/6311f6a037782912aad7534d>
2. Алейникова, Д.В. Legal Writing как инструмент юридического анализа в англосаксонской правовой культуре при обучении юристов / Д.В. Алейникова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 6, вып. 3. – С. 376–381. – DOI: 10.30853/ped210051.
3. Давыдова, М.Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность / М.Л. Давыдова // Юрислингвистика / Legal Linguistics. – 2023. – № 27. – С. 49–55. – DOI: 10.14258/leglin(2023)27099.
4. Хазова, О.А. Искусство юридического письма / О.А. Хазова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2015. – 103 с.
5. Янковский, Р.М. Юридическое письмо у них и у нас / Р.М. Янковский // Закон. – 2023. – № 1. – С. 74–83.

M.C. SARAMSAKOVA, P.A. CHEPURKO

Уральский медицинский институт
студенты I курса специальности «Стоматология»

M.S. SARAMSAKOVA, P.A. CHEPURKO

Ural Medical Institute
First-year students majoring in Dentistry

ЭПИДЕМИИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ЧАСТЯХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

EPIDEMIC IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND RED ARMY UNITS OF THE CHEL YABINSK PROVINCE

Аннотация

Статья посвящена социально-медицинскому исследованию эпидемий в закрытых коллективах Челябинской губернии в переломный период 1919–1922 гг. Цель работы показать, как тюрьмы, концентрационные лагеря и казармы Красной Армии, в силу специфики своего функционирования, стали критическими узлами в региональной эпидемической системе. Методологическую основу составляет историко-антропологический

подход к анализу санитарных условий, продовольственного снабжения и практик выживания. Результаты демонстрируют, что, несмотря на попытки внедрения санитарных норм, приоритет карательной и военной логики над медицинской привел к колоссальной смертности среди заключенных и красноармейцев, что оказало долгосрочное влияние на демографию и социальную структуру Южного Урала.

Annotation

This article is devoted to a socio-medical study of epidemics in closed communities in the Chelyabinsk province during the turning point of 1919–1922. The aim of the work is to show how prisons, concentration camps, and Red Army barracks, due to the specific nature of their functioning, became critical nodes in the regional epidemic system. The methodological basis is a historical-anthropological approach to the analysis of sanitary conditions, food supply and survival practices. The results demonstrate that, despite attempts to implement sanitary standards, the priority of punitive and military logic over medical one led to colossal mortality among prisoners and Red Army soldiers, which had a long-term impact on the demography and social structure of the Southern Urals.

Ключевые слова: исправительные учреждения, лагеря, Гражданская война, Челябинская губерния, инфекционные болезни, антисанитария, карантин

Keywords: Correctional facilities, camps, the Civil War, Chelyabinsk province, infectious diseases, unsanitary conditions, quarantine

Челябинская губерния, образованная в сентябре 1919 г. из части Оренбургской, Тобольской и Тургайской губерний, оказалась в годы Гражданской войны (1917–1922) в крайне тяжелой эпидемиологической ситуации. Территория губернии изначально включала четыре уезда, с января 1920 в нее вошел Верхнеуральский, но августе выбыл Кустанайский, выделились Миасский и Куртамышский, с общим подчинением с весны 1920 года РВС Первой Армии Труда в Екатеринбурге [11, с. 131–133]. В каждом уездном центре, кроме последнего, имелись тюрьмы, штрафные роты, четыре концлагеря (из них в Челябинске сразу два), численность красноармейцев в частях губернии на декабрь 1920 года составляла 65 тысяч [12, с. 66].

Гражданская война, разруха, голод и массовые передвижения населения создали идеальные условия для распространения инфекционных болезней. В регионе находились, как сельские жители, так и многочисленные войска, формирования противоборствующих сторон в Гражданской войне, что дополнительно способствовало миграции болезней. На Урале и в

Челябинской губернии наблюдались волны эпидемий тифа (в первую очередь сыпного и брюшного), холеры, дизентерии, оспы, испанки и других инфекций. Высокая скученность населения, разрушенные санитарные сети, распад транспорта и медицины усиливали заражение [3].

Согласно исследованиям, сыпной и брюшной тифы были доминирующими инфекциями 1918–1920 гг.: общий рост заболеваемости и смертности от этих болезней был связан с войной, голодом и развалом жилого фонда. В отдельные периоды цифры заболеваемости превышали средние показатели по стране. Центральная медицинская и эпидемиологическая служба была крайне ослаблена. На местах санитарная помощь ограничивалась ассенизационными работами, отправкой врачей в наиболее поражённые районы и попытками организовать эпидемические комиссии.

Историки отмечают, что системы исправительных учреждений (тюрьмы, колонии) в России традиционно являются благоприятной средой для распространения инфекций из-за скученности, плохой гигиены, нехватки питания и медицинской помощи. Хотя прямых подробных отчётов по Челябинской губернии в источниках значительно меньше, исследования выявляют общую тенденцию проблемных эпидемий в тюрьмах и трудовых лагерях России того времени. На примере общероссийской истории пенитенциарной системы известно, что в XIX–XX веках тюрьмы были «очагами заболеваний», где вспышки холеры и тифа регулярно возникали и уносили жизни заключённых и охранников. Система административного сокрытия или молчания о таких вспышках делала официальные данные о заболевших редкими. Кроме того, массовые аресты, перемещения заключённых и их перегруппировка в период Гражданской войны повышали риск распространения эпидемий внутри мест лишения свободы. Условия содержания, сходные с армейскими бараками тех лет, способствовали быстрому инфицированию новых групп. Хотя конкретные статистические данные по эпидемиям именно в челябинских тюрьмах недостаточно представлены в доступных источниках, можно с уверенностью утверждать, что и в Челябинской губернии соблюдался общая линия на вспышки инфекций в пенитенциарных учреждениях. Красная армия, как и белые формирования, в годы Гражданской войны подвергалась эпидемиям так же, как и гражданское население.

Военнослужащие содержались в переполненных, не отапливаемых казармах, в крайне тяжёлых санитарных условиях, при плохом питании, отсутствии элементарных мер гигиены и одежды, что делало такие очаги идеальными для тифа и холеры и вызывали массовое дезертирство [5, с. 26–27]. Масштабы проблемы выразились 36 тысячах пойманных бешлецов и уклонистов по губернии за 1920 год, тысячи беглецов приносили в сельскую местность инфекции, а при задержании или явке приносили обратно в части и далее на

фронт другие заболевания, так в августе эшелонами из региона отправили 12 тысяч красноармейцев [6, с. 26, 28]. Выборочность санкций, возможность избежать их или сдаться по амнистиям породило спрос на фальсификацию заключений в медицинских учреждениях, а вообще болезнь дезертира смягчала его вину [7, с. 28]. Дезертиры, могли проникать в населенные пункты, где эпидемическая обстановка была лучше, и заносить туда инфекцию из пораженных частей и тюрем.

Борьбой с бегством и уклонением от призывов занимались комиссии по борьбе с дезертирством, они сортировали задержанных, направляли их в штрафроты, на фронт, назначали санкции во внесудебном порядке, контролировали врачебные комиссии, организовывали явку, вели профилактику [9, с. 192–197]. Дезертирство и недовольство населения стали основой повстанческого движения в регионе в 1920–1921 годах, когда повстанческие отряды пытались брать города, как Кустанай, а потерпев поражение – сотнями пополняли контингент тюрем и концлагерей [8, с. 115–121]. Повстанцы нападали на ж/д станции и медицинские пункты, что разрушало и без того скудную логистику поставок медикаментов, продуктов и эвакуации больных.

Борьба с повстанцами велась жесткими силовыми методами с применением репрессий к пленным, их родственникам, взятием заложников, карательными акциями и массовым террором [10, с. 115-121].

Известно, что тиф стал одной из основных причин смертности для обеих сторон Гражданской войны, и в целом по России от тифа умерло от 2 до 3 миллионов человек в период 1918–1922 гг. Многие из этих смертей пришлось именно на армейские формирования, где болезнь передавалась от больных к здоровым достаточно легко в отсутствие надлежащих санитарных мер. Передвижение частей и формирований Красной армии через территорию Челябинской губернии также способствовало распространению инфекций. Железнодорожные узлы, лагеря, резервные базы, санитарно-эпидемиологические пункты – всё это становилось частью пути инфекции среди солдат и мирного населения. Историки отмечают, что в местах концентрации войск санитарные условия были хуже всего, и отсутствие медицинского персонала усугубляло ситуацию.

В ответ на эпидемические угрозы на местах создавались санитарные комиссии. Так, в 1919 году в Челябинской губернии была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (Чекатиф) и впоследствии аналогичная по холере (Чекахол). Эти структуры занимались организацией карантинных, дезинфекцией помещений, санитарными отрядами и информационной работой [1, с. 5]. Документы свидетельствуют, что для борьбы с эпидемиями применялись самые разные меры: от закрытия учебных заведений до массовой дезинфекции домов и мобилизации населения для санитарных работ. Однако

несовершенство медицинской инфраструктуры, дефицит медикаментов, недостаток квалифицированного персонала и продолжающаяся война часто сводили на нет усилия по борьбе с инфекциями.

Таким образом, эпидемии в Челябинской губернии были частью более широкой эпидемической катастрофы, охватившей весь регион Урала и Россию в целом. Сыпной и брюшной тифы, холера и другие болезни стали не только следствием социально-политической разрухи, но и одной из основных причин смертности среди гражданского населения, заключённых и военнослужащих обеих сторон. Исправительные учреждения и армейские части, из-за скученности и отсутствия санитарных условий, представляли собой очаги заражения, способствующие распространению инфекций. Несмотря на попытки организовать санитарные службы и комиссии, эпидемический контроль был крайне ограничен в условиях войны и экономического коллапса.

Список литературы

1. Исторические материалы СМИ о санитарных мерах в начале 20 века на Южном Урале <https://cyberleninka.ru/article/n/ili-vshi-pobedyat-sotsializm-ili-sotsializm-pobedit-vshey-o-sanitarno-epidemicheskoy-situatsii-na-urale-v-1920-e-gg>
2. Казачок А.А. «Эпидемии и эпидемическая служба на общем фоне 1917–1922 гг. на примере Челябинского уезда и губернии»
<https://www.xn----8sbempclcwd3bmt.xn--plai/article/25406>
3. Панкова И. А. статья «Дома обкуривали серой» https://chel.aif.ru/amp/society/doma_obkurivali_seroy_sto_let_nazad_na_yuzhnom_urale_b_ushevala_epidemiya
4. Шапошников Г. Н. «Эпидемии на Урале в период гражданской войны» <https://journals.uspu.ru/attachments/article/2342/19.pdf>
5. Панькин, С. И. Детерминация дезертирства и уклонения от мобилизаций на Южном Урале осенью 1919 - весной 1921 г / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-25-29. – EDN DNFNOO.
6. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-1-25-29. – EDN KIUEAR.
7. Панькин, С. И. Квалификация и типология дезертирства на Южном Урале в конце 1919-го - начале 1921 гг. / С. И. Панькин, И. А. Кравченко, А. А. Тенетко // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 11. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-11-25-29. – EDN UZXTOA.

8. Панькин, С. И. Выступление крестьян в Кустанайском уезде в 1920 году / С. И. Панькин // Вестник № 5 : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Челябинск, 10 апреля 2005 года / Под редакцией В.Н. Ни. – Челябинск: ООО "Перспектив", 2005. – С. 113-122. – EDN SNKICN.

9. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.

10. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.

11. Панькин, С. И. Челябинская губерния, 1919-1923 гг.: абрис истории: сб. док / С. И. Панькин // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 131-134. – EDN VRTKQX.

12. Панькин, С. И. Государственно-правовые меры борьбы с повстанцами в Челябинской губернии в 1920 г. / С. И. Панькин // История государства и права. 2022. № 3. С. 64-71. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-3-64-71. – EDN NNIYBX.

Д.В. СИТНИКОВА, К.Ю. СДВИЖКОВ
Уральский филиал Финансового университета

D.V. SITNIKOVA, K.Y. SDVIZHKOV
Ural branch of the Financial University

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

PROBLEMS AND PECULIARITIES OF CORRUPTION PREVENTION IN THE RUSSIAN LAW ENFORCEMENT SYSTEM: HISTORY AND MODERNITY

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы предупреждения коррупции в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Анализируются исторические причины возникновения коррупционных рисков в системе МВД, Федеральной службе судебных приставов и судебном сообществе. На основе статистических данных выявляются недостатки существующих профилактических мер. Предлагаются направления

совершенствования антикоррупционной работы, включая использование цифровых технологий и изменение системы оценки труда сотрудников.

Annotation

The article discusses current issues in preventing corruption in the activities of law enforcement agencies in the Russian Federation. It analyzes the historical causes of corruption risks in the Ministry of Internal Affairs, the Federal Bailiff Service, and the judicial community. Based on statistical data, the article identifies the shortcomings of existing preventive measures. The article proposes specific ways to improve anti-corruption efforts, including the use of digital technologies and changes to the employee performance evaluation system.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, правоохранительная система, МВД России, ФССП России, суды.

Keywords: corruption, prevention, law enforcement system, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Federal Service for the Enforcement of Judicial Acts, courts.

Предупреждение коррупционных проявлений в российских правоохранительных структурах продолжает оставаться одним из приоритетных направлений государственной политики, причем значимость этой работы сложно переоценить. В ситуации, когда ведомства, призванные стоять на страже закона и защищать интересы граждан, сами оказываются поражены коррупцией, неизбежно возникает кризис доверия общества ко всей вертикали власти. Наибольшее беспокойство вызывает тот факт, что нарушения в рядах МВД, Федеральной службы судебных приставов и в судебском корпусе отличаются высокой латентностью, а выявить их на начальной стадии удастся крайне редко. Традиционные подходы к профилактике сегодня демонстрируют низкую эффективность, что диктует необходимость их безотлагательного обновления с учетом современных реалий [1 с. 220-225].

Регулярное ужесточение санкций, как показывает практика, не способно искоренить коррупцию в правоохранительной среде – она демонстрирует удивительную способность к самовоспроизводству. Сама специфика службы, сопряженная с властными полномочиями, допуском к конфиденциальной информации и возможностью напрямую влиять на судьбы людей, неизбежно порождает высокие коррупционные риски. Если обратиться к истории, то еще в дореволюционной России широко бытовала система так называемых «кормлений», когда чиновники по факту содержались за счет посетителей и просителей. Позже, в советскую эпоху, укоренились такие явления, как закрытость ведомств и круговая порука,

построенная на принципе «свои своих не выдают». В первой половине 20 века в судебной системе России коррупция не имела широкого распространения, но преступные проявления фиксировались регулярно, а борьба с ними велась системно [6]. Отголоски этих традиций, хоть и в трансформированном виде, отчетливо прослеживаются и в нынешней ситуации [2 с. 323–325].

Различные аспекты этой многогранной проблемы поднимались в трудах многих ученых. В частности, И.В. Годунов уделял внимание организации антикоррупционной работы в органах внутренних дел, С.В. Максимов детально анализировал структуру и статистику коррупционных преступлений, а В.В. Астанин фокусировался на конфликте интересов и этических нормах в судебской среде. Однако, несмотря на наличие серьезных научных работ, до сих пор отсутствуют универсальные критерии, которые позволяли бы объективно судить о эффективности профилактических мер в конкретных ведомствах [3 с. 18–22]. Например, практически вне поля зрения исследователей остаются механизмы «низовой» коррупции в подразделениях ФССП, где предметом взятки зачастую выступают не деньги, а ускорение процесса взыскания или намеренное занижение оценки арестованного имущества. Отметим, что приставы, сами призванные бороться с коррупцией, стабильно проходят в сводках коррупционных преступлений, что снижает доверие к службе в целом [7, с. 323–325]. Остро стоит вопрос отсутствия действенных методик, позволяющих выявлять формирующиеся коррупционные связи еще на этапе их зарождения – когда сотрудник формально закон не нарушал, но уже начал действовать в чьих-то интересах в ущерб служебному долгу [4 с. 10–12].

Таблица 1 – Статистика осужденных за коррупцию в правоохранительной системе РФ (2021–2024 гг.)

Категория осужденных	2021	2022	2023	2024	Изменение за 4 года (%)
1	2	3	4	5	6
Сотрудники МВД России	1234	1187	1152	1101	-10,8%
Сотрудники ФССП России	387	402	415	409	+5,7%
Судьи (всех уровней)	23	18	21	17	-26,1%
Средний размер взятки (тыс. руб.)	385	412	456	493	+28,1%

Если посмотреть на цифры статистики за последние четыре года, можно заметить несколько неочевидных трендов. По данным Судебного департамента, количество осужденных сотрудников МВД снизилось на 10,8% – казалось бы, повод для оптимизма. Но те, кто работает с правоохранительной статистикой, знают: уменьшение числа выявленных преступлений часто говорит не о том, что их стало меньше, а о том, что они лучше маскируются. На этом фоне рост числа осужденных приставов – почти на 6% за четыре года. Получается, что именно в Федеральной службе судебных приставов профилактика дает сбой.

Меньше всех осужденных судей, что помимо очевидных причин и факторов объясняется, наработанной за десятилетия разносторонней практикой профилактики коррупции в судебной системе России [8, с. 321–324]. В данной связи особого внимания заслуживает деятельность антикоррупционных комиссий при проверке граждан, претендующих на должность судьи, которые доказали свою эффективность [9, с. 91–97].

Еще один показательный момент – средний размер взятки. За четыре года он подскочил на 28% и приблизился к полумиллиону рублей. Это уже не про «мелкую» коррупцию, когда взятка решает бытовой вопрос. Речь идет о том, что коррупция становится уделом избранных, «дорожает» и уходит в тень. Процент же оправдательных приговоров по таким делам традиционно ниже 1% – формально это говорит о качестве следствия, но по сути лишь подтверждает, преступность. Сейчас есть программные комплексы, которые способны в автоматическом режиме отслеживать аномалии: резкое улучшение материального положения сотрудника, приобретение активов, не соответствующих доходам, подозрительные контакты. Такие системы могут срабатывать на опережение, еще до того, как будет совершено уголовно наказуемое деяние. Отдельная история – оценка работы судебных приставов. Сегодня она завязана на цифрах: сколько взыскали, сколько производств закрыли. Логичнее было бы сместить акцент на качественные критерии: законность действий, обоснованность жалоб со стороны граждан, соблюдение сроков. В судебской среде, в свою очередь, давно назрела необходимость расширять практику автоматического распределения дел. К этому стоило бы добавить видеофиксацию не только открытых заседаний, но и ряда других процедур, где принимаются ключевые решения.

Опыт показывает, что репрессивные методы сами по себе коррупцию не побеждают. Нужно менять систему координат: условия службы, механизмы контроля и, отношение внутри коллективов. Статистика лишний раз подтверждает: проблемы в МВД, ФССП и судах выглядят по-разному, а значит, и подходы к их решению не могут быть шаблонными. Наиболее перспективное направление – сместить фокус с наказания за уже случившееся на раннее выявление рисков с помощью технологий. Жесткий контроль, современный цифровой инструментарий и постепенное формирование нетерпимости к коррупции – только

в связке эти меры способны со временем вернуть доверие людей к тем, кто обязан защищать закон.

Список литературы

1. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России / В. В. Астанин. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 215 с.
2. Годунов, И. В. Противодействие коррупции в системе государственной службы / И. В. Годунов. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 320 с.
3. Максимов, С. В. Коррупционная преступность в России: анализ состояния / С. В. Максимов // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 15–25.
4. Хабриева, Т. Я. Коррупция как угроза национальной безопасности / Т. Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2022. – № 4. – С. 3–12.
5. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Статистика о состоянии судимости за 2021-2024 гг. – Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. – 2025. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 18.03.2026)
6. Макеева, И. Ю. Борьба с коррупцией в судебных органах России в начале XX века / И. Ю. Макеева, С. И. Панькин // Бизнес и общество. – 2023. – № 4 (40). – ЭДН HDGXJM.
7. Макеев, И. А. Особенности и проблемы антикоррупционной деятельности ФССП / И. А. Макеев, С. И. Панькин // Современные тенденции управления, экономики и финансов в эпоху цифровизации: Сборник статей по материалам XVIII Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов с международным участием, Челябинск, 16 февраля 2022 года / Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Челябинск: Издательство "Перо", 2022. С. 322-325. – EDN OJBWSJ
8. Макеева, И. Ю. Проблемы и особенности профилактики коррупции в судебной системе Российской Федерации/ И. Ю. Макеева, С. И. Панькин // Социально-экономическое развитие региона: инновационные инструменты и цифровые технологии: Сборник материалов XXVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 105-летию Финансового университета, Челябинск, 25 июня 2024 года. – Челябинск: Перо, 2024. – С. 320-326. – EDN ANSWUG.
9. Макеева, И. Ю. Работа антикоррупционной комиссии при проверке граждан, претендующих на должность судьи / И. Ю. Макеева, С. И. Панькин // Экономика данных: новые вызовы и горизонты: сборник материалов XIX национальной научно-практической конференции с международным участием, Челябинск, 24 июня 2025 года. – Челябинск: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2025. – С. 91-99. – EDN UELMNX.

ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ ПРАВОВОГО ПРОБЕЛА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ
APPROACHES TO THE PHENOMENON OF LEGAL GAP IN LEGAL SCIENCE

Аннотация

Тема научной работы представляет теоретические и практические интересы, так как пробельность законодательства является важным и на сегодняшний день неразрешенным вопросом, затрагивающим все сферы правового регулирования. В юридической науке выделяют несколько ключевых теорий пробелов в праве, которые будут рассмотрены в данной статье, затрагивая способы восполнения и вопрос фиктивности правовых пробелов.

Annotation

The topic of this research is of theoretical and practical interest, as legislative gaps are an important and currently unresolved issue affecting all areas of legal regulation. Legal scholarship distinguishes several key theories of legal gaps, which will be discussed in this article, which will be discussed in this article, touching upon the methods of filling and the issue of the fictitiousness of legal gaps.

Ключевые слова: пробельность законодательства, правовой пробел, фиктивность, теория пробелов в праве, виды пробелов, способы восполнения правовых пробелов.

Key words: Gaps in legislation, legal gap, fictitiousness, theory of gaps in law, types of gaps, ways to fill legal gaps.

Существует две непримиримые концепции: сторонники одной из них утверждают, что право беспробельно, сторонники противоположной концепции склонны полагать, что пробелы в праве есть и их необходимо устранять.

В XIX веке у представителей юридического позитивизма сформировалась идея абсолютного приоритета закона и беспробельности права. Так, в своих ранних работах (позднее правовед стал придерживаться противоположной позиции) Иеринг считал, что из законодательства логически всегда можно извлечь полный смысл воли тех, кто его принял, правовая система – неиссякаемый источник новых правовых понятий и критериев [6, с. 207].

Немецкий позитивист К. Бергбом писал: «право никогда не нуждается в пополнении извне, ибо оно в любую минуту полно, его плодovitость, его логическая сила растяжения в каждый момент покрывает весь запрос в правовых решениях». В XX веке линию признания беспробельности права продолжает кельзеновский нормативизм, но для этого уже приходится доказывать наличие непроходимой грани между должным (нормой) и сущим (реальными отношениями) [6, с. 140].

Существует два вида пробелов: первый подразделяет пробелы на «правильные» или «подлинные», второй – технические. К первому виду пробелов относят правовые споры, которые невозможно разрешить в соответствии с существующими нормами, так как законы не содержат положений, касающихся конкретных дел. Второй вид пробелов подразумевает под собой законодательную невозможность урегулировать что-то, что должно быть урегулировано, чтобы сделать технически возможным применение закона [5]. Такие пробелы либо не отличаются от «истинных» пробелов, либо представляют собой проявление неопределенности, проистекающей из рамочного характера нормы [1].

Причинами возникновения пробелов в праве являются несовершенство юридической техники, жизненные ситуации, которые не смог охватить законодатель и объективная невозможность законодателя поспеть за развитием общественных отношений [2]. Создание правовой системы, нормативно-правовых актов, регулирующих любые юридические факты (жизненные обстоятельства, влияющие на возникновение, изменение и прекращение правоотношений), процесс сложный, обусловленный динамизмом права. Законодатель не может не учитывать появление таких фактов, которые он заранее не предвидел и не мог предвидеть, поэтому необходимы нормы о восполнении пробелов, которые будут выступать неким инструментом необходимой коррекции собственных законов. Тогда возникает вопрос: если законодатель не предусмотрел какую-либо жизненную ситуацию, в связи с чем возник пробел, то возможно ли делегировать функцию по восполнению пробела судебному органу? Динамизм права и всей общественной жизни обуславливает то обстоятельство, что суд должен устранить пробел в законодательстве при рассмотрении конкретного дела посредством его восполнения. В основном это происходит с помощью применения аналогии закона или аналогии права, но, например, в уголовном законодательстве это невозможно. В таком случае можно прибегнуть к восполнению пробела в виде его полного устранения, ликвидации судом в процессе правоприменения, которое неизменно должно быть связано с легальным наделением суда правотворческими функциями, возможностью принимать новые общеобязательные правила самостоятельно. В таком случае возникнет противоречие теории разделения властей, которая лежит в основе российской государственности и правовой системы. А.С. Пиголкин пояснял: «восполнение пробела права – это прерогатива

законодателя, а не органа, осуществляющего применение права» [4]. Более того, под вопрос будет поставлен принцип законности в применении ясно выраженных норм. Возникнет угроза смещения всего содержания правотворчества с общего на индивидуальный уровень, от законодателя к правоприменителю.

Существует несколько теорий пробелов в праве. Теория Кельзена сформулирована следующим образом: пробелы в праве представляют собой фикцию, маскирующую широкие дискреционные полномочия правоприменителя. То есть полномочие правоприменителя обходить закон сформулировано так, чтобы правоприменитель не осознавал в полной мере чрезвычайную власть с целью минимизации выше указанных рисков. Фикция – это понятие пробела в праве, которое предполагает утверждение о несоответствии позитивного права некой более правильной нормативной системе. Данное понятие, введенное в научный оборот Г. Кельзеном, несомненно, несет в себе авторский взгляд на право как нормативную систему, вместе с тем, позволяет выявить и некую объективную характеристику, соответствующую фикции, т.е. не связанную с какой-либо правовой концепцией, а именно: это некое несуществующее положение, которое утверждается в качестве существующего.

Однако существует и противоположная точка зрения касемо делегирования полномочий от законодателя к правоприменителю. Представители движения за свободное право придерживались позиции такой, что суды не только могут, но и должны восполнять множественные правовые пробелы, используя весьма широкое усмотрение.

Представитель движения за свободное право С.А. Муромцев критиковал пассивность суда, автоматическое правоприменение, то есть действия суда по соотношению закона с действительностью. Более того, правовед утверждал, что вопреки господствующей доктрине суды всегда были активными создателями права: «...Всякое заключение о том, что, должно быть, хотел сказать законодатель, но почему-то не сказал, – всякое такое заключение остается фиктивным происхождением. Судья не открывает скрытой мысли законодателя. Вернее, он додумывает за него то, что законодатель не продумал» [3].

Также правовед считал, что законодатель должен осознать пределы своего влияния и не пытаться препятствовать судебной активности, а судьи должны осознавать широту своих полномочий. Возникает вопрос: не будет ли в таком случае снова нарушена теория разделения властей, принцип законности? Однако при попытке ответить на заданный вопрос приходит понимание, что не столько опасен сам по себе риск нарушения теории разделения властей, сколько последствия такого нарушения. В противном случае, если суд будет только кропотливо заполнять пропущенные законодателем правовые пробелы, то правовое регулирование станет только лучше. Проблема в том, что судья может стать «вторым сувереном» и начать решать дела не только *praeter legem* (кроме закона), но и *contra legem*

(против закона). Так, у представителей движения свободного права не было единогласия в этом вопросе (например, некоторые его сторонники предлагали разрешать спор *contra legem* при явно несправедливом результате прямого применения положения закона), при этом он ставился, обсуждался и не был столь однозначен, как он казался представителям других направлений.

Список литературы

1. Kelsen H. On the Theory of Interpretation. - 133 p.
2. Морозова, Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова // – М.: Юристъ, 2002. – 288 с.
3. Муромцев, С. А. Суд и закон в гражданском праве / С. А. Муромцев. — Санкт-Петербург : Лань, 2014. — 15 с. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/44811/> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Пиголкин, А.С. Обнаружение и преодоление пробелов в праве / А.С. Пиголкин // Советское государство и право. – Л., 1970. – № 3. – 57 с.
5. Стратегии судебного толкования и принципы права : учебное пособие / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, А. А. Краевский [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2022. — 362 с. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/263000/> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л., Изд-во ЛГУ, 1976. – 300 с.

И.И. СОКОЛОВА, С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финуниверситета

I.I. SOKOLOVA, S.I. PANKIN
Ural branch of the Financial University

ОТ «ПАЛАТЫ РЕГИОНОВ» К ИНСТИТУТУ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ: НОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

FROM THE «CHAMBER OF REGIONS» TO AN INSTITUTION OF NATIONAL SIGNIFICANCE: NEW POWERS AND FORMATION OF THE FEDERATION COUNCIL

Аннотация

Статья раскрывает ключевые изменения в полномочиях и формировании Совета Федерации, закреплённые конституционными поправками 2020 года. Особое внимание

уделяется обновлённым требованиям к кандидатам в сенаторы и корректировке процедуры наделения полномочиями представителей от субъектов РФ. Подчёркивается значимость изменений для функционирования «палаты регионов».

Annotation

The article reveals the key changes in the powers and formation of the Federation Council, which were enshrined in the 2020 constitutional amendments. Special attention is paid to the updated requirements for senatorial candidates and the adjustment of the procedure for granting powers to representatives from the constituent entities of the Russian Federation. The article emphasizes the significance of these changes for the functioning of the «regional chamber».

Ключевые слова: Конституция РФ, Совет Федерации, Президент, Сенатор

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Federation Council, President, Senator

Сравнительно недавно Совет Федерации воспринимался в первую очередь как «палата регионов», выполняющая функцию институционального канала связи между субъектами Российской Федерации и федеральным центром. Его роль в политической системе была значимой, но достаточно ограниченной: он выполнял функции согласования интересов регионов и центра, участвовал в законодательном процессе, но не обладал серьёзным влиянием на формирование исполнительной власти или принятие решений в сфере национальной безопасности.

До внесения поправок в Конституцию порядок формирования Совета Федерации был проще и строже привязан к региональной власти [5].

Кадровые полномочия Совета Федерации были минимальны. Президент самостоятельно принимал решения о назначении руководителей ключевых ведомств, а участие палаты в назначении прокуроров и судей было формальным или вовсе отсутствовало. В вопросах национальной безопасности роль Совета Федерации сводилась к утверждению указов Президента о введении военного или чрезвычайного положения - но без реального механизма влияния на принятие таких решений.

Инициированный в 2020 году Президентом РФ В. В. Путиным курс на укрепление парламентских институтов привёл к пересмотру базовых принципов взаимодействия ветвей власти. В частности, существенно трансформируется нормативно-правовое регулирование деятельности Федерального Собрания – ключевого элемента политической системы страны.

Прежде всего изменился порядок его формирования. Теперь палата состоит не только из региональных представителей от законодательного и исполнительного органов государственной власти субъекта РФ, но и из:

- пожизненных сенаторов – в эту категорию может войти бывший Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока или досрочно в случае отставки, решивший продолжить политическую деятельность на новом уровне;

- назначаемых сенаторов – до 30 человек, которых назначает действующий Президент (из них до семи могут получить пожизненный статус за выдающиеся заслуги перед страной). На текущий момент Президент ещё не воспользовался возможностью назначения пожизненных сенаторов [1].

Значительно расширились кадровые полномочия верхней палаты. Теперь Президент назначает руководителей федеральных органов только после консультаций с Советом Федерации. Это касается ведомств, отвечающих за оборону, безопасность государства, внутренние дела, юстицию, иностранные дела, предотвращение чрезвычайных ситуаций и ликвидацию последствий стихийных бедствий, общественную безопасность.

Совет Федерации также участвует в назначении Генерального прокурора РФ, его заместителей, прокуроров субъектов, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов РФ.

Кроме того, Совет Федерации теперь участвует в процессе прекращения полномочий судей Конституционного и Верховного судов, их заместителей, а также судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, или в случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом [2].

Усиление роли Совета Федерации в сфере национальной безопасности нашло конкретное институциональное выражение: согласно статье 102 Конституции РФ и федеральным конституционным законам, Президент РФ обязан получать одобрение верхней палаты парламента для издания указов о введении военного либо чрезвычайного положения. Их введение существенно ограничивает ряд конституционных прав и свобод граждан, как свободу передвижения, собраний, забастовок, а также может предусматривать другие меры, затрагивающие основы статуса личности. Полномочие Совета Федерации утверждать такие указы позволяет палате участвовать в принятии решений, напрямую влияющих на баланс между обеспечением безопасности государства и сохранением фундаментальных прав граждан. Это выступает механизмом сдержек и противовесов в системе власти, обеспечивая, правило, что переход к особым правовым режимам происходит не единолично, а с учётом мнения представительного органа, отражающего интересы регионов и общества в целом [2].

До внесения конституционных поправок 2020 года требования к кандидатам в члены Совета Федерации были менее строгими и детально не закреплялись на конституционном уровне. Например, в первом созыве Совета Федерации (1993 год) основными критериями для кандидатов были дееспособность, достижение 21 года, наличие российского гражданства и отсутствие судимости. Порядок формирования тогда был иным: депутаты избирались населением, а не назначались органами власти субъектов.

В 2000 году был принят Федеральный закон, который установил возрастное требование – 30 лет, а также требование о наличии российского гражданства. Кроме того, закон ввёл обязанность предоставлять сведения об имуществе, источниках и размере дохода. Однако в нём отсутствовали многие ограничения, которые появились позже [4].

Законодательные изменения последовательно ужесточали требования к кандидатам от субъектов РФ. Сначала, в 2011 году, право выдвижения закрепили только за лицами, уже избранными в органы власти и получившими поддержку избирателей. Затем, в 2012 году, ввели ценз оседлости (5 лет непрерывно или 20 лет в совокупности) и дополнительные ограничения: запрет на наличие вида на жительство в иностранном государстве, вкладов в зарубежных банках, а также судимости за тяжкие, особо тяжкие и экстремистские преступления - в целях противодействия иностранному влиянию, экстремизму и коррупции [3].

После конституционных поправок 2020 года требования к сенаторам были значительно ужесточены и детализированы, а часть из них закрепились на конституционном уровне. Основные изменения были внесены Федеральным законом от 22 декабря 2020 года № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

Введены новые требования к кандидатам в сенаторы: возраст – не менее 30 лет; безупречная репутация; постоянное проживание в РФ; отсутствие гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства [6].

Также установлены ограничения для лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности: нельзя назначать сенаторами лиц с судимостью за преступления средней тяжести, а после снятия или погашения судимости установлены сроки ограничения для назначения (15 лет за особо тяжкие преступления, 10 лет за тяжкие и 5 лет за преступления средней тяжести).

Эти изменения направлены на повышение качества кадрового состава Совета Федерации, обеспечение лояльности к государству и снижение рисков иностранного влияния.

Обращаясь к зарубежному опыту, стоит рассмотреть модель верхней палаты парламента Испании – Сената (Senado). Сенат имеет смешанный механизм комплектования, который сочетает прямое голосование и назначение: часть сенаторов избирается напрямую в регионах (по 4 сенатора от каждой провинции, по 3 – от крупных городов Сеута и Мелилья, дополнительные сенаторы от автономных сообществ – по 1 на каждый миллион жителей), часть назначается парламентами автономных сообществ. Сенат может вносить поправки и отклонять законопроекты, принятые Конгрессом депутатов (нижней палатой), однако Конгресс может преодолеть вето Сената абсолютным большинством голосов. Это закреплено в Конституции Испании и на практике приводит к доминированию нижней палаты в законодательном процессе.

Таким образом, из-за ограниченной роли в принятии решений и слабой связи с избирателями Сенат воспринимается обществом как «декоративный» орган. Это снижает интерес граждан к выборам в верхнюю палату и уменьшает её политический вес [4].

В отличие от российского Совета Федерации, верхняя палата британского парламента – Палата лордов (House of Lords) формируется не на основе регионального представительства, а через назначение и с опорой на многовековые традиции. В его состав входят: пожизненные пэры (назначаются монархом по представлению премьер-министра за заслуги перед нацией); наследственные пэры (их число сокращено до 92 после реформы 1999 года); духовные лорды (высшие англиканские епископы).

Функциональная роль Палаты лордов традиционно определяется как роль «палаты ревизии» – дорабатывает законопроекты, вносит поправки, проводит детальное обсуждение сложных вопросов, но не может их окончательно заблокировать. Механизм парламентских процедур позволяет Палате общин преодолеть возражения лордов, если это необходимо.

Следовательно, несмотря на экспертный потенциал, Палата лордов имеет существенные ограничения как в полномочиях, так и в принципах формирования. Это снижает её способность выступать полноценным противовесом исполнительной власти и учитывать интересы всего общества.

Таким образом, поправки 2020 года превратили Совет Федерации из преимущественно регионального совещательного органа в полноценный элемент системы государственного управления с серьёзными полномочиями. Обновлённый Совет Федерации стал не просто «палатой регионов», а многофункциональным институтом, сочетающим региональное представительство с общенациональным видением стратегических задач развития страны. Эти изменения направлены на укрепление федеративного принципа, повышение эффективности государственного управления и создание условий для долгосрочной политической стабильности.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 11. - Ст. 1416.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020 - № 11 - Ст. 1416.
3. Кургузов, А. В. Эволюция законодательства о порядке формирования Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (1993-2020) // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. № 2. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zakonodatelstva-o-poryadke-formirovaniya-soveta-federatsii-federalnogo-sobraniya-rossiyskoy-federatsii-1993-2020> (дата обращения 13.03.2026).
4. Медведева, Т. П. Правовой статус Совета Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. 2020. № 3. URL:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44167663> (дата обращения 13.03.2026).
5. Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 года № 33-СФ (с изменениями и дополнениями от 17 июля 2024 года № 258-СФ). URL:<http://council.gov.ru/structure/council/regulations/> (дата обращения 11.03.2026).
6. Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 52 (ч. I). - Ст. 8585.

М.А. СПИРИНА

Международный институт дизайна и сервиса
студентка IV курса направления «Гостиничное дело»

Научный руководитель

И.Ш. ПЯСЕЦКАЯ

Международный институт дизайна и сервиса
канд. пед. наук, доцент

M.A. SPIRINA

International Institute of Design and Service
Fourth-year student, Hospitality Management

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА:
ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ОПЫТА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ**

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE HOSPITALITY INDUSTRY:
PERSONALIZATION OF EXPERIENCE AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION
OF SOCIO-HUMANITARIAN AND POLITICAL-LEGAL RELATIONS IN RUSSIA**

Аннотация

В статье рассматривается внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в гостиничном секторе не только как инструмент оптимизации бизнес-процессов, но как значимый фактор трансформации российского общества в условиях экономики данных. Анализируется влияние алгоритмической персонализации гостевого опыта на изменение мировоззрения потребителей, трансформацию социально-гуманитарных связей между персоналом и гостями, а также возникающие политико-правовые вызовы, связанные с защитой персональных данных и этикой использования ИИ. Делается вывод о том, что цифровизация сервиса требует пересмотра нормативно-правовой базы и формирования новой цифровой культуры взаимодействия.

Annotation

The article examines the implementation of Artificial Intelligence (AI) technologies in the hotel sector not only as a tool for optimizing business processes but as a significant factor in the transformation of Russian society in the context of the data economy. The influence of algorithmic personalization of the guest experience on changing consumer worldviews, the transformation of socio-humanitarian connections between staff and guests, and the emerging political and legal challenges related to personal data protection and AI ethics are analyzed. It is concluded that the digitalization of service requires a revision of the regulatory framework and the formation of a new digital culture of interaction.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономика данных, гостиничный бизнес, персонализация сервиса, трансформация общества, социально-гуманитарные отношения

Key words: artificial intelligence, data economy, hotel business, service personalization, society transformation, socio-humanitarian relations

Современный этап развития российского общества характеризуется глубоким внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности. В рамках секции «Трансформация российского общества: влияние экономики данных и искусственного интеллекта на мировоззрение, социально-гуманитарные и политико-правовые отношения» особую актуальность приобретает анализ конкретных отраслей, где взаимодействие человека и технологии наиболее интенсивно. В гостиничном бизнесе «количество гостиничных предприятий на рынке растет с каждым годом, а значит повышается и уровень конкуренции», причем конкуренция возникает не только между отелями, но и между их отдельными службами и городскими заведениями [1, с. 2]. По данным Ростуризма, за 11 месяцев 2024 года россияне совершили более 160 миллионов внутренних поездок, что увеличило нагрузку на инфраструктуру и обусловило необходимость технологической оптимизации [8]. В этом контексте поиск новых конкурентных преимуществ становится насущной необходимостью. Гостиничный бизнес, традиционно ассоциирующийся с человеческим гостеприимством, в настоящее время становится полигоном для испытаний передовых технологий, прежде всего искусственного интеллекта (ИИ), способного вывести персонализацию сервиса на принципиально новый уровень [9]. Объём рынка генеративного ИИ в России к концу 2024 года достиг 58 млрд рублей, а к 2030 году сегмент может вырасти до 778 млрд рублей, что подтверждает огромный потенциал внедрения этих технологий в сфере услуг. [5].

Применение искусственного интеллекта для индивидуализации опыта гостей представляет собой нечто большее, чем просто тактический маркетинговый ход в гостиничном бизнесе. Это фундаментальный сдвиг в философии обслуживания: от стандартизированного сервиса к предиктивному удовлетворению потребностей гостей. Однако этот процесс порождает комплекс вопросов, относящихся к сфере социально-гуманитарных наук и правовой системы. Как меняется доверие в системе «гость – отель»? Какова судьба человеческого труда в сервисе? Как государство регулирует сбор данных о приватном поведении граждан? Цель данной статьи – выявить социально-гуманитарные и правовые последствия внедрения ИИ в гостиничном секторе России [3].

Для систематизации исследования и последовательного раскрытия заявленной проблематики, целесообразно структурировать анализ влияния искусственного интеллекта по трём ключевым векторам. Ниже рассмотрены основные аспекты трансформации, затрагивающие экономическое поведение, социальную сферу и правовое поле.

1. Экономика данных и трансформация потребительского мировоззрения. В условиях формирования экономики данных потребитель гостиничных услуг приобретает новую функцию из простого потребителя в источник ценной информации. Системы на базе ИИ (CRM, чат-боты, системы умного номера) непрерывно анализируют поведение, предпочтения и финансовые возможности гостя [9]. В то же время 65% российских туристов готовы делиться своими персональными данными в обмен на индивидуальные предложения, что подтверждает тезис о товарном характере приватности в условиях цифровизации [5].

Внедрение алгоритмов, адаптирующих сервис под конкретного человека, трансформирует саму психологию спроса. Ключевое изменение касается скорости. Гость привыкает к тому, что система должна реагировать без задержек и даже предугадывать его нужды до момента обращения. Подобное изменение поднимает стандарты качества не только в сфере гостеприимства, но и в повседневной жизни. Как следствие, рыночные ниши, где внедрение технологий идет медленно, сталкиваются с растущим недовольством аудитории из-за несоответствия новым реалиям.

Трансформируется и само отношение к конфиденциальности. Обмен личной информации на повышенный комфорт становится обыденной практикой. Пользователи, порой не отдавая себе полного отчета, допускают сбор сведений о своем поведении ради получения эксклюзивных условий, будь то спецпредложения, повышенное внимание со стороны персонала или уникальные туристические продукты. Фактически приватность превращается в рыночный актив, что неизбежно корректирует нравственные установки социума. В гостиничном секторе эта тенденция прослеживается особенно ярко [1].

Меняется сам объект доверия. Вместо персонала гости все чаще полагаются на точность алгоритмов, однако здесь кроется ловушка. Общество требует от техники идеализма, куда большего, чем от людей. Если человеку позволено ошибаться, то от программы ждут абсолютной надежности. Подобный максимализм снижает устойчивость социума к техническим сбоям и формирует новую напряженность, когда любой сбой воспринимается как недопустимое нарушение.

Внедрение искусственного интеллекта затрагивает не только технологические процессы, но и основы человеческого взаимодействия. Происходят глубокие перемены социальных отношений. Пересматриваются принципы организации труда, а живое общение постепенно уступает место опосредованному цифровому контакту. Эти сдвиги носят фундаментальный характер, влияя на то, как мы выстраиваем профессиональные связи и воспринимаем качество межличностной коммуникации.

2. Внедрение цифровых решений ставит под угрозу живую коммуникацию, превращая сервис в набор безэмоциональных операций. Замена сотрудника на интерфейс действительно

охлаждает контакт. Но в отечественной культуре гостеприимство немыслимо без личной теплоты, что создает определенный конфликт между технологиями и менталитетом. Для России характерно иное отношение к гостям, где главную роль играет душевность, а не эффективность алгоритма [9]. Главная задача цифровизации состоит в том, чтобы не заменить человека полностью, а изменить его функции и роль. Алгоритмам стоит доверить механическую работу, например регистрацию гостей при заезде. Это позволит персоналу переключиться на то, что искусственному интеллекту не под силу искреннее участие, понимание скрытых потребностей гостей и нахождение нестандартных решений.

Под влиянием ИИ профессия в отеле перестаёт быть однородной. Простые, повторяющиеся операции всё реже требуют человеческого участия, зато появляется запрос на новые должности. Теперь актуальны те, кто понимает логику алгоритмов, умеет интерпретировать данные и знает, где проходит граница между эффективностью и этическими нормами. Для российского рынка этот вопрос стоит особенно остро. Цифры говорят сами за себя уже в 2024 году отрасль гостеприимства столкнулась с нехваткой кадров в 30%. Практически все владельцы отелей (более 9 из 10) признают, что найти сотрудников становится всё сложнее, дефицит персонала перестал быть точечной проблемой и приобрел системный характер [8]. Ситуацию усложняет высокая текучесть до 70% персонала в отрасли не задерживаются на своих местах надолго. В таких условиях автоматизация рабочего процесса перестает быть просто модным трендом, она становится вопросом выживания бизнеса. Без неё удерживать операционную стабильность при такой «карусели кадров» практически невозможно [7]. Это ставит перед страной задачу перестройки системы образования и переподготовки кадров в сфере туризма и услуг, что является серьезной социальной проблемой для поддержания занятости и стабильности.

3. Внедрение умных технологий в гостиничную сферу выходит далеко за рамки бизнеса, оно затрагивает интересы государства. Возникают сложные вопросы. Как защитить национальные данные от утечек, кто отвечает за решения, принятые алгоритмами, и как гарантировать права гостей в цифровой среде. Тем самым вызовы требуют обновления законодательства и выстраивания новых правил игры.

Защита персональных данных. Считывание биометрических данных (распознавание лиц для заселения в отель), геолокации и привычек потребления регулируется Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» [11]. Закон не всегда успевает за прогрессом. Пока регуляторы прописывают нормы, искусственный интеллект уже учится обходить ограничения, собирая детальные портреты пользователей под видом анонимных данных. Главная опасность в том, что гости отелей могут даже не подозревать, насколько глубоко анализируют их привычки. Необходимость внешнего контроля подтверждается сухой

статистикой: Роскомнадзор насчитал более 100 случаев взлома баз в 2024 году. В таких условиях гостиничному сектору стоит пересмотреть подходы к безопасности, ведь утечка данных может стоить дороже, чем внедрение защищенных систем [6].

Этика и алгоритмическая дискриминация. За внешней объективностью алгоритмов иногда скрываются системные искажения. Динамическое ценообразование, которое используется как инструмент эффективности, иногда воспроизводит человеческие стереотипы только в цифровом коде. И когда такие решения принимаются в массовом порядке, возникает вопрос: где заканчивается маркетинг и начинается ущемление прав [2]. В России эта тема особенно чувствительна на фоне действия ст. 10 Закона «О защите прав потребителей», запрещающей необоснованные различия в условиях договора [11]. На данный момент в России отсутствует полноценный кодекс этики ИИ, обязательный для бизнеса, что создает правовую неопределенность и риски для репутации отельной отрасли.

Как регулирует государство? Государство не остается в стороне от технологической «гонки», в рамках национальной стратегии по развитию ИИ власти активно поддерживают внедрение инноваций. Но есть важный момент, любой прогресс должен идти «рука об руку» с защитой людей. Безопасность граждан является приоритетом, который не подлежит компромиссу, даже ради самых передовых разработок [2]. Согласно Указу Президента № 490 к 2026 году, внедрение искусственного интеллекта в сектор услуг, должно перейти от пилотных проектов к крупномасштабной реализации. Речь идет о масштабном внедрении в ключевых сферах, и сфера услуг здесь не исключение. На его примере планируется отработать правовые механизмы регулирования, прежде чем тиражировать опыт на другие отрасли [3]. Гостиничная отрасль должна стать областью пробного регулирования, где отрабатываются балансы между инновациями и защитой прав человека. Необходимо развитие нормативной базы, которая четко определяла бы ответственность за решения, принятые искусственным интеллектом [4].

Внедрение искусственного интеллекта в гостиничную индустрию для персонализации обслуживания гостей является наглядным примером более широкого социально-культурного сдвига в российском обществе. Это не просто технологическая модернизация, а трансформация мировоззрения (через новое отношение к данным и приватности), социально-гуманитарные связи (через трансформацию труда и общения) и политико-правовое поле (через необходимость нового регулирования). Для устойчивого развития необходимо, чтобы внедрение ИИ в индустрии гостеприимства сопровождалось:

1. Разработкой отраслевых этических стандартов использования данных гостей.
2. Инвестициями в человеческий капитал для адаптации персонала к новым условиям труда [3].

3. Совершенствованием законодательной базы, учитывающей специфику алгоритмического принятия решений [2].

Только при соблюдении баланса между технологической эффективностью и сохранением человеческой индивидуальности, цифровая трансформация гостиничной индустрии сможет стать ориентиром для позитивных социальных изменений, а не источником новых рисков для российского общества.

Список литературы

1. Бодрова, Е. Г. Анализ конкурентоспособности услуг гостиничных предприятий с помощью параметрического метода / Е. Г. Бодрова, А. Д. Инюкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2021. – Т. 23, № 4. – С. 113–126. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.9.
2. Иванова, А. С. Правовое регулирование искусственного интеллекта в сфере услуг / А. С. Иванова // Вестник гражданского права. – 2023. – № 2. – С. 45–58.
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. – Москва, 2019.
4. Пясецкая, И. Ш. Современное состояние туристического и гостиничного рынка страны / И. Ш. Пясецкая // Перспективные направления взаимодействия бизнеса, образования и культуры: материалы Всероссийской научно-исследовательской конференции, Челябинск, 31 марта 2022 года. – Челябинск: ЧОУ ВО «Международный Институт Дизайна и Сервиса», 2022. – С. 36–38.
5. Рынок искусственного интеллекта в России 2024: аналитический отчет РАЭК. – Москва: РАЭК, 2024. – 45 с.
6. Состояние защиты персональных данных в РФ: ежегодный доклад Роскомнадзора за 2024 год. – Москва: Роскомнадзор, 2025.
7. Туризм и гостеприимство в России: кадровый отчет Российского союза туриндустрии (РСТ). – Москва: РСТ, 2024.
8. Федеральное агентство по туризму. Статистика внутреннего туризма в РФ за 2024 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.russiatourism.ru>
9. Савиных, В. П. Цифровая трансформация экономики и общества / В. П. Савиных. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – 245 с.
10. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – Москва, 2019.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». – Москва, 2006.

Я.А. СТРУК, С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финнуниверситета

Y.A. STRUCK, S.I. PANKIN
Ural branch of the Finnish University

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВЯЩИЕ ДИНАСТИИ КАК СУБЪЕКТЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ГАБСБУРГОВ, РОМАНОВЫХ И БУРБОНОВ)**

**EUROPEAN RULING DYNASTIES AS SUBJECTS OF
INTERNATIONAL LAW: A COMPARATIVE HISTORICAL
ANALYSIS (OF THE HABSBURGS, ROMANOV, AND BOURBONS)**

Аннотация

В статье исследуется развитие субъектности в международном праве через влияние правящих династий. Используются методы обеспечения династического суверенитета на основе сравнительного анализа трех крупнейших домов Европы: Габсбургов, Романовых и Бурбонов.

Annotation

The article examines the development of legal personality in international law through the influence of ruling dynasties. It explores the methods of ensuring dynastic sovereignty based on a comparative analysis of three major European houses: the Habsburgs, the Romanovs, and the Bourbons.

Ключевые слова: международное право, правящие династии, Габсбурги, Романовы, Бурбоны, суверенитет, династический брак, патримониализм, история дипломатии, Вестфальский мир.

Key words: international law, ruling dynasties, Habsburgs, Romanovs, Bourbons, sovereignty, dynastic marriage, patrimonialism, history of diplomacy, Peace of Westphalia.

Проблема субъектности в международном праве исторически изменчива. Основанная на Вестфальской модели (1648 г.) современная доктрина, рассматривает государство как основной и первостепенный субъект. Однако, структура международных отношений в докапиталистическую эпоху определялась именно правящими домами – династиями.

1. Династия Габсбургов

Секретом успеха династии Габсбургов стал их девиз «*Bella gerant alii, tu felix Austria pube*» (Пусть другие воюют, ты, счастливая Австрия, заключай браки) [3, с. 45].

В XV веке Максимилиан I превратил брачную политику в качественный инструмент. Его брак с Марией Бургундской позволил получить во владение Нидерланды, а брак его сына Филиппа с Хуаной Кастильской – Испанию и её великие владения в Новом Свете [3, с. 50-55]. С точки зрения права того времени, это была официальная передача прав собственности внутри династии. Брачная политика Габсбургов представляла собой не только политические интриги, а юридический механизм расширения власти, при котором каждый брачный договор обладал статусом полноценного международного соглашения. Однако использование инцестуозных браков для сохранения владений имела негативные последствия: накопление генетических дефектов привело к упадку испанской ветви. Карл II не смог произвести наследников, и после его смерти в 1700 году, остро встал вопрос о дальнейшей судьбе огромных территорий [3, с. 100-105].

С точки зрения права, спор шел о том, кто имеет больше прав на «габсбургское наследство» – французские Бурбоны или австрийские Габсбурги. Итоговый Утрехтский мирный договор (1713) закрепил принцип, что "династическое право" не может нарушать «политический баланс» (европейское равновесие). Тем не менее, факт того, что династические права обсуждались на равных с государственными интересами, говорил о сохранении субъектности дома. Апогеем признательности этой субъектности стала Прагматическая санкция, изданная в 1713 году императором Карлом VI. Этот документ провозглашал неделимость земель и право наследования для женщин (Марии Терезии), был возведен в ранг международного обязательства. Признание Прагматической санкции на международном уровне стало пиком династической власти Габсбургов – внутренние правила наследования одного правящего дома обрели силу общеевропейского закона [3, с. 32–59].

2. Династия Романовых

Романовы, занявшие престол в 1613 году после Смуты, были вынуждены подтвердить свою власть не только внутри страны, но и за ее пределами [1, с. 45–48]. В отличие от Габсбургов, чья власть строилась на многовековой традиции, Романовым потребовалось юридическое оформление своего статуса. В XVIII–XIX веках происходит «огосударствление» династического права: «Учреждение об императорской фамилии» (1797 г., редакция 1886 г.) жёстко регламентировало состав дома, порядок престолонаследия и имущественное положение членов династии [1, с. 120–125].

Брак в династии Романовых (особенно в XIX веке) служил инструментом для укрепления связей с европейскими монархическими семьями, что способствовало их вступлению в общеевропейскую политическую систему. Браки с принцессами германских

государств, Дании, Черногории способствовало значительному укреплению династических связей [1, с. 210–215]. Сеть личных обязательств между монархами дополняла, а иногда и подменяла формальные межгосударственные договоренности. Однако, как отмечают исследователи, к концу XIX века даже эти личные связи были не в силах противостоять государственным интересам, что наглядно продемонстрировал крах монархической сплоченности в 1914 году [1, с. 340–345].

3. Династия Бурбонов

Бурбоны, правившие во Франции, Испании и Королевстве обеих Сицилий, стали ярким примером тех, чья независимость и самостоятельность вступили в особенно острый конфликт с растущим национализмом [2, с. 150-155].

В XVIII веке Бурбоны Франции и Испании заключили серию соглашений (1733, 1743, 1761), известных как «Фамильные пакты» [2, с. 160–165]. Они представляли собой классические династические договоры, которые ставили интересы дома выше государственных, обязуя членов династии оказывать друг другу поддержку. Их династическая связь напрямую определяла внешнюю политику двух суверенных государств. «Фамильные пакты» наглядно продемонстрировали торжество династического принципа: интересы крови оказались приоритетнее национальных интересов [2, с. 168].

Французская революция и казнь Людовика XVI нанесли серьезный удар по истинной природе династической власти [2, с. 200–205]. Династия Бурбонов тогда оказалась между стремлением сохранить абсолютистские прерогативы и необходимостью адаптироваться к конституционному порядку, что подрывало её легитимность как в глазах либералов, так и консерваторов. Венский конгресс (1814-1815) позволил Бурбонам вернуться к власти на основе легитимизма, но не позволив возвращение к прежней субъектности. Таким образом, династия могла существовать только если ее признавала нация.

Важным этапом в снижении роли династии стал Вестфальский мир (1648) [4, с. 19–26, 6, с. 12–14]. Договоры, подписанные в Мюнстере и Оснабрюке, закрепив автономию германских князей (право заключать союзы), заложили основу для концепции государственного суверенитета, что стало началом конца универсализма Священной Римской империи, которую олицетворяли Габсбурги [2, с. 200–205].

Заключительным этапом, который привел к окончательному краху династической субъектности, стала революция XIX века. На смену династическому принципу пришли принцип национальности и народный суверенитет. Именно решения Венского конгресса запустили процесс окончательного огосударствления права [5, с. 18-20].

Таким образом, история европейских правящих домов дает возможность проследить, как из истоков семейного и частного права появлялись институты современного публичного

международного права, а династическое верховенство уступало место национальному суверенитету. Вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 году император Франц Иосиф I оставался «последним монархом старой школы», для которого международные отношения строились на личных связях с царственными кузенами, но это был уже последний этап существования династической власти на пороге новой эпохи развития национальных государств.

Список литературы

1. Жеребкин, М.В. История России. Вызовы эпохи Романовых: учебное пособие / М.В. Жеребкин. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 456 с. — (Высшее образование: Бакалавриат). — ISBN 978-5-16-015409-1.
2. Миньяр-Белоручев, К.В. Династии и монархии Европы: от Средневековья к Новому времени: учебное пособие для вузов / К.В. Миньяр-Белоручев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2017. — 336 с. — ISBN 978-5-00091-191-4.
3. Рагозин, Г.С. История Австрии в Средние века и Раннее новое время (976-1699 гг.): учебное пособие / Г.С. Рагозин. — Архангельск: САФУ, 2022. — 109 с. — ISBN 978-5-261-01639-7.
4. Рогачев, И. В. История международных отношений до 1900 года: учебное пособие / Рогачев И. В. - 3-е изд., исправл. - Архангельск: САФУ, 2019. - 111 с. - ISBN 978-5-9907002-0-8.
5. Терентьева, Е. А. История и теория международных отношений: учебное пособие / Е. А. Терентьева. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург: СПбГУТ им. М.А. Бонч-Бруевича, 2025. — 92 с.

А.М. ТУЛУСПАЕВА

Челябинский государственный университет
студент II курса магистратуры направления
«Лингвистика»

Научный руководитель

Н.Ф. ГЕРМАН

Челябинский государственный университет
канд. культурологии

A.M. TULUSPAEVA

Chelyabinsk State University
2nd year Master's student
«Linguistics»

Scientific supervisor

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА
«SUCCESS» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

**LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF
«SUCCESS» (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

Аннотация

Цель данного исследования – провести лингвокультурологический анализ концепта «success». Исследование семантического поля концепта «success» выявило ключевые лексические единицы, формирующие его ядро. Эти единицы, далеко не исчерпывающие все богатство семантики понятия «success», были систематизированы по категориям, что позволило глубже понять структуру и многогранность данного концепта.

Annotation

The purpose of this study is to conduct a linguistic and cultural analysis of the concept of «success». The study of the semantic field of the concept “success” has revealed the key lexical units that form its core. These units, far from exhausting all the richness of the semantics of the concept of "success", were systematized into categories, which allowed for a deeper understanding of the structure and versatility of this concept.

Ключевые слова: концепт, анализ концепта, этимологический анализ, лексико-семантический анализ, номинативное поле.

Key words: concept, concept analysis, etymological analysis, lexico-semantic analysis, nominative field.

Актуальность обуславливается возросшим интересом изучения концептов в современном языкознании. Несмотря на это, явно прослеживается недостаточная изученность в соотношении общих и специфических составляющих в национальной культуре.

Объект исследования – лингвокультурный концепт «success», **предмет** – лексико-семантический и этимологический анализ концепта.

Для достижения поставленной нами цели необходимо решить ряд задач:

дать определение понятию концепт; исследовать внутреннюю форму концепта «success» посредством этимологического анализа; исследовать внутреннюю форму концепта «success» посредством лексико-семантического анализа.

Материал исследования – англоязычные этимологические и лексико-семантические онлайн-словари.

Впервые термин «концепт» был введен советским ученым С.А. Аскольдовым-Алексеевым в статье «Слово и концепт», опубликованная в журнале «Русская речь». Он утверждал, что концепты – это «индивидуальные представления, которым в некоторых чертах и признаках дается общая значимость. Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 268].

Лингвокультурный и когнитивный подходы изучения концепта в лингвистике взаимодополняемы, так как культура и человек не могут существовать друг без друга. Концепт – это базовая единица сознания, выражающаяся как особая целостная составляющая взаимосвязь культурной специфики и личной формы восприятия внешнего и внутреннего мира человека.

Для комплексного изучения выбранного нами концепта мы произвели лексико-семантический и этимологический анализы.

Этимологический анализ: согласно этимологическому онлайн словарю, исследуемый нами концепт «success» относится к среднеанглийскому периоду заимствований, поскольку зародился в английской речи в 30-е год 16 столетия из старофранцузского языка. Произошел от латинского слова «successus», что в переводе означает «продвижение, восхождение, хороший результат, счастливый исход». Раннее существительное «successus» образовалось от глагола «succedere» – «следовать за, идти рядом, приходить следом, подходить, занимать место». В свою очередь этот глагол был образован от глагола «cedere», который переводится «идти, двигаться» с добавлением префикса «sub», который обозначает «рядом, после».

Согласно этимологическому словарю современного английского, существительное «success» и прилагательные «successful», «successless» образовались от латинского слова «successus» – «успех, результат». В свою очередь, оно было образовано от глагола «succedere», что в переводе означает «идти за», «следовать за успехом». Изначально данный глагол был образован от глаголов «abscedere» – «уходить, отступать», «accedere» – «подходить к». В то же время, данные глаголы образовались от глагола «cedere» – «остановиться, уступать» с добавлением префикса.

Таким образом, мы видим связь концепта «success» с концепцией достижения и движения вперед.

Лексико-семантический анализ концепта «success» представляет собой лексико-семантический анализ выбранного концепта и его дериват. Используя для этого данные современных англоязычных лексикографических словарей, мы выделили ядерные признаки данного концепта.

В Таблице 1 мы привели результаты проведенного анализа.

Таблица №1. Количественное соотношение признаков концепта «success» в лексикографических источниках

Определение/словарь	Кембридж	Оксфорд	Тезаурус
Достижение успеха/цели	+	+	+
Результат	+		+
Удача	+	+	+
Богатство, прибыль			+
Популярность, знаменитость	+		+

Проведенный анализ позволил нам выделить номинативное поле концепта «success»:

1. Достижение поставленной цели, высокого результата в определенной сфере;
2. Получение прибыли или богатства, иметь процветающий бизнес, развивать свое дело;
3. Иметь огромную популярность, становиться известным.

Таким образом, согласно лексикографическим источникам, понятие «success» в англоязычной культуре связано, в первую очередь, с достижением успеха, цели и определенного результата в конкретной сфере человеческого развития: финансовой, политической или социальной.

Список литературы

Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев. –Москва: Academ, 1997. — 320с.

Словари

1. Словарь Тезаурус [Электронный ресурс] // URL : <https://www.thesaurus.com/> (дата обращения: 10.12.2025).
2. English Etymology Dictionary [Электронный ресурс] // URL: www.etymonline.com (дата обращения: 10.12.2025).
3. Eric Partridge A Short Etymological Dictionary of Modern English [Электронный ресурс] // URL :

file:///D:/магистерская/Partridge_Origins_An_Etymological_Dictionary_of_Modern_English.pdf (дата обращения 10.12.2025).

4. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] // URL : <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.12.2025).

5. Словарь Cambridge [Электронный ресурс] // URL : <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 10.12.2025).

А.Е. ТУНГАТОВА

Сургутский филиал Финуниверситета
при Правительстве РФ,
Студентка II курса направления
подготовки «Финансы»

Научный руководитель

Н.В. АНУФРИЕВА

Сургутский филиал Финуниверситета
при Правительстве РФ,
Кандидат исторических наук

A.E. TUNGATOVA

Surgut Branch of the Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Second-year student of the Finance major

Scientific supervisor

N.V. ANUFRIEVA

Surgut Branch of the Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences

**ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «ТАЛАНТУМ»)**

**DIGITAL CAREER GUIDANCE PLATFORMS AS A TOOL
FOR PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF ADOLESCENTS
(USING THE EXAMPLE OF THE TALANTUM PROJECT)**

Аннотация

В статье рассматривается проблема профессионального самоопределения подростков в условиях цифровизации образования и быстро меняющегося рынка труда. Обоснована

актуальность использования цифровых инструментов профориентации для поддержки осознанного выбора образовательной траектории. Представлена концепция профориентационной платформы «ТалантУм», направленной на диагностику профессиональных склонностей подростков. Отмечается значимость подобных платформ для развития личностного потенциала и снижения неопределенности при выборе будущей профессии.

Annotation

The article discusses the problem of professional self-determination among adolescents in the context of digitalization of education and a rapidly changing labor market. The relevance of using digital career guidance tools to support the conscious choice of an educational trajectory is substantiated. The concept of the TalantUm career guidance platform, aimed at diagnosing the professional inclinations of adolescents, is presented. The importance of such platforms for developing personal potential and reducing uncertainty in choosing a future profession is noted.

Ключевые слова: профориентация, образовательная платформа, осознанный выбор, профессиональное самоопределение.

Keywords: career guidance, educational platform, conscious choice, professional self-determination.

В условиях быстро меняющегося рынка труда проблема профессионального самоопределения подростков становится одной из наиболее актуальных задач современной образовательной системы. Подростковый возраст является периодом формирования жизненных ориентиров и профессиональных интересов, однако многие обучающиеся сталкиваются с трудностями при выборе будущей профессии и образовательной траектории. Это связано с недостатком информации о профессиях, отсутствием системной профориентационной поддержки и неопределённостью в собственных интересах и способностях. В этих условиях остро встает вопрос профориентации молодого поколения, актуальность обусловлена трудностями в профессиональном самоопределении. Это подтверждают результаты различных опросов. По данным ВЦИОМ, лишь 9% россиян уверены, что выпускнику очень легко найти работу. 40% считают этот процесс сложным, а 10% — практически невозможным [1].

Ключевым итогом проблем с профориентацией является высокий процент трудоустройства не по специальности.

Согласно данным Росстата за 2020 год, а также результатов исследований специалистов HeadHunter, многие выпускники не устраиваются работать по специальности (Таблица 1) [3].

Таблица 1. Трудоустройство выпускников не по специальности

Показатель	Значение
Выпускники вузов, не работающие по специальности	~31%
Выпускники колледжей (СПО), не работающие по специальности	~43%
Выпускники, которые никогда не работали по специальности	~40%
Выпускники, которые сменили профессию после работы по специальности	~20%

Выбор профессии — один из важнейших этапов в жизни каждого человека. Это решение определяет не только его финансовое благополучие, но и уровень удовлетворенности жизнью, самореализацию и вклад в общество. [2]. Однако, современные социально-экономические условия требуют от образования поиска новых подходов к организации профориентационной работы. Одним из таких направлений является использование цифровых технологий, которые позволяют расширить доступ к диагностическим инструментам и повысить эффективность профориентации.

В настоящее время особую актуальность приобретает разработка онлайн-сервисов, направленных на поддержку профессионального самоопределения подростков. Одним из примеров подобного решения является моя цифровая профориентационная платформа «ТалантУм».

Проект «ТалантУм» представляет собой EdTech-проект то есть дистанционную образовательную платформу, направленную на поддержку всех заинтересованных в осознанном профессиональном самоопределении.

Основой работы платформы является комплексная диагностика личности, позволяющая оценить интересы, склонности и индивидуальные особенности обучающегося. В рамках проекта используются элементы различных профориентационных методик, что позволяет получить более развернутый и многогранный профиль личности. Результаты диагностики формируют основу для последующей консультации специалиста и разработки индивидуальных рекомендаций по выбору направления обучения и возможных профессиональных сфер. В целях обоснования конкурентоспособности разрабатываемой платформы был проведён сравнительный анализ существующих профориентационных сервисов который показал, что большинство платформ ограничены отсутствием бесплатной диагностики и возможностью прохождения тестирования в онлайн-формате. Кроме того, стоимость комплексных услуг у конкурентов остаётся достаточно высокой, что снижает их доступность для широкой аудитории.

В отличие от них, платформа «ТалантУм» сочетает бесплатное первичное тестирование, онлайн-формат и комплексный подход к профориентации, что повышает её доступность и практическую значимость.

Важным преимуществом цифровых профориентационных платформ является их доступность. Использование онлайн-среды позволяет подросткам проходить диагностику независимо от места проживания и получать результаты в удобной форме очной или онлайн. Кроме того, цифровые инструменты способствуют повышению интереса обучающихся к процессу профориентации за счёт интерактивности и удобного интерфейса.

В условиях цифровой трансформации образовательной среды профориентационные платформы становятся ключевым инструментом поддержки профессионального самоопределения подростков. Проведённый анализ показал необходимость развития доступных и комплексных решений в данной сфере.

Платформа «ТалантУм» демонстрирует возможности интеграции современных диагностических методик и цифровых технологий, обеспечивая комплексный подход к анализу личности и формированию рекомендаций. Практическая значимость проекта заключается в расширении доступа к профориентационной помощи и повышении осознанности профессионального выбора. В долгосрочной перспективе внедрение подобных цифровых решений способствует развитию человеческого потенциала и формированию осознанного будущего поколения

Список литературы и источников

1. ВЦИОМ: порядка 9% россиян считают, что работу после вуза найти легко // ТАСС Медиа. - 25 января 2024 //Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/19812679> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Лебедева Е.Б. Влияние психотипа на выбор профессии // Молодой ученый. — 2015. — № 9 (89). — Режим доступа: <https://moluch.ru/young/archive/89/4881> (дата обращения: 21.03.2026).
3. Федеральное статистическое выборочное наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование//Режим доступа: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 19.03.2026).

М.С. ТУХВАТУЛЛИН

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
студент 2-го курса направления подготовки
«Реклама и связи с общественностью»

M. S. TUKHVATULLIN

Ural branch of the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
2 nd year student of the training program
«Advertising and Public Relations»

МЕДИАПРАКТИКИ МИФОДИЗАЙНА В СМИ

MEDIA PRACTICES OF MYTH DESIGN IN THE MEDIA

Аннотация

В статье исследуется феномен мифодизайна как ключевой технологии конструирования реальности в медиапространстве. На основе классических работ У. Липпмана и Р. Барта, а также современных исследований В. Кафтана, Е. Медведевой и С. Калиниченко, анализируется механизм воздействия стереотипов и архетипов на массовое сознание. Особое внимание уделяется практикам позиционирования брендов и поведению «электронных кочевников» в социальных сетях.

Annotation

This article explores the phenomenon of myth design as a key technology for constructing reality in the media space. Drawing on the classic works of W. Lippmann and R. Barth, as well as contemporary research by Kaftan, E. Medvedeva, and S. Kalinichenko, it analyzes the mechanisms by which stereotypes and archetypes influence mass consciousness. Particular attention is paid to brand promotion practices and the management of "electronic nomads" on social media.

Ключевые слова: мифодизайн, медиапрактики, массовое сознание, СМИ, конструирование реальности, социальные мифы, стереотипы, медиапространство, PR-технологии, электронные кочевники, медиаобразы, манипуляция сознанием, медиаграмотность, позиционирование бренда.

Keywords: Mythodesign, media practices, mass consciousness, mass media, construction of reality, social myths, stereotypes, media space, PR technologies, digital nomads, media images, mind manipulation, media literacy, brand positioning.

Современное информационное общество характеризуется не только колоссальными объемами транслируемых данных, но и качественным изменением самих механизмов воздействия на массовое сознание. В этих условиях мифодизайн становится одной из

наиболее востребованных технологий в арсенале PR-специалистов. Актуальность исследования данной темы подтверждается следующими фактами:

Масс-медиа в современном мире не просто транслируют информацию, они связывают воедино фрагментированный опыт повседневной жизни, занимая место прежних физических ритуалов и выступая как смыслоорганизующие инсценировки. [5, с. 407]

В обществе потребления формируется новая идеология, которая с помощью мифодизайна подменяет реальные исторические и общественные усилия иллюзией природного изобилия, дарованного мифологическими инстанциями (Техникой, Прогрессом). [9, с. 55]

Границы между мифом, ложью и объективной реальностью оказываются контекстуальными; они зависят от мировоззрения целевых аудиторий и прагматичных замыслов менеджеров социальной реальности. [5, с. 428]

Мифодизайн выступает как комплексная социально-культурная технология, направленная на конструирование коммуникативного качества товара, услуги или личности с целью поддержания абсолютного доверия аудитории. [4, с. 15]

Повсеместное распространение цифровых сред и социальных сетей породило феномен «электронного кочевничества», при котором индивид конструирует свою виртуальную идентичность посредством креолизованных текстов и медиаобразов, вытесняющих объективную реальность. [3, с.71]

Вербальные (слова, предложения, звукоряд) и невербальные компоненты (видеоряд, иллюстрации, фотографии и др.) в рекламном медиатексте создают целостный образ для восприятия экологической информации, усиливая те или иные способы воздействия на аудиторию. [8, с. 90]

Изучение механизмов мифологизации масс-медиа опирается на фундаментальные философские, семиотические и социологические концепции.

Р. Барт в своем труде «Мифологии» определяет миф не как вымысел, а как коммуникативную систему и вторичную семиотическую систему. По мнению ученого, миф «похищает» первичный язык (смысл) и превращает его в пустую форму для заполнения новым идеологическим понятием. [1, с. 232, 238] Главная функция мифа по Барту - деполитизация слова, превращение истории в «природу», благодаря чему идеологические интенции кажутся аудитории естественными и невинными. [1, с. 241-242]

У. Липпман в работе «Общественное мнение» вводит важнейший концепт псевдосреды и стереотипов. Он доказывает, что между человеком и сложной, невидимой реальностью располагается псевдосреда, сотканная из фикций и стереотипных ожиданий, и именно на нее реагирует индивид. [6, с. 18] Стереотипы, по Липпману, не нейтральны: они

выступают бастионом нашей традиции и гарантией самоуважения, отфильтровывая факты, противоречащие устоявшейся картине мира. Пресса не является зеркалом объективных условий, она лишь сигнализирует о свершившемся событии, конструируя образы в сознании читателя. [6, с. 53]

Современные исследователи адаптируют эти классические теории к реалиям PR и маркетинга:

А. В. Ульяновский и С. С. Калиниченко концептуализируют мифодизайн как технологию целенаправленного проектирования социальных мифов, использующую архетипические структуры для создания реальности жизненного мира потребителя. [4, с. 15]

В. В. Кафтан отмечает, что современные медиа обращаются к коллективному бессознательному (опираясь на К. Юнга и К. Леви-Стросса), транслируя закодированные послания через бинарные оппозиции.

Е. И. Медведева демонстрирует практическое применение структурного анализа мифа в рекламе IT-гигантов, где технологические устройства наделяются магическими свойствами для удовлетворения высших потребностей человека. [2, с. 54, 57]

Э. В. Дарчинов вводит проблему «электронного кочевника», который в социальных сетях с помощью мифодизайна генерирует фантазийные нарративы и симулятивные образы, заменяя ими свою реальную жизнь. [3, с. 71]

Главное противоречие мифодизайна в современном социокультурном пространстве заключается в конфликте между иллюзорной (симулятивной) природой создаваемого медиаконтента и реальным психологическим и социальным состоянием реципиента (и самого творца мифа).

Во-первых, наблюдается парадокс идентичности в цифровой среде: желая быть увиденным и популярным, пользователь социальных сетей стирает свое реальное «Я» за отретушированным фотографическим образом. [3, с. 75] Миф позволяет обыденное представить возвышенным, но за этой внешней успешностью скрывается глубокий внутренний кризис и пустота, которую фантазийный элемент не способен заполнить. [3, с. 73]

Во-вторых, в сфере PR и коммерческой рекламы возникла проблема «псевдоинноваций». Производители, сталкиваясь с исчезновением реальных функциональных различий между продуктами, используют мифодизайн для продажи эмоций и статуса. [2, с. 54] Абсолютно стандартный товар позиционируется как технологический прорыв исключительно за счет мифологем.

В-третьих, существует серьезная этическая проблема манипуляции массовым сознанием. Миф воспринимается аудиторией как фактическая система, а не как

семиотическая конструкция. [1, с. 256] Это приводит к тому, что общество некритично поглощает идеологические установки, считая их естественным порядком вещей, что блокирует способность индивида к объективному политическому и социальному мышлению.

В рамках подготовки данного исследования был проведен контент-анализ и включенное наблюдение за PR-коммуникациями в социальных сетях и рекламными кампаниями технологических брендов.

Анализ коммуникаций брендов: Опираясь на метод К. Леви-Стросса, было проанализировано использование бинарных оппозиций в видеорекламе. Наблюдение показало, что бренды выстраивают свои PR-стратегии в строгом соответствии с теорией архетипов. Например, бренд Apple транслирует архетип «Маг», формируя дихотомию «быт - искусство» и позиционируя смартфон как волшебный артефакт, преображающий реальность. В противовес этому конкуренты (например, Samsung) используют архетип «Славный Малый», выстраивая миф на разрушении «магии» оппонента и апеллируя к дихотомии «элитарность - доступная социализация». [7, с. 56]

Наблюдение за «электронными кочевниками»: Анализ личных страниц активных пользователей социальных сетей выявил повсеместное применение интуитивного мифодизайна. Пользователи формируют креолизованные тексты (фотография и фантазийный нарратив), где реальные события смешиваются с событиями-мнениями. Эмпирически подтверждается, что коммуникация в соцсетях строится не вокруг обмена объективной информацией, а вокруг эмоциональных реакций на сконструированные медиаобразы. Потребность в персонализации реализуется через создание фиктивной биографии, что подтверждает тезис о бегстве современного человека от проблемной реальности в комфортную мифологическую псевдосреду. [3, с. 75]

Технология мифодизайна обладает амбивалентным характером. С одной стороны, она выступает мощнейшим инструментом манипуляции и отчуждения, с другой - средством внутренней гармонизации личности и трансляции культурных ценностей.

Для преодоления выявленных противоречий предлагаются следующие рекомендации:

Внедрение этических стандартов в PR-практику: Специалистам по коммуникациям необходимо осознавать границу между конструированием привлекательного имиджа и недобросовестной подменой реальности (созданием симулякров). Мифодизайн должен использоваться для актуализации позитивных социокультурных смыслов, а не для паразитирования на слабостях и страхах аудитории.

Развитие аналитической компетентности (медиаграмотности): Как справедливо утверждал У. Липпман, для противостояния разрушительному влиянию нерerefлексивных стереотипов общество нуждается в независимой экспертной оценке фактов и развитии

привычки критически анализировать поступающую информацию. Аудиторию необходимо обучать дешифровке мифов, чтобы она могла отделять форму (означающее) от скрытого идеологического концепта (означаемого).

Переосмысление цифровой идентичности: В контексте социальных сетей пользователям (и PR-технологам, работающим с личным брендом) рекомендуется снижать долю искусственно-постановочного контента в пользу искренней коммуникации. Возвращение к интерактивному, двустороннему общению способно разрушить монологичную диктатуру потребительского мифа и вернуть медиа их первоначальную коммуникативную функцию.

Исследование показало, что медиапрактики мифодизайна стали неотъемлемой частью социальной навигации. Как отмечает В. В. Кафтан, ссылаясь на Э. Кассирера: «Понять миф - означает не только понять его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу» [5, с. 14–15]. Профессиональная задача PR-специалиста - использовать эту силу ответственно, не превращая коммуникацию в тотальную фикцию.

Список литературы

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1996. – 312 с.
2. Волга, А. Н. Мифодизайн как инструмент PR-деятельности / А. Н. Волга, У. А. Зубарева // Образование и культурное пространство. – 2020. – № 4. – С. 102-106.
3. Дарчинов, Э. В. О специфике мифодизайна в социальных сетях / Э. В. Дарчинов // Философия и культура. – 2024. – № 8. – С. 70-79.
4. Калиниченко, С. С. Мифодизайн и реклама: конструирование современного социокультурного пространства: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / С. С. Калиниченко. – Томск, 2012. – 20 с.
5. Кафтан, В. В. Концепции, практики и технологии современных медиа / В. В. Кафтан. – Москва: КноРус, 2025. – 528 с.
6. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. Т. В. Барчуновой; ред. пер. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
7. Медведева, Е. И. Коммуникации крупнейших мировых IT-компаний / Е. И. Медведева // Коммуникативные исследования. – 2020. – № 1. – С. 45-61.
8. Перезовова, О. В. Новостной медиатекст экологической направленности в интернет-СМИ как фактор формирования экологического поведения и сознания молодежи /

Е. В. Перезовова, Е. В. Возилова // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – № 4. – С. 86-94.

9. Попова, О. В. Миф в масс-медиа: социально-философский аспект: дис. ... филос. наук: 47.03.01 / О. В. Попова. – Белгород, 2016. – 67 с.

В.А. УГРЮМОВ

Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский университет),
студент IV курса направления подготовки
«Юриспруденция»

V.A. UGRYUMOV

South Ural State University (Research University),
Fourth-year student majoring in Jurisprudence

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ И СОВЕТОВ КАК ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

LEGAL STATUS OF PUBLIC CHAMBERS AND COUNCILS AS CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

Аннотация

В статье рассматривается дуалистическая природа правового статуса общественных палат и советов в России. Анализируется их позиционирование как институтов гражданского общества и как элементов системы публичной власти, наделенных отдельными государственно-значимыми функциями. На основе анализа федерального законодательства и актуальных научных дискуссий автор приходит к выводу о формировании в России консолидированной системы «общественной власти».

Abstract

This article examines the dualistic nature of the legal status of public chambers and councils in Russia. It analyzes their positioning as civil society institutions and as elements of the public authority system, vested with specific functions of national significance. Based on an analysis of federal legislation and current academic discussions, the author concludes that a consolidated system of «public power» is being formed in Russia.

Ключевые слова: гражданское общество, общественная палата, общественный совет, общественный контроль, правовой статус, взаимодействие власти и общества, консультативные органы.

Keywords: civil society, public chamber, public council, public control, legal status, interaction between government and society, advisory bodies.

Институты гражданского общества призваны выполнять роль посредника между человеком и государством. В современной России ключевыми институционализированными формами такого посредничества стали общественные палаты и советы, действующие на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также при органах исполнительной власти. Однако их правовой статус до сих пор вызывает дискуссии в научной среде: являются ли они «чистыми» институтами гражданского общества, формируемыми «снизу», или же они представляют собой гибридные структуры, интегрированные в систему публичной власти?

Цель данной статьи – проанализировать правовую природу этих органов, выявить ключевые противоречия их статуса и определить их место в механизме народовластия.

Правовое регулирование статуса общественных палат и советов осуществляется многоуровневой системой нормативных актов. Базисом выступают Конституция РФ и Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» -8. На региональном уровне отношения регулируются Федеральным законом № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» [2], а также законами самих субъектов. Анализ законодательства позволяет выделить два основных типа этих структур, различающихся по способу образования и характеру связи с государством:

1. Территориальные общественные палаты (федеральная, региональные, муниципальные).

2. Ведомственные общественные советы (при федеральных и региональных органах исполнительной и законодательной власти) [3].

Ключевой особенностью правового статуса является то, что законодатель не относит их к органам власти. Более того, Федеральный закон № 183-ФЗ прямо устанавливает, что общественная палата субъекта РФ не является юридическим лицом [2]. Это подчеркивает ее «общественную» природу. Члены палат и советов осуществляют свою деятельность на общественных началах, им запрещено быть действующими депутатами, чиновниками или судьями [3].

Несмотря на формальное позиционирование как институтов гражданского общества, законодательство наделяет палаты и советы функциями, которые ставят их в привилегированное положение по отношению к другим общественным объединениям. Они

являются субъектами общественного контроля и имеют право на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов [4].

В научной литературе справедливо отмечается проблема отсутствия легального определения понятий «гражданское общество» и «институт гражданского общества» [4]. Это создает правовую неопределенность. Исследователи, такие как Г.Н. Чеботарев, предлагают рассматривать общественные палаты в рамках концепции «общественной власти» — разновидности публичной власти, формируемой объединениями граждан для достижения общественно значимых целей [4].

Согласно этой концепции, палаты представляют собой общественно-государственные (или общественно-муниципальные) организации [4]. Они выступают не просто рупором общества, а полноправным, хотя и специфическим, участником публично-властных отношений. Их двойственность проявляется в следующем:

- Способ формирования: государство (через президента, губернаторов или ведомства) активно участвует в утверждении части членов палат, фактически легитимируя их состав [5].

- Функции: осуществляя контроль за властью, палаты сами получают организационную и информационную поддержку от государства.

- Цели: они призваны не только защищать права граждан, но и обеспечивать «согласование общественно значимых интересов» с интересами государства [2].

Таким образом, их статус можно охарактеризовать как «привилегированный посредник». С одной стороны, они отделены от государства организационно (не являются госорганами), с другой – институционально встроены в процесс принятия государственных решений.

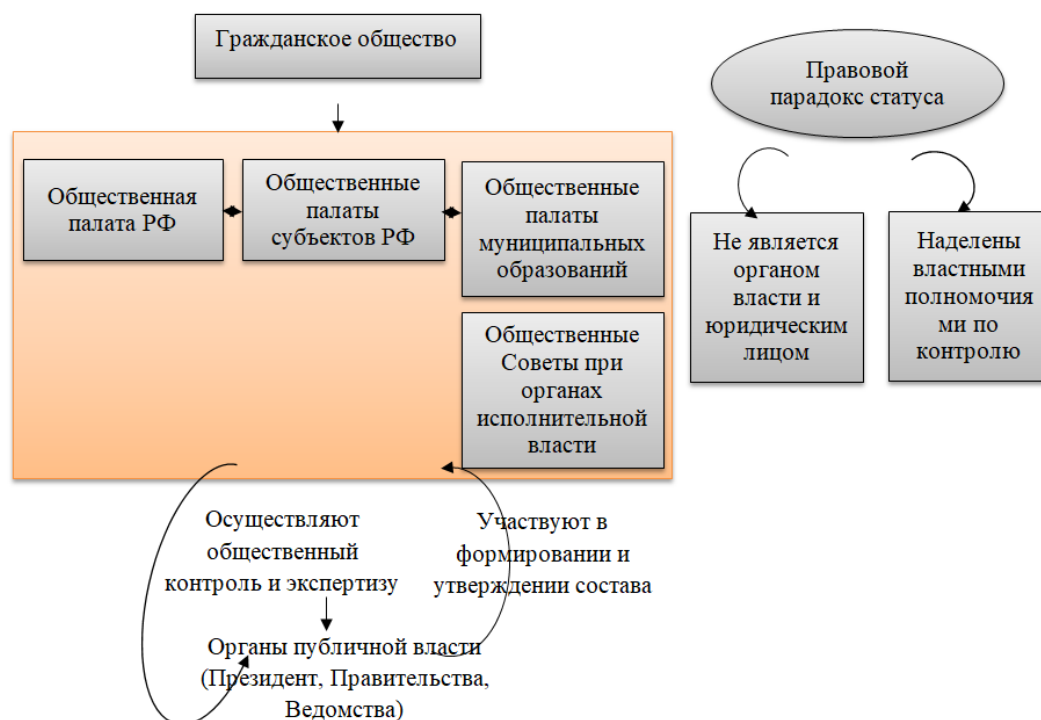


Рисунок 1 – Система и правовой статус общественных палат и советов в РФ

Данный рисунок иллюстрирует три уровня институтов гражданского общества, их соотношение с органами власти и ключевой парадокс их правового статуса.

Анализ последних изменений законодательства и научных публикаций позволяет выделить несколько устойчивых тенденций в развитии правового статуса рассматриваемых институтов.

Во-первых, наблюдается движение к консолидации и иерархичности. Федеральный закон № 183-ФЗ закрепляет взаимодействие региональных палат с Общественной палатой РФ и оказание ею методической поддержки нижестоящим палатам и советам [2]. В научном сообществе высказываются предложения о принятии рамочного закона о муниципальных общественных палатах для создания единой вертикали «общественной власти» [4].

Во-вторых, статус советов при органах власти остается нестабильным. Дискуссионным является вопрос об обязательности их создания. В ноябре 2025 года в Госдуму был внесен законопроект, предлагающий сделать создание общественных советов при законодательных органах субъектов РФ правом, а не обязанностью [5].

В-третьих, продолжается процесс конкретизации полномочий. Региональное законодательство активно развивается, уточняя количественный состав палат (от 21 до 102 человек) и процедуры выдвижения кандидатов [2].

В заключение следует отметить, что правовой статус общественных палат и советов в России продолжает эволюционировать. Сохраняя формальную независимость от государства, они фактически превращаются в элемент горизонтали публичной власти,

выполняя функцию профессиональной коммуникации между обществом и бюрократией. Основным вызовом для законодателя остается поиск баланса: как, с одной стороны, сохранить независимость и инициативу этих институтов, а с другой – не допустить их бюрократизации и превращения в декоративные структуры, имитирующие наличие обратной связи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ст. 12-13).
4. Чеботарев Г.Н. Общественные палаты как особый общественно-государственный институт гражданского общества // Российский юридический журнал. 2023. № 6 (153).
5. Законопроект № 1065607-8 «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».
6. Правовое обеспечение взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества // Юридический мир. 2024. № 10.

В.А. УГРЮМОВ

Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский университет),
студент IV курса направления подготовки
«Юриспруденция»

V.A. UGRYUMOV

South Ural State University (Research University),
Fourth-year student majoring in Jurisprudence

ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ ЛИЧНОСТИ: КАК ЗАКОН ЗАЩИЩАЕТ ВАШЕ ПРАВО НА РАЗВИТИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЮ

LEGAL BOUNDARIES OF PERSONALITY: HOW THE LAW PROTECTS YOUR RIGHT TO DEVELOPMENT AND SELF-REALIZATION

Аннотация

В статье исследуется многоуровневая система правовых гарантий, обеспечивающих защиту права личности на развитие и самореализацию в Российской Федерации. На основе анализа Конституции РФ, федерального законодательства и научных источников раскрывается содержание таких ключевых категорий, как «достоинство личности», «правовая самозащита» и «индивидуализация образования». Выделяются конституционно-правовые основы защиты личностного развития, образовательные механизмы реализации этого права, а также активные формы самозащиты индивидом своих законных интересов.

Abstract

This article examines the multi-layered system of legal guarantees protecting the individual's right to development and self-realization in the Russian Federation. Based on an analysis of the Russian Constitution, federal legislation, and academic sources, the article explores the content of key categories such as «personal dignity», «legal self-defense», and «individualization of education». It highlights the constitutional and legal foundations for protecting personal development, educational mechanisms for realizing this right, and active forms of individual self-defense of their legitimate interests

Ключевые слова: правовой институт, развитие личности, правовое регулирование, достоинство личности, профессиональное развитие.

Keywords: legal institution, personal development, legal regulation, personal dignity, professional development

Современная правовая система Российской Федерации исходит из понимания того, что подлинное развитие общества невозможно без всестороннего развития каждой отдельной личности. Эта идея находит свое высшее нормативное выражение в статье 2 Конституции РФ, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства [Конституция РФ]. Однако право на развитие и самореализацию не закреплено в виде одной конкретной нормы. Оно представляет собой сложный, комплексный правовой институт, который складывается из целого ряда конституционных прав и отраслевых гарантий.

Фундаментом для всей системы прав, обеспечивающих развитие личности, является конституционное положение об охране достоинства личности. Статья 21 Конституции РФ устанавливает: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [3].

Эта норма имеет глубокий философско-правовой смысл. Как отмечается в комментариях к Конституции, достоинство – это не просто одно из прав, а универсальная конституционная ценность, соединяющая биологические и духовные начала человека [1]. Из признания достоинства вытекает несколько ключевых последствий.

Во-первых, личность рассматривается во взаимоотношениях с государством не как объект управления, а как равноправный субъект. Это означает, что человек может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и «спорить с государством в лице любых его органов». Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что достоинство личности предполагает обеспечение каждому возможности всестороннего развития, поскольку каждый этого достоин [1].

Во-вторых, категория достоинства неразрывно связана с принципом социального государства (статья 7 Конституции РФ), которое призвано создавать условия для достойной жизни и свободного развития человека [3]. Здесь важно понимать, что свободное развитие не сводится лишь к материальному благополучию. Оно включает в себя широкий спектр возможностей: доступ к образованию и культуре, свободу творчества и профессиональную самореализацию.

Исследователи отмечают, что в российской правовой системе достоинство личности оказывает нормативное воздействие на все правовое регулирование, задавая параметры пользования правами и свободами [2]. Это означает, что любая правовая норма, любой закон должен оцениваться с точки зрения того, насколько он позволяет человеку сохранять и развивать свое достоинство.

Если конституционные нормы задают общий вектор, то основным инструментом, с помощью которого государство создает условия для развития, является образовательное право. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» рассматривает образование как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства [2].

Анализ понятийного аппарата закона показывает, что законодатель мыслит категориями развития личности. Так, образование определяется как процесс, направленный на интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое, физическое и профессиональное развитие человека [3]. Общее образование нацелено на развитие личности и формирование компетенций, необходимых для жизни в обществе и осознанного выбора профессии.

Важно отметить, что законодательство постоянно развивается в сторону усиления воспитательного компонента и трудового участия обучающихся. Последние изменения, внесенные в 2020 и 2023 годах, конкретизируют понятие воспитания, включая в него

формирование трудолюбия, ответственного отношения к труду, и предусматривают участие обучающихся в общественно полезном труде, направленном на формирование базовых трудовых навыков. Это отражает понимание того, что самореализация невозможна без развития способности к труду и ответственности.

Развитие и самореализация невозможны без способности личности отстаивать свои права и законные интересы. Помимо государственных механизмов защиты (суд, прокуратура, административный порядок), законодательство и правовая доктрина признают право личности на самозащиту. Это проявление правовой активности, позволяющее человеку самостоятельно реагировать на нарушения своих прав.

Важно различать правомерную самозащиту и самоуправство. Легализованная самопомощь выражается как «дозволенное самоуправство» – то есть действия, которые закон разрешает совершать лицу для защиты своего права без обращения в государственные органы (например, необходимая оборона, крайняя необходимость, удержание вещи). Однако, как отмечает автор, конструкция самозащиты в законодательстве закреплена в основном как мера реакции на уже совершенное правонарушение, хотя она обладает и значительным превентивным потенциалом [2].

Эффективность самозащиты напрямую зависит от уровня правовой культуры и правосознания личности. Как указывается в диссертационных исследованиях, «правовая личность» формируется в процессе взаимодействия права и индивида, и ее становление предполагает преодоление пассивного, «потребительского» отношения к правам. Лозунги «Имею право» или «Вы мне должны», не подкрепленные готовностью лично участвовать в реализации и защите своих прав, не приводят к реальной самореализации.

Законодательство постепенно расширяет возможности для проявления инициативы. Например, в образовательных организациях при принятии локальных актов, затрагивающих права обучающихся, учитывается мнение советов обучающихся и советов родителей. Это позволяет личности еще на этапе обучения включаться в управление процессами, которые определяют условия ее развития.

Для наглядного представления того, как право защищает возможность личности развиваться и реализовывать себя, ниже представлена таблица, систематизирующая основные правовые инструменты по сферам действия.

Таблица 1. Правовые инструменты защиты права на развитие и самореализацию в РФ

Сфера правового регулирования	Основные правовые инструменты	Механизм защиты/реализации

Сфера правового регулирования	Основные правовые инструменты	Механизм защиты/реализации
Конституционный статус личности	Статьи 2, 7, 21, 43 Конституции РФ -3-6	Признание достоинства личности высшей ценностью; обязанность государства создавать условия для достойной жизни и свободного развития; право на образование
Образовательное право	Индивидуальный учебный план (ст. 2 ФЗ «Об образовании») -1; Инклюзивное образование (ст. 2) -1; Адаптированные программы (ст. 2) -1; Право на выбор мероприятий (ст. 34) -4	Индивидуализация образовательной траектории; обеспечение равного доступа к образованию; защита от принудительного труда, не предусмотренного программой
Трудовое и профессиональное развитие	Понятие квалификации (ст. 2 ФЗ «Об образовании») -1; Профессиональное обучение и дополнительное образование (ст. 2) -1	Формирование подготовленности к профессиональной деятельности; возможность непрерывного совершенствования навыков (обучение в течение всей жизни)
Право на самозащиту	Юридическая самопомощь - 5; Участие в управлении образовательной организацией (ст. 30, 34 ФЗ «Об образовании») -4-7	Самостоятельное совершение допустимых законом действий для защиты прав; участие в принятии локальных актов, влияющих на процесс развития личности
Социальные гарантии	Бесплатное горячее питание для младших школьников (ст. 37 ФЗ «Об образовании») -7; Охрана здоровья (ст. 41 Конституции РФ) -9	Создание материальных и физиологических условий, необходимых для возможности получения образования и развития

Подводя итог, можно сделать вывод, что правовые границы личности в российском законодательстве представляют собой сложное, многомерное пространство. С одной стороны, государство устанавливает «границы» в смысле пределов дозволенного, за которые личность не должна выходить в своей самореализации (запрет на нарушение прав других лиц, обязанность соблюдать законы). С другой стороны, оно создает «границы» как

защитные механизмы — правовые барьеры, ограждающие человека от произвола и позволяющие ему безопасно развиваться.

Однако, как справедливо отмечают исследователи, полнота реализации этого права зависит не только от государства, но и от самой личности, от уровня ее правовой культуры и готовности нести ответственность за свой выбор. В конечном счете, правовые границы личности — это не стена, а скорее правило дорожного движения: они не мешают ехать, но обеспечивают безопасный путь к намеченной цели.

Список литературы

1. Арчаков, Ш. И. Перспективы цифровизации и влияния на границы частного и публичного права / Ш. И. Арчаков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 4 (607). — С. 234-236.

2. Гусева, Т. А. Цифровизация в публично-правовой и частно-правовой сферах: монография / Т. А. Гусева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. — Изд. перераб. и доп. — Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2025. — 65 с.

3. Конституция Российской Федерации — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 82 с. — (Юрайт. Академия). — ISBN 978-5-534-16068-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/530439> (дата обращения: 05.03.2026).

В.А. УГРЮМОВ

Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский университет),
студент IV курса направления подготовки
«Юриспруденция»

V.A. UGRYUMOV

South Ural State University (Research University),
Fourth-year student majoring in Jurisprudence

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСАХ:
МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ПРИВАТНОСТЬЮ**

**LEGAL PROBLEMS OF PERSONAL IDENTIFICATION IN GOVERNMENT
DIGITAL SERVICES: BETWEEN SECURITY AND PRIVACY**

Аннотация

В эпоху цифровой трансформации государства идентификация личности становится ключевым элементом взаимодействия граждан и власти. Однако внедрение биометрии, создание цифровых профилей и интеграция баз данных порождают фундаментальный конфликт между потребностью в безопасности (защита от мошенничества, терроризма) и правом на приватность. В настоящей статье рассматриваются основные правовые коллизии, возникающие при использовании государственных систем идентификации (таких как ЕСИА, ЕБС, цифровые ID), анализируются требования регуляторов (GDPR, SOC 2) и предлагается подход к обеспечению баланса интересов через принципы пропорциональности и встроенной приватности (privacy by design).

Abstract

In the era of digital transformation of government, personal identification is becoming a key element of interaction between citizens and government. However, the introduction of biometrics, the creation of digital profiles, and the integration of databases create a fundamental conflict between the need for security (protection from fraud and terrorism) and the right to privacy. This article examines the main legal conflicts arising from the use of government identification systems (such as the Unified Identification and Authentication System, the Unified Biometric System, and digital IDs), analyzes regulatory requirements (GDPR, SOC 2), and proposes an approach to balancing interests through the principles of proportionality and privacy by design.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровой профиль, идентификация, цифровая среда, правовая система, государственная платформа.

Keywords: digital environment, digital profile, identification, digital environment, legal system, state platform

Переход государственных услуг в цифровую среду требует надежного подтверждения личности. От порталов госуслуг до доступа к телемедицине – везде стоит вопрос: как удостовериться, что пользователь – это именно тот, за кого себя выдает? Технологии дают ответ: биометрия, криптография, единые реестры. Однако право сталкивается с дилеммой: методы, обеспечивающие абсолютную безопасность, часто вступают в противоречие с правом граждан на неприкосновенность частной жизни.

Как справедливо отмечается в современных исследованиях, цифровой профиль представляет собой сложную систему, формирующуюся через анализ данных из различных информационных систем, что вызывает вопросы о полноте и корректности правового

регулирования таких метапрофилей [1]. Цель данной статьи – выявить правовые проблемы идентификации и предложить пути синтеза безопасности и приватности.

С точки зрения государства и общества, надежная идентификация – это основа кибербезопасности и общественной безопасности. Требования к аутентификации личности закреплены в жестких стандартах. Как отмечается в анализе стандартов SOC 2, критерий CC6.3 фактически обязывает использовать многофакторную аутентификацию (MFA) для доступа к чувствительным данным, а отсутствие MFA рассматривается как существенный недостаток. Современные стандарты (ISO/IEC 24760) подчеркивают важность разграничения понятий «самоличность» и «идентификатор» для построения эффективных систем управления доступом [1].

Приватность, определяемая еще со времен Брандейса как «право быть оставленным в покое», в информационную эпоху трансформируется в право контролировать свои данные [2]. Главный риск государственных цифровых платформ – это «цифровой патернализм» и слежка.

Показательным примером является ситуация с индийскими правилами идентификации пользователей телеком-услуг (Telecommunications Rules, 2025). Там, где государство пытается создать единую базу биометрических данных для верификации SIM-карт, правозащитники усматривают нарушение принципа пропорциональности, так как мера, призванная ловить преступников, применяется тотально ко всему населению [2].

Классический принцип обработки персональных данных гласит: сбор данных должен быть ограничен конкретными заявленными целями. Однако на практике государственные платформы стремятся к универсальности. Законодательные инициативы, такие как проект поправок в 152-ФЗ в России, пытаются бороться с этим, вводя запрет на автоматизированный профайлинг без отдельного согласия и требуя передачи данных в ЕСИА [3]. Это попытка вернуть контроль над данными в руки гражданина, однако бизнес справедливо указывает на избыточность такой меры, что создает напряженность между регулированием и исполнением.

Интересно, что технологии не только создают проблемы, но и предлагают механизмы их решения. Ключевым подходом становится концепция Privacy by Design (встроенная приватность), закрепленная в статье 25 GDPR [3].

Таблица 1. Сравнение традиционного подхода и подхода Privacy by Design в идентификации

Критерий	Традиционный подход (Maximalist)	Подход Privacy by Design (Minimalist)
Сбор данных	Сбор как можно большего объема данных «на всякий случай»	Сбор только минимально необходимых атрибутов (data minimization)
Хранение биометрии	Централизованное хранение слепков (векторов) в базе данных	Обработка на устройстве пользователя (on-device), передача только подтверждения
Идентификатор	Использование постоянного уникального номера (ИНН, СНИЛС) во всех системах	Использование динамических токенов или атрибутов (вам больше 18 лет, а не дата рождения)
Контроль	Транзакционный (разовое согласие при подключении)	Непрерывный (возможность отозвать согласие и видеть кто, когда и зачем запрашивал данные)

Решение проблемы «безопасность против приватности» лежит не в выборе одного из приоритетов, а в поиске правового и технического консенсуса.

Юридическая экспертиза технологий. Как отмечают эксперты, развитие систем идентификации не должно отдаваться на откуп только технологам и политикам. Юристы должны участвовать в формировании стандартов «надлежащей правовой процедуры» для алгоритмов [4].

Внедрение динамических идентификаторов. Использование динамических QR-кодов (как в пилотном проекте Мах), которые привязаны к моменту времени и требуют биометрического подтверждения здесь и сейчас, снижает риск перехвата и повторного использования данных [4].

Принцип пропорциональности в коде. Необходимо законодательно закрепить требование к государственным информсистемам проходить тест на пропорциональность еще на стадии проектирования, отвечая на вопрос: «Можно ли достичь той же цели безопасности, собрав меньше данных?».

Правовые проблемы идентификации личности в государственных цифровых сервисах отражают глубинный конфликт между коллективной безопасностью и индивидуальной свободой. Движение к тотальному цифровому надзору под предлогом борьбы с угрозами неизбежно ведет к эрозии прав человека. Однако и отказ от цифровизации невозможен.

Оптимальная модель видится в создании «ориентированной на приватность архитектуры» (Privacy by Design), где идентификация строится на принципах

минимальности, прозрачности и подконтрольности гражданину. Только когда человек может видеть, кто использует его цифровой профиль и с какой целью, а государство использует данные пропорционально и в строгих правовых рамках, возможно достижение устойчивого баланса. Будущее цифровой идентичности – за атрибутивными и децентрализованными моделями, где для подтверждения факта (например, возраста) не требуется раскрывать всю личность.

Список литературы

1. Арчаков, Ш. И. Перспективы цифровизации и влияния на границы частного и публичного права / Ш. И. Арчаков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 4 (607). — С. 234-236.
2. Гусева, Т. А. Цифровизация в публично-правовой и частно-правовой сферах: монография / Т. А. Гусева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. — Изд. перераб. и доп. — Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2025. — 65 с.
3. Пучков, В. О. Все право — публичное (апология цифровой реальности) / В. О. Пучков. — Текст : электронный // Российское право: образование, практика, наука. — 2019. — № 4. — С. 121-134.
4. Sun, Xiaoxia. How Digital Power Shapes the Rule of Law: The Logic and Mission of Digital Rule of Law / Xiaoxia Sun. — Text : electronic // International Journal of Legal Discourse. — 2024. — Vol. 9, Issue 2. — P. 215-238.

В.А. УГРЮМОВ

Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский университет),
студент IV курса направления подготовки
«Юриспруденция»

V.A. UGRYUMOV

South Ural State University (Research University),
Fourth-year student majoring in Jurisprudence

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

PROBLEMS OF IMPLEMENTING CITIZENS' CONSTITUTIONAL RIGHTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Аннотация

В статье исследуется трансформация конституционных прав и свобод человека под воздействием цифровизации общественных отношений. Анализируются основные проблемы, возникающие при реализации личных, политических, экономических и социальных прав в цифровой среде. Особое внимание уделяется вопросам защиты персональных данных, обеспечения свободы слова в условиях алгоритмического регулирования, преодоления цифрового неравенства и формирования новых правовых механизмов защиты граждан.

Abstract

This article examines the transformation of constitutional rights and freedoms under the influence of the digitalization of social relations. It analyzes the main challenges arising in the exercise of personal, political, economic, and social rights in the digital environment. Particular attention is paid to issues of personal data protection, ensuring freedom of speech in the context of algorithmic regulation, overcoming the digital divide, and developing new legal mechanisms for protecting citizens

Ключевые слова: цифровизация общественных отношений, конституционные права граждан, цифровая среда, политические права, публичный дискурс.

Keywords: digitalization of public relations, constitutional rights of citizens, digital environment, political rights, public discourse.

Цифровизация общественных отношений стала главным трендом современности, проникая во все сферы жизни – от личной коммуникации до взаимодействия с государством. Внедрение цифровых технологий сопровождает каждого из нас в большинстве сфер общественной жизни и затрагивает личные, экономические, политические и культурные права [1]. Однако, эта тенденция имеет двойственный характер: с одной стороны, технологии упрощают процесс реализации гражданами своих прав, с другой – создают беспрецедентные условия для их нарушения.

Цель настоящей статьи – систематизировать основные проблемы реализации конституционных прав граждан в цифровой среде и предложить перспективные направления их решения с учетом новейших научных исследований и правоприменительной практики.

Цифровизация вносит фундаментальные изменения в содержание и способы реализации конституционных прав граждан. Применение цифровых технологий и искусственного интеллекта способствовало созданию новых форм реализации

конституционных прав и свобод, однако это повлекло за собой и новые угрозы, которые могут быть нейтрализованы только путем создания новых правовых механизмов [2].

Анализ литературы позволяет выделить несколько групп конституционных прав, наиболее подверженных трансформации под влиянием цифровизации. Прежде всего, это личные права, включая право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и защиту персональных данных. В цифровой среде каждый шаг человека оставляет так называемый «цифровой след», который может обрабатываться, анализироваться и использоваться без ведома гражданина. Политические права граждан также претерпевают существенную трансформацию. Электронное голосование, петиционные платформы, общественные обсуждения в онлайн-формате – все это расширяет возможности гражданского участия, но одновременно порождает вопросы о достоверности волеизъявления, защите от фальсификаций и обеспечении равного доступа к таким формам участия. Особую остроту приобретает проблема свободы слова в цифровой среде, где алгоритмы социальных сетей и поисковых систем фактически выполняют функции цензуры, руководствуясь коммерческими интересами, а не конституционными принципами [4].

Экономические и социальные права реализуются сегодня преимущественно через цифровые платформы. Получение государственных услуг, дистанционное образование, телемедицина, удаленная работа – все это стало реальностью. Однако, цифровое неравенство становится новым вызовом для реализации принципа равноправия граждан.

На основе анализа актуальных исследований представляется возможным систематизировать основные проблемы реализации конституционных прав граждан в цифровой среде.

Таблица 1. Основные проблемы реализации конституционных прав в цифровой среде [2].

Группа прав	Конкретные проявления проблем	Возможные последствия
Личные права (неприкосновенность частной жизни, тайна переписки)	Массовый сбор персональных данных без информированного согласия; профилирование граждан; слежка за поведением в сети; утечки баз данных	Размывание границ частной жизни; манипулирование поведением; дискриминация на основе цифровых профилей
Информационные права (свобода слова, доступ к информации)	Алгоритмическая фильтрация контента; блокировки без судебных решений; «пузыри фильтров»; ограничение доступа к информации под	Искажение общественного дискурса; невозможность получения объективной информации; цензура со стороны частных

Группа прав	Конкретные проявления проблем	Возможные последствия
	предлогом защиты безопасности	корпораций
Политические права (избирательные права, участие в управлении)	Риски при электронном голосовании; невозможность идентификации волеизъявления; цифровое неравенство при доступе к электронным формам участия	Снижение доверия к институтам демократии; искажение волеизъявления; отстранение социально уязвимых групп
Социально-экономические права (труд, образование, медицина)	Цифровое неравенство; дискриминация при использовании алгоритмов; «платформенная занятость» без социальных гарантий	Углубление социального расслоения; потеря социальных гарантий; ограничение доступа к услугам для нецифровых граждан

Как видно из представленной таблицы, проблемы носят системный характер и затрагивают все группы конституционных прав. При этом важно подчеркнуть, что многие угрозы обусловлены не только действиями государства, но и деятельностью крупных технологических корпораций, которые становятся новыми центрами власти в цифровую эпоху.

Второй по значимости проблемой является алгоритмическая цензура и ограничение свободы слова (25%), что отражает растущую обеспокоенность влиянием технологических платформ на публичный дискурс.

В условиях стремительного развития технологий особое значение приобретают конституционные принципы как фундамент для построения новых правоотношений в цифровой среде.

Значительную роль в формировании стандартов защиты прав граждан в цифровой среде играют судебные органы, прежде всего Конституционный Суд РФ. Практика Конституционного Суда РФ формирует важные правовые позиции, касающиеся информационно-цифрового пространства в конституционном измерении [4].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проблемы реализации конституционных прав граждан в цифровой среде носят комплексный и системный характер. Цифровизация, с одной стороны, открывает новые возможности для реализации прав, с другой – порождает беспрецедентные угрозы, связанные с массовым сбором данных,

алгоритмическим регулированием, цифровым неравенством и недостаточной эффективностью традиционных правовых механизмов защиты.

Список литературы

1. Авакьян, С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 23–28.
2. Бондарь, Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 25–42.
3. Варламова, Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — Т. 14, № 4. — С. 9–46.
4. Гаврикова, К. С. Влияние цифровизации на права и свободы граждан: конституционные аспекты / К. С. Гаврикова // Новый юридический вестник. — 2025. — № 10 (52). — С. 10–13.
5. Даниленко, И. М. Цифровые права и их взаимосвязь с Конституцией Российской Федерации / И. М. Даниленко // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения», г. Тюмень, 17-19 октября 2024 г. / гл. ред. С. С. Зенин ; отв. ред. Л. В. Иванова. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. — С. 22–24. — URL: <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/36956> (дата обращения: 17.02.2026).

В.А. УГРЮМОВ

Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский университет),
студент IV курса направления подготовки
«Юриспруденция»

V.A. UGRYUMOV

South Ural State University (Research University),
Fourth-year student majoring in Jurisprudence

**СТИРАЯ ГРАНИЦЫ: НОВАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ
ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

ERASING BOUNDARIES: A NEW COORDINATE SYSTEM

OF PRIVATE AND PUBLIC LAW IN THE DIGITAL AGE

Аннотация

Статья посвящена трансформации основополагающих принципов частного и публичного права под влиянием цифровизации. Автор анализирует, как внедрение сквозных технологий (искусственный интеллект, большие данные, блокчейн) стирает традиционные границы между публично-правовыми и частноправовыми отношениями. В работе предлагается новая система координат для правового регулирования, учитывающая конвергенцию правовых режимов в цифровом пространстве и необходимость пересмотра классических юридических доктрин.

Abstract

This article examines the transformation of the fundamental principles of private and public law under the influence of digitalization. The author analyzes how the introduction of cross-cutting technologies (artificial intelligence, big data, blockchain) erases traditional boundaries between public and private law relations. The paper proposes a new coordinate system for legal regulation, taking into account the convergence of legal regimes in the digital space and the need to revise classical legal doctrines.

Ключевые слова: цифровая платформа, правовое пространство, правовое регулирование, цифровая среда, правовая система, информационно-коммуникационные технологии.

Keywords: digital platform, legal space, legal regulation, digital environment, legal system, information and communication technologies.

Разграничение права на частное и публичное, восходящее еще к римской юриспруденции, на протяжении столетий служило фундаментальной основой построения правовых систем. Как отмечал классик отечественной цивилистики И.А. Покровский, проблема соотношения этих сфер осложняется постоянно сдвигающейся границей между ними ввиду развития общественных отношений [1]. Однако, цифровая эпоха порождает не просто сдвиг, а качественную трансформацию самой системы координат.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, формирование глобальных цифровых платформ, внедрение искусственного интеллекта и алгоритмического управления создают новую реальность, в которой привычные юридические конструкции оказываются недостаточными. Виртуальная среда становится не

просто дополнением физического мира, но автономным пространством социальных, экономических и политических взаимодействий [5]. В этом пространстве действуют иные законы – не только юридические, но и технологические, выраженные в коде платформ и алгоритмах, что нашло отражение в известной максиме «code is law» [2].

Классическое понимание правового пространства может быть представлено как одномерная шкала, на полюсах которой расположены частное и публичное право. Однако для адекватного описания цифровой реальности этого недостаточно. Современные исследователи предлагают дополнить эту ось как минимум двумя новыми измерениями: «централизованное – децентрализованное» и «автономное – взаимосвязанное» [3].

Таблица 1. Традиционная и новая системы координат правового регулирования

Измерение	Традиционная система	Новая система
Базовые координаты	Частное – Публичное (одномерная шкала)	Частное – Публичное + Централизованное – Децентрализованное + Автономное – Взаимосвязанное (трехмерное пространство)
Субъекты регулирования	Государства, национальные законодатели	Государства, глобальные платформы, цифровые сообщества, алгоритмы
Источники норм	Законы, подзаконные акты	Законы, пользовательские соглашения, код, смарт-контракты
Методы регулирования	Императивный и диспозитивный	Метод взаимодействия (технологическая совместимость)
Сфера действия	Территориальные юрисдикции	Глобальное цифровое пространство

В этой трехмерной системе координат привычное публичное право (государственное, централизованное, автономное) теряет монополию на регулирование. Значительная часть общественных отношений перемещается в сферу децентрализованного регулирования, где правила устанавливаются владельцами глобальных платформ (gatekeepers) либо формируются самими цифровыми сообществами (например, в блокчейн-сетях). Эти правила по форме являются частными (пользовательские соглашения), но по своему воздействию приобретают публично-правовой характер, поскольку определяют права и обязанности миллионов пользователей, фактически замещая национальное законодательство в конкретных цифровых средах [4].

В цифровой среде классические методы правового регулирования – императивный (власть-подчинение) и диспозитивный (равенство и автономия воли) – оказываются недостаточными. На первый план выходит метод взаимодействия, предполагающий, что правоотношение возникает и существует только при технологической и функциональной совместимости систем его участников [5].

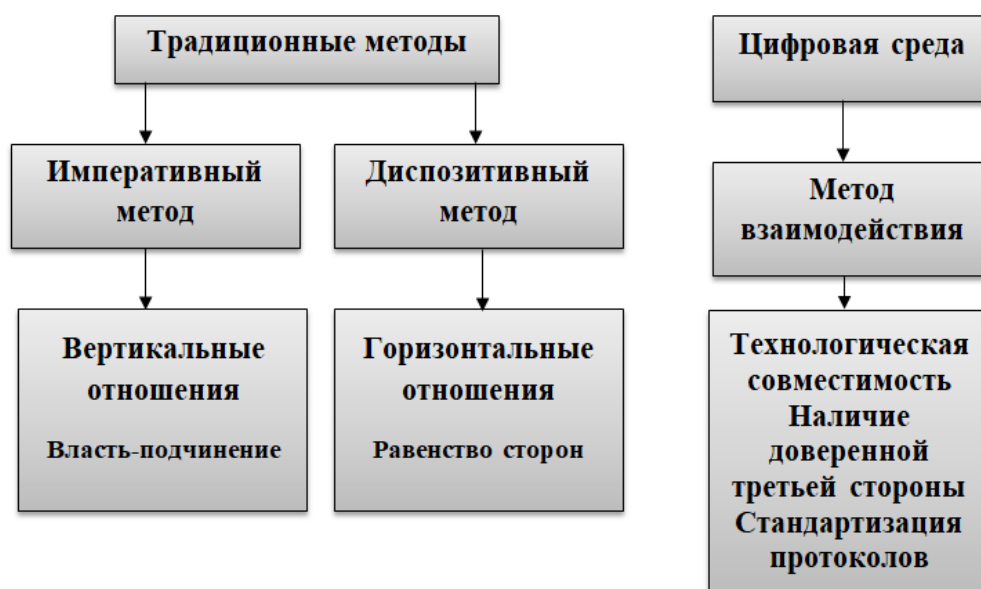


Рисунок 1 – Эволюция методов правового регулирования

Этот метод характеризуется наличием доверенной третьей стороны (платформы, удостоверяющего центра, регулятора), которая устанавливает технические и правовые стандарты взаимодействия.

Одним из наиболее перспективных теоретических конструктов, позволяющих осмыслить новую реальность, выступает концепция цифрового гражданства (digital citizenship). Она предлагает рассматривать устойчивую правовую связь между пользователем и цифровой платформой или сообществом, выходящую за рамки простого договора оказания услуг [3].

Ключевыми элементами цифрового гражданства являются:

Право на участие – право участвовать в формировании правил цифрового сообщества

Право на идентичность – право определять и контролировать свою цифровую идентичность и связанные с ней данные

Право на выход – право покинуть цифровую среду, забрав или удалив свои данные

Эта концепция непосредственно затрагивает границы частного и публичного: с одной стороны, она защищает частные интересы личности в цифровом пространстве (право на

идентичность, неприкосновенность данных), с другой – признаёт публичный характер цифровых сообществ, где формируются обязательные для всех правила общежития.

Перспективным направлением видится не борьба за восстановление старой границы, а осознанное конструирование новых балансов и сдержек в рамках этой гибридной зоны. Усиление приватности (частный интерес) может достигаться через публично-правовые инструменты, а публичный контроль за алгоритмами платформ – через предоставление пользователям (частным лицам) права на объяснимость и обжалование автоматических решений.

Как справедливо отмечают исследователи, сегодня актуальные вопросы юридического поля требуют как минимум корректной адаптации под внедренные инновации и как максимум разработки свежих концепций в правовом регулировании [2]. В этом смысле цифровая эпоха открывает не только вызовы, но и уникальные возможности для развития права как инструмента упорядочения общественных отношений.

Список литературы

4. Арчаков, Ш. И. Перспективы цифровизации и влияния на границы частного и публичного права / Ш. И. Арчаков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 4 (607). — С. 234-236.
5. Гусева, Т. А. Цифровизация в публично-правовой и частно-правовой сферах: монография / Т. А. Гусева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. — Изд. перераб. и доп. — Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2025. — 65 с.
6. Пучков, В. О. Все право — публичное (апология цифровой реальности) / В. О. Пучков. — Текст : электронный // Российское право: образование, практика, наука. — 2019. — № 4. — С. 121-134.
7. Sun, Xiaoxia. How Digital Power Shapes the Rule of Law: The Logic and Mission of Digital Rule of Law / Xiaoxia Sun. — Text : electronic // International Journal of Legal Discourse. — 2024. — Vol. 9, Issue 2. — P. 215-238.
8. Kaplan, Y., Libson, A., & Parchomovsky, G. The Renaissance of Private Law / Y. Kaplan, A. Libson, G. Parchomovsky. — Text : direct // Northwestern University Law Review. — 2025. — Vol. 19, Issue 4. — P. 1427-1460.

В.А. УСТИНОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка I курса направления «Юриспруденция»

V.A. USTINOVA

Ural branch of the Financial University
first-year student majoring in Jurisprudence

Научный руководитель

С.И. ПАНЬКИН

Уральский филиал Финуниверситета
канд. социол. наук, доцент

Scientific supervisor

S.I. PANKIN

Ph.D. soc. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

FORCED LABOR IN THE HISTORY OF DOMESTIC CRIMINAL LAW

Аннотация

В настоящей статье рассмотрено развитие наказания в виде принудительных работ в истории отечественного уголовного законодательства.

Annotation

This article examines the development of punishment in the form of forced labor in the history of Russian criminal legislation.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, принудительные работы, исправительные центры, наказания без изоляции от общества

Keywords: penal system, forced labor, correctional centers, and non-imprisonment punishments

Принудительные работы как самостоятельный вид наказания, предусмотренный в качестве альтернативы лишению свободы, был закреплён законом от 07.12.2011 № 420 [8]. Исторически, хотя формальное понятие принудительных работ и отсутствовало, труд осуждённых широко использовался. Это делает изучение советской пенитенциарной системы ценным для понимания эволюции уголовно-правовой политики России.

Факт применения принудительных работ в качестве уголовного наказания в советской России можно подтвердить ссылками на первые акты. Ключевым документом здесь выступает Постановление Наркомата юстиции РСФСР «Руководящие начала по уголовному

праву», принятое в декабре 1919 г. [4]. Этот акт, включил принудительные работы в систему наказаний, без помещения в места лишения свободы. При этом его сущность детально не раскрывалась: предполагалось, что осуждённые будут выполнять различные общественные работы, а конкретное место отбывания наказания определялось по усмотрению должностного лица. Таким образом, на этапе становления изначально не предусматривалось сочетания работ с ограничением свободы.

Далее принудительные работы упоминались в постановлении ВЦИК «О лагерях принудительных работ», принятом в 1919 г. Согласно ему, заключению в лагеря принудительных работ (ЛПР) подвергались те лица, «относительно которых состоялись постановления отделов управления ЧК, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов», то есть были приговоры коллегий ЧК, трибуналов и их сессий. В плане борьбы с дезертирством Совет труда и обороны 3.06.1919 г., закрепил для не злостных дезертиров наказание в виде урочных работ в хозяйствах красноармейцев. К заключению в ЛПР в 1919-1921 гг. дезертиров, уклонистов и укрывателей приговаривали губернские комиссии по борьбе с дезертирством в административном порядке и судебные структуры в рамках трибунальной юстиции [9, с. 19-20]. По факту к работам в местах лишения свободы привлекали и приговоренных к заключению «до конца гражданской войны», а также арестованных заложников, до вынесения решения по ним [10, с. 19-22]. В качестве заложника могли задержать любого человека, практика работала во внесудебном порядке чрезвычайной юстиции, в каждой губернии в тюрьмах, концлагерях и ЛПР содержали сотни заложников [10, с. 158-165].

Общее управление всеми ЛПР возлагалось на отдел НКВД. Содержащиеся в лагерях осужденные, должны были быть назначены на работы немедленно, при поступлении в лагерь и заниматься трудом в течении всего времени их пребывания там, вид работы определялся администрацией лагеря, так же для отдельных лиц с разрешения местных отделов управления была возможна замена физического труда умственным.

По факту это было лишение свободы с обязательным трудом. Заказы на работы осужденных принимались исключительно от Советских учреждений. Для осужденных был установлен 8-ми часовой рабочий день. За уклонение от исполнения наказания осужденных подвергались наказанию, за повторные уклонения, осужденные передавались суду Ревтрибунала, имевшего право определять наказание вплоть до применения высшей меры наказания. Так же данным нормативным документом регламентировались режим, правовое положение осужденных и обязательное соблюдение трудового законодательства. Содержание лагеря осуществлялось за счет удержаний, производимых из заработной платы осужденных, таким образом, расходы на содержание лагеря окупались трудом осужденных,

при условии, что фактическое количество содержащихся в нем лиц соответствовало лимиту наполнения. Лимит наполнения лагерей, согласно постановления, должен был быть не менее 300 человек. На каждого осужденного создавался лицевой счет и книжка, куда в доход необходимо было вносить его заработок, а в расход вносили информацию об удержаниях в счет содержания лагеря [2].

В 1922 г. приняли первый УК РСФСР, где принудительные работы, закреплялись, как «работы без содержания под стражей», на срок от семи дней до одного года, разделяясь на: 1) работы с понижением по тарифному разряду, с обязательными сверхурочными работами и переводом (в др. учреждение, предприятие или местность); 2) неквалифицированный труд. Форма работ и срок указывался в приговоре суда [6].

На основании положений Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. на Президиум ВЦИК была возложена обязанность издать постановление об отмене или согласовании с указанным кодексом всех декретов, постановлений и инструкций, регулирующих организацию и деятельность исправительно-трудовых учреждений [1]. Реализация данного положения привела к упразднению лагерей принудительных работ и приостановке применения наказания в виде принудительных работ, предусматривавшего сочетание лишения свободы с обязательной трудовой деятельностью.

Понятие «принудительные работы» в уголовном законодательстве прошло несколько этапов трансформации. Изначально под ним подразумевались меры, близкие к исправительным работам, их назначали социально неустойчивым гражданам и осужденным, чья деятельность не представляла значительной общественной опасности. Позднее, в период с 1959 по 1993 год, в системе наказаний существовало лишение свободы с обязательным привлечением к труду. Эта форма была упразднена в 1993 году. С принятием нового кодекса в 1997 году система наказаний была дополнена исправительными и обязательными работами, что ознаменовало очередной этап в развитии института трудовых санкций в уголовном праве. Как мы уже отметили, альтернатива лишению свободы в виде принудительных работ закрепилась в 2011 г., но данное наказание нашло свое применение лишь в 2017 г., когда в России были открыты первые исправительные центры (далее- ИЦ) для осужденных к принудительным работам [8].

Сегодня, принудительные работы заключаются в содержании осужденного в учреждении УИС и привлечении его к труду [7]. Осужденные, прибывшие в ИЦ, УФИЦ обязаны соблюдать внутренний распорядок, установленный Приказом Минюстиции от 04.07.2022 №110 [3]. В случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ, либо признания его злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания, неотбытая часть наказания заменяется лишением свободы.

Исторический анализ отечественного уголовного законодательства показывает, что современный институт принудительных работ не возник изолированно. Он во многом опирается на предшествующий опыт. Прежде всего, можно проследить прямые параллели с наказанием в виде принудительных работ, которое применялось в 1919–1924 гг. Тогда, как и сейчас, основной акцент делался на привлечении осуждённых к трудовой деятельности — это рассматривалось и как мера исправления, и как способ их социальной адаптации. Кроме того, при внедрении современных принудительных работ законодатели опирались на положительный опыт советской уголовно-исполнительной системы в части организации труда осуждённых. Практика показала, что трудовая занятость способствует реабилитации и снижает риск рецидива, что и было учтено при формировании современной модели наказания.

Список литературы

1. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16 октября 1924 года // Электронная библиотека исторических документов. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/358411-ispravitelno-trudovoy-kodeks-r-s-f-s-r-postanovlenie-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ob-utverzhdanii-ispravitelno-trudovogo-kodeksa-r-s-f-s-r-prinyatoe-na-2-oy-sessii-xi-sozyva-16-go-oktyabrya-1924-goda> (Дата обращения: 18.03.2026)
2. Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=18&nd=196031727&bpa=t9999&bpas=t9999&intelsearch=%EF%EE%EB%EE%E2%FB%E5+%EE%F2%ED%EE%F8%E5%ED%E8%FF++ (Дата обращения 16.03.2026)
3. Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. N 110 "Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, исправительных учреждений и исправительных центров уголовно-исполнительной системы" // Гарант: СПС. –Режим доступа: <https://base.garant.ru/404953247/> (Дата обращения 19.03.2026)
4. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (Дата обращения: 16.03.2026)
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 (ред. от 31.07.2025) // СПС Консультант Плюс.

Режим доступа https://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_12940/ (Дата обращения 20.03.2026)

6. Уголовный кодекс РСФСР от 26 мая 1922 года // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (Дата обращения: 17.03.2026)

7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 (ред. от 20.02.2026) // СПС Консультант Плюс. Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 19.03.2026)

8. ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты» от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.– Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (Дата обращения 18.03.2026).

9. Панькин, С. И. Система санкций за дезертирство в РСФСР в 1919-1921 гг. (по материалам Челябинской губернии) / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 4(43). – С. 18-24. – DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-18-24. – EDN FMEIYW.

10. Панькин, С. И. Заложничество как чрезвычайная мера государственного принуждения и инструмент красного террора на Южном Урале в 1920-1922 гг / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 2(45). – С. 17-23. – DOI 10.47475/2311-696X-2025-45-2-17-23. – EDN VDURUE.

11. Панькин, С. И. Институт заложничества как средство борьбы Советов с повстанчеством на Южном Урале в 1919-1922 гг / С. И. Панькин // Южно-Уральский историко-правовой вестник. 2008. № 3. С. 156-166. – EDN VXETYX.

Д.Ж. УТЕШЕВА, П.А БАБИНЦЕВА
Уральский филиал Финуниверситета
студенты I курса направления подготовки
«Экономика»

D.Zh. UTESHEVA, P.A. BABINTSEVA
Ural Branch of the Financial University
First-year students majoring in
Economics

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КУСТАНАЙСКОГО И ДРУГИХ УЕЗДОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1923 ГГ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE AGRARIAN POLICY OF KUSTANAI AND OTHER UYEZDS OF THE CHELYABINSK GOVERNORATE IN 1919–1923

Аннотация

В статье рассматривается аграрная политика Кустанайского уезда и его сравнение с другими уездами Челябинской губернии. Анализируется, как изменения административного деления влияли на аграрные практики, а также как местные особенности и решения властей отражались на жизни крестьян. В результате исследования выявляются основные тенденции и отличия в подходах к аграрной политике в указанный период.

Annotation

This article examines the agrarian policy of the Kustanai uyezd and its comparison with other uyezds of the Chelyabinsk province. It analyzes how changes in administrative division affected agrarian practices, as well as how local characteristics and government decisions were reflected in the lives of peasants. As a result of the study, the main trends and differences in approaches to agrarian policy during the specified period are revealed.

Ключевые слова: Челябинская губерния, Кустанайский уезд, аграрная политика, продразверстка, военный коммунизм.

Key words: Chelyabinsk Governorate, Kustanai Uyezd, agrarian policy, food requisitioning, war communism

Аграрная политика в Советской России в период с 1919 по 1923 гг., охватывающий эпоху военного коммунизма (1918–1921 гг.), была одним из ключевых аспектов, определяющих развитие сельского хозяйства и экономику страны в целом. Период с 1919 по 1923 гг. был крайне сложным для аграрного сектора. Гражданская война, экономический кризис и продразверстка создали уникальные условия, в которых аграрная политика должна была адаптироваться к новым реалиям. Военный коммунизм, провозглашенный в 1918 г., стал ответом на вызовы времени, однако его жесткие меры вызывали недовольство среди крестьянства [7]. Южный Урал имел свои особенности, связанные с географией, этническим составом и историческим развитием. Аграрная политика здесь формировалась под воздействием как федеральных, так и местных факторов. Важнейшими задачами были обеспечение продовольственной безопасности, восстановление сельского хозяйства и решение социальных вопросов крестьянства [3; 7].

В сентябре 1919 г. Кустанайский уезд был передан в состав образованной Челябинской губернии, но в августе 1920 г. его передали в состав Оренбургско-Тургайской губернии Киргизской автономной республики [4, с. 192–194; 5, с. 131–133]. За этот год в

сфере аграрной политики местные власти начали применять решения, направленные на улучшение ситуации в сельском хозяйстве. В то время как другие уезды губернии сталкивались с проблемами нехватки ресурсов и жесткими мерами продразверстки, Кустанай имел преимущества благодаря более плодородным землям и активному участию местных крестьян в аграрных совещаниях. Здесь начали внедрять опыт коллективного ведения хозяйства, что способствовало повышению производительности [1; 3]. Тем не менее политика военного коммунизма и методы проведения продразверстки вызывали возмущение крестьян, так как ставило хозяйства на грань голода, из-за тотального изъятия продуктов, включая семенной фонд [9, с. 103–105]. С осени 1920 г. местные власти получили больше свободы в принятии решений по аграрной политике. В результате была запущена программа по восстановлению сельского хозяйства, основанная на привлечении ресурсов из соседних регионов. В то же время другие уезды продолжали сталкиваться с жесткими мерами продразверстки, что усугубляло социальные конфликты и недовольство крестьян. Например, в Троицком уезде крестьяне организовывали массовые протесты против реквизиций, а казачество подняло несколько локальных восстаний, как в станице Наследницкой [10, с. 50–55]. Однако и в Кустанайском уезде в августе 1920 года произошло крестьянское восстание под флагом Зеленой армии и лозунгом: Советы без коммунистов [4, с. 193–198]. Движущей силой таких протестов наряду с крестьянами выступали дезертиры, численность которых в регионе достигала десятков тысяч. Для борьбы с дезертирством были созданы специальные комиссии по борьбе с дезертирством, наделенные чрезвычайными полномочиями, в Кустанайском уезде комиссию возглавляли Измайлов и Гречищев, здесь работа была организована на высоком уровне [6, с. 188–196].

К 1921 г. ситуация изменилась, что стало следствием общих трудностей после гражданской войны [3]. Упразднение уезда привело к дезорганизации аграрного сектора и потере контроля над производством. В других уездах Южного Урала продолжали действовать различные меры по поддержанию сельского хозяйства, однако отсутствие Кустанайского уезда означало потерю важного аграрного региона с его потенциалом. Например, в Карталинском районе власти пытались наладить систему распределения продовольствия через кооперативы, но сталкивались с нехваткой ресурсов [3; 8].

В 1922 г. уезд восстановили в составе вновь образованной Кустанайской губернии. Это событие открыло новые возможности для аграрной политики региона. Местные власти вновь начали активно работать над восстановлением сельского хозяйства, внедряя новые технологии и методы работы с землей, такие как использование семян более устойчивых к климатическим условиям. Кустанайский уезд смог воспользоваться своими ресурсами для улучшения ситуации [8].

Аграрная политика Кустаная в 1919 по 1923 гг. продемонстрировала значительные изменения, связанные с административными преобразованиями и политической ситуацией в стране. Сравнительный анализ с другими уездами показывает, что Кустанайский уезд обладал уникальными возможностями для развития сельского хозяйства, несмотря на трудности времени. Эти различия подчеркивают важность местного контекста в формировании аграрной политики и ее реализации на практике [3; 8].

Список литературы

1. Алибаева, А. Ж. Голодное бедствие Челябинской губернии в 1921–1922 // Трансформация социальноэкономической системы в условиях цифровой экономики: взгляд молодых : сборник статей XX Национальной с международным участием научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, Челябинск, 22 марта 2024 года. – Москва: Перо, 2024. – С. 341–344.
2. Баландина, О. А. Из истории деятельности петроградских продовольственников в Челябинской губернии (1919–1921) // Архив в социуме — социум в архиве: Материалы седьмой Всероссийской науч.-практич. конференции, Челябинск, 2024. – С. 124–127.
3. Галиева, Е. Б. Деятельность Челябинского губернского земельного отдела по восстановлению сельского хозяйства Челябинской губернии (1919–1922 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 6. – С. 23–27.
4. Панькин, С. И. Восстание в Кустанайском уезде Челябинской губернии в 1920 году (по материалам ОГАЧО) / С. И. Панькин // Архив в социуме — социум в архиве: Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 года / Составитель и научный редактор Н. А. Антипин. – Челябинск: ГУ ОГАЧО, 2018. – С. 192–199. – EDN UVESTI.
5. Панькин, С. И. Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории: сб. док. / С. И. Панькин // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 131–134. – EDN VRTKQX.
6. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.
7. Хамидуллин, Н. Р. Особенности аграрной политики и деятельность органов власти на Урале (на материалах Оренбургской, Челябинской, Екатеринбургской губерний) в 1920–1922 годах / Н. Р. Хамидуллин // Аграрное развитие и продовольственная политика России в

XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии / Оренбург: ОГПУ, 2007. – С. 348–354. – EDN UJNAPK.

8. Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: Абрис истории: сборник документов / Государственный комитет по делам архивов Челябинской области, Объединённый государственный архив Челябинской области. – Челябинск: ГУ ОГАЧО, 2019. – 647 с. – ISBN 9785604028490. – EDN ILIFGK.

9. Панькин, С. И. Динамика экономического положения сельского населения Южного Урала в 1920-1921 гг. (по материалам Челябинской ГубЧК) / С. И. Панькин // Социально-экономическая и финансово-кредитная политика в регионе: Тезисы региональной научно-практической конференции. Челябинск: ВЗФЭИ (филиал в Челябинске), 2002. - С. 102-105. EDN: VUFCDX.

10. Панькин, С. И. «Насильно в банду никого не тащили, а были исключительно добровольцы». Восстание в станице Наследницкой Троицкого уезда Челябинской губернии 1920 года / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2025. – № 4. – С. 48-57. EDN VXBSRQ.

К.В. УФИМЦЕВА, В.Н. НОВИКОВА, С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финуниверситета

K.V. UFIMTSEVA, V.N. NOVIKOVA, S.I. PANKIN
Ural branch of the Finnish University

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

LEGISLATIVE REGULATION OF TAX CONTROL

Аннотация

В современной экономической системе налоговый контроль занимает ключевую роль, обеспечивая соблюдение налогового законодательства и поступление необходимых доходов в бюджет. Законодательное регулирование этой сферы представляет собой комплекс мер, направленных на установление четких правил и процедур для налогоплательщиков и налоговых органов. Цель такого регулирования – минимизация налоговых злоупотреблений и укрепление финансовой стабильности государства.

Annotation

In the modern economic system, tax control plays a key role, ensuring compliance with tax laws and the inflow of necessary revenues to the budget. Legislative regulation of this sphere is a set of measures aimed at establishing clear rules and procedures for both taxpayers and tax authorities. The objective of this regulation is the minimization of tax malpractice and the enhancement of the state's financial stability.

Ключевые слова: налоговый контроль, нормативно-правовые акты, налоговые проверки, налоговое законодательство.

Key words: tax control, laws and regulations, tax audit , tax laws.

В соответствии со статьей 57 Конституции Российской Федерации, пунктом 1 статьи 3 и подпунктом 1 пункта 1 статьи 23 Налогового кодекса Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.

Налоги и налоговые платежи являются основополагающим условием существования и успешного функционирования государства. Именно налоги являются основным доходным источником государства и муниципальных образований, а налоговый орган, в свою очередь, являются главным фискальным органом. Подавляющее большинство налоговых платежей в виде бюджетного финансирования возвращается обратно в общество, в том числе и в виде социальных выплат.

Налоговый контроль является ключевым элементом системы государственного регулирования экономики, обеспечивающим выполнение налогоплательщиками своих обязательств перед государством. Законодательное регулирование налогового контроля определяет механизмы и процедуры, которым должны следовать налоговые органы и налогоплательщики в процессе исполнения налогового законодательства.

В основу законодательного регулирования налогового контроля положены принципы законности, обоснованности и справедливости. Это значит, что все действия налоговых органов должны осуществляться строго в рамках действующего законодательства, каждое решение должно быть обосновано и соответствовать действительному налоговому обязательству конкретного налогоплательщика [2, с. 65].

Цель законодательного регулирования – обеспечение сбалансированности и эффективности налогового контроля, что способствует созданию благоприятной экономической среды и поддержанию социальной справедливости. Эффективное регулирование помогает минимизировать налоговые споры и укреплять доверие между государством и налогоплательщиками.

В рамках налогового контроля, налоговые органы наделены рядом полномочий и несут определённые обязанности, цель которых – обеспечение соблюдения налогового законодательства.

Во-первых, налоговые органы уполномочены проводить проверки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков. Это включает в себя право запрашивать необходимую документацию, проведение выездных и камеральных проверок.

Во-вторых, налоговые органы обязаны следить за своевременностью и полнотой уплаты налогов. Они имеют право наложения санкций в виде штрафов и пени в случае обнаружения нарушений, повлекших за собой уменьшение поступления законно определенных налогов и сборов. Кроме того, налоговые органы обладают правом инициировать дела об административных или уголовных нарушениях в налоговой сфере.

Третье важное полномочие налоговых органов – это информирование налогоплательщиков о законодательных изменениях, связанных с налогами. Они предоставляют разъяснения по применению налоговых законов, помогая тем самым предотвратить возможные нарушения и споры [1, с. 281].

В совокупности, полномочия и обязанности налоговых органов формируют основу для качественного и эффективного налогового контроля, что способствует укреплению экономической стабильности и справедливости в обществе.

Налоговый контроль осуществляется различными методами, среди которых наиболее известны налоговые проверки, налоговый мониторинг, аудит и налоговое администрирование. Каждый из методов предполагает свой подход во взаимодействии налоговых органов с налогоплательщиками и особенности проведения.

Наиболее традиционным инструментом являются налоговые проверки, которые подразделяются на камеральные и выездные. Камеральная проверка проводится непосредственно в налоговой инспекции на основе представленной налогоплательщиком документации. Такой метод позволяет оперативно обработать информацию, идентифицировать ошибки и нарушения в поданных декларациях. Выездная проверка включает посещение налоговыми инспекторами предприятия для оценки его фактической деятельности и соответствия зафиксированных в документах данных реальному положению дел [5, с. 77].

Значительное развитие в последние годы получила процедура налогового мониторинга, которая представляет собой континуальный анализ операций крупнейших налогоплательщиков с использованием современных информационных технологий. Этот подход позволяет налоговым органам эффективнее предотвращать налоговые правонарушения и минимизировать риски недоимок.

Также применяется аудиторская проверка, когда внешние или внутренние аудиторы оценивают налоговую отчетность компании для установления её соответствия законодательству. Это способствует повышению прозрачности финансовой деятельности и укреплению доверия между налогоплательщиками и органами ФНС.

Особую роль играет и налоговое администрирование, призванное обеспечивать соблюдение налогового законодательства через систематизацию процессов и контроль за исполнением. В этом контексте значительное внимание уделяется оптимизации взаимодействия с налогоплательщиками, улучшению качества предоставляемых услуг, а также внедрению электронных сервисов, что упрощает процесс уплаты налогов и снижает административную нагрузку на субъекты предпринимательства [3, с. 101].

Комплексное применение перечисленных методов и процедур позволяет налоговым органам не только контролировать правильность исчисления и своевременность уплаты налогов, но и создает условия для предотвращения налоговых нарушений на раннем этапе.

Перспективы развития законодательства о налоговом контроле актуальны в контексте усовершенствования финансовой системы страны. В ближайшие годы ожидается акцент на цифровизации налоговых процессов и урегулировании вопросов, связанных с международным налогообложением. Одно из направлений – разработка и внедрение универсальных электронных платформ для подачи налоговой отчетности, что позволит уменьшить бумажную волокиту и повысить прозрачность налогового администрирования. Такие подходы облегчат процесс контроля за соблюдением налогового законодательства, а также усилят борьбу с налоговыми преступлениями посредством аналитических IT-систем [4, с. 91].

Кроме того, предполагается укрепление законодательной базы по вопросам борьбы с уклонениями от уплаты установленных законом налогов и сборов, включая улучшение механизмов обмена налоговой информацией между странами, а также выведения на прозрачный уровень текущей налоговой отчетности. Это способствует повышению эффективности международного налогового контроля и предотвращению уклонения от уплаты налогов.

Список литературы

9. Агабекян, О. В. Налоговая система Российской Федерации : учебник для вузов / О. В. Агабекян. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 404 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21348-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/569766> (дата обращения: 24.12.2025).

10. Зацаринная, Е. И. Комплаенс-контроль в системе налогового администрирования : учебник для вузов / Е. И. Зацаринная, О. Н. Тарасова, Н. А. Проданова. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 98 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18837-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/568950> (дата обращения: 24.12.2025).
11. Лагутина, Л. Г. Организация и методика проведения налоговых проверок : учебник для вузов / Л. Г. Лагутина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 180 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17950-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/567679> (дата обращения: 24.12.2025).
12. Налоговое планирование на предприятии : учебник для вузов / под научной редакцией Г. А. Агаркова ; ответственный редактор М. М. Шадурская. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 221 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21933-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582470> (дата обращения: 24.12.2025).
13. Фархутдинов, Р. Д. Налоговое право : учебник для вузов / Р. Д. Фархутдинов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 109 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20086-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/590612> (дата обращения: 24.12.2025).

А.В. УШАКОВА, А.А. ШИЛЯЕВА

Уральский медицинский институт
студентки I курса специальность «Лечебное дело»

A.V. USHAKOVA, A.A. SHILYAEVA

Ural Medical Institute
First-year students majoring in General Medicine

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ДЕМОГРАФИЯ НА УРАЛЕ В 1917–1923 ГГ.

SOCIAL STRUCTURE AND DEMOGRAPHY IN THE URALS IN 1917–1923

Аннотация

В статье рассматриваются изменения социальной и демографической структуры на Урале, возникшие под влиянием революционных событий, Гражданской войны, эпидемий и разрушения экономических связей. Авторы выделяют основные трудности этого периода:

уменьшение числа рабочих, усилившиеся миграции, рост социально уязвимых групп, повышение смертности и снижение рождаемости. Отмечается, что все эти процессы были тесно связаны с боевыми действиями, экономическим спадом и серьёзными санитарными проблемами, из-за чего восстановление региона проходило крайне медленно. На основе анализа делается вывод о необходимости учитывать выявленные закономерности для более глубокого понимания того, как регионы сохраняют устойчивость в периоды серьёзных общественных потрясений.

Abstract

This scholarly article examines the changes in the social structure and demographic situation in the Urals, shaped by revolutionary events, the Civil War, epidemics, and the collapse of economic ties. The author identifies the main challenges of this period, including the decline of the industrial workforce, intensified migration, the growth of vulnerable social groups, increased mortality, and reduced birth rates. It is noted that these developments were closely linked to military actions, economic decline, and severe public health crises, which significantly slowed the region's recovery. Based on the analysis, the study concludes that the identified patterns are essential for understanding how regions maintain resilience during periods of major social upheaval.

Ключевые слова: гражданская война, миграции, эпидемии, социальная структура, демографический кризис, Урал.

Keywords: Civil War, migrations, epidemics, social structure, demographic crisis, Ural.

Период 1917–1923 гг. стал для Урала временем глубоких социальных и демографических перемен: революция, Гражданская война, эпидемии и разрушение хозяйственных связей привели к заметному сокращению населения, изменению положения основных социальных групп. Эти процессы создали особую историческую ситуацию, позволяющую увидеть, как один из ключевых промышленных регионов страны приспособился к тяжёлым условиям и какие элементы будущей советской модели начали складываться уже в те годы. Однако целостных исследований, в которых бы одновременно рассматривались социальные, демографические и экономические факторы развития региона, по-прежнему мало: сравнений между территориями недостаточно, связи между разными группами показателей изучены фрагментарно, а обобщающих реконструкций явно не хватает. Всё это подчёркивает необходимость глубокого анализа, поскольку понимание масштабов и направлений преобразований того времени важно как для истории Урала, так и для изучения механизмов социальной перестройки в периоды серьёзных кризисов. Цель

исследования попытаться выявить и исследовать факторы, формировавшие динамику в социальной структуре Урала.

Накануне революции Урал представлял собой один из ведущих индустриальных регионов страны: горнозаводская промышленность определяла экономическое развитие и формировала значительную долю рабочего населения. Однако в 1917–1923 гг. регион столкнулся с резким ухудшением социально-экономических условий – разрыв хозяйственных связей, спад производства, нехватка сырья, массовые перемещения населения и рост смертности привели к сокращению рабочей силы, усилению роли крестьянства, и разрушению прежнего баланса между городом и деревней. Эти изменения существенно перестроили социальную и демографическую структуру Урала, сделав нестабильной и зависимой от внешних потрясений.

Гражданская война определила демографические изменения на Урале: боевые действия разрушили хозяйственные связи, остановили заводы, поступление сырья, доступ к рынкам, что привело к падению производства и уходу значительной части трудоспособного населения в сельскую местность. Разрушенная транспортная инфраструктура, нехватка ресурсов и постоянные вооружённые столкновения усиливали общую нестабильность и делали восстановление экономики крайне затруднительным.

В 1920 году из-за неподготовленности мобилизаций, разгула эпидемий и общей разрухи регион столкнулся с проблемой дезертирства. Только в Челябинской губернии с ноября 1919 по февраль 1921 годов задержали свыше 40 тысяч беглецов из РККА и уклонистов [13, с. 56–58]. Проблему решали специальные комиссии по борьбе с дезертирством на уровне военных округов, губерний и уездов, занимавшиеся ловлей, сортировкой дезертиров по степени вины, месту жительства, отправкой их на фронт, в другие регионы, направлению в концлагеря, штрафные и запасные части, а позже демобилизацией [10, с. 191–199].

Ситуацию в регионе дополнительно осложнили крестьянские и повстанческие выступления 1920–1921 гг., затронувшие отдельные уезды Пермской, Екатеринбургской и Челябинской губерний. Политика «военного коммунизма», продразвёрстка и общий хозяйственный упадок вызывали сопротивление, переходившее в вооружённые формы, а основой и движущей силой первых выступлений стали как раз дезертиры [9, с. 179–180]. В некоторых районах движение имело локальный, инертный характер, как в Еткульском районе Челябинского уезда, где партизанские действия вела небольшая «Голубая армия» [8, с. 68–69]. Однако ее активность вызвала широкий резонанс, привлечение значительных ресурсов для ликвидации и массовые репрессии [15, с. 85–89]. Во время Западносибирского восстания 1921 года восставшие взяли под контроль целые районы Челябинского, Курганского,

Шадринского уездов, сформировали крупные части, как Первую Курганскую освободительную дивизию, проводили мобилизации, а после поражений, перешли к тактике рейдов [14, с. 202–207]. Подавление повстанчества происходило в основном по силовому варианту с затяжными боями, зачистками, массовыми репрессиями, конфискациями, коллективными штрафами и контрибуциями на целые волости [11, с. 51–54]. В рамках Красного террора широко применялась практика взятия заложников, не только из родственников повстанцев, но и простых жителей района, где действовали «бандиты», заложников содержали как заключенных и часто расстреливали [12, с. 19–22]. Эти события повлекли за собой новые массовые потери и перемещения населения: одни жители покидали охваченные конфликтами территории, другие оказывались втянутыми в противостояние, что усиливало демографическое сокращение и социальную нестабильность.

В таких условиях регион понёс крупные человеческие потери, столкнулся с масштабными миграциями и ростом маргинальных групп, что сделало демографическую ситуацию особенно нестабильной [1]. Дополнительно положение ухудшили эпидемии тифа, холеры и «испанского гриппа», которые распространялись из-за перемещения войск, дефицита продовольствия и разрушения санитарной службы; они вызвали значительные потери населения и ещё больше ослабили трудовые ресурсы Урала [2]. В 1917–1923 гг. в России наиболее широко распространился сыпной тиф: по различным оценкам, им переболели около 25 млн. человек. Официальная статистика фиксировала значительно меньше – примерно 7–8. млн случаев, что указывает на неполноту учёта в условиях военного времени и разрухи. Заболеваемость испанским гриппом была заметно ниже и составляла около 1 млн. случаев [3].

Сопоставление данных по отдельным губерниям Урала наглядно показывает глубину демографических изменений в рассматриваемый период. Согласно материалам Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г., в Пермской губернии проживало около 3,0 млн. человек, тогда как к 1920 г. численность населения сократилась приблизительно до 2,7 млн. В Екатеринбургской губернии показатели уменьшились с примерно 1,9 до 1,6–1,7 млн. человек, а в Челябинской губернии – с 1,4 до около 1,2 млн. В Оренбургской губернии сокращение также оказалось значительным и превысило 10 % по сравнению с довоенными данными. Приведённые цифры позволяют говорить о том, что военные действия, социальные потрясения, эпидемии и перемещения населения в совокупности существенно изменили численность и структуру населения региона [7].

В результате массовые вспышки тифа, холеры и других инфекций на фоне войны, разрухи, голода и слабой санитарной защиты резко повысили смертность и стали одним из ключевых факторов демографического спада на Урале, особенно сильно затронув женщин,

детей и другие наиболее уязвимые группы населения. Эпидемии не только уменьшили естественный прирост, но и ослабили трудовые ресурсы, увеличили нагрузку на медицинские учреждения и привели к долгосрочным социальным и экономическим последствиям. Военные действия, хозяйственная разруха, повстанческие выступления 1920–1921 гг. и массовые перемещения населения действовали одновременно и взаимно усиливали кризисные процессы. Боевые столкновения, приток беженцев и ухудшение санитарных условий приводили к новым человеческим потерям, распространению заболеваний и дальнейшему ослаблению социально-экономической устойчивости региона [4, 5].

В совокупности эпидемии, военные потери, разруха и голод сформировали глубокий демографический спад 1914–1922 гг., особенно сильно ударивший по трудоспособным жителям и серьёзно осложнивший восстановление экономики Урала в 1920-е годы. Только за 1917–1920 гг. численность населения сократилась примерно на 1,75 млн человек, что наиболее существенно отразилось на промышленных районах: предприятия испытывали острую нехватку рабочей силы и одновременный рост доли иждивенцев в общей структуре населения. Данные переписей 1920, 1923 и 1926 гг. подтвердили сохраняющиеся потери и нарушения в возрастно-половом составе населения, что стало важной основой для оценки ущерба и анализа распределения трудовых ресурсов региона (табл. 1) [6].

Таблица 1 - Демографическая ситуация на Урале и России в 1917–1921 гг.

Год	Демографические процессы и ключевые события
1917	Начало массовых миграций; мобилизация; рост смертности из-за войны и разрухи; ухудшение санитарных условий.
1918	Активная фаза Гражданской войны; массовые потери среди населения; беженцы; рост эпидемий (тиф, «испанка»).
1919	Пик эпидемии сыпного тифа в России; на Урале фиксируются крупные очаги. Массовая смертность, особенно в городах.
1920	Первая советская перепись населения (28 августа 1920). Выявлено сокращение населения регионов, сильные диспропорции в половозрастной структуре.
1921	Голод, эпидемии, падение рождаемости; крупные миграции; высокий уровень общей смертности.

На федеральном уровне, включая Урал, в 1920-е гг. стали последовательно вводиться меры, направленные на укрепление здоровья населения и снижение смертности: расширялась сеть больниц и амбулаторий, активно велась санитарно-просветительная работа, вводилось социальное страхование рабочих, а для женщин усиливались меры защиты материнства и детства, что постепенно способствовало стабилизации демографической ситуации. Одновременно экономическое восстановление и НЭП усиливали миграцию в промышленные центры, ускоряли рост городов и увеличивали число квалифицированных

работников, а перепись 1926 г. зафиксировала рост рождаемости и сокращение смертности как признаки выхода из критического состояния. В целом сочетание экономического упадка, военных потерь, миграций и эпидемий 1917–1923 гг. задавало направление дальнейшего демографического развития Урала: восстановление шло медленно, на фоне явных нарушений половозрастной структуры и нехватки рабочей силы, а сам рассматриваемый период стал рубежным, определив основы будущего индустриального роста региона в 1920–1930-е гг.

Подводя итог, следует отметить, что демографические и социальные изменения на Урале в 1917–1923 гг. стали следствием одновременного воздействия гражданской войны, хозяйственного кризиса, эпидемий и массовых перемещений населения. Эти процессы привели к заметному сокращению численности жителей региона, ослаблению трудового потенциала и нарушению сложившейся социальной структуры. Военные действия, остановка заводов, разрушение транспорта, голод и ухудшение санитарных условий вызвали серьёзные человеческие потери, рост числа уязвимых и маргинальных групп и значительный отток населения, что проявилось в снижении естественного прироста и нарушении половозрастных пропорций. Эпидемии сыпного тифа, холеры и «испанского гриппа», голод ещё больше ухудшили положение, подорвали здоровье населения и замедлили восстановление хозяйства, а данные последующих переписей подтвердили глубину демографического провала. В ответ государство в 1920-е годы развивало систему здравоохранения, вводило соцстрахование, усиливало защиту материнства и детства и поддерживало городское развитие, что постепенно стабилизировало ситуацию. Таким образом, период 1917–1923 гг. стал для Урала поворотным: именно тогда сложилось новое социальное и демографическое состояние региона, определившее направление его дальнейшего индустриального роста.

Список литературы

1. Иванов А. В. Социально-экономическая трансформация уральской деревни в 1917–1920 гг.: дискуссионные вопросы // Journal of New Economy. 2012. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-transformatsiya-uralskoy-derevni-v-1917-1920-gg-diskussionnye-voprosy> (дата обращения: 25.01.2026).
2. Эпидемия сыпного тифа в России 1919–1923 гг. // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/epidemiia-sypnogo-tifa-v-rossii-1919-1923-b6a0cd> (дата обращения: 25.01.2026).
3. Публикация о демографических потерях // Diletant.media. URL: <https://diletant.media/articles/45281614> (дата обращения: 25.01.2026).

4. Антибольшевистское движение в Поволжье и на Урале в 1918 году // Военно-исторический портал. URL: <https://history.milportal.ru/antibolshevistskoe-dvizhenie-v-povolzhe-i-na-urale-v-1918-godu> (дата обращения: 25.01.2026).

5. Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/706053> (дата обращения: 25.01.2026).

6. Демографический кризис 1914–1922 гг. // Кансп.ру. URL: <https://kansp.ru/archives/21821> (дата обращения: 25.01.2026).

7. Сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917: URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сельскохозяйственные_переписи_1916_и_1917 (дата обращения: 25.01.2026).

8. Абрамовский, А. П. "Голубая армия": создание, борьба, разгром / И. П. Абрамовский, С. И. Панькин // Исторические чтения: Материалы научной региональной конференции, Челябинск, 21 марта 1998 года. – Челябинск: ЦИКН города Челябинск, 1998. С. 68-70. – EDN VUGNKJ.

9. Панькин, С. Особенности повстанческого движения на Южном Урале в 1919 - 1922 годах / С. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 2 (14). – С. 179-180. – EDN WHPSYN.

10. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.

11. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.

12. Панькин, С. И. Заложничество как чрезвычайная мера государственного принуждения и инструмент красного террора на Южном Урале в 1920-1922 гг / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 2(45). – С. 17-23. – DOI 10.47475/2311-696X-2025-45-2-17-23. – EDN VDURUE.

13. Панькин, С. И. «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира...». Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2023. – № 10. – С. 56-61. – EDN VEUEPC.

14. Панькин, С. И. Создание и боевой путь «Первой Курганской освободительной дивизии» / С. И. Панькин // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в

революциях и гражданской войне (1905-1921 гг) : сборник научных статей, Ишим, 17–18 мая 2006 года / под ред. И.В. Курышева. – Ишим: филиал ФГБОУ ВПО "Тюменский государственный университет" в г. Ишиме, 2006. – С. 201-207. – EDN TPOZHI.

15. Панькин, С. И. "Плохо склеенные банды всякого сброда...". Голубая армия в Челябинской губернии в 1920 году / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2024. – № 9. – С. 84-93. – EDN QJYQZU.

В.С. ФЕДОСОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент I курса направления
«Реклама и связи с общественностью»

Научный руководитель

О.В. ПЕРЕВОЗОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. пед. наук, доцент

V.S. FEDOSOVA

Ural branch of the Financial University
1st year student
«Advertising and Public Relations»

Scientific supervisor

O.V. PEREVOZOVA

Ural branch of the Financial University
Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РУКАХ МОЛОДЕЖИ:
МОЩНЫЙ ИНСТРУМЕНТ МЕДИАГРАМОТНОСТИ
ПРОТИВ ДЕЗИНФОРМАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ**

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE HANDS OF YOUNG
PEOPLE: A POWERFUL MEDIA LITERACY TOOL
AGAINST MISINFORMATION AND PROPAGANDA**

Аннотация

В статье раскрывается потенциал искусственного интеллекта как мощного инструмента медиаграмотности молодёжи в борьбе с дезинформацией и пропагандой в условиях цифровизации социальных отношений. Показан переход от традиционной «старой школы» ручного анализа к новой ИИ-грамотности, влияние внешних факторов (включая политические) на восприятие информации молодыми специалистами, а также необходимость раннего формирования навыков критического мышления со школьной скамьи для предотвращения информационного хаоса. Подчёркивается этическая ответственность

молодых специалистов за использование цифровых ресурсов в различных профессиональных сферах.

Annotation

The article reveals the potential of artificial intelligence as a powerful tool for youth media literacy in countering disinformation and propaganda in the context of the digitalization of social relations. The transition from the traditional «old school» of manual analysis to new AI literacy is shown, the influence of external factors (including political) on the perception of information by young specialists, as well as the need for early formation of critical thinking skills from school to prevent information chaos. The ethical responsibility of young specialists for the use of digital resources in various professional fields is emphasized.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиаграмотность, молодёжь, дезинформация, пропаганда, цифровая среда.

Key words: artificial intelligence, media literacy, youth, disinformation, propaganda, digital environment.

В эпоху стремительной цифровизации искусственный интеллект уже давно вышел за рамки лабораторных экспериментов и прочно вошёл в повседневную жизнь каждого человека. Мы сталкиваемся с ним ежедневно: рекомендации в соцсетях, голосовые помощники, автопереводчики, персонализированная реклама – всё это работает на базе ИИ. По данным научных исследований, молодёжь проводит в цифровой среде значительно больше времени, чем старшие поколения, и именно поэтому уровень использования ИИ среди молодых людей существенно выше [1, с. 112].

Однако такое тотальное проникновение технологий несёт не только удобство, но и серьёзные риски. Генеративный ИИ позволяет создавать реалистичные дипфейки и синтетический контент, который практически невозможно отличить от реального. В результате дезинформация и пропаганда становятся мощным инструментом внешнего влияния – политического, коммерческого, идеологического. Молодёжь, которая живёт в этом потоке 24/7, оказывается наиболее уязвимой: она чаще переоценивает свои способности к критической оценке информации и пассивно потребляет контент [2, с. 45].

Правильное использование ИИ в этих условиях превращается в настоящий залог будущего. Молодые специалисты, которые освоят ИИ-грамотность, получают конкурентное преимущество в любой профессии – от PR и журналистики до экономики и юриспруденции.

Они смогут не просто потреблять информацию, а активно её анализировать, фильтровать и противостоять манипуляциям. Без такого подхода развитие технологий рискует привести к информационному хаосу.

Цель статьи – раскрыть роль ИИ как мощного инструмента медиаграмотности молодёжи, сравнить уровень его использования среди разных возрастных групп и показать два возможных сценария развития общества в зависимости от того, начнёт ли государство и образовательные учреждения преподавать медиаграмотность уже со школьной скамьи.

1. Искусственный интеллект как неотъемлемая часть повседневной жизни и инструмент медиаграмотности

Сегодня искусственный интеллект – это не будущее, а реальность повседневности. Мы просыпаемся под рекомендации умных приложений, работаем с нейросетями при подготовке текстов и презентаций, отдыхаем под подборки контента, сгенерированные алгоритмами. Исследования показывают, что молодые люди до 24 лет используют ИИ-инструменты в 2–3 раза чаще, чем представители старшего поколения (35+), поскольку именно они выросли в цифровой среде и воспринимают ИИ как естественную часть жизни [3, с. 78; 4, с. 32].

Старшее поколение чаще относится к ИИ с недоверием и использует его только для простых задач (поиск информации, перевод). Молодёжь же интегрирует ИИ в учёбу, работу и общение на гораздо более глубоком уровне – от генерации контента до анализа больших данных. Однако этот высокий уровень использования сопровождается и более высокой уязвимостью: молодые люди чаще попадают под влияние алгоритмической пропаганды и дезинформации, потому что привыкли доверять «умным» рекомендациям [5, с. 56].

ИИ кардинально меняет подготовку молодых специалистов. Если раньше поиск и проверка дипфейков требовали ручного анализа (просмотр видео покадрово, изучение метаданных, сравнение с первоисточниками), то теперь алгоритмы ИИ выполняют эту работу в десятки раз быстрее и точнее. Российские исследования подтверждают: автоматизированные системы на базе машинного обучения выявляют признаки дипфейков за секунды, в то время как ручной поиск занимает от нескольких минут до часов на один материал [6, с. 67–80]. Молодые специалисты, владеющие ИИ-инструментами, получают преимущество в скорости и объёме обработки информации, что особенно важно в PR, журналистике и политических коммуникациях.

Правильное использование ИИ становится залогом будущего. Когда молодёжь осваивает не просто технические навыки, а именно медиаграмотность с ИИ-инструментами (автоматический фактчекинг, анализ тональности, выявление дипфейков), она переходит от пассивного потребления к активной защите. Такие инструменты позволяют мгновенно

фильтровать потоки данных, предсказывать распространение ложных нарративов и даже создавать контр-контент. В результате молодые специалисты получают реальное преимущество: они быстрее адаптируются к изменениям, точнее принимают решения и становятся устойчивыми к внешним манипуляциям — политическим, экономическим или идеологическим.

2. Как молодёжь уже борется с дезинформацией и возможные сценарии будущего

Молодёжь уже активно использует ИИ в борьбе с дезинформацией и пропагандой. Студенты и старшеклассники применяют инструменты автоматического фактчекинга, нейросетевые детекторы дипфейков и анализаторы тональности для проверки новостей и постов в соцсетях. Гражданские инициативы и молодёжные движения создают собственные чат-боты и каналы в социальных сетях, где ИИ помогает оперативно опровергать фейки [7, с. 29–34].

В России уже предприняты определённые меры. В рамках национальных проектов и инициатив Минпросвещения и Рособрнадзора в отдельных регионах вводятся факультативные модули по медиаграмотности, а в вузах появляются курсы по цифровой гигиене и работе с ИИ. Однако эти меры носят пока точечный характер и не являются обязательными для всех школ, колледжей и вузов [8, с. 45–58].

Если медиаграмотность **не станет обязательной** частью школьной, средне-профессиональной и высшей программы уже сейчас, то в ближайшие 5–7 лет мы получим поколение, полностью зависимое от алгоритмов. Молодёжь будет продолжать переоценивать свои способности, легко попадать под влияние политической и коммерческой пропаганды, а уровень доверия к любой информации резко упадёт. В результате возникнет глубокий информационный хаос: рост социальной напряжённости, снижение качества принимаемых решений в профессиональной сфере и ослабление национальной информационной безопасности.

Напротив, если уже сейчас медиаграмотность с обязательным модулем по работе с ИИ будет введена в школьные программы, а затем – в СПО и ВПО, то молодёжь получит мощный иммунитет. Мы сформируем новое поколение специалистов, которые не просто потребляют контент, а критически его анализируют, создают качественный контр-контент и становятся настоящими защитниками информационного пространства. Это даст России конкурентное преимущество в цифровой эпохе, повысит уровень доверия общества к информации и укрепит устойчивость к внешним манипуляциям.

Таким образом, искусственный интеллект уже стал неотъемлемой частью повседневной жизни молодёжи и мощным инструментом медиаграмотности в борьбе с дезинформацией и пропагандой. Переход от «старой школы» ручного анализа к новой ИИ-

грамотности даёт молодым специалистам решающее преимущество в скорости, объёме и точности работы с информацией, превращая их в настоящих «королей игры» цифровой эпохи.

Правильное использование ИИ – это не технический навык, а стратегический залог будущего. Молодёжь, которая освоит медиаграмотность с помощью ИИ-инструментов, сможет не только защищать себя от манипуляций, но и активно формировать информационное пространство в различных профессиональных сферах – от связей с общественностью до государственного управления.

Если медиаграмотность не станет обязательной частью школьных, средне-профессиональных и вузовских программ уже сейчас, общество рискует получить поколение, полностью зависимое от алгоритмов, с высоким уровнем уязвимости к внешним влияниям и низким доверием к любой информации. Это приведёт к информационному хаосу и ослаблению национальной безопасности.

Напротив, своевременное внедрение медиаграмотности со школьной скамьи создаст устойчивое, критически мыслящее поколение, готовое к вызовам цифровой эпохи. Синергия технологий и образования позволит молодёжи не просто адаптироваться к переменам, а уверенно управлять ими.

Поэтому развитие ИИ-грамотности у молодёжи – это не дополнительная образовательная задача, а стратегическая необходимость. Только совместными усилиями государства, образовательных учреждений и самих молодых специалистов мы сможем превратить искусственный интеллект из потенциальной угрозы в надёжного союзника в построении информационно устойчивого общества

Список литературы

1. Быков И.А. Медиаграмотность как актуальная компетенция в пространстве цифровых коммуникаций с использованием технологий искусственного интеллекта // Медиаобразование. – 2025. – № 1. – С. 45–58.
2. Гнездова Ю.В. Медиа- и информационная грамотность молодежи: ориентиры для государственной политики // Вестник университета. – 2024. – № 8. – С. 112–120.
3. Диреев И.Д. Медиалингвистика и семиотика: методология анализа мультимодальных медиатекстов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2025. – № 1. – С. 67–80.
4. Медведева М.В. Риски использования нейросетевых технологий в коммуникациях молодежи // Медиаобразование. – 2023. – № 4. – С. 28–39.

5. Москаленко Н.М. Медиаобразование, медиаграмотность и медиапотребление молодежи: обзор современных исследований // Медиаобразование. – 2024. – № 4. – С. 45–56.
6. Немчина В.И. Инструменты защиты молодежи от негативного воздействия агрессивной цифровой среды // Социологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 45–62.
7. Неренц Д.В. Особенности фейкового контента в медиапространстве в эпоху развития искусственного интеллекта // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – № 3. – С. 67–80.
8. Неренц Д.В. Угрозы медиабезопасности молодежной аудитории: виды и способы борьбы // Сборник конференции «Формирование медиаграмотности населения на новых территориях». – 2024. – С. 29–34.

К.Э. ХАБИБУЛИНА, П.М. БАДАЕВА

Уральский медицинский институт
студенты I курса специальности «Стоматология»

K.E. KHABIBULINA, P.M. BADAIEVA

Ural Medical Institute
1st year students, field of study «Dentistry»

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ДИКТАТУРА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1920 ГОДАХ

FOOD DICTATORSHIP IN THE CHELYABINSK GOVERNORATE IN 1919–1920

Аннотация

Представленная работа посвящена изучению феномена продовольственной диктатуры, утвердившейся в Челябинской губернии в период 1919–1920 гг. В ней анализируются генезис данного явления, основные векторы реализации политики продразверстки, а также ее импликации для социально-экономического ландшафта региона. В качестве эмпирической базы выступают исторические артефакты, включая документацию, отражающую административно-территориальную структуру и экономическую специфику Челябинской губернии, а также цифровые ресурсы, в частности, по приведенной ссылке, раскрывающие отдельные грани аграрного производства и продовольственной конъюнктуры.

Annotation

The presented work is devoted to the study of the phenomenon of food dictatorship, which was established in the Chelyabinsk province in the period of 1919-1920. It analyzes the genesis of this phenomenon, the main vectors of the implementation of the food procurement policy, as well as its implications for the socio-economic landscape of the region. The empirical basis consists of historical artifacts, including documentation reflecting the administrative-territorial structure and economic specifics of the Chelyabinsk Province, as well as digital resources, particularly the link provided, which reveal certain aspects of agricultural production and the food market.

Ключевые слова: продовольственная диктатура, продразверстка, Челябинская губерния, гражданская война, советская власть, аграрная политика, крестьянство, продовольственные комитеты, экономическое регулирование.

Keywords: food dictatorship, surplus distribution, Chelyabinsk province, civil war, Soviet government, agrarian policy, peasantry, food committees, economic regulation.

В период Гражданской войны были предприняты решительные шаги по экономическому регулированию, направленные на обеспечение нужд войны и тыла. Среди них выделялась продовольственная диктатура, апогеем которой стала продразверстка. Челябинская губерния, будучи ключевым промышленным и сельскохозяйственным регионом, оказалась в эпицентре преобразований. Анализ продовольственной диктатуры даст возможность лучше понять, как экономическая система адаптировалась к экстремальным условиям и какие долгосрочные эффекты имели эти политические решения.

Челябинская губерния, образованная в сентябре 1919 года, занимала обширные территории Урала и Северного Казахстана. Изначально в нее входили четыре уезда, но в январе 1920 года присоединили Верхнеуральский, затем выделили Миасский и Куртамышский, изъяв Кустанайский, все уезды были преимущественно сельскохозяйственными [2, с. 131–132]. Экономика губернии была двойственной: развитая промышленность (металлургия, машиностроение, добыча), сосуществовала с обширными сельскохозяйственными районами. Основные сельскохозяйственные районы, центры производства продовольствия и транспортные пути, критически важные для продовольственного обеспечения являлись территориями расселения казачества и зажиточного уральского крестьянства. Аграрный сектор функционировал в условиях затруднений, вызванных мобилизациями, дефицитом инвентаря, последствиями войны. При этом большинство населения трудилось в сельском хозяйстве, что определило курс большевистской власти на максимальное изъятие продовольствия.

В условиях критического дефицита продовольствия, большевистское правительство прибегло к чрезвычайным мерам, известным, как продовольственная диктатура, центральным инструментом которой стала продразверстка. Целью этих действий было обеспечение жизнедеятельности Красной Армии и городского населения. На территории губернии реализация этой политики проявлялась в изъятиях различных продуктов, создании милитаризованных продовольственных органов, наказание за сопротивление. Внедрение политики продовольственной диктатуры в 1920 году привело к сложным и неоднозначным результатам. Сельское хозяйство региона оказалось на грани полного краха. Крестьяне, лишённые мотивации к работе и возможности обеспечить себя, сокращали посевы и поголовье скота, методы изъятия продуктов ставили хозяйства на грань голода и вызывали возмущения [3, с. 103–105]. Это, в свою очередь, вело к дальнейшему падению производства продовольствия, что усугубляло дефицит продуктов.

Продразверстка привела к массовому обнищанию и голоду среди крестьянства. У многих были конфискованы последние запасы продовольствия, что ставило под угрозу их выживание в зимний период и возможность начать весенние полевые работы. Несмотря на разрушительные последствия, продразверстка позволила большевикам собрать значительные объёмы продовольствия для обеспечения армии и промышленных центров. Это сыграло роль в их победе в Гражданской войне. Однако такая политика вызывала протест и среди красноармейцев, то есть мобилизованных крестьян и казаков, которые зная от родных о произволе на селе, отсутствии помощи от государства, стремились домой, чтобы помочь семьям и защитить их от продотрядов, в итоге в регионе развилось массовое дезертирство [4, с. 26-27].

Жесткие меры продовольственной диктатуры, репрессии и произвол со стороны властей вызвали глубокое недоверие и враждебность между крестьянами и советской властью. Это впоследствии проявилось в таких масштабных событиях, как Тамбовское восстание и Кронштадтский мятеж. В Челябинской губернии также проходили восстания, как в Кустанайском уезде, когда крестьяне-повстанцы, организовав Зеленую армию, наступали в августе 1920 года на Кустанай, но были разбиты [5, с. 194–198]. В других уездах, как в Троицком повстанцы-казаки вели борьбу партизанской тактикой и проводя рейды, в ходе чего срывали продразверстку, громили продотряды, объясняя, что главная причина восстаний – продполитика и террор [6, с. 50–56]. Опорой режима на местах являлись части особого назначения (ЧОН), боровшиеся с повстанцами оказывавшие содействие продотрядам и находившиеся в подчинении коммунистической партии [7, с. 6–9]. ЧОН также вели борьбу с дезертирами, получив дополнительные полномочия после ликвидации весной 1921 года комиссий по борьбе с дезертирством [8, с. 199-203].

Итак, ограничения на торговлю и принудительное изъятие продовольствия способствовали развитию черного рынка и спекуляции, что усугубляло социальное неравенство. В 1919-1920 годах Челябинская губерния стала аренной продовольственной диктатуры – вынужденной и чрезвычайной меры, предпринятой советской властью для обеспечения своего выживания в условиях непрекращающихся военных действий. Исследование аграрного потенциала региона, а также сопутствующие сведения о продовольственном положении, позволяют оценить тяжесть продразвёрстки для местного крестьянства. Неэффективность и репрессивный характер этой политики не только усугубили аграрный кризис, но и обострили социальные противоречия, что в конечном итоге подготовило почву для перехода к НЭП, принципиально отличавшейся от продразвёрстки опорой на экономическую заинтересованность и добровольные поставки.

Список литературы

1. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6(38). – С. 116-117. – EDN OFAHQI.
2. Панькин, С. И. Особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920-1922 гг / С. И. Панькин // Управление в современных системах. – 2015. – № 3(7). – С. 47-58. – EDN TBHCID.
3. Панькин, С. И. Политическая платформа повстанческого движения на Южном Урале в 1920 - 1922 гг / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2013. – № 6(44). – С. 118-122. – EDN RTNUNH
4. Панькин, С. И. Выступление крестьян в Кустанайском уезде в 1920 году / С. И. Панькин // Вестник № 5: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Челябинск, 10 апреля 2005 года / Под редакцией В.Н. Ни. – Челябинск: ООО "Перспектив", 2005. – С. 113-122. – EDN SNKICN.
5. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.
6. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.

7. М. А. Базанов, Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории : сб. док. /сост. и науч. ред. М. А. Базанов. — Челябинск, 2019.— 647 с. : ил.

А.В. ЧЁРНЫЙ

Уральский филиал Финуниверситета
Студент II курса направления
«Экономика, финансы и управление»

Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

Доцент кафедры
«Социально-гуманитарные и естественно-научные дисциплины»
Уральский филиал Финуниверситета

A.V. CHORNY

Ural branch of the Financial University
2nd year student in
«Economics, Finance and Management»

Scientific supervisor

E.V. PISMENNY

Associate Professor of the Department
«Social Sciences, Humanities and Natural Sciences»
Ural branch of the Financial University

БИЛИНГВАЛЬНЫЕ ВЫВЕСКИ В РОССИИ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ С 2026 ГОДА

BILINGVAL SINAGE IN RUSSIA: NEW REQUIREMENTS FOR THE RUSSIAN LANGUAGE SINCE 2026

Аннотация

В статье рассматриваются новые требования к использованию русского языка на билингвальных вывесках и в публичной информации для потребителей, введенные Федеральным законом от 24.06.2025 № 168-ФЗ с 1 марта 2026 года. Анализируется приоритет русского языка, правила дублирования иностранного текста и влияние изменений на языковой ландшафт городов. Выявляются прагматические и коммуникативные последствия для бизнеса и общества.

Annotation

The article examines new requirements for the use of the Russian language on bilingual signage and in public consumer information, introduced by Federal Law No. 168-FZ dated 24.06.2025 effective from March 1, 2026. It analyzes the priority of the Russian language, rules for duplicating foreign text, and the impact of changes on the linguistic landscape of cities. Pragmatic and communicative consequences for business and society are identified.

Ключевые слова: билингвизм, вывески, русский язык, языковая политика, Федеральный закон № 168-ФЗ, 2026 год.

Key words: bilingualism, signage, Russian language, language policy, Federal Law No. 168-FZ, 2026.

В городской среде России билингвальные вывески (сочетание русского и английского или других языков) давно стали обычным элементом коммерческой коммуникации. Надписи типа «Coffee to go», «Sale», «Shop» выполняют прагматическую функцию привлечения внимания и создания образа современности [1].

Языковой ландшафт городов характеризуется асимметричным билингвизмом: английский часто доминирует визуально (крупный шрифт, яркие цвета), а русский либо отсутствует, либо играет вспомогательную роль. Это создаёт проблемы доступности информации для широкой аудитории, включая пожилых людей и носителей других языков народов РФ [2].

С 1 марта 2026 года вступили в силу ключевые положения Федерального закона от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

Закон вводит понятие «информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей» (вывески, таблички, указатели, ценники, объявления о режиме работы и акциях). Согласно изменениям в Закон РФ «О защите прав потребителей», такая информация должна быть выполнена на русском языке как государственном. Иностранный язык допускается только как дублирующий, при условии идентичности содержания, равнозначности по шрифту, размеру, цвету и размещению (русский текст первый: сверху или слева) [4].

До изменений вывески могли быть исключительно на английском (например, «Coffee», «Black Star Burger»), что снижало коммуникативную эффективность. Теперь нарушение влечёт штрафы по ст. 14.3 КоАП РФ (до 500 тыс. руб. для юрлиц) [5].

Примеры адаптации: «Кофе с собой / Coffee to go» (русский крупнее и первым), «Распродажа / Sale». Это приводит к усилению роли русского языка в публичном пространстве, но требует от бизнеса переоформления вывесок.

Лингвистический анализ показывает типы билингвизма в новых условиях: - полный перевод («Магазин одежды / Clothing store»);

- частичный (транслитерация: «кофе» вместо «coffee»);

- гибридный (русский + английский бренд: «Мужская парикмахерская / Barbershop»).

Прагматически иностранный язык служил для создания ассоциаций с западным качеством, но новые требования усиливают защиту русского как государственного языка, способствуя равенству в коммуникации [6].

В Челябинске и других регионах Урала наблюдается постепенная адаптация. Например, многие кафе и бары уже переоформили свои фасады: вместо чисто английских надписей «Fresh Bar» или «Coffee Shop» появились варианты «Свежий бар / Fresh Bar» или «Кофейня / Coffee Shop», где русский текст располагается первым, крупнее и ярче. В центре города (на улицах Кирова, Труда, Лесопарковой) владельцы кофеен и фастфуда активно меняют таблички, чтобы избежать штрафов от Роспотребнадзора. Аналогично магазины одежды и салонов красоты заменяют «Sale» на «Распродажа / Sale», а «Barbershop» - на «Мужская парикмахерская / Barbershop». Эти изменения особенно заметны в торговых центрах типа «Родник» и «Горки», где бизнес быстро реагирует на требования закона, чтобы сохранить поток клиентов. Такая адаптация демонстрирует, как языковая политика влияет на повседневный визуальный облик города и коммуникацию с потребителями.

Для предпринимателей новые правила означают дополнительные расходы на переоформление вывесок (дизайн, производство, монтаж - от 10-50 тыс. руб. за объект) но одновременно повышают лояльность местных потребителей, для которых информация становится более понятной без перевода. В долгосрочной перспективе это может привести к более сбалансированному билингвизму в публичном пространстве, где иностранные элементы сохраняются, но не доминируют.

Заключение

Новые требования к использованию русского языка на билингвальных вывесках и в публичной информации, введённые Федеральным законом от 24.06.2025 № 168-ФЗ с 1 марта 2026 года, представляют собой значимый этап в реализации государственной языковой политики Российской Федерации. Эти изменения направлены на обеспечение приоритета государственного языка в публичном пространстве, что способствует повышению доступности информации для всех категорий населения, включая пожилых граждан,

мигрантов и жителей регионов с многонациональным составом. В условиях глобализации и широкого распространения английского языка в коммерческой коммуникации новые нормы позволяют сохранить билингвальные элементы (дублирование иностранного текста), но исключают их доминирование над русским. Это создаёт более сбалансированный языковой ландшафт городов, где визуальная среда становится понятной и инклюзивной, не теряя при этом элементов международной привлекательности. Для бизнеса введение приоритета русского языка означает необходимость переоформления вывесок и табличек, что сопряжено с дополнительными расходами, однако в долгосрочной перспективе повышает лояльность потребителей и снижает риски штрафов. В Челябинске и других уральских городах уже наблюдается активная адаптация, что свидетельствует о практической реализации закона на региональном уровне. В целом изменения 2026 года способствуют укреплению культурной идентичности и защите русского языка как основы национального единства. Дальнейшие исследования целесообразно направить на мониторинг эффективности новых норм, анализ влияния на межкультурную коммуникацию, а также оценку восприятия обновлённого языкового ландшафта различными социальными группами. Полученные данные могут стать основой для корректировки языковой политики в будущем.

Список литературы

1. Габдрахманова Г.Ф. Языковой ландшафт российского города // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 45–58. – Режим доступа: <https://www.socis.isras.ru/article/9489> (дата обращения: 21.03.2026).
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 28.12.2025 г.) (дата обращения: 21.03.2026).
3. Манчурина Л.Е. Перевод текстов вывесок как реализация двуязычия в городском пространстве (на материале г. Якутска) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. – 2021. – № 4. – С. 78–85. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45838474> (дата обращения: 21.03.2026).
4. Пешкова Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 3 (385). – С. 112–118. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-gorodskogo-lingvisticheskogo-landshafta-kak-sposob-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-vpolietnicheskom-sotsiume> (дата обращения: 21.03.2026).
5. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. От 24.06.2025 г.) (дата обращения: 21.03.2026).

6. Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (дата обращения: 21.03.2026).

М.В. ЧЕРНЫХ

Челябинский государственный университет
студент I курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель

Д.В. КСЕНОФОНТОВ

ст. преподаватель

кафедры «Экономика, финансы и управление»

Уральский филиал Финуниверситета

M.V. CHERNYKH

Chelyabinsk State University

1st year student «Jurisprudence»

Scientific supervisor

D.V. KSENOFONTOV

Senior Lecturer

Department of Economics, Finance and Management

Ural branch of the Financial University

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

LEGAL BASIS FOR DIGITAL TRANSFORMATION IN THE CONCLUSION OF A CONTRACT FOR REMUNERATED MEDICAL SERVICES

Аннотация

В статье исследуются правовые аспекты цифровой трансформации договорных отношений в сфере возмездного оказания медицинских услуг. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием телемедицинских технологий и необходимостью адекватного правового регулирования дистанционного взаимодействия медицинских организаций и пациентов. Действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику цифрового формата оказания медицинских услуг, что порождает правовые риски для участников правоотношений.

Annotation

This article delves into the legal challenges posed by the digital transformation of

contractual relations in the commercial medical services sector. The chosen topic holds particular relevance due to the rapid proliferation of telemedicine practices, which underscores the critical need for precise legal provisions governing remote interactions between medical organizations and patients. The existing regulatory framework fails to adequately account for the distinctive characteristics of medical services rendered in digital form, thereby giving rise to legal risks for the parties involved in such legal relationships.

Ключевые слова: телемедицина, договор возмездного оказания услуг, цифровая трансформация, электронный документооборот, идентификация пациента.

Key words: telemedicine, contract for the provision of services, digital transformation, electronic document management, patient identification.

Цифровизация здравоохранения является одним из приоритетных направлений развития медицинской сферы в Российской Федерации. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в процесс оказания медицинской помощи способствует повышению ее доступности, особенно для граждан, проживающих в отдаленных и труднодоступных регионах.

Однако стремительное развитие телемедицинских технологий опережает формирование адекватной правовой базы, регулирующей отношения между медицинскими организациями и пациентами при дистанционном оказании услуг. Наибольшую значимость в настоящее время приобретают аспекты нормативно-правовой регламентации процесса заключения договора на оказание медицинских услуг на возмездной основе с применением цифровых технологий.

Специфика заключения договора возмездного оказания телемедицинских услуг в цифровом формате проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, договор заключается дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Во-вторых, требуется идентификация сторон взаимодействия для подписи. В-третьих, необходимо обеспечение юридической значимости электронных документов.

В соответствии с пунктом 6 статьи 36.2 Закона № 323-ФЗ «в целях идентификации и аутентификации участников дистанционного взаимодействия используется Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА)» [1]. Это означает, что «пациент должен быть зарегистрирован на портале «Госуслуги», следовательно, анонимное получение телемедицинской помощи невозможно» [2, с. 9].

Форма договора оказания телемедицинских услуг подчиняется общим правилам о письменной форме сделок, закрепленных в Гражданском Кодексе РФ. При этом допускается

заключение договора в электронном виде с использованием электронных подписей, но только определенного вида, получение которых связано с дополнительными процедурами.

Одной из наиболее острых проблем является отсутствие унифицированных требований к содержанию самого договора, формальных определений разделов и пунктов.

Постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 утверждены Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, которые устанавливают общие требования к содержанию договора.

Однако специфика телемедицинского формата требует включения в договор дополнительных условий и их закрепления, а именно:

- порядка дистанционного взаимодействия сторон (каналы связи, режим доступа, допустимое время ожидания ответа);
- требований к техническому обеспечению со стороны пациента;
- порядка идентификации и аутентификации участников;
- особенностей оформления медицинской документации в электронном виде, форм электронных медицинских документов по аналогии с бумажными;
- распределения рисков, связанных с техническими сбоями и недостоверностью предоставленной пациентом информации.

Как справедливо отмечают М.Д. Джикия и В.И. Колтырин в своей работе, «отсутствие законодательно закрепленных обязательных условий договора оказания телемедицинских услуг создает риски нарушения баланса прав и законных интересов врачей и пациентов» [3, с. 48].

Важным шагом в развитии правового регулирования телемедицинских услуг стало установление экспериментального правового режима (ЭПР), направленного на развитие цифровизации. В рамках ЭПР допускается отступление от общих требований законодательства для апробации новых технологий и бизнес-моделей. Результаты функционирования ЭПР будут использованы для совершенствования общего правового регулирования телемедицинских услуг.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Цифровая трансформация здравоохранения объективно требует адекватного правового регулирования договорных отношений по возмездному оказанию медицинских услуг с применением телемедицинских технологий. Действующее законодательство закладывает базовые основы такого регулирования, однако не в полной мере учитывает специфику дистанционного формата взаимодействия медицинских организаций и пациентов, и не раскрывает всех аспектов.

Основными проблемами, требующими законодательного решения, являются:

отсутствие унифицированных требований к содержанию договора оказания телемедицинских услуг; неопределенность в вопросе о необходимости наличия специальной лицензии у консультируемой медицинской организации; недостаточная регламентация порядка использования электронной подписи пациента; нераспределенность рисков, связанных с техническими сбоями.

На основании анализа существующих проблем правовых основ цифровой трансформации при заключении договора возмездного оказания медицинских услуг предлагаем направления совершенствования правового механизма:

- в направлении договорной базы ввести в Правила предоставления платных медицинских услуг специальный раздел, посвященный условиям договоров на оказание услуг с применением телемедицинских систем;
- в направлении распределения рисков закрепить на законодательном уровне порядок компенсации последствий и ответственность сторон при технических отказах оборудования, препятствующих выполнению услуг;
- в направлении идентификации внести поправки в Закон № 323-ФЗ, разрешающие фиксацию информированного добровольного согласия на вмешательство с помощью простой электронной подписи пациента.

Реализация указанных предложений будет способствовать оптимизации цифровой трансформации здравоохранения и повышению доступности высококачественной медицины для граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 13.03.2026)
2. Борисов Д.А. Юридические основы, возможности и перспективы использования телемедицинских технологий // Национальная ассоциация медицинских организаций. 2024. 27 мая. С. 1-15. URL: <https://www.np-med.ru/article/891/> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Джикия М.Д., Колтырин В.И. Правовая природа договора оказания телемедицинских услуг: аспекты определения обязательных условий // Медицинское право. 2024. № 3. С. 44-49.

Ю.Д. ШАШУРИНА, П.Д. КУШНИКОВА
Уральский филиал Финуниверситета
студенты II курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель
С.И. ПАНЬКИН
Уральский филиал Финуниверситета
канд. социол. наук, доцент

Yu.D. SHASHURINA, P.D. KUSHNIKOVA
Ural branch of the Financial University
2nd year students of the direction «Jurisprudence»

Scientific supervisor
S.I. PANKIN
Ural branch of the Financial University
Ph.D. sociol. Sciences, Associate Professor

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF THE MECHANISM OF MANAGEMENT OF THE SOCIAL PROTECTION SYSTEM OF THE POPULATION

Аннотация

В условиях постоянных экономических изменений основным приоритетом государственного управления становится стабилизация и устойчивость уровня благосостояния населения. Реализация данного направления осуществляется посредством повышения эффективности механизма управления социальной защитой населения и универсальности ее инструментов. В связи с тем, что система социальной защиты населения является ключевым элементом в государственной политике, основой экономического развития государства и стабилизации общественности, возникает необходимость прозрачного и четкого нормативно-правового регулирования данной сферы. Формальность, устаревание и фрагментарность норм социального сопровождения замедляет процедуры оказания поддержки нуждающимся гражданам.

Abstract

In the context of constant economic changes, the main priority of public administration is to stabilize and maintain the welfare level of the population. This is achieved by improving the efficiency of the social protection management mechanism and making its tools more universal. Since the social protection system is a key element of public policy, the foundation of economic development, and the basis for public stability, it is essential to have a transparent and well-defined legal framework for this area. The lack of formalization, outdated regulations, and fragmented social support systems can slow down the provision of assistance to citizens in need.

Ключевые слова: социальная защита, механизм, население, нормативно-правовое регулирование, информационные системы, органы государственной власти.

Key words: social protection, mechanism, population, legal regulation, information systems, government bodies.

В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации, «Российская Федерация социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Руководствуясь пунктом делаем вывод, что фундаментальным компонентом политики государства Российской Федерации становится развитие и совершенствование механизма социальной защиты населения, реализующаяся через «предоставление каждому человеку социальных, юридических гарантий и возможностей для реализации его прав для обеспечения уровня жизни, развития личности и воспроизводства» [1].

Развитие и совершенствование различных систем в области государственного управления не представляется возможным без постоянно и своевременного внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты или формирования новых законодательных актов, регламентирующих деятельность систем.

Актуальность изучения проблем правового регулирования механизма управления социальной защиты населения в Российской Федерации обусловлена монументальностью и адаптивностью системы социальной защиты. Фрагментарность, несогласованность, дублированность нормативно-правовых актов различных уровней управления социальной защиты замедляют процессы оказания необходимой помощи гражданам и снижают качество оказания помощи нуждающимся.

К вопросу определения «социальной защиты» возможен научный и юридический подход. Например, в научных исследованиях социальную защиту определяют как «деятельность государственных, муниципальных органов власти, организаций и общественных объединений и иных ведомств по обеспечению процесса формирования и развития полноценной личности, в том числе выявление и нейтрализацию негативных факторов, а также создание условий для самоопределения и самореализации человека» [3].

Юридическая наука определяет «социальную защиту», как «систему законодательно закреплённых экономических, правовых и социальных гарантий, направленных на предупреждение или смягчение негативных последствий для человека и его семьи при наступлении социально значимых обстоятельств (в т.ч. социальных рисков)» [4].

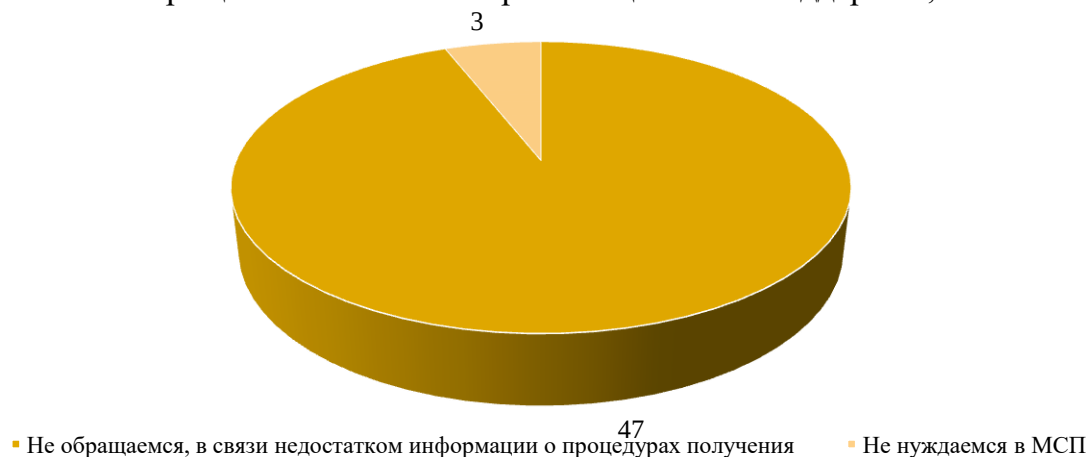
Существенную роль в законодательном регулировании социальной защиты играют государственные структуры, осуществляющие контроль за исполнением регулирующего права. Так как социальная защита населения многогранна, нормативно-правовая база, регулирующая социальную работу в Российской Федерации, обширна. Согласно официальному сайту Министерства социальных отношений Челябинской области (далее - Министерство) по состоянию на «16.11.2025 г. 293 нормативно-правовых акта регулируют сферу социальных отношений в Челябинской области, без учета муниципальных актов» [7].

На основе анализа организационной структуры управления Министерства и функционального разделения полномочий между структурными подразделениями, выявлена проблема отсутствия правового или методического отдела. Исходя из функций и задач Министерства, подготовка проектов законов и других нормативно-правовых актов и методическое обеспечение подведомственных учреждений осуществляют профильные отделы.

Так, например, отдел организации работы с семьей и детьми координирует, контролирует и осуществляет проверку документов по 12 направлениям социальной поддержки семей с детьми, и одновременно корректирует и разрабатывает новые нормативно-правовые акты по данным направлениям. Отслеживание и своевременное внесение изменений в законодательные акты, снижает эффективность предоставления услуг и повышает риск смены кадров. Для снижения нагрузки на профильные отделы следует рассмотреть создание правового или методического отдела. Данное предложение возможно подкрепить примерами иных ведомств Челябинской области. Например, в Минэкономразвитии Челябинской области сформировано Управление методологии и мониторинга государственных программ, которое ответственно за методическое обеспечение разработки и реализации государственных программ Челябинской области, включая проведение анализа, составление отчетности по исполнению государственных программ.

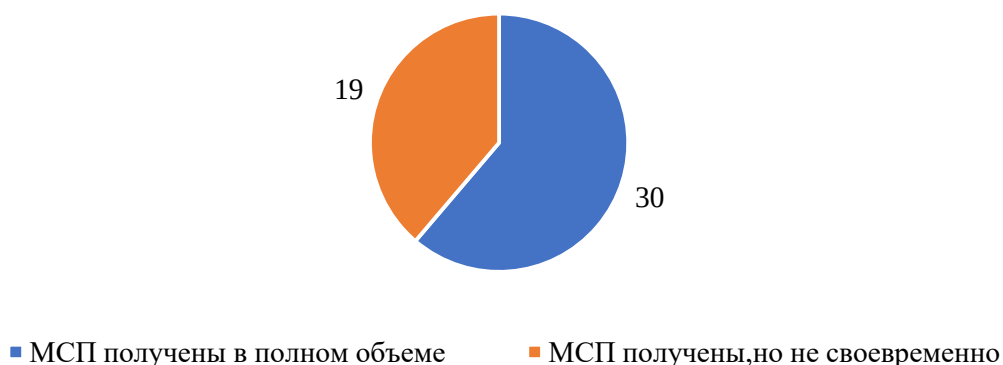
Наиболее серьезной проблемой, влияющей на прозрачность нормативно-правового регулирования механизма управления социальной защиты населения, мы считаем является низкий уровень правовой культуры граждан в области социальной защиты, и сложность процедуры оформления документов.

Обращаетесь ли Вы за мерами социальной поддержки, %



В рамках проведения социологического опроса «Предоставление мер социальной поддержки населения в Челябинской области» 47% принявших участие отметило, что не обращаются за положенными видами социальной защиты в связи с недостатком информации о процедуре получения социальных гарантий. 3% - не нуждаются в мерах социальной поддержки.

Удовлетворены ли Вы качеством оказания МСП, %



30% участников получили меры социальной поддержки в полном объеме. 19% - получили меру социальной поддержки, но не своевременно. 3% - не нуждаются в мерах социальной поддержки.

Исходя из результатов социологического опроса, мы делаем вывод, что около 50% опрошенных отказываются от оформления льгот из-за сложности административных процедур и их долговременности в получении. Более 40% участников отмечали, что не знают о положенных им мерах социальной поддержки, если самостоятельно не найдут информацию в социальной сети Интернет. Например, в социальной сети Вконтакте

создаются специализированные сообщества, посвященные мерам социальной поддержки (чаще встречаются сообщества, которые ведут сами граждане).

Для решения данной проблемы мы предлагаем развитие системы проактивного информирования граждан через Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации. По официальной информации Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на сегодняшний день, проактивно информируются граждане по 3 услугам - «рождение ребенка, наступление пенсионного возраста и установление инвалидности, при условии согласия гражданина на проактивное уведомление» [5]. Информирование по услугам занятости и по услугам детей, оставшихся без попечения родителей планируется на 2026 год.

Кроме того, развитие регионального Челябинской области позволит повысить качество информирования граждан, и снизить нагрузку на единый портал государственных и муниципальных услуг. По официальной статистике подача заявления через Региональный портал Челябинской области составляет около «5-7% от общей численности населения субъекта» [6]. В большей степени граждане не знают о существовании региональной платформы или не осознают значительность данного инструмента региональной политики.

Также на эффективное нормативно-правовое регулирование механизма социальной защиты населения влияет проблема регрессивности социального обеспечения. Социальные выплаты и льготы часто не соответствуют реальной нуждаемости граждан. Рассмотрим проблему на основе документов. Согласно нормативно-правовому акту мера социальной поддержки предусмотрена для лиц, включенных в список подлежащих обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, по достижении ими возраста 18 лет. Размер платы за жилое помещение в Челябинской области в 2025 году составляет не более:

- «10 400,0 рублей в городских округах Челябинской области;
- 5 200,0 рублей в муниципальных районах и муниципальных округах Челябинской области» [7].

Согласно интернет-сервисам для размещения объявлений о продаже товаров, недвижимости, вакансиях и услугах представлены следующие средние рыночные цены на аренду однокомнатной квартиры в г. Челябинск:



На основе анализа средних рыночных цен аренды съемного жилья можно сделать вывод, что компенсация осуществляется менее, чем на 50 %. Данный показатель свидетельствует о низкой рентабельности меры согласно коэффициенту экономической эффективности.

Для решения данной проблемы предлагается перерасчет суммы компенсации на основе средней стоимости аренды квартиры. Средняя стоимость аренды квартиры в г. Челябинск составляет 24 500 руб. Чтобы мера социальной поддержки для лиц, подлежащих обеспечению жилыми помещениями была рентабельной компенсация должна покрывать не менее 50% расходов по аренде жилого помещения. Данный расчет необходимо отобразить в виде поправок в статью 8 Федерального закона от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Таким образом, мы рассмотрели проблемы нормативно-правового регулирования механизма управления системой социальной защиты населения и предложили меры повышению эффективности, которые позволят сформировать современную систему социальной защиты, способствующую повышению качества жизни граждан и укреплению доверия к государству.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Гарант: справочно-правовая система. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения 20.03.2026)

2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от

31.07.2025 г.) // Гарант: справочно-правовая система. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/10135206/> (дата обращения: 20.03.2026)

3. Организация социальной работы в Российской Федерации: учебное пособие /Н. Ф. Басов, О. Н. Веричева, С. В. Бойцова/ - Москва: КноРус, 2025. - С. 169.

4. Брюхнов А.А. Теоретические аспекты административно-правового регулирования социальной защиты/ Брюхнов А.А. // Юрист - Правоведь - 2024 - N 4 — С. 20-26.

5. Проактивное информирование граждан // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный сайт. - Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2026)

6. Региональный портал предоставления услуг в Челябинской области // Правительство Челябинской области: официальный сайт. - Режим доступа: <https://pravmin.gov74.ru/prav/pravitelstvo/gosudarstvennye-uslugi/epgu.htm> (дата обращения: 20.02.2026)

7. Областное законодательство // Министерство социальных отношений Челябинской области: официальный сайт - Режим доступа <https://minsoc.gov74.ru/minsoc/documents/oblastnoe-zakonodatelstvo.htm> (дата обращения 20.06.2026)

А.Д. ШИЛОВА

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал, 2 курс,
Направление подготовки «Государственное и муниципальное управление»
Научный руководитель

Е.В. ПИСЬМЕННЫЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Уральский филиал,
к.к., доцент кафедры

SHILOVA A.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Chelyabinsk branch, 2 course,
the preparation direction «State and municipal administration»
Academic Supervisor

PISMENNY E.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural Branch,
Ph.D., Associate Professor

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

THE INFLUENCE OF THE ENGLISH LANGUAGE ON THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN A GLOBALIZED WORLD

Аннотация

В статье анализируется роль английского языка как ключевого фактора развития межкультурной коммуникации в условиях глобализации. Рассматриваются процессы распространения английского в качестве лингва-франка, его влияние на культурную идентичность, трансформацию коммуникативных практик. Выявляются как позитивные эффекты, так и риски. На основе статистических данных и теоретических концепций обосновывается необходимость сбалансированного подхода к использованию английского языка в межкультурной коммуникации.

Abstract

The article analyzes the role of English as a key factor in the development of intercultural communication in the context of globalization. It examines the processes of English spreading as a lingua franca, its impact on cultural identity, the transformation of communicative practices, and the emergence of new forms of interaction between representatives of different linguistic cultures. Both positive effects and risks are identified. Based on statistical data and theoretical concepts, the necessity of a balanced approach to the use of English in intercultural communication is substantiated.

Ключевые слова: английский язык, лингва-франка, межкультурная коммуникация, глобализация

Keywords: English language, lingua franca, intercultural communication, globalization

Актуальность темы обусловлена беспрецедентной ролью английского языка в современном мире. По данным Британского Совета (British Council), численность людей, владеющих английским языком, превысила 1,5 млрд человек, при этом для 75 % из них он не является родным. Английский стал не просто языком международного общения, но и инструментом формирования глобального культурного пространства, в котором взаимодействуют представители сотен национальных культур.

В условиях глобализации, когда экономические, политические и культурные связи между странами достигают максимальной плотности, английский язык выполняет функцию универсального посредника. Однако его доминирование порождает сложные и

неоднозначные процессы: с одной стороны, он облегчает взаимопонимание и доступ к информации, с другой – создает угрозу для языкового и культурного разнообразия. Цель данной статьи – выявить основные направления влияния английского языка на межкультурную коммуникацию, проанализировать позитивные и негативные последствия этого влияния, а также предложить подходы к сохранению культурной идентичности в условиях глобального доминирования английского.

Межкультурная коммуникация – это процесс обмена информацией и смыслами между представителями разных культур. В эпоху глобализации этот процесс приобрел массовый, непрерывный и многоуровневый характер. Английский язык стал основным каналом такой коммуникации, что привело к ряду структурных изменений:

- произошла унификация коммуникативных практик. Деловая переписка, научные статьи, техническая документация, интерфейсы цифровых платформ – все это стандартизируется под англоязычные образцы. Это облегчает взаимодействие, но одновременно нивелирует уникальные культурные особенности выражения.

- сформировался феномен «английского как лингва-франка» (ELF), который изучается как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Исследователи (Дж. Дженкинс, Б. Зейдльхофер) подчеркивают, что ELF – это не упрощенная версия британского или американского английского, а динамичная, вариативная система, в которой носители разных культур сознательно или бессознательно трансформируют язык под свои нужды.

- английский стал основным языком цифровой культуры. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, новостные порталы – все это в значительной степени функционирует на английском. Пользователи, даже не владея им в совершенстве, погружаются в англоязычный контент, что формирует единое информационное пространство, но также создает зависимость от англоязычных источников.

Влияние английского на межкультурную коммуникацию имеет ряд преимуществ, которые делают его незаменимым инструментом в глобализированном мире:

- Снижение языковых барьеров. Английский позволяет людям из разных стран взаимодействовать без посредников, что ускоряет экономические, научные и культурные обмены. Исследования показывают, что компании, использующие единый корпоративный язык (чаще всего английский), на 30–40 % эффективнее в международных проектах.

- Доступ к знаниям и образованию. Подавляющее большинство научных публикаций, учебных курсов, онлайн-лекций и профессиональных ресурсов представлены на английском. Владение им открывает доступ к глобальной академической и профессиональной среде.

- Формирование глобального гражданского общества. Английский язык стал

языком международных движений, правозащитных организаций, экологических инициатив. Он позволяет активистам из разных стран координировать действия и влиять на мировую повестку.

– Развитие межкультурной компетенции. Регулярное использование английского в качестве лингва-франка развивает у людей способность адаптироваться к разным культурным стилям, понимать невербальные сигналы, проявлять эмпатию и толерантность. Это способствует формированию более открытого и гибкого мировоззрения.

Глобальное доминирование английского создает серьезные проблемы, которые активно обсуждаются в академической среде и политических кругах:

– Лингвистический империализм. Термин, введенный Робертом Филлипсоном, обозначает ситуацию, когда доминирование одного языка приводит к маргинализации других. Ежегодно исчезает около 10 языков, и многие эксперты связывают это с экспансией английского. Языковая смерть влечет за собой потерю уникальных культурных знаний, традиций и мировоззренческих систем

– Неравенство в доступе. Владение английским становится социальным лифтом, а его отсутствие – барьером. В странах, где английский не является родным, люди с высоким уровнем владения получают лучшие возможности в образовании и карьере. Это углубляет социально-экономическое неравенство как внутри стран, так и между ними.

– Культурная асимметрия. Когда межкультурная коммуникация ведется на английском, носители англоязычных культур оказываются в привилегированном положении. Они могут использовать идиомы, юмор, культурные отсылки, недоступные собеседникам. Неносители, даже свободно говорящие, часто чувствуют себя «вторичными» пользователями языка.

– Упрощение и потеря смыслов. Использование английского как *lingua franca* часто ведет к упрощению речи, отказу от нюансов, эвфемизмов и культурно-специфичных понятий. Это может снижать глубину общения и приводить к недопониманию, особенно в чувствительных темах (дипломатия, искусство, философия).

Английский язык стал неотъемлемым элементом современной межкультурной коммуникации, выполняя функции универсального инструмента общения, доступа к знаниям и участия в глобальных процессах. Его доминирование принесло значительные преимущества: снижение языковых барьеров, ускорение обменов, формирование единого информационного пространства. Однако оно же порождает серьезные вызовы – языковой империализм, культурную асимметрию, эрозию языкового разнообразия.

Английский не должен вытеснять другие языки, а выступать дополнением к ним. Формирование межкультурной компетенции в глобализированном мире предполагает не

только владение английским, но и способность сохранять свою культурную идентичность, уважать идентичность других, осознанно использовать язык-посредник, не допуская его превращения в инструмент культурного доминирования.

Список литературы

1. Вербич, Н. А. Английский язык и межкультурная коммуникация / Н. А. Вербич. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 23 (127). — С. 581–584. — URL: <https://moluch.ru/archive/127/34958> (дата обращения: 26.03.2026).
2. Горемыкин, Ф. А. Английский язык как международный язык общения / Ф. А. Горемыкин, Л. Н. Шкуратова. — Текст : электронный // VI Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке»: [Электронный ресурс]. — URL: <https://school-science.ru/6/3/38152> (дата обращения: 26.03.2026).
3. Иностранные языки как путь к межкультурному диалогу и толерантности. — Текст : электронный // Ведомости : [Электронный ресурс]. — 2025. 25 ноября. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/11/25/inostrannie-yaziki-kak-put-k-mezhkulturnomu-dialogu-i-tolerantnosti (дата обращения: 26.03.2026).
4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации : федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ. — Текст // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520020/ (дата обращения: 26.03.2026).

К.Е. ШИРОКОВА, А.Н. РАГИМОВА, С.И. ПАНЬКИН
Уральский медицинский институт

K.E. SHIROKOVA A.N. RAGIMOVA, S.I. PANKIN
Ural Medical Institute

ЭПИДЕМИЯ ИСПАНСКОГО ГРИППА В СИБИРИ И НА УРАЛЕ (1918–1922) **EPIDEMIC OF SPANISH GRIPPE IN SIBERIA AND THE URAL (1918–1922)**

Аннотация

В статье рассмотрено влияние пандемии «испанки» на Урал и Сибирь в годы Гражданской войны. Основное внимание уделено роли боевых действий, антисанитарии и Транссибирской магистрали в распространении инфекции. Эпидемия усугубила кризис и ускорила реформы здравоохранения.

Annotation

This article examines the impact of the Spanish flu pandemic on the Urals and Siberia during the Civil War. It focuses on the role of military action, unsanitary conditions, and the Trans-Siberian Railway in the spread of the infection. The epidemic exacerbated the crisis and accelerated healthcare reforms.

Ключевые слова: Гражданская война, испанский грипп, эпидемия, Урал, Сибирь, Транссибирская магистраль, антисанитария.

Key words: Civil War, Spanish flu, epidemic, Urals, Siberia, Trans-Siberian Railway, unsanitary conditions.

Период Гражданской войны (1918–1922) стал для Урала и Сибири временем войны и тяжелейшего эпидемиологического кризиса. Причиной смертности стали массовые инфекции на фоне разрушенной системы здравоохранения, антисанитарии и тотальной нехватки лекарств. Распространению болезней способствовала миграция: движение фронтов, беженцы и пленные несли заболевание с запада на восток и обратно. Смертность многократно превышала рождаемость. Власти экстренно создавали противоэпидемические комиссии и проводили массовую вакцинацию, что к середине 1921 г. позволило устранить эту проблему.

Сибирь и Урал оказались в зоне наибольшего поражения. Через регион проходила Транссибирская магистраль, по которой разносилась инфекция. Также здесь шли активные боевые действия Гражданской войны. Солдаты беженцы и пленные постоянно перемещались, жили в антисанитарии и тесноте, что поспособствовало распространению вируса. Ещё один фактор это Сибирские морозы (до -40°C) усугубляли ситуацию: население вынуждено было проводить длительное время в закрытых помещениях, следовательно послужило более быстрой передачи болезни. Отсутствие элементарных гигиенических средств, дефицит мыла создавали условия для вируса на бытовых предметах.

Эпидемия началась на этапе разрухи, голода и холода. Медицины практически не было, люди не соблюдали карантин, а власти оказались не готовы к такой массовой смертности. Она ослабляла армию, срывала наступления и только усугубляла хаос Гражданской войны. Система здравоохранения в регионе фактически отсутствовала, квалифицированные врачи были мобилизованы или эвакуированы, медикаменты не поступали, смертность среди

медицинского персонала достигала 30-40% из-за отсутствия средств индивидуальной защиты. На весь Урал и Сибирь приходилось менее 3 тысяч врачей при площади территории в миллионы квадратных километров.

Вопрос о путях проникновения испанского гриппа заслуживает особого внимания. Благодаря историческим источникам можно выделить несколько ключевых каналов, по которым инфекция распространялась, охватывая все новые и новые территории. Прежде всего, необходимо сказать о роли Транссибирской железнодорожной магистрали. По рельсам на восток и обратно двигались воинские эшелоны, санитарные поезда, составы с беженцами и пленными. В условиях военного времени санитарный контроль на станциях практически отсутствовал, а вагоны были забиты людьми. Не менее важную роль сыграл военный фактор. Гражданская война создала условия для распространения инфекции. Скученность в казармах, антисанитария в окопах, отсутствие гигиенических условий. Солдаты становились разносчиками болезни, заноса ее в деревни и города. Вспышки возникали в местах наибольшего скопления людей. Как правило, это были крупные ж/д узлы, где пересекались пути следования военных и беженцев. Также в зоне риска оказывались прифронтовые города, перенасыщенные ранеными. Испанка проникла в Сибирь и на Урал благодаря войне и разрухе - они создали для этого идеальные условия.

Эпидемия испанки на Урале отличалась от того, что происходило в других регионах. Регион в те годы был промышленным центром со своими особенностями. И эти особенности определили, почему здесь люди болели и умирали особенно тяжело. К началу XX века Урал был главным центром горной и металлургической промышленности. Здесь работало множество заводов, шахт и рудников, вокруг которых строились рабочие поселки и целые города, в этом была главная проблема. Рабочие жили в ужасных условиях. Заводские бараки и казармы были рассадниками заразы, без вентиляции, нормального отопления и гигиены. В таких условиях вирус распространялся молниеносно.

К тому же рабочие были физически истощены. Вредное производство, постоянное недоедание, отсутствие отдыха приводило к тому, что смертность среди заводских рабочих была особенно высокой. Начальство завода не разрешало выходить на карантин, так как останавливать заводы было нельзя, потому что срывались военные заказы. В итоге рабочие продолжали выходить на смены, заражали друг друга, и эпидемии разрасталась. В условиях прифронтовой зоны, большого количества курсирующих солдат, раненых и больных.

Солдаты, беженцы, пленные — все они тащили распространяли заразу. В такой обстановке никто не думал о карантинах. В итоге линия фронта стала линией распространения инфекций. Урал оказался между двух огней — между войной и эпидемией. Именно поэтому здесь погибло много людей.

Данные о распространении «испанки» в Сибири остаются фрагментарными. В отличие от европейской части России, где пандемия достигла пика в сентябре–ноябре 1918 г., в Сибири явных признаков массовой эпидемии не обнаружено [3]. Однако отдельные очаги заболевания фиксировались в гарнизоне Красноярска (май–ноябрь 1919 г.), среди солдат 5-й японской армии а также в крупных городах Урала (Пермь, Екатеринбург, Челябинск) - многочисленные, но не массовые случаи заражения [1], [4].

Суровый климат Сибири (резкие перепады температур, морозы) не стал преградой для распространения вируса. Напротив, скученность населения в казармах, бараках, железнодорожных узлах способствовала передаче инфекции. Уровень медицинской помощи был крайне низким: нехватка врачей и медикаментов (особенно в сельской местности); отсутствие специализированных инфекционных больниц; слабая санитарно-эпидемиологическая служба; проблемы с транспортировкой больных в условиях бездорожья. Власти предпринимали попытки сдержать эпидемию: введение ограничений на передвижение между населёнными пунктами; закрытие школ, церквей, рынков; дезинфекция транспорта и общественных мест; изоляция больных, в том числе в импровизированных лазаретах.

Однако эффективность мер была ограничена нехваткой ресурсов, низкой санитарной культурой населения и продолжавшимися боевыми действиями. Врачи столкнулись с невиданной ранее высокой нагрузкой на медперсонал, отсутствием специфических лекарств и вакцин против гриппа, необходимостью дифференциации «испанки» от других инфекций (тиф, холера, корь), итоге массовые заболевания и высокая смертность [3].

Тем не менее, медики организовывали летучие отряды для оказания помощи в отдалённых районах; разрабатывали протоколы лечения (постельный режим, питание, симптоматическая терапия), вели статистику заболеваемости и смертности; просвещали население о мерах профилактики. Наркомздрав РСФСР координировал такие противоэпидемические меры, как распределение медикаментов и оборудования; подготовка медицинских кадров (курсы для медсестёр, фельдшеров); организация санитарных отрядов; взаимодействие с местными органами власти [3]. На местах власти: выделяли помещения под лазареты; обеспечивали транспортировку больных; контролировали соблюдение карантинных мер.

Население реагировало по-разному, местами соблюдало карантинные меры (ограничивало контакты, носило маски), нередко прибегало к народным методам лечения (травяные отвары, баня, мёд, чеснок), часто игнорируя рекомендации врачей, из-за недоверия к медицине или отсутствия доступа к помощи, распространялись панические слухи, что усугубляло ситуацию.

Эпидемия серьёзно ослабила боеспособность войск: массовые заболевания среди солдат и офицеров; высокая смертность и инвалидность; снижение дисциплины и морального духа; перебои в снабжении и логистике (болезнь поражала тыловые подразделения). Особенно пострадала 11-я Красная армия осенью 1918 г. – вирусный фактор подорвал её боеспособность [3].

Точные данные о смертности в Сибири и на Урале отсутствуют. Однако можно выделить ключевые факторы, влияющие на летальность: возраст (наиболее уязвимы были люди 20–40 лет); сопутствующие заболевания (тиф, пневмония, истощение); условия содержания (скученность, антисанитария); низкая доступность медицинской помощи.

Пандемия испанского гриппа стала одним из самых серьёзных испытаний для Сибири и Урала в период Гражданской войны. Её последствия были многогранны: медицинские: массовые заболевания, высокая смертность, перегрузка здравоохранения; социальные: разрушение семейных и общинных связей, рост сиротства, миграционные кризисы; экономические: снижение трудовой активности, перебои в производстве и транспорте, рост цен на медицинские товары; политические: ослабление военных и административных структур, усиление социального недовольства.

Итак, несмотря на фрагментарность данных, ясно, что «испанка» стала частью «моровой язвы» 1918–1922 гг., усугубив последствия войны, голода и других эпидемий. Этот опыт показал необходимость создания единой системы противоэпидемической защиты, развития медицинской инфраструктуры в регионах, повышения санитарной культуры населения, международного сотрудничества в борьбе с пандемиями.

Список литературы

1. Анфиногенов, О. Д. Меры противодействия эпидемии испанского гриппа в Челябинской губернии 1919-1923 гг / О. Д. Анфиногенов // Бизнес и общество. – 2024. – № 1(41). – EDN VJGUVC.
2. Островкин Д.Л. Развитие советской системы здравоохранения на Урале в 1917 - 1941 гг.: дисс. канд. ист. наук/Д.Л. Островкин. - Екатеринбург, 2018. - 28 с.
3. Морозова О.М., Трошина Т.И., Морозова Е.Н., Морозов А.Н. Пандемия испанки 1918 года в России. Вопросы сто лет спустя. // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 2021. online-first DOI: <https://doi.org/10.36233/0372-9311-98>
4. Соколов Д. К., Алексеев Р. С., Еремин Г. Ф. Становление охраны здоровья на Южном Урале. Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1970.
5. Эпидемиологическая обстановка в Советской России в 1919–1921 гг. // История медицины, 2020. № 5.

А.А. ЯКОВЕНКО

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления подготовки «Экономика»

A.A. YAKOVENKO

Ural Branch of the Financial University
Second-year student majoring in Economics

КОНФИСКАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧК: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ С ИЗЪЯТЫМ ИМУЩЕСТВОМ В 1920–1921 ГГ.

CONFISCATION PROCEEDINGS OF THE CHELYABINSK PROVINCIAL CHEKA: ECONOMIC OPERATIONS WITH SEIZED PROPERTY, 1920–1921

Аннотация

В статье анализируется конфискационное производство Челябинской губернской ЧК в 1920–1921 гг. как квази-фискальный институт принудительной мобилизации ресурсов в условиях Гражданской войны. На основе критического анализа сводок губЧК и архивных документов реконструируются масштабы, процедуры и каналы перераспределения изъятого имущества. Автор показывает, что конфискационная деятельность ЧК была сопряжена с высокими транзакционными издержками, порожденными отсутствием рыночных цен, неформальными практиками присвоения и административным усмотрением. Декрет СНК 1921 г. рассматривается как институциональная граница между чрезвычайными практиками военного коммунизма и процедурно оформленными изъятиями периода НЭПа.

Abstract

The article examines the confiscation proceedings of the Chelyabinsk Provincial Cheka in 1920–1921 as a quasi-fiscal institution of forced resource mobilization during the Civil War. Based on a critical analysis of Cheka intelligence summaries and archival documents, the study reconstructs the scope, procedures, and redistribution channels of confiscated property. The author demonstrates that confiscation activities entailed high transaction costs generated by the absence of market prices, informal appropriation practices, and administrative discretion. The Decree of 1921, is considered as an institutional boundary separating the emergency practices of War Communism from the procedurally formalized expropriations of the New Economic Policy period.

Ключевые слова: военный коммунизм, Гражданская война, губернская ЧК, институциональная экономическая история, конфискационное производство, квази-

фискальные операции, новая экономическая политика, продразверстка, транзакционные издержки, Челябинская губерния..

Keywords: Chelyabinsk province, Civil War, confiscation proceedings, institutional economic history, New Economic Policy, provincial Cheka, quasi-fiscal operations, surplus appropriation, transaction costs, War Communism.

Экономическая деятельность чрезвычайных комиссий в годы Гражданской войны долгое время оставалась на периферии историко-экономических исследований. Основной фокус историографии был направлен на карательные функции ЧК, в то время как ее квази-фискальные операции – изъятие, учет, хранение и перераспределение конфискованного имущества – не получали системного анализа. Между тем эти функции превращали губернские ЧК в ключевых агентов принудительной аллокации ресурсов в условиях краха рыночных механизмов и денежного обращения. Данное исследование фокусируется на Челябинской губернии в 1920–1921 гг. – периоде максимальной эскалации продовольственной политики военного коммунизма, массового повстанческого движения и последовавшего перехода к новой экономической политике.

С точки зрения новой институциональной экономической истории конфискационное производство может быть понято как чрезвычайный иерархический механизм, призванный заменить утратившие эффективность рыночные стимулы. Д. Норт определял институты как формальные и неформальные ограничения, структурирующие взаимодействия в обществе [11, с. 3–4]; в годы Гражданской войны произошла их глубокая деформация, когда административное принуждение стало доминирующим способом изъятия ресурсов. О. Уильямсон, развивая теорию транзакционных издержек, показал, что выбор между рыночной и иерархической координацией зависит от сравнительной эффективности альтернативных институциональных соглашений [12, с. 595–596]. Чрезвычайные комиссии в этом смысле представляли собой попытку снизить транзакционные издержки мобилизации продовольствия и имущества путем концентрации властных полномочий и применения внеэкономического принуждения.

Издержки в конфискационном производстве распадаются на несколько видов. Издержки поиска информации – выявление укрываемых запасов и лиц, подлежащих конфискации; для их снижения ЧК использовала агентурную разведку. Издержки измерения – оценка стоимости изъятых в условиях гиперинфляции и отсутствия рыночных цен. Издержки принуждения – затраты на проведение обысков, изъятий, транспортировку и хранение имущества, которые ложились на продотряды и воинские части. Издержки оппортунистического поведения – присвоение части конфискованного исполнителями,

коррупция, занижение или завышение объемов в отчетности. Понятие «квази-фискальных функций» позволяет вывести анализ за рамки исключительно репрессивной истории и включить деятельность ЧК в контекст экономической политики.

Использование теоретического аппарата новой институциональной экономики (Норт, Уильямсон) для анализа экономических операций в условиях военного коммунизма может показаться парадоксальным. Классические работы в этой традиции ориентированы преимущественно на рыночную координацию, предполагающую наличие частной собственности, контрактного права и добровольного обмена. Однако категории транзакционных издержек, институтов и иерархической координации носят универсальный характер. Даже в условиях государственного принуждения и отмены рыночных отношений существуют издержки поиска информации (выявление укрываемых запасов), измерения (оценка стоимости в отсутствие рыночных цен), принуждения (затраты на проведение обысков и содержание отрядов) и оппортунистического поведения (присвоение изъятого имущества исполнителями). Выявление этих издержек позволяет дать экономически осмысленную оценку эффективности конфискационного производства, не ограничиваясь моральным осуждением или идеологизированными трактовками. Такой подход не предрешает вопроса о принципиальной возможности социалистической экономики, а лишь фиксирует эмпирические издержки конкретного механизма принудительной мобилизации ресурсов в условиях Гражданской войны. Переход к НЭПу в этом свете предстает не только политическим компромиссом, но и институциональной реакцией на высокие транзакционные издержки чрезвычайных методов.

Информационные сводки Челябинской губЧК, введенные в научный оборот в 1990-е гг., являются одним из наиболее информативных, но требующих критического осмысления источников. Как отмечает М. А. Базанов, эти документы «содержат в себе массу оценочных суждений, зачастую явно превалирующих над приводимыми фактическими сведениями (а иногда, как это будет показано ниже, даже противоречащих им)» [1, с. 1]. Формат двухнедельной сводки предполагал характеристику политических настроений по заранее заданным категориям: крестьянство, рабочие, духовенство, служащие. Составители сводок постоянно балансировали между эмпирическими наблюдениями и идеологическими установками, стремясь представить ситуацию как управляемую. Так, активные формы крестьянского протеста либо помещались в отдельную графу «Восстания», искусственно отделяясь от общей характеристики настроений, либо квалифицировались как проявления «бандитизма» и действий «отрядов дезертиров» [1, с. 2]. Эта особенность источников требует особой осторожности при экстраполяции количественных данных о конфискациях: ведомственная статистика конструировала картину «успешной» карательной работы, в то

время как реальные масштабы изъятий могли быть, как занижены (для сокрытия перегибов), так и завышены (для демонстрации эффективности).

Масштабы конфискационного производства в Челябинской губернии достигли пика во второй половине 1920 г., в период наиболее интенсивных крестьянских выступлений. В отчетах комиссий фиксировались «случаи открытых выступлений крестьян против вывоза излишков хлеба на ссыпные пункты», а в сводке за первую половину августа 1920 г. сообщалось, как отряд «дезертиров» захватил поселок Еланский Верхнеуральского уезда, где после митинга девять местных жителей «тут же поступили добровольцами в отряд дезертиров» [6]. Осенью того же года, в связи с введением военного положения, власти прибегли к систематическим конфискациям. В сентябре 1920 г. в Троицком уезде одной акции уездной комиссии по борьбе с дезертирством (комдез) было конфисковано имущество 90 семей; при этом для 34 хозяйств назначалась полная конфискация, для 17 – на половину имущества, для 4 – на треть, для 14 – на четверть [8, с. 15–17]. Такое дробление свидетельствует не только о стремлении к дифференциации наказания, но и о высокой степени административного усмотрения, что порождало ошибки и злоупотребления. Здесь издержки измерения проявлялись наиболее остро: отсутствие единой методики оценки имущества и произвольное определение доли, подлежащей изъятию, делали процедуру непрозрачной и создавали поле для коррупции.

Процедура конфискации зачастую нарушала формальные предписания. В «Инструкции о порядке конфискации имущества», принятой Киргизской краевой комиссией 25 ноября 1920 г., отмечалось, что изъятия производятся «отрядами по своему усмотрению ... впоследствии санкционируется»; также указывалась недопустимость «случаев использования конфискованного на нужды отрядов» [9]. В Челябинской губернии аналогичные нарушения фиксировались постоянно. В материалах уголовного дела по фактам злоупотреблений в Нижне-Алабугской волости Курганского уезда в июле 1920 г. установлено, что командир отряда и бойцы «изъятую одежду, ценности они делили между собой» [8, 16–18]. Этот эпизод – классический пример издержек оппортунизма: часть изъятых вещей оседала у исполнителей, не поступая в государственные фонды. В результате чистые поступления оказывались ниже валовых, а сама политика дискредитировалась в глазах населения.

Наиболее масштабной формой коллективных санкций стали контрибуции, налагавшиеся на волости и поселки за укрывательство дезертиров и пособничество повстанцам. Хотя нормативного закрепления контрибуций не существовало, на практике они широко применялись командованием частей и оперативными штабами. В августе 1920 г. в Курганском уезде на два поселка Нижне-Алабугской волости была наложена контрибуция в

200 тыс. рублей. К осени 1920 г. в Челябинской губернии наложили коллективные штрафы на 6,08 млн рублей на 12 поселков. Из них шесть в Челябинском уезде в совокупности на 700 тыс., один в Верхнеуральском (300 тыс.), по два в Троицком и Кустанайском и один в Курганском (100 тыс.) [7, с. 22–23]. Эти меры, как правило, не имели подробной отчетности и реализовывались через коллективные штрафы и натуральные изъятия, что еще более увеличивало разрыв между формальной процедурой и реальными действиями на местах. Издержки принуждения здесь достигали максимума: содержание экспедиций, транспортировка изъятых, конфликты с населением требовали ресурсов, которые зачастую не компенсировались полученными суммами.

Особого внимания заслуживает правовое оформление конфискационных процедур. Декрет СНК от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» был принят уже в период перехода к новой экономической политике и вводил более четкие процедуры: реквизиция допускалась только по постановлению губернского экономического совещания, конфискация – по приговору суда [2]. Однако в 1920 – начале 1921 г. такие ограничения отсутствовали, что давало ЧК и военным структурам практически неограниченные полномочия. Именно это институциональное «белое пятно» создавало почву для произвола и злоупотреблений. В рамках борьбы с повстанчеством в регионе губЧК требовались не только широкие полномочия, но и серьезные ресурсы, бюджет губернской комиссии на 1921 год неоднократно увеличивали и в итоге он составил свыше 29 миллиардов в расходной части на содержание губЧК [13, с. 51]. Как отмечалось выше, правом на внесудебные изъятия имущества обладали и другие чрезвычайные комиссии, например по борьбе с дезертирством (комдез), которые могли на уездном и губернском уровнях наложить в административном порядке штрафы и конфискации и исполнить эти санкции руками своих уполномоченных и собственных вооруженных формирований [14, с. 193–194].

Применение типологии транзакционных издержек показывает, что издержки поиска информации, измерения, принуждения и оппортунистического поведения в совокупности существенно снижали чистую фискальную отдачу от изъятий. Даже если валовые объемы конфискованного были велики (что фиксировала ведомственная статистика), после вычета затрат на содержание отрядов, потерь при хранении, неучтенного присвоения и коррупционных потерь реальные поступления в государственные фонды оказывались скромнее. В реальности связь данных издержек иллюстрируется примерами тайной разведки в Челябинской губернии, когда сотрудники губЧК и комдез под видом дезертиров вели разведку определенной местности и деревень на предмет поддержки беглецов и уклонистов населением, фактов халатности и коррупции местных органов, а аналитика их докладов

ложились в основу комплексных операций по поиску, облавам с изъятиями имущества укрывателей, наложением штрафов и контрибуций [15, с. 57-60].

В научной литературе вопрос об эффективности конфискационных мер оценивается неоднозначно. К. В. Левшин, исследуя опыт Северо-Запада России, пришел к выводу, что экономические санкции стали «самой верной стратегией ... в крестьянской среде» благодаря «настойчивости и систематичности» [3, с. 51–57]. Однако данные по Челябинской губернии позволяют усомниться в однозначности этого вывода. А. Я. Лившин, анализируя письма крестьян во власть, показал, что реквизиционная политика вызывала массовое недовольство, а ее главным негативным последствием становилось разрушение доверия между властью и деревней [4, с. 143–144].

Именно этот институциональный урон, трудно поддающийся количественному измерению, снижал долгосрочную эффективность принудительных изъятий. В сводках челябинской губЧК за вторую половину декабря 1920 г. признавалось, что кулаки «теперь стараются при всех волнениях быть в стороне, не принимать активного участия», но при этом «вся роль кулаков сводится только к подготовке путем агитации, а подчас и провокации, беднейших слоев населения, преимущественно красноармеек, к выступлению против разверстки» [6]. Тем самым сотрудники ЧК вынуждены были констатировать, что даже формально «пассивное» население не становилось лояльным, а социальные связи внутри общины продолжали работать против политики изъятий.

Сравнительный анализ позволяет увидеть региональную специфику. В отличие от Поволжья и Тамбовской губернии, где трудовые повинности играли более значительную роль, на Южном Урале акцент делался именно на конфискации имущества и коллективные штрафы [10 с. 733]. При этом, как показывают данные по Екатеринбургской губернии, высокие показатели выполнения продналога достигались за счет административного давления и конфискации [5, с. 285]. Экономическим последствием становилось изъятие семенного фонда, сокращение посевных площадей и углубление аграрного кризиса. Декрет СНК от 17.10.1921 г. ознаменовал собой институциональный разрыв: практики, основанные на неограниченном административном усмотрении, уступили место процедурно оформленным изъятиям, подконтрольным судебным и экономическим органам. Однако, как показывают документы, инерция чрезвычайных методов сохранялась и в первые месяцы НЭПа, что требовало дополнительных усилий по нормализации отношений между властью и крестьянством.

Конфискационное производство Челябинской губЧК в 1920–1921 гг. может быть описано как иерархический механизм принудительной мобилизации, анализируемый в терминах теории транзакционных издержек. Собранные архивные данные позволяют

оценить не только валовые объемы изъятого, но и четыре категории издержек, выделяемых Уильямсоном: издержки поиска информации (агентурная разведка), измерения (произвольная оценка имущества в отсутствие рыночных цен), принуждения (затраты на содержание отрядов, транспортировку) и оппортунистического поведения (присвоение изъятого на местах). Даже если формальная статистика фиксировала высокие цифры конфискаций, эти издержки существенно снижали чистую фискальную отдачу. Кроме того, следуя логике Д. Норта, такое институциональное устройство разрушало долгосрочные стимулы к производству: крестьяне, лишённые возможности сохранить результаты своего труда, сокращали посевные площади, утаивали запасы, а доверие к власти подрывалось. В результате даже в условиях военного коммунизма издержки принудительной аллокации ресурсов оказались настолько велики, что переход к НЭПу – с его восстановлением рыночных стимулов, контрактных отношений и процедурно оформленных изъятий – стал для советского руководства не только политическим, но и экономически вынужденным решением, направленным на снижение транзакционных издержек мобилизации ресурсов и восстановление минимальных стимулов к производству.

Список литературы

1. Базанов, М. А. Послереволюционный социум глазами провинциального чекиста: на основе информационных сводок челябинской ГубЧК (1920–1922 гг.) / М. А. Базанов // ОГАЧО: официальный сайт. 2017. Режим доступа: <https://archive74.ru/news/poslerevolucionnyy-socium-glazami-provincialnogo-chekista-na-osnove-informacionnyh-svodok> (дата обращения: 11.03.2026).
2. Декрет СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1921. № 72. Ст. 546.
3. Левшин, К. В. Экономические меры борьбы с дезертирством красноармейцев в годы Гражданской войны на Северо-Западе России / К. В. Левшин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 4, № 1. – С. 48–57.
4. Лившин, А. Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» / А. Я. Лившин // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2020. – Вып. 3 (50). – С. 139–150.
5. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 632 с.

6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. ЛЛ. 22, 25, 79.
7. Панькин, С. И. Система санкций за дезертирство в РСФСР в 1919-1921 гг. (по материалам Челябинской губернии) / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 4 (43). – С. 18-24. – DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-18-24. – EDN FMEIYW.
8. Панькин, С. И. Особенности назначения и исполнения имущественных наказаний за дезертирство в Челябинской губернии в 1919-1921 гг / С. И. Панькин, И. А. Кравченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2026. – № 1 (48). – С. 13-20. – DOI 10.47475/2311-696X-2026-48-1-13-20.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 109. Д. 61. Л. 49 об.–50.
10. Яковенко, А. А. Система натуральных налогов на Южном Урале в 1919–1921 гг. и особенности их взыскания / А. А. Яковенко // Экономика данных. Новые подходы и решения: взгляд молодых : сборник материалов XXI национальной научно-практической конференции (с международным участием).– Челябинск, 2025. – С. 730–736.
11. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
12. Williamson, O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead / O. E. Williamson // Journal of Economic Literature. – 2000. – Vol. 38, No. 3. – P. 595–613.
13. Панькин, С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г / С. И. Панькин // История государства и права. – 2022. – № 12. – С. 49-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-12-49-54. – EDN YXVORT.
14. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры / С. И. Панькин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 185-203. – DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203. – EDN PLLFLN.
15. Панькин, С. И. «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира...». Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году / С. И. Панькин // Военно-исторический журнал. – 2023. – № 10. – С. 56-61. – EDN VEUEPC.

Е.В. ЯМЩИКОВА Д.Е. ЗАПЬЯНЦЕВА, С.И. ПАНЬКИН
Уральский медицинский институт

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF MEDICAL EDUCATION IN THE
SOUTHERN URALS IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY**

Аннотация

В статье рассматривается процесс зарождения и эволюции системы медицинского образования на Южном Урале в период с начала XX века до 1950-х годов. Анализируются предпосылки создания первых средних медицинских учебных заведений, роль земской медицины, а также переломный этап индустриализации и Великой Отечественной войны, приведший к открытию первого медицинского вуза в регионе – Челябинского медицинского института. Особое внимание уделяется кадровым и инфраструктурным проблемам и путям их решения в условиях хронического дефицита врачей.

Annotation

The article examines the process of origin and evolution of the medical education system in the Southern Urals from the beginning of the 20th century to the 1950s. The prerequisites for the creation of the first secondary medical schools, the role of zemstvo medicine, as well as the crucial period of industrialization and the Great Patriotic War, which led to the opening of the first medical university in the region – Chelyabinsk Medical Institute, are analyzed. Particular attention is paid to personnel and infrastructure problems and ways to solve them in the context of a chronic shortage of doctors.

Ключевые слова: медицинское образование, Южный Урал, Челябинский медицинский институт, фельдшерские школы, подготовка кадров.

Keywords: medical education, Southern Urals, Chelyabinsk Medical Institute, paramedic schools, personnel training.

До начала XX века система подготовки медицинских кадров на Южном Урале практически отсутствовала. Огромная территория, включающая Оренбургскую, Уфимскую губернии и частично Пермскую, испытывала острейший дефицит врачей. Медицинскую помощь населению, особенно в сельской местности и казачьих станицах, оказывали

фельдшеры, прошедшие краткосрочные курсы или обучение в немногочисленных военно-фельдшерских школах [1].

Первым значительным шагом в развитии специализированного образования стало открытие в 1903 году Оренбургской фельдшерско-акушерской школы. Это учебное заведение, существовавшее на средства войскового казачьего правления и земств, готовило младший медицинский персонал. Выпускники школы направлялись для работы в сельские больницы, казачьи лазареты и на эпидемии инфекционных заболеваний, которые регулярно вспыхивали в регионе [4].

После революции 1917 года и окончания Гражданской войны потребность в медицинских кадрах возросла многократно. Насущная необходимость в медицинских специалистах привела к ужесточению условий подготовки врачей, что было закреплено декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР о милитаризации медицинских факультетов. Этот декрет предусматривал введение на факультетах должности военного комиссара, строгий учёт студентов-медиков и оперативную отправку выпускников на фронт в случае соответствующих решений правительства.

В 1920-е годы сеть средних медицинских учебных заведений расширилась. Были открыты медицинские техникумы в Челябинске, Златоусте и Троицке. Обучение в них было ориентировано на ускоренную подготовку фельдшеров, акушерок и медицинских сестер для борьбы с одной из самых главных причин – сыпным тифом. Число заболевших было настолько велико, что все действующие больницы были заполнены инфекционными больными. Эпидемическая ситуация на Урале угрожала широким проникновением заразы в Европейскую часть России, дезорганизацией тыла Красной Армии в Сибири, то есть могла повлиять на ход Гражданской войны. В связи с этим, учебные программы сочетали теоретические занятия с обязательной практикой в переполненных больницах [1].

Ключевым, переломным моментом для региона стало создание в годы первых пятилеток мощной промышленной базы. Строительство Челябинского тракторного завода (ЧТЗ), Магнитогорского металлургического комбината (ММК) привело к взрывному росту городского населения. Обслуживать сотни тысяч рабочих и членов их семей силами приезжих врачей стало невозможно. Однако вплоть до конца 1930-х годов вопрос об открытии в Челябинске собственного медицинского института откладывался из-за нехватки профессорско-преподавательского состава и материальной базы [3].

Ситуацию коренным образом изменила Великая Отечественная война. Эвакуация промышленности и миллионов людей на восток потребовала развертывания огромного количества госпиталей, только в Челябинской области их насчитывалось более 100, и привела к значительному увеличению населения области, что поставило перед местными

медиками высокую нагрузку. Возникла катастрофическая нехватка врачей-хирургов, травматологов и терапевтов. Для решения этой задачи на Южный Урал были эвакуированы работники медицинских институтов из центральных и западных областей, в основном из Киевского медицинского института.

В этих экстремальных условиях 1 августа 1944 года Совет Народных Комиссаров СССР принял решение об открытии Челябинского медицинского института (ныне Южно-Уральский государственный медицинский университет) [3].

Первые годы работы института были невероятно тяжелыми. Занятия проходили в приспособленных помещениях, остро не хватало учебников, препаратов и общежитий. Первым директором (ректором) стал профессор Александр Николаевич Федоровский. Преподавательский состав был сформирован из эвакуированных ученых из Москвы, Ленинграда, Киева и практикующих врачей местных госпиталей. Обучение велось по сокращенным программам военного времени, но с сохранением фундаментальных клинических дисциплин. Первый выпуск врачей состоялся уже в 1945 году – это были молодые специалисты, сразу же направившиеся в госпитали и больницы региона [5].

Отметим людей, внесших значительный вклад в становление медицинского образования региона:

– Александр Николаевич Федоровский – первый директор Челябинского медицинского института, хирург, организатор, сумевший в тяжелейших военных и послевоенных условиях наладить учебный процесс и сформировать научные школы.

– Мария Дмитриевна Тушинская – выдающийся терапевт, профессор, стоявшая у истоков кафедры госпитальной терапии, внесшая огромный вклад в лечение раненых в эвакогоспиталях и подготовку терапевтических кадров.

Врачи земской школы (Оренбург, Уфа) – поколение медиков конца XIX – начала XX века, которые, работая в условиях отсутствия вузовской базы, создали фундамент для санитарной культуры региона и занимались первичной подготовкой фельдшерских кадров [1].

Вторая половина 1940-х – 1950-е годов стали временем становления Челябинского медицинститута как полноценного научного и образовательного центра. Открывались новые кафедры, создавалась клиническая база в городских больницах, начиналась научно-исследовательская работа. Параллельно продолжала развиваться сеть фельдшерско-акушерских школ (ФАПов) и медицинских училищ в области, которые готовили средний медперсонал для растущих городов и сельских районов.

Итак, развитие медицинского образования на Южном Урале представляет собой яркий пример того, как социально-экономические и исторические обстоятельства могут

влиять на формирование образовательной инфраструктуры в стране. В начале XX века на Южном Урале существовали лишь единичные фельдшерские школы, которые не могли удовлетворить растущие потребности населения в медицинских кадрах. Эти учебные заведения готовили специалистов, способных оказывать первую помощь и проводить элементарные медицинские процедуры, однако их число было крайне ограничено. Этот процесс был обусловлен объективными потребностями индустриализации и экстремальными условиями военного времени, успех этой инициативы стал возможен благодаря самоотверженному труду организаторов здравоохранения, ученых-медиков и преподавателей, которые работали в условиях нехватки ресурсов и постоянного стресса. Их усилия не только способствовали подготовке квалифицированных специалистов, но и заложили основы для дальнейшего развития медицинского образования на Южном Урале в послевоенные годы.

Список литературы

1. История здравоохранения Южного Урала / Под ред. проф. В.Н. Петрова. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1972. – 280 с.
2. Очерки истории медицины Оренбуржья / Сост. А.А. Иванов. – Оренбург, 1995. – 150 с.
3. Южно-Уральский государственный медицинский университет: история и современность (1944–2014) / Колл. авторов. – Челябинск: Типография ЧГМА, 2014. – 300 с.
4. Медицинский хронограф Ставрополя: сборник исторических материалов / сост.: А.В. Карташев, А.К. Курьянов. – Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2016. – 256 с.
5. История медицины: учебное пособие / В.Н. Муравьева, А.В. Карташев, Л.Л. Максименко, Р.С. Спевак. – Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2015. – 84 с.

Раздел IV. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЭКОНОМИКА

К.В. АБЕРЛЕ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Ю.В ПОДПОВЕТНАЯ

док. пед. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

K.V. ABERLE

Ural branch of the Financial University
2d year student
«Management»

Scientific supervisor

YU.V. PODPOVETNAYA

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ОСНОВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

RESEARCH OF DIGITAL MARKETING COMMUNICATIONS BASED ON DATA INTELLIGENT ANALYSIS

Аннотация

В статье рассматривается трансформация маркетинговых коммуникаций под влиянием технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением крупных предприятий и интернет-платформам инструментов искусственного интеллекта (ИИ) и алгоритмов анализа больших данных для повышения эффективности коммуникаций. Также выполнен расчет ключевых метрик.

Annotation

The article examines the transformation of marketing communications under the influence of artificial intelligence technologies and big data analysis. The relevance of the study is due to the active implementation of large enterprises and online platforms of artificial

intelligence (AI) tools and big data analysis algorithms to improve the effectiveness of communications. The calculation of key metrics is also performed.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, искусственный интеллект, маркетинговые коммуникации, анализ данных.

Key words: digital marketing, artificial intelligence, marketing communications, and data analysis.

Современный рынок побуждает компании обновлять маркетинговые стратегии. Исследования выходят на новый уровень: изучаются социально-психологические механизмы формирования спроса [2]. Технически эволюция цифрового маркетинга связана с интеграцией компьютерных и коммуникационных технологий, переходом к data-driven подходу [3]. Цифровые маркетинговые коммуникации генерируют потоки данных, которые могут быть преобразованы в ценные инсайты только с помощью методов интеллектуального анализа данных (Data Mining).

Пусть за месяц проведена кампания в социальных сетях со следующими показателями:

- Показы объявлений: Impressions=120 000, шт.
- Клики: Clicks=3 600, шт.
- Целевые действия (покупки): Conversions=108, шт.
- Затраты на кампанию: Cost=90000, руб.
- Доход от маркетинга: Revenue=540000, руб.
- Новых клиентов: New Customers=95, чел.
- Средний чек: AvgCheck=2500, руб.
- Частота покупок в год: Frequency=3, шт.
- Среднее время жизни клиента (годы): LT=2

1.1. CTR (Click-Through Rate)

$$CTR = \frac{\text{Клики}}{\text{Показы}} \times 100\% = \frac{3600}{120\,000} \times 100\% = 3\%$$

1.2. Конверсия (CR)

$$CR = \frac{\text{Конверсии}}{\text{Клики}} \times 100\% = \frac{108}{3\,600} \times 100\% = 3\%$$

1.3. ROMI (Return on Marketing Investment)

$$ROMI = \frac{\text{Доход} - \text{Затраты}}{\text{Затраты}} = \frac{540\,000 - 90\,000}{90\,000} = 5.0 \text{ (500\%)}$$

1.4. CAC (Customer Acquisition Cost)

$$CAC = \frac{\text{Затраты}}{\text{Новые клиенты}} = \frac{90\,000}{95} \approx 947.37 \text{ руб.}$$

1.5. LTV (Lifetime Value)

$$LTV = \text{AvgCheck} \times \text{Frequency} \times \text{LT} = 2\,500 \times 3 \times 2 = 15\,000 \text{ руб.}$$

Соотношение $\frac{LTV}{CAC} = \frac{15\,000}{947.37} \approx 15.8$, что говорит о высокой экономической эффективности привлечения клиентов.

Для анализа клиентской базы используется RFM-подход. Рассмотрим три показателя для пяти гипотетических клиентов (таблица 1).

Поскольку признаки имеют разные масштабы, проведём нормализацию методом min-max:

$$x_{norm} = \frac{x - \min}{\max - \min}$$

Таблица 1

Клиент	R (дней)	F (шт)	M (руб)
1	5	10	20 000
2	30	3	5 000
3	60	1	1 500
4	10	8	12 000
5	45	2	3 000

После нормализации получаем значения, представленные в таблице 2:

Таблица 2

Клиент	R_{norm}	F_{norm}	M_{norm}
1	0,000	1,000	1,000
2	0,455	0,222	0,189
3	1,000	0,000	0,000
4	0,091	0,778	0,568
5	0,727	0,111	0,081

Кластеризация k-means (k=2) с начальными центроидами Ц1 = (0; 1; 1), Ц2 = (1; 0; 0) после двух итераций даёт: кластер 1 (клиенты 1 и 4) – недавние покупки, высокая частота и сумма («ценные активные»); кластер 2 (клиенты 2, 3, 5) – давние покупки, низкая частота и сумма («спящие / неактивные»).

Логистическая регрессия широко применяется для бинарной классификации: x_1 – время на сайте (мин), x_2 – число просмотренных страниц:

$$P(y=1) = \frac{1}{1 + e^{-(-2,5 + 0,3 \times x_1 + 0,7 \times x_2)}}$$

Для нового пользователя с $x_1=8$ мин, $x_2=5$ страниц:

$$z = -2.5 + 0.3 \times 8 + 0.7 \times 5 = -2.5 + 2.4 + 3.5 = 3.4$$

$$P = \frac{1}{1 + e^{-3.4}} = \frac{1}{1 + 0.334} \approx 0.9677 \text{ (96.8\%).}$$

Для краткосрочного прогнозирования ARIMA(1,1,1), с параметрами $\phi_1=0.5$, $\theta_1=-0.3$. Известны значения $X_{30}=1200$, $X_{29}=1150$, $\varepsilon_{30}=20$. Прогноз на 31-й день при ожидаемом значении шума $\varepsilon_{31}=0$:

$$X_{31} = 1200 + 0.5 \times (1200 - 1150) + 0 + (-0.3) \times 20 = 1200 + 25 - 6 = 1219.$$

Методы интеллектуального анализа данных позволяют маркетологам перейти к предиктивной аналитике: показатели дают количественную оценку эффективности; кластеризация выделяет однородные группы клиентов; логистическая регрессия прогнозирует вероятность конверсии. Внедрение этих алгоритмов способствует повышению рентабельности маркетинговых бюджетов и улучшению качества взаимодействия с аудиторией [1].

Список литературы:

1. Бабичева С. Кросс-селл и апселл: как сделать, чтобы клиенты покупали больше. Кросс-продажи: 5 техник и инструкция по внедрению: [сайт]. – URL: <https://sberbusiness.live/publications/kross-sell-i-apsell-kak-sdelat-chtobi-klienti-pokupali-bolshe> (дата обращения: 20.03.2026).

2. Михайлова С. В., Подповетная Ю. В., Письменный Е. В., Подповетный А. Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 10. – С. 44.

3. Юлдашева О. У. Становление концепции Data Driven маркетинга // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kontseptsii-data-driven-marketinga> (дата обращения: 15.03.2026).

Е.В. АНДРУСИШИНА, Н.В. ВЕРЛИНА

Сургутский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ,
студенты III курса по специальности «Финансы»

Научный руководитель

Л.М. ТАЛИПОВА

Сургутский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ,
преподаватель высшей категории

E.V. ANDRUSISHINA, N.V. VERLINA

Surgut Branch of the Financial University under the Government of the RF
Third-year students majoring in Finance

Scientific supervisor

L.M. TALIPOVA

Surgut branch of the Financial University under the Government of the RF,
teacher of the highest category

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФИНАНСОВЫЕ ПРИВЫЧКИ ПОКОЛЕНИЯ Z

THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA AND DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE FINANCIAL HABITS OF GENERATION Z

Аннотация

В статье рассказывается, как соц. сети, короткие видео и мобильные приложения сильно влияют на то, как молодёжь поколения Z тратит, копит и относится к деньгам. С одной стороны, они легко узнают про инвестиции и скидки, с другой – часто покупают

ненужное в один клик и берут много рассрочек, не понимая последствий. Имеются предложения, как сделать приложения и уроки финансовой грамотности такими, чтобы они помогали ребятам принимать умные решения, а не вредили.

Annotation

The essay describes how social media, short videos, and mobile apps have a significant impact on how Generation Z young people spend, save, and manage their money. On the one hand, they easily learn about investments and discounts, but on the other hand, they often make impulse purchases and take on too many credit card debts without fully understanding the consequences. The essay offers suggestions on how to make apps and financial education programs more effective in helping young people make smart financial decisions.

Ключевые слова: поколение Z, соц. сети, приложения, деньги, траты, финансовая грамотность.

Key words: Generation Z, social media, apps, money habits, spending, financial literacy.

Поколение Z — первое по-настоящему цифровое поколение – формирует финансовые привычки в среде, где общение, развлечения и управление деньгами тесно переплетены [1, с. 115]. Традиционные методы финансового просвещения теряют эффективность, уступая место соц. сетям и мобильным приложениям.

Актуальность темы обусловлена тем, что финансовые знания поколение Z получает преимущественно из короткого визуального контента, а не из учебников или семейных разговоров. Это одновременно открывает доступ к информации и повышает риски импульсивных трат, следования сомнительным советам и роста долговой нагрузки.

Проблема исследования – противоречие между кажущейся финансовой грамотностью и реальной уязвимостью: раннее вовлечение в инвестиции и кредиты сочетается с финансовым инфантилизмом, слабым долгосрочным планированием и нормализацией долгов.

Цель – выявить, как социальные сети и цифровые интерфейсы формируют специфические финансовые привычки поколения Z.

Задачи:

- определить главные платформы и форматы финансового контента;
- проанализировать влияние дизайна приложений на поведение;
- классифицировать позитивные и деструктивные привычки;
- предложить рекомендации по повышению финансовой грамотности.

Поколение Z потребляет финансовую информацию преимущественно через микроконтент: 15–60-секундные ролики, шутки, личные истории в VK Видео, Rutube, MAX-

каналах. Доверие строится не на дипломах и институциях, а на личности инфлюенсера: его стиль, количество подписчиков, эмоциональная подача, «свой» язык [2, с. 48]. Это обеспечивает быструю передачу базовых понятий, но часто оставляет пробелы в понимании рисков, критическом мышлении и глубине.

Дизайн интерфейсов выступает «архитектором выбора» и напрямую формирует поведение [3, с. 67].

Деструктивные механизмы:

- «купить в один клик» и сохранённые карты влияют на минимизацию рефлексии, траты становятся похожи на «кнопка нравится под видео»;
- «рассрочка 0%», «первый платёж через 30 дней», акцент на маленькой ежемесячной сумме – это обесценивание полной стоимости, долг воспринимается как подписка;
- FOMO-элементы («осталось 2 шт.», «157 человек купили сегодня») – это все искусственный дефицит и давление;
- алгоритмы рекомендаций – подталкивают к постоянным покупкам при стрессе или скуке.

Позитивные механизмы:

- автоматическое округление покупок и перевод разницы в копилку;
- визуализация прогресса накоплений (графики, картинки-цели);
- персонализированные цели («на путешествие», «на компьютер»);
- детальная аналитика расходов в реальном времени (круговые диаграммы, категории).

Удобный интерфейс усиливает намерения пользователя: может легко вести к долговой яме или, наоборот, делать накопление таким же естественным и приятным, как просмотры VK видео.

Сформированные привычки поколения Z можно разделить на две категории.

Позитивные: ранний старт (инвестиции, подработки, кэшбэк уже в 16–18 лет); почти полное доминирование безналичных платежей; привычка быстро искать выгодные предложения в соц. сетях.

Деструктивные: импульсивные покупки как способ справляться с эмоциями; нормализация рассрочек и микрозаймов ведёт к росту личной долговой нагрузки [4, с. 92]; псевдограмотность – уверенность в знаниях после 5–10 видео без понимания рисков и долгосрочных последствий.

Цифровая экосистема стала главным «тренером» финансового поведения поколения Z, заменив семью, школу и банки. Влияние амбивалентно: с одной стороны – демократизация знаний, низкий порог входа в инвестиции и удобные инструменты накопления; с другой – культ мгновенного удовлетворения, нормализация долгов и поверхностное отношение к финансам.

Ключевая роль принадлежит дизайну интерфейсов, который направляет выбор в сторону трат или сбережений. Соц. сети и инфлюенсеры формируют доверие и моду на определённые модели поведения.

Рекомендации:

1. Образование: включать разбор реальных кейсов из соц. сетей, учить цифровой критической гигиене и проверке источников.

2. Финансовые компании: создавать интерфейсы с обучающими элементами, напоминаниями о бюджете, возможностью временной блокировки импульсивных трат, акцентом на накопления.

3. Регуляторы и платформы: вводить маркировку рисков в финансовом контенте, поддерживать сотрудничество экспертов с популярными личностями, разрабатывать стандарты этичного продвижения финансовых продуктов.

Необходимо не отрывать поколение Z от цифровой среды, а наполнять её качественным, прозрачным и педагогически продуманным контентом. Только так уникальная цифровая вовлечённость молодёжи может стать основой ответственного и устойчивого финансового поведения, а не источником новых рисков.

Будущее финансового здоровья поколения Z зависит от совместных усилий образования и государства по созданию цифровой среды, которая одновременно упрощает полезные действия и помогает избегать деструктивных ловушек.

Список литературы

1. Андреева, А. В. Цифровые финансовые привычки молодежи: влияние интерфейсов и социальных сетей / А. В. Андреева // Финансы и кредит. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 112–125.

2. Воронина, Т. В. Финансовая грамотность поколения Z в условиях цифровизации: вызовы и новые подходы / Т. В. Воронина, Д. А. Смирнов // Экономика образования. – 2023. – № 6. – С. 45–53.

3. Кузнецов, М. И. Поведенческая экономика в мобильных приложениях: как дизайн формирует финансовые решения / М. И. Кузнецов. – Москва: Дело, 2024. – 208 с.

4. Морозова, Е. А. Риски импульсивного потребления и нормализация долгов у молодежи под влиянием цифровых платформ / Е. А. Морозова // Социологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 88–97.

Н.С. БАБИНА, А.Д. КЛИМЕНТЬЕВ

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал,
студенты III курса направления подготовки
«Бизнес-информатика»

Научный руководитель

Л.Ю. ОВСЯНИЦКАЯ

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Уральский филиал,
канд. техн. наук, доцент

N. S. BABINA, A. D. KLIMENTEV

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural branch,
Third-year students majoring in Business - Informatics

Academic Supervisor

L. U. OVSYANITSKAYA

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Ural branch,
PhD in Technical Sciences, Associate Professor

УПРАВЛЕНИЕ ОТТОКОМ: КАК ПРЕДСКАЗАТЬ УХОД КЛИЕНТА ДО ТОГО, КАК ОН ПРИМЕТ РЕШЕНИЕ

CHURN MANAGEMENT: HOW TO PREDICT CUSTOMER ATTRITION BEFORE THEY MAKE THE DECISION TO LEAVE

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к прогнозированию оттока клиентов телекоммуникационных компаний на примере оператора «t2». Систематизированы ключевые факторы, влияющие на решение абонента о смене оператора, с акцентом на поведенческие индикаторы как наиболее ранние предикторы. Обоснована целесообразность внедрения проактивной аналитической системы, выявляющей микроповеденческие сдвиги за 1–3 месяца до расторжения договора.

Annotation

The paper examines approaches to customer churn prediction in telecommunications, using t2 as a case study. Key factors influencing subscriber's decision to switch providers are systematized, with emphasis on behavioral indicators as the earliest predictors. The feasibility of implementing a proactive analytical system is substantiated — one capable of detecting micro-behavioral shifts 1–3 months before contract termination.

Ключевые слова: отток клиентов, телекоммуникации, машинное обучение, поведенческие факторы, прогнозирование, оценка моделей

Key words: customer churn, telecommunications, machine learning, behavioral factors, prediction, model evaluation

В условиях высокой конкуренции на рынке мобильной связи удержание абонентов становится приоритетнее привлечения новых: цена привлечения нового клиента значительно превышает стоимость его удержания [2, с. 291]. Для оператора «t2» задача прогнозирования оттока имеет стратегическое значение, однако доступ к операционным данным ограничен требованиями 152-ФЗ, что актуализирует разработку концептуальной модели на основе поведенческих паттернов [3, ст. 3, 6, 9].

Ключевой тезис: самый сильный предиктор оттока — изменение поведения во времени. Динамика (снижение активности, смена паттернов) дает сигнал раньше, чем клиент осознает решение уйти. Модели машинного обучения фиксируют микроповеденческие сдвиги за 1 – 3 месяца до расторжения договора [1, с. 60–61]:

Таблица 1. Классификация факторов оттока и их признаки

Группа факторов	Ключевые признаки
Поведенческие (приоритет)	Снижение активности (звонки, трафик – 30 –50% за месяц), переход на дешевые тарифы, рост периодов с нулевым балансом, частые звонки в контакт-центр с жалобами, отказ от автоплатежа.
Коммерческие	Снижение ARPU, отказ от пакетных предложений, завершение контракта без продления (2 – 3 недели).
Клиентский опыт	Жалобы на качество связи, неразрешенные проблемы (>3 дней), низкие оценки

	NPS/CSAT (0 – 3 балла).
Демографические	Миграция в регион с плохим покрытием, возраст 18 – 25 / 60+, SIM куплена по акции с дисконтом.
Конкурентные	Агрессивные тарифы конкурентов, наличие второго номера (особенно если он используется чаще).
Интегральные	Churn score (0 – 100), Индекс лояльности, Длительность «тишины» (критический порог 30 – 45 дней).

Классификация составлена на основе систематизации факторов, влияющих на решение абонента о смене оператора [1, с. 55–58; 2, с. 293–296].

Таблица 2. Сравнение методов машинного обучения

Метод	Преимущества	Недостатки	Рекомендация
Наивный Байес	Быстрое обучение, работает на малых данных	Требует независимости признаков	Baseline
Random Forest	Устойчивость к выбросам, оценка важности признаков	Медленнее отдельных деревьев	Основной
Gradient Boosting (CatBoost)	Максимальная точность, работа с категориями	Требует настройки гиперпараметров	Основной
LSTM и Вейбулл	Моделирует время до ухода	Ресурсоёмкий, сложен в интерпретации	Перспективный

Ансамбли деревьев (Random Forest, CatBoost) оптимальны для телекома [1, с. 59–63]. Наивный Байес – базовая модель, LSTM и анализ выживаемости: перспективные, но ресурсоёмкие методы.

Поскольку задача является бинарной классификацией с несбалансированными классами (отток 5 – 20%), метрика Accuracy неадекватна. Используется матрица ошибок:

Таблица 3. Матрица ошибок и метрики качества

	Ушёл (1)	Остался (0)
Предсказан уход (1)	True Positive (TP)	False Positive (FP)

Предсказан остаток (0)	False Negative (FN)	True Negative (TN)

Бизнес-интерпретация: FP – затраты на оффер (500 – 1 500 руб.); FN – потеря клиента и LTV (5 000 – 15 000 руб.). Рекомендуемые метрики: Precision (оптимизация бюджета), Recall (минимизация потерь), F1-score, ROC-AUC. Оптимальная стратегия – максимизировать Recall [1, с. 55–57; 2, с. 297–307].

Реализация системы: тех. задание → прототип на открытых данных (например, IBM Telco Churn) → адаптация под «t2» с учётом 152-ФЗ → пилот → интеграция с CRM. Логика: сбор обезличенных данных → инженерия признаков → прогнозирование (CatBoost/Random Forest) → триггеры для CRM.

Проведённое исследование подтверждает: наиболее ранние сигналы об уходе содержатся в динамике поведенческих паттернов. Предложенная модель может служить основой для аналитических решений в «t2». Перспективы: валидация на данных оператора, NLP-анализ, uplift-моделирование.

Список литературы

1. Кремкова Дарья Дмитриевна, Сафонов Иван Андреевич Модели машинного обучения для идентификации потенциально уходящих абонентов на примере телекоммуникационной компании Tele2// Научные записки молодых исследователей. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-mashinnogo-obucheniya-dlya-identifikatsii-potentsialno-uhodyaschih-abonentov-na-primere-telekommunikatsionnoy-kompanii-tele2> (дата обращения: 24.03.2026).

2. Сурнин, Н. Д. Анализ лучших практик удержания клиентов на рынке услуг связи для массовых потребителей в России / Н. Д. Сурнин, О. В. Юрова // Вестник науки. – 2025. – № 12 (93). – С. 1–10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-luchshih-praktik-uderzhaniya-klientov-na-rynke-uslug-svyazi-dlya-massovyh-potrebiteley-v-rossii> (дата обращения: 24.03.2026).

3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Ст. 3, 6, 9. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 24.03.2026).

А.В. БЛЮДЕНОВА, А.А. ПЛОТНИКОВА
Уральский филиал Финуниверситета
студентки IV курса направления подготовки
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ PROBLEMS OF DEVELOPING DIGITALIZATION IN PUBLIC ADMINISTRATION

Аннотация

В статье рассмотрена система межведомственного электронного документооборота, обоснована необходимость, преимущества и недостатки данной системы. В работе исследуется структура межведомственного электронного документооборота, порядок взаимодействия ее элементов. Представлены и проанализированы действующие органы власти, пользующиеся данной системой для улучшения предоставления услуг населению.

Abstract

This article examines an interdepartmental electronic document management system, substantiating its necessity, advantages, and disadvantages. The paper examines the structure of interdepartmental electronic document management and the interactions between its elements. Current government agencies using this system to improve public service delivery are presented and analyzed.

Ключевые слова: цифровизация, МЭДО, СМЭВ, взаимодействие различных структур, обмен электронными документами.

Key words: digitalization, MEDO, SMEV, interaction of various structures, exchange of electronic documents.

В системе государственного управления одним из проявлений цифровизации является система МЭДО. «Это федеральная информационная система, обеспечивающая взаимодействие систем электронного документооборота для участников межведомственного электронного документооборота» [3].

Цель МЭДО – повысить эффективность управления в государственных учреждениях за счет снижения затрат на передачу документов, их обработку и доставку между организациями, а также контроля за процессом согласования документов [3].

Организатором МЭДО является Федеральная служба охраны РФ (ФСО России). Она обеспечивает организационное и процедурное обслуживание системы, управляет адресными

справочниками, создает техническую инфраструктуру и управляет ею, а также обеспечивает безопасность персональных данных.

«МЭДО представляет собой взаимодействие информационных систем электронного документооборота, что в свою очередь подразумевает обмен электронными сообщениями (ведение служебной переписки в электронной форме) между участниками межведомственного электронного документооборота, в том числе:

а) направление и получение в электронной форме решений и поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации;

б) получение информации о ходе рассмотрения участниками межведомственного электронного документооборота электронных сообщений, в том числе поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации;

в) направление в электронной форме докладов Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации;

г) внесение в Правительство Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, в том числе в электронной форме;

д) осуществление участниками межведомственного электронного документооборота согласительных процедур по проектам нормативных правовых актов в электронной форме;

е) направление в электронной форме нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти на государственную регистрацию в Министерство юстиции Российской Федерации;

ж) направление и получение иных документов, передаваемых при взаимодействии участников межведомственного электронного документооборота в электронной форме» [1].

Для электронного документооборота в органах власти используется система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Это информационная система, которая позволяет государственным учреждениям, бюджетным фондам и другим кредитным учреждениям обмениваться информацией, необходимой для предоставления государственных услуг физическим и юридическим лицам [5].

«СМЭВ предназначена для решения следующих задач:

– обеспечение исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме;

– обеспечение предоставления в электронной форме государственных и муниципальных услуг, а также документов (сведений), размещенных в государственных информационных системах и иных информационных системах, в том числе с использованием ЕПГУ;

- обеспечение информационного взаимодействия в электронной форме между органами и организациями;

- обеспечение информационного взаимодействия в электронной форме между государственными органами, органами местного самоуправления, Центральным банком Российской Федерации, банками, иными кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями, которые осуществляют указанные в части первой статьи 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» виды деятельности, субъектами национальной платежной системы, лицами, оказывающими профессиональные услуги на финансовом рынке, иными организациями, индивидуальными предпринимателями, нотариусами и оператором единой биометрической системы в соответствии с Федеральным законом «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»;

- обеспечение информационного взаимодействия по предоставлению органами и организациями аналитических данных для принятия управленческих решений» [1].

«Участниками межведомственного электронного документооборота (участниками МЭДО) являются Администрация Президента РФ, Аппарат Правительства РФ, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также иные государственные органы [5].

В 2010–2011 годах в состав участников МЭДО вошло более 90 организаций и органов государственной власти. Это число постоянно растёт. Переход к электронному документообороту между участниками МЭДО осуществляется поэтапно. В 2012 году – выход новой версии системы межведомственного взаимодействия – СМЭВ3, в 2013 году появились системы справочников – ЕСНСИ, в 2016 году создан модуль личного кабинета участника взаимодействия, 2019 год – выход новой версии системы межведомственного взаимодействия – СМЭВ4. В 2020 году было создано ПО для упрощенного обмена данными в СМЭВ 3 – Интеграционный узел адаптера, а в 2021 – году – появление новой версии личного кабинета участника взаимодействия – ЛК УВ 2.0. За последние пять лет были созданы базовых сервисов ЕЦП «ГосТех»: Агент СМЭВ 4 и Витрина данных, проведены работы по импортозамещению компонентов транспортной подсистемы СМЭВ, Адаптер СМЭВ3 и Агент СМЭВ4 зарегистрированы в Роспатенте и Реестре российского ПО [2].

На начальном этапе подключения организации к МЭДО обмен электронными документами осуществляется с их дублированием на бумажном носителе. По мере отработки

технологии обмена электронными сообщениями по МЭДО предполагается отказ от направления бумажных документов.

В перспективе планируется перевод федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот при организации внутренней деятельности. Кроме того, существует план-график сопряжения региональных систем электронного документооборота с системой МЭДО.

По итогам 3 квартала 2025 г. число участников СМЭВ достигло 9 309, в системе хранится около 4 342 видов сведений, с начала 2025 года было направлено более 85,9 млрд. сообщений [2].

Межведомственный электронный документооборот обладает преимуществами, так как позволяет:

- а) создать единую систему для отслеживания пользователями межведомственных СЭД статусов создания, согласования, исполнения документов других органов власти и организаций;
- б) сократить время перемещения документов между организациями, ведомствами;
- в) повысить эффективность деятельности органов государственной власти;
- г) минимизировать материальные и трудовые затраты;
- д) осуществлять контроль исполнения поручений.

Несмотря на преимущества, реализации системы межведомственного электронного документооборота создает ряд проблем. Например, существует несколько операторов и платформ МЭДО, на базе «Ростелекома», «Такснета» и других, которые не всегда имеют единые стандарты и протоколы взаимодействия. То есть это создает цифровые барьеры между ведомствами и организациями, использующими разные системы.

Не менее важной проблемой является сопротивление сотрудников госорганов к внедрению МЭДО, в связи с консерватизмом и привычкой, так как длительная работа с бумажными документами и физическими печатями создала устойчивые поведенческие паттерны.

На фоне данных проблем проявляется ключевая проблема двадцать первого века. МЭДО часто используется как «электронная почта» для пересылки сканированных копий бумажных документов, а не как инструмент управления бизнес-процессами. Не меняется сама суть затяжных и неэффективных бюрократических процедур. В данный момент происходит неправильный подход к цифровизации. Нет прописанных и автоматизированных процессов взаимодействия между разными ведомствами. Каждое ведомство работает по-своему.

Таким образом, мы рассмотрели цифровизацию государственного управления (система МЭДО, СМЭВ).

Список литературы

1. «Методические рекомендации по внедрению электронного документооборота в целях обеспечения популяризации использования электронного документооборота среди граждан и организаций Российской Федерации» (утв. ФНС России)

2. Система межведомственного электронного взаимодействия // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации / [Электронный ресурс] // КС-Консалтинг Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. — URL <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/infrastruktura-elektronnogo-pravitelstva/sistema-mezhvedomstvennogo-elektronnogo-vzaimodejstviya> (дата обращения 05.11.2025).

3. Система межведомственного электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти (МЭДО) / [Электронный ресурс] // КС-Консалтинг : [сайт]. — URL <https://cs-consult.ru/products/delo/medo> (дата обращения 05.11.2025).

4. Система межведомственного электронного документооборота органов власти (МЭДО) / [Электронный ресурс] // ЭОС : [сайт]. — URL: https://eos.ru/eos_products/sistema-medo/ (дата обращения: 05.11.2025).

5. Что такое СМЭВ/ [Электронный ресурс] // ЕСКС : [сайт]. — URL https://info.gosuslugi.ru/articles/%D0%A7%D1%82%D0%BE_%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%A1%D0%9C%D0%AD%D0%92/ (дата обращения 05.11.2025).

Т.О. БОРИСОВ

Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
(Уральский филиал),
студент 3-го курса направления подготовки
«Бизнес-информатика»

T.O. BORISOV

Financial University under the Government
of the Russian Federation
(Ural branch),
3rd year student of the field of study
«Business Informatics»

ЧЕТЫРЕ ГРАНИ АНАЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР ЛИДЕРОВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ

FOUR FACETS OF ANALYTICS: A COMPARATIVE REVIEW OF DATA VISUALIZATION LEADERS

Аннотация

В современных реалиях визуализация данных превратилась в главный инструмент принятия управленческих решений. В данной статье мы рассмотрим четыре ключевых инструмента визуализации данных: универсальный MS Excel, облачный Яндекс DataLens, корпоративный Power BI и отечественную платформу PIX BI. Проведя анализ их возможностей, выявляются все преимущества и недостатки в ходе решения управленческих задач. Большое внимание уделяется критериям выбора платформы, в зависимости от масштаба организации и уровня владения пользователями вышеперечисленными платформами.

Annotation

In today's world, data visualization has become a key tool for management decision-making. In this article, we'll examine four key data visualization tools: the universal MS Excel, the cloud-based Yandex DataLens, the enterprise-grade Power BI, and the domestic PIX BI platform. By analyzing their capabilities, we'll identify their advantages and disadvantages for solving management problems. We'll also focus on platform selection based on the organization's scale and the user's level of proficiency with these platforms.

Ключевые слова: дашборд, сравнительный анализ, MS Excel, Яндекс DataLens, Power BI, PIX BI.

Key words: dashboard, comparative analysis, MS Excel, Yandex DataLens, Power BI, PIX BI.

Огромные массивы данных являются составляющими современного бизнеса. Инструменты бизнес-аналитики (BI) и визуализации данных способны превращать сухие цифры в радующие глаз диаграммы, позволяя отслеживать ключевые показатели эффективности (KPI) в режиме реального времени [3]. На рынке представлено большое количество альтернатив — от всем известных табличных приёмов визуализации, до специализированных BI-приложений, и выбор подходящей платформы становится ключевой стратегической задачей для любой современной организации.

Одним из ключевых инструментов и в наши дни остаётся Microsoft Excel, который на протяжении ни одного десятилетия является ярчайшим примером финансового анализа и отчётности. Его популярность характеризуется отсутствием порога для входа и невероятной гибкостью [3]. Данная платформа позволяет выполнить всё - от простого ввода цифровых данных, до сложных стратегических вычислений, а большая часть сотрудников уже владеет базовыми навыками работы в Excel. Сводные таблицы, расширенный набор формул и создание макросов позволяют открыть огромные возможности для бизнес-анализа. Кроме того, платформа легко встраивается в M365 и другие источники из вне.

Однако стоит упомянуть и существенные недостатки. Программа начинает давать сбои с миллионами строк, что критично для Big Data [3]. Кроме того, файлы легко дублируются и рассылаются по почте, из-за чего может возникнуть путаница с версиями приложений, поскольку отсутствует единый правдивый источник. Обновление отчётов часто требует копирования данных вручную, которое требует определённого количества времени, что увеличивает риск ошибок. По последним данным, 89% бизнес-команд и в наши дни полагаются на таблицы ключевых процессов из-за трудностей с интеграцией [1].

Заменой традиционным таблицам служат облачные BI-инструменты, такие как Яндекс DataLens – платформа от Яндекса, входящая в платформу Яндекс Cloud. Изначально созданный для внутренних потребностей компании, он стал доступен широкому кругу лиц как бесплатный инструмент. Сильной стороной DataLens является широкая доступность использования и возможность масштабирования — система Яндекс Cloud позволяет легко наращивать мощности под растущие габариты данных. Интуитивная составляющая позволяет быстро собирать дашборды из готовых виджетов, подключаться к ключевым каналам данных (ClickHouse, PostgreSQL) и API Яндекс.Метрики. DataLens легко интегрируется со сторонними приложениями и личными кабинетами, что позволяет, к примеру, предоставлять клиентам маркетплейсов готовую аналитику, исходя из их продаж [1].

Тем не менее, пользователи жалуются на отсутствие возможности глубокой доработки виджетов и разработки сложных сквозных фильтров. Для корпоративных клиентов уровня Enterprise перенос данных в облачный режим может противоречить политике безопасности, требующей локального развёртывания (on-premise). Кроме того, в отличие от конкурентов, у DataLens пока отсутствуют нативные приложения для iOS и Android.

Для решения корпоративных задач более высокого уровня сложности традиционно выбирают Microsoft Power BI – лидера рынка BI-платформ, который часто используют организации, уже работающие на платформе Microsoft. Для него очень характерны глубокая

аналитика и моделирование данных. Мощный движок и язык DAX (Data Analysis Expressions) позволяют разрабатывать сложнейшие модели данных и вычисления, непосильные более простым инструментам [2]. Power BI легко внедряется с Excel, Azure, SQL Server и остальными приложениями системы Microsoft, что упрощает интеграцию в корпоративной среде. Microsoft активно расширяет экосистему, добавляя функции, характерные для многих нейросетей.

Однако для создания эффективных дашбордов в Power BI требуется владение навыками в области DAX и чёткое понимание реляционных моделей данных - простые задачи здесь могут решаться значительно труднее, чем в Excel. Хотя существует более доступная версия Power BI Desktop, для публикации отчётов и совместной работы требуется покупка платных аналогов. Кроме того, для российских компаний использование Power BI связано с рисками ограничений и ухода MS с российского рынка, что пробуждает интеграцию с отечественным программным обеспечением [2].

В ответ на потребности импортозамещения на рынке семимильными шагами развиваются отечественные BI-системы, среди которых выделяется PIX BI - ключевое детище компании PIX Robotics, позиционируемая как инструмент для демократизации бизнес-анализа. Система ориентирована на то, чтобы пользователи могли работать с данными без сотрудничества с IT-специалистами. Интерфейс PIX BI удивительно прост; по заявлениям разработчика, бизнес-пользователь может изучить его за несколько часов. В 2026 году компания запустила последнюю версию ИИ-ассистента, который понимает запросы на естественном языке, генерирует визуализацию и даже прибегает к детерминации (причинно-следственному анализу). Это позволяет управленцам находить инсайты в разы быстрее. PIX BI является одной из ключевых составляющих реестра отечественного ПО, что крайне важно для компаний с госучастием и объектов КИИ, а сам продукт разработан с учётом требований 152-ФЗ. Минусом данной платформы является отсутствие дополнительной настройки под специфические задачи заказчика, что приводит к увеличению стоимости интеграции примерно на четверть [2].

Таким образом, выбор инструмента для визуализации графических данных напрямую зависит от зрелости компании и её инфраструктуры [1]. Excel остаётся незаменимым инструментом для ad-hoc анализа и финансовых специалистов, но не подходит для создания корпоративных систем с единой БД. DataLens — прекрасный выбор для бизнес-стартапов, которые хотят быстро получить качественную аналитику с наименьшими затратами, используя облачную систему. Power BI - лучшее решение для IT-гигантов, уже интегрированных с MS-платформой, которым требуется сложная многогранная отчётность и усовершенствованное моделирование данных. Наконец, PIX BI - наиболее перспективный

отечественный аналог. Его главный козырь - интеллектуальные помощники, которые делают аналитику доступной для любого сотрудника, превращая данные в реальное конкурентное преимущество.

Список литературы

1. Сошников С. «Система хороша настолько, насколько хороша архитектура данных». Ведомости - 2025. - 23 дек. - URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2025/12/23/1165350-sergei-soshnikov> (дата обращения 18.03.2026).
2. От «Кинопоиска» до продукта для бизнеса: Yandex DataLens, PIX BI и другие отечественные BI-системы // Habr. - 2024. 26 Aug. - URL: https://habr.com/ru/companies/w_code/articles/839020/ (дата обращения 18.03.2026).
3. Программы для анализа данных: сравнение популярных инструментов // Мегапьютер. - 2025. - 27 Apr. - URL: <https://www.megaputer.ru/kak-vybrat-programmu-dlya-analiza-dannyh-sravnenie-populyarnyh-instrumentov/> (дата обращения 18.03.2026).

М.М. ГОРДЕЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

док. пед. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

M.M. GORDEEV

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«Economy»

Scientific supervisor

Y.V. PODPOVETNAYA

D. ped. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

**МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ В УПРАВЛЕНИИ
СПОРТИВНЫМИ АКТИВАМИ: КЕЙС «ОКЛЕНД АТЛЕТИКС» (MONEYBALL, 2002)**

**MATHEMATICAL DATA ANALYSIS METHODS IN SPORTS ASSET
MANAGEMENT: THE OAKLAND ATHLETICS CASE (MONEYBALL, 2002)**

Аннотация

В статье рассматривается применение математических методов анализа данных в управлении на примере клуба «Окленд Атлетикс» в сезоне 2002 года. В условиях минимального бюджета руководство клуба внедрило подход, основанный на корреляционно-регрессионном анализе, оптимизационных моделях и метриках OBP, SLG, DIPS. Это позволило выявить рыночную неэффективность и сформировать конкурентоспособный состав. Кейс демонстрирует, как математические методы становятся основой управленческих решений.

Annotation

The article examines the application of mathematical data analysis methods in management using the example of the Oakland Athletics club in the 2002 season. With a minimal budget, the club's management implemented an approach based on correlation and regression analysis, optimization models, and metrics such as OBP, SLG, and DIPS. This allowed them to identify market inefficiencies and create a competitive roster. The case study demonstrates how mathematical methods can serve as the foundation for management decisions.

Ключевые слова: математические методы, анализ данных, регрессионный анализ, оптимизация, саберметрика, Moneyball.

Key words: mathematical methods, data analysis, regression analysis, optimization, sabermetrics, Moneyball.

Цифровая трансформация управления характеризуется переходом от интуитивных решений к объективным количественным методам. Показательный пример — кейс бейсбольного клуба «Окленд Атлетикс» в 2002 году, описанный Майклом Льюисом [1]. Клуб с бюджетом 40 млн долл. (20-е место в лиге) одержал 103 победы, установив рекорд — 20 побед подряд. Успех был достигнут благодаря внедрению математического подхода к оценке игроков.

В основе подхода лежала саберметрика - математически ориентированная школа анализа, развитая Биллом Джеймсом [2]. Ключевой принцип: оценка игроков на основе объективных статистических показателей, коррелирующих с итоговым результатом — количеством набранных ранов (Runs). Традиционная система опиралась на Batting Average (AVG). Однако корреляционный анализ, проведённый Полом ДеПоджестой [4], показал, что AVG имеет низкую предсказательную силу (корреляция 0,4–0,5), тогда как On-base Percentage (OBP) коррелирует с ранами на уровне 0,8–0,9, а Slugging Percentage (SLG) — 0,7–0,8. Это открытие стало основой стратегии: вместо поиска «звёзд» с высоким AVG клуб начал приобретать игроков с высоким OBP [1; 4].

Главной метрикой стратегии стал показатель OBP, рассчитываемый по формуле:

$$OBP = (H + BB + HBP) / (AB + BB + HBP + SF)$$

где H — хиты, BB — уоки, HBP — попадания питчером, AB — выходы к бите, SF — жертвенные флаи. OBP показывает долю выходов, не завершившихся выбыванием. Способность занимать базу напрямую ведёт к набору ранов и победам [1; 4].

«Окленд» использовал множественную линейную регрессию для прогнозирования побед [4]. Модель включала суммарные OBP и SLG команды, а также эффективность питчеров. Коэффициенты при OBP и SLG были положительными и статистически значимыми [1; 4]. На основе модели решалась задача оптимизации: максимизация побед при бюджетном ограничении (зарплаты игроков ≤ 40 млн долл.).

Ключевой инновацией стало выявление рыночной неэффективности. Аналитики строили две регрессии: первая оценивала рыночную стоимость игрока на основе традиционных метрик (AVG, хоум-раны), вторая — реальную ценность на основе OBP и SLG. Условие арбитража: Real Value > Market Price.

Игроки с таким соотношением становились целями для приобретения [1; 4].

Для оценки питчеров использовалась концепция DIPS (Defense Independent Pitching Statistics), разработанная Ворасом Маккракеном [3]. Традиционный ERA зависит от качества защиты, а DIPS оценивает только контролируемые питчером события: хоум-раны, уоки, страйкауты. Это позволяло находить питчеров, чьё реальное мастерство выше традиционного ERA, и приобретать их по заниженной цене [3; 4]. Рассмотрим ключевых игроков, подписанных Оклендом, опираясь на метрику, указанную выше:

Скотт Хатеберг. После потери Джейсона Джамби (контракт 120 млн долл.) «Окленд» приобрёл Хатеберга [1]. Показатели до перехода: AVG = 0,238, OBP = 0,369, зарплата = 0,95 млн долл. Рынок недооценивал его из-за низкого AVG, но OBP был выше среднего. Арбитражная модель показала превышение реальной ценности над рыночной [1; 4]. В сезоне 2002 Хатеберг показал OBP = 0,374 и выбил победный хоум-ран в 20-й победе.

Чед Брэдфорд. Питчер с нестандартной техникой [1]. Показатели: ERA = 3,86, DIPS ERA = 2,95. Традиционный ERA был выше среднего, но DIPS показывал высокое мастерство [3]. «Окленд» приобрёл его за минимальную компенсацию. В сезоне 2002 он показал ERA = 2,77 [1].

Джонни Дэймон (обратный пример). Показатели: AVG = 0,256, OBP = 0,324, запрашиваемая зарплата = 8–10 млн долл. OBP был ниже среднего. Модель показала, что реальная ценность ниже рыночной [1]. «Окленд» отказался от продления контракта.

В сезоне 2002 при бюджете 40 млн долл. (20-е место) «Окленд» одержал 103 победы, установив рекорд — 20 побед подряд. Стоимость одной победы составила 388 тыс. долл., что в 3,6 раза ниже средней по лиге (1,4 млн долл.) [1].

Кейс «Окленд Атлетикс» демонстрирует эффективность математических методов анализа данных в управлении [5]. Основные выводы: корреляционно-регрессионный анализ позволяет переопределить ключевые показатели [2; 4]; арбитраж данных выявляет рыночную неэффективность [1; 4]; оптимизационные модели максимизируют результат при ограничениях [1]; DIPS корректирует оценку питчеров [3; 4]. Для образования и управления кейс подтверждает необходимость формирования компетенций в области математических методов анализа данных.

Список литературы

1. Bauer, B. The Sabermetric Revolution: Assessing the Growth of Analytics in Baseball / B. Bauer, A. Zimbalist. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. — 192 p. — URL: <https://dokumen.pub/the-sabermetric-revolution-assessing-the-growth-of-analytics-in-baseball-9780812209129.html> (дата обращения: 24.03.2026).
2. DePodesta, P. The Sabermetric Approach to Player Evaluation / P. DePodesta // Baseball Between the Numbers : Why Everything You Know About the Game Is Wrong / ed. By J. Keri. — New York : Basic Books, 2003. — P. 45–67. — URL: <https://dokumen.pub/qdownload/baseball-between-the-numbers-why-everything-you-know-about-the-game-is-wrong-0465005969-9780465005963.html> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Lewis, M. Moneyball: The Art of Winning an Unfair Game / M. Lewis. — New York : W.W. Norton & Company, 2003. — 288 p. — URL: https://www.forexfactory.com/attachment/file/693937%3Fd%3D1304709354&ved=2ahUKEwj0i8n8x7qTAxWjVfEDHQ9WGzgQFnoECEYQAQ&usg=AOvVaw1Vf_PA0xgS1GHQ1oYU5WxD (дата обращения: 24.03.2026).
4. McCracken, V. Pitching and Defense: How Much Control Does a Pitcher Have? / V. McCracken // Baseball Prospectus. — 2001. — 24 January. — URL: <https://www.baseballprospectus.com/news/article/878/pitching-and-defense-how-much-control-does-a-pitcher-have/> (дата обращения: 24.03.2026).
5. Михайлова, С.В. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза / С.В. Михайлова, Ю.В. Подповетная, Е.В. Письменный, А.Д. Подповетный // Теория и практика физической культуры. — 2023. — № 10. — С. 44. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54525333> (дата обращения: 25.03.2026).

Д.Д. ГУСЕВА
Уральский филиал Финуниверситета
студентка 2 курса, направления
«Экономика»

Научный руководитель
Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ
доктор пед. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

D.D. GUSEVA
Ural Branch of the Financial University
2-year student
«Economy»

Scientific supervisor
YU.V. PODPOVETNAYA
Doctor of Ped. Sciences, Associate Professor
Ural Branch of the Financial University

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГРАЖДАН РОССИИ

ANALYSIS OF THE IMPACT OF DIGITAL PLATFORMS ON THE QUALITY OF LIFE OF CITIZENS

Аннотация

В статье рассматривается воздействие цифровых экосистем «Госуслуги» и «Сбербанк Онлайн» на качество жизни населения России. С опорой на статистические данные и материалы опросов анализируются изменения в повседневных практиках граждан, связанные с доступностью услуг и временными затратами. Показано, что внедрение цифровых решений способствует повышению уровня жизни благодаря упрощению административных процедур и сокращению различий между жителями разных городов России.

Annotation

This article examines the impact of the Gosuslugi and Sberbank Online digital ecosystems on the quality of life of the Russian population. Using statistical data and survey results, it analyzes changes in citizens' daily practices related to service accessibility and time spent. It demonstrates that the implementation of digital solutions contributes to improved living standards by simplifying administrative procedures and reducing disparities between residents of different Russian cities.

Ключевые слова: цифровые платформы, качество жизни, Госуслуги, Сбербанк Онлайн, анализ данных, городская среда.

Keywords: digital platforms, quality of life, government services, Sberbank Online, data analysis, urban environment.

Повсеместное внедрение цифровых технологий меняет уклад жизни в городах. Традиционные формы получения государственных и финансовых услуг уступают место дистанционным каналам. Наиболее заметными в России стали портал «Госуслуги» и экосистема Сбера, которые охватывают многомиллионную аудиторию. Согласно данным Центра социального проектирования «Платформа», в 2025 году 68% респондентов из малых и средних городов отметили, что их повседневный комфорт возрос благодаря цифровым сервисам [3].

Теоретическую базу работы составляют публикации отечественных исследователей, изучающих цифровую трансформацию. В них подчеркивается, что эффективность цифровизации зависит от региональной инфраструктуры и уровня владения технологиями различными группами населения. Сохраняющиеся межрегиональные различия в скорости внедрения инноваций влияют на равномерность доступа к онлайн-услугам [1].

Функционирование портала «Госуслуги» привело к перестройке коммуникации между гражданами и ведомствами. Существенным шагом стала группировка услуг по принципу жизненных ситуаций: пользователь получает набор функций, соответствующих конкретному событию. К концу 2025 года портал предлагает 70 федеральных и 425 региональных сервисов, каждый из которых объединяет около 17 различных государственных услуг [3]. Проактивный формат позволяет автоматически информировать о причитающихся выплатах – например, налоговый вычет поступает без личного обращения. Аналогично реализовано продление полиса ОСАГО. Алгоритмизация процессов снижает влияние человеческого фактора, что повышает доверие к системе.

«Сбербанк Онлайн» за несколько лет трансформировался из приложения для дистанционного управления счетами в многофункциональную экосистему. В блоке «Дом» зарегистрировано 15 млн пользователей, которые через него оплачивают ЖКУ и передают показания счетчиков. Направление «Авто» привлекло 3,8 млн клиентов. Объединенная зона «Для жизни» ежемесячно обслуживает 50 млн активных пользователей [4]. Около 5,5 млн человек регулярно оплачивают коммунальные услуги, не посещая офисы управляющих компаний. В автомобильном сегменте доступны запись на техобслуживание со скидкой до 30%, уплата штрафов и оплата проезда по платным дорогам. Примером успешной интеграции цифровых и физических объектов инфраструктуры стал проект в Екатеринбурге:

внедрение биометрической оплаты «Оплата улыбкой» и установка 104 смарт-турникетов позволили увеличить пропускную способность метро; за полгода зафиксировано более 600 тыс. операций [5].

Цифровые платформы способствуют сглаживанию различий в уровне жизни между мегаполисами и небольшими городами. По оценкам Центра «Платформа», 57% жителей малых и средних городов наблюдают позитивные изменения в городской среде за последние пять лет. Каждый третий опрошенный считает, что качество жизни в его городе приблизилось к показателям крупных агломераций [3]. Цифровые инструменты обеспечивают равный доступ к товарам и услугам независимо от места проживания. В медицине сервисы «СберЗдоровье» и «СберМедИИ» развивают дистанционное наблюдение в 70 регионах, внедряют ИИ-помощников и создают цифровые ФАПы более чем в 50 регионах. Образовательный проект «Школа 21» работает в 16 регионах, подготовив 6000 специалистов на бесплатной основе [4].

Оценки граждан демонстрируют связь между использованием электронных сервисов и социальным самочувствием. Люди, положительно оценивающие удобство платформ и доверяющие онлайн-взаимодействию с государством, чаще демонстрируют высокую удовлетворенность жизнью. По результатам опроса Центра «Платформа», 88% респондентов видят для себя перспективы в онлайн-образовании, телемедицине и сервисах доставки. Доля жителей малых городов, не планирующих переезд, выросла до 48% (в 2018 году – 32%) [3], что подтверждает роль цифровых каналов в снижении миграционных настроений.

Цифровизация сопровождается и определенными трудностями. Остаются диспропорции между регионами в уровне развития инфраструктуры: в отдаленных территориях качество интернета часто не позволяет полноценно пользоваться сервисами. Неравномерна и цифровая грамотность: пожилые люди и граждане с низкими доходами испытывают сложности [1]. Опасения по поводу мошенничества и утечек данных требуют постоянного усиления защиты. Полный отказ от традиционных форматов может стать барьером для части граждан, поэтому необходимо сохранять очные каналы – МФЦ, банковские отделения, личный прием у врача.

Можно выделить три основных механизма воздействия цифровых платформ на качество жизни. Во-первых, снижение транзакционных издержек: запись к врачу через «Госуслуги» занимает 2–3 минуты против 1–2 часов при личном визите, оплата ЖКУ через приложение – 1 минуту вместо получасового похода в банк. В масштабах страны экономия времени составляет миллионы человеко-часов ежедневно. Во-вторых, расширение доступности услуг для жителей малых городов и маломобильных групп – географическая

удаленность перестает быть препятствием. В-третьих, повышение объективности благодаря алгоритмизации, что снижает коррупционные риски и укрепляет доверие к институтам.

С точки зрения анализа данных, платформы формируют массивы информации, которые могут применяться для улучшения сервисов. Мониторинг частоты обращений к разделам «Госуслуг» позволяет выявлять пиковые нагрузки и перераспределять ресурсы. Сведения о популярных услугах служат основой для их доработки. В экосистеме Сбера анализ транзакций помогает предлагать клиентам релевантные финансовые продукты в нужный момент. Вместе с тем обработка персональных данных требует прозрачных правил и надежной защиты, иначе доверие пользователей снизится.

Перспективы развития платформ связаны с использованием обратной связи и методов машинного обучения для проактивного обслуживания. Система могла бы напоминать о сроках замены документов, рекомендовать визит к врачу на основе истории, информировать о неиспользованных льготах. При этом цифровые сервисы не должны полностью вытеснять очные формы – необходима инклюзивная стратегия. Также требуются программы повышения цифровой грамотности: курсы для старшего поколения, включение навыков в школьное образование, просветительские кампании.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровые платформы являются весомым фактором повышения качества жизни граждан России. Они обеспечивают доступность услуг, экономию времени, снижение бюрократической нагрузки. Наиболее выраженные позитивные изменения наблюдаются в сферах взаимодействия с государством, управления финансами, ЖКХ, здравоохранения и образования. Группировка услуг по жизненным ситуациям делает их более понятными. Ключевым социальным эффектом выступает сокращение разрыва между крупными городами и малыми населенными пунктами, ослабление миграционных настроений.

Сохраняющиеся вызовы цифрового неравенства требуют адресных мер по развитию инфраструктуры и повышению компетентности, а также поддержания баланса между цифровыми и физическими форматами обслуживания. Анализ данных, генерируемых платформами, открывает перспективы для совершенствования сервисов при условии защиты персональной информации. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку интегральных показателей качества жизни в условиях цифровой экономики, изучение долгосрочных эффектов цифровизации и применение технологий больших данных для мониторинга общественного мнения.

Список литературы

1. Гончарова О.К., Ужегов А.О. Качество жизни населения в условиях цифровой трансформации экономики Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2024. – № 435. – С. 45-58.
2. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 10. – С. 44.
3. Центр социального проектирования «Платформа». Исследование влияния цифровых сервисов на качество жизни в малых и средних городах России. – 2025. – URL: <https://platforma.center> (дата обращения: 15.03.2026).
4. Сбербанк. Экосистема Сбера: итоги 2025 года и новые сервисы // Материалы конференции «Сделано в "Сбере"». – 2025. – URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress> (дата обращения: 18.03.2026).
5. Цифровой Урал: как инновации работают на благо людей // Комсомольская правда. – 2025. – 15 августа. – URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27739.5/5128446/> (дата обращения: 18.03.2026).

В.Н. ДЮКАРЕВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент 3 курса направления «Бизнес-информатика»

П.В. АЛДОХИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Л.Ю. ОВСЯНИЦКАЯ

канд. тех. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

V.N. DYUKAREV

Ural branch of the Financial University
3rd year student of the direction «Business-Informatics»

P.V. ALDOKHINA

Ural branch of the Financial University
2nd year student of the direction
«State and municipal management»

Scientific supervisor

**«НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПУЗЫРЬ»: ТЕХНИЧЕСКИЕ
ИНДИКАТОРЫ ПЕРЕГРЕВА НА РЫНКЕ ИИ-ГИГАНТОВ**

**«THE NEW TECH BUBBLE»: TECHNICAL INDICATORS
OF OVERHEATING IN THE AI GIANTS MARKET**

Аннотация

В статье показано, что начало 2026 года характеризуется беспрецедентной концентрацией капитала в узкой группе компаний, что приводит к обоснованному риску формирования «технологического пузыря». Доказано, что своевременная идентификация такого пузыря имеет ключевое значение, поскольку его схлопывание в условиях доминирования пассивного инвестирования и высокорисковых деривативов может привести к системному кризису, сопоставимому с кризисами 2000 и 2008 годов.

Annotation

The article shows that the beginning of 2026 is characterized by an unprecedented concentration of capital in a narrow group of companies, which leads to a justified risk of a "technology bubble" forming. It is proven that the timely identification of such a bubble is crucial, as its collapse in the context of the dominance of passive investment and high-risk derivatives could lead to a systemic crisis comparable to the crises of 2000 and 2008.

Ключевые слова: искусственный интеллект, мировой кризис, финансовый рынок, макроэкономика

Key words: artificial intelligence, global crisis, financial market, macroeconomics

Индекс S&P 500 является ключевым индикатором на фондовом рынке США, который отражает экономическое состояние страны. Этот индекс тесно связан с инвестиционным климатом, позволяя анализировать различные фазы экономического цикла и выявлять финансовые кризисы. Значительные падения индекса характерны для периодов глобальной нестабильности как в США, так и за его пределами. К примеру, такие падения наблюдались во время ипотечного кризиса 2008 года, кризиса Dot-com 2000 года, Арабо-Израильского конфликта 1973 года и теракта 11 сентября [3].

За последние пять лет после кризиса мировая экономика показала значительный рост, чему, безусловно, способствовали компании, работающие в области искусственного интеллекта, составляющие более 30% от общего числа компаний в этом индексе [2]. Эти предприятия, использующие инновационные технологии, успешно вносят вклад в развитие экономики и укрепление своей финансовой устойчивости. Однако это также порождает опасения о том, не возникнет ли новый «пузырь» и возможный крах этих компаний, а также что такое экономический «технологический пузырь».

Технологический пузырь представляет собой периодическое явление в индустрии технологий, известное со времён формирования Силиконовой долины [1]. Это явление обычно характеризуется резким ростом цен на акции технологических компаний, который затем сменяется их значительным падением.

Пожалуй, наиболее яркий пример такого пузыря — это период конца 1990-х и начала 2000-х, когда стоимость акций высокотехнологичных компаний стремительно возросла, а затем обрушилась в итоге кризиса Dot-Com. Быстрый рост интернета в начале 90-х стал причиной создания множества стартапов, известного как Dot-com (к примеру, eBay, Amazon, Yahoo!). Воодушевленные новыми возможностями, инвесторы активно начали вкладываться в компании IT-сектора: к 1999 году 39% венчурного капитала было направлено на финансирование новых технологических проектов. Основной торговой площадкой для таких сделок стал NASDAQ, который за четыре года (с 1996 по 2000) вырос в пять раз, достигнув 5000 пунктов, но затем обвалился на 75% в период 2000-2002 годов [1].

На эту ситуацию оказали влияние несколько факторов. Во-первых, фондовый рынок перестал эффективно фильтровать компании для торговли их акциями, что дало возможность любому желающему начать торги, просто добавив к своему названию окончание «.com». Во-вторых, рецессия в Японии спровоцировала массовую распродажу акций технологических компаний, что вызвало настороженность инвесторов. В-третьих, Федеральная резервная система США в 2000 году последовательно увеличила ключевую процентную ставку на 1,75%, пытаясь «охладить» экономику на фоне инфляции, достигнутой к 1999 году.

Современные технологические компании продолжают привлекать значительные инвестиции и обещают новую волну технологической революции. Для оценки рисков возможного пузыря давайте проанализируем экономические показатели лидирующих компаний в сфере искусственного интеллекта.

Например, рассматривая динамику запасов компании Nvidia за период с 2023 по 2025 год, можно заметить признаки классического перепроизводства: после стабильных объёмов на уровне 5 миллиардов долларов в 2023-2024 годах, запасы удвоились к началу 2025 года и затем резко увеличились до 19,78 миллиарда долларов к октябрю (+158% по сравнению с

прошлым годом). Это указывает на то, что темпы производства чипов (через Blackwell/H100) начали превышать возможности клиентов по их установке в дата-центрах.

Несмотря на общую финансовую стабильность сектора, согласно данным Bloomberg, почти половина из 38 крупнейших компаний в области ИИ имеют отрицательный чистый долг. При более глубоком анализе баланса таких гигантов, как Nvidia, можно увидеть снижение качества прибыли, схожее с явлениями, наблюдаемыми в сланцевой отрасли 2010-х годов.

За последующий год непогашенная дебиторская задолженность Nvidia удвоилась, достигнув \$33,4 миллиарда, а средний срок оборачиваемости увеличился с 46 до 53 дней. Рост доходов все более зависит от кредитных обязательств контрагентов, а не от наличных поступлений. Пока компании TSMC и AMD обычно имеют операционный денежный поток выше своей чистой прибыли (конверсия >100% благодаря амортизации), Nvidia демонстрирует отставание с показателем конверсии около 91% в III квартале 2025 года. Это подтверждает снижение качества прибыли, что ставит под сомнение ее реальность и увеличивает риск кассовых разрывов, если стартапы-клиенты столкнутся с ликвидными проблемами.

История повторяется: как и в случае с телекоммуникационными гигантами 2000-х, рынок часто игнорирует, что агрессивный рост доходов финансируется ухудшением финансовых показателей. Основная проблема ROI заключается в несоответствии между инвестициями и доходами. Главное отличие текущего цикла от здорового роста заключается в отсутствии платежеспособного спроса, сопоставимого с объемом капитальных вложений [1].

Список литературы

1. Анатомия ИИ-пузыря: почему сценарий краха доткомов повторяется в 2026 году // Новостное агентство «InvestFuture». – Режим доступа: <https://investfuture.ru/articles/anatomiya-ii-puzurya-pochemu-stsenariy-krakha-dotkomov-povtoryaetsya-v-2026-godu/>. (Дата обращения 24.03.2026)
2. Доля семи американских бигтехов в индексе S&P 500 подскочила до 30% // Новостное агентство «Rbk.ru». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/661912e49a794764c30bafc2/>. (Дата обращения 24.03.2026)
3. Переосмысливаем классические стратегии (Часть IV): SP500 и казначейские облигации США // «форум MQL5». – Режим доступа: <https://www.mql5.com/ru/articles/15531?ysclid=mn75d7jia9252558612/>. (Дата обращения 26.03.2026)

Я.В. ЖИГЛОВ

Бузулукский финансово-экономический колледж,
студент II курса направления подготовки
«Финансы»

Научный руководитель

Д.Д. ЩЕРБАТОВА

Бузулукский финансово-экономический
колледж, преподаватель

YA.V. ZHIGLOV

Buzuluk Financial and Economic College,
second year student majoring in Finance

Academic Supervisor

D.D. SHCHERBATOVA

Buzuluk Financial and Economic College, Lecturer

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

DEVELOPMENT OF MACHINE LEARNING ALGORITHMS FOR DETECTING FRAUDULENT OPERATIONS IN THE BANKING SECTOR

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к построению систем обнаружения мошеннических операций в банковской сфере с использованием методов машинного обучения. Проводится сравнительный анализ эффективности алгоритмов логистической регрессии, случайного леса и градиентного бустинга на основе реальных данных о транзакциях. Особое внимание уделяется проблеме несбалансированности классов и методам ее преодоления. Предложена архитектура гибридной модели, позволяющая повысить точность выявления мошенничества при сохранении приемлемого уровня ложных срабатываний.

Annotation

The article discusses modern approaches to building fraud detection systems in the banking sector using machine-learning methods. A comparative analysis of the effectiveness of logistic regression, random forest, and gradient boosting algorithms based on real transaction data is conducted. Special attention is paid to the problem of class imbalance and methods to overcome it.

An architecture of a hybrid model is proposed to improve fraud detection accuracy while maintaining an acceptable level of false positives.

Ключевые слова: машинное обучение, выявление мошенничества, банковские транзакции, несбалансированная выборка, искусственный интеллект.

Key words: machine learning, fraud detection, banking transactions, imbalanced data, artificial intelligence.

С развитием цифровых технологий и онлайн-банкинга показатели объёма мошеннических операций в финансовой сфере значительно возросли. По данным различных исследований, ежегодные потери банков исчисляются в миллиардах долларов. Традиционные правила борьбы с мошенничеством уже не справляются с растущей изощрённостью самих мошенников, использующих социальную инженерию, подмену устройств и генеративный искусственный интеллект [1]. В этих условиях алгоритмы машинного обучения могут стать эффективным инструментом для выявления мошеннических операций в реальном времени.

Основная сложность данной задачи заключается в огромной несбалансированности данных: доля мошеннических транзакций обычно составляет менее 0,1–1 %, что приводит к тому, что модели склонны чаще всего предсказывать любую финансовую операцию, как «нормальную», даже при наличии подозрительных признаков. Для решения этой проблемы применяют техники передискретизации (увеличение числа примеров мошеннических операций, в том числе синтетических), субдискретизации (уменьшение числа обычных транзакций), а также специализированные метрики оценки качества модели: precision (точность), recall (полнота), F1-мера и площадь под ROC-кривой [2].

Среди наиболее эффективных алгоритмов обучения с учителем выделяют логистическую регрессию, случайный лес и градиентный бустинг, в частности, его реализацию XGBoost. Логистическая регрессия проста в реализации и хорошо интерпретируема, однако она показывает ограниченные результаты на сложных нелинейных зависимостях. В свою очередь, случайный лес, представляющий собой ансамбль деревьев-решений, лучше справляется с шумом в данных и позволяет оценить важность отдельных признаков, например, сумма транзакции, страна получателя, время совершения операции. Градиентный бустинг обычно демонстрирует наивысшую точность за счёт последовательного исправления ошибок предыдущих моделей [3].

Исследования показывают, что в условиях несбалансированных данных градиентный бустинг в сочетании с техниками передискретизации позволяет достигать значений AUC-

ROC выше 0,95–0,98 при достаточно приемлемом уровне полноты обнаружения мошенничества [3].

Для повышения эффективности предлагается гибридная архитектура модели, которая объединяет:

- правила экспертной системы для быстрой отсежки очевидных нарушений;
- модель градиентного бустинга (для выявления сложных паттернов);
- алгоритм обнаружения аномалий (например, изоляционный лес) для работы с новыми, ранее не встречавшимися типами мошенничества [4].

Такая комбинация может позволить снизить количество ложных срабатываний и повысить скорость реакции системы в реальном времени. Важным этапом внедрения является создание дополнительных признаков — определение средней суммы транзакций клиента за последние сутки, частоты операций в нехарактерное время или расстояние между геолокациями последовательных платежей [5].

Таким образом, применение алгоритмов машинного обучения открывает новые возможности для противодействия мошенничеству в банковской сфере. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются интеграция анализа манеры использования мобильного приложения, и использование нейронных сетей для анализа последовательностей транзакций [6].

Список литературы

7. Аджиева А. Ю. Детекция мошенничества в транзакциях в реальном времени: нейросети для поиска аномалий и смены поведенческих паттернов клиента / А. Ю. Аджиева [и др.] // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2026.
8. Алдохина Д. В. Применение искусственного интеллекта и машинного обучения для выявления случаев финансового мошенничества // Информатика и цифра. – 2025.
9. Аркадьева О. Г. Модели машинного обучения как инструмент обнаружения подозрительных банковских транзакций / О. Г. Аркадьева, А. В. Петров // Вестник Сургутского государственного университета. – 2025.
10. Дьяконова Л. П. Применение методов машинного обучения и искусственного интеллекта в сфере кредитования и обнаружения мошенничества // Вестник экономики, права и социологии. – 2025.
11. Недбаев А. А. Обеспечение безопасности в банковских транзакциях при помощи искусственного интеллекта / А. А. Недбаев, С. П. Спиридонов // Кибернетика и информатика. – 2025.
12. Фельдман Е. В. Модель выявления аномальных банковских транзакций на основе

машинного обучения / Е. В. Фельдман, А. Н. Ручай, Д. Ю. Чербаджи // Вестник УрФО. – 2021.

С.О. ЖУКОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Уральский филиал)
Студент III курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление»

А.А. ЕГОРОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Уральский филиал)
Студент III курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Т.А. БАРЧУКОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Уральский филиал)
ст. преподаватель кафедры «Экономика, финансы и управление»

Консультант

И.А. БЕЛИШКО

Начальник отдела камеральных проверок № 7 (УСН, ПСН, НПД, АУСН)

S.O. Zhukova

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch)
Third-year student majoring in State and municipal administration

A.A. EGOROVA

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch)
Third-year student majoring in State and municipal administration

Academic Supervisor

T.A. BARCHUKOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch)
Senior Lecturer at the Department of Economics, Finance, and Management

Consultant

I.A. BELISHKO

Head of the Department of Desk Audits No. 7 (USN, PSN, NPD, AUSN)

МЕРЫ ПО ОПТИМИЗАЦИИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

MEASURES TO OPTIMIZE THE ADMINISTRATION OF THE AUTOMATED SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM

Аннотация

В работе проведён комплексный анализ изменений в администрировании автоматизированной упрощённой системы налогообложения (АУСН) в связи с её расширением на всей территории РФ с 2025 года. Рассмотрены нормативно-правовые основы, механизм функционирования режима, проведён сравнительный анализ эффективности АУСН с другими специальными налоговыми режимами. Оценено влияние изменений налогового законодательства 2025–2027 годов на выбор режима микробизнесом. Выявлены основные проблемы: завышенные налоговые ставки и необходимость ручного контроля данных. Предложены практические меры по снижению административной нагрузки и повышению привлекательности.

Annotation

The study conducted a comprehensive analysis of changes in the administration of the Automated Simplified Taxation System (AUSN) in connection with its expansion across the entire territory of the Russian Federation starting from 2025. It examined the regulatory and legal framework, the mechanism of the regime's functioning, and performed a comparative analysis of the effectiveness of AUSN against other special tax regimes. The impact of changes in tax legislation for 2025–2027 on the choice of regime by microbusinesses was assessed. Key problems were identified: elevated tax rates and the need for manual data control. Practical measures were proposed to reduce administrative burden and increase the attractiveness.

Ключевые слова: Автоматизированная упрощенная система налогообложения; АУСН; специальные налоговые режимы; цифровая трансформация.

Keywords: Automated Simplified Taxation System; AUSN; special tax regimes; digital transformation.

Налоговая система Российской Федерации продолжает процесс цифровой трансформации, а внедрение и развитие автоматизированных режимов, таких как АУСН, направлено на снижение административной нагрузки на бизнес, и совершенствование налогового контроля.

Целью работы является комплексный анализ изменений в системе налогового администрирования в связи с расширением применения АУСН и разработка мер по оптимизации данного процесса.

АУСН во многом похожа на упрощённую систему налогообложения (УСН). «Можно

выбрать объект «доходы» или «доходы минус расходы». Главное преимущество – полное освобождение от уплаты страховых взносов (кроме взносов на травматизм) при сохранении пенсионных прав. Выездные налоговые проверки не проводятся, декларации по налогу сдавать не нужно, отчётность в СФР минимальна. Основные ограничения: доход не более 60 млн руб. в год, численность сотрудников – не более 5 человек, работа только через уполномоченные банки, запрет на совмещение с другими режимами» [1].

В таблице 1 представлен SWOT-анализ эффективности АУСН в Российской Федерации.

Таблица 1

Сильные стороны	Слабые стороны
- Освобождение от страховых взносов за ИП и сотрудников (пенсионные права сохраняются) - Минимальная отчётность: не сдаются 6-НДФЛ, РСВ, 4-ФСС, декларация по АУСН - Отсутствие выездных проверок (только ежегодные камеральные)	- Присутствуют ограничения по доходам и числу сотрудников - необходимость работы через уполномоченные банки - АУСН нельзя совмещать с другими налоговыми режимами
Возможности	Угрозы
- Увеличение востребованности АУСН за счет ужесточения других налоговых режимов - Сохранение права работать без НДС при обороте до 60 млн руб. (в 2026 году на УСН и ПСН лимит без НДС снижен до 20 млн руб.)	- Нарушение лимитов приводит к автоматическому переходу на ОСНО с уплатой НДС

SWOT-анализ показал, что ключевым преимуществом остаётся освобождение от страховых взносов. Однако оно уравнивается строгими лимитами. С 2026 года АУСН становится наиболее выгодным режимом для микробизнеса из-за ужесточения УСН и ПСН.

Рассмотрим, какой налоговый режим будет наиболее выгоден ИП в 2025 и 2026 годах. Предприниматель «Н» работает один в парикмахерской, годовой доход 25 млн. руб. В 2025 году ИП использует ПСН: «стоимость патента – 150 тыс. руб.» [2]. Фиксированные страховые взносы – 75 658 руб. Таким образом общая нагрузка – примерно 225 658 руб., на АУСН (8 %) нагрузка составила бы 2 млн руб. – в 9 раз выше. ПСН был экономически эффективен.

Реформа в 2026 году приводит к тому, что ПСН недоступен (лимит 20 млн руб.). На УСН «доходы» + НДС 22% + страховые взносы – нагрузка превысит 2,6 млн руб. На АУСН только 2 млн руб. (без взносов и без НДС). Таким образом, с 2026 года АУСН становится

единственным экономически целесообразным вариантом для микробизнеса со штатом до 5 человек.

Для анализа рисков, связанных с взаимодействием налогоплательщиков на АУСН с уполномоченными банками, было проведено социологическое исследование методом выборочного анкетирования пяти сотрудников ИФНС №26 по Челябинской области (2 начальника отделов и 3 старших инспектора).

По результатам анкетирования 40% респондентов отметили, что налогоплательщики обращаются по вопросам уполномоченных банков «время от времени», 40% – «редко». Основные проблемы: некорректное формирование платежных документов и ошибочное отражение операций (40%), сложности связи с поддержкой банка (20%).

Опросы микрокомпаний показали, что 97% отказались от перехода на АУСН из-за завышенных ставок и необходимости ручного контроля. Мониторинг ПАО «Сбербанк» зафиксировал за первое полугодие 2025 года около 3,5 тыс. событий операционного риска, связанных с корректировками.

Проведенный анализ позволил выделить ряд проблем. Мы считаем, что завышенные ставки по сравнению с УСН увеличивают финансовую нагрузку, а необходимость постоянного ручного контроля и исправления ошибок в системе противоречит цели автоматизации.

Для решения выявленных проблем разработаны меры по повышению эффективности АУСН. Предлагается пересмотреть ставки в сторону снижения, приблизив их к 6% и 15%, ввести дифференциацию по видам деятельности и регионам, а также разрешить уменьшение налога за счет отдельных расходов (например, на рекламу и развитие). Также целесообразно инициировать изменения в Федеральный закон № 17-ФЗ, расширить региональные льготы по аналогии с УСН и предусмотреть переходный период с пониженными ставками для новых предпринимателей.

Для стандартизации процессов и технологической автоматизации, с учетом методических рекомендаций ФНС по разделению безналичных операций на учитываемые и неучитываемые при определении объекта налогообложения, предлагается внедрить внутренний регламент для ИП на АУСН по обязательной кодировке всех платежей. В результате такие меры, как снижение ставок и введение регламента по кодировке операций, позволят сделать работу АУСН более эффективной.

Проведенный анализ показал, что АУСН обладает значительным потенциалом, особенно в условиях реформы 2026 года. Однако для массового перехода микробизнеса на этот режим необходимо устранить ключевые барьеры – завышенные ставки и технические несовершенства автоматизации. Предложенные меры направлены на решение этих проблем

и будут способствовать повышению эффективности налогового администрирования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» (с изм. от 28.11.2025)
2. Закон Челябинской области от 25 октября 2012 г. № 1166 «О применении индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения на территории Челябинской области» (с изм. 28.11.2025)

А. В. КАЗАНЧУК

Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, студент 2-ого курса направления подготовки «Менеджмент организации»

Научный руководитель

Ю. В. ПОДПОВЕТНАЯ

Доктор педагогических наук, доцент;

Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

A. V. KAZANCHUK

Ural Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 2st-year student of the «Organization Management» degree program.
Scientific supervisor

YU.V. PODPOVETNAYA

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor; Ural Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ОПТИМИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ АНАЛИЗА ДАННЫХ OPTIMIZATION OF BUSINESS PROCESSES USING DATA ANALYSIS

Аннотация

В статье рассматривается применение анализа данных для совершенствования бизнес-процессов организации. Показано, что использование информации о деятельности предприятия позволяет выявлять проблемные участки и находить пути повышения эффективности. Раскрываются основные направления применения анализа данных в управлении. Приводится практический пример оптимизации бизнес-процесса на основе анализа данных на примере российской компании X5 Group. Сделан вывод о том, что использование данных способствует принятию более обоснованных управленческих решений и повышению результативности деятельности предприятий.

Annotation

The article examines the use of data analysis to improve business processes in organizations. It is shown that the use of information about company activities helps identify problem areas and find ways to increase efficiency. The main directions of applying data analysis in management are considered. A practical example of business process optimization based on data analysis is provided using the example of the Russian company X5 Group. It is concluded that the use of data contributes to more informed managerial decision-making and improves enterprise performance.

Ключевые слова: бизнес-процессы, анализ данных, управление организацией, оптимизация, эффективность, ритейл

Keywords: business processes, data analysis, management, optimization, efficiency, retail

В условиях высокой конкуренции одним из ключевых направлений повышения эффективности деятельности организации является оптимизация бизнес-процессов. От того, насколько рационально организованы процессы создания продукции или оказания услуг, напрямую зависит результат работы предприятия. Наличие избыточных операций, дублирования функций или неэффективного распределения ресурсов приводит к увеличению затрат и снижению общей результативности.

В последние годы всё больше компаний уделяют внимание анализу данных как инструменту повышения эффективности управления. Предприятия накапливают значительные объёмы информации о своей деятельности: данные о продажах, затратах, работе сотрудников и других показателях. При грамотном использовании такая информация становится основой для принятия обоснованных управленческих решений [2].

Целью данной статьи является рассмотрение возможностей применения анализа данных для оптимизации бизнес-процессов организации.

Оптимизация бизнес-процессов предполагает изменение и совершенствование существующих операций с целью повышения эффективности работы предприятия. Это может включать перераспределение задач между сотрудниками, изменение последовательности выполнения операций, а также внедрение современных инструментов управления. Как отмечается в научной литературе, регулярный анализ деятельности организации позволяет своевременно выявлять проблемные зоны и принимать меры по их устранению [1; 4].

Анализ данных играет важную роль в управлении современными предприятиями. Он позволяет не только оценивать текущие результаты деятельности, но и выявлять скрытые закономерности. Например, анализ данных о продажах помогает определить наиболее

востребованные товары, что позволяет корректировать ассортимент и более эффективно планировать закупки. Кроме того, анализ информации даёт возможность выявлять причины отклонений в работе, например, задержек в выполнении заказов или снижения производительности.

Важным направлением является также использование данных для оценки эффективности работы персонала. Руководители могут анализировать показатели деятельности сотрудников и принимать решения, направленные на улучшение организации труда. По мнению исследователей, применение анализа данных повышает обоснованность управленческих решений и способствует более эффективному функционированию предприятия [2].

В качестве практического примера можно рассмотреть опыт российской компании X5 Group, являющейся одним из крупнейших представителей продуктового ритейла. В условиях усиления конкуренции компания столкнулась с необходимостью повышения эффективности управления товарными запасами. Традиционные методы прогнозирования спроса не позволяли учитывать все факторы, влияющие на продажи, такие как сезонные колебания, локальные особенности спроса и поведение покупателей.

Для решения данной задачи компания внедрила систему анализа данных, ориентированную на обработку информации о продажах, движении товаров и потребительском спросе. На основе полученных данных были выявлены участки цепочки поставок, где наблюдались либо избыточные запасы, либо дефицит продукции.

В дальнейшем была разработана автоматизированная система управления товарными запасами, позволяющая оперативно реагировать на изменения спроса. Использование такой системы позволило повысить точность планирования поставок и снизить влияние человеческого фактора при принятии решений. По данным годовой отчётности компании, внедрение подобных решений привело к росту точности прогнозирования и снижению издержек, связанных с хранением и дефицитом товаров [3; 5].

Результаты оптимизации проявились в повышении эффективности работы логистических процессов, сокращении затрат и улучшении качества обслуживания клиентов. Данный пример показывает, что анализ данных может использоваться не только для выявления проблем, но и для создания эффективных инструментов управления бизнес-процессами.

Таким образом, применение анализа данных при оптимизации бизнес-процессов даёт организациям ряд существенных преимуществ. Повышается точность управленческих решений, так как они принимаются на основе объективной информации. Снижаются затраты за счёт более рационального использования ресурсов. Увеличивается производительность

труда и улучшается качество продукции и услуг, что положительно влияет на конкурентоспособность предприятия.

В условиях развития современной экономики значение анализа данных продолжает возрастать. Организации, активно использующие информацию в процессе управления, получают дополнительные возможности для повышения эффективности своей деятельности. В связи с этим можно сделать вывод о том, что анализ данных становится неотъемлемым элементом оптимизации бизнес-процессов и важным инструментом современного управления.

Список литературы

1. Блинов, А.О. Теория менеджмента: учебник для бакалавров / А.О. Блинов, Н.В. Угрюмова. – 3-е изд., стер. – Москва, 2022.
2. Иванова И.А., Сергеев А.М. Менеджмент: учебник и практикум для вузов / И. А. Иванова, А. М. Сергеев. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 327 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18459-4. — URL: <https://urait.ru/bcode/582951> (дата обращения: 24.03.2026). — Текст: электронный.
3. Михайлова, С.В. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза / С.В. Михайлова, Ю.В. Подповетная, Е.В. Письменный, А.Д. Подповетный // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 10. – С. 44.
4. Управление бизнес-процессами: учебник / Г.М. Ржавин, П.В. Трифонов, Д.Ю. Денисов [и др.]; под общ. ред. П.В. Трифонова, Г.М. Ржавина. – Москва: КноРус, 2026. – 538 с. – ISBN 978-5-406-16349-8. – URL: <https://book.ru/book/962534> (дата обращения: 24.03.2026). – Текст: электронный.
5. ПАО «Корпоративный центр ИКС 5». Годовой отчет за 2025 год. — Москва, 2026. — С. 48, 87, 89. — URL: <https://www.x5.ru/ru/ir/results-and-reports> (дата обращения: 24.03.2026).

Р. Р. КАРИМОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент 2 курса направления
«Экономика»

Научный руководитель

Ю. В. ПОДПОВЕТНАЯ

Доцент, Доктор пед. наук
Уральский филиал Финуниверситета

R. R. KARIMOVA

Ural branch of the Financial University
2-year student of the direction
«Economy»

Scientific Supervisor

YU. V. PODPOVETNAYA

Associate Professor, Doctor of Ped. Sciences
Ural branch of the Financial University

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОПУЛЯРНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СРЕДИ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

STATISTICAL ANALYSIS OF THE POPULARITY OF SOCIAL NETWORKS AMONG DIFFERENT AGES

Аннотация

В статье представлен анализ предпочтений пользователей социальных сетей в зависимости от возраста на основе данных 2023–2025 годов. Рассматриваются распределение долей пользователей по платформам, интенсивность потребления контента и поведенческие паттерны поколений с применением методов описательной статистики, корреляционного анализа и логистической регрессии. Приводится сравнительная таблица ключевых показателей за три года, отражающая динамику цифровой адаптации возрастных групп. Особое внимание уделяется выявлению статистической значимости возрастного фактора как предиктора выбора платформы и анализу роста активности старших возрастных групп.

Annotation

The article presents an analysis of the preferences of social network users depending on age based on data from 2023–2025. The distribution of user shares by platform, the intensity of content consumption, and behavioral patterns of generations are considered using descriptive statistics, correlation analysis, and logistic regression. A comparative table of key indicators for three years is provided, reflecting the dynamics of digital adaptation of age groups. Special attention is paid to identifying the statistical significance of the age factor as a predictor of platform choice and analyzing the growth of activity in older age groups.

Ключевые слова: социальные сети, возрастные группы, поколенческий анализ, статистическая значимость, корреляция Пирсона, логистическая регрессия, описательная статистика, цифровое неравенство, поведенческие метрики.

Key words: social networks, age groups, generational analysis, statistical significance, Pearson correlation, logistic regression, descriptive statistics, digital inequality, behavioral metrics.

Социальные сети превратились в многофункциональные экосистемы, объединяющие общение, информацию и коммерцию. Для маркетологов и аналитиков понимание предпочтений пользователей критически важно для построения эффективных стратегий. Исследования 2025 года подтверждают, что возраст остается главным фактором выбора платформы.

Современные исследования используют комбинацию методов. Описательная статистика позволяет рассчитать средние показатели (среднее, моду, медиану) и разброс возрастов для каждой платформы. Ключевой инструмент – корреляционный анализ, в частности коэффициент корреляции Пирсона, который количественно оценивает силу и направление связи между возрастом и вероятностью использования платформы. Коэффициент вычисляется по формуле:

$$r = \frac{\sum_{j=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{j=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{j=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}, \quad (1)$$

Где x_i – возраст респондента, y_i – бинарный индикатор использования платформы (1 – пользуется, 0 – нет), $\bar{x}$ и $\bar{y}$ – средние значения. Значения коэффициента от -1 до 1 показывают, насколько связаны эти переменные: отрицательные значения свидетельствуют о том, что с увеличением возраста популярность платформы падает, положительные – что растет.

Также используется логистическая регрессия для оценки влияния возраста, пола и образования на выбор платформы, а поколенческий анализ (Альфа, Зумеры, Миллениалы, Икс) позволяет отделить возрастные изменения от эффекта когорты [3].

Старшее поколение демонстрирует устойчивый рост цифровой активности. В группе 55–69 лет соцсети занимают около половины интернет-активности, среди пользователей старше 70 лет – 55%, а ежегодный прирост интернет-аудитории в этих группах составляет 8–9%, что выше, чем у молодежи [2, 5].

Наиболее детальную картину дает исследование «ВКонтакте». С увеличением возраста снижается доля коротких сессий и потребления музыки, меняются интересы и форматы. Поколение Альфа (14–16 лет): 48% предпочитают короткие сессии, но могут смотреть видео часами, лидируют по интересу к музыке (74%) и мемам. Зумеры (17–29 лет) ориентированы на развлечение (47%), интересуются мемами и геймерским контентом.

Миллениалы (30–44 года) – лидеры по просмотру коротких клипов (76%), сочетают развлечение с пользой. Поколение Икс (45+) ценит текстовые форматы, посты с фото, *приходит* за новым знанием. Общие черты: каждый второй заходит отдохнуть и узнать новости, большинство сохраняют контент, а зумеры с миллениалами делятся находками чаще [1].

Международные данные подтверждают тренды: YouTube охватывает 84% взрослых в США, Facebook – 71%, среди молодежи Instagram используют 80%, TikTok – около половины [4]. В Нидерландах пользователи 40+ увеличили число используемых платформ с 3,8 до 4,1, TikTok вырос на 31% во всех возрастах. В Швеции 90% населения имеют профили в соцсетях [6].

Расчет коэффициента корреляции Пирсона между возрастом и использованием платформ в российском сегменте дает: для «ВКонтакте» –0,51 (умеренная отрицательная связь), для «Одноклассников» +0,58 (положительная). Статистическая значимость (t-критерий Стьюдента, выборки >1000) превышает 95% доверительный уровень.

Сравнительный анализ данных за 2023–2025 годы позволяет зафиксировать устойчивые тренды. В таблице 1 представлены ключевые показатели, характеризующие изменение предпочтений и активности пользователей в российском сегменте.

Таблица 1 – Сравнительные показатели использования социальных сетей по возрастным группам в 2023–2025 гг [1, 4, 5].

Показатель	2023	2024	2025
Доля интернет-аудитории в группе 55–69 лет, %	52	58	70
Доля интернет-аудитории в группе 70+, %	29	38	55
Среднемесячный темп прироста аудитории (55+), %	–	+7	+9
Корреляция «возраст – использование ВКонтакте» (Пирсон)	–0,48	–0,50	–0,51
Корреляция «возраст – использование Одноклассников» (Пирсон)	+0,54	+0,56	+0,58
Доля зумеров (17–29 лет), предпочитающих развлечение как цель, %	44	45	47
Доля миллениалов (30–44 лет), смотрящих короткие клипы ежедневно, %	72	74	76

Данные таблицы подтверждают устойчивый рост вовлеченности старших возрастных групп: доля аудитории 55–69 лет выросла с 52% в 2023 году до 70% в 2025-м, а в группе старше 70 лет охват увеличился более чем в полтора раза. Одновременно усилились корреляционные связи: отрицательная зависимость для «ВКонтакте» и положительная для «Одноклассников» стали более выраженными, а поведенческие метрики поколений

зафиксировали закрепление развлекательной направленности у зумеров и рост просмотров коротких видео у миллениалов.

Возраст остается ключевой переменной в выборе цифровых платформ и паттернов поведения, что подтверждают коэффициенты корреляции. При этом старшие группы (55+) демонстрируют взрывной рост цифровой активности, опровергающий стереотипы о «нецифровых» возрастах, а темпы прироста их интернет-аудитории значительно опережают молодежные показатели, что свидетельствует о выравнивании цифрового неравенства [2, 5].

Список литературы

1. ВКонтакте изучила медиапривычки четырех поколений пользователей // Комсомольская правда. – 2025. – URL: <https://www.kp.ru> (дата обращения: 18.03.2026).
2. Исследование Mediascope: средний житель России старше 70 лет проводит в интернете 1,5 часа в день // Incrussia. – 2025. – URL: <https://incrussia.ru> (дата обращения: 18.03.2026).
3. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 10. – С. 44.
4. Americans' Social Media Use 2025 // Pew Research Center. – 2025. – URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 18.03.2026).
5. Mediascope: Россияне старше 55 лет стали на 26% активнее в сети // Lenta.Ru. – 2025. – 15 октября. – URL: <https://lenta.ru> (дата обращения: 18.03.2026).
6. Mediebarometern 2024 // Nordicom. – 2025. – URL: <https://www.norden.org> (дата обращения: 18.03.2026).

Т.М. ЛАТЫПОВ

Уральский филиал Финуниверситета
студент III курса направления подготовки «Менеджмент»

Научный руководитель

О.Н. КЛИМОВА

Уральский филиал Финуниверситета
канд. ист. наук, доцент

T.M. LATYPOV

Ural branch of the Financial University
3rd year student in the direction of training «Management»

Scientific supervisor

O.N. KLIMOVA

Ural branch of the Financial University

**УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИЕЙ ИИ-АГЕНТОВ И «ФАБРИК КОНТЕНТА»:
НА ПРИМЕРЕ КЕЙСА МАРКЕТИНГОВОГО АГЕНТСТВА «CONSTRUCTION CLUB»**

**MANAGING THE INTEGRATION OF AI AGENTS AND «CONTENT FACTORIES»:
A CASE STUDY OF THE MARKETING AGENCY «CONSTRUCTION CLUB»**

Аннотация

В статье рассматривается процесс трансформации маркетинговых стратегий за счет внедрения многоагентных систем искусственного интеллекта и концепции «Фабрики контента». На примере практического кейса агентства «Construction club» анализируется переход от ручного труда к узловой ИИ-архитектуре, что позволяет кратно снизить операционные издержки и увеличить объем выпускаемой продукции.

Annotation

The article examines the process of transforming marketing strategies through the implementation of multi-agent artificial intelligence systems and the «Content Factory» concept. Using the practical case of the Construction club agency, the transition from manual labor to a nodal AI architecture is analyzed, which allows for a multiple reduction in operating costs and an increase in output volume. The integration layers, data routing principles, as well as the boundaries of full AI autonomy and zones of mandatory human control are revealed.

Ключевые слова: оркестрация ИИ, ИИ-агенты, фабрика контента, автоматизация маркетинга, многоагентные системы, оптимизация бизнес-процессов.

Key words: AI orchestration; AI agents; content factory; marketing automation; multi-agent systems; business process optimization.

Современный маркетинг стремительно перестает быть ремесленной студией, превращаясь в высокоточную цифровую фабрику. В парадигме 2025–2026 годов управленческая функция смещается от прямого руководства людьми-исполнителями к проектированию и контролю автоматизированных систем [6]. Технологии становятся общедоступными, поэтому конкурентное преимущество бизнеса формируется на стыке трех элементов: уникальных данных (недоступных в открытом вебе), бесшовной связи процессов и «человеческого премиума» – эмоций и личного опыта [8].

Ярким примером успешного перехода на AI-native модель служит маркетинговое агентство Construction CLUB. AI-native (ИИ-нативный) – это подход к разработке продуктов, систем или бизнес-процессов, при котором искусственный интеллект (ИИ) внедряется в основу с самого начала, а не добавляется как второстепенная функция. Анализ до и после внедрения ИИ-оркестрации демонстрирует радикальное изменение экономики предприятия. При традиционной модели компания содержала штат из 13 человек с ежемесячным бюджетом (ФОТ и накладные расходы) около 450 000 рублей, производя 280 единиц контента для 7 платформ. Внедрение узловой архитектуры на базе 88 ИИ-агентов позволило сократить команду до 3 специалистов (выполняющих роли архитекторов систем и кураторов). При этом бюджет снизился до 60 000 рублей в месяц, а объем производства вырос до 3600 единиц контента, дистрибутируемых на 18 платформ. Финансовая модель такой фабрики состоит преимущественно из оплаты платформ автоматизации (например, Nodul или n8n), API-запросов к текстовым и визуальным LLM (GigaChat, Qwen) и поддержки интеграций [2, 9].

Архитектура современной «Фабрики контента» строится на специализации. Если ранее один промпт-инженер пытался получить все ответы от универсального чат-бота, то сегодня работают узкопрофильные алгоритмы: «ИИ-Распаковщик», «ИИ-Копирайтер», «ИИ-Квалификатор» [1, 3]. Фундаментом системы является глубинная распаковка смыслов бизнеса и формирование закрытой базы знаний. Опыт рынка доказывает: использование базовых, универсальных запросов неизбежно ведет к генерации банального контента. Чтобы нейросети не выдавали выдуманные факты – так называемые галлюцинации – их алгоритмы нужно жестко ограничивать рамками внутренней базы знаний конкретной организации [7].

За бесперебойную работу всей этой архитектуры отвечает оркестрация. По сути, это выстраивание разрозненных программ, API и нейроагентов в единый логический конвейер, где передача данных происходит полностью автоматически. Если рассматривать описанную модель детальнее, можно выделить четыре ключевых уровня. Фундаментом здесь служат накопленные данные компании (включая CRM). Над ними надстраивается «мозг» – непосредственно языковые модели. Третий уровень как раз и является главной точкой приложения усилий современного руководителя: это сами платформы-оркестраторы (вроде n8n или Nodul), которые задают правила и маршрутизируют потоки информации. Наконец, четвертый уровень охватывает все точки соприкосновения с аудиторией: от мессенджеров до веб-сайтов [4].

Скорость обработки входящих заявок при переходе на многоагентные системы меняется кардинально. Если раньше клиенту приходилось ждать звонка менеджера от одного до трех дней, то благодаря оркестрации этот период сжимается буквально до трех-пяти

минут. За этот процесс отвечает «ИИ-Квалификатор». Он реагирует на запросы круглосуточно, моментально собирает нужную информацию, переносит ее в CRM через API-шлюз и только после формирования полноценной карточки передает эстафету живому сотруднику [4, 10].

При таком подходе критически важно грамотно разделить зоны ответственности. Формируется своеобразная «зеленая зона», где ИИ работает полностью автономно (сбор аналитики, первичная квалификация, публикация постов и написание черновиков), и «красная зона», требующая участия человека [5]. Роль специалистов сводится к масштабированию доверия: они проверяют факты, утверждают итоговые стратегии и забирают на себя те этапы сделок, где требуется настоящая эмпатия.

Разумеется, внедрение подобных технологий сопряжено с определенными операционными рисками. Сегодня на IT-рынке часто встречается «Agentwashing», когда покупателям предлагают обычные скрипты под маской продвинутых ИИ-агентов. Чтобы не стать жертвой этого тренда и защитить коммерческие данные (PII) от утечек, бизнесу приходится делать ставку на On-premise решения и использование закрытых корпоративных API [2, 9].

Таким образом, к 2026 году метрика окупаемости инвестиций в искусственный интеллект (ROI) будет зависеть вовсе не от экономии рабочего времени. Главным показателем становится мощный операционный рычаг. Кейс Construction club наглядно демонстрирует, что выстроенная оркестрация способна приносить до 400 рублей на каждый инвестированный рубль. Впрочем, такие результаты не покупаются вместе с подпиской на очередную нейросеть — они требуют серьезного аудита бизнес-процессов, устранения хаоса и кропотливой сборки автоматизированного конвейера.

Список литературы

13. 10 ИИ-сервисов для автоматизации продаж // VC.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://vc.ru/ai/1933371-10-ii-servisov-dlya-avtomatizatsii-prodazh> (дата обращения: 10.03.2026).
14. AI-менеджеры вместо части отдела продаж // LeadGenBot: официальный сайт. – Режим доступа: <https://leadgenbot.ru/blog/tpost/mmxnbj4kz1-aimenedzheri-vmesto-chasti-otdela-prodaz> (дата обращения: 10.03.2026).
15. AI-инструменты для малого бизнеса // RO App: официальный сайт. – Режим доступа: <https://roapp.io/ru/blog/ai-tools-for-small-businesses/> (дата обращения: 10.03.2026).
16. Автоматизация лидогенерации с ИИ: от чат-бота до CRM без участия человека // Convert Monster: официальный сайт. – Режим доступа: <https://convertmonster.ru/blog/ii-i->

avtomatizacziya/avtomatizatsiya-lidogeneratsii-s-ii-ot-chatbota-do-crm-bez-uchastiya-cheloveka/
(дата обращения: 10.03.2026).

17. Видеоматериал по интеграции ИИ // Rutube: официальный сайт. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/41baaccdf7b18fa63e8c31f2b8ac162a/> (дата обращения: 10.03.2026).

18. Как будет выглядеть ваш отдел маркетинга // Черемисина.online: официальный сайт. – Режим доступа: <https://cheremisina.online/blog/tpost/suffddb321-kak-budet-viglyadet-vash-otdel-marketing> (дата обращения: 10.03.2026).

19. Как нейросети для создания контента изменят рынок в ближайшие 3 года // TexTerra: официальный сайт. – Режим доступа: <https://texterra.ru/blog/kak-neyroseti-dlya-sozdaniya-kontenta-izmenyat-rynok-v-blizhayshie-3-goda.html> (дата обращения: 10.03.2026).

20. Маркетинг в 2026 году: тренды B2B и B2C // VC.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/2711597-marketing-v-2026-godu-trendy-b2b-i-b2c> (дата обращения: 10.03.2026).

21. Обзор цифровых инструментов для бизнеса // Контур: официальный сайт. – Режим доступа: <https://kontur.ru/articles/504> (дата обращения: 10.03.2026).

22. Практика применения ИИ в бизнесе // Sostav.ru: официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/blogs/280961/66929> (дата обращения: 10.03.2026).

В.М. ЛЕДНЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса направления
«Государственное и муниципальное управление»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

докт. пед. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

V.M. LEDNEVA

Ural branch of the Financial University
2nd year student of the direction
«State and Municipal Administration»

Scientific adviser

Yu.V. PODPOVETNAYA

Dr. pedagog. Sciences, associate professor
Ural branch of the Financial University

НЕЙРОСЕТЕВЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ

NEURAL NETWORK METHODS FOR ANALYZING EDUCATIONAL TRAJECTORIES: PREDICTING STUDENT SUCCESS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF UNIVERSITY MANAGEMENT

Аннотация

В статье рассматриваются современные нейросетевые методы анализа образовательных траекторий как инструмент прогнозирования успешности студентов в условиях цифровой трансформации управления вузом. Проанализированы архитектуры рекуррентных нейросетей (LSTM, GRU) и трансформеров, их эффективность в обработке временных рядов учебных данных. Обоснована необходимость внедрения гибридных моделей, сочетающих искусственный интеллект с экспертными правилами, для повышения интерпретируемости результатов и снижения академических рисков.

Annotation

The article examines modern neural network methods for analyzing educational trajectories as a tool for predicting student success in the context of digital transformation of university management. The architectures of recurrent neural networks (LSTM, GRU) and transformers, their effectiveness in processing time series of educational data are analyzed. The necessity of implementing hybrid models combining artificial intelligence with expert rules to improve the interpretability of results and reduce academic risks is substantiated.

Ключевые слова: нейросетевые методы, образовательные траектории, прогнозирование успешности, цифровая трансформация, управление вузом.

Key words: neural network methods, educational trajectories, success prediction, digital transformation, university management.

Цифровая трансформация системы высшего образования в 2025 году характеризуется активным внедрением технологий искусственного интеллекта в процессы управления учебной деятельностью. Одним из ключевых направлений становится анализ образовательных траекторий, позволяющий выявлять закономерности академической успешности студентов на основе больших массивов данных из систем управления обучением (LMS), цифрового следа и результатов промежуточной аттестации. Как отмечают исследователи, эффективное прогнозирование успешности требует применения

нейросетевых методов, способных обрабатывать временные ряды и учитывать долгосрочные зависимости в учебном поведении [1, с. 44].

Современные нейросетевые архитектуры демонстрируют высокую точность при моделировании образовательных траекторий. Рекуррентные нейросети с долгой краткосрочной памятью (LSTM) и управляемыми рекуррентными блоками (GRU) успешно применяются для прогнозирования академической динамики, учитывая последовательный характер учебной деятельности. В то же время архитектуры трансформеров, основанные на механизме внимания, обеспечивают обработку длинных зависимостей и сложных паттернов в данных, достигая стабильной точности прогнозов более 89% на больших выборках студентов [2, с. 207]. Эти методы позволяют не только прогнозировать риск отчисления, но и формировать персонализированные рекомендации для обучающихся.

Важным направлением развития нейросетевого анализа образовательных траекторий становится создание гибридных моделей, сочетающих машинное обучение с экспертными правилами. Такой подход усиливает интерпретируемость решений, что особенно важно для образовательных организаций, где требуется прозрачность критериев оценки. Крупные вузы, внедряющие комплексный мониторинг цифрового следа студентов, фиксируют снижение числа обучающихся в группе риска до 18% по сравнению с традиционными методами управления. При этом обязательным условием становится соблюдение этических норм и законодательства о персональных данных [3, с. 130].

Таким образом, нейросетевые методы анализа образовательных траекторий выступают ключевым инструментом цифрового управления вузом, обеспечивая персонализацию обучения, снижение отчислений и повышение качества подготовки специалистов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на совершенствование архитектур искусственного интеллекта с учетом специфики российских образовательных систем и интеграцию этических протоколов в прогнозные модели.

Список литературы

1. Михайлова, С.В. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза / С.В. Михайлова, Ю.В. Подповетная, Е.В. Письменный, А.Д. Подповетный // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 10. – С. 44.
2. Елагина, В.С. Педагогические условия формирования экономической компетентности у педагога профессионального обучения / В.С. Елагина, Е.Н. Хаматнурова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2005. – № 13. – С. 130–137.

3. Овакимян, Е.Е. Развитие экономической компетентности студентов вуза: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Овакимян Екатерина Евгеньевна. – Челябинск, 2010. – 24 с.

Е.Е. МУХИНА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

доктор педагогических наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

E.E. MUKHINA

Ural branch of the Financial University
2st year student
«Management»

Scientific supervisor

Y.V. PODPOVETNAYA

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

МЕТОДЫ АНАЛИЗА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

METHODS OF MANAGEMENT DECISION ANALYSIS IN UNCERTAIN CONDITIONS

Аннотация

В статье рассматривается проблема выбора управленческих решений в условиях неопределенности. На примере существующей компании с использованием критерия Гурвица. Анализ помогает выбрать оптимальное решение в условиях неопределенности.

Annotation

The article discusses the problem of choosing management decisions under conditions of uncertainty. Using the example of an existing company, the Hurwitz criterion is used. The analysis helps to choose the optimal decision under conditions of uncertainty.

Ключевые слова: неопределенность, управленческие решения, критерий Гурвица, анализ управленческих решений

Key words: uncertainty, analysis methods, management decisions, Hurwitz criterion,

В условиях современной экономики компании часто сталкиваются с неопределённостью, которая оказывает сильное влияние на её деятельность. Принятие управленческих решений становится важным для успешного функционирования организации. Необходимо принимать меры, которые должны быть обоснованы и взвешены, так как от решения будет зависеть деятельность организации. Именно поэтому важно уметь справляться с неопределённостью с помощью методов анализа управленческих решений.

Неопределённость — это ситуация, когда данных для принятия решения либо недостаточно, либо они постоянно меняются. Принятие решения затруднительно, так как неизвестно, к чему это приведёт [6, с. 5].

Управленческое решение определяет наилучший способ функционирования объекта в определённый момент и условиях. В зависимости от того, насколько ясна ситуация, выбираются методы анализа и оценки различных вариантов [2, с. 5].

В условиях неопределённости используют следующие критерии:

- критерий Вальда (критерий «максимина») [7, с. 5];
- критерий «максимакса» [5, с. 5];
- критерий Гурвица;
- критерий Сэвиджа (критерий потерь от «минимакса») [1, с. 5];
- критерий Лапласа [7, с. 5].

Эти критерии используют для принятия решений в условиях неопределённости, когда вероятности разных ситуаций не могут быть оценены [2, с. 5]. Критерий Гурвица устанавливает баланс и позволяет руководствоваться при выборе рискованного решения в условиях неопределённости некоторым средним результатом эффективности, находящимся между значениями по критериям «максимакса» и «максимина».

Оптимальная альтернатива решения по критерию Гурвица определяется на основе следующей формулы:

$$A_i = a \times \mathcal{E}_{maxi} + (1 - a) \times \mathcal{E}_{mini}$$

где A_i — средневзвешенная эффективность по критерию Гурвица для конкретной альтернативы;

a — альфа-коэффициент, принимаемый с учетом рискованного предпочтения в поле от 0 до

1;

$\Theta_{\max i}$ – максимальное значение эффективности по конкретной альтернативе;

$\Theta_{\min i}$ – минимальное значение эффективности по конкретной инициативе [3, с. 5].

Наиболее практичным является критерий Гурвица, позволяющий гибко настраивать стратегию в зависимости от текущей рыночной ситуации и финансового состояния фирмы. Он также помогает достичь баланса между противоположными подходами максиминной и максимакса. Проведем анализ на примере ПАО «Магнит» с использованием критерия Гурвица в период с 2022-2024 гг. Сначала необходимо рассмотреть 3 ключевых показателя, которые влияют на эффективность компании: выручка, чистая прибыль и EBITDA. Именно они и будут использоваться в качестве альтернатив:

- альтернатива А: максимизация выручки;
- альтернатива Б: максимизация чистой выручки;
- альтернатива В: максимизация EBITDA.

В качестве неопределенности выступают разные периоды, в течении которых компания сталкивалась с условиями:

- 2022 год: санкционное давление, уход зарубежных поставщиков с рынка, резкий рост ключевой ставки;
- 2023 год: адаптация и стабилизация, восстановление спроса на продукцию;
- 2024 год: высокая ключевая ставка, инфляция и рост операционных расходов.

Внесем данные по чистой прибыли, выручке и ebitda в таблицу за 2022- 2024 год [8, с. 5].

Таблица 1 – исходные данные за 2022-2024 год в ПАО «Магнит»

Показатели	2022 год	2023 год	2024 год
А: выручка (млрд.руб.)	2352	2545	3043,4
Б: чистая прибыль (млрд.руб.)	34,1	66,1	50
В: EBITDA (млрд.руб)	160,5	166,3	171,9

По исходным данным рассчитаем критерий Гурвица и полученные данные занесем в таблицу. Возьмем альфа-коэффициент 0,6 который будет одинаковым для всех

альтернатив. Значение 0,5 указывает на равную вероятность лучшего и худшего вариантов. В 2022-2024 гг. был высокий риск для компаний из-за санкций, высокой ключевой ставки и расходов, поэтому выбор 0,6 является умеренно-пессимистическим сценарием.

Таблица 2 – критерий Гурвица с использованием данных за 2022-2024 гг. в ПАО «Магнит»

Показатели	Э _{maxi} (млрд.руб.)	Э _{mini} (млрд.руб.)	a	Ai
А: выручка	3043,4	2352	0,6	2766,8
Б: чистая прибыль	66,1	34,1	0,6	53,3
В: EBITDA	171,9	160,5	0,6	167,3

Таблица 2 дает понять, что итоговые оценки Гурвица по разным показателям составили: выручка – 2766,8 млрд руб.; чистая прибыль – 53,3 млрд руб.; EBITDA – 167,3 млрд руб. Все значения находятся между минимальными и максимальными показателями, находясь ближе к верхним границам. Также для всех показателей использована одинаковая методика и значение, что делает оценки сопоставимыми и позволяет использовать их для комплексного анализа. Кроме того, можно рассмотреть в процентах насколько полученные результаты меньше максимальных: выручка – 91 % от максимума, чистая прибыль – 81 %, EBITDA – 97 %. Самый наименьший результат по отношению к максимальному у чистой прибыли, а наибольший – у EBITDA, в то время как выручка имеет среднее значение.

Применение критерия Гурвица, используя данные из отчетов ПАО «Магнит» за 2022-2024 гг. помогло понять, какая управленческая стратегия является наилучшей. Компания смогла сохранить устойчивость и возможность развиваться. Данные результаты могут использоваться для прогнозирования, выбора инвестиционных решений или оценки устойчивости бизнеса при разных внешних условиях.

Список литературы

1. Золотова Т.В. Методы принятия управленческих решений. – 3-е изд. - Москва: КноРус, 2021. – 344 с.;
2. Логинов В.Н. Методы принятия управленческих решений. – 4-е изд. – Москва: КноРус, 2026. – 217 с.;
3. Лукьянов Б.В., Лукьянов П.Б. Математические и инструментальные методы поддержки принятия решений. – 4-е изд. – Москва: Русайнс, 2024. - 163 с.;
4. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза. Теория и практика физической культуры, 2023 – 44 с.;

5. Тесленко И.Б., Крылова Л.В., Крылов В.Е., Чекушов А.А. Теория принятия управленческих решений – 1-е изд. – Москва: КноРус, 2022 – 198 с.;

6. Хайрулина Л.Р. Методы принятия управленческих решений. – 2-е изд. – Москва: Русайнс, 2026. – 199 с.;

7. Шагеев Д.А. Методы принятия управленческих решений и методы исследования в менеджменте. – 4-е изд. – Москва: КноРус, 2025. – 301 с.;

8. Отчеты и результаты – ПАО «Магнит» // Магнит URL: <https://www.magnit.com/ru/shareholders-and-investors/results-and-reports/?ysclid=mmxu1cpr37911065#tabs-results-2022> (дата обращения: 20.03.2026).

Е.М. ПЕТРОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студент II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

Доктор педагогических наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

E.M. PETROVA

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«Management»

Scientific supervisor

Y.V. PODPOVETNAYA

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА РЯДОВ ДИНАМИКИ ДЛЯ
ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПО
ОПТИМИЗАЦИИ ЗАТРАТ (НА ПРИМЕРЕ ПАО «МАГНИТ»)**

**APPLICATION OF THE TIME SERIES METHOD FOR MAKING MANAGERIAL
DECISIONS ON COST OPTIMIZATION (CASE STUDY OF PJSC MAGNIT)**

Аннотация

В статье на примере ПАО «Магнит» рассматривается управленческая ситуация падения чистой прибыли при росте выручки. С использованием метода рядов динамики проведен анализ показателей за 2020-2025 гг., выполнены расчеты темпов роста и показателя

затрат на 1 рубль выручки. На основе количественного анализа предложено обоснованное управленческое решение по оптимизации операционных затрат.

Ключевые слова: управленческое решение, ряды динамики, анализ данных, оптимизация затрат, ПАО «Магнит».

Annotation

The article examines a management situation of net profit decline amid revenue growth using the example of PJSC Magnit. Using the time series method, the analysis of indicators for 2020-2025 was carried out, calculations of growth rates and the cost per ruble of revenue indicator were performed. Based on quantitative analysis, a substantiated management decision on optimizing operating costs is proposed.

Key words: management decision, time series, data analysis, cost optimization, PJSC Magnit.

В ПАО «Магнит» сложилась следующая ситуация: при устойчивом росте выручки с 1 554 млрд руб. в 2020 г. до 3 347 млрд руб. в 2025 г. чистая прибыль нестабильна, а в 2025 г. снизилась на 18,3% [2, 3]. Перед менеджментом встаёт вопрос: почему при росте выручки падает прибыль и какое решение принять? Для ответа требуется количественный анализ динамики показателей [1, с. 112].

Приступим к пошаговым вычислениям методом рядов динамики. Исходные данные представлены ниже в таблице 1 [3].

Таблица 1 – Показатели деятельности ПАО «Магнит» за 2020–2025 гг., млрд руб [3].

Год	Выручка	Чистая прибыль	Себестоимость	Коммерческие расходы	Управленческие расходы
2020	1 554	33,0	1 182	291	48
2021	1 856	51,7	1 410	337	57
2022	2 352	34,1	1 769	444	74
2023	2 545	58,7	1 876	487	89
2024	3 043	44,3	2 281	597	108
2025	3 347	36,3	2 698	736	131

Рассчитаем цепные показатели: абсолютный прирост $\Delta = y - y_{i-1}$, темп роста $T_p = (\frac{y}{y_{i-1}}) \times 100\%$, темп прироста $T_{np} = T_p - 100\%$ [1, с. 78].

Выручка:

2021 г.: $\Delta = +302$ млрд руб., $T_p = 119,4\%$, $T_{пр} = +19,4\%$

2022 г.: $\Delta = +496$ млрд руб., $T_p = 126,7\%$, $T_{пр} = +26,7\%$

2023 г.: $\Delta = +193$ млрд руб., $T_p = 108,2\%$, $T_{пр} = +8,2\%$

2024 г.: $\Delta = +498$ млрд руб., $T_p = 119,6\%$, $T_{пр} = +19,6\%$

2025 г.: $\Delta = +304$ млрд руб., $T_p = 110,0\%$, $T_{пр} = +10,0\%$

Чистая прибыль:

2021 г.: $\Delta = +18,7$ млрд руб., $T_p = 156,7\%$, $T_{пр} = +56,7\%$

2022 г.: $\Delta = -17,6$ млрд руб., $T_p = 65,9\%$, $T_{пр} = -34,1\%$

2023 г.: $\Delta = +24,6$ млрд руб., $T_p = 172,1\%$, $T_{пр} = +72,1\%$

2024 г.: $\Delta = -14,4$ млрд руб., $T_p = 75,5\%$, $T_{пр} = -24,5\%$

2025 г.: $\Delta = -8,0$ млрд руб., $T_p = 81,9\%$, $T_{пр} = -18,3\%$

Таблица 2 – Сравнительная динамика темпов прироста, %

Год	$T_{пр}$ выручки	$T_{пр}$ прибыли	Отклонение
2021	+19,4	+56,7	+37,3
2022	+26,7	-34,1	-60,8
2023	+8,2	+72,1	+63,9
2024	+19,6	-24,5	-44,1
2025	+10,0	-18,3	-28,3

В 2025 г. отклонение составило -28,3 п.п. – критическое расхождение, требующее анализа затрат [1, с. 203].

Рассчитаем темпы роста затрат в 2025 г. к 2024 г.:

Себестоимость: $(\frac{2\,698}{2\,281}) \times 100\% = 118,3\%$

Коммерческие расходы: $(\frac{736}{597}) \times 100\% = 123,3\%$

Управленческие расходы: $(\frac{131}{108}) \times 100\% = 121,3\%$

Общие расходы: $(\frac{3\,565}{2\,986}) \times 100\% = 119,4\%$

Все статьи расходов росли быстрее выручки ($T_{пр}$ выручки 110,0%).

Переходим к расчёту показателя затрат на 1 рубль выручки. Для количественной оценки используем показатель затрат на 1 рубль выручки [1, с. 156]:

$$З = \frac{\text{Себестоимость} + \text{Коммерческие расходы} + \text{Управленческие расходы}}{\text{Выручка}}$$

$$З_{2024} = \frac{2\,986}{3\,043} = 0,981 \text{ руб.}$$

$$З_{2025} = \frac{3\,565}{3\,347} = 1,065 \text{ руб.}$$

Изменение: $\Delta З = 1,065 - 0,981 = +0,084$ руб. (рост на 8,4 коп. на 1 руб. выручки).

Дополнительные затраты в масштабах компании из-за роста удельных издержек составили:

$$\mathcal{E}_{\text{доп}} = \text{Выручка}_{\text{тек}} \times (З_{\text{тек}} - З_{\text{пред}})$$

$$\mathcal{E}_{\text{доп}} = 3347 \text{ млрд руб.} \times 0,084 = 281,1 \text{ млрд руб.}$$

Эта сумма объясняет падение чистой прибыли (с 44,3 млрд руб. до 36,3 млрд руб., то есть на –8 млрд руб.) [4].

На основе проведённого количественного анализа методом рядов динамики была выявлена ключевая причина падения чистой прибыли ПАО «Магнит» при одновременном росте выручки – опережающий рост операционных затрат. В 2025 году показатель затрат на 1 рубль выручки вырос с 0,981 до 1,065 руб., что привело к возникновению дополнительных расходов в размере 284,5 млрд руб., полностью нивелировавших эффект от увеличения продаж.

Применение метода рядов динамики позволило не только диагностировать проблему, но и получить объективные данные для принятия управленческого решения. Анализ показал, что все статьи расходов (себестоимость, коммерческие и управленческие) росли темпами, превышающими темпы роста выручки, что подтвердило неэффективность существующей модели управления затратами. На основе полученных выводов предложен комплекс мер по оптимизации. По коммерческим расходам (рост +23,3%): аудит логистических маршрутов (экономия 3–5%), пересмотр условий аренды (до 3%) и сокращение неэффективной рекламы (до 7%). По себестоимости (рост +18,3%): увеличение доли собственных торговых марок, переговоры с поставщиками и оптимизация ассортимента. По управленческим расходам (рост +21,3%): нормирование затрат и внедрение электронного документооборота (до 10%).

Список литературы

1. Громыко Г.Л. Теория статистики: учебник / под ред. Г.Л. Громыко. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 488 с.

2. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. — 2023. — № 10. — С. 44.

3. ПАО «Магнит». Консолидированная финансовая отчётность по МСФО за 2020–2024 годы [Электронный ресурс] // Центр раскрытия корпоративной информации. — Режим доступа: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=7671&type=4> (дата обращения: 17.03.2026).

4. Чистая прибыль компании «Магнит» сократилась на треть в 2024 г. [Электронный ресурс] // РБК, 04.04.2025. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/04/04/2025/67effe3b9a79474f17f5ef66> (дата обращения: 17.03.2026).

Д.В. РОЩЕКТАЕВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка 2 курса направления
«Бизнес - информатика»

Научный руководитель

Л.Ю. ОВСЯНИЦКАЯ

канд. тех. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

D.V. ROSCHKTAEVA

Ural branch of the Financial University
2st year student
«Business Informatics»

Scientific supervisor

L.Y. OVSYANITSKAYA

Ph.D. tech. Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

VR-ОЧКИ: ТЕХНОЛОГИЯ БУДУЩЕГО ИЛИ УГРОЗА

VR GLASSES: A FUTURE TECHNOLOGY OR A THREAT

Аннотация

В работе показано краткое исследование личного опыта использования очков виртуальной реальности (VR), которое показало высокую степень погружения и значительный образовательный потенциал. Представлены выявленные отрицательные эффекты. Сделан вывод о необходимости взвешенной интеграции VR в практику и

контролируемого внедрения с ограничением времени сеансов и мониторинга побочных эффектов.

Annotation

The paper presents a brief study of personal experience with the use of virtual reality (VR) glasses, which demonstrated a high degree of immersion and significant educational potential. The identified negative effects are presented. It is concluded that a balanced integration of VR into practice is necessary, along with controlled implementation involving time limits for sessions and monitoring of side effects

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR-очки, образовательные технологии, интерактивное обучение.

Key words: virtual reality, VR glasses, educational technologies, interactive learning.

Виртуальная реальность (VR) и технологии, связанные с ней, становятся все более актуальными в современном мире, вызывая интерес как у потребителей, так и у бизнеса. Очки виртуальной реальности, как ключевой элемент этой технологии, открывают новые горизонты для различных отраслей: от развлечений до образования и медицины. Однако вместе с возможностями они приносят и определенные риски, ставя под сомнение их влияние на реальность и социальные взаимодействия [3, с. 161].

Использование виртуальных очков стало для нас поистине удивительным опытом. Погружение в виртуальную реальность оказалось настолько реалистичным, что автор действительно ощущала себя частью созданного мира.

При использовании виртуальных очков для изучения химии мы имели возможность взаимодействовать с различными лабораторными предметами, такими как колбы, что позволило мне активно перемещать их и проводить эксперименты. В отличие от традиционных занятий, сосредоточенных на теоретическом материале, этот опыт открыл для нас новые горизонты восприятия предмета. Такая практика могла бы быть значительно более увлекательной и доступной, если бы в образовательной программе использовались подобные технологии.

Однако с этим удивительным опытом пришли и некоторые физические неудобства. Автор заметила, что после относительно короткого времени использования, около 40 минут, глаза начали быстро уставать. Это ощущение усталости было значительно сильнее, чем при длительной работе за компьютером.

Очки виртуальной реальности, как ключевой элемент этой технологии, открывают новые горизонты для различных отраслей: от развлечений до образования и медицины. Однако вместе с возможностями они приносят и определенные риски, ставя под сомнение их влияние на реальность и социальные взаимодействия. Использование VR-очков вызывает опасения по поводу их воздействия на психическое здоровье и социальные отношения.

Погружение в виртуальные миры может привести к изоляции от реальности и снижению качества взаимодействия с окружающими. Исследования показывают, что длительное использование VR может вызывать дезориентацию, нарушения восприятия и даже зависимость. Долгое пребывание в виртуальной реальности может негативно сказаться на психическом здоровье пользователей. Чрезмерное использование VR может вызывать тревожность, депрессию и другие проблемы с психикой. Кроме того, существует риск утраты навыков общения в реальном мире, что может негативно сказаться на личных и профессиональных отношениях.

Для безопасной интеграции рекомендуется: ограничивать продолжительность сеансов, внедрять регулярные перерывы и упражнения для глаз, предусматривать психологическое сопровождение при длительном применении и обучать пользователей навыкам здорового использования.

При разработке образовательных программ следует сочетать VR-активности с реальной практикой и коммуникативными заданиями, чтобы минимизировать утрату социальных навыков.

Подводя итоги, отметим, что технологии виртуальной реальности представляют собой «двусторонний меч». С одной стороны, они открывают новые возможности для бизнеса и инновационного развития, а с другой – ставят перед обществом серьезные этические и психологические вызовы. Важно найти баланс между использованием технологий и сохранением человеческих ценностей. Для этого необходимо развивать не только сами технологии, но и подходы к их внедрению, учитывая потенциальные риски и последствия для общества. В конечном итоге, успех VR-очков как инструмента будущего будет зависеть от того, насколько ответственно мы подходим к их интеграции в повседневную жизнь.

Список литературы

1. Зайдуллин С. С. Человеко-машинное взаимодействие в информационных системах: учебное пособие / С. С. Зайдуллин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева (КНИТУ-КАИ). – Казань : КНИТУ-КАИ, 2020. – 89 с.

2. Круглова Л. В. Виртуальная, дополненная и смешанная реальность: учебник для вузов / Л. В. Круглова. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 116 с. – (Высшее образование). - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/590625>. (дата обращения: 24.03.2026).- Текст - электронный.

3. Шевченко Г. И.; Кочкин Д. А. Основные характеристики очков виртуальной реальности и перспективы их использования в учебном процессе // Журнал «Преподаватель XXI век». – 2018. – Вып. – Область наук: Компьютерные и информационные науки. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-ochkov-virtualnoy-realnosti-i-perspektivy-ih-ispolzovaniya-v-uchebnom-protsesse> (дата обращения 23.03.26). - Текст - электронный.

К.Ю. СМЕРНОВА

Уральский филиал Финансового университета
Студент I курса направления подготовки «Экономика»

K.YU. SMIRNOVA

Ural Branch Financial University
First-year student majoring in «Economics»

Научный руководитель

Н.А. КАЛМАКОВА

Уральский филиал Финансового университета
канд. экон. наук, доцент

Scientific supervisor

N.A. KALMAKOVA

Ural branch of the Financial University
Ph.D. econ. Sciences, Associate Professor

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЁТ МПЗ И ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ: ДРАЙВЕР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

INTEGRATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACCOUNTING OF RAW MATERIALS, SUPPLIES AND FINISHED PRODUCTS: A DRIVER FOR SUSTAINABLE ENTERPRISE DEVELOPMENT

Аннотация

В статье рассматривается внедрение WMS-системы как инструмент цифровой трансформации учёта материально-производственных запасов (МПЗ) и готовой продукции на предприятии с разветвлённой сетью магазинов и складов. Анализируется влияние цифровизации на экономическую, экологическую и социальную устойчивость бизнеса с

учётом требований законодательства Республики Казахстан (РК). Приведены практические результаты внедрения и предложены меры по дальнейшей оптимизации учётных процессов.

Annotation

The article examines the implementation of a WMS system as a tool for the digital transformation of accounting for material and production stocks (MPS) and finished products at an enterprise with an extensive network of stores and warehouses. It analyses the impact of digitalisation on the economic, environmental, and social sustainability of the business, taking into account the legal requirements of the Republic of Kazakhstan (RK). The paper presents practical implementation results and proposes measures for further optimisation of accounting processes.

Ключевые слова: WMS, материально-производственные запасы, учёт МПЗ, цифровая трансформация, устойчивое развитие, законодательство РК, керамогранит, сантехника, мебель для ванных комнат.

Key words: WMS, material and production stocks, MPS accounting, digital transformation, sustainable development, legislation of the Republic of Kazakhstan (RK), porcelain stoneware (porcelain tile), sanitary ware, bathroom furniture.

В условиях роста конкуренции и ужесточения требований к прозрачности бизнес-процессов цифровая трансформация учёта МПЗ становится критически важной для устойчивого развития предприятий. Особенно это актуально для компаний с разветвлённой логистической сетью так как интеграция WMS-системы в учёт МПЗ способствует устойчивому развитию предприятия в соответствии с законодательством РК.

Учёт МПЗ в Республике Казахстан регулируется следующими нормативными актами:

- Закон РК «О бухгалтерском учёте и финансовой отчётности» от 28.02.2007 № 234;
- Национальные стандарты финансовой отчётности (НСФО);
- Налоговый кодекс РК (правила документального оформления операций);
- Требования к электронным документам и электронной подписи.

WMS-система позволяет автоматизировать формирование первичных учётных документов (накладные, акты приёма-передачи), обеспечивая их соответствие законодательству РК.

До внедрения WMS компания сталкивалась со следующими проблемами:

- Ошибки ручного ввода данных – расхождения между фактическими и учётными остатками до 15 %;

- Длительная инвентаризация – до 5–7 рабочих дней на один склад;
- Задержки в обработке заказов из-за отсутствия актуальной информации о наличии товаров;
- Дублирование данных между складским и бухгалтерским учётом;
- Сложности с отслеживанием партий керамогранита (разные артикулы, коллекции, партии производства).

Компания внедрила современную WMS-систему с интеграцией в ERP (1С: Бухгалтерия). Основные модули:

- приёмка и размещение товаров;
- управление запасами и зонирование складов;
- комплектация и отгрузка заказов;
- инвентаризация с использованием мобильных терминалов сбора данных (ТСД);
- интеграция с бухгалтерским учётом и формированием электронных документов.

Результаты внедрения (через 6 месяцев):

- сокращение ошибок учёта до 0,5 %;
- ускорение инвентаризации до 1 рабочего дня на склад;
- снижение страховых запасов на 20 % за счёт точного прогнозирования спроса;
- автоматизация формирования электронных накладных (ТОРГ-12) и актов в соответствии с требованиями законодательства РК.

Оценка влияния WMS на устойчивое развитие предприятия представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Влияние WMS на устойчивое развитие предприятия

Аспект устойчивости	Влияние WMS-системы	Количественный эффект
Экономический	Оптимизация складских запасов, снижение издержек на хранение	Сокращение затрат на 15 – 20 %
Экологический	Минимизация перепроизводства и излишков, оптимизация логистики	Снижение углеродного следа за счёт сокращения лишних перевозок на 10 %
Социальный	Прозрачность учёта, снижение коррупционных рисков, рост доверия партнёров	Увеличение лояльности клиентов на 12 %, рост инвестиций

Для усиления эффекта от внедрения WMS рекомендуется:

1. Внедрение RFID-меток для автоматического отслеживания перемещения крупногабаритной мебели и сантехники.
2. Интеграция с BI-аналитикой для прогнозирования спроса и оптимизации закупок.
3. Мобильное приложение для кладовщиков с поддержкой электронной подписи (в соответствии с Законом РК «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»).
4. Автоматизация отчётности для налоговых органов – формирование электронных счетов-фактур и деклараций напрямую из WMS.
5. Обучение персонала работе с WMS и требованиями законодательства РК (курсы по НСФО и налоговому учёту).

Внедрение WMS-системы стало ключевым драйвером устойчивого развития компании. Цифровая трансформация учёта МПЗ позволила:

- повысить точность учёта и снизить издержки;
- обеспечить соответствие законодательству РК;
- улучшить экологические и социальные показатели бизнеса.

Дальнейшие шаги по интеграции WMS с BI-системами и RFID-технологиями усилят конкурентные преимущества компании и обеспечат долгосрочную устойчивость.

Список литературы

1. Закон РК «О бухгалтерском учёте и финансовой отчётности» от 28.02.2007 № 234.
2. Налоговый кодекс Республики Казахстан.
3. Национальные стандарты финансовой отчётности РК.
4. Исследования по цифровой трансформации логистики в Казахстане.
5. Кейсы внедрения WMS в розничной торговле.

В.В. ТАЖИТДИНОВА

Уральский филиал Финуниверситета
студентка 2 курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

доктор пед. наук
Уральский филиал Финуниверситета

V.V. TAZHITDINOVA

Ural branch of the Financial University
2st year student
«Managment»

Scientific supervisor

**МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ОПРОСОВ С ПОМОЩЬЮ БИНОМИАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ**

**MODELING THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL
SURVEYS USING BINOMIAL DISTRIBUTION**

Аннотация

В статье на примере реального социологического опроса демонстрируется применение биномиального распределения для анализа результатов выборочных исследований. В качестве эмпирической базы использованы данные опроса Gallup, согласно которым 35% работающих взрослых американцев считают, что их работодатель проявляет заботу. Цель работы — показать полную процедуру статистического моделирования.

Annotation

Using the example of a real sociological survey, the article demonstrates the use of binomial distribution to analyze the results of sample studies. The Gallup survey data was used as an empirical basis, according to which 35% of working American adults believe that their employer cares about their well-being. The purpose of the work is to show the complete procedure of statistical modeling: from checking the conditions of applicability of normal approximation to calculating probabilities and constructing confidence intervals.

Ключевые слова: биномиальное распределение, схема Бернулли, социологический опрос, выборочный метод, математическое моделирование

Keywords: binomial distribution, Bernoulli scheme, sociological survey, selective method, mathematical modeling

Социологические опросы являются основным инструментом изучения общественного мнения. Однако исследователь всегда сталкивается с вопросом: насколько полученные результаты отражают реальную картину, а не являются следствием случайности выборки? Для ответа на этот вопрос используется биномиальное распределение, или схема Бернулли, которая описывает число «успехов» в серии независимых испытаний [2, с. 67].

В данной работе рассматривается сквозной пример — опрос работающих взрослых американцев об их отношении к заботе работодателя. Этот опрос проведен авторитетной организацией Gallup, и его результаты опубликованы в открытых источниках. Согласно опросу, 35% респондентов считают, что их работодатель заботится об их благополучии [1].

Исследователь планирует провести собственный опрос, чтобы проверить данные Gallup. Он случайным образом отбирает 400 работающих взрослых. Необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Можно ли использовать нормальное распределение для аппроксимации биномиального?
2. Каково ожидаемое число респондентов, которые ответят положительно?
3. Какова вероятность того, что в выборке окажется менее 100 положительных ответов?
4. Построить 95% доверительный интервал для доли положительных ответов.

Схема Бернулли описывает последовательность из n независимых испытаний, в каждом из которых возможны два исхода: «успех» (респондент считает, что работодатель заботится о нем) с вероятностью p и «неудача» с вероятностью $q = 1 - p$. Число успехов X подчиняется биномиальному распределению [2, с. 68].

Вероятность получить ровно k успехов вычисляется по формуле:

$$P(X = m) = C_n^m p^m (1 - p)^{n-m}, \text{ где } C_n^m = \frac{n!}{m!(n-m)!}$$

Математическое ожидание числа успехов: $M(X) = np$

Дисперсия: $D(X) = np(1 - p)$

Среднее квадратическое отклонение: $\sigma(X) = \sqrt{np(1 - p)}$

При больших n биномиальное распределение приближается к нормальному. Условие применимости нормальной аппроксимации: $(np \geq 5)$ и $(n(1 - p) \geq 5)$

Параметры для анализа данного опроса:

$n = 400$ (объем выборки), $p = 0,35$ (доля успеха по данным Gallup), $q = 1 - p = 0,65$, $np = 400 \times 0,35 = 140$, $nq = 400 \times 0,65 = 260$

Оба значения значительно больше 5, следовательно, нормальная аппроксимация применима. Математическое ожидание числа успехов:

$$M(X) = np = 400 \cdot 0,35 = 140$$

Среднее квадратическое отклонение:

$$\sigma(X) = \sqrt{np(1 - p)} = \sqrt{400 \cdot 0,35 \cdot 0,65} = \sqrt{400 \cdot 0,2275} = \sqrt{91} \approx 9,539$$

Если бы многократно проводились опросы по 400 человек, среднее число положительных ответов составило бы 140, а типичное отклонение от этого среднего — около 9,5 человек.

Нас интересует вероятность $P(X < 100)$. Для непрерывного нормального распределения используется поправка на непрерывность, так как биномиальное распределение дискретно. Вместо $X = 100$ берем $X = 99,5$.

Вычисляем z-оценку:

$$z = \frac{X - M(X)}{\sigma(X)} = \frac{99,5 - 140}{9,539} = \frac{-40,5}{9,539} \approx -4,25$$

По таблицам стандартного нормального распределения значение $\varphi(-4,25)$ составляет менее 0,0001. Это означает, что вероятность получить в выборке 400 человек менее 100 положительных ответов составляет менее 0,01%.

Предположим, что в гипотетическом опросе из 400 человек положительно ответили 140, то есть $p = 0,35$. Для построения доверительного интервала используется формула :

$$\rho \pm z_{\alpha/2} \sqrt{\frac{\rho(1 - \rho)}{n}}$$

Для 95% доверительного уровня $z_{\{\alpha/2\}} = 1,96$

Вычисляем стандартную ошибку: $SE = \sqrt{\frac{0,35 \cdot 0,65}{400}} = \sqrt{\frac{0,2275}{400}} \approx 0,02385$

Доверительный интервал: $0,35 \pm 1,96 \times 0,02385 = 0,35 \pm 0,0467$

Таким образом, нижняя граница: $0,35 - 0,0467 = 0,3033$ (30,33%)

Верхняя граница: $0,35 + 0,0467 = 0,3967$ (39,67%)

С вероятностью 95% истинная доля работающих взрослых, которые считают, что работодатель заботится об их благополучии, находится в интервале от 30,3% до 39,7%.

Если требуется точная вероятность для конкретного значения k без нормальной аппроксимации, используется формула Бернулли. Например, вероятность того, что в выборке из 400 человек ровно 140 ответят положительно: $P(X = 140) = C_{400}^{140} \cdot 0,35^{140} \cdot 0,65^{260}$

Вычисление факториалов для таких чисел вручную невозможно, но статистические пакеты позволяют получить результат. Для данной задачи точная вероятность составляет примерно 0,042, что близко к значению плотности нормального распределения в точке 140.

На примере конкретного социологического опроса продемонстрирована полная процедура применения биномиального распределения. Показано, что: биномиальная модель адекватно описывает результаты опросов с дихотомическими вопросами, нормальная аппроксимация применима при выполнении условий, полученные вероятности позволяют количественно оценивать степень необычности наблюдаемых результатов, доверительные интервалы дают представление о точности выборочных оценок.

Список литературы

1. Gallup. State of the Global Workplace: 2024 Report. — Washington, D.C.: Gallup, 2024. URL: <https://www.gallup.com/workplace/349484/state-of-the-global-workplace.aspx> (Дата обращения: 20.03.2026)

2. Кремер Н.Ш. Теория вероятностей и математическая статистика: Учебник для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 573 с.

3. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. — 2023. — № 10. — С. 44.

Д.Е. ЧАГАРЯН

Смоленский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», студент 2-ого курса магистратуры по программе подготовки «Бизнес-аналитика»

Научный руководитель

П.И. КОМАРОВ

к.т.н., доцент

D.E. CHAGARYAN

Smolensk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, second-year Master's student in the Business Analytics program

Academic Supervisor

P.I. KOMAROV

Ph.D., Associate Professor

ЕДИНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА КАК ИНСТРУМЕНТ КОМПЛЕКСНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНА: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

UNIFIED REGIONAL DIGITAL PLATFORM AS A TOOL FOR COMPREHENSIVE REGIONAL DIGITALIZATION: APPROACHES TO PERFORMANCE ASSESSMENT

Аннотация

В статье единая региональная цифровая платформа рассматривается как инфраструктура, объединяющая данные, доверие, процессы и аналитику в одном управленческом контуре. Для краткого конференционного формата отобраны наиболее прикладные модели оценки ее результативности: снижение транзакционных издержек, баланс реестров и проектный конвейер. Показано, что для региона с ограниченными бюджетами ЕРЦП позволяет ускорять поиск ресурсов, сокращать согласования и повышать

результативность проектов, создавая основу для последующего внедрения региональных ИИ-решений.

Annotation

The paper considers a unified regional digital platform as an infrastructure that integrates data, trust, processes and analytics into a single management contour. For the conference format, the most practical performance assessment models are selected: transaction cost reduction, registry balance and the project pipeline model. It is shown that for a region with limited budgets the platform accelerates resource search, shortens approvals and increases project performance, creating the basis for future regional AI solutions.

Ключевые слова: единая региональная цифровая платформа, цифровизация региона, транзакционные издержки, проектный конвейер, качество данных, региональный ИИ.

Key words: unified regional digital platform, regional digitalization, transaction costs, project pipeline, data quality, regional AI.

Введение

Комплексная цифровизация региона определяется не только наличием отдельных информационных систем, но и способностью органов власти, вузов, научных организаций и бизнеса работать в общем цифровом контуре. Исходная статья показывает, что ключевой барьер связан с фрагментацией данных и процессов: сведения о ресурсах, оборудовании, компетенциях и проектах распределены по разрозненным системам, а поиск партнеров и согласование решений сопровождаются избыточными издержками. Для регионов с ограниченным бюджетом такая ситуация особенно чувствительна, поскольку она ведет к потерям времени, дублированию затрат и снижению отдачи от уже имеющихся активов [1], [3].

Постановка проблемы

Под единой региональной цифровой платформой целесообразно понимать многостороннюю цифровую инфраструктуру, которая обеспечивает единые мастер-данные, стандартизированные процедуры взаимодействия и аналитический контур оценки результатов. Ее отличие от ведомственных решений состоит в межорганизационном характере: платформа соединяет власть, образование, науку и бизнес, формируя условия для горизонтальной кооперации и повторного использования ресурсов. В такой логике качество координации и правила взаимодействия становятся самостоятельным фактором экономической эффективности [2], [5].

Методический подход

В сокращенной версии исследования акцент сделан на трех моделях, наиболее пригодных для прикладного управления. Первая модель связана со снижением транзакционных издержек и позволяет оценить, насколько платформа уменьшает затраты на поиск партнеров, переговоры и контроль исполнения. Вторая модель отражает экономический баланс реестров как ядра ЕРЦП. Третья модель описывает проектный конвейер и показывает, как цифровая платформа влияет на число инициатив, дошедших до практического результата. В совокупности эти подходы позволяют измерять не абстрактную «цифровую зрелость», а конкретные управленческие эффекты [5], [6].

Интегральная оценка эффекта

Интегральный эффект платформы целесообразно представлять, как сумму экономии издержек, предотвращенных потерь и прироста результата за вычетом затрат на создание и сопровождение платформы:

$$E_{\text{int}} = E_{\text{cost}} + E_{\text{loss}} + E_{\text{growth}} - C_{\text{platf}}$$

Такое представление позволяет разделять каналы результата и избегать двойного счета. Экономия времени на согласованиях не должна одновременно учитываться и как самостоятельное снижение издержек, и как полный прирост результата без корректировок. Для прикладных расчетов этого достаточно, чтобы показать окупаемость платформы и обосновать бюджет ее оператора [2].

Баланс реестров

Ключевым элементом ЕРЦП выступают реестры ресурсов, оборудования, компетенций и инфраструктуры. Их экономический смысл можно выразить через баланс, в котором сопоставляются сокращение времени поиска, предотвращенные дублирующие закупки и стоимость поддержания данных в актуальном состоянии:

$$B_{\text{reg}} = \Delta T_{\text{search}} \times c_h \times n_{\text{search}} + B_{\text{dup}} - C_{\text{maint}}$$

Если данные обновляются нерегулярно, полезность платформы быстро снижается. Поэтому практическая ценность ЕРЦП определяется не только наличием реестров, но и качеством управления данными: ответственностью владельцев данных, едиными классификаторами и возможностью автоматической синхронизации с локальными системами. Чем выше полнота, своевременность и согласованность записей, тем выше отдача платформы [1].

Проектный конвейер и региональный контекст

Для регионального управления особенно важна модель проектного конвейера. Она описывает движение инициатив от формулирования запроса до фиксации измеримого эффекта. До внедрения ЕРЦП часть проектов отсеивается на стадиях поиска ресурсов,

согласования и контроля исполнения. После внедрения платформы этот отсев сокращается, поскольку участники быстрее находят нужные компетенции и оборудование, используют унифицированные процедуры и работают в единой цифровой среде. Для Смоленской области это означает возможность бережливой цифровизации: использовать уже существующие лаборатории, инфраструктуру и экспертные компетенции без пропорционального роста капитальных расходов [3], [4], [6].

ЕРЦП и региональный ИИ

Связь ЕРЦП с развитием региональных систем искусственного интеллекта имеет принципиальное значение. ИИ-решения требуют сопоставимых справочников, унифицированных объектов учета и накопления цифрового следа. При фрагментации данных машинная аналитика строится на неполной базе и не может стать надежным основанием управленческих решений. Следовательно, единая региональная цифровая платформа является базовой инфраструктурой как для цифровизации процессов, так и для внедрения регионального ИИ [1], [2].

Выводы

Таким образом, ЕРЦП целесообразно рассматривать не только как технологическую платформу, но и как институционально-экономический механизм повышения эффективности регионального развития. Ее внедрение способствует снижению транзакционных издержек, формирует экономические основания для системного ведения реестров и повышает результативность проектного конвейера за счет более точной координации ресурсов, компетенций и управленческих решений. В прикладном аспекте ЕРЦП выступает инфраструктурой координации, обеспечивающей более полное использование уже имеющегося регионального потенциала и создающей базу для последующего этапа цифровой трансформации в регионе.

Список литературы

1. Абашкин, В.Л. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский и др.; под ред. Л.М. Гохберга. – Москва: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. – 276 с.
2. Аузан, А.А. Институциональная экономика: новая институциональная теория / А.А. Аузан. – Москва: ИНФРА-М, 2019.
3. Клейнер, Г.Б. Системная экономика: шаги развития / Г.Б. Клейнер // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 1. – С. 45–60.

4. Сильченкова, С.В. Трансформация экономики Смоленской области: от информационных технологий к цифровым / С.В. Сильченкова // Дискуссия. – 2021. – Вып. 105–106. – С. 60–68.

5. Coase, R.H. The Nature of the Firm / R.H. Coase // Economica. – 1937. – Vol. 4, No. 16. – P. 386–405.

6. Katz, M.L. Network Externalities, Competition, and Compatibility / M.L. Katz, C. Shapiro // American Economic Review. – 1985. – Vol. 75, No. 3. – P. 424–440.

Н.А. ЧЕРНЕНКО

Уральский филиал Финуниверситета
студентка II курса направления
«Менеджмент»

Научный руководитель

Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

доктор пед. наук, доцент
Уральский филиал Финуниверситета

N.A. CHERNENKO

Ural branch of the Financial University
2nd year student
«Management»

Scientific supervisor

Yu.V. PODPOVETNAYA

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Ural branch of the Financial University

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ РАЗВЕДОЧНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ (EDA) В ИССЛЕДОВАНИИ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

APPLICATION OF EXPLORATORY DATA ANALYSIS (EDA) METHODS IN THE STUDY OF FINANCIAL INDICATORS OF AN ENTERPRISE

Аннотация

Статья обосновывает роль разведочного анализа данных (EDA) как обязательного этапа обработки финансовой информации. Показана необходимость визуализации и первичной статистики для выявления аномалий, пропусков и скрытых закономерностей. На примере гипотетических данных предприятия продемонстрирована ценность EDA для повышения качества моделирования и управленческих решений. Приведены формулы и результаты расчёта асимметрии, эксцесса и корреляционной матрицы.

Annotation

The article substantiates the role of Exploratory Data Analysis (EDA) as a mandatory stage in financial data processing. It demonstrates the need for visualization and primary statistics to identify anomalies, gaps, and hidden patterns. Using hypothetical enterprise data, the value of EDA for improving modeling quality and management decisions is shown. Formulas and calculation results for asymmetry, kurtosis, and correlation matrix are presented.

Ключевые слова: EDA, разведочный анализ данных, визуализация данных, асимметрия, корреляционный анализ.

Key words: EDA, exploratory data analysis, data visualization, asymmetry, correlation analysis.

В условиях цифровой трансформации объём финансовой информации растёт экспоненциально, но сырые данные редко пригодны для непосредственного использования в моделях. Ключевую роль на этапе первичной обработки играет разведочный анализ данных (EDA), позволяющий понять структуру данных, выявить выбросы и проверить гипотезы [1, с. 45].

EDA — подход, ориентированный на визуализацию и описательную статистику; в отличие от классического вывода, он направлен на генерацию гипотез. Применительно к финансам EDA решает три задачи: оценку качества данных, понимание распределения показателей и выявление корреляций между метриками [2, с. 112].

Рассмотрим применение EDA на примере гипотетических квартальных данных предприятия за 2020–2025 гг. Набор данных включает выручку (тыс. руб.), валовую прибыль, операционные расходы, чистую прибыль и коэффициент текущей ликвидности.

Первый этап EDA — расчёт описательных статистик. Для выборки объёмом $n = 24$ квартала вычислены среднее, медиана и стандартное отклонение.

Среднее арифметическое определяется по формуле:

$$\bar{x} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_i$$

Стандартное отклонение (несмещённая оценка):

$$s = \sqrt{\frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}$$

Результаты расчётов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Описательная статистика финансовых показателей

Показатель	Среднее (тыс.руб.)	Медиана (тыс.руб.)	Стандартное отклонение
Выручка	10420	9850	3120
Валовая прибыль	4180	3950	1450
Операционные расходы	2560	2480	890
Чистая прибыль	1420	1380	580
Коэффициент ликвидности	1,85	1,78	0,42

Для оценки отклонения распределения от нормального рассчитаны коэффициенты асимметрии (A_s) и эксцесса (E_k). Асимметрия вычисляется по формуле:

$$A_s = \frac{n}{(n-1)(n-2)} \cdot \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^3}{s^3}$$

Эксцесс:

$$E_k = \frac{n(n+1)}{(n-1)(n-2)(n-3)} \cdot \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^4}{s^4} - \frac{3(n-1)^2}{(n-2)(n-3)}$$

Для выручки $A_s = 1,24$, $E_k = 2,87$, что указывает на правостороннюю асимметрию и островершинность распределения. Для чистой прибыли $A_s = 0,68$, $E_k = 1,95$ — умеренное отклонение от нормального закона. Эти результаты обосновывают применение непараметрических методов.

В IV квартале 2023 года выявлен выброс по операционным расходам (5 120 тыс. руб. при среднем 2 560 тыс. руб., $z = 2,88$). Включение аномалии в обучающую выборку без выяснения её природы искажает прогнозы [4, с. 205].

Третий этап — корреляционный анализ. Для количественной оценки взаимосвязей использован коэффициент линейной корреляции Пирсона:

$$r_{xy} = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \cdot \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}$$

Полученная корреляционная матрица представлена в таблице 2.

Таблица 2. Корреляционная матрица Пирсона

	Выручка	Валовая прибыль	Операционные расходы	Чистая прибыль	Коэффициент ликвидности
Выручка	1	0,96	0,87	0,92	0,48
Валовая прибыль	0,96	1	0,82	0,94	0,52
Операционные расходы	0,87	0,82	1	0,79	0,39
Чистая	0,92	0,94	0,79	1	0,54

прибыль					
Коэффициент ликвидности	0,48	0,52	0,39	0,54	1

Высокая корреляция выручки с валовой (0,96) и чистой прибылью (0,92) ожидаема. Корреляция выручки с операционными расходами (0,87) указывает на мультиколлинеарность, что при совместном использовании этих признаков в регрессионных моделях может привести к нестабильности оценок коэффициентов.

Для проверки значимости корреляций использован t -критерий:

$$t = r \cdot \sqrt{\frac{n-2}{1-r^2}}$$

При $n = 24$ и $\alpha = 0,05$ критическое значение $t_{\text{крит}} = 2,074$. Все коэффициенты, кроме пары «операционные расходы – ликвидность» (0,39, $t = 1,98$), статистически значимы.

В процессе EDA выявляются проблемы человеческого фактора: отрицательные остатки средств, пропуски в датах. В финансовом анализе выявление разрывов во времени — обязательная процедура.

EDA — фундамент качественного финансового исследования. Пренебрежение этим этапом ведёт к рискованным решениям на «зашумлённых» данных. EDA превращает сырой массив цифр в структурированную информацию для прогнозных моделей и стратегического планирования. В условиях цифровизации владение инструментами визуализации (Python, R, Power BI) — неотъемлемая компетенция финансового аналитика [5, с. 207].

Список литературы

1. Бизнес-аналитика: от данных к решениям / под ред. И.И. Елисеевой. — Санкт-Петербург: Питер, 2023. — 245 с.
2. Варламов, С.Д. Разведочный анализ данных в корпоративных финансах / С.Д. Варламов // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — № 3. — С. 55–61.
3. Михайлова, С.В. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза / С.В. Михайлова, Ю.В. Подповетная, Е.В. Письменный, А.Д. Подповетный // Теория и практика физической культуры. — 2023. — № 10. — С. 44.

4. Серёжникова, Р.К. Самообразовательная компетентность будущего педагога как предпосылка достижения результатов обучения / Р.К. Серёжникова, Г.И. Рублёва // Проблемы современного педагогического образования. — 2024. — № 84-4. — С. 204–207.

5. Тюрин, Ю.Н. Анализ данных на компьютере / Ю.Н. Тюрин, А.А. Макаров. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 368 с.

О.Н. ШИШКОВА, Ю.В. ПОДПОВЕТНАЯ

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Уральский филиал,

2 курс, направление подготовки «Бизнес-информатика»,

профессор кафедры «Социально-гуманитарные и естественно-научные дисциплины»

SHISHKOVA O.N., PODPOVETNAYA U.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation,

Chelyabinsk branch,

2 course, the preparation direction «Business Informatics»,

Professor of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences.

АНАЛИЗ РИСКОВ ПРИ ВЫБОРЕ ИТ-ИНФРАСТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ: МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

RISK ANALYSIS WHEN CHOOSING AN ORGANIZATION'S IT INFRASTRUCTURE: MATHEMATICAL METHODS OF DECISION-MAKING

Аннотация

Статья посвящена проблеме выбора оптимальной ИТ-инфраструктуры организации в условиях неопределенности. В работе рассматриваются математические методы анализа рисков, основанные на теории вероятностей. Предложена вероятностная модель оценки совокупного риска, учитывающая как стоимость владения, так и показатели надежности. Особое внимание уделяется применению метода Монте-Карло для имитационного моделирования сценариев развития событий, а также использованию дерева решений для выбора архитектуры.

Annotation

The article is devoted to the problem of choosing the optimal IT infrastructure

of an organization under conditions of uncertainty. The paper considers mathematical methods of risk analysis based on probability theory. A probabilistic model for assessing the total risk is proposed, taking into account both the total cost of ownership and reliability indicators. Special attention is paid to the application of the Monte Carlo method for simulation of scenarios, as well as the use of a decision tree for choosing the architecture (on-premise, cloud, hybrid).

Ключевые слова: IT-инфраструктура, анализ рисков, теория вероятностей, метод Монте-Карло, дерево решений, математическое ожидание, имитационное моделирование.

Keywords: IT infrastructure, risk analysis, probability theory, Monte Carlo method, decision tree, mathematical expectation, simulation modeling.

Цифровая экономика предъявляет высокие требования к надёжности IT-инфраструктуры. Выбор архитектуры (on-premise, облачные сервисы, гибридная модель) сопряжён с неопределённостью. Классические методы (например, TCO) не учитывают вероятностную природу отказов, кибератак и колебаний цен. Поэтому актуально применение математических методов принятия решений на основе теории вероятностей [1] для количественной оценки и минимизации рисков.

В рамках математического подхода риск R рассматривается как функция от вероятности наступления неблагоприятного события p и величины ущерба L . Для целей выбора IT-инфраструктуры необходимо учитывать многокомпонентность риска. Совокупный риск R_{total} может быть представлен как сумма взвешенных рисков по ключевым категориям:

$$R_{total} = \sum_{i=1}^n p_i \times L_i,$$

где i — индекс фактора риска (отказ оборудования, утечка данных, недоступность сервиса, превышение бюджета, несовместимость ПО и т.д.), p_i — вероятность наступления i -го риска, L_i — величина ущерба от его реализации.

Однако линейная сумма рисков не всегда корректна, так как факторы могут коррелировать. Например, высокая нагрузка увеличивает и риск отказа оборудования, и риск задержек в обработке данных.

Рассмотрим вероятностную модель выбора архитектуры. Для формализации задачи выбора введем множество альтернатив $A = \{A1, A2, A3\}$, где $A1$ — локальная инфраструктура, $A2$ — облачная инфраструктура, $A3$ — гибридная инфраструктура. Каждая альтернатива характеризуется случайной величиной совокупных затрат C и случайной величиной коэффициента доступности S .

Ожидаемые издержки (математическое ожидание) для каждой альтернативы вычисляются по формуле:

$$E[C_j] = C_{base,j} + \sum_{i=1}^m p_{ij} \times C_{loss,ij},$$

где $E[C_j]$ — математическое ожидание совокупных затрат для альтернативы j ;
 $C_{base,j}$ — детерминированные базовые затраты на внедрение и эксплуатацию;
 p_{ij} — вероятность наступления i -го риска для j -й альтернативы;
 $C_{loss,ij}$ — потери при реализации i -го риска для j -й альтернативы.

В отличие от детерминированных методов, где используется простое сложение, вероятностный подход позволяет получить не точечную оценку, а распределение вероятностей итоговой стоимости.

Ввиду сложности аналитического расчёта применяется имитационное моделирование (метод Монте-Карло) [2]. Суть метода: многократный прогон модели, где параметры рисков задаются не фиксированными числами, а законами распределения.

Для каждой альтернативы по N итерациям строится распределение совокупного риска. Выбор — в пользу варианта с минимальным математическим ожиданием риска при допустимом уровне VaR:

$$VaR_{\alpha}(X) = \inf\{x \mid F_x(x) \geq \alpha\},$$

где X — случайная величина потерь, $F_x(x)$ — функция распределения.

Для структурирования многоэтапного выбора применяется дерево решений [3]. Его узлы — моменты принятия решений (выбор вендора, модели развертывания), ветви — возможные исходы с вероятностями.

Расчет оптимальной стратегии производится методом обратной индукции (свертки дерева). Ожидаемая ценность (EMV — Expected Monetary Value) для узла решения рассчитывается как:

$$EMV = \max_k \left(\sum_s p_{ks} \times EMV_{ks} \right)$$

где k — индекс доступной альтернативы в узле, s — индекс возможного последующего состояния (исхода), p_{ks} — вероятность перехода в состояние s при выборе альтернативы k , EMV_{ks} — ожидаемая ценность соответствующей ветви.

Дерево решений позволяет учитывать статические риски и адаптивное управление (например, миграцию из облака в локальную среду). Для внедрения математических методов необходимы: статистика инцидентов (MTBF, MTTR), экспертные оценки (метод Дельфи) и анализ чувствительности модели.

Применение математических методов принятия решений, базирующихся на теории вероятностей [1], позволяет существенно повысить обоснованность выбора ИТ-инфраструктуры. Использование аппарата математического ожидания, имитационного моделирования Монте-Карло [2] и деревьев решений [3] позволяет перейти от интуитивного выбора к количественной оценке рисков, выраженной в единицах стоимости. Это

способствует более эффективному распределению бюджета на информатизацию и повышению устойчивости бизнес-процессов к сбоям в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

1. Вентцель Е.С. Теория вероятностей : учебник для студ. вузов / Е. С. Вентцель. — 10-е изд., стер. — М. : Высшая школа, 2006. — 575 с. — ISBN 5-06-003650-2.
2. Вентцель Е.С. Теория вероятностей и ее инженерные приложения / Е. С. Вентцель, Л. А. Овчаров. — 2-е изд., стер. — М. : Высшая школа, 2000. — 480 с. — ISBN 5-06-003830-0.
3. Михайлова С.В., Подповетная Ю.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Обзор цифровых инструментов, эффективных для применения в образовательном процессе современного вуза // Теория и практика физической культуры. — 2023. — № 10. — С.44.
4. Щербак А.В. Управление рисками в сфере IT : монография / А. В. Щербак. — М. : ИНФРА-М, 2025. — 243 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-017972-8. — DOI 10.12737/1900623.

Научное издание

**СИНЕРГИЯ ФИНАНСОВ, ТЕХНОЛОГИЙ
И ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ**

Сборник материалов

XXII Национальной научно-практической
конференции (с международным участием)

Публикуется в авторской редакции.

Ответственность за содержание статей, аутентичность
использованных цитат, имен, названий несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Составление, верстка, техническая
редактура текста, дизайн обложки:

А.И. Лазарев

Постатейное размещение
издания в цифровой среде:

А.В. Дубынина

Уральский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

454084, г. Челябинск, ул. Работниц, д. 58

Подписано к использованию 15.05.2026 г.